

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

СТРОГАНОВ

549

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

ПОУЧЕНІЯ,
БЕСѢДЫ, РѢЧИ, ВОЗЗВАНІЯ И ПОСЛАНІЯ
НИКАНОРА

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО

ТОМЪ V

съ портретомъ и краткой біографіей въ Бозѣ почившаго Архипастыря.

ИЗДАНИЕ ПОСМЕРТНОЕ.

ОДЕССА.

Типографія Е. И. Фесенко, Ришельевская улица, собств. домъ № 47-й.

1891.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ

.R1

ВІСНИК

ВІСНИК

Печатать дозволяется. Одесса, 10-го Декабря 1890 года.
Цензоръ, профессоръ богословія въ университетѣ, протоіерей *Василій Войтковскій*.

Сирог
549.

ОДЕССА

1881

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Поученіе въ день празднованія пресвятѣй Богородицѣ чудотворныя иконы казанскія, въ казанскомъ монастырѣ г. Казани. Бракъ царевъ съ христіанскими душами	1
Поученіе въ день пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, казанскаго ея образа. Восковая свѣчка	14
Поученіе въ день пречистыя Дѣвы Богородицы, казанскаго ея образа, 22-го октября. Идеаль христіанки	26
Поученіе въ день явленія казанскія иконы приснодѣвы Богоматери, послѣ побѣды, одержанной надъ турками подъ Телишемъ.	40
Поученіе въ день празднованія казанской иконы пречистой Дѣвы Богородицы 22-го октября. О лѣствицѣ и мостѣ къ небу.	47
Поученіе въ храмовой праздникъ Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости и пятидесятилѣтія со дня кончины въ Бозѣ почившія императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ церкви Богоугодныхъ заведеній въ г. Уфѣ	54
Поученіе въ день пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, всѣхъ скорбящихъ радости, 24 октября. О христіанскомъ идеалѣ.	56
Поученіе въ недѣлю 22-ю, по случаю побѣды при Горномъ-Дубнякѣ и кончины благовѣрнаго князя Сергія Максимиліановича, на брани живогъ свой положившаго	66
Поученіе на соборѣ Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ	76
Бесѣда въ день памяти иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи	88
Поученіе въ день иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи. О почтеніи къ старшимъ	103
Поученіе въ день иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи. Современное па-стырство.	113

Поученіе въ день иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи. Гонимое духомъ вѣка священство и его заслуга.	127
Поученіе въ день св. Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи. О священствѣ Мельхиседековомъ.	145
Поученіе въ день введенія во храмъ пресвятыя Дѣвы Богородицы. Катихизическое о лицѣ пресвятыя Дѣвы.	155
Поученіе въ день введенія во храмъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы. О воспитаніи пречистой Дѣвы.	163
Поученіе въ день введенія во храмъ пресвятыя Дѣвы Богородицы. О прообразахъ, и въ частности о скинии, какъ прообразѣ.	171
Поученіе въ день введенія во храмъ пречистой Дѣвы Богородицы. О принужденіи въ молитву противъ Ростиславова.	178
Поученіе 23-го ноября 1879 года, на благодарственномъ молебствіи о сохраненіи драгоценной жизни благочестивѣйшаго государя императора Александра II, отъ злодѣйскаго покушенія 19-го ноября.	197
Поученіе на молебствіи при открытіи мѣщанской богадѣльни въ г. Уфѣ, 23-го ноября 1879 года.	200
Поученіе въ недѣлю 25-ю, 23-го ноября, въ день памяти св. благо-вѣрнаго великаго князя Александра невскаго и святителя Митрофана. Рѣшеніе женскаго вопроса въ словѣ Божіемъ.	204
Поученіе на день св. благовѣрнаго князя Александра невскаго (23-го ноября 1886 года). О томъ, что ересеученіе графа Льва Толстаго разрушаетъ основы общественнаго и государственнаго порядка.	215
Бесѣда въ день святаго апостола Андрея Первозваннаго. О томъ, что ересеученіе графа Льва Толстаго разрушаетъ самыя основы не только православно-христіанской вѣры, но и всякой религіи.	223
Бесѣда въ день святаго и всехвальнаго апостола Андрея Первозваннаго. О томъ, что вѣра (православно-христіанская) есть знаніе.	235
Поученіе на храмовой день святаго апостола Андрея Первозваннаго, въ церкви одесской духовной семинаріи. О долгѣ духовнаго пастырства.	254
Бесѣда въ день св. апостола Андрея Первозваннаго, для одесской духовной семинаріи, по случаю храмоваго ея праздника. О значеніи семинарскаго образованія.	266
Поученіе при погребеніи кафедральнаго протоіерея саратовскаго ка-едральнаго собора Гавріила Ивановича Чернышевскаго.	303
Поученіе въ день святителя и чудотворца Николая и высокото-рже-	

Стр.

ственный день тезоименитства благовѣрнаго государя цеса-ревича и великаго князя Николая Александровича. О при-ношеніяхъ въ пользу духовенства.	309
Воззваніе.	329
Поученіе въ день столѣтняго поминовенія въ Бозѣ почившаго благо-честивѣйшаго великаго государя императора Александра I, 12-го декабря 1877 года, въ уфимской градской Александро-невской церкви, заложенной самимъ Благословеннымъ.	331
Поученіе при поминовеніи скончавшагося въ С.-Петербургѣ уфим-скаго губернскаго предводителя дворянства Валентина Апол-лоновича Новикова, въ присутствіи уфимскаго дворянства.	343
Поученіе при погребеніи инспектора уфимской духовной семинаріи Льва Степановича Суходольскаго 23-го декабря 1882 года.	346
Поученіе при выносі тѣла генерала-майора Эдуарда Карловича Штанге (лютеранина).	352
Поученіе при погребеніи Іосифа Петровича Самохвалова.	355
Поученіе при выносі почившаго Антонія Доминиковича Малахов-скаго.	358
Поученіе при погребеніи боярина Константина Базили. О явленіяхъ отшедшихъ душъ.	360
Поученіе при погребеніи полковника Александра Михайловича Катан-скаго, бывшаго начальника жандармскаго управленія.	371
Поученіе надъ гробомъ околоточнаго надзирателя, убитаго въ свалкѣ.	375
Поученіе при гробѣ Таисіи Р., едва шестнадцатилѣтней, жены учи-теля семинаріи, умершей послѣ пятимѣсячной замужней жизни вслѣдствіе неосторожной простуды.	378
Поученіе надъ гробомъ тридцати-лѣтней дѣвицы М., скончавшейся въ Италіи отъ чахотки.	381
Поученіе надъ гробомъ молодой женщины, умершей отъ горловой ча-хотки, которая развилась, между прочимъ, вслѣдствіе ро-довъ.	382
Поученіе надъ гробомъ наставника саратовской семинаріи Констан-тина И. П.	386
Поученіе при погребеніи генераль-адъютанта, генерала отъ инфанте-ріи Θεодора Θεодоровича Радецкаго, шипкинскаго героя, 19-го января 1890 года. Вѣковѣчность идеи.	389
Поученіе по совершеніи послѣдованія малыя схимы надъ вдовымъ діакономъ слѣпцомъ.	404
Поученіе по совершеніи послѣдованія малыя схимы надъ профессо-ромъ N семинаріи, магистромъ богословія N.	410
Поученіе на посвященіе въ великую схиму іеромонаха саратовскаго Спасо-Преображенскаго монастыря Митрофана, въ схимона-	

	Стр.
шесть нареченнаго Моисея	420
Поученіе въ день св. Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духов- ной семинаріи 13-го ноября (1877 года). Сущность христіан- ства, какъ союза Бога съ человѣкомъ	429
Поученіе въ день введенія во храмъ преблагословенныя Дѣвы Маріи. О завітѣ первобытномъ и возстановленіи его	446
Поученіе о раѣ и паденіи человѣка	454
Поученіе о паденіи человѣка	463
Поученіе о паденіи перваго человѣка	469
Поученіе 1-е о слѣдствіяхъ паденія первыхъ человѣковъ	477
Поученіе 2-е о слѣдствіяхъ паденія первыхъ человѣковъ	482
Поученіе въ недѣлю святыхъ отецъ (1880 года). О Каинѣ и Авелѣ	487
Поученіе въ недѣлю св. праотецъ, 14-го декабря 1875 года. О вѣрѣ древнихъ	501
Поученіе въ недѣлю святыхъ отецъ (21-го декабря, 1875 года).	509
Поученіе въ недѣлю святыхъ отецъ на 10—11 главы посланія къ римлянамъ. Тайна домостроительства спасенія человѣче- скаго.	517
Поученіе въ день рождества Христова. Миръ на землѣ	525
Бесѣда на день рождества Христова, изложенная въ публичномъ собраніи въ залѣ одесской духовной семинаріи. Сравни- тельное значеніе христіанской дуалистической и современ- но-научной монистической системы міровоззрѣнія	539
Поученіе въ день рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа	554
Поученіе въ день рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа	568
Поученіе на второй день рождества Христова	578
Поученіе во второй день рождества Христова. О Боговоплощеніи	589
Поученіе при погребеніи священника градской Свято-Николаевской церкви въ Новочеркассѣ Теодора Таирова	609
Посланіе совѣту одесскаго братства св. Андрея Первозваннаго	617
Посланіе въ день рождества Христа Спаса нашего	621

Краткія біографическія свѣдѣнія о Высокопреосвященномъ **НИКАНОРѢ** архіепископѣ херсонскомъ и одескомъ.

Высокопреосвященный Никаноръ (въ мірѣ Александръ Бровковичъ, родился въ 1827 г.), уроженецъ Могилевской губерніи, высшее образованіе получилъ въ с.-петербургской духовной академіи. Окончивъ курсъ первымъ магистромъ въ 1851 г., онъ въ 1850 г., еще будучи студентомъ, былъ постриженъ въ монашество. Оставленный въ академіи бакалавромъ, іеромонахъ Никаноръ преподавалъ такъ-называемое сравнительное или обличительное, полемическое богословіе, сверхъ того, общее введеніе въ богословіе, или нынѣшнее основное богословіе, и ученіе о русскомъ расколѣ, занимая и должность помощника инспектора академіи. Плодомъ научныхъ занятій молодого профессора были: «Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ церкви» и «Описаніе нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій, въ пользу раскола написанныхъ». Въ 1856 году іеромонахъ Никаноръ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ рижской семинаріи, которая тогда представляла ту особенность, что соединяла въ себѣ все классы училища и семинаріи подъ непосредственнымъ управленіемъ ректора и инспектора и имѣла

Никаноръ,
Архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

миссіонерскій характеръ, при чемъ двѣ трети ея воспитанниковъ набирались изъ природныхъ латышей и эстовъ. Вслѣдствіе открытія въ г. Саратовѣ римско-католической духовной семинаріи, архимандритъ Никаноръ въ 1858 году перемѣщенъ на должность ректора саратовской православной семинаріи, при чемъ имѣлось въ виду близкое знакомство новаго ректора съ вѣроученіемъ и богословскою литературою римско-католической церкви. Вызванный въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія 1864 года, архимандритъ Никаноръ въ 1865 году назначенъ ректоромъ полоцкой (находящейся въ г. Витебскѣ) семинаріи, такъ какъ послѣ недавно бывшаго польскаго бунта требовались выдающіеся борцы православно-русскаго дѣла въ западномъ краѣ. Съ 1868 по 1871 гг. архимандритъ Никаноръ былъ ректоромъ и профессоромъ основнаго богословія казанской духовной академіи, первые два года приготавливая ее къ преобразованію, а въ послѣдній—введя новый уставъ и поставивъ учебную и административную части согласно новымъ требованіямъ. Въ 1869 году, во вниманіе къ учено-богословскимъ трудамъ о. ректора вообще, и въ частности—за его сочиненіе: «Разборъ римскаго ученія о главенствѣ», выпущенное тогда новымъ дополненнымъ изданіемъ, святѣйшій синодъ, по представленію академической конференціи, предоставилъ архимандриту Никанору степень доктора богословія. Въ это время имъ былъ составленъ и напечатанъ противораскольническій трудъ: «О перстосложеніи для крестнаго знаменія» и др. статьи, помѣщавшіяся въ «Православномъ Собесѣдникѣ», который издавался подъ редакціей ректора академіи. Въ 1871 г., по ходатайству архіепископа донскаго Платона (нынѣ митрополита кіевскаго), учреждено викаріатство для донской епархіи, и 4-го іюля того-же года состоялась хиротонія

архимандрита Никанора во епископа аксайскаго, викарія донской епархіи. Въ продолженіе 5½ лѣтъ, преосвященный Никаноръ помогалъ архіепископу Платону въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, а свободное время посвящалъ задуманному еще въ Казани обширному философскому изслѣдованію подъ заглавіемъ: «Позитивная философія и сверхчувственное бытіе». Съ 1876 г. преосвященный Никаноръ состоялъ епархіальнымъ архіереемъ каѳедры уфимской и мензелинской, всецѣло отдавъ себя заботамъ о ввѣренной ему епархіи, дѣлу миссіонерства и проповѣданія слова Божія.

12-го декабря 1883 года состоялось перемѣщеніе преосвященнаго на херсонскую и одесскую каѳедру, оставшуюся вакантною послѣ кончины незабвеннаго высокопреосвященнаго Димитрія.

Въ теченіе трехъ лѣтъ, со дня назначенія въ херсонскую епархію, нашъ архипастырь оставался въ санѣ епископа херсонскаго и одесскаго, а затѣмъ въ 1886 году возведенъ въ санъ архіепископа.

Изъ высшихъ знаковъ отличія покойный имѣлъ ордена: св. Александра-Невскаго, св. Владиміра 2-й степени и св. Анны 1-й степени и греческій орденъ Спасителя большаго креста.

Изъ ученыхъ трудовъ его особенно замѣчательно обширное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Позитивная философія и сверхчувственное бытіе», въ 3-хъ томахъ, гдѣ ученый богословъ отважно рѣшился на задачу свидѣтельствующую насколько объ огромныхъ его дарованіяхъ, настолько-же и объ его глубокой эрудиціи: онъ задумалъ опровергнуть и, гдѣ возможно, примирить основанія позитивной философіи съ началами вѣры, и съ твердостью убѣжденнаго мыслителя, глубоко и основательно владѣющаго предметомъ,

онъ побѣдоносно достигаетъ своей задачи. Многочисленные проповѣди высокопреосвященнаго Никанора, сначала помѣщенные въ духовныхъ журналахъ (напримѣръ, въ «Православномъ Обозрѣніи») вышли отдѣльными изданіями подъ заглавіемъ: «Поученія Никанора, епископа уфимскаго и мензелинскаго» (Уфа, 1883 г., 475 стр.) и позже подъ названіемъ: «Бесѣды и поученія» (Одесса 1884—1887 года, четыре тома). Нынѣ онѣ изданы уже третьимъ изданіемъ въ пяти обширныхъ томахъ, изъ коихъ послѣдній — посмертный. Въ проповѣдяхъ своихъ преосвященный Никаноръ, съ особенною живостію отзываясь на всѣ движенія религіозной жизни послѣдняго времени, является неустаннымъ и непоколебимымъ борцомъ за святую церковь и за все церковное и народное, часто самими-же православными безсознательно и сознательно унижаемое и попираемое. Въ дѣлѣ церковнаго благоустройства покойный архипастырь былъ ревнителемъ древне-отеческаго церковнаго благолѣпія: при отправленіи церковныхъ службъ онъ неуклонно и истово соблюдалъ всѣ указанія церковнаго устава, его служеніе отличалось благолѣпіемъ и высокою торжественностію. Въ особенности почившій владыка Никаноръ былъ глубокимъ знатокомъ и ревностнымъ почитателемъ древняго и церковнаго пѣнія; онъ самъ составлялъ композиціи церковныхъ пѣснопѣній, неуклонно присутствовалъ на спѣвкахъ своего хора и даже самъ руководилъ ими. Въ бытность свою, въ послѣдній разъ, въ Петербургѣ, покойный доставлялъ истиннымъ любителямъ церковнаго пѣнія высокое утѣшеніе прекраснымъ исполненіемъ пѣснопѣній большого столповаго и другихъ подлинныхъ церковныхъ распѣвовъ.

Въ 1887—1889 годахъ, вызванный для присутствія въ святѣйшемъ синодѣ, высокопреосвященный Никаноръ былъ

предсѣдателемъ училищнаго совѣта и мудрымъ руководствомъ занятій совѣта, любвеобильными отношеніями къ его членамъ оставилъ прекрасную о себѣ память. Члены совѣта почли долгомъ выразить незабвенному своему предсѣдателю чувства любви и уваженія поднесеніемъ святой иконы Спасителя—въ молитвенное воспоминаніе. Почившій владыка обращалъ особенное вниманіе на распространеніе въ народѣ правильнаго просвѣщенія путемъ церковно-приходскихъ школъ. Лучшимъ средствомъ для борьбы съ штундизмомъ и всякаго рода сектантствомъ высокопреосвященный Никаноръ считалъ живое слово пастыря-проповѣдника и приходскую школу. Настойчиво требовалъ онъ открытія при церквахъ небольшихъ школъ грамоты исключительно для дѣвочекъ, справедливо полагая, что только грамотная и въ церковномъ духѣ воспитанная мать внесетъ и поддержитъ въ семьѣ искреннее благочестіе и православную церковность. Такъ, когда въ распоряженіи совѣта Андреевскаго братства, вѣдавшаго школьное дѣло, средствъ оказывалось не много, то владыка выразилъ убѣжденіе, что на помощь школѣ должна притти своими средствами церковь.

Преосвященнѣйшій Никаноръ состоялъ почетнымъ членомъ академіи наукъ и многихъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ.

ПОУЧЕНІЕ

въ день празднованія пресвятѣй Богородицѣ чудотворныя
иконы казанскія, въ казанскомъ монастырѣ г. Казани

БРАКЪ ЦАРЕВЪ СЪ ХРИСТІАНСКИМИ ДУШАМИ.

*Приведутся царю дѣвы въ слѣдъ цари-
цы дщери царицы, искреннія ея приведутся
тебѣ царю, приведутся въ веселіи и радова-
ніи, введутся въ храмъ царевъ. Псал. 44,
15—16.*

Пророчески предъизображая царствованіе Христа въ церкви подъ
образомъ царствованія царя Израилева и прообразовательно перенося
черты послѣдняго — земнаго на первое благодатное и небесное, древ-
ній пророкъ псаломѣвецъ начертываетъ между прочимъ и слѣдующій
образъ: *предста царица одесную царя, въ ризахъ позлащенныхъ
одѣтая преукрашенная... Приведутся царю дѣвы въ слѣдъ ея, ис-
креннія ея приведутся, приведутся въ веселіи и радованіи, ве-
дутся въ храмъ царевъ.*

Эти черты взяты съ обряда царскаго бракосочетанія у древнихъ
израильтянъ: вводится къ царю дѣва, преукрашенная прекрасная, а
за ней на брачный пиръ въ храмъ царевъ вводятся дѣвы въ веселіи
и радованіи.

Таинственный смыслъ этого образа издавна установленъ церковію.
Когда священникъ во время проскомидіи вынимаетъ и полагаетъ на
дискосѣ одесную Агнца — Христа частицу *въ честь и память пребла-
гословенныя Владычицы нашея Богородицы*, то произноситъ при семъ
вышеприведенныя слова псаломѣвца: *предста царица одесную Тебе,
въ ризы позлащенны одѣяна преиспещрена*. Сія царица есть пребла-
гословенная Дѣва Марія; брачное предстоаніе царицы одесную царя
есть уневѣщеніе преблагословенной Дѣвы Богу Духу Святому, по наи-
тію коего она родила Бога Сына Спасителя міру, — есть вѣчное пред-
стоаніе царицы небесной одесную Сына у самыхъ степеней престола

Бога Вседержителя и таинственное высшее единение чистѣйшаго херувимовъ существа ея съ силою и славою тріипостаснаго Бога; позлащенные преиспещренные ризы царицы, неизреченная доброта дщери царевой — это выше-серафимскія добродѣтели дщери Давидовой, преблагословенной въ женахъ. Приведеніе на брачное торжество ея дѣвъ въ храмъ царевъ — это послѣдованіе за нею къ царству небесному чистыхъ христіанскихъ душъ.

Не подумайте, что здѣсь разумѣются только души женскія. Нѣтъ. Къ вѣчному небесному торжеству брака Агнца — Агнца Божія Іисуса Христа съ невѣстою Его церковь призываются не дѣвы и жены только, но и мужи. И призываются не только къ участию въ торжествѣ въ качествѣ подругъ или подруговъ, но и къ самому сочетанію съ Богомъ, — сочетанію, которое должно начаться здѣсь на землѣ, сочетанію, которое требуетъ съ нашей стороны извѣстныхъ приготовленій и бдительности, по смыслу притчи Спасителя о десяти дѣвахъ, пяти мудрыхъ и пяти юродивыхъ (Мат. 25, 1—13).

Вопросъ о томъ, куда должна быть направлена эта бдительность, въ чемъ должны состоять эти приготовленія, чтобы передъ нами не были затворены двери чертога брачнаго, какой путь ведетъ къ нему вѣрнѣе и удобнѣе, — требуетъ всегда неотступнаго нашего вниманія.

Этотъ путь предначертала намъ своимъ шествіемъ къ брачному чертогу Царя славы предъизбранная отъ всѣхъ родовъ Дѣва Марія, — предначертала по принадлежности къ женскому полу по преимуществу для дѣвъ и женъ, но такъ, что и мужи могутъ почерпнуть изъ этого неисчерпаемаго источника назиданіе неизсякающее, предначертала какъ чудно сочетавшая въ себѣ дѣвство и рождество, прошедши оба пути къ царству небесному: высшій путь жизни дѣвственной и обыкновенно-человѣчскій путь жизни семейной. Сюда вотъ къ двумъ путямъ жизни преблагословенной Дѣвы Богородицы обратимъ наше благоговѣйное вниманіе и размышленіе.

Пречистая Дѣва совершила дѣйствительно оба поприща жизни: и дѣвственной — иноческой и семейной — мірской. И каждая, сообщаемая то священнымъ писаніемъ, то преданіемъ, черта жизни пречистыя Дѣвы Богоматери есть безцѣнный свѣтоносный перлъ, осіявающій тьму жизни нашей, тьму разливающихся особенно въ наше время суемудрыхъ понятій, тьму наносимыхъ вѣтромъ времени будтобы новыхъ жизненныхъ началъ.

Когда исполнилось пречистой Богоотроковицѣ три лѣта отъ рож-

дства ея, святые праведные родители ея Іоакимъ и Анна помянули обѣщаніе свое, которое дали, молясь о разрѣшеніи неплодства своего, принести рожденное отъ нихъ въ даръ Богу, и восхотѣли исполнить то дѣломъ, что прежде изрекли словомъ. Созвавъ въ Назаретъ, гдѣ жили, всѣхъ своихъ сродниковъ, происходившихъ отъ царскаго и архіерейскаго племени, — ибо самъ Іоакимъ былъ рода царскаго, супруга же его святая Анна — архіерейскаго, — еще же и ликъ чистыхъ дѣвицъ, и украсивъ пречистую Дѣву Марію благолѣпнѣмъ царскимъ, отправились въ Іерусалимъ. Достигши града Іерусалима, пошли чинно ко храму, вводя во храмъ одушевленную Божію церковь — трилѣтствующую отроковицу. Дѣвическій ликъ съ возженными свѣчами предшествовалъ ей, святые родители кротко и честно между собою за обѣ руки вели ее; все-же множество сродниковъ и сосѣдовъ и знаемыхъ съ веселіемъ послѣдовали, держа въ рукахъ свѣчи и окружая пречистую Дѣву, какъ звѣзды луну свѣтлую, а святитель Захарія принялъ ее на ступеняхъ храма. Такъ пречистая Дѣва Марія введена была въ церковь Господню; такъ совершилось торжественное посвященіе ея Господу, посвященіе, напоминающее собою совершающееся и у насъ принятіе въ ликъ иночествующихъ.

Преподобная Дѣва въ началѣ житія своего въ дому Господни отдана была въ обители дѣвицъ. Ибо церковь іерусалимская, Соломономъ созданная, Зоровавелемъ же по опустошеніи обновленная, имѣла многія обители для жительства. Извнѣ при стѣнѣ церковной были кругомъ храмины каменные, числомъ тридцать, отдѣленные одна отъ другой, пространныя и красивыя; на нихъ были храмины другія, а на другихъ третія (въ видѣ этажей или амфитеатра), такъ что всѣхъ ихъ было числомъ девяносто, со всякимъ къ жительству угодіемъ. Высота же ихъ равнялась со стѣною храма, стоявшаго на высокой горѣ, такъ что онѣ были какъ-бы столпы, стѣну церковную извнѣ подпирающія. Въ тѣхъ храминахъ были обители лицамъ различнымъ: особо жили дѣвы, до времени на службы Богу данныя; особо жили вдовицы, чистоту свою до кончины своей хранить Богу обѣщавшія, какъ Анна пророчица дщи Фануилева; особо пребывали мужи, называемые Назореями, по образу иноковъ безсупружно жительствовавшіе. Всѣ же они служили Господу въ церкви и имѣли пропитаніе свое отъ имѣній церковныхъ. Были же тамъ и другія храмины въ упокоеніе странникамъ и пришельцамъ, издалека на поклоненіе приходящимъ. Итакъ въ дѣ-

вическую обитель отдана была трилѣтствующая отроковица Марія, при чемъ къ ней приставлены были дѣвицы лѣтами старшія, въ писаніи же и рукодѣліи искусныя, чтобы во младенчествѣ своемъ Богоотроковица Марія навывкла и писанію и рукодѣлію. Посѣщали ее святые родители ея Іоакимъ и Анна; и особенно Анна, какъ мать, часто приходила видѣть дочь свою и поучать ее. И научилась дѣвица вскорѣ еврейскому писанію совершенно, и рукодѣлію навывкла добрѣ; вообще была дѣва остроумна и любила ученіе, не только въ писаніи святомъ поучалась, но упражнялась и въ пряденіи волны и льна и въ швеніи шелковымъ; исполняла наипаче тѣ работы, которыя могли быть потребны священникамъ къ служенію церковному, и привыкала къ рукодѣлію, которымъ послѣ при Сынѣ своемъ могла питаться честно: она же сама своими пречистыми руками и хитонъ не швеня, но свыше истканъ Господу Іисусу содѣлала. Вотъ предначертаніе воспитанія, какое дается въ нашихъ женскихъ обителяхъ.

Подаваема была пречистой Дѣвѣ, какъ и прочимъ дѣвицамъ, отъ храма обычная пища, но ту съѣдали нищіе и странники. Сама же она питалась больше хлѣбомъ небеснымъ ангельскимъ, упражняясь въ богомыслии и молитвѣ. Ибо когда пришла она въ большій возрастъ, и научилась писанію и рукодѣлію, то больше упражнялась въ молитвѣ, нежели въ рукодѣліи; цѣлыя ночи и большую часть дня проводить въ молитвѣ было ей обычно. И большую часть времени проводила она въ храмѣ на молитвѣ, чѣмъ въ данной себѣ хранилѣ на рукодѣліи. Вообще въ дѣтствѣ и отрочествѣ своемъ, когда жила при храмѣ съ прочими дѣвицами сверстными себѣ, житіе свое блаженная Дѣва проводила весьма чинно въ добромъ строѣ и порядкѣ: отъ утра до третьяго—нашего девятаго—часа стояла на молитвѣ, отъ третьяго же до девятаго—нашего третьяго—часа пополудни упражнялась въ рукодѣліи или чтеніи книгъ, отъ девятаго же—третьяго часа пополудни опять начинала свою молитву, отъ которой не престаивала до поздняго времени, когда вкушала обычную ангельскую пищу. И такъ постоянно возрастала болѣе и болѣе въ любовь Божію. Таково было житіе ея въ дѣтствѣ: день ото дня росла она и крѣпла духомъ, вмѣстѣ съ этимъ возрастало и подвижничество ея, съ трудолюбіемъ умножалась и молитва; отъ силы въ силу шла Богоотроковица, пока сила Вышняго осѣнила къ божественному зачатію браконейскую. По свидѣтельству святыхъ отецъ, она первая Дѣва дѣвство свое обручила Богу, ибо въ ветхомъ завѣтѣ необычно

было дѣвицамъ не посягать въ супружество, которое считалось честнѣе дѣвства. Пречистая же Дѣва первая въ мірѣ предпочла дѣвство паче супружества, и уневѣстивъ себя Богу въ чистомъ своемъ дѣвствѣ, день и ночь служила Богу, ставъ предначальницею иноческаго дѣвственнаго въ церкви Христовой житія.

Когда преблагословенной отроковицѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ пребыванія при храмѣ и четырнадцать лѣтъ отъ рожденія, повелѣно было ей отъ архіереевъ и священниковъ, чтобы по обычаю законному, оставивъ пребываніе при храмѣ, какъ прочія дѣвицы сверстницы ея, она посягнула замужъ. Она же имъ отвѣчала, что Богу единому однажды отдана отъ пеленъ родителями, и Ему общала соблюсти свое дѣвство вѣвки, и невозможно быть ей сопряженной человеку смертному, и ничто къ браку принудить ея не можетъ. Подивившись новости дѣла,—такъ какъ ни единой не было таковой дѣвицы, которая бы общала Богу свое дѣвство вѣвки, та первая въ мірѣ таковою явилась,—архіереи совѣтовались о ней между собою, что слѣдуетъ съ нею сдѣлать, чтобы не учинить святотатства, поработивъ супружескому закону ту, которая однажды навсѣгда Богу посвящена. И по мановенію Божію рѣшили поискать такого достойнаго мужа, которому бы ввѣрена была Дѣва подъ чиномъ и образомъ супружества въ нетлѣнное храненіе дѣвства. И вручена была она старцу Іосифу сроднику своему. Когда совершилось обрученіе, взялъ святой Іосифъ пречистую Дѣву отъ рукъ архіерея Захаріи и прочихъ священниковъ въ чистое и непорочное сожитіе. Такъ началось для преблагословенной Дѣвы мірское семейное житіе.

Живя въ дому обручника, пречистая Дѣва не измѣнила прежняго житія своего, какое имѣла во святилищѣ. Ибо не въ чемъ-либо иномъ упражнялась, развѣ только въ богомысленной молитвѣ, въ чтеніи божественныхъ книгъ и въ обычномъ приличномъ себѣ рукодѣліи. И былъ для нея домъ Іосифовъ какъ храмъ молитвенный, изъ котораго никуда она не выходила, но всегда затворившись сидѣла въ пощеніи и молчаніи, ни съ кѣмъ не бесѣдуя, развѣ только съ домашними, т. е. съ дочерьми Іосифа, которыхъ по преданію было двѣ. Съ тѣми только иногда нѣкое провѣщавала слово, если бывала когда по случаю нужда въ бесѣдѣ, и то вкратцѣ.

Мы намѣренно не останавливаемся на чрезвычайныхъ обстоятельствахъ жизни Богоотроковицы, потому что они болѣе или менѣе извѣстны для нея одной—для устроенія ея дивной судьбы были пред-

назначены. Останавливаемся только на тѣхъ чертахъ ея дѣвственной и семейной жизни, которымъ всѣ мы, и особенно дѣвы и дѣвственницы, жены и матери христіанскія подражать и могутъ и должны.

По евангелію вѣдомы великія событія жизни Приснодѣвы Богоматери, событія благовѣщенія, рождества Христова, срътенія и страстей Христовыхъ, временемъ которыхъ замыкается періодъ пребыванія Богоматери въ дому Іосифовѣ. Дщерь изъ рода царскаго сожителству-етъ обручнику древодѣлателью, человѣку бѣдному. Непраздная совершаетъ не краткій путь изъ Галилеи во Іудею, изъ Назарета въ Вилеємъ, несомая осломъ, тогда какъ праведный Іосифъ, идя впереди Богооткровицы, одною рукою ведетъ осла, ее несущаго, а другою вола на продажу, чтобы отдать должную царскую дань. Въ Вилеємѣ, не обрѣвши мѣста въ обители, останавливаются за городомъ въ пещерѣ —ночномъ загонѣ скотовъ. Здѣсь въ вертепѣ Богоотроковица *роди Сына своего первенца и повитъ Ею и положи Ею въ ясляхъ*; сама родительница, сама и рожденію служительница, благоговѣнное плodu своему являетъ пѣстунство, никѣмъ не вспомошествоваемая, развѣ только святымъ обручникомъ своимъ Іосифомъ, да привязанными къ яслямъ воломъ и осломъ, которые паромъ своего дыханія согрѣвали Отроча среди зимней ночной стужи. Пречистая и преблагословенная Матерь Бога отъ Вилеєма со святымъ Іосифомъ обручникомъ идетъ во Іерусалимъ къ церкви Божіей, неся сорокадвухдневнаго младенца Христа, чтобы исполнить законъ Господень сугубый, чтобы очиститься по рожденіи принесеніемъ подобающія Богу жертвы и іерейскою молитвою, и чтобы поставить предъ Господомъ первороднаго младенца и искупить его установленною цѣною двухъ чистыхъ горлицъ: послушная закону и смиренная пришла очиститься вся чистая. Пришла въ Іерусалимъ, когда Иродъ уже злодыхалъ прещеніемъ и убійствомъ на Богомладенца Іисуса. Изъ Іерусалима бѣжала въ Египетъ, сопровождаемая святымъ обручникомъ и единымъ изъ сыновей его, не на колесницахъ и коняхъ, а тайно скрытно гонимая разнообразными опасностями, пѣшешествуя собственными стопами или несомая, конечно, тѣмъ же осломъ, который послужилъ ей и въ Вилеємѣ; на полномъ озлобленіи пути скрывается отъ вражды то стихій, то звѣрей, то людей, то въ горѣ, то въ древесномъ дуплѣ; въ Египтѣ, странѣ чуждой, спасается отъ крайней скудости во всемъ необходимомъ подаваніемъ волхвовъ, которые въ Вилеємѣ принесли ея Отрочати свои дары —злато, ливанъ и смирну. Въ

родную сторону, въ бѣдный городъ Назаретъ, въ бѣдный домъ Іосифовъ, семью его сыновей и дочерей, возвращается только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изгнаничества. Въ дому Іосифовѣ помогаетъ всей семьѣ, вмѣстѣ съ божественнымъ Сыномъ своимъ, общему труду древодѣлія для снисканія хлѣба работою пречистыхъ рукъ своихъ. Евангеліе свидѣтельствуетъ, что на всяко лѣто съ обручникомъ своимъ и отрокомъ Іисусомъ пѣшешествовали они на праздникъ пасхи изъ Назарета въ Іерусалимъ. И умиленными чертами изображаетъ при этомъ св. евангеліе святую простоту этой святой семьи: однажды дванадцатилѣтній отрокъ Іисусъ остался въ Іерусалимѣ; а мати Его и Іосифъ и не замѣтили того; а замѣтивъ, шли цѣлый день пути, ища Его между сродниками и знаемыми; а не обрѣвши, возвратились во Іерусалимъ, ища Его; спустя три дня, нашедши Его въ храмѣ сѣдѣщаго посреди учителей, матъ обращается къ Нему съ полнымъ любви упрекомъ: „дитя, что ты сдѣлалъ съ нами? вотъ отецъ твой и я боляще — въ тревогѣ и съ утомленіемъ искали тебя!“ — На бракъ въ Канѣ галилейской болить чуткимъ нѣжнымъ сердцемъ женщины и матери, что веселье брака для брачующихся омрачается домашнимъ затрудненіемъ: *вина не имутъ!* Боля сердцемъ о неотвратимой опасности, угрожающей божественному Сыну ея, раздражившему фарисеевъ обличеніемъ ихъ въ упорствѣ, слѣпотѣ и нечестіи, употребляетъ материнское усиліе, чтобы хотя на время отстранить отъ Него налегающую опасность: съ братіями Его, сыновьями Іосифа, подступаетъ къ Нему сквозь тѣсно враждебно обступившую Его толпу, чтобы вызвать Его оттуда подъ видомъ нужды поговорить съ Нимъ.

Этимъ евангельскимъ сказаніемъ заключаются указанія слова Божія на мірское — семейное пребываніе Богоматери въ дому Іосифовѣ. А затѣмъ начинается непохожій ни на иноческую, ни на мірскую жизнь, но высшій той и другой, какой-то особый боговидный образъ житія преблагословенной.

Чаша страданій и поносной смерти не могла быть отвращена отъ Сына ея; предреченное праведнымъ Симеономъ оружіе смертельной скорби не могло быть отвращено отъ груди и сердца и души Богоматери. Вотъ она среди ревущей злорадными ругательствами толпы одна съ возлюбленнымъ Іоанномъ стоитъ у самаго креста такъ близко, что слышитъ изнемогающій голосъ Сына: „*жено! се сынъ твой.*“ Замѣтите, *стоитъ* насквозь пронзенная горемъ, растерзанная кровавымъ зрѣлищемъ, но стоитъ кроткая, покорная, тихая. *И отъ того*

часа поятъ ю ученикъ со свояси,—видно нужны были приближающейся старости Ея и кровь и любовь чужаго, но усыновленнаго ей Иоанна вмѣсто Сына единороднаго. Съ этого часа пречистая Дѣва имѣла пребываніе въ дому св. Иоанна Богослова въ Сіонѣ. Св. Писаніе еще одинъ разъ являетъ ее нашему благоговѣйному взору, здѣсь въ сіонской горлицѣ, когда по вознесеніи Господа нашего на небеса собраны были ученики Спасовы въ Сіонѣ съ Марією Матерію Иисусовою, и ожидали Утѣшителя и избирали дванадесятаго апостола Матеія вмѣсто испадшаго изъ апостольскаго лика Іуды. Въ этомъ священнѣйшемъ апостольскомъ собраніи Матерь Божія хотя и предсѣдала, но не священнодѣйствовала; напротивъ, слово Божіе являетъ намъ руководящимъ здѣсь въ словѣ и дѣлѣ предстоятеля лика апостольскаго св. Петра. Она свѣтила всѣмъ какъ тихая луна во мракѣ земной доли тихими женскими добродѣтелями, а не проявленіями силы и дѣятельности мужеской. Вотъ какъ изображаетъ ея нравы св. преданіе: дѣва была она не только плотію, но и духомъ, въ сердцѣ смиренна, въ словѣ богомудренна, въ рѣчи не скоро, въ чтеніи постоянна, въ трудахъ бодра, въ бесѣдахъ цѣломудренна, какъ бы съ Богомъ, а не съ людьми бесѣдуя, никого не обижала, но всѣмъ благъ желала, не возгнушалась ни однимъ и убогимъ человекомъ, никому не посмѣялась; но все, что усматривала, покрывала благодію материнскаго сердца, всякаго киченія была непричастна, проста, неліцемерна, въ гоненіяхъ и бѣдахъ весела, въ нищетѣ и недостаткахъ не скорбѣла, на озлобляющихъ ее не гнѣвалась; но паче благодарствовала имъ, въ благополучіи была кротка, къ бѣднымъ милосердна, и пособствовала имъ, какъ могла; и видъ ея былъ образомъ внутренняго совершенства, благоутробія и незлобія. Тѣмъ не менѣе при крайнемъ своемъ смиреніи она была средоточіемъ, учительницею, утѣшительницею самаго лика апостольскаго и апостольской церкви. Когда по вознесеніи Господнемъ, до сошествія Утѣшителя ученики Господни пребывали въ сіонской горницѣ, *все терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи съ женами и Марією матерію Иисусовою*,—въ это время по Господнемъ отъ нихъ въ вѣрѣ же утвержденіе и учительницу. Ибо она всѣ, какія въ сердцѣ своемъ слагала словеса и чудесныя дѣянія, начиная отъ радостнаго Гавріилова благовѣствованія безсѣмennaго зачатія, и нетлѣннаго отъ дѣвической ея утробы рождества Христова, все быв-

шее въ младенчествѣ Его и въ житіи до крещенія Иоаннова,—все то повѣствовала любезнымъ ученикамъ Сына своего и тѣмъ утверждала ихъ въ вѣрѣ несумнѣнной. По сошествіи св. Духа и по разсѣяніи апостоловъ отъ гоненій въ Іерусалимѣ для проповѣди во всѣ концы міра, ученики Господни часто сходились въ Іерусалимѣ, желая Матерь Господню часто видѣти, и отъ нея божественныя слова слышати. Ибо имѣя ее на землѣ какъ намѣстницу Христа Господа своего, на пречестнѣйшее же ея и пресвятое лицо какъ на лицо самаго Христа взирающе, и пресладкихъ ея послушающе словесъ, апостолы исполнялись неизреченной радости духовной и всѣ свои горести и бѣды забывали. Ради этого многіе и отъ непросвѣщенныхъ крещеніемъ изъ далекихъ странъ притекали въ Іерусалимъ, чтобы видѣти Матерь Христа Бога и слышать пресвятую ея бесѣду. Она, какъ истинная мать, всѣхъ принимала неліцемерно, и всѣхъ благодатію своею обвѣщала и ущедряла, болящимъ подавая исцѣленія, немощнымъ здравіе, печальнымъ утѣшеніе, всѣмъ же общее въ вѣрѣ утѣшеніе, въ надеждѣ несумнѣнную твердость, въ любви божественное услажденіе, и грѣшникамъ исправленіе. Наипаче же она бодрствовала присущею ей благодатію надъ первѣйшими ратоборцами церкви—св. апостолами,—укрѣпляла ихъ всѣхъ, утѣшеніемъ Духа Святаго утѣшала, о всѣхъ молилась. Молилась объ апостолѣ Петрѣ, когда онъ былъ всажденъ въ темницу,—о первомученикѣ Стефанѣ, когда онъ былъ побиваемъ камнями,—о свирѣпомъ Савлѣ, когда онъ гналъ и озлоблялъ церковь, пока претворила его изъ волка въ кроткаго агнца, изъ супостата въ апостола. И сама она подвергалась непрестаннымъ гоненіямъ отъ враговъ, отъ которыхъ съ возлюбленнымъ нареченнымъ сыномъ своимъ Иоанномъ бѣгала изъ Іерусалима въ Ефесъ; для посѣщенія и ободренія и устроенія святыхъ Божіихъ церквей путешествовала въ Антіохію, въ Аеонъ, въ Критъ; въ Критѣ св. епископу другу Господню Лазарю принесла въ даръ омофоръ и нарукавни, которыя сама содѣлала нарочито для него. Возвратившись же опять въ Іерусалимъ, покрываемая силою Божією, она жила посреди множества ненавистниковъ и враждебниковъ своихъ, какъ и церкви Божіей, яко овца посреди волковъ, яко кринъ въ терніи.

Жительствова же въ дому Иоанновомъ, пречистая Дѣва часто исходила посѣщать тѣ мѣста, которыя прелюбезный ея Сынъ и Богъ освятилъ стопами пресвятыхъ ногъ своихъ и изліаніемъ крови,—именно

но Виелеемъ, особенно же тѣ мѣста, на которыхъ Господь нашъ страдалъ и воскресъ, которыя орошала то болѣзненными, то радостными слезами. Еще же и на гору елеонскую, съ которой Господь нашъ на небеса вознесся, часто Богородительница приходила и преклоняя колѣна плакала, молясь къ Сыну и Богу, дабы мать свою къ себѣ пояти изволилъ. Получивъ наконецъ небесную вѣсть о своемъ отшествіи изъ сего міра, сначала она возвестила объ этомъ усыновленному ей возлюбленному Іоанну; затѣмъ и прочимъ, которые въ дому служили ей, сказала о скоромъ своемъ исходѣ и повелѣла украсить храмину и одръ, и облагоухать кадилами и многія возжечь свѣчи и все къ погребенію приличествующее уготовать. Іоаннъ же тотчасъ послалъ ко святому Іакову, брату Божію, первому іерусалимскому іерарху, и ко всѣмъ сродникамъ и ближнимъ, возвѣщая о приближившемся преставленіи Божіей Матери и день преставленія назначая. И стеклись со святымъ Іаковомъ всѣ сродники и множество многое обоего пола вѣрныхъ отсюду. И слыша отъ пресвятыхъ устъ Богоматери о приближившемся скончаніи ея, всѣ наполнили домъ плачевнаго вопля и рыданія, моля премилостивую Владычицу, какъ общую мать всѣхъ, не оставлять ихъ въ сиротствѣ. Она же повелѣвала не плакать, но паче радоваться о ея исходѣ, такъ какъ ближе представши Божію престолу и лицомъ къ лицу зрящи Сына и Бога своего, и устами ко устамъ бесѣдующи, ей удобнѣе будетъ о всѣхъ молить и умиловать Его благостыню. Увѣряла она плачущихъ, что не оставитъ ихъ въ сиротствѣ по своемъ преставленіи, и не только ихъ, но и весь міръ будетъ посѣщать, назирать и помоществовать бѣдствующимъ. Такими утѣшительными словами, обращенными къ окрестъ стоящимъ и плачущимъ, она отгоняла печаль отъ сердецъ ихъ, и слезное ихъ рыданіе утѣляла. Заповѣдала же о своихъ двухъ ризахъ, — только и было всего богатства, — чтобы онѣ отданы были двумъ нищетнымъ вдовицамъ, которыя служили ей со усердною любовію, и пропитаніе свое отъ нея имѣли. Также и о пречистомъ тѣлѣ своемъ завѣщала, чтобы оно было погребено въ геосиманской вези, при горѣ елеонской, недалече отъ Іерусалима града отстоящей, ибо тамъ былъ гробъ святыхъ праведныхъ родителей ея Іоакима и Анны и святаго праведнаго Іосифа обручника ея, при долині Іосафатовой, лежащей между Іерусалимомъ и горою елеонскою, гдѣ была общая гробница убогихъ людей всего града. А когда по дѣйствію Духа Божія къ смертному одру ея предста-

ли всѣ апостолы, она вѣщала имъ: „Господь васъ привелъ зюда во утѣшеніе души моей, имущей отъ тѣла разлучиться, какъ долгъ естества смертнаго настoitъ“. — Они же жалостно къ ней говорили: „тебя, Владычице, пребывающую въ мірѣ видя какъ самага Владыку нашего и Учителя, мы утѣшались, — нынѣ же какъ стерпимъ тугу сердецъ нашихъ, лишаясь твоего на землѣ съ нами спребыванія!“ — Говоря это, св. апостолы слезами себя обливали. Она же къ нимъ вѣщаетъ: „не плачьте, друзья и ученики Христовы, и моей радости вашимъ сѣтованіемъ не растворяйте, но лучше срадуйтесь мнѣ, что отхожу къ Сыну и Богу моему“. — Когда же собрались всѣ и отъ 70 апостоловъ и прочихъ учениковъ Христовыхъ, она каждого, призывая къ себѣ по имени, благословляла и ублажала вѣру ихъ и труды во благовѣстіи Христовомъ подъемлемые, вѣчнаго же блаженства каждому желала, и о состояніи всего міра и мирномъ житіи творила къ Богу моленія. А когда насталъ послѣдній часъ, она, узрѣвъ грядущаго во срѣтеніе ей Господа Сына своего, воздвиглась отъ одра, какъ бы во срѣтеніе спѣша, и поклонилась Господу своему и поклонившись провѣщала: „благословенно имя славы твоея, Господи Боже мой... Нынѣ прими въ мірѣ духъ мой... Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое. Буди мнѣ нынѣ по глаголу твоему“. — И сіе рекши, возлегла на одръ и отъ преисполненія радости духовныя пресвятую душу свою предала въ руки Сына своего, ни единыя болѣзни тѣлесныя не чувствуя, но какъ бы сномъ сладкимъ уснувши.

Вотъ начертанный въ словѣ Божіемъ и въ преданіи церкви божественно-прекрасный образъ Приснодѣвы Богоматери. Вотъ она въ животѣ своемъ, и смерти своей, насколько немощью нашего ума и слова могли мы постигнуть и передать безмѣрно-возвышенныя ея черты. Вотъ она въ воспитаніи своемъ, какъ дѣва посвященная Богу при храмѣ, въ жизни семейной какъ обручница, какъ Мать единороднаго своего Сына, какъ мать семейства, — въ исключительно высокой жизни своей по вознесеніи Господнемъ, какъ средоточіе лика апостольскаго, какъ покровительница апостольской церкви, — наконецъ, во исходѣ своемъ изъ сего міра, какъ идеаль христіанскихъ праведниковъ и праведной христіанской кончины.

Воздвигните главы ваши, дѣвы-отшельницы святые обители сея, призираемая чудотворнымъ ликомъ пречистой Дѣвы Госпожи вашей же и нашей. Она своимъ образомъ свѣтитъ вамъ, какъ вѣчно горящая

неугасимая лампада. Шествуйте бодренно по указанію этого свѣта. Припоминайте нѣкоторыя особенно близкія вамъ черты Приснодѣвы: припоминайте, что и она, какъ вы, жила за святыми стѣнами въ обители дѣвъ при храмѣ; особенно вы, жены христіанскія, припоминайте, ея цѣломудріе въ дѣлѣ, словѣ и мысляхъ, ея воздержаніе во всемъ, даже въ рѣчи, во взглядахъ, въ движеніяхъ, ея трудолюбіе,—что она сосудъ избранный—Матерь Божія, работала своими руками, шила, вышивала шелками, строила священныя ризы, уже незадолго до успенія своего вышила своими руками другу Господню святителю Лазарю омофоръ и нарукавни,—ея непрерывное бдѣніе въ молитвѣ и чтеніи священныя книгъ, ея неизреченную кротость и незлобіе, ея нищету и простоту и среди крайняго недостатка ея благотворенія отъ остатковъ ея скудости, ея ничѣмъ неразвлекаемое богомысліе и стремленіе къ отечеству горнему, къ Сыну и Богу своему. Пусть не смущаетъ васъ ревущая волна житейскихъ пререканій, если только она переливается черезъ стѣны и вашей мирной обители,—пререканій о томъ, что монастыри въ настоящее время бесполезны, что они не даютъ ни инокамъ спасенія, ни міру пользы, ни Богу утѣшенія. Неправда. Строгій, спасительный, отцепредаанный, богоустановленный строй иноческой жизни, даже слабо, но постоянно соблюдаемый, какъ капля, долбящая камень, образуетъ жесткость нашего сердца въ сосудъ Богу угодный, вырабатывая изъ нѣкоторыхъ иноковъ и инокинь людей истинно-духовныхъ, кротко-сіяющихъ и духомъ и свято-лѣпнымъ зракомъ, заслуживая многимъ изъ насъ христіанскую кончину живота. Пусть въ монастыряхъ, и даже женскихъ, нестроеніе внутреннее, пусть жесткость сердца и другія печальныя стороны,—одно то уже и Богу угодно и міру спасительно, что эти черно-одѣтые люди напоминаютъ міру о необходимости отречься отъ міра и духа его и жить для Бога и неба. А претерпѣвшаго до конца, прошедшаго чрезъ многія скорби иноческой жизни, сія жертва не можетъ не привести къ царствію небесному.

Вамъ, мірянамъ, притекшимъ къ покрову и заступленію пречистыя Владычицы, что сказать въ назиданіе? Море благодатей въ ней неисчерпаемое. Но по духу времени предлагаемъ вашему разсужденію слѣдующее: уже нѣсколько лѣтъ міръ волнуется давно разрѣшенными въ словѣ Божіемъ вопросами о правахъ и трудѣ женщины, объ уравниніи ея, по возможности, во всемъ съ мужчиною. Не защищаемъ правонарушеній, не защищаемъ деспотизма мужскаго и рабства женщины.

Но утверждаемъ, что и права ея и трудъ ея съиздавна уже самимъ Богомъ обозначены и опредѣлены. Ея права: женщина сестра наша, помощница мужа во всемъ, едино съ нимъ тѣло и единъ духъ, сосудъ немощнѣйшій, коему ради его немощи должно воздавать особую честь. Ея назначеніе, ея трудъ, кромѣ особаго женскаго—быть матерью, опредѣляются однимъ словомъ: помощница мужа во всемъ, во всѣхъ дѣлахъ, которыя должны быть сдѣланы для взаимнаго счастья мужа и жены и всей семьи, и одни могутъ быть совершены крѣпостію мужскою, а другія—мягкостію женскою. Вотъ дочь рода царскаго, Богоневѣста, Богоматерь смиренно-кротко пребываетъ въ стѣнахъ то храма, то дома Іосифова, то сіонской горницы Іоанна; бѣгая всякой публичной арены, шьетъ, вяжетъ, пеленаетъ, воспитываетъ дитя, читаетъ, молится, но въ общественномъ мѣстѣ не священнодѣйствуетъ, предоставляя общественное священнодѣйствіе богопризваннымъ мужамъ; утѣшаетъ, учитъ, ободряетъ, утверждаетъ самихъ апостоловъ, но совершенно домашнимъ образомъ; раздаетъ посильную милостыню, терпитъ всякія злословія кротко-молчаливо, помышляя объ одномъ—о небѣ. И сей кротчайшій, смиреннѣйшій человекъ, сія молчаливая жена и дѣва—радостное и твердое и укрѣпляющее средоточіе лика апостольскаго, столпъ не апостольскаго вѣка только, но и всѣхъ вѣковъ всемірной церкви, вѣчное назиданіе и покровъ міру, диво ангеловъ!

Еще одно дерзновенное слово. На честнѣйшую херувимовъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимовъ, сущую Богородицу, похожи-ли сколько-либо самозванцы „богородицы Акулины“ и прочія, измышленныя дикимъ смысломъ отщепенцевъ Божіей церкви? Да... Похожи, какъ противоположность, какъ свѣтъ и его отрицаніе—мракъ; похожи столько, сколько сумасбродное самомнѣніе, самозванство, грубость, развратъ и прочее, о чемъ *нельзя есть глаголати подробно*, похоже на истину чистѣйшую чистоты ангельской. Жаль, что наши отщепенцы не имѣютъ образованія; а при образованіи они увидѣли-бы, что въ церкви Божіей во всѣ вѣка было много ересей самыхъ разнообразныхъ; но нигдѣ никогда еретическія общества не выдумали ничего подобнаго тамбовскимъ богородицамъ и прочимъ невозвѣрно-мрачнымъ и грубымъ вещамъ, придуманнымъ русскимъ умомъ русскихъ отщепенцевъ.

Заступнице усердная, Мати Господа вышняго! За всѣхъ молиши ты Сына твоего Христа Бога нашего. Всѣмъ намъ, имже вѣси судьбами, сотвори спастися и въ разумъ истины прийти. Сами мы часто

роемъ себѣ своими руками яму погибели. Ты-же еси и буди свѣтъ и покровъ рабомъ твоимъ. — Аминь.

1869 г.

ПОУЧЕНИЕ

въ день пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, казанскаго ея образа.

ВОСКОВАЯ СВѢЧКА.

Аще кто, епископъ или пресвитеръ, вопреки учрежденію Господню о жертвѣ, принесетъ ко олтарю иныя некоторыя вещи, или медь, или млеко, или вмѣсто вина приготовленный изъ чего либо другой напитокъ, или птицы, или некоторыя животныя, или овощи, вопреки учрежденію, кромѣ новіихъ класовъ, или винограда въ надлежащее время: да будетъ изверженъ отъ священнаго чина. Да не будетъ же позволено приносить ко олтарю что либо иное, развѣ елей для лампады (или воскъ) и еліямъ, во время святаго приношенія. Всякаго иного плода начатки да посылаются въ домъ епископамъ и пресвитерамъ, но не ко олтарю. — Апост. правила 3, 4 и 72.

Въ преданіяхъ церковной древности осталось и въ повѣствованіи о успеніи пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, въ житіяхъ святыхъ, записано воспоминаніе, что пресвятая Дѣва Марія, непрестанно пребывавая не только въ богомыслии и молитвѣ, но и въ ручномъ дѣланіи, принесла въ даръ святому и праведному Лазарю, другу Господню, тогда уже епископу кипрскому, омофоръ и нарукавницы (наши поручи), которыя сама собственными руками и содѣлала нарочно его ради. Этимъ преданіемъ древности напоминаетъ намъ, что сама честнѣйшая херувимовъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимовъ Матерь Божія, но въ то же время и смиреннѣйшая раба Господня, своимъ собственнымъ примѣромъ освятила тотъ способъ вольныхъ приношеній, какимъ церковь Христова содержала и благоукрашала свои храмы и другія священныя мѣста общаго богослуженія, начиная съ первыхъ годовъ по вознесеніи Господа нашего Иисуса Христа на небо.

Источникомъ средствъ содержанія по совершенію богослуженія, по возведенію и поддержанію церковныхъ зданій, благоустроенію церковной утвари и всѣхъ церковныхъ принадлежностей, равно какъ по обезпеченію служителей церкви и удовлетворенію другихъ нуждъ церковнаго общества, съ самаго основанія Христовой церкви, были живая вѣра членовъ церкви и живой плодъ вѣры, добровольныя пожертвованія. Если вѣрующій, послѣдуя Христу, отрекается для царствія Божія отъ себя самаго и отъ всего, что ему дорого въ сей жизни; если для достиженія христіанскаго совершенства онъ приглашается раздать свое имущество бѣднымъ; если христіанская любовь внушаетъ ему относиться ко всѣмъ, а болѣе всего къ своимъ единовѣрцамъ, какъ къ своимъ братьямъ, — то естественно въ обществѣ христіанъ не должно быть недостатка въ людяхъ, готовыхъ жертвовать своимъ имуществомъ на общественныя нужды церкви. Христіанская благотворительность, частная ли то, или общественная, есть естественный плодъ вѣры Христовой, есть выраженіе покорности евангелію. И мы видимъ, что добровольныя пожертвованія служили источникомъ средствъ на покрытіе нуждъ церковныхъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, источникомъ неоскудѣвающимъ и весьма обильнымъ. Самъ Спаситель, съ своими учениками, которые ради Его оставили все свое имущество, содержался на добровольныя пожертвованія вѣрующихъ. Этими же пожертвованіями, согласно заповѣди Господа, жили и Его апостолы во время распространенія проповѣди евангельской. Жизнь вѣрующихъ первенствующей іерусалимской церкви представила собой прекрасный образецъ того, какъ ученики Христовы должны смотрѣть на свою собственность. У нихъ было одно сердце и одна душа. Они ничего не называли своимъ, а готовы были предоставить все на пользу ближнихъ. У нихъ были общія трапезы. Многіе изъ нихъ продавали свои имѣнія и полагали вырученную сумму къ ногамъ апостоловъ на общее иждивеніе. Хотя въ другихъ церквахъ не видно такого тѣснаго имущественнаго общенія между вѣрующими, какъ въ церкви іерусалимской, однакоже не только при апостолахъ, но и послѣ нихъ, въ продолженіи первыхъ вѣковъ христіанства, вѣрующіе продолжали жить какъ члены одной семьи по духу, въ общеніи духовныхъ и вещественныхъ благъ. Пожертвованія были такъ значительны, что ихъ было достаточно для удовлетворенія многоразличныхъ нуждъ церкви. Церковь содержала на свои средства вдовицъ, сиротъ, немощныхъ, странниковъ, заключенныхъ въ темницы,

сосланных въ рудники и семейства ихъ, выкупала плѣнниковъ, хоронила бѣдныхъ и умершихъ во время повальныхъ болѣзней и проч. Благотворительная дѣятельность мѣстной церкви не ограничивалась своимъ обществомъ, а простиралась на всю вселенскую церковь. Мѣстныя церкви, соединенныя одна съ другой узами духовнаго общенія, помогали одна другой и въ дѣлахъ житейскихъ, въ бѣдствіяхъ и заключеніяхъ, во время голода, мора, войны, гоненій и т. д. При такихъ обстоятельствахъ у церкви не могло быть недостатка въ средствахъ на вспоможеніе клирикамъ, не имѣющимъ собственныхъ средствъ содержанія, на постройку и украшеніе храмовъ и т. д.

Всякій вѣрующій чувствовалъ, что онъ обязанъ, по самому званію христіанина и члена церкви, жертвовать посильную часть на церковно-общественныя нужды. Онъ не могъ явиться на общественную молитву съ пустыми руками, безъ плодовъ своей вѣры. Поэтому, главнымъ родомъ пожертвованій вѣрующихъ на общественныя церковныя нужды были приношенія къ алтарю, съ которыми христіане являлись къ совершенію евхаристіи, къ божественной литургіи. Сначала эти приношенія были очень разнообразны и пригодны не только для совершенія самой евхаристіи, но и для трапезы вообще, такъ какъ въ первомъ вѣкѣ совершеніе евхаристіи соединялось съ вечерами любви. По совершеніи евхаристіи, здѣсь же въ храмахъ, въ передней ихъ части, которая и носитъ названіе трапезы, уготовлялись общіе столы, за которые и садились трапезовать всѣ присутствующіе во храмѣ. Но со втораго вѣка совершеніе евхаристіи стали отдѣлять отъ устроенія вечереи любви. Отсюда произошло распредѣленіе самыхъ приношеній, сообразно ихъ назначенію. Къ алтарю, для совершенія евхаристіи, приносились только вино, хлѣбъ елей, воскъ, еиміамъ, также новые класы и виноградъ для освященія. Прочія же приношенія, какъ то: медъ, молоко, овощи, птицъ, животныхъ и проч. стали препровождать прямо на домъ къ епископу и пресвитерамъ. Вечери любви превратились въ общіе столы, устроявшіеся съ благотворительною цѣлію, особенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Были и денежныя пожертвованія, вносимыя въ церковную казну каждый мѣсяцъ и во всякое время по желанію и состоянію каждаго. Были сборы и по особымъ случаямъ, на вспоможеніе во время голода, болѣзней, военнаго погрома, на постройку храма, или просто по случаю оскуднѣнія церковной казны. Были пожертвованія и недвижимыхъ имуществъ, домовъ, земельныхъ участковъ и проч. И какъ собствен-

ность церковной общины, всѣ способы церковнаго имущества были въ завѣдываніи у предстоятеля общины, епископа, при содѣйствіи пресвитеровъ и діаконовъ.

Когда въ греко-римской имперіи христіанство сдѣлалось религіею государственною, тогда церковныя учрежденія, храмы, архіерейскія каѳедры, монастыри, надѣлены были, сверхъ народныхъ пожертвованій, великими щедротами благочестивыхъ царей, такъ что владѣли весьма большими способами. Тѣ-же обычаи, воззрѣнія и законоположенія относительно содержанія церковныхъ учрежденій перешли изъ православной Греціи и въ наше отечество, такъ что на Руси, по принятіи христіанства, положено было спервоначала собирать съ народа на церковь даже десятину. Жертвовались недвижимыя имущества въ большихъ размѣрахъ. Дѣлались на церковь и духовенство разнообразныя сборы. Вся народная благотворительность сосредоточивалась около церковныхъ учрежденій. Первоначальныя христіанскія вечера любви преобразовались на святой Руси въ монастырскіе страннопріимные дома, куда прибѣгали безпріютные странники—паломники, въ монастырскія трапезы, за которыми кормились бѣдные, въ праздничные и поминальные столы, которыми имущіе вѣрныя питали неимущихъ во дни торжествъ, на примѣръ, святыя пасхи, и во дни поминованія усопшихъ, а также и въ поручную милостыню, которая даже и до сегодня, по исконному преданію, держится стойко около церквей и монастырей. Но къ нашимъ временамъ оскуднѣнія вѣры не только оскудѣли обильныя пожертвованія на церковь, а даже приняты соотвѣтственныя мѣры, чтобы они не были слишкомъ обильны. Вся общественная благотворительность съ ея источниками не только отходитъ отъ церкви, отъ правившихъ ею нѣкогда рукъ церковныхъ предстоятелей, но и какъ-то совсѣмъ противоестественно, въ нововозникающемъ анти-христіанскомъ духѣ, становится противъ церкви, въ ущербъ ея достоянію и въ укоръ ея запасенному благочестивою древностію благосостоянію. Въ замѣнъ этого приняты въ законодательныхъ кодексахъ мѣры, чтобы главнымъ и по возможности неприкосновеннымъ достояніемъ церкви и источникомъ поддержанія главнѣйшихъ церковныхъ учрежденій осталась восковая церковная свѣчка.

Что такое восковая церковная свѣчка? Откуда она?

Церковный воскъ, вмѣстѣ съ елеемъ, какъ вещество, принятое въ церкви для ея освѣщенія при богослуженіи, упоминается уже въ пра-

вилахъ святыхъ апостоловъ (71 и 72). Такъ какъ апостольскими правилами запрещалось, подъ страхомъ изверженія, приносить ко алтарю, кромѣ елея для лампады и воска для освѣщенія, всякое животное мясо и животный тукъ, то нужно полагать, не инымъ чѣмъ, какъ елеемъ и пчелинымъ воскомъ, освѣщена была сіонская горница при совершеніи тайной вечери, соединенной съ совершеніемъ ветхо-завѣтной пасхи, при чемъ возжигалось много свѣчей. Безъ сомнѣнія, восковыми свѣчами освѣщались храмины, въ которыхъ еще святые апостолы совершали съ вѣрными свои всемогущія бдѣнія (Дѣян. 20, 8). Восковая свѣчка свѣтила первенствующимъ христіанамъ при совершеніи ими евхаристіи въ мрачныхъ катакомбахъ. Восковая свѣчка, рядомъ единственно только съ чистымъ оливковымъ елеемъ, засвѣтилась и въ христіанскихъ храмахъ, когда христіанская вѣра, подобно лучезарному солнцу по прошествіи ночи, востекла изъ мрачныхъ подземельевъ, въ которыхъ скрывалась во время гоненій, на небесную высоту, открыто торжественно надъ лицомъ вся земли. Рядомъ съ оливковымъ елеемъ восковая свѣчка сохраняетъ отъ святыхъ апостоловъ преданное ей исключительное право освѣщать своимъ чистымъ кроткимъ свѣтомъ святые храмы православной церкви и до сего дне. Она-же, чистая восковая свѣчка, донинѣ же сохраняетъ отъ апостоловъ же полученное, пока еще неотъемлемое, пока еще поощряемое законодательствомъ право быть и самою главною жертвою благочестивыхъ душъ на храмъ Господень, на церковь Божію.

Говорить-ли о томъ, какъ эта жертва прекрасна, благополезна, благопотребна? Говорить-ли о томъ, что она напоминаетъ намъ Христа и Его ночную тайную вечерю, которую освѣщали восковыя свѣчки; напоминаетъ апостоловъ и ихъ дѣйствительно всемогущія бдѣнія въ молитвѣ и проповѣди слова Божія, при свѣтѣ восковыхъ свѣчей; напоминаетъ панихиды и панигирисы первенствующихъ христіанъ, когда они жгли восковыя свѣчи во множествѣ то въ знакъ усиленной молитвы и духовнаго бодрствованія (какъ и у насъ въ ночь страстей Христовыхъ), то въ эмблему поминовенія отходящихъ къ Богу душъ, въ видѣ свѣта поднимающагося къ небу (какъ и у насъ при похоронахъ и панихидахъ), то въ символъ духовнаго торжества и веселія (какъ и у насъ во святую пасху, въ недѣлю вай и на всѣхъ праздничныхъ всемогущихъ)? Говорить-ли о томъ, что эта жертва напоминаетъ намъ неусыпаемую молитву отшельниковъ, въ пещерахъ и про-

постяхъ земныхъ, да никогда непрестающую во вселенной молитву и всѣхъ благочестивыхъ иноковъ по уединеннымъ кельямъ, да и всѣхъ праведныхъ душъ по своимъ сокровеннымъ клѣтамъ, гдѣ каждому изъ нихъ предъ иконою свѣтитъ эмблематически смиренная и чистая восковая свѣчка? Говорить-ли о томъ, что восковая свѣчка напоминаетъ намъ и наше собственное крещеніе, когда мы рождались на свѣтъ Божій, когда взамѣнъ нашей слабой младенческой руки зажженную предъ Богомъ свѣчку держала возмужалая рука нашего восприемника, уста котораго изрекали за насъ обѣтъ горѣть для Бога свѣтомъ чистой вѣры и не отпадающей любви ко Христу во всю нашу жизнь, во всю вѣчность? Что горящая свѣчка напоминаетъ намъ и смертный часъ нашъ, когда намъ будутъ давать въ холодѣющія руки зажженную страстную или другую церковную свѣчку крѣпкія руки окружающихъ, въ символъ воспаренія нашей души, нашей вѣры и надежды къ престолу всепокрывающаго, всепрощающаго милосердія Божія. Говорить-ли о томъ, что горящая передъ Богомъ восковая свѣчка служитъ лучшею эмблемой нашей горящей предъ Богомъ вѣры, надежды и любви, лучшимъ символомъ возносимой къ небу молитвы славословія, прошенія, благодаренія?

Посмотрите, подумайте, какъ она благополезна, какъ благопотребна для нашего пока еще христолюбиваго народа. Вотъ онъ, простой русскій человѣкъ, въ своей-ли темной хатѣ, на трудовомъ-ли полѣ, или гдѣ-либо за тяжелымъ промысломъ, обливается трудовымъ потомъ, терпитъ нужду, радуется успѣху, переноситъ скорби и болѣзни, гнется подъ бременемъ жизни. Вотъ въ праздничекъ Господень идетъ онъ въ храмъ Божій отдохнуть душою. А въ сумѣ у него только гроши да копѣйки, а на душѣ тягота жизни и праздничное свѣтло, въ умѣ-же всегда тускло. Вѣры онъ почти не знаетъ, молитвъ также. Твердо знаетъ онъ только молитву евангельскаго мытаря: *Божже! Будь милостивъ мнѣ грѣшному. Господи, помилуй*, — да другія подобныя-же, краткія, да многосодержательныя молитвы. И вотъ онъ въ церкви покупаетъ на свою лепту восковую свѣчку, свитую изъ чистаго воска, чистыми руками церковницъ или инокинь. И зажигаетъ ее самъ, и ставитъ ее самъ, и кладетъ свой доземный поклонъ предъ образомъ Божиимъ, творя свою мытареву молитву: *Господи, помилуй меня грѣшнаго*. И гори его свѣчка предъ Богомъ, просвѣщая своимъ свѣтомъ его тусклую, но теплую вѣру. Дополняй свѣчка своимъ пламенемъ передъ

Богомъ его теплою, но простую молитву. Гори свѣчка и жги своимъ огнемъ его грѣхи предъ очами милосердаго Бога. Гори свѣчка въ воню благоуханія его смиреннымъ жертвоприношеніемъ, жертвою его порывистой, но неумѣлой хвалы, его глубокаго, но немногословнаго благодаренія Богу за Божіи дары, его сердечною молитвою о продолженіи милостей Божіихъ, объ отвращеніи грядущей Божіей кары. И за все это благопріятная, и на все это благопрігодная жертва — она одна, эта горящая восковая свѣчка, эта скудная лепта бѣдной евангельской вдовицы.

Да, эта жертва бѣдна, скудна, мала, какъ капля въ морѣ. Но изъ этихъ малыхъ капель слагаются великіе дожди, текутъ ручьи и потоки, питаются большія рѣки и озера. Изъ этихъ капельныхъ народныхъ жертвъ въ послѣднее время слагается почти всецѣло все благосостояніе церковное на святой Руси. Вотъ поставленная предъ иконою свѣчка тутъ-же сгоритъ на половину, улаждая своимъ чистымъ кроткимъ свѣтомъ смиренную душу жертвоприносящаго. Вторая половина ея освѣтитъ храмъ Господень завтра въ будній день, когда молитва за весь міръ будетъ приноситься въ отсутствіи народа, отшедшаго на житейское свое дѣланіе. Изъ огарковъ слагаются большія свѣчи, горящія за престоломъ, предъ главными мѣстными иконами иконостаса, или въ паникадилахъ, веселящія зрѣніе, улаждающія сердце молящагося народа по праздникамъ и торжествамъ. Изъ лептъ, за которыя приобрѣтены грошова свѣчки, вырастаютъ сіи вотъ величественныя стѣны съ ихъ дорогими блестящими украшеніями, устрояются драгоценныя утвари и облаченія, высятся подпирающія небо колокольни съ своими громозвучными кампанами, собираются вокругъ престола Господня стройныя пѣвческіе хоры, благоприличные клирики, благозвучные діаконы, просвѣщенные служители — пастыри, ученые архипастыри. Изъ этихъ-же лептъ, изъ этихъ-же грошовыхъ свѣчекъ накапливаются не только толстыя свѣчи для большихъ свѣтильниковъ и лампадъ, но накапливается и обильный свѣтъ духовнаго просвѣщенія, свѣтъ широкаго и глубокаго знанія нашей христіанской вѣры. Въдѣ изъ нихъ-же, изъ этихъ грошовыхъ свѣчекъ, возжигаемыхъ въ храмахъ Божіихъ, изъ народныхъ лептъ слагаются капиталы, на которые воздвигаются и поддерживаются наши духовныя академіи, семинаріи и другіе разсадники духовнаго просвѣщенія. А чрезъ это выходитъ, что русскій простецъ, зажигая у образа Божія свѣчку на подсвѣчникѣ, тѣмъ самымъ возжи-

гаетъ духовный свѣтъ и въ головахъ своихъ пастырей — учителей, просвѣтляя образъ Божій въ ихъ душахъ, а чрезъ нихъ и въ своей собственной душѣ. Не видали-ль вы, что въ зажженной предъ Богомъ свѣчкѣ или лампадкѣ часто заключается вся вѣра иного человѣка, вся молитва, вся тутъ и жертва его Богу? Вотъ человѣкъ не можетъ ходить въ храмъ Божій. Но насталъ праздникъ Господень, ударили въ церковный колоколъ, — человѣкъ становится предъ образомъ Божиимъ, зажжетъ свѣчку или лампадку, перекрестился, вздохнулъ, и въ этомъ все для него празднованіе, весь смыслъ праздника, вся молитва, вся тутъ и жертва праздничная. Или вотъ человѣкъ пришелъ въ храмъ Божій, зажжетъ свѣчку, поставилъ передъ образомъ и стоитъ... Не знаетъ онъ ни праздника, ни вѣры; не понимаетъ, даже не слушаетъ молитвъ, не вникаетъ по привычкѣ и въ то, что передъ его очами на престолѣ въ алтарѣ приносится очистительная жертва за него, какъ и за весь міръ. Онъ сдѣлалъ свое простое дѣло, поставилъ передъ Богомъ свою жертву, свою свѣчку. Но эта самая свѣчка просвѣтила смыслъ, просвѣтила душу, и чрезъ то поставила у престола Божія священнодѣйствующаго пастыря. И въ этомъ пастырѣ — священникѣ заключается и сознательная вѣра вѣрующаго простака, въ священникѣ и разумная молитва его, чрезъ священника-же приносится Богу и словесная, безкровная міроочистительная жертва, которая объединяетъ, очищаетъ и вѣнчаетъ собою все прочія жертвоприношенія Богу. И такимъ образомъ, священникъ и мірянинъ, дополняя другъ друга, составляютъ единое тѣло церкви и единый духъ, молящійся и жертвоприносящій Богу.

Прискорбно, что исчезаетъ древній обычай, чтобъ самъ покупающій свѣчку самъ же и возжигалъ ее передъ Богомъ. Прошелъ по церкви человѣкъ, кинулъ свою монету на ящикъ старосты церковнаго и равнодушень, — это онъ принесъ жертву, холодную, безучастную жертву Богу-ли, долгу-ли, обычаю-ли, собственному-ли тщеславію, не разберешь. А обычай возжиганія передъ Богомъ свѣчи самимъ приносящимъ ее весьма почтенный и древній. Въ новоосвящаемомъ храмѣ, по древнему чину освященія, первую свѣчку возжигаетъ и ставитъ за престоломъ собственными руками самъ священнодѣйствующій архіерей. Еще прискорбнѣе, что многіе, а по преимуществу такъ называемые образованные люди, вовсе перестаютъ жертвовать на храмъ. Они одолжаютъ Господа Бога уже тѣмъ, что удостоиваютъ изрѣдка развлечь

себя, на короткое время посвятить храмъ Господень. Они глубоко равнодушны къ вопросу, откуда, изъ какихъ средствъ возникаютъ эти храмовыя стѣны, эта иконная роспись, эти люстры, эти облаченія; откуда это освѣщеніе, эти благовонія, это хоровое пѣніе. Нужно благодарить ихъ и за то, если они удостоятъ весь этотъ богослужебный чинъ и строй похвалить: „какъ это все нарядно и порядочно!“ Забыли они не только про то, что они члены древней апостольской церкви, которая обязываетъ чадъ своихъ помнить о своей матери и поддерживать ее тѣмъ заботливѣе, чѣмъ сама она старше. Но забываетъ наша російская интеллигенція и про то, что въ самыхъ свободныхъ странахъ и религіозныхъ общинахъ ихъ члены обязательно платятъ тѣмъ дорожее, чѣмъ сами зажиточнѣе, — за что платятъ? За мѣста въ храмахъ, за право присутствія въ нихъ, за участіе въ совершаемомъ для нихъ богослуженіи, платятъ въ поддержаніе храма и его благоуукрашенія, въ пользу труждающихся (наприм., хотѣ-бы даже стражей и звонарей), поющихъ, священнодѣйствующихъ и проповѣдующихъ слово Божіе. Вѣдь кто-же обязанъ отдавать тебѣ свой трудъ даромъ, безъ взаимности съ твоей стороны? Вѣдь церковные сторожа, какъ и другіе церковно-служители ѣсть хотятъ и добывать себѣ хлѣбъ должны своимъ трудомъ. Вѣдь ризы церковныя своими дырами кричатъ о починкѣ, или объ отставкѣ на покой. А у насъ холодная интеллигенція полагаетъ, что все это — задача и забота только простаго народа, чернаго нашего люда. А еслибъ и онъ, простой людъ, сталъ также полагать, что тогда?! Тогда...., не станемъ продолжать.

„Лучше-жъ я пожертвую на благотворительныя учрежденія, на больницы, на школы, чѣмъ на этотъ ладонъ и прочую византійскую пышность“. Съ христіанской, съ Христовой точки зрѣнія нѣтъ не лучше. Доказательство этому — извѣстное евангельское повѣствованіе о Христѣ, о женѣ мѣроносицѣ и объ Іудѣ предателѣ. Жена вылила драгоценное мѣро, въ триста пѣнязей, на голову близкому къ смерти Христу. Іуда запечалился о нищихъ: *лучше-бы продать сіе мѣро и отдать на нищихъ*. А Христосъ сказалъ: *нищія всегда имате съ собою, Мене же не оседа; сія же, изліявши мѣро сіе, на погребеніе приготовила Меня*. Есть какая-то неизреченная, безконечно трогательная красота въ этомъ евангельскомъ образѣ. Подобнымъ-же образомъ есть своя особая трогательная красота въ церкви, въ благолѣпіи храма Господня, въ благообразіи службы Господней, красота, которая дѣйствуетъ и на

маловѣріе, которая умиляетъ, которая смягчаетъ и жестокія самолюбивыя сердца, располагая ихъ къ благодати и милосердію. Милостыня въ церкви Христовой не оскудѣетъ, тѣмъ паче не умретъ. Наоборотъ, не отощаетъ-ли она до истощанія на аренѣ міра, на аренѣ смертельной борьбы за существованіе, это вопросъ. Вѣдь на Руси святой, гдѣ христіанская благотворительность начиналась съ храмовъ, пока нищихъ не прогоняли отъ порога церковнаго, конечно весьма немногіе помирали съ голоду. А въ западной Европѣ, опоясанной усовершенствованными социологіею благотворительными учрежденіями внѣ и вдали отъ церкви, гдѣ сытый кидаетъ посильные отброски своей сытости голодному пролетарію, чтобы тотъ не беспокоилъ, не грозилъ и не былъ дѣйствительно грозенъ, тамъ голодные умираютъ на улицахъ столицъ, при глубокомъ равнодушіи прохожихъ, при ворчливомъ вниманіи только полицейскаго надзора, тяготящагося убирать мертвыхъ.

Не стыдись же, просвѣщенный человѣкъ, купить и поставить свѣчку передъ Богомъ. Это твой долгъ передъ церковію, это долгъ справедливости. Знаешь, что и эстетическое наслажденіе, концерты, театры, выставки картинъ, стоятъ денегъ. Это твой долгъ и передъ самимъ собою, если хочешь не только слыть, но и быть и умереть христіаниномъ. Все твое отъ Бога. Принеси же Богу и ты хотѣ что-либо. Платишь же ты на увеселенія. Подай же что-либо и на церковъ, которая и увеселяетъ, и поучаетъ, и утверждаетъ душу. Вѣдь вотъ вѣра твоя слаба, примрачна, колеблется. О христіанской надеждѣ ты позабылъ. Любовь христіанскую въ себѣ ты потушилъ, оземленивъ, отяготивъ душу чувственностію и грѣхами. Молитва, особенно теплая, благоговѣйная, сосредоточенная, тебѣ чужда, тебѣ незнакома. Не стыдись же поставить Богу хотѣ свѣчку, какъ дѣлаютъ простые сердцемъ люди. Пусть свѣчка погоритъ за тебя передъ Богомъ, просвѣтляя твою въ Него вѣру, подѣмля къ Нему твою на Его милосердіе надежду, возгрѣвая въ тебѣ если и не чистую любовь къ Богу, то хотѣ покаянное чувство и сокрушеніе о твоёмъ одеревенѣніи, вознося отъ образа Божія къ сущему въ небѣ Первообразу хотѣ и холодную, но сознательную твою покаянную молитву.

Но вотъ еще истинно анти-христіанское знаменіе нашего послѣдняго времени, это вопли промышленной интеллигенціи о томъ, что нужно освободить духовенство отъ этихъ промышленныхъ заботъ о торговлѣ свѣчами, о ихъ заготовленіи, о свѣчныхъ заводахъ. Эти вопли

равняются вопиютъ, что слѣдовало-бы освободить духовенство отъ промышленныхъ заботъ о колоколахъ, о ладонѣ, о церковныхъ облаченіяхъ, о поновленіи стѣнъ церковныхъ, о поддержаніи духовныхъ училищъ, о содержаніи церковнаго управленія и т. д. Озабочиваясь такъ горячо освобожденіемъ духовенства отъ подобныхъ яко-бы мірскихъ заботъ, очень усердно и быстро общество освобождаетъ церковь и отъ озабочивающаго всѣхъ предмета, такъ называемаго презрѣннаго металла, попечительно возвращая насъ къ апостольской простотѣ, нестяжательности и нищетѣ. И вотъ въ наше поколѣніе появились еще новые, неслыханные прежде во всѣ восемнадцать съ половиною вѣковъ отъ Р. Х., печальники процвѣтанія церкви, это новые свѣчеторговцы съ новоизобрѣтенными церковными свѣчами изъ какого-то неслыханнаго церезина, изъ японской смолы, изъ стеарина и прочихъ нечистей. Они не знаютъ конечно, да и знать не хотятъ, что еще святыя апостолы воспретили, подѣ страхомъ изверженія, приносить ко алтарю, кромѣ еиміама, елея и воску, всякое животное мясо, всякій животный тукъ, да и все иное вопреки Господню учрежденію о безкровной жертвѣ. Странна и прискорбна лукавая простота иныхъ жертвователей и жертвовательницъ, которые накупаютъ у такихъ благонамѣренныхъ торговцевъ свѣчекъ подешевле, проникнуть въ церковь и зажгутъ эту противудерковную нечисть, и любятъ, какъ она дѣлаетъ въ церкви копоть, быстро исчезая въ дымъ и гари, съ ревнивою заботою слѣдя, чтобы въ церкви отъ ихъ жертвы не осталось даже не потребнаго огарка. Скажите-же, духовную-ли жертву приносить Богу эта лукавая простота, вещественную-ли церкви Божіей? Давно-ли мелко-корыстное лукавство стало благопріятною жертвой Богу? Давно-ли потеряло смыслъ извѣстное русское присловіе *), которымъ схвачена и мѣтко очерчена эта непривлекательная черта нашихъ доморощенныхъ фарисеевъ? Вѣдь еще въ ветхомъ завѣтѣ, въ разъясненіе того, что не пригоже приносить въ жертву Богу то, что намъ самимъ негоже, заповѣдано: *если кто приноситъ жертву, по изволенію своему или овцу, или отъ овецъ, или отъ козъ. Что слѣпо, или повреждено, или уродливо, или больно, или коростливо, или паршиво, такихъ не приносите Господу, и въ жертву не давайте на жер-*

*) На, Тебѣ, Боже, что мнѣ не гоже. Или: что себѣ не мило, то попу въ кадило.— Или: что слѣпо, да хромо, да паршиво мнѣ, то Деміану Кузмѣ и т. п.

твенникъ Господень (Лев. 22, 21—22). А ты, православное чадо новаго завѣта, христіанская душа, а не жидовинъ, приносишь къ жертвеннику Господню не вола, не овцу, не козла, а только грошевую свѣчку, да и тутъ норовишь, чтобъ она была даже не грошевою, а копѣечною. Кого-же ты обманываешь, подобно Ананіи и Сапфирѣ? Сущее твое не твое-ли было? Для чего-же тебѣ, развѣ для собственной славы въ очахъ людскихъ, нужно поставить двѣ копѣчныя свѣчки вмѣсто одной грошовой? Для чего-же ты, желая принести жертву, угодную Богу, украдкою или насильно, вопреки противодѣйствию церковниковъ, втискиваешь въ церковь Божію то, что еще святыя апостолы запретили приносить ко алтарю Господню?!... Да. Бывали на Руси, по высшимъ общимъ соображеніямъ, отъятія церковнаго достоинства на удовлетвореніе болѣе вопіющихъ о себѣ общихъ нуждъ. Но чтобы личная корысть коренныхъ русскихъ людей повела со всѣхъ сторонъ подкопъ, чтобы пресѣчь главный, да и послѣдній оскудѣвающій притокъ приношеній на церковь отъ холодѣющей ревности русскихъ православныхъ христіанъ и направить его въ собственный іудинъ ковчежець,—вѣдь и Іуда предатель, и тотъ о нищихъ и о Христѣ печашеся, но и себя не забывалъ,—это на святой Руси неслыханное дѣло пришлось услышать и во очію увидѣть нашему поколѣнію, нашему послѣднему тревожному времени. *Сіе же въздъ, — писалъ апостолъ Павелъ къ Тимоѳею (2 Тим. гл. 3, ст. 1—5), — яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта. Будутъ бо чловѣцы самолюбцы, сребролюбцы..., и мущии образъ благочестія, силы же его отвергшиися. И сихъ отверцайся.* Аминь.

1881 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день Пречистыя Дѣвы Богородицы, казанскаго ея образа, 22 го октября.

ИДЕАЛЪ ХРИСТІАНКИ.

Предста Царица одесную Тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна преиспещрена. Вся слава дщери царицы внутри. Приведутся Царию дѣвы въ слѣдъ ея, искренія ея приведутся Тебѣ. Приведутся въ веселіи и радованіи, введутся въ храмъ Царевъ. Псал. 44, 10—16.

Въ восторженномъ состояніи наитія свыше, изъ сердца древняго пророка псалмопѣвца изливается слово благое. Движимый силою Духа Божія языкъ псалмопѣвца, какъ трость книжника скорописца, изрекаетъ, а вдохновенныя уста поютъ пѣснь о Царѣ Сынѣ Божіемъ, нисходящемъ на землю для вочеловѣченія, предъизображая Его нисшествіе на землю подъ видомъ воцаренія и духовнаго брака Сына Царева, наслѣдника Царя царствующихъ, превѣчнаго Бога. Вотъ боговдохновенныя уста псалмопѣвца поютъ: „Богъ во плоти, Ты прекраснѣе сыновъ чловѣческихъ. Благодать льется изъ устъ твоихъ. Благословляетъ Тебя на твоёмъ престолѣ Богъ Отецъ твой навѣки. Препояшь же себя по бедру мечемъ твоимъ, Сильный, одѣй себя славою своею и красотою своею и въ семъ украшеніи твоёмъ поспѣши явить себя людямъ, возсядь на колесницу для явленія истины и крѣпости и правды, и десница твоя покажетъ дѣла дивныя... Возсѣдаешь Ты на престолѣ твоёмъ, Боже, вѣвѣкъ... Вотъ предстала у престола твоего одесную Тебя Царица, облеченная въ золото офирское, золотыми узорами одѣянная и преиспещренная. Но вся слава ея, вся красота дщери царицы внутри ея, въ ея душѣ. Вслѣдъ за нею на торжество небеснаго духовнаго брака приводятся къ Царю лики дѣвъ, подруги ея;

приводятся съ веселіемъ и ликованіемъ и входятъ въ чертоги Царя небснаго на радость вѣчную“. Въ этой пророчественной пѣсни, по принятому въ церкви толкованію, подъ образомъ преукрашенной царицы предъизображается слава Царицы небесной, преблагословенной Дѣвы Маріи; предначертывается дивное для неба и земли приближеніе Ея къ пренебесному престолу Бога Отца, дабы уневѣститъ Свѣтому Духу и родить отъ пречистыхъ кровей своихъ Сына Божія, Богочеловѣка, Спасителя міру; чтобы пренепорочнымъ шествіемъ своимъ къ престолу Царя царствующихъ указать путь въ брачный небесный чертогъ премногимъ сонмамъ непорочныхъ дѣвъ, какъ и ликамъ преподобныхъ и праведныхъ матерей, которыя, шествуя по стопамъ Царицы небесной, преблагословенныя Богоматери, возводятся на высоту духовныхъ невѣсть Христа, Сына Божія, Сына дѣвы пречистыя, единыя благословенныя въ женахъ. Потому и наречена Она преблагословенною Дѣвою и единою благословенною въ женахъ, что, низвлекши на себя всѣ благословенія неба, Она разлила ихъ на всѣхъ мужей и женъ, указавъ всѣмъ и особенно женамъ, своимъ царскимъ шествіемъ, прямѣйшій путь къ небу. Она, пречистая Дѣва Марія, своимъ пришествіемъ въ міръ принесла на землю прежде невѣдомый міру совершеннѣйшій идеалъ женщины христіанки.

Этотъ идеалъ женщины христіанки, по запросу нашего времени, по смыслу и духу и Христовой церкви, и постараемся начертать, въ честь настоящаго празднованія, во славу преблагословенныя въ женахъ Дѣвы Маріи.

Не стоитъ, было-бы долго и не совсѣмъ уместно здѣсь и теперь сравнивать идеалъ женщины христіанки съ высшимъ идеаломъ женщины языческаго классическаго міра, не говоря уже о женщинахъ другихъ менѣе образованныхъ языческихъ народностей. Вѣднѣтъ же возможности ставить въ какое-либо сравненіе даже римскую Люкрецію или извѣстную препрославленную спартанскую мать, по духу мѣста и времени, полную суроваго героизма и самоотверженной любви къ отечеству, съ праведною Елизаветою, матерью Предтечи, или съ праведною Анною, матерью Богоматери, или Марією Магдалиною и Марією египетскою, съ мученицами Ѳеклою и Варварою, какъ и съ неисчислимымъ сонмомъ преподобныхъ и праведныхъ матерей и дѣвъ. А сравнимъ идеалъ женщины, ново-завѣтный христіанскій, съ идеаломъ, начертаннымъ въ ветхомъ завѣтѣ.

По первоосновному совѣту въ тройческомъ единствѣ Божества о сотвореніи жены: не добро быти чловѣку единому, сотворимъ ему помощника по нему (Быт. 2, 18); по первоосновному творческому закону: сего ради оставитъ чловѣкъ отца своего и мать и прильнется къ женѣ своей и будутъ два въ плоть едину (Быт. 2, 24); по первоосновному творческому благословенію и заповѣди: растите и множитесь и наполните землю (Быт. 1, 28), въ ветхомъ завѣтѣ всякая женщина воспитывалась исключительно для того, чтобы пришедши въ мѣру возраста, сдѣлаться женою мужа, матерію дѣтей и помощницею главы семейства въ домостроеніи. Этимъ заключалось общее и, можно сказать, высшее призваніе ветхо-завѣтной женщины. Такъ у псалмопѣвца воспѣвается, какъ великое благословеніе Божіе, многоплодіе жены. Блаженъ, кто боится Господа, кто ходитъ путями Его! Жена твоя, какъ плодовая лоза, въ домъ твоемъ; сыновья твои, какъ масличныя вѣтви, вокругъ трапезы твоей. Увидишь сыновъ у сыновъ твоихъ. Такъ благословится чловѣкъ, боящійся Господа (Пс. 127). У ветхо-завѣтнаго богословеннаго мудреца, такъ прославляются качества добродѣтельной жены, какъ помощницы мужа, какъ хозяйки дома. Кто найдетъ добродѣтельную жену, — цѣна ея выше жемчужинъ и камней многоцѣнныхъ. Увѣрено въ ней сердце мужа ея. Во всѣ дни жизни своей она воздастъ мужу добро, а не зло. Она добываетъ шерсть и ленъ, и съ охотою работаетъ своими руками. Она, какъ купеческій корабль, издалека добываетъ хлѣбъ свой. Она встаетъ еще ночью, и раздаетъ пищу въ домъ свой и урочное служанкамъ своимъ. Задумаетъ она о полѣ и приобретаетъ его; отъ плодовъ рукъ своихъ насаждаетъ виноградникъ. Она чувствуетъ, что занятіе ея хорошо, и свѣтильникъ ея не гаснетъ и ночью. Протягиваетъ руки свои къ прялкѣ и персты ея берутся за веретено. Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ея одѣта въ двойныя одежды. Она и чужому бѣдному открываетъ длань свою и руку свою подаетъ нуждающемуся. Она дѣлаетъ себѣ ковра; виссонъ и пурпуръ — одежда ея. Она дѣлаетъ покрывала и продаетъ, и поясы доставляетъ купцамъ финикійскимъ. Во всемъ она наблюдаетъ за хозяйствомъ въ домъ свой, и не ѣстъ хлѣба праздности. Крепость и красота одежда ея, и весело смотритъ она на будущее. Уста свои открываетъ съ муд-

ростію, и кроткое наставленіе на языкъ ея. Встаютъ дѣти, и ублажаютъ ее; мужъ и хвалитъ ее. Мужъ ея славится у воротъ, когда сидитъ и держитъ совѣтъ съ старѣйшинами земли. Милосердіе обманчива, и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна общей и всякой хвалы (Прит. Сол. гл. 31). Такъ въ добродѣтельной женщинѣ, какъ женѣ, матери и хозяйкѣ, прославляются ея вѣрность мужу, домовитость и дѣятельность, крепость мышцъ и рукъ, неусыпное трудолюбіе и бодрая заботливость о домѣ, ея щедродательность не только въ домашнемъ кругу, но и чужимъ нуждающимся, ея бодрая нарядность, красота и веселость, ея мудрость и кроткая наставительность, а наконецъ завершеніе всего страхъ Господень. Тѣже черты въ добродѣтельной женщинѣ прославляются и у другаго ветхозавѣтнаго мудреца, у Іисуса сына Сирахова, черты доброты и любезности, благоразумія, кротости и душевной благовоспитанности, стыдливости и душевной воздержности, красоты въ домовитости, въ убранствѣ дома, и красоты, какъ отпечатка добродѣтели въ зрѣломъ возрастѣ. Счастье мужа добрая жена, и число дней его сугубое. Радость мужа жена добродѣтельная, и лѣта его исполнитъ миромъ. Добрая жена счастливая доля, она дается въ удѣлъ боящимся Господа. Съ нею у богатаго и бѣднаго сердце довольное и лице во всякое время веселое. Любезность жены усладитъ дни ея мужа, и благоразуміе ея утучнитъ кости его. Кроткая жена — даръ Господа, и нѣтъ цѣны благовоспитанной душѣ. Благодаръ на благодаръ жена стыдливая, и нѣтъ достойной мѣры для воздержной души. Что солнце, восходящее на высотахъ Господнихъ, то красота доброй жены въ убранствѣ дома ея. Красота лица ея въ зрѣломъ возрастѣ — что свѣтильникъ, сіяющій на святомъ свѣщникѣ (Іис. Сир. гл. 27); такъ она сіяетъ кроткимъ и святымъ блескомъ.

Руководимыя этимъ присущимъ ветхому завѣту идеаломъ, воодушевляемыя исконнымъ духомъ святости, вѣнчанныя еще изъ патріархальной древности, нѣкоторыя избранницы и изъ ветхозавѣтныхъ женъ достигли такой праведности, что удостоились чести быть выставленными и въ новомъ завѣтѣ въ образецъ для подражанія христіанскихъ женъ, какова родительница Богоотроковицы Маріи праведная Анна, какова мать Предтечева праведная Елизавета, какова праматерь вѣрующихъ праведная Сарра, которой святой апостолъ Петръ, для под-

ражанія женомъ христіанскимъ, приписываетъ святое, чистое, богобоязненное житіе, упованіе на Бога и повиновеніе мужу съ одной стороны, а съ другой и благотворное вліяніе на праведнаго супруга посредствомъ чистаго богобоязненнаго своего житія, посредствомъ украшенія себя не внѣшнимъ плетеніемъ волосъ, не золотыми уборами, или нарядностью въ одеждѣ, но нетлѣнною красотою сокровеннаго въ сердцѣ чловѣка, нетлѣнною красотою кроткаго и молчаливаго духа (1 Пет. 3, 1—6). Такова же была, въ исходѣ ветхаго завітѣ, и Анна пророчица дщерь Фануилева, которая на половину принадлежала уже новому завітѣ, которая, проживъ съ мужемъ отъ дѣвства своего только семь лѣтъ, вдова лѣтъ восьмидесяти четырехъ, не отходила отъ храма, постомъ и молитвою служа Богу день и ночь (Лук. 2, 36—37), предначавъ своимъ воздержно-цѣломудреннымъ, постническимъ, молитвеннымъ, всецѣло богопреданнымъ, подвижническимъ житіемъ несчетный сонмъ подвижницъ уже новозавѣтныхъ.

Но какъ въ ветхомъ завітѣ исключительнымъ призваніемъ женщины считалась жизнь въ супружествѣ, а многоплодіе жены признавалось благословеніемъ Божиимъ, безплодіе-же и неимѣніе чадъ — знакомъ немилости Божіей и поношеніемъ между людьми, поношеніемъ не только для жены, но и для мужа; поэтому, для увеличенія многочадія въ семьѣ, поущено было въ ветхомъ завітѣ многоженство. А поущенное Богомъ въ благихъ цѣляхъ умноженія чловѣческаго рода, какъ и благословеннаго сѣмени патріарховъ, многоженство низведено было, сладострастіемъ людскимъ, до наложничества. А то и другое, многоженство и наложничество, понижая иногда до послѣдней степени богоустановленную, естественную, наитѣснѣйшую любовь, какая можетъ быть у единаго мужа только къ единой женѣ, составляющей съ нимъ единую плоть и единый духъ, питая, наоборотъ, въ мужѣ холодное жестосердіе ко многимъ женамъ и наложницамъ, какъ и обратно, воспламеняя слишкомъ часто, если только не постоянно вмѣсто любви, привязанности и всецѣлой преданности, жестокою, лукаво-коварную ненависть у многихъ женъ къ мужу, къ которому такъ мало онѣ были привязаны, который имѣлъ право замѣнять ихъ одну другою, какъ вещь — все это повело не только къ допущенію, но и къ легкости развода. А всѣ эти ветхо-завѣтные обычаи, какъ и возникшіе изъ исконныхъ обычаевъ законы неизбѣжно вели къ тяжкому униженію и даже часто къ развращенію еврейской женщины, конечно, съ огром-

нымъ вредомъ и для мужей и для всего народа и для всего общественнаго строя. Жена была тогда часто не подруга мужа, въ высшемъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, а весьма часто только раба, съ унижительною назначеніемъ быть орудіемъ для удовлетворенія чужой похоти, даже, можно сказать, была чуть не вещь, принадлежность дома, мѣняемая по прихоти; но вещь живая, то растлѣваемая отвращеніемъ къ своему ненавистному властелину, то возжигаемая чувствомъ естественной ревности и злобы къ ненавистнымъ соперницамъ, отстаивающая свои естественныя права хитростью и коварствомъ, и весьма часто вольная-невольная прелюбодѣйца, такъ какъ, по слову Христа Спасителя, самый разводъ безъ основательной вины, съ цѣлю новаго брачнаго сопряженія, былъ прелюбодѣяніемъ, прелюбодѣяніемъ двустороннимъ или даже четверостороннимъ; такъ какъ и разведшійся съ женою, оженившійся на другой, впадалъ въ прелюбодѣяніе, и женившійся на разведенной также впадалъ въ прелюбодѣяніе. Можете судить, какъ мало всѣмъ этимъ возвышалось въ ветхомъ завітѣ нравственное значеніе женщины. Оттого въ ветхомъ завітѣ встрѣчается не мало суровыхъ изреченій о женахъ недобрыхъ. *Лучше жити со львомъ и змією, неже жити съ женою лукавою. Мала есть всякая злоба противу злобы женстѣй. Сердце унылое и лице печальное и язва сердечна — жена лукава. Отъ жены начало грѣха и чрезъ нее мы умираемъ. Не давай водъ выхода, ни злой женѣ власти* (Лис. Сир. 25, 18—29).

Большое-же дѣвство, всецѣлое посвященіе своего тѣла и духа Богу, какъ между женщинами, такъ и между мужчинами, было въ ветхомъ завітѣ совсѣмъ внѣ обычаевъ. Въ какой мѣрѣ вѣчное дѣвичество считалось тогда несчастіемъ, достойнымъ слезъ, и самую тяжкою жертвою Богу, можно судить по примѣру дщери Іефеаевой. Судія израилевъ Іефеай, выступая войною на аммонитянъ, произнесъ такой обѣтъ Господу: *если Ты предашь Аммонитянъ въ руки мои, то, по возвращеніи моемъ съ миромъ отъ Аммонитянъ, что выйдетъ изъ воротъ дома моего на встрѣчу мнѣ, будетъ Господу и вознесу сіе во всесоужженіе. И поразивъ Аммонитянъ пришелъ Іефеай въ домъ свой. И вотъ дочь его выходитъ на встрѣчу ему съ тимпанами и ликами. А она была у него одна и не было у него еще ни сына ни дочери. Когда онъ увидѣлъ ее, разорвалъ одежду свою и сказалъ: ахъ, дочь моя! ты сразила меня! Я отвергъ о тебѣ уста мои предъ*

Господомъ, и не могу отречься. Она сказала ему: отецъ мой! ты отверзъ уста твои предъ Господомъ,—и дѣлай со мною то, что произнесли уста твои, когда Господь совершилъ чрезъ тебя отмщеніе врагамъ твоимъ. Но сдѣлай мнѣ только вотъ что: отпусти меня на два мѣсяца; я пойду, взойду на горы, и оплачу дѣвство мое съ подругами моими. Онъ сказалъ: пойди; и отпустилъ ее на два мѣсяца. Она пошла съ подругами своими, и оплакивала дѣвство свое въ горахъ. По прошествіи же двухъ мѣсяцевъ, она возвратилась къ отцу своему, и онъ совершилъ надъ нею обѣтъ свой, который далъ, и она не познала мужа. Полагаютъ, что она посвящена была на вѣчное до смерти служеніе Богу при скинии,—это и было вознесеніемъ ея въ жертву всесожже- нія Богу. И это необычное тогда въ ветхомъ завѣтѣ, столь обычное у насъ въ христіанскомъ мірѣ, жертвоприношеніе себя Богу, такъ поразило тогда израильтянъ, что тогда вошло было въ обычай у Израиля, что дочери израильтянъ ходили оплакивать дочь Іефѳея четыре дня въ году, такъ какъ она не познала мужа до смерти.

Волею-неволею сія дочь Іефѳея, столькими слезами оплаканная, оказалась въ ветхомъ завѣтѣ прообразомъ пречистой Дѣвы Маріи, низведшей на себя и на все человѣчество столько благословеній земныхъ и небесныхъ. Когда во исполненіе своего обѣта Богу, праведные родители Богоотроковицы Маріи Іоакимъ и Анна, съ ликами дѣвъ, ввели Ее въ храмъ Господень, воспитатися въ Божіе жилище, тамъ Она, какъ избраннѣйшій сосудъ благодати Божіей, первая изъ вѣтхо-завѣтныхъ женъ, пришедши въ возрастъ, предъявила ветхо-завѣтнымъ священникамъ свой вольный обѣтъ приснодѣвства Богу, содѣлавшись и вѣнцомъ ветхо-завѣтныхъ и начаткомъ чистѣйшихъ женъ и дѣвъ новозавѣтныхъ, освятивъ собою и чистѣйшее дѣвство Бога ради и рождество, и семейную и подвижнически-созерцательную жизнь, осуществивъ въ себѣ новозавѣтный идеалъ всецѣло посвященной Богу дѣвы и жены, матери и приснодѣвы.

Явившись въ міръ не разорить, но восполнить древній законъ, Христово евангеліе не разорило, а возстановило и восполнило и первоосновной творческій законъ, относительно неразрывности брачнаго союза единого мужа съ единою женою, подтвердивъ устами самаго Христа Спасителя исконный божественный приговоръ: *оставитъ человекъ отца своего и мать, и прильнется къ жене своей и бу-*

дутъ одною плотію, такъ что они уже не двое, но одна плоть. Что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ (Мат. 19, 5—6). Освященный Богомъ и церковію союзъ мужа и жены въ христіанствѣ возвышенъ на степень таинства и тайны, на высоту таинственного символа и подобія таинственному союзу Христа съ церковію, какъ и со всякою стремящеюся къ союзу со Христомъ душею.

Освятая бракъ, христіанство благословляетъ и цѣль брака. Христіанство ставитъ женѣ въ спасительную заслугу предъ Богомъ самый актъ чадородія, по закону правды и мздовоздающей милости Божіей. Женѣ согрѣшившей, соблаздившей и мужа, въ наказаніе за грѣхъ правда Божія изрекла приговоръ: *умножая умножу скорбь твою въ беременности твоей, въ болѣзни будешь рождать дѣтей; и къ мужу твоему влеченіе твое, и онъ будетъ господствовать надъ тобою* (Быт. 3, 16). А побуждаемая милостью мудрость Божія содѣлала, что средство наказанія за грѣхъ явилось и способомъ спасенія. Почему св. апостолъ Павелъ и учитъ, что *жена спасется чадородіемъ ради, если пребудетъ въ вѣрѣ и въ любви, и во святости съ цѣло-мудріемъ* (1 Тим. 2, 15). Почему, указавъ средоточіе призванія женщины въ продолженіи рода, христіанство располагаетъ и прочія обязанности ея такъ, что женщина должна развивать свою дѣятельность, прежде всего и главнымъ образомъ, въ кругу семьи и дома. Почему св. апостолъ Павелъ и внушаетъ, что *вдающій браку свою дѣву—дочь добра творитъ*. Тоже поприще семейной жизни, какъ естественное и болѣе безопасное, апостолъ Павелъ указываетъ и вдовицамъ, особенно же юнымъ. Имѣя въ виду опасность, что юныя вдовицы, будучи праздны, приучаются ходить по домамъ, и бываютъ не только праздны, но и болтливы, и говорятъ, чего не должно, св. апостолъ желаетъ, чтобы молодыя вдовы вступали въ бракъ, служили Богу и человѣчеству рожденіемъ дѣтей, управляли домомъ, не подавая повода къ злорѣчію; чтобы, пребывая безпорочными, учились сами и дѣтей своихъ учили почитать свою семью, въ страхъ Божіемъ, и воздавать должное родителямъ, памятуя, что если кто о своихъ, а особенно о домашнихъ не печется, тотъ отречься отъ вѣры и хуже невѣрнаго (1 Тим. гл. 5). Въ-же домашней сферы христіанство указываетъ женщинамъ поприще благихъ дѣлъ, не особенно удаляющееся отъ той-же сферы, восхваляя христіанку, которая дѣлаетъ себя извѣстною добрыми дѣлами, по преимуществу дѣлами милосердія, если, благоустрояя свою

семью, воспитывая дѣтей, она принимала странниковъ, умывала ноги святымъ, помогала бѣдствующимъ и была усердна ко всякому благому дѣлу благотворенія.

Замѣчательно, что христіанство, вмѣняя женщинѣ въ обязанность воспитывать и наставлять дѣтей, какъ и всю семью, не сочувствуетъ открытой учительной дѣятельности женщины, именно властному, особенно-же публичному ея учительству. *Учить женъ не позволяю*,—заповѣдуетъ апостолъ Павелъ (1 Тим. гл. 2),—*ни властвовать надъ мужемъ, но быть въ безмолвіи. Жена и сама учиться должна въ безмолвіи со всякою покорностію. Жены ваши въ церквахъ да молчатъ; ибо не позволено имъ говорить, а заповѣдано быть въ подчиненіи. Неприлично женѣ говорить въ церкви* (1 Кор. 14, 34—35). Не желаютъ святые апостолы, чтобы жены совершали и общественныя молитвы въ церкви для другихъ (1 Тим. 2, 8—9), какъ и пресвятая Дѣва Богородица никогда въ церкви не священнодействовала и не учила, уступая эту честь въ своемъ присутствіи св. апостоламъ.

Св. апостолы заповѣдуютъ, чтобы жены являлись въ церкви, какъ и вообще предъ другими людьми, въ приличномъ одѣянїи, съ главами покровенными, со стыдливостію и цѣломудріемъ; чтобы украшали себя не плетеніемъ волосъ, ни золотомъ, ни жемчугомъ, ни многоцѣнною одеждою, но добрыми дѣлами, какъ прилично женамъ, посвящающимъ себя благочестію; чтобы украшеніемъ ихъ было не внѣшнее плетение волосъ, не золотыя уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человекъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что предъ Богомъ драгоцѣнно, какъ нѣкогда и въ ветхомъ завѣтѣ украшали себя святыя жены, уповающія на Бога, повинуваясь своимъ мужьямъ, какова была праведная Сарра, жена отца вѣрующихъ Авраама. Правда, слово Божіе признаетъ и внѣшнюю красоту благословеніемъ небесъ. *Добра взоромъ зѣло*, нерѣдко повторяется въ словѣ Божіемъ о библейскихъ женщинахъ. Но христіанство желаетъ, чтобы красота внѣшняя непремѣнно была отблескомъ красоты внутренней, красоты потаеннаго человека сердца, какова была духоносная красота преблагословенныя Дѣвы Маріи, по древнему преданію. „Какова Владычица наша пречистая Дѣва, Богородица, живущи на землѣ, была нравомъ, издревле предано сие. Дѣва была не токмо плотію, но и духомъ, въ сердцѣ смиренна, въ словѣ благомудрена, въ глаголаніи не скоро, въ чтеніи всегдашня, въ трудѣхъ бодрѣ, въ бесѣдахъ цѣломудренна, яко

съ Богомъ, а не съ людьми бесѣдую. Никого не обижала, но всѣмъ всякихъ благъ желала; не возгнушалась никакимъ хотя и убогимъ человекомъ; ни надъ кѣмъ не посмѣялась, но все, что усматривала, ублажала: благо, благо. Ничего не было въ устахъ Ея такового, чтобы не изливало благодати, въ дѣлѣ все дѣвственное и вся Она дѣвственная. И внѣшній ликъ Ея образомъ былъ внутренняго совершенства, изображеніемъ благоутробія и незлобія. Съ нравомъ-же Ея пресвятымъ, какова была Она и тѣлеснымъ образомъ, обрѣтается въ древнемъ преданіи сие: была Она во всякомъ дѣлѣ честна и постоянна, мало зѣло и то потребное глаголющи, къ слушанію готова и благоглаголива, честь каждому и почитаніе воздавая, возраста мѣрнаго, лица Ея видъ былъ какъ видъ зерна пшеничнаго, власа желтаго, очей острыхъ, въ которыхъ зѣницы подобны были масличнаго плода виду; брови Ея бяху наклонены и изрядно черны, носъ не кратокъ, устнѣ яко цвѣтъ розы, исполнены сладкословесія. Лице не кругло, ни остро, но мало продолжено. Руки купно и персты продолговаты. Была Она на послѣдокъ всякаго киченія непричастна, проста, нимало въ лицѣ не притворяющаяся, никоея-же мягкости съ собою и въ себѣ имущая, но смиреніе изрядное являющая. Одежды, которыя носила, были просты и естественнаго вида, какъ и нынѣ святой покровъ пресвятыя главы Ея являетъ. И вкратцѣ рещи: во всѣхъ дѣлахъ Ея многая божественная благодать присутствовала (Минея-Четья, авг. 15 день).

Замѣчательно, что христіанство желаетъ, чтобы жены оказывали законное благотворное вліяніе на мужей, не господствуя надъ ними, а наоборотъ, покорствуя имъ. Такъ св. апостолъ Петръ внушаетъ: *женѣ повинуйтесь своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ своимъ своимъ безъ слова плѣнены были, когда увидятъ ваше чистое, богобоязненное житіе* (1 Пет. 2, 12). Своею чистотою, невинностью, святостію жена можетъ даже спасти мужа, даже недобраго мужа. Ибо по слову апостола Павла (1 Кор. 7, 14—17), *женою вѣрующею освящается мужъ невѣрующій*, какъ и наоборотъ, *женою невѣрующею освящается мужъ вѣрующій*. Почему ты знаешь, жена,—вопрошаетъ св. апостолъ,—не спасешь-ли мужа? Или ты, мужъ, почему знаешь, не спасешь-ли жену? Только каждый поступай такъ, какъ Богъ опредѣлилъ, какъ Господь каждаго призвалъ. Да, христіанство не проповѣдуетъ равенства мужа и жены, не стремится уничтожить или даже сгладить

бого-зданную разность половъ. Нѣтъ. Но не смущайтесь, жены. Христіанство не выдаетъ васъ мужьямъ и головою. Оно заповѣдуетъ мужьямъ не только любить женъ, какъ свои собственные тѣла, но и обращаться съ ними благоразумно, воздавая имъ особую честь, какъ немощнѣйшимъ сосудамъ, и какъ сонаслѣдницамъ благодатной жизни (1 Пет. 3, 7).

Семейная жизнь — это общее самое естественное призваніе женщины, это естественное для нея поприще для упражненія себя въ добродѣтели и для снисканія вѣчнаго спасенія. Но это низшая степень христіанскаго совершенства для женщины также, какъ и для мужчины. А высшая степень — это жизнь дѣвственная, это всецѣлое посвященіе себя на служеніе Богу, это отреченіе отъ всѣхъ даже естественныхъ и законныхъ, благословляемыхъ Богомъ утѣхъ и мірскихъ попеченій, ради Бога, ради высшаго очищенія души, ради тѣснѣйшаго сочетанія ея со Христомъ, небеснымъ женихомъ какъ всей Христовой церкви, такъ и каждой христіанской души. Почему св. апостолъ Павелъ и желаетъ, чтобы всѣ люди были, какъ и онъ, оставаясь безбрачными. Впрочемъ, прибавляетъ онъ: *каждый имѣетъ свое дарованіе отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе. Безбрачнымъ и вдовамъ говорю: хорошо имъ оставаться, какъ я. Но если затрудняются, пусть вступаютъ въ бракъ. Но я вамъ сказываю: время жизни коротко и печально, такъ что и имѣющіе женъ должны быть, какъ не имѣющіе, и пользующіеся міромъ симъ какъ не пользующіеся. Преходитъ бо образъ міра сего. А я хочу, чтобы вы были безъ излишнихъ мірскихъ заботъ. Неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодитъ Господу; а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодитъ женѣ. Есть разность между замужнею и дѣвицею. Незамужняя заботится о Господнемъ, какъ угодитъ Господу, чтобы быть святою тѣломъ и духомъ; а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодитъ мужу и міру. Говорю это для вашей-же пользы, не съ тѣмъ, чтобы наложить на васъ узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу безъ развлеченія, отложивъ всякое нынѣ житейское попеченіе (1 Кор. гл. 7). Самъ Христосъ мужьямъ и женамъ, юношамъ и дѣвамъ, возгласилъ: блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ. Аще кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себѣ и возметъ крестъ свой и по Мнѣ ирдетъ. Иже любитъ отца или мать паче Мене, несть Мене достоинъ. И иже любитъ сына или дочь паче Мене,*

нѣсть Мене достоинъ. И иже не приметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене ирдетъ, несть Мене достоинъ. Обрѣтый душу свою погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю. И всякъ, иже оставитъ домъ или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, имени моего ради, сторицею приметъ и животъ вѣчный наследуетъ. По общему воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божиіи на небеси суть. Будите убо вы совершенни, яко-же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть. И по этому божественному зову, многіе сонмы не только мужей, но и женъ, отреклись не только міра и всего, что въ мірѣ, но и себя самихъ; отреклись отца и матери и всякихъ семейныхъ привязанностей, чтобы послѣдовать за Христомъ; чтобы принадлежать Ему единому всѣмъ существомъ своимъ; чтобы умертвить въ себѣ ветхаго челоука, а обновленнымъ внутреннимъ духовнымъ челоукомъ сочетаться со Христомъ и облечься въ Него, чтобы умереть со Христомъ и спогрестись съ Нимъ и воскреснуть въ Немъ.

По этому божественному зову пошли влѣдъ за Господомъ Марія Магдалина, Марія сестра Лазаря, пошли святые жены мученицы, пошли блудницы кающіяся, пошли тысячи тысячъ дѣвъ и женъ подвижницъ и мученицъ, которыя изумили міръ своими подвигами, своимъ самоотверженіемъ, своими страданіями за Христа, своимъ самоумерщвленіемъ ради Христа. Пошли сонмы мученицъ, изъ которыхъ каждая зоветъ ко Христу великимъ гласомъ: *Тебе, женише мой, люблю и Тебѣ ищущи страдальчествоую и сраспинаюся и спогребуюся крещенію твоему, крещенію кровію, да царствую въ Тебѣ, и умираю за Тя, да и живу съ Тобою, почему и прими меня, яко жертву непорочную, пожершуюся Тебѣ.* Пошли за Христомъ сонмы подвижницъ, которыхъ подвиги самоумерщвленія, по своей продолжительности, были еще болѣе тяжки, а по своей непреклонности, при удобопреклонности плоти и духа ко грѣху, еще болѣе высоки, чѣмъ кратковременныя страданія мученицъ, каковы, на примѣръ, поражающіе подвиги самоумерщвленія преподобной Маріи египетской, какъ и другихъ преподобныхъ матерей, многіе годы день и ночь предстоявшихъ и предстоящихъ на служеніи Господу, и въ храмахъ Божіихъ и по уединеннымъ кельямъ, въ пустыняхъ и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ. Пошли и идутъ за Христомъ многіе сонмы женъ и дѣвъ, которыя, храня себя въ цѣломудріи и чистотѣ, отказавшись отъ всѣхъ

радостей естественной семейной жизни, всецѣло посвящаютъ себя дѣламъ христіанскаго милосердія и самымъ тяжкимъ, а нерѣдко и страшнымъ подвигамъ служенія страждущему человѣчеству, служенія на поляхъ брани, въ дышущихъ заразою госпиталяхъ, въ самыхъ темныхъ грязныхъ, зловонныхъ и ужасныхъ притонахъ, гдѣ томится нищая, немощная, нерѣдко развратная, всякою грязью отталкивающая благовоспитанное чувство, низшая наша братія, — и все это выносить съ неслыханными въ языческой древности мужествомъ, твердостью и самоотверженіемъ, только ради Христа, чтобъ услышать въ грозный часъ смерти и послѣдняго суда сладчайшій гласъ Христовъ: алкалъ, жаждалъ Я, въ темницѣ былъ, боленъ былъ, и вы послужили Мнѣ въ лицѣ сихъ братій моихъ меньшихъ.

Видѣлъ-ли, слышалъ-ли древній языческій классическій міръ, мечталось-ли высшимъ и лучшимъ языческимъ мудрецамъ, хотя-бы то Платону и Цицерону, что-либо подобное идеалу христіанской женщины!

А современный идеалъ современной женщины далеко-ли въ своемъ развитіи ушелъ выше идеала женщины, принесеннаго христіанствомъ? Увы! Современные женщины отважно протягиваютъ свои руки къ запретному древу познанія добра и зла. Смѣло срываютъ запретный плодъ, — не яблоко, хотя и символическое райское, однакоже настоящее древесное яблоко, какое вкусила праматерь наша Ева, а запретный плодъ въ разныхъ смыслахъ, по смыслу древнихъ еретиковъ, и прежде всего по всеобъемлющему коварному внушенію змія искушителя: *не смертію умрете, а будете яко бози въдуше...* Смѣло заявляютъ свое право наряду съ мужчинами, познать не одно добро, — это скучно, это — противная односторонность, — а и зло. Кто смѣетъ запрещать имъ всестороннее развитіе? Прочь институтская наивность, граничушая съ невѣжествомъ, долой дѣвичья самозамкнутая стыдливость, вывѣска узкой ограниченности и тупости; современные героини хотятъ познать все, выпить чашу до дна, пусть тамъ будетъ горечь, пусть тамъ будетъ ядъ, пусть на днѣ тамъ гнѣздится самая смерть. Онѣ хотятъ быть людьми вполне, смѣлыми, развитыми, отважно завоевывающими для себя всѣ права жизни, всѣ человѣческія права, чтобъ ничто человѣческое не было имъ чуждо. Даже больше, хотятъ быть богами или богинями, да и не тѣми, какими мнили себя напитанные романтизмомъ женщины XVIII философскаго энциклопедическаго вѣка, а богинями по духу нашего реальнаго, матеріальнаго вѣка, по вкусу современной

философіи, по которой выше развитой женщины божественная природа не производила ничего. А Богъ на небѣ? „Излишнее всегда“ (увѣряютъ они себя), „старое особенно теперь понятіе“. — А судъ за гробомъ? — „Пугало простецовъ“ (ободряютъ они себя). — А смерть вѣчная? — „О! зовемъ тебя“, — кличутъ они ее, — „какъ упокоеніе отъ тревоженій жизни, какъ сладкій покой небытія! Самая жизнь“, — плачутся они, — „даръ напрасный, даръ случайный, жизнь, зачѣмъ ты намъ дана? А какъ судьбою тайной жизнь на казнь обречена, на казнь роковой борьбы за существованіе, то самая разумная забота прожить свою весну жизни какъ можно веселѣе, бодрѣе, свободнѣе: ибо она отцвѣтетъ и не воротится. Пусть цвѣты цвѣтутъ весной: ихъ цвѣтеніе дѣйствительно лучшая краса жизни“. А сказано: *въ болѣзняхъ родиши чада?* — „Что дѣлать?“ — возражаютъ они, — „естественный, хотя и не всегда пріятный законъ, который можно всячески обойти“. — А сказано: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ?* — „Это увидимъ“, — отвѣчаютъ они, — „времена всяческаго рабства и деспотизма уходятъ невозвратно“. Мечтаютъ о независимости многознанія и положенія, о свободной широкой дѣятельности, о роляхъ Семирамидъ и Аспазій. Но забываютъ, что таковыхъ историческихъ звѣздъ первой величины, яркаго, хотя и сомнительной чистоты блеска, подозрительной, хотя и громкой славы, только и было что двѣ, три, четыре, и не болѣе десяти — двадцати на всемъ пространствѣ исторіи; огромное-же большинство ихъ страстныхъ подражательницъ, которыхъ такъ много развелось въ наши дни, оканчиваютъ обыкновенно самую узкую и жалкою дѣятельностью, всего менѣе славною, всего чаще позорною, а въ послѣдніе дни иногда и ужасно преступною, какъ кончила злосчастная П — ая, да и другія. Мечтаютъ объ устройствѣ фаланстерій, своихъ особыхъ раевъ на землѣ. И тогда-то, думаютъ, наступитъ золотой вѣкъ на землѣ. Дикая мечта, которая еще больше окажется несбыточной очевидною мечтою въ будущемъ, когда средства благоденствія людей на землѣ истощатся, а борьба за существованіе, при оскуднѣніи любви христіанской, жестоко обострится. Не хотятъ быть христіанками, чтобъ не быть рабынями, смѣшивая одно съ другимъ, христіанство съ порабощеніемъ и униженіемъ женщины! Отъ успѣховъ науки дожидаются полнѣйшаго освобожденія отъ фиктивныхъ, по ихъ ученію, долговъ. А обожаемая ими наука напомнитъ имъ, какъ и напоминаетъ уже, что развитіе женщины, въ своемъ восхожденіи вверхъ, кончило христіан-

ствомъ, христіанскимъ идеаломъ женщины; а прежде того дѣйстви- тельно женщина была рабыней, даже у образованнѣйшихъ народовъ, не только у дикарей. А прежде того была многомужницей, конечно, у дикарей. А прежде того была достояніемъ общины, конечно у гру- быхъ дикарей. А прежде того была даже просто скотомъ другого пола, конечно, у грубѣйшихъ, потерявшихъ образъ Божій, оскотинившихся дикарей. Не объ этомъ-ли мечтаетъ, не туда-ли направляется и совре- менная передовая женщина? Не туда-ли влечетъ она за собой и дру- гой полъ? Впрочемъ въ современной сумятицѣ суемудрія не разберешь, кто кого влечетъ. Явно только, что скрываясь отъ Бога, отъ Его все- видѣнія, въ листвѣ смоковное своего скептицизма и пустомыслія, со- временные передовые люди, мужчины и женщины, влекутъ другъ друга къ такой безднѣ униженія и низпаденія, что должно чаять со стра- хомъ—самъ Богъ, ставъ надъ этою бездною, когда *Духъ Его уже не имать пребывать въ челоуцѣхъ силѣхъ, зане суть плоть*, загремѣть надъ нею страшнымъ гласомъ уже не милосердія и жалости, какъ надъ падшимъ Адамомъ: *Адаме, иди еси?* а только правосудія и от- вращенія: гдѣ вы тамъ всѣ?! и не для того загремѣть, чтобы вызвать ихъ изъ бездны, какъ падшаго Адама, а чтобъ отворить дно ея и по- пустить челоуцеству брѣнному и грѣшному, тяготѣніемъ собственного влеченія, упасть на дно адово. *Отыдите отъ Мене... И Азъ вашей пошлѣи послѣюся. Аминь.*

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день явленія казанскія иконы приснодѣвы Богоматери, послѣ побѣды, одержанной надъ турками подъ Телищемъ.

Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ. Филип. 2, 5—11.

Такъ начинается чтеніе изъ апостола, которое обыкновенно возгла- шается почти во всѣ богородичные праздники. Повторимъ это чтеніе и вдумаясь въ него. Вдумаясь въ то, что хочетъ внушить намъ св.

апостолъ, что хочетъ внушить и св. церковь, предлагая это чтеніе именно въ богородичные праздники, что есть въ немъ относящагося къ пречистой Дѣвѣ Богоматери?

Сіе да мудрствуется въ васъ, пусть будутъ въ васъ тѣже помыслы, тѣ чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ. Онъ, бу- дучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ для себя быть равнымъ Богу. Но самъ себя унижилъ, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ по всему челоукамъ, и по виду ставъ какъ челоукъ. Смирилъ себя, бывъ послушнымъ даже до смерти и смерти крестной. Посему и Богъ превознесъ Его, и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Іисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ существъ, и всякій языкъ исповѣдалъ, что Іисусъ Христосъ есть Господь во славу Бога Отца.

Въ этомъ чтеніи изъ апостола божественно-возвышенными духо- носными чертами изображаются два состоянія Сына Божія, Икупителя нашего,—такъ называемыя, на освященномъ богословскомъ языкѣ, со- стоянія униженія и прославленія.

Вникните. Вотъ основныя черты перваго состоянія, униженія. Представьте, вотъ вѣчный, неописуемый, невообразимый, недомыслимый, безконечный Богъ Отецъ. Отъ Него родился и въ лонѣ Его почиваетъ превѣчный Сынъ. Сынъ совершенно точное отраженіе безпредѣльнаго, невообразимаго, неизобразимаго Бога Отца. *Никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ*, говоритъ самъ Сынъ Божій. Мы не имѣли бы никакого познанія о Богѣ, еслибы Богъ не отразился въ превѣчномъ Сынѣ, который далъ намъ не только свѣтъ и разумъ, но и самое бытіе, вмѣстѣ съ разумомъ, отраженіемъ превысочайшаго Разума, превѣчнаго Слова Божія. Богъ Отецъ безпре- дѣленъ, невообразимъ, неизобразимъ; точно также и Сынъ Божій, какъ вѣрнѣйшій образъ Бога неизобразимъ въ существѣ божества своего, не- вообразимъ, безпредѣленъ. Онъ по всему равенъ Богу Отцу. Такъ было отъ вѣка.

Но отъ вѣка же Сынъ Божій вступилъ въ недомыслимый, пред- вѣчный совѣтъ съ Богомъ Отцемъ, вступилъ въ завѣтъ быть не только Творцомъ Зиждителемъ, но и Промыслителемъ и Икупителемъ чело- вѣка. Съ этого предвѣчнаго совѣта между тремя ипостасями Тріеди- наго Бога началось униженіе втораго лица Святыя Троицы, Сына

Божія, превѣннаго творческаго промыслительнаго и искупительнаго Слова Божія. Уничженіе началось уже съ самаго созданія человѣка, такъ какъ Сынъ Божій, который имѣлъ отъ вѣка право, не считалъ для себя безправіемъ, восхожденіемъ права быть равнымъ Богу,—совершенно равный существу безконечнаго Бога Его образъ,—Сынъ Божій благоволилъ отразить себя въ ограниченномъ образѣ созданнаго Имъ міра и еще тѣнѣе съ одной стороны, хотя съ другой и существеннѣе, во образѣ разумнаго человѣка. Творческое Слово, нѣкоторымъ образомъ, снизошло до умаленія, до униженія себя уже тѣмъ, что отразило себя въ ограниченномъ образѣ міра и разумнаго человѣка, подобно тому какъ солнце является въ маломъ видѣ въ малой каплѣ воды. Но этого мало. Человѣкъ палъ и безобразіе его паденія отразилось отъ образа на божественный первообразъ, на Агнца Божія, закланнаго прежде сложенія міра, взявшаго на себя грѣхи міра отъ вѣка, прежде сотворенія міра. Но и этого мало, что Сынъ Божій взялъ на себя самаго безобразную вину грѣха. Милосердіе Божіе могло простить грѣхъ, но правда Божія требовала равномернаго винѣ воздаянія. И Сынъ Божій, вольною волею, взялъ на себя не только умиловитъ милосердіе Божіе, но и дѣйствительно заплатить за грѣхъ человѣка правдѣ Божіей. Для сей цѣли Онъ преклонилъ небо и сниде. Преклонилъ самого себя, самъ превысочайшій и безпредѣльный, и низшелъ въ крайнюю ограниченность,—во чрево пречистой Дѣвы Богоматери; по закону сверхъ-человѣческому зачался, но по естественному закону возрасталъ въ матерней утробѣ и изшелъ изъ нея; изшелъ не на царскій престолъ, а въ скотскія ясли, въ жалкомъ вертелѣ, окруженный всѣмъ, что было въ природѣ самаго бѣднаго, простаго и служебнаго, пастухами, скотами... Родился во образѣ раба, раба не только Царя царствующихъ, какъ Его созданія, но раба и кесаря Августа, и даже Ирода царя іудейскаго, принявъ всѣ немощи человѣческаго естества, всѣ немощи человѣческаго младенчества, да и того еще окруженнаго условіями крайней бѣдности и безпріютности, особенно въ первые дни по рожденіи въ Вилеємѣ, на пути въ Іерусалимъ, въ бѣгствѣ въ Египетъ, въ скитальчествѣ по Египту, до страшливаго возвращенія въ Назаретъ, мѣсто жительства мнимаго отца Іисусова Іосифа. Не говоримъ о томъ, что прославленіе Искупителя сопутствовало Его униженію, что божественная слава сопровождала всѣ степени дивнаго низшества Сына Божія. А показываемъ только степени низшества. Возрасталъ Сынъ

Божій, какъ мнимый сынъ древодѣла, плотника, Іосифа, среди многочисленной и бѣдной семьи. А выступивъ на проповѣдь евангелія, въ три съ половиною года вытерпѣлъ бездомность, отреченіе отъ всякой собственности, поношенія, гоненія и ненависть, которыя, изъ года въ годъ возрастая и усиливаясь, окрѣпли наконецъ до того, что вознесли невиннаго на крестъ... Въ тяжкіе дни, часы и минуты своихъ страстей Сынъ Божій вытерпѣлъ все, что только можетъ вытерпѣть человѣкъ самаго мучительнаго, унижительнаго и позорнаго: вязаніе веревками, публичное хожденіе съ веревкою на шеѣ, многократное осужденіе на смерть, оплеваніе даже въ лице, заушенія, разныя бичеванія, унижительнѣйшія поруганія, обнаженіе предъ глазами всѣхъ, пригвожденіе ко кресту, возмущительнѣйшія оскорбленія даже въ минуты предсмертнаго томленія... Это все Онъ вынесъ, какъ человѣкъ, ужаснѣйшія страданія человѣческія. Но подъ ними скрывались еще другія недомыслимыя страданія, которыя Онъ вынесъ и могъ вынести только одинъ, какъ Богочеловѣкъ. Вникните. Въ Немъ, какъ Богочеловѣкъ, всякое Его дѣяніе, помышленіе, ощущеніе, расширялось на всю вѣчность, на всю божественную Его безпредѣльность. Въ Его предсмертномъ воплѣ: *Боже мой! Боже мой! вскую Мя оставилъ еси?* совмѣщена безпредѣльная вѣчность. Испуская этотъ непостижимый вопль, Сынъ Божій, Богочеловѣкъ, оставленный Богомъ Отцемъ, выпилъ полную чашу гнѣва Божія,—чашу оставленія разгнѣваннымъ Богомъ преступнаго человѣка, которое должно было простираться на всю безконечную вѣчность... Послѣ грѣхопаденія Богъ *оставилъ* человѣка, долженъ былъ оставить на всю вѣчность... И если не *оставилъ*, то только потому, что *оставилъ* Сына едиnorodнаго, въ предсмертный часъ по Его человѣчеству, но въ вѣчное днесъ по Его божеству. И не оставилъ единственно волѣдствіе этого объявшаго небо и землю и преисподнюю, необъятнаго мыслію, вопля муки и молитвы того же едиnorodнаго Сына Божія: *Боже мой! Боже мой! вскую Мя оставилъ еси!!* Вотъ это недомыслимое, наимучительнѣйшее состояніе, пережитое Искупителемъ человѣковъ въ минуту смерти и сошествія души Его въ мрачныя области ада, и есть послѣдняя ступень униженія, и не только послѣдняя, но и наипослѣднѣйшая, потому что здѣсь Богочеловѣкъ низшелъ ниже всякой твари,—такъ какъ не только грѣшный осужденный человѣкъ, но и самъ сатана терзается въ аду только за себя, за себя одного, а Сынъ Божій пострадалъ за весь необъятный міръ Божій и

выстрадалъ безпредѣльно больше, чѣмъ можетъ выстрадать весь міръ осужденныхъ грѣшниковъ.

Отсюда же окончательно начинается поворотъ къ восхожденію и въ состояніе прославленія, — начинается разрушеніемъ заклепокъ адовыхъ, изведеніемъ адскихъ узниковъ въ рай воскресеніемъ тѣла, вознесеніемъ Иисуса Христа на небо, сѣдѣніемъ одесную Бога Отца не только по божеству, но и по человечеству, верховнымъ оттуда съ неба управленіемъ основанною, возрастающею, борущеюся со врагами, воинствующею церковію, — управленіемъ, которое кончится положеніемъ всѣхъ враговъ Христа подъ ноги Его и оглазляемой Имъ церкви торжествующей.

Повторимъ же божественныя слова апостола, — теперь они будутъ удобопонятнѣе: въ образѣ Божіемъ сый, будучи образъ Божій, Онъ не считалъ для себя безправіемъ быть равнымъ Богу; но самъ себя умилилъ, принявъ образъ раба, ставъ въ подобіе человека, образомъ и по виду казался какъ человекъ; смирилъ себя, былъ послушливъ до смерти, да и смерти-то крестной, мучительнѣйшей и позорнѣйшей... За то и Богъ Его превознесъ и даровалъ Ему имя, которое выше всякаго имени, дабы предъ именемъ человека Иисуса преклонилось всякое колѣно живыхъ существъ, не только земныхъ, но и небесныхъ, и даже преисподнихъ, и всякій языкъ, всякій разумъ не только на землѣ, но и на небѣ, и даже въ преисподней, — ибо и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ, — всякій всюду разумъ исповѣдалъ, что человекъ Христосъ Иисусъ есть Господь неба и земли во славу Бога Отца...

А какъ это чтеніе изъ апостола относится къ пречистой Дѣвѣ Богородицѣ? Вникните.

Вмѣстѣ съ прославленіемъ божественнаго Сына шло рядомъ прославленіе и божественной Матери. Нечуждая нечистоты первороднаго грѣха, но предочищенная благодатію Св. Духа еще въ утробѣ матерней, воспитанная въ совершеннѣйшей чистотѣ при іерусалимскомъ храмѣ, подъ священнѣйшими земными вліяніями и небеснымъ наитіемъ, по наитію святаго и животворящаго Духа, зачавъ во чревѣ едиnorodнаго превѣчнаго Сына Божія, пречистая Дѣва взаимъ дала Ему свою пречистую материнскую кровь для выполненія Его искупительной цѣли — принять образъ раба, содѣлаться по всему кромѣ грѣха подобнымъ чело-вѣкамъ, и стать не только по виду, но и по естеству человекѣмъ, который пріискреннѣ пріобщился плоти и крови человеческой. Сама же пречистая Дѣва, чрезъ такое сообщеніе Сыну Божію плоти и крови

человѣческой, стала пріискреннѣ матерью не человекѣ только, но и Богочеловекѣ Иисуса Христа, едиnorodнаго Сына Божія по божеству; почему и возвысилась превыше всякой твари, не только земной, но и небесной, превыше не только низшихъ небожителей, но и непосредственно предстоящихъ престолу Бога Вседержителя херувимовъ и серафимовъ, какъ возлюбленнѣйшая дочь Бога Отца, какъ неопостижимо таинственно уневѣстившаяся Духу Святому невѣста не-невѣстная, какъ естественная родная мать едиnorodнаго Сына Божія. Почему не только предъ именемъ Иисуса, но и предъ именемъ матери Его пречистой Дѣвы Маріи преклоняется всякое колѣно небесныхъ существъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ, всякій разумъ исповѣдуетъ Ее госпожею, царицею неба и земли.

Посему-то христіанская церковь и прибѣгаетъ къ Царицѣ небесной, какъ особенно усердной нашей заступницѣ, которая молить Сына своего, Христа Бога нашего, и съ особенною теплотою, и съ особенною силою, и съ особенною властію, какъ мать Господа вышняго. Потому-то по христіанскому міру распространено и такъ много храмовъ, въ честь Препоблагословенной, и особенно много празднованій, и такъ много особо чтимыхъ и чудотворныхъ Ея иконъ. Препрославленный Господь славно прославляетъ въ христіанскомъ мірѣ Матерь свою, высшую небесъ и чистѣйшую свѣтлостей солнечныхъ, честнѣйшую херувимовъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимовъ, избавившую насъ отъ клятвы, Владычю міра.

Что желаетъ внушить намъ святой апостолъ Павелъ предпоставленными своими словами?

Пусть мудрствуется въ васъ, — пусть питаются въ васъ тѣже помыслы, тѣже чувства, какіе и во Христѣ Иисусѣ. Онъ образъ Божій, равный Богу, унижилъ себя, взялъ видъ раба, сталъ ограничен-нымъ смиреннымъ человекѣмъ, былъ послушнымъ Богу даже до смерти, да и смерти крестной, наизушаснѣйшей, наипозорнѣйшей... На основаніи такого великаго и поразительнаго примѣра, вотъ о чемъ просить насъ св. апостолъ, вотъ о чемъ умоляетъ насъ ради Христа. *Итакъ, если есть какое утѣшеніе во Христѣ, если есть какая отрада любви, если есть какое общеніе духа, если есть какое милосердіе и состра-дательность: то дополните мою радость, имѣйте единомудріе, имѣйте ту же любовь, будьте единомышленны и единомысленны. Ни-чего не дѣлайте по любопытству или по тщеславію, но по сми-*

ренномудрію дѣлайте другъ друга честію больше и выше себя. Не о себѣ только каждый заботься, но каждый и о другихъ. Сіе бо да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, который смирилъ себя и предалъ себя за другихъ даже на смерть. И Богъ Его превознесъ... Вотъ о чемъ просить насъ, вотъ о чемъ умоляетъ св. апостолъ.

Такъ не своихъ си кійждо смотрите, не о своемъ только заботьтесь, но заботься каждый и о другихъ. И вотъ тамъ вдали наши братья воины, послушливые гласу долга даже до смерти, проливаютъ свою кровь, полагаютъ свой животъ за вѣру, царя и отечество, умираютъ за насъ съ вами, сыны Россіи. Подъ тысяче-образными ударами вражескаго оружія они вынуждены воевать, кромѣ враговъ, еще съ своими ранами, болѣзнями, непогодю, дождемъ, снѣгомъ, холодомъ, подчасъ и голодомъ, съ нуждою всякаго рода, съ нуждою въ какой либо постели, съ нуждою въ тепломъ одѣянніи, съ нуждою иногда прикрытія наготы. Война—страшный Молохъ, быстро пожирающій не только плоть и кровь, но и достояніе воина... Намъ тепло, намъ уютно и сыто, намъ даже весело на сердцѣ праздновать наконецъ и побѣды, купленные для насъ чужою кровію.

Протянемъ же руки къ сему блюду, на воиновъ, на умирающихъ... Если есть какое утѣшеніе во Христѣ, если есть какая отрада любви ко Христу, если есть какое общеніе духа во имя Христово, если есть какое милосердіе и сострадательность ради Христа,—подайте ради Христа на воиновъ, сражающихся за имя Христово... Не своихъ си кійждо, но и о другихъ кійждо смотрите,—не о себѣ только, но и о другихъ заботься каждый,—умоляемъ васъ не мы, но умоляетъ всѣхъ насъ свят. апостолъ Павелъ. Аминь.

1877 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день празднованія казанской иконы пречистой Дѣвы Богородицы, 22-го октября.

О ЛѢСТВИЦѢ И МОСТѢ КЪ НЕБУ.

Радуйся, мосте, къ небесемъ преводяй, и лѣстнице высокая, юже Іаковъ видѣ. Акаѣистъ пресвятой Богородицы.

Сти священо-пѣсенныя восклицанія, обращаемыя къ лицу пречистой Дѣвы Богородицы въ акаѣистѣ, взяты, въ своемъ смыслѣ, въ своей поэтической образности, въ своемъ таинственномъ знаменованіи, изъ первой париміи о сновидѣніи патріарха Іакова, которая всегда читается въ праздники Богородичныя.

Вникнемъ въ ея содержаніе, и, безъ сомнѣнія, найдемъ въ ней для себя назидательный и ободряющій урокъ.

Общественное положеніе патріарховъ Авраама и сына его Исаака въ обѣтованной землѣ было своеобразно, одиноко, печально и во многихъ отношеніяхъ опасно. Это была не болѣе, какъ одна семья выходцевъ изъ Месопотаміи въ землю чужую на дѣлѣ, хотя и собственную по праву божественному, такъ какъ она обѣтована была Богомъ въ наслѣдіе, въ потомственную собственность Аврааму и сѣмени его. Въ туманѣ будущаго, освѣщаемомъ откровеніями Божиими, уже провидѣлось, что эти хананейскія племена будутъ истреблены племенемъ Авраама. Поэтому патріархальная семья чуждыхъ въ землѣ ханаанской пришельцевъ не могла пользоваться полнымъ благорасположеніемъ и довѣріемъ старыхъ туземцевъ. Съ другой стороны, Аврааму же обѣтовано было и то, что о сѣмени его благословятся всѣ народы, и что отъ сѣмени его произойдетъ благословенный Потомокъ, чаяніе народовъ. Поэтому-то въ племени патріарховъ высоко цѣнилось благословеніе первородства, передаваемое отцомъ-прародителемъ не всегда

первому, но всегда благословеннѣйшему изъ сыновъ. Потому же, начиная съ Авраама и Исаака, уже начиналъ выдвѣряться въ это племя духъ и обычай отчужденія отъ другихъ народовъ языческихъ, чтобъ не сообщаться съ ними, особенно посредствомъ брачныхъ союзовъ.

Первородный сынъ Авраамовъ сына Исаака Исавъ, представитель въ патриархальной семьѣ своевольнаго начала, женившись на двухъ туземкахъ хананейнкахъ, огорчилъ свою мать и потерялъ благословеніе отца, которое и досталось кроткому брату его Иакову. Потерявъ благословеніе первородства, Исавъ оказался чрезъ это самое извергнутымъ изъ благословеннаго племени; а наоборотъ, Иаковъ понесъ на одномъ себѣ всѣ обѣтованія, принадлежавшія избранному сѣмени. Къ этой порѣ своей жизни, по нашему, да и по тогдашнему, Иаковъ былъ уже не молодъ, имѣя уже 77 лѣтъ, но не былъ еще женатъ, такъ какъ мать не желала, чтобы онъ, подобно брату своему Исаву, женился на туземныхъ хананейнкахъ. А родная земля Месопотамія, откуда вышла патриархальная семья, гдѣ жилъ родной братъ Ревекки Лаванъ съ семьей и родомъ, была далеко. Но перстъ Божій указалъ Иакову путь туда въ далекую Месопотамію; указалъ, повидимому, обыкновеннымъ стеченіемъ жизненныхъ обстоятельствъ. Именно послѣ того, какъ Иаковъ восхитилъ благословеніе первородства, принадлежавшее первенцу брату своему Исаву, у сего послѣдняго, у Исава, возгорѣлась страшная ненависть къ Иакову. И вотъ разъ, въ присутствіи рабовъ, Исавъ высказалъ свои горькія чувства. — „Скоро“, — говорилъ онъ, — „смерть постигнетъ отца моего, тогда я убью Иакова“. — Эти слова были пересказаны матери Ревеккѣ. Она призвала къ себѣ Иакова и сказала: „вотъ Исавъ, братъ твой, грозитъ убить тебя. Итакъ, сынъ мой, послушайся меня, бѣги къ Лавану, брату моему, въ Харранъ, и поживи у него. А когда утолится ярость брата твоего, тогда я приплю за тобою. Иначе, если онъ исполнитъ свой замыселъ, ты будешь убитъ, и онъ станетъ братоубійцею, для чего мнѣ въ одинъ разъ лишаться обоихъ васъ?“ — Потомъ Ревекка обратилась къ Исааку и сказала ему: „я жизни не рада отъ дочерей хеттейскихъ; мнѣ придется умереть, если и Иаковъ женится на какой-нибудь здѣшной хеттеянкѣ“. Исаакъ призвалъ Иакова и сказалъ ему: „не бери ты себѣ жены изъ племени хананеевъ; а поди въ Месопотамію, въ домъ Вауила, отца матери твоей, и возьми себѣ жену оттуда, изъ дочерей Лавана, брата ея. Богъ же всемогущій да благословитъ тебя, и да размножитъ тебя. И

благословеніе Авраама да почиетъ на тебѣ и на потомствѣ твоёмъ, да наслѣдуешь землю странствованія твоего, которую Богъ далъ Аврааму“. И отпустилъ Иакова въ Месопотамію.

Возьмите во вниманіе, что въ ту пору, почти за 2000 лѣтъ до Р. Х., самыхъ царствъ въ той странѣ еще не было; царями звались развѣ только мелкіе владѣтели, которые, воюя другъ съ другомъ, разбойничали и разоряли сосѣдей. Общественной безопасности не было никакой. Благоустроенныхъ путей сообщенія не было и подавно, переправъ черезъ рѣки также. А разбойниковъ-грабителей, а звѣрей, и всякихъ трудностей и опасностей на пустынныхъ путяхъ было гораздо болѣе, чѣмъ теперь. И вотъ Иаковъ, единственный въ своемъ племени носитель обѣтованій, принадлежавшихъ сѣмени Авраамову, — всѣхъ обѣтованій, принадлежавшихъ всей церкви Божіей, родоначальникъ сѣмени, изъ котораго имѣлъ произойти Спаситель міра Христосъ, Иаковъ, укрываясь отъ Исава, выходитъ изъ отеческаго дома одинъ, съ небольшимъ дорожнымъ запасомъ; выходитъ въ путь пустынный, далекій, въ страну ему невѣдомую, гдѣ даже ближайшіе кровные родственники ему чужды, такъ какъ онъ уже родился далеко на чужбинѣ, а въ прародительской странѣ никто его не видалъ и не знаетъ. Что ждетъ его на пути? Воротится ль въ родную семью? Застанетъ ли отца и мать въ живыхъ? Разставанье съ домомъ отеческимъ для Иакова было не только печально, но и пристрашно. Въ дорогѣ, потерявъ изъ виду кровлю шалашей, гдѣ остались престарѣлые родители, минуя знакомыя степи, на которыхъ пасъ свои стада, Иаковъ очутился совершенно одинъ въ цѣломъ мірѣ, одинъ только съ вездѣсущимъ Богомъ отцевъ своихъ.

Первый, наиболѣе печальный день разлуки и пути кончился. Солнце зашло. Гостинницъ, постоялыхъ дворовъ тогда не было. Да и самыхъ селеній, видно, не имѣлось на пути. Надвинулась южная ночь съ своимъ мракомъ, съ своими страхами, съ воплемъ и ревомъ звѣрей, шипѣніемъ змѣй и свистомъ скорпионовъ. Иаковъ взялъ одинъ изъ камней того мѣста, на которомъ застигла его ночь, и положилъ въ возглавіе себѣ и заснулъ, поручивъ себя въ тоскѣ одиночества Промыслу Божію. И видитъ сонъ. И вотъ лѣстница, утвержденная основаніемъ на землѣ, а глава ея достигаетъ до неба. И ангелы Божіи восходили и нисходили по ней. Господь же стоялъ на верху ея и говорилъ: „Я Богъ Авраама отца твоего и Богъ Исаака, не бойся. Земля, гдѣ ты

опишь на ней, — тебѣ дамъ ее и сѣмени твоему. И будетъ сѣмя твое, какъ песокъ земный, и распространится къ морю на западъ и на югъ къ Аравіи и на сѣверъ и на востокъ. И благословятся въ тебѣ и въ сѣмени твоемъ всѣ колѣна земныя. И вотъ Я съ тобою, сохраняя тебя на всякомъ пути, куда ты ни пойдешь. И возвращу тебя въ землю сію. Ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказалъ тебѣ. — И всталъ Іаковъ отъ сна своего и сказалъ: „вотъ и на этомъ мѣстѣ Господь открываетъ себя, а я не вѣдалъ“. — Тутъ благоговѣйный трепетъ объятъ его, и онъ присовокупилъ: „какъ страшно мѣсто сіе! Это домъ Божій, здѣсь врата небесныя“. И всталъ Іаковъ рано утромъ, и взялъ камень, который положилъ себѣ изголовьемъ, и поставилъ его памятникомъ. А не имѣя другой жертвы, возлилъ на верхъ камня елей, какой несъ съ собою. И прозвалъ Іаковъ то мѣсто именемъ Вееиль, *домъ Божій*. И произнесъ Іаковъ обѣтъ: „если будетъ Господь со мною, и сохранить меня на пути семъ, въ который я иду, и дастъ мнѣ хлѣбъ ѣсть и одежду облечься, и возвратитъ меня здрава въ домъ отца моего, — то будетъ мнѣ Іегова Богомъ, и камень сей, который я поставилъ памятникомъ, будетъ для меня домъ Божій“. На этомъ мѣстѣ въ Вееилѣ Іаковъ впослѣдствіи не разъ молился и приносилъ жертвы Богу отцовъ своихъ. Вееиль содѣлался впослѣдствіи священнымъ мѣстомъ для всего Израиля, даже для рода христіанскаго, каковымъ остается и до сего дня. Посѣщая это святое мѣсто, благочестивые паломники и въ наши дни вспоминаютъ, что тамъ Іаковъ провидѣлъ въ видѣніи лѣствицу, соединяющую небо съ землею.

Нужно ль объяснять, что значило это видѣніе и какъ оно относится къ лицу пресвятыя Дѣвы Богородицы? Вотъ земля, а въ безконечной дали отъ нея небо, небо духовное еще дальше, чѣмъ видимое. Средостѣніемъ между небомъ и землею стоятъ грѣхъ человѣка съ одной стороны, а съ другой — гнѣвъ и проклятiе правосуднаго оскорбленнаго Божества. Пропастъ велика между небомъ и землею утвердися, такъ что ни хотящіи прейти оттуда съ земли на небо не могутъ, ни сущіи на небѣ не приходятъ на землю къ людямъ. Если жъ общеніе между людьми и небожителями въ ветхомъ завѣтѣ прервано было не совершенно, то только въ силу предопредѣленія Божія. А чтобъ низойти Сыну Божію на землю, по предопредѣленію Божію, устанавливается съ земли лѣствица, возвышающаяся къ небу. Основаніе этой

лѣствицы упирается въ землю какъ разъ въ то каменное ложе, на которомъ тревожнымъ сномъ поживаетъ патріархъ Іаковъ. Основаніе лѣствицы — это онъ самъ патріархъ Іаковъ съ отцами своими Авраамомъ и Исаакомъ. Отъ этого основанія идутъ ступени лѣствицы — это поколѣнія, происходящія отъ Авраама, Исаака и Іакова. Нельзя сказать, чтобъ эти поколѣнія тѣмъ болѣе возвышались къ небу добродѣтелями, чѣмъ болѣе приближались къ эпохѣ пришествія на землю Сына Божія. Но то несомнѣнно, что онѣ болѣе и болѣе просвѣтлялись вѣрою въ грядущаго Искупителя, такъ что послѣднія поколѣнія по пророчествамъ вѣдали уже опредѣленно время пришествія Его и многія, даже можно сказать — всѣ важнѣйшія обстоятельства Его земной жизни. А ждали Его пришествія съ несомнѣнными, даже преувеличенными надеждами и томительнымъ нетерпѣніемъ. Самый же верхъ этой живой лѣствицы дѣйствительно возвысился до неба. Она увѣнчалась главою, которая, по добродѣтели, по чистотѣ, по святости и славѣ вознеслась превыше херувимовъ и серафимовъ, достигла престола Божія и уперлась въ подножіе Превѣчнаго Божества. Эта-то глава или вершина лѣствицы и есть Пречистая Богоотроковица Марія. Самъ Господь утвердился на ней, чтобъ сойти по ней долу на землю. Богъ превѣчный, вселившись въ Ея утробу, отъ пречистыхъ кровей Ея позаимствовавъ для Себя плоть человѣческую и вочеловѣчившись, сталъ Сыномъ Богоматери во времени, а чрезъ Нее сталъ Сыномъ и внукомъ святыхъ и праведныхъ богоотцевъ Іоакима и Анны и всѣхъ святыхъ праотцевъ до Іакова и Исаака и Авраама, братомъ по естеству всего человѣчества, прямымъ потомкомъ праотца Адама, подобнымъ ему и намъ во всемъ, развѣ грѣха. Во имя того, что Господь, утвердившись на верху этой лѣствицы, сошелъ по ней на землю, соединивъ съ собою все человѣчество, по пути, открытому между небомъ и землею самимъ Господомъ, нисходили и нисходятъ долу вслѣдъ за Нимъ своимъ небеснымъ верховнымъ вождемъ Господомъ силъ, восходили и восходятъ горѣ и ангелы Божіи, посылаемые въ служеніе людямъ, хотящимъ наследовать спасеніе. Тѣмъ-же путемъ, таинственнымъ служеніемъ Пречистой Богоматери спасенію людей, Ея молитвами и всеильнымъ заступленіемъ, Господь возведетъ и насъ вслѣдъ за собою въ горнее отечество. Потому-то церковь и поетъ Пречистой Дѣвѣ: радуйся, лѣствице небесная, которую Іаковъ видѣлъ въ видѣніи, — лѣствице небесная, которою Богъ низшелъ долу, — лѣствице, всѣхъ возвысившая благодатію

отъ земли къ небеси. Радуйся мосту, преводящій сущихъ отъ земли на небо, преводящій отъ смерти къ животу. Радуйся виновница той радости, что жители неба радуются вмѣстѣ съ земными, а жители земли ликуютъ вмѣстѣ съ небесными.

Христiane православные! Лѣствица, по которой сошелъ на землю нашъ Искупитель, Сынъ Божій, Сынъ Дѣвы Богородицы, на небо, одна, одна для всѣхъ. По ней намъ нужно восходить, если мы хотимъ взойти на небо и не желаемъ низпасть въ преисподнюю. Мы сказали, что эта небесная лѣствица—это потомственный рядъ святыхъ и праведныхъ праотцевъ и богоотцевъ, оглаваемый Пречистою Дѣвою, чрезъ которую Христосъ Господь низшелъ на землю насъ ради чловѣкъ и нашего ради спасенія. Онъ пріискреннѣ пріобщился нашей плоти и крови, чтобы крестною смертію своею по плоти и нисшествіемъ во адъ по духу, затѣмъ воскресеніемъ и вознесеніемъ своего чловѣчества одесную престола величества Божія на небесахъ, упразднить державу смерти и совознести съ собою все чловѣчество и спосадить возлѣ себя во царствіи Отца небеснаго. Если жъ мы съ своей стороны взаимно не пріобщимся плоти и крови и духу Христову; если мы не погрузимся въ крещеніи въ смерть Христову, не освятимся очистительною кровію Христовою, то и не уйдемъ изъ-подъ власти имущаго державу смерти, и не совоскреснемъ со Христомъ, и не взйдемъ на небеса въ свѣтлое царство Христово, а воскреснемъ отъ мертвыхъ въ уреченный часъ только на судъ и во осужденіе и до ада низвержемся. Будемъ-же крѣпко держаться за спасительную лѣствицу, по которой и намъ приходится восходить на небо. Будемъ крѣпко просить главизну этой небесной лѣствицы, Пречистую Дѣву Марію, чтобъ Она сверху съ неба простерла руку помощи нашей немощи при трудномъ восхожденіи нашемъ отъ земли. Сослуживъ великую службу въ домостроительствѣ нашего спасенія, Она получила въ награду за свою великую добродѣтель великую неодолимую силу спасать погибающихъ, къ ней взывающихъ. Помнимъ, что по смерти каждому изъ насъ придется проходить до неба по степенямъ такъ называемыхъ мытарствъ. Эти мытарства, по сказанію богопросвѣщенныхъ людей, представляютъ мятущемуся разлучившемуся отъ тѣла духу нашему нѣчто весьма подобное лѣствицѣ, преводящей отъ земли на небо, — нѣчто весьма подобное мосту, который, упираясь въ землю, виситъ между дольнымъ и горнымъ міромъ надъ бездною адской преисподней и досязаетъ до неба. Тутъ на каж-

дой ступени этой роковой лѣствицы, на каждомъ переходѣ по этому ужасному мосту, предлежитъ изшедшей изъ тѣла душъ тяжкое истязаніе по отдѣльнымъ родамъ грѣховъ и преступленій, содѣваемыхъ въ жизни. Кто здѣсь не избавится отъ истязаній, не одолѣетъ истязующихъ, тотъ на этой или другой ступени этого таинственного моста низринется въ преисподнюю, чтобъ оттуда уже не изникнуть и не вознестись до горняго міра никогда. А кто Богу не грѣшенъ? А гдѣ найти защиту и заступленіе въ роковомъ истязаніи по грознымъ мытарствамъ? Тамъ, по мысли церкви, Пречистая Богородица Дѣва есть единая надежда ненадежныхъ, единая помощница побораемыхъ, поверженныхъ и низвергаемыхъ. Потому-то церковь и приглашаетъ насъ ежедневно, на сонъ грядущій, самособравшись въ духѣ молитвы послѣ многмятежной грѣховной дневной суеты, отрезвить себя воспоминаніемъ этой посмертной лѣствицы, этого страшнаго моста лютыхъ мытарствъ, заблаговременно простирая наши немощныя руки ко всемогущей рукѣ готовой заступницы всѣхъ скорбящихъ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, взывать къ Ней ежедневно передъ сномъ: *нескверная, неблазная, пречистая Дѣво, Богоневѣсто Владычице, преславнымъ твоимъ рождествомъ соединившая Бога Слово съ чловѣками и отринутое естество рода нашего совокупившая съ небомъ и небожителями, не ищайся мене грѣшнаго и предстани мнѣ присно, яко теплая предстательница, и въ настоящемъ житіи ко спасенію наставляющи мя, и во время смертнаго моего исхода соблюдающи окаянную мою душу, и темныя зраки лукавыхъ бѣсовъ далече отъ меня отгоняющи. Аминь.*

1881 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ храмовой праздникъ Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости и пятидесятилѣтія со дня кончины въ Бозѣ почившія императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ церкви Богоугодныхъ заведеній въ г. Уфѣ.

Блажени милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ. Матѣ. 5, 7.

Давайте, и дастся вамъ: мѣрою доброю, утрясенною, ниспосланною и переполненною отсыплютъ вамъ въ лоно ваше; ибо какою мѣрою мѣрите, такою же отмѣрится и вамъ. Лук. 6, 38.

Сегодня мы съ вами празднуемъ храмовой вашъ праздникъ пречистыя Владычицы Богородицы, всѣхъ скорбящихъ радости. Сегодня же со всею Россіею мы празднуемъ печально-торжественный праздникъ пятидесятилѣтія со дня кончины въ Бозѣ почившія благочестивѣйшія государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны. Смѣло называемъ этотъ день праздникомъ, потому что древняя христіанская церковь назвала бы этотъ день даже радостнымъ праздникомъ, какъ и называла день кончины всякаго усопшаго днемъ рожденія его для истинной, для вѣчной жизни.

И когда раздумывали мы объ этомъ совпаденіи дней, дня Царицы небесной Богородицы, радости всѣхъ скорбящихъ, и дня кончины царицы земной, императрицы Маріи Ѳеодоровны, многихъ скорбящихъ радости, — то насъ поразило это совпаденіе. Тутъ виденъ перстъ Промысла, воздающій добромъ за добро.

Вотъ мы и начали нашу рѣчь словами Господа: *блажени милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ. Дадите и дастся вамъ,* — Богъ вамъ воздастъ. За ваше добро воздастъ Онъ вамъ мѣрою доброю, не скупю утрясенною... Т. е. Богъ отсыплетъ вамъ за ваше добро мѣру воздаянія, которую сперва нескую потрясутъ, нагнетутъ, натис-

нутъ и переполнятъ выше верха. Какою мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ.

Блаженные памяти императрица Марія была самая высокая и широкая подвижница христіанскаго милосердія. Ни въ европейской, ни въ руссійской исторіи не встрѣчаемъ мы личности выше ея по дѣламъ милосердія. Это было самое широкое, самое мягкое, самое чело-вѣколюбивое сердце, отверзтое, насколько можетъ быть отверзто чело-вѣческое сердце, для всѣхъ юныхъ, для сиротъ кинутыхъ, для страждущихъ, для убогихъ, для всѣхъ брошенныхъ судьбою. Это была на землѣ дѣйствительно радость всѣхъ скорбящихъ.

И смотрите — перстъ Божій. Этой земной радости всѣхъ скорбящихъ нужно было отойти къ радости небесной, изъ всѣхъ 365 дней въ году, именно въ день Царицы небесной, тезоименитой Маріи, Матери Царя небснаго, всѣхъ скорбящихъ радости. На небѣ воздастся ей сторицею. Но и намъ, оставшимся на землѣ, оставлено знаменіе, что за Богомъ молитва и за Царемъ небеснымъ служба не пропадаютъ.

Вы, сироты, и вы, всѣ убогіе, и вы, всѣ предстоящіе, покровители сирыхъ и убогихъ, знайте и знаете, что въ Бозѣ почившая царица Марія Ѳеодоровна есть родоначальница почти всѣхъ чело-вѣколюбивыхъ учрежденій на Руси. Ея чело-вѣколюбію, ея материнскому сердцу, ея настойчивой волѣ, изобрѣтательности ея ума, они обязаны своимъ бы-тіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ, и вы, покровители сихъ чело-вѣколюбивыхъ пріютовъ, только продолжаете ея высоко-славное дѣло.

Помолимся же о упокоеніи души, о прославленіи памяти на небѣ и на землѣ, достославныя государыни, царицы добродѣтели христіанскаго милосердія, императрицы Маріи Ѳеодоровны, многихъ на дѣлѣ, а по влеченію ея материнскаго сердца и по вліянію высокаго примѣра, и всѣхъ скорбящихъ радости. Аминь.

1878 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день пресвятыя владычицы нашея Богородицы, всѣхъ скорбящихъ радости, 24 октября.

О ХРИСТИАНСКОМЪ ИДЕАЛѢ

Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую
безъ сравненія серафимъ, сущую Богородицу,
Тя величаемъ.

Ужели, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ можетъ быть честнѣе херувимовъ и славнѣе, даже безъ сравненія, серафимовъ? Можетъ и долженъ, обязанъ и призванъ. Къ этому обязуется и призывается человекъ христіанскимъ идеаломъ, идеаломъ христіанской нравственности. А степени небесной чести и славы распредѣляются по степенямъ нравственного совершенства.

По возможности выяснимъ себѣ значеніе христіанскаго идеала. Выяснить его для себя полезно и даже обязательно всякому, потому что имъ опредѣляется духъ христіанской нравственности, весьма отличный отъ фарисейскаго духа ветхо-завѣтнаго іудейства, не говоря уже о язычествѣ. Этотъ идеалъ единственно и исключительно принадлежитъ только христіанству, а язычеству и даже іудейству совершенно чуждъ, чѣмъ показывается несравненное превосходство христіанства и его нравоченія предъ всѣми другими религіями.

Для ясности сопоставимъ съ христіаниномъ фарисея евангельской притчи. Вошедши въ церковь помолитися вмѣстѣ съ мытаремъ, вотъ онъ, этотъ фарисей, выставившись впередъ на глаза людей, такъ въ себѣ будто-бы молится, — молится, не находя для себя нужнымъ просить чего-либо у Бога, а въ сущности хвалить и благодарить себя самого за то, что онъ не таковъ, какъ прочіе люди, что онъ очень хорошъ: *яко нѣсмь, якоже прочіи человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣ, или якоже сей мытарь. Пощуся два раза во недѣлю, десятину даю всего, елико притяжу* (Лук. 18, 10 — 14). Обыкновенно, этого фарисея сильно порицаютъ, не видя въ немъ ни-

чего добраго, иногда не доразумѣвая тончайшаго смысла притчи Господней. Правда, фарисеи заслуживали сильныхъ укоровъ и самъ Господь сильно порицаетъ ихъ, но другихъ, а не этого. Этого Господь нѣсколько какъ бы даже одобряетъ, говоря: *яко сииде мытарь оправданъ въ домъ свой паче онаго фарисея*. И св. церковь приглашаетъ: „фарисеевы добродѣтели потщимся подражати, и поревновати мытареву смиренію“ (недѣли мытаря и фарисея, утро, канонъ). Грѣшный мытарь оказался предъ очами правды Божіей лучше хотя и самомнительнаго, но по своему праведнаго фарисея, такъ какъ смиренная мытарева молитва была благоугоднѣ Богу, чѣмъ молитва возносящагося фарисея, однако все же лучшаго изъ своей фарисействующей братіи. Да, ясно то, что здѣсь въ притчѣ своей Господь выставилъ если и не самого лучшаго изъ фарисеевъ, въ родѣ апостола Павла, то весьма порядочнаго изъ фарисеевъ, обыденнѣйшій типъ ветхо-завѣтнаго законоблудителя.

Этотъ фарисей былъ точный исполнитель точныхъ предписаній ветхо-завѣтнаго закона. Въ своей молитвѣ онъ, очевидно, имѣлъ въ виду ветхо-завѣтное десятословіе, въ буквальномъ его разумѣніи: „не грѣшу противъ восьмой заповѣди — я не хищникъ, не грабитель; не грѣшу противъ седьмой заповѣди — я не прелюбодѣй; не грѣшу противъ шестой заповѣди — я не только не убійца, а даже не обидчикъ. Исполняю и четвертую заповѣдь относительно субботы, праздниковъ, постовъ, относительно храма, — пощуся два крата въ субботу, установленную десятину даю на храмъ и его служителей; о томъ же нечего и толковать, что соблюдаю пятую, третью, вторую и первую заповѣди, тѣмъ болѣе, что и смертная казнь грозитъ за ихъ неисполненіе; вообще нѣсмь, якоже прочіи человецы, или якоже сей мытарь. Чего-же больше? И хвала Тебѣ, Боже. Да и себѣ честь отдать не грѣшно“. Онъ доволенъ вообще потому, что по его сознанію удовлетворилъ опредѣленными предписаніями закона. Нужно имѣть въ виду, что ветхій законъ утверждался въ основѣ на томъ же идеалѣ, какъ и законъ евангельскій, но тамъ этотъ идеалъ лежалъ только прикровенно. Заповѣдь божественная въ ветхомъ заветѣ была широка и глубока зѣло также, какъ и евангельская. Однакоже для ума и сердца ветхо-завѣтнаго израильтянина она закрыта была покрываломъ. Явно же ветхій заветъставлялъ опредѣленные положительные предписанія закона обрядоваго, и не менѣе точныя, больше отрицательнаго смысла,

предписанія закона нравственнаго: не убій, не прелюбы сотвори, не укради. Исполни, что тебѣ предписывается ясно и точно, положительно и отрицательно, и будешь добрый еврей; будешь истый, настоящій евангельскій фарисей. Потому-то онъ и самодоволенъ: онъ исполнилъ свой законъ. Онъ чувствовалъ себя по правдѣ ветхаго закона непогрѣшимымъ (Фил. 3, 4—6).

Однако-же этотъ хорошій фарисей, этотъ точный исполнитель закона изыде изъ церкви въ домъ свой оправданъ отъ Бога менѣе мытаря, челоука, повидимому, плохаго, но сознававшаго свою повинность предъ Богомъ; челоука, который пришелъ въ церковь дѣйствительно помолитися, излить предъ Богомъ скорбь своей души; который, ставъ издавеча, не смѣлъ даже очей своихъ возвести на небо; но, ударяя себя въ перси, говорилъ отъ сердца: *Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному*. Съ сокрушеніемъ сердца онъ видѣлъ, что лѣстница добродѣтелей высока; что упираясь въ землю, она касается неба, теряющагося гдѣ-то тамъ въ безпредѣльности, а онъ не ступилъ и на первую ея ступень; тогда какъ фарисей, ставъ на первую, вторую, третью ступень ея, уже спѣшитъ хвалить себя и Бога: слава Тебѣ, Господи, съ меня довольно, дальше и выше восходить не нужно. Въ фарисейской узкости сердца и слѣпотѣ ума, онъ вообразилъ, что заповѣдь Господня соткана по мѣркѣ пріемлемости его мелкаго духа, что она узка, а не широка зѣло, мелка, а не глубока безмѣрно, что она низменна, а не высока безпредѣльно; тогда какъ мытарь, если не умомъ постигалъ, то сердцемъ чувствовалъ глубочайшую свою повинность предъ безпредѣльною высотой Божіа закона, почему и повергалъ въ прахъ свое преступное ничтожество предъ безконечнымъ величіемъ высочайшаго всесовершеннаго Законодателя.

Въ этомъ-то разумѣ и говорить Христосъ Спаситель: *егда сотворите вся повелѣнія вамъ, глаголюще, яко раби неключими есми* (рабы ничего нестоющіе): *яко еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 7—10). Когда господинъ скажетъ рабу: *приготовь мнѣ поужинать и подпоясавшись (полотенцемъ) служи мнѣ, пока буду псть и пить, а потомъ пшъ и пей самъ*, — *станетъ-ли господинъ благодарить раба сею за то, что онъ исполнилъ приказаніе? Не думаю, отвѣтствуетъ самъ Господь*. Дѣйствительно, стоитъ-ли благодарить раба за то, что тотъ ѣсть и пьетъ отъ трапезы господина? Нужно-ли благодарить и за то, что рабъ исполняетъ легкую и почет-

ную для него работу, прислуживаетъ господину за столомъ? Нужно-ли благодарить и за то, что онъ вообще служить господину? На то онъ и рабъ, чтобъ служить. Замѣтимъ, что это только притча, и она не вполне отвѣчаетъ глубинѣ означемаго ею предмета. Такъ и мы, когда творимъ то, что закономъ Господнимъ намъ только дозволяется, имѣемъ-ли право тогда хвалить себя? Иное законъ попускаетъ только по жестосердію нашему. Подобнымъ-же образомъ, когда сотворимъ и то, что закономъ Господнимъ намъ повелѣвается, мы должны говорить, что мы рабы ничего нестоущіе, потому что дѣлали, что должны были сдѣлать. Когда исполнимъ и другія высшія предписанія закона Господня, должны повторять тоже: *раби неключими есмы, яко еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ*. И такъ безъ конца. Безъ конца потому, что сколько-бы мы ни творили благихъ дѣлъ, всегда останется много добра, котораго мы не додѣлали; всегда останется много долговъ нашихъ предъ Богомъ, которыхъ мы не заплатили, много сквернъ, которыхъ мы предъ очами правды Божіей не очистили; всегда останется въ нашемъ сердцѣ корень грѣха, который сами въ себѣ исторгнуть мы безсильны. Безъ конца потому, что евангельскій законъ одно своимъ послѣдователямъ только попускаетъ, другое повелѣваетъ, а третье совѣтуетъ, но и совѣтуетъ требовательно: *аще хочещи совершенъ быти, твори то-то; а совершенъ быти ты долженъ*. Или даже еще требовательнѣе: *твори, аще хочещи быть Христовъ ученикъ и послѣдователь, если хотите быть сынами Отца вашего небеснаго. Ибо ели вы будете творить только обыкновенныя дѣла добра естественнаго, если будете любить любящихъ васъ, — какая вамъ награда? Не тоже-ли дѣлаютъ и мытари? И если вы приветствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не также-ли поступаютъ и язычники? Будите убо вы совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мат. 5, 45—48). Вотъ куда должно стремиться, — къ совершенству Отца небеснаго, — далеко, безъ конца.

Для большей ясности представимъ нѣсколько примѣровъ восхожденія по безконечной лѣстницѣ нравственнаго христіанскаго совершенства, по ступенямъ отъ дозволеннаго къ повелѣнному, и отъ предписаннаго къ обязательному евангельскому совѣту.

Возьмемъ, напр., челоуческія дѣйствія, заповѣдуемые или воспрещаемыя второю заповѣдью о блаженствахъ: *Блаженни плачущіи...* Ра-

звѣдемъ постепенный рядъ дѣйствій, относящихся къ увеселеніямъ. Не можетъ евангеліе попустить увеселенія неодобрительныя, — неодобрительныя по качеству, по времени и мѣсту, наприм., увеселенія, которыми возбуждается похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская, или-же увеселенія, возбуждающія жестокость, безчеловѣчіе и кровожадность; не можетъ попустить излишнія воспрещаемыя увеселенія въ посты, даже въ праздники (наприм., разгулъ), особенно-же накануне праздниковъ, когда людямъ слѣдуетъ сосредоточиваться въ молитвенномъ настроеніи; не можетъ попустить всякія мірскія увеселенія и развлеченія въ храмахъ Божіихъ, когда кто развлекается пустыми бесѣдами, когда кто дѣлаетъ церковь мѣстомъ свиданій, когда кто ходитъ въ церковь, какъ на зрѣлище, особенно-же при бракосочетаніяхъ, и какъ на музыкальный концертъ только для потѣхи слуха. Попускаетъ евангеліе увеселенія естественныя, невинныя, когда прыгаетъ дѣтство, рѣвится юность, веселитъ себя среди заботъ и тревогъ жизни мужество, когда развлекаетъ себя отъ тоски и унынія, среди болѣзней духа и тѣла, изнемогающая старость. Одобряетъ евангеліе и благословляетъ увеселенія чистыя эстетическія, чистыя признавательныя Промыслу наслажденія всякими дарами Божіими, произведеніями искусства, особенно-же искусства высокаго и возвышающаго, особенно-же наслажденія углубленіемъ сердца въ красоту божественную, небесную, погруженіемъ духа въ глубину Духа Божія, которое низводитъ въ душу человѣка миръ, превосходящій всякъ умъ, и радость о Духѣ Святѣ. Но такъ какъ полного пренебеснаго мира въ земной юдоли плача достигнуть нельзя, такъ какъ радость о Духѣ Святѣ пріобрѣтается, наоборотъ, сокрушеніемъ о духовныхъ немощахъ, — то евангеліе, на высшей степени по лѣствицѣ нравственного восхожденія отъ земли къ небу, въ поднебесной сферѣ, и указываетъ плачь, плачь о грѣхахъ, тоску по небесной отчизнѣ: *блаженни плачушіи, яко тѣмъ утѣшатся*. И были на самомъ дѣлѣ подвижники, которые достигали способности непрерывнаго плача о грѣхахъ. Встрѣчаются и нынѣ состоянія, въ которыхъ душевная настроенность исключаетъ всякую способность къ плотскому даже невинному увеселенію. Посмотрите въ женскихъ обителяхъ даже на малыхъ дѣвочекъ: она еще почти дитя, но какъ она степенна, равна и мирна! Кажись, это дитя и никогда не рѣзвилось. Можно-ли вообразить, что пречистая Дѣва Богоматерь увеселяла себя чѣмъ-либо мірскимъ? Даже на бракъ въ

Канѣ галилейской, и тамъ Она погружена въ материнское попеченіе о другихъ. О Христѣ Спасителѣ осталось преданіе, частію записанное и въ евангеліяхъ, что часто видѣли Его плачущимъ, смѣющимся — никогда. Можно-ли вообразить рѣзко смѣющимся преподобныхъ Θεодосія печерскаго, Сергія радонежскаго, или Петра митрополита московскаго? Вотъ что значитъ христіанскій идеалъ: *блаженни плачушіи*...

Возьмемъ дѣйствія, относящіяся положительно или отрицательно къ четвертой заповѣди о блаженствахъ: *блаженни алчущіи и жаждущіи правды*... Коснемся дѣлъ исканія правды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ терпимо, даже отчасти позволительно убить врага (наприм., въ военное время), быстро нападающаго на мою жизнь, когда нѣтъ способа спасти ее иначе. Не только позволительно, но иногда и должно даже убить врага (наприм., по приговору суда), который угрожаетъ жизни и чести другихъ, общества, отечества, когда нельзя побѣдить и обуздать врага инымъ способомъ. Даже евангеліемъ, самимъ Христомъ Спасителемъ (Мат. 5, 25) не только позволяется защищать честь свою и пользу отъ обидчика предъ судомъ, но иногда это и внушается высшими примѣрами, когда требуется защитить не только честь свою, но вмѣстѣ съ нею и честь своего служенія и истину Божію. Въ такихъ условіяхъ защищали свою правоту самъ Христосъ Спаситель (Іоан. 18, 23), также апостолъ Павелъ (Дѣян. 24, 12 и др.), какъ и другіе богопросвѣщенные, богоугодные мужи (наприм., святители: Афанасій alexandрійскій, Василій великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ). Въ такихъ условіяхъ защита даже собственной чести становится защищеніемъ правды Божіей, за что обѣщается и особое блаженство: *блаженны изгнанные, страждующіе, подвизающіеся правды ради*. Но когда дѣло касается исключительно личной моей чести или пользы, нисколько не вредя пользѣ другихъ, чести церкви и славѣ имени Божія, — тогда я лучше поступлю, если предоставлю отмщеніе за меня правдѣ Божіей (Рим. 12, 19). Тогда Христосъ Спаситель заповѣдуетъ каждому *не противитися злу; но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую; и хотящему судитися съ тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу; и кто принудитъ тебя итти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два*. И кто тебя хулитъ и гонитъ за твою правду, за правду Божію, радуйся въ твоихъ злостраданіяхъ. *Блаженны есте, егда поносятъ васъ и издекутъ и рекутъ всякъ злое глаголю на вы лжуще, Мене ради*.

Блаженни алчущіи и жаждущіи правды, правды Божіей, и праведности, и оправданія отъ Бога: яко тѣмъ насытятся. Блаженни изгнани правды ради: яко тѣмъ есть царствіе небесное. Тѣхъ самъ Богъ оправдаетъ и приметъ въ свои вѣчныя обители.

Возьмемъ дѣла, относящіяся къ пятой заповѣди о блаженствахъ, дѣла милосердія: *блаженни милостивіи...* Конечно позволительно каждому пользоваться правомъ собственности. Въ нѣкоторой степени терпимо, когда имущій затворяетъ свою утробу, когда сжимаетъ свое сердце и дающую руку, при видѣ чужой нужды, чтобы не разрушить, даже не пошатнуть, даже не уцѣпить свое состояніе. Тѣмъ не менѣе, по евангелію, обязательно для всякаго имущаго дѣлиться своимъ избыткомъ съ неимущимъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что добро, дѣлаемое другому, все-же есть добро, даже когда творится способомъ несовершеннымъ. Само въ себѣ безотносительно, добромъ остается оно, когда творится даже съ негодованіемъ, обидой и бранью, съ болью сжатаго сердца, съ неохотой; но судъ Божій взвѣситъ, чего тутъ больше, добра-ли другому, зла-ли другому, какъ и себѣ самому. Добромъ-же остается добро другому, если творится и съ самолюбивой корыстной цѣлью, чтобы залучить себѣ какой личный интересъ; чтобы достигнуть чужой вліятельной ласки, благоволительной благосклонно-благодарной улыбки; чтобы потѣшить себя общимъ, въ лестномъ кругѣ, увеселеніемъ; чтобы неотстать отъ другихъ, чтобы даже выставиться предъ другими и превзойти всѣхъ, — добро другому все-же и при этомъ остается болѣе или менѣе безотносительнымъ добромъ. Тѣмъ не менѣе нелицепріятный судъ Божій взвѣситъ, чего въ твоей благотворительности больше, добра или зла, цѣлесообразнаго-ли благотворенія или выставочнаго самоугодія, челоуколюбія или самолюбія, благоугожденія-ли Богу или-же своекорыстнаго челоукоугодія. *Богъ-же любитъ добротѣ дателя, не отъ нужды (принужденія), ни отъ скорби сердца, не изъ самоугодія или челоукоугодія, но отъ чистой любви къ Богу и ближнему, изъ любви даже самоотверженной, которая велитъ: внемлите милостыни вашае не творити предъ челоукомъ, да видими будете ими: аще ли же ни, мзды не имате отъ Отца вашего, иже есть на небесахъ. Егда убо творили милостыню, не воструби предъ собою, якоже лицемъри творятъ въ сенищахъ и въ стомахъ, яко да прославятся отъ челоука: аминь глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою. Тебѣ-же творящу*

милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя, яко да будетъ милостыня твоя въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, той воздастъ тебѣ явѣ (Мат. 6, 1—4). Если даже врагъ твой алчетъ, ухлѣби (насыти) его; аще ли жаждетъ, напои его (Рим. 12, 20). *Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите кленущія вы, и молитесь за творящихъ вамъ обиду. Всякому просящему у тебе дай, и отъ взямающаго твоя не истязуй. И будетъ мзда ваша многа, и высшая будетъ вамъ награда въ томъ, что будете сынове Вышняго: яко той есть блазъ къ неблагодарнымъ и злымъ. Будите убо милосерди, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть (Лук. 6, 27—36).* Вотъ конечный идеалъ нравственно-христіанскаго совершенства.

Вообще въ евангеліи цѣль и конецъ восхожденія по лѣствицѣ нравственнаго совершенства намѣчены изреченіемъ Христа Спасителя, заключеніемъ Его заповѣдей объ евангельскихъ блаженствахъ: *будите убо вы совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть (Мат. 5, 48).* Т. е. когда будете совершенны, какъ Отецъ нашъ небесный совершенъ есть, тогда и остановитесь. И это не совѣтъ, а повелительное требованіе: *будите совершенни...* Потому-то и говорится, что лѣствица нравственнаго совершенства безконечна. И восхожденіе по ней обязательно. По ней неизбѣжно нужно пройти всякому, кто хочетъ дойти до неба. На какой-бы степени восхожденія по ней грѣшникъ и бранный челоукъ ни остановился, онъ все-же не достигъ еще до неба. Чтобы достигнуть подножія престола Божія и узрѣть Бога лицемъ къ лицу, нужно пріобрѣсти полную чистоту сердца, чистоту отъ всякаго грѣховнаго пятна. А челоукъ грѣшникъ и бранный достигнуть такой чистоты самъ собою не можетъ никогда. Если-же достигаетъ, то потому, что помогаетъ ему въ этомъ благодать Божія, какъ и во всемъ, какъ помогаетъ и жить и дышать. О Немъ бо, о Богѣ, живемъ и движемся и есмь. Отъ себе-же, яко отъ себе, и помыслити ничего добраго не можемъ, но довольство наше на сіе отъ Бога. О Немъ-же и спасаемся и восходимъ по лѣствицѣ обще-обязательнаго нравственнаго совершенства до неба.

Потому-то евангельскій мытарь и изыде отъ церкви оправданъ паче фарисея, что покааннымъ взоромъ онъ проникъ, съ одной стороны, всю глубину своего нравственнаго паденія и недостойнства, а съ другой, всю высоту требуемаго отъ насъ Богомъ совершенства, и чув-

ствуя всю безпредѣльность своей немощи, молитвенно воззвалъ къ небу мытаревымъ воплемъ: *Богже! милостивъ буди мнѣ грѣшному.* И молитва вѣры спасла болящаго духомъ. Также и разбойникъ распятый, чувствуя безпредѣльность своей порочности и безсиліе загладить свои грѣхи предъ лицомъ уже смерти, воззвалъ къ сораспятому Искупителю нашихъ грѣховъ: не достоинъ я... Но помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи твоемъ. И покаянная молитва въ тотъ-же день и часъ смертный возноситъ его до высоты рай. А фарисей остановился въ самодовольномъ самосозерцаніи, не видя въ грубой слѣпотѣ разума и сердца, какъ небо отъ него еще безконечно далеко, не сознавая, сколько мерзости лежитъ еще на днѣ его души; почему и вышелъ изъ церкви, какъ и вошелъ, гробомъ поваленнымъ, полнымъ костей мертвыхъ и всякія нечистоты, хотя на немъ, особенно для его пристрастныхъ къ себѣ очей, и блестѣлъ нѣкоторый лоскъ внѣшней праведности, вѣрности буквѣ, но не духу закона, какъ и на гробѣ лежитъ лоскъ поваленности, съ мерзостію внутри.

Сотворенный ограниченный человѣкъ, и не только человѣкъ, а никакая тварь не можетъ достигнуть той степени совершенства, какая указана Богочеловѣкомъ для нашего стремленія—быть совершенными, якоже Отецъ нашъ небесный совершенъ есть. Точнѣе. Можетъ быть человѣкъ совершенъ, *якоже* Отецъ небесный, т. е. можетъ и долженъ уподобляться Богу; но не можетъ быть совершенъ *столько-же*, сколько Богъ, т. е. безусловно никогда не можетъ сравняться съ Богомъ, не можетъ стать Богомъ, чего сразу-же захотѣлъ падающій Адамъ, хотя и обязанъ стремиться къ тому въ продолженіи всей вѣчности. При чемъ недостающее ограниченному, спасенному и спасаемому человѣку будетъ восполняться, какъ и восполняется всегда полнотою благодати единого безгрѣшнаго и всесовершеннаго въ челоуѣчествѣ Богочеловѣка-Искупителя. Въ Немъ, Богочеловѣкѣ, почиваетъ вся полнота Божества тѣлеснѣ. Въ Немъ, въ Его ограниченномъ, но соединенномъ съ Божествомъ челоуѣчествѣ, опочила вся полнота не только безгрѣшности, не только чистоты, созерцающей Бога въ себѣ самой, но полнота и высочайшаго всесовершенства. Онъ количественно и качественно совершенъ, якоже и Отецъ небесный совершенъ. Онъ по всему равенъ Богу. Онъ-же хочетъ, чтобъ и мы были не только сынами-же Божіими, но сынами и совершенными также, якоже совершенъ Онъ самъ, Сынъ Божій единородный; чтобъ мы приобщились божественному всесовершенству въ общеніи съ Нимъ,

Сыномъ Божіимъ, равнымъ Богу, какъ съ своимъ превисочайшимъ Главою члены Его тѣла церкви, какъ Его братія, прискреннѣ приобщающіеся плоти и крови Его по челоуѣчеству и духа Его по Божеству, — духа, связующаго и насъ съ безконечно-совершеннымъ Божествомъ вѣрою, надеждою и любовію, вопіющаго и въ насъ къ Богу Отцу: Авва Отче!

Вотъ христіанскій идеалъ, превисочайшій идеалъ безконечнаго нравственнаго совершенства. Этотъ идеалъ всею полнотою своею опочилъ въ Богочеловѣкѣ Христѣ Исусѣ и въ Немъ, съ высоты пренебеснаго престола, идѣже есть Христосъ Господь одесную Бога сѣдя, сіяетъ пренебеснымъ свѣтомъ и намъ грѣшнымъ, привлекая къ Себѣ наши сердца и умственные очи.

Вторымъ по Христѣ въ челоуѣчествѣ осуществленіемъ этого идеала явила себя пренепорочная Дѣва Богоматерь. Христосъ Исусъ сталъ безгрѣшенъ, непричастенъ даже первородному грѣху съ самаго зачатія своего, какъ рожденный сверхъестественно отъ Духа Свята, вслѣдствіе соединенія въ своемъ лицѣ естества божескаго и челоуѣческаго. Пресвятая-же Дѣва Марія, хотя и естественно рождена отъ праведныхъ родителей, но предпочищена благодатію Божіею отъ всякія грѣховныя скверны, какъ особый предъизбранный сосудъ для воспріятія исключительнаго наитія св. Духа и низшествія во чрево Ея божества втораго лица святыя Троицы, Сына Божія, который воспріалъ Ея плоть и кровь и духъ въ свои собственные плоть и кровь и духъ. Почему отъ Божества, объявъ Ее съ минуты Ея собственного зачатія и постепенно возгараясь въ Ней, какъ въ купинѣ оной, горящей и неуграемой, возгараясь больше и больше до безпредѣльности, опалялъ Ее пламеннѣе вѣчно пламенѣющихъ херувимовъ и просвѣтлялъ чище первыхъ у престола Божія свѣтовъ—серафимовъ, чтобы соединить Ее съ Божествомъ исключительно тѣснымъ союзомъ, какъ мать съ Сыномъ Ея и Божіимъ. Потому-то приближенная къ престолу Божію больше всякой твари, Она и явилась честнѣе херувимовъ и безъ сравненія славнѣе самихъ серафимовъ не только по чести своей у Бога, какъ и предъ всѣмъ созданіемъ Божіимъ, но и по нравственной высотѣ, какъ ближайшее ко всесвятому Сыну Божію и своему вмѣстилище Его спасающей и освящающей благодати. Отчасти постигаемымъ, отчасти-же непостижимымъ образомъ, Она сама стала тою таинственною лѣствицею, которая соединила небо съ землею; по которой, утвердившись на

ней, самъ Богъ сошелъ на землю, чтобы созвестн съ собою по ней все челоѣчество на небо; по которой сами ангелы, недомыслимымъ для насъ образомъ, связуя землю съ небомъ, не только нисходятъ на землю, но и восходятъ на небо.

Потому-то и достойно во истину блажити Богородицу, не только какъ присноблаженную, но и пренепорочную, и величати какъ честнѣйшую херувимовъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимовъ, какъ безъ истлѣнія самаго Бога Слово рождшую, нашего ради спасенія и постепеннаго восхожденія къ превышему идеалу безконечнаго божественнаго совершенства, сокрытаго въ полнотѣ въ Богочеловѣкъ Христъ Иисусъ, немощное въ насъ врачующее и оскудѣвающее восполняющее своею божественною благодатію, даромъ-же и властію. Аминь.

1888 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю 22-ю, по случаю побѣды при Горномъ-Дубнякѣ и кончины благовѣрнаго князя Сергія Максимиліановича, на брани животъ свой положившаго.

Сыне, не пренемай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ Него обличаемъ. Еюже бо любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, еюже пріемлетъ... Всякое бо наказаніе въ настоящее время не мнѣтся радость быти, но печаль; послѣди же плодъ миренъ наученымъ тѣмъ воздастъ правды. (Евр. 12, 5—11).

Это — слово древняго святаго мудреца, подтвержденное и изясненное словомъ великаго апостола Павла.

Смыслъ сихъ священныхъ словъ, по св. апостолу, таковъ: „сынъ мой! не пренебрегай наказанія Господня, и не унывай, когда Онъ обличаетъ тебя. Ибо Господь, кого любитъ, того наказываетъ; бьетъ-же всякаго сына, котораго принимаетъ за сына. Если вы терпите нака-

заніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть-ли какой сынъ, котораго-бы не наказывалъ отецъ? Если-же остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, которому подвергаются отъ отцовъ всѣ дѣти, то вы не сыны, а дѣти незаконныя. Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостію, а печалію; но въ послѣдствіи оно доставляетъ мирный плодъ праведности тѣмъ, которые чрезъ него научены“.

Общій смыслъ этихъ словъ вкраткѣ таковъ, что бѣдствія, которыми Богъ наказываетъ людей, для нихъ благотворны.

У древняго святаго мудреца, Иисуса сына Сирахова, мы читаемъ: „чадо, если ты приступаешь работать Господу Богу, уготовь душу твою къ искушенію. Управь твое сердце, и потерпи, и не будь скоръ во время напасти. Все, что будетъ Богомъ послано тебѣ, прими и въ смиреніи своемъ подолготерпи. Ибо какъ въ огнѣ искушается и очищается золото, такъ и люди становятся пріятны Богу въ огненной печи смиренія, искушенія и терпѣнія. Воззрите на древніе роды и посмотрите: кто вѣровалъ Господу и посрамился? Или кто пребылъ въ страхѣ Божіемъ, и былъ оставленъ Богомъ? Или кто призвалъ Бога, и Богъ презрѣлъ его? Нѣтъ, щедръ и милостивъ Господь, и прощаетъ грѣхи, и спасаетъ во время скорби“ (Ис. Сир. 2, 1—11).

Смыслъ и этихъ словъ тотъ же, что бѣдствія для людей благотворны.

Но опытъ челоѣчества, но наука, но ученныя книги и ученые люди говорятъ нѣчто противное, именно что бѣдствія придавливаютъ моральную силу челоѣка, ожесточаютъ, отупляютъ челоѣка, а иногда даже превращаютъ его изъ существа нравственно-разумнаго въ дикое и свирѣпое животное.

Гдѣ-же правда? Правда и тамъ и здѣсь.

Слово Божіе разумѣетъ такія условія, при которыхъ челоѣкъ переноситъ бѣдствія съ вѣрою въ Бога, съ нравственнымъ мужествомъ и терпѣніемъ. О! Тогда падай на челоѣка самое небо, — онъ пребудетъ неподвижною скалою терпѣнія. Но когда челоѣкъ, въ бѣдствіяхъ и напастяхъ, опирается только на собственную силу; когда предается животной страшливости за драгоцѣннѣйшее для животности собственное существованіе; когда колеблется въ вѣрѣ въ Бога, въ вѣчную жизнь и воздаяніе на небесахъ, — тогда въ духѣ челоѣка, обуреваемого напастями, не оказывается внутренняго поддерживающаго пря-

моту его и стойкость стержня; тогда робость животного человека представляет его тростью, вѣтромъ колеблемою, легко пригибаемою до праха земнаго, легко даже втоптываемою и въ грязь.

Вотъ въ недавно прошедшіе дни нависла было надъ нами общая невзгода. Но небѣ по всей Россіи висѣли тучи, которыя обдавали насъ, безвременно и упорно, осеннимъ дождемъ и слякотью. По землѣ царили всюду сырость и грязь. Отлично уродившійся хлѣбъ стоялъ не убранный, угрожая большимъ количествомъ народныхъ бѣдъ. Что же всего печальнѣе, съ театра войны шли извѣстія за извѣстіемъ, которыя не радовали нашу порывистость. Нѣкоторые изъ порывистыхъ думали пройти въ этой войнѣ не иначе, какъ триумфальнымъ шествіемъ до вратъ Константинополя, при всеобщихъ радостныхъ восклицаніяхъ не только избавленныхъ нами нашихъ единовѣрцевъ, но и самихъ враговъ. А эти враги, увы, рѣшились дорого продать свое государственное существованіе, и рѣшившись, надѣлали намъ много горя. Тамъ мы потеряли тысячи воиновъ и извѣстныхъ героевъ бойцовъ. Тамъ потеряли другія тысячи воиновъ и извѣстныхъ бойцовъ. Виды на исходъ войны задержались туманомъ. И напередъ торжествовавшія побѣду сердца покрылись трауромъ. Сталъ падать общій духъ... Послышались рѣзкія сужденія. Повѣяло чѣмъ-то въ родѣ ропота. Стали искать виноватыхъ въ нашихъ неудачахъ. Среди навѣяннаго на всѣхъ унынія, силы предусмотрительнаго сужденія какъ будто не оказывалось. Не оказывалось силы связать въ мысли, сравнить прошедшее съ настоящимъ, оцѣнить настоящее и освѣтить для себя будущее.

Какъ будто никто не хотѣлъ или не могъ разсудить, было-ли намъ легче во всѣ прежнія, тяжкія для Россіи эпохи, когда, повинаясь закону народно-государственнаго роста, Россія давала отпоръ враждебнымъ силамъ, чаще же всего тойже самой, давившей насъ враждебной силѣ, которую мы раздавливаемъ теперь въ настоящую войну? Было-ли Россіи легче, когда русскіе властодержцы, стародавніе наши князья, великіе и удѣльные, раздавленные этою фанатическою мусульманскою силою, ходили на поклонъ къ татарскимъ ханамъ въ Хиву и Самаркандъ? Было-ли Россіи легче, когда св. князь Александръ невскій, герой, краса Россіи и человѣчества, побѣдитель Швеціи и Литвы, не только употреблялъ всю силу своего вліянія, чтобъ удерживать въ покорности монголамъ всю тогдашнюю Русь, но уговорилъ даже искони вольный Новгородъ покориться хану и платить ему дань?

Было-ли Россіи легче, когда Дмитрій донской, съ своими разрозненными силами, выступилъ на брань, на Куликово поле, противу полумилліонной рати Мамаю, предводимой единою опытною въ побоищахъ, деспотическою рукою? Было-ли Россіи легче, когда полчища Тамерлана, выжегши полъ-Россіи, подошли было къ самой Москвѣ, чтобы сжечь и ее, и только небесная сила защитила Москву, а съ нею и Россію отъ конечной гибели? Было-ли Россіи легче, когда царь Иванъ III отважился отказать въ вѣковой дани ханскимъ посламъ, которые требовали ее повелительно въ самой Москвѣ у Краснаго дворцоваго крыльца, и затѣмъ долженъ былъ выступить на рѣку Угру, текущую не далѣе, какъ въ нынѣшней Калужской губерніи, для отраженія ханскихъ полчищъ, трепеща за жизнь не столько свою собственную, сколько за жизнь государства? Было-ли легче Руси, когда царь Иванъ IV покорялъ царства Казанское, Астраханское, Сибирское, громилъ Литву, Польшу, Тевтонскій орденъ, а сзади Крымскій ханъ выжигалъ всю южную Русь до самой Москвы? И смотрите, какъ эта мусульманская сила отступаетъ подъ напоромъ растущей русской силы. Было-ли Россіи легче настоящаго, когда царь Θεодоръ Алексѣевичъ вынужденъ былъ давать битву турецкой рати подъ Чигириномъ недалеко отъ Кіева? А все-же видите, что въ эту пору мусульманская рать уже не смѣла и думать показаться за Курскомъ подъ Москвою. Было-ли легче Россіи, когда царица Софья и Петръ 1-й отбивали Азовъ, когда Петръ 1-й едва не погибъ самъ со всею ратью своею отъ турокъ на берегахъ Прута? А все-же съ того времени низовье Дуная навсегда очистилось отъ турецко-мусульманскаго господства. Внутри Россіи, съ тѣхъ поръ мусульманская сила дала себя нѣсколько тяжело почувствовать только разъ, и то лишь опираясь на русскую-же бунтующую силу, при Пугачевѣ. Было-ли легче Россіи и при великой Екатеринѣ, когда она, воюя съ Швеціею, укрощая Польшу, ввѣдряя русское вліяніе внутри западной Европы, подавляя пугачевское шатаніе, уничтожала крымское царство, и нѣсколько разъ вносила оружіе въ самую нѣдра Оттоманской имперіи, когда главный вождь Екатерины указывалъ ей, что грозный врагъ въ десять разъ сильнѣе соединенныхъ русскихъ силъ, а великая жена — великій мужъ императрица отвѣчала ему безсмертными словами, что римляне не считали враговъ, а только спрашивали, гдѣ они? Тѣмъ не менѣе тогда весь новороссійскій край, съ Крымомъ включительно, окончательно вышелъ не только изъ-подъ господства, но и

изъ-подъ вліянія турецкой силы. Было-ли легче Россіи при Александрѣ Благословенномъ въ 1811 году, когда Благословенный, удерживая Финляндію, налагая руку на Польшу, нѣсколько разъ выдержавъ напоръ силъ Наполеоновскихъ, заключалъ чрезъ Кутузова почетный миръ съ Оттоманскою имперіею, а тутъ уже надвигался на Россію грозный 12-й годъ, съ двадцатью языками Наполеона? Тѣмъ не менѣе этими боями подготовлены независимость Эллинскаго королевства, и полунезависимость Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Было-ли Россіи легче, даже въ началѣ царствованія въ Бозѣ почившаго императора Николая 1-го, даже послѣ побѣдъ приснопамятныхъ вождей Паскевича - Эриванскаго и Дивича-Забалканскаго, когда нашихъ войскъ вошло въ предѣлы турецкіе въ десять разъ болѣе, чѣмъ возвратилось въ предѣлы Россіи? Тѣмъ не менѣе этою войною укрѣплено владычество Россіи надъ Кавказомъ и Закавказьемъ. Было-ли легче Россіи, наконецъ, въ 1853 — 1856 годахъ, когда въ защиту Турціи выступило полъ-Европы вооруженною силою, а полъ-Европы нравственнымъ на насъ давленіемъ и угрозами? Тѣмъ не менѣе за это время Россія приобрѣла безсмертную славу защиты Севастополя, дала отпоръ наиболѣе грознымъ силамъ соединенной Европы, обновилась и окрѣпла гражданскимъ устроениемъ, очистила враждебныя гнѣздилища на Кавказѣ, разгромила Ташкентъ, Бухару, Самаркандъ и Хиву; наконецъ взяла большую полосу земли, бывшую подъ владычествомъ китайскихъ монголовъ. Видите-ли вы логику событій, поворотный кругъ историческаго хода? Сначала мусульманская, монгольская, татарская, турецкая сила напирала изъ Бухары, Хивы, Самарканда, Закавказья, изъ-за Балканъ, изъ Крыма, изъ Астрахани, изъ Казани, на Русь до Москвы, до Кіева, до Новгорода и Волыни. Затѣмъ пошелъ обратный отпоръ русской силы силѣ враждебной отъ Новагорода, отъ Москвы, отъ Казани, отъ Астрахани, отъ Кіева, отъ Волыни, отъ новороссійскаго края, отъ Крыма, отъ Кавказа, до глубины Закавказья, до Карса и Эрзерума, до Адрианополя, Наварина и Аѳона, до Ташкента, Бухары, Самарканда и Хивы, и даже до глубинъ Монголіи. Ясно-ли, что должно послѣдовать дальше по естественному развитію историческаго хода?

Ясно, если русскій духъ въ насъ не умеръ, тотъ духъ, которымъ до сего дня росло и крѣпло русское царство. А не умираетъ-ли этотъ духъ? не умеръ-ли?

Тутъ-то и припомнимъ вышеприведенныя священные слова сына

Сирахова: чадо! если ты приступаешь работать Господу, готовишься примѣрно ратовать за крестъ Христовъ, за спасеніе Христовой братіи, — уготовь душу твою къ искушенію. Управь твое сердце и потерпи, и не будь скоръ, не будь нетерпѣливъ во время напасти. Все, что будетъ Богомъ послано тебѣ, прими и въ смиреніи своемъ, когда счастье тебѣ повидимому измѣняетъ, подолготерпи. Ибо какъ въ огнѣ искушается и очищается золото, такъ и люди становятся пріятны Богу въ огненной печи смиренія. Золото никогда такъ не блеститъ, какъ тогда, какъ раскаляется въ печи. На переливчатые цвѣта его тогда особенно пріятно смотрѣть, — такъ что не отвелъ-бы глазъ. Такъ теперь, во дни напасти, восхитительно всматриваться и въ русскій духъ. Въ печи смиренія, искушенія, терпѣнія онъ испускаетъ изъ себя такіе свѣтозарные лучи, которые, безъ сомнѣнія, приникаютъ въ небо и сливаются тамъ съ духовно-небеснымъ свѣтомъ, возбуждая родственное сочувствіе небожителей, — которые по свѣтозарности своей могутъ идти въ сравненіе съ блескомъ всякой земной, всякой наипрекраснѣйшей исторической славы, возбуждая умиленіе внимательныхъ современниковъ, имѣя привлечь, безъ всякаго сомнѣнія, безпристрастное удивленіе и потомства.

Изъ тысячи доблестей укажу на два подвига.

Во время многодневнаго Шипкинскаго боя, 12-го Августа, въ теченіи сутокъ, турки буквально обсыпали нашихъ воиновъ всякаго рода смертоносными снарядами. Въ этотъ день во многихъ частяхъ было перебито значительное число офицеровъ, такъ что нѣкоторые отряды потеряли ихъ почти всѣхъ. Многіе отдѣлы остались совсѣмъ безъ начальниковъ, однакоже дрались геройски, и сами, по собственному почину, кидались на врага и опрокидывали его въ овраги. Многіе изъ раненыхъ возвращались въ строй немедленно послѣ первой перевязки, и когда кто-либо изъ начальниковъ начиналъ уговаривать ихъ, чтобъ отправлялись въ больницу, то почти общимъ отвѣтомъ въ такихъ случаяхъ бывали слова: „успѣемъ еще. Больницы для другихъ, для тяжелыхъ раненыхъ, а мы легкіе, можемъ еще кое-какъ ружьемъ владѣть. Надо постараться. Время не такое. Все одно умирать“. И умирали, геройски умирали. Вообще и начальствующие и подчиненные соревновали другъ другу въ геройствѣ, въ умѣнью умирать стоически и просто. Голодные, измученные, полубольные люди рвались въ бой, начальники впереди. Были случаи, что люди оставались въ строю съ испортившимися ружьями. „Зачѣмъ вы здѣсь остаетесь“, — спрашивали

ихъ, — „вѣдь вы стрѣлять не можете?“ — „Такъ точно“, — отвѣчали они, — „для того и собираемся въ особую команду, чтобы, значить, работать штыками“. Нѣкто изъ начальствующихъ лицъ, въ сумерки обходя расположения войскъ, увидѣлъ 17 человекъ простыхъ воиновъ, лежащихъ за одною изъ нашихъ передовыхъ линій. Они все были убиты. Надъ этою группой убитыхъ одиноко стоялъ офицеръ съ окровавленными лицомъ и ногой, дѣлая честь проходившему начальнику. „Что это они у васъ? Спать?“ — спросилъ начальникъ, указавъ на лежащихъ. „Да, спать“, — отвѣчалъ офицеръ, — „спать и не проснутся: они все убиты.“ — „А вы что-же здѣсь дѣлаете?“ — „Дожидаюсь своей очереди, это была моя команда“, — отвѣчалъ офицеръ тихо и спокойно.

Встань Леонидъ Спартанскій и посмотри, не похожи-ли эти люди на тебя? Разница между тобою и ими только та, что на тебя смотрѣли сзади отечество и весь тогдашній свѣтъ, а впереди ожидало тебя историческое безсмертіе, и ты зналъ это. А эти герои знали, что, да, отечество смотреть на нихъ конечно участливо, но смотреть, не различая ихъ одного отъ другаго; что, да, они умрутъ за отечество... и умрутъ, какъ личныя единицы, совершенно для памяти не только потомства, но и современниковъ. Такъ даже имени этого доблестнаго офицера не потрудились записать газета, гдѣ мы прочитали рассказъ объ этомъ выше чѣмъ спартанскомъ героизмѣ, объ этомъ истинно-русскомъ христіанскомъ самоотверженіи: „дожидаюсь во мракѣ ночи своей очереди быть убитымъ за отечество“... И отечество помянетъ этихъ героевъ только вообще, общою заупокойною молитвою — „о православныхъ воиновъ, на брани животъ свой положившихъ“ (Моск. Вѣд. № 218). Утѣшимся впрочемъ, — *позна Богъ сущія своя*, — Богъ знаетъ своихъ и воздастъ каждому по дѣломъ его.

Тутъ въ одномъ объединенномъ случаѣ тысячи подвиговъ, одинъ другаго доблестнѣе и краше. Но вотъ другой случай.

31-го Августа, подъ Плевною, герой Скобелевъ выдержалъ уже пять жестокихъ нападеній врага, и все еще держался. Но вотъ въ исходѣ пятаго часа дня, противъ него показались новыя массы турокъ. Впереди ихъ развернулось большое зеленое знамя, такъ называемое „священное знамя ихъ пророка“, и громко раздалось религіозное пѣніе стиховъ: „Алла Аллага иль Алла!“ А когда раздается такое пѣніе и развертывается зеленое знамя, — это, по историческому опыту всехъ войскъ, воевавшихъ съ мусульманами, значить, что они дѣлаютъ по-

слѣдную, но самую отчаянную попытку побѣдить или умереть. Вместе съ большимъ зеленымъ знаменемъ, надъ ихъ рядами развернулись и все остальные, меньшія знамена. Грянула военная музыка. Религіозный гимнъ подхваченъ всемъ строемъ враговъ, — эту величественно-трагическую минуту нужно было видѣть и пережить, чтобы понять, — и подъ его звуки они въ шестой разъ обрушились стремительно на отрядъ Скобелева, ежеминутно слабѣвшій въ числѣ отъ множества убитыхъ и раненыхъ. Есть невозможное и для героевъ. Цѣлыя сутки со вчерашняго дня держался генералъ Скобелевъ на взятой имъ съ бою мѣстности, цѣлыя сутки геройски отстаивалъ ее, въ надеждѣ проникнуть отсюда въ Плевну. Не говоря уже о предшествовавшихъ дняхъ, отрядъ его, ослабленный значительными потерями, измученный перенесенными трудами и лишениями, голодный и изможденный подъ холоднымъ дождемъ, всю ночь напролетъ поддерживалъ перестрѣлку съ непріятелемъ, въ ежеминутномъ напряженномъ ожиданіи ночнаго нападенія, и наконецъ въ этотъ день эти пять ужасныхъ отчаянныхъ нападеній, одно вслѣдъ за другимъ, почти безъ промежутка, безъ малѣйшей передышки, подъ массою самаго адскаго огня, подъ непрерывнымъ градомъ пуль, отъ которыхъ цѣлыми десятками ежеминутно валились повсюду наши люди, — было наконецъ отчего и сломиться предъ столь неистовымъ и настойчивымъ напоромъ. Для отраженія шестаго нападенія уже не хватало силъ. Суздальскаго полка подполковникъ Мосцевой, котораго Скобелевъ назначилъ начальникомъ праваго укрѣпленія, отбилъ все шесть нападеній, направленныхъ на его укрѣпленіе, и окруженный турками, продолжалъ еще держаться въ немъ и тогда, когда мы уже вынуждены были отступить по всей линіи. Самъ генералъ Скобелевъ долженъ былъ лично подѣлать къ этому укрѣпленію и показать знаками, а также крикнуть во весь голосъ приказаніе очистить мѣсто. И только послѣ этого подполковникъ Мосцевой вышелъ оттуда съ горстью своихъ сподвижниковъ, проложивъ себѣ обратный путь штыками. Но еще замѣчательнѣе подвигъ майора владимірскаго полка Горталова, который назначенъ былъ начальникомъ лѣваго укрѣпленія. При назначеніи на это мѣсто, Горталовъ далъ Скобелеву слово, что пока живъ, онъ не сдастъ противнику вѣренное ему укрѣпленіе. Дѣйствительно, при шестомъ нападеніи, по полученіи приказанія отступить, Горталовъ пропустилъ мимо себя всю часть, защищавшую укрѣпленіе, поручилъ ее другому начальнику, послалъ вслѣдъ уходящимъ людямъ свое благословеніе, пе-

рекрестился самъ и спокойно взомель на край укрѣпленія лицомъ къ нападающему непріятелю. Этотъ человекъ остался теперь, среди мертвыхъ и умирающихъ, единственнымъ защитникомъ вѣренной ему мѣстности. Онъ твердо держалъ данное слово... Безъ шапки, скрестивъ руки на груди, изъ которыхъ въ правой была опущенная сабля, сталъ онъ твердою ногою на наружномъ край укрѣпленія и ожидалъ турокъ или смерти, что въ данномъ случаѣ было одно и тоже. Не прошло и минуты, какъ онъ былъ поднятъ на штыки врагами и разорванъ ими на части. Слово было сдержано (Моск. Вѣд. № 225).

Скажетъ кто-либо: странное самозакланіе, бесплодная жертва, бесполезное кровопролитіе? Но въ послѣднюю французскую войну геройская во всю свою исторію нація—французы—убоялись бесполезнаго кровопролитія при Седанѣ, и предали своего императора, которому присягали, который, уходя на войну, говорилъ, что можетъ воротиться въ Парижъ только побѣдителемъ или мертвымъ. Убоялись бесполезнаго кровопролитія и подъ Мецомъ и предали имперію, которую незадолго предъ тѣмъ голосовали многими миллионами голосовъ. Не сдержали слова,—не такъ, какъ нашъ герой Горталовъ. Здравствующій и понынѣ военачальникъ Парижа, выходя изъ его стѣнъ на окружавшаго непріятеля, далъ обѣтъ побѣдить или умереть, но и не побѣдилъ и не умеръ, убоявшись бесполезнаго-же кровопролитія, и предалъ Парижъ. Наконецъ цѣлая армія французовъ, у границъ Швейцаріи, убоявшись того-же бесполезнаго кровопролитія, предпочли принятію битвы переходъ въ видѣ безславныхъ скитальцевъ, въ предѣлы сосѣдней Швейцаріи и предали отечество. Всѣ французы тогда только и знали, что избѣгали бесполезнаго кровопролитія, и опозорили старую воинскую честь Франціи.

У насъ-же, слава русскому Богу, единому Всевышнему Богу, русскій духъ, духъ нашихъ доблестныхъ отцовъ, не умеръ. Онъ блещетъ теперь такими яркими радужными цвѣтами, какими блестѣлъ всегда въ лучшія минуты своей исторіи, — даже можно сказать, какими не блестѣлъ никогда, если взять во вниманіе количество отдѣльных поразительныхъ подвиговъ героизма, и большую ихъ сознательность, при большемъ настоящемъ развитіи нашего народа, чѣмъ прежде.

И вотъ еще трогательнѣйшая картина, зрѣлище изъ крайне рѣдкихъ,—этотъ падшій на брани юный герой, рвавшійся впереди всѣхъ и всегда туда, гдѣ оказывалось наиболѣе опасности и требовалось наи-

болѣе отваги,—этотъ родной племянникъ императора, этотъ императорскій князь, этотъ юноша — красота... Россія не видала такого зрѣлища, зрѣлища падшаго на брани царственнаго князя со временъ Куликовой битвы... Не видала не потому, чтобъ наши цари и князья жалѣли положить свою жизнь за отечество,—припомнимъ Петра I при Прутѣ,—но потому, что они, какъ вожди народа и воинства, обязаны ее беречь. Эта юная царственная кровь, беззавѣтно пролитая за русское отечество, еще болѣе свяжетъ царя и царствующій домъ съ народомъ и воинствомъ. Этотъ убитый князь всегда будетъ красотою нашей исторіи, говоря о великой эпохѣ, въ которую самоотверженіе пылало на Руси такимъ яркимъ пламенемъ отъ хижинъ до императорскихъ дворцовъ. А на небѣ встрѣтитъ его вѣнценосный доблестный дѣдъ и мягкосердая мать распростертыми объятіями, какъ украшеніе своего рода, какъ умиловительную жертву отъ царствующаго дома въ воню благоуханія Господу, Царю царей...

И послѣ этого, когда русскій духъ стоитъ на высотѣ, на какой, быть можетъ, никогда не стоялъ такъ сознательно, можемъ-ли мы не побѣдить?... Понадобится, и всѣ единъ по единому пойдемъ умирать за царя, за отечество, за вѣру. Умереть одною изъ лучшихъ христіанскихъ смертей—счастіе завидное, старымъ завидное еще болѣе, чѣмъ молодымъ, потому что мы лучше знаемъ цѣну жизни, чѣмъ знаютъ ее юноши.

А пока насъ не зовутъ на брань умирать и побуждать, протянемъ руки и положимъ на это блюдо, кто что можетъ. Это —также оружіе для брани, и весьма нужное и существенно благотворное.

И за общія наши отъ насъ жертвы Господь порадуетъ насъ окончательнымъ успѣхомъ нашего оружія, поднятаго за святѣйшее дѣло, какъ и порадовалъ уже тремя или четырьмя великими побѣдами. Вотъ и на небѣ въ эти дни просвѣтлѣло, и въ сердцахъ нашихъ просвѣтлѣло. Воспоемъ-же не только устами, но и сердцами: *Тебе Бога хвалимъ. Аминь.*

1877 г.

ПОУЧЕНІЕ

на соборъ Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ *).

Михаилъ и ангелы его брань сотвориша со змѣемъ, и змѣй брся и ангелы его. (Апок. 12, 7).

Обратились мы, братіе, въ св. храмъ сей, устроенный въ семъ высшемъ духовномъ училищѣ, посвященный, конечно по особому указанію Промысла, съ особою священно-назидательною мыслию, имени св. архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ, праздновать ихъ соборъ.

Конечно, мы имѣемъ нѣкоторое вѣдѣніе о виновникахъ и о значеніи настоящаго нашего торжества: тѣмъ не менѣе въ сей нарочитый священно-празднественный день безбездно намъ обновить наше знаніе благочестивымъ размышленіемъ о томъ, что открываютъ намъ слово Божіе и ученіе церкви объ этомъ таинственномъ предметѣ, о горнемъ мірѣ духовъ, въ примѣненіи къ нашему духовному учрежденію и намъ самимъ.

Въ словѣ Божіемъ упоминается объ архистратигѣ силы Господни и даже называется имя *Михаила архангела единого отъ старѣйшихъ на небѣхъ первыхъ, князя великаго, вождя ангельскихъ чиновъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ* (Ис. Нав. 5, 13 и 16; 6, 1; Дан. 8, 11; 10, 13; 21, 1; Іуд. ст. 9; Апок. гл. 12). Въ эти мѣста болѣе или менѣе таинственны; но изъ нихъ болѣе говорящимъ нашему разумѣнію, шире очерчивающимъ отношенія архистратига Божія Михаила и горнихъ воинствъ къ церкви Божіей, мы находимъ видѣніе тайновидца Іоанна Богослова о брани архангела Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ со змѣемъ и ангелами его (Апок. гл. 12).

*) Произнесено 8 ноября 1868 г. въ церкви казанской д. академіи въ храмовый праздникъ.

И вотъ, — пишетъ св. тайновидецъ, — знаменіе веліе явилось на небеси, жена облеченная въ солнце, и луна подъ ногами ея, и на главѣ ея вѣнецъ изъ звѣздъ двѣнадцати. И во чревѣ имѣя, она воиетъ отъ болѣй и мукъ рожденія. И явилось иное знаменіе на небеси, и вотъ змѣй великій красноогненный, имѣя главъ семь и роговъ десять; и хвостъ его увлекъ третью часть звѣздъ небесныхъ и повергъ ихъ на землю. И змѣй стоялъ предъ женою хотящею родити, чтобы, когда родитъ она, пожрать чадо ея. И родила она сына мужеска полу, который имѣетъ унасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ; и восхищено было чадо ея къ Богу и престолу Его. А жена бѣжала въ пустыню, идѣ имѣла мѣсто уготованное отъ Бога, чтобы тамъ питаться дней тысячу двѣсти шестидесятъ. И произошла брань на небеси: Михаилъ и ангелы его брань сотвориша со змѣемъ, и змѣй сразился и ангелы его. И не возмogli устоять противъ воинства небеснаго, и мѣста не нашлось для нихъ уже на небеси. И низверженъ былъ драконъ великій змѣй древній, нарицаемый діаволъ и сатана, лъстай вселенную всю низверженъ на землю и ангелы его съ нимъ низвержены были. И слышалъ я, — пишетъ далѣе тайновидецъ, — гласъ велій на небеси говорящій: нынѣ настало спасеніе и сила и царство Бога нашего, и власть Христа Его; потому что низверженъ клеветникъ братій нашея, клеветующій на насъ предъ Богомъ нашимъ день и ночь. И тѣ побѣдили его кровію Агнца и словомъ свидѣтельства своего, и не возлюбили душъ своихъ даже до смерти. Сего ради веселимся небеса и живущіе на нихъ! Горе живущимъ на земли и на морѣ! Потому что къ вамъ сошелъ діаволъ, имѣя ярость великую, зная, что времени мало имѣетъ. И когда увидѣлъ змѣй, что низложенъ на землю, погнался за женою, которая родила сына мужеска полу и т. д.

Не беремъ на себя смѣлости объяснять непостижимое, всѣ таинственныя подробности этого видѣнія. Но есть въ немъ стороны сколько понятныя простому усмотрѣнію вѣрующаго ума, столько-же, что всего надежнѣе, истолкованныя общимъ голосомъ церкви.

Вотъ что доступно пониманію въ этомъ видѣніи и общепринято церковію, — это брань Михаила и ангеловъ его съ діаволомъ и ангелами его. Но остается требующимъ разъясненія вопросъ о времени, мѣстѣ, цѣли, оружіи, сподвижникахъ этой брани: совершилась-ли она

уже, или еще совершается, или даже имѣть только совершиться? Гдѣ совершается, на небѣ или на землѣ или еще гдѣ-нибудь?

Долго и неумѣстно было-бы разяснять, что сказаніе тайновидца объ этой брани не можетъ относиться со всѣми своими подробностями въ отдѣльности ни къ прошедшему времени ни къ настоящему ни къ будущему. Остановимъ благоговѣнное вниманіе наше на томъ, что тайновидецъ своимъ духовно-орлинымъ богопросвѣщеннымъ взоромъ обьялъ здѣсь все протяженіе этой вѣковѣчной брани въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, въ небѣ горнѣйшемъ и дольнѣйшемъ, на землѣ и до преисподней.

Былъ нѣкогда день, именно, какъ нѣкоторые св. отцы полагали, седьмой день творенія, день упокоенія Творца всяческихъ, всепразднственный день на небѣ и во всей вселенной, *егда вводилъ Богъ первороднаго Сына своего, свое вѣчно творческое Слово, упостасную премудрость, виждителя и правителя міра, во вселенную, и изрекъ: да поклонятся Ему вси ангели Божіи* (Евр. 1, 6). Тогда денница, возшедшая заутра—вначалѣ всякаго созданія, первозданный духъ свѣтоносецъ, воспалившись завистію къ несозданному ангелу великаго совѣта (Исаіи 14, 12—15; 9, 6), ангелу завѣта—основанію и связи всего сущаго (Притч. Сол. 8, 22—31; Мал. 3, 1), и духомъ непокорства вѣковѣчному начальству (Іуды ст. 6) Архангела предвѣчнаго, вины бытія ангеловъ, который есть и архистратигъ *) силъ Іеговы и самъ Іегова, Господь сый (Іис. Нав. 5, 13—16; 6, 1; Исх. 3, 2—18), *рекъ въ умъ своемъ: на небо възду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, буду подобенъ Вышнему*, и не покорился гласу Бога Отца и не поклонился первородному и единородному Его Сыну (Паримія въ 8 день ноемврія). Это было первое возстаніе противъ самого Бога, первый мятежъ, первое начало брани въ высшихъ и внутреннѣйшихъ сферахъ небесныхъ у самаго престола Вседержителя. Отъ перваго виновника брани, денницы - сатаны, зараза молніею пробѣжала по ликамъ ангельскимъ, и хоботъ его отторгъ отъ Бога и неба *третію часть звѣздъ небесныхъ*. Подобно своему, бывшему свѣтоноснымъ, а теперь ставшему мраконоснымъ вождю, сіи мрачные ан-

*) Подъ именемъ Бога Саваога обыкновенно разумѣли Бога воинствъ. Кто-же иной сей Господь воинствъ, какъ не именуемый *архистратигомъ* силы Божіей (Іис. Нав. 5, 14), Господь Іисусъ Христосъ?—говоритъ св. *Василій великій* въ толк. на Исаію, гл. 8, стр. 303, въ Твор. св. отцевъ.

гелы не соблюли своего начальства, но оставили свое жилище (Іуды ст. 6). Тогда-то, по мнѣнію св. отцевъ, во время сего пагубнаго сатанина въ гордость возношенія и отступленія отъ Бога, учиненный отъ Бога чиновачальникъ собора девяти чиновъ ангельскихъ и воевода, святой архистратигъ Михаилъ, собравъ вся ангельскія чины и воинства, воззва велегласно: *воимемъ! станемъ добре предъ сотворшимъ насъ и не помышляемъ противная Богу*. Тогда-то Михаилъ и ангелы его впервые брань сотворили съ сатаною и ангелами его. И не возмогъ сатана устоять, и мѣста не нашлось уже ему на небеси, и низверженъ былъ изъ горнѣйшихъ круговъ въ дальнѣйшую поднебесную (Ефес. 6, 12), и на землю и до ада преисподнѣйшаго. И ангелы его, связанные пленицами изведеннаго ими во вселенную мрака, съ нимъ-же сатаною были низвержены (2 Петр. 2, 4).

Такое убо святыхъ ангеловъ первое совокупленіе, си есть—вниманіе, единомысліе, согласіе, соединеніе въ единогогласномъ прославленіи святыхъ Троицы и въ единокупномъ возстаніи на возставшихъ духовъ, наречеса соборъ ангельскій, празднованію коего посвященъ нынѣшній день (см. въ Минеи-четыи мѣсяца ноемврія въ 8 день слово на соборъ св. архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ).

Въ предопредѣленное время, на послѣдокъ дней ветхаго завѣта, знаменіе веліе явися на земли—первообразъ прообраза первозданной жены Евы и образъ церкви Божіей, въ первоевангеліи обѣтованная Жена (Быт. 3, 15) и Дѣва, облеченная въ солнце выше серафимской чистоты, имущи во чревѣ отъ Духа Свята. И змій древній стояше предъ сею Женою, злоумышляя—навѣвая мракъ сомнѣнія на праведнаго Іосифа, мракъ смущенія на іерусалимскихъ первосвященниковъ и книжниковъ, мракъ подозрѣній, коварства и кровавой ярости на Ирода, дабы, егда родить сія Жена, потребить Чадо Ея. Когда родила Она Сына мужеска полу, обѣтованное Сѣмя, которое имѣло упасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ, Отроча сіе охранено было благодатію Божіею, невидимымъ воинствомъ небеснымъ. Тѣмъ не менѣе змій древній приразился къ Нему—Сыну Дѣвы, Сыну Божію и внутренними искушеніями, и внѣшними гоненіями, и ужасами насильственной, позорнѣйшей и мучительнѣйшей изъ смертей, и наконецъ вѣчнымъ мракомъ сѣни смертной за заклепами ада. Душу самой Богоматери пронзилъ

онъ оружіемъ мучительнѣйшей изъ материнскихъ скорбей—зрѣлищемъ безславной, послѣ полной гоненій жизни, кончины едиnorodнаго Сына, невиннаго, святыхъ святѣйшаго. Въ это-то время, когда сатана думалъ торжествовать величайшую изъ своихъ побѣдъ надъ человѣчествомъ, поруку за всѣ побѣды прежнія и будущія, въ невидимыхъ для тлѣннаго ока сферахъ міра духовъ, возгорѣлась и совершилась новая тяжкая брань Михаила и ангеловъ его съ древнимъ змѣемъ и ангелами его. Поглощенное зѣвомъ ада обѣтованное Чадо обѣтованной Жены вышло оттуда сокрушителемъ ада и смерти, свободителемъ плѣнныхъ душъ, и *восхищено бысть къ Богу и престолу Его*, куда чрезъ малое время восхищена была и преблагословенная въ женахъ Дѣва Богородица. За то діаволъ, еще разъ пораженный, потерявшій въ своей силѣ и власти, но вооруженный яростію еще большею, погнался за образомъ обѣтованной Жены, за невѣстою Христовою—церковію, украшенною на главахъ своей *вѣнцемъ отъ звѣздъ двюнадесяти*,—двоюнадесяти апостоловъ, имущю во чревѣ и страждущю родами благодатныхъ чадъ Богу. Кромѣ обычныхъ прелестей, которыми искони отпаденія первой жены Евы льстилъ вселенную всю, діаволъ въ это время испустилъ изъ устъ своихъ за невѣстою Христовою воду гоненій и мученій, дабы потопить ее въ этой рѣкѣ. *Но жена бѣжа въ пустыню*: чада церкви бѣжали отъ воздвигнутыхъ врагами имени Христова гоненій буквально въ пустыню, гдѣ работали Богу въ тиши безмолвія, въ подвигахъ высочайшаго самоумерщвленія и самоусовершенія; а другія побѣдили врага словомъ безстрашнаго свидѣтельства своего предъ гонителями, и не возлюбили душъ своихъ даже до смерти; пока, наконецъ, съ воцареніемъ равноапостольнаго Константина, не настала пора нѣкотораго сравнительнаго успокоенія церкви Божіей отъ лютѣйшихъ гоненій, имѣвшихъ рѣшительнымъ предположеніемъ потопить ее въ рѣкѣ крови ея чадъ. Такимъ образомъ, на двухъ крылахъ орла великаго, на отшельничествѣ и мученичествѣ церковь воспарила въ мѣсто свое, въ настоящее свое положеніе, гдѣ препитывается въ продолженіе уреченнаго времени, нѣсколько охраненною отъ лица зміина. Тогда въ предѣлахъ вѣчнаго времени на небеси торжественно раздался гласъ велій: *нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога нашего, и область Христа Его: яко низложенъ бысть клеветникъ братіи нашея, оклеветавша ихъ предъ Богомъ нашимъ день и ноць. И тѣмъ побѣдиша его кровію Агнца, вземлю-*

щаго грѣхъ міра, и словомъ свидѣтельства своего, и не возлюбиша душъ своихъ даже до смерти. Сего ради веселитесь небеса и живущіи на нихъ.

Остается пока еще не исполнившееся въ событіяхъ земной исторіи послѣдняя часть этой небесной пѣсни, сего торжественнаго возглашенія небожителей: *горе живущимъ на земли и на мори, яко снуде діаволъ къ вамъ, имѣя ярость великую, вѣдый, яко время мало имать*. По соображенію всѣхъ вѣдомыхъ намъ таинъ божественнаго домостроительства, толкованій святыхъ отецъ о предпослѣднихъ дняхъ міра и обстоятельствъ всемірной исторіи, надо полагать, что къ концу временъ родъ человѣческій размножится такъ, что суша станетъ уже тѣсна для жительства людей, которые отъ тѣсноты станутъ селиться и на морѣ, какъ уже и селятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ Китаѣ). Время это настолько будетъ удалено если не отъ времени перваго пришествія Христова, то отъ вѣры въ силу его, что люди станутъ говорить: *идѣсть обѣтованіе (второго) пришествія Его? Отнелъже бо отцы упоша* (съ тѣхъ поръ, что прародители умерли), *вся тако пребываютъ отъ начала созданія* (2 Петр. 3, 4);—вмѣстѣ съ маловѣріемъ распространится и нечестіе невообразимое (2 Тим. 3, 1—9; 1 Тим. 4, 1—3), зачатки коего однакоже довольно быстро произникаютъ уже въ наше время. Сатана распростретъ свою мрачную область надъ всею поднебесною. Внѣ области его, въ оградѣ церкви Божіей, подъ охраною ангеловъ свѣта, пребудетъ къ этому времени только незначительный *останокъ съмени* невѣсты Христовой, *иже соблюдаютъ заповѣди Божіи и имѣютъ свидѣтельство Іисусъ Христово* (Апок. 12, 17). Къ этому-то послѣднему останку съмени Жены, къ современному ему заблудшему человѣческому роду, къ послѣднему времени бытія его на землѣ, должно отнести послѣднія слова небеснаго возглашенія: *горе живущимъ на земли и на мори, яко снуде діаволъ къ вамъ, имѣя ярость великую, вѣдая, яко время мало имать*,—равно какъ и послѣднія слова тайновидца въ изображеніи этого видѣнія: *и разнѣвася змій на жену* (убѣжавшую отъ его преслѣдованій), *и иде сотворити брань со оставшимъ съменемъ ея, иже соблюдаютъ заповѣди Божіи и имѣютъ свидѣтельство Іисусъ Христово*.

Тогда-то, по смыслу дальнѣйшихъ тайновидѣній Іоанна, сатана испуститъ на землю самое свирѣпое орудіе своей силы, лютѣйшаго

звѣря, антихриста, который возсядетъ въ церкви Божіей, аки Богъ, показуя себе, яко Богъ есть (2 Сол. 2, 3—12), принуждая непокоряющихся сыновъ Божіихъ къ поклоненію сатанѣ всеми способами, именно, кромѣ всевозможныхъ сатанинскихъ обольщеній, самыми неслыханными и невообразимыми гоненіями и мученіями. Тогда на короткое время воцарится на землѣ царство бѣсовскаго мрака самое полное, какое когда-либо бывало, какого не бывало ни предъ потопомъ, ни предъ первымъ пришествіемъ Христовымъ на землю. На всѣхъ углахъ земли утвердятся престолы сатаны, повидимому, неизбежно...

Но тогда на послѣднюю брань съ княземъ тьмы и воинствомъ его двинутся всѣ воинства небесныя подъ ближайшимъ водительствомъ самого Сына Божія. И видѣхъ, — пишетъ тайновидѣцъ (Апок. 19, 11—21), — небо отверзето, и се конь бѣлъ, и Сѣдѣющій на немъ, вѣрный и истинный, и правосудный и воинственный. Очи у Него яко пламень огненъ, и на главѣ Его вѣнцы многи, именуемый имя написано, коего никто не знаетъ, токмо Онъ самъ, — и облеченъ въ ризу червлену, окрашенную кровію, и нарицается имя Его — Слово Божіе. И воинства небесная шли вслѣдъ Его на коняхъ бѣлыхъ, облечени въ виссонъ бѣлъ и чистъ. И изъ устъ Его исходитъ оружіе остро, да тѣмъ избіетъ народы; и той упасетъ ихъ жезломъ жельзнымъ, и той перетъ (топчетъ, какъ виноградарь) точило вина ярости и гнѣва Бога вседержителя. И имѣетъ на ризѣхъ и на стѣнѣхъ своемъ имя написано: Царь царемъ и Господь господемъ... И видѣхъ звѣря, сатану, антихриста и царей земныхъ и воинства ихъ собранныя сотворити брань съ Сѣдѣющимъ на конѣ и съ воинствами Его. И ятъ бысть звѣрь, антихристъ, и съ нимъ лживый пророкъ, сотворившій знаменія предъ нимъ, и живыми ввержены были оба въ озеро огненное, горящее жупеломъ. А прочіе убиты были оружіемъ Сѣдѣющаго на конѣ, изшедшимъ изъ устъ Его. Послѣ чего, пишетъ тайновидѣцъ, и змій древній, иже есть діаволъ и сатана, будетъ ятъ и связанъ и вверженъ въ озеро огненно и жупелно, идъ звѣрь, антихристъ и лживый пророкъ: и мучени будутъ день и ночь во вѣки вѣковъ (Апок. гл. 20). Тогда конецъ домостроительству нашего спасенія, воскресеніе мертвыхъ, судъ и воздаяніе, послѣдняя борьба неба съ адомъ и побѣда надъ адомъ. Сынъ Божій покоритъ подъ ношъ свои всѣхъ враговъ своихъ и самъ, исполнивъ свое посланничество въ мірѣ покорится, — вручитъ обратно

полномочіе своего посланничества своему Отцу, покоршему Ему всяческая (1 Кор. 15, 28).

Для возможно-точного представленія объ этой вѣковѣчной брани, извлечемъ изъ божественныхъ откровеній возможно точныя догматическія о ней понятія.

Первая причина брани — возстаніе Денницы, свѣтоносца, первозданнаго духа, увлекшаго за собою третью часть духовъ небесныхъ, противъ Бога, противъ начальства перво-и едиnorodнаго Сына Божія на сторонѣ коего остались архангелъ Михаилъ и девять чистыхъ ангельскихъ ликовъ.

Кто воители? Первовиновникъ брани сатана и духи ему подвластные съ одной стороны — адской; а съ небесной — архистратигъ Михаилъ и вѣрные Богу ангельскіе лики. Во главѣ же сихъ послѣднихъ ихъ божественный вождь — Слово Божіе, Сынъ Божій, который въ священномъ писаніи называется ангеломъ, и ангеломъ великаго совѣта, и ангеломъ завѣта, и архистратигомъ, представляется вождемъ небесныхъ воинствъ, который есть начальнѣйшій архангелъ въ смыслѣ вины (*архи*) бытія самыхъ ангеловъ; а архистратигъ Михаилъ, первовозставшій противъ сатаны духъ, есть какъ-бы намѣстникъ своего верховнаго божественнаго Вождя; и дѣйствительно въ отношеніи къ водительству избраннаго народа Божія, древняго Израиля, въ священномъ писаніи архангелъ Михаилъ представляется какъ-бы намѣстникомъ ангела завѣта, Сына Божія (см. Втор. гл. 32, 8—9; Исх. 33, 1—3; Дан. 10, 12—14, 21; 12, 1—2).

Цѣль брани? — со стороны сатаны и ангеловъ его распространіе мрака и зла въ царствѣ Божіемъ вообще, въ частности плѣненіе въ свое царство человѣческаго рода; а со стороны Сына Божія и Его намѣстника архистратига Михаила со всѣми ангельскими ликами — охраненіе царства Божія, въ частности сохраненіе людей для царства Божія.

Оружіе? У діавола и ангеловъ его — ложь, лесть, хула, клевета, страсть, пагуба. У Сына Божія оружіе остро, исходящее изъ устъ, слово Божіе, оружіе обоюду острое, убивающее и животворящее (Евр. 5, 12). У архистратига Михаила на святыхъ иконахъ изображается въ десницѣ огненный мечъ или молніеносное копье, коимъ онъ поражаетъ духа злобы, — это пламенная ангельская любовь къ Богу и ревность о славѣ Божіей. Слово-же Божіе указываетъ сущность ангельскаго

оружія въ словѣхъ: *Михаило-же архангелъ*, — пишетъ апостолъ Іуда, изображая ангельское средство дѣйствованія на діавола (ст. 6—10), — *егда со діаволомъ препираяся, глаголаше о Моисеовъ тѣлеси, не смѣяше суда навести хула, но рече: да запретитъ тебѣ Господь...* Ангельское оружіе—это ангельское, безгнѣвное, не оскорбительное даже въ отношеніи къ діаволу, но острѣйшее всякаго меча обоюдоостра, проникающее до послѣдней глубины духовнаго состава, слово прощенія именемъ Господа силъ.

Мѣсто и время этой брани? Въ началѣ временъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ св. отцевъ, именно въ седьмой день покоя Божія по сотвореніи небснаго и земнаго міра, у самаго престола Бога вседержителя, во внутреннѣйшихъ сферахъ небсныхъ, откуда изверженный сатана, восхотѣвшій быть самостоятельнымъ средоточіемъ мірозданія (Исаи 14, 13—14), дѣйствительно сталъ такимъ средоточіемъ, но только противоположнымъ истинному средоточію вселенной—творцу всяческихъ Богу,—сталъ, такъ сказать, противоположнымъ отрицательнымъ полюсомъ мірозданія, вмѣсто самой горней сферы неба наслѣдовавъ преисподнюю, но не вдругъ по первоначальному возстаніи окончательно связанный и въ преисподнюю заключенный, напротивъ, завоевавъ себѣ, по особому попущенію и смотрѣнію Божію, въ сферу дѣйствія всю поднебесную (Іов. 1, 6—12; 2, 1—7; Ефес. 6, 12). Въ послѣдствіе днѣй, въ средостѣніи между ветхимъ и новымъ завѣтами, особенно въ страшные дни страстей, смерти и сошествія во адъ Спасителя нашего, брань сія совершилась во всей области діавола до ада преисподнѣйшаго, откуда побѣдителемъ смерти и ада изведены были въ свободу Божію узники отъ вѣка, начиная отъ перваго Адама. Наконецъ въ послѣдствіе временъ въ третій разъ разразится тамъ же сія брань,—на широтѣ міра видимаго земнаго тягчайшими соблазнами, вѣроотступничествомъ во всемъ человѣчествѣ, гоненіемъ на оставшихся христіанъ, небывалыми побоищами между людьми, неслыханными возмущеніями въ видимой природѣ; а въ нѣдрахъ міра невидимаго, въ глубинѣхъ преисподней, окончательнымъ ниспроверженіемъ престола сатаны и исторженіемъ всѣхъ мертвецовъ изъ челюстей смерти; послѣ чего воскресшіе праведники идутъ въ животъ вѣчный, а слуги сатаны и ангелы его и самъ сатана, окончательно связанные пленицами мрака, ввержены будутъ въ муку вѣчную.

Ясно отсюда, что сія вѣковѣчная брань духовная совершается

изъ-за насъ, надъ нами, около насъ и даже въ насъ самихъ. Мы не зрители только, но цѣль и поводъ и участники и арена брани и орудіе.....

На этой точкѣ мы должны остановиться самымъ строгимъ къ какому только мы способны, нашимъ вниманіемъ, потому что тутъ идетъ рѣчь о нашей вѣчной участи и о сущности нашего временнаго въ церкви Божіей призванія,—именно мы съ вами учаіе и учаіеся въ семъ духовномъ училищѣ.

Мы съ вами знаемъ, что на всемъ пространствѣ міра, отъ недовѣдомыхъ намъ сферъ неба, *идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя* (Кол. 3, 1), и до ада преисподнѣйшаго, въ центрѣ котораго утверждёнъ престолъ сатанинъ, спокойно, всюду идетъ вѣковая брань, гдѣ не тѣлесные только трупы повергаются, но и души погибаютъ, гдѣ то гласомъ грома раздаются побѣдныя пѣсни небожителей, то своды неба потрясаетъ львиное рыканіе насыщаемаго гибелью, поглощающаго какую-либо разумную тварь діавола, то тихимъ журчаніемъ ручья льются жалостныя о гибели человѣческихъ душъ слезы ангельскія, то грозною морскою волною ревутъ мертвящія стоны сатанинскіе отъ внутреннихъ терзаній и злобы, къ какимъ способенъ только поражаемый въ своей гордости сатана...

Мы съ вами знаемъ, что церковь Христова, небсная церковь отшедшихъ праведныхъ душъ, называется торжествующею, а церковь земная—воинствующею. Первая такъ называется потому, что восторжествовала уже за себя въ этой брани; а земная воинствующею потому, что еще продолжаетъ воинствовать.

Мы съ вами знаемъ, что божественный Вождь церкви въ этой брани, возносясь самъ на небо, оставилъ по себѣ на землѣ воителями всѣхъ вѣрующихъ во имя Христова, а вождями вѣрующихъ—святыхъ апостоловъ, которые сами себя и называли воинами Христовыми и изображали вождями воинства Христова (2 Кор. 10, 3 и 4). Зная же твердо, что и для нихъ время отшествія изъ сего міра настанетъ неизбежно, они послѣ себя поставляли воинами и вождями воинства Христова своихъ ближайшихъ учениковъ, пастырей и учителей, которыхъ опять же называли воинами Христовыми, вѣруя имъ послѣ себя свое собственное воинское начальствованіе (2 Тим. 2, 1—15; 4, 1—8). Первые преемники апостольскіе тоже званіе и ту же власть оставили сво-

имъ преемникамъ; и такъ другъ-другопримательно чреда священнаго воинствованія дошла и до насъ съ вами, братіе.

Размыслимъ о семъ, — не теперь, потому что уже размышляли довольно; а размыслимъ по выходѣ отсюда, будемъ размышлять всегда. Мы воины Христовы; этого мало, — мы призваны быть вождями воинства Христова.

Къ этому-то размышленію Промыслъ Божій ведетъ насъ постоянно, ежедневно и ежечасно указуя нашему благоговѣйному поклоненію нашъ храмъ, посвященный собору архистратига Божія Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ.

Оглянемся вокругъ себя, посмотримъ внутрь себя: что мы? Божіи — ли воины, или врага Божія сатаны? Гдѣ мы, къ какому собору духовныхъ воинствъ принадлежимъ, къ ангельскому или демонскому? И что намъ дѣлать?

Наше слово не можетъ быть сильнѣе слова апостольскаго; съ другой стороны вы настолько сильны мыслию, чтобы не понуждаться и въ нашемъ объясненіи сихъ глубокихъ, какъ сама божественная мудрость, словъ великаго апостола, преподанныхъ имъ уроковъ, чѣмъ и какъ намъ воевать, какъ намъ вести себя въ отношеніи къ обѣимъ противнымъ сторонамъ въ этой грозной духовной брани.

Чѣмъ и какъ намъ воевать? *Во плоти ходяще*, — отвѣтствуетъ на этотъ вопросъ св. апостолъ Павелъ (2 Кор. 10, 3—5), *не по плоти воинствуемъ*, — оружія бо воинствованія нашего не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердынь, — помысленія низлагающе, и всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій, и плннюще всякъ разумъ въ послушаніе Христова, и готовые наказать всякое непослушаніе. Сюда же относятся уроки великаго апостола, относительно духовнаго воинствованія, ученику своему Тимофею: *ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ. Трезвися о семъ, злопостражди, дѣло сотвори благовѣстника, служеніе твое извѣстно сотвори* (1 Тим. 2, 1—10; 4, 1—8).

Какъ намъ вести себя въ отношеніи къ нашимъ врагамъ? *Братіе моя*, — увѣщаетъ насъ св. апостолъ, *возмогайте о Господѣ и въ державѣ крѣпости Его: облечитесь во вся оружія Божія, яко возмоути вамъ стати противу кознемъ діавольскимъ. Яко нпсть наша брань противу плоти и крови, но противу началъ и властей и міродержителей тмы вѣка сего, противу духовъ*

злобы поднебесныхъ. Сего ради примите вся оружія Божія, да можете противитися въ день лютъ, и все преодолевъ устоять. Станите убо препоясавъ чресла ваша истиною и облечитесь въ броню правды, и обувъ ноги въ готовность благовѣствованія мира; а паче всего воспримите щитъ вѣры, которымъ можете вся стрѣлы лукаваго разжженныхъ угасити; и шлемъ спасенія воспримите, и мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій, всякою молитвою и моленіемъ молящися на всяко время духомъ, и бдяще въ семъ самомъ во всякомъ терпѣніи и въ молитвѣ о всѣхъ святыхъ (Еф. 6, 10—18).

Какъ намъ вести себя въ отношеніи къ нашимъ сторонникамъ, къ церкви торжествующей небесной, къ воинству ангельскому, къ главѣ и вождю всѣхъ духовъ праведныхъ Господу Іисусу? *Вы приступили*, — предостерегаетъ насъ св. апостолъ, — *не къ горѣ осязаемой* (Синаю, какъ израильтяне), *пылающей огнемъ, не ко тмѣ и мраку и бурѣ, не къ трубному звуку и гласу глаголовъ, который слышавшіе* (израильтяне) *отреклись* — *прося, чтобы къ нимъ не было продолжаемо слово* (Божіе, что все было на Синаѣ)... *Но приступили къ сѣднстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ ангеловъ, и торжествующему собору и церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ, и къ судіи всѣхъ Богу, и къ душамъ праведниковъ совершенныхъ, и къ ходатаю завѣта новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева. Блюдите же, да не отречетесь глаголющаго* (какъ израильтяне у Синаѣ)... *Тѣмже царство непоколебимо пріемлюще, будемъ хранить благодать, которою будемъ служить благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ и страхомъ. Ибо Богъ нашъ огонь поядаяй есть.* (Евр. 12, 18—29). Аминь.

1868 г.

БЕСѢДА^{*)}

въ день памяти иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи.

Премудрость созда себѣ домъ, и утверди столповъ седмъ; закла своя жертвенная, и раствори въ чаши своей вино, и уготови свою трапезу. Посла своя рабы созывающы съ высокимъ проповѣданіемъ на чашу, глаголющи: иже есть безумецъ, да уклонится ко Мнѣ. И требующимъ ума рече: приидите, ядите мой хлѣбъ и пійте вино, еже растворихъ вамъ. Оставьте безуміе, и живи будите, да во вѣки воцаритесь, и възвѣстите разума, да поживете... Начало премудрости—страхъ Господень, и советъ святыхъ—разумъ. Разумѣти бо законъ—помысла есть благого. Симъ бо образомъ многое поживеши время, и приложатся тебѣ лѣта живота. (Прит. Сол. 2, 1—11).

Не истощаясь въ умствованіяхъ, укажемъ церковный смыслъ сихъ священныхъ словъ, изреченныхъ премудрымъ Соломономъ почти за тысячу лѣтъ до Р. Х.,—смыслъ, установленный отцами и учителями церкви, богомудрыми толковниками слова Божія. Этотъ смыслъ таковъ.—Источникъ всякой мудрости, вѣчная божественная премудрость, творческое Божіе слово—разумъ создаетъ свой храмъ для обитанія себѣ самой; закаляетъ свою жертву, растворяетъ въ чашѣ своей вино и приготовляетъ у себя трапезу. Затѣмъ посылаетъ слугъ своихъ проповѣдать съ возвышенностей: „кто неразумецъ, обратись сюда; идите, вкушайте хлѣбъ мой и пейте вино, мною растворенное; оставьте безуміе, чтобъ воцариться во вѣки, и възвѣстите разума, чтобы жить. Помните, что страхъ Господень есть начало премудрости, и разумъ въ

^{*)} Для внѣ-церковнаго собесѣдованія.

познаніи Святаго и о Святомъ. Симъ образомъ многое поживеши время и приложатся тебѣ лѣта жизни“.

Жилище для себя вѣчная божественная премудрость создала и создаетъ въ сердцѣ каждого отдѣльнаго человѣка и въ сердцахъ многихъ людей въ совокупности, т. е. въ религіозномъ обществѣ или церкви, въ святилищахъ и храмахъ, а далѣе и во всякихъ здравыхъ, воспитательныхъ и училищныхъ учрежденіяхъ. На трапезѣ своей вѣчная премудрость предлагаетъ, какъ и предлагала съ начала міра всегда, прежде всего богопосвященную жертву и жертвенное возліаніе,—это буквально, а далѣе въ переносномъ смыслѣ проповѣдь слова Божія и всякое здоровое душеспасательное и душепитательное ученіе. Искони она посылала и донинѣ посылаетъ въ міръ своихъ глашатаевъ возвѣщать о себѣ блуждающему во мракѣ невѣдѣнія человѣчеству,—это богомудрыхъ патріарховъ, пророковъ и апостоловъ, церковныхъ благовѣстниковъ и всякихъ подвижниковъ въ словѣ и ученіи, непротивномъ слову Божію и полезномъ человѣчеству. При этомъ она провозглашаетъ основную аксіому истиннаго ученія, что страхъ Господень есть начало премудрости и разумъ въ познаніи Святаго; что только такая премудрость даетъ жизнь и крѣпость и долготѣіе; а безъ страха Господня, безъ познанія о святомъ, безъ крѣпкаго и просвѣщеннаго религіознаго духа, не можетъ быть ни истинной мудрости, ни жизненной крѣпости.

Конечно, эта истина извѣстна намъ изъ всѣхъ дѣтскихъ учебниковъ. Но какъ вѣра въ нее колеблется вмѣстѣ съ вѣрою во многія даже основныя положенія религіозной догмы и морали, то освѣтитъ эту аксіому не только для дѣтскаго или юношескаго, но и для развитаго современнаго сознанія, въ этотъ праздникъ, съ сего священнаго мѣста, признаемъ дѣломъ благовременнымъ и полезнымъ,—для развитаго созрѣвшаго сознанія еще болѣе полезнымъ, чѣмъ для дѣтскаго или созрѣвающего юношескаго.

Намѣтимъ важнѣйшіе моменты общечеловѣческой жизни, освѣщающіе эту аксіому, какъ отражалась она въ жизни всего человѣчества и отдѣльныхъ народовъ.

По преданіямъ всѣхъ древнихъ, болѣе или менѣе историческихъ народовъ, жизнь первобытнаго до-историческаго міра кончилась катастрофою потопа. Осмысливая связь между началомъ, продолженіемъ и роковымъ концомъ этой древней жизни, священное преданіе свидѣтельствуешь, что еще семейство Адамово научено было отъ Бога прино-

шенію жертвъ, прообраза великой міроочистительной жертвы обѣтованнаго Сѣмени; что въ этотъ періодъ времени вѣстасная премудрость создала себѣ жилище преимущественно въ племени сыновъ Божіихъ, въ потомствѣ Сѣа и особенно въ преемствѣ рода богоизбранныхъ патриарховъ до Ноя; что уже Каинъ не умѣлъ соединить съ своимъ жертвоприношеніемъ надлежащаго возношенія Богу сокрушеннаго духа и смиреннаго, кроткаго сердца; что въ его потомствѣ быстро изсякъ до дна религіозный духъ; тѣмъ не менѣе именно у каинитовъ зародились понятія о культурныхъ удобствахъ жизни, о построеніи городовъ для безопасности отъ враговъ, о кованіи желѣза, о музыкальныхъ инструментахъ; что порывы похвальной чувственности повлекли за собою смѣшеніе отверженнаго племени съ богоизбраннымъ, — изъ этой помѣси племена народились исполины, издревле сильные и славные люди, прославившіеся, вѣроятно, преобладаніемъ надъ другими; земля наполнилась злодѣйствами всякаго рода; всецѣло превратившись въ плотъ, забывъ и потерявъ все духовное, люди стали неспособны быть носителями Духа Божія, Духа животворящаго, и допотопный міръ пересталъ существовать, потому что не могъ существовать. Такъ было, по свидѣтельству библейскаго преданія. Но такъ называемая всеобщая исторія не знаетъ объ этомъ ничего, кромѣ разрозненныхъ и искаженныхъ народныхъ преданій о самой гибели первобытнаго міра отъ потопа. А еслибъ и знала, то и тогда связь между фактомъ потопной катастрофы въ мірѣ вещественномъ съ причиною ея въ мірѣ нравственномъ, потерявшемъ способность къ дальнѣйшему существованію, оставалась-бы для разсудка неясною. Почему и поспѣшимъ перейти къ яснѣйшему, болѣе извѣстному изъ общей исторіи.

Въ историческій послѣпотопный періодъ вѣстасная Божія премудрость создаетъ жилище для себя по преимуществу въ потомствѣ Симовомъ. По записанному за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. прародительскому благословенію Ноя патриарха, въ человечествѣ послѣпотопномъ, благословенному колѣну Симову предопредѣлено, что благословенъ будетъ Богъ Симовъ, что въ этомъ колѣнѣ сохранится для всего человечества вѣра въ единого истиннаго Бога; колѣну Іафета предназначено въ жребій, что Богъ распространитъ Іафета и вселитъ въ селенія Симовыхъ, вселитъ вещественно въ мѣстожителствѣ Симовомъ и духовно въ истинной церкви Божіей; колѣну-же Хамову при-

суждено лишеніе прародительскаго благословенія, а племени Ханаанову предопредѣлено даже проклятiе и рабство. Если племя Хамово забыло о своемъ родоначальникѣ, племя Іафета хочетъ и усиливается привести въ забвеніе своего, то племя Симово не хочетъ забыть и всемъ напоминаетъ о своемъ родоначальникѣ и симитскомъ своемъ родопроисхожденіи, какъ о непререкаемомъ историческомъ фактѣ. То далѣе безспорно, что въ колѣнѣ Симовомъ, для сохраненія истинной вѣры, выдѣлено особое богоизбранное поколѣніе, разросшееся въ избранный народъ Божій, который и противопоставляется въ словѣ Божіемъ всему остальному языческому человечеству. А это послѣднее языческое человечество дѣлится исторіею на народы, которые дѣлали или всеобщую или только свою собственную исторію, или-же не дѣлали никакой.

Съ нашей точки зрѣнія окинемъ эти послѣдніе народы, которые долго не участвовали въ обще-историческомъ движеніи человечества. Въ Европѣ это племена финнскія, жившія на сѣверѣ отъ Скандинавіи до Уральскаго хребта. Въ Азіи это аборигены сибирскіе и средне-азіатскіе, Китай и Индія; въ Америкѣ великія царства инковъ и ацтековъ; наконецъ въ Океаніи все океаническія племена, со включеніемъ и Японіи. Чѣмъ все эти народы, народцы и племена поражаютъ наблюдателя, если взглянуть на нихъ съ установленной нами точки зрѣнія? Вотъ, или по таинственному домостроительству Божію не достигалъ ихъ, или вольною волею не выслушавъ и не принявъ ими обращенный къ нимъ, какъ и ко всемъ народамъ, призывъ Вѣстасной божественной премудрости; почему пока еще и не пошли они на ея зовъ въ ея домъ вкушать ея жертву, пить ея вино, учиться у нея разуму, основанному на страхѣ Божіемъ и на познаніи святаго, чтобъ воцариться, чтобъ утвердиться и жить долговѣчно. И что-же? Исторія даже не записала, противились-ли когда-либо миллионы сѣверо-европейскихъ финновъ нашествію славянскаго племени; съ молчаливою и страдательною покорностію року, они сливались, сливаются и сольются съ великорусскимъ народомъ. Сибирскіе народы отъ Урала до восточнаго океана пали, чтобъ не возстать, подъ ударами, которые задумали нанести имъ два русскіе богатыря, казаки Ермакъ и Хабаровъ, съ горстью удалцовъ. Средне-азіатскіе народы, поднятые промыслительнымъ вѣтромъ, нанесли было на соседнія страны, особенно-же на христіанскую Русь, разрушительнымъ порывомъ степнаго буруна; но встрѣченные отпоромъ, повидимому разрозненной слабости, но и вѣ-

ковой стойкости русскаго христіанскаго люда, отпрянули назадъ въ свои средне-азіатскіе степи, и тамъ осѣли неподвижно на нѣсколько вѣковъ, пока богатырь уже нашего времени Черняевъ не отважился нанести имъ свой ударъ, также съ горстью русскихъ удалцовъ, не столько опасаясь чужихъ, чтобъ тѣ не отразили его, сколько своихъ, чтобъ эти не помѣшали, и къ подножію Россіи сразу пало нѣсколько царствъ. Китай и Индія развивались? Да. Жили, двигались и развивались очень короткое, сравнительно съ періодомъ всего бытія своего, время, именно пока только созидали свою религію, философію и поэзію, а затѣмъ и замерли на цѣлыя тысячелѣтія, пока горсти европейцевъ, именно горсти, сравнительно съ міриадами этихъ населеній, не вздумалось нанести имъ ударъ, и онѣ впали въ безпримѣрное рабство. Горсть жадныхъ англичанъ приневоливаетъ сотни миллионъ индійцевъ, истощая ихъ голодомъ, вырабатывать отраву опія, для наживы своихъ господъ, а сотни миллионъ китайцевъ платятъ тѣмъ-же господамъ горы золота и серебра за эту отраву и отравляются. И это чуть не билліонъ злосчастнѣйшихъ рабовъ чужой жадности, отупѣвъ въ своемъ языческомъ безвѣріи или суевѣріи, съ животною покорностію овецъ, пассивно ждетъ, пока другая горсть христіанъ—русскихъ придетъ освободить ихъ отъ этой жадности, граничащей съ кровожадностію, и пробудить къ истинно-человѣческой христіанской жизни. Говорить-ли о народонаселеніяхъ внутренней и южной Африки, океаническихъ острововъ Азіи, Австраліи, даже Японіи? Они покоряются всякой христіанской, европейской или американской рукѣ, которой вздумалось и вздумается протянуться, чтобы превратить ихъ въ своихъ подручниковъ, чтобъ эксплуатировать, чтобъ даже истреблять ихъ. Древнія сравнительно цивилизованныя и сильныя царства инковъ и ацтековъ не то же ли явленіе, только еще въ болѣе поразительной степени? Кортесъ и Пизарро, съ какими либо сотнями сподвижниковъ, разбили въ нѣсколькихъ сраженіяхъ большія арміи, разрушили древнія большія царства и покорили своему оружію цѣлую и громаднѣйшую часть свѣта. Чтожъ это выходитъ? Одно и тоже явленіе всегда и вездѣ. Безъ христіанства, безъ истинной, богооткровенной религіи, безъ мудрости, истекающей изъ вѣстасной Божіей премудрости, народы не могутъ развиваться въ смыслъ просвѣщенія, какъ Китай и Индія, а царства не могутъ жить, или живутъ самобытно, хотя и мертво, какъ тѣже опять Китай и Индія, только пока не приходятъ въ соприкосно-

веніе съ христіанствомъ. Но лишь только колесо христіанской исторіи касается ихъ своими зубцами, и вотъ неудержимо падаютъ даже такіа издревле обособленныя громады, какъ Китай и Индія въ Азіи, какъ царства инковъ и ацтековъ въ Америкѣ, не говоря о прочихъ неисторическихъ народахъ и племенахъ не-іафетитскаго корня. Распространеніе Іафетитовъ и вселеніе ихъ въ чужеродныхъ селеніяхъ,—это Божіе предопредѣленіе. Это законъ судьбы, законъ единообразія явленій природы. А принципъ единообразія явленій природы оказывается конечною большею посылкою всѣхъ наведеній, или—что тоже—оказывается аксіомою, по ученію самой новѣйшей логики, самой позитивной философіи.

Переходя къ племенамъ и народамъ, дѣлавшимъ всеобщую исторію, отмѣтимъ, съ нашей точки зрѣнія, сперва судьбу и характеръ племени Хамитовъ. За нечестіе предка и свое собственное, такъ мрачно изображенное въ писаніяхъ современнаго имъ бытописателя Моисея, Хананеи обречены были на истребленіе и истреблены за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. Обреченные на рабство Хамиты вынуждены были, съ первоначала исторіи, уступить господство надъ собою Симитамъ и особенно Іафетитамъ, арійско-кавказскому племени, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ Хамиты поселились—было первыми аборигенами, какъ-то въ Индіи и Египтѣ, какъ и въ дальнѣйшей Африкѣ. Даже въ Америкѣ, уже въ наши дни, одною изъ самыхъ ужасныхъ, изъ самыхъ критическихъ войнъ завоевано, громадными потоками христіанской крови куплено этому искони рабскому и скотски тупому, отверженному племени право быть не вьючнымъ продажнымъ скотомъ, а людьми и гражданами человѣческаго и христіанскаго общества. И христіанство сразу возвысило всѣхъ ихъ до пониманія своихъ человѣческихъ правъ, а нѣкоторыхъ поставило даже наряду съ образованнѣйшими мыслящими людьми,—чудо, пока еще невиданное въ средней Африкѣ, гдѣ африканцы въ своемъ дикомъ невѣріи наслаждаются народною самобытностію, подъ деспотизмомъ своихъ кровожадныхъ владыкъ, въ продолженіи тысячелѣтій. Даже сравнительно высокая, первоначальная, преимущественно индустріальная культура основанныхъ Хамитами государствъ, ассирійскаго, финикійскаго и кареатенскаго, не спасла ихъ отъ конечнаго погрома при первыхъ столкновеніяхъ съ Арійско-Кавказскими племенами, съ персами, греками и римлянами, по Божію предопредѣленію. Внутреннюю исторію этихъ Хамитскихъ государствъ, по гражданскимъ

памятникамъ, которыхъ мало и осталось, мы знаемъ очень мало. А по свидѣтельству памятниковъ священно-историческихъ, которыхъ остался цѣлый непрерывный рядъ, и памятниковъ современныхъ самой описываемой исторіи, да и постепенно освѣщаемыхъ новѣйшими открытіями, эти народы жили, господствовали надъ міромъ и процвѣтали, пока не исполнилась предопредѣленная мѣра ихъ нечестія, пока не потухъ въ нихъ исконный, наслѣдованный отъ до-исторической эпохи, духъ религіознаго страха предъ горнею небесною силою и не замолкъ подавленный беззаконіемъ естественный голосъ совѣсти. Но когда окончательно развѣла ихъ язва чувственности и сладострастія, роскоши и нѣги, неправеднаго стяжанія и насилія, кроваваго и студнаго идолопоклонства, тогда надъ каждымъ изъ этихъ государствъ, въ небесной книгѣ судебъ, и начертано роковое: мани, фекель, фаресь...

Болѣе знакомъ намъ, по разнообразнымъ историческимъ памятникамъ, внутренній духовно-нравственный строй родственныхъ, по іафетитско-арійскому корню, народовъ, по крайней мѣрѣ, господствующихъ между ними классовъ въ Египтѣ, въ передней Азіи у персовъ, мидянъ и лидянъ, у іонійцевъ и дорійцевъ, вообще у еллиновъ, и наконецъ у римлянъ. Съ нашей точки зрѣнія мы имѣемъ право смотрѣть на всѣ эти народы и царства, какъ на единое цѣлое. Все это были историческіе ручьи, которые текли въ море вѣчности единымъ водонаклономъ древне-историческаго, языческаго, до-христіанскаго человѣчества, и наконецъ слились въ большую рѣку еллино-римскаго царства. Это было родословное дерево, росшее изъ одного племеннаго корня, проникнутое соками наслѣдованной отъ предковъ, но своеобразно переработанной и временно искаженной въ разнovidные миѣи религіи, единой догмы, единого культа, единой морали, единого историческаго преданія, единого источника поэзіи, народнаго духа и прирожденнаго іафетитамъ стремленія къ всемірному владычеству. Это были волны одного моря, которыя, сталкиваясь, разбиваясь одна о другую, нарастая и вздымаясь выше и выше, выработали именно въ лицѣ Греціи и Рима самый высокій подъемъ древне-историческаго, естественно-человѣческаго языческаго духа. По аналогіи нарастанія и упадка этихъ народныхъ волнъ въ единомъ историческомъ водоемѣ, мы видимъ у всѣхъ этихъ народовъ постепенную одновременность лучшихъ нравственныхъ явленій: самыхъ попечительныхъ о народномъ благѣ фараоновъ въ Египтѣ, Кира и Дарія Истаспа въ Персіи, Кодра и Пизагора, Солона и Ликурга въ Ел-

ладѣ, Муція Сцеволу и Нуму Помпилія, Лукрецію и Брута въ Римѣ. Это первая серія современности лучшихъ историческихъ лицъ, послѣ которой въ Египтѣ и Персіи самобытная историческая жизнь погасаетъ. Вторую серію были въ Елладѣ Мильтіадъ и Кимонъ, Леонидъ со своими сподвижниками спартанцами, Сократъ и Платонъ, Демосеенъ, Діогенъ и Аристотель съ своимъ блистательнымъ ученикомъ, цвѣтомъ древняго человѣчества Александромъ; а въ Римѣ Регулъ и Сципіоны, послѣ чего не только еллинская, но и римская жизнь, быстро пошла къ упадку, такъ что стоитъ дальше упомянуть только въ Римѣ какъ о возвышенныхъ явленіяхъ, но и то почти только ума, а не нравственности, только о Цицеронѣ и Сенека.

Что же мы видимъ, съ нашей точки зрѣнія, въ этомъ подъемѣ величій древне-историческаго языческаго міра, — подъемѣ, который намѣчаетъ собою сперва поднимающуюся, а затѣмъ спускающуюся долу высоту его духа? Видимъ высшую кульминаціонную точку выработанной древнимъ языческимъ міромъ нравственности въ Сократѣ, а высшую кульминаціонную точку ума въ Платонѣ. Въ первомъ, въ Сократѣ видимъ цѣломудренную чистоту тѣла, если и не помысловъ, нестяжательность, мужество воинское и гражданское, благоразуміе, благодушіе, благожелательность ко всѣмъ, незлобіе даже къ врагамъ, преданность законамъ отечества и горному Промыслу, наконецъ мученичество за служеніе добродѣтели и высокоблагодушную кончину. Видимъ въ Платонѣ, что въ его философію втекли самые чистые струи любомудрія индійскаго, египетскаго и всѣхъ отраслей философіи еллинской; туда же влилось нѣсколько кристаллически свѣтлыхъ капель и еврейскаго богомудрія, хотя и просочившихся чрезъ египетское суемудріе. Видимъ, что Платонъ, въ своемъ заоблачномъ пареніи въ высъ философскаго умосозерцанія, едва не востекаетъ до высоты созерцанія даже христіанскаго въ ученіи о Высочайшемъ существѣ, о творческомъ словѣ, о животворящей душѣ міра, какъ космоса, какъ гармонически-прекраснаго отраженія вѣчной красоты вѣчныхъ идей божественнаго разума. Видимъ въ этой философіи такую обще-человѣческую глубину и всеобъемлемость, что даже изъ новѣйшихъ своеобразныхъ философовъ почти всякій пристроиваетъ эту древнюю философію къ собственной точкѣ зрѣнія и усматриваетъ въ ней почти что свою собственную систему, теистъ — теистическую, пантеистъ — пантеистическую, гегелистъ гегелианскую и т. д. Во всякомъ случаѣ, выше Сократа, выше Платона

древне-языческая мораль, древне-языческая мысль не восходили. Теперь спрашивается, признавали-ль ближайшіе современники Сократа и Платона, что первый изъ нихъ нравственно-прекрасенъ, а второй умственно-возвышенъ? Признавали, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ. А подражали-ль Сократу, а слѣдовали-ль Платону? Нѣтъ, не подражали и не слѣдовали. А почему? Конечно, повторить въ себѣ Сократа всякому другому трудно, почти до невозможности. Но казалось-бы, слѣдовать философіи Платона не такъ трудно; стоило только уяснить ее себѣ, изучить и усвоить. Но нѣтъ, мы видимъ, въ эпоху послѣ Платона и Аристотеля, въ греческой философіи тысячи не рѣкъ, а ручьевъ, которые дробятся, мельчаютъ, засоряются больше и больше, пока совсѣмъ не погрязаютъ въ болотѣ матеріалистическаго скептицизма, или-же не высыхаютъ окончательно въ пескахъ полной миражей, но совершенно безплодной степи фантастическаго неоплатонизма, перешедшаго въ чудовищный маразмъ уродливаго гностицизма. Еллино-римская, какъ и вся древне-языческая жизнь, съ этой эпохи, съ высоты, на которую поднялись было Сократъ и Платонъ, Аристотель и Александръ, Сципіоны африканскій и азійскій, спускается внизъ, можно сказать, обрывомъ. А отчего? Древній духъ отцовъ упалъ. Наслѣдованный отъ отцовъ крѣпкій духъ незыблемой вѣры въ горнюю силу, въ загробное воздаяніе, въ обязательность добродѣтели и долга, духъ, естественно породившій Гекторовъ и Аяксовъ, Кюдровъ и Муцій Сцевольтъ, спартанскихъ матерей и римскихъ Лукрецій, Леонида и Регула, и тысячи еллино-римскихъ прославившихъ отечество героевъ, которымъ и умирать за отечество было сладко, этотъ духъ потухъ, измелчалъ, исказился до низости, до подлости, до скотской жадности, до звѣрскаго кровожадности, до криковъ римской черни: *ranem et circenses*. А вмѣстѣ съ пониженіемъ общей духовной настроенности упалъ до безсилія, до низости, до отчаянной мрачности или пошлости, и умственный кругозоръ. Этотъ упадокъ очевиденъ даже въ гениальнѣйшихъ представителяхъ этого кругозора. Такъ искренняя, хотя и испещренная мифами вѣра Омира въ небо, безсмертіе и добродѣтель, въ близость смертныхъ къ безсмертнымъ, переродилась въ Virgilii только въ грустный поэтический вздохъ: „блаженъ кто вѣруетъ, — тепло тому на свѣтѣ“, — въ поэтический вздохъ невѣрія о золотомъ вѣкѣ, когда боги жили съ людьми на землѣ и люди могли входить въ общеніе съ безсмертными; а послѣдующая, или даже современная Virgilii поэзія,

обнажая, пѣла или опозоривала уже только самыя низкія страсти и грубые пороки обыкновенныхъ смертныхъ, которые не только по немощи, но и съ умысломъ систематически воспроизводили въ себѣ все безобразіе, приписаннаго необузданною мифическою фантазіею богамъ безсмертнымъ. Такъ Титъ Ливій имѣлъ еще силу, по духу живаго преданія, увѣковѣчить въ писмени героическіе подвиги предковъ, возвеличившіе Римъ. Но Тацитъ, уже безсильный вѣрить въ вѣковую легенду, превращенную въ наши дни Нибуромъ въ ученую червоточину, силенъ былъ только предать позору въ потомствѣ страшно-постыдный разгромъ нравовъ своихъ современниковъ. Цицеронъ и Сенека меланхолически выразили уже только то, что и сами они безсильны вѣрить въ возвышеннѣйшія ученія древности, а осуществить ихъ въ жизни немощны все люди до единаго. Съ минуты, что первый авгуръ улыбнулся въ лицо другому авгуру при взаимной встрѣчѣ, древняя языческая религія стала или шуткою или горькимъ напоминаніемъ объ отчаянной немочи вѣрить во что-либо премірное, о роковой близости смертнаго часа для исторически выросшаго народа, изъ котораго улетѣла оживлявшая его исторію душа, оставивъ изнемогающій въ агоніи трупъ. А когда изъ трупа отлетала душа, то вмѣстѣ съ нею отлетѣлъ и умъ; даже когда душа изнемогала, изнемогалъ и умъ, такъ какъ то напрасная мечта, — отдѣлять умъ народа отъ историческаго народнаго духа. Падаютъ общее духовное настроеніе, падаютъ и острота ума, затемняется и сознаніе, исчезаетъ сознательное, разумное самоопредѣленіе народной единицы, еще прежде политической смерти народа, какъ почти всегда бываетъ при смертномъ изнеможеніи и отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ и сбывалось въ исторіи древнихъ языческихъ народовъ пророчество Даніилово, осуществлялось во очію видѣніе Навуходоносора. Древній истекавшій отъ прародительскаго корня духъ вѣры и добродѣтели, вмѣстѣ съ постепеннымъ переходомъ по органическому тѣлу древне-историческаго языческаго человечества, постепенно теряя въ цѣнности, но прибрѣтая въ крѣпости, спускаясь по вѣлкамъ отъ золота чрезъ серебро до греко-македонской мѣди и римскаго желѣза, въ послѣдніе вѣка римской жизни сталъ желѣзно-скудельнымъ. Сталъ не потому только, что въ тѣло римскаго народа вошла скудельная примѣсь чуждыхъ народностей, но и потому, что желѣзная крѣпость римскаго духа перерождалась въ хрупкую и нечистую глину пороковъ и страстей, слабостей и обще-народнаго бездушія.

А послѣ такого перерожденія тѣлу языческой культуры ничего не оставалось, какъ только рухнуть, рухнуть сколько отъ собственной тяжести, и слабости опоры, столько же и отъ сторонняго удара. Насталъ предопредѣленный часъ, что по судейнымъ ногамъ его ударилъ камень христіанства, оторвавшійся отъ горы ветхозавѣтнаго еврейства, и тѣло древне-языческаго міра разсыпалось по вѣтру прахомъ.

Перенесемъ свои взоры въ ту мировую точку, да, почти точку въ сравненіи съ величіемъ римской вселенной, откуда нанесенъ этотъ роковой для старой языческой и возжеланный для новой христіанской жизни ударъ. Вотъ на горѣ богоизбраннаго племени отъ Сима, чрезъ рядъ патриарховъ до Авраама, Исаака и Іакова, вѣстасная божественная премудрость строить свое селеніе, свой домъ и храмъ, для поклоненія единому истинному Богу. Въ этомъ храмѣ устанавливаетъ цѣлое учрежденіе жертвъ и возліаній, прообразовъ всемірной крестной жертвы. Посылаетъ въ міръ своими глашатаями Моисея и Самуила, Давида и Соломона, Исаію и Даніила, какъ и другихъ пророковъ. Замѣтите, греческаго Платона теперь забыли всѣ, кромѣ немногихъ ученыхъ. А голосъ этихъ богодухновенныхъ глашатаевъ мудрости божественной звучитъ еще во всѣхъ концахъ и во всѣхъ самыхъ темныхъ углахъ земли, да и будетъ звучать до кончины міра. Замѣтите, что проникнутое ихъ ревностно-религіознымъ, хотя, по пришествіи Христа, и сѣуженнымъ и ложно направленнымъ духомъ, еврейство прошло чрезъ всѣ міровые перевороты и стоитъ несокрушимо даже до сего дня во исполненіе Божіихъ судебъ. Замѣтите, что проникнутые болѣе или менѣе тѣмъ же духомъ древнихъ патриарховъ, даже Сарацины, потомки Сима чрезъ Авраама и Измаила, сохраняются до нашихъ дней даже политически самобытною народностію, по вѣщему благословенію Ноя: *благословенъ Богъ Симовъ*, и по предопредѣленію Божію, чтобъ Измаиль плотской гналъ Исаака духовнаго, сына обѣтованія, до урочнаго времени, пока самъ не будетъ изгнанъ изъ отеческаго дома, изъ числа политически господствующихъ народностей. Отторгшимся отъ горы ветхо-завѣтнаго еврейства и разбившимъ тѣло древняго язычества камнемъ была сама, явившаяся въ міръ принести свою искупительную жертву, зажечь свѣточъ божественной истины, вѣстасная Божія премудрость, вѣчное Божіе Слово-Разумъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Заполняя старые и новые народы и преобразуя ихъ въ новое христіанское общество, сообщая ему уже не вѣковую, а тысячелѣтнюю

прочность, какою не обладали общества древняго цивилизованнаго міра, этотъ камень, разбивъ тѣло древней языческой цивилизаціи, растетъ въ гору, которая захватываетъ всю землю. Смотрите же теперь, выростая и возвышаясь, не пришли-ль и мы къ обрыву, какъ пришелъ въ свой часъ древній еллино-римскій міръ?

Не говорите, что теперь европейская цивилизація выше, чѣмъ была при Григоріи VII, или Филиппѣ II, при царяхъ Теодорѣ Іоанновичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, и что она постоянно возвышается. Пусть рускіе благочестивыхъ временъ нашихъ царей, пусть западно-европейцы временъ Карла великаго и крестовыхъ походовъ были грубѣе, малообразованнѣе, политически слабѣе и бѣднѣе современныхъ народовъ. Но то безспорно, что развитіе христіанской Европы, отъ паденія въ ней язычества и до французской революціи, что развитіе нашего народа отъ Владиміра великаго и до послѣднихъ дней было очевиднымъ развитіемъ, ростомъ, возмужаніемъ, органическимъ укрѣпленіемъ, постояннымъ восхожденіемъ въ зенитъ подъема духовныхъ народныхъ силъ. Что европейская цивилизація достигла своего зенита, то допустить позволительно. Но что она не склонилась уже и къ своему западу, то весьма сомнительно. Вѣдь и еллино-римскій міръ стоялъ именно въ зенитѣ своего величія въ эпоху Суллы и Марія, Юлія Цезаря и Помпея, Цицерона и Катилины, Октавія Августа и Антонія, Виргилія и Горация. Между тѣмъ однакоже эта эпоха и была гранію, съ которой началось быстрое разложеніе древней исторической языческой цивилизаціи. Не началось ли такое же разложеніе и для Европы съ французской революціи?

Страхъ Божій въ христіанскомъ европейскомъ мірѣ явно изсякаетъ. Познаніе святаго и о святомъ не только забывается, но и отвергается. Ясно, что Златоусты и Августины въ Европѣ не повторяются. Пусть ихъ себѣ не повторяются западно-католическія величія, Григоріи VII, Иннокентіи III. Но они были знаменами, которыя развѣвались на высшей точкѣ подъема западно-католическаго христіанскаго духа. Едва-ли также повторяются когда-либо величественно-умилительныя картины христіанскихъ кончинъ великаго императора Карла V, великаго короля Людовика XIV? Не кончила-ли западная церковь свою болѣе или менѣе просвѣтительную исторію Массильономъ и Бурдалу, Піемъ IX и Дюпанлу? А протестантская церковная община кончила свою церковную исторію самымъ началомъ своимъ, начавъ вмѣстѣ съ

тѣмъ въ христіанствѣ свою разрушительную миссію. Не кончила-ли и вся Европа преемственный рядъ великихъ просвѣтителей человѣчества еще христіанскими мыслителями Шекспиромъ и Ньютономъ, Лейбницемъ и Кантомъ? Съ тѣхъ поръ, что Вольтеръ съ подобными себѣ дерзнулъ кощунственно коснуться основъ христіанской вѣры, не потерялъ-ли европейскій умъ всякую почву подъ ногами? Фихте и Гегель, Милль и Бэнъ не измыслили-ль системы, которыя, чтобъ понять и принять, нужно сперва помѣшаться въ умѣ, которыя аналогичны неоплатонизму и скептицизму, — этимъ послѣднимъ, тяжкимъ предсмертнымъ вздохамъ изнемогающаго языческаго сознанія? А дарвинизмъ не обращаетъ-ли насъ назадъ не только въ древнее язычество, но и въ предполагаемое имъ первобытное скотство? А социализмъ не проповѣдуетъ-ли убійство и разрушеніе, какъ догматъ и заповѣдь новѣйшаго, послѣдняго по пророчествамъ предъ концомъ міра, сатанинскаго завѣта? А пессимизмъ Гартмана не провозглашаетъ-ли самоубійство и міроубійство, какъ послѣднее слово индуктивной науки, какъ конечный выводъ самоубившагося, саморазлагающагося европейскаго ума?

Скажемъ не свое, а чужое и авторитетное слово о томъ, что движеніе впередъ къ здорову развитію становится въ Европѣ мало вѣроятнымъ. Вотъ одно авторитетное слово (Дизраели-Биконсфильда) о духовно-религіозной области: „вѣра гибнетъ и сознаніе долга исчезаетъ. Глубокое уныніе овладѣло умомъ чловѣка. Священникъ сомнѣвается, власть безсильна править, толпа стонетъ и томится и взываетъ въ безуміи къ невѣдомымъ богамъ“. Вотъ другое (Лабуле) авторитетное слово о наукѣ и ея значеніи: „справедливость требуетъ сознаться, что въ наши дни наукой считается то, что есть лишь ея отрицаніе. Это — модное ученіе объ эволюціи. Нужно сознаться, что чрезъ эту гипотезу наши свѣдѣнія о происхожденіи жизни и о родствѣ живыхъ существъ не умножились ни мало. Но перенести эту теорію, а съ нею и борьбу за существованіе, т. е. естественное и необходимое торжество силы, въ политику, это значило-бы отодвинуть цивилизацію за предѣлы языческаго міра. Еслибъ эти новыя ученія восторжествовали, послѣднимъ словомъ ихъ было-бы возвращеніе къ спартанскимъ законамъ, прогрессъ въ смыслѣ попятнаго движенія. Онѣ усиливаются убѣдить чловѣка, что свобода есть унаслѣдованная иллюзія, добро и зло — дѣтская сказка, право — другое имя для насилія, а нравственная отвѣтственность — предразсудокъ воспитанія“. А вотъ и третье

авторитетное слово (историка Тэна) о социальномъ наклонѣ общества: „въ свою революцію Франція была въ состояніи болѣзненнаго изступленія; для нея начиналось разложеніе всѣхъ основъ, на которыхъ зиждется общественный строй; она стояла въ преддверіи такого порядка вещей, подобнаго коему нужно искать развѣ на островѣ Отаити“. Но французская революція въ Европѣ не кончилась. Съ 789 года не прошло еще сотни лѣтъ; до 889 не достаеъ еще больше 10 лѣтъ. А вспомнимъ, какіе громадныя умственные и политическіе перевороты принесло каждое изъ десятилѣтій доживаемаго девяностолѣтія. Величайшій государственный чловѣкъ нашего времени (Бисмаркъ) скорбитъ, что онъ живетъ въ „поколѣніи язычниковъ“, и увѣряетъ, что „если въ Германіи есть еще самоотреченіе и преданность государю и отечеству, то это остатокъ религіознаго вѣрованія, который безсознательно держится въ народѣ отъ прежняго времени“.

Смотрите, обезьянски перенимая чужеродное худое, отряхая прахъ отъ ногъ, отъ хорошаго роднаго старорусскаго, святоотеческаго, не умираемъ-ли и мы русскіе для умственной жизни, почти не живши? Не соскакиваемъ-ли въ бездну съ высокаго утеса, который выдвинула за облака сила русскаго, въ продолженіи тысячи лѣтъ христілюбиваго, воспитаннаго вселенскимъ христіанствомъ, благочестиваго духа, въ лицѣ одного изъ величайшихъ мыслителей, богослововъ, ораторовъ, канонистовъ, государственныхъ мужей, іерарховъ, митрополита московскаго Филарета? Не истощилась-ли русская, поэтически-творческая сила въ лицѣ одного настоящаго поэта Пушкина, который, служа отраженіемъ современныхъ ему великихъ поэтовъ Гете и Байрона, относится къ вѣрѣ и отрицанію ея уже только объективно, уже не имѣя вѣры, но пока еще и не отрицая ее; впрочемъ, не щадя и острыхъ непочтительныхъ къ ней словъ, по примѣру названныхъ своихъ руководителей, Гете и Байрона, которые воспѣвали какихъ-либо Мефистофеля, Манфреда и подобныхъ носителей сатанинскаго духа съ большимъ сочувствіемъ и художническимъ усердіемъ, чѣмъ ангеловъ свѣта, чистоты и невинности? Между тѣмъ мысль, мнящая себя современною, уже вооружается остракизмомъ и на такую объективную поэзію, безъ сожалѣнія и даже страстно склоняясь именно на сторону безусловнаго отрицанія, — отрицанія самой поэзіи, какъ безплоднаго для матеріальной жизни служенія возвышенно изящному. Посмотрите, какой на нашей памяти въ пятьдесятъ лѣтъ уже нашей жизни сдѣлали мы гро-

мадный и отчаянный скачекъ отъ Карамзина и Жуковского до современныхъ адвокатовъ, публицистовъ, популяризаторовъ науки и всѣхъ подобныхъ новѣйшихъ слугъ или точнѣе — узурпаторовъ слова и мысли, которые выше измѣряемыхъ математически матеріальныхъ предѣловъ не видятъ ничего, которые свое высокое находятъ въ отрицаніи безконечно-высокаго, а божественное отвергаютъ, какъ уже вредную идею!

Любезные братья и чада! Помните, что сама божественная вполстасная премудрость создала сей домъ и храмъ, утвердила подъ нимъ семь столповъ, на которыхъ основана и вся вселенская церковь, заклала здѣсь свою жертву и растворила въ чашѣ своей вино, и уготовала трапезу разума. И зоветъ чрезъ своихъ глашатаевъ: *уже есть безуменъ, да уклонится ко Милу. И требующимъ ума вѣщаетъ: примите, ядите мой хлѣбъ и пйте вино, еже растворитъ вамъ. Оставьте безуміе и живи будите. Страхъ Господень — начало премудрости.* Помните, что Промысломъ Божиимъ вы призваны сюда не для того, чтобъ увлечься мудростію міра и вѣка сего, которая по прозному Христову предсказанію сильна прельстить и избранныхъ, если-бы то Богъ попустилъ, но чтобы быть свѣточами, сѣменемъ святымъ, опорою міра всегда и вездѣ, и здѣсь въ ученіи и учительствѣ, и въ служеніи наукъ и отечеству. Смотрите и бойтесь. Нѣкоторые изшедшіе отъ насъ выработали себѣ печально-мрачную славу не только явныхъ отщепенцевъ вѣры и церкви, но и враговъ общественного порядка въ отечествѣ, враговъ тайныхъ и явныхъ. Помните, что прозелиты будто бы новыхъ ученій, а въ сущности жалкихъ повтореній извѣчнаго человѣческаго суетумудрія, становятся ренегатами вѣковѣчныхъ завѣтовъ святоотеческихъ. А ренегаты Іуды всегда опаснѣе и вреднѣе всегдашнихъ открытыхъ враговъ фарисеевъ, саддукеевъ и всякихъ подобныхъ враговъ Христовыхъ. Аминь.

1878 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи.

О ПОЧТЕНІИ КЪ СТАРШИМЪ.

Законъ челоуѣки поставляетъ первосвященники, и муцѣя немощь. (Евр. 7, 28).

Вотъ смыслъ нынѣ чтеннаго праздничнаго апостола: въ предѣлахъ вѣчности, въ предвѣчномъ совѣтѣ, прежде сотворенія міра, прежде всякаго во времени начала домостроительства нашего спасенія, клялся Господь Богъ Отецъ, — а Онъ, какъ неизмѣнный, слову своему не измѣняетъ, въ клятвѣ своей не раскаявается, — клялся, обращаясь къ Господу Богу Сыну: *Ты еси іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Псал. 109, 4). По этому предопредѣленію, во исполненіе этой клятвы Бога Отца, Сынъ Божій, ставъ во времени Богочеловѣкомъ, какъ вѣчный по божескому естеству, какъ пребывающій вѣчно, какъ пріавшій челоуѣческое естество въ вѣчное вполстасное единеніе съ своимъ божествомъ, какъ сообщающій божественное значеніе и челоуѣческимъ своимъ свойствамъ и дѣйствіямъ, сообщаетъ такое же божественно-вѣчное значеніе и воспріятому Имъ на себя своему священству. Почему Онъ, какъ имѣющій вѣчное бытіе, имѣетъ и священство непреходящее. Почему Онъ и можетъ всегда спасать приходящихъ чрезъ Него къ Богу, всегда можетъ быть посредникомъ-ходатаемъ между Богомъ и грѣшнымъ приступающимъ къ Богу челоуѣчествомъ, будучи всегда живъ, существуя вѣчно, чтобы вѣчно ходатайствовать за насъ. Таковъ и подобаше намъ архіерей, преподобенъ — святъ, незлобивъ — непричастенъ злу, непороченъ, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный превыше небесъ, — архіерей, который не имѣетъ нужды ежедневно, какъ первосвященники обыкновенные, приносить жертвы сперва за свои грѣхи, потомъ за грѣхи людскіе. Ибо Онъ совершилъ сіе единожды,

принесши въ вѣчную жертву себя самаго. Предвѣчное клятвенное слово Бога Отца поставило, послѣ закона Моисеева, первосвященникомъ Сына Божія, архіерея во вѣки совершеннаго. А Моисеевъ законъ поставлялъ первосвященниками чловѣковъ, имѣющихъ немощи. Равно какъ и новый завѣтъ, по отшествіи на небо вѣчнаго и совершеннаго архіерея Іисуса Христа, для продолженія на землѣ Его дѣла, освященія и спасенія людей, поставяетъ архіереями и священниками также чловѣковъ, имѣющихъ свои немощи. И тѣмъ не менѣе, поставляя архіереевъ и священниковъ несовершенныхъ, даже немощныхъ, предъявляетъ относительно ихъ, въ томъ-же посланіи апостола Павла, повелительное требованіе: *повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь* (Евр. 13, 17), имѣя въ виду по преимуществу наставниковъ духовныхъ, пастырей и учителей церковныхъ.

Въ виду нѣкоторыхъ признаковъ времени, я хочу сказать вамъ слово назиданія о почтеніи къ архіереямъ и священникамъ, къ начальникамъ и наставникамъ, къ родителямъ и старшимъ родичамъ и вообще къ старшимъ по возрасту и положенію. Истина, какъ видите, очень старая. Не беспокойтесь. Я не наложу труда ни на себя излагать, ни на васъ выслушивать здѣсь опять доказательства этой истины. Не все полезно и доказывать. — „Посмотрите“, — говорилъ недавно одинъ именитый чловѣкъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, — „посмотрите, какія пагубныя послѣдствія происходятъ отъ современнаго намъ стремленія все доказать, все изслѣдовать, даже и то, чему нужно вѣрить... Есть много вещей, которымъ прежде всего нужно вѣрить и вѣрить, и гдѣ изслѣдованія приводятъ къ плачевнымъ результатамъ. Коль скоро не стану, напримѣръ, вѣрить, что нужно любить родителей, а захочу еще изслѣдовать, что? почему? да какъ? повѣрьте, здѣсь едва-ли будетъ возможна любовь“. Предъ вашею способностью созерцать и размышлять я протяну только одну, по моему сужденію, основную нить богооткровеннаго ученія о томъ, почему это нужно почитать родителей и старшихъ родичей, пастырей духовныхъ и наставниковъ, начальниковъ и всѣхъ старшихъ возрастомъ, не справляясь объ ихъ нравственныхъ достоинствахъ. Да съ богооткровеннымъ о семъ ученіемъ сопоставлю нѣкоторыя новѣйшія воззрѣнія на тотъ-же предметъ, — воззрѣнія, которыя находятъ себѣ пріютъ и привѣтъ особенно у современнаго юношества.

Есть одна древняя и малоизвѣстная молитва, малоизвѣстная по-

тому, что ее тайно читаетъ одинъ архіерей при хиротоніи пресвитеровъ, но молитва глубочайшаго смысла. Начинается она такъ: *Боже безначальный и безконечный, всякаго зданія старѣйшій сый, нарицаніемъ пресвитера почествовавый во степени семъ удостоившійся священнодѣйствовать слово твоея истины...* Вникните, высокая мысль! Кто первый въ необъятной вселенной, въ необъятной вѣчности пресвитеръ? Кто первый старецъ? Ветхій денми Богъ, Богъ безначальный и безконечный, всякаго своего созданія старѣйшій (пресвитеръ) сый, удостоивающій чести носить свое собственное имя пресвитера удостоивающихся служить въ степени пресвитерства. Вникните, поймите... Далѣе, кто первый въ необъятной вселенной, въ необъятной вѣчности отецъ? Тотъ же ветхій денми, безначальный и безконечный, старѣйшій всякаго созданія Богъ, который устами едиnorodнаго своего Сына Господа нашего Іисуса Христа, боговѣщанными устами пророковъ и апостоловъ, примѣнительно къ разумѣнію чловѣческому, усвоилъ самъ себѣ, отличительное въ тріипостасномъ единствѣ, наименованіе Бога Отца, *изъ Негоже всяко отечество на небесахъ и на земли именуется* (Ефес. 3, 12). Отъ Него, отъ Бога Отца, всяко отечество именуется не только на землѣ, но и на небесахъ потому, что Онъ, самъ въ себѣ безначальный, самъ въ себѣ старѣйшій всякаго бытія, изъ собственного естества, недомыслимымъ образомъ превѣчно родилъ едиnorodнаго Сына и вѣчно производитъ животворящаго Духа, ставъ безначальнымъ корнемъ безначальнаго бытія въ самомъ Божествѣ, въ божескомъ тріединствѣ. Родилъ Сына, иже есть образъ Бога невидимаго, сіяніе славы и образъ вѣпостаси Его, перворожденъ всея твари. Перворожденъ всея твари, яко тѣмъ создана была всяческая, яже на небеси и яже на земли и той есть прежде всѣхъ и всего и всяческая въ Немъ состоятся, иже есть начатокъ, и той есть перворожденъ изъ мертвыхъ, глава тѣлу церкви Божіей, какъ новозавѣтной, такъ и ветхо-завѣтной; изъ Него Адамъ, изъ Него Ной, изъ Него всѣ мы, яко да будетъ во всѣхъ той первенствуя (Кол. 1, 15—18). — Кто есть первый начальникъ? Тотъ же ветхій денми, безначальный, безконечный, безусловно неограниченный, безусловно никому и ничему неподчиненный, старѣйшій всякой твари Богъ Вседержитель, изъ Него-же едиnorodный Сынъ, сіяніе славы и образъ вѣпостаси Божіей, Сынъ, иже создана была всяческая, аще престолы, аще господствія, аще начала, аще власти на небѣ, иже и на землѣ есть глава всякому началу и

власти (Кол. 2, 10), — иже царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду, — иже есть начатокъ, начало всякаго начала. — Кто есть первый въ необъятной вселенной іерей, первый жрецъ? Тотъ, кто еще въ предвѣчномъ совѣтѣ, обращаясь къ Богу Отцу, говорилъ: человѣческія жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, а приготовилъ Ты для Меня человѣческое тѣло, съ тѣмъ чтобъ оно было принесено Тебѣ Мною во всеумиловительную жертву. Ты прокололъ мнѣ ухо, какъ вѣчно преданному Тебѣ твоему рабу. И се иду въ міръ сотворить волю твою, Боже (Евр. 10, 5—7). — Тотъ есть истинный архи-іерей, премірный жрецъ и самъ же премірная жертва, самъ Агнецъ заколенный отъ сложенія міра, о коемъ всякій священникъ, молясь предъ принесеніемъ безкровной жертвы, говоритъ: Ты еси приносяй (какъ архиерей) и приносимый (какъ агнецъ) и приемляй (какъ Богъ) и раздаваемый (какъ жертва, коей все мы причащаемся). Онъ есть единый истинный архиерей, такъ что прочіе архиереи и священники ветхо-завѣтные были только прообразами Его и предъготовителями Его жертвы, а новозавѣтные суть только образы Его, продолжатели Его спасающаго дѣла и носители Его долга, права и власти. Въ ту же силу, въ силу своего превѣчнаго архиерейства, Онъ же одинъ есть истинный изначальный и учитель и наставникъ человечества, начало на землѣ какъ всякаго начала и власти, такъ и всякаго добраго наставничества и учительства.

Соберемъ теперь все эти богооткровенныя черты по возможности въ одинъ цѣльный образъ. Вотъ въ предѣлахъ вѣчности и необъятной вселенной первый пресвитеръ, первый старецъ есть ветхій денми, безначальный и безконечный Богъ, старѣйшій всякаго созданія, всякаго бытія. Онъ же есть первоначало, первоначальникъ, начало началъ, какъ корень всякаго бытія, не только ограниченаго, но и безпредѣльнаго божескаго, какъ первоисточный корень бытія даже въ тройческомъ единствѣ священнотайнѣ. Онъ же есть и первый отецъ, отъ котораго всякое отечество именуется какъ на небѣ, такъ и на землѣ, потому что Онъ, недомыслимымъ для насъ образомъ, превѣчно родилъ едиnorodнаго своего Сына и вѣчно производитъ животворящаго Духа. Единородный Сынъ Божій есть сіяніе славы Бога Отца, начертаніе вѣпостаси Его, образъ и проявленіе Бога невидимаго, перворожденъ всея твари, сый прежде всехъ и всего, есть начатокъ, глава всякому началу и власти, яко тѣмъ создана быша всяческая, видимая и невиди-

мая, на небѣ все ангельскіе чины, начала и власти, на землѣ все и все, начиная отъ прародителей. Отъ Него все отцы и праотцы, отъ Него начало всякаго начальства; Имъ царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду. Онъ же есть и единый истинный архиерей и учитель человечества, архиерей премірный, Онъ же и единая истинная жертва. Во исполненіе Божіа предопредѣленія, Онъ явился въ міръ Богочеловѣкомъ, чтобы не только своею міроочистительною смертію поправить общечеловѣческую смерть, но и явиться первоначаломъ жизни, чтобы возглавити собою всяческая, чтобы стать всеоживляющею главою единого тѣла церкви Божіей, какъ ветхо-завѣтной, такъ и ново-завѣтной, да будетъ той во всехъ первенствуя. По богооткровенному раскрытому у апостола Павла образу, отъ первокорня человѣческаго рода, отъ Адама праотца идетъ стволъ человечества, на которомъ выросло множество вѣтвей. Эти вѣтви, отпадая отъ Бога истиннаго, вѣтѣ съ тѣмъ отпадали и отъ корня и отъ ствола истинно-человѣческой жизни. Этотъ стволъ были патриархи праотцы. Отъ оскудѣвавшего жизнью, отъ усѣченнаго пня святыхъ и праведныхъ Богоотцевъ произрасла вѣтвь — Пречистая Богоотровица Марія, а отъ Нея прозябъ цвѣтъ новой жизни, Сынъ Божій, Богочеловѣкъ. Онъ-то и сталъ на землѣ древомъ новой жизни. Изъ Него пошли, по священно-таинственному единенію благодати Божіей, новыя отрасли, новыя сучья. Къ Нему стали прививаться священнотайнѣ и отпадшія, одичавшія, помертвѣлыя вѣтви язычества, какъ и всего отпадшаго отъ Бога человечества. На этомъ божественномъ корнѣ и стволѣ сучья — это пастыри и учителя церковные, это христіанскіе богопоставленные властодержцы и всякіе начальники, это предки, это старѣйшины родовъ, это отцы. А юнѣйшія вѣтви, а побѣги, а листья — это вы, юное поколѣніе.

Поймите теперь, юное поколѣніе, ваши обязательныя нравственныя отношенія къ поколѣнію вашихъ родителей и старшихъ родичей, вашихъ воспитателей и начальниковъ, іереевъ и архиереевъ, вообще къ поколѣнію старшихъ какъ по возрасту, такъ и по положенію.

Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и долгольтея будешь на земли. Почитай родителей твоихъ, просто, какъ родителей, не разыскивая въ нихъ, для возбужденія твоего уваженія къ нимъ, особыхъ нравственныхъ достоинствъ. Помни молитву св. пророка Давида, которую самъ ты постоянно читаешь или хотъ

слышишь: въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя. Помните всѣ наставленіе Іисуса Сына Сирахова: дѣти, послушайте меня отца, и поступайте такъ, чтобы вамъ спастись. Ибо Господь возвысилъ отца надъ дѣтьми, и утвердилъ судъ матери надъ сыновьями. Почитающій отца будетъ имѣть радость и отъ своихъ дѣтей, и въ день молитвы своей будетъ услышанъ. Благословеніе отца утверждаетъ дома дѣтей, а клятва матери разрушаетъ до основанія. Не ищи славы въ безчестіи отца твоего, ибо не слава тебѣ безчестіе отца. Слава человека отъ чести отца его, и позоръ дѣтямъ мать въ безславіи. Сынъ прими отца твоего въ старости его, и не огорчай его въ жизни его. Хотя бы онъ оскудѣлъ разумомъ, имѣй снисхожденіе, и не пренебрегай имъ при полнотѣ силы твоей. Ибо милосердіе къ отцу не будетъ забыто; не смотря на грѣхи твои, благосостояніе твое умножится. Въ день скорби твоей, воспомянется о тебѣ; какъ ледъ отъ теплоты, разрѣшатся грѣхи твои. Оставляющій отца — тоже, что богохульникъ, и проклятъ отъ Господа раздражающій мать свою (Сирах. 3, 1—16). Когда знаешь, слышишь, видишь какія либо немощи родителей, вспомни Сима, Іаеета и Хама; заткни уши, смежи очи, чтобы и самому не видѣть и другимъ не показать. Вспомни, какъ евангелистъ Лука ведетъ родословіе Господа Іисуса Христа: Той — мнимъ сынъ Іосифовъ, Іліевъ, Давидовъ, Іаковль, Исааковъ, Авраамовъ, Ноевъ, Синовъ, Адамовъ, Божій; вникни въ то, что это и твое собственное родословіе: оно начинается тѣмъ, что ты сынъ твоихъ родителей, далѣе Христовъ по благодати усыновленія, далѣе Авраамовъ по духу, Ноевъ по духу и по плоти, Адамовъ и наконецъ Божій, что во главѣ твоей родовой лѣстницы возсѣдаетъ самъ Богъ Отецъ, изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на землѣ именуется, который далъ и твоимъ родителямъ силу и благословеніе тебя родить и предопредѣлилъ отъ нихъ твое рожденіе. Вспомни, и поклонись благоговѣнно предъ концомъ твоей родословной лѣстницы, предъ твоими родителями, въ сердечной вѣрѣ, что поклонъ твой взойдетъ по ней до начала ея, до самаго Бога, Отца всяческихъ.

Пойми отсюда силу и этого священнаго изреченія: *предъ лицомъ сѣдаго востани и почти лице старчо, и да убоишися Господа Бога твоего*: Азъ Господь Богъ вашъ (Лев. 19, 32). Вспомни, что вся совокупность каждаго рода — племени, общества, церкви, государ-

ства всегда есть, въ самомъ буквальный смыслѣ слова, тѣло, живая организація; организація, въ которой отдѣльныя части служатъ всѣ на пользу общую, — гдѣ старшія поколѣнія даютъ бытіе и средства существованія юнѣйшимъ; вспомни, что этотъ сѣдой старецъ, котораго ты видишь, принадлежитъ къ поколѣнію, которое послужило твоему происхожденію и воспитанію; пусть онъ напомнитъ тебѣ длинный рядъ другихъ сѣдыхъ старцевъ и старицъ, твоихъ праотцевъ и праматерей, рядъ, во главѣ котораго возсѣдаетъ опять же самъ ветхій денми Богъ, первый въ необъятной вселенной старецъ и пресвитеръ, старѣйшій сый всякаго созданія. И предъ лицомъ встрѣтившагося тебѣ *сѣдаго востани и почти лице старчо и да убоишися Господа Бога твоего*.

Лучше послѣ этого поймете и заповѣдь апостола: *повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покаряйтесь: ти бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще. Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе. Іисусъ Христосъ вчера и днесь тойже и во вѣки* (Евр. 13, 7—8). Посмотрите сами въ Библію, такъ ли я говорю; у св. апостола написано тоже, что я вамъ разясняю. У Бога волосъ съ головы нашей не падаетъ безъ воли Божіей. Не безъ предопредѣленія Божія случилось то, что именно намъ пришлось быть вашими наставниками, именно намъ пришлось бдѣть о душахъ вашихъ; намъ суждено глаголати вамъ слово Божіе, намъ предопредѣлено воздать за васъ отвѣтъ на страшномъ судѣ, да и теперь воздавать за васъ отчетъ передъ Богомъ и обществомъ; мы для васъ дѣлаемъ дѣло единого вашего наставника и учителя небеснаго, Господа нашего Іисуса Христа. Посмотрите намъ за наши хребты очами вѣрующей души: увидите, что тамъ за нами стоитъ самъ Христосъ: *Іисусъ Христосъ вчера и днесь тойже и во вѣки. Единъ бо есть наставникъ вашъ — Христосъ*.

Во главѣ вашихъ воспитателей и наставниковъ стоятъ протоіереи и архіереи. Не ищите въ насъ особыхъ достоинствъ, чтобы уважать насъ. Рѣшите въ простотѣ дѣтскаго сердца, что эти достоинства есть. Повѣрьте, на то есть безусловная воля Божія, чтобы именно мы руководили вашимъ воспитаніемъ. Допустимъ, что другіе сдѣлали бы это лучше насъ; но конечно для блага вашего и нашего Богъ судилъ вамъ быть именно нашими питомцами, нашими духовными овцами, нашими духовными чадами, а намъ быть вашими духовными учителями, пастырями и отцами, какъ Богъ же судилъ именно такимъ-то, а не

другимъ лицамъ быть вашими плотскими родителями, а вамъ ихъ чадами. Бесплодно и нелѣпо было бы вамъ жалѣть объ этомъ. Почтите же въ насъ вашихъ духовныхъ отцовъ, какъ обязаны вы чтить и въ вашихъ родителяхъ отцовъ плотскихъ. Съ сыновнею скромностію Симы и Іакоба, безъ Хамова злорадства, отвратите лице ваше отъ грѣховъ нашихъ. Помните, что какъ ветхій законъ Моисеевъ, такъ и новый заветъ всегда ставили первосвященниками челоуѣковъ, имѣющихъ свои немощи. Но укрѣпляемые Божіею благодатію, въ предѣлахъ времени, въ уреченные сроки вашего земнаго существованія, мы совершаемъ надъ вами и для васъ тоже самое спасительное, очистительное и освящающее дѣло искупленія, какое совершилъ для васъ единожды, въ предѣлахъ вѣчнаго днесь, какъ и во время земной жизни своей, единый истинный архіерей, прошедшій небеса, Богочелоуѣкъ Христосъ Іисусъ.

Вспомните и заповѣдь св. апостола Павла: *не хвалися на вѣтви; аще ли же хвалишися, не ты корень носиши, но корень тебе. Не высокоумствуй же, но бойся* (Рим. 11, 17. 21), — заповѣдь, въ которой выражена общая сущность разясняемой нами истинны. Вы — листья, вы — юные побѣги на вѣтви, вѣтвь — на сукѣ, сукъ — на стволѣ, стволъ на корнѣ великаго древа общества и церкви. Не хвалися, слабый листъ. Не высокоумствуй, юный побѣгъ... Живешь пока вполне чужою жизнью, сосешь пока вполне чужіе жизненные соки. Перечти вотъ всѣ твои добрыя дѣла, какія удалось тебѣ учинить со дня твоего рожденія до днесь. Ничего, или ничтожная какая-либо случайность; да и та обращена была вѣрнѣе къ кругу твоихъ сверстниковъ, а не къ пользѣ старшаго поколѣнія. Посмотри-же наоборотъ. Это старшее поколѣніе до днесь питало, берегло, одѣвало и воспитывало тебя своимъ трудомъ. Наука говоритъ, что листья — органы дыханія для всего дерева? Но эта аналогія здѣсь не совсѣмъ точна и удобоприложима. Мы дышемъ собственною грудью. Приносите-ль вы намъ какую-либо пользу? Да, юное поколѣніе составляетъ радость очей, надежду сердець старшаго поколѣнія, родникъ раждающихся и не увядающихъ идеаловъ и порывовъ челоуѣческаго общества къ усовершенствованію. Такъ. Отрвать дѣтей отъ челоуѣчества невозможно. Въ общемъ вы составляете всегдашнее возрожденіе и поновленіе общечелоуѣческой жизни. Допустимъ. Но оглянитесь назадъ и будьте справедливы: все, что вы имѣете, начиная съ жизни, вы получили отъ

насъ, все дали вамъ мы... А вы помогите мнѣ уразумѣть, что дали намъ вы? Не хвалися-же на вѣтви, легкій листикъ, въ порывахъ фантастическаго самодумства, что ты будешь лучше насъ, или ты уже теперь лучше насъ. Проживи съ наше, и тогда кинь въ насъ камень осужденія. И помни, что твои дѣти кинутъ такимъ-же, или еще болѣе тяжелымъ камнемъ въ тебя. Аще-ли же хвалишися, помни, что не ты корень носиши, но корень тебя; пусть онъ тамъ копошится въ землѣ, въ темени, въ перегноѣ; а ты, поддуваемый зефирами молодой фантазіи и пока еще неразочаровавшихся надеждъ, рвешься къ солнцу... Далеко не улетишь. Если предназначенъ къ жизни цѣлаго дерева, то пойдешь въ образованіе вѣтви или даже ствола, подобно намъ. Если-же оторвешься отъ корня, то сгніешь и только... *Не высокоумствуй-же, но бойся.*

Теперь современнымъ суемудріемъ дѣйствительно поставленъ вопросъ объ обязательности даже пятой заповѣди, объ обязательности признательнаго почтенія къ родителямъ. Читали или слышали конечно. Я не стану разяснять вамъ здѣсь это величайшее изъ кощунствъ... Но отвратите очи ваши отъ этого оскотѣнія разумнаго челоуѣчества прямо къ скотамъ. Тамъ отношенія дѣтей къ родителямъ проникнуты чистымъ эгоизмомъ. До назначеннаго Творцомъ природы момента, тамъ мать любить дѣтей до самозабвенія, пока это нужно; но чрезъ день по прошествіи этого момента, отгоняетъ ихъ и уже не узнаетъ. Долго было-бы анализировать инстинкты животныхъ отцовъ. Въ большинствѣ они не знаютъ своихъ дѣтей. Дѣти, пока имъ нужно, любятъ мать, т. е. любятъ свое питаніе и руководство, не зная никогда отцовъ, да и матерей никогда не зная, какъ собственно матерей. По прошествіи-же извѣстнаго момента даже не узнаютъ и матерей. Ничего похожаго на уваженіе, на нравственно-разумное отношеніе между родителями и дѣтьми тамъ нѣтъ. Хотятъ-ли современные мудрецы, чтобъ и челоуѣческія дѣти оскотинились?

Нѣкоторые хотятъ поправить вѣковѣчную, богозаповѣдную, отце-преданную мудрость умничаньемъ, что „я-де такого-то родича, или наставника, или начальника уважаю“, т. е. извѣстныя качества его нахожу удовлетворяющими моимъ вкусамъ, „а прочихъ не уважаю и знать не хочу“. Посмотрите, вникните. Близкую аналогію этому представляютъ вотъ эта кошка, которая уважаетъ хозяйку за то, что та ее кормитъ, и этотъ песъ, который уважаетъ сторожа за то, что тотъ

приноситъ ему пищу, но не уважаетъ хозяина, который держитъ пса и т. п. Вникните, и найдете, что это будетъ очень похоже. Но это безконечно далеко отъ истиннаго общечеловѣческаго и богооткровеннаго о семъ ученія.

Заповѣдую: повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь: *тѣмъ бо бдѣтъ о душахъ вашихъ*, — св. апостолъ присовокупляетъ: *да съ радостію сіе творятъ, а не воудыхающе*. — Испытавшіе люди, счастливые родители говорятъ, что хорошее дитя — источникъ самыхъ чистыхъ радостей въ жизни, живѣйшая отрада даже въ великихъ горестяхъ. Скажу и по опыту: для взрослого и отживающаго поколѣнія великая награда за трудъ жизни видѣть плоды этого труда въ пользу для новаго поколѣнія и въ признаніи имъ этой пользы, въ признательномъ отношеніи его къ трудившимся старикамъ. На моей памяти, на моихъ глазахъ проходятъ двѣ эпохи, непохожія одна на другую, одна до 1860 г., а другая отъ 1860 г. Въ первой заповѣдь о почтеніи къ старшимъ была краеугольнымъ камнемъ общественнаго убѣжденія, и осуществленіе ея заключено было въ установившіяся формы. Во второй эпохѣ все стало вопросомъ. Теперь всякій мальчикъ сталъ моимъ судьей и рѣшителемъ вопроса, обязанъ-ли онъ оказать мнѣ какой-либо знакъ уваженія, или нѣтъ. И отвѣтъ нерѣдко направляется въ отрицательную сторону. И это стрѣлою вонзается въ сердце...

Скажу вамъ: если замѣчаемое въ юномъ поколѣніи, въ послѣднее время весьма нерѣдко, отступленіе отъ условныхъ формъ почтенія къ старшимъ, проистекаетъ не отъ неблаговоспитанности, не отъ небреженія, не отъ юношеской безпечности, а отъ принципа, — что случается же несомнѣнно, — то этимъ болѣзненно поражается сердце, этимъ поражаются крайне грустныя предчувствія, этимъ утверждается непреодолимое мрачное убѣжденіе, что наше юное поколѣніе отступаетъ въ своихъ убѣжденіяхъ отъ всего того, что я вамъ разъяснилъ. А это разъясненное составляетъ основу всего нашего вѣроученія. *Тотъ свръ отвергся и невѣрнаго юршій есть* (1 Тим. 5, 8). А что не я одинъ такъ думаю, что такъ разсуждаетъ и св. ап. Петръ, послушайте слово его: *будутъ лежеучители, которые введутъ пагубныя ереси, — беззаконники, которые идутъ въ слѣдъ скверныхъ похотей плоти, презираютъ начальства, дерзки, своевольны и не страшатся словъ высшихъ* (2 Пет. 2, 1. 10). А апостолъ Павелъ предвѣщаетъ: *въ послѣдніе дни настанутъ времена люта. Будутъ челоуцы са-*

молюбцы, горды, надменны, злорѣчивы, родителямъ непокорны, неблагодарны, непримирительны (2 Тим. 3, 1—2)... Признаки появляются, люди становятся таковыми уже по принципу, не только по немощи. Неужели-же, Господи, наступаютъ уже послѣдніе дни и предшествующія имъ лютыя времена? Молимъ Тебя, Господи, да будетъ это затменіе умовъ и сердецъ только временнымъ, да пронесется оно быстро, какъ мрачная туча грозы, и просіяетъ снова надъ Христоименитою русскою землею солнце древле-отеческаго благочестія и да сіяетъ еще вѣки вѣковъ до кончины вѣковъ. Аминь.

1880 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи.

СОВРЕМЕННОЕ ПАСТЫРСТВО.

Овцы гласъ пастыря слышатъ, и своя овцы глашаетъ по имени, и изгонитъ ихъ. И егда своя овцы изженеть, предъ ними ходитъ. И овцы по немъ идутъ, яко вѣдаютъ гласъ его. По чуждему же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа. Сію притчу рече имъ Іисусъ. Они же не разумѣша, что баше, яже глаголаше имъ. Іоан. 10, 3—6.

Когда молодъ и малоопытенъ я былъ и мало свѣта, хотя и довольно учености я видѣлъ, признаюсь, и я не вполне разумѣлъ сію притчу Господа Іисуса. На сѣверо-западѣ, гдѣ я родился и выросъ, воспитался и возмужалъ, тамъ обыкновенно пастухъ гоняетъ овецъ предъ собою, а самъ ходитъ сзади ихъ, хлопая длиннымъ бичемъ. Но когда Богъ привелъ меня пожить и на довольно глубокомъ юговостокѣ широкой русской земли, тутъ я увидѣлъ воочию, что изложенная притча Христа Спасителя во всѣхъ подробностяхъ списана съ натуры. Тамъ, гдѣ овцеводство ведется въ широкихъ размѣрахъ, какъ водилось

во времена патриархальных, при патриархах Авраамъ, Іаковъ и прекрасномъ сынѣ его Іосифѣ съ братією, тамъ овецъ гоняють на пастбище и водятъ по полямъ буквально такъ, какъ изображено въ притчѣ Христовой. Вотъ смотрю собственными очами и удивляюсь, какъ типически вѣрно притча Христова отражается въ современномъ намъ способѣ пасенія овецъ, почти двѣ тысячи лѣтъ спустя по ея произнесеніи. Вотъ главный пастырь идетъ впереди, опираясь длиннымъ посохомъ, по необозримой безбрежной полянѣ, около большой дороги, по которой я случайно проѣзжалъ. Я нарочно вышелъ изъ экипажа и долго шелъ среди овецъ, любуясь всѣми подробностями этой типичной евангельской картины. Первый рядъ овецъ, раскинувшись весьма широко, двигался по стопамъ пастуха. А ближайшія къ нему овцы тѣсно, густою гурьбою у самыхъ ногъ его, такъ что ни одна не переступала впередъ его ни на одинъ аршинъ. Овецъ тутъ были многія тысячи, и всѣ онѣ, прижимаясь одна къ другой, передвигались сплошною массою, какъ бы волнами переливаясь по широкому полю, дѣлая видъ волнующейся на нивѣ, въ вѣтренный день, поспѣлой ржи. Пастухъ не употреблялъ ни бича, котораго у него и не было, ни палки, которою спирался, не только для ударовъ, а даже для угрозъ. На моихъ глазахъ онъ дѣлалъ только два дѣла, шелъ не останавливаясь тихими шагами вмѣстѣ съ овцами, впереди ихъ, да подавалъ голосъ. Буквально подавалъ голосъ, почти непрерывно выкликая направо и налево громкимъ крикомъ, но крикомъ совершенно спокойнымъ, безъ всякой тѣни гнѣва или угрозы. Для вѣрности картины прибавить должно, что сзади этого огромнаго стада, по двумъ угламъ его шли еще два пастуха, шли также спокойно, какъ и передній, безъ бичей съ одними только длинными палками въ рукахъ. По временамъ и эти спокойно покрикивали, но постоянно подавалъ голосъ и велъ все стадо одинъ передній пастухъ. А эти задніе, очевидно, имѣли главнымъ назначеніемъ оберегать стадо, чтобы какое овца не отстало, не было украдено лихимъ человѣкомъ, не было утащено и растерзано лютымъ звѣремъ.

При этомъ трогательномъ патриархальномъ зрѣлищѣ смыслъ притчи Христовой сталъ для меня не то что ясенъ, а нагляденъ. Всѣ подробности видимой мною картины напоминали мнѣ о библейскихъ временахъ. Посмотрите сами на библейскія изображенія патриархальныхъ событий, или на иконы Рождества Христова: тамъ пастыри вездѣ изображаются съ длинными посохами, но безъ бичей. Что тамъ, то и

тутъ я увидѣлъ въ натурѣ. Зачѣмъ бичи? Овцы такія кроткія и возбуждающія жалость животныя. Станешь овцу бить, только искалѣчишь, разгонишь стадо, передушишь слабыхъ, особенно же ягнятъ. Конечно, если не бичемъ, то и не палкой же бить овцу. Палкой убьешь ее наповаль. Палка пригодна развѣ для того, чтобы достать овцу, отодвигающуюся отъ стада, и придвинуть ее къ прочимъ. Нужна палка пастухамъ для собственной опоры, главное же нужна противъ звѣря хищника. Подгонять овцу не нужно, онѣ и безъ того жмутся одна къ другой, жмутся къ самымъ ногамъ передняго пастуха. Да если-бы гнать ихъ, то не достигалась-бы и цѣль пасенія,—овцы не успѣвали-бы насытиться. Зачѣмъ онѣ хотъ и медленно, но непрерывно подвигаются впередъ? А иначе такому огромному стаду нечего было-бы ѣсть, если-бъ онѣ стояли на одномъ мѣстѣ, особенно всѣмъ заднимъ рядамъ, кромѣ одного передняго. Къ тому-жъ и къ водопою вовремя добрести нужно и во дворъ овчій на ночь поспѣть должно. А зачѣмъ это передній пастухъ непрерывно покрикиваетъ направо и налево, поглядывая на стадо, явное дѣло, во всѣ ряды подаетъ свой голосъ? Очевидно за тѣмъ, чтобы всѣ овцы, особенно же задніе ряды, понутивъ къ землѣ свои головы для щипанія травы, для кормленія себя, слышали по голосу пастуха, что не отстали отъ него, и чтобы знали, въ какую сторону всѣмъ стадомъ направляться слѣдуетъ. Зачѣмъ это онѣ такъ тѣсняются у самыхъ ногъ пастуха водителя, тѣсняются явно на перебой одна передъ другой, какъ къ родному отцу? Да за тѣмъ, что онѣ ведутъ ихъ не по пыльной, не по гладкой, утоптанной, истравленной, загаженной широкой большой дорогѣ, а по самымъ тучнымъ полянамъ, выбирая изъ нихъ самыя сочныя зеленѣющія, окидывая ихъ по безбрежной дали своимъ разумно-человѣческимъ взглядомъ и лучшія изъ нихъ, въ заботливости о пользѣ своего стада, разбирая конечно лучше и безошибочнѣе самихъ овецъ. Оттого овцы и слѣдуютъ за нимъ безъ понуканія бичемъ, оттого и тѣсняются у самыхъ ногъ его. Овцы знаютъ по опыту, что гдѣ ноги его ступаютъ, тамъ лучшая для нихъ трава растетъ; что куда глазъ его глядитъ и голосъ зоветъ, тамъ онѣ и пахнутъ для себя обрѣтутъ, и воду для утоленія жажды встрѣтятъ, и мѣсто для отдыха, и покой и безопасность найдутъ, потому что туда глядитъ, туда зоветъ и ведетъ ихъ истинный ихъ пастырь, ихъ пастырь добрый. Попробуй-же теперь чу-

жой человекъ покричать на этихъ овецъ, что выйдетъ? Овцы, не узнавая чужаго гласа, разбѣгутся, больше ничего.

Ясна-ли теперь притча Христова? Повторимъ-же ее, чтобы всѣ тончайшія черты ея отпечатались въ нашемъ сознаніи. Да тутъ-же и прилагайте ихъ къ пастырству духовному. *Азъ есмь пастырь добрый. Овцы слушаютъ гласа добраго пастыря, и онъ зоветъ своихъ овецъ по имени (каждую по особымъ кличкамъ) и выводитъ ихъ. И когда выведетъ своихъ овецъ, идетъ передъ ними, а овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ его. За чужимъ-же не идутъ, потому что не знаютъ его голоса. Кто пойдетъ за пастыремъ добрымъ, тотъ спасется, тотъ и войдетъ во дворъ овчій и выйдетъ и пастьбу найдетъ. Пастырь добрый приходитъ для того, чтобы овцы жизнь и средства для духовной жизни имѣли съ избыткомъ. А воръ приходитъ только для того, чтобы украсть и попользоваться, чтобы убить и поубить. Пастырь добрый жизнь свою полагаетъ за овецъ. А наемникъ, не пастырь, которому овцы не свои, видитъ волка грядуща и оставляетъ овецъ и бѣжитъ; и волкъ расхищаетъ овецъ и разоряетъ ихъ. А наемникъ бѣжитъ потому, что наемникъ, и не радитъ объ овцахъ.*

Не яснѣ-ли для насъ, не внушительнѣе-ли будетъ теперь и основанное на буквѣ и духѣ притчи Христовой, обращенное къ намъ первоверховнымъ по пастыре-начальникѣ Христѣ пастыремъ Христовой церкви, апостоломъ Петромъ прошеніе: *пресвитеровъ—пастырей умоляю, какъ сопредсвитеръ, сопастырь, какъ свидѣтель Христовымъ страстямъ: пасите стадо Божіе, какое у васъ, какое вамъ Богъ вручилъ, посѣщая его, епископствуя—надзирая за нимъ не принужденно и безъ принужденія, но охотно и богоугодно, изъ богоугодія, не скверностваятельно для гнусной корысти, но съ готовностію изъ усердія, и не какъ-бы господствуя надъ клиромъ, надъ достояніемъ Божіимъ, но становясь образомъ, подавая примѣръ стаду (1 Пет. 5, 1—3).*

Боюсь дальше, какъ-бы читая урокъ вамъ, юноши, не кинуть тяжелымъ камнемъ въ себя самага и въ свою братію, современное пастырство. Постараюсь, чтобы въ дальнѣйшей рѣчи моей къ вамъ, юноши, самообличенія, самобичеванія было какъ можно меньше, а назиданія, а разъясненія современнаго состоянія и современныхъ условій пастырства побольше. И знайте, что объ условіяхъ и обстоятельствахъ

современнаго пастырства я буду говорить, заимствуя черты не изъ одного здѣшняго края, но отовсюду, насколько мнѣ извѣстно положеніе вещей, даже въ нѣсколько, быть можетъ, преувеличенномъ ходячею молвою видѣ.

Новыми уставами нашихъ духовно-учебныхъ заведеній разомкнута, однако-же не снята задача, что-бы наши духовные воспитанники поступали на служеніе церкви въ священномъ санѣ, или-же въ званіяхъ церковно-служительскихъ. Въ существѣ дѣла уничтожено только крѣпостное право, наслѣдственное право закрѣпощенія дѣтей духовенства за служеніемъ исключительно только церковнымъ. Но не снятъ съ нихъ нравственный долгъ свободно и благоохотно принимать на себя духовное званіе. Почему весь строй нашихъ учебныхъ заведеній и приспособленъ къ главной задачѣ, чтобы готовить въ духовныхъ воспитанникахъ не только благонадежныхъ, благовоспитанныхъ членовъ общества, но и образованныхъ будущихъ пастырей служителей церкви.

Полагаю, что и вы, юноши, не отрицаете лежащій на васъ нравственный долгъ послужить церкви Божіей, если Богъ призоветъ; замѣтьте долгъ справедливости. Вы думали, конечно, о томъ, что цѣлыя поколѣнія вашихъ отцовъ и предковъ ѣли хлѣбъ, жили, возможное на землѣ счастье свое находили, васъ породили, умерли, которые умерли, и костями своими полегли около церкви. Всѣ эти воспоминанія въ духовныхъ питомцахъ нашего недавняго времени будили не только чувство долга пожить для церкви, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, но и любовь къ церкви, теплую привязанность къ наслѣдственно-церковному званію и служенію. Не знаю теперь, питаете-ль вы въ себѣ подобныя чувства? Думаете-ль вы о томъ, что долгъ платежемъ красенъ; что одинъ изъ священнѣйшихъ долговъ—это послужить родителямъ въ нашей возмужалости, за то, что они служили намъ въ нашей дѣтской немощи, въ періодъ роста и воспитанія; что на васъ лежитъ обязательство послужить, когда войдете въ силы, вашей буквально матери церкви, которая родила, вспоила, вскормила васъ, и теперь воспитываетъ васъ на служеніе ей вашей матери, у престола Господня? Полагаю, что вы непременно питаете, и не многіе изъ васъ безусловно отгоняютъ отъ себя совершенно естественную мысль, что быть можетъ и меня позоветъ Господь послужить Ему у порога церковнаго. Есть, конечно, между вами и такіе, которые уже теперь со-всѣмъ отгоняютъ прочь эту мысль; но объ нихъ рѣчь впереди.

Въ прежнее время бывало, да и теперь безъ сомнѣнія бываетъ, что духовные юноши, сидя за школьными скамьями, особенно передъ выходомъ въ свѣтъ, созидаютъ въ головѣ идеалы будущей своей жизни и дѣятельности. Эти идеалы бывали, и конечно не ошибемся гадая, что и въ вашихъ головахъ бываютъ именно двухъ родовъ, одни возвышенно-религіозные, другіе жизненно-эстетическіе. Назовемъ ихъ такъ, хотя эти послѣдніе, житейскіе идеалы иногда бываютъ и грубо-житейскими. У каждаго юноши въ головѣ, конечно, они смѣшиваются одни съ другими въ разной пропорціи. Вотъ юноша, начитавшись св. Златоуста о высотѣ священства, напивавшись духомъ Христа, апостоловъ и святыхъ отецъ и богословскихъ уроковъ о томъ, каковъ долженъ быть пастырь Христовъ, мечтаетъ, какъ это онъ, по мѣрѣ силъ своихъ, будетъ стремиться къ осуществленію этого высокаго идеала, какъ будетъ усердно молиться, постоянно поучать, — всегда въ его мечтахъ не такъ холодно и небрежно, какъ мы, отцы ваши. А другой юноша, да и тотъ-же самый, только въ другую минуту, подъ другимъ настроеніемъ, строитъ воздушные замки о земномъ счастьи, о подругѣ жизни, о голубиномъ гнѣздѣ, о прелестномъ садикѣ около него и другихъ житейскихъ прелестяхъ и удобствахъ. Подумайте, сознайтесь сами себѣ, какіе у кого идеалы преобладаютъ. Это важно. Это непременно отразится въ будущей вашей дѣятельности. Вообразимъ юношу, который, прося у архіерея священническаго мѣста, каковыхъ ему предлагается не мало, вдругъ совершенно безъ сторонняго вызова прибавляетъ довольно тяжеловѣсную рѣчь: „мнѣ нужно такое мѣсто, гдѣ я могъ-бы хлѣбъ сѣять. Я люблю хлѣбъ сѣять“; который предложенное мѣсто принялъ было, затѣмъ скоро отказался совсѣмъ. Судите, какой идеалъ сидитъ у человѣка въ головѣ?!

И вотъ нашъ мечтательный юноша сталъ пастыремъ церкви, пастыремъ Христова стада. Я видѣлъ еще край, въ которомъ и родился, я помню еще время, когда наши отцы-священники, уже учившіеся и кончившіе курсъ въ семинаріяхъ, жили еще жизнію своихъ духовныхъ овецъ, почти тождественною, почти одинаковою, не въ удаленіи отъ овецъ, а только чуть-чуть впереди ихъ, какъ и слѣдуетъ пастырямъ. Проходили поприще жизни впереди своихъ овецъ, не иначе какъ по обычаямъ, преданіямъ и правиламъ святыхъ отецъ; подавали свой священническій, духовно-пастырскій голосъ овцамъ, въ совершеніи Божіихъ службъ, по преданіямъ и уставамъ святыхъ отецъ, не мудр-

ствуя лукаво, безъ этихъ поражающихъ сокращеній богослуженія, безъ суемудрія въ измысленіи богослужебныхъ временъ, наприм., безъ послабленій плотоугодію въ измысленіи неположенныхъ всенощныхъ или позднихъ утрень и т. п., безъ самоизмысленныхъ напѣвовъ, напротивъ, зная и соблюдая множество напѣвовъ древнихъ, которыми любили улаживать и себя и пасомыхъ. Проповѣдей по селамъ, правда, говорили мало. Не оправдываю, не восхваляю старое время въ этомъ отношеніи; а нахожу только смягчающія обстоятельства въ господствѣ панскаго права, въ бѣдности, даже въ голоданіи подавленнаго крѣпостнымъ гнетомъ люда. Но при близости къ жизни пасомыхъ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ рожденіи, крещеніи, въ вѣнчаніи, въ исповѣди и причащеніи каждаго прихожанина, непременно съ семи лѣтъ, въ личномъ погребеніи, не только отпѣтіи, но и проводахъ и запечатаніи въ могилѣ непременно каждаго, тогдашній пастырь имѣлъ множество случаевъ и неотложныхъ поводовъ сказать каждому и всѣмъ простое и назидательное слово. Да тогда и вопіющихъ поводовъ поучить было мало. Тогда въ поминѣ не было этого повального нехощенія въ церковь, этого повального небытія у исповѣди и причастія, повального нехороненія умершихъ. Умершаго, котораго не похоронилъ и не запечаталъ въ могилѣ священникъ, стали-бы видѣть съ ужасомъ въ видѣ вампира, бродящаго по ночамъ до пѣнія пѣтуховъ. Не было въ народѣ слѣдовъ явныхъ поползновеній къ расшатанности нравовъ, къ свальному грѣху, или шатаній изъ стороны въ сторону въ ереси и расколы. Не было кругомъ стада Христова этихъ хищныхъ коварныхъ волковъ, которые лъстивыми словесы уловляютъ души неопытныхъ въ ереси тяжкія на вѣчную погибель. Оттого отцамъ нашимъ и бороться съ этими душегубцами и душегубствами не приходилось. Вмѣстѣ съ овцами отцамъ нашимъ приводилось гнущая развѣ подъ тяжкимъ гнетомъ панскаго произвола, или подъ ударами бича Божія въ родѣ французской руины, или-же первой холеры. Что-же?! Тутъ у пастыря всегда находилось задушевное слово назиданія, утѣшенія, ободренія для духовныхъ овецъ: „что-же, братцы, терпите, Богъ велитъ терпѣть, Богъ наказываетъ за грѣхи, Богъ накажетъ, Богъ и утѣшитъ“ и т. п.... Простое было время. Доброе старое время, гдѣ ты, гдѣ теперь?!

А нашему юношѣ пастырю приходится пастырствовать въ наше мудренное, осложненное, въ наше тревожное время. Поставленному

впереді словесныхъ овецъ, ему прежде всего слѣдуетъ подать имъ свой пастырскій голосъ, чтобы овцы узнали въ немъ истиннаго своего пастыря, поставленнаго отъ пастыреначальника Христа, для ихъ пасенія и спасенія. Да, буквально, слѣдуетъ подать и постоянно подавать имъ свой пастырскій голосъ. А онъ, иной изъ юныхъ пастырей, буквально не подаетъ имъ своего голоса, знакомаго пастырскаго голоса, къ которому они и отцы ихъ привыкли искони. Первое подаваніе пастырскаго голоса, самое простое и обычное, это въ Божіей службѣ. Но и тутъ не слышно пастырскаго голоса. Священникъ священнодѣйствуя буквально шепчетъ, или едва шевелитъ губами, вообще бережетъ свои горло и грудь. Не жалѣйте горла, не жалѣйте груди, — это хлѣбъ нашъ. Плотникъ, столяръ, землекопъ, сапожникъ добываютъ себѣ хлѣбъ руками и ногами, и никто не спрашиваетъ ихъ, какъ тяжело достался имъ трудъ ихъ и плодъ труда, который идетъ въ пользу другихъ. А мы отчего-же жалѣемъ своего голоса, которымъ добываемъ себѣ хлѣбъ? Еще преступнѣе, когда мы небрежемъ о явственномъ священнодѣйствіи, когда бормочемъ, когда скрадываемъ слова и звуки. Еще неблаговиднѣе, когда отсѣкаемъ цѣлыя части изъ уставнаго богослуженія; когда представляемъ молящимся только программу того, что мы должны прочитати и пропѣти, да не прочитали и не пропѣли. Еще неблаговиднѣе, когда мы отвыкаемъ священнодѣйствовать по старинному, по уставному, строго, точно, благоговѣнно; когда позабываемъ старо-церковную интонацію при чтеніи молитвъ и возгласовъ; когда оставляемъ безъ употребленія старо-церковныя умиленные напѣвы, такъ что они даже совсѣмъ забылись и вышли изъ употребленія; когда вносимъ свѣтскую необычную въ церкви манеру чтенія и говора. Еще жалче, когда у иного юнаго священника въ церкви не встрѣчаешь ничего такого, на чемъ можно-бы душу отвести: самъ священнодѣйствуетъ невѣжественно и небрежно, просто-на-просто читать по церковному не умѣетъ; псаломщикъ его еще невѣжественнѣе и небрежнѣе своего настоятеля, — ни чтенія ни пѣнія настояще-церковнаго въ церкви; никто имъ изъ прихожанъ не помогаетъ, никого изъ прихожанъ, ни изъ взрослыхъ, ни изъ дѣтей, не озабочиваются приучить къ клиросному участию въ священнодѣйствіи... Противно, возмутительно видѣть, какъ иной при этомъ стыдится, не умѣетъ правильно благословить; не умѣетъ, не хочетъ, упорствуетъ въ нежеланьи истово перекрестить или даже вовсе не крестить собственное чело, небрежно махая перстами около носа

или бороды... Вы думаете, что народу не нуженъ вашъ явственный церковный, старо-обычный, привычный для нихъ, пастырскій голосъ? Слушаютъ, слушаютъ иного, усиливаются признать въ немъ настоящаго священника, да и рукой махнутъ. Подите вотъ, понебрежничайте въ приходахъ единовѣрческихъ или даже православныхъ, но проникнутыхъ духомъ такъ называемаго старообрядства. Тамъ скоро укажутъ, гдѣ Богъ, а гдѣ и порогъ. Не хотите-ли вотъ прислушать приговоръ прихожанъ о старомъ своемъ священникѣ изъ нашихъ и новомъ юномъ изъ миссіонерской школы? „Со времени опредѣленія стараго священника въ приходъ замѣтно стали отпадать отъ православія. Напротивъ того, юный священникъ, добрыми душевными качествами, нравственными поступками и христіанскимъ поученіемъ, въ короткое время, внушилъ къ себѣ уваженіе и любовь прихожанъ, не только крещенныхъ татаръ (самъ природный татаринъ), но и русскихъ, чего мы въ другомъ священникѣ не видимъ. Вообще при требоисправленіяхъ, оный юный отецъ не притязателенъ, съ людьми обходителенъ, притомъ богослуженіе отправляетъ и на русскомъ языкѣ хорошо, внятно, чего о другомъ священникѣ по совѣсти сказать не можемъ“. Въ самые послѣдніе дни возбуждаются жалобныя дѣла именно на то, что юные священники священнодѣйствуютъ невнятно и небрежно. Въ именитомъ и душеполезномъ Добрѣмъ словѣ къ вамъ, духовные питомцы, этотъ недостатокъ обозванъ мѣткимъ словомъ святотатственнаго хищенія: „кто небрежно совершаетъ службу, тотъ, святотатственно похищаетъ у народа Господомъ Богомъ данное достояніе“. Какъ-же вы хотите, чтобы паства духовная шла за нами, когда пастырь не дѣлаетъ даже этого самаго простаго и необходимаго дѣла, не подаетъ овцамъ знакомаго священническаго голоса въ священнодѣйствіи, ни обычнаго звучнаго говора, ни правильнаго благоговѣйнаго чтенія, ни церковнаго умиленнаго пѣнія?

Вы чувствуете уже, что будетъ рѣчь о другомъ подаваніи пастырскаго голоса, учительнаго голоса. Боже! Тутъ что? Сходите вотъ по ближайшимъ церквамъ, прислушайтесь, часто-ли, громко-ли раздается тамъ учительный голосъ пастырей? „Читайте, — говоришь, — изъ печатныхъ книгъ, изъ прологовъ, изъ церковныхъ исторій, изъ библіи“. Дивно, но вѣрно. Иногда не вѣдятъ, гдѣ и книги сицевыя обрѣтаются. А нужныя книги, не всѣ, не всегда, но почти всегда обрѣтаются въ церковныхъ библіотекахъ. Библіи по инымъ церквамъ не бываетъ! Юные,

по здѣшнему ученые священники, и тѣ иногда не вѣдаютъ и отвѣтить не могутъ, имѣется ли въ церкви библія. Вообразимъ не юнаго, но такъ называемаго ученаго священника, который на удивленный вопросъ: „значитъ не читаете библіи? Она вамъ не нужна?“ одинъ разъ отвѣчаетъ, что у него глаза болятъ; а чрезъ два года на вопросъ: „что-же, теперь успѣли почитать библію?“ отвѣчаетъ другой разъ, равнодушно и резонно: „да мнѣ доктора запрещаютъ читать, глаза слабы“. Вообразимъ нѣкоего юношу, который, просвященствовавъ года полтора, на вопросъ: „чтожъ эти дѣти ничего не знаютъ? Учителе-ли вы ихъ?“ отвѣчаетъ всенародно и пресерьезно: „нѣтъ еще, пока очень мало“. — „Да отчего-же?“ — „Помилуйте, у меня дома не было, все не устроено“. Вообразимъ что въ ту минуту, о которой рѣчь, прихожане — поселяне успѣли уже построить и домъ для него, не только церковь для него и для себя. Прихожане сдѣлали много. А онъ что сдѣлалъ для нихъ и для церкви да и для себя, какъ пастыря учителя? Припомните мое слово объ идеалахъ, — для какого идеала жилъ-бы сей юный церковникъ? Вообразимъ другаго подобнаго-же юношу, который, прослуживъ семь мѣсяцевъ и помогаясь чрезъ вліятельное посредство вывода изъ прихода, который неученый и не юный его преемникъ успѣлъ сдѣлать образцовымъ и прекраснымъ, на вопросъ: „учили-ль вы этихъ, ничего невѣдущихъ дѣтей?“ далъ отвѣтъ: „нѣтъ еще, не успѣлъ“; а въ другомъ видномъ и людномъ приходѣ, не успѣвъ завести ни ученія въ церкви, ни чтенія добраго, ни пѣнія, возвышаетъ рѣзкіе гласы о неотложномъ удовлетвореніи своего труда, самъ себя предъ народомъ обзывая „попомъ“. Для какихъ идеаловъ жилъ-бы и сей юноша, напоминающій собою съ разныхъ сторонъ, съ положительной и отрицательной, двухъ евангельскихъ юношей?! Въ общемъ, могу къ счастью засвидѣтельствовать, поднимается въ нашей братіи духъ разумнѣя, духъ пастырскаго учительства, по мѣстамъ даже настойчиваго. Но я говорю о юнѣйшихъ рядахъ, отъ которыхъ справедливо ждать больше духовной бодрости, духовной трезвенности, духовнаго дѣланія.

Идущему впереди паствы пастырю требуется палка. Требуется, чтобы самому опираться на нее. Вѣдь не легкое дѣло пастырское водительство. Иди, постоянно иди впередъ. Стой также постоянно и по-долгу; ноги устаютъ, руки опускаются. Волки кругомъ стада, волки въ самомъ стадѣ; не голыми-же руками отгонять ихъ. Что-же-бы такое была эта палка опоры, палка самозащиты? Конечно, прежде всего

благодать Божія, а затѣмъ и все то, чѣмъ она привлекается, вѣра, молитва, самоотверженіе. Но эта палка есть и книга. На чемъ опрется самъ, чѣмъ поруководствуетъ словесную паству, чѣмъ отборонится отъ этихъ хищниковъ: расколоучителей, скопцовъ, нигилистовъ, исмаилитскихъ пропагандистовъ, священникъ, который библіи не читаетъ, у него для этого глаза болятъ, въ нѣсколько лѣтъ священно-служенія онъ даже не задался вопросомъ, есть-ли около него библія; который никакихъ церковно-учительныхъ книгъ не читаетъ и не спрашиваетъ: никакихъ апологетическихъ книгъ даже не вѣдаетъ; никакихъ расколо-обличительныхъ не видалъ и въ глаза; который нерѣдко жадно хватается за одно только чтеніе, за одну только больно бьющую палку, которую можно кинуть въ ноги пастыре-начальствующимъ?! Запаситесь апологетическими, запаситесь противораскольническими книгами. Церковно-учительныхъ вездѣ довольно по церковнымъ библіотекамъ. Но читайте-же, да учитесь, да учите. Подавайте словеснымъ овцамъ, которымъ въ душѣ часто приходится усвоить только одно изъ этихъ наименованій — овцы, — подавайте имъ свой словесный, свой разумный, пастырски-учительный голосъ. Посмотрите на овецъ неразумныхъ въ притчѣ Спасителя. Понутивъ свои головы къ землѣ для щипанія травы, для кормленія себя, онѣ движутся и на пажити питанія и къ водопою и къ овчему двору, не столько по зрѣнію, тѣмъ менѣе по собственному соображенію, сколько по слуху, по голосу пастыря водителя. Перенесите оттуда свой разумный взоръ на овецъ словесныхъ. Не видите-ли, что всѣ понурили свои головы въ заботы о кускѣ хлѣба, о благосостояніи семьи, о пропитаніи и воспитаніи дѣтей, о здоровьи, о положеніи общественномъ? Много-ли среди этихъ разнообразныхъ заботъ усмотрите попеченія собственно о спасеніи души, о неуклонномъ шествіи къ горнему Іерусалиму? Много-ли думы о томъ, что *не имамы здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемаго*? Много-ли заботы о томъ *единомъ на потребу*, чтобы *задняя забывая, въ предняя-же простираяся, со усердіемъ стремиться къ почести вышнему званія*? Пусть-же пастырь добрый, подавая словеснымъ овцамъ свой пастырски — учительный голосъ, постоянно напоминаетъ всѣмъ погруженнымъ въ житейскія попеченія, чтобы они, заботясь о временномъ, не забывали вѣчнаго; чтобы, созидая благосостояніе земное, памятовали о собираніи сокровищъ для неба, дабы не оскудѣли въ жизни горней, не истаять тамъ въ горнемъ мірѣ отъ глада и жажды блаженства правед-

ныхъ душъ; чтобы слыша постоянно голосъ своего пастыря руководи-
теля, зовущій въ отечество горнее, и постоянно повѣряя по этому свя-
щенному голосу направленіе своего жизненнаго теченія и точку стоя-
нія въ отношеніи къ Богу и церкви, словесныя овцы могли уразумѣ-
вать, куда они направляются, къ небесному-ли царствію или во дно
адово, насколько они приблизились къ небу и далеко-ль отстоятъ отъ
пропасти ада. Не молчите, не спите, встаньте, пробудитесь. Время
грозное. Пусть разбудятъ эту вѣковую спячку хоть его грома, грома
послѣдняго грознаго времени.

Идите, вооружившись палицею вѣры и слова Божія, впереди стада,
не стойте, ведите его на жизненные пажити по пути ко спасенію вѣч-
ному. Зачѣмъ итти впереди, зачѣмъ нужно непременно вести? Да,
нужно. По большой дорогѣ, по раскатанному пространному пути жизни
итти всякій умѣетъ. А путь къ царствію небесному нужно указать. И
пальцемъ нужно указать. Но этого мало, нужно и опытомъ жизни ука-
зать, не только куда итти, но и какъ пройти. Вѣдь путь къ горнему
Іерусалиму узокъ, скалистъ, тернистъ, усыянъ соблазнами, изрытъ про-
пастями, тамъ змія ползетъ, тамъ левъ ходитъ рыкая, искій кого по-
глотити. Нужно бодрствованіе, нужна духовная опытность, нуженъ
примѣръ высокой христіанской жизни. Покажите-же если и не высокій,
то хотя простой примѣръ скромной христіанской жизни, вѣрной завѣ-
тамъ отцовъ.

А то посмотрите, вотъ юноша пастырь, увлекшись вторымъ изъ
своихъ юношескихъ идеаловъ, сѣлъ въ добрую тѣлегу жизни, да и по-
катилъ отъ своихъ овецъ, покатылъ по большой, истравленной, по утоп-
танной, по загаженной, по углаженной, по широкой, по покатою до-
рогѣ. Повидимому, и прихожане догадываются, что какъ-то не ладно
дѣлается съ нашимъ отцомъ духовнымъ: кажись, онъ катитъ чуть-ли
не прямо на дно адово. Погнался за житейскими развлеченіями, удоб-
ствами, интересами, за ними одними чуть не исключительно. Вотъ за-
велось теперь, что у него и видъ для прихожанъ чуждый, воротнички
вотъ, стриженные волосы, въ зубахъ извѣстное ненавистное народу въ
священникѣ, а подчасъ и въ рукахъ развлеченіе, удовлетвореніе пу-
стой прихоти. Пусть бы вотъ муллы магометанскіе надѣли полусюр-
туки, отпустили воротнички, подрѣзали бороды, да взяли игральныя
изображенія со стеклянницами въ руки, — что сказали-бы о нихъ тогда
ихъ единовѣрные мусульмане? А мы споримъ, начинаемъ отвергать въ

принципъ обязательность старообычной священнической внѣшности, ко-
торая мелочью кажется только легкомыслію. И вотъ пастырь духовный
укатилъ по большой мірской дорогѣ, устранился отъ старозавѣтныхъ
житейскихъ обязательныхъ для священника обычаевъ, оторвался отъ
простоты жизни своихъ овецъ. А овцы разбрелись по разнымъ дебрямъ,
пастыря знать не хотятъ, хотя пастырю онѣ и очень нужны.

Для чего нужны? Для чего... Да вѣдь онъ-же пожертвовалъ для
нихъ собою. Вѣдь по окончаніи учебнаго курса ему открыты были всѣ
пути жизни, такъ по крайней мѣрѣ ему самому казалось. А онъ за-
кабалить тебя для священства. Да ему же жить нужно. Домъ нуженъ,
который прихожане обязаны ему построить. Да и ругу собрать, да и
денегъ дать. Вѣдь у него-же жена, дѣти, и много ихъ. Нужно-жъ
ихъ прокормить, воспитать, въ университеты разослать. Вѣдь уважи-
тельность этихъ нуждъ очевидна для всякаго. И выходитъ послѣдняя
бѣда горше первыхъ. Пастырь не идетъ или идетъ впереди овецъ лѣ-
нливо, — худо. Пастырь знакомаго пастырскаго голоса имъ не подаетъ, —
худо. Пастырь оторвался отъ жизни овецъ, удаляется отъ нихъ, по-
гнался за житейскими удобствами инаго рода и характера, норовитъ
покатить по мірской утопанной дорогѣ, — еще хуже. Но самое худое,
когда пастырь очутился сзади овецъ, когда погнался за ними, для че-
го? Да чтобы стричь ихъ, только всего. Нужно-же, по крайней мѣрѣ,
клокъ шерсти получить съ каждой изъ нихъ. Посмотрите, прочитайте
извѣстную главу изъ пророка Іезекіиля, подумайте, не похоже-ли? Такъ
говоритъ Господь Богъ: *горе пастырямъ израилевымъ, которые на-
сутъ сами себя. Не стадо-ли должны пасти пастыри? Вы идите
тукъ и волною одъваетеся, а стада не пасете. Слабыхъ вы не
укрѣпляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевя-
зывали, и потерянной не искали, а правили ими съ насиліемъ и
жестокостію. И разспялись овцы безъ пастыря, и разспявшись
сдѣлались пищею всякому звѣрю полевому. Влуждаютъ овцы мои
по всѣмъ горамъ, и по всякому высокому холму, и по всему лицу
земли разспялись овцы мои, и никто не развѣдываетъ объ нихъ,
и никто не ищетъ ихъ. За то пастыри выслушайте слово Го-
сподне. Такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ Я на пастырей и взыщу
овецъ моихъ отъ руки ихъ, и не дамъ имъ болѣе пасти овецъ, и
не будутъ болѣе пастыри пасти самихъ себя, и исторгну овецъ
моихъ изъ челюстей ихъ, и не будутъ они пищею ихъ* (Іезек. 34,

1—10). Вы только вообразите эту картину: духовнаго пастыря, который, разставивъ руки, бѣжитъ за овцами, чтобъ ухватить и остричь ихъ, а овцы отъ него въ розсыпь; всякая спасается, какъ только можетъ. Не съ натуры-ли? Вообразите и продолженіе этой картины: вотъ онъ безпомощно вопить на весь свѣтъ: да помогите-же, добрые люди, пособи́те поймать и остричь ихъ, вишь, онѣ всѣ разбѣгаются... Жаль, конечно жаль и пастыря и овецъ. Когда-то въ очень старые годы, была и у самыхъ пастырей палка, чтобы загонять овецъ даже для того, чтобы стричь ихъ. Затѣмъ эта палка очутилась и употреблялась только въ рукахъ гражданской власти. А теперь, увы, вовсе почти не употребляется въ этихъ видахъ. Пастырямъ приходится пасти себя, паса стадо по заповѣди апостола: *пасите не нуждею, но волею, ниже неправедными прибытки, но усердно*, — и по притчѣ Христовой: *овцы гласъ его слышатъ и предъ ними ходятъ, и овцы по немъ идутъ, яко въдятъ гласъ его. По чуждему-же не идутъ, но бѣжатъ отъ него*.

Самое-же послѣднѣйшее горе изображено у пророка Малахія, и также списано съ натуры, съ нашего послѣдняго времени. *Говоритъ Господь Саваоѣ вамъ, священники, безславяще имя мое. Вы говорите: чѣмъ мы безславимъ имя твое? Тѣмъ, что говорите: трапеза Господня не стоитъ уваженія. Вы хулите имя мое тѣмъ, что говорите: трапеза Господня не стоитъ уваженія, и доходъ отъ нея—пища ничтожная. Притомъ говорите: вотъ сколько труда! И пренебрегаете ею... Если вы не послушаетесь, и если не примете къ сердцу, чтобы воздавать славу имени моему, говоритъ Господь Саваоѣ,—то Я пошлю на васъ проклятіе, и проклянью ваши благословенія, и уже проклиная, потому что вы не хотите приложить къ тому сердца... Ибо уста священника должны хранить вѣдѣніе, и закона ищутъ отъ устъ его, потому что онъ вѣстникъ Господа Саваоѣ. Но вы уклонились отъ пути сего, для многихъ послужили соблазномъ въ законъ, разрушили заветъ Левія, говоритъ Господь Саваоѣ. За то и Я сдѣлаю васъ презрѣнными и униженными предъ всѣмъ народомъ, такъ какъ вы не соблюдаете путей моихъ (Малах. гл. 1 и 2).*

Часто думалось и думается, вотъ въ апокалипсисѣ говорится: *гряди къ тебѣ скоро, и двину свѣтильникъ твой отъ мѣста своего, аще не покаешия (Апок. гл. 2, 5).* Не выполняютъ-ли это прещеніе

Господа всѣ эти массы духовнаго юношества, которыя бѣгутъ вонъ изъ духовнаго званія, которыя говорятъ: *трапеза Господня не стоитъ уваженія и доходъ отъ нея—пища ничтожная; притомъ говорятъ: вотъ сколько труда, и пренебрегаютъ ею?! Свѣтильникъ наследственнаго избранія Божія отъ древнихъ духовныхъ родовъ явно передвигается въ другіе ново-призванные на церковное служеніе роды. Аминь.* 1881 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи.

ГОНИМОЕ ДУХОМЪ ВѢКА СВЯЩЕНСТВО И ЕГО ЗАСЛУГА.

Блаженны будете, егда возненавидятъ васъ чело́вѣцы, и егда разлучатъ вы, и поносятъ, и пронесутъ имя ваше, яко зло, Сына чело́вѣческаго ради. Лук. 7, 22.

Эти священные слова взяты изъ евангелія, которое читается обыкновенно во дни святыхъ святителей Божіихъ. Провозглашаемое во дни святыхъ святителей въ честь и память ихъ, для указанія на ихъ подвиги на землѣ и блаженство въ небесахъ, это евангеліе читается для насъ, ихъ преемниковъ, настоящихъ и будущихъ священно-служителей, въ предостереженіе намъ, назиданіе и утѣшеніе. Въ предостереженіе,—чтобы мы знали напередъ, что всякаго служителя Христова міръ станетъ ненавидѣть, больше или меньше, станетъ отгонять отъ себя, станетъ поносить и безчестить имя наше, яко зло, какъ ненавидѣлъ, преслѣдовалъ, безчестилъ, болѣе или менѣе упорно, и великихъ нашихъ предмѣстниковъ; что такой законъ положенъ въ основу домостроительства церкви и нашего спасенія самимъ основателемъ церкви и пастыремъ начальникомъ Христомъ. Въ назиданіе,—чтобъ эту ненависть, эти преслѣдованія, эти злохуленія отъ міра мы переносили терпѣливо, до конца не изнемогая, по примѣру святыхъ предмѣстниковъ нашихъ и самого подвигоположника Христа. Въ утѣшеніе,—въ увѣреніе, что переносимыя нами ненависть, гоненія, злохуленія, что наше терпѣніе,

наши злострадания приобрѣтутъ намъ вѣчное блаженство, какъ приобрѣли и святымъ предшественникамъ нашимъ, по обѣтованію праведнаго Мздовоздателя своимъ вѣрнымъ до смерти слугамъ, самого Христа Бога.

Явно однакоже, что въ этомъ предсказаніи, наставленіи и обѣтованіи Христовомъ сочетаются понятія, въ обыденной жизни несочетаемыя: *блаженіи будете, егда возненавидятъ васъ человецы, егда отлучатъ васъ отъ себя, егда проклянутъ имя ваше, яко зло.* Да и заключаетъ Христосъ: *возрадуйтесь въ той день*, когда произойдетъ все это съ вами. Этого мало, даже — *взыграйте въ той день.* Охъ! не такъ-то легко чувствовать себя блаженнымъ, когда человецы кругомъ ненавидятъ. Трудно радоваться, когда человецы кругомъ тѣснятъ и преслѣдуютъ на каждомъ шагу. Охъ! тяжело взыграть душевно и тѣлесно, когда человецы поносятъ имя наше, яко зло, указываютъ на насъ пальцами со смѣхомъ и злорадствомъ. И еще бѣда. Дождешься-ли когда-либо высокой чести и радости претерпѣть все это Сына человеческого, Сына Божія ради? Къ сожалѣнію, злословію на насъ всегда дается такой видъ, что люди проносятъ имя наше, яко зло, не Сына человеческого ради, а ради нашихъ собственныхъ немощей. Какъ-бы однакоже, несмотря на все это, уяснить себѣ устанавливаемую Господомъ связь между ненавистью къ намъ и блаженствомъ для насъ, между гоненіями на насъ и обязательно для насъ радостію среди напастей, между поношеніями на насъ и восторгами нашего сердца именно отъ безчестья, — чтобъ эта связь стала не только ясна для ума, но и для чувства ощутительна, чтобъ повѣяло на насъ въ этотъ праздничный день вѣяніемъ тихой радости и радостной надежды среди мрачной бури, колеблющей наше тревожное время, бури, нерѣдко мутящей порывами унынія и наши тревожно бьющіяся сердца.

Чтобъ освѣтить божественнымъ свѣтомъ откровенія не легко дающуюся поверхностному воззрѣнію эту связь между такими противоположностями, связь, устанавливаемую евангеліемъ и отрицаемую ежедневнымъ мірскимъ опытомъ, намъ приходится крѣпко приникнуть въ глубоко-сокровенную тайну возрожденія христіанской души, взявъ эту тайну за исходную точку нашего созерцанія.

Святой апостолъ Павелъ пишетъ къ галатамъ: *чадца моя, илиже паки бользную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19). Мы знаемъ, что призваннымъ ко спасенію, по изволенію Божію, все содѣйствуетъ ко благу. Кого Богъ предувѣдалъ, тѣмъ и предопредѣ-

лилъ быть подобными образу Сына своего, дабы Онъ былъ первороднымъ между многими братіями. А кого Богъ предопредѣлилъ, тѣхъ и призываетъ; а кого призываетъ, тѣхъ и оправдываетъ (Рим. 8, 28 — 30). Какъ же оправдываетъ? Всякій, кто призоветъ имя Господне, о имени Господа Иисуса Христа, спасется. Но какъ людямъ призывать Того, въ кого не увѣровали? Какъ вѣровать въ Того, о комъ не слыхали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго (Рим. 10, 13 — 14)? Къ предъизбраннымъ Богъ посылаетъ проповѣдующихъ евангеліе Сына своего. Евангельское слово, западая въ сердце предъизбраннаго, пробуждая въ немъ вѣру въ Сына Божія, становится сѣменемъ новой жизни; но возражается въ новое произрастеніе, но прозябаетъ не тотчасъ. Призванный и оглашенный словомъ евангельской истины возражается собственно въ крещеніи, въ банѣ пакибытія и обновленія духа. Въ крещаемомъ прозябаетъ сѣмя слова Божія нетлѣнное и пребывающее во вѣкъ (1 Петр. 1, 23); рождается самъ Христосъ, Христосъ воображается или образуется, такъ что крещаемый становится сообразенъ образу Сына Божія. Больше того, крещаемый облекается во Христа, становится едино со Христомъ, такъ что живетъ уже не онъ самъ, но живетъ въ немъ Христосъ; становится сыномъ Божіимъ, сѣменемъ Авраама, наслѣдникомъ Божіимъ чрезъ Иисуса Христа, получаетъ отъ Бога въ свое сердце Духа Сына Божія, который и вопіетъ изъ его сердца къ Богу: Авва Отче! Становится новая тварь, новый возрожденный, воскресшій человекъ; но становится, въ то же время и умирая, когда возражается.

Кто во Иисуса Христа крестится, тотъ въ смерть Его крестится, погружается въ смерть Его, сраспинается со Христомъ, дабы какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, такъ и намъ, нося въ себѣ Христа, ходить въ обновленной жизни, почитая себя мертвыми для грѣха, живыми же для Бога во Христѣ Иисусѣ, зная то, что съ Нимъ распялся ветхій нашъ человекъ, чтобы упразднено было тѣло грѣховное, дабы уже намъ не быть рабами грѣху; зная то, что въ крещеніи умираетъ ветхій нашъ человекъ, тогда какъ новый возрождается.

Но новый возрождается изъ ветхаго и въ ветхомъ, такъ что этотъ послѣдній въ крещеніи только поражается на смерть, такъ что въ цѣломъ существѣ человека, до минуты смерти тѣлесной, живетъ еще грѣхъ, во плоти человека не живетъ доброе, плотяный человекъ преданъ грѣху; такъ что всякій изъ крещенныхъ, по внутреннему возрожденному человеку соудлажаясь закону Божію, въ то же время

чувствуетъ въ членахъ своихъ инъ законъ, противоборствующій закону ума и дѣлающій человека плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ нашихъ; пока Богъ не избавитъ насъ отъ сего тѣла смерти, пока въ минуту смерти тѣлесной Богъ окончательно не разобьетъ чрепки ветхаго человека; пока мы совершенно не отложимъ, по настоящему временному нашему житію, ветхаго человека, тлѣющаго въ похощему временному нашему житію, хотяхъ прелестныхъ, и совершенно не облечемся въ новаго человека, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины (Ефес. 4, 22—24); пока возрожденный, окрѣпшій въ жизни Христовой новый человекъ не воспаритъ, изъ разбитыхъ черепковъ плотскаго ветхаго человека, отъ земли къ жизни небесной (Рим. 7, 14—25); пока тлѣнное наше не облечется въ нетлѣніе и смертное сіе не облечется въ безсмертіе и пока не упразднится въ насъ жало смерти—грѣхъ (1 Кор. 15, 54—57).

Можно сказать, что въ цѣломъ существѣ человека христіанина, со времени крещенія, совмѣстно живутъ два человека, плотской ветхій человекъ, пораженный въ крещеніи на-смерть, однакоже способный ожить, окрѣпнуть и даже возобладать всѣмъ существомъ человека, и другой новый, внутренній, духовный человекъ, возродившійся въ крещеніи, получающій въ таинствахъ отъ благодати Божіей всѣ силы, нужныя къ жизни и благочестію, человекъ, сливающійся со Христомъ больше и больше, и мало-по-малу составляющій съ Нимъ едино, однакоже человекъ способный ослабѣть, изнемочь, подпасть грѣхамъ смертнымъ и даже окончательно умереть смертію духовною, еще прежде смерти тѣлесной. Эти два человека, сожительствова другъ другу въ цѣльномъ человеческомъ существѣ, находятся между собою въ непрестанной борьбѣ, пока одинъ не одолѣетъ и не поразитъ другаго. По слову св. апостола, плоть неустанно похотствуетъ на духъ, духъ-же воюетъ противъ плоти (Гал. 5, 17); сожительствова другъ другу, они всегда другъ другу противятся, и противятся такъ, что когда внѣшній нашъ человекъ тлѣетъ, внутренній обновляется по вся дни (2 Кор. 4, 16). Бывало въ великихъ святыхъ Божіихъ, какъ, наприм., въ непорочной Дѣвѣ Маріи, что и духъ всеконечно возобладаетъ, еще во время земной жизни, надъ плотію до совершеннаго изнеможенія ветхаго человека. Но въ обыкновенныхъ людяхъ большею частію происходитъ обратное: возродившееся въ крещенномъ человекѣ сѣмя слова Божія прививается туго, образуется медленно, съ перерывами, нерѣдко

даже оставляя душу человека и совѣсть; внутренній, духовный человекъ, теряя больше и больше единства со Христомъ, поражаемый смертными грѣхами, совершенно подавляется человекомъ плотскимъ, грѣховнымъ, ветхимъ. Это вотъ и означаютъ слова св. апостола Павла: *чадца моя, илиже наки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ*. Вотъ я породилъ васъ, чада мои, словомъ евангельской истины. Но сѣмя слова Божія подавляется въ васъ плевелами лжеученій и плотскихъ похотей. И вотъ я снова съ болѣзнію сердца оглашаю васъ словомъ истины, страдая какъ-бы муками духовнаго рожденія, пока образуется въ васъ Христосъ, пока окрѣпнетъ въ васъ возрожденный Божією благодатію внутренній, духовный новый человекъ, а ветхій вашъ человекъ зачахнетъ.

Теперь съ этой точки зрѣнія намъ нагляднѣе станетъ внутренняя связь между поражающими насъ напастями и блаженствомъ нашего духа, между злостраданіями и радостію нашего сердца.

Старая и непреложная истина, что Богъ спасаетъ насъ не безъ насъ. Но и мы не можемъ спастись безъ благодати Божіей, такъ что благодать Божія совершаетъ въ насъ не только *еже дѣяти*, но и *еже хотѣти*; совершаетъ въ насъ не только всѣ истинно благія дѣла наши, но возбуждаетъ и самыя хотѣнія, самыя стремленія къ добру. *Отъ себе, яко отъ себе, ниже помыслити что доброе можемъ*, но и на добрые помыслы довольство наше, наша довѣемость дается намъ отъ Бога. Богъ ждетъ и требуетъ отъ насъ только того, чтобы наша свобода не противоѣствовала въ насъ воздѣйствию благодати Его на насъ. А дѣйствуетъ на насъ благодать Божія какъ прямыми положительными на насъ вліяніями, такъ и отрицательными. Положительными, подавая намъ всѣ благодатныя силы, какія нужны къ животу и благочестію, какія благопотребны къ возрожденію и укрѣпленію въ насъ возрожденнаго новаго человека. А отрицательными, употребляя цѣлесообразныя мѣры къ подавленію въ насъ плотскаго ветхаго человека и къ очищенію новаго отъ гнилостныхъ примѣсей ветхаго. Для этой-то послѣдней цѣли Богъ и насылаетъ на насъ искушенія и напасти, скорби и болѣзни.

Конечно, для всѣхъ спасаемыхъ благопотребны не только положительные, но и отрицательныя воздѣйствія благодати Божіей. Духовные люди, святые угодники Божіи сами, собственною волею и собственными усиліями, распинали въ себѣ плоть, распинали ветхаго че-

ловѣка со страстями его и похотѣми. А распиная ветхаго, такъ преуспѣвали въ укрѣпленіи въ себѣ новаго человѣка, во внутреннемъ соединеніи духа со Христомъ, что могли говорить, какъ говорилъ о себѣ апостолъ Павелъ, что я умеръ, я распялся со Христомъ, и теперь живу уже не я, но живетъ во мнѣ Христосъ; что *мнѣ еже жити — Христосъ, и еже умрети — приобретение*, приобретение того же Христа и въ Немъ жизни вѣчно блаженной. Но и тѣ святые Божіи, какъ и тотъ же св. апостолъ Павелъ, для восхожденія на высшую степень святости, для совершеннѣйшаго очищенія души, претерпѣвали безчисленныя бѣды и напасти, гоненія и злохуленія. Обыкновенныхъ же, бранныхъ и грѣшныхъ людей, которые о Богѣ забываютъ, о вѣчномъ блаженствѣ не помнятъ, о внутренней духовной жизни не помышляютъ, о подавленіи въ себѣ плотскаго ветхаго человѣка и не думаютъ, напротивъ, всѣми думами и попеченіями о плоти питаютъ и одебеляютъ его въ себѣ, — такихъ людей, если они предоставлены ко спасенію, промыслъ Божій направляетъ къ небу по преимуществу искушеніями, сокрушая въ нихъ ветхаго человѣка бѣдами и злостраданіями.

Въ высшей степени трогательно, хотя въ тоже время и грозно, изображается въ словѣ Божіемъ Богъ небесный, очищающій человѣчскія души отъ сквернъ ветхаго человѣка, то въ видѣ металлурга, переплавляющаго серебро и золото, то въ видѣ сѣятеля и вѣтеля, отдѣляющаго пшеницу отъ плевелъ, то въ видѣ виноградаря, который подчищаетъ и окапываетъ неплодную смоковницу. Такъ древній священный мудрецъ взываетъ: *сынъ мой! Если ты приступаешь работать Господу Богу, то приготовь душу твою къ искушенію. Ибо золото искушается и очищается въ огнѣ, а люди, угодные Богу, въ горниль уничтоженія* (Сир. 2, 1—5). Такъ о грядущемъ на землю Искупителѣ Сынѣ Божіемъ самъ Богъ у пророка Малахіи предвѣщаетъ, что *въ день пришествія своего Онъ будетъ, какъ огонь расплавляющій и какъ щелокъ растворяющій. И сядетъ, разваряя и очищая людей, яко серебро и яко злато. И сядетъ переплавлять и очищать серебро, и очиститъ своихъ избранныхъ и переплавитъ ихъ, какъ золото и серебро*, отбрасывая въ каждомъ изъ нихъ всю нечистую примѣсь ветхаго человѣка, очищенное же золото и серебро сплавля въ человѣка обновленнаго по Богу, по образу Бога и Христа Его, въ преподобіи и правдѣ. Св. Іоаннъ Предтеча изображаетъ грядущаго

Господа, какъ и самъ Христосъ изображаетъ самаго себя въ видѣ сѣятеля и вѣтеля. Вотъ Онъ посѣялъ на нивѣ Божіей свою пшеницу, которая и возшла и выросла и поспѣла, но выросла и поспѣла не иначе, какъ въ соломѣ и плевахъ: *ибо земля производитъ сперва зелень, траву, потомъ колосъ, потомъ уже полное зерно пшеницы* (Марк. 4, 28); а между пшеницею возшли и созрѣли сѣмена и плевелъ, всѣянные врагомъ Божіимъ. И вотъ Спаситель міра сидитъ вѣтелемъ на гумнѣ, на аренѣ міра земнаго и небеснаго. Пшеница съ плевелами уже сжата и сложена на гумно и обмолочена крѣпкими ударами судьбы, ударами скорби и болѣзни и смертной туги. У него, у небеснаго вѣтеля, и лопата — вѣялка въ рукѣ Его. И вотъ Онъ мощною десницею своею вѣетъ, кидая пшеницу съ плевами и плевелами противъ вѣтра злостраданій, противъ ровнаго или бурнаго теченія міровыхъ судебъ. Все взвѣваемое божественною лопатою — вѣялкою ложится на землю, цѣнное ударяясь о землю тяжело, а легкое летя и падая легко, все распредѣляясь рядами, какъ на гумнѣ: плевелы себѣ, плевые себѣ, а пшеница себѣ. Вѣтель тербитъ, очищаетъ лопатой и граблями гумно свое, отдѣляя пшеницу отъ плевъ и плевелъ, выдѣляя возрожденнаго, обновленнаго, очищеннаго человѣка отъ плевъ человѣка ветхаго, въ которомъ развился человѣкъ новый, новое чистое произрастеніе Божіе, равно какъ и отъ плевелъ, совершенно обветшавшихъ нечистыхъ людей, въ которыхъ ветхій ихъ человѣкъ совершенно заполонилъ и подавилъ новаго. Очищенную пшеницу небесный вѣтель собираетъ въ небесную житницу свою, плевые же съ плевелами сожжетъ огнемъ неугасаемымъ. Самъ же Спаситель, равно какъ и тотъ же сзятый Предтеча, представляютъ Его, Христа Божія, и приставникомъ у небеснаго Виноградаря. Вотъ у этого небеснаго человѣколюбиваго приставника уже и сѣкира при корени древа лежитъ. Но въ спасительныхъ рукахъ Его другія, пока еще благотворительныя орудія, которыми дерево подчищается и окапывается. Вотъ Виноградарь, указывая на неплодную смоковницу, говоритъ приставнику: *поспѣлы ю. Который годъ не обрѣтаю на ней плода, вскую и землю упражняю*? Но приставникъ молить правосудіе небеснаго Владыки: ни, Отче, вотъ Я еще подчищу смоковницу, окопаю корни ея, обложу гноемъ еще на лѣто, *не сотворитъ-ли она плода; аще ли еще ни, во грядущее посъещи ю*. Смоковница и плодъ ея — это возрожденный, возрастающій и плодоприносящій святыню новый человѣкъ. А поврежденные корни,

а засохшая кора, а сухія очищаемыя вѣтви на ней — это ветхій, болѣе и болѣе ветшавшій человѣкъ. А очищеніе ствола и вѣтвей, окапываніе корней — это очищеніе новаго отъ вредныхъ, чахнувшихъ, гнилостныхъ наростовъ ветхаго человѣка, посредствомъ сильныхъ мѣропріятій спасительнаго Промысла. А обкладываніе перегноемъ — это подаваніе новому человѣку необходимыхъ для его питанія и укрѣпленія силъ благодати, равно какъ и благъ временной жизни, чтобъ человѣкъ не засохъ и не ожестѣлъ въ отчаяніи подъ ударами гнѣвной судьбы.

Какимъ-же образомъ бѣды внѣшнія, поражая внѣшняго человѣка, очищаютъ внутренняго? Не всегда, правда, и очищаютъ. Бываетъ и наоборотъ, что понижаютъ уровень чистоты душевной, повергая душу въ смертные грѣхи унынія, отчаянія, и даже ожесточенія, то угрюмага, то даже яростнаго. Но когда душа управляема во спасеніе, то напасти очищаютъ душу тѣмъ, что поражая тѣло, всегда поражаютъ и душу, по тѣсной связи души съ тѣломъ; тѣмъ, что поражая болѣзненно тѣло, часто еще глубже поражаютъ душу, такъ какъ человѣкъ способенъ глубже страдать духомъ, чѣмъ тѣломъ, такъ какъ животное, имѣя менѣе развитое сознаніе, страдаетъ менѣе человѣка; человѣкъ грубый, имѣя менѣе развитое сознаніе, страдаетъ менѣе человѣка съ душою тонкою, съ умомъ широкимъ, съ совѣстью чуткою, съ воображеніемъ порывистымъ; а этотъ послѣдній способенъ страдать душею безконечно, при нашествіи на него даже незначительной бѣды, томясь нерѣдко, глубоко и жестоко безысходнымъ уныніемъ, болѣзнію чисто душевною, которая удесятеряетъ внѣшнія страданія. Внѣшнія напасти очищаютъ душу тѣмъ, что, по естественной склонности нашей природы, напоминаютъ душѣ о Богѣ, по извѣстному философскому изреченію, что Богъ есть постулатъ скорбящаго сердца; напоминаютъ о небѣ, обители безпечальныхъ, о землѣ, какъ юдоли плача, о непроходящемъ отечествѣ небесномъ и скоротечности всего земнаго въ этомъ мірѣ, гдѣ мы не имамы *града пребывающаго, но грядущаго возыскупаемаго*, — напоминая о немощи плоти и духа, просто подавляя плоть и ея порывы, обращая наши помыслы къ долгу жить для духа, искать крѣпости въ служеніи правдѣ, истинѣ и чистотѣ, искать душевнаго мира въ мірѣ совѣсти, мира о Духѣ Святѣ.

Конечно, и Богъ, движимый то праведнымъ гнѣвомъ, то спасающею любовію, любовію впрочемъ всегда даже и во гнѣвѣ, и самъ Богъ поражаетъ насъ многими бѣдами, бѣдами глада и нужды, заразы

и землетрясенія, потопа и огня, тяжкихъ болѣзней, душевныхъ и тѣлесныхъ, безвременныхъ смертей и потерь невозвратныхъ. Но сколько сверхъ того еще дѣлаютъ себѣ и другъ другу бѣды сами люди, бѣды огнемъ и мечемъ, войнами и противоборствомъ, взаимною ненавистью и гоненіями, взаимными поношеніями и непрекращающимся злорѣчіемъ? Можно сказать, что люди удесятеряютъ свои бѣды взаимнымъ самоотерзаніемъ. Особенно это злорѣчіе! Это, по Божію попущенію, лютей бичъ, которымъ людская злоба казнить себя неустанно, которымъ озлобленныя сердца людей собственными руками наносятъ лютые удары по собственнымъ спинамъ безъ устали и отдыха, безъ перерыва и конца. Но что-жь? И этотъ бичъ взаимнаго самоотерзанія злорѣчіемъ, нанося непрерывные тяжкіе удары, приноситъ спасаемымъ и свою собственную, свою специальную несомнѣнную пользу. Безпрерывно свистя въ воздухѣ и хлопая по спинамъ человѣческимъ, непрестанно вызывая своими ударами то глухія боли въ сердцахъ, то даже исторгая громкіе вопли и стоны изъ раздраженныхъ устъ, этотъ мучительный бичъ ежедневно и ежечасно напоминаетъ всѣмъ объ идеалѣ жизни, къ которому всѣ мы обязаны стремиться; напоминаетъ то о понесенныхъ въ прошломъ язвахъ совѣсти, которыя нуждаются въ исцѣленіи, то о текущихъ нравственныхъ болѣзняхъ, которыя требуютъ немедленнаго прекращенія крѣпкимъ врачеваніемъ, то, наконецъ, о предрасположеніяхъ къ той или другой немощи, которыя гнѣздятся въ сердцѣ и развитію которыхъ нужно полагать преграду въ самомъ началѣ. Общее злорѣчіе, имѣя конечно свою вредную развращающую сторону, благотворно тѣмъ, что обуздываетъ шаткость нравовъ, держа всѣхъ въ грозномъ страхѣ, безжалостно казня пороки и слабости, или грозя казнью возможному ихъ развитію, удовлетворяя общественной совѣсти торжествомъ правосудія если не въ осуждающихъ, то въ осуждаемыхъ, служа спасительнымъ, хотя и ѣдкимъ лекарствомъ противъ душевныхъ болѣзней, которыя уже поразили или грозятъ поразить, научая слабыхъ осмотрительности и сдержанности, боязливой внимательности и почтительности къ вѣянію общественнаго духа, облегчая виновную совѣсть тяжкою оплатою за вину.

Вѣдь и за вину страдать не совѣтъ не хорошо. Правда, св. апостолъ Петръ предостерегаетъ: *только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или вора, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое* (1 Пет. 4, 15), вообще какъ преступникъ и грѣшникъ. Ко-

нечно не хорошо, когда кто страдает, какъ преступникъ, учинившій вину, достойную казни злорѣіемъ и другими карами. Тѣмъ не менѣе хорошо и полезно, когда даже преступникъ и грѣшникъ оплачиваетъ свою вину и свой грѣхъ терпѣливымъ перенесеніемъ, болѣе и менѣе, заслуженной кары. А кто Богу не грѣшенъ даже изъ вѣрныхъ рабовъ Божіихъ? Если праведникъ, по слову апостола Петра (1 Пет. 4, 18—19), едва спасается, едва оправдывается предъ правдою Божіей, то несчастный и грѣшный идъ явится? И такъ страждущіе по волѣ Божіей, — увѣщаетъ насъ первоверховный апостолъ, — предайте Богу, какъ вѣрному зиждителю вашего спасенія, души свои, дѣлая добро, заглаждая грѣхи покаяніемъ, платя за нихъ благопокорнымъ благотворящему Промыслу злостраданіемъ и безропотнымъ терпѣніемъ.

Конечно лучше и благотворнѣе, если кто терпитъ больше, чѣмъ заслужилъ. Еще лучше и выше, если кто терпитъ за вину ложную, если кто терпитъ за правду, за другихъ, за братію, за церковь Христову, за Христа, за имя Божіе. Святые апостолы не находятъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы превознестъ честь такого праведнаго — несправеднаго страданія. Возлюбленные, — обращаетъ къ намъ слово утѣшенія первоверховный апостолъ Петръ (1 Пет. 4, 12—16), — возлюбленные, огненнаго искушенія, для испытанія вамъ посылаемаго, вы не чуждайтесь, какъ страннаго для васъ, какъ незаслуженнаго вами. Но радуйтесь, такъ какъ чрезъ это вы участвуете въ страданіяхъ самаго Христа, да и явленію славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословятъ васъ за имя Христово, то вы блаженны; ибо Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на васъ. Если кто страдаетъ, какъ христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь. — Я радуюсь, — пишетъ святой апостолъ Павелъ (Кол. 1, 24), — радуюсь въ страданіяхъ моихъ за васъ, такъ какъ восполняю недостатокъ во плоти моей скорбей Христовыхъ за тѣло Его, которое есть церковь.

Что это значитъ восполнять въ нашей плоти недостатокъ скорбей Христовыхъ за тѣло Его, или, какъ выражается яснѣе св. апостолъ Петръ, участвовать въ страданіяхъ Христовыхъ? А вотъ что значитъ. Христосъ пострадалъ за церковь свою, праведникъ за неправедники, за всѣхъ и каждого изъ насъ бѣдныхъ грѣшниковъ, за вину каждого изъ насъ, за каждый грѣхъ каждого изъ насъ, чѣмъ и

заплатилъ правдѣ Божіей, заплатилъ своею безконечною мукою за вѣчную кару, какую долженъ былъ потерпѣть каждый изъ насъ, и купилъ у Божіей любви долю вѣчнаго блаженства, какая имѣетъ быть предоставлена каждому изъ насъ. Его крестная безконечная мука, въ одно вѣчное божественное днесъ, объяла все прошедшее, настоящее и будущее, загладивъ всѣ грѣхи человечества, заливъ божественною кровію Его весь вѣчный пламень ада, купивъ для избранныхъ Божіихъ всѣ безконечныя райскія утѣхи вѣчнаго блаженства. Поэтому кто изъ насъ творитъ грѣхъ, за который уже заплачено всеобъятною крестною мукою Сына Божія, тотъ вколачиваетъ нозый гвоздь въ распятое тѣло Его, тотъ причиняетъ новую скорбь Его прискорбной нѣкогда до смерти душѣ, тотъ вливаетъ новую каплю горечи въ испытый Имъ всеобъятный фіалъ безпредѣльнаго гнѣва Божія, тотъ второе распинаетъ Сына Божія... За то и обратно. Христосъ пострадалъ за насъ, за людей, за церковь свою, за наши грѣхи, за наше благо. Значитъ, кто изъ насъ страдаетъ по волѣ Божіей, предавъ душу свою Зиждителю нашего спасенія, страдаетъ хотя-бы даже за свою собственную вину, оплачивая кару, которой повиненъ, и прощеніе отъ Бога, какого жаждетъ; особенно же кто страдаетъ за вину ложную, оплачивая другія свои дѣйствительныя вины; кто страдаетъ за правду, за другихъ, за церковь Христову, за Христа и честь Его, за имя Божіе и Божію славу, тотъ, нѣкоторымъ образомъ, помогаетъ Христу въ Его страданіяхъ; тотъ содѣйствуетъ Христу, какъ Симонъ киринейскій, въ несеніи креста Его, тотъ пріобщается Христовымъ страстямъ; тотъ восполняетъ недостатокъ скорбей Христовыхъ за тѣло Христово, за святую Христову церковь. Потому что Христосъ есть живая глава церкви, церковь — живое тѣло Христово, каждый изъ насъ живой членъ и тѣла Христова церкви и самого Христа, нашей главы. Потому, когда кто изъ насъ страдаетъ, наше страданіе, отражаясь въ тѣлѣ, чувствуется главою церкви, самимъ Христомъ. Какъ Христосъ, наша глава, участвуетъ въ страданіяхъ нашихъ, такъ и мы, Его члены, участвуемъ въ страданіяхъ Его, нашей живой главы, пріобщаемся Его страстямъ, восполняемъ недостатокъ Его скорбей. Но восполняемъ, хотя и въ Немъ самомъ, поколику Онъ — единъ съ нами, однако же восполняемъ только въ своей собственной плоти. Въ Немъ самомъ, отдѣльно отъ насъ, чаша Его страданій невосполнима, такъ какъ безпредѣльна. Но въ насъ недостатокъ Христовыхъ скорбей восполнимъ, такъ какъ мы

страдаемъ по нашимъ грѣхамъ мало, а повинны мукѣ вѣчной, по времени безконечной. И мы действительно восполняемъ недостатокъ Христовыхъ скорбей, но только въ себѣ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ возрожденномъ новомъ человѣкѣ, въ нашемъ внутри насъ родившемся и живущемъ Христѣ, который, однакоже, есть едино со Христомъ, Сыномъ Божіимъ. А восполнить въ себѣ недостатокъ скорбей Христовыхъ, подумайте, какая честь! Пріобщиться Христовымъ страстямъ — какая радость! Пріобщиться Христу въ несеніи хуленій на имя и за имя Христово, какое блаженство, какая слава! Ибо тогда Духъ Божій, Духъ славы божественной почиваетъ на насъ.

И слава Богу! Эта слава, дѣйствительно, начинаетъ сходить и почивать на насъ, — слава страданія не только за себя, за свои вины, но и за имя Христово. Да, за имя Христово, за Христа. Никогда на всемъ пространствѣ нашей исторіи русское православное духовенство не подвергалось такимъ злохуленіямъ, какъ въ послѣдніе годы. Гдѣ причина? Въ томъ-ли, что теперь стало больше гласности? Нѣтъ. То несомнѣнно, что на всемъ пространствѣ нашей исторіи русское духовенство имѣло больше силы, больше славы и достатка, больше всенародной любви и всеобщаго уваженія. Стали-ль мы хуже духовенства стародавнихъ или недавнихъ, но прошедшихъ временъ? Прости намъ, Боже, наши частныя личныя грѣхи. Но въ цѣльности нашего единства, въ единомъ живомъ тѣлѣ русскаго пастырства, воспитываемомъ условіями всенароднаго развитія, одушевляемомъ духомъ всенародной нашей исторіи, мы стали теперь образованнѣе; породили изъ себя множество сильныхъ и благотворныхъ умовъ на всѣхъ поприщахъ церковно-народно-государственного служенія; въ нравахъ стали мягче, осмотрительнѣе и благоприличнѣе, въ общемъ соотвѣтственнѣе идеалу пастырства. Энергія къ внѣшнему всенародному учительству, къ участию въ дѣлахъ общественнаго благотворенія повсюду между нами пробуждается, возрастаетъ и мало-по-малу вступаетъ въ борьбу съ антихристіанскими противогосударственными стремленіями. Да и благочестіе, даже подвижничество между нами не потухли. Общимъ духомъ тяготѣнія къ идеалу духовнаго подвижничества, духовно-нравственною по духу евангелія жизненностію всего въ цѣльности нашего священства и монашества, въ самое послѣднее время, мы произвели изъ себя незазорно честныхъ рабовъ Христовыхъ даже подвижниковъ, каковы — столпъ церкви Филаретъ, митрополитъ мо-

сковскій, Филаретъ и Филофей, митрополиты кіевскіе, Іаковъ, архіепископъ нижегородскій, и Леонидъ, архіепископъ ярославскій, Антоній, архіепископъ воронежскій, Антоній, архіепископъ казанскій, и Евсевій, архіепископъ могилевскій, Пименъ, священно-архимандритъ угрѣшскій, Серафимъ саровскій и цѣлые ряды другихъ извѣстныхъ, малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ подвижниковъ, равно какъ цѣлые же ряды и смиренно-благочестивыхъ приходскихъ пастырей, которые большею частію цвѣтутъ какъ лиліи въ пустынѣ, ряды духовныхъ трудниковъ, истинныхъ дѣлателей винограда Христова. Не вдумываясь во все это, не только враги, но и нѣкоторые друзья наши, всѣ согласны въ томъ, что мы русское православное духовенство, хуже, — не знаю почему, только-ли по энергіи или даже по всему? — хуже латино-польскаго духовенства въ Россіи, протестантскаго, даже хуже магометанскаго; ужъ не хуже ли и раввиновъ еврейскихъ, даже шамановъ сибирскихъ? Но попросимъ нашихъ строгихъ судей разсудить правдиво, кто, какъ не духовенство, пусть и совмѣстно съ другими важнѣйшими факторами нашей исторіи, выработало народный духъ, которымъ двигалась наша историческая колесница? А если это такъ, то спросимъ далѣе, кто изъ сидящихъ въ вагонѣ замѣчаетъ то сокрытое пламя, которое движетъ цѣлый громаднѣйшій поѣздъ? Оно видно только по дыму и копоти; да по жадности къ питанію горючимъ матеріаломъ: „подай, да подай, Господи“; блещетъ-же оно яркими искрами развѣ только во мракѣ ночи, въ мрачную годину народной жизни. А пусть вотъ поѣздъ наскочитъ на препятствіе даже незначительное и дрогнетъ, — о! какъ всѣ сейчасъ же сообразятъ силу этой препоны, будь она и очень незначительна. Всѣхъ насъ, всю земную вселенную мчитъ громаднѣйшій поѣздъ земнаго шара, который движется вокругъ солнца; и для поверхностнаго взгляда толпы явственнѣе было ничтожное наглядное явленіе паденія на землю яблока, всякое порханіе въ солнечномъ свѣтѣ радужныхъ бабочекъ и легкихъ прозрачныхъ мотыльковъ, чѣмъ та сила частичнаго притяженія, которая держитъ и движетъ землю вокругъ солнца. Чтобъ усмотрѣть и вычислить эту силу, нужно было явиться въ концѣ вѣковъ одному изъ величайшихъ геніевъ. Да и теперь многіе-ль замѣчаютъ эту скромнѣйшую изъ міровыхъ силъ? Но останови она свое обычное дѣйствіе хоть на мгновеніе, и все на землѣ во мгновеніе ока было-бы пожрано огнемъ. Даже замедли она свое строго установленное и разсчитанное Промысломъ дѣйствованіе, и все было-

бы ниспровергнуто землетрясениями. Похожа на это и скрытная сила духа, который движет исторію народа, выдѣлявая и развивая, под-держивая и сохраняя народный характеръ. Не въ осужденіе скажемъ, всякое не русское, не народное, не родное духовенство, естественно и неизбежно, болѣе или менѣе, слабо или сильно, тайно или явно, но непремѣнно развиваетъ инородную, своеобразную, не народную, если только иногда не противогосударственную идею, и сила его замѣчается и чувствуется, потому что съ нею приходится считаться и бороться. Русское же православное духовенство, на всемъ пространствѣ исторіи, выносило на своихъ плечахъ чисто-русскую, народную, государственную идею не только благопокорно, но и по совѣсти и всепреданности, не изъ страха, но изъ беззаветнѣйшей любви, не предъ очами господъ точію работающе, но предъ очами и самаго Господа, Царя царей. И смиренно сокрытую силу нашу не только упорное намѣренное само-ослѣпленіе, не только слѣпота, но и близорукость не замѣчаютъ... Еще-бы и мы поворотили свои хребты въ иную сторону, по примѣру нѣкоторыхъ польскихъ ксендзовъ-агитаторовъ или новѣйшихъ самозванныхъ народныхъ трибуновъ... По меньшей мѣрѣ это было-бы самымъ зловѣщимъ признакомъ всенароднаго разложенія, признакомъ отравы жизненныхъ соковъ въ тѣхъ волосныхъ отросткахъ корней всенароднаго древа, которые роятся въ самой глубинѣ и темени земли. Гниеніе всего древа и смерть его были-бы тогда не за горами, а за плечами... Мы мало дѣятельны, мало учимъ, или мало учили народъ? Просимъ у нашего Бога и у родной нашей Россіи прощенія. Если-бъ мы сотворили и все, повелѣнное намъ Промысломъ, все, *еже должны бѣхомъ сотворити*, то и тогда обязаны были-бы сказать о себѣ, *яко раби неключимы есмы*. Но пусть направляемые и ограничиваемые духомъ православно-каеолической церкви, которая никогда не ставила себѣ задачей сдѣлать всякаго мірянина широкимъ богословомъ, равно какъ толкаемые и стѣсняемые условіями и общегосударственного нашего развитія, мы и не все сотворили, *еже должны бѣхомъ сотворити*. Тѣмъ не менѣе именно мы выучили православный русскій народъ, который вынесъ на мощной и трудовой, терпѣливой и многострадальной спинѣ своей русское государство, каковъ онъ ни на есть, худъ ли онъ, хорошъ ли, слабъ ли духомъ. Пусть простятъ насъ, Христа ради, за его народные и наши недостатки. Вѣдь до послѣднихъ дѣтъ мы были главными, если только не единственными народными

учителями. И это понимаютъ отлично даже злѣйшіе враги наши, которые такъ сильно хлопочутъ вырвать воспитаніе народа изъ нашихъ рукъ. А чему выучать Россію, распространившіеся нынѣ по всемъ концамъ ея, учителя въ родѣ тѣхъ, о которыхъ въ послѣдніе дни пишутъ въ консервативныхъ журналахъ („Гражданинъ“ № 44, 1883 г.),— это еще увидимъ. Чему же выучили мы, то у всѣхъ на виду. Правда не всему, чему выучить слѣдовало, даже не многому, но единому на потребу выучили, и выучили хорошо, твердо, крѣпко-накрѣпко.

А чему такому мы выучили, о томъ можно судить по нижеслѣдующей выпискѣ изъ записокъ военнаго человѣка, одного изъ тысячъ героевъ послѣдней восточно-турецкой войны (Тхоржевскій, въ приложеніяхъ „Гражданина“, сентябрь 1883 г.). Стояли они въ непріятельской землѣ, въ далекой глухой окраинѣ за Кавказомъ. „Пока мы влачили“,— пишетъ этотъ герой изъ передовыхъ, одолѣвшихъ неприступный Карсъ,— „пока мы влачили наше жалкое существованіе, къ намъ подкрадывался страшный бичъ войскъ—повальный тифъ во всѣхъ его видахъ. Съ каждымъ днемъ число заболѣвавшихъ начинало увеличиваться въ такой прогрессіи, что пришлось встревожиться. Лазареты, околотки и т. д. начинали переполняться, и дня не проходило, чтобъ не было двухъ-трехъ смертныхъ случаевъ. Каждый день на улицахъ города раздавался заунывный погребальный барабанный бой, и кого-нибудь провожали туда, идѣже нѣсть болѣзни ни печаль ни воздыханіе. Въ великую похвалу и заслугу войскамъ нужно поставить то, что, несмотря на всю тягость ихъ положенія, они твердо переносили испытанія, ниспосланныя имъ судьбой, и не только ропота, но даже и унынія не было и слѣда. Всякій дѣлалъ свое дѣло, и съ спокойной рѣшимостью былъ готовъ на все, еще худшее, и прямо смотрѣлъ въ глаза всякимъ бѣдамъ. Сколько трогательныхъ до слезъ сценъ, сколько глубоко поразительныхъ положеній пришлось видѣть и переносить въ это время всякому! Приходитъ, бывало, докладчикъ.— „Ты что?“— „Ваше благородіе, такой-то помираетъ, проситъ ваше благородіе исповѣдывать его и духовное завѣщаніе“. — „Ступай, сейчасъ приду“.—И отправляешься въ лазаретъ исправлять должность священника, душеприказчика и т. д. На нашей стоянкѣ мы были разбросаны малыми группами и, само собою разумѣется, не могло быть священниковъ во всѣхъ пунктахъ, отдѣленныхъ десятками верстъ и непроходимыми дорогами. Вотъ и приходилось офицерамъ исповѣдывать и хоронить покойниковъ.

Придешь, онъ начинаетъ исповѣдывать свои грѣхи, потомъ прочтешь молитву надъ нимъ, и сразу легче станетъ бѣднягѣ: лицо сразу преобразится, земная тревога исчезнетъ, выраженіе сдѣлается спокойнымъ, и умираетъ русскій человекъ также просто, какъ онъ родился, какъ жилъ, какъ исполнялъ всѣ свои обязанности. Помню я множество случаевъ солдатскихъ смертей въ лазаретахъ, при которыхъ мнѣ приходилось присутствовать, и всѣ они были такъ поразительно-трогательны въ своей простотѣ, что я не могъ къ нимъ привыкнуть, и мнѣ всякій разъ стоило громадныхъ усилій удерживать навертывавшіяся на глаза слезы. Русскій человекъ умираетъ такъ, какъ будто обрядъ совершаетъ (да, обрядъ, и даже больше—великое таинство!). На этотъ разъ умирающій былъ однимъ изъ любимыхъ моихъ солдатъ. Впрочемъ, его и всѣ любили. Удалой, находчивый, остроумный, громаднаго роста, прекрасно сложенный, съ курчавыми бѣлокурыми волосами и прекрасными голубыми глазами,—онъ разомъ всею своею наружностью производилъ пріятное впечатлѣніе. Трудно было предположить, чтобы такая здоровая натура могла поддаться какому-нибудь тифу. Но болѣзнь эта, какъ ни странно, обходила чаще слабо сложенныхъ, рѣдко обходя крѣпкихъ, какъ будто хотѣла показать свою мощь. Боже мой! Что съ нимъ сдѣлалось теперь? Не далѣе какъ недѣлю тому назадъ я видѣлъ его крѣпчайшимъ мужчиной; теперь передо мной лежалъ вытянутый во весь свой страшный ростъ человѣческой скелетъ, обтянутый кожей. Впалые глаза потеряли свой голубой цвѣтъ; расширившіеся до нельзя зрачки превратили ихъ въ черные. Они какъ-то странно свѣтились изъ глубокихъ впадинъ, окаймленныхъ черными кругами. Я узналъ его только по курчавой бородѣ, когда-то очень красивой, теперь представлявшей безобразный комокъ. Я приблизился къ нему. Скелетъ попытался было встать, но въ ту-же минуту опять опрокинулся навзничь. —„Здравствуй, братъ“. —„Здравія желаю“,—отвѣтилъ онъ едва слышнымъ голосомъ, въ которомъ и слѣда не осталось прежней веселости и молодечества. А когда-то человекъ этотъ имѣлъ силы смѣяться и вѣдять верхомъ съ прострѣленной ногой. Въ день-же взятія Карса онъ плакалъ и говорилъ, что послѣ такого радостнаго дня онъ не желаетъ болѣе жить и хочетъ умереть. —„Ну что? Какъ ты?“—обратился я къ нему снова. —„Плохо, ваше благородіе... Время помирать пришло... Затѣмъ и побезпокоилъ ваше благородіе... Безъ покаянія умереть не хочу... Явите милость: отъисповѣдуйте“. —Я прочиталъ молитву и

началъ его исповѣдывать. Говорилъ онъ едва слышно, а тутъ голосъ его совсѣмъ оборвался, глаза подкатились и губы начали быстро-быстро вздрагивать, обнажая крѣпкіе бѣлые зубы. —„Отходить“,—зашептали около меня. Я началъ читать молитву. Всѣ больные, кто были въ памяти и силахъ, начали креститься. Черезъ двѣ минуты онъ скончался. Я еще стоялъ ошеломленный предъ вытянутымъ трупомъ, какъ вдругъ позади себя услышалъ слабый-слабый голосъ, какъ будто говорившій гдѣ-то далеко-далеко. —„Ваше благородіе“. —Оглядываюсь, такой-же скелетъ, только маленькій, дѣтскій. —„Кто это?“ —„Не узнали, ваше благородіе, заодно... чѣмъ вамъ лишній разъ беспокоиться: все одно—завтра помру“. Отъисповѣдалъ и этого... Наконецъ объявленъ миръ, котораго мы ждали, какъ дѣти ждутъ свѣтлаго Христова воскресенія. По случаю заключенія мира, рѣшили совершить молебенъ. Молебенъ долженъ былъ служить армянскій священникъ, за неимѣніемъ своего. Когда принесено было знамя, всѣ отдали ему честь съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ. На многихъ глазахъ, устремленныхъ на это знамя, заблестѣли слезы. Выходила великая торжественная минута. Дѣйствительно, этотъ кусокъ полотна, развѣвающійся на древкѣ, былъ для насъ не просто полотномъ, а священнымъ предметомъ, подъ которымъ мы проливали нашу кровь; былъ товарищемъ, другомъ, покровителемъ, который не покидалъ насъ въ самыя тяжелыя минуты и однимъ своимъ видомъ придавалъ столько бодрости и нравственной силы, что, казалось, не было препятствія, которое-бы устояло противъ нихъ. Раздалась команда на молитву, и молебенъ начался. Я стоялъ какъ разъ подъ нашимъ, тихо развѣвавшимся знаменемъ и молился съ такимъ теплымъ чувствомъ, какого не испытывалъ во всю жизнь. И всѣ такъ молились.

Позволяемъ себѣ сдѣлать эту выдержку, въ ея подлинныхъ характеристныхъ чертахъ не съ тѣмъ, чтобы допустить правоту неправильно совершенныхъ, по тѣмъ-же военнаго времени, священнодѣйствій, но чтобы подлиннымъ свидѣтельствомъ военныхъ людей показать глубину воспитаннаго русскимъ священствомъ религіознаго чувства русскихъ людей,—чувства столь пригоднаго нашему отечеству въ тяжелые дни его. Вотъ и другое подобное-же свидѣтельство высшаго военнаго авторитета. „Кровавый севастопольскій бой“,—въ свое время писалъ славный севастопольскій герой Остенъ-Сакенъ, —„повидимому приближается къ развязкѣ. Провидѣніе, очевидно, хранитъ насъ. Идеально

совершенныя войска наши исполнены изумительнаго терпѣнія, усердія и самоотверженія. Это гладіаторы храбростію, съ тою разницею, что гладіаторы-идолопоклонники жаждали рукоплесканій зрителей, а наши, подвизаясь за вѣру, царя и отечество, ожидаютъ царства небеснаго“ (Старина, 1883 г., декабрь). Такихъ свидѣтельствъ можно-бы набрать тысячи.

Такъ вотъ чему выучило русское духовенство русскаго человѣка. Для Бога жить, и если не всегда для Бога жить, то всегда для Бога умирать, и жертвовать жизнію для Бога и царя, церкви и отечества спокойно и просто, смиренно и безконечно трогательно.

Нѣтъ, въ цѣльномъ единствѣ мы пока не хуже нашихъ, по крайней мѣрѣ, недавнихъ отцовъ. Что-же вышло? Что измѣнилось? Отчего это прежде не ругали насъ, а теперь ругаютъ? Вотъ въ чемъ причина. Псалмопѣвецъ Давидъ говоритъ о себѣ прообразовательно, а св. апостолъ Павелъ говоритъ отъ лица Христа о Христѣ, а за Нимъ и о всѣхъ слугахъ Его: *поношенія поносящихъ Бога нападоша на мнѣ. Злословія злословящихъ Бога пали на меня* (Псал. 68, 10; Рим. 15, 3). На насъ теперь пали поношенія поносящихъ Бога, злословія злословящихъ Христа Божія. Пока на Руси не было открытыхъ проявленій явнаго анти-христіанства, до тѣхъ поръ и духовенство русское было для всѣхъ и почетно, и любо, и дорого. А въ наши послѣдніе дни враги Бога и Христа Его отважно снимаютъ маску съ своихъ лицъ, лицъ антихристовыхъ слугъ. И вотъ враги Христовы — вмѣстѣ и наши враги. И вотъ они-то и забили тревогу первые передовыми, а имъ вторятъ и малоосмысленные приспѣшники ихъ. И вотъ общественное мнѣніе: русское православное духовенство худо, хуже даже русскаго магометанскаго, и русскаго еврейскаго, и русскаго шаманскаго духовенства. Тѣ полны энергіи, а мы — слабость; съ тѣми нужно считаться, иногда можно и сочувствовать ихъ энергіи, а насъ нужно только презирать. И вотъ начинается время, что нѣщцы человѣцы и ненавидятъ насъ, и отлучаютъ отъ себя, и поносятъ, и проносятъ имя наше, яко зло, не только за наши немощи, но и Сына человѣческаго ради. *Возрадуйтесь же въ той день и възвѣшайте: се бо мзда ваша многа на небеси. Начиначи мѣже сима бывати, восклонитесь и воздвигните главы ваша* (Лук. 21, 28). Зане высока честь приобщиться Христовымъ страстямъ! Велика радость — страдать за Христа! Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день св. Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи.

О СВЯЩЕНСТВѢ МЕЛЬХИСЕДЕКОВОМЪ.

Таковъ намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверненъ, отлученъ отъ грѣшниковъ, и выше небесъ бывшій. Евр. 7, 26.

Кто имѣлъ уши слышати, тотъ слышалъ, что этими словами начинается нынѣ чтенный апостолъ. Тотъ, можно надѣяться, замѣтилъ и прежде, что это чтеніе изъ посланія апостола Павла къ евреямъ предлагается во дни, посвященные памяти святыхъ святителей, какъ и въ день сей, въ храмовой вашъ праздникъ, посвященный памяти иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго. Назову особенность. При чтеніи этого апостола, не безъ тревоги въ совѣсти, чувствуешь всегда, что предстоящіе въ храмѣ относятъ слова св. апостола не къ себѣ, и не къ кому иному, какъ только къ предстоящему архіерею. А увы! Таковъ-бы намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверненъ, отлученъ отъ грѣшниковъ и выше небесъ бывшій... Думающіе такъ и не ошибаются, — не ошибаются по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно такому слѣдовало-бы быть всякому архіерею, — что всякій земной архіерей обязанъ быть болѣе или менѣе совершеннымъ подражателемъ и отраженіемъ Архіерея небеснаго, выше небесъ бывшаго. Но они ошибаются. Ошибаются въ точномъ пониманіи непосредственнаго ближайшаго смысла всего апостольскаго чтенія. Это чтеніе говоритъ не о земномъ какомъ-либо архіереѣ, но о небесномъ и пренебесномъ, о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ; говоритъ объ отличіи вѣчнаго священства Христова отъ временнаго человѣческаго, а уже далѣе имѣется въ виду отличіе ветхозавѣтнаго подзаконнаго священства отъ ново-завѣтнаго христіанскаго.

Установимъ точный смыслъ приведенныхъ словъ св. апостола, и

тогда увидимъ, что они и касаются не только меня архіерея, но и васъ, священники, и васъ, чада священническаго рода, будущіе священники, какъ и вашихъ воспитателей, какъ и всѣхъ учениковъ Христовыхъ.

Въ указанномъ чтеніи св. апостолъ Павелъ разъясняетъ соотношение между священствомъ ветхозавѣтнымъ подзаконнымъ по чину Ааронову, священствомъ ветхо-завѣтнымъ патріархальнымъ по чину Мельхиседекову, вѣчнымъ священствомъ Богочеловѣка Иисуса Христа и новозавѣтнымъ священствомъ по чину Христову.

Въ подзаконный періодъ ветхаго завета, отъ Моисея до Христа, первосвященство и священство были наследственны въ одномъ родѣ Аароновомъ, а левитское служеніе скинии и храму было преемственно въ одномъ колѣнѣ Левіиномъ, изъ котораго произошелъ и самъ Ааронъ. Богъ заповѣдалъ Моисею: *возми Аарона брата твоего и сыновъ его съ нимъ, отъ среды сыновъ израилевыхъ, да священнодѣйствуютъ Мип. Сіе уставъ вѣчный для Аарона и потомковъ его по немъ.* (Исх. 28). *Приведи также колѣно Левіино и поставь его предъ Аарономъ священникомъ, чтобъ они служили ему. И пусть они будутъ на стражѣ за него и на стражѣ за все общество при скинии свидѣнія, чтобъ отправлять службы при скинии. Аарону же и сынамъ его поручи, чтобъ они наблюдали священническую должность свою. А если кто приступитъ къ священству посторонній изъ инаго рода, преданъ будетъ смерти. Вотъ я взялъ левитовъ изъ сыновъ израилевыхъ вмѣсто моихъ первенцевъ, разверзающихъ ложесна изъ сыновъ израилевыхъ (левиты будутъ въ замѣнъ ихъ). Левиты должны быть мои. Ибо всѣ первенцы мои.* (Числ. 3). *И да служатъ Левиты сами службу скинии свидѣнія и возмутъ на себя ирѣги народа, законно вѣчно въ роды ихъ* (Числ. 18, 23). Такъ учреждено священство по чину Ааронову. И этотъ чинъ сохранился какъ разъ до Христа, до разоренія іерусалимскаго храма. Ветхозавѣтное священство прекратилось, какъ и преемство родовъ Аароновыхъ и Левіиныхъ пресѣклось и забылось. Между евреями и въ наши дни можно еще встрѣтить одно-другое лицо, которое мнитъ видѣть въ себѣ потомка левіина; но этой мнимой родословной мало вѣрятъ уже сами евреи, которые потому, имѣя у себя раввиновъ, сразу-же по разореніи храма, отказались отъ первосвященниковъ, и священниковъ и левитовъ. Обстоятельство знаменательное. Оно можетъ служить однимъ изъ поразительнѣйшихъ доказательствъ истины, что Христосъ есть

истинный обѣтованный Мессія, вѣчный Первосвященникъ по чину Мельхиседекову. Иначе сыны Израиля должны-бы усомниться въ непреложности слова Господня Аарону и сынамъ его и всему роду Левіину: *сіе будетъ вамъ закономъ-вѣчно въ роды ваши.*

Но въ ветхомъ заветѣ обозначилось и другое истинное священство, кромѣ и прежде подзаконнаго священства по чину Ааронову, священство патріархальное по чину Мельхиседекову. Сей Мельхиседекъ, царь салимскій, священникъ Бога Вышняго, по знаменованію своего имени Мельхиседекъ — царь правды, царь Салима — царь мира, царь уже тогда, когда только что зараждались первые зачатки царствъ, священникъ, когда не было еще никакого особо учрежденнаго родословнаго священническаго чина, священникъ Бога вышняго, когда вѣра въ единого Бога не погасла развѣ только въ родѣ патріарха Авраама, а языческія религіи пока еще опредѣленно не обозначились, — священникъ и царь безъ указанія отца его и матери и какого-бы-то ни было родословія, безъ указанія начала его дней и конца жизни, — сей Мельхиседекъ въ священномъ бытописаніи, изъ мрака древности, какъ ночная зарница изъ-за тучъ, священно-таинственнымъ проблескомъ мелькнулъ только разъ, въ одинъ священно-историческій моментъ, когда Мельхиседекъ срѣтилъ Авраама и благословилъ его, когда Авраамъ возвращался послѣ пораженія плѣнившихъ Лота царей и отдѣлилъ Мельхиседеку десятину изъ своей военной добычи.

Видите, — разсуждаетъ по сему обстоятельству святой апостолъ Павелъ, — видите, какъ великъ тотъ, которому и Авраамъ патріархъ далъ десятину. Изъ сыновъ Левіиныхъ получающіе священство имѣли заповѣдь брать по закону десятину съ народа, т. е. съ своихъ братьевъ, которые также, какъ и потомки Левія, произошли изъ чреслъ Авраама. Но Мельхиседекъ, не происходя изъ рода Левитовъ, получилъ десятину отъ самаго Авраама, имѣвшаго обѣтованіе, и благословилъ его. А безъ всякаго прекословія, меньшій благословляется большимъ. Значитъ, самъ Левій, принимающій по закону десятины отъ своихъ братьевъ, въ лицѣ Авраама далъ десятину Мельхиседеку и получилъ отъ него благословеніе. Ибо Левій былъ, такъ сказать, еще въ чреслахъ своего прадѣда Авраама, когда Мельхиседекъ срѣтилъ Авраама и благословилъ его, какъ большій меньшаго. Значитъ, священство Мельхиседеково выше священства левитскаго подзаконнаго.

Къ какому историческому роду принадлежало священство Мельхисе-

деково? Былъ-ли Мельхиседекъ одинъ въ своемъ родѣ священникъ, или существовали въ тѣ древнія времена и другіе подобные священники Бога вышняго? Можно думать, что Мельхиседекъ принадлежалъ къ тому первобытному патриархальному роду священства, къ которому принадлежали приносившіе первыя жертвы праотецъ Адамъ и сынъ его Авель, къ которому принадлежали прародитель послѣдующаго человѣчества, Ной и всѣ старѣйшіе въ родѣ его потомки патриархи, соединявшіе въ своемъ лицѣ съ обязанностями священства нерѣдко и достоинство князей или царей въ своемъ племени; къ тому чину священства, послѣдними останками котораго являются въ священной исторіи святой и праведный Іовъ многострадальный, мудрый Іоворъ тестъ Моисея, священникъ мадіамскій, и наконецъ богопросвѣщенный прозорливецъ Балаамъ пророкъ. Кѣмъ и какъ учреждено это священство? Этотъ чинъ священства имѣлъ своимъ основаніемъ перво-евангеліе, первое обѣтованіе Божіе объ искупительномъ Сѣмени жены, имѣющемъ стереть главу змія-искусителя, съ перво-основною для общечеловѣческаго богослуженія заповѣдію о принесеніи прообразовательныхъ жертвъ, соединенномъ съ нравственно-свободнымъ возношеніемъ Богу сердца сокрушеннаго и смиреннаго и кроткой вѣры въ единую обѣтованную міро-очистительную жертву. Извѣстно, что эта вѣра лежала въ основѣ всего обще-человѣческаго учрежденія приношенія кровавыхъ жертвъ, которыя всѣ, по первоначальному своему знаменованію, прообразовали единую крестную жертву. Почему за этимъ чиномъ патриархальнаго священства, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ, осталось имя чина именно Мельхиседекова? Полагать можно, по особой святости, особой близости къ Богу самаго Мельхиседека. На словѣ-же Божіемъ утверждаясь, сказать должно, по особому прообразовательному знаменованію Мельхиседека, какъ единственнаго лица, которое въ древней священной исторіи выступаетъ не только въ чинѣ священника, но и въ достоинствѣ и съ опредѣленнымъ именемъ царя, съ прибавленіемъ этому имени таинственнаго знаменованія царя правды и мира,—по таинственному предуказанію въ царскомъ священствѣ Мельхиседека вѣчнаго первосвященническаго и царскаго достоинства Іисусъ Христовъ.

Еще въ предвѣчномъ совѣтѣ тріипостаснаго Божества, когда Богъ Отецъ заключилъ вѣчный завѣтъ съ своимъ едиnorodнымъ Сыномъ о спасеніи человѣческаго рода,—еще тогда рече Господь Богъ Отецъ Господу Богу Сыну: *спди одесную Мене, дондеже положу враги*

твоя въ подножіе ногъ твоихъ; вѣчно возсѣдая своимъ Божествомъ, возсѣдешь одесную Меня и въ человѣческомъ своемъ естествѣ, пока и совершишь все предначертанное домостроительство спасенія и покоришь въ поднебесной всякое зло. Изъ чрева прежде денницы родишъ Тя: невидимо возникающей съ восходомъ солнца росѣ подобно твое рожденіе отъ свѣта Божества, рожденіе превѣчное, прежде сотворенія первозданнаго духа свѣтоносца, прежде созданія всѣхъ свѣтлыхъ силъ и свѣтилъ небесныхъ. Тогда-же въ предвѣчномъ совѣтѣ клялся Господь Богъ Отецъ Господу Богу Сыну, клялся и не раскается—не измѣнить клятвѣ: *Ты іерей во вѣкъ по чину Мельхиседекову.*

Что это значитъ, за разъясненіемъ обратимся къ святому апостолу Павлу. Самъ онъ говоритъ: *о семъ надлежало бы намъ говорить много, но трудно истолковать* (Евр. 5, 11). Тѣмъ труднѣе это для насъ. Христосъ не самъ себѣ присвоилъ славу первосвященства, но усвоилъ Ему эту славу Тотъ, Кто сказалъ Ему: *Ты еси Сынъ мой, Азъ днесъ родишъ Тя*,—и опять: *Ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мельхиседекову.* Мы имѣемъ первосвященника великаго, прошедшаго небеса. Имѣемъ не такого первосвященника, который не можетъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ, но который, подобно намъ, искушенъ во всемъ, кромѣ грѣха. Онъ во дни плоти своей, съ сильнымъ воплемъ и слезами многими, приносилъ молитвы и моленія Богу Отцу, могущему спасти Его отъ смерти. Однако-же хотя Онъ и Сынъ, но былъ послушенъ Отцу даже до смерти. И совершивъ самъ волю Божію всесовершенно до конца, содѣлался для всѣхъ послушныхъ Ему виновникомъ спасенія вѣчнаго, бывъ нареченъ отъ Бога первосвященникомъ по чину Мельхиседекову. А содѣлавшись первосвященникомъ во вѣкъ по чину Мельхиседекову, Онъ вошелъ въ пренебесное святое святыхъ, за внутреннѣйшую завѣсу, не съ кровію козлею или тельчею, но съ своею собственною искупительною кровію, обрѣтши искупленіе вѣчное. Въ Немъ-то, какъ вѣчномъ Мельхиседекѣ, царѣ правды, царѣ Салима, т. е. мира, милость и истина срѣтились навѣки, правда и миръ облобызались единожды и вѣчно. Онъ, какъ священникъ по чину Мельхиседекову, а не Ааронову, возсталъ потому, что посредствомъ священства левитскаго совершенство не достигалось. Такъ какъ не можетъ-же кровь козля или юнчая очищать грѣхи. Тотъ, о комъ говорится сіе, принадлежалъ не къ Левіину, а къ иному колѣну, изъ котораго никто не приступалъ къ жертвеннику. Ибо Господь нашъ воз-

сіять изъ колѣна Лудина. Отмѣненіе прежде-бывшаго подзаконнаго священства произошло по причинѣ его немощи и безполезности. Моисеевъ законъ ничего и никого не довелъ до совершенства. Тѣхъ священниковъ по чину Ааронову было много, такъ какъ смерть не допускала всегда пребывать одному. Законъ поставлялъ первосвященниками чело-вѣкъ, имѣющихъ немощи. Эти первосвященники должны были приносить жертвы не только за народъ, но и за самихъ себя, за свои собствен-ныя грѣхи. А Христосъ, поелику пребываетъ вѣчно, имѣетъ и священ-ство непреходящее. Посему и можетъ всегда спасать приходящихъ чрезъ Него къ Богу, будучи всегда живъ, чтобы ходатайствовать за нихъ. *Таковъ и подобаше намъ архіерей...*

Вотъ смыслъ изъясняемаго апостольскаго чтенія. Таковъ и долженъ быть у насъ первосвященникъ: святой, непричастный злу, непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный выше небесъ, который не имѣетъ нужды ежедневно, какъ тѣ ветхозавѣтные первосвящен-ники, приносить жертвы сперва за свои грѣхи, потомъ за грѣхи на-рода. Своихъ грѣховъ Онъ не имѣлъ, а за людей Онъ совершилъ сіе однажды, принеся въ жертву себя самого. Вмѣсто первосвященниковъ, которыхъ поставлялъ законъ, которые имѣли свои немощи, слово клят-венное, изреченное Богомъ Отцомъ въ превѣчномъ совѣтѣ Богу Сыну: *Ты іерей во вѣкъ по чину Мельхиседекову*, — сіе клятвенное Божіе слово поставило первосвященникомъ Сына Божія, во вѣки совершен-наго. Сущность-же объясняемаго такова. Мы имѣемъ первосвященника, который возсѣлъ одесную престола величія Божія на небесахъ, и есть священнослужитель святилища пренебеснаго и скиніи истинной, кото-рую водрузилъ Господь, а не чело-вѣкъ.

Итакъ св. апостоль Павелъ, въ нынѣ предложенномъ чтеніи, разсуждаетъ не объ насъ, смиренныхъ и грѣшныхъ архіереяхъ, на временное служеніе церкви Христовой поставленныхъ, но о вѣчномъ Архіереѣ, святыхъ святѣйшемъ Іисусѣ Христѣ. Однакоже избавляетъ-ли это насъ отъ обязанности стремиться къ сильному подражанію все-совершенному Архіерею? Нимало. Напротивъ, это чтеніе о томъ, каковъ подобаше намъ архіерей, затѣмъ и провозглашается въ дни, посвящен-ныя памяти святыхъ святителей, чтобъ напомнить намъ о нашей не-мощи, о нашей грѣховности, какъ и о долгѣ стремиться неотступно къ идеалу всесовершеннаго Архіерея, — о долгѣ, который лежитъ на архіереяхъ прежде всѣхъ, а затѣмъ и на всемъ священствѣ, и на всѣхъ

ученикахъ Христовыхъ, которые также призваны быть царскимъ свя-щенствомъ, народомъ святымъ, людьми обновленія. А стремимся-ли мы къ этому идеалу? Или же идемъ отъ него вспять?

О себѣ позволимъ сказать здѣсь, въ чувствѣ сердечнаго сокруше-нія, только одно, что это апостольское чтеніе служитъ для насъ не только напоминаніемъ, но и укоромъ, всякій разъ, когда мы его слы-шимъ. Но въ качествѣ богопоставленнаго надъ вами учителя, скажемъ слово не укора, а напоминанія вамъ. Укажемъ одну черту повальную.

Говоритъ Господь Саваоѣ вамъ, священники, — говорилъ Господь чрезъ послѣдняго изъ пророковъ, Малахію ветхозавѣтному подзаконному священству, отживавшему послѣдніе свои дни. *Лучше кто нибудь изъ васъ заперъ-бы двери, чтобы напрасно не держали огня на жертвен-никѣ моемъ. Нѣтъ моего благоволенія къ вамъ, говоритъ Господь Саваоѣ, и приношеніе изъ рукъ вашихъ неблагоугодно Мнѣ. Отъ востокъ солнца до запада велико будетъ имя мое между наро-дами, и на всякомъ мѣстѣ будутъ приносить ѡиміамъ имени моему, чистую жертву. Велико будетъ имя мое между народами, говоритъ Господь Саваоѣ. Вы же хулите его тѣмъ, что говорите: трапеза Господня не имѣетъ уваженія, и доходъ отъ нея — пища ничтожная.*

Не подумайте, что это наши слова, что они сказаны о насъ съ вами. Это слова Господни у пророка Малахіи и сказаны они о священствѣ подзаконномъ еврейскомъ. А не похоже-ль оно на насъ и его время на наше?

Родовое, племенное, наслѣдственное, Аароново и левитское свя-щенство въ церкви Христовой уничтожено, мы священники по чину не Ааронову, а Мельхиседекову. Изъ первыхъ христіанъ священниковъ, первыхъ преемниковъ Христовыхъ, св. апостоловъ, не было ни одного, который происходилъ-бы изъ колѣна Левіина. По пророчеству Мала-хіи, съ паденіемъ Іерусалима, въ Христовой церкви, съ первыхъ-же вѣковъ на всякомъ мѣстѣ во всѣхъ концахъ вселенной, стали прино-сить ѡиміамъ имени Господню, приносить чистыя жертвы. Во всю землю изыде вѣщаніе и въ концы вселенныя пронеслися глаголы апо-столовъ. Съ распространеніемъ вѣры, съ умноженіемъ вѣрующихъ, вездѣ готово было и священство. Къ священству пламенно стремилось тогда все, что было въ церкви Христовой самаго родовитаго и даровитаго, самаго образованнаго и чистаго сердцемъ, самаго нравственнаго и свя-

таго. Таковъ именно былъ и прославляемый нынѣ вселенскій учитель, святитель Іоаннъ Златоустъ. Онъ былъ единственный сынъ сановника, имѣлъ богатое состояніе, получилъ самое высокое образованіе у самыхъ знаменитыхъ въ то время учителей, даже еще язычниковъ. Тогда свѣтскіе люди, даже изъ царствующаго рода, за честь считали возлагать на себя служенія церковныя. Особого духовнаго, фамильно-преемственнаго сословія не было. Противъ левитизма въ церкви тогда издавались даже церковные законы. 33-е правило VI вселенскаго собора гласитъ: *понеже мы увѣдали, что въ арменской странѣ приемиются въ клиръ токмо тѣ, кои суть изъ священническаго рода, въ чемъ іудейскимъ обычаемъ послѣдуютъ тако творити предпріемлющіе; нѣкоторые-же изъ таковыхъ, и не получивъ церковно-служительскаго постриженія, поставляются священнопрѣвцами и чтецами божественнаго храма: то полагаемъ, да не будетъ отъ нынѣ позволено желающимъ возвести нѣкоторыхъ въ клиръ, спредъ взирати на родъ производимаго; но испытывая, достойны-ли они, по изображеннымъ въ священныхъ правилахъ опредѣленіямъ, были соприсчисленными къ клиру, да производятъ ихъ въ служителей церкви, хотя-бы они происходили отъ посвященныхъ предковъ, хотя-бы нѣтъ.* Въ древле-вселенской церкви мы не знаемъ ни мѣста, ни эпохи, когда и гдѣ чувствовался-бы недостатокъ въ лицахъ, готовыхъ и способныхъ принять на себя священное въ церкви служеніе. Не то оказалось въ церкви русской. У насъ на Руси уже съ первыхъ вѣковъ, по утвержденіи христіанства, нужда въ людяхъ, годныхъ для священнослуженія, заставила забыть вселенское правило, осуждающее левитизмъ. Извѣстна историческая жалоба святителя новгородскаго Геннадія: приведутъ ко мнѣ дѣтину для ставленія, я даю ему прочитавъ псалтирь, а онъ и къ слову приступить не умѣетъ. Дѣти, хотя и мало-образованнаго духовенства, оказывались все-же болѣе годными къ священству дѣтей народа, при всенародномъ повальномъ невѣжествѣ. Поэтому съ теченіемъ вѣковъ священнослуженіе естественно болѣе и болѣе закрѣплялось за священническими родами, прежде и помимо государственнаго законодательства. Наконецъ законоположеніемъ великаго преобразователя Петра I духовные роды почти совсѣмъ закрѣпощены были за церковію для церковнаго служенія. Законоположеніемъ настоящаго великаго царствованія (Александра II) это закрѣпощеніе снято. Чего достигли мы, что сдѣлали для народа, для

церкви, для народнаго умственнаго религіознаго развитія, результаты теперь на виду, — результаты нашей тысячелѣтней дѣятельности на св. Руси. Вотъ эти толпы русскихъ людей не могутъ отвѣтить на вопросъ, какой они вѣры, не умѣютъ отвѣтить — христіанской. А если-бы и сказали — христіанской, не умѣютъ отвѣтить на вопросъ, почему они называются христіанами; не могутъ сказать: потому что вѣруемъ въ Господа нашего Іисуса Христа. А если-бы и сказали это, то не имѣютъ никакого понятія ни о лицѣ Іисуса Христа, ни даже о ликѣ Его, котораго — говорятъ — никогда и не видали и не знаютъ дѣйствительно. Глубже въ темень невѣжества спуститься трудно. Конечно, *Духъ Божій дышетъ, идыже хочетъ, и гласъ Его слышиши, но не вси, откуда приходитъ и камо идетъ.* Духъ Божій воспиталъ народный нашъ духъ въ духѣ церкви и христіанства. Но намъ, русскому духовенству во-первыхъ, приходится преклониться до праха земнаго и произнести: не намъ, Господи, не намъ, а имени твоему слава; намъ-же стыдѣніе лица... А что будетъ дальше? Обратите вниманіе на то, что настоящее, громадное по преобразованіямъ царствованіе (Александра II), даетъ направленіе жизни русскаго народа и русской церкви на вѣка, какъ было и съ эпохи Петра великаго. Что-же видимъ, какой замѣчаемъ теперь переворотъ въ духовенствѣ, какое вѣяніе въ духѣ народа? Вотъ отворены настежь двери въ ограду церковнаго служенія и вонъ изъ него: входи и выходи всякъ, кто хочетъ. Много-ли же входящихъ отынуду? Почти никого, какъ и прежде не было видно почти никого, вотъ уже цѣлые вѣка. А много-ль, наоборотъ, исходящихъ? Припоминаемъ, что духовное юношество нашей юности имѣло идеаломъ жизни духовное служеніе церкви; уходили изъ насъ изъ сотенъ единицы, даже не десятки. То-ли теперь? Вотъ священникъ, наименѣе занимающійся религіознымъ обученіемъ своего прихода, обременивъ себя заботою обучать и обличать свое духовное начальство печатно, кричитъ вслухъ всей Россіи, своихъ и чужихъ, друзей и враговъ церкви и духовенства, что духовенство, что онъ самъ и другіе священники „стыдятся“, да, „стыдятся“ отдавать своихъ дѣтей въ духовныя училища, по той будто-бы причинѣ, что мы худо учимъ ихъ дѣтей. Вотъ лучшая половина сего юношества, поучившись въ сихъ стѣнахъ на церковную деньгу довольно лѣтъ, бѣжитъ искать счастья на другихъ не церковныхъ поприщахъ. Дѣти и отцы вопіютъ, что духовенству жить нечѣмъ. Нехорошіе и напрасные вопли. Поѣздите по

доламъ и горамъ уфимскаго края, какъ и всей русской земли, и сравните, лучше-ль, богаче-ль насъ живутъ эти чернорабочіе миллионы, и сочтите, кто тамъ теперь живетъ лучше насъ, — много-ль начете? Богъ говорилъ ветхозавѣтному священству, намъ говорилъ: *вы чтили имя мое тѣмъ, что говорили: трапеза Господня не стоитъ уваженія и не пользуется уваженіемъ, и доходъ отъ нея — пища ничтожная*, и бѣжите прочь какъ отъ этой ничтожной пищи, такъ и отъ трапезы Господней. Но не все-же бѣгутъ, нѣкоторые единицы и не бѣгутъ. Вотъ одинъ, принося себя въ жертву служенію въ церкви, по книгѣ едва-едва разбираетъ классическій текстъ псалтири: *Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть. Сею ради возвеселися сердце мое* и пр., текстъ, которымъ апостолъ Петръ доказывалъ и обыкновенно въ догматикахъ доказываютъ воскресеніе Христово. Вотъ другой сознается, что пѣтъ по церковному онъ совсѣмъ не умѣетъ и не учился. А какъ-же станеть взывать онъ до гробовой доски: *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя?*... Да не возглаголютъ уста моя о новыхъ *псаломщикахъ*: именно псалмы-то Давида, даже самые употребительные въ церкви, повально едва-едва разбираются въ церкви. Двадцатый послѣ девятнадцати челоуѣкъ не скажетъ, что значить: *къ коринѣяномъ посланія святаго апостола Павла чтеніе*... А еще такъ недавно спрашивалось отъ причетниковъ твердое знаніе катихизиса! А еще такъ недавно благочестивые церковные чтецы знали весь псалтирь наизусть! А теперь затрудняются прочитать псаломъ: *Благодарю Господа на всякое время по книгѣ*. Идемъ-ли мы все впередъ къ идеалу всесовершеннаго Архіерея по чину Мельхиседекову, или назадъ отъ него?

Итакъ молитесь Богу, чтобъ помиловалъ насъ. А когда такое исходитъ изъ рукъ нашихъ, то можетъ-ли Онъ милостиво принимать насъ? — говорилъ Господь Саваоѣ чрезъ святаго пророка своего Малахію (гл. 1, 9). Аминь.

1879 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день введенія во храмъ пресвятыя Дѣвы Богородицы.

КАТИХИЗИЧЕСКОЕ О ЛИЦѢ ПРЕСВЯТЫЯ ДѢВЫ.

Приидите вси вѣрніи, едину непорочную восхвалимъ, отъ пророковъ проповѣданную и въ храмъ приведенную, прежде вѣкъ пронаренченную Матерь, и въ послѣдняя лѣта являющуюся Богородицу. Стих. на Литіи.

Въ постасная премудрость, вѣчный Сынъ Бога Отца и во времени родившійся отъ Дѣвы, Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, въ честь пречистой Матери своей въ дому своемъ учредилъ сегодня пиршество, и послалъ свою церковь созывать на это пиршество. Слышали вы, чада церкви, какъ она зоветъ насъ? Вотъ ея голосъ: *приидите вси вѣрніи, едину непорочную восхвалимъ, отъ пророковъ проповѣданную.* Приидите восхвалимъ ту великую жену, Сѣмя коей сотретъ главу змія эдемскаго; ту дивную лѣствицу Іакова, которая соединитъ землю съ небесами; ту чудную Моисееву купину, которая будетъ объята огнемъ Божества и неопалится; ту таинственную скинію, въ коей почіетъ полнота славы Вседержителя; ту чистую Дѣву Исаи, которая родитъ Еммануила; тотъ полный Господней славы храмъ Іезекиилевъ, чрезъ двери коего пройдетъ одинъ только Господь, и оставитъ его опять затвореннымъ; ту несѣкомую гору Данила, которая отдѣлитъ отъ себя камень на возстаніе и на паденіе многихъ, камень избранный, честный, многоцѣнный, — камень, который истинитъ царство злобы и лукавства для основанія новаго царства любви и правды. Приидите, возвеличимъ отъ вѣка пронаренченную Матерь и въ послѣдняя лѣта являющуюся Богородицу. Нынѣ сія царственная дочь Давидова, преукрашенная божественною славою, приводится въ храмъ Господень, для увѣщанія небесному Царю царей. Приидите, любители духовныхъ празднествъ, насладитесь торжествомъ духовнымъ въ честь пречистой

Богоотроковицы. Въмѣсто яствъ вамъ предложены молитвы, крѣпящія душу, въмѣсто плода познаго — пѣсни, веселящія сердце. Приидите!

И мы въ храмъ Божіемъ, въ дому духовнаго пиршества. Мы приносили свои молитвы и пресвятой Богородицѣ и въ Ея честь Сыну Ея; мы пѣли свои хвалебныя пѣсни и въ честь пренепорочной Дѣвы и во славу Господа, отъ Нея родившагося. Теперь остается намъ заключить духовное торжество наше душеполезною бесѣдой. Въдѣ и на пиру человѣческомъ упоенные веселіемъ пирующіе всѣ передаютъ другъ другу свои мысли и чувства въ живыхъ разговорахъ: безъ этого и пиръ не пиръ и праздникъ не праздникъ. Такъ и наше духовное пиршество было-бы не полно, еслибъ не было заключено братски-назидательнымъ собесѣдованіемъ.

Наше чувство, если мы способны чувствовать святое веселіе праздника, должно тотчасъ указать намъ предметъ нашей бесѣды: виновницу настоящаго торжества, отъ всѣхъ родовъ избранную, прежде всѣхъ пронареченную, пренепорочную Богоматерь и Приснодѣву, честнѣйшую херувимовъ и серафимовъ, благоутробную заступницу всѣхъ немощныхъ, преблагословенную Марію. Ея несказанному величію пусть будетъ посвящено наше собесѣдованіе.

Преблагословенная Марія, братіе, есть воистину отъ всѣхъ родовъ избранная, прежде всѣхъ пронареченная Матерь. Еще въ раю, еще въ предвѣчномъ совѣтѣ своемъ, самъ Богъ предъизбралъ Ее въ Матерь единокровному своему Сыну, а въ раю далъ о Ней первое обѣтованіе падшему человѣку: Сѣмя жены сотретъ главу змія. Но къ произведенію богоизбранной жены родъ человѣческій нужно было приготовить. Для этого Господь Богъ изъ сыновъ Адама избралъ лучшаго Сива, изъ сыновъ Сива — Еноса, изъ родовъ отъ Еноса богоугоднаго Еноха, изъ потомковъ Еноха — праведнаго Ноя, изъ семейства Ноева родъ лучшаго изъ трехъ сыновей Сима, и на послѣдокъ изъ безчисленнаго потомства Симова родъ отца всѣхъ вѣрующихъ Авраама и изъ сыновъ Авраама избралъ обѣтованнаго Исаака, изъ сыновъ Исаака кроткаго Иакова, изъ сыновъ Иакова славнѣйшаго изъ дванадцати патриарховъ родоначальниковъ дванадцати колѣнъ израилевыхъ — Іуду. Наконецъ изъ многочисленнаго племени Іуды Господь благоволилъ избрать Давида, боголюбивѣйшаго патриарха, богопомазаннаго царя, и боговдохновеннаго пѣвца израилева и пророка. Проникнутый Духомъ Божіимъ боговѣнчанный пророкъ съ восторгомъ провидѣлъ дивную Дщерь свою:

какъ она одѣяна и преукрашена божественною славою, какъ Она обручается небесному Царю, какъ вслѣдъ этой Царицы небесной приводится Царю свѣтлый и несчетный ликъ дѣвъ, т. е. человѣческихъ душъ. И другіе патриархи и другіе пророки въ тѣняхъ и гаданіяхъ провидѣли грядущую Матерь Бога Слова. Иаковъ видѣлъ Ее подъ образомъ лѣствицы, Моисей подъ образомъ неопалимой купины, моря, пройденнаго Израилемъ по суху, скинии, кивота завѣтнаго, стамны съ манною, жезла Ааронова прозябшаго, камня источившаго воду; Гедеонъ подъ образомъ дивнаго руна; Исаія видѣлъ Дѣву, раждающую Еммануила, жезлъ отъ корене Іессеова, произрастившій чудный цвѣтъ; Іезекіиль храмъ, исполненный славы Господней; Даніиль видѣлъ несѣкомую гору; святыя три отрока видѣли печь разженную и неопалющую. Наконецъ изъ благосѣннолиственнаго древа патриарховъ, пророковъ, царей, изъ благочестивѣйшаго изъ родовъ Давидовыхъ, произошли праведные Іоакимъ и Анна. Уже достигли они старости, а чадъ еще не имѣли. Несчастные супруги изливали свое горе въ молитвахъ предъ Богомъ. Горестная Анна, по примѣру древней Анны пророчицы, матери Самуиловой, произнесла обѣтъ Господу Богу, — если Господь пошлетъ ей чадо — принести этотъ вождедѣнный даръ Божій въ жертву милосердому Богу. И вотъ на старости лѣтъ всеблагій Господь послалъ имъ и всему человѣчеству утѣшеніе велие: имъ благословенную Дщерь, намъ всѣмъ милосердную Матерь, Богоотроковицу Марію, благоплоднаго дерева прекрасную лозу, отъ которой современемъ имѣлъ произникнуть цвѣтъ нетлѣнный. Пусть же теперь кто-нибудь изъ сильныхъ земли похвалится предъ отроковицею Маріамъ и большею древностію, и большимъ благородствомъ, и большими доблестями и святостію предковъ. Итакъ Богоотроковица Марія есть воистину отъ всѣхъ родовъ избранная и отъ начала вѣковъ пронареченная жена.

Она есть отроковица всѣхъ святыхъ святѣйшая. Добродѣтели предковъ воскресають въ потомкахъ. Но кто имѣлъ лучшихъ предковъ, какъ не преблагословенная Марія? Рядъ прародителей Ея есть непрерывная цѣпь величайшихъ и святѣйшихъ угольниковъ Божіихъ. Вспомнимъ только обѣ Енохъ, Ной, Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ; вспомнимъ о Давидѣ. Енохъ восхищенъ на небо; Ной — родоначальникъ новаго послѣпотопнаго человечества; Авраамъ — отецъ вѣрующихъ, другъ Божій; Исаакъ — сынъ обѣтованія; Иаковъ — богоборецъ; Давидъ — мужъ по сердцу Божію. Это столпы святости, сѣмя свято, опора вселенной, прообразы всесвя-

таго Богочеловѣка, Божіи избранники и друзья. Вспомнимъ и о родителяхъ пресвятой Маріи. Жизнь ихъ отличалась такою правотою, что церковь, какъ-бы въ отличіе отъ всѣхъ другихъ праведниковъ, усвоила имъ титулъ Богоотецъ праведныхъ. Происходя отъ святѣйшихъ предковъ, имѣя праведнѣйшихъ родителей, рожденная по молитвѣ и Божію благословенію, преблагословенная Отроковица, для посвященія Господу, еще во младенчествѣ приводится во святая святыхъ въ храмъ Господень. Тутъ пребываетъ Она безъисходно до лѣтъ юности. Тутъ живетъ и бесѣдуетъ Она только съ праведными служительницами храма Господня, да съ священниками Бога Вышняго, да съ ангелами, да въ молитвѣ съ самимъ Господомъ Богомъ. Ея пищею здѣсь были слово Божіе, богомысліе и молитва. Сѣмена зла возникаютъ въ сердцѣ человѣческомъ или чрезъ сообщеніе съ обольстительнымъ міромъ, или чрезъ возстаніе страстной плоти противъ духа, или чрезъ вліяніе злаго духа на душу. Но могъ-ли міръ обольстить ту непорочную Отроковицу, для которой весь онъ ограничивался стѣнами и жителями храма Господня? Могла-ли воздвигать страстныя бури та чистѣйшая плоть, которая пребывала въ молитвенномъ бдѣніи и постѣ, которая питалась не грубыми яствами земными, но хлѣбомъ небеснымъ? Могла-ли быть доступна діаволу та серафимская душа, которая выросла и окрѣпла въ чтеніи слова Божія, въ бесѣдахъ съ жителями неба, въ собесѣдованіи съ самимъ Богомъ? Воистину ни одно грѣховное дѣло, ни одно грѣховное желаніе, ни одинъ даже грѣховный помыслъ не запятнали пречистой, пресвятой, пренепорочной Маріи! Нѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ, аще и одинъ день житіе его на земли. Дивное исключеніе изъ этого бѣдственнаго закона видимъ въ одной только пресвятой Маріи, да въ Сынѣ Ея, безгрѣшномъ всесвятомъ Богочеловѣкѣ. Своею непреложною вѣрою въ Бога, твердѣйшимъ упованіемъ на Бога, крѣпкою какъ смерть любовію къ Богу, совершеннѣйшею преданностію волѣ Божіей, своимъ чистѣйшимъ дѣвствомъ, наконецъ своимъ глубочайшимъ смиреніемъ, Она взшла на такую высоту добродѣтели и святости, которая недостижима для самыхъ святѣйшихъ изъ людей, которая неудобозрима даже и для ангельскихъ очей. Только такая Отроковица могла принять во чрево свое Бога всесвятаго, только такая Отроковица могла содѣлаться Богородицею.

И пресвятая Марія есть воистину Богородица. Живя въ храмѣ

Господнемъ, Она достигла лѣтъ юности. Законъ Моисеевъ повелѣвалъ каждой израильтянкѣ вступать въ бракъ. Но обѣтъ дѣвства, произнесенный пренепорочною Маріею, не позволялъ Ей подчиниться этому закону. Первосвященники нашли средство помирить обѣтъ съ закономъ: они обручили пресвятую Богоотроковицу праведному старцу Іосифу, не бракомъ сочетали, но только обручили. Итакъ Марія—подъ кровомъ Іосифа. Тутъ однажды, должно быть, въ тѣ священныя минуты, когда Она, предавшись пламенной молитвѣ, богомыслію и чтенію слова Божія, распалилась чистѣйшею любовію къ источнику любви Богу, является къ Ней благовѣстникомъ съ неба архангелъ Гавріиль и вопіетъ: радуйся благодатная! Господь съ Тобою, благословенна Ты въ женахъ! Се! зачнеши во чревѣ и родиши Сына,—Сына, который наречется именемъ Іисусъ. Сей будетъ велій, и наречется Сыномъ Вышняго, Сыномъ Божіимъ и царствію Его не будетъ конца. Пораженная чудною вѣстію, проникнутая благоговѣйною мыслию о Божіемъ всемогуществѣ и человѣколюбіи, объята чувствомъ глубочайшаго смиренія и пламеннѣйшей любви къ Богу, Она воскликнула къ благовѣстнику: се! раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему! И въ эту-то самую минуту, при наитіи Св. Духа и осѣненіи силою Вышняго, вѣчное Слово и премудрость, второе лице живоначальной Троицы, вѣчный и единородный Сынъ Бога Отца, Богъ истинный отъ Бога истиннаго рожденный, единосущный Отцу и Святому Духу, Творецъ всего видимаго и невидимаго,—насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія шель съ небесъ и вселился во утробу Дѣвы Маріи, не оставляя лона Отца, пребывая всюду какъ Богъ вездѣсущій, всѣмъ необъятнымъ существомъ своимъ вселился въ пространнѣйшее небесъ чрево пречистой Дѣвы, изъ чистѣйшихъ Ея кровей образовалъ себѣ плоть, и по исполненіи дней чревоношенія благоволилъ родиться отъ Нея совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ. Кого же родила пречистая Марія? Зачала во чревѣ Богочеловѣка, носила во чревѣ Богочеловѣка и родила Богочеловѣка. Отъ кровей Дѣвы родился истымъ Богочеловѣкомъ тотъ, кто въ безначальныхъ предѣлахъ вѣчности родился отъ Бога Отца, — родился самъ Богъ. Воистину преблагословенная Дѣва сія есть Богородица. Новое чудо и боголѣпное! вослицаетъ пораженная чудомъ церковь, дѣвическую дверь затворенную явѣ проходитъ Господь, нагъ во входѣ, и плотоносецъ явился во исходѣ Богъ, и пребываетъ дверь затворенна: сію неизреченно, яко Богоматерь, величаемъ. Величаемъ Ее,

какъ Богоматерь, родившую намъ Бога, избавителя душъ нашихъ, прославляемъ Ее и какъ Приснодѣву, дѣвство и рождество сочетававшую.

Она родила Отроча и пребыла Дѣвою. Какъ Отроча рожди, спрашивала изумленная Дѣва благовѣстника—архангела, идѣже мужа не знаю? Духъ Святыи найдетъ на Тя, отвѣтствовалъ Ей архангелъ, и сила Вышняго осѣнитъ Тя: не изнеможетъ бо у Бога всякъ глаголь. Пренепорочная Марія браку была непричастна. Духъ животворящій осѣнилъ Ее, всемогущею своею силою оживотворилъ Ея утробу и содѣлалъ способною зачать и родить Отроча. Матерью Она позналась паче естества; родивъ безсѣменно Сына, пребыла Дѣвою паче слова и разума, и чудесе рождества Ея сказати языкъ не можетъ. Да, ни разумъ понять, ни языкъ высказать не можетъ, какъ это Дѣва раждаетъ и Дѣвою пребываетъ. Но церковь рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: рождѣйся измѣняетъ законы естества. Богъ бо идѣже хочетъ, побѣждается естества чинъ: творить бо елика хочетъ. Естества чинъ устроенъ Богомъ. Сей Богъ нашъ и Творецъ всѣхъ законовъ, благоволивъ принять нашу плоть и родиться истиннымъ Богочеловѣкомъ, благоволилъ измѣнить законы рожденія: безгрѣшный родился отъ Дѣвы безгрѣшной безсѣменно; раждаясь избавилъ Ея болѣзней чадородія, наказанія за грѣхи, и не рушилъ печати ея дѣвства, и родившись соблюлъ пречистую Матерь свою приснодѣвою. Итакъ, родивъ спасеніе рода нашего, пресвятая Богородица пребыла Дѣвою до рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ: пребываетъ Дѣвою нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что по рожденіи предвѣчнаго Младенца, вся любовь Матери совокупилась въ Сынѣ. Душу Ея прошло смертоносное, болѣе самой смерти тяжкое и убійственное орудіе, когда злодѣи пригвоздили ко кресту сладчайшее Чадо Ея, Солнце незаходимаго свѣта. Но униженный, поруганный, убитый Сынъ Маріи воскресъ и со славою вознесся на небеса. Малое стадо Христово растетъ, царство Христово ширится. Тутъ въ юной церкви Христовой мы видимъ вѣрныхъ Петровъ, избранныхъ Павловъ, возлюбленныхъ Іоанновъ, праведныхъ Іакововъ, мужественныхъ Стефановъ, гдѣ же первый членъ церкви Иисусовой, святѣйшая Матерь Иисусова? Ея почти не видно, хотя она тутъ между апостолами. Она всегда тутъ пребывала, и однакожъ Ея незамѣтно; или, если священные писатели и упоминаютъ о Ней, то какъ бы мимоходомъ, на послѣднемъ мѣстѣ; глубочайшее, безмѣрное смиреніе Матери Иисусовой! Это-то смиреніе, пламеннѣйшая любовь къ Богу Сыну, сокрытая въ

таинственной глубинѣ непорочнаго сердца,—вотъ путь Ея къ небесной славѣ. Наконецъ приблизился для Нея вождѣлннѣйшій часъ преставленія отъ живота временнаго къ животу вѣчному. Радостный благовѣстникъ зачатія Бога принесъ Богородицѣ не менѣе радостную вѣсть и успѣнія. Ликъ апостольскій, силою Духа Божія съ концевъ міра восхищенный, съ благоговѣйнымъ трепетомъ и тихою грустью, окружаетъ одръ Богоматери. Совершилось разлученіе пренепорочной души съ пречистою плотію. Самъ Господь въ свои объятія пріемлетъ душу Приснодѣвы. Силы небесныхъ и лики праведниковъ срѣтаютъ всѣхъ святыхъ святѣйшую Матерь Бога. А на землѣ святые апостолы, со слезами многими и молитвою прилежною, погребаютъ пречистое тѣло. Но чрезъ нѣсколько времени и тѣло Богородицы восхищено на небеса. Благое невѣріе и святая любовь къ почившей святаго апостола Ѳомы, не бывшаго при погребеніи, послужило поводомъ къ открытію этой великой тайны.

Тамъ на небеси пресвятая Богородица всѣмъ существомъ своимъ предстала престолу живоначальной Троицы. Тамъ, на небеси, смиренная здѣсь на землѣ, Она послѣ Бога безмѣрно превзошла своею славою все великое и славное. Тамъ явилась Она безъ сравненія честнѣйшею херувимовъ, славнѣйшею серафимовъ, свѣтлѣйшею всѣхъ праведниковъ, отъ вѣка Богу благоугодившихъ, почившихъ, живущихъ и будущихъ. Какъ любезнѣйшая дочь Бога Отца, какъ чистѣйшая невѣста Бога Духа, какъ пренепорочная Матерь Бога Сына, Она стоитъ у самаго престола Господня. Она не только тварь Богу любезнѣйшая, но и Матерь Его дражайшая, и Творецъ всяческихъ есть Сынъ Ея. Она не только раба Господня честнѣйшая, но и Царица неба и земли, Владычица горнихъ силъ и людей. Она есть полная державная дому Владычица въ домѣ Божіемъ. Она есть переполненная чаша всѣхъ божественныхъ даровъ, есть безмѣрное море благодати, есть воистину единая богатая.

Не видно изъ священныхъ книгъ, чтобы пресвятая Богородица творила чудеса во время земной жизни: всѣ дѣла Ея земной жизни запечатлѣны однимъ господствующимъ свойствомъ Ея пресвятой души—смирениемъ. Но теперь не то. Превознесенная божественною славою превыше всѣхъ тварей, преисполненная божественною благодатію, Она есть обильнѣйшій источникъ всѣхъ даровъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, временныхъ и вѣчныхъ, земныхъ и небесныхъ. Она есть всѣхъ скор-

блжх радость, обидимых заступница, алчущих питательница, странных утѣшеніе, буруемых пристанище, больных посѣщеніе, немощных покровъ, жезлъ старости, вдовъ и сирых заступленіе. Праведно одинъ изъ отцевъ церкви, св. Димитрій ростовскій называетъ Ее выею, которая соединяетъ тѣло церкви съ главою Христомъ, — выею, чрезъ которую изливается живительный источникъ во всѣ члены тѣла. Святая церковь въ своихъ пѣсняхъ, святые отцы въ своихъ твореніяхъ учатъ, что обремененные грѣхами многими не имѣютъ иного избавленія, иной защиты, иного упованія, развѣ Владычицы нашей, Матери Бога вышняго. Тамъ гдѣ безсильны будутъ молитвы Моисея, Самуила, Даниила; гдѣ недействительны предстательства Петра, Павла, чудотворца Николая, тамъ помогутъ молитвы всеблагословной Богоматери. Матери своей, если только Она восхочетъ молить Господа, Господь ни въ чемъ отказать не можетъ. Она есть единая надежда ненадежныхъ, прибежище отчаянныхъ, есть предстательство для насъ нечестное, ходатайство ко Творцу непреложное, моленіе теплое, заступленіе скорое, стѣна нерушимая, мірови прибежище, милости источникъ, есть дверь милосердія Божія. Загляните въ исторію церкви, загляните въ страницы исторіи нашего отечества, обойдите храмы, посвященные Ея имени, перечтите Ея чудотворныя иконы; пройдите Палестину, Грецію, Россію, даже отпадшія отъ православія запады, вездѣ, вездѣ встрѣтите безчисленное множество доказательствъ и безмѣрнаго могущества и безмѣрнаго милосердія Матери Божіей. Оттого-то нѣтъ въ православной церкви богослуженія, нѣтъ молитвы, гдѣ-бы церковь своихъ прошеній не подкрѣпляла именемъ и молитвами пресвятыя Владычицы нашей Богородицы; нѣтъ молитвы, нѣтъ богослуженія, гдѣ-бы церковь наша не благодарила, не превозносила восторженными побѣдными пѣснями возбранную воеводу, нашу усердную заступницу и Матерь благоутробную, Приснодѣву Марію.

Христіанинъ! Когда заботы житейскія осуетятъ тебя, успѣхи ослѣпятъ, разсѣянность, нерадѣніе о благахъ лучшихъ останавятъ твой полетъ къ небу, и ты самовольно будешь запутываться въ сѣтяхъ, разставленныхъ предъ тобою міромъ, твоею собственною плотію и врагомъ твоего спасенія — діаволомъ; когда погрозится ты въ тинѣ порока и гибельной безпечности, вспоминай тогда, вспоминай чаще и прилежнѣе, что есть пресвятая Богородица, источникъ благодатной помощи, подательница покаянія и слезъ спасительныхъ. Когда увидишь житей-

ское море, воздвигаемое противъ тебя бурей напастей и видимыхъ и невидимыхъ, и нигдѣ пристанища, нигдѣ помощи, нигдѣ заступленія, — вспомни опять, что есть пресвятая Богородица, благоутробное пристанище всѣхъ буруемыхъ, и зови къ Ней усердно: всевятая Богородице! во время живота моего, не остави мене; человѣческому предстательству не вѣри мя; но сама заступи и помилуй мя; призри благосердіемъ на мое лютое тѣлесе озлобленіе и изцѣли души моя болѣзнь. Аминь.

1846 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день введенія во храмъ пресвятыя Владычицы нашей Богородицы.

О ВОСПИТАНІИ ПРЕЧИСТОЙ ДѢВЫ.

Отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни. Еф. 6, 4.

Сегодня побесѣдуемъ о рожденіи и воспитаніи пречистыя Дѣвы Маріи. Родителями пресвятыя Дѣвы Богородицы были святые и праведные Іоакимъ и Анна, молитвенному заступленію которыхъ св. церковь поручаетъ насъ ежедневно, въ каждомъ отпустѣ богослуженій, да Христосъ, истинный Богъ нашъ, помилуетъ и спасетъ насъ, яко благодѣль и человеколюбецъ, молитвами пречистыя своей Матере и святыхъ и праведныхъ Богоотцевъ Іоакима и Анны. Пречестное имя Богоотцевъ потому имъ и усвоено, что они родили отъ себя пречистую Матерь Божію, Богоотроковицу Марію, а чрезъ Нее сподобились высочайшей чести: Іоакимъ чести быть дѣдомъ, а Анна — бабкою по плоти Господа нашего Іисуса Христа, превѣчнаго Сына Божія.

По церковному преданію, святой праведный Іоакимъ былъ отъ колѣна Іудова, ведя племя свое отъ Давида царя. Жилъ онъ въ Назаретѣ галилейскомъ, въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ провелъ 30 первыхъ лѣтъ земной жизни, отъ

возвращенія своего изъ бѣгства египетскаго и до славнаго крещенія своего въ рѣкѣ Иорданѣ и до явленія на проповѣдь евангелія. Въ супружествѣ Іоакимъ имѣлъ праведную Анну отъ колѣна Левіина, отъ рода Ааронова, дочь іерея Матеана. Сіи великаго рода супруги, живя по закону, были праведны предъ Богомъ; изобилуя въ богатствѣ вещественномъ, они не скудны были богатствомъ и духовнымъ, украсивъ всякою добродѣтелію, ходя во всѣхъ заповѣдяхъ Господнихъ безпорочно. Святою своею жизнію они столько Богу угодили, что Богъ сподобилъ ихъ быть родителями пренепорочной Дѣвы, предъизбранной въ Матерь Божію. Уже отсюда познавать можно житіе ихъ святое, богоугодное и честное, что имъ дарована Дщерь, всѣхъ святыхъ святѣйшая и паче всѣхъ Богу угоднѣйшая, самыхъ херувимовъ честнѣйшая. Хотя и многіе могли найтись тогда праведно живущіе и Богу угождающіе; но эта чета всѣхъ своими добродѣтелями превосходила и явилась достойнѣйшею предъ Богомъ, чтобъ родить Матерь Божію. Такой даръ не былъ-бы имъ дарованъ, если-бы не восходила правда и святость ихъ выше иныхъ. Какъ самъ Господь имѣлъ воплотиться отъ пречистой и пресвятой Матери, такъ слѣдовало и Матери Господней произойти отъ святыхъ и чистыхъ родителей.

Но Божіе изволеніе содержало сихъ святыхъ супруговъ безчадными долгое время, чтобы въ зачатіи и рожденіи таковой дочери явились и сила благодати Божіей, и честь рожденной, и достоинство родителей. Этому достоинству достигли они не прежде, какъ многими постомъ и молитвами, въ горести души своей и въ скорби сердца, умолили Бога. Скорбная, многовременная, прилежная молитва ихъ о дарованіи имъ чада, по предопредѣленію Божію, была наконецъ услышана и септемврія осмаго дня св. Анна родила Дщерь, пречистую и преблагословенную Дѣву Марію, спасенія нашего начало и ходатайцу, о рожденіи которой возрадовались небо и земля. И принесъ Іоакимъ дары Богу великіе, сотворилъ и въ дому своемъ учрежденіе велие и всѣ веселились, хваля Бога. Растущую-же Дѣву Марію соблюдали родители, яко зѣницу ока, вѣдая по Божію откровенію, что Она имѣетъ быть свѣтъ всему міру и естества человѣческаго обновленіе.

Событіе рождества пресвятыя Дѣвы Маріи какъ совершилось, такъ искони и празднуется церковію ежегодно 8-го сентября.

Когда исполнилось пречистой Богоотроковицѣ три лѣта отъ рождества ея, святые праведные родители ея, Іоакимъ и Анна, помянувши

обѣщаніе свое, которое дали, молясь о разрѣшеніи неплодства своего, принести рожденное отъ нихъ въ даръ Богу, и восхотѣли исполнить то дѣломъ, что прежде изрекли словомъ. Созвавъ въ Назаретъ, гдѣ жили, всѣхъ своихъ сродниковъ, происходившихъ отъ царскаго и архіерейскаго племени, еще-же и ликъ чистыхъ дѣвицъ, и украсивъ пречистую Дѣву Марію благолѣпіемъ царскимъ, Іоакимъ и Анна отправились въ Іерусалимъ. Достигши града Іерусалима, пошли чинно ко храму, вводя во храмъ одушевленную Божію церковь—трилѣтствующую Отроковицу. Дѣвическій ликъ, съ возженными свѣчами, предшествовалъ Ей; святые родители, кротко и честно, между собою за обѣ руки вели Ея; все-же множество сродниковъ и сосѣдовъ и знаемыхъ съ веселіемъ послѣдовали, держа въ рукахъ свѣчи и окружая пречистую Дѣву, какъ звѣзды луну свѣтлую, а первосвященникъ Захарія принялъ Ея на ступеняхъ храма. Такъ пречистая Дѣва Марія введена была въ церковь Господню; такъ совершилось торжественное посвященіе Ея Господу, которое и празднуется церковію 21-го сего ноября ежегодно.

Преблагословенная Дѣва Марія, въ началѣ житія своего въ дому Господни, отдана была въ обитель дѣвицъ. Церковь іерусалимская, царемъ Соломономъ созданная, вождемъ-же Зоровавелемъ по плѣненіи вавилонскомъ обновленная, имѣла многія обители для жительства. Извнѣ при стѣнѣ церковной были кругомъ храмины каменные, числомъ тридцать, отдѣленные одна отъ другой, пространныя и красивыя; на нихъ были храмины другія, а на другихъ третія (въ видѣ этажей, или амфитеатра, охватывавшаго со всѣхъ сторонъ всю гору Сіонъ),—такъ что всѣхъ этихъ храминъ было числомъ девяносто, со всякимъ къ жительству угодіемъ. Высота-же ихъ равнялась со стѣною храма, стоявшаго на высокой горѣ сіонской, такъ что онѣ были какъ-бы столпы, стѣну церковную извнѣ подпирающіе. Въ тѣхъ храминахъ были обители лицамъ различнымъ: особо жили дѣвы, до времени на службы Богу данныя; особо жили вдовицы, чистоту свою до кончины своей хранить Богу обѣщавшія, какова была Анна пророчица, дщерь Фануилева; особо пребывали мужи, называемые назореями, по образу иноковъ безсупружно жительствовавшіе. Всѣ-же они служили Господу въ церкви и имѣли пропитаніе свое отъ имѣній церковныхъ. Были тамъ и другія храмины, во упокоеніе странникамъ и пришельцамъ, издалека на поклоненіе приходящимъ. Итакъ въ дѣвическую обитель отдана была трилѣтствующая Отроковица Марія, при чемъ къ Ней приставлены были

дѣвицы лѣтами старша, въ писаніи-же и рукодѣліи искусныя, чтобы во младенцествѣ своемъ Богоотроковица Марія навывкла и писанію и рукодѣлію. Посѣщали Ее св. родители Ея Іоакимъ и Анна; и особенно Анна, какъ мать, часто приходила видѣть Дщерь свою и поучать Ее. И научилась Дѣвица вскорѣ еврейскому писанію совершенно, и рукодѣлію навывкла добрѣ; вообще была Дѣва остроумна и любила ученіе; не только въ писаніи святомъ поучалась, но упражнялась и въ пряденіи волны и льна и швеніи; исполняла-же наипаче тѣ работы, которыя могли быть потребны священникамъ къ служенію церковному и привыкла къ рукодѣлію, которымъ послѣ, при Сынѣ своемъ, могла питаться честно. Она-же сама, своими пречестными руками, и хитонъ нешвенъ, но свыше истканъ, Господу Іисусу содѣлала.

Подаваема была пречистой Дѣвѣ, какъ и прочимъ дѣвицамъ, отъ храма обычная пища, но ту съѣдали нищіе и странники. Сама-же она питалась больше хлѣбомъ небеснымъ ангельскимъ, упражняясь въ богомыслии и молитвѣ. Когда пришла Она въ большій возрастъ, и научилась писанію и рукодѣлію, — то больше упражнялась въ молитвѣ, нежели въ рукодѣліи; цѣлыя ночи и большую часть дня проводить въ молитвѣ было Ей обычно. Итакъ постоянно возрастала Она болѣе и болѣе въ любовь Божію. Таково было житіе Ея въ дѣтствѣ и отрочествѣ: день ото дня росла Она и крѣпла духомъ; вмѣстѣ съ этимъ возрастало и подвижничество Ея; съ трудолюбіемъ умножалась и молитва; отъ силы въ силу шла Богоотроковица, пока сила Вышняго осѣнила къ Божественному зачатію браконейскусную, и содѣлала Ее Матерію Бога Слова, Царицею неба и земли, заступницею рода христіанскаго.

Такъ росла и воспитывалась въ наказаніи и ученіи Господнемъ преблагословенная Дѣва Марія, явивъ въ себѣ первообразъ воспитанія истинно-христіанскаго, первообразъ богоугоднаго развитія христіанскаго юношества, первообразъ историческаго возрастанія христіанскаго народа русскаго.

Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, русскій народъ, въ видѣ русскаго царства, родился вдоль по Днѣпру отъ Кіева къ сѣверу, и по Волхову до стараго Новгорода. Святая блаженная княгиня Ольга и внукъ ея, св. равноапостольный князь Владиміръ, ввели русскій народъ во храмъ Господень, во св. Христову церковь. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, русскій народъ росъ и мужалъ, воспитываясь подъ руководствомъ пастырей и учителей церковныхъ, почти

исключительно, въ наказаніи и ученіи Господни. Говоримъ, почти исключительно, потому что свѣтскаго обученія на Руси не было почти никакого, до императора Петра великаго. И закону Божію въ тѣ поры народъ поучался не въ школахъ, а только въ церкви, да затѣмъ въ домахъ. Въ самой церкви ученіе совершалось не проповѣдями или катихизическими бесѣдами, но строемъ богослуженія, чтеніемъ слова Божія, свято-отеческихъ писаній и житій святыхъ. При такомъ способѣ ученія, спрашивалось тогда не столько то, много-ль кто выразумѣлъ изъ неисчерпаемой глубины церковно-христіанской мудрости, сколько то, чтобы каждый, въ дѣтской простотѣ сердца, вѣровалъ евангельской проповѣди и располагалъ, по вѣрѣ церкви, весь распорядокъ своей жизни. Вліяніе такого ученія было огромно, было и глубоко и всесторонне. Церковь имѣла самое неотразимое вліяніе на весь укладъ народной русской жизни. Посмотрите еще и теперь, много-ль изъ народа знакомы и давно-ли познакомились и въ какой мѣрѣ, на прим., съ часами? А какъ распредѣлялся русскій день? По церковному звону къ утрени, обѣднѣ, вечернѣ и всенощной, параллельно съ пѣніемъ пѣтуховъ, восходомъ солнца, полуднемъ и солнечнымъ закатомъ. Какъ распредѣляется русскій годъ? Не столько по временамъ года, веснѣ, лѣту, осени и зимѣ, или по мѣсяцамъ, которые и до сихъ поръ народъ нашъ знаетъ весьма не твердо, сколько по великимъ церковнымъ праздникамъ, по днямъ нарочитыхъ святыхъ и постамъ. Какъ опредѣлялся и опредѣляется домашній обиходъ, строй единоличной, семейной и народной жизни? Не говоримъ о томъ, что всѣ важнѣйшія событія жизни каждого человѣка запечатлѣны характеромъ и обозваны именами церковными, напр., крестины, браковѣнчаніе, похороны, но и всѣ подробности семейной домашней жизни носятъ на себѣ ту же церковную печать: напр., заговѣнье и разговѣнье, постъ и мясо-ястіе, будничные и праздничные дни, тѣ и другіе съ особымъ времяпрепровожденіемъ, — закладъ дома и переселеніе въ домъ ново-построенный, освященіе воды въ рѣкахъ и кладязяхъ, кропленіе св. водою скота и полей, освященіе древесныхъ вѣтвей, цвѣтовъ, плодовъ, пасхальныхъ яицъ и прочихъ яствъ, благословеніе предъ вкушеніемъ пищи и молитва послѣ стола, молитвы утреннія и на сонъ грядущимъ, посѣщеніе домовъ священно-служителями съ святымъ крестомъ и святою водою, предсмертное напутствіе и отходная молитва, украшеніе домовъ св. иконами и крестное знаменіе съ поклонами предъ ними при

входѣ въ домъ и выходѣ изъ него, русское: прощайте и съ Богомъ и т. д. и т. д., всего не перечтешь. Скажите, подумайте, могъ-ли тогда русскій человѣкъ считаться русскимъ человѣкомъ, не соблюдая церковныхъ уставовъ, нарушая св. посты, не уважая церковныхъ праздниковъ, не посѣщая церковныхъ службъ, стоя въ храмѣ Божіемъ безчинно, крестясь небрежно, одѣваясь соблазнительно? Въ городахъ, гдѣ церкви были вблизи, гдѣ церквей было много (оттого ихъ и настроено, въ старыхъ русскихъ городахъ, такъ много), русскіе люди, начиная съ высшихъ благороднѣйшихъ чиновъ и родовъ, ходили ко всѣмъ службамъ Божіимъ ежедневно. Отсюда произошли и раннія обѣдни, которыя служились особенно для рабочаго и вообще для дѣловаго люда. Въ праздники-же храмы Божіи ломились отъ множества стекавшихся. Краткости службъ Божіихъ тогда не знали; противоставная неблаговременность богослуженій была невозможна. Всенощныя были тогда всенощныя; полунощницы правились около полночи; утрени были утрени, начинаясь даже въ полночь, не то въ часъ, два, три и не позже четырехъ часовъ утра. Помимо всего этого русское христолубіе влекло массы народа въ монастыри, гдѣ богослужебный чинъ искони соблюдался нарочито уставно и исполнялся нарочито чинно и благолѣпно. Куда русскій людъ устремлялся во дни особыхъ радостей, напр., побѣдъ надъ врагами, избытія отъ супостатовъ, отъ глада, мора и другихъ невзгодъ? Во храмъ Божій прежде всего. Куда, не оглядываясь по сторонамъ, несли русскіе люди свои понурія головы во время всенародныхъ бѣдъ, — нашествія иноплемennыхъ, губительныхъ язвъ, угрожающихъ голодомъ ненастья или засухи и другихъ золъ? Въ храмы Господни, возносить ко Господу стоны угнетеннаго духа, вопли истерзанныхъ сердецъ. Что дѣлали русскіе люди въ смертныхъ бояхъ, предъ лицомъ напрасной смерти, предъ лицомъ всякой грозной опасности? Ограждали себя крестнымъ знаменіемъ, вѣшали кресты на шею, клали на грудь св. икону или другую святыню, и, вздыхая къ Богу правды и милосердія, избывали отъ напасти, или умирали, глядя на небо, чая креста на своей могилѣ, надѣясь на заупокойную молитву церкви, на поминовение родными и близкими...

Но понимали-ль тогдашніе русскіе люди что-либо въ своей вѣрѣ, при своемъ огульномъ невѣжествѣ? Понимали, понимали. Разумѣли ее не столько умомъ, сколько вообще духомъ. Молились, — по различію, какое дѣлаетъ св. апостолъ, — не столько умомъ, сколько духомъ, по

примѣру благоразумнаго разбойника на крестѣ: *во царствіи твоемъ помяни насъ, Господи, егда приидеши во царствіи твоемъ*. Разбойникъ на крестѣ, конечно, не сознавалъ ясно, какъ сорвалась съ его устъ, какъ исторглась изъ глубины его измученной души эта глубоко-смысленная молитва покаянія и сокрушенія о грѣхахъ, вѣры и надежды на прощеніе и спасеніе. Какое русское сердце не дрожало отъ радости, — дрожало, не вполне понимая, — когда пѣлось: *Христосъ раждается, — славите...* Два дня пресущественнаго раждаетъ.. Спасе люди чудодѣйствующаго Владыка... Таинство странное вижу и преславное: небо — вертепъ... Любимы убо намъ, яко безбѣдное страхомъ, удобнѣе молчаніе... Или: *Воскресенія день! Просвѣтимся, людіе, пасха, Господня пасха!*... Предварившія утро яже о Маріи и обрѣтшія камень отваленъ отъ гроба слышаху отъ ангела... и проч.? Какая русская душа не пролиwała слезъ, слыша въ велико-страстные дни: *Егда славни ученицы на умовеніи вечери просвѣщавшася...* Или: *Благообразный Іосифъ съ древа снемъ пречистое тѣло твое...* Или: *Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробъ?*... Да, горѣли сердца отъ восторга, лили слезы умиленія, — скажемъ смѣло, скажемъ по личному опыту, — не понимая богословски, экзегетически, исторически и т. д... И спросите ихъ въ минуты этого священнаго восторга, этого боголюбезнаго умиленія: понимаете-ли вы то, надъ чѣмъ радуетесь или плачете? и вы уроните ихъ съ неба въ земную грязь... Кто, напр., изъ народа знаетъ преданіе, почему въ св. пасху даются красныя яйца? Но непонимающіе-то и радуются имъ, какъ символу красной пасхи Господней, символу Христова воскресенія и вѣчной жизни... Спаситель сказалъ: *иже аще не прииметъ царствія Божія, яко отроча, не иматъ внити въ не...* Во время оно радовался духомъ Іисусъ и взывалъ къ Отцу своему небесному: *исповѣдаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ. Сердцемъ вѣруетъ въ правду. Любовь созидаетъ; разумъ-же кичитъ и разрушаетъ, анализируя разрушаетъ.*

Для русскаго человѣка того времени церковь была драгоценнѣйшее его сокровище; церковь единственное училище; церковь — лучшее, единственно хорошее зданіе въ селеніи. Тутъ для него сокровищница пластики, архитектуры, музыки, къ воспріятію, къ созданію которыхъ онъ только способенъ, утѣха его очей, услада его слуха, восторгъ его

сердца. Отсюда русское усердіе къ благолѣпію храмовъ Божіихъ. Самый звонъ колокольный заставляеть необычно биться русское сердце, и блестящій крестъ на высокой колокольнѣ, виднѣющійся издали, сколько русскихъ людей повергалъ на землю—лобызать въ благоговѣніи, въ умиленіи, въ восторгѣ, прахъ, священный для ихъ вѣры,—помогая имъ чувствовать приближеніе пристанища на землѣ и упокоенія на небѣ?! Въ церкви, въ ея пѣсняхъ, въ ея духѣ, во всей системѣ Христовой вѣры, цѣльно постигаемой не только въ ея необъятной полнотѣ, но и въ каждомъ духоносномъ отрывкѣ,—подобно тому какъ солнце отражается всецѣло въ чистой каплѣ воды,—въ христіанскихъ сказаніяхъ, молитвахъ, преданіяхъ, былинахъ, цария завѣтнѣйшая поэзія русскаго духа, поэзія, одѣвавшая умирительно радостнымъ согрѣвающимъ свѣтомъ и хладъ могилы и тлѣнь смерти, превращавшая въ гармонию ангельскихъ голосовъ и вой бури надъ засыпаннымъ мятелью кладбищемъ, съ его полуразрушенными, вросшими въ землю надмогильными крестами... И отрадно прислушивался стародавній русскій человѣкъ къ этой поэзіи отъ колыбели до могилы. И взлелеянный этою поэзіею дитя—народъ русскій выросъ въ исполина отъ Балтики и до Сахалина, отъ Ледовитаго океана и до подгорья Гималая.

То-ли теперь мы видимъ въ русской жизни? То-ли въ воспитаніи юношества? То-ли въ ученіи дѣтей? Въ селахъ видимъ еще похужее, въ городахъ далеко иное. Каждое дитя въ стародавнее время училось только въ церкви и у церкви, но за то съ первыхъ дней рожденія, но за то неопустительно. А теперь мы мнимъ удовлетворить врожденному религіозному чувству дѣтей, болѣе или менѣе, стѣсненными уроками по закону Божію, и нѣсколькими въ году посѣщеніями храма Божія, да и то—посѣщеніями только литургій,—когда при томъ весь старо-русскій укладъ русской жизни, въ такъ называемомъ цивилизованномъ кругѣ, перерождается и вырождается; когда это перерожденіе и вырожденіе идетъ повѣтріемъ изъ центровъ жизни къ периферіи, изъ городовъ въ села?! И основы общества подчасъ вздрагиваютъ! И мы изумляясь ищемъ этому причины! А такъ всегда и всюду бывало въ эпохи вырожденія зиждительнаго народнаго духа,—бывало у другихъ народовъ, сказывается и у насъ. И мечтаемъ остановить заразу мѣрами пресѣченія, нисколько не помышляя начать исправленіе жизни,—если только можно ее исправить, т. е. иначе ее

направить,—начать возстановленіе стародавняго народно-русскаго, религіозно-христіанскаго духа въ самихъ себѣ.

Отцы! внимайте слову духоноснаго апостола. *Не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни.*—Аминь.

1875 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день введенія во храмъ пресвятыя Дѣвы Богородицы.

О ПРООБРАЗАХЪ, И ВЪ ЧАСТНОСТИ О СКИНИИ, КАКЪ ПРООБРАЗЪ.

Имѣяше первая скинія оправданія службы, святое же людское. Скинія бо сооружена бысть первая, въ нейже свѣтильникъ и трапеза и предложеніе хлѣбовъ, яже глаголется святая. По вторій же завѣстъ скинія глаголемая святая святыхъ. Евр. 9, 1—7.

Этотъ апостолъ, говоря объ устройствѣ ветхозавѣтной скиinii, читается вотъ въ праздникъ введенія во храмъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, какъ и въ нѣкоторые другіе Богородичные праздники, напр., въ день покрова Пресвятыя Богородицы. Какой бы въ этомъ былъ смыслъ? Какое соотношеніе имѣется между этимъ апостольскимъ чтеніемъ и лицомъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы? Какая связь между устройствомъ древней ветхозавѣтной скиinii и празднуемымъ нынѣ событіемъ введенія во храмъ Пречистыя Богоотроковицы Маріи?

Благоговѣнно вникнемъ въ то, что хочетъ сказать св. апостолъ Павелъ этимъ апостольскимъ чтеніемъ изъ посланія къ евреямъ, которое въ урочныя годовыя времена неотложно намъ предлагается, но немногими изъ насъ сколько-либо понимается, а слѣдовательно не многими и принимается. Пронесется въ наши ушахъ во храмъ громозвучный голосъ читающаго и не всегда понимающаго діакона звукомъ мѣди звячущей и кимвала звяцающаго и разбудить отголоски въ углахъ обширнаго храма, но увы! отголоски не въ умахъ нашихъ и сердцахъ.

Стѣны сдѣлали свое дѣло, отразили звукъ, конечно, не понявъ и не усвоивъ его. На то онѣ и стѣны. А мы?.. Постараемся же понять и усвоить то, чему жаждетъ поучить насъ св. апостолъ въ сей знаменательный праздникъ.

Ветхозавѣтное священство, — разсуждаетъ св. апостолъ Павелъ въ посланіи къ евреямъ, — ветхозавѣтныя приношенія даровъ и жертвъ, ветхозавѣтная скинія, все ея устройство и всѣ совершавшіяся въ ней богослужебныя чинопослѣдованія, — все это служило образомъ и тѣнью небеснаго, какъ и сказано было Моисею, когда онъ приступалъ къ совершенію скинии: *смотри, — сказано, — сдѣлай все по образу, показанному тебѣ на горѣ.*

Это сказано при такихъ обстоятельствахъ. Когда сыны Израилевы изведены были изъ Египта, проведены сквозъ Чермное море и поставлены у подножія горы Синая; когда съ вершины горы Синая Господь Богъ изрекъ уже десять заповѣдей и главные основоположенія своего закона; когда израильтяне вступили въ завѣтъ съ Богомъ, поклявшись соблюдать Его законъ, — послѣ этого посредникъ между Богомъ и израильтянами, ходатай ветхаго завѣта пророкъ Моисей воззванъ былъ на вершину горы Синая, для полученія отъ Бога подробныхъ разъясненій закона Божія, гдѣ на вершинѣ Синая и пребывалъ въ уединеніи и постѣ сорокъ дней и сорокъ ночей. Тамъ въ это время Господь Богъ изрекъ Моисею основоположенія и относительно устройства ветхозавѣтнаго богослуженія. Тамъ-же Господь изрекаетъ свою волю относительно устройства и перваго храма Ему единому истинному Богу. Этимъ первымъ храмомъ и была скинія Моисеева, подвижная переносная палатка. Приступая къ наставленію относительно устройства скинии, Господь говоритъ Моисею: *скажи сынамъ израильтянамъ, чтобъ они сдѣлали Мнѣ приношенія. Отъ всякаго человека, у котораго будетъ усердіе, принимайте приношеніе Мнѣ. И устрой Мнѣ святилище, и буду обитать посреди васъ. Все сдѣлайте, какъ Я показываю тебѣ и образецъ скинии, и образецъ всякаго сосуда ея. Такъ и сдѣлайте.* — Затѣмъ Господь изрекаетъ Моисею подробныя наставленія, какъ должна быть устроена скинія со всеми ея принадлежностями. Въ заключеніе же этихъ наставленій Господь говоритъ Моисею: *виждь, смотри, да сотвориши по образу, показанному тебѣ на горѣ.*

Обратите вниманіе на то, что Моисей, когда пребывалъ на вер-

шинѣ горы Синая, бесѣдовалъ съ Богомъ, былъ не въ обыкновенномъ человѣческомъ состояніи, но въ состояніи пророческаго восхищенія, вдохновенія, прозрѣнія. Посему нельзя представлять дѣло такъ, что Богъ, воссѣдая или стоя на вершинѣ горы, бесѣдовалъ съ Моисеемъ просто, какъ обыкновенный человѣкъ бесѣдуетъ съ другимъ человѣкомъ. Бесѣда Бога съ Моисеемъ усты ко устамъ свидѣлствуетъ только о необычайной близости собесѣдующихъ. Несомнѣнно, что въ своихъ бесѣдахъ съ Моисеемъ Богъ не принимаетъ на себя лица человѣческаго. Бесѣда Божія была только человѣкообразна; но въ какой мѣрѣ, мы это постигнуть не можемъ. Нельзя представлять и такъ, что Богъ представилъ Моисею чертежи или рисунки скинии и всѣхъ ея принадлежностей. Дѣло, безъ сомнѣнія, происходило такъ, что Богъ привелъ великаго угодника своего Моисея въ такое исключительное возвышенное состояніе пророческаго вдохновенія, что Моисей слышалъ гласъ Божій, уразумѣлъ волю Божию и видѣлъ нѣкоторые божественныя предметы, которые, — само собою разумѣется, — имѣли безконечно болѣе возвышенное и глубокое знаменованіе, чѣмъ имѣлъ бы архитекторскій чертежъ скинии съ ея частями и сосудами. Что и какъ именно Моисей видѣлъ, мы вполне уразумѣть это не можемъ. Но, объясняя это, св. апостолъ Павелъ даетъ намъ уразумѣть, что Моисей видѣлъ нѣкоторые предметы небесные, видѣлъ небесную дѣятельность, которая на небѣ отъ вѣка была предопредѣлена, да тамъ же на небѣ въ условіяхъ вѣчности она была уже и совершившеюся дѣйствительностью, а на землѣ еще имѣла совершиться во времени и затѣмъ закончиться опять же на небѣ. Въ небѣ Моисею показана была небесная дѣйствительность съ тѣмъ, чтобы онъ на землѣ устроилъ образъ, отраженіе, тѣнь, оттѣнокъ небесныхъ предметовъ, и устроилъ съ тѣмъ опять, чтобъ устроенные Моисеемъ на землѣ образы, отраженія, тѣни, оттѣнки небеснаго были предначертаніемъ, предъизображеніемъ того, что имѣло совершиться въ новомъ завѣтѣ на землѣ и закончиться на небѣ.

Вникните. Это не легко для пониманія; это сущность богооткровеннаго священно-церковнаго ученія о прообразахъ. Въ данномъ обстоятельстве въ глубь богооткровеннаго смысла о прообразахъ входятъ, — такъ сказать, — три момента: во-первыхъ, небесная дѣйствительность, которую Богъ открылъ Моисею: во-вторыхъ, отображеніе этой дѣйствительности или оттѣнокъ — въ томъ, что Моисей устроаетъ на землѣ по образу видѣнной имъ небесной дѣйствительности; и въ-третьихъ —

та дальнѣйшая дѣйствительность, на которую указывали устроенныя Моисеемъ изображенія, которая имѣла совершиться въ новомъ завѣтѣ на землѣ и завершиться на небѣ въ вѣчности. Называя болѣе или менѣе предметы даннаго событія по имени, должно сказать точнѣе: видѣлъ Моисей въ небѣ предопредѣленіе Божіе о первосвященническомъ служеніи Сына Божія; устроилъ отображеніе этого предопредѣленія въ скинїи и чинопослѣдованіяхъ ветхозавѣтнаго богослуженія; а скинїя съ своими чинопослѣдованіями предъизображала пришествіе въ міръ Сына Божія, Его крестную смерть и вѣчное искупленіе Имъ рода человѣческаго, вѣчное удовлетвореніе правдѣ Божіей.

Объяснивъ такимъ образомъ, что ветхозавѣтная скинїя была отображеніемъ вѣчнаго небснаго и прообразованіемъ будущаго новозавѣтнаго, апостолъ Павелъ раскрываетъ далѣе, какое устройство имѣла ветхозавѣтная скинїя. Это и есть дневное чтеніе. И первый ветхій завѣтъ, — разсуждаетъ св. апостолъ, — имѣлъ постановленія о богослуженіи и святилище земное. Ибо устроена была скинїя и устроена такъ. Скинїя была храмъ переносный. Когда, странствуя по пустынѣ, израильтяне поднимались въ путь, то снимали и скинїю. А когда останавливались и располагались станомъ, то снова водружали и раскидывали переносную палатку скинїи. Скинїю составляли три части: дворъ, святилище и святое святыхъ. Для устройства двора ставили столбы продолговатымъ четырехугольникомъ и на столбы навѣшивали завѣсы; сверху ничѣмъ не покрывали; входъ закрытъ былъ завѣсою; по входѣ во дворъ главнымъ священнымъ предметомъ былъ жертвенникъ, на которомъ сожигались жертвы. Во дворъ входилъ весь народъ. Прямо противъ входа во дворъ, за жертвенникомъ внутри двора, стояла крытая и также продолговато-четыреугольная палатка. Она состояла изъ столбовъ, на которые вѣшались завѣсы; сверху накидывался покровъ; вся палатка раздѣлялась внутреннею завѣсою на двѣ неравныя части. Передняя большая часть называлась святилище, а задняя меньшая святое святыхъ. Входъ во святилище закрывался отъ двора завѣсою. По входѣ за эту завѣсу внутри святилища представлялись взору три священные предметы: справа столъ — трапеза предложенія, на которой всегда, по семи дней безъ перемѣны, лежало 12 хлѣбовъ предложенія, по числу двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ; слѣва у стѣны семисвѣщный свѣщникъ, съ семью свѣтильниками, на которыхъ неугасимо горѣли елей; а прямо противъ входа у внутренней завѣсы стоялъ золотой

столѣкъ, жертвенникъ кадильный, на которомъ по утру и вечеромъ всякій день воскурался еиміамъ Богу. Въ эту часть скинїи во святилище входили только первосвященникъ и священники. Наконецъ, за внутреннюю завѣсою, въ третьей священнѣйшей части, которая и называлась святое святыхъ, — тамъ посрединѣ стоялъ кивотъ или ковчегъ завѣта, особо-устроенный обложенный золотомъ ящикъ; внутри кивота лежали богописанныя скрижали десятисловія, отъ страны же ковчега, внѣ его находилась стамна (золотая чаша) съ манною и жезлъ Аароновъ прозябшій; тутъ же складывались и все священныя книги, написанныя Моисеемъ и послѣдующими пророками. Кивотъ завѣта закрывался золотою крышкою, которая называлась очистилище. Надъ кивотомъ, наклонивъ къ нему лица, стояли два золотые херувима, которые простирали свои крылья другъ къ другу, какъ бы осылая очистилище. Крышка кивота названа очистилищемъ потому, что разъ въ году, въ день всенароднаго покаянія, во святое святыхъ входилъ одинъ только первосвященникъ и возлагалъ очистительную жертвенную кровь на очистилище. Осылаемое крыльями херувимовъ, очистилище было самою священною частію скинїи, было престоломъ, на которомъ Господь возсѣдалъ и вообще являлъ свое особое присутствіе. Господь говоритъ Моисею: положи въ ковчегъ откровеніе (скрижали завѣта). Сдѣлай надъ ковчегомъ крышку очистилища изъ чистаго золота. И сдѣлай изъ золота двухъ херувимовъ. Сдѣлай одного херувима съ одного края, а другаго херувима съ другаго края. И будутъ херувимы съ распростертыми вверхъ крыльями, а лицами своими будутъ обращены другъ къ другу, наклонивъ лица къ очистилищу. И положи крышку очистилища на ковчегъ. Тамъ Я буду открываться тебѣ и говорить съ тобою надъ очистилищемъ, посреди двухъ херувимовъ, которые надъ ковчегомъ завѣта, — о всемъ, что ни буду заповѣдывать сынамъ израилевымъ (Исх. 25). При такомъ устройствѣ, — учитъ апостолъ Павелъ, — во дворъ скинїи входилъ весь народъ молиться и приносить жертвы; въ первую часть самой скинїи всегда входили священники совершать богослуженіе (перемѣнять хлѣбы предложенія, возжигать семисвѣщникъ и воскурять еиміамъ кадильный); во вторую часть же самой скинїи, во святое святыхъ, входилъ только однажды въ годъ одинъ только первосвященникъ, съ жертвенною кровію, которую, въ день всенароднаго покаянія (около половины нашего сентября), приносилъ за себя и за грѣхи невѣдѣнія народа.

Вотъ оно все здѣсь нынѣшнее апостольское чтеніе, своимъ содержаніемъ. Чтожъ оно знаменуетъ? Вотъ вкратцѣ сущность объясненія, предлагаемаго самимъ ап. Павломъ. Ветхо-завѣтный первосвященникъ и все ветхо-завѣтное священство, всѣ приносимые въ ветхомъ завѣтѣ дары и жертвы, самая скинія и уставы богослуженія—все это было отображеніемъ и тѣнью небснаго и прообразомъ ново-завѣтнаго. Ветхозавѣтный первосвященникъ по чину Ааронову поставлялся съ тѣмъ, чтобы приносить дары и жертвы. Такъ и вѣчный первосвященникъ по чину Мельхиседекову Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ долженъ былъ имѣть что принести, имѣть свою особую жертву или даръ. Дворъ скиніи, куда входилъ весь народъ съ молитвами и жертвами, былъ прообразомъ всего спасаемаго крестною жертвою Іисусъ—Христовою человечества. Стоявшій во дворѣ жертвенникъ—былъ прообразомъ Голгофы и креста. Приносимыя тамъ кровавыя жертвы были прообразомъ Агнца, закланнаго прежде сложенія міра, Іисуса Христа. Святилище скиніи было прообразомъ церкви всѣхъ освящаемыхъ Христомъ. Трапеза съ хлѣбами предложенія предъизображала Іисуса Христа, питающаго вѣрныхъ тѣломъ своимъ и кровью. Седмисвѣтный свѣтильникъ—предъизображалъ семь даровъ Святаго Духа, которыми Христосъ освящаетъ и просвѣщаетъ своихъ учениковъ. Жертвенникъ кадильный предъизображалъ всю церковную молитву, возносимую Богу Отцу во имя Его, едиnorodнаго Сына, низводящую на молящихся благодать Святаго Духа. Святое-же святыхъ скинія ветхо завѣтной предъизображало святое святыхъ пренебесное. Тамъ очистилище было образомъ небснаго престола Божія, окружаемаго ангельскими силами. Тамъ скрижали завѣта были символомъ животворящаго слова Христова, просвѣтившаго міръ; стамна золотая съ манною—символомъ небснай таинственной пищи, питающей чадъ Христовыхъ въ жизнь вѣчную; а жезлъ Аароновъ усѣченный и прозябшій былъ символомъ съ одной стороны уничиженнаго отъ упавшаго царскаго рода, съ другой преславнаго отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы рождества Христова.

Сюда-то, во святое святыхъ пренебесное, вошелъ вѣчный первосвященникъ Христосъ; вошелъ единожды, не съ кровью козла или тельца, но съ своею собственною кровью, пролитою на крестѣ, чтобы пріобрѣсти однажды навсегда искупленіе вѣчное. Вошелъ не въ рукотворенное святилище, хотя и по образу истиннаго небснаго устроенное, но въ самое небо, чтобы предстать за насъ предъ лице Божіе,

—и не съ тѣмъ, чтобы приносить Себя многократно, подобно тому, какъ ветхо-завѣтный первосвященникъ входилъ во святое святыхъ каждодогодно съ чужою кровью; но явился единожды, къ концу вѣковъ, для конечнаго уничтоженія грѣха жертвою своею.

Видите, что, по ученію апостола, сущность нашего спасенія совершена жертвенною кровью Сына Божія, Сына Дѣвы Маріи. Въ этомъ и заключается узелъ, связующій Дѣву Марію съ ветхо-завѣтными жертвами, съ ветхо-завѣтною скиніею и со всѣмъ строемъ прообразовательнаго ветхо-завѣтнаго богослуженія. Здѣсь-же скрывается узелъ, который связываетъ и предложенное нынѣ апостольское чтеніе съ празднуемымъ нынѣ событіемъ введенія въ ветхо-завѣтный храмъ Преподобнословенныя Богоотроковицы Маріи.

Вслушайтесь въ священныя пѣсни праздника, вдумайтесь въ поэтически и богословски глубокое ихъ значеніе. Вотъ. *Совѣтъ превъчный превъчнаго Бога нашего грядетъ къ исполненію, когда ты, Отроковица всенепорочная, предпрядешь во святое святыхъ воспитаніе въ жилище Бога Слова. Творецъ всѣхъ, Создатель и Владыка, приклонившись неизреченнымъ благоутробіемъ и единымъ своимъ человеколюбіемъ, увидѣвъ надшимъ того, кого устроилъ своими руками, благоволилъ возставить его, какъ божественное созданіе, своимъ собственнымъ истощаніемъ, какъ благодать по естеству и милостивый; почему и пріемлетъ Марію, какъ Дѣву и чистую, посредницею таинства, восхотѣвъ изъ нея принять и носить наше естество. Посему Она и есть снѣгъ небснай, Божественная скинія. Отъ багряныхъ твоихъ кровей, Пречистая, одѣвшись червленицею, прошедъ сквозь Тебя, Царь и Богъ обновилъ по благоутробію своему весь родъ человеческій. Преславно прообразовалъ Тебя, Чистая, ветхій законъ, какъ скинію Божію, идъ вселился Богъ съ людьми, какъ божественную стамну, которая носитъ въ себѣ божественную манну,—какъ чудный кивотъ, заключающій въ себѣ богописанныя скрижали, на которыхъ перстомъ Отца небснаго начертано Божіе Слово,—какъ заветъ, открывающую намъ грѣшнымъ входъ въ небсныи чертогъ,—какъ жезлъ Аароновъ, усѣченный и чудесно произрастившій намъ цѣпль и плодъ жизни вѣчной.—Вѣрные! Вѣрно да восхвалимъ Марію Богоотроковицу, которую древле предвозвѣстило сословіе пророковъ, какъ стамну и жезлъ, какъ скрижаль и благовоиное молитвы кадило, какъ оду-*

шевленную трапезу, посвящую хлѣбъ жизни, какъ жертвенникъ всезлатый, на которомъ возносится во всежженіе Богу Агнецъ Божій, возмлющій прегрѣшенія всего міра, какъ очистилище и покровъ міру, съдающе небеснаго Царя, приемлющаго оттуда нашу молитву и ниспосылающаго свою благодать. Днесъ одушевленный храмъ великаго Царя въ храмъ Господа приводится въ божественное жилище. Людіе веселитесь. Аминь.

1887 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день введенія во храмъ пречистыя Дѣвы Богородицы.

О ПРИНУЖДЕНИИ ВЪ МОЛИТВѢ ПРОТИВЪ РОСТИСЛАВОВА.

Днесъ храмъ одушевленный святыя славы Христа Бога нашего, едина въ жєнахъ благословенная чистая, приводится въ храмъ законный, жити ео святыхъ и воспитатися въ Божіе жилище, въ жилище Слова Божіа. Стихира дневная.

Въ житіяхъ святыхъ, въ сказаніи о введеніи пресвятыя Богородицы, собранномъ отъ писаній разныхъ святыхъ мужей святымъ отцемъ нашимъ Димитріемъ, святителемъ ростовскимъ, повѣствуется, что когда исполнилось три года пречистѣй Богоотроковицѣ, преблагословеннѣй Дѣвѣ Маріи Богородицѣ отъ рождества Ея, святіи праведніи родители Ея Іоакимъ и Анна помянули обѣщаніе свое, которое, молясь о разрѣшеніи неплодства своего, произнесли — принести рожденное отъ нихъ въ даръ Богу. И нынѣ восхотѣли исполнить это дѣломъ, что прежде изрекли словомъ. Съ торжествомъ и веселіемъ прибывъ въ Іерусалимъ, они ввели одушевленную Божію церковь, трилѣтствующую отроковицу, пречистую Дѣву Марію въ церковь Божію, воспитатися въ Божіе жилище. Преблагословенная-же Дѣва, въ началѣ житія своего въ дому Господни, отдана была во обитель дѣвицъ. Ибо церковь іерусалимская, Соломономъ созданная, Зоровавелемъ-же по опустѣніи и обветшаніи обновленная, многія имѣла обители къ пребыванію, какъ пишетъ древ-

ній историкъ еврейскій Іосифъ. Извнѣ храма при стѣнѣ церковной были храмины каменные окрестъ, числомъ тридцать, раздѣленные нѣкоторымъ разстояніемъ одна отъ другой, пространныя и весьма красивыя; а на тѣхъ были храмины другія, на другихъ-же третьи, такъ что всѣхъ ихъ числомъ было девяносто, со всякимъ удобствомъ къ жительству. Высота ихъ, простираясь съ низу сіонской горы до верха ея, равнялась со стѣною церковною, такъ что эти зданія служили какъ-бы столпами, извнѣ подпирающими стѣну церковную. Въ этихъ-то храминахъ были обители для различныхъ лицъ. Особо жили дѣвы, до времени на службу Богу данныя. Особо жили вдовицы, чистоту свою хранить обѣщавшія Богу до кончины своей, какъ Анна пророчица, дочь Фануилева. Особо-же жили мужи, нарицающіеся назореями, которые жили безсупружно по подобію иноковъ. Всѣ-же они служили Богу при храмѣ и имѣли пропитаніе свое отъ имѣній церковныхъ. А прочія храмины построены были въ упокоеніе страннымъ и пришельцамъ, приходившимъ на поклоненіе издалека. Итакъ трилѣтствующая отроковица, пречистая Дѣва Марія отдана была въ дѣвическую обитель, при чемъ къ Ней приставлены были дѣвы, старшія лѣтами, искусныя въ писаніи и рукодѣліи, дабы въ юности своей Богоотроковица навывкла и тому и другому. Однакоже Она, пришедши въ большій возрастъ, навывкнувъ какъ писанію, такъ и рукодѣлію, болѣе упражнялась въ молитвѣ, нежели въ рукодѣліи. Она имѣла обыкновеніе цѣлыя ночи и большую часть дня проводить въ молитвахъ. Впрочемъ въ младомъ возрастѣ своемъ, блаженная Дѣва, когда пребывала въ храмѣ съ прочими дѣвицами, сверстными себѣ, проводила житіе свое зѣло чинно, въ строгомъ подчиненіи уставленному порядку: именно отъ утра даже до третьяго часа дня (нашего девятаго) стояла на молитвѣ; отъ третьяго даже до девятаго (нашего третьяго часа пополудни) упражнялась въ рукодѣліи или чтеніи книгъ; отъ девятаго-же опять начинала свою молитву. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сама Она возрастала и укрѣплялась духомъ, возрастало и подвижничество Ея житія, съ трудолюбіемъ умножалась и молитва Ея, и восходила Она отъ силы въ силу, возрастали въ Ней и дары Святаго Духа, дондеже сила Вышняго осѣни ю, уневѣстивъ Ее Богу и уготовавъ въ селеніе Богу Слову.

Явно, по сказанію святителя Димитрія ростовскаго, основанному на писаніяхъ многихъ святыхъ отецъ, что пречистая Богоотроковица Марія, введенная въ церковь подзаконную и отданная въ особое

учреждение при ветхо-заветномъ іерусалимскомъ храмѣ для воспитанія дѣвъ, строго подчинялась порядку ветхо-заветной церкви для совершенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Извѣстно, что въ ветхо-заветной церкви утреннія и вечернія молитвы были уставлены и совершались постоянно. Такъ въ ветхо-заветномъ іерусалимскомъ храмѣ ежедневно возносились, съ уреченными молитвословіями, утреннія и вечернія жертвы. Именно утренняя жертва воскурялась въ первый часъ дня, нашъ шестой, вмѣстѣ съ восходомъ солнца, при чемъ молитвословіе заканчивалось въ третій, нашъ девятый часъ утра. А вечернее молитвословіе начиналось въ часъ девятый, нашъ третій, и заканчивалось воскуреніемъ вечерней жертвы вмѣстѣ съ закатомъ солнца въ шестой часъ вечера по нашему. Такъ и пречистая Богоотроковица, по сказанію, пребывала въ молитвѣ отъ утра до нашего девятаго, и отъ нашего третьяго часа до вечера. Однакоже это строгое соблюденіе установленнаго ветхо-заветною церковію чина въ совершеніи молитвы не воспрепятствовало пречистой Богоотроковицѣ, во дни юности и воспитанія при храмѣ, восходить отъ силы въ силу, въ укрѣпленіи въ себѣ молитвеннаго духа, и содѣлаться чистѣйшею и честнѣйшею обителію Святаго Духа, который самъ дышетъ въ нашихъ сердцахъ молитвенными воздыханіями.

Но вотъ одинъ новоявленный учитель, обличитель церкви, изрывается вслухъ Россіи глумленіями по тому поводу, что въ нашихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, отъ высшихъ до низшихъ, введенъ и соблюдается воспитанниками уставъ совершенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Онъ „приходитъ въ недоумѣніе, какими побужденіями руководствовалось начальство, когда, придумывая средства къ улучшенію нравственности воспитываемаго юношества, учреждало общія утреннія и вечернія молитвы“. По его убѣжденію, „никто не станетъ отвергать, конечно, что молитва въ томъ только случаѣ можетъ быть достойна того, кому молятся, и удовлетворительна для того, кто молится, когда она служитъ искреннимъ выраженіемъ сердечныхъ чувствованій, не прикрыта лицемеріемъ и ханжествомъ, не совершается механически, по принужденію, по приказанію, изъ желанія кому-либо угодить, или заслужить отъ кого-либо награду и благоволеніе. Молитва“, по его убѣжденію и приговору, „перестаетъ быть молитвою, если она обращается въ нѣчто, похожее на заданный урокъ, на необходимую церемонію, если

молитва становится официальной, и молитвенное настроеніе подсказывается печатною книгою. Какъ-бы повидимому не понять“, — спрашиваетъ онъ съ изумленіемъ, если только не съ негодованіемъ, — „какъ-бы не понять, что такой образъ дѣйствій никуда не годится, ничѣмъ не можетъ быть одобренъ или извиняемъ“? Непріятно ему видѣть лицемеріе или ханжество въ людяхъ взрослыхъ; но распоряжаться, хотябы и ненамѣренно, такъ чтобы молодые люди и даже дѣти почти невольно приучались къ этимъ двумъ порокамъ, лицемерію и ханжеству, чтобы они тяготились молитвою и дѣлались къ ней холодными, — „такъ поступать“, по его приговору, „есть ужасная нелѣпость. Что-же удивительнаго“, — глумится онъ, — „если какой-либо мальчикъ, который въ отцовскомъ домѣ всегда утромъ и вечеромъ молился Богу, поступивъ въ училище и далѣе, мало-по-малу оставляетъ эту привычку? И удивляемся еще“, — чему однакоже не удивляется нашъ самозванный учитель — обличитель, — „отчего изъ нашихъ духовныхъ школъ выходило такъ много такъ называемыхъ нигилистовъ“. Нашъ обличитель въ свою очередь, напротивъ, „удивляется тому, отчего ихъ было еще мало“, жалѣя, повидимому, о томъ, „отчего не всѣ дѣлались нигилистами“; думая, повидимому, что если-бы духовные питомцы слѣдовали именно его урокамъ, то были-бы какъ нельзя болѣе далеки отъ нигилизма.

Такъ по мнѣнію этого ново-явленнаго учителя, обличителя церкви, учрежденіе порядка въ совершеніи ежедневныхъ молитвъ и настояніе на соблюденіи этого порядка не только порождаетъ пороки лицемерія и ханжества, не только производитъ холодность и неохоту, если только не отвращеніе къ молитвѣ, но порождаетъ и самый нигилизмъ. И пусть-бы настаивалъ на этомъ заявленный нигилистъ, — Богъ-бы и судъ Божій съ нимъ. А то вѣдь твердитъ это вслухъ Россіи старый профессоръ, и твердитъ съ точки зрѣнія не только будто-бы психологической, но якобы даже съ христіанской. Вѣдь онъ обличаетъ въ недоумѣніи насъ, церковную іерархію, что мы своимъ слѣпымъ усердіемъ вредимъ истинному де настоящему благочестію юношества и развиваемъ въ немъ не только пороки лицемерія и ханжества, но даже нигилизмъ; слѣдовательно, онъ-то, обличитель, и есть настоящій ревнитель истиннаго христіанскаго благочестія, — вотъ что обидно, а для малоумія и соблазнительно. Вѣдь въ послѣднее время стало общимъ мѣстомъ не только въ литературѣ, и не всегда только въ свѣтской, но и въ педагогическихъ наставленіяхъ, что приневоливаніе къ дѣламъ благочестія,

т. е. настойчивое приучение къ благочестивымъ упражненіямъ, къ неопустительному посѣщенію церкви и богослуженій, къ благочинному предстоянію въ церкви, къ поклонамъ, благолѣпному изображенію крестнаго знаменія, добропорядочному совершенію положенныхъ молитвословій, все это будто-бы развиваетъ въ людяхъ ханжество и лицемеріе; все это будто-бы противно духу христіанства. Ханжества и лицемерія ужасно боится современная педагогія, и педагогическія наставленія, не всегда только свѣтскія, крайне заботливо предостерегаютъ отъ всего, что пораждаетъ въ юношества эти вредные пороки ханжества и лицемерія. Можно услышать и на экзаменахъ отъ мальчиковъ, что молитва должна быть свободна, а принужденіе къ дѣламъ благочестія грѣхъ. Если-же воспитанникъ повзрѣетъ и поумнѣе, то онъ и разъяснитъ, что христіанство требуетъ служенія Богу вполне свободного, въ духѣ и истинѣ; служеніе-же Богу устами, а не сердцемъ даже оскорбляетъ Бога; поэтому если я не расположенъ въ данную минуту молиться Богу, то и не долженъ, подъ опасеніемъ оскорбить Бога лицемеріемъ и ханжествомъ. Все это такъ благовидно, что повидимому и возражать нельзя.

Ужели однако-же вредносно, ужели богопротивно, ужели противно духу христіанства всякое приневоливаніе къ дѣламъ нравственности, къ упражненіямъ въ благочестіи, къ труду молитвы? Ужели оно неумѣстно въ приложеніи особенно къ юношеству, скорѣе отталкивая отъ цѣли, чѣмъ приближая къ ней,—скорѣе приводя къ обратнымъ послѣдствіямъ, производя вмѣсто добродѣтелей пороки, вмѣсто влеченія къ добру ненависть, вмѣсто горячаго усердія холодность къ благочестію, вмѣсто молитвеннаго паренія души къ небу отвращеніе отъ молитвенныхъ упражненій, или-же лицемеріе и ханжество, бого-и человѣко-ненавистное фарисейство? Мы думаемъ и отвѣчаемъ на этотъ вопросъ: и да и нѣтъ, бываетъ и то и другое. Однакоже утверждаемъ, что безъ вольнаго-невольнаго приневоливанія нельзя ни привыкнуть къ благочестивымъ упражненіямъ, ни утвердиться въ доброй нравственности, ни тѣмъ болѣе войти на высокую степень христіанскаго совершенства и молитвеннаго общенія съ Богомъ.

Не знаю, съ чего начать наше разсужденіе, съ психологіи-ль и обще-человѣческаго опыта, или-же съ христіанскаго богооткровеннаго о семъ ученія?

Станетъ-ли отрицать нашъ обличитель общепринятое положеніе,

что человѣкъ есть больше или меньше животное? Человѣкъ больше или меньше животное со всякой точки зрѣнія, съ философской также, какъ и съ христіанской. Съ точки зрѣнія новѣйшей философіи, человѣкъ не болѣе, какъ чистое животное по своему качеству, или, какъ выражались въ старые годы, по существу; а отличается отъ животнаго только количественно, сравнительно болѣею степенью сознательно-нравственнаго развитія. При чемъ однако-же въ человѣческой природѣ вовсе не полагается ни такъ называемой свободы, ни какихъ-бы то ни было врожденныхъ нравственныхъ идей. Съ христіанской-же точки зрѣнія дѣло представляется иначе, отчасти согласно съ этимъ, отчасти-же далеко не согласно. Съ христіанской философской точки зрѣнія, человѣкъ наполовину животное, а наполовину духовное существо, съ прирожденною цѣлому существу нравственною свободою, равно какъ съ вложенными въ природу двумя иными разными законами, такъ что въ животную природу вложенъ законъ животной необходимости, непреодолимыхъ животныхъ стремленій, а въ духовную природу вложенъ законъ стремленія къ добру, съ нравственною свободою выбора между влеченіями плотскими и духовными, между хорошимъ и лучшимъ, между несовершеннымъ и совершеннѣйшимъ даже въ душевныхъ влеченіяхъ. А съ богословской христіанской точки зрѣнія, сверхъ этого человѣкъ, будучи плотію и духомъ, принадлежа по естеству къ двумъ природамъ, животной планетной и духовной премірной, нося въ себѣ образъ и подобіе Божіи, хотя по паденіи и поврежденные, человѣкъ христіанинъ, по возрожденіи въ таинствахъ крещенія, является двойственнымъ въ своей внутренней жизни: съ одной стороны является человѣкомъ ветхимъ, плотскимъ, душевнымъ, грѣховнымъ, котораго съ его страстями и похотями слѣдуетъ подавлять и поработать, распинать и умерщвлять; а съ другой стороны является человѣкомъ новымъ, возрожденнымъ, духовнымъ, котораго съ его стремленіями къ добру и святости слѣдуетъ возвращать и поддерживать, укрѣплять и усовершенствовать. Во всякомъ-же случаѣ, со всякихъ точекъ зрѣнія безспорно, что человѣкъ рождается больше или меньше животнымъ, тѣмъ-же, только улучшеннымъ, животнымъ, какъ и скоты безсловесные, а въ человѣка, настоящаго человѣка вырабатывается жизнь и вліяніемъ общечеловѣческой культуры. Во всякомъ случаѣ, въ каждой человѣческой личности общечеловѣческой культурѣ приходится вырабатывать человѣка если не изъ скота, то изъ преобладающаго въ немъ скотства, вырабатывать суще-

ство больше или меньше духовное, существо сознательно-свободно-нравственное.

Какъ-же это дѣлается? Держится-ли нашъ самозванный учитель — обличитель современныхъ научно-философскихъ, матеріально-положительныхъ воззрѣній? Въ такомъ случаѣ, по новѣйшей философіи, каждый человѣкъ воспитывается въ человѣка изъ скота безусловно принудительно. Вѣдь по этому ученію, человѣкъ есть исключительно чистое, только улучшенное животное. Нравственной свободы отъ природы ему безусловно не дано. Нравственныхъ идей въ его природу безусловно не вложено. Человѣкъ безусловно подчиненъ закону естественной необходимости, какъ и всякое животное, какъ и всякій живой организмъ. Человѣкъ и человечество улучшаютъ себя по невольному влеченію къ улучшенію своего быта, по мѣрѣ возможности, приспособляясь къ окружающимъ условіямъ. Толкаемые борьбою за существованіе, подталкиваемые случайно удачею, люди накапливаютъ нравственную и умственную силу, чувствуя по опыту, что эта сила есть сила дѣйствительная и великая, больше или меньше побѣждающая самую природу. Это накопленіе умственной силы и составляетъ то, что называется культурою. А каждую отдѣльную личность общечеловѣческая культура, если только человѣкъ родился въ культурномъ, а не въ дикомъ обществѣ, охватываетъ невольно со всѣхъ сторонъ, несетъ впередъ съ неодолимымъ могуществомъ и, смотря по окружающимъ человѣка условіямъ его организаціи и общественнаго положенія, воспитываетъ его, до большаго или меньшаго уравниванія его съ обще-культурнымъ развитіемъ, безусловно принудительно.

Но если быть строгимъ послѣдователемъ такого ученія, то надо прямо придти, какъ многіе и пришли, къ логическимъ выводамъ нелѣпымъ и разрушительнымъ, именно къ выводамъ, будто религія — старый предрасудокъ; связанная съ религіею нравственность не имѣетъ ничего общаго съ здравымъ смысломъ; бесплодно ставить вопросъ о нравственности и безнравственности; животный инстинктъ самосохраненія сильнѣе всѣхъ нравственныхъ соображеній; кто исполняетъ требованія такъ называемаго нравственнаго долга, тотъ поступаетъ безчестно и подло; понятіе о преступленіи и виновности должно быть устранено; стараніе удержатъ ребенка въ тѣхъ понятіяхъ и правилахъ, которыми держалось старое поколѣніе, вредно въ высшей степени; старанія дѣйствовать на сердце ребенка, соблюдать его моральную чисто-

ту, напрасны и нелѣпы; кормить ребенка и удалять отъ него вредные предметы — вотъ вся задача воспитанія; выкормить и выработать изъ ребенка откормленное улучшенное развитое животное, способное покорять всѣхъ и все посредствомъ накопленной умственной силы, вотъ вся цѣль развитія и каждого частнаго человѣка и воспитательной работы обще-человѣческой культуры. Но туда-ль идетъ и другихъ за собою ведетъ нашъ учитель — обличитель? Нѣтъ, думаемъ, да и знаемъ, что онъ хотѣлъ стоять, да и воображалъ, будто стоитъ твердо на почвѣ не только общечеловѣческой, но и якобы очищенной христіанской религіозности.

А въ такомъ случаѣ въ самомъ христіанствѣ возможно-ли принужденіе въ дѣлѣ религіи и нравственности, въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія? Не только возможно, но и естественно-неизбѣжно и высоко-благотворно. Оно естественно-неизбѣжно, — это видно изъ того, что по общерелигіозному теистическому міросозерцанію, человѣкъ, состоя изъ души и тѣла, по тѣлесной своей сторонѣ подчиненъ безусловному закону необходимости также, какъ и животное; а по духу подчиненъ весьма тяжко, хотя и не безусловно, вліянію тѣлесной природы, равно какъ и окружающей внѣшней природы; подчиненъ, хотя и не безусловно, прирожденнымъ наслѣдственнымъ наклонностямъ самаго духа; также не безусловно, но крѣпко подчиненъ вліянію и окружающей среды; наконецъ, съ высшей премірной точки зрѣнія, безусловно подчиненъ и высшему вліянію небснаго Промысла, который не исключаетъ человѣческую свободу только по предвѣдѣнію безусловнаго всевѣдѣнія. Извѣстно, что философское умозрѣніе крайне затруднено въ обозначеніи, въ чемъ состоитъ человѣческая свобода и въ чемъ обнаруживается ея участіе въ нравственной дѣятельности человѣка, въ виду указанныхъ вліяній, всесторонне объемлющихъ и направляющихъ нашу свободу. Этотъ крайне затруднительный для философіи вопросъ наглядно разрѣшается всемірнымъ опытомъ, указывая свободу въ отсутствующей у животныхъ, присущей человѣку способности отличать и предпочитать нравственное стремленіе животному влеченію, да и между нравственными стремленіями различать высшія отъ низшихъ и предпочитать въ дѣятельности первыя лучшимъ низшимъ менѣе совершеннымъ. Такую свободу въ человѣкѣ отрицать нельзя; иначе мы стали-бы въ безысходныя противорѣчія съ опытомъ, съ нравственными требованіями, какъ и со всѣми

самыми коренными понятіями о долѣ, о вѣняемости, о нравственной заслугѣ. Но при этомъ изъ самой постановки той свободы, какая намъ дарована, между окружающими и опредѣляющими ее условіями, видно, что на нее дѣйствуютъ все выше-указанныя вліянія болѣе или менѣе принудительно. Они-же, эти безусловно неустрашимыя вліянія и воспитываютъ человѣка, такъ что безъ нихъ ни пробужденіе, ни развитіе человѣчности невозможны.

Такъ по природѣ человѣкъ есть существо сознательно-разумное. Однако-же въ философіи принято, старые опыты показываютъ и новѣйшіе подтверждаютъ, что для пробужденія человѣческаго сознанія въ вырастающемъ ребенкѣ требуется воздѣйствіе на него развитого сознанія взрослыхъ людей; иначе настоящее человѣческое сознаніе не пробуждается. Человѣкъ по природѣ существо словесное. Однако-же для пробужденія и дара слова нужно также вліяніе на ребенка взрослыхъ людей, обладающихъ уже окрѣпшимъ навыкомъ разумной рѣчи. Человѣкъ по природѣ существо и нравственно-свободное и религиозное. Но для пробужденія въ возрастающемъ дитяти того и другаго дара также необходимо воздѣйствіе на него нравственно-религиознаго чувства и сознанія развитыхъ людей. Спрашивается теперь, произвольно-ли, по собственному-ли изволенію и выбору, по собственному-ли сознательному разсужденію дитя подчиняется всѣмъ этимъ вліяніямъ? Произвольно-ль оно подчиняется воздѣйствію чужаго развитого сознанія, которое пробуждаетъ его собственное пока еще спящее сознаніе? Произвольно-ль оно выучивается лепетать первыя слова, какія мать заставлятъ его выговаривать? Произвольно-ль оно покоряется матери, когда та препятствуетъ его дикому животному стремленію исцарапать лицо ей-же самой, матери, и внушаетъ, что такъ поступать не хорошо, грозя дитяти своимъ гнѣвомъ? Произвольно-ль оно поступаетъ также, когда мать, въ русской христіанской семьѣ, складываетъ ребенку персты и полагаетъ его ручку на чело и далѣе, изображая на немъ крестное знаменіе, и, заставляя дитя возвести очи къ небу, внушаетъ, что тамъ Богъ Отецъ небесный?

Нужно-ль и съ другой стороны разъяснять, что такое принудительное вліяніе не только естественно, но и благотворно? Нужно-ль говорить, что такимъ принудительнымъ вліяніемъ пробуждались благороднѣйшіе инстинкты человѣческой природы на всемъ пространствѣ исторіи, какъ и до сихъ поръ пробуждаются? Нужно-ли разъяснять,

что на всемъ пространствѣ человѣческой исторіи какъ все высшіе, такъ въ частности и нравственно-религиозные инстинкты нашей природы поддерживались всегда, болѣе или менѣе приневоливаніемъ? Что нравственно-религиозныя преданія семьи всегда поддерживались нравственно-религиознымъ духомъ семьи, при чемъ младшіе волею-неволею слѣдовали примѣру старшихъ? Что нравственно-религиозныя уставы общества и государства подкрѣплялись и охранялись общественно-государственнымъ духомъ народа, и горе тому своевольнику, который осмѣливался идти противъ этого духа, пока онъ бывалъ крѣпокъ въ народѣ. Для обузданія подобнаго своеволія всегда было въ запасѣ у народовъ довольно внушительныхъ каръ; было какъ въ древнихъ патриархальныхъ семьяхъ и общинахъ, такъ и у цивилизованныхъ языческихъ народовъ, такъ и въ народѣ израильскомъ, какъ и въ христіанскихъ обществахъ и государствахъ.

Но эти кары, эти застрашиванія, эти грозныя внушенія нарушителямъ нравственно-религиозныхъ уставовъ,—развѣ они воспитывали въ человѣчествѣ лицемѣровъ и лицемѣріе? Вопросъ—что такое лицемѣріе? Всякое-ль лицемѣріе предосудительно? Конечно, преступно всякое лицемѣріе, дурно направленное. Частіе, преступно, или скажемъ меньше, предосудительно лицемѣріе фарисейское, но и то только съ извѣстной стороны. Но вообще лицемѣріе, когда человѣкъ обнаруживаетъ въ своей дѣятельности не то, къ чему стремится помыслами и склонностями души,—такое лицемѣріе во многихъ случаяхъ и непредосудительно и похвально и благотворно. Вѣдь извѣстная аксіома: *начало премудрости есть страхъ Господень*, служила началомъ воспитанія какъ юношества, такъ и всего человѣчества не только у древнихъ израильтянъ, но и у всѣхъ образованныхъ язычниковъ. Полагаемый-же въ начало воспитанія страхъ къ Богу, предшествуемый и сопутствуемый страхомъ къ родителямъ, старѣйшимъ и начальствующимъ, что иное воспитываетъ съ самаго начала, какъ не извѣстнаго рода лицемѣріе? Не лицемѣръ-ли этотъ ребенокъ, который, слушаясь матери сегодня и завтра, не колеблясь въ мысли, не раздумывая, съ дѣтскою покорностью и готовностью, становится на колѣна предъ Богомъ, котораго не вѣдаетъ, а только чувствуетъ дѣтскимъ сердцемъ, и лепечетъ молитву, которой опять-же не разумѣетъ, а только чувствуетъ сердцемъ? А эту-то черту дѣтскаго сердца и разумѣетъ Христосъ, когда говоритъ: *уже не приметъ царствія Божія, яко от-*

рожа, не имать епити въ не. Не лицемеръ-ли и этотъ мальчикъ, которому сильно хочется утащить чужое, но онъ боится и не воруетъ? Не лицемеръ-ли этотъ юноша, который рвется къ нарушенію цѣломудрія, но страшится осужденія людскаго и борется съ своею страстію? Не лицемеръ-ли и этотъ взрослый, которому денно-ночно мерещится разможжить голову врагу, влить ядъ въ сердце соперника, однакожь онъ не убиваетъ никого потому, что трепещетъ послѣдствій; при встрѣчѣ со врагомъ и соперникомъ онъ даже улыбается, предлагаетъ дружескую услугу, всячески подавляя въ себѣ челоѣко-убійственную страсть? А кто кинетъ камнемъ осужденія въ такого рода лицемеріе? Такъ обуздываются всѣ вредныя въ челоѣчествѣ порывы, такъ развиваются и укрѣпляются всѣ благородныя склонности. Такъ, въ обузданіи дурныхъ склонностей, сперва идетъ природный голосъ добра, звучащій, изъ внутреннѣйшей глубины сердца, далѣе внѣшнее доброе строгое внушеніе, за нимъ слѣдуетъ страхъ, за страхомъ, при влеченіи къ соблазну, лицемеріе и болѣе или менѣе лицемерное самообузданіе, за лицемеріемъ навыкъ къ самообузданію, сознаніе пользы, спокойствіе совѣсти, а въ концѣ-концовъ являются безстрастіе, торжество надъ зломъ и любовь къ добру. Въ возбужденіи и развитіи добрыхъ склонностей тоже самое. Нравственный законъ добра челоѣку прирожденъ, религіозное чувство прирождено. Но то и другое, какъ нравственное, такъ и религіозное чувства, сознательно-безсознательно, пробуждаются въ челоѣкѣ подъ внушеніями старшихъ; за вольною и невольною покорностью этому внушенію слѣдуетъ приневоливаніе себя, поощряемое страхомъ оскорбить старшихъ, родителей, Бога; упражненіе воли раждаетъ навыкъ; храненіе навыка и развившейся склонности сердца сопровождается покоемъ совѣсти, усладой сердца; изъ всего-же этого возникаетъ любовь къ добру и источнику всякаго добра Богу.

Такимъ лицемеріемъ воспитывались нравственно-религіозные обычаи всего челоѣчества, что отчетливо видно въ исторіи народовъ, особенно при введеніи новыхъ или обновленныхъ религій. Не говоримъ о томъ, что не сразу вошли въ плоть и кровь древнихъ римлянъ религіозные обычаи, которые вкоренены въ нихъ, конечно, въ послѣдствіи, уставами Нумы Помпилія. Не говоримъ и о томъ, что лицемеріемъ-же начали и первые послѣдователи Магомета, которыхъ онъ покорялъ алкорану огнемъ и мечемъ. Но мы видимъ и въ священной исторіи, что не мало каръ нужно было употребить и пророку Божію Моисею,

пока его законы не всосались въ плоть и кровь древняго Израиля. Долго держались и въ средѣ славяно-русскаго народа навыки древле-славянскаго язычества, пока духъ православнаго христіанства, при пособіи немягкихъ также законовъ и взысканій, не переплавилъ разрозненныя славянскія племена въ единство святой православной Руси. Извѣстно, что во всѣхъ религіяхъ первоначальные адепты ихъ въ большинствѣ начинали нѣкотораго рода лицемеріемъ. Однако-же это лицемеріе съ теченіемъ времени перерождалось въ крѣпкую, какъ любовь къ самой жизни, привязанность, — привязанность, которая становилась стержнемъ народной жизни. И подите сокрушайте этотъ стержень, — вы сокрушите самую жизнь, сокрушите самый народъ. А осуждать-ли такое лицемеріе, безъ отношенія къ тому, къ чему оно направлено? Это значило-бы осуждать коренной законъ общечелоѣческаго развитія: съ такого лицемерія начинается воспитаніе во всякомъ добрѣ всего челоѣчества.

Что-же такое лицемеріе фарисейское? Это соблюденіе доброй нравственно-религіозной формы, когда духъ жизни вымеръ безъ надежды и возродиться. Истинно-фарисейское лицемеріе возможно только у народовъ умирающихъ. Не фарисей тотъ полудикарь, котораго обратили въ христіанство и который усиливается соблюдать его формы, не проникнувъ въ его духъ и смыслъ. Не таково было лицемеріе современныхъ Господу Иисусу фарисеевъ, которые упорствовали соблюдать букву обрядовъ и преданій ветхо-завѣтной религіи, совершенно исказивъ ея сущность, именно тогда, когда этой буквѣ Промыслъ и исторія произнесли уже смертный приговоръ. Тѣмъ не менѣе почти всѣ обыкновенно преувеличиваютъ осужденіе, произнесенное Господомъ даже на фарисейство, и преувеличиваютъ напрасно и неосновательно. Самъ Господь въ самомъ фарисействѣ осуждалъ только худое и худыхъ, а не доброе въ добрыхъ и даже худыхъ. Симону-фарисею Господь предпочелъ блудницу за то, что она много возлюбила, почему ей много и прощено, однако-же и Симону прощено-же нѣчто, хоть и небольшое за то, что меньше показалъ любви. Мытарь притчи Господней *изыде изъ церкви оправданъ паче фарисея*. Но наша близорукость не видитъ въ этомъ фарисеѣ уже ничего добраго, тогда какъ его цѣломудріе, его щедродательность, даже соблюденіе постовъ все-же были добродѣтелями, которыя сами въ себѣ, безъ отношенія къ гордости фарисея и возмутительнѣйшему самохвальству его предъ лицомъ

сердцевѣдца Бога, осуждать никакъ не слѣдуетъ. Въ самомъ фарисействѣ предосудительны его пороки, но добродѣтели все-же похвальны, похвальна самая привязанность къ старымъ формамъ богозавѣщанной религіи. Въдѣ между фарисеями находились и такіе люди, какъ Гамалиилъ, какъ даже Павелъ, въ послѣдствіи избранный сосудъ благодати, который, указывая преимущества своего избранія, писалъ: *и азъ имѣю надѣяніе такожде во плоти. Аще кто имѣетъ надѣяться во плоти, азъ наче: обрѣзанъ осмодневно, отъ рода Израилева, колѣна Веніаминова, евреинъ отъ евреевъ, по закону фарисей, по правдѣ законный бывъ непороченъ* (Фил. 3, 4—6). Въдѣ непредосудительное по первоначальному чистому идеалу своему, фарисейство даже въ искаженномъ осуществленіи этого идеала было далеко выше и благотворнѣе саддукейства. Вотъ гдѣ была смерть израильскаго народа, вотъ гдѣ разложеніе жизни, гангрена и гниль народнаго тѣла, это въ саддукействѣ. И гдѣ оно теперь это старо-еврейское саддукейство? Исчезло, какъ вонь отъ трупа. А фарисейство живо даже до сего дня, живо въ этихъ милліонахъ побѣговъ отъ усѣченнаго корня древняго Израиля, въ этихъ хотя и жалкихъ, но стойкихъ до упорства и несокрушимости отросткахъ его, которые, вѣрные духу и формамъ еврейства именно фарисейскаго, неизгладимо сохраняютъ свою самобытную народную личину даже въ разсѣяніи по всему свѣту, среди тысячъ превратностей, въ продолженіи двухъ тысячелѣтій. И обязаны они этимъ не чему иному, какъ неодолимой фарисейской привязанности къ буквѣ древле-отеческихъ преданій своей древнѣйшей вѣры. Уже по этому одному фарисейство почтенно. Стоитъ и подивиться ему и поучиться у него, поучиться тому, какимъ это психическимъ секретомъ оно сохраняетъ въ неприкосновенности тлѣнію духовную мумію народной еврейской жизни среди повального разложенія всякихъ національных жизней и цивилизацій; да и не мумію, а самую жизнь—подобно старому мощному дереву, у котораго сердцевина и многіе корни уже выгнили, а вѣтви и побѣги все еще зеленѣютъ вѣка и тысячелѣтій.

Допустимо ли однакоже лицемѣріе въ христіанствѣ? Увы! Что дѣлать? По грѣховности и двойственности человѣческой природы оно неизбежно и здѣсь, когда оно составляетъ низшую, но неизбежную ступень въ лѣстницѣ нравственнаго христіанскаго совершенства; когда возрожденный въ крещеніи человѣкъ носитъ въ себѣ, совмѣстно съ человѣкомъ новымъ, человѣка ветхаго, грѣховнаго, душевнаго, плот-

скаго, котораго нужно распинать съ его страстями и похотями; когда въ нашемъ ветхомъ плотскомъ человѣкѣ каждый изъ насъ видитъ инъ законъ, противоположный закону ума и тлѣняющъ насъ закону грѣховному; когда самымъ началомъ жизне-дѣятельности христіанина поставлена двойственность ветхаго и новаго человѣка и борьба новаго съ ветхимъ, борьба закона духовнаго съ плотскимъ, борьба руководимаго евангельскимъ идеаломъ духа противъ грѣховной плоти, противъ соблазновъ міра, противъ темнаго князя вѣка сего; когда Христосъ возлагаетъ на насъ иго и бремя своего закона, иго и бремя нелегкое, которое нужно носить согнувшись тяжело и не коротко, чтобъ почувствовать его благимъ и легкимъ; возлагаетъ на каждаго крестъ свой, заповѣдуя самоотреченіе, отреченіе отъ міра, отъ родства, отъ радостей сей привременной жизни, и требуя, чтобы мы носили крестъ свой съ радостью въ сердцѣ и на лицѣ, когда онъ изъ сердца исторгаетъ стоны страданія, а на лицѣ слезы горести. Увы! Что дѣлать, когда Христосъ провозглашаетъ, что царствіе Божіе нудится, вынуждается, и пріобрѣтаютъ его тѣ, кто его вынуждаютъ; когда Онъ заповѣдуетъ послушаніе своей церкви и грозитъ наитягчайшими карами за ослушаніе; когда и церкви своей внушаетъ требовать этого послушанія себѣ подъ угрозой лишенія всѣхъ даровъ благодати Божіей, повелѣвая ослушниковъ преклонять къ благопокорности и судомъ и наказаніями. Увы! На землѣ пока не небо, и люди—не ангелы. Потому и христіанская церковь естественно вынуждается нудить чадъ своихъ, чтобъ они нудили для себя царствіе небесное. Потому и христіанинъ, даже соулаждающъ въ помыслѣ, въ чувствѣ, въ стремленіи естественному закону плоти съ его требованіями, нудится подавлять его въ себѣ; нудится творить иное—не то, къ чему порывается мыслью, чувствомъ, желаніемъ и всѣми влеченіями плоти; призванный служить идеалу христіанской чистоты и безстрастія, нудится носить личину, хоть бы то борьбы со страстями, если и не побѣды надъ ними, даже когда страсти клопочутъ въ груди и разрываютъ сердце; изъ уваженія къ христіанской добродѣтели и святости, нудится и закрывать и обуздывать себя спасительнымъ лицемѣріемъ, пока не поборетъ въ себѣ грѣховную склонность, пока не пріобрѣтетъ постояннаго навыка къ добру, пока не залучитъ себѣ миръ совѣсти, соулаженіе сердца всему доброму, наконецъ любовь къ добру и Богу, яже есть союзъ и верхъ совершенства. Увы! По двойственности жизненнаго начала, христіанинъ нудится на-

чинать плотію, обузданіемъ ея, хотя бы даже принудительнымъ, хотя лицемѣрнымъ, чтобы скончать духомъ. И работая христіанскому духу, эту спасительную и почтенную личину носятъ непремѣнно всѣ болѣе или менѣе христіанскія общества, носятъ изъ вольнаго-невольнаго преклоненія предъ идеаломъ христіанства, изъ сознательнаго-безсознательнаго уваженія къ своему имени христіанъ, главное же изъ вольнаго-невольнаго самопокоренія духу общественнаго христіанскаго законодательства и жизненнаго уклада. И горе обществу, когда оно скидываетъ съ себя даже эту достопочтенную и сдерживающую личину христіанства, когда оно не стыдится и не страшится, какъ во Франціи, да и въ Россіи въ нѣкоторыхъ кругахъ, обнажать свой идолопоклонническій культъ, свое преклоненіе предъ всѣми божествами злобы и лукавства, хищничества и сладострастія, мрака и отчаянія...

Но допустимо-ли какое-либо лицемѣріе, какое-либо приневоливаніе въ молитвѣ, въ богослуженіи? Боже мой! Да неизбежно, да спасительно также, какъ и всегда въ духовно-нравственной жизни. Самъ Христосъ Спаситель находилъ нужнымъ, съ одной стороны, чтобы не подать соблазна, а съ другой, чтобы подать примѣръ другимъ (Мат. 17, 24—27),—находилъ нужнымъ во всю свою жизнь, до самыя тайныя вечера, соблюдать всѣ обряды ветхо-завѣтнаго богослужебнаго устава, хотя и зналъ, что ветхо-завѣтная буква уже отжила, что ветхо-завѣтная тѣнь совсѣмъ прешла и исчезла. Святые апостолы, даже по сошествіи на нихъ св. Духа, не только сами соблюдали главные обряды ветхо-завѣтнаго богослуженія даже послѣ того, какъ сами же отмѣнили ихъ на апостольскомъ соборѣ, но, одушевивъ ихъ новымъ Христовымъ духомъ, передали ихъ на вѣчное храненіе даже и въ ново-завѣтную церковь, каковы именно обряды утреннихъ и вечернихъ молитвъ и другіе. Вообще отчасти по примѣру ветхаго завѣта, отчасти же по новымъ требованіямъ новаго, св. апостолы сами намѣтили почти всѣ сроки дневныхъ богослуженій, соблюдаемые до сего дня; сами своимъ примѣромъ указали времена важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, какъ-то святая пасха, вознесенія Господня, святая пятидесятницы, богоявленія; сами учредили важнѣйшіе посты, какъ-то среды и пятка, а также святая чотырдесятницы и страстной седмицы; сами не только намѣтили главные черты богослужебнаго устава въ Христовой церкви, не только опредѣлили образъ и чинъ совершенія главной части христіанскаго богослуженія, святыхъ таинствъ, но сами-же

составили многія молитвы и пѣсни, на примѣръ молитвы и пѣсни божественной литургіи, имѣя своимъ учителемъ и въ этомъ, какъ и во всемъ, самаго Христа Іисуса, который самъ предалъ намъ молитву Господню, молитвенныя формулы таинствъ крещенія и евхаристіи, вѣроятно, молитвенную формулу апостольскаго благословенія, обрядъ пѣнія псалмовъ Давидовыхъ и другое, что Имъ самимъ передано св. апостоламъ, а отъ нихъ дошло до насъ. Отъ Него-же, отъ самаго Господа Іисуса Христа преданы на вѣчное храненіе ново-завѣтной заветъ изъ ветхо-завѣтной церкви обряды земныхъ и поясныхъ поклоновъ и колѣнопреклоненій, какъ и паденія на лице предъ Богомъ. Отъ Него-же, отъ Его креста занято и крестное знаменіе. Изъ этихъ-то священнѣйшихъ богопреданныхъ матеріаловъ, по этой священнѣйшей канвѣ, святые отцы, начиная съ мужей апостольскихъ, выткали весь глубоко-содержательный и многосмысленный, вдохновенный и поэтичнѣйшій уставъ и составъ православнаго христіанскаго богослуженія, прилагая крайнюю заботу, чтобы сохранить богопреданную древность до малѣйшей черты, а отъ себя ново-вводнаго приложить какъ можно менѣе, развѣ только что требовалось для округленія и украшенія, нисколько не отмѣняя и не измѣняя завѣтъ священной апостольской старины.

Но предавая церкви этотъ священный завѣтъ ново-завѣтнаго богослуженія, святые апостолы имѣли въ виду, безъ сомнѣнія, не то, чтобы онъ сохранялся только въ хартіяхъ богослужебныхъ чинопослѣдованій, но чтобы соблюдался въ жизни и практикѣ церковной, требуя, чтобы всѣ вѣрные по возможности соблюдали всѣ установленныя сроки постовъ и праздниковъ и участвовали во всѣхъ уреченныхъ молитвословіяхъ, какъ въ храмахъ, такъ и въ домахъ. И вѣрные цѣлыхъ почти 19 вѣковъ поставляли своимъ долгомъ и потребностью сердца хранить апостольскій и свято-отеческій завѣтъ богослуженія и молитвословія ненарушимо въ духѣ и буквѣ, подвизаясь въ молитвѣ дни и ночи; при этомъ нерѣдко или даже постоянно борясь то съ дебелостію, то съ немощію плоти, дебелость поборая и утончая, а немощь доводя молитвеннымъ трудомъ до изнеможенія и духовно подкрѣпляя еще болѣе усиленнымъ подвигомъ молитвы; чая и не обманываясь въ надеждѣ, что Духъ Божій, за напряженный молитвенный подвигъ, возниспослетъ свою благодать пламеннѣйшаго чистѣйшаго паренія сосредоточенной молитвы къ престолу Божію; находя пользу и отраду

духу даже въ самомъ пребываніи въ молитвенной хранилѣ, которая окурена и постоянно окуривается благодатію Св. Духа; устроая и въ домахъ молитвенныя клѣтки или хотъ углы святые, для непрестаннаго напоминанія себѣ заповѣди апостольской: *непрестанно молитесь*; поставляя непоручную красоту общественнаго богослуженія въ томъ, чтобъ изъ уставленнаго святыми отцами чина ничто не было изъято въ исполненіи, подѣ страхомъ свято-стеческой клятвы.

Таковъ строгій духъ и завѣтъ священной христіанской древности. Такъ глубочайшій носитель и выразитель сего духа, святой отецъ нашъ Исаакъ Сиринъ мудрствуетъ о нуждѣ долговременнаго упражненія въ молитвѣ и плодахъ онаго: „молитва требуетъ обученія, да достигъ временемъ упражняюща въ ней упрямудрится умъ. Ибо по нестяжаніи, отрѣшающемъ помышленія наши отъ земныхъ узъ, молитва хочетъ долговременнаго въ ней пребыванія. Зане отъ долговременнаго пребыванія умъ пріемлетъ обученіе, и научается отгонять отъ себя разсѣвающій помысль, и научается отъ многаго личнаго искуса тому, чего не можетъ получить отъ другаго. Различіе-ли молитвенныхъ чтеній, гласъ-ли устъ въ славословіе Божіе, попеченіе-ли сердца о Господѣ, поклоненія-ли тѣла, псалмопѣніе-ли стихословія, — все сіе споспѣшествуетъ навыку и возрастанію молитвы чистыя; отъ молитвы-же раждается любовь Божія. Любовь отъ молитвы, а молитва отъ пребыванія въ ней. Не нарекай праздною протяженіе молитвы не парящей, не восторженной, собранной и долгой, чтобъ оставить тебѣ псалмы. Больше упражненія въ стихословіи возлюби поклоны. И когда въ сей службѣ дано тебѣ будетъ дарованіе слезъ, тогда не скажешь, что наслажденіе получаемое въ нихъ, есть праздность. И особенно въ то время, когда умъ твой расточенъ, пребудь въ чтеніи молитвы“. Такъ разсуждали, такъ поучали истинные носители духа церкви, духа Христова.

И нашлась душа христіанская, въ концѣ 19-го столѣтія, которая весь этотъ вѣковѣчный духъ православной церкви обозвала лицемѣріемъ, которая благоговѣнное служеніе этому духу обозвала ханжествомъ. Нашелся человекъ, нескудно кормленный хлѣбомъ церковнымъ отъ колыбели до могилы, — человекъ, который, въ благодарность церкви за ея исключительную милость къ нему, не только употребилъ свои обширныя познанія, богатыя дарованія и десятки лѣтъ жизни, обезпеченной милостью и щедродательностію церкви, на измышленіе и оглашеніе

всяческихъ хуленій противъ церкви-же, но который, первый вслухъ всей святой православной Россіи, вознесъ хульныя уста на обязательность совершенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ; который кощунствуетъ надъ преданными самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ колѣнопоклоненіями и поклонами, надъ преданными святыми апостолами крестнымъ знаменіемъ; который въ благолѣпномъ совершеніи сихъ священныхъ обрядовъ со смѣхомъ указываетъ ханжество и человекоугодничество; который собственно кощунствуетъ, а рисуется, будто изрекаетъ премудрыя нравоученія, изрекая плоскія фразы, будто „молитва перестаетъ быть молитвою, если она обращается въ нѣчто похожее на заданный урокъ“, хотя-бы этотъ урокъ заданъ былъ самимъ Христомъ и апостолами, „если молитва становится похожею на необходимую церемонію“, — хотя большая часть молитвъ въ церкви Божіей искони вѣковъ именно и уставлена, какъ „необходимая церемонія“, какъ богоучрежденный обрядъ; „если молитва становится официальной“, т. е. обязательно, когда всѣ богоустановленныя въ церкви богослуженія и молитвословія для вѣрующихъ обязательны; „если молитвенное настроеніе подсказывается печатною книгою“, когда самъ Христосъ и апостолы Его пѣли псалмы Давидовы по книгѣ и уставному чинопослѣдованію; когда Христосъ и апостолы предали церкви Христовой многія молитвы и чинопослѣдованія именно съ тою цѣлію, чтобъ эти молитвы и чинопослѣдованія, внесенныя въ евангелія и другія священно-церковныя книги, подсказывали вѣрнымъ молитвенное настроеніе до кончины вѣковъ? Ужели даже онъ, кощунственный учитель — обличитель церкви, въ душѣ порадовался-бы, если-бы духовные питомцы, въ утро и вечеръ, ни даже лба своего не осынили крестнымъ знаменіемъ, ни даже устъ своихъ не освятили такимъ краткимъ, но преданнымъ отъ самаго Христа молитвословіемъ, какъ: *Отче нашъ, и: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь*. Если лицемѣріе и ханжество — обязательное посѣщеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ, самыхъ сокращенныхъ, — то ханжество-же и фарисейство — обязательное участіе въ молитвахъ предъ ученіемъ и послѣ онаго, передъ вкушеніемъ пищи и послѣ онаго, въ воскресныхъ и праздничныхъ утренихъ и литургіяхъ, обязательное говѣніе, обязательное приступаніе къ св. тайнамъ, обязательное соблюденіе постовъ. И это въ юношахъ, будущихъ служителяхъ слова Божія, которымъ слово Божіе внушаетъ возлагать ярмо Господень на выи свои отъ юности своея! Ужели онъ хотѣлъ-бы, чтобы наши духовно-

воспитательныя учрежденія были, по своему духу и задачѣ, ниже даже языческихъ философскихъ школъ, которыя учили мудрости не только теоретической, но и практической, не только знанію, но и добродѣтели, какъ и примѣрно-строгому соблюденію обрядовъ своего вѣка и народа? Ужели даже современное намъ саддукейское фарисейство обрадовалось-бы въ душѣ, если-бъ ученики, духовные питомцы, были якоже нѣщцы изъ старѣйшихъ или юнѣйшихъ, воспитателей и воспитываемыхъ, отцовъ и дѣтей, какихъ теперь развелось многое множество; если бы уподобились старѣйшимъ, которые посѣщаютъ храмъ Божій три-четыре раза въ году, да и то, чтобы позлослыничать и позабавить другъ друга веселою бесѣдою; которые отъ земныхъ поклоновъ освободили себя навсегда, поясныхъ не дѣлаютъ никогда, вмѣсто крестнаго знаменія творятъ нѣчто неподобное, странное перебирание пальцами пуговицъ ниже груди, и это потому, что стыдятся Христа и исповѣданія имени Христова предъ людьми; это потому, что употребляютъ съ своей стороны, для соблюденія своей чести предъ очами невѣрныхъ, немалыя усилія, чтобы ихъ не заподозрили, будто они во что-либо вѣруютъ; которые иногда приступаютъ къ святымъ тайнамъ съ такимъ стѣсненнымъ видомъ маловѣрія и конфузливой гордыни, стыдящейся собственнаго фарисейства, что приводятъ въ душевное смущеніе раздавателя таинъ, не говоря уже о тѣхъ, которые совсѣмъ уже отреклись отъ христіанства практически.... Ужели даже саддукейскому фарисейству было-бы желательно и отрадно, если-бъ и духовные воспитанники, будущіе служители слова Божія, походили на тѣ, конечно чуждыя ханжества заведенія, въ которыхъ питомцы не обязываются посѣщать богослуженіе и не посѣщаютъ, не обязываются совершать никакихъ молитвъ и не совершаютъ; неизвѣстно, обязываются-ли приступать къ святымъ тайнамъ и приступаютъ-ли? А не заводятся-ли нынѣ и такіе питомцы, которыхъ единственно только въ высокочестивѣйшіе дни начальства торжественнымъ шествіемъ выводятъ изъ заведенія въ церковь въ числѣ до полу-тысячи; а питомцы, на разстояніи четверти версты отъ заведенія до церкви, на глазахъ народа разбѣгаются сотнями; а начальство съ лицемѣрною серьезностью приведетъ и разставитъ въ соборѣ два три десятка самыхъ маленькихъ, никогда не справляясь, бывають-ли всѣ у службы Божіей по воскресеньямъ, а большинство хоть когда-либо? Или даже такіе, которыхъ заставляютъ говѣть въ послѣднюю половину страстной, покороче, т. е. вече-

ромъ въ великую пятницу и въ великую субботу; но говѣющіе даже въ великую субботу на утренѣ не бывають, между утреней и обѣдней подкрѣпляются завтракомъ, чтобы не ослабѣть, такъ какъ обѣдня полагается поздно, во время-же обѣдни гуляють и курятъ по бульвару вблизи церкви, такъ какъ обѣдня полагается длинная, хотя и крѣпко ускоряется?...

И всѣ, очень многіе, даже педагоги русскіе такъ горячо хлопочутъ, озабочиваясь даже въ педагогическихъ наставленіяхъ и правилахъ, какъ-бы это уберечь нашихъ питомцевъ, будущихъ русскихъ людей, и въ свою очередь будущихъ родителей и воспитателей, отъ лицемѣрія и ханжества! Боже! До чего мы дожили и куда идемъ! Спѣшимъ, очень спѣшимъ, чтобы не отстать отъ передовыхъ... Мракъ разрушительнаго суемудрія такъ густъ и такъ проницателенъ, что грозитъ омрачить и прельстить губительными миражами даже избранныхъ...

О, чистая Дѣво Богородице, Святѣ рождшая, просвѣти души мояя очи, да не постигнетъ мя грѣховная тма глубочайшая, ниже глубина да покрѣтитъ мя отчаянія; но сама мя спаси и окорми ко пристанищу божественнаго хотѣнія. Аминь.

1883 г.

ПОУЧЕНІЕ

23-го ноября 1879 года, на благодарственномъ молебствіи о сохраненіи драгоцѣнной жизни благочестивѣйшаго государя императора Александра II, отъ злодѣйскаго покушенія 19-го ноября.

Счастье великое, несчастье ужасное и позорное!

При полученіи среди глубокой ночи этой потрясающей своимъ быстрымъ неожиданнымъ повтореніемъ, путающей всѣ мысли, удручающей чувство вѣсти, подумалось, что тутъ и къ чему тутъ говорить?! Здѣсь не слова терять, а дѣло дѣлать нужно. Конечно и словомъ убѣжденія нужно вліять на убѣжденія. Но слово — мѣра медленная въ

своихъ послѣдствіяхъ, хотя и вѣрная. А противъ быстро дѣйствующей руки злодѣевъ пустить въ дѣло быстрыя мѣры пресѣченія и предупрежденія. Но когда возгласили мы наше благодарственное молебствіе о новой великой милости Божіей, когда діаконъ началъ читать предначинательный псаломъ молебствія, подумалось: Боже! Какъ это похоже, похоже новое настоящее на глубоко-древнее!

Вотъ почти за три тысячи лѣтъ отъ насъ въ избранномъ израильскомъ народѣ жилъ царь Давидъ, царь боголюбивѣйшій, мудрѣйшій, кротчайшій, самоотверженнѣйшій. Ни одинъ изъ израильскихъ царей не сдѣлалъ своему народу столько добра, сколько Давидъ. Онъ вознесъ Израиля на высшую точку могущества и зрѣлости, такъ что съ того времени Израиль хотя и существовалъ, существовалъ долго, но только падалъ ниже и ниже. И за то ни одинъ изъ царей не встрѣчалъ столько посягательствъ на свою жизнь, сколько Давидъ. Онъ былъ царь-поэтъ и въ поразительныхъ, то радостныхъ, то трагическихъ обстоятельствахъ своей жизни пѣлъ своему Богу вдохновенныя пѣсни, которыми улаживается и поучается лучшая часть человѣчества. Вотъ уже три тысячелѣтія, въ которыхъ Давидъ начерталъ въ своемъ лицѣ прототипъ обще-человѣческихъ радостей и скорбей, прототипъ неизблемой вѣры и надежды на Бога среди всѣхъ неожиданностей и превратностей, какимъ такъ много и часто подвергалась эта боголюбивая, поэтическая, царственная личность. Посмотрите-же, не похожи ли царь Давидъ на нашего царя, возлюбленнаго Богомъ, благотворнѣйшаго для народовъ не только своего, но и другихъ, благочестивѣйшаго, кротчайшаго, воистину благодисловеннаго Александра II? Не похоже-ли положеніе одного на положеніе другаго? Мы только повторимъ вамъ только что прочитанный предначинательный псаломъ *); а вы сами приложите его къ настоящему времени и къ поразительному событію, которое собралъ насъ сюда.

Исповѣдайтесь Господеви, славьте Бога, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его. Да речетъ нынѣ домъ Израилевъ, да рекутъ нынѣ и русскіе люди, что Богъ благъ, что во вѣкъ милость Его. Да речетъ нынѣ домъ Аароновъ, да рекутъ себѣ и другимъ пастыри и учителя церкви, что Богъ благъ, что во вѣкъ милость Его. Да рекутъ нынѣ всѣ боящіеся Бога, что Онъ благъ, что во вѣкъ милость Его. Вотъ я, царь Давидъ, изъ тѣсноты воззвалъ ко Господу, и услышалъ

*) Псаломъ 117.

меня Господь и извелъ на широту. Господь мнѣ помощникъ, и не убоюсь, — что сотворитъ мнѣ челоуѣкъ? Господь мнѣ помощникъ и безтрепетно воззрю я на враговъ моихъ. Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на челоуѣка. Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на князей, какъ и на всѣхъ окружающихъ, — даже при готовности ихъ пожертвовать самою жизнію они безсильны предусмотрѣть всякую опасность. Цѣлыя народы злобно окружили меня, и именемъ Господнимъ я сопротивлялся имъ и низложилъ ихъ. Обступили меня, окружили меня, но именемъ Господнимъ я сопротивлялся имъ. Окружили меня, какъ пчелы сотъ; яростно разгорѣлись вокругъ меня, какъ огонь на терновомъ кустѣ, но именемъ Господнимъ я сопротивлялся имъ. Толкнули меня сильно, и не разъ, такъ что я превратился, уже терялъ равновѣсіе и готовъ былъ упасть, но Господь самъ принялъ меня въ свои объятія и поддержалъ. Крѣпость моя и пѣніе мое Господь, и былъ мнѣ Господь во спасеніе. И вотъ въ жилищахъ праведныхъ богобоязненныхъ людей гласъ радости о спасеніи, потому что десница Господня явила силу. Десница Господня вознесла меня, десница Господня и силу сотворила. Вопреки злему умыслу враговъ моихъ не умру, но буду жить и возвѣщать дѣла Господни. Многими опасностями испыталъ меня Господь, но смерти не предалъ меня. Отворите-же мнѣ врата правды; — я войду въ нихъ и прославлю Господа, воздавъ врагамъ моимъ должное по суду и правдѣ, хотя и съ милостію... Исповѣдаюсь Тебѣ, славлю Тебя, Господи, за то, что Ты услышалъ меня и былъ мнѣ во спасеніе. Камень, который отвергли строители, который хотятъ извергнуть самонителные строители будущаго воображаемаго общества, сей камень и будетъ, какъ и былъ и есть во главу угла. Въ основу онъ положенъ самимъ Господомъ и дивенъ, облеченъ величіемъ и славою, въ очахъ нашихъ. Сей день, его-же сотвори Господь, — возрадуемся и возвеселимся въ онъ. О Господи, спаси-же! О Господи поспѣши-же съ помощію, нынѣ и всегда! Раздаются клики: благодисловенъ грядый во имя Господне, царь народа богоизбраннаго! Благодаримъ тебя грядущаго царя нашего всѣ мы, собравшіеся въ дому Господнемъ. Богъ Господь явился намъ и осіялъ насъ. Составимъ-же праздникъ, поспѣшая съ жертвами хвалы и благодаренія къ жертвеннику Божію. Всѣ съ царемъ нашимъ во главѣ воскликнемъ: Богъ мой еси Ты, и вознесу Тя. Исповѣдуемся Тебѣ и славимъ Тебя, Господи,

за то, что Ты услышалъ насъ и былъ намъ во спасеніе. Всѣ исповѣдайтесь Господеви, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его. Аминь.

1879 г.

ПОУЧЕНІЕ

на молебствіи при открытіи мѣщанской богадѣльни въ г. Уфѣ, 23-го ноября 1879 года.

Утомлять васъ многоглаголаніемъ не станемъ. Но неудобно и промолчать при такомъ поразительномъ совпаденіи, когда вы именно сегодня подносите благочестивѣйшему государю эту богадѣльню, въ память избавленія драгоцѣнной жизни его отъ злодѣйскаго покушенія 4-го апрѣля*). Да и скажемъ нѣчто способное принести отраду, потому что скажемъ не свое, а Христово слово, да и Христово слово особо утѣшительное и ободряющее.

Раскроешь вотъ евангеліе на любой страницѣ, и чувствуешь, что всякая строчка тамъ, всякое слово есть перлъ, безспорный, обще-признанный, безцѣнный перлъ. И глядя на все привычнымъ окомъ, не различаешь, который изъ этихъ перловъ блеститъ ярче. Но бываетъ, что иной вдругъ поразитъ тебя особымъ блескомъ, какъ бы какимъ озареніемъ. Я говорю о собственныхъ впечатлѣніяхъ, и однимъ изъ таковыхъ позволяю себѣ подѣлиться съ вами теперь и здѣсь. Надѣюсь, что изъ моего указанія вы вынесете для себя утѣшеніе и урокъ, подобные тѣмъ, какіе вынесъ я.

Къ сожалѣнію, даже самые усердные и постоянные посѣтители Божіихъ службъ бываютъ въ храмѣ Божіемъ больше по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а рѣдко по буднямъ. Оттого всѣ мы больше прислушались и привыкли къ праздничнымъ евангельскимъ чтеніямъ, а о другихъ забываемъ. Между тѣмъ на будніе дни падаетъ большая

*) Извѣстіе о новомъ злодѣйскомъ покушеніи 19 ноября 1879 года (взрывъ на желѣзной дорогѣ подъ Москвою) въ Уфѣ получено было въ полночь съ 22 на 23-е ноября. И молебствіе при открытіи означенной богадѣльни отправлялось сряду по совершеніи въ каѳедральному соборѣ благодарственнаго молебствія о новой милости Божіей, явленной въ сохраненіи драгоцѣнной жизни богохранимаго возлюбленнаго монарха нашего Александра II.

часть евангельскихъ чтеній. И нѣкоторыя изъ нихъ тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ рѣже ихъ слышишь. Вотъ именно на-дняхъ меня самого, почивающаго на законѣ, поразило одно такое чтеніе. Оно состоитъ изъ немногихъ словъ, какъ и большая часть евангельскихъ чтеній. Но прислушайтесь, и оцѣните.

Оно касается благотворности милостыни для самихъ благотворящихъ. Безъ сомнѣнія, многіе изъ насъ помнятъ не мало уроковъ Христа Спасителя о милостынѣ. Но помните ли именно этотъ?

Когда Христосъ Спаситель кончилъ одну изъ своихъ бесѣдъ къ народу, одинъ фарисей просилъ Его къ себѣ обѣдать. Христосъ пришелъ и возлегъ. Прибавимъ отъ себя, что на востокѣ тогда не сажались за обѣденный столъ, а возлегали около стола, обыкновенно низкаго, на полъ грудью и лицомъ къ столу, опираясь локтемъ на подушки, а ноги отбрасывая въ противоположную сторону. Въ тоже время былъ тамъ-же, какъ и до сихъ поръ сохраняется, равнявшійся закону, обычай передъ обѣдомъ совершать омовеніе рукъ. Безъ сомнѣнія, провидя урокъ, который преподастъ, Христосъ пришелъ и прямо возлегъ, не умывъ рукъ. Хозяинъ фарисей удивился, увидѣвъ, что Христосъ не умылъ рукъ предъ обѣдомъ. Быть можетъ, хозяиномъ сдѣлано было и замѣчаніе. Но Господь читалъ и въ сердцахъ чело-вѣческихъ. И сказалъ фарисею: нынѣ вы, фарисеи, внѣшность чаши и блюда очищаете; а внутренность ваша исполнена хищенія и лукавства. Неразумные! Не тотъ ли, кто сотворилъ внѣшнее, сотворилъ и внутреннее? Какъ вы, фарисеи, хотите угодить Богу, очищая внѣшнее, умывая руки, и оставляя внутреннее полнымъ нечистоты, оставляя душу полною скверны?.. Однакоже, подавайте милостыню изъ того, что есть у васъ,—и тогда все будетъ у васъ чисто.

Этимъ и оканчивается евангельское чтеніе. Это мы и хотѣли вамъ напомнить. Чтобы крѣпче почувствовать силу слова Христова, прочитаемъ еще дальше по евангелію нѣсколько строкъ. Горе вамъ, фарисеямъ,—продолжаетъ Господь,—что вы даете десятину съ мяты, руты и всякихъ овощей, а не радите о судѣ и любви Божіей; сіе подобало творить, и того не оставлять. Горе вамъ, фарисеямъ, что любите предсѣданія въ синагогахъ и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что вы, какъ гробы скрытые, надъ которыми люди ходятъ, и того не знаютъ*).

*) Лук. II, 37—44.

Теперь объяснимъ. Кто такіе были фарисеи, мы знаемъ. Еврейское общество того времени умирало и разлагалось, сперва нравственно, а затѣмъ и политически. Во главѣ же этого разлагающагося общества стояли фарисеи, которые носили личину святости, а въ сущности были великіе грѣшники, корыстолюбцы, неправедные, немилосердые. Горе же тебѣ, фарисей, — учить Спаситель, — что ты моешь руки, очищаешь внѣшнюю сторону блюда, думая угодить этимъ Богу, но не заботясь, чисто-ль оно внутри; а внутренность твоя полна грабленія и лукавства. Но твори милостыню, — и тогда все въ тебѣ будетъ чисто. Горе тебѣ фарисей, что ты подаешь на храмъ установленную десятину съ дешевыхъ вещей, съ мяты, съ руты и всякихъ овощей, а забылъ ты правду и любовь Божію, грабишь многихъ, обижаешь всѣхъ, кого осилишь. Но твори милостыню, — и тогда все въ тебѣ будетъ чисто. Горе тебѣ, фарисей, что ты любишь предсѣданія въ синагогахъ и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ; ты тщеславенъ, ты самолюбивъ, ты гордъ. Но твори милостыню, — и тогда все въ тебѣ будетъ чисто. Горе тебѣ, книжникъ, фарисей, лицемеръ, что ты, какъ гробъ скрытый, полный костей мертвыхъ и всякія нечистоты, надъ которымъ люди ходятъ, не зная того, какъ ты омерзителенъ и ужасенъ. Но твори милостыню, — и тогда все въ тебѣ будетъ чисто. Конечъ слова Христова: всѣ вы грѣшны, но творите милостыню, — и тогда все въ васъ будетъ чисто.

И вотъ вы сотворили милостыню, сдѣлавъ Бога-дѣла сіе хорошее дѣло, — устроивъ сію богадѣльню для бѣдныхъ, для старыхъ, для немощныхъ. И за это въ васъ многое чисто будетъ, по слову нашему. *И се вся чиста вамъ будутъ*, по слову Христову. Потому что, по другому слову Христову, *кто напоитъ единого отъ малыхъ силъ чашею холодной воды, во имя Христова, аминъ глаголю вамъ*, — увѣряетъ самъ Христосъ, — *и тотъ не погубитъ мзды своея*. У Бога и малое наше пойдетъ за большое. Двѣ лепты вдовицы снискали ей похвалу отъ Бога и безсмертную славу у людей. Конечно, не самообольщайтесь легкостью спасенія. Но милостыня съ вѣрою во Христа привлечетъ съ собою родную сестру свою, покаянную молитву. А молитвы наши и милостыни выздуть предъ Бога и преклонятъ Его на милость устроить наше спасеніе, имже самъ Онъ вѣсть судьбами.

Вотъ еще евангельское слово о томъ же. Случилось Иисусу притти въ домъ одного изъ начальниковъ фарисейскихъ вкусить хлѣба. Иисусъ

сказалъ позвавшему Его: когда дѣлаешь обѣдъ или ужинъ, не зови друзей своихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ, ни соседей богатыхъ, чтобъ и они тебя позвали и ты получишь воздаяніе. Но когда дѣлаешь пиръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ. И блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ. Ибо воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ.

Старые русскіе, наши предки буквально такъ и поступали, по слову Христову. Въ урочные дни, въ урочные праздники, во дни семейнаго счастья и особенно горя, особенно-же во дни поминовенія близкихъ родныхъ, устрояли столы, за которые сажали всякихъ нищихъ и угощали ихъ по мѣрѣ силы. А кто не могъ творить такую широкую милостыню, обходился милостынею поручною, подавая грошами, кусками хлѣба и т. д. Ушло (впрочемъ еще не совсѣмъ) это доброе старое время и унесло старые русскіе христіанскіе обычаи. Пришло новое время и принесло свои, но добрые-же христіанскіе обычаи. Преклоняемся предъ почтенною отеческою стариною; но благословляемъ и новое доброе. Наши предки поддерживали своихъ нищихъ Христа ради по своему времени, какъ умѣли. Мы оберегаемъ Христа-же ради бѣдноту нашего времени, какъ умудряетъ насъ вѣковой опытъ, на которомъ утверждаются настоящія правительственныя и законодательныя относительно нищенства мѣропріятія. Конечно, система нашего времени не вполне удовлетворитъ запросу, какъ показываетъ опытъ другихъ старѣйшихъ народовъ, какъ впрочемъ и старо-русская система не удовлетворяла. Но разумности и цѣлесообразности въ ограниченіи нищенства нельзя не признать. Бѣднаго калѣку, разореннаго бѣдняка, неспособнаго къ работѣ, ослабѣвающаго старца обязана призрѣть во первыхъ собственная семья, обязана призрѣть далѣе собственная община; а не слѣдуетъ пускать нищаго по міру, гдѣ прежде цѣлыя толпы нищихъ слонялись чуждыя всѣмъ, часто умирали, заброшенные безпріютно, а нерѣдко погибали и въ нравственномъ безобразіи. А теперь подумайте, сколько цѣлесообразнаго, сколько прекраснаго, сколько христіанскаго въ одномъ этомъ учрежденіи богадѣльни. Вамъ учредителямъ Бога-дѣла, Христа ради, какъ и всѣмъ будущимъ благотворителямъ этой богадѣльни, самъ Христосъ на страшномъ судѣ скажетъ: алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть, въ лицѣ сихъ братьевъ моихъ меньшихъ; жаждалъ Я, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли и пріютили Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ, и вы посѣтили

Меня; въ темницѣ былъ, въ темныхъ лачугахъ, въ грязныхъ углахъ, недалеко и отъ темницы бывалъ, и вы пришли ко Мнѣ и принесли Мнѣ помощь, отраду и упокоеніе. Аминь глаголю вамъ: поелику вы сдѣлали сіе симъ братіямъ моимъ меньшимъ, то сдѣлали Мнѣ.

Меньшая братія Христова! Бѣдный Лазарь ангелами отнесенъ былъ на лоно Авраама, какъ праведный, мимо богатыхъ неправедныхъ. Вамъ остается теперь одно дѣло въ жизни, — святое и праведное дѣло, — молиться. Благословите же Бога. И помолитесь за государя царя, — во имя его вы здѣсь упокоены. А ему нужны молитвы за него всѣхъ богобоязненныхъ душъ. Помолитесь и молитесь также и за всѣхъ благо-творящихъ вамъ дѣломъ, словомъ и хотѣніемъ. Аминь.

1879 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю 25-ю, 23-го ноября, въ день памяти св. бла-говѣрнаго в. князя Александра невскаго и святителя Ми-трофана.

РѢШЕНІЕ ЖЕНСКАГО ВОПРОСА ВЪ СЛОВѢ БОЖІЕМЪ.

*Величитъ душа моя Господа, и возра-
довася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ: яко
призрѣ на смиреніе рабы своей, — се бо отъ
нынѣ ублажатъ мя вси роды, — яко сотвори
мнѣ величіе Сильный, и свято имя Его и
милость Его въ роды родовъ боящимся Его.
Лук. I, 46—50.*

Преславному рождеству Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа предшествовало, за девять мѣсяцевъ, по законамъ рожденія естественнаго, преславное благовѣщеніе, о сверхъестественномъ Его за-чатіи, Преподобной Дѣвѣ Маріи. Событіе благовѣщенія соверши-лось и празднуется святою нашею церковію весною, въ 25-й день на-шего мѣсяца марта, по древнѣйшему, отъ 1-го апостольскаго вѣка, преданію; совершилось оно такимъ образомъ.

По свидѣтельству святыхъ отецъ, пречистая Дѣва Марія, пребы-вая при храмѣ, въ который трилѣтнею отроковицею введена была свои-ми родителями, для посвященія Богу, когда стала приходить въ дѣ-вическій возрастъ, первая изъ дѣвъ свое дѣвство обручила Богу: ибо въ ветхомъ заветѣ не было обычно дѣвицамъ не посягать въ супру-жество, которое считалось честнѣе дѣвства. Пречистая-же Дѣва пер-вая въ мірѣ предпочла дѣвство паче супружества, и уневѣстивъ себя Богу въ чистомъ своемъ дѣвствѣ, день и ночь служила Господу, ставъ такимъ образомъ предначинательницею иночества въ церкви христіан-ской, дѣвственнаго житія. Но когда преподобной отроковицѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ пребыванія при храмѣ и четырнадцать отъ рожденія, повелѣно было ей отъ архіереевъ и священниковъ, чтобы, по обычаю законному, оставивъ пребывать при храмѣ, какъ прочія дѣ-вицы сверстницы Ея, Она посягнула замужъ. Она-же имъ отвѣчала, что Богу единому однажды отдана отъ пеленъ родителями, и Ему обѣ-щала соблюсти свое дѣвство во вѣки, и невозможно Ей быть сопря-женной человѣку смертному, и ничто къ браку принудить Ее не мо-жетъ. Подивившись новости дѣла, — такъ какъ ни единой не было та-ковой дѣвицы, которая-бы обѣщала Богу свое дѣвство во вѣки, — та-первая, въ мірѣ таковою явилась, — архіереи совѣтовались о Ней между собою, что слѣдуетъ съ Нею сдѣлать, чтобы не учинить святотатства, поработивъ супружеству ту, которая однажды навсегда Богу посвя-щена. Святыхъ родителей Ея, праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, въ живыхъ уже не было; съ ними совѣтоваться, касательно жизнен-наго жребія дѣвственной дочери ихъ, нельзя было; между тѣмъ воля ихъ, чтобы дочь ихъ посвящена была Богу, была извѣстна. И по ма-новенію Божію, рѣшили поискать такого достойнаго мужа, которому-бы ввѣрена была Дѣва подъ чиномъ и образомъ супружества, въ не-тлѣнное храненіе дѣвства. И вручена была Она старцу Іосифу, срод-нику своему. Когда совершилось обрученіе, взялъ святой Іосифъ пре-чистую Дѣву отъ рукъ архіерея и прочихъ священниковъ, въ чистое и непорочное сожитіе. Изъ Іерусалима праведный Іосифъ взялъ Ее въ Назаретъ, гдѣ жилъ самъ, занимаясь древодѣланіемъ — плотническимъ или столярнымъ ремесломъ, гдѣ до смерти жили и святые праведные родители Ея, Іоакимъ и Анна. Св. Іосифъ, по священному преданію, былъ вдовъ, по первомъ бракѣ и отъ этого брака имѣлъ дѣтей, сыновъ и дочерей.

Живя въ дому обручника, пречистая Дѣва не измѣнила прежняго житія своего, какое имѣла во святилищѣ, при храмѣ. Ибо не въ чемъ либо иномъ упражнялась, развѣ только въ богомысленной молитвѣ, въ чтеніи божественныхъ книгъ и въ обычномъ приличномъ себѣ рукодѣліи. И былъ для Нея домъ Іосифовъ, какъ храмъ молитвенный, изъ котораго никуда Она не выходила, но всегда затворившись сидѣла, въ пощеніи и молчаніи, ни съ кѣмъ не бесѣдуя, развѣ только съ домашними, т. е. съ дочерьми Іосифа, которыхъ по преданію было двѣ. Съ тѣми только иногда нѣкое провѣщавала Она слово, если бывала когда по случаю нужда въ бесѣдѣ, и то вкратцѣ. Именно Іосифу Она обручена была потому, что съ одной стороны, святостію своей жизни, онъ заслуживалъ этой чести, — быть хранителемъ дѣвства пречистой Матери Божіей, а съ другой стороны и потому, что онъ былъ отраслю царскаго дома Давидова, изъ котораго, по цѣлому ряду обѣтованій Божіихъ, надлежало родиться Мессіи Христу, избавителю рода человеческого.

Замѣтьте, что событіе зачатія святаго славнаго пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна воспоминается церковію 23 сентября мѣсяца. Въ это время года архангелъ Гавріилъ явился священнику Захаріи, во святилищѣ іерусалимскаго храма, чтобы возвѣстить Захаріи зачатіе Предтечи Христова.

Въ шестой-же мѣсяцъ, послѣ этого священнаго событія — благовѣщенія о зачатіи Предтечи, совершилось другое величайшее благовѣщеніе, Преблагословенной Дѣвѣ Маріи, о зачатіи отъ Нея Сына Божія. Въ шестой мѣсяцъ посланъ былъ отъ Бога съ небесныхъ высотъ архангелъ Гавріилъ, — тотъ самый, который возвѣстилъ и зачатіе Предтечи Христова, въ городѣ, находящійся въ Галилеѣ, называемый Назаретъ, — къ Дѣвѣ обрученной мужу, именемъ Іосифу, изъ дома Давидова; имя-же Дѣвѣ — было Марія. По преданію, пречистая Дѣва, въ этотъ священный часъ, по обычаю упражнялась въ богомыслии, размышляла надъ только что прочитаннымъ пророчествомъ Исаіи о Мессіи: *се, дѣва во чревь зачнетъ и родитъ Сына, и нарекутъ Ему имя — Еммануилъ, еже есть сказано: съ нами Богъ. Ангелъ, вошедши къ Ней, сказалъ: радуйся, благословенная, Господь съ Тобою, благословенна Ты въ женахъ.* Къ обычному знаменательному привѣтственному благожеланію древности: радуйся, здравствуй, будь здорова духомъ и тѣломъ, будь счастлива и свѣтла духомъ, архангелъ

— благовѣстникъ присоединяетъ особенное, чрезвычайное, премірное, небесное привѣтствіе: радуйся благодатная, благословенная Богомъ, надѣленная особенными божественными дарами, отъ всѣхъ родовъ избранная, всѣхъ тварей, небесныхъ и земныхъ, превысшею являвшаяся! *Господь съ Тобою*, есть и да будетъ, и чрезъ Тебя есть и пребудетъ со всѣмъ человѣчествомъ. *Благословенна Ты въ женахъ*, благословятся о Тебѣ и чрезъ Тебя вся колѣна земная и о сѣмени твоємъ, чрезъ твое рожденіе, и Тебя ублажать всѣ роды, всѣ рождающія и всѣ ихъ порожденія. *Она-же, увидѣвъ архангела, смутилась отъ словъ его, и размышляла, чтобы это было за привѣтствіе.* Пренепорочная Дѣва смутилась и отъ необычайнаго вида небеснаго благовѣстника, и отъ необычайныхъ привѣтствій его. Но это смущеніе не было таково, какъ смущеніе священника Захаріи, отца Предтечева. На того напали страхъ и недовѣріе; пресвятая-же размышляла, чтобы значило это необычайное привѣтствіе. Видно изъ сего, что для благословенной Дѣвы явленіе небесныхъ вѣстниковъ не было необычайнымъ, чѣмъ подтверждается древнее преданіе о многократныхъ явленіяхъ Ей ангеловъ въ то время, когда Она, еще необрученная, жила при храмѣ. *И сказалъ Ей ангелъ: не бойся, Марія! Ибо Ты обрѣла благодать у Бога.* Разсѣвая смущеніе Дѣвы и предупреждая страшливость непорочной, говоритъ: не бойся, дерзай, не смущайся. Успокоиваетъ сердце Ея отъ страха, чтобы Она приняла божественный свѣтъ въ невозмутимомъ спокойствіи; въ состояніи смущенія Она не могла-бы должнымъ образомъ выслушать небесное благовѣстіе. *Обрѣла Ты благодать у Бога:* Богъ благоволитъ къ Тебѣ особенно, и потому не смущайся моимъ явленіемъ и необычнымъ привѣтствіемъ: я приношу Тебѣ радость, и не только Тебѣ, но и всему міру чрезъ Тебя. *И вотъ Ты зачнешь во чревь и родишь Сына, и наречешь имя Ему — Іисусъ.* Ангелъ благовѣстникъ говоритъ словами пророка Исаіи, предвозвѣстившаго въ нихъ рожденіе Мессіи отъ Дѣвы, — словами, которыя, по священному преданію, Пречистая Дѣва, въ сію священную минуту, только что прочитала въ пророчествѣ Исаіи, остановившись въ размышленіи надъ ними. *Онъ будетъ великъ,* — вѣщаетъ архангелъ, — *и наречется Сыномъ Всевышняго,* — Сыномъ въ особенномъ собственномъ смыслѣ, какъ Сынъ единородный, перворожденъ всея твари, — Сыномъ Всевышняго, т. е. Бога Отца, именуемаго такъ потому, что Онъ, какъ вѣчный и Творецъ, неизмѣримо выше всякой твари на небеси и на земли, — пред-

начертывая, что отъ вѣчности Сынъ Божій едиnorodный, второе лице достопокланяемая Троицы, станетъ во времени Сыномъ Всевышняго едиnorodнымъ, воплотившись въ лицѣ Господа Иисуса Христа. *И дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его:* имѣющій родиться отъ тебя Младенецъ будетъ Царемъ, наслѣдникомъ и обладателемъ царскаго достоинства царя Давида, отца своего по плоти, потому что произойдетъ отъ Давида по прямой линіи, и по матери своей, происшедшей отъ рода Давидова, и по нареченному отцу своему Іосифу, прямой отрасли отъ рода того-же Давида царя, которому Богъ обѣтовалъ, что престолъ Давида будетъ управленъ до вѣка, т. е. вѣчно будутъ цари изъ рода Давидова, и этому обѣтованію пришло теперь время исполненія, осуществленія во Христѣ, вѣчномъ Царѣ церкви. *И воцарится Онъ надъ домоу Іакова во вѣки,*—воцарится во-первыхъ надъ народомъ еврейскимъ, происходящимъ отъ 12 патриарховъ сыновъ патриарха Іакова; но будетъ Онъ Мессіею—обѣтованнымъ Царемъ и надъ всѣми народами земли, Царемъ царства, состоящаго изъ избранныхъ отъ всѣхъ языковъ и колѣнъ и племенъ, которые, по таинственному божественному домостроительству, всѣ усыновлены патриархамъ Аврааму, Исааку и Іакову, почему и составляютъ таинственно-усыновленный родъ Авраама и домъ Іакова, божественное царство Христово на землѣ и на небѣ. *Воцарится во вѣки, и царству Его не будетъ конца,*—будетъ Онъ Царь надъ всѣми и всѣмъ, Царь вѣчный по божеству и вѣчный по обоженному челоуѣчеству, Царь надъ земною церковію и надъ небесною.

Услышавъ такое необычайное благовѣстіе, *Марія сказала ангелу: какъ будетъ это, когда Я мужа не знаю?* Сказала не потому, что Она какъ-бы не повѣрила, но потому, что Она, какъ мудрая и разумная, желала узнать образъ настоящаго событія: ибо ничего подобнаго не было прежде сего, ни послѣ сего не будетъ. *Ангелъ сказалъ Ей въ отвѣтъ: Духъ Святой найдетъ на Тебѣ и сила Всевышняго оспитъ Тебѣ; посему и рождаемое святое наречется Сыномъ Божиимъ.* Такъ какъ Мессія пришелъ принести себя въ жертву правдѣ Божіей за грѣхи всего челоуѣческаго рода, то самому Ему и не слѣдовало имѣть никакого грѣха, ни даже первороднаго, отъ коего не свободенъ ни одинъ челоуѣкъ, рожденный естественнымъ образомъ отъ отца и матери.

Почему Спаситель нашъ и зачался въ предочищенной къ сему Дѣвѣ, особеннымъ сверхъ-естественнымъ дѣйствіемъ Божиимъ, по наитіи на Нее Святаго Духа, третіаго лица достопокланяемая Троицы, осѣненіемъ Его высочайшей божественной животворящей силы. Посему рождаемое, уже въ самомъ зачатіи и рожденіи отъ божественной силы Духа Святаго, и пречистыхъ дѣвственныхъ кровей Богоматери, было свято, безгрѣшно, чисто. Сынъ Божій, прежде вѣкъ рожденный отъ Отца, явился Сыномъ Божиимъ и по челоуѣчеству своему, свято и чисто рожденному отъ Пречистыя Дѣвы.

Во увѣреніе истины благовѣщенія архангелъ благовѣстникъ указываетъ Дѣвѣ на событіе, Ей пока невѣдомое и потому, кромѣ святой старческой четы, праведныхъ Захаріи и Елисаветы, неизвѣстное, въ истинности котораго Дѣва могла удостовѣриться и изъ сего уразумѣть истину благовѣщенія. *Вотъ, и Елисавета, родственница твоя,*—увѣряетъ архангелъ,—*называемая неплодною, и она зачала сына въ старости своей, и ей уже шестой мѣсяцъ: ибо у Бога не останется безсильнымъ никакое слово.* Елисавета неплодная зачала сына въ старости, когда, по естественнымъ законамъ, уже не могла зачать; зачала по изволенію на то Божію, такъ какъ слово Божіе не останется безсильнымъ, или недѣйствительнымъ; для Бога все возможно, чего Онъ ни захочетъ по своей святой и всеильной волѣ. А если такъ, то несомнѣнно совершится и зачатіе младенца безъ мужа, во утробѣ Дѣвы непорочной. *Богъ, идяже хочетъ, побуждается естества чина.* Тогда *Марія сказала: се, раба Господня,*—выразила всецѣлую преданность волѣ Божіей, съ полнымъ смиреніемъ и вѣрою въ совершеніе непостижимаго таинства воплощенія Бога Слова. *Да будетъ Мнѣ по слову твоему. И отшелъ отъ Нея ангелъ.* Повѣрила Ева змію, повѣрила Марія Гавріилу; что та вѣрою утратила, то сія вѣрою приобрѣла. Въ моментъ вѣры совершилось наитіе и осѣненіе Дѣвы Святымъ Духомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ совершилось неизреченное и непостижимое таинство зачатія Мессіи Іисуса.

Воставши-же Марія во дни сіи, съ поспѣшностью пошла въ патристическую страну, въ городъ Іудинъ. Непосредственно послѣ благовѣщенія отъ ангела Марія узнала тайну, сродную съ тайною, Ей самой возвѣщенной,—тайну относительно сродницы своей Елисаветы, и потому, и по чувству родственному къ Елисаветѣ, и по взаимному соотвѣтствію ихъ тайнъ, и по другимъ чувствамъ и цѣлямъ, благодатная

Дѣва вознамѣрилась посѣтить свою престарѣлую родственницу. Какъ благоговѣнное, восторженное чувство, наполнявшее сердце Маріи, послѣ столь радостнаго благовѣщенія, не терпѣло медлительности, то Она и отправилась въ путь съ поспѣшностію. Такъ какъ у евреевъ не было обычая, чтобы дѣвы обрученныя путешествовали однѣ, то, безъ сомнѣнія, св. Дѣва предприняла это путешествіе по соизволенію обручника своего Іосифа, и вѣроятно, путешествовала въ сообществѣ другихъ, быть можетъ, богомольцевъ, которые со всѣхъ концовъ Палестины перѣдко отправлялись въ Іерусалимъ. Отправилась Она изъ Назарета, гдѣ жила, изъ Галилеи, на югъ по направленію къ Іерусалиму, гдѣ невдалекѣ отъ него находился древній священный городъ колѣна Іудина Хевронъ, въ которомъ жило много священниковъ іерусалимскаго храма и левитовъ, въ окрестностяхъ котораго находился и домъ священника Захаріи. По окончаніи пути св. Дѣва вошла въ домъ Захаріи и привѣтствовала Елисавету. Когда Елисавета услышала привѣтствіе Маріи, взыралъ младенецъ во чревъ Ея. Это необыкновенное движеніе младенца во чревѣ необычнымъ образомъ свидѣтельствовало о тѣхъ близкихъ духовныхъ отношеніяхъ, въ какихъ должны были стоять оба, имѣющіе родиться, младенцы, Предтеча и Мессія. И Елисавета исполнилась св. Духа, отъ котораго сейчасъ-же уразумѣла тайну Маріи, сокровенную отъ всѣхъ людей,—и воскликнула громкимъ голосомъ: *благословенна Ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева твоего! И откуда это мнѣ, откуда мнѣ такое счастье, что пришла Матерь Господа моего ко мнѣ?* Въ избыткѣ чувствъ радости и восторженности, Елисавета повторяетъ привѣтствіе ангела, слышанное Маріею при благовѣщеніи, и изрекаетъ тайну, откровенную ей свыше. Исполнившій Елисавету Духъ Святый открылъ ей, что предъ нею стоитъ теперь Матерь Мессіи; и какъ на признакъ, по которому Елисавета узнала это, она указываетъ на необыкновенное дѣйствіе младенца во чревѣ ея: *се бо,—говоритъ она,—когда голосъ привѣтствія твоего дошелъ до слуха моего, взыралъ младенецъ радостно во чревъ моему. И блаженна — счастлива Ты, Марія, что утѣрпѣла, потому что совершится сказанное ей отъ Господа. И сказала Марія,—*подъ вліяніемъ радостнаго, восторженнаго настроенія духа отъ совершившихся событій, предъ лицомъ восторженной и исполненной Духа Святаго другини, изъ души Пресвятой Дѣвы излилось чудное пѣнопѣніе, во славу Бога и будущаго

Искупителя міра, пѣнопѣніе, по лирическому тону и характеру, подобное пѣсни Анны, матери Самуила, Маріамы, сестры Моисеевой, пророчицы Девворы и нѣкоторымъ псалмамъ Давида,—пѣснь изъ четырехъ строфъ во славу милости Божіей, всемогущества, святости, правды и особенно вѣрности Бога Іеговы завѣту своему,—пѣснь, которую св. церковь, вотъ уже не первое тысячелѣтіе, повторяетъ въ своемъ богослуженіи ежедневно,—*величитъ душа моя Господа, и возрадовался духъ мой о Богу, Спаситель моему, что призрѣлъ Онъ на смиреніе Рабы своей; ибо отнынь будутъ ублажать Меня всѣ роды,—что сотворилъ Мнѣ величіе Сильный и свято имя Его, и милость Его въ роды родовъ боящимся Его... Пребыла-же Марія съ Елисаветою около трехъ мѣсяцевъ и возвратилась въ домъ свой, въ Назаретъ, къ обручнику своему, св. Іосифу.*

Вотъ предъ благоговѣннымъ взоромъ нашимъ двѣ жены, наиболѣе славныя въ исторіи человѣчества, одна юная, Дѣва Марія, а другая старая сродница Ея, Елисавета. Славное имя ихъ съ благословеніями произносится въ родъ и родъ на землѣ и вѣчно прославляется въ небесахъ,—прославляется имя одной, какъ Царицы небесной, а другой, какъ ближайшей сродницы Ея и другини. Чѣмъ-же Онѣ заслужили такую дивную славу? Тѣмъ, что сподобились, по Божію избранію, по чистотѣ, высотѣ и святости своихъ душъ, одна родить изъ себя едиnorodнаго Сына Божія, Искупителя и Просвѣтителя всѣхъ людей, а другая родить славнаго Его Предтечу и Крестителя Іоанна, *болій котораго*, по слову Господню, *въ рожденныхъ женами не воста*,—который ближе всѣхъ людей, послѣ Пречистой Матери Божіей, предстоитъ на небѣ престолу Господню.

Въ нашемъ отечествѣ, между многими жгучими вопросами времени, крайне тревожитъ многихъ такъ называемый женскій вопросъ: что слѣдуетъ дѣлать современной женщинѣ? Какъ устроить ей свою судьбу? Какъ исполнить свое призваніе и назначеніе? И въ чемъ состоитъ это призваніе? Какъ опредѣлить это назначеніе?

О нашемъ современномъ цивилизованномъ обществѣ можно сказать тоже, что сказалъ св. апостолъ Павелъ о нѣкоторыхъ современныхъ ему суемудрыхъ общинахъ: *суемудрствуемъ всегда учащеся, и николи-же въ разумъ истины пріити можемъ.* И кажется, чѣмъ болѣе учимся, тѣмъ менѣе достигаемъ разумѣнія истины. Ставимъ, для своего мудрованія, якобы новые вопросы, и волнуемся надъ ними, какъ

будто до насъ никогда они не рѣшались. А они уже давно разрѣшены, и въ исторіи человѣческаго развитія, и въ словѣ Божіемъ. Таковы по преимуществу такъ называемый женскій вопросъ.

Вотъ его всестороннее разрѣшеніе въ словѣ Божіемъ. Постараемся быть возможно кратки.

Въ чемъ состоитъ призваніе женщины? Что ей слѣдуетъ дѣлать? Какъ устроить свою судьбу? Какъ достигнуть спасенія вѣчнаго? *Спасется жена*,—учить св. апостолъ Павелъ (1 Тим. 2, 15),—*ради чадородія, если пребудетъ во вѣрѣ и любви и во святости съ цѣломудріемъ*. Въ чемъ-же оказывается призваніе замужней женщины? Въ чадородіи, по слову апостола Павла. Чѣмъ она достигнетъ вѣчнаго спасенія и славы небесной? *Спасется жена чрезъ чадородіе*, но при извѣстныхъ условіяхъ: *если пребудетъ во вѣрѣ въ Бога и вѣрности мужу; если пребудетъ во любви къ Богу, и любви супружеской; если пребудетъ во святости христіанской и во цѣломудріи*.

Можно-ли замужней женщинѣ украшаться? Должно.—*Желаю*,—учить св. апостолъ Павелъ (1 Тим. 2, 8—10),—*чтобы жены, во приличномъ одѣяннѣ, со стыдливостію и цѣломудріемъ, украшали себя. Не плетеніемъ волосъ, ни золотомъ, ни жемчужномъ, ни мноюціною одеждою, но добрыми дѣлами, какъ прилично женамъ, посвящающимъ себя благочестію. — Да будетъ украшеніемъ вашимъ, жены,—учить св. апостолъ Петръ (1 Петр. 3, 3—5),—не вѣшнее плетение волосъ, не золотые уборы, или нарядность въ одежду,—но сокровенный сердца человекъ, во нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ. Такъ ѿкогда и святыя жены, уповающія на Бога, украшали себя, повинуваясь своимъ мужьямъ*.

Должно-ли женѣ много учиться для того, чтобы послѣ учительствовать? Слѣдуетъ-ли посѣщать ученые собранія? Занимать профессорскія катедры? *Жена пусть учится во безмолвіи*,—учить св. апостолъ Павелъ (1 Тим. 2, 11),—*со всякою покорностію. А учить женъ не позволяю, ни властвовать надъ мужьямъ, но быть во безмолвіи*. Учителство для женщинъ не одобряется, впрочемъ, не всякое, а именно общественное, особенно-же церковное. *Жены ваши во церквахъ да молчатъ*,—учить св. апостолъ Павелъ (1 Кор. 14, 34);—*ибо не позволено имъ говорить, а быть во подчиненіи. Если же*

онъ хотѣтъ чему научиться, пусть спрашиваютъ о томъ дома у мужей своихъ; ибо неприлично женѣ говорить во церковномъ собраніи. Тогда-то именно вліяніе женъ и будетъ сильно. *Жены*,—учить св. апостолъ Петръ (1 Петр. 3, 1—2),—*повинуйтесь своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова плѣнены были. Почему ты знаешь, жена,—наставляетъ св. апостолъ Павелъ (1 Кор. 7, 16—17),—не спасешь-ли мужа? Или ты, мужъ, почему знаешь, не спасешь-ли жены? Только каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ и каждый, какъ Господь призвалъ*.

Но вѣдь не всякая-же женщина имѣетъ мужа и можетъ рожать чадъ. Тѣмъ что дѣлать? Какъ устроить свое спасеніе? Какъ спастись старицамъ?—*Ты говори*,—внушаетъ св. апостолъ Павелъ епископу Титу (Тит. 2, 3—5),—*чтобы старицы во украшеніи своемъ были святолюбны, т. е. чтобы одѣвались прилично святымъ, чтобы не были клеветницы, не порабощались пьянству, учили добру,—чтобы вразумляли молодыхъ любить мужей, любить дѣтей, быть цѣломудренными, чистыми, попечительными во домъ, добрыми, покорными своимъ мужьямъ, да не порицается слово Божіе*.

Что дѣлать вдовицамъ? Имъ какъ устроить свое спасеніе? *Вдовы почитай*,—внушаетъ св. апостолъ Павелъ епископу Тимофею (1 Тим. гл. 5),—*истинныхъ вдовицъ. Если какая вдовица имѣетъ дѣтей или внучатъ,—то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителямъ: ибо сіе угодно Богу. Истинная вдовица и одинокая надѣется на Бога и пребываетъ во моленіяхъ и молитвахъ день и ночь; а сластолюбивая живо умерла. И сіе внушай имъ, чтобы были безпорочны. Истинная вдовица—та, которая извѣстна по добрымъ дѣламъ, если она воспитала дѣтей, принимала странниковъ, умывала ноги святымъ, помогала бѣдствующимъ, и была усердна ко всякому добродѣлю. Молодыхъ же вдовицъ не принимай; ибо онѣ, впадая во роскошь, во противность Христу, желаютъ вступать во бракъ. Притомъ же онѣ, будучи праздны, приучаются ходить по домамъ, и говорятъ не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорятъ чего не должно. Я желаю, чтобы молодыя вдовы вступали во*

бракъ, раздали дѣтей, управляли домоу и не подавали противнику никакого повода къ злоречію.

Но вѣдь не всякая же можетъ вступить въ бракъ? Многимъ Богъ счастливой судьбы не посылаетъ. Многимъ приходится состарѣться въ дѣвахъ? Какъ спастись имъ? Что дѣлать дѣвамъ? Дѣвы, которымъ не послалъ Богъ супружескаго жребія, могутъ и должны помогать своимъ роднымъ, матерямъ, сестрамъ и другимъ, въ управленіи домоу, въ воспитаніи чадъ. Но именно дѣвамъ св. апостолъ Павелъ указываетъ высшее, святѣйшее призваніе, въ самомъ дѣвствѣ. Относительно дѣвства даю совѣтъ, — учить св. апостолъ. По настоящей нуждѣ, по бѣдствіямъ и тревогамъ настоящей жизни, за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться такъ, въ бракѣ. Если и оженишься, не сорышишь; и если двѣца выйдетъ замужъ, не сорышитъ. Но таковыя будутъ имѣть скорби по плоти. Я вамъ сказываю, братіе: время жизни коротко, — такъ что имѣющіе женъ должны быть, какъ не имѣющіе, — и радующіеся, какъ не радующіеся, — и пользующіеся міромъ симъ, какъ не пользующіеся: преходитъ бо образъ міра сего. Незамужняя заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, чтобъ быть святою и тѣломъ и духомъ, а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы наложить на васъ узы, но чтобъ вы благочинно и непрестанно служили Господу безъ развлеченія.

Вообще вѣра Христова указываетъ призваніе женщины въ чадородіи, затѣмъ въ воспитаніи дѣтей, въ строеніи дома, въ дѣлахъ христіанскаго милосердія, въ женственной чистотѣ и красотѣ духа, а для избранныхъ и въ чистомъ дѣвствѣ, во всецѣломъ уневѣщеніи себя Христу, въ самоотверженной христіанской любви, яже есть союзъ — верхъ христіанскаго совершенства, и во всевозможномъ устраниеніи отъ широкой и пестрой общественной дѣятельности. И миллионы русскихъ простыхъ женщинъ, такъ называемаго низшаго круга, идутъ предуготовленною дорогою, которую указываютъ имъ Богъ и природа. Если же цивилизованная русская женщина, пользуясь чужимъ даровымъ трудомъ, въ прежніе годы мнила видѣть свое призваніе только въ томъ, чтобы блистать въ свѣтѣ заимствованною отъ чужаго труда мишурою внѣшнихъ украшеній, а въ послѣдніе дни порывается изумлять свѣтъ широкою общественною дѣятельностію, — то это свидѣтельствуєтъ

только о томъ, что и эта цивилизація идетъ путемъ превратнымъ и ведетъ не къ добру. Аминь.

1875 г.

ПОУЧЕНІЕ

на день св. благовѣрнаго князя Александра невскаго (23-го ноября 1886 года).

О томъ, что ересеученіе графа Льва Толстаго разрушаетъ основы общественнаго и государственнаго порядка.

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овечьихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ. Еда объемлютъ отъ терніа ирозды, или отъ ренія смоквы? Тако всяко древо добро плоды добры творитъ; а злое древо плоды злы творитъ. Не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити. Всяко убо древо, еже не творитъ плоды добра, посякають е, и во огнь вметають. Тѣмже убо отъ плодъ ихъ познаете ихъ. Мат. 7, 15—20.

Иероглифы читаются и толкуются людьми, которые приучены разбирать ихъ. И знаніе однихъ, поощряемое довѣріемъ другихъ, ведетъ иногда къ великимъ открытіямъ. Къ нашему прискорбію, мы, привыкшіе разбирать священныя и таинственныя письма православнаго христіанскаго богословія и толковать, что подъ ними скрывается, мы не всегда пользуемся такимъ довѣріемъ другихъ. Такъ, когда мы говоримъ, что ереси, которыми развиваются антихристіанскія начала, подрываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и основы построеннаго на православныхъ началахъ вѣры русскаго общества, то принято за обычай намъ не вѣрить. Не вѣрили намъ, когда мы твердили это касательно многихъ отдѣловъ безпоповщинскаго раскола, духоборцевъ, хлыстовъ и т. п. Не вѣрили, когда мы заговорили это относительно только что возникав-

шаго якобы научнаго нигилизма; не вѣрили и сперва даже заигрывали съ нимъ... до каракозовщины. Не вѣрятъ, когда мы предсказываемъ тоже относительно пашковщины, штундизма, анабаптизма. Не вѣрятъ намъ, когда мы взываемъ ко всѣмъ: поддержите русскую православную вѣру и церковь; поддерживая ее, вы поддерживаете государство. Не вѣрятъ, что и теперь, какъ всегда, міромъ управляетъ идея, и что идея, проявляющаяся въ вѣрѣ, въ христіанствѣ, въ православіи, есть самая мощная, самая основная, самая капитальная и руководственная для нашего народа и царства и всего славянства идея. Посмотрите вотъ на Болгарію, на славянской міръ, — кто тамъ съ Богомъ, со Христомъ и за православіе, тѣ и съ нами, тѣ не противъ Россіи, тѣ за русскаго православнаго царя. Съ ними и съ нами Богъ. А кто тамъ противъ православія, противъ Христа и противъ Бога, тѣ и противъ насъ. А тѣ, кто тамъ противъ насъ, тѣ, сами даже радикалы, даже атеисты въ душѣ, тѣмъ не менѣе, будучи расчетливѣе и предусмотрительнѣе насъ, сейчасъ-же берутся за энергическую пропаганду между православными братьями нашими иновѣрія — католичества и протестантства, отчетливо понимая, что пока славяне вмѣстѣ и православные, они наши братья по крови и духу; а разъ станутъ они иновѣрцы, вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ и кровные наши враги. Увы! на Руси это тускло понимается нашею интеллигенціей, не только индифферентами, но и православными, или даже отрицается сознательно, иногда даже злорадно. Къ счастью, къ несчастію, теперь вотъ на тускломъ горизонтѣ отуманенія и омраченія русскихъ умовъ поднялось новое великое, багрово-красное свѣтило, свѣтло-сіятельный и просвѣщеннѣйшій графъ Левъ Николаевичъ Толстой. И къ нему обращаются не только взоры, но и сердца очень многихъ, особенно же умныхъ интеллигентныхъ русскихъ. Восходъ его встрѣчаютъ не только съ рукоплесканіями, но и больше того, съ умиленіемъ, забавнымъ — правда — умиленіемъ, и колѣнопреклонною, забавною-же мольбою: „великій учитель! учи насъ, учи! Графъ, говорите теперь, говорите уже безъ разсужденій, безъ анализовъ философскихъ, безъ горькихъ воспоминаній о прошломъ, безъ самобичеванія... Мы готовы васъ слушать“ (какую-бы нелѣпость вы ни сказали), „слушать также безъ разсужденій съ своей стороны и исполнять безъ противорѣчій, безъ возраженій, покорно и благоговѣнно. Учи насъ, учи неразумныхъ, великій нашъ учитель!“... И графъ проповѣдуетъ. Графъ литераторъ, романистъ, творецъ Анны Карениной,

великій, по его собственной исповѣди вслухъ всего свѣта, грѣхотворникъ, сочиняетъ новое евангеліе! И есть умники и много ихъ, которые новое евангеліе изъ рукъ графа-литератора пріемлютъ съ такимъ-же умиленіемъ и благоговѣніемъ, какъ и Анну Каренину. Сказали-бы мы древнимъ стихомъ: „смѣхъ удержите друзья“, еслибъ это не было такъ плачевно, такъ горько для русскаго сердца, такъ позорно для русскаго ума. Да опомнитесь. Перестаньте быть и жалкими и смѣшными.

Къ счастью, мы сказали, даже мы въ нѣкоторомъ отношеніи можемъ быть признательны графу Льву Толстому. Поощряемый этимъ ребячливымъ благоговѣніемъ со стороны чуть не всѣхъ и изумительною телеранціей со стороны многихъ, шутовски и кощунно рядясь въ хламиду вселенскаго учителя проповѣдника, графъ не задумываясь подтверждаетъ нашу теорію, наше постоянное настояніе, не задумываясь преспокойно разрушаетъ основы не только всякой церкви и религіи, но и общества, и государства, и народа, и не только всякаго, но и русскаго общества, народа и государства.

Это мы теперь и разъяснимъ.

Видите, догматику христіанскую графъ отвергъ, исторію искажилъ, да она ему и не нужна, не только догматика, но и исторія евангелія. Изъ евангелія онъ беретъ только нравственныя заповѣди; да и изъ тѣхъ беретъ только пять заповѣдей. Такъ ему угодно. Вотъ эти пять избранныхъ графомъ заповѣдей: 1) не противься злу или злему, 2) не прелюбодѣйствуй, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не вой. Почему-бы не сказать еще: чти отца твоего и мать, не воруй, не роскошествуй, не гонись за благами сего міра, терпи гоненія, не бойся убивающихъ тѣло и т. д. безъ конца. Вѣдь все это заповѣди Христовы, — отчего-же исключилъ ихъ графъ Толстой? И гдѣ нашелъ онъ у Христа заповѣдь, запрещающую войны или же суды? Но объ этомъ разсудим послѣ, на какомъ это основаніи графъ строитъ свою систему вѣры и правоученія. А теперь мы разъясняемъ только то, что графъ Толстой подрываетъ основы общества и государства и народности.

И разъяснять намъ это совсѣмъ не требуется. А стоитъ только выписать собственные изреченія графа *).

Приурочивая всѣ свои правоученія къ вышеназваннымъ пяти заповѣдямъ, графъ Левъ Толстой *отвергаетъ разность общественныхъ*

*) Правосл. Собесѣдникъ, 1886 г. Іюнь, стр. 214; Ma religion гл. XII.

состояній, какъ зло. Осуждая враждебность какъ зло, графъ учитъ: „теперь уже я не могу оправдывать свой гнѣвъ, считая себя чело-
вѣкомъ высшимъ. Это искушение повергало меня въ гнѣвъ. Оно состо-
яло въ томъ, что я *отдѣлялъ себя отъ подобныхъ мнѣ*, признавалъ
равными себѣ только небольшое число ихъ. Теперь моя вѣра измѣнила
всю мою оцѣнку того, что добро и велико, и что худо и низко. Все,
что мнѣ прежде казалось добрымъ и великимъ—почести, слава, ци-
вилизация и т. д., все это *сдѣлалось для меня злымъ и низкимъ*.
Теперь я не могу уже усвоить себѣ ничего такого, что по внѣшности
возвышало меня предъ другими, отдѣляло отъ нихъ. Я не могу, какъ
прежде, признавать ни за собой ни за другими *титловъ*“, (ни даже
Императорскаго Величества?) *„ранговъ, достоинствъ“* (ни даже цар-
скаго?) *„кромя титула и званія челоуѣка“*.

Графъ Левъ Толстой *отрицаетъ учрежденіе законнаго брака*.
Предписывая соединеніе всякаго челоуѣка съ одною женщиной, графъ
Толстой поучаетъ: „важнымъ мнѣ кажется не столько *человѣческое*
учрежденіе брака, налагающаго внѣшнюю печать законности на со-
единеніе мужчины съ женщиной, сколько *самое соединеніе мужчины съ*
женщиной. Я не могу дѣлать различія между *тѣми связями, кото-*
рыя называютъ супружествомъ, и *тѣми, которымъ отказываютъ въ*
этомъ имени“.

Графъ Левъ Толстой *отвергаетъ всякую клятву и присягу*,
и поучаетъ: „теперь я не могу, какъ прежде, обѣщаться клятвенно
въ *чемъ-бы то ни было, кому-бы то ни было*; не могу, какъ прежде,
оправдываться въ томъ, что далъ клятву, что такъ поступаютъ всѣ
люди, что *это необходимо для государства*, и что если я откажусь
подчиняться этому требованію, то это будетъ дурно и для меня и для
кого-нибудь другаго. Теперь я знаю, что *это зло* и для меня и для
другихъ, и я не могу дѣлать этого. Теперь я знаю ту сѣть, которая
заставляла меня впадать въ это зло, и я не могу быть соучастникомъ
ея. Я знаю, что эта сѣть, западня, состоитъ въ томъ, что *имя Бога*
въ клятвѣ, въ присягѣ, служитъ санкціей обмана. А этотъ обманъ
состоитъ въ томъ, что мы *общаемъ напередъ повиноваться пове-*
ліямъ одного челоуѣка или многихъ людей, тогда какъ челоуѣкъ мо-
жетъ повиноваться только одному Богу. Теперь я знаю, что самое
страшное по своимъ послѣдствіямъ зло—*убійство на войнѣ, заключе-*
ніе въ тюрьму, экзекуція, наказанія, совершаются единственно благо-

даря клятвѣ, въ силу которой люди, дѣлающіе себя *орудіемъ зла*,
считаютъ себя свободными отъ тяготящей на нихъ отвѣтственности.
Теперь, вспоминая о *массѣ золъ*, я вижу, что *все это имѣло своею*
причиною клятву, обязательство подчиняться волѣ другаго. Теперь
я убѣдился, что клятва разрушаетъ мое истинное благо и благо дру-
гаго, и эта моя вѣра измѣнила мою оцѣнку добраго и злаго, высокаго
и презрѣннаго. Все, что мнѣ прежде казалось *добрымъ и великимъ*:
клятвенное обѣщаніе вѣрности правительству, требованіе клятвы
отъ другихъ, и всѣ дѣйствія, противныя совѣсти, совершаемыя во имя
клятвы, все это стало мнѣ казаться *злымъ и презрѣннымъ*. По-
этому я теперь не могу уже удаляться отъ *заповѣди, запрещающей*
клятву, я не могу обязывать себя клятвой кому-бы то ни было,
ни заставляя другаго клясться, ни содѣйствовать тому, чтобы
люди клялись или принимали клятву, или смотрѣли на клятву,
какъ на вещь *необходимую и важную*“.

Графъ Толстой отрицаетъ *всякую общественную и частную за-*
щиту лица, собственности и правъ, всякій судъ, всякую власть.
Такъ, осуждая всякое обращеніе къ насилию, всякое употребленіе на-
силія противъ людей для сопротивленія злему, графъ проповѣдуетъ,
что онъ „не можетъ оправдывать это зло *тѣмъ предлогомъ, что оно*
необходимо для защиты себя и другихъ, для защиты собственно-
сти своей и чужой. Впадать въ это зло заставляло меня ложное
вѣрованіе, что *моя жизнь гарантирована насиліемъ, защитой моей*
личности и моей собственности противъ другихъ людей. Наиболь-
шая часть *жизненныхъ золъ* происходитъ отъ того, что каждый счи-
таетъ вещь дозволенной *защищаться силой* и видитъ въ этомъ
наилучшую *гарантію жизни и собственности*. Эта вѣра измѣнила
мою оцѣнку того, что добро и что зло и презрѣнно. Все, что нѣкогда
казалось мнѣ хорошимъ и великимъ: *собственность всякаго рода, за-*
бота о своемъ достоинствѣ, мои права, теперь все это сдѣлалось
для меня дурнымъ и презрѣннымъ. Сознательно я не могу уже впасть
въ эту сѣть, гибельную и для меня и для другихъ: я не могу уже
приобрѣтать собственности; я не могу уже прибѣгать къ *силѣ, подъ*
какой-бы формой она ни была“ (напр. воинской повинности), „для
защиты себя и другихъ; я не могу принимать участія ни въ какомъ
актѣ власти, имѣющемъ цѣлью *защиту людей и ихъ собственности*
насиліемъ; я не могу быть *судьею, принимать участіе въ судѣ, быть*

облеченнымъ какою *нибудь* властью, или составлять *часть* какой *нибудь* власти. Я не могу также дѣлать и того, чтобы при моемъ содѣйствіи *другіе* принимали *участіе* въ *судилищахъ* или въ какой *нибудь* власти“.

Графъ Толстой отвергаетъ *отечество*, *всякую* къ нему *любовь*, *всякую* ему *вѣрность*. — „Я знаю,“ — проповѣдуетъ онъ, — „что мое различіе между моимъ народомъ и *другими* народами есть зло. Знаю, что эта сѣть состоитъ въ ложной *вѣрѣ*, будто мое благо солидарно только съ благомъ моего народа. Знаю, что моя связь съ *другими* людьми не можетъ быть разорвана *пограничной* линіей или *декретомъ* какого *нибудь*“ (и своего) „*правительства*, опредѣляющаго, что принадлежитъ тому или другому народу. Теперь вспоминая о *всемъ* злѣ, какое я сдѣлалъ, испыталъ или видѣлъ *вокругъ* себя изъ-за *національной* вражды, я вижу ясно, что причина всего этого была *грубая* ложь, называемая *патріотизмомъ* и *любовью* къ *отечеству*. Вспоминая о своемъ воспитаніи, теперь я вижу, что *все* эти чувства *національной* ненависти, какъ и *эта* *грубая* ложь, называемая *патріотизмомъ* и *любовью* къ *отечеству*, внушены были мнѣ *безмысленнымъ* воспитаніемъ. Эта *вѣра* измѣнила всю мою оцѣнку добраго и зла, великаго и презрѣннаго. Что мнѣ казалось добрымъ и великимъ: *любовь* къ *отечеству*, *любовь* къ *моему* народу, *ко* *всему* *этому* *величественному* зданію, которое называютъ *государствомъ*, *услуги*, какія *оказываютъ* *государству* въ *ущербъ* *благу* *другихъ* *людей*, *подвиги* *людей* *военныхъ*, все это мнѣ кажется теперь *отвратительнымъ*“ (не болѣе ни менѣе!) „и *жалкимъ*. Что мнѣ казалось *постыднымъ* и *дурнымъ*: *отреченіе* *отъ* *отечества*, теперь, напротивъ, кажется *добрымъ* и *великимъ*. Если и теперь въ минуту забвенія я могу *желать* *успѣха* *Россіи*, *русскому* *народу*, то въ мои свѣтлыя минуты я не могу подчиняться *этимъ* *химерамъ*. Я не могу уже признавать ни *государствъ*, ни *народовъ*; я не могу уже ни на словахъ, ни перомъ принимать *участія* въ какой-нибудь *распрѣ* между *народами* и *государствами*, а еще менѣе могу оказывать *услуги* *какому-бы* *то* *ни* *было* *государству*. Я не могу принимать *участія* во *всѣхъ* этихъ дѣлахъ, которыя основаны на *раздѣленіи* *государствъ*, каковы: *таможенныя* *пошлины*, *налоги*, *фабрикація* *оружія*, или въ какомъ *нибудь* дѣйствіи, имѣющемъ цѣлью *вооруженія*, *военную* *службу*, а

тѣмъ *болѣе* *войны*; я не могу содѣйствовать и тому, чтобы дѣлали это и *другіе*“.

„Говорятъ: приходитъ врагъ, нѣмцы, турки, дикари, и если вы не станете воевать съ ними, то они истребятъ васъ. Это несправедливо“, — проповѣдуетъ графъ. — „Они взяли бы у насъ все то, что добровольно предоставили бы имъ люди, для которыхъ нѣтъ разницы между русскимъ, туркомъ и дикаремъ. Знающій истину знаетъ ее только для того, чтобы засвидѣтельствовать ее предъ незнающимъ ее своими дѣлами. Эти дѣла: *отказаться* *отъ* *войны*, не различая того, что называютъ *врагомъ* и *соотечественникомъ*. Мнѣ скажутъ: *правительство* не *можетъ* *допустить*, чтобы какой *нибудь* членъ общества не признавалъ *самыхъ* *основаній* *правленія* и чтобы онъ уклонялся *отъ* *обязанностей* *всякаго* *гражданина*. Власть будетъ требовать *участія* въ *судѣ*, въ *военной* *службѣ*, и за отказъ накажетъ ссылкой, заключеніемъ въ тюрьму, даже смертью. Ну чтоже! Для знающаго истину графа *эти* *требованія* *власти* *суть* *требованія* *людей*, не знающихъ *истины*. Всякое *насиліе*, *война*, *разбой* совершается людьми *слѣпыми* и *лишенными* *познанія* *истины*“.

Не подумайте, что графъ знаетъ такую странную неслыханную истину только про себя. Нѣтъ, онъ ее проповѣдуетъ, и цѣлью своей жизни поставляетъ проповѣдывать ее вслухъ всего свѣта. „Я вѣрую“, — проповѣдуетъ графъ, — „что моя разумная жизнь — мой свѣтъ данъ мнѣ только для того, чтобы свѣтить предъ людьми. Я вѣрую, что мое познаніе истины есть талантъ, ввѣренный мнѣ для того, чтобы я употребилъ его въ дѣло, и что этотъ талантъ есть пламя, которое блеститъ только, когда горитъ. Я вѣрую, что единственный смыслъ моей жизни состоитъ въ томъ, чтобы жить въ ясности того свѣта, который во мнѣ, и ставить его не подъ спудомъ, но высоко предъ людьми, чтобы люди видѣли его“.

И вся Русь глядитъ на этотъ страннаго зловѣщаго свѣта блескъ. Загорается онъ ярче и ярче. Вся интеллигентная Русь съ умиленнымъ благоговѣніемъ склонила свои головы предъ этимъ возгорающимся свѣтомъ. Я знаю, слышу и вижу, что графа Толстаго не только читаютъ, имъ зачитываются, по газетному выраженію, малые и старые, не только питомцы, но и воспитатели, и наоборотъ, не только воспитатели, но и питомцы. Зачитываются и простые люди. Десятками и сотнями тысячъ экземпляровъ вѣручительныхъ писаній

графа завалены книжные магазины, какъ и коробки книгоношъ. Наблюатели за ними легкомысленно, если только не злорадно, потѣшаются себя тѣмъ, будто бы писанія графа касаются только вѣры. Образумьтесь! Они касаются всего, основъ государства во-первыхъ! Писаніями о писаніяхъ графа наполнена вся современная россійская письменность. Принято въ печати какъ бы общимъ всероссійскимъ договоромъ называть графа—проповѣдника не иначе, какъ высоко-почтительными именами: „нашъ великій учитель, нашъ гениальный художникъ, гениальный поэтъ“. Подумайте, откуда эти гиперболы? Кромѣ общепризнаннаго гения поэта Пушкина, кого изъ писателей величаютъ гениями? Почти никогда не величаютъ ни Лермонтова, ни Гоголя, ни Тургенева, ни наконецъ Достоевскаго, величайшаго художественнѣйшаго мыслителя. А на другихъ поприщахъ у насъ на Руси нечего и думать заслужить высокое титуло гения, великаго учителя. Гении на Руси рождаются развѣ только для романической литературы, да еще развѣ для театральнаго подмостковъ, гдѣ такъ нерѣдки гениальные артисты и артистки. Это значитъ, что интеллигентная Русь только пока и способна понять, что романъ или же театральную пьесу. И чѣмъ они легче, тѣмъ и лучше. Достоевскій тяжелъ. А графъ Левъ Толстой написалъ два легкихъ удачныхъ романа, и за это онъ—„нашъ гениальный поэтъ“, — тогда какъ съ такимъ же правомъ это великое титуло можно бы приписать нашимъ старымъ романистамъ: Загоскину, Лажечникову, даже Булгарину, Кукольникову и т. д. Еще съ большимъ правомъ можно бы приписать новѣйшему романисту Маркевичу. За чтожъ ему такая честь? За что такое вниманіе, такое рабское поклоненіе одному графу Льву Толстому? „Учи насъ, великій нашъ учитель, учи“... Не за то ли, что онъ подрываетъ основы не только религіи, но и государства? А не лучше ли пристало бы къ проповѣднику измѣны не только вѣрѣ отцевъ, измѣны не только истинному Христу и Богу отцевъ, но измѣны и Россіи, какъ обществу, какъ народу, какъ государству, измѣны наконецъ или во-первыхъ и русскому православному, богоизбранному и богопомазанному царю,—къ человѣку такихъ пагубныхъ идей и стремленій не лучше ли пристало бы другое имя?... Назовите сами. А пора назвать вещи ихъ собственнымъ именемъ, снять съ волка шкуру кроткой овечки.

Берегитесь лжепророковъ,—предостерегаетъ насъ самъ истинный Христосъ Богъ нашъ,—*которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ,*

а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые; а худое дерево приноситъ и плоды худые. Не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ въ огонь (Мат. 7, 15—20). Аминь.

1886 г.

БЕСѢДА

въ день святаго апостола Андрея Первозваннаго *).

О ТОМЪ, ЧТО ЕРЕСЕУЧЕНІЕ ГРАФА ЛЬВА ТОЛСТАГО РАЗРУШАЕТЪ САМЫЯ ОСНОВЫ НЕ ТОЛЬКО ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЙ ВѢРЫ, НО И ВСЯКОЙ РЕЛИГИИ.

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овечьихъ, внутри же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ. Мат. 7, 15—16.

По плодамъ узнавайте дерево. По корнямъ, по вѣтвямъ не всегда разберете разницу между деревьями. Тамъ незначительная, повидимому, и незамѣтная разность, въ строеніи-ли частей, въ смѣшеніи-ли соковъ,—эта разность сопровождается въ плодахъ уже ощутительнымъ, часто огромнымъ различіемъ. По строенію, по растворенію соковъ въ деревѣ не вдругъ различите яблоню дикую отъ культивированной. Но какое разстояніе между плодами одной отъ другой! По плодамъ различите ихъ одну отъ другой легко. Въ системѣ того или другаго вѣроученія корни—это всегда догматы, а плоды—это нравоученіе, это практическіе выводы, это жизненный духъ, какой изъ нихъ развивается. Въ корняхъ, въ догматахъ разница кажется иногда кое-кому и не особенно поразительною; но смотрите, въ практическихъ выводахъ она отразится болѣе или менѣе рѣзко и откликнется на измѣненіи всего духа жизни такъ или иначе вѣрующаго общества. Такъ папство раз-

*) Изложена въ залѣ Одесской духовной семинаріи.

вило свой жизненный духъ. Протестантство свой. Нашъ расколъ старообрядчества свой. Духоборчество свой. Штундизмъ развиваетъ и еще разовьетъ свой. Наконецъ, толстовщина грозитъ развитіемъ своего духа, радикально разрушительнаго духа. Небольшое отклоненіе радіуса у центра отразится большимъ отклоненіемъ у периферіи, и чѣмъ больше оно у центра, тѣмъ больше, въ квадратахъ и кубахъ будетъ больше у отодвигающейся периферіи. Чего же добраго ждать отъ практическихъ выводовъ графа Льва Толстаго, когда онъ сдвигаетъ самый центръ христіанства съ его основы и силится установить свой новый центръ вѣроученія, вѣроученія не Христова, а Иисусова? Замѣчательно, что онъ избѣгаетъ имени Иисусъ Христосъ, а употребляетъ почти исключительно только имя Иисусъ. И вѣра у него выходитъ не Христова, а Иисусова, точнѣе, вѣра самаго Толстаго. Какіхъ ждать плодовъ отъ его правоученія, когда онъ подрываетъ самые корни истинно евангельскаго Христова вѣроученія, и подрываетъ съ самаго ихъ основанія? Онъ подрываетъ корни не только истинной Христовой вѣры, но и всякой религіи. На этомъ мы и намѣрены остановить ваше вниманіе. Будемъ излагать вѣру графа Льва Толстаго собственными его изреченіями.

Метафизическое ученіе Иисуса, — проповѣдуетъ графъ, — не ново. Основаніе древняго ученія евреевъ и ученія Иисуса одно и то же — любовь къ Богу и ближнимъ. Однакоже сила ученія Иисуса заключается собственно не въ метафизику, а въ приложеніи метафизической доктрины къ жизни. Ученіе Иисуса не можетъ не быть принято искреннимъ иудеемъ также, какъ и ученикомъ Конфуція, буддистомъ, маометаниномъ, какъ и людьми нашего христіанскаго міра, которые теперь не имѣютъ никакого нравственнаго закона. Ученіе Иисуса (разумѣя ученіе собственно нравственно-практическое) никакимъ образомъ не можетъ противорѣчить людямъ нашего вѣка въ ихъ міросозерцаніи. Оно уже напередъ согласно съ ихъ метафизикой. Предположимъ, что вы искренній христіанинъ какого бы то ни было вѣроисповѣданія. Вы вѣрите въ твореніе міра, въ Троицу, въ грѣхопаденіе и искупленіе людей, въ таинства, въ молитвы, въ церковь. Ученіе Иисуса (разумѣя только нравственно-практическое ученіе) не только не испровергаетъ ваше міровоззрѣніе, но оно абсолютно согласно съ вашей космогоніей. Вѣрьте въ воскресеніе, въ рай, въ адъ, въ геенну, въ церковь, въ таинства, въ искупленіе; молитесь согласно съ предписа-

ніями вашей религіи, говѣйте, причащайтесь, пойте гимны, — ученіе Иисуса (разумѣя только нравственное) обязательно для васъ, потому что оно есть ученіе вашего Бога. Предположимъ, что вы невѣрующій, вы философъ какой-нибудь школы. Вы утверждаете, что вещи въ мірѣ происходятъ въ силу какого-нибудь открытаго вами закона. Ученіе Иисуса (разумѣя только нравственное) не возстаетъ противъ васъ, — оно признаетъ открытый вами законъ. Предположимъ, что вы человекъ середины, полувѣрующій, полускептикъ, у котораго нѣтъ времени поглубже понять смыслъ жизни, и у котораго нѣтъ опредѣленнаго воззрѣнія, — ученіе (Иисуса нравственно-практическое) нисколько не противорѣчитъ и вамъ. Люди вѣрующіе говорятъ, что нужно изучить три лица Троицы; нужно знать, какая природа у каждого изъ лицъ, какія существуютъ таинства, какія изъ нихъ нужно и не нужно совершать, потому что спасеніе людей произойдетъ не отъ нашихъ усилій, но отъ Троицы и правильнаго совершенія таинствъ. Скептики говорятъ: нужно знать, по какимъ законамъ совершаетъ свое развитіе безконечно малая частица матеріи въ безконечномъ пространствѣ и времени; улучшеніе-же человѣка совершится не человѣкомъ, а въ силу законовъ, какіе мы откроемъ. Церковь говоритъ: ученіе Иисуса здѣсь на землѣ не можетъ быть осуществлено вполнѣ, потому что земная жизнь есть только отраженіе истинной жизни; въ ней много зла; наилучшій способъ провести эту жизнь это жить впрямь, т. е. воображеніемъ, въ жизнь будущую, вѣчную, и молиться милостивому Богу. Философія, наука, общественное мнѣніе говорятъ: жизнь зависитъ отъ общихъ законовъ; и будемъ увѣрены, что хотя-бы мы жили и дурно, по закону прогресса историческаго, соціологическаго и какого-нибудь другаго, наша жизнь вдругъ сама собою сдѣлается хорошою. Между тѣмъ всѣ они, и церковь, и наука, могутъ согласиться въ ученіи Иисусовомъ. Какъ-же это такъ? А вотъ какъ. Графъ Толстой убѣжденъ, что чрезъ нѣсколько вѣковъ исторія того, что называютъ умственною дѣятельностію нашихъ славныхъ послѣднихъ вѣковъ, сдѣлается для будущихъ поколѣній предметомъ, вызывающимъ неистощимую веселость и жалость. Скажутъ: въ теченіи многихъ вѣковъ ученые западной части великаго континента находились въ состояніи повальнаго сумасшествія: они вообразили себя обладателями вѣчной жизни, и неустанно трудились надъ составленіемъ различныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлю точно опредѣлить, по какимъ законамъ осуществится для нихъ эта жизнь. Всего

печальнѣе покажется будущему историку то, что онъ увидитъ, что у этой группы людей былъ одинъ учитель (Иисусъ), который училъ ихъ правиламъ простымъ и яснымъ, точно указывая, что имъ нужно дѣлать, чтобы сдѣлать свою жизнь счастливою, и что слова этого учителя были истолкованы одними въ томъ смыслѣ, что этотъ учитель придетъ на облакъ устроить все, а другими въ томъ смыслѣ, что слова учителя достойны удивленія, но мало практичны, и человѣческій разумъ самъ долженъ заниматься исключительно изученіемъ законовъ этой жизни, не обращая вниманія на благо каждаго челоѣка въ отдѣльности. Между тѣмъ жизнь похожа на ферму, снабженную всѣмъ въ изобиліи для всѣхъ людей. Но люди, приходя сюда, дерутся. Избитые, голодные, они оставляютъ ферму, то есть умираютъ, принимая ферму за гостиницу, вообразивши, что обѣщанная ферма, вполне устроенная, будетъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ... О, если-бы люди, — восклицаетъ графъ — проповѣдникъ, — перестали стремиться къ своей гибели и ожидать, что кто-нибудь придетъ къ нимъ на помощь, напимѣръ, Христосъ на облакахъ при звукѣ трубъ! Или: о, еслибы они перестали ссылаться на какой-нибудь законъ исторіи, законъ прогресса, по которому жизнь улучшится сама собой! Никто не придетъ имъ на помощь, если они не будутъ помогать сами себѣ. А чтобы помогать самимъ себѣ, не нужно ждать ничего ни отъ неба, ни отъ земли, а нужно только перестать трудиться для своей собственной гибели. Короче и яснѣе, никакого личнаго безсмертія на небѣ нѣтъ. А нужно всѣмъ трудиться надъ устройствомъ общечеловѣческаго счастія здѣсь на землѣ. Въ этомъ послѣднемъ выводѣ всѣ, какъ вѣрующіе, такъ и невѣрующіе, могутъ согласиться.

Въ „религіи“ графа прямо говорится, что ожидать новой лучшей жизни, той жизни, въ которой будетъ доступно челоѣку ближайшее общеніе съ Богомъ, блаженство личности, рай, мы не должны. Жить по природѣ, работать мускулами преимущественно и умереть — вотъ нормальная задача, цѣль челоѣческаго бытія. Этого взгляда будто-бы держались всѣ мудрецы древности, и особенно Иисусъ, глаголемый Христосъ.

Жизни индивидуальной личной, — проповѣдуетъ графъ, — всегда угрожаетъ смерть. Жизнь, какъ жизнь личная, не только не имѣетъ для каждаго изъ насъ, взятаго въ отдѣльности, никакого смысла, но напротивъ, она жестокая насмѣшка надъ сердцемъ и разумомъ. Сѣкира

лежитъ у корня всякаго дерева: смерть, гибель подлѣ каждаго изъ насъ... Если вы трудитесь для одного себя для вашего личнаго будущаго, то знайте, что васъ въ будущемъ ожидаетъ смерть. И эта смерть разрушитъ все, все лично для васъ. Слѣдовательно, жизнь для себя не можетъ имѣть никакого смысла. Разумная жизнь должна быть отлична отъ этой жизни. Она должна имѣть въ виду иной предметъ, чѣмъ бѣдная челоѣческая личность. Истинная жизнь есть та жизнь, которая прибавляетъ ко благу, собранному поколѣніями прошедшими, которая умножаетъ это наслѣдство въ настоящемъ и завѣщаетъ его поколѣніямъ будущимъ. Изъ всѣхъ евангелій видно, — проповѣдуетъ графъ, — что (будто) Иисусъ училъ только этой жизни. Иисусъ“ (будто) „не только никогда ничего не говорилъ въ подтвержденіе индивидуальнаго воскресенія и индивидуальнаго замогильнаго безсмертія, но напротивъ, всякій разъ, когда встрѣчалъ это суевѣріе, внесенное въ эту пору въ Талмудъ, и котораго даже слѣда“ (будто-бы) „имѣлъ у еврейскихъ пророковъ, Онъ“ (будто-бы) „непремѣнно отрицалъ его... Иисусъ“ (будто-бы) „никогда и нигдѣ не говорилъ о своемъ личномъ безсмертіи... Иисусъ противопоставляетъ личной жизни“ (будто-бы) „не жизнь замогильную, но жизнь общую, которая сливается съ настоящею, прошедшею и будущею жизнью всего челоѣчества. Продолжаемость жизни въ потомствѣ одного народа сомнительна, потому что самый народъ можетъ исчезнуть. Продолжаемость жизни, по ученію Иисуса, принадлежитъ всему челоѣчеству, и она несомнѣнна. Въра въ личное безсмертіе, въ будущія награды и наказанія не только не облегчаетъ пониманіе ученія Иисуса, а напротивъ, отнимаетъ у него его главное основаніе. Вся доктрина Иисуса состоитъ въ ученіи отречься отъ личной жизни, которая есть примера, и вводить эту личную жизнь въ общую жизнь челоѣчества, въ жизнь Сына челоѣческаго, которая одна несомнѣнно безсмертна. Но ученіе о безсмертіи души индивидуальной не только не располагаетъ къ отреченію отъ личной жизни, а напротивъ, закрѣпляетъ индивидуальность навсегда. По понятіямъ іудеевъ, китайцевъ, индусовъ и всѣхъ людей, не вѣрующихъ въ догматъ паденія, искупленія, жизнь есть жизнь; она такова, какова она есть. Челоѣкъ живетъ: вступаетъ въ бракъ, раждаетъ дѣтей, воспитываетъ ихъ, старѣется, умираетъ. Его дѣти вырастаютъ; они продолжаютъ его жизнь, которая такимъ образомъ безъ перерыва переходитъ изъ одного поколѣнія въ

другое. Жизнь есть жизнь, и намъ нужно пользоваться ею, какъ можно лучше. Жить для себя одного, животной жизнью, неразумно. Посему люди, какъ начали существовать, ищутъ црлей бытія влп самихъ себя: они живутъ для своихъ дптей, для своего семейства, для народа, для человечества, для всего, что не умираетъ съ жизнью личности... Это и значитъ жить для истиннаго безсмертія. Оно единственно и исключительно въ неумирующей жизни всего человеческого рода, въ жизни Сына человеческого... По графу, „только церковь выдумала химеры. Иисусъ“ (будто-бы) „не говорилъ о будущей жизни; Ему даже неизвѣстно ученіе о паденіи Адама, о вѣчной жизни въ раю, о безсмертной душѣ, вдохнутой Богомъ Адаму. Иисусъ“ (будто-бы) „говорилъ только о жизни такой, какова она есть и будетъ для людей. Я знаю“, — проповѣдуетъ графъ, — „что моя жизнь съ точки зрѣнія моего индивидуальнаго счастія, моя жизнь, взятая отдѣльно, есть величайшая бессмыслица, и что это глупое существованіе кончится такою-же глупою смертію. Но моя жизнь и моя смерть будутъ имѣть смыслъ для жизни всѣхъ“.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, графъ Левъ Толстой отвергаетъ основной догматъ не только христіанства, воскресеніе Иисуса Христа, но основной догматъ и всякой религіи, ученіе о загробной жизни. Въ тоже время графъ продолжаетъ настаивать, что его ученіе есть единственное ученіе Иисуса. На какомъ-же основаніи онъ это утверждаетъ?

„Истинное евангельское ученіе“, — проповѣдуетъ графъ, — „открыто мнѣ не систематическимъ методическимъ изученіемъ его, а какимъ-то внезапнымъ озареніемъ. Я нашелъ ключъ къ истинному смыслу ученія Иисуса. Съ моего дѣтства, съ тѣхъ поръ какъ я началъ читать евангеліе, меня всего болѣе трогала та часть доктрины Иисуса, гдѣ онъ учитъ любви, смиренію, уничиженію, отреченію и обязанности не воздавать зломъ за зло. Такова была всегда для меня сущность христіанства; мое сердце признавало тутъ истину, несмотря на мой скептицизмъ и мое отчаяніе. Обратившись къ религіи и сперва подчинясь церкви, я замѣтилъ, что я не нашелъ въ ея ученіи подтвержденія этой самой сущности христіанства. Церковь, кромѣ внутренней стороны — любви, смиренія, самоотреченія, признаетъ въ христіанствѣ внѣшній смыслъ, догматическій. Этотъ смыслъ чуждъ для меня, даже отталкиваетъ меня. Въ ученіи церкви меня оттал-

кивали странность ея догматовъ и ея одобреніе, поддержка, какую она оказывала преслдованіямъ, смертной казни, войнамъ, возбуждаемымъ взаимною нетерпимостію всѣхъ церквей. Но особенно поколебали мою довѣренность къ церкви индифферентизмъ церкви ко всему, что мнѣ казалось въ евангеліи существеннымъ, и ея пристрастіе къ тому, что мнѣ казалось второстепеннымъ. Церковь не давала мнѣ того, чего я ожидалъ отъ нея. Я перешелъ отъ нигилизма къ церкви единственно потому, что я чувствовалъ невозможность жить безъ религіи, т. е. безъ знанія того, что добро и что зло. Но церковь предлагала мнѣ правила, въ которыхъ я не находилъ той практики христіанской жизни, которая была мнѣ такъ дорога. Правила церкви касательно членовъ въры, догматы, соблюденіе таинствъ, посты, молитвы не были для меня необходимы, и я не видалъ тутъ правилъ, основанныхъ на истинѣ христіанской. Всего болѣе меня возмущало то, что всѣ бѣдствія человечества, обычай судить другъ друга, судить націи и религіи, войны и убійства, которыя были слѣдствіемъ этого, все это дѣлалось съ одобренія церкви. Послѣ многихъ сомнѣній и страданій, я снова остался одинъ съ моимъ сердцемъ и съ таинственной книгой евангелій. Мнѣ не удавалось ни найти въ этой книгѣ того смысла, какой находили въ ней другіе, ни открыть тотъ смыслъ, котораго я искалъ; а еще менѣе я могъ отказаться отъ этого исканія. Я только тогда вдругъ сразу понялъ то, чего не понималъ прежде, когда бросилъ объясненія ученой критики и теологій, по слову Иисуса: *если вы не будете, какъ маленькія дѣти, вы не войдете въ царство небесное*. Я понялъ все, потому что забылъ всякіе комментаріи. Ключемъ ко всему послужило слово Христово — *не противиться злу, которое хотятъ вамъ сдѣлать*. Лишь только открылся предо мною точный и простой смыслъ этихъ словъ, я понялъ, что Иисусъ говоритъ не болѣе ни менѣе, какъ именно то, что Онъ говоритъ. И тотчасъ я увидѣлъ, какъ низпало все, что затемняло для меня истину, и истина явилась мнѣ во всемъ своемъ величій. Лишь только я постигъ простой и точный смыслъ этихъ словъ, какъ вдругъ для меня стало ясно все, что было темно во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ.

И вотъ передѣлывая четыре евангелія въ одно, — говоритъ графъ, — „я старался методически, шагъ за шагомъ, разсвѣять тотъ туманъ, который скрывалъ отъ людей истину; я переводилъ снова стихъ за

стихомъ четыре евангелія, сравнивалъ ихъ, соединялъ ихъ въ новую конкордацію; *исправлялъ заблужденія*“ (это въ евангеліяхъ заблужденія!). „*Всѣ другіе толкователи, какъ принадлежащіе къ церкви, такъ и свободомыслящіе, нелѣпо представляютъ себѣ ученіе Іисуса. Толковники церковные преувеличиваютъ значеніе личности Іисуса, смотрятъ на Него, какъ на Бога, тогда какъ по ученію графа, Іисусъ, какъ личность историческая, былъ просто бѣднякъ, который имѣлъ обыкновеніе высказывать нравственныя сентенціи. Его подвергли бичеванію и предали позорной смерти*“ (графъ употребляетъ о страданіяхъ и смерти Іисуса Христа выраженія рѣзкія и низменные). „*А потомъ этого бѣднаго раба стали считать Богомъ. Ученія Его не только никто изъ окружавшихъ Его, но и послѣ, до самаго обращенія графа Толстаго къ религіи, никто не понималъ, хотя почти всѣ цивилизованные народы стали и до послѣдняго времени состояли христіанами. Новѣйшіе-же свободомыслящіе, въ своихъ сужденіяхъ объ Іисусѣ, противорѣчатъ явному свидѣтельству исторіи, отвергая значеніе дѣла, совершеннаго Іисусомъ. Графъ проситъ читателя помнить, что то, что отталкиваетъ его, читателя и что представляется ему, читателю, суевѣріемъ, то не есть ученіе Іисуса; что Іисусъ не можетъ быть повиненъ въ томъ безобразномъ преданіи, которое приписали къ Его ученію и выдавали за христіанство*“, т. е. *графъ уполномочиваетъ не только себя, но и всякаго читателя исключать изъ евангелія все, что угодно, что не нравится ему, всякому читателю!* На этомъ основаніи прежде всѣхъ самъ графъ выбрасываетъ изъ св. писанія новаго завѣта все высокое и чудесное. Выбрасываетъ богооткровенныя истины богословія, психологіи и проч., потому что онѣ не согласуются съ его разумомъ, почему и причисляются къ разряду суевѣрій. Повторяя постоянно, что нужно держаться истинныхъ буквальныхъ словъ евангелія, а не тѣхъ, которыя приписываются Іисусу толковниками, графъ приводитъ слова Христовы въ произвольномъ видѣ. Такъ, наприм., въ евангеліи (Мат. 18, 6) говорится: кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, *тому лучше было-бы, если-бы повѣсили ему мельничныя жерновы на шею и потопили его во глубинѣ морской; но графъ это мѣсто читаетъ такъ: „соблазнитъ ребенка также дурно, какъ повѣсить тому ребенку жерновъ на шею и бросить въ воду. Трудно, чтобы онъ выплылъ, а скорѣе потонетъ“* (ребенокъ!). Тамъ-же въ евангеліи (ст. 15 — 37) чи-

тается: „*аще и церковь преслушаетъ, да будетъ тебѣ якоже язычникъ и мытарь*“; у графа-же это мѣсто читается такъ: „*если-же не послушаетъ обидѣвшій тебя и церкви, то прости его*“. Тамъ же (ст. 18) въ евангеліи читается: *истинно говорю вамъ, что вы свяжете на землю, то будетъ связано на небѣ, и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ*; у графа-же читается: *вѣдь вы сами знаете, что какъ завяжетесь на землѣ, таковы и будете предъ Отцемъ. А коли развяжетесь на землѣ, будете развязаны и предъ Отцемъ*. Безсмыслица, но это для графа не важно. Начало евангелія у Іоанна: *въ началѣ бѣ Слово...*, превратилось у графа въ слѣдующую безсмыслицу: „*въ основу и начало всего стало разумніе жизни. Разумніе жизни стало вмѣсто Бога. Разумніе жизни есть Богъ!*—въ безсмыслицу однако-же крайне тенденціозную: „*разумніе жизни стало вмѣсто Бога! Богъ есть разумніе жизни!*“ не больше того. А такъ какъ личнаго высочайшаго Бога у графа Толстаго не оказывается, то вотъ его сужденіе о *существенномъ содержаніи евангелія*: 1) *человѣкъ есть сынъ безконечнаго начала, Сынъ Отца*, но не личнаго Бога, сынъ не плотью, но духомъ; 2) и потому *человѣкъ долженъ служить этому началу, Отцу и Богу* (но не личному) *духомъ* (не таинствами, не богослуженіемъ, не молитвами); 3) *жизнь всѣхъ людей имѣетъ божественное начало: она одна свята*; 4) и потому *человѣкъ долженъ служить этому началу въ жизни всѣхъ людей*,—это воля Бога (безличнаго). *Жизнь всѣхъ людей единственная достояніемъ святыня*; 5) *истинная жизнь есть только въ каждой мигъ настоящаго; обманъ жизни во времени, жизни прошедшаго и будущаго, т. е. въра въ вѣчность личнаго Бога, какъ и надежда на личное безсмертіе, скрываетъ отъ людей истинную жизнь настоящаго*; 6) и потому *человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы разрушить обманъ прошедшаго и будущаго (обманчивую надежду на вѣчную премірную жизнь)*; 7) *истинная жизнь есть жизнь настоящаго, общая всѣмъ людямъ*. И 8) потому *живущій въ настоящемъ общей жизнью всѣхъ людей соединяется съ Отцемъ—началомъ и основой всей жизни. Оказывается Отецъ—это безличное начало и основа всей жизни...* И это яко-бы проповѣдь Господа Іисуса Христа! Это яко-бы содержаніе четвероевангелія! Итакъ проповѣдь объ искупленіи отъ грѣха общечеловѣческаго, отъ природной грѣховности, благовѣстіе живота вѣчнаго, словомъ—Христово еванге-

ліе сводится у графа къ ученію о томъ, что *человѣку нужно пользоваться какъ можно лучше миновеніемъ быстро улетающаго настоящаго!* По графу, въ каноническихъ евангеліяхъ Іисусъ будто-бы ничего не говоритъ о своемъ воскресеніи, вообще о воскресеніи изъ мертвыхъ. Дѣйствительно въ графскомъ евангеліи не говорится о воскресеніи потому, что все, что говорится, то зачеркнуто самимъ графомъ!

Поставивъ такимъ образомъ, въ своемъ евангеліи, разумъ на мѣсто Бога, провозгласивъ разумъ Богомъ, признавъ свой разумъ критеріемъ истины въ каноническихъ евангеліяхъ, передѣлавъ свое евангеліе по своему разуму, графъ, навязывая свое ученіе своему Іисусу, учитъ также думать и поступать и своихъ послѣдователей, т. е. считать свой разумъ богомъ и безусловнымъ судіей всего. Іисусъ училъ людей, — учитъ графъ, — прежде всего вѣрить въ свѣтъ, пока свѣтъ въ нихъ. Іисусъ учитъ людей ставить выше всего этотъ свѣтъ разума, жить, руководясь этимъ свѣтомъ, — не дѣлать того, на что *они сами смотрятъ, какъ на дѣло противное разуму*. Вы считаете, — проповѣдуетъ графъ, — безсмысленнымъ итти убивать на войнѣ турокъ или нѣмцевъ, — не ходите. Вы считаете неразумнымъ заперать въ тюрьмы, — не дѣлайте этого. Словомъ, не дѣлайте того, что теперь дѣлаетъ весь нашъ европейскій міръ. Вся наша нынѣшняя общественная жизнь, — учитъ графъ, — негодна въ самомъ своемъ корнѣ. Вся она основана на *насиліи*. Отъ насилія вся наша теперешняя жизнь проникнута развратомъ. Развратъ, по графу, скрывается и тамъ, гдѣ его никакъ не предполагаютъ; онъ гнѣздится даже въ томъ, что нынѣшніе люди считаютъ *самымъ законнымъ пользованіемъ своими правами, или исполненіемъ своихъ обязанностей: на насиліи основана администрація, на насиліи основанъ судъ; развратъ, произведеніе насилія — вся наша культура, вся цивилизація. Отсюда графъ дѣлаетъ такой выводъ: нужно радикально измѣнить всю теперешнюю нашу жизнь*. Мѣры палліативныя, частныя улучшенія, реформы нисколько не помогутъ; это будутъ все компромиссы со зломъ, которое, не уничтоженное въ корнѣ, вскорѣ возникнетъ снова и возникнетъ съ болѣею силою, какъ возвратившаяся болѣзнь, какъ усилившееся зло. *Корень всего общественного зла въ насиліи. Нынѣшнее общество все держится на насиліи одного человѣка надъ другимъ, и оттого оно такъ несчастно и такъ развратно. Насиліе, на которомъ держится современное общество и отъ котораго жестоко страдаетъ какъ всякій*

членъ общества, такъ и все общество людей, налагаетъ, нынѣшнимъ строемъ жизни, на каждого обязанность дѣлать зло ближнему, и чрезъ это дѣлать зло и себѣ самому. Всякая внѣшняя сила, *самая законная власть, есть насиліе*, которое должно быть изгнано изъ человѣческаго общества. *Итакъ нужно уничтожить насиліе вообще, вездѣ и всецѣло*. Уничтожать насиліе“, (т. е. весь нынѣшній общественный порядокъ) „вообще, вездѣ и всецѣло“, это и значитъ, по графу Льву Толстому, „не сопротивляться злу или злему“. Ясны сколько противорѣчіе графа съ самимъ собою, столько-жъ и *радикально-нигилистическая* въ немъ тенденція.

Теперь и спрашиваемъ, что-жъ это за религія, проповѣдуемая графомъ Львомъ Толстымъ, — религія безъ Бога и безъ вѣчной жизни и безсмертія? Что-жъ это за Іисусъ, бѣдный равви, жалкимъ образомъ казненный и, конечно, никогда не воскресавшій, даже не вѣрившій въ безсмертіе и въ личнаго Бога? Что-жъ это за евангеліе, которое пересочинилъ графъ Толстой, вымаравъ изъ евангелія все то, что ему, графу Толстому, въ подлинномъ Христовомъ евангеліи не нравится?! Чѣмъ-же это графъ Толстой, поставляющій разумъ вмѣсто Бога, отличается отъ первыхъ французскихъ революціонеровъ, посадившихъ на престолѣ Божіемъ богиню разума? Проповѣдуя, что всякая власть есть насиліе, отвергая всякіе титулы и достоинства, воспрещая присягать на вѣрность царю и отечеству, далеко-ль ушелъ графъ Толстой отъ французскихъ якобинцевъ, провозглашавшихъ всеобщую свободу, равенство и братство?! Чѣмъ графъ Толстой отличается отъ Герцена, отъ Чернышевскаго, отъ Добролюбова и отъ всѣхъ этихъ ходаковъ въ народъ, русскихъ нигилистовъ, которые учили, что весь общественный порядокъ христіанской Европы, особенно-же Россіи гниль въ самомъ корнѣ и что его нужно вездѣ и всецѣло искоренить? Не тѣмъ-ли только, что наши нигилисты проводили свое ученіе все-же болѣе или менѣе сдержанно, тогда какъ графъ Левъ Толстой проповѣдуетъ открыто вслухъ всей Россіи? Не оставляетъ-ли онъ позади себя всѣхъ самыхъ радикальныхъ учителей, проповѣдуя, что присяга на вѣрность — санкція обмана, суды — зло, войны — преступленіе, любовь къ отечеству — омерзительный продуктъ безсмысленнаго воспитанія, всякая власть — насиліе, которое нужно всячески искоренять, чего не проповѣдывали ни французскіе революціонеры, ни наши нигилисты? Не почтеннѣе-ли, не благороднѣе-ли графа Льва Толстаго даже нигили-

сты, которые вызвали общество на бой съ собой довольно открыто, рискуя слишком многимъ и съ своей стороны; а сей графъ проповѣдуетъ неслыханныя нестерпимыя вещи, странно разсчитывая на общественное русское неразуміе, окруженный ребяческимъ благоговѣніемъ всей російской интеллигенціи, покрываемый непонятною терпимостью тѣхъ, кому вѣдать-бы его тенденціи надлежало, а что всего наглѣе, кощунно выступая въ стати якобы благонамѣреннаго, даже горячаго христіанскаго проповѣдника, съ простодушнымъ коварствомъ рядясь въ тексты священнаго писанія, волкъ, натягивая на себя одежду овчюю и безнаказанно проникая во все углы овчарни?!...

Графъ Левъ Толстой провозглашаетъ всѣхъ современныхъ европейцевъ, исповѣдующихъ древнюю христіанскую вѣру, сумасшедшими, заключая отъ частнаго къ общему, отъ противнаго, отъ самого себя; не вѣрнѣ ли заключить наоборотъ, отъ общаго къ частному, отъ общаго противнаго къ частному противоположному, что онъ одинъ, считая себя одного здравомыслящимъ, между тѣмъ разсуждая не какъ всѣ, онъ-то одинъ и помѣшался въ умѣ, и что въ отношеніи къ нему и справедливо и пора принять приличныя болѣзненному пораженію его ума мѣры врачеванія?...

Такъ вотъ куда, естественно и прямо, въ концѣ-концовъ, заводитъ отступничество отъ православной христіанской вѣры. Опытъ этого мы видѣли въ русскихъ нигилистахъ. Опытъ того же видимъ и въ графѣ Львѣ Толстомъ. Онъ началъ, какъ и нигилисты начали, съ корня: съ подрыва корней христіанской вѣры, а оканчиваетъ, какъ и нигилисты, призывомъ ко всеобщему перевороту, — разрушать основы существующаго общественнаго и государственнаго порядка. Отступничество отъ вѣры — это корень; призывъ ко всеобщему взрыву — это плодъ. Если плодъ не хорошъ, поймите, что и корень не хорошъ. И помните, что отъ этого дурнаго корня вырастетъ всегда и дурное дерево съ дурнымъ плодомъ — всеобщимъ переворотомъ.

Потому-то истинный Христосъ Богъ нашъ и предостерегаетъ насъ, вѣрныхъ чадъ своихъ, и все наше христіолюбивое отечество и богопоставленныхъ носителей власти Божіей на землѣ: *берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ въ огонь. По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Не всякій, говорящій Милъ: Господи! Господи! войдетъ въ*

царство небесное, но исполняющій волю Отца моего небеснаго. Милъ скажутъ въ тотъ послѣдній день: Господи! Господи! не отъ твоего-ли имени мы пророчествовали и проповѣдали? И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе (Мат. 7, 15—23). Аминь.

БЕСѢДА

въ день святаго и всехвальнаго апостола Андрея Первозваннаго *).

О ТОМЪ, ЧТО ВѢРА (ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКАЯ) ЕСТЬ ЗНАНІЕ.

Еже бѣ исперва, еже слышашомъ, еже видѣхомъ очима нашими, еже узрѣхомъ, и руки наша осязаша, о Словеси животнѣмъ, — и животъ явися, и видѣхомъ, и свидѣтельствуемъ, и возвышаемъ вамъ животъ вѣчный, иже бѣ у Отца и явися намъ, — еже видѣхомъ и слышашомъ, повѣдаемъ вамъ, да и вы общеніе имате съ нами: общеніе же наше со Отцемъ и съ Сыномъ Его Иисусомъ Христомъ. 1 Иоан. 1, 1—3.

У многихъ, если только не у всѣхъ, не только велико-мудрыхъ и ученыхъ, но и сколько-либо способныхъ связывать мысли и слова логическою нитью и держать перо въ рукахъ; у многихъ, если не у всѣхъ, оглашающихъ наши уши болѣе или менѣе содержательными чтеніями въ болѣе или менѣе торжественныхъ воспитательно-учебныхъ собраніяхъ, принято говорить, что вѣра не есть знаніе. При этомъ почти всегда чувствуется, что говорящій хочетъ будто выдѣлить вѣроученіе изъ другихъ ученій, какъ нѣчто выходящее изъ ряда и принадлежащее высшему порядку; въ глубинѣ же души относится съ сожалѣніемъ къ вѣроученію-ли, что его неудобно коснутся критически и

*) Изложена въ залѣ одесской духовной семинаріи.

поочистить, къ себѣ-ли, что поневолѣ приходится обходить его съ видимымъ почтеніемъ. Не бываетъ-ли, что иной, увлекаясь столь дюжиною слабостью выставить свой предметъ, котораго онъ ученый представитель, превыше всѣхъ наукъ и знаній, и явно небрежно задѣвая по соприкосновенію истины откровенныя, которыя усиливается однако-же не называть по имени, — иной самый немудрящій звѣрь лягнетъ вдругъ умирающаго, по его недалекому суду, льва, да въ ту-же минуту и прячетъ, отъ чуткаго общественнаго мнѣнія, свою несомнительную благонамѣренность за обычный щитъ, за который принято прятаться въ подобныхъ вылазкахъ: „мы-де не касаемся истинъ вѣры, — вѣра-де не есть знаніе“.

Такъ какъ и у нашихъ богословствующихъ преподавателей, писателей, даже мыслителей принято часто прибѣгать къ этому изреченію, какъ выраженію будто-бы свѣтлѣйшей солнца истины, безъ всесторонней однако-же оцѣнки сомнительнаго, двусмысленнаго и нерѣдко прямо вреднаго значенія этой апофегмы, то мы считаемъ благопотребнымъ удовлетворить на этотъ разъ давно лежащему у насъ на сердцѣ чувству долга разъяснить нѣчто обратное, именно что вѣра есть знаніе, разумѣя собственно христіанскую православную вѣру.

И прежде всего покажемъ оборотную сторону предмета, именно, что знаніе, даже такъ называемое научное знаніе есть вѣра, — вѣра гораздо болѣе, безконечно болѣе, чѣмъ принято думать. Но просимъ извиненія. Такъ какъ мы коснемся самыхъ новѣйшихъ научныхъ и философскихъ понятій, то и называть ихъ вынуждены словами, какими принято, на которыхъ они будутъ понятнѣе и точнѣе. Постараемся быть кратки, чтобы словъ нашихъ было только sapienti sat.

Представимъ, что былъ на свѣтѣ германскій философъ Кантъ, признаваемый во всемъ свѣтѣ величайшимъ мыслителемъ. Представимъ, что по выводамъ философіи Канта, предметы, соотвѣтствующіе идеямъ разума, существуютъ только въ *нашемъ* разумѣ, и больше нигдѣ. Предметы, соотвѣтствующіе общимъ понятіямъ (категоріямъ) разсудка, существуютъ только въ чистой (априорной) мысли разсудка, и больше нигдѣ. Такъ называемыя у Канта чистыя (априорныя) формы нагляднаго представленія, пространство и время, существуютъ только въ чистомъ наглядномъ представленіи, и больше нигдѣ. Форма всякаго явленія, всякій порядокъ пространственной или временной послѣдовательности въ явленіи, существуетъ только въ чистомъ-же (априорномъ)

наглядномъ представленіи, а больше нигдѣ. Изъ дѣйствительности, изъ внѣ насъ существующаго міра мы получаемъ единственно только содержаніе явленія, которое трудно до невозможности отдѣлить отъ формы явленія, за которымъ скрывается всегда недоступная намъ вещь въ себѣ (вещь внѣ нашего чувства), о которой мы знаемъ только, что она существуетъ, но не знаемъ, какъ существуетъ... Впрочемъ, у Канта нерѣдко отрицается и то, чтобы намъ доступно было познаніе даже бытія вещи, познаніе даже того, что вещь въ себѣ существуетъ. Кантъ дозволяетъ, находить даже нужнымъ только предполагать существованіе протяженныхъ существъ въ пространствѣ и времени. Тѣмъ не менѣе предостерегаетъ, что самое пространство и время, а вмѣстѣ съ ними и всѣ явленія въ пространствѣ и времени не суть однако-же вещи въ себѣ (независимо отъ нашего усмотрѣнія) и внѣ нашей души не существуютъ. Формы пространства и времени внѣ насъ не существуютъ, какъ не существуютъ и предметы, которые кажутся намъ существующими въ пространствѣ и времени; которые, съ уничтоженіемъ нашего представленія, уничтожились-бы во всѣхъ своихъ пространственныхъ отношеніяхъ. Всѣ предметы возможнаго для насъ опыта, какъ явленія, какъ наши представленія, не существуютъ нигдѣ, кромѣ нашихъ мыслей. Что-же сказать о предметахъ, соотвѣтствующихъ нашимъ (трансцендентальнымъ) идеямъ? Между тѣмъ, — жалуется Кантъ, — общечеловѣческій, какъ и философскій здравый смыслъ (трансцендентальный реализмъ) изъ видоизмѣненій нашей чувственности дѣлаетъ самостоятельныя (независимыя отъ нашего чувства) вещи и превращаетъ собственно наши представленія въ вещи въ себѣ (вещи, существующія внѣ нашей мысли). Такимъ образомъ, у величайшаго мыслителя философа Германіи Канта, не только Богъ и душа человѣческая, но и весь міръ, какъ во всей своей цѣлости, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ, превращаются въ призраки. У Канта не болѣе, какъ призраки, всѣ предметы не только трансцендентальныхъ идей, но и возможнаго (какъ и дѣйствительнаго) опыта. Призраки не только всѣ предметы и явленія, существующіе въ пространствѣ и во времени, но и самое пространство и время, какъ и обратно, не только пространство и время, но и всѣ явленія и предметы, существующіе въ пространствѣ и времени.

Выходитъ, что если вы видите и осязаете внѣ васъ существующіе предметы и полагаете, что они существуютъ дѣйствительно внѣ

васъ, то вы заблуждаетесь. По крайней мѣрѣ, узнать это вы не имѣете никакихъ способвъ. Ваше познаніе имѣетъ дѣло единственно и исключительно съ вашими внутренними состояніями. Предметы существуютъ единственно только внутри васъ, въ вашемъ чувствѣ, въ вашей мысли. Если-же вы все-же увѣрены въ ихъ бытіи внѣ васъ, то вы этому только вѣрите... Такимъ образомъ, вѣра объемлетъ безусловно каждое движеніе вашей мысли, объемлетъ и основу, и вершину, и всѣ стороны всего кругозора вашей мысли.

Одинокъ-ли Кантъ? Увы! Если его германскіе преемники, тончайшіе-же мыслители, Фихте (старшій), Шеллингъ и Гегель болѣе или менѣе забыты, то Кантъ все-же остается руководителемъ германской философіи, которая въ свою очередь руководитъ міросозерцаніемъ всего образованнаго міра. Вотъ проведемъ основы или выводы одной изъ современныхъ въ Германіи философскихъ школъ. Знаніе, опираясь на опытъ, простирается только на явленія, а не на сущности. Сущность вещей, вещь въ себѣ (то, что скрывается за явленіемъ, за чувственнымъ нашимъ представленіемъ),—вещь въ себѣ остается недоступною опыту и познанію. Не понятія наши соображаются съ предметами, а предметы съ понятіями. Всѣ познаваемые нами вещи и явленія составляютъ въ концѣ всего наши-же собственные внутреннія (субъективные) состоянія. Въ опытѣ-же мы знаемъ всѣ вещи и явленія въ сложной формѣ состояній нашего собственного сознанія. Не только внѣшній міръ и наше собственное тѣло, но и самые органы чувствъ суть не болѣе какъ наши мысленные (субъективные) образы вещей, а подлинникъ этихъ вещей (воображаемое внѣшнее бытіе) недоступно закрытъ для нашего опыта и познанія. Равно какъ и происхожденіе всѣхъ мысленныхъ (субъективныхъ) образовъ вещей, происхожденіе нашего сознанія, нашего я, это остается для насъ безусловно неразрѣшимой загадкою. Между внѣшне-предметною (объективною) и внутренне-мысленною (субъективною) стороною человѣка, между нервными процессами, лежащими въ основѣ мысли, и сознаніемъ, между тѣломъ и духомъ нѣтъ никакого моста, нѣтъ причинной связи. Всякій опытъ, всякое познаваемое явленіе, стоитъ между двумя безусловно неизвѣстными (между абсолютными X и Y). Это съ одной стороны душевно-тѣлесное устройство (физико-психическая наша организація), а съ другой—вещь въ себѣ (внѣ нашего чувства существующая). Въ каждое соприкосновеніе наше съ вещью въ себѣ, въ каждый опытъ приводить

неизбѣжно внутреннія свойства (субъективные элементы) познанія, нѣчто отъ природы прежде данное (априорное), свойственное собственно нашему душевно-тѣлесному устройству (физико-психической организаціи), данное раньше всякаго опыта, вмѣстѣ съ нашимъ душевно-тѣлеснымъ устройствомъ. Эти природныя данныя (априорные элементы) заключаются въ идеяхъ времени, пространства, движенія, причинности, матеріи, силы, атомовъ и т. д., а также въ истинахъ математическихъ. Чистое, строго согласное природнымъ нашимъ формамъ мышленія вовсе не есть познаніе, а наоборотъ, можетъ быть чистымъ (априорнымъ) заблужденіемъ. Даже больше того: даже непосредственныя чувственныя воспріятія, чѣмъ больше впутываются въ прирожденные формы человѣческаго мышленія, тѣмъ больше и больше удаляются отъ непосредственной дѣйствительности, иначе сказать, тѣмъ больше удаляются отъ предметной (объективной) истины. Предметы-же соответствующіе высшимъ идеямъ разума, каковы: сущность, первая причина, свобода, вѣчность, цѣлесообразность и т. д., эти предметы не представляютъ никакого знанія.—Понятенъ-ли общій выводъ изъ всего этого? Вообще никогда никоимъ образомъ я не могу познать, существуетъ-ли что, что и какъ именно существуетъ внѣ меня, равно какъ безусловно-же никогда я не могу познать, что такое и я. Но знаю, что чѣмъ болѣе я усиливаюсь познать получаемое изъ непосредственнаго ощущенія, тѣмъ болѣе и болѣе впутываюсь въ субъективные заблужденія и удаляюсь отъ предметной (объективной) истины. Когда же я увѣряю себя, что эти вещи, весь этотъ міръ внѣ меня существуютъ, и я мыслю о нихъ правильно, то я впадаю въ самообольщеніе. Я вѣрю, не больше..., хотя другіе за меня и знаютъ преосновательно, что я заблуждаюсь.

Затрудняюсь передать вамъ по тому-же предмету умствованія философовъ позитивистовъ, англійскихъ, французскихъ и нашихъ русскихъ, самыхъ видныхъ представителей такъ называемой положительной философіи самыхъ послѣднихъ дней. Вотъ нѣсколько самыхъ общихъ положеній, изъ которыхъ вытекаетъ тотъ-же выводъ. Все наше знаніе ограничено одними нашими собственными состояніями духа. Научнаго выхода изъ круга этихъ внутреннихъ состояній не существуетъ. Внѣшній міръ для насъ существуетъ единственно въ силу нашихъ внутреннихъ состояній. Все наше знаніе о немъ ограничено только нашими внутренними состояніями. Внѣшній міръ есть только видоизмѣ-

неніе нашего собственнаго сознанія. Знаніе означаетъ состояніе духа. Понятіе о вещахъ матеріальныхъ есть вещь духовная. Міръ для насъ существуетъ только въ явленіи, въ ощущеніи, въ идеѣ. Вещество, матеріальный міръ суть только наши внѣшнія ощущенія и ихъ сосуществованія и преемства. Вещи въ дѣйствительности — это наши постоянныя и независимыя идеи, только подъ другимъ названіемъ, подъ названіемъ тѣхъ или другихъ предметовъ. Самый духъ не существуетъ внѣ нашего ощущенія. Мы безусловно не знаемъ сущности духа столько-же, сколько и вещества, независимо отъ состояній собственнаго сознанія. Существованіе духа есть только рядъ преемственныхъ перемѣнъ. Идеи суть самый духъ, подлежащій какому-нибудь впечатлѣнію... Такъ, напримѣръ, зрительное ощущеніе дыма отъ ладана не есть представленіе къ духу; но это видѣніе и есть самый духъ, существующій въ извѣстномъ состояніи; а ощущеніе запаха ладана есть тотъ-же духъ въ нѣкоторомъ другомъ состояніи. Духъ и вещество, для нашего знанія, суть только два логическіе противоположные порядки явленій, или нашихъ внутреннихъ состояній. Духъ и вещество суть только двѣ вѣтви на одномъ стволѣ и корнѣ, на состояніи сознанія, на идеѣ, на ощущеніи. Первопричиною духа и вещества является не иное что, какъ ощущеніе. Наше ощущеніе мало-по-малу привыкаетъ отличать свои внутреннія состоянія отъ другихъ такихъ-же внутреннихъ, но относимыхъ во внѣ, такъ называемыхъ предметныхъ состояній (субъективныя отъ объективныхъ). Сознаніе привыкаетъ одни внутреннія наши состоянія навѣшивать на одинъ внутренний стержень нашего я; а другія такіа-же состоянія на другой будто-бы внѣшній стержень будто-бы внѣшняго міра, и привыкаетъ противопоставлять одно изъ этихъ своихъ-же внутреннихъ состояній, подъ представленіемъ своего я, другому такому-же, своему-же внутреннему состоянію, подъ представленіемъ внѣшняго міра (привыкаетъ свое я противопоставлять будто-бы внѣшнему не-я). И это противоположеніе образуется постепенно и одновременно изъ одной тождественной причины, изъ расходящагося по двумъ русламъ потока моего ощущенія. Мое ощущеніе есть первопричина моего я и внѣшняго не-я, духа и міра.

Чего-же вы хотите?! Самые великіе авторитеты мысли и науки, жившіе или пока еще живущіе въ наши дни, утверждаютъ, что мы не знаемъ, какъ міръ внѣ насъ существуетъ и даже существуетъ-ли, и только нѣкоторые осмѣливаются подтверждать увѣренность въ бытіи

міра. А пресловутый, благоденствующій еще въ наши дни философъ такъ называемаго пессимизма (Эдуардъ Гартманъ) пресерьезно объясняетъ изумленному человѣчеству, что міръ есть произведеніе безумной воли, вступившей въ сопряженіе съ пробуждающимся сознаніемъ, которое достигло точки своего развитія въ человѣкѣ, и что если-бы всѣхъ людей оцѣпить примѣрно нитью одной великой электрической батареи и убить одною великой электрической искрой, то потухло-бы сознаніе, а вмѣстѣ съ сознаніемъ потухло-бы и бытіе всей вселенной.

Затѣмъ доказывается преобстоятельно, что общія начала нашего мышленія завѣдомо удаляютъ насъ отъ предметной (объективной) истины; что даже такъ называемыя аксіомы представляютъ въ себѣ не иное что, какъ измѣнчивыя навыки мышленія; что даже математика измѣняетъ крѣпкой нѣкогда надеждѣ на ея непогрѣшимость; что не только цѣлесообразность не существуетъ, но и причинность, существуетъ-же вмѣсто того только преемственность явленій, которая представляется намъ въ одну сторону причинностью, а въ другую цѣлесообразностію, вслѣдствіе такихъ навыковъ и поведеній нашего мышленія; что самый законъ причинности только вѣроятенъ и только повидимому, насколько намъ извѣстно, не представляетъ исключеній; что самая чувствительность не только одного человѣка, но и всего человѣчества, въ отношеніи къ воспріятію свойствъ предметовъ, съ теченіемъ времени, измѣняется: глазъ измѣняется въ отношеніи къ воспріятію цвѣтовъ, слухъ звуковъ, обоняніе запаховъ и т. д.; измѣняются отношенія химическихъ элементовъ вещества и силъ природы другъ къ другу; а то правило безъ исключеній, что предметъ внѣшняго міра, переходя въ наше сознаніе, измѣняется въ формахъ нашего воспріятія и мышленія, такъ что мы никогда не знаемъ, какъ внѣшній міръ существуетъ и даже существуетъ-ли.

Если же вы вѣрите, что міръ существуетъ, и вѣрите даже въ то, что существуетъ такъ, какъ вы его воображаете, то только вѣрите... не болѣе.

Неумѣстно здѣсь раскрывать, да и невозможно за одинъ разъ раскрыть, что здѣсь истинно, что ложно. Но то безспорная истина, что все въ нашемъ мышленіи и знаніи, отъ его началъ и основъ и до всѣхъ подробностей, покоится на вѣрѣ..., на вѣрѣ въ нашу природу. Никакая наука, никакое самое мелкое опытное знаніе не выбивается изъ этого безусловно-неисходнаго круга. Всякое самое конкретное зна-

ніе безусловно всегда есть не иное что, какъ вѣра. Вѣра потому, что во всякомъ, самомъ непосредственномъ познаніи, мы видимъ предметъ не непосредственно, а единственно только въ зеркалѣ нашей познавательной способности, относительно которой больше или меньше вѣримъ, но всегда только вѣримъ, что она у насъ отражаетъ предметы правильно, вѣрно предметной дѣйствительности.

Вѣра лежитъ въ основѣ всякаго знанія потому, что мы убѣждены въ правильной восприимчивости нашего чувства, и нѣкоторые даютъ даже исключительное значеніе чувственному познанію; тогда какъ извѣстно, что даже правильно дѣйствующія внѣшнія чувства ведутъ насъ къ безчисленному количеству иллюзій, каждое въ отдѣльности; что и все въ совокупности внѣшнія чувства безусловно никогда не обнимаютъ все свойства отдѣльнаго-ли предмета, всехъ-ли предметовъ въ совокупности, и теперь, по соотношенію предметовъ между собою, открыты въ нихъ такіа свойства, которыя нельзя уловить ни однимъ изъ внѣшнихъ чувствъ; при чемъ, какъ замѣчено, восприимчивость даже общечеловѣческаго чувства, на пространствѣ вѣковъ, измѣнялась.

Вѣра лежитъ въ основѣ всякаго познанія и потому, что мы убѣждены, будто предметъ внѣшняго міробытія отражается въ нашемъ разсудочномъ понятіи, со всеми своими признаками. Но этого не бываетъ безусловно никогда. Не бываетъ потому, что во всякомъ дѣйствительномъ предметѣ заключается безусловно безконечное и для нашего ума необъятное количество признаковъ. Почему наше понятіе о предметѣ всегда исключаетъ изъ него безконечное количество его свойствъ, оставляя для себя только нѣкоторые; при чемъ мы воображаемъ, что исключаемъ свойства только несущественныя, но всегда безъ полной увѣренности, что не исключаемъ и существенныя. Сверхъ сего умъ нашъ имѣетъ навыкъ заключать отъ частнаго къ общему, отъ настоящаго къ прошедшему и будущему, отъ здѣшняго къ повсюдному, къ безконечному и вѣчному. Это и есть особенно излюбленный современною наукою индуктивный методъ. Но такіа заключенія не даютъ несомнѣнныхъ выводовъ, особенно-же при необъятности міробытія въ пространствѣ и времени, и еще въ виду теперь подмѣченной измѣнчивости отношеній между химическими элементами вещества и силами природы, — отношеній, которыя до сихъ поръ считались наиболѣе неизмѣнными. Почему и утверждается, что опытное познаніе безусловно никогда не даетъ положеній категорическихъ, всеобъемлющихъ и не допускающихъ

исключеній. И наша вѣра въ такъ называемые законы природы и въ аксіомы естествовѣдѣнія основана единственно только на вѣрѣ и, прибавимъ, на нѣкоторомъ недомысліи.

Самая математика даетъ непогрѣшимыя аксіомы единственно только чистая и единственно только тогда, когда исходитъ изъ основнаго положенія логическаго закона тождества, что данное, точно опредѣленное во всехъ частностяхъ понятіе равно самому себѣ ($A=A$). Если же математика въ своихъ положеніяхъ не предусмотрѣла какой, хотя самонаиболѣе признакъ, то въ заключеніи получится совсѣмъ погрѣшительный выводъ. Отчего прикладная математика и бываетъ всегда безъ исключеній погрѣшительна и вынуждается предполагать тысячи предусматриваемыхъ и непредусмотрѣнныхъ исключеній. Но въ наше столѣтіе міръ изумленъ еще открытіемъ, что и самая чистая Евклидова геометрія, считавшаяся до нашихъ дней образцомъ математической непогрѣшимости, и та даетъ разнорѣчивые выводы, т. е. оказалась погрѣшительною, что и доказано сперва однимъ русскимъ математикомъ (Лобачевскимъ), а затѣмъ провѣрено и ученою Европой. Въ наши-же дни открыто и четвертое измѣреніе, которое констатируется ученѣйшими мужами, а это открытіе вводитъ насъ въ новый математическій міръ, спутывая все основоположенія стараго, стоявшаго безусловно на трехъ измѣреніяхъ. А то и давно было извѣстно, хотя и ослаблялось пристрастными умствованіями, что въ сопоставленіи ограниченныхъ величинъ съ безконечною самая правильная математика ведетъ къ антиномическимъ заключеніямъ, чѣмъ доказывается, что умъ нашъ въ основѣ своей и устроенъ антиномически, на извѣстномъ противозаконіи, давно подмѣченномъ въ двойственной человѣческой природѣ, въ соотношеніяхъ тѣла къ духу, низшаго чувства къ высшему, разсудка къ разуму.

Такимъ образомъ математическое-ли, особенно прикладное, опытное-ли познаніе всегда основано на вѣрѣ, что оно истинно, тогда какъ несомнѣнно, что оно безконечно неравно дѣйствительному міробытію.

Безконечно неравно и потому, что разсудку нашему прирождена способность улавливать только послѣдовательность явленій, но не дано способности уловить дѣйствительную причинность и цѣлесообразность, особенно-же прослѣдить безконечную цѣпь всей совокупности причинъ и цѣлей. Это изстари было извѣстно, что разсудокъ познаетъ только то, какимъ образомъ (quo modo?) явленія происходятъ; но не да-

но ему познать, почему и для чего (сиг?). Почему во всей цѣпи міробытія разсудокъ, неспособный поймать причины дѣйствительныя, подкладываетъ на ихъ мѣсто излюбленныя общія понятія, называя ихъ общепринятыми именами (наприм., притягательная сила, электричество, химическое сродство, сила растительная, жизнь и т. п.). А между тѣмъ эти условныя понятія и ходячія слова только охватываютъ совокупность послѣдовательныхъ явленій, которыя мы силимся объяснить, но не объясняютъ ничего, никакой между ними причинной связи, вмѣсто же того нерѣдко впутываютъ нашъ разсудокъ въ противорѣчія съ самимъ собою: какъ, наприм., притягательная и отталкивательная силы производятъ жизнь, тогда какъ должны-бы произвести всемірную смерть? Какъ неумовимое никакими измѣреніями, не дающееся ни одному изъ нашихъ чувствъ, слѣдовательно сверхчувственное тяготѣніе толкаетъ самую чувственную, вещественную, громадную массу солнца съ его системою, въ безмѣрные небесныя пространства? Какъ химическое сродство заставляетъ двигаться атомъ около атома, а не сѣсться на-всегда неподвижно? Какъ невещественный солнечный лучъ поднимаетъ громадныя массы? Какъ невѣсомая сила движетъ вѣсомую міровую матерію? Какъ жизнь производитъ органическія явленія въ одномъ химическомъ соединеніи, не производя въ другомъ, да не производитъ и въ томъ-же самомъ, когда въ немъ нѣтъ жизненнаго сѣмени, или оно исчезло? Какъ химическій процессъ въ тѣлѣ производитъ чувство и сознаніе, и обратно, какъ духовная сила дѣйствуетъ на матеріальную? Міръ есть сфинксъ, только предлагающій загадки, но не разрѣшающій. Между тѣмъ нашему духу прирождено не только убѣжденіе, что во всей цѣпи міробытія проходитъ разумная, доступная и нашему разуму, цѣльная цѣпь причинъ и цѣлей, но прирождено и стремленіе усмотрѣть и постигнуть ее. Никогда не настигаемъ, но всегда ловимъ. Всматриваемся, и какъ будто прозрѣваемъ, но не видимъ. Подобно узникамъ древне-еллинскаго философа Платона, прикованнымъ къ стѣнѣ пещеры такъ, что и лица наши всегда обращены только къ стѣнѣ-же, мы ловимъ только мелькающія по этой стѣнѣ тѣни дѣйствительности, но не можемъ видѣть дѣйствительные предметы, проносящіеся гдѣ-то тамъ вдали предъ отверзтіемъ пещеры. Эта, движущая тѣни и нашего чувственнаго міра, дѣйствительность, этотъ узелъ дѣйствительныхъ причинъ и цѣлей всего міробытія, принадлежитъ не нашему, а высечувственному міру. *Впроу ходимъ*, по слову апостола Павла, *а не видѣ-*

ніемъ. Видимъ нынѣ какъ сквозь тусклое стекло гадательно. А тогда и тамъ узримъ дѣйствительно сущее лицемъ къ лицу...

Это мы утверждаемъ безусловно о всякомъ познаніи, правильно достигаемомъ и полученномъ, о всякой наукѣ, правильно поставленной и развиваемой.

А что сказать о большинствѣ познаній только кажущихся? О большинствѣ наукъ, поставленныхъ совѣмъ-же шатко, и только одурачивающихъ общій смыслъ оглушающимъ шумомъ самовосхваленія, особенно наукъ изъ области такъ называемой науки, наукъ прикладныхъ наглядныхъ? Что сказать о какой-либо соединенной географіи, космографіи, этнографіи, которая шумитъ хвалою себѣ самой, что она-де не только развиваетъ умы юношества, но и возвышаетъ сердца и улучшаетъ нравы, предлагая понятія твердыя, непререкаемыя, руководительныя для правильно развивающейся жизни человѣчества, на лонѣ матери природы, воспитательницы человѣка? И въ доказательство не-предложности своего здраво-ученія возглашаетъ яко-бы непререкаемую истину, что природа страны неуклонно опредѣляетъ характеръ развитія живущаго въ ней народа. Такъ возьмемъ-де Индію, эти необъятныя омывающіе ее океаны, гигантскія рѣки, подавляющую своею роскошью и силою фауну и флору, эту безграничную плодovitость природы, которая сама-же себя и пожираетъ,—не долженъ-ли былъ тамъ развиваться народъ съ культурою богатою, внутренне сосредоточенною, но внешне недѣятельною, съ религіею всеобъемлющаго Брами, благостнаго созидающаго Вишну, животворящаго и всепожирающаго свои созданія Шивы и такъ далѣе? Или представимъ этотъ безконечно старый, загадочный въ видѣ сфинкса Египетъ, эту неисчерпаемо плодovitую нильскую долину, засыпанную необъятными песками, этотъ зной, придавливающій вѣшнюю самостоятельность, но располагающій къ внутреннему самоуглубленію духа, къ созерцанію тайнъ природы. Или эту веселую Елладу, съ ея безчисленными островами, заливами и проливами, ея очаровательною природою, ея восхитительнымъ Олимпомъ, на которомъ прохлаждаются, забавляются и ссорятся прекраснѣйшіе самыхъ прекрасныхъ изъ еллиновъ ихъ боги и богини,—не должна-ли была такая обаятельная, пестрая своими красотоми природа породить народъ, въ своемъ обособленномъ развитіи разнообразный, расчлененный на особыя общины и племена, народъ веселый, предприимчивый на все, пластически прекрасный и т. д.? Но въ глубинѣ

Азіи, тамъ, гдѣ процвѣтали Ассирія, Вавилонія, Лидія, Мидія, Персія, монархія Александра македонскаго, тамъ теперь пустыня, которая царитъ безъ малаго 3000 лѣтъ, и та-же природа не производитъ другихъ Саргоновъ ассирійскихъ, Кировъ персидскихъ и Александровъ македонскихъ. Въ Египтѣ, въ которомъ встарь царили десятки династій, и очень дѣятельныхъ и очень могущественныхъ, но безсильныхъ измѣнить характеръ народа, толкнутого къ развитію еще патріархальною религіей, тамъ теперь царитъ 3000 лѣтъ пустыня-же; вымеръ народъ, вымеръ прадѣдовскій религіозный духъ, вымерла и цивилизація, и та-же природа безсильна воскресить ее, и гордыя пирамиды, которыя выражали въ себѣ міровую и премірную загадку для древнихъ египтянъ, представляютъ лишь заносчивую безсмыслицу для современныхъ поколѣній. Тамъ, гдѣ процвѣтали Тиръ и Сидонъ, на тѣхъ-же берегахъ у. того-же моря, тамъ теперь 3000 лѣтъ царитъ пустыня-же. На островахъ и полуостровахъ древней цвѣтущей веселой Еллады легъ мракъ морскихъ разбоевъ, невѣжества и нравственно-культурной адинаміи на вѣка. Тамъ, гдѣ процвѣталъ, пока не былъ разбитъ и убитъ, могущественный предприимчивый Карѳагенъ, тамъ теперь 2000 лѣтъ могильная пустыня-же. При чемъ тутъ природа, яко-бы созидаящая народъ? На островахъ Великобританіи жили люди, говорятъ, съ ледовитаго періода,—это считаютъ несчетными тысячелѣтіями,—а настоящая культура тамъ зародилась триста лѣтъ назадъ, со временъ Филиппа II испанскаго и Елисаветы, и процаритъ надъ міромъ, надо полагать, до перваго не очень далекаго мощнаго удара, который неизбежно будетъ нанесенъ этому, до сихъ поръ неуязвимому и гордому въ своей неуязвимости Альбіону. А еврейскій народъ живетъ вотъ 2000 лѣтъ уже не въ своей древней обѣтованной землѣ, а въ безконечно разнообразныхъ мѣстностяхъ, въ безконечно-же разнообразныхъ историческихъ и этнографическихъ условіяхъ, и все-же онъ почти неизмѣнный, тотъ-же еврейскій народъ, съ крѣпкою культурой, несокрушимымъ умственнымъ развитіемъ и непреклоннымъ народнымъ характеромъ, побѣждающимъ ожесточеніе всего человѣчества. Гдѣ-же причина этому чудесному міровому явленію?... Бросьте-же дѣтскія бредни, и не хвалитесь къ своему стыду. Вы не знаете, что утверждаете: выто именно только и вѣрите въ свою науку, да и вѣрите другимъ чужимъ на слово; но эта ваша вѣра—только самоувѣренность, своя-ли

доморощенная или навѣянная съ чужбины, и цѣну ей теперь опредѣлите...

Цѣна только опытное, такъ называемое, индуктивное познаніе, нынѣшняя наука, которая, по взгляду ученыхъ, стоитъ этого имени, строится обыкновенно такъ, что полагаетъ и основою и цѣлью себѣ какую-либо теорію, иначе сказать — беретъ извѣстную гипотезу, т. е. такое или другое общее, болѣе или менѣе гадательное положеніе, и потомъ усиливается подвести подъ это положеніе какъ можно больше фактовъ. Если общее положеніе оправдывается множествомъ фактовъ, ученые признаютъ, что гипотеза перестала быть гипотезою, научнымъ предположеніемъ, а стала научною истиною; что теорія основательна, наука тверда, и полагаютъ почти всегда, т. е. вѣрятъ, что она обнимаетъ и всѣ безъ исключенія однородные факты, хотя почти всегда и ошибаются, такъ какъ выводы опыта никогда не бываютъ категорически всеобъемлющими. Таковы науки астрономіи, геологіи; такова пресловутая теорія Дарвина; такою-же наукою хотятъ нынѣ одѣлать психо-физику и т. д. Ничего съ своей стороны собственно противъ такого научнаго метода не имѣемъ. Онъ естественъ и здравъ, хотя и одностороненъ. Возможно всестороннимъ вѣдѣніе человѣческое можетъ быть только тогда, когда оно раскрывается путемъ не только индукціи, который безусловно никогда и не ведетъ къ безусловно-несомнѣннымъ всеобъемлющимъ выводамъ, но и путемъ дедукціи отъ несомнѣнно приращенныхъ началъ нашего ума.

Такое именно и есть богооткровенное боговѣдѣніе, такова наука христіанскаго вѣроученія. Она ведетъ человѣка къ истинѣ обоими путями, извините, не только дедуктивнымъ, но и индуктивнымъ, наиболѣе научнымъ, по признанію современнѣйшихъ ученыхъ. Индуктивнѣйшимъ опытнымъ путемъ она ведетъ отъ частныхъ аналитическихъ данныхъ къ болѣе и болѣе общимъ основнымъ главенствующимъ выводамъ, показывая самымъ нагляднымъ образомъ, что наша вѣра есть знаніе въ самомъ современно-научномъ смыслѣ.

Представьте, что вотъ самое наглядное доказательство того, что вѣра есть знаніе, почиваетъ на предстоящемъ вамъ въ сей честной храмѣ епископъ херсонскій и одесскій, доказательство въ разнообразнѣйшихъ отношеніяхъ. Но вотъ самое прямое. Представьте, что нынѣшній епископъ богоспасаемаго града вашего и края сего получилъ христіанскую хиротонію архіерейства отъ первосвященника митрополита

Исидора; Исидоръ получилъ свою хиротонію отъ первосвятителя московскаго Филарета, Филаретъ отъ своихъ предшественниковъ святителей... Такимъ образомъ, чрезъ рядъ святителей россійскихъ позднѣйшихъ, мы взойдемъ ко всероссійскимъ патріархамъ. Отъ перваго изъ нихъ все-россійскаго патріарха Іова перейдемъ къ первосвятителямъ патріархамъ цареградскимъ чрезъ Іеремию, который рукополагалъ Іова. Отъ нихъ, патріарховъ цареградскихъ, взойдемъ къ первому византійскому епископу Стахию. А отъ него къ святому и всехвальному апостолу Андрею Первозванному, котораго честный праздникъ мы нынѣ у васъ честно и совершаемъ. Эти списки преемственной хиротоніи представляютъ безспорнѣйшее научное данное. А они радіусами изъ всей церкви православной, даже не одной православной, но и изъ прочихъ древнихъ церквей, каковы римско-католическая, армянская и другія, сводятся все къ центру лика апостольскаго, а чрезъ него къ самому средоточію, основателю и главѣ церкви Іисусу Христу.

Представьте, что это одно изъ тысячи научнѣйшихъ доказательствъ исторической достовѣрности христіанства сопутствуется именно тысячами другихъ: безчисленнымъ множествомъ примитивнѣйшихъ памятниковъ христіанства, древними катакомбами, устройствомъ нашихъ храмовъ, въ которыхъ всякую подробность можно строго археологическимъ путемъ возводить къ апостольскому лику, какъ и архіерейскую хиротонію; сопутствуется первоначальными историческими записями, актами мучениковъ, диптихами, актами и канонами соборными; археологическими изысканіями Іеронима, Евсевія, Оригена и другихъ; писаніями мужей апостольскихъ, даже еретиковъ и языческихъ философовъ, противниковъ христіанства; каедрями апостоловъ, на которыхъ они сами возсѣдали, епископами коихъ состояли; автографами апостольскихъ писаній, которые перечитывались и пересматривались въ апостольскихъ церквахъ сотни лѣтъ спустя по смерти апостоловъ; самыми этими писаніями, принятыми церковью на вѣру по тщательномъ испытаніи авторитета какъ писаній, такъ и писателей; несомнѣнно-апостольскими правилами, уставами и вообще всеобщимъ, отъ апостоловъ непрерывающимся, живымъ преданіемъ церквей всей современной и ближайшей къ апостоламъ по времени, цивилизованной и варварской вселенной; наконецъ безспорнѣйшимъ и блистательнѣйшимъ, по множеству историческихъ свидѣтельствъ отъ друзей и враговъ, изъ историческихъ фактовъ, фактомъ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Научнѣйшимъ об-

разомъ, безспорнѣйшими данными утверждено, что жизнь Іисуса Христа, какъ историческій фактъ, нужно или всецѣло принять, какъ 18 вѣковъ безъ спора и сумнѣнія и принимала вся вселенская церковь, или-же всецѣло отвергнуть, что было-бы вопіющимъ и бессмысленнымъ преступленіемъ противъ исторіи, было-бы непростительнымъ возстаніемъ на очевидную истину, было-бы безумнѣйшею хулою не только противъ Духа Божія, но и противъ духа человѣческаго, противъ здраваго ума. Какъ исключить изъ исторіи человѣчества фактъ земной жизни Господа Іисуса Христа, фактъ христіанства?! Для этого человѣчеству нужно-бы сойти съ ума, что въ нѣкоторыхъ и происходитъ.

Но здѣсь самую исторію поставляемые предъ лицомъ дванадцати избранныхъ апостоловъ, предъ лицомъ самаго Господа Іисуса Христа, вмѣстѣ съ тѣмъ, болью нашего сердца и ума, мы поставляемся и предъ существеннѣйшимъ вопросомъ, который сами апостолы рѣшали для себя также болѣзненно, какъ рѣшаемъ и мы, — предъ вопросомъ о божественности Іисуса Христа. Что Онъ величайшій, несравнимый учитель, въ рѣшеніи этого вопроса непосредственному свидѣтельству св. апостоловъ помогаетъ и современная наука, наука сравненія вѣроученій и вѣроучителей. Что Онъ и пророкъ, и въ этомъ рѣшеніи помогаетъ наука-же. Что Онъ и чудотворецъ, и въ этомъ помогаетъ та-же наука, сравнивая свидѣтельства и опыты чудесъ всехъ вѣковъ. Но вѣрно-ль то, что о Немъ говорится? Кто видѣлъ, кто слышалъ, кто говоритъ? Какъ видѣлъ, какъ слышалъ, какъ и въ какой силѣ говорить и писать?

Святый апостолъ Андрей Первозванный, непререкаемымъ голосомъ исторіи, отвѣтствуетъ намъ: я проповѣдалъ Христово евангеліе въ вашихъ краяхъ, за которое и пострадалъ у береговъ вашего моря; я-же преподалъ вамъ и хиротонію архіерейскія благодати чрезъ Стахию, перваго епископа византійскаго; но я ничего не предавалъ для васъ писмени; обратитесь къ моимъ сослужителямъ, другимъ святымъ апостоламъ. — Поставляемся предъ лицомъ святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, который жилъ на землѣ дольше всехъ апостоловъ, до конца I вѣка. Апостолъ Христу Богу возлюбленне! Ускори изъяти люди безотвѣтныя отъ снова налегающія на насъ мглы языческаго невѣрія и безбожія. Рцы намъ, апостолъ, како, въ какой силѣ ты написалъ намъ о Христѣ? — И святой евангелистъ Іоаннъ Богословъ отвѣтствуетъ намъ: *о томъ, что было отъ начала, что мы слышали,*

что видѣли своими очами, что разсматривали, и что осязали руки наши, о Словѣ жизни возвышаемъ вамъ,— о томъ, какъ сія жизнь явилась на землѣ, и мы видѣли и свидѣтельствуемъ, и возвышаемъ вамъ сію вѣчную жизнь, которая исперва была у Отца и явилась намъ,—возвышаемъ вамъ о томъ, что мы видѣли и слышали, чтобъ и вы имѣли общеніе съ нами: а наше общеніе съ Отцемъ и Сыномъ Ею Іисусомъ Христомъ. И сіе пишемъ вамъ, чтобы радость ваша была совершенна. И вотъ вамъ евангеліе, которое мы слышали отъ Него, отъ самаго Іисуса Христа (1 Іоан. 1, 1—5), Сына Божія, коею кровъ очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (ст. 7). И предлагаетъ намъ, для вѣщаго нашего увѣренія, святое свое евангеліе,—евангеліе о вѣчномъ рожденіи Слова Божія, о Его воплощеніи, о поразительнѣйшихъ чудесахъ Его, о воскресеніи Лазаря, о собственномъ Его воскресеніи. Но Богъ-ли Онъ? Обоймите все и судите сами. Читайте исторію невѣрія Ѳомы. Ѳомѣ невѣрному мало было слышать отъ другихъ апостоловъ: видѣхомъ Господа воскресшаго. Ему нужно видѣть самому, видѣть не только Воскресшаго, но и язвы Его,—умиралъ-ли Онъ? Нужно не только видѣть, но и осязать, и не только осязать, но и вложить испытующій перстъ въ язвы гвоздинныя,—дѣйствительно-ли на крестѣ, у котораго Ѳома не стоялъ, были прободены руки и ноги распятаго? Дѣйствительно-ли Онъ былъ распятъ? И этого мало, можно быть и распятымъ, но и преждевременно до смерти снятымъ со креста. Ѳомѣ нужно вложить цѣлую руку въ ребра, дѣйствительно-ли они такъ были прободены копьемъ, что можно вложить въ нихъ цѣлую руку? О! тогда смерть несомнѣнна. И вотъ при многихъ свидѣтеляхъ, и при Іоаннѣ евангелистѣ воскресшій Іисусъ говоритъ Ѳомѣ: *подай перстъ свой сюда, и посмотри руки мои; подай руку твою и вложи въ ребра мои, и не буди невѣренъ, но вѣренъ.* И Ѳома издаетъ восторженный вопль изъ измученной души: *Господь мой и Богъ мой!* Вѣдь это знаніе, а не одна вѣра! И тоже сказалъ весь христіанскій міръ, измученный томленіемъ по истинѣ и испытаніемъ: *Господь мой и Богъ мой!* Сказалъ не съ вѣрою только, но и съ знаніемъ по испытаніи, дополняемымъ вѣрою. А какъ во Іисусѣ Христѣ полнота Божества опочила тѣлеснѣ, объ этомъ разсудимъ въ другой разъ. Потому-то, по тысячѣ такихъ опытнѣйшихъ данныхъ, св. евангелистъ Іоаннъ и отвѣтствуетъ намъ отъ всего лица апостольскаго: *повѣдаемъ вамъ о Словѣ жизни то, что мы слышали отъ*

Него-же, что видѣли своими очами, что разсматривали, и что осязали руки наши. И мы видѣли и свидѣствуемъ и возвышаемъ вамъ, что сія вѣчная жизнь, которая исперва была у Отца, явилась намъ; возвышаемъ, чтобъ и вы имѣли общеніе съ нами, да радость ваша будетъ исполнена.

Но мы и еще въ недоумѣніи: святіи апостолы, помогите.... Мы вѣруемъ, но помогите, господіе, нашему невѣрію... Выступаетъ святой первоверховный Петръ и вѣщаетъ намъ: слушайте, что я говорилъ Корнилию сотнику и домашнимъ его предъ крещеніемъ ихъ, а теперь повторяю вамъ: *Богъ послалъ сынамъ Израилевымъ слово, благовѣствуя миръ чрезъ Іисуса Христа. Сей есть Господь всѣхъ. Вы знаете происходившее по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи, послѣ крещенія, проповѣданнаго Іоанномъ: какъ Богъ Духомъ Святымъ и силою помазалъ Іисуса изъ Назарета, и Онъ ходилъ, благоутворя и исцѣляя всѣхъ, обладаемыхъ діаволомъ; потому что Богъ былъ съ Нимъ. И мы свидѣтели всего, что сдѣлалъ Онъ въ странѣ іудейской и въ Іерусалимѣ, и что наконецъ Его убили, повѣсивъ на деревъ. Сего Богъ воскресилъ въ третій день, и далъ Ему являться, являться не всему народу, но свидѣтелямъ, предъизбраннымъ отъ Бога, намъ, которые съ Нимъ ѣли и пили, по воскресеніи Его изъ мертвыхъ. И онъ повелѣлъ намъ проповѣдывать людямъ и свидѣтельствовать, что Онъ есть определенный отъ Бога судія живыхъ и мертвыхъ. О Немъ и всѣ пророки свидѣтельствуютъ, что всякій вѣрующій въ Него получитъ прощеніе грѣховъ именемъ Его* (Дѣян. 10, 36—43). Не всему народу являлся Онъ по воскресеніи изъ мертвыхъ, но нарочито намъ предъизбраннымъ отъ Бога свидѣтелямъ, которые по воскресеніи Его изъ мертвыхъ съ нимъ ѣли и пили,—но и намъ-ли однимъ? Послушайте вотъ брата нашего Павла: онъ перечисляетъ, кому Господь являлся по воскресеніи, и указываетъ множайшихъ свидѣтелей. — *Напоминаю вамъ, братіе,—* вѣщаетъ св. апостолъ Павелъ,—*какъ я писалъ въ свое время коринѣянамъ (1 Корин. 15, 1—14), — напоминаю вамъ евангеліе, которое я благовѣствовалъ вамъ, которое вы и приняли. Я первоначально преподавалъ вамъ, что и самъ принялъ, что Христосъ умеръ за грѣхи наши по Писанію, и что Онъ погребенъ былъ, и что воскресъ въ третій день, по Писанію, и что явился Кифъ, Симону—Петру, потомъ двѣнадцати апостоламъ; потомъ явился болѣе*

нежели пятистамъ *братій* въ одно время, изъ которыхъ часть до нынѣ (до времени написанія посланія) остается еще въ живыхъ, а нѣкоторые и почилъ. Коринѣянамъ я тогда сказалъ-бы, какъ безъ сомнѣнія и говорилъ: сходите къ нимъ, этимъ пока еще живымъ свидѣтелямъ воскресенія Христова, посмотрите ихъ сами, спросите ихъ самихъ. Вамъ-же говорю: повѣрьте такому множеству непосредственныхъ свидѣтелей, — коринѣяне въ свое время увѣрились и повѣрили мнѣ. Потомъ Воскресшій явился *Иакову іерусалимскому*, также всемъ апостоламъ предъ вознесеніемъ. А послѣ всѣхъ явился и мнѣ. А если Христосъ не воскресъ, то и вся проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра наша. — Не тщетна проповѣдь наша, хотя и слаба вѣра ваша, — подтверждаетъ св. Павла святой первоверховный Петръ (2 Петр. 1, 16—19). Ибо мы возвысили вамъ силу и причестіе Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетеннымъ баснямъ послыша, но бывъ очевидцами Его величія. Ибо (кромѣ всѣхъ прочихъ знаменій, которыхъ мы очевидные свидѣтели) Онъ принялъ славу и честь (на горѣ Преображенія) отъ самого Бога Отца, когда отъ величій славы принесся къ Нему такой гласъ: сей есть Сынъ мой возлюбленный, въ которомъ мое благоволеніе. И сей гласъ, принесшійся съ небесъ, мы сами слышали, будучи съ Нимъ на святой горѣ. И притомъ мы имѣемъ вѣрный пророческое слово, такъ какъ всѣ пророки свидѣлствуютъ о Немъ; и вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ пророческому слову, какъ свѣтильнику сіяющему во тьмѣ сего міра, пока не начнетъ разсвѣтатъ день вѣчности, и не взойдетъ утренняя звѣзда свѣта горняго въ сердцахъ вашихъ, — заключаетъ святой Петръ. Теперь мы видимъ какъ-бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда-же узримъ лицомъ къ лицу, — заключаетъ св. апостолъ Павелъ (1 Корин. 13, 12).

Вѣдь это знаніе, земное, несовершенное знаніе тайнъ неба, но знаніе и тайнъ, какъ онѣ воплотились на землѣ, наитвердѣйшее историческое, а не одна только вѣра, хотя знаніе и дополняемое вѣрою!

И какою опять вѣрою! Похожею-ли на обыденную, научную, историческую, философскую вѣру? Нѣтъ, христіанская вѣра далеко, безконечно превосходитъ обыденную, научную, философскую вѣры. Во-первыхъ, она есть наитвердѣйшая историческая вѣра. Мы видѣли, сколько имѣется налицо историческихъ свидѣтельствъ и свидѣтелей божественности Христа и христіанства. И тысячи этихъ свидѣтелей, по примѣру

самаго Основателя нашей вѣры, заплатили жизнью за непреложность своего свидѣтельства. Предъ лицомъ смерти Петръ и прочіе апостолы дерзновенно говорятъ іерусалимскому синедріону: должно повиноваться больше Богу, нежели челоукамъ. Богъ отецъ нашихъ воскресилъ Иисуса, котораго вы умертвили, повѣсивъ на древъ. Его возвысилъ Богъ десницею своею въ начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяніе и прощеніе грѣховъ. Свидѣтели Ему въ семъ мы и Духъ Святой, котораго Богъ далъ повинующимся Ему (Дѣян. 5, 29—32). Сами судите, справедливо-ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога! Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали (Дѣян. 4, 19—20).

Наша вѣра наитвердѣйшая, самая основная философская вѣра. Богъ и Господь Иисусъ Христосъ, божественный чудотворецъ, пророкъ и учитель, — кто имѣетъ больше права на наше довѣріе, на нашу вѣру? Но чему Онъ и учитъ насъ? Учитъ тому, о чемъ еще пророкъ Моисей, въ свое время, говорилъ сынамъ Израиля, выражая общечеловѣческую, коренную философскую истину: *близъ тебе глаголъ сей, во устнѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ*. (Втор. 30, 14). Училъ Христосъ о безсмертіи, о вѣчномъ воздаяніи, о Богѣ мздовоздатель, о которомъ апостолъ Павелъ сказалъ, что Бога не только можно и должно видѣть, но и осязать: *о Немъ бо живемъ и движемся и есмы*; о которомъ и языческіе мыслители высказались, что *мы и родъ Его*; о которомъ и современнѣйшіе философы толкуютъ, что безъ знанія бытія Божія нѣтъ никакого знанія, знанія даже о томъ, существуетъ-ли міръ, даже о томъ, существуемъ-ли мы сами, даже о томъ, свѣтитъ-ли солнце или нѣтъ. Увѣряютъ, что свѣтъ только въ глазу, а само солнце — пучина мрака. Увѣряютъ, что и свѣтъ, который во лбу, и этотъ умственный свѣтъ свѣтитъ такъ, что безусловно все представляетъ въ ложномъ свѣтѣ. Училъ Христосъ и нравственности такъ, что Онъ-то и выяснилъ челоучеству тѣ непререкаемые нравственные императивы — повелѣнія, тѣ постулаты — требованія, тѣ аподиктические утвержденія, предъ которыми, какъ предъ наисовершеннѣйшими нравственными истинами, преклоняется всякая нравственная свобода, свобода не только воли, болѣе или менѣе пререкаемая, но и высшая изъ свободъ, данныхъ въ опытѣ, свобода ума и мысли и сужденія, нравственного и всякаго сужденія.

Нѣтъ, все это не только вѣра, но и самое непререкаемое знаніе.

Безъ этого знанія не было-бы у человѣка не только никакого знанія, но и никакой увѣренности. Влуждалъ-бы человѣкъ не въ вѣрѣ и самоувѣренности, а въ неисходномъ, наглядномъ и непроглядномъ, ясно сознаваемомъ однако-же мракѣ самообольщенія и обольщенія, всесторонняго и безусловнаго. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ пришлось-бы тогда томиться мрачною пессимистическою увѣренностію, что міръ есть созданіе глупой воли и человѣческаго самообольщающагося сознанія; что стоитъ только погасить человѣку свое сознаніе, и вся эта, даже звѣздная, слишкомъ далекая и слишкомъ независимая отъ человѣка, вселенная потухла-бы во мракѣ небытія... Міръ-то не потухнетъ, но глупый извращенный умъ и нечестивый сердцемъ человѣкъ, своимъ не потухшимъ къ несчастію сознаніемъ и чувствомъ, способнымъ страдать безконечно, погрузится во тьму кромѣшную и вѣчную.

И подумаешь, какія мы дѣти, не въ Христовомъ и евангельскомъ смыслѣ дѣти, которыя дѣтскою вѣрою пріемлютъ и получаютъ царствіе небесное (Марк. 10, 15), а въ смыслѣ апостола Павла, который увѣщаетъ насъ: *не дѣти бывайте умами* (1 Корин. 14, 20). *Да не бываемъ ктому младенцы, влающиеся и скитающиеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестній, въ коварствѣ козней льщенія* (Ефес. 4, 14). Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

на храмовой день святаго апостола Андрея Первозваннаго,
въ церкви одесской духовной семинаріи.

О долгѣ духовнаго пастырства.

Апостолъ Андрей нареченъ первозванный, яко *первѣе всѣхъ апостоловъ послѣдователь и ученикъ Иисуса Христа бысть*. По вольной же страсти Господа и воскресеніи и вознесеніи Его, пріемшу Андрею святому якоже и прочимъ апостоломъ, Духа Святаго, во от-

ненномъ языкѣ на него спешаго, и раздѣляемымъ бывшимъ странамъ, падоша ему жребіемъ вионійскія и припонтійскія страны съ Халкидономъ и Византією, Фракією и Македонією, даже до Чернаго моря и Дуная, Фессалія же и Еллада, и страны Ахайскія, и Ираклія, и Трапезунтъ, и Синопъ. Оттуду же воставъ, св. Андрей иныя проходилъ страны. Таже отплы во фракійскій градъ Византію, идѣже онъ первый Христа проповѣда и, многи научивъ, постави пресвитеры церковныя. Стахія же, его же Павелъ святой въ посланіи къ римляномъ поминаетъ, во епископа имъ рукоположи. Самъ же, апостольскія подъемля болѣзни и труды во Христовѣ благовѣстіи, обходилъ Понтъ, Черное море, Скиѣю и Херсонисъ. Смотрѣніемъ же Божиимъ дойде и до рѣки Днѣпра въ русійскій странѣ и къ горамъ кіевскимъ приста. Возшедъ же на горы, благослови я, и крестъ водрузи. Прощедъ же и вышнія грады русійская, идѣже нынѣ Новгородъ великій, въ Епиръ, страну греческую, возвратися и наки во Фракію прииде, утверждая христіаны и поставляя имъ епископы и учителя. И многи страны прошедъ, достиже Пелопонниса, и вниде во градъ ахайскій, нарицаемый Патры, идѣже анеипать Егеатъ, емши святаго апостола, ко кресту пригвозди.

Вы знаете, почему святой апостолъ Андрей наименованъ первозваннымъ. Вмѣстѣ съ апостоломъ Іоанномъ они сперва были учениками святаго Іоанна Крестителя. Скоро послѣ крещенія Господня, однажды по утру стоялъ Іоаннъ Предтеча и двое изъ учениковъ его, — это и были одинъ Андрей, а другой по преданію Іоаннъ, — и узрѣвъ Іисуса, проходящаго около нихъ, Іоаннъ Креститель произнесъ: *се агнецъ Божій*. Услышавъ эту рѣчь, оба ученика пошли за Іисусомъ. А Іисусъ, обратившись и увидѣвъ ихъ идущихъ за собою, говоритъ имъ: чего ищете? Что вамъ нужно? Они же сказали Ему: Равви, учитель, гдѣ Ты живешь? И сказалъ имъ Іисусъ: придите и посмотрите. Пришли и увидѣли, гдѣ Онъ жилъ, и у Него пробыли день тотъ. Затѣмъ Андрей отыскалъ брата своего Симона и говоритъ ему: мы нашли Мессію Христа. И привелъ его къ Іисусу. Такимъ образомъ положено первое начало апостольской общины. И первый Андрей, какъ старѣйшій вмѣстѣ съ Іоанномъ юнѣйшимъ, услышавъ изъ устъ Господа: *приди ко Мнѣ*. А самъ уже позвалъ къ Іисусу брата своего Симона Петра.

Думали вы конечно и о томъ, почему храмъ училища, въ которомъ вы воспитываетесь, посвященъ именно памяти святаго Андрея

первозванного. Въ прошедшемъ конечно потому, что стопы именно святаго апостола Андрея первозванного обходили сіи берега нашего Понта евксинскаго; а въ настоящемъ и будущемъ конечно для того, дабы напомнить вамъ, питомцамъ сего духовнаго училища, что и вы не только ученики и послѣдователи св. *первозванного* апостола, но и въ особомъ смыслѣ *первозванные* же.

Вы знаете, что въ ветхомъ заветѣ Господь, изъ всего богоизбраннаго израильскаго народа, освятилъ себѣ первенцовъ еврейскихъ; вмѣсто первенцевъ избралъ и освятилъ себѣ коленно Левіино; въ колѣнѣ Левіиномъ отдѣлилъ и освятилъ себѣ родъ Аароновъ, родъ священнической. Весь родъ израильскій Господь избралъ изъ всего рода человѣческаго на ближайшее служеніе себѣ; но и въ родѣ израильскомъ особо призвалъ коленно Левіино, а въ колѣнѣ Левіиномъ родъ Аароновъ, такъ что потомки Аарона были, въ особомъ родѣ, первозванные на служеніе Богу. Въ новомъ заветѣ Богу угодно было отвергнуть наследственное ветхозавѣтное призваніе къ священству, за невѣрность ему священства Ааронова и Левіина, и замѣнить его свободнымъ призваніемъ. Такъ на сердечный порывъ Андрея первозванного послѣдовать за Христомъ, Господь отвѣтствуетъ ему призваніемъ: *прійди, посмотри, послушай, научись и будешь ловцомъ чловѣковъ*. Андрей зоветъ Петра. Далѣе Господь срѣтаетъ Филиппа и призываетъ его: *гряди по Мнѣ*. Такъ призываетъ и особо приближаетъ къ себѣ, изъ всего богоизбраннаго народа, и всѣхъ дванадцать апостоловъ, которые и явились первозванными и первоизбранными, изъ всего рода не только іудейскаго, но и человѣческаго. Они же призвали ко Господу и освятили на особое ближайшее преемственное служеніе Ему цѣлые сонмы своихъ преемниковъ, пастырей и учителей церковныхъ, которые въ своихъ преемственныхъ рядахъ были первозванными же учениками Господа, каждый рядъ первозваннымъ для своего вѣка и поколѣнія. Другъ-другопріимательно сіе исключительное призваніе перешло и на насъ, а отъ насъ переходитъ и на васъ. Управляющій судьбами народовъ промыслъ Божій устроилъ судьбу православнаго народа русскаго и вашу личную такъ, что въ нашемъ народѣ священство стало преемственнымъ же въ извѣстныхъ родахъ, которые искони служили Богу въ своихъ предкахъ, какъ готовы же служить и въ потомкахъ, хотя призваніе Господне на особое священнослуженіе Богу обращается и ко всѣмъ прочимъ родамъ. Обращается ко всѣмъ, но жаль, что пріемлется

немногими. Отъ лица Господня мы къ вамъ обращаемъ Господне призваніе: *прійдите и видите, идѣ и какъ живяше Господь нашъ Іисусъ Христосъ*. И по сему гласу вы пришли сюда и пребываете здѣсь дни многи въ наказаніи и ученіи Господнемъ. А затѣмъ мы же къ вамъ обратимъ и рѣшительное призваніе на особое служеніе Господу: *грядите по Немъ*, и Онъ сотворитъ васъ чрезъ насъ ловцами чловѣковъ. И будете вы преемники апостоловъ, послѣдователи въ семъ краѣ труда и дѣла св. апостола Андрея первозванного, сами въ особомъ смыслѣ *первозванные*.

Здѣсь васъ учатъ подробно и тщательно, какъ слѣдуетъ выполнять пастырское призваніе. Но и я, какъ Богопоставленный руководитель пастырства, теперь какъ чловѣкъ давно уже жизни, а не школы, скажу вамъ нѣсколько практическихъ словъ о современныхъ требованіяхъ и условіяхъ выполненія вашего будущаго призванія. Конечно, я коснусь только самыхъ выдающихся требованій, при настоящихъ, условіяхъ, касательно учительства церковнаго, священнодѣйствія и пастырскаго приходскаго управленія.

Пастырское учительство стоитъ въ особыхъ условіяхъ по городамъ и въ особыхъ по селамъ.

Проповѣдуй слово,—можно повторить это апостольское слово пастырю церкви и теперь; но—*настой благовремени и безвремени*—это можно сказать, крѣпко подумавши, прибавивъ къ тому и Христово слово: *будите мудри, яко зми, и цѣли, яко голуби*. Городское пастырское учительство распадается на три вида: законоучительство въ училищахъ, проповѣданіе въ церквахъ, вообще при богослуженіи, и частныя наставленія вѣрнымъ на духу и по домамъ.

Законоучительство въ училищахъ, особенно же свѣтскихъ, заключено въ тѣсныя рамки времени и программъ. Пастырь законоучитель преподай именно то-то, въ такіе-то именно часы и во столько-то именно времени. Тутъ пастырю церкви и разсуждать приходится мало; остается только выполнять обдуманная многими начальственными инстанціями, утвержденныя законоположенія и тщательно оберегаемыя начальственнымъ надзоромъ требованія учебныхъ заведеній. Но благоразумію пастыря предлагается и здѣсь имѣть въ виду одно крѣпко назрѣвающее, хотя еще и не принявшее форму законоположенія требованіе. Мыслящіе люди, горячо радѣющіе о сохраненіи и поддержаніи религіозности въ учащемся юношествѣ, не довольствуются нынѣ ме-

тодомъ законоучительства. Тутъ дѣло идетъ не болѣе ни менѣе, какъ о переворотѣ въ дѣлѣ законоучительства. И этотъ переворотъ рѣзко намѣчается религіознымъ переворотомъ совершившимся и совершающимся въ нашемъ обществѣ. Въ православной Христовой церкви, отъ самаго основанія ея и до конца XVIII столѣтія, а въ нашемъ русскомъ обществѣ до половины XIX вѣка крѣпко стоялъ духъ вѣры, такъ что не было нужды особенно настойчиво защищать вѣру именно противъ невѣрія. Отъ вѣрующихъ отцовъ этотъ духъ наслѣдовали и дѣти. Доказывать имъ божественность христіанства вовсе не требовалось, и усиліе доказать было бы излишествомъ, часто вреднымъ. Въ то время требовалось только наставить дѣтей въ вѣрѣ; требовалось огласить ихъ Христовымъ ученіемъ. Отсюда возникло, утвердилось, изъ вѣка въ вѣкъ передавалось и дошло даже до нашего вѣка преподаваніе такъ называемое катихизическое. Прежде катихизическимъ ученіемъ всѣ, въ свѣтскихъ училищахъ, и довольствовались, чтобы свѣтскіе юноши знали, во что они вѣрятъ; знали вѣру, которую приняли въ духъ отъ отцовъ. Теперь же не то. Теперь многіе отцы во многихъ семействахъ вѣрують не во многое, а живутъ внѣ духа христіанскаго и всякой церковной дисциплины. Мало же вѣруя сами, отцы и дѣтей своихъ воспитываютъ въ томъ же духѣ маловѣрія, если только не невѣрія. Тѣмъ не менѣе у насъ въ Россіи отцы пока еще не потеряли желанія, чтобы дѣти ихъ были воспитаны не только въ знаніи, но и въ духѣ вѣры. Сами отцы, —говоримъ конечно не о всѣхъ,—ни того ни другаго, ни знанія ни духа вѣры уже не сильны преподавать своимъ дѣтямъ; скорѣе способны нѣкоторые передать нѣкоторое знаніе, чѣмъ духъ вѣры. Потому они и ждутъ, что эту обязанность родительскую исполнить для дѣтей ихъ законоучитель, и требуютъ, чтобы законоучительство удовлетворяло именно этимъ двумъ задачамъ: чтобы давало юношеству не только знаніе вѣры, но и духъ ея. Вотъ для этого-то въ городскихъ училищахъ катихизическій методъ законоучительства и оказывается совершенно недостаточнымъ, такъ какъ онъ предполагаетъ въ питомцахъ незыблемость духа вѣры; предполагаетъ, что питомцы сердцемъ своимъ вѣрують въ правду Христову, имѣетъ же въ виду только научить, какъ юному человѣку исповѣдать точно и ясно эту правду, въ которую вѣруетъ онъ сердцемъ непоколебимо. Для этого требуется если не отиѣна собственно катихизическаго метода, то восполненіе его методомъ апологетическимъ. Для чего требуется совершенная перестановка

и времени и программъ для законоучительства, какъ перестановка и развитія многихъ законоучителей. Совершить эту перестановку никакой частный законоучитель не силенъ, не имѣя на это никакого права. Но благоразумію и предусмотрительности будущихъ законоучителей нужно имѣть это въ виду. Требуется переводить нынѣшнее катихизическое преподаваніе, которое по незнанію многіе честятъ якобы непочетнымъ именемъ схоластическаго преподаванія, —требуется переводить мало-помалу въ апологетическое. При семъ долгое разсужденіе предлежитъ еще и о томъ, можно-ли апологетическимъ преподаваніемъ совсѣмъ замѣнить катихизическое, —конечно нельзя: что же толковать дѣтямъ или даже юношамъ въ защиту вѣры, которой они не вѣдаютъ? И что поставить впереди, катихизисъ или апологію? Конечно, катихизисъ. Но то ясно, что нынѣшніе законоучители должны знать, а будущіе пастыри должны крѣпко изучить апологію вѣры, апологію, и какъ философію вѣры вообще, и какъ связную научно самозащищенную систему собственно христіанства. Безъ этого нынѣ въ дѣлѣ законоучительства нельзя сдѣлать и шага къ благонадежному успѣху.

Совершающійся переворотъ въ религіозномъ состояніи образованнаго общества требуетъ другой постановки въ городскихъ церквахъ и христіанской проповѣди. Что сказать объ огромномъ большинствѣ проповѣдей, раздающихся пока еще съ нашихъ церковныхъ кафедръ? Не сказать ли, что онѣ имѣютъ скорѣе отрицательное, не скажу —вредное вліяніе. Господствующаго содержанія проповѣди, касающіяся общихъ положеній христіанской нравственности, —прежде всего спросимъ, —слушаются ли такіа проповѣди въ церквахъ? Конечно, слушаются богобоязненными людьми. Плохіа проповѣди не докучаютъ-ли? Хорошіа, живо произнесенныя не развлекаютъ-ли только какъ хорошо исполненный концертъ? Можно сказать положительно и рѣшительно, что концерты въ церквахъ служатъ единственной цѣли развлечения предстоящихъ въ тѣ незанятія минуты, когда священнослужашіе причащаются въ алтарѣ. Такое же значеніе часто имѣетъ и проповѣдь. Немолящіяся люди, полувѣрующіе, мнящіе себя многосвѣдущими даже въ вѣрѣ, не говоря о другихъ знаніяхъ, послушаютъ проповѣдника, по критикуютъ въ душѣ, мысль ихъ на нѣсколько минутъ будетъ занята, пролетитъ нѣсколько минутъ богослуженія внѣ пустоты, томящей особенно головы, привыкшіа къ постоянной умственной работѣ, къ умственному развлеченію. Много-много, что вынесется иной разъ одна-

другая добрая мысль, которая займетъ сердце и воображеніе, пока суета житейская опять не вытѣснитъ ее оттуда. Замѣтите, что самое требованіе несмолкающей проповѣди указываетъ на совершающійся переворотъ въ христіанскомъ обществѣ. Это требованіе, которое раздается со всѣхъ сторонъ въ наше время, указываетъ, что христіанство нужно не только насаждать, но и охранять и защищать. Когда христіанство въ убѣжденіяхъ людей стояло твердо, тогда ораторская проповѣдь не была особенно нужна. Замѣчательно, что наша православная россійская церковь немало вѣковъ, можно сказать, чуждалась проповѣди, живой ораторской проповѣди. Чуждалась не по одному только малоразвитію какъ пастырей, такъ и пасомыхъ, но и по духу глубокой вѣры. Придутъ вѣрные во храмъ, здѣсь слушаютъ уставныя слова молитвъ церковныхъ, благоговѣнно внимаютъ каждому слову протяжно раздающихся священныхъ чтеній слова Божія, умиленно по мѣрѣ разумнія приникнуть въ словенскія реченія святоотеческихъ поученій, и помолвившись, соутѣшившись общецерковною вѣрою, укрѣпившись духомъ, исходятъ изъ церкви, безъ сомнѣній и колебаній, съ духовнымъ утѣшеніемъ и умиленіемъ, часто съ веселіемъ и миромъ о Духѣ Святѣ въ душѣ. Былъ свой глубокий смыслъ въ нашемъ древле-церковномъ строѣ и бытъ. А теперь духъ этого строя отлетѣлъ, древній бытъ исчезъ, настроеніе душъ стало иное. Мало-ли теперь глаголемыхъ христіанъ, которые дома не молятся никогда и въ церковь не ходятъ почти никогда? Между тѣмъ и такихъ пастыри обязаны же удерживать въ оградѣ церковной. А чѣмъ? Конечно, словомъ ученія. А какъ заставить ихъ послушать это слово? Тѣмъ же словомъ, его привлекательностію. Нѣтъ-ли и такихъ, которые ходятъ нынѣ въ церкви по нуждѣ, — сказать бы такъ, что по стороннему побужденію или же по приказу? Лучшіе во всѣхъ отношеніяхъ, самые развитые и серьезные люди идутъ въ церковь съ запросами въ душѣ, вытекающими изъ повсемѣстно распространяющагося невѣрія и возникающихъ изъ него обычаевъ, несогласныхъ съ духомъ христіанства, идутъ однакоже безъ малѣйшей надежды, что эти запросы ихъ будутъ въ церкви сколько-либо разъяснены... Что-же наша проповѣдь? Она или вовсе молчитъ, или же обходитъ именно эти запросы современнаго маловѣрія, а если и толкуетъ, то объ извѣстныхъ всѣмъ общихъ положеніяхъ вѣры и морали, не касаясь ихъ отрицательной стороны.

Между тѣмъ кажется, если-бы самъ Златоустъ воскресъ и выступилъ нынѣ между нами на церковную кафедру съ своимъ положительнымъ разъясненіемъ положительнаго содержанія Христовой вѣры, то и его наши современники послушали бы немного, кажется, только изъ любопытства, а затѣмъ и оставили бы. Кто, многіе-ли стали бы слушать нынѣ полутора-часовыя проповѣди, состоящія изъ гомилетическаго толкованія священ. писанія? Что это не одно только гаданіе, доказательство тому на лицо. Всѣ многочисленныя писанія св. Златоуста переведены на всѣ языки, между прочимъ и на нашъ россійскій, а кто ихъ читаетъ? Нужно въ современной проповѣди затрогивать вопросы того же современнаго невѣрія, и затрогивать искусно и цѣлесообразно. Тогда только наша проповѣдь могла бы стать и привлекательною и плодотворною. Къ сожалѣнію, это требованіе пока только подсказывается духомъ нашего вѣка. Опыта же широкаго удовлетворенія этому требованію пока еще не явилъ никто. У немногихъ избранныхъ нашихъ проповѣдниковъ мы видимъ только робкія попытки. Робкія потому, что всякій, даже сознающій и чувствующій лежащую на раменахъ своихъ эту задачу современной проповѣди, боится не только внѣшнихъ страховъ, но страшится и того, какъ бы по неизвѣданности новой тропы не переступить за предѣлы, начертанные и древними правилами, ограждающими правоту церковной проповѣди, и неизмѣннымъ строгимъ духомъ православія. До сихъ поръ въ духѣ нашей школы не выяснилось рѣшеніе вопроса даже о томъ, позволено-ли внести въ церковную проповѣдь современную апологію христіанства, съ ея научнымъ, вытекающимъ изъ существа дѣла характеромъ. И не выяснилось не даромъ, а потому, что самое внесеніе апологіи христіанства въ проповѣдь могло бы для однихъ приносить и пользу, но для очень многихъ приносить и вредъ. Ясно однакоже, что въ недалекомъ будущемъ наша проповѣдь неизбежно приметъ господствующій апологетическій характеръ. А что теперь мы видимъ только колеблющіяся попытки приступить къ такой проповѣди, то естественно. Всякая зелень послѣ зимы выплываетъ изъ-подъ снѣга робко; часто бываетъ, что и морозъ придавитъ. А все же чему быть, того не миновать. Совершающійся нынѣ переворотъ переродитъ людей, неизбежно, — перерождая въ отрицательную, переродитъ и въ положительную сторону. Мы, промежуточное поколѣніе, умремъ. А вамъ придется выступить дѣятелями, бойцами за падающее въ убѣжденіяхъ лю-

дей христіанство. Переворотъ несется и несется быстро. Готовьтесь, слуги и воины Христовы.

О прочихъ поставленныхъ вопросахъ для краткости скажу кратко. Сперва о сельскомъ пастырскомъ учительствѣ. Будущіе сельскіе пастыри, въ учительствѣ своемъ исходятъ изъ того печальнаго сознанія, что народъ въ большинствѣ не знаетъ вѣры. Онъ хранитъ ее въ своемъ духѣ. Но членораздѣльнаго пониманія истинъ вѣры, особенно же догматическихъ, историческихъ, за исключеніемъ только нравственныхъ, — такого членораздѣльнаго пониманія въ сознаніи народа не обрѣтается. Здѣсь въ этомъ краѣ, быть можетъ, и не найдете человѣка, который не зналъ-бы ни одной молитвы, ни даже *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь*. Однако-же поищите и не отчаивайтесь, къ прискорбію, найти. Учите молитвамъ и въ школахъ и на исповѣди (назначайте изученіе одной молитвы отъ исповѣди до исповѣди), учите и въ церкви, внѣ богослуженія, подъ такъ называемый диктантъ. Но знайте, что невѣжество народное простирается до различенія св. иконъ, до незнанія и неузнаванія образа даже Христа Спасителя. То напрасное самообольщеніе, будто наши святые иконостасы — это раскрытая предъ очами народа книга. Нѣтъ, это раскрытая предъ очами народа еврейская библія, въ которой часто ни одной буквы, тѣмъ болѣе ни одного слова народъ не разбираетъ. Отсюда и начинайте обученіе народа вѣрѣ. Раскройте предъ очами народа эту всегда раскрытую предъ нимъ, и въ тоже время всегда закрытую для него книгу. Въ сельскихъ училищахъ историко-католическое обученіе вѣрѣ пока удовлетворяетъ первой насущной потребности. Тамъ въ средѣ народа пока еще, къ истинному счастью церкви, духъ вѣры не исчезъ. Но вѣдайте, что и тамъ уже со всѣхъ сторонъ начинаютъ преразнообразные вѣтры, разсѣивающіе этотъ цѣльный духъ вѣры. Тамъ по мѣстамъ около нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе интеллигентныхъ и легкомысленныхъ центровъ, начинается уже продувать вѣтеръ и маловѣрія и невѣрія и кощунства. Но кромѣ маловѣрія тамъ ходятъ еще свирѣпые вѣтры разнovidнаго сектантства. Не спите, бодрствуйте, наблюдайте, прислушивайтесь, и неотложно боритесь за цѣльный духъ вѣры. Скажу по архіерейской совѣсти. Знайте, что я болѣе 25 лѣтъ тому назадъ сталъ толковать своимъ ученикамъ, предсказывая появленіе въ народѣ ереси въ родѣ штунды; то — видите — теперь осуществляется. А что вы еще увидите черезъ тридцать — пятьдесятъ

лѣтъ, то Богъ святыи вѣдаетъ. Я предсказывалъ и повторяю, что священники, если не проснутся, могутъ очутиться безъ словесныхъ овецъ, и, — если ихъ это не пугаетъ, пусть испугаетъ другое, — и безъ куска хлѣба... Дѣла идутъ быстро. Не спите, проснитесь. Учите и учитесь. Вы знаете, многому-ли учать, а главное — многому-ли учатся ваши отцы. Знайте, чего не знаете по опыту, что знанія, выносимыя изъ школы, но не подновляемыя въ жизни, улетучиваются почти безъ слѣда. Коли не вѣрите, повѣрьте, что я, человѣкъ многому учившійся и много учившій, позабылъ многое не только то, чему учился, но и то, что самъ преподавалъ, и даже то, что самъ писалъ. Такъ возгрѣвайте же въ жизни даръ Божій, даръ вѣдѣнія, который теперь живетъ и вознещается въ васъ постояннымъ ученіемъ. Это бѣдственное заблужденіе нашей братіи, что по выходѣ изъ школы она кидается изъ рукъ всякую книгу. Увы! Книга теперь не роскошь, а книга знаніе, а знаніе сила, незнаніе же безсиліе и безхлѣбца...

Что касается совершенія богослуженія, то по выяснившимся запросамъ современности его нужно улучшить, къ нему привлечь. Говорю о здѣшнемъ краѣ. Здѣсь оно доведено было до сокращеній, дальше которыхъ итти значило-бы исказить богослуженіе православной церкви. А чтобы оно у насъ не перестало быть таковымъ, всѣмъ намъ приходится крѣпко вспомнить церковный уставъ и крѣпко по возможности держаться его. Повѣрьте, нашъ уставъ богослуженія не только въ своихъ частяхъ, но и въ порядкѣ частей и въ весьма многихъ подробностяхъ упирается въ первую христіанскую древность и даже въ древность ветхо-завѣтную, которая и перешла нерушимо чрезъ два тысячелѣтія и нерушимо же достигла до насъ. Намъ-ли отнестись къ ней легкомысленно? Тѣ, которымъ не дорога христіанская древность нашего богослужебнаго устава, тѣ, не безпокойтесь, съумѣютъ отлично облегчить себя отъ усталости въ нашихъ храмахъ; тѣ и выйдутъ пораньше и придутъ попозже, а то и вовсе не придутъ. Нужно позаботиться о народѣ, о тѣхъ миллионахъ православныхъ, которымъ еще дорого наше православіе, и дорого не только въ духѣ, но и въ старозавѣтныхъ его формахъ, дающихъ бытіе вещи. Второе улучшеніе, — нужно устранить изъ нашего богослуженія то неблагообразіе, которое внесено въ него небреженіемъ, невѣжествомъ и ложнымъ вкусомъ. Нужно совершенно устранить чтеніе поспѣшное, неразборчивое, со- всѣмъ-же неосмысленное. Нужно по возможности стѣснить въ церк-

вахъ чтеніе разговорное, противное извѣчнымъ обычаямъ всѣхъ древнихъ церквей какъ православныхъ, такъ даже и неправославныхъ, даже церкви ветхо-завѣтной. Во всѣхъ древнихъ церквахъ, въ продолженіи тысячелѣтій, богослуженіе совершалось не иначе, какъ распѣвнымъ пропѣваниемъ; разговорное же впервые введено и поддерживается только общинами протестантскими, а въ православной церкви, къ прискорбію, здѣшнимъ духовенствомъ. Этотъ предметъ гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Такого же рода улучшение требуется здѣсь и относительно церковнаго пѣнія. Утверждаю, что простое древле-церковное пѣніе на гласы въ здѣшнемъ краѣ забыто. За доказательствами, какъ вамъ извѣстно, ходить далеко не нужно. Если же продолжать итти по тому-же пути, по которому шло здѣсь измѣненіе церковнаго пѣнія, то чрезъ какое-либо столѣтіе древле-церковные напѣвы здѣсь переродятся, если только не вырождаются совсѣмъ. Затѣмъ въ сельскихъ церквахъ весьма нужно привлеченіе всего народа къ участію въ церковномъ пѣніи; нужно уже потому одному, что этимъ путемъ, путемъ непосредственнаго участія въ совершеніи богослуженія, простой, до сихъ поръ мало свѣдущій въ вѣрѣ нашъ народъ усвоить ее весьма быстро устами, а тамъ и ухомъ, а наконецъ и сердцемъ. Участіе въ пѣніи пріучаетъ особенно дѣтей любить церковное богослуженіе, любить церковь и вѣру и Бога. Нужно только, чтобы древле-церковный характеръ пѣнія, вѣдомый народу, не измѣнялся; нужно, чтобы весь составъ пѣнія проникнуть былъ провѣреннымъ церковію духомъ молитвеннаго умиленія, покаянія, смиренія, услажденія, утѣшенія, духомъ христіанскаго веселія въ великія торжества, всегда же духомъ мира о Дусѣ Святѣ...

О пастырскомъ приходскомъ управленіи сказать нужно, что на Руси оно и зачиналось только въ духѣ обще-церковнаго управленія, но не въ ясномъ сознаніи отдѣльныхъ лицъ. Это пастырско-приходское управленіе состоитъ въ томъ, что пастырь обязанъ всякаго своего пасомаго дѣятельно руководить ко спасенію, слѣдя за его христіанскою жизнію отъ колыбели до могилы, да и по смерти поминая его въ своихъ молитвахъ, какъ свое духовное чадо. Но не выяснившись въ практической дѣятельности нашего пастырства, это пастырское руководство или управленіе къ нашему времени начинаетъ, повидимому, чуть-ли не замирать. Посмотрите на городскіе приходы теперь. Пастыри не знаютъ даже, гдѣ предѣлы этихъ приходовъ и кто ихъ прихожа-

нинъ. Въ этомъ словѣ — прихожанинъ, да, выражается сущность нынѣшнихъ отношеній пасомыхъ къ пастырямъ. Прихожаниномъ считается только тотъ, кто приходитъ въ церковь за какою-либо требою, и только тогда, когда приходитъ. А ушелъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ быть и прихожаниномъ. Ушелъ въ другую церковь, къ другому священнику, сталъ прихожаниномъ другихъ и церкви и священника. Не пошелъ, не ходитъ ни въ какую церковь, — вмѣстѣ съ тѣмъ пересталъ быть и чѣмъ-либо прихожаниномъ, а иногда перестаетъ быть даже и вовсе христіаниномъ. Что можетъ быть печальнѣе и гибельнѣе такого пути, по которому мы идемъ, или точнѣе — роковымъ образомъ низпадаемъ въ бездну? Въ большихъ городахъ это и поправить трудно. Въ селахъ-же это пока еще возможно. Но знайте, я знаю факты, что и по селамъ этотъ пагубный порядокъ отношеній къ церкви и приходу уже начинается. Я самъ слышалъ отъ священниковъ такіа выраженія о своихъ прихожанахъ: „да я его, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни вижу“. — „Какъ въ первый разъ видите, святой отецъ!? Да вы обязаны постоянно смотрѣть за нимъ, идетъ-ли онъ по тому пути, по которому должны итти ваши прихожане ко спасенію“. Однимъ-ли стимуломъ должны мы руководиться, слѣдя, чтобы приходы наши не умалялись, — стимуломъ грубаго интереса?! Нѣтъ, поставьте предъ собою высшій, истинно христіанскій, Христовъ стимулъ, чтобы ввѣренное вамъ Пастыреначальникомъ Христомъ стадо не умалялось, чтобы наемникъ не разгонялъ, чтобы волкъ не расхищалъ, чтобы каждый изъ васъ велъ свое стадо въ цѣлости до единого двора овчаго, до обителей небесныхъ, и тамъ сдалъ своихъ духовныхъ чадъ цѣлыми и спасенными Пастыреначальнику Христу: *се Азъ и дѣти, яже Ми далъ еси...* Увы, этотъ предметъ, когда на него поглядишь съ разныхъ сторонъ, представляетъ только мрачныя виды. Даже идею духовнаго пастырства мы потеряли, выпустивъ ее изъ виду. Въ городахъ эту идею уже и не уловишь, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ. Въ селахъ-же ловить ее еще можно, но ловятъ-ли, это вопросъ....

Последнее мое слово вамъ, будущіе пастыри, первозванные ученики Христовы. Ваше пастырское положеніе, безъ сомнѣнія, будетъ тревожнѣе нашего. Вамъ-же придется и болѣе работать, чѣмъ работало, или работаетъ отживающее поколѣніе пастырей, нашихъ отцевъ. Если-же вы не поймете этого неотложнаго запроса времени, то, чего добраго, кто-либо изъ васъ перестанетъ быть и пастыремъ по той простой, но роковой

причинѣ, что некого будетъ пасти, по слову пророка: *еда пастыри пасутъ себе самихъ? Не овецъ-ли пасутъ пастыри?* Переставьте вопросъ: овецъ-ли пасутъ пастыри? Не себя-ли только пасутъ пастыри? Да и размыслите о семъ. Аминь.
1884 г.

БЕСѢДА

въ день св. апостола Андрея Первозванного, для одесской духовной семинаріи, по случаю храмоваго ея праздника *).

О ЗНАЧЕНИИ СЕМИНАРСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(По поводу смерти Чернышевскаго противъ „Гражданина“).

Иже Предтечевымъ свѣтомъ вообразенъ, еда озареніе вѣстасное славы Отчестскія явля, человѣскій родъ за благоутробіе спасти хотя, тогда первый ты, славе, къ Нему притеклъ еси; озаренъ бывъ въ разумъ совершеннѣйшею лучею того Божества, отъню-дуже проповѣдникъ и апостолъ былъ Христа Бога нашего. Ею же моли спасти и просвѣтити души наша. Стихира.

Бесѣду нашу, по православно-христіанскому обычаю, начинаемъ молитвою къ празднуемому нынѣ св. апостолу Андрею Первозванному, чтобъ Онъ умолилъ просвѣтителя и Спаса душъ нашихъ и просвѣтитъ и спасти ихъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

Трудно передаваемая, глубоко-тонкая, образная, высоко-божественно-художественная мысль въ этой церковной пѣсни заключается такая: образованный свѣтомъ, исходящимъ отъ Христова Предтечи, когда на духовномъ небѣ явилась вѣстасная заря и отъ нея озареніе славы Бога Отца, хотя по благоутробію спасти человѣскій родъ, ты, Андрее славный, тогда первымъ къ Нему пришелъ, бывъ озаренъ въ разумъ совершеннѣйшимъ чистѣйшимъ лучемъ Ею

*) Для внѣ-церковнаго собесѣдованія.

Божества, послѣ чего сталъ проповѣдникомъ и апостоломъ Христа Бога нашего. Вотъ прославляемый нынѣ ученикъ Христовъ св. Андрей образуется сперва у Христова Предтечи. Образуется,—это значитъ, что духъ его получаетъ свой образъ отъ свѣта, исходящаго отъ Крестителя Христова Іоанна. Но вотъ на духовномъ горизонтѣ загорается вѣстасная заря, засвѣчивается вѣстасный образъ, божественный отблескъ небесной славы Бога Отца, разливая по всему міру совершеннѣйшіе Предтечева свѣта, чистѣйшіе лучи своего Божества. Этими чистѣйшими лучами Божества привлекается и святой Андрей и, озаренный въ своемъ разумѣ, становится проповѣдникомъ и апостоломъ Христа Бога нашего. А чрезъ это первозванный апостолъ сталъ первообразомъ и нашего духовнаго образованія и призванія.

Сперва онъ образуется подъ вліяніемъ свѣта, исходящаго отъ Христова предтечи. Затѣмъ обращается къ чистѣйшему свѣту самаго Христа Бога нашего и пріемлетъ озареніе своего разума отъ чистѣйшихъ лучей Христова Божества. И наконецъ самъ востекаетъ на горизонтъ церкви, лучезарнымъ свѣтомъ, чтобы просвѣщать ее своею апостольскою проповѣдью. Такъ и мы въ нашемъ дѣтствѣ, въ нашей юности востекаемъ отъ свѣта къ свѣту, отъ свѣта меньшаго къ свѣту большому, отъ образованія низшаго къ образованію высшему, отъ школы домашней или народно-приходской къ образованію въ низшихъ духовныхъ училищахъ, къ среднему образованію въ нашихъ семинаріяхъ, нѣкоторые-же изъ насъ и къ высшему образованію въ духовныхъ академіяхъ, съ тѣмъ-же апостольскимъ призваніемъ просвѣщать міръ свѣтомъ Христова ученія въ качествѣ носителей апостольскаго посольства и призванія—проповѣдывать всѣмъ народамъ во всѣхъ концахъ міра Христово евангеліе.

Но вотъ въ послѣднее время раздался рѣзкій отзывъ стародавняго предубѣжденія противъ нашего духовнаго образованія, носящаго кличку, у извѣстной клики нашей интеллигенціи, непочетную, чуть не бранчивую, кличку вообще семинарскаго. Нѣкоторые убѣждены,—да многіе-ль изъ свѣтскихъ и не убѣждены?—и кричатъ, что оно чуть-ли не болѣе вредно для общества, чѣмъ полезно. Отзвукъ этотъ раздался именно въ самые послѣдніе дни по поводу смерти печальнаго продукта якобы семинарскаго образованія Чернышевскаго; раздался особенно громко и рѣзко въ самой консервативной изъ нашихъ газетъ, въ „Гражданинѣ“.

Редактору „Гражданина“ выражаемъ искреннюю признательность за твердость и искусство въ отстаиваньи самыхъ первыхъ основъ нашего отечества: русской народности, самодержавія и православія. Но и у него есть извѣстные всемі предубѣжденія, изъ которыхъ вытекаютъ и крайности сужденій. А предубѣжденія истекаютъ изъ преувѣличеннаго культа дворянства. Правда, и это почтенно, и это намъ глубоко сочувственно — усердіе въ отстаиваньи русскаго дворянства, которое было и остается однимъ изъ столповъ русскаго отечества. Но нужны строгая правда и умѣренность въ сужденіяхъ о сравнительныхъ достоинствахъ и заслугахъ въ служеніи отечеству разныхъ его членовъ. У „Гражданина“ мѣрка отчасти пристрастна. Гдѣ дворянство проявляетъ свое служеніе отечеству, тамъ выставляются только доблести и величайшая польза; другія-же отрасли народа служатъ отечеству всяко, а нѣкоторыя и совсѣмъ плохо. Изъ русскаго народа, не касаясь инородцевъ, „Гражданинъ“ не любитъ разночинцевъ, и повидимому особенно изъ семинаристовъ. Отсюда летятъ, не скажу, комки грязи, но нелегкіе и несправедливые обидные удары и вообще въ семинарское образованіе. Извинительно, если мы скажемъ нѣсколько словъ въ его защиту, въ защиту самихъ себя, въ защиту своего дѣла, своего духа, своего настроенія. Перейдемъ къ частностямъ, чтобы вывести общее заключеніе и произвести впечатлѣніе.

„Гражданинъ“ не знаетъ Чернышевскаго, какъ семинариста, не знаетъ вообще и семинариста, и бьетъ семинариста съ плеча, по не вѣдѣнію. „Сынъ бѣднаго священника“, — пишетъ „Гражданинъ“ (1889 г. № 291, дневникъ), — „необыкновенно способный и даровитый, молодой Чернышевскій, кромѣ этихъ дарованій, привезъ съ собою въ Петербургъ цѣлый осадокъ въ душѣ той духовной сажу, которая натлилась въ немъ, какъ роковая принадлежность бурсацкаго развитія, и достаточно было перваго соприкосновенія этого осадка съ тогдашнею литературною средою, чтобы эту сажу зажечь и дать его душѣ воспламениться пожаромъ самаго сильнаго либерализма. Чернышевскій нашелъ въ Петербургѣ не друзей, а подстрекателей и поджигателей, и оторванный бурсою отъ общенія съ народною почвою и съ исторіею своего народа, весь отдался въ Петербургѣ вѣяніямъ и вліянію западной европейской политической цивилизаціи“.

Повторяю, „Гражданинъ“ не знаетъ Чернышевскаго. А я знаю его, по крайней мѣрѣ, лучше „Гражданина“. Въ глаза я не видалъ

Чернышевскаго никогда. Въ мою пору, когда я жилъ въ Саратовѣ (1858—1864 гг.) въ званіи ректора Саратовской семинаріи, онъ жилъ уже въ Петербургѣ, хотя и навѣзжалъ въ Саратовъ не разъ. Туристы-литераторы, путешествовавшіе тогда по Волгѣ, навѣщали меня не одинъ (Семевскій, Слѣпцовъ, Безобразовъ, вѣроятно, и другіе, не помню), направляемые ко мнѣ хорошо знакомыми мнѣ, директоромъ гимназіи Мейеромъ, Мордвиновымъ, Костомаровымъ, Мордовцевымъ. Хотѣли направить ко мнѣ и Чернышевскаго, въ одинъ изъ его визитовъ Саратову, но онъ, благодареніе Богу, оказалось къ счастью моему, отказался поѣхать ко мнѣ изъ ненависти къ воспитавшей его семинаріи; онъ до такой степени ненавидѣлъ ее, что не могъ равнодушно ее видѣть. Но я близко зналъ его отца, котораго и опустилъ въ могилу, надъ которымъ говорилъ и надгробное слово; два раза видѣлъ его жену; зналъ ихъ родовую семью и бытъ ея. Многое слышалъ и зналъ о его воспитаніи и послѣдующей судьбѣ.

Воспитаніе Чернышевскаго было совсѣмъ исключительное, дворянское, въ нашей духовной средѣ совершенно неслыханное. Отецъ его Гавріилъ Ивановичъ Чернышевскій былъ первая въ Саратовѣ и саратовской епархіи духовная особа изъ бѣлаго духовенства, саратовскій кафедральный протоіерей. Образованія семинарскаго, но съ рѣдкимъ толкомъ и развитіемъ челоуѣкъ. Съ раннихъ лѣтъ священства носитель преразнообразныхъ начальственныхъ должностей, любимецъ, самое довѣренное лицо какъ у духовнаго, такъ и у свѣтскаго по духовнымъ дѣламъ начальства. Трудно назвать духовную должность, которой онъ не носилъ, духовное начальственное порученіе, какого не выполнялъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ религіозныхъ священниковъ, какихъ на своемъ вѣку я зналъ. Назвать хотя ту рѣдкость, что, будучи уже довольно глубокимъ старцемъ, какимъ я его зналъ, онъ ежедневно бывалъ у всѣхъ церковныхъ службъ въ соборѣ, отъ котораго жилъ не близко, когда отъ дома своего долженъ былъ взбираться къ собору на весьма высокую гору; къ чему кафедральный протоіерей, обремененный разными должностями и начальственными порученіями, ни мало не обязуется; чего почти никто изъ кафедральныхъ протоіереевъ и не дѣлаетъ. Замѣчательна еще черта, что бывало въ церкви онъ никогда не садеться, даже до начала службы, когда приходилось, бывало, ждать прибытія архіерея къ службѣ весьма не коротко. „Да садитесь“.— „Нѣтъ, ужъ я постою“, — бывало скажетъ; это когда ему уже было

подъ 70 лѣтъ. А службы бывали долгія и преутомительныя. Бывало, ждемъ прибытія архіерея полчаса, часъ; Гавріиль Ивановичъ стоитъ, во время службы конечно стоитъ; во время проповѣди не сядетъ; въ крестный ходъ бредетъ, да еще архіерея держать подъ руки, наприм. въ крестныхъ ходахъ къ водосвѣтіямъ на Волгу и обратно. Откуда у человѣка силы брались? Какъ у человѣка хватало времени ежедневно бывать у всѣхъ Божіихъ службъ въ соборѣ, при другихъ занятіяхъ? За богоугоднымъ времяпрепровожденіемъ и смерть его застигла. Уже лошадка была запряжена и стояла у крыльца, чтобъ везти его въ будній день къ обѣднѣ. Онъ вышелъ изъ своего кабинета къ семьѣ съ бумагою въ рукѣ, опустился на кресло и говоритъ: „послушайте-ка, я вамъ почитаю“. Въ этотъ моментъ лѣвая рука, державшая бумагу, тихо опустилась. И богобоязненный старецъ протоіерей Гавріиль Ивановичъ Чернышевскій отошелъ ко Господу безъ стона и звука, даже безъ особо замѣтнаго вздоха, безъ тѣни агоніи. Сердце просто, какъ маятникъ, безшумно остановилось, и душа тихо отлетѣла... Это былъ рѣдчайшій типъ духовнаго лица, священника Божія. Кромѣ разнообразныхъ рѣдкихъ достоинствъ, онъ обладалъ еще рѣдкою въ своемъ кругѣ благовоспитанностію и необычайною во всякомъ кругѣ сдержанностію, сдержанностію въ словѣ и въ движеніи. При томъ на немъ не лежало ни тѣни свѣтскости. Онъ былъ наидостойнѣйшее отраженіе привлекательнѣйшаго сановито-смирннаго типа священства. Вообще не словоохотливый, не шумливый подобно болѣе или менѣе пустой бочкѣ, потому что носилъ въ себѣ полноту самыхъ серьезныхъ думъ и заботъ, а, конечно, и печалей, онъ не позволялъ себѣ никогда ни единымъ словомъ заикнуться о своемъ сынѣ, незадолго передъ тѣмъ шумной знаменитости, а предъ смертію отца—свѣтилъ, которое начинало задерживаться мрачною надвигающеюся тучею грозы. Всѣ это понимали, какъ и отецъ, всѣ объ этомъ и толковали, но кромѣ одного, кромѣ молчаливаго отца, близкаго къ тяжкому удару потерь единственнаго, дорогаго, незамѣнимаго, но увѣ! блуднаго сына..., этимъ-же возбуждающаго и свою трескучую на всю Русь, на весь свѣтъ славу, но славу, безъ сомнѣнія, прискорбную для благочестиваго, строго-сдержаннаго отца. Надо думать, тихо горя, онъ и скончался неожиданно для всѣхъ, отъ разрыва сердца... За кротость и благочестіе души его, Богъ избавилъ его отъ горя, отъ тягчайшаго двусмысленнаго положенія, конечно, и отъ позора дожить до ареста сына. Онъ умеръ недѣли за

двѣ до этого невыносимаго для него событія, которое предчувствовалось многими. Преосвященный епископъ саратовскій Евѣимій и все духовенство отпѣли его съ величайшимъ участіемъ и почетомъ. Служба Божія продолжалась часовъ пять: священническій чинъ погребенія совершенъ безъ пропусковъ, съ пѣніемъ антифоновъ и стихирь. Обширный соборъ не вмѣщалъ, вся площадь была полна народа. Отнесли мы его на кладбище и опустили въ могилу,—уже вечерѣло. Я-же и опускалъ его въ могилу.

Выходитъ, что Чернышевскій юный былъ сынъ не бѣднаго священника, а знатнаго протоіерея. *Не былъ онъ и бурсакомъ*. Если между духовнымъ юношествомъ бываютъ люди свѣтскаго образованія и направленія, то Чернышевскій былъ ультра-свѣтскій. По своему развитію онъ выдвигался изъ ряду вонъ. Отецъ Чернышевскій женатъ былъ на Пыпиной. Съ Пыпиными, отцемъ извѣстнаго писателя и семьею ихъ, онъ жилъ весь вѣкъ свой до самой смерти. Это была семья свѣтская, *дворянская*, хотя и не богатая. Свѣтское, даже либеральное направленіе ея извѣстно. Въ этой средѣ Чернышевскій родился и росъ. Семью ихъ я хорошо не зналъ; а что слышалъ о ней въ Саратовѣ, то въ подробностяхъ позабылъ. Но хорошо помню молву, что для развитія Чернышевскаго, единственнаго сына знатнаго въ своей средѣ отца и урожденной свѣтской матери, съ ранняго дѣтства приставленъ былъ гувернеръ-французъ. Ему-то въ Саратовѣ и приписывали первоначальное направленіе юнаго Чернышевскаго. Да вотъ кстати читаемъ воспоминанія объ его дѣтствѣ его товарища по семинаріи *протоіерея Р.* („Саратовскій Листокъ“, 1889 года, № 234).

„До поступленія въ семинарію Чернышевскій былъ подготовляемъ преподавателями семинаріи и гимназіи. Не бывши въ духовномъ училищѣ, онъ, въ 1843 г., 16-ти лѣтъ, поступилъ прямо въ семинарію. Начитанность его и научныя познанія (уже тогда) до того были обширны, что приводили всѣхъ въ изумленіе. Языки зналъ онъ: латинскій, греческій, еврейскій, *сирскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и польскій*“. Скажите, сколько надъ нимъ поработано съ дѣтства, внѣ семинаріи, разными преподавателями и гувернерами! Лучшій тогда наставникъ саратовской семинаріи, Г. С. Воскресенскій, котораго мы знали впослѣдствіи предсѣдателемъ палаты гражданскаго суда, почтеннѣйшій и степеннѣйшій человѣкъ,—такъ этотъ лучшій наставникъ, когда бывало получить неудовлетворительные отвѣты отъ дру-

гихъ учениковъ, всегда обращается къ Чернышевскому. „Чернышевскій имѣлъ обыкновеніе, при всѣхъ наставникахъ, во время занятій писать. Онъ писалъ постоянно или переводъ съ какого-нибудь языка, или дѣлалъ выписки словъ и фразъ на тетрадку изъ лексиконовъ. Воскресенскій бывало скажетъ: „Чернышевскій“! Но вопроса, который предлагался другимъ ученикамъ, не повторяетъ, хотя и видитъ, что тотъ какъ-бы не слушаетъ и пишетъ. Чернышевскій встаетъ и начинаетъ: „французскій писатель N говоритъ то-то, англійскій N то-то, нѣмецкій U. то-то“... „Мы разинемъ только рты“ — вспоминаетъ о. протоіерей, — „и удивляемся, откуда онъ нахватался такой премудрости. Точно таковъ-же былъ онъ и по священному писанію: это была живая библія и сборникъ твореній св. отцевъ. Непонятно, какъ мальчикъ въ 16 лѣтъ могъ имѣть такіа обширныя и всестороннія познанія“. Понятно, что мальчика съ ранняго дѣтства сильно развивали разные наставники. „Семинарскій курсъ былъ тогда шестилѣтній и раздѣлялся на три отдѣленія: низшее, среднее и высшее, съ двухгодичными сроками въ каждомъ. Чернышевскій пробылъ два года въ низшемъ, одинъ годъ въ среднемъ, и уѣхалъ въ университетъ“. Итого въ семинаріи пробылъ онъ всего три года, будучи необыкновенно тщательно развитъ не по лѣтамъ и образованъ далеко выше семинарскаго курса своихъ сверстниковъ. По воспоминаніямъ сверстника протоіерея, какъ и по моимъ, основаннымъ на воспоминаніяхъ саратовцевъ, Чернышевскій былъ въ самой высокой степени мальчикъ благовоспитанный, крайне деликатный и сдержанный. Все показывало въ немъ, что онъ питомецъ высоко-образованной, элегантно, свѣтской, а никакъ не бурсацкой среды.

Все это показываетъ въ „Гражданинѣ“ полное незнаніе Чернышевскаго юноши и полную несостоятельность словъ, будто „молодой Чернышевскій, кромѣ своихъ дарованій, привезъ съ собою въ Петербургъ цѣлый осадокъ въ душѣ той духовной сажу, которая натлилась въ немъ, какъ роковая принадлежность бурсацкаго развитія“... Это только слова и злыя слова, клевета на Чернышевскаго и заодно на бурсацкое развитіе. Бурсацизмъ ни малѣйшаго притязанія на Чернышевскаго предъявлять не можетъ. Онъ весь, кромѣ рожденія отъ своего отца, принадлежитъ свѣтскому міру, особенно-же по умственному своему развитію.

Прежде, чѣмъ стать петербургскимъ дѣтелемъ, Чернышевскій былъ студентомъ петербургскаго университета. И „Гражданинъ“, по-

видимому, не знаетъ, что Чернышевскій юноша въ Петербургѣ подпалъ сряду-же подъ господствующее вліяніе извѣстнаго литератора Введенскаго, своего земляка по Саратову. Этотъ, да, былъ саратовскій бурсакъ, т. е. питомецъ саратовской семинаріи. Въ Саратовѣ въ первыхъ 60-хъ годахъ ходило по рукамъ печатное жизнеописаніе Введенскаго, въ частности, описаніе его юношеской жизни въ Саратовѣ. При рѣдкой даровитости Введенскій былъ необычайно благочестивый юноша, даже аскетическаго направленія. Осталось преданіе, что въ Саратовѣ по ночамъ онъ уединялся на загородную Соколову гору, на берегу величественной Волги молиться и пѣть *Слава въ вышнихъ Богу*, каждое утро *показывающему намъ свѣтъ* въ лучахъ загорающейся утренней зари и восходящаго солнца изъ-за волгской шири. Нигдѣ, по всему протяженію отъ Нижняго до Астрахани, Волга такъ не величественна, какъ у Вольска и Саратова. А Соколова гора царитъ надъ всѣмъ Саратовымъ. И Введенскій мальчикомъ и юношею хаживалъ на эту гору молиться и, встрѣчая великолѣпный изъ-за величественнаго разлива Волги восходъ утренняго солнца, созерцать славу Творца всяческихъ. Скажите, кто-же испортилъ религіознѣйшаго юношу Введенскаго, превративъ его въ отъявленнаго атеиста въ Петербургѣ? Бурса-ли, или же университетская среда? Такъ было, тотъ-же преобразовательный процессъ совершился въ 60-хъ и 70-хъ гг. и со всѣми питомцами семинаріи. „Гражданинъ“ этого не знаетъ и подтверждаетъ своими словами свѣтскую сплетню о нигилизмѣ бурсаковъ семинаристовъ. Я видѣлъ весь этотъ процессъ, переходъ многихъ семинаристовъ въ атеистовъ и нигилистовъ собственными глазами и скажу по архіерейской совѣсти, какъ видѣлъ и знаю хорошо.

О Введенскомъ передавалось, что изъ саратовской семинаріи онъ поступилъ было въ московскую духовную академію, но оттуда, какъ студентъ, начавшій обнаруживать уже вольныя склонности, былъ устранинъ, послѣ чего поступилъ, помнится, въ петербургскій университетъ. Тамъ онъ налегъ на изученіе иностранныхъ языковъ и иностранной литературы. Безъ сомнѣнія, оттуда почерпнулъ онъ свои антихристіанскія и атеистическія идеи. Такъ какъ въ царствованіе Николая I щеголять этимъ нельзя было, то Введенскій отлично искусно носилъ личину благонамѣренности, былъ наблюдателемъ преподаванія словесности во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ, славился въ литературѣ своими, дѣйствительно образцовыми, переводами романовъ Диккенса и вообще

слылъ въ мою пору (въ исходѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ) въ Петербургѣ за человѣка сильнаго ума (*l'homme d'esprit fort*) въ Петербургѣ, при чемъ, однако-же, на ухо передавалось: „не вѣрить ни въ Бога, ни въ.....“

Къ нему-то, какъ земляку-саратовцу, подѣ крылышко и попалъ юноша Чернышевскій, по прибытіи въ Петербургъ. Тутъ вотъ дѣйствительно осадокъ первоначальнаго дѣтски-юношескаго развитія въ Чернышевскомъ, соприкоснувшись съ атеистическимъ настроеніемъ Введенскаго, загорѣлся яркимъ и крѣпкимъ пламенемъ. Атеистическое направление Чернышевскаго, въ мою пору въ Саратовѣ, объяснялось именно вліяніемъ на него въ дѣтствѣ его гувернера-француза, а въ юности—вліяніемъ Введенскаго, но никакъ не бурсы, къ которой онъ и не принадлежалъ.

По окончаніи курса въ с.-петербургскомъ университетѣ, открытымъ атеистомъ воротился онъ въ Саратовъ на родину, въ домъ отца, —тутъ женился и поступилъ преподавателемъ въ саратовскую гимназію. О гимназической и вообще саратовской его дѣятельности я слышалъ отъ тогдашняго директора саратовской гимназіи А. А. Мейера, весьма благонамѣреннаго и даже религіознаго человѣка, отъ Н. И. Костомарова, весьма религіознаго тогда человѣка и другихъ. Кстати слово о Н. И. Костомаровѣ. Пока онъ былъ въ Саратовѣ, былъ въ горѣ, въ угнетеніи, въ ссылкѣ, онъ былъ весьма религіозенъ, и совершенно искренно религіозенъ, какъ человѣкъ мягкаго сердца и воспріимчиваго ума; отлично зналъ богословіе, священное писаніе, богословскую нашу и заграничную литературу, и церковную исторію. Это былъ человѣкъ въ высшей степени многоученый, многосвѣдущій, изобиловавшій разнообразными знаніями, въ томъ числѣ и богословскими и церковно-историческими. Библию, особенно-же новыя завѣты, зналъ онъ превосходно. Видно было, что св. писаніе изучалъ онъ какъ вопросъ жизни и смерти. Онъ никакъ не былъ атеистъ, былъ даже христіанинъ, хотя и зналъ все возраженія современной науки противъ христіанства. Несомнѣнно, что онъ глубоко и искренно прибѣгалъ къ Богу съ молитвою и искалъ опоры угнетенному духу въ религіи. Будучи необычайно мягкосердечнымъ, фантастичнымъ и увлекающимся человѣкомъ, онъ рассказывалъ, что въ Италіи въ Римѣ онъ пламенно молился Богу и въ католическихъ костелахъ. Тѣмъ не менѣе религіозность Мейера и Костомарова не мѣшала имъ относиться совсѣмъ-

же сочувственно и дружественно къ талантливому, хотя и увлекающемуся Чернышевскому. Мейеръ, покровительствуя, оберегалъ его, юнаго наставника гимназіи, который готовъ былъ зарваться и попасть въ бѣду. Но уже и тогда въ Саратовѣ Чернышевскій намѣтилъ себѣ цѣль жизни—разрушать, по меньшей мѣрѣ, религіозный порядокъ. Поворять, онъ былъ необычайно тонокъ и остроуменъ, и могъ проводить разрушительныя мысли въ неуловимыхъ двусмысленностяхъ. Но при этомъ онъ и не стѣснялся и, увлекаясь духомъ эпохи, иногда выступалъ въ походъ открыто и прямо къ своей цѣли разрушенія. Костомаровъ рассказывалъ, что въ одномъ обществѣ, гдѣ зашла какъ-то рѣчь о творческой премудрости, Чернышевскій замѣтилъ: „да, да, что и говорить. Кажись, и я распорядился-бы умнѣе въ устройствѣ міра. Вотъ примѣрно Алтайскій хребетъ я кинулъ-бы на берегахъ Ледовитаго океана. Тогда и сѣверная, и средняя Азія были-бы обитаемы: сѣверная была-бы теплѣе, не скована въ своихъ льдахъ, а средняя холоднѣе—не потонула-бы въ своихъ пескахъ“. Саратовское общество, по тогдашней модѣ, сочувствовало Чернышевскому, а свѣтское начальство даже покровительствовало. Но возсталъ противъ него, конечно, осторожно тогдашній саратовскій епископъ, пр. Іоанникій, бывшій впоследствии архіепископъ варшавскій, скончавшійся херсонскимъ. Развѣдавъ, что Чернышевскій въ гимназіи проводитъ явно безбожныя идеи, прессы Іоанникій сталъ называть эти вещи по имени, и Чернышевскій вынужденъ былъ убраться изъ Саратова въ Петербургъ. Куда-же больше? Большому кораблю большое плаванье.

О петербургской жизни и дѣятельности Чернышевскаго „Гражданинъ“ также говоритъ что-то неудобопріятное и неумѣстное. „Чтобы судить о томъ, что была за эпоха въ то время, достаточно припомнить, что Чернышевскій прибылъ въ Петербургъ съ задачею быть учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ!“ Пишу по воспоминаніямъ тогдашнихъ молвъ, быть можетъ, и потому, что читалось въ книгахъ. Но теперь съ книгами не справляюсь, быть можетъ, въ чемъ-либо и ошибусь. Въ Петербургъ уѣхалъ онъ, какъ сказано, потому, что вытѣсненъ былъ изъ Саратова вліяніемъ саратовскаго епископа Іоанникія. Уѣхалъ подѣ крылышко своего воспитателя Введенскаго, который былъ надзирателемъ за преподаваніемъ словесности надъ всеми кадетскими корпусами. Безъ сомнѣнія, мѣсто доставилъ ему никто иной, какъ Введенскій-же. „Педагогическая карьера его, однако, остановилась у порога“,

— продолжает „Гражданинъ“, — „и его всецѣло захватила тогдашняя журнальная среда. Время и среда были такія, что множество поддѣловъ той эпохи изъ того лагеря, (теперь слывущихъ за спокойныхъ дѣловыхъ людей), очень рады были такихъ молодыхъ даровитыхъ людей пускать впередъ застрѣльщиками, чтобы играть ихъ жизнями, а свои дешевыя шкуры беречь для чиновныхъ карьеръ“... Что вы говорите, г. „Гражданинъ“?! Извѣстно, что молодого Чернышевскаго приняли подъ особое покровительство, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ и другіе повыше.... Изъ этого гнѣзда вылетали всѣ орлы первыхъ годовъ царствованія Александра II освободителя св. Руси отъ вѣковыхъ путъ. Отъ нихъ-же и Чернышевскій. Его пригласили въ сотрудники, чуть-ли не въ редакторы новооткрытаго Военно-морскаго сборника (название точно не помню), поставившаго себя одною изъ задачъ, если только не главною задачею, искоренять темные безпорядки николаевскихъ временъ. Дѣло дѣлалось чисто-официальнымъ порядкомъ, подъ самыми высшими покровительствомъ, одобреніемъ и поощреніемъ. О какихъ тутъ „подлецахъ“ можетъ быть рѣчь? Тогда высшее начальство желало этого, искало и требовало. А скоро Чернышевскій перешелъ въ „Современникъ“ и сталъ самъ силой, очень замѣчательной въ Петербургѣ. Тогда его другъ и покровитель А. А. Мейеръ, побывавъ въ Петербургѣ, говорилъ мнѣ въ Саратовѣ, съ тревожными предчувствіями: „въ широкополой шляпѣ съ толстою палкою въ рукахъ идущій по Невскому проспекту, теперь Чернышевскій въ Петербургѣ сила!“

Неправду-же пишетъ „Гражданинъ“, выражаясь буквально такъ: „вотъ въ чемъ заключалась гнусная черта той эпохи: ни одного человека не нашлось (не нашелся ни одинъ человекъ въ этой средѣ либераловъ), чтобы при видѣ дарованій и способностей Чернышевскаго, пожалѣть его и помимо всѣхъ, помимо его самого, спасти его, попытаться хотя-бы спасти его“... Что вы говорите, г. „Гражданинъ“? Чернышевскій зналъ, что дѣлалъ. Онъ изъ первыхъ шелъ напроломъ, хотя и осматривался кругомъ съ крайнею тревогою. Извѣстно, что въ противогосударственномъ замыслѣ уличили его съ немалымъ трудомъ. А замысламъ его противъ религіи даже рукоплескали. Тогда была на это мода. Да и теперь прошла-ли она? Не можетъ быть, чтобы богобоязненный отецъ его не предостерегалъ; чтобы такіе друзья его, какъ Мейеръ и Костомаровъ, не предостерегали; чтобы подобные-же друзья его и въ Петербургѣ, даже изъ либераловъ, не предостерегали. Его

предостерегалъ, посредственно-ли, непосредственно-ли, преосвящ. Іоанникій саратовскій. Противъ его атеистической школы писалъ цѣлая сочиненія: *о бытіи духа человеческого и Божественнаго*, даровитый и глубокомысленный профессоръ кievской духовной академіи, впоследствии бывший профессоромъ философіи въ московскомъ университетѣ, *Юркевичъ*. Чернышевскій отвѣтилъ на это дерзкою критикою извѣстныхъ доказательствъ Бытія Божія. Мы тогда читали и изумлялись сколько легкомыслию и отвагѣ писателя, столько-же и толеранціи общества и правительства. Но забылъ, или не зналъ, или не желаетъ знать „Гражданинъ“ поразительный фактъ, — установленіе особыхъ моленій въ Бозѣ почившимъ святителемъ Филаретомъ въ предѣлахъ московской церкви. Эти моленія установлены были въ виду страшныхъ знаменій того времени — распространенія тлетворныхъ идей въ средѣ образованнаго юношества и всего общества. Повидимому, къ святителю московскому послѣдовалъ запросъ, касательно побужденій къ сему, изъ высшихъ сферъ. И онъ тогда напечаталъ: „Слово священнослужителя“... дальше забылъ, — отвѣщательное по поводу введенія въ предѣлахъ московской церкви особыхъ моленій о благосостояніи церкви и отечества. Богомудрый святитель указалъ тогда на три частные мотива (кромѣ общихъ): 1) на Чернышевскаго — его критику доказательствъ Бытія Божія, выставленныхъ профессоромъ Юркевичемъ, 2) на *Потроفسкаго*, который дерзнулъ напечатать критику на нагорную бесѣду и уличать самого Спасителя въ незнаніи современной науки, и 3) на *Семевскаго*, который дерзнулъ напечатать уставъ Петра I о „всецѣлительномъ Соборѣ“. Кто изъ читавшихъ тогда это горькое слово богомудраго святителя можетъ забыть его до своего гроба! Многимъ и изъ свѣтскихъ, конечно, взгрустнулось отъ этого вѣщаго слова. Но кто изъ высшихъ послушался его! Это было за нѣсколько лѣтъ не только до 1 марта 1831 г., но и до 4 апрѣля 1866 г. Тогда свѣтская Русь падала въ громко, даже официально провозглашаемомъ обожаніи предъ ступенями трона Александра II — освободителя. Не хотѣли подозрѣвать, кромѣ немногихъ, что всегда была роковая связь между официальнымъ обожаніемъ людей и преступными посягательствами на нихъ-же; не хотѣли повторять урокъ исторіи, что есть неразрывная роковая связь между паденіемъ религіи и гражданскаго строя. Такъ не говорите, г. „Гражданинъ“, что „не нашлось тогда ни одного благороднаго человека, чтобы предостеречь даровитаго Чернышевскаго отъ гибели, на

которую онъ шелъ“... Дѣло въ томъ, что онъ шелъ на гибель, поощряемый многими. Тѣмъ не менѣе и предостерегали его также очень многие. Предостеречь его вслухъ всей св. Руси—сдѣлалъ ему эту высочайшую честь святитель московскій Филаретъ. Но Чернышевскій не хотѣлъ послушаться. Изъ трехъ обличенныхъ святителемъ московскимъ писателей Чернышевскій скоро попалъ на каторгу, теперь умеръ; Пютровскій скоро-же застрѣлился; живъ и благоденствуетъ пока одинъ Семевскій. Чернышевскаго „Гражданинъ“ представляетъ какимъ-то ребенкомъ, даровитымъ, но слабосердечнымъ, тогда какъ самъ онъ мнилъ себя, да и другіе всѣ мнили его, да и былъ онъ дѣйствительно, да и исторія поставитъ его предводителемъ фаланги атеистовъ той эпохи.

Что тутъ бурса можетъ приписать себѣ въ Чернышевскомъ? Ничего кромѣ способности его къ философскому мышленію, которое въ нашихъ заведеніяхъ разрабатывалось всегда издавна, которыми свѣтскіе тогда совсѣмъ не отличались. Кто изъ писателей той эпохи оказался способнымъ къ философскому мышленію? Чернышевскій изъ семинаристовъ, Добролюбовъ—изъ семинаристовъ. Герценъ и Писаревъ имѣли бойкія острые перья; но по философскимъ своимъ выходкамъ были диллетанты и, сказать-бы такъ, болѣе художники-писатели, чѣмъ серьезно философскіе мыслители. Кто сумѣлъ серьезно возразить имъ! Изъ свѣтскихъ никто. Одинъ только Юркевичъ—семинаристъ. Серьезно взялись за философію свѣтскіе только впоследствии: Кавелинъ, Соловьевъ, Левъ Толстой. Но Толстой принадлежитъ къ той-же плеядѣ философствующихъ диллетантовъ въ родѣ Герцена, Писарева и tutti quanti: живы пока живы, даютъ модное чтеніе, которое съ ними и умретъ. Солиднаго ничего.

Утверждая, что бурса производила нигилизмъ и нигилистовъ, „Гражданинъ“ повторяетъ только общую молву свѣтской интеллигентной среды, которая сваливала бѣду съ своей больной головы на здоровую. Какъ сказано, я видѣлъ процессъ превращенія семинаристовъ въ нигилистовъ собственными глазами. Семинаріи, по коренному своему призванію, не могли готовить ни атеистовъ, ни нигилистовъ. Семинаристы въ 50-хъ годахъ также, какъ и въ 60-хъ годахъ всѣ и постоянно упражнялись въ благочестіи: всѣ поголовно ходили на утреннюю и вечернюю молитвы въ неотступномъ присутствіи ректора и инспектора. За утренней молитвой ежедневно читалась Библія. Молитвы читались предъ началомъ cadaго класснаго урока и въ концѣ, въ

началѣ и въ концѣ обѣда и ужина. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ всѣ безъ исключенія присутствовали за Божіими службами. Два раза въ году говѣли. Присутствовали тогда за всѣми преждеосвященными литургіями. Классное преподаваніе наставниковъ происходило подъ бдительнымъ надзоромъ ректора и инспектора, тогда монаховъ. Малѣйшій намекъ на вольность преподаванія преслѣдовался строго и по возможности тотчасъ-же устранялся. За чтеніемъ книгъ, только благонамѣренныхъ, строго слѣдилъ инспекторъ монаховъ. Откуда-бы тутъ взялся атеизму?

Нигилизма, скажу, и не было, но вольномысліе заводилось даже внутри семинарій. Первымъ и главнымъ проводникомъ вольныхъ мыслей была тогдашняя свѣтская литература, которая вся повально поражена была болѣзью, по меньшей мѣрѣ, открытой антирелигіозности, да болѣе или менѣе и прикрытой антигосударственности. Кто тогда не читалъ даже „Колокола“ Герцена? Онъ распространялся якобы скрытно, но весьма широко. До рукъ школьниковъ доходилъ несомнѣнно. Въ семинаріи большая половина учениковъ были квартирные. Къ нимъ свободно ходили и казеннокоштные, жившіе въ семинарскомъ конвiktѣ. Квартирные ежедневно сходились съ казеннокоштными и на классныхъ урокахъ. А на квартирахъ какъ было услѣдить за учениками, что они дѣлаютъ, съ кѣмъ водятся, о чемъ толкуютъ, что читаютъ? Читать они могли все, что хотятъ, водиться тайно отъ начальства съ кѣмъ угодно, сообщать казеннокоштнымъ, что вздумается. Несомнѣнно, что въ Саратовѣ въ началѣ 60-хъ годовъ были общины либераловъ, которые ловили семинаристовъ въ свои сѣти, навязывая имъ книги своего духа для развитія, книги по преимуществу естественнонаучнаго содержанія. Сознаться должно, стали было появляться такіе случаи, внутри самыхъ семинарій, что наставники, которые на классныхъ урокахъ держали себя болѣе или менѣе осмотрительно, такъ какъ боялись начальственнаго надзора, — но тѣ-же лица на своихъ квартирахъ нерѣдко баловались вольными о религіи бесѣдами. А эти бесѣды становились извѣстны и между учениками. Никакихъ антиправительственныхъ замысловъ, по меньшей мѣрѣ, при мнѣ въ саратовской семинаріи не водилось; но заводилось науськиванье учениковъ со стороны молодыхъ наставниковъ противъ начальства, возбужденіе вражды противъ начальства и непослушанія, возбужденіе къ литературнымъ обличеніямъ начальствующихъ лицъ. Это начинало заводиться.

Тѣмъ не менѣе корень зла, корень растлѣнія семинарій былъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ гимназіяхъ и особенно въ университетахъ. Что проповѣдывалось, что продѣлывалось тогда, въ первыхъ 60-хъ годахъ, даже въ гимназіяхъ! Возбужденный университетскими и учителями кончившій курсъ гимназіи воспитанникъ К — въ публично въ гимназіи избилъ благороднѣйшаго директора А. А. Мейера, и министерство не только не поддержало, а наоборотъ, прогнало директора. Назначенъ былъ директоръ Ж — чѣ; гимназисты публично въ гимназіи оскорбляли его всячески, разбивали по ночамъ окна въ его квартирѣ, публично оскорбляли его дочерей дѣвицъ. Все сходило безнаказанно. А семинаристы все это видѣли и слышали. Особенно-же гибельно дѣйствовали на семинаристовъ университетскіе изъ тѣхъ-же семинаристовъ. Повторяю, это я видѣлъ собственными очами.

Въ подтвержденіе пользуюсь кстати воспоминаніями сверстника Чернышевскаго, протоіерея Р. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ описываетъ способы, какими въ послѣдующіе годы пользовались университетскіе для дѣйствіи на семинаристовъ. Разница между 40 и 60-ми годами была только въ томъ, что въ 40-хъ годахъ деликатный юноша Чернышевскій пользовался этими способами безъ злонамѣренности. Эти способы заключались въ письма изъ университета и въ личныхъ посѣщеніяхъ семинаріи, въ которой университетскій учился. О. протоіерей Р. пишетъ, что Чернышевскій изъ университета раза три присылалъ имъ всѣмъ, своимъ сверстникамъ товарищамъ письма, хотя ихъ въ классѣ было болѣе 100 человекъ. Разъ въ одномъ большомъ конвертѣ прислано всѣмъ имъ каждому по записочкѣ. Вспоминаетъ, что „университетскіе каникулы начинались раньше семинарскихъ; поэтому Чернышевскій пріѣзжалъ домой, когда у семинаристовъ шло еще классное ученіе. Въ первый-же день по пріѣздѣ, онъ приходилъ къ нимъ въ классъ, спрашивалъ, рассказывалъ, а потомъ каждый день бралъ къ себѣ человекъ по пяти, поилъ чаемъ и угощалъ, чѣмъ могъ“. Подобное нѣчто видѣли и мои очи, только въ болѣе мрачной формѣ.

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ двери университетовъ раскрылись для семинаристовъ настежь, для семинаристовъ всякихъ, умныхъ, даровитыхъ и совершенно тупенькихъ, бездарныхъ и неразвитыхъ. Безъ всякаго преувеличенія, бездарный, прелѣпный мальчикъ, но папенькинъ сыночекъ, котораго съ трудомъ, по снисхожденію, мы перевели изъ низшаго отдѣленія въ среднее, поѣхалъ безъ малѣйшей

подготовки въ университетъ и къ крайнему изумленію былъ принятъ. Такихъ примѣровъ тогда были сотни. Всѣ саратовскіе семинаристы, которые при мнѣ поѣхали въ университеты, всѣ до одного были приняты. Ни одному въ пріемѣ не было отказано. Университеты тогда поставили было себѣ задачею заниматься не просвѣщеніемъ юношества, а пропагандою антирелигіозныхъ и антигосударственныхъ идей. Я самъ собственными ушами слышалъ, какъ старый заслуженнѣйшій профессоръ на актѣ въ огромной залѣ казанскаго университета, въ присутствіи двухъ архіереевъ, при огромномъ стеченіи старыхъ и малыхъ, проповѣдывалъ, что люди выдумали Бога за 500 лѣтъ до Р. Х., и будто это вѣрно, какъ математика. Самъ-же слышалъ, какъ профессоръ публично издѣвался надъ монашескою жизнію на основаніи Стоглавника и другихъ старо-русскихъ историческихъ документовъ. Лично не присутствовалъ, но знаю, что тамъ-же профессоръ на публичной лекціи доказывалъ, что человекъ произошелъ отъ обезьяны. Да и секретъ-ли, что не только преподавалось, но и преподается подъ именемъ современной науки, во имя служенія научной истинѣ? Секретъ-ли, что у университетскихъ нерѣдко произносимый ими обѣтъ „служить истинѣ и только истинѣ“ значитъ ни мало не стѣсняться никакими якобы „предразсудками преданія“, которые покровительствуются сильными міра сего? Удивительно-ли, что университеты не перестаютъ при этомъ быть очагами общественной тревоги? Секретъ-ли, что университетскіе вовсе почти не ходятъ въ церковь и не исполняютъ почти никакихъ религіозныхъ обязанностей? Что они служатъ только свои торжественныя панихиды по либеральнымъ писателямъ и антигосударственнымъ дѣятелямъ? Церковь стала ареною заявленія политическихъ тенденцій молодежи! Для другихъ секретъ, для меня не секретъ, что и между университетскими еще не совсѣмъ перевелись богобоязненные души, которыя ищутъ удовлетворенія и религіознымъ потребностямъ. Но боятся проявлять свои богобоязненные чувства. Боятся своихъ товарищей и вообще своей университетской среды, что-де скажутъ такой-то и такой то профессоръ. Секретъ-ли, что общественныя университетскія лекціи слишкомъ далеки отъ религіознаго духа, и спасибо сказать имъ надо, если только не зазываютъ религіи и частнѣе христіанства. Тамъ царитъ свой и очень жесткій тегготъ, — для кого это секретъ? Это теперь. А что было въ началѣ 60-хъ годовъ? Была ваканалія всяческой противоисторической противобщественной пропаганды,

И вотъ въ такую среду попадалъ глупенькій семинаристъ. Допустимъ даже, что въ большинствѣ попадали умники, даровитые, выдававшиеся въ семинаріи. Въ Саратовѣ мы сами старались выпроводить въ университеты такихъ умниковъ, вольный духъ которыхъ дѣлалъ ихъ неудобными въ семинарской средѣ. Да и въ академіи былъ такой примѣръ: новопринятый студентъ оказывается по поведенію неустроенъ, не хочетъ хорошо читать въ церкви, плохо крестится, — повидимому, мелочи. Посѣщая разъ студенческія жилыя комнаты, подхожу къ нему. — „Что вы дѣлаете?“ — „Читаю Огюста Конта“. Безъ всякихъ съ нашей стороны побужденій, — мы дорожили студентами, ихъ тогда было немного, — оставилъ академію и вышелъ въ университетъ. И вотъ лишь только такой предрасположенный къ либерализму питомецъ попадалъ въ университетскую среду, его со всѣхъ сторонъ, съ первыхъ-же минутъ вступленія туда, охватывало страшное пламя всяческаго отрицанія. Съ первыхъ-же соприкосновеній не только со студентами, но даже съ университетскими стѣнами, онъ убѣждался, что „міръ сей есть самобытенъ и вся въ немъ по случаю и безъ промысла бываютъ“ и т. п. Въдѣ чуткому вѣрующему, но не обстрѣленному уму достаточно намека, чтобы воспламениться огнемъ тяжкаго сомнѣнія, а иногда и болѣзненнаго отрицанія, — намека въ родѣ такого: вотъ солидные люди разсматриваютъ превосходно иллюстрированную Библію, картину райскаго жительства, нагихъ, юныхъ и прекрасныхъ Адама и Еву; въ эту минуту одинъ солидный человѣкъ замѣчаетъ: „только надо думать, они были менѣе красивы и болѣе косматы“. Словъ немного, но въ нихъ цѣлое міросозерцаніе, радикально противоположное библейскому. А въ университетѣ развѣ кто чинится, развѣ кто деликатится съ антирелигіозными откровеніями, развѣ кто ихъ прикрываетъ двусмысленностями? А если-бы кто и попытался прикрываться, то попытка его была-бы только забавна, какъ ясная для всѣхъ. И вотъ бѣдный юноша семинаристъ, съ перваго-же момента въ университетѣ, охваченъ пламенемъ повальнаго отрицанія, какъ кусокъ дерева въ котлѣ расплавленной стали. Дѣтская вѣра его моментально улетучивалась.

Да, то правда, ренегаты изъ семинаристовъ бывали пламенны въ отрицаніи, бывали фанатичны въ нигилизмѣ, бывали упорны въ стремленіи къ преступнымъ дѣламъ. Но это въ нихъ естественно. Бывали пламенны, фанатичны, упорны, даже безумно самоотверженны, забывая все и во-первыхъ себя самихъ, до готовности жизнь положить за

скверное дѣло, именно какъ ренегаты, именно какъ семинаристы, которые съ дѣтства привыкаютъ быть упорны во всякомъ дѣлѣ, за которое берутся. Бывали упорны въ нигилизмѣ даже изъ тщеславія, какъ новички, какъ искони пренебрегаемые свѣтскою, особенно-же дворянскою средою. Такъ знай же нашихъ! Вотъ наивѣроятнѣйшее, вѣрное фактамъ, объясненіе факта, какъ это ренегаты изъ семинаристовъ, въ эпоху всеобщаго въ интеллигентной свѣтской дворянской средѣ возбужденія всякихъ отрицаній, какъ это семинаристы оказались въ первыхъ рядахъ застрѣльщиками въ борьбѣ разрушенія старыхъ идей, не только Чернышевскій, но и Добролюбовъ, Помяловскій, Щаповъ и другіе рыцари печальной памяти.

А университетская мелкота изъ семинаристовъ, бывало, съ первыхъ же дней, по отбытіи изъ семинаріи въ университетъ, начинаетъ бомбардировать семинарію, — такъ было при мнѣ, — письмами изъ университетскихъ городовъ. И это уже горе! Нелѣпный былъ я ректоръ, постоянно слѣдилъ даже за тѣмъ, что называется наукою; окруженъ былъ и даровитыми сотрудниками, наставниками семинаріи. А тутъ одинъ саратовскій семинаристъ изъ столицы пишетъ общее ко всѣмъ посланіе, что-де „тутъ въ одинъ мѣсяцъ мы узнаемъ болѣе, чѣмъ вы въ цѣлые годы“, и семинаристъ-то еще изъ самыхъ скромныхъ и обласканныхъ начальствомъ. Другой оттуда-же шлетъ въ посланіяхъ громы, что „у васъ-де царство мрака, ханжества и деспотизма“. И эти посланія, бывало, положительно волнуютъ всю семинарію, роняя въ глазахъ легковѣрныхъ къ университетскимъ вѣяніямъ нашихъ учениковъ всю учащую корпорацію, весь духъ и смыслъ нашего ученія. Царство-де мрака и фарисейства! А тамъ набѣгаетъ другое горе. Тѣ же ренегаты университетанты скоро возвращаются въ Саратовъ на вакаціи, да и расхаживаютъ по семинаріи съ отпущенными волосами, съ отпущенными бородами, въ длинныхъ сапогахъ, въ красныхъ русско-мужицкихъ рубахахъ съ косымъ воротомъ, въ польско-ржондовыхъ казакинахъ, да и проповѣдуютъ своимъ сверстникамъ-семинаристамъ: „глупенькіе вы, братцы, Бога-то вѣдь нѣтъ“ и проч. *Вотъ онъ откуда бурсацкій нигилизмъ.* Вотъ откуда едва выносимая тягота тогдашняго начальственнаго служенія въ семинаріяхъ. А вверху ничего этого не разумѣютъ и разумѣть не хотятъ: „въ наше-де время“... Изъ этого же источника происходили, въ нѣкоторыхъ не-многихъ семинаріяхъ, и тѣ зловѣщія явленія, что семинаріи оказыва-

лись притономъ злонамѣренныхъ предпріятій, въ родѣ заведенія тайныхъ типографій. Свѣтскіе-же науськивали: „на васъ-де правительство не обратитъ вниманія, васъ не заподозрятъ и не накроютъ“. А семинаристы лѣзли въ полымя, какъ глупыя букашки, не всегда, впрочемъ, изъ глупости, изъ тщеславія, но нѣкоторые и по бурсацкому фанатизму. А теперь вотъ видите, какъ правительство поворотилось къ этимъ зловернымъ проявленіямъ вольнаго духа не спиною, какъ въ былые годы, а лицомъ и острыми глазами, — эти вспышки опасныхъ огоньковъ всюду и потухли, въ семинаріяхъ, во-первыхъ, за исключеніемъ только коренныхъ очаговъ огнедышащихъ жерлъ, надъ которыми постоянно курится недобровѣщій дымокъ, подъ которыми иногда раздается и глухой подземный гулъ.

Начавъ толковать о семинаристахъ, „Гражданинъ“ (1889 г. № 308, Дневникъ) сказалъ еще одну странную, сказать бы даже, возмутительную неправду. „Семинаристы ненавидятъ дворянство въ Россіи. Кровь семинариста удивительно самобытна и не поддается перерожденію при сліяніи съ другою кровію. Она подобна крови негра, цыгана: чрезъ нѣсколько поколѣній кровь семинариста сказывается; оттого ненависть семинариста къ дворянству проходитъ иногда отличительною духовною чертою чрезъ нѣсколько поколѣній. На семинариста налагается судьбою печать, печать семинариста, т. е. ненависти къ дворянству. Мало того, онъ въ семинаріи не былъ, этотъ сынъ священника или діакона, а попадаетъ въ какое-нибудь свѣтское учебное заведеніе съ раннихъ лѣтъ. И что-же? Вы можете быть совершенно увѣрены въ томъ, что, окончивши курсъ наукъ, онъ выступитъ въ жизнь, или службу съ ненавистью къ дворянству. Въ первомъ случаѣ можно объяснить это вліяніемъ бursы и среды, но какъ объяснить это усвоеніе душою ненависти къ дворянству съ раннихъ лѣтъ въ средѣ всесловной учебнаго заведенія? Затаенная-ли зависть, затаенное-ли чувство горечи отъ неизбежной необходимости сознавать въ дворянствѣ извѣстныя преимущества, — довольно трудно рѣшить. Но одно несомнѣнно: лицо духовнаго званія, попавшее въ свѣтское положеніе, если оно способно, даровито и развито, непремѣнно таитъ въ себѣ ненависть къ родовому дворянству. Одинъ только семинаристъ изъ всѣхъ сословій и разночинцевъ въ Россіи ненавидитъ дворянство и не перерождается въ дворянство кровью и духомъ. Между семинаристомъ и дворяниномъ почти немыслимо общеніе въ мысляхъ и чув-

ствахъ, на словахъ можетъ быть, но на дѣлѣ никогда, а всегда и вездѣ и во всемъ у семинариста главною идеею будетъ повредить дворянству. Сколько въ русской исторіи вообще и въ исторіи русскаго дворянства въ особенности семинаристы вредили именно тому дворянству, которое не по приказу и не за награду, а по дворянскому долгу чести и любви къ родной землѣ, предлагало свою службу престолу и отечеству всею вольною и благородною душою! Здѣсь поколѣніями сходились два врага: дворянинъ съ открытою грудью, и семинаристъ съ доносомъ, клеветою и наветомъ!“

Признаюсь, только-что приведенная выписка изъ „Гражданина“ производитъ... не хорошее впечатлѣніе, не говоря большаго... Противно говорить даже противъ нея. Такъ къ ней и отнеслись повально всѣ свѣтскія газеты. Стоитъ-ли толковать о томъ, на примѣръ, будто „кровь семинариста не поддается перерожденію при сліяніи съ другою кровію“, будто „эта кровь подобна еврейской крови, подобна крови негра, цыгана“; будто „кровь семинариста сказывается чрезъ нѣсколько поколѣній?“ Русская кровь на половину, если только не на двѣ трети инородческая. Сколько втекло въ нее крови финнской, скандинавской, нѣмецкой, конечно, польской, татарской, даже еврейской, особенно же финнской, особенно же въ самой Великороссіи, начиная отъ Москвы и Нижняго и выше до Ледовитаго океана? А сказать-ли, что всѣ эти крови не перерождаются въ русскую? Самъ князь Мещерскій, — родословной его я не знаю, — вѣроятно носитъ въ жилахъ своихъ финнскую или же татарскую кровь. А развѣ онъ не русскій? Я думаю, что въ нашей дворянской крови уже значительная примѣсь семинарской крови, — назовемъ ее такъ. Гдѣ же и какъ же ее тамъ выдѣлить теперь? Сколько влилось этой крови въ дворянскую чрезъ университеты, чрезъ высшее свѣтское образованіе, начиная со временъ Петра I, начиная съ крови Ломоносова, который былъ внукъ діакона по матери, чрезъ медицинскую академію, чрезъ разныя отрасли свѣтской службы? Какъ ее теперь выдѣлить? Какъ ее выдѣлить изъ крови бѣлорусскаго и малороссійскаго дворянства, когда здѣсь обыкновеннымъ явленіемъ было, что священническіе роды во многихъ поколѣніяхъ были заодно и дворянскіе, какъ и обратно, дворянскіе роды давали изъ себя служителей церкви во многихъ поколѣніяхъ до самаго послѣдняго времени, особенно же до присоединенія

этихъ земель къ Россіи и водворенія въ нихъ русскихъ порядковъ, а съ порядками и русскихъ предубѣжденій.

Я не сталъ бы возражать на нелѣпость, что семинарская кровь не сливается съ другою, какъ еврейская или цыганская. Доживъ до седьмого десятка лѣтъ, проживъ по нѣскольку лѣтъ во всѣхъ предѣлахъ Россіи отъ Петербурга до Новочеркасска и Одессы и отъ Риги черезъ Казань до Уфы, никогда отъ роду я не слыхалъ, что *семинаристъ ненавидитъ дворянина*. Я изумленъ былъ этимъ новооткрытіемъ „Гражданина“, пока вдумавшись не нашелъ, что онъ говоритъ правду. Да. Въ проникательности отказать ему нельзя. Онъ первый поймалъ и выяснилъ историческій, коли угодно, даже фیزیологическій фактъ, только обратнаго значенія. Дѣло въ томъ, что *дворянинъ не ненавидитъ семинариста*. Оставимъ ненавистное слово „Гражданина“ — *ненавидитъ*. А скажемъ и мягче, и ближе къ дѣйствительности: *дворянинъ не жалуется семинаристу*. А семинаристъ, понятно, оплачиваетъ ему отчасти тѣмъ же, — нѣкоторою боязнью, недоверіемъ, даже нерасположеніемъ, хотя это уже и бывшее недавно-прошедшее.

Стоило бы раскрыть этотъ предметъ исторически, съ документами въ рукахъ, съ книжными справками подъ глазами. Но мнѣ это недосужно. Приходится говорить по общимъ соображеніямъ, впрочемъ, на основаніи обще-извѣстныхъ фактовъ.

Обще-извѣстенъ фактъ, что единственнымъ носителемъ просвѣщенія въ древней Руси было русское духовенство. Извѣстно, что до Петра I единственными на Руси школами были двѣ академіи, кіево-могилянская да славяно-латинская. Извѣстно, что Петръ I повелѣлъ учредить духовныя школы вездѣ по Руси при архіерейскихъ домахъ, которыя и учреждены и привились и существуютъ до сихъ поръ, подъ именемъ то семинарій, то академій, наприм., въ Казани. Въ началѣ текущаго столѣтія большинство духовныхъ епархіальныхъ школъ преобразованы въ семинаріи и появилось названіе семинариста. Извѣстно, что и свѣтскіе люди старыхъ годовъ учились въ нашихъ-же духовныхъ школахъ, каковъ самъ Ломоносовъ. Извѣстно, что учрежденная наконецъ, гораздо позже духовной, и свѣтская школа, особенно же вышшая, наполнилась весьма значительно духовными школьниками, такъ какъ спервоначала они одни оказывались сколько-либо подготовленными къ слушанію высшихъ наукъ. Извѣстно, что наши университеты съ первыхъ годовъ существованія, особенно-же медицинская академія

чуть не на половину, въ составѣ и студентовъ и профессоровъ, наполнялись духовными-же питомцами, или-же семинаристами, по тогдашнему названію. По независимымъ отъ насъ обстоятельствамъ, для насъ не доступны были всегда только чисто дворянскія школы, кадетскіе и морскіе корпуса, лицеи, училище правовѣдѣнія. Дворянство учредило ихъ для себя и оставляетъ до сихъ поръ почти недоступными для другихъ сословій.

Какова была сравнительная высота просвѣщенія духовнаго и свѣтскаго? Сравнительная высота просвѣщенія въ школахъ духовной и свѣтской? Даже до Петра I всѣ священники, діаконы и дьячки умѣли читать и конечно писать; напротивъ, въ дворянствѣ была масса неграмотныхъ, было множество не умѣвшихъ подписать свое имя. Недоросли процвѣтали еще во времена Фонъ-Визина и Екатерины II. Въ то же время возникло особое чисто-дворянское просвѣщеніе, которое состояло въ обезьянскомъ подражаніи французскому говору, французскимъ манерамъ и французской безпринципности, каковое изображено тѣмъ-же Фонъ-Визиномъ въ „Бригадирѣ“. Еще Александръ благословенный жаловался въ Вильнѣ въ 1812 г. на господствующую систему воспитанія: „чему учиться наша молодежь, какъ готовится къ жизни? Очень и очень немногому. *Научившись танцовать и болтать по-французски, молодые баричи воображаютъ, что научились уже всему*“. Еще Пушкинъ писалъ про баричей своего времени, что они учатся чему-нибудь и какъ-нибудь. Самъ Пушкинъ, самъ Жуковскій не знали русскаго правописанія, какъ показываютъ ихъ автографы. Дѣдушка Крыловъ тоже не очень силенъ былъ по части просвѣщенія. Ломоносовъ хотѣлъ отставить отъ себя даже всю академію наукъ, со всѣми ея нѣмцами. Онъ былъ настоящій ученый, но единственный въ своемъ родѣ.

Какова была духовная школа по степени просвѣщенія, какое давала? Кіево-могилянская и московская греко-латинская академіи были тщательнѣйшимъ образомъ скопированы съ европейской школы. Программы преподаванія въ нихъ были глубоко обдуманы, провѣрены опытомъ и весьма широки. А духовныя школы при архіерейскихъ домахъ послѣ петровской эпохи всѣ безъ исключенія стремились къ тому-же идеалу серьезной европейской классической школы, пусть и съ схоластическимъ оттѣнкомъ. Наконецъ семинаріи, въ началѣ текущаго столѣтія, основаны были по строго-классической, проникнутой строгимъ единствомъ идеи, системѣ, которая и господствовала въ нашей школѣ

до 40-х годов; въ 1840 г. нѣсколько была ослаблена, но съ 60-хъ гг. опять усилена, хотя уже и не по средне-вѣковому, а по ново-европейскому образцу, какъ и въ гимназіяхъ. На всемъ протяженіи своего бытія наша школа носила господствующій богословско-философскій характеръ, преслѣдуя главную цѣль—выучить своихъ питомцевъ не только знать и понимать богословско-философскія творенія прежнихъ вѣковъ, но и логически мыслить, правильно-логически и красно-риторически писать, приготовляя церковныхъ ораторовъ, проповѣдниковъ евангелія, служителей слова Божія. Если съ 40-хъ гг. этотъ исключительно философско-ораторскій характеръ нашей школы и былъ нѣсколько ослабленъ, за то программы нашихъ школъ были завалены множествомъ предметовъ для изученія, множествомъ наукъ для преподаванія. Вообще наша школа всегда была весьма серьезна, весьма тяжеловѣсна. До 40-хъ годовъ она выучивала не только свободно читать греческихъ и латинскихъ отцовъ и вообще классиковъ, но по латини и слушать и изучать лекціи, даже объясняться и свободно излагать свои мысли на бумагѣ, о чемъ нечего и мечтать даже теперешнимъ гимназіямъ. А всегда наша школа выучивала правильному логическому мышленію и писанію. Русское правописаніе лучше Пушкина у насъ зналъ каждый риторъ, т. е. ученикъ низшаго отдѣленія семинаріи, иначе ему и немыслимо было оставаться ученикомъ семинаріи. Наша старая школа дала Россіи Стефана Яворскаго и Димитрія ростовскаго, которые по просвѣщенію отстояли отъ петровскихъ орловъ, графовъ Шереметьевыхъ и князей Данилычей, какъ небо отъ земли; дала Георгіевъ Конисскихъ, которые изумляли Польшу своимъ цидероновскимъ краснорѣчіемъ; дала Платоновъ и Филаретовъ московскихъ. А новѣйшая дала Павскаго, безпримѣрнаго языковѣда, дала Иннокентія и Макарія. Несомнѣнно, что наша школа дала массу дѣльцовъ для всѣхъ канцелярій, по преимуществу провинціальныхъ, отъ писца и столоначальника и включительно до дѣлопроизводителя и секретаря, потому что всѣ эти люди умѣли правильно писать и мыслить и толково излагать бумаги.

Что-же представляетъ современная свѣтская школа въ сравненіи съ духовною, не касаясь университетовъ, возникшихъ далеко позже нашей школы? Средняя свѣтско-дворянская шляхетская школа (она такъ и называлась—шляхетская школа) умѣла только издѣваться надъ нашею, якобы схоластическою, а въ сущности классическою бурсою.

Между тѣмъ сама она учила чему-нибудь и какъ-нибудь. Забавно было слушать ея старую программу, которую излагалъ на актѣ въ собраніи всего уфимскаго общества, по случаю 50-лѣтія со времени основанія уфимской гимназіи, самъ попечитель учебнаго округа, тогда оренбургскаго, впоследствии одесскаго (Лавровскій),—программу легкую, т. е. пустую столько же, сколько и пріятную, пока уже въ 60-хъ годахъ эта школа не признана вполне непригодною къ серьезному обученію юношества, и не преобразована по образцу осмѣянной ею бурсы, но преобразована опять-же такъ, что ей предлежитъ теперь новое преобразование. Объ успѣхахъ-же, какихъ достигала старая классическая бурса, въ изученіи классическихъ языковъ, гимназіямъ не приходится и мечтать. Гдѣ мы видѣли современнаго гимназиста, способнаго слушать лекціи на латинскомъ языкѣ, изучать ихъ по-латыни, свободно излагать свои мысли по-латыни и даже по-латыни изъясняться?

Какъ-же прикладывалась къ жизни эта сравнительная образованность семинариста-бурсака и барича-дворянина? Можно-ли ставить въ уровень ихъ жизненную судьбу? Во-первыхъ, обратно здравому смыслу, баричъ-дворянинъ получалъ патентъ на образованность отъ самой колыбели, какъ и обратно, семинаристъ—патентъ на необразованность съ самаго дѣтства, будь онъ впоследствии семи пядей во лбу, будь онъ самъ графъ Сперанскій. Этотъ патентъ образованности давали хорошія дворянскія манеры, которыя конечно имѣлъ графъ Сперанскій, привыкшій вращаться въ высшихъ сферахъ, но которыя большинству семинаристовъ не даются цѣлый вѣкъ. Цѣлый вѣкъ на нихъ лежитъ печать семинариста, часто и бурсака.

А что такое хорошія манеры? Тутъ есть то, что называется *circus in demonstrando*. Хорошими манерами у дворянъ считаются дворянскія манеры; а дворянскія манеры считаются хорошими манерами, хотя онѣ иной разъ и неодобрительны. Наприм., неестественъ и некрасивъ былъ поклонъ до среднихъ годовъ николаевскаго царствованія, когда баричъ выпячивалъ грудь впередъ, а заднія части откидывалъ назадъ и шаркалъ ножкою, что мы видѣли въ дѣтствѣ еще собственными глазами. Такой поклонъ былъ уродливъ и смѣшонъ, но кто тогда не умѣлъ такъ поклониться, тотъ значить не имѣлъ хорошихъ манеръ. А семинаристъ не только не умѣлъ, онъ не смѣлъ такъ кланяться. Духовное начальство не могло поощрять подобныя не русскіе поклоны, подобное французское коверканіе русскихъ людей. Въ концѣ царство-

ванія императора Николая I, съ возстановленіемъ русскихъ вкусовъ, русскаго говора при дворѣ, такой поклонъ исчезаетъ и исчезъ. Онъ переживаетъ самаго себя пока еще въ женскомъ нѣмецкомъ книксенѣ, въ странномъ не русскомъ присѣданіи примѣрно салонной барыни дамы, безъ тѣни русскаго поклона. Такъ, на нашей памяти, учили кланяться—присѣдать всѣхъ институтокъ, пока тотъ-же императоръ Николай I не напомнилъ нашимъ женскимъ институтамъ о чисто-русскомъ поклонѣ. Императоръ Александръ I жаловался на невѣжество высшаго круга, что „научившись танцовать и болтать по-французски, молодые баричи воображаютъ, что научились уже всему“. Но французскіе танцы, и сомнительно французскій говоръ въ русскомъ обществѣ говорили только о томъ, что дворяне забыли, что они русскіе люди. Семинаристы-же, происходя отъ народа и живя съ народомъ для народа, не могли забывать это.

Кромѣ того, хорошія манеры не возможны безъ хорошей стати. А что такое хорошая статъ? Прямая и въ тоже время гибкая спина, маленькія ножки, маленькія ручки съ длинными пальчиками, бѣлая нѣжная кожа. А что такое бѣло-снѣжная барская кожа? Кожа, которая не только въ обладателѣ ея, но и во многихъ поколѣніяхъ его предковъ, не подвергалась вліянію ни палящихъ лучей солнца, ни свирѣпыхъ вѣтровъ, ни лютыхъ морозовъ, ни внѣшней пыли и грязи. Что такое маленькая ножка? Нога, которая даже въ предкахъ своихъ не мѣсила грязи ни дорогъ, ни полей, которая порхала по паркетамъ и коврамъ, по каретамъ и разнымъ колымагамъ. Что такое бѣлая маленькая ручка? Рука человѣка, которая въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ предковъ питалась бѣлымъ чистымъ хлѣбомъ, не исполняя никогда тяжелаго труда, къ чему тонкія кости и не способны по своей слабости, а длинные тонкіе пальцы по закону рычага. Что такое статная гибкая спина? Спина, которая и въ предкахъ не носила тяжестей, не таскала сохи и плуга, не ворочала цѣпомъ и т. д. Такъ что гибкая спина, маленькая ножка, маленькая ручка, изволите видѣть, отличая породистость и относясь къ высоко-цѣннымъ, хотя и не высоко-цѣннымъ достоинствамъ человѣка, служатъ скорѣе признакомъ, хотя и привлекательнаго даже для простыхъ очей, но накладнаго для низшихъ классовъ, для рабочей силы недостатка, недостатка бездѣлья, потребленія чужаго труда, отличая развѣ только изрѣдка высшее, хотя и не весьма частое въ высшихъ родахъ достоинство труда умственного.

Извѣстно, что породистые гуси, которые въ предкахъ Римъ спасли, нерѣдко въ потомкахъ не ко многому бываютъ годны...

Посмотрите, наоборотъ, на мужика. Посмотрите въ спину мужику, таскающему ноши кирпичей на пяти-этажное новостроющееся зданіе. Я занимался этимъ наблюденіемъ. У кого изъ нихъ спина прямая? У всякаго, напротивъ, позвоночный столбъ весьма некрасиво осѣлъ на крестецъ, который некрасиво-же ворочается подъ давленіемъ тяжелой ноши. У кого изъ нихъ нога не лапотная, ступня вся не придавленная къ землѣ, по подобію ступни негра, безъ изящнаго выгиба между пятою и пальцами, безъ горбика наверху? У кого изъ нихъ рука не лапа корявая, на которую и взглянуть-то страшно, а прикоснуться къ ней—самъ замараешься? Такъ и бурсаку, какъ и нашему русскому мужику, гдѣ было взять красивую статъ, когда его отцы и дѣды да и онъ самъ снискивали хлѣбъ, часто сами-же пахали хлѣбъ свой въ потѣ лица?

Что семинаристы не имѣли ненависти, что напротивъ, питали пристрастіе къ дворянству, это видно изъ того, что семинаристы всегда, кто могъ, кто находилъ случай, особенно-же чрезъ университеты, всегда усиливались уйти изъ своего сословія въ дворянское. Когда въ 60-хъ годахъ раскрылись двери университетовъ настежь и для семинаристовъ, то вблизи университетскихъ центровъ некого стало рукополагать во священники. Но дворянинъ въ свою очередь въ прежнее время тѣснилъ семинариста и не давалъ ему ходу, на который тотъ имѣлъ право по своему образованію. Припомнимъ, что въ морское вѣдомство семинаристы, до царствованія Александра II-го, не поступали совѣтъ, за исключеніемъ карьеры флотскихъ врачей. Въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ семинаристъ-офицеръ былъ крайняя рѣдкость. Были въ гражданскихъ офицерскихъ чинахъ, какъ во флотѣ, такъ и въ сухопутномъ войскѣ, только медики. Зато медицинскій персоналъ состоялъ чуть не исключительно изъ семинаристовъ, изъ поповичей. Но свѣтскіе военные и тѣхъ, несмотря на ихъ сравнительно высокое образованіе, допускали въ свою среду въ качествѣ людей, носящихъ особую печать. Военныхъ чиновъ имъ не давали, военныхъ мундировъ и эполетовъ, до царствованія Александра II, также. Семинаристъ въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ почти не могъ быть офицеромъ, но сдаточными солдатами ихъ бывали тысячи. Не говоримъ про бироновское время. Наборы между поповичами бывали во все царствованіе до 30-хъ

годовъ настоящаго столѣтія. И не хорошо говорить „Гражданинъ“, что „дворянство не по приказу и не за награду, а по дворянскому долгу чести и любви къ родной землѣ предлагало свою службу престолу и отечеству всею вольною и благородною душою, дворянинъ съ открытою грудью, а семинаристъ съ доносомъ, клеветою и навѣтомъ!“ Не хорошо. Престолу и отечеству на Руси служили вѣрно и неліце-мѣрно до пролитія крови, до положенія живота не только дворяне, но и крестьяне, и семинаристы, и всѣ. Дворянинъ, да, часто служилъ „и вольною душою“, а семинаристъ служилъ, какъ и крестьянинъ, по призыву, но служилъ все-же вѣрно и неліце-мѣрно, до положенія живота. Дворянинъ служилъ якобы не за награду, а все-же всѣ награды, до чина фельдмаршала и генералиссимуса и до первостепенной георгіевской звѣзды и ленты, сыпались единственно на дворянство. А что-же сыпалось на сдаточнаго семинариста, который тянулъ солдатскую лямку 25 лѣтъ, съ надеждою дослужиться до унтеръ-офицера въ отставку и много-много что до солдатскаго георгіевскаго креста? Дворянамъ-же доставалась и историческая слава. А многіе-ль изъ миллио-новъ солдатъ и семинаристовъ, на брани животъ свой положившихъ, достигли исторической славы? Несмотря на это умирали они въ бо-яхъ также беззавѣтно, какъ и дворяне, какъ умеръ мой родной братъ, военный медикъ, Елпидифоръ Бровковичъ, пораженный на смерть разорвавшейся англо-французскою бомбою, при осадѣ Бомарзунда; какъ умерли двое моихъ двоюродныхъ братьевъ въ началѣ первой восточной войны по переправѣ чрезъ Дунай, при штурмѣ какой-то турецкой крѣ-постцы, одинъ уже студентъ семинаріи—Иванъ Бровковичъ, другой не-доучившійся семинаристъ Василій Бровковичъ. „Ура, Ваня, пушка на-ша!... Ура, Вася, пушка наша!“ И тутъ-же оба поражены были тур-ками на смерть.

Лучше-ли была доля семинаристовъ, которые выходили въ граж-данскую службу? Лучше, да. Къ несчастію для нихъ, на нихъ лежа-ло несмываемое пятно—семинарская печать.

Что такое эта семинарская печать? Нѣчто весьма почтенное, по-хвальное, поощряемое и весьма нужное въ духовенствѣ, требуемое исто-рически воспитавшимися вкусами нашего православнаго русскаго на-рода, вкусами даже самаго дворянства. Для ясности возьмемъ примѣ-ры. Сходите вы, чтобы понять, въ старыя русскія церкви, наприм., въ Успенскій соборъ въ Москвѣ. Посмотрите на святые лики въ иконо-

стасѣ и т. д. Посмотрите на старыя иконописные подлинники, наприм., на Строгоновскій. Вы видите, что всѣ лики тамъ одинъ на другой по-хожи, похожи въ чертахъ лица, во всей позѣ головы, щекъ, рукъ, ногъ и всего тѣла. Отчего это? Такой идеаль святотѣпнаго человѣческаго образа завѣщанъ намъ святою древностію, какъ византійскою, такъ и рос-сійскою. Отчего-же завѣщанъ такой, а не иной идеаль? Идеаль этотъ скопированъ съ натуры, съ дѣйствительныхъ образовъ отшельниковъ, постниковъ, святыхъ святителей, преподобныхъ матерей, святыхъ му-чениковъ и мученицъ. Все это сухое, худощавое, изможденное, вытя-нутое, святотѣпное. Что эти иконные образы похожи на дѣйствитель-ныя лица, доказательство тому мы имѣли на глазахъ и въ наши дни. Богобоязненные святители еще при жизни пріобрѣтаютъ поразительно иконный типъ. Таковъ былъ подъ старость святитель московскій Фи-ларетъ, совершенно иконный типъ. Таковы были постники Филоеѣй ми-трополитъ кіевскій, Іаковъ архіепископъ нижегородскій и Антоній ар-хіепископъ воронежскій. Посмотрите въ другую сторону—на римско-католическое духовенство, отъ самаго папы, до приходскаго ксендза, до всякаго школьника латинскихъ конвиктовъ. У тѣхъ другой, свой, но одинъ и тотъ-же типъ у всѣхъ... Такой типъ выдѣляется у нихъ всѣмъ обрядовымъ строеніемъ ихъ церкви, всѣмъ наклономъ ихъ училищъ. Латинскій школьникъ иначе сложится и не можетъ, какъ въ ходячій типъ латинскаго ксендза. Въ средніе вѣка даже дзѣцѣнтка пана Іезу-са латиняне изображали въ видѣ питомца своей школы, или малень-каго ксендза, даже съ тонзурой на головѣ. У нихъ это опредѣлено строгими и неумолимо точными правилами ихъ римско-католическаго воспитанія. У насъ православныхъ, особенно-же въ нашихъ школахъ, нѣтъ на это строгихъ и ясныхъ правилъ. А жаль. Между тѣмъ есть это требованіе въ церковномъ духѣ народа, чтобы духовный питомецъ, кандидатъ священнослужителя, пріобрѣталъ и носилъ типъ церковника. Вотъ просить священническаго мѣста свѣтскій учитель, или даже се-минаристъ. А глядишь, онъ буквально не умѣетъ правильно перекре-ститься. Онъ буквально не умѣетъ преклонить голову и грудь въ поясный поклонъ. Онъ буквально не умѣетъ, не привыкъ дѣлать земные поклоны, явно никогда ихъ не дѣлалъ. Онъ является къ архіерею и стоя от-ставляетъ одну ногу отъ другой, руку держитъ за пазухою, или сзади, одну или даже обѣ, или-же складываетъ руки на груди, подражая Наполеону III. Знайте, что изъ такого въ священствѣ добра не бу-

детъ. Онъ закрутилъ усы, подражая Наполеону III, или-же подвилъ барашкомъ, или-же обрился по-сѣверо-американски, выбривъ баки и усы и нижнюю губу, или-же пустилъ эспаньолку, или-же расчесался по-аглички съ заботливымъ проборомъ даже на затылкѣ. Онъ ходитъ по церкви безстрашно, задравъ голову, стучитъ каблуками, передъ престоломъ не преклоняется. У архіерея нарочно стучитъ дверью, особенно при выходѣ, объясняется требовательно и непочтительно. Повѣрьте, не будетъ добра изъ такого человѣка въ священствѣ. Онъ одѣтъ въ коротенькій пиджакъ, растянутый или-же небрежно забранный на одну пуговку; онъ носитъ на себѣ бойкій задорный видъ, который явно сквозитъ самомнѣніемъ, что-де онъ дѣлаетъ честь церкви, предлагая свою персону на смиренное церковное служеніе. Не вѣрьте такому юношѣ, плохой изъ него священникъ выйдетъ. Будетъ и въ священствѣ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ съ сигарою, или папирскою во рту, будетъ въ селѣ носить штилеты и т. п. на-показъ, какой-либо модный цилиндръ, какое-либо хитро-скроенное пальто, будто-бы расу, съ бархатными отворотами, съ совершенно открытыми воротничками, широко откинутыми по-дѣтки, или-же поднятыми до ушей и кончика носа. Повѣрьте, ненавидитъ нашъ народъ такихъ поповъ-фатовъ, такихъ поповъ-фертовъ, и презираетъ и отвращается ихъ. Не созидатели они своего дѣла, не служители своего призванія, а разрушители. Повѣрьте, такихъ фатовъ и фертовъ отвращаются и дворянство и въ войскахъ офицерство. А всѣхъ у всѣхъ и вездѣ имѣетъ тотъ священникъ, который больше или меньше олицетворяетъ собою ликъ служителя Божія, вышеописанный ликъ, ликъ по меньшей мѣрѣ степенности, неустойчивости, незапасчивости, ликъ смиренія и молитвенной самособранности. Таковы любимые священнослужители во всѣхъ концахъ св. Руси, въ городахъ и весяхъ, въ мужицкихъ хатахъ, въ барскихъ палатахъ и въ царскихъ дворцахъ. Священно-служитель обязанъ усвоить и носить свой особый типъ, типъ облюбленный православнымъ народомъ, выработанный церковною исторіею, волею-неволею прививаемый нашей молодежи въ нашихъ школахъ. Но этотъ-же типъ совсѣмъ не идетъ къ баричамъ въ барскихъ палатахъ. Вообразите вы молоденькаго красавца, кавалергардскаго офицера, который вчера пребойко отплясывалъ мазурку на большомъ балѣ въ первой парѣ; а сегодня въ Исакіевскомъ соборѣ, на виду у всего собранія военныхъ и гражданскихъ чиновъ, преусердно и преловко по-старовѣрчески отбиваетъ земные по-

клоны, въ томъ-же бѣломъ мундирѣ, во вчерашнихъ-же бѣлыхъ невыразимыхъ... Да онъ ихъ замараешь. Да его засмѣютъ, и офицерство судомъ чести попроситъ вытти въ отставку за униженіе, если не за оскорбленіе мундира,... когда къ крайнему прискорбію наблюдается, что юное офицерство, въ казенные случаи посѣщенія соборовъ, совсѣмъ перестаетъ даже креститься. Куда это мы идемъ, русскіе люди?!

Эта якобы семинарская печать, а въ сущности печать церковности пристаеетъ къ намъ съ ранняго дѣтства. Пристаеетъ потому, что мы, огромное большинство поповичей, — теперь вотъ начинаютъ появляться невѣроятные образцы поповскихъ дѣтей, которые вовсе не приучены къ церковности, которые не знаютъ никакихъ домашнихъ молитвъ, т. е. никогда не молились, — а мы участвовали въ молитвословіяхъ нашихъ отцевъ съ ранняго дѣтства, отъ колыбели. Школа до выхода изъ академіи прививала ту же печать. Что-же мудренаго, что эта печать къ намъ пристала и снять ее нельзя до гроба и могилы. Конечно, эта печать — высокое достоинство, высокое отличіе раба Божія.

Но свѣтъ смотритъ иначе чрезъ свои свѣтскія очки. И вотъ иной больше или меньше съ дѣтства по призванію рабъ Божій, а по склонности — жадный карьеристъ, желая нахватать, какъ нахватываютъ дворяне, чиновъ и орденовъ, оставляя свое смиренноприниженное скудохлѣбное духовное званіе, вступаетъ въ болѣе или менѣе высокій, но свѣтскій свѣтъ. Увы! Тамъ на немъ семинарская печать лежитъ, какъ печать если не проклятія, то отверженія. Настоящіе бары его къ себѣ дальше прихожей не пускаютъ. Всѣ усмѣхаются. Въ обществѣ видятъ его съ улыбками жалости. Да онъ и бѣденъ, и нищъ, и дурно одѣтъ, ноги и руки грубыя, спина какъ у простеца, никакой стати. Храни Богъ, если онъ натянеть на себя злосчастный фракъ; въ изысканномодномъ одѣяніи онъ выглядитъ еще забавнѣе. Нѣсколько простятъ ему, если онъ по костюму постоянно показываетъ безупречную безукоризненность... Но кто изъ нашей братіи къ симъ доволенъ? Потому-то они и обречены на всегдашнее изгнаніе изъ общества хорошаго тона, или-же служатъ тамъ посмѣищемъ, въ родѣ Василя Кирилловича Тредьяковскаго у какого-нибудь совершенно невѣжественнаго Волынскаго, который безъ зазрѣнія совѣсти, по-барски удостоивалъ даже пороть его розгами и бить изъ собственныхъ вельможныхъ рукъ пощечинами, помнится, уже члена академіи наукъ. Говоримъ все о быломъ времени. Впрочемъ въ томъ-же тонѣ, хотя, быть можетъ, и не такъ

сурово, бары обращались съ семинаристами и въ позднѣйшее время, даже съ самыми даровитыми, свѣдущими и работающими. До какихъ должностей ихъ допускали? Въ провинціи до послѣднихъ дней царствованія императора Николая I, допускали (за единичными исключеніями) до писца и столоначальника, до секретаря и губернаторскаго дѣлопроизводителя, въ старые годы никогда до вице-губернатора, никогда до губернатора. Въ послѣднее время я зналъ двухъ вице-губернаторовъ изъ семинаристовъ, что съ своей стороны они тщательно скрывали; не зналъ ни одного губернатора, тогда какъ знаю одного — сына придворнаго пѣвчаго, хорошаго губернатора, онъ-же и хорошій человѣкъ. Въ Петербургѣ въ старые годы, не знаю, достигали-ль семинаристы до званія начальниковъ отдѣленій. Въ царствованіе Александра I мы знаемъ одного семинариста, который пробился въ первые ряды государственныхъ чиновъ, — именно графа Сперанскаго. При Николаѣ I мы знали изъ семинаристовъ министра финансовъ Вронченку и одного директора департамента Оржевскаго. Даже въ вѣдомствѣ свят. синода у оберъ-прокурора графа Протасова всѣ директора — генералы были изъ дворянъ, а семинаристы не шли дальше оберъ-секретарей. И вотъ только въ освободительное царствованіе Александра II семинаристы уже въ значительномъ числѣ прошли въ высшіе ряды государственныхъ дѣятелей. Какая-же была доля остальныхъ? Чернорабочая. Семинаристъ искони былъ дѣлецъ, вьючное въ канцеляріи животное, на немъ высшіе чины ѣздили, его погоняли, чутьчку по бурсацкому рангу и награждали, но въ рядъ съ собой не пускали. Что-же видѣлъ семинаристъ, человѣкъ въ большинствѣ развитой, многому учившійся, что вообще духовенство видѣло въ высшихъ дворянскихъ сферахъ?

„Гражданинъ“ очень уже громозвучно трубить о дворянскихъ доблестяхъ. Да. И самъ я не разъ разверзалъ свои уста въ честь этихъ доблестей. Доблести эти были и есть; онѣ безспорны. Иначе и русское царство не стояло-бы; дворянство въ первыхъ рядахъ у ступеней трона дѣлало русскую исторію. Но нѣтъ-ли въ медали и оборотной стороны? Когда съ глубокою горестью сердца глядишь на это постепенное, но роковое паденіе русскаго дворянства, у котораго и по освобожденіи крестьянъ оставалось все-же громадное достояніе въ землевладѣніи; когда глядишь на эту неумѣлость справиться съ своимъ все-же господственнымъ положеніемъ, на эту малоспособность приложить къ дѣлу умъ и знаніе, трудъ и сдержанность, когда сплошь и рядомъ видишь

и слышишь, что такой-то дворянинъ, теперь вотъ въ наши дни, посылалъ мыть свое бѣлье въ Парижъ и конечно прогорѣлъ; такой-то взялъ невѣсту съ домомъ, въ которомъ не знали счета массамъ серебра, и промоталъ огромное приданое на лошадей; такой-то кромѣ собственнаго состоянія получилъ полуторамилліонное наслѣдство, и всего этого не хватило ему, чтобы дожить до 35 лѣтъ, все прожилъ и зарѣзался; когда съ горестнымъ предчувствіемъ видишь кругомъ, что исконныя русскія барскія земли повально переходятъ въ руки евреевъ и нѣмцевъ, вслѣдствіе чего аристократія русскаго государства чрезъ 50 лѣтъ можетъ принять въ себя массу инородцевъ и намъ придется кланяться какимъ-либо надменнымъ Фрицамъ и нахальнымъ Ицкамъ; когда слышишь кругомъ, что и теперь уже русскіе люди, составляя прислугу — кучеровъ, поваровъ, лакеевъ у Шлёмовъ и Шмулей, величаютъ ихъ: баринъ, барыня, катая въ великолѣпныхъ каретахъ на великолѣпныхъ коняхъ „маленькихъ жиденятъ“, — какъ выражаются въ Одессѣ, — то не приходитъ-ли на мысль, что тутъ творится что-то недобровѣщее, что руссійское дворянство прогнѣвало Господа Бога и Богъ наводитъ грѣхи отцевъ на чада ихъ и на чада чадъ? Не напоминаетъ-ли это печальное созерцаніе знающимъ 18 и 20 главы книги Левитъ?... Повинна, или не повинна наша земля во всемъ, что прописано въ означенныхъ главахъ книги Левитъ? Не видали-ль мы чего подобнаго даже въ наши дни? Грѣхи на землѣ были всегда и вездѣ во всякомъ народѣ, во всякомъ классѣ общества. Но не было-ль особыхъ грѣховъ, свойственныхъ собственно крѣпостническому барству? Кѣмъ внесены въ русскую землю отдѣленіе высшихъ сословій отъ народа и обезьянское подобострастіе къ модной чужеземщинѣ? Кѣмъ внесены волтеріанство, издѣвательство надъ отечественною святынею, отступленіе отъ церковнаго порядка? *).

*) На-дняхъ разсказанъ достовѣрный фактъ. Въ г. С. еврейскій баронъ Г. нарочито пригласилъ всю губернскую знать на балъ съ великой пятницы на великую субботу. Пригласилъ и еврейскую плутократію. Такъ какъ и у евреевъ заходилъ-же съ пятницы на субботу праздникъ, — то чтобы не нарушать своего праздничнаго устава, субботняго покоя, еврейки нарядились на балъ еще въ пятницу до захода солнца и до возженія свѣчей. Послѣ своихъ вечернихъ молитвъ евреи отиравились на балъ праздновать свой праздникъ, послѣдній день пасхи. Съѣхались на балъ и всѣ бары города С. Танцевали до утра. Съѣли великолѣпный ужинъ, тонули въ шампанскомъ, веселились до упаду. И были наказаны, а евреи награждены слѣдующею острою гостепріимнаго хозяина-еврея: «пожалуйте», — приглашалъ онъ евреевъ, — «посмотрите на рѣдкое зрѣлище, какъ я буду кормить звѣрей»... И великолѣпно накормилъ звѣрей несмысленныхъ, падкихъ на коварное жидовское угощеніе. И это въ священнѣйшую ночь погребенія Христа Спаса съ великой пятницы на великую субботу!!!!

Велика жертва освобожденія миллионъ крѣпостныхъ, такъ. Но кто-же забылъ мощное самодержавное слово царя-освободителя, что лучше начать эту реформу сверху? Если-бы освободительный манифестъ не былъ прочитанъ въ 1861 г., развѣ съ 1862 г. не пошли-бы въ народъ ея глашатаи изъ дворянскихъ же недоносковъ? Кто-же все это видѣли? Видѣли-то всѣ, а сравнительно образованными судіями были по всей Руси только сравнительно развитые смысломъ семинаристы, да духовенство. На дворянина, который съ открытою грудью шелъ на охоту не всегда за звѣрями, семинаристу или священнику опасно было выступать не только съ открытымъ протестомъ, не только съ клеветою и навѣтомъ, но даже съ доносомъ на открытое вопіющее насиліе, растлѣніе, убійство. Вся сила власти, все вліяніе суда были въ рукахъ дворянства. Извѣстны факты, какъ иногда трудно было доходить до истины, подъ которою стыла кровъ своего-же брата дворянина. А о другихъ сословіяхъ что и толковать! Приходское духовенство было порабощено барскому капризу. Гдѣ я родился, въ Бѣлоруссіи, тамъ польское панство было прижато силою русскаго правительства. А на св. Руси дѣды наши и прадѣды знакомы были и съ барскими конюшными, не касаясь другихъ крайностей, о которыхъ можно читать въ исторіи бѣлаго духовенства Знаменскаго. Да и изъ жизни своего отца я ясно помню слѣдующій фактъ. Воротился отецъ священникъ, уже въ свое время кончившій въ семинаріи курсъ, самъ дворянинъ, хотя фамиліи наши дворянскіе документы и сгорѣли во время пожара, воротился отъ управляющаго имѣніемъ генерала К—а и рассказываетъ матери, представляя былъ въ лицахъ. Нарочито стоитъ отецъ у самаго косяка входной двери и кланяется ниже пояса. — „Кланяюсь“, говоритъ, „говорю: г. управляющій, будьте милостивы, пожалуйста три воза соломы“. Не смотритъ, говоритъ съ другими. „Я жду, улучаю минуту, опять кланяюсь“. И опять отецъ кланяется ниже пояса. „Г. управляющій, пожалуйста три воза соломы“. Не смотритъ, говоритъ съ другими. „Я опять жду, улучаю минуту и опять кланяюсь“. И опять отецъ кланяется, ниже пояса. „Г. управляющій, три воза соломы“. За которымъ-то разомъ управляющій смилостивился, наградилъ моего отца тремя возами соломы. А зачѣмъ моему отцу такъ крѣпко понадобились три воза соломы? А представьте позднюю весну, когда домашняя скотина съѣла все до соломинки. А на дворѣ снѣгъ лежитъ. Пройдетъ еще недѣля, и скотъ передохнетъ съ голода. А взять кругомъ негдѣ. У

крестьянъ? Тѣ сами пропадали съ голоду. Потому-то мой отецъ и былъ такъ счастливъ, вымоливъ у г. управляющаго три воза соломы.

Было-ли духовенство враждебно дворянству? Нѣтъ, оно было подобострастно. Были-ли семинаристы, служащіе по гражданскому вѣдомству, враждебны своимъ надменнымъ и въ большинствѣ невѣжественнымъ патронамъ, примѣрно этимъ губернаторамъ изъ гвардіи полковниковъ, которые умѣли съ пышнымъ росчеркомъ только подписать свое имя, ни мало не смысла въ завѣдуемыхъ дѣлахъ, или этимъ председателямъ палатъ, которые появлялись въ присутственныя камеры на закатѣ солнца, чтобы поскорѣе только подписать бѣловыя бумаги, подложенныя вице-председателемъ или секретаремъ-семинаристомъ, чтобы поспѣшить на званый обѣдъ, тамъ на вечеръ на карты и т. д.? Нѣтъ, ни одного на своемъ вѣку я не видѣлъ враждебнаго. Но видѣлъ сотни и тысячи примѣровъ обратнаго, видѣлъ это повальное явленіе во всѣхъ отщепенцахъ нашего званія, начиная отъ коллежскихъ регистраторовъ до тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ. *Всѣ стыдятся своего духовнаго происхожденія.* Пусть и не стыдятся въ душѣ. Но *положительно всѣ стараются всячески скрыть свое духовное происхожденіе.* Значитъ, свѣтъ, въ которомъ они теперь вращаются, не выносить людей не своего круга, не своей крови, не своего воспитанія. *Свѣтъ нисъ не жалуется и гонитъ, а не мы его.*

Не понятно, почему это, въ какихъ видахъ защитникъ дворянскихъ интересовъ „Гражданинъ“ заговорилъ такъ жестко противъ семинаристовъ, именно теперь. Вѣроятно, есть цѣль какая-либо. Не чувствуетъ-ли онъ, что семинаристы стали протискиваться уже въ числѣ довольномъ, уже въ первые ряды государственныхъ чиновъ? Да и то еще сказать, протискиваться туда и нельзя. Ихъ приглашаетъ высшая власть, какъ благопотребныхъ государственныхъ дѣятелей. Легко сказать, ворячающій достоинствомъ Россіи, а частію и Европы министръ финансовъ Вышнеградскій—семинаристъ. Не самъ туда толкался на эту высоту, пригласили, чтобы спасти Россію отъ плохихъ обстоятельствъ. И подите-же, семинаристъ, а справляется съ такимъ дѣломъ, для котораго не оказалось годнаго дворянина. Министръ финансовъ Вронченко также былъ семинаристъ. Во второстепенной сферѣ семинаристовъ въ ходъ пустилъ графъ Д. А. Толстой, несмотря, что самъ-же издѣвался надъ старою семинарскою школою. Окружавшіе его въ синодѣ генералы всѣ принадлежали старой семинарской школѣ. По-

почитателей учебных округов онъ понадѣлалъ также изъ семинаристовъ. Не чувствуетъ-ли „Гражданинъ“, что семинаристъ, взявъ ходъ, станетъ сильнымъ совмѣстникомъ дворянина на служебномъ поприщѣ? Не мечтаетъ-ли онъ воротить насъ ко временамъ Екатерины II, когда барицы записывались въ гвардіи-капитаны уже съ колыбели; когда всѣ прочіе, кромѣ баричей, обречены были тянуть лямку только рядовыхъ? Сохрани Богъ. Исторія не дѣлаетъ понятныхъ скачковъ. Пусть „Гражданинъ“ помнитъ изреченіе умнаго дворянина-же, что у насъ мужицкое царство, т. е. всенародное, опирающееся на весь народъ царство.

Говоримъ это только въ отклоненіе тяжкаго укора, будто семинаристъ, будто духовенство ненавидитъ дворянина, но никакъ не къ раздраженію страстей, не къ возбужденію однихъ противъ другихъ. Мы больше другихъ обязаны помнить и помнимъ, и многолѣтнею благопокорливостію доказали, что помнимъ заповѣди св. апостола Петра: *повинитесь всякому человѣческому начальству: аще-же царю, яко преобладающе, аще-же княземъ, яко отъ него посланнымъ, яко тако есть воля Божія* (1 Петр. 2, 13—15), какъ и ап. Павла: *ижесть власть, аще не отъ Бога. Воздадите убо всѣмъ должная: ему-же убо урокъ—урокъ, и ему-же данъ—данъ, и ему-же страхъ—страхъ, а ему-же честь—честь. Ни единому-же ничимъ-же должны бывайте, точію еже любить другъ-друга* (Римл. 13, 1—7—8), какъ заповѣди и самаго Господа нашего Іисуса Христа.

Въ заключеніе „Гражданинъ“ пишетъ о Чернышевскомъ: „послѣ ссылки онъ вернулся къ свободной жизни разочарованнымъ, постарѣвшимъ и увѣ! слишкомъ поздно постигшимъ, на сколько эти увлеченія либерализма безумны потому, что они—въ рѣзкомъ и непреоборимомъ разладѣ съ разумомъ и духомъ русской народной жизни. Онъ умеръ успокоенный и усталый, искупивъ годами страданій тяжкіе грѣхи своей молодости“. Вѣроятно „Гражданинъ“ знаетъ, что говоритъ, собравъ свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Чернышевскаго. Въ проповѣди по поводу пушкинскаго 50-лѣтняго юбилея, упомянувъ объ искреннемъ раскаяніи Пушкина, въ послѣднія минуты жизни, и примиреніи съ Богомъ и церковію, и поставивъ на видъ, что развитому „человѣческому духу трудно выдержать безусловное отрицаніе до конца, особенно-же во дни тяжелой невзгоды и въ предсмертные часы, при переходѣ изъ этого міра въ загробный; трудно не по малодушію, а по

непререкаемой логикѣ челоѣческой природы“, къ числу извѣстныхъ въ этомъ отношеніи примѣровъ мы присоединили, „еще одинъ, что единомышленники извѣстнаго отрицателя Чернышевскаго, заключенные съ нимъ въ крѣпости, предъ ссылкой всѣ до единого искренно исповѣдались и причащались, кромѣ самаго Чернышевскаго, который разсуждалъ о вѣрѣ съ духовникомъ охотно, но исповѣдаться и причаститься отказался по той суетной причинѣ: „что-де скажутъ о Чернышевскомъ?“ Это я слышалъ тогда-же отъ самаго духовника (протоіерея Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ, Василя Петровича Полисадова)*). „Впрочемъ“,—высказался я тогда, — „послѣдняя пѣсня самаго Чернышевскаго еще не спѣта, еще впереди; вѣруемъ, что за молитвы его богобоязненнаго родителя умереть и онъ христіаниномъ“. Надежда оправдалась на половину; умеръ онъ, повидимому, дѣйствительно, христіаниномъ, но св. причастія не сподобился.

Для разрѣшенія нашего чисто психологическаго вопроса, прочитаемъ въ газетахъ о смерти Чернышевскаго, мы телеграфировали въ Саратовъ къ отцу протоіерею Іоанну Васильевичу Смѣльскому, магистру богословія: „отъ чего умеръ Чернышевскій? Исповѣдался-ли передъ смертію? Кѣмъ и какъ погребенъ?“ Телеграфный отвѣтъ: „умеръ апоплексіей мозга. Напутствовать приглашали. Отпѣтъ прилично въ Сергіевской церкви. Остальное письмомъ“. Письмомъ отъ 1-го ноября прошедшаго года о. протоіерей Іоаннъ Васильевичъ Смѣльскій отвѣчаетъ: „общая представить вамъ какія-нибудь подробности о Н. Г. Ч., я думаю поразспросить кое-кого и побольше узнать. Узналъ мало. Онъ мало былъ извѣстенъ въ Саратовѣ въ послѣднее пребываніе его здѣсь... Перепросился онъ сюда изъ Астрахани по причинѣ чувствованной имъ болѣзни. Здѣсь жилъ не въ своемъ *наследственномъ* домѣ, потому что домъ былъ сданъ подъ квартиру по долгосрочному контракту. Квартира его была въ домѣ А. М. Н., бывшаго секретаремъ

*) Записать еще одинъ историческій фактъ, слышанный тогда-же. Въ 1864 г. духовникъ Ихъ Величествъ, протопресвитеръ В. В. Бажановъ, покровительствовавшій мѣ, по дружеству съ его зятемъ, (тайный совѣтникъ Іларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ), старецъ мудрый и остроумный, нашелъ почему-то нужнымъ уронить уже сосланнаго Чернышевскаго въ моихъ глазахъ. „Слышали, слышали, какъ Чернышевскій приглашалъ своихъ знакомыхъ сближаться съ его женой! „Господа! Не стѣсняйтесь. Это ея дѣло. Я никакихъ претензій не имѣю!“ Слышали? А? каково? Хорошо? Скверно... А въ сенатѣ, когда запахло приговоромъ, осужденіемъ, малодушничаетъ, плачетъ: „господа сенаторы! Пощади-те жизнь мою... жизнь мою пощади-те господа сена-аторы!“... И старецъ комически произносилъ эти слова слезливымъ голосомъ, какъ плачутъ дѣти.

у преосвященнѣйшаго Афанасія; домъ фасадомъ смотритъ на Липки и кафедральный соборъ. Цѣна квартиры 600 р. въ годъ. Средства онъ добывалъ переводомъ поручаемыхъ изъ Спб. статей съ иностранныхъ языковъ на русскій. Въ послѣднее время занимался переводомъ исторіи Вебера. Самъ только диктовать, а писалъ нанятой писецъ. Когда стало ему совсѣмъ плохо, приглашены были врачи. За день или два до смерти, онъ *заявилъ желаніе исповдаться и приобщиться Святыхъ Таинъ*. Но бывшіе тутъ врачи соврали, увѣривъ его и жену его—Ольгу Сократовну, что серьезной опасности не предвидится и что онъ скоро оправится отъ болѣзни. Въ роковую ночь, врачи позваны были къ больному экстренно. Осмотрѣвъ его, они объявили, что теперь пожалуй пора послать и за священникомъ. Послано было, и по болѣе близкому мѣсту жительства, и потому, что іеромонахъ Крестовой церкви архіерейскаго дома состоитъ духовникомъ Ольги Сократовны, за этимъ іеромонахомъ. Пока посланный добрался въ крѣпость архіерейскаго дома и до духовника, въ 1 часть ночи,—пока іеромонахъ (немедленно-же) прибылъ къ болѣвшему, Н. Г. уже отходилъ; призванный іеромонахъ напутствовалъ его только прочтеніемъ молитвъ „при разлученіи души отъ тѣла“. Отпѣваніе совершено въ мѣстной приходской Сергіевской церкви, при которой нѣкогда служилъ и родитель его. Повидимому, родные покойнаго намѣревались устроить похороны поскромнѣе, потому что приглашенъ былъ только приходскій священникъ; впрочемъ, былъ и хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Похороненъ на кладбищѣ,—говорятъ, въ фамиліной могилѣ... Очевидцы говорятъ, что похоронная процессія была вообще скромная и чинная,—но вѣнковъ было много и... полицейскихъ было не мало“...

По моему Богъ не удостоилъ предсмертнаго очищенія за многіе и тяжкіе грѣхи ума и слова. Что посеешь, то и пожнешь...

Мнѣ сообщаютъ изъ Саратова, что „супруга Чернышевскаго Ольга Сократовна Ч. заказывала сорокоустъ въ женскомъ монастырѣ; что-то пожертвовала“. Если-бы она была увѣрена, что мужъ ея все это отрицаетъ, какъ отрицалъ прежде, какъ она рѣшилась-бы поминать его заупокойной молитвой?..

1890 г.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи каедральнаго протоіерея саратовскаго каедральнаго собора Гавріила Ивановича Чернышевскаго.

Бдите, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ придетъ. Матѣ. 24, 42--47.

Одинъ изъ уроковъ божественнаго нашего Спасителя о томъ, какъ должно готовиться къ смерти и суду.

Бдите—бодрствуйте, потому что не знаете, въ какой часъ Господь вашъ придетъ, придетъ—на судъ всему міру или только къ вамъ лично, — васъ на судъ къ себѣ позоветъ. Часъ вашей смерти для васъ почти также безвѣстенъ, какъ и часъ страшнаго суда. *Сіе-же вѣдите*, —знайте-же это, если-бы вѣдалъ дому владыка, хозяинъ дома, въ какое время ночи воръ придетъ, то бодрствовалъ-бы и не далъ-бы подкопать жильѣ свое: на всякій часъ нужно оберегаться на всякій случай. Этотъ тать, этотъ врагъ вашъ, способный сдѣлать вамъ много зла, есть ваша смерть, есть необходимость внезапно стать на Божій судъ. Поэтому и вы будьте готовы, потому что въ какой часъ не думаете и не ждете, Сынъ человѣческій придетъ и станетъ предъ очами вашими тихій кроткій, но праведный и неподкупный и въ приговорахъ своихъ неизмѣнный. Кто вѣрный и мудрый рабъ изъ тѣхъ, кого господинъ его поставилъ надъ домомъ своимъ, чтобы раздавать въ домѣ пищу въ надлежащее время? Тотъ блаженъ, тотъ счастливъ рабъ, котораго господинъ, придѣвши, найдетъ поступающимъ такъ, какъ слѣдуетъ. *Аминь глаголю самъ: надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его.*

У гроба къ мыслямъ о смерти, о приготовленіи къ смерти, о загробномъ воздаяніи приходитъ естественно. У этого гроба мы приходимъ къ мыслямъ о смерти хорошей, о приготовленіи къ смерти правильномъ, о загробномъ отвѣтѣ добромъ.

Смерть нежданная, смерть скоростигшая? Нимало. Смерть давно предвидѣнная, встрѣченная съ тихимъ радушіемъ, какъ добрая гостя, которая своимъ приходомъ хотѣла потревожить хозяина какъ можно меньше, къ приему которой готовились всю жизнь, которой въ послѣднее время ждали со дня на день.

У этого гроба мы приходимъ къ мысли о рабѣ Божіемъ мудромъ и вѣрномъ, котораго небесный Господинъ его употреблялъ на разные почетныя назначенія въ божественномъ дому своемъ, рабѣ блаженномъ, котораго Господинъ его, посѣтивъ въ осмое десятилѣтіе дѣятельной жизни, нашелъ въ бодрственномъ бдѣніи, за дѣломъ, въ вѣрномъ исполненіи своего почетнаго долга.

Почтенный покойникъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, — не знаю какъ ихъ назвать, — счастливецъ, избранниковъ Божіихъ, какихъ въ цѣломъ краѣ можно встрѣчать одного-двухъ человѣкъ, которымъ выпали на долю долголѣтняя жизнь, живая, постоянная въ высшихъ кругахъ общества дѣятельность и рѣдкій для многихъ возжелѣнный жребій быть зрителями смѣны цѣлыхъ поколѣній, не частныхъ лицъ только, смѣны не всеневныхъ случайностей, а событій, опредѣляющихъ направленіе цѣлаго быта и духъ времени, — избранниковъ, которыхъ хорошее жизнеописаніе было-бы доброю исторіею времени и края.

Родился онъ въ царствованіе Екатерины; воспитывался въ пензенской семинаріи, когда въ Саратовѣ не было ни семинаріи, ни духовнаго училища, ни епископской каѳедры, съ 1803 года. 13-го апрѣля 1812 года, значить прежде нашествія Наполеонова, былъ уже учителемъ пензенской семинаріи; его личныя воспоминанія сколько, значить, подробностей могли-бы дать о тревожномъ состояніи края во время тяжкаго погрома? Предъ его сознательнымъ разумнымъ взоромъ пронесли, съ громомъ событій, три цѣлыхъ царствованія — Павла I, Александра I, Николая I, прогремѣли событія настоящаго славнаго царствованія, пронесли громы севастопольскіе, пронеслась гласомъ хлада тонка полная божественной и человѣчественнѣйшей любви слава свободнаго освобожденія цѣлыхъ милліоновъ несвободныхъ. Въ 1814 году 15 мая, значить — прежде вступленія русскихъ въ Парижъ, — какая эпоха! Славное для Россіи время! — онъ опредѣленъ сеньеромъ семинаріи. Отцы и братія, кто изъ васъ помнитъ, кто знаетъ, что это за должность сеньеръ семинаріи? Я не знаю и, разумѣется, не помню.

38-мъ лѣтъ съ 1818 года священствовалъ онъ при здѣшней Сергіевской Нерукотворенно-Спасской церкви. Въ 1820 году онъ былъ одинъ изъ первыхъ учителей здѣшняго духовнаго училища, учителемъ закона Божія въ пансіонѣ благородныхъ дѣвицъ: кто изъ васъ помнитъ объ этомъ пансіонѣ? Гдѣ онъ стоялъ? Кѣмъ основанъ? Кто въ немъ училъ и учился? Вѣроятно, многія изъ его воспитанницъ уже бабушки — старицы, а многія конечно и во гробѣ. Въ 1822 году онъ былъ инспекторъ духовнаго училища и довѣренное лицо со стороны духовной при ежемѣсячныхъ испытаніяхъ въ законѣ Божіемъ въ саратовскомъ народномъ училищѣ; гдѣ стояло это народное училище? Но новый домъ народнаго училища нынѣшняго стоитъ не на мѣстѣ стараго. Въ 1824 году былъ онъ ректоромъ духовнаго училища. Въ 1825 году, когда нѣкоторые изъ насъ только что родились, онъ, уже за многіе годы отлично-усердной службы и многими опытами извѣданное примѣрно-честное поведеніе, былъ украшенъ саномъ протоіерея, и 36 лѣтъ былъ украшеніемъ сана. 35-ть лѣтъ тому назадъ онъ былъ уже присутствующимъ въ саратовскомъ духовномъ правленіи, когда консисторіи еще не было. 33 года до дня смерти носилъ обязанности духовнаго благочинія по городу Саратову, обязанности попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія въ этомъ краѣ. Въ послѣдніе дни 1828 года онъ опредѣленъ членомъ только что основанной консисторіи. Вы помните, отцы и братія, въ какомъ году учреждены здѣсь епархія, консисторія и епископская каѳедра? Въ 1828 году, — если не помните и не знаете, — и о. протоіерей былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ самаго учрежденія. Конечно, онъ встрѣчалъ и провожалъ перваго святителя богоспасаемыхъ саратовскія церкви, въ Бозѣ почившаго архіепископа Моисея, встрѣчалъ и провожалъ втораго святителя въ Бозѣ почившаго архіепископа Іакова, встрѣчалъ и провожалъ третьяго и четвертаго архипастырей преосвященныхъ архіепископовъ Аѳанасія и Іоанникія. Какъ разъ сегодня 25-е октября: въ прошломъ году онъ, именно онъ одинъ, о. протоіерей Гавріиль, отъ лица всѣхъ насъ на бѣдной почтовой станціи встрѣтилъ пятаго своего и нашего настоящаго архипастыря и этотъ пятый его архипастырь, въ благодарность за встрѣчу и проводы четырехъ своихъ предмѣстниковъ, за встрѣчу его самаго, за добрую службу всѣмъ пяти въ семъ каѳедральномъ храмѣ, прочитаетъ надъ покойникомъ его предстоятелемъ отходную разрѣшительную молитву и благословитъ его сердцемъ и святительскими руками и про-

водитъ въ путь-дорогу, его духъ въ обитель небесную, его тѣло на послѣднюю станцію на дорогѣ къ небесному Иерусалиму. Замѣтьте, — по этому мѣсту, гдѣ стоимъ мы и гробъ покойника, покойникъ ходилъ, когда этого блистательнаго храма еще не было, очень можетъ быть, молился вмѣстѣ съ другими при его закладкѣ, вѣроятно молился при его освященіи; и вотъ мы молимся здѣсь надъ этимъ гробомъ, когда этотъ храмъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ уже изветшалъ, не разъ передѣланъ и теперь стоитъ безъ головы, безъ двухъ головъ разомъ, вещественной и разумной*). Построеніе кафедральнаго собора покойникъ видѣлъ, въ построеніи архіерейскаго жилища участвовалъ, какъ членъ строительной коммисіи, въ построеніи и перестройкѣ многого въ Крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ участвовалъ, какъ благочинный монастыря; въ освященіи Спасо-Преображенскаго мужскаго монастыря и церквей его, конечно, участвовалъ; въ этомъ монастырѣ, какъ и въ Крестовоздвиженскомъ, былъ онъ благочиннымъ; въ обращеніи старообрядческаго Иргизскаго средне-николаевскаго монастыря въ единовѣрческій, равно какъ и во всѣхъ самыхъ энергическихъ мѣрахъ къ обращенію въ православіе старообрядцевъ, въ вѣру христіанскую мѣстныхъ евреевъ, былъ онъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и довѣренныхъ отъ высшаго духовнаго и гражданскаго начальства участникомъ; въ построеніи и освященіи церкви тюремной, конечно, участвовалъ, какъ членъ и директоръ попечительнаго о тюрьмахъ комитета; въ построеніи и освященіи большей части градскихъ церквей и многихъ во всемъ краѣ участвовалъ, какъ градскій благочинный, какъ одинъ изъ духовныхъ дѣятелей, самыхъ опытныхъ, довѣренныхъ и приближенныхъ къ нашимъ архипастырямъ. Видѣлъ онъ, конечно, основаніе здѣшнихъ гимназій, института, разныхъ присутственныхъ мѣстъ, народныхъ училищъ, сиротскихъ домовъ, больницъ, казармъ, замковъ, гостинныхъ дворовъ, воскресныхъ школъ, кладбищъ, пріютовъ, богадѣленъ, женской гимназіи и молился при освященіи большей части изъ этихъ учрежденій. Преуспѣванію многихъ изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній посильно споспѣшествовалъ, какъ экзаменаторъ по закону Божію. — Сколько мимо очей его пронеслось военачальниковъ, градоначальниковъ и крае-начальниковъ и всякихъ другихъ мѣстныхъ величій?! Сколько этихъ величій и не величій своими молитвами напутствовалъ онъ въ могилу?.. Принималъ отъ купели?.. Принималъ отъ купели и опускалъ во гробъ?..

*) Соборъ поновлялся.

Теперь мы всѣ, по лѣтамъ да и по другимъ нѣкоторымъ отношеніямъ, большая часть его дѣти, у его гроба.

Кого-нибудь — можетъ — поражаетъ его смерть? Насъ нисколько, нисколько. — Съ какой стороны мы ни посмотримъ на нее, — она прекрасна.

Отъ природы хорошо сложенный человѣкъ, всегда ровный, воздержный, всегда степенный, тихій, никогда себѣ не измѣняющій, опытный, житейскими бурями нисколько возмущаемый, но мало возмутимый для нихъ, всегда достоуважаемый и достойный, до послѣдней минуты своему общественному и священному долгу вѣрный, въ Бога тепло и несомнѣнно вѣрующій, почти безболѣзненно, крѣпко до послѣдняго времени держась на ногахъ, дожилъ онъ до старости, можно сказать, глубокой. Мы съ вами доживемъ-ли до такихъ лѣтъ? — Въ этомъ году въ праздникъ крещенія Господня, поднимаясь послѣ освященія воды на гору, онъ говорилъ: „старость. Вотъ по ровному идти, стоять и долго стоять — ничего, а вотъ на гору подняться — нѣтъ, силъ нѣтъ, ноги не слушаются“... Мѣсяца чрезъ два — три его спрашиваютъ: „Ваше здоровье?“ — „Прихварывать сталъ“, — отвѣчаетъ, — „со дня крещенія; не могу оправиться; біеніе сердца, одышка; малѣйшее напряженіе утомляетъ, — на крыльцо, на солею взбрести трудно, ноги не слушаются; старость, знаете, пора костямъ на покой“, — заключаетъ онъ съ тихою невозмутимою улыбкою. Прошли и св. пасха, и лѣто, праздники Преображенія Господня и св. Александра невскаго, — онъ всегда у своей службы, у службы Божіей, ровный, спокойный, свое дѣло дѣлающій, не жалующійся, не унывающій, не падающій духомъ и смысломъ, всегда съ другими, съ нами со всѣми, всегда, — разумѣется, когда прилично, — спокойно улыбающійся.

Вотъ и праздникъ Божіей Матери казанской. При архипастырѣ вмѣстѣ съ нами въ послѣдній разъ предстоялъ онъ Божію престолу. Въ этотъ день онъ былъ благодушнѣе, можно сказать, даже веселѣе, чѣмъ когда-либо. Благодушно и свѣтло бесѣдовалъ онъ о событіяхъ, которыя его сердцу ближе, чѣмъ очень многимъ изъ насъ, о которыхъ мрачно задумываются многіе, а онъ разсуждалъ спокойно съ свѣтлою вѣрою въ непреложность опредѣленій Божіихъ. Дома вечеромъ со своими родными былъ также благодушенъ. По утру все утро занимался дѣлами, — писалъ. — Въ послѣднее время самые близкіе люди говорили ему: „киньте ваши занятія: они васъ утомляютъ“. — „А что я буду дѣлать“,

возражаетъ онъ, — „я къ нимъ привыкъ; мнѣ будетъ скучно и тяжело, сложивъ руки вѣкъ доживать“. Такъ по утру, въ день смерти, онъ все утро у себя въ кабинетѣ писалъ, велѣлъ заложить коня, чтобъ ѣхать къ обѣднѣ и вышелъ къ роднымъ въ свою приемную. Въ ожиданіи звона къ обѣднѣ при родныхъ сѣлъ въ кресло и сталъ читать вынесенную въ рукахъ бумагу, читалъ, остановился, рука спокойно опустилась, голова тихо склонилась къ плечу. Заложенная телѣга подана, но въ эту минуту онъ переступалъ уже съ телѣги жизни на невидимую колесницу посмертную. Ему брызнули въ лицо водою: блѣдное, спокойное лицо не пошевелилось. Безъ стона, безъ тяжкаго вздоха онъ уснулъ... тѣломъ, а духъ его вознесся на той колесницѣ въ обители горнія, въ храмъ Бога живаго нерукотворенный, къ литургіи небесной, идѣ-же есть самъ Христосъ, одесную Бога сѣдя, окруженный сонмами небожителей и воспѣваемый хорами ангеловъ.

Къ высокой прелести этой мирной кончины хорошаго человека и христіанина не доставало только одной легкой черты, чтобы уснулъ онъ, прибывъ въ церковь, присѣвъ у подножія престола Божія въ алтарѣ.

Не правда-ли, это какъ разъ тотъ вѣрный, мудрый и блаженный рабъ, котораго Господь его и нашъ поставилъ на почетное мѣсто въ дому своемъ, *его-же пришедъ Господинъ его обрѣте его право*, по заповѣди Господней *творяща*, *его-же* и тамъ *поставитъ* на высокомъ мѣстѣ, *надъ имъиѣмъ своимъ*?

Что-же намъ тутъ дѣлать? съ благословеніями провожать умершаго? Съ любовію помолиться о упокоеніи души его? Это мы и дѣлаемъ, для этого и собрались.

Но вотъ что еще сдѣлаемъ. Выслушаемъ до конца урокъ нашего Спасителя: *аще-ли же речетъ злый рабъ той въ сердцѣ своемъ: коснитъ — медлитъ Господинъ мой прійти и начнетъ бити клеветы своя, — творить неправды, ясти-же и пити съ пѣяницами, — жить безпечно и распутно, — приидетъ Господинъ раба того въ день, въ который не чае, и въ часъ, въ который не знаетъ: и растешетъ, — разсѣчетъ его пополамъ, и часть его, долю его, положитъ вмѣстѣ съ невѣрными*.

Подумаемъ о себѣ, дѣлаемъ-ли мы съ вами дѣло, хорошо-ли дѣлаемъ, не обижаемъ-ли свою братію, не живемъ-ли только въ свое собственное удовольствіе, безъ мысли о службѣ Богу и человѣчеству?

Подумаемъ, гдѣ наша доля будетъ за гробомъ? Не съ невѣрными-ли? А тамъ будетъ худо: *ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ*, по слову нашего Господа и Судіи.

ПОУЧЕНІЕ

въ день святителя и чудотворца Николая и высокото-
ржественный день тезоименитства благовѣрнаго государя
цесаревича и великаго князя Николая Александровича.

О ПРИНОШЕНІЯХЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ДУХОВЕНСТВА.

Благотворенія и общенія не забывайте. Таковыми бо жертвами благоугождается Богъ. Повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь: тѣмъ бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще, да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе. Нѣсть бо полезно вамъ сіе. (Евр. 13, 16—17).

Сущность христіанскаго пастырства, его долга и тяготы св. апостолъ Павелъ указываетъ въ томъ, что пастыри, священнодѣйствуя, въ то-же время суть наставники, что они наставляютъ своихъ пасомыхъ, что пекутся о душахъ ихъ и обязаны отдавать отчетъ какъ на землѣ предъ Богомъ и церковію, такъ и на страшномъ судѣ предъ Судіею праведнымъ и церковію праведниковъ, на небѣ въ книгѣ жизни написанныхъ, не только за себя, но и за другихъ, за души своихъ пасомыхъ. Посему апостолъ и увѣщаетъ христіанъ не только повиноваться своимъ духовнымъ наставникамъ и покоряться имъ, но и не забывать ихъ, не забывать какъ всю христіанскую нуждающуюся братію, такъ и тѣмъ болѣе труждающимся въ словѣ и ученіи, не забывать своими благотвореніями и общеніемъ въ своемъ достаткѣ, чтобы духовные наставники съ радостію исполняли свой долгъ пастырскаго попеченія, а не воздыхая, — не воздыхая подъ гнетомъ вещественной

нужды и подъ давлениемъ непокорства своихъ духовныхъ чадъ. При чемъ св. апостолъ Павелъ указываетъ, что таковыми жертвами благоугождается Богъ; что если христіане не забываютъ своихъ духовныхъ наставниковъ, какъ и всю нуждающуюся братію, благотвореніями и общеніемъ отъ своего имущества, то таковыя жертвы благоугодны Богу, что наоборотъ, если духовные пастыри творятъ свое дѣло попеченія о душахъ своей паствы не съ радостію, а вздыхая, то это не полезно и пасомымъ.

Теперь принято вопить на весь свѣтъ, что пастыри духовные худо исполняютъ свой долгъ, мало учатъ, слабо пекутся о душахъ своихъ пасомыхъ, какъ будто они и забыли, что обязаны дать отчетъ предъ Богомъ и обществомъ за свою паству. На это замѣчу только вкратцѣ, что какъ древле-вселенская церковь дала цѣлый рядъ великихъ и святыхъ учителей вселенной и святителей—пастырей Христова стада, въ родѣ святителя и чудотворца Николая, великаго благодѣтеля человечества, такъ и русская православная церковь не преставала производить великихъ пастырей—учителей отъ святителей Михаила и Иларіона и до Димитрія и Тихона и до Иннокентіевъ и Филаретовъ. Но это свѣтила въ мірѣ, это—Божіи избранники, цвѣты православнаго пастырства. Не всѣмъ-же суждено быть особливими Божіими избранниками. Тѣмъ не менѣе и все въ совокупности російское пастырство, съ епископствомъ, пресвитерствомъ и во Христѣ діаконствомъ, это въ своемъ родѣ пчелиный рой. Не велика рабочая сила—пчела. Имѣются между пчелами и трутни въ смыслѣ празднолюбія и малополезности. Но всѣ пчелы въ совокупности, смотрите, какая ощутительная сила. Смотрите, сколько въ совокупности у нихъ труда и какая громада отъ него плода. Не говоримъ, что своимъ медомъ пчелы услаждаютъ горе и нужду всего русскаго люда. Но смотрите, всѣ свѣчи въ Божіихъ храмахъ всея Руси изъ пчелинаго воску. Изъ него весь свѣтъ, возжигаемый въ нашихъ храмахъ отъ нашего усердія въ жертву Богу. Изъ него, главнымъ образомъ, созидаются всѣ стѣны нашихъ храмовъ, колокола, утвари, облаченія церковныя. Изъ него вырабатывается и духовный свѣтъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ. И долго вычислять все, что вырабатывается изъ пчелинаго воска. А что за животное пчела? Подобнымъ-же образомъ великъ-ли труженикъ и русскій священникъ? Не отрицаемъ воздѣйствія и русскаго человѣка на русскаго священника. Но русскій священникъ выработалъ русскаго православ-

наго человѣка. Не великъ трудъ русскаго священника, но онъ тысячекратнѣй, но онъ роевой, трудъ цѣлыхъ десятковъ тысячъ русскихъ священниковъ, работающихъ отъ Торнео до Алеутскихъ острововъ и Японіи, отъ Соловковъ до Карса и Самарканда. Да онъ и тяжекъ и благотворенъ и великъ этотъ трудъ. Слѣдовательно, если вы цѣните трудъ и дѣло православнаго русскаго человѣка, который создалъ русское государство (не нѣмцы-же или поляки, не татары-же или русскіе евреи, даже не молокане и раскольники русскіе *), съ своими анти-государственными стремленіями, его создали)—то дайте-же цѣну дѣлу и русскаго священника, который создалъ душу русскаго православнаго человѣка, который наставлялъ ее и настроилъ, который неусыпно денно—нощно заботится о ней, который и на страшномъ судѣ станетъ съ душами своихъ духовныхъ чадъ съ отчетомъ о нихъ и о себѣ: *се азъ и дѣти мои, Господи, ихже далъ еси мнѣ. Суди, Боже, и помилуй всѣхъ насъ, яко человеколюбецъ*. Слѣдовательно, отрицать трудъ русскаго духовнаго пастырства и пользу его для русской земли, это значило-бы отрицать дѣло солнца или дождя и пользу ихъ для русской-же земли: вишь, солнце, плохо ты свѣтишь и грѣешь, какіе трескучіе морозы на дворѣ; видишь, дождичекъ, какъ скудно ты поливаешь, видишь, какія засухи бываютъ... До сихъ поръ русскаго человѣка цѣлую тысячу лѣтъ учило, худо-ли, хорошо-ли, но единственно только русское пастырство и выдѣлало изъ него именно русскаго православнаго человѣка, создавшаго Россію. А свѣтскіе учителя только что теперь въ послѣдніе годы начинаютъ учить народъ, и посмотримъ еще, что-то они выдѣлаютъ изъ русскаго человѣка чрезъ тысячу лѣтъ, или даже ближе, и во что они превратятъ самую Русь святую...

Не станемъ говорить и о долгѣ послушанія, повиновенія, покорности духовной паствы своимъ духовнымъ пастырямъ. Это предметъ для нашей, и безъ того сложной бесѣды сегодня, слишкомъ обширный. Побесѣдуемъ частіе собственно о долгѣ паствы не забывать своихъ духовныхъ пастырей благотвореніями и общеніемъ въ имуществѣ, въ средствахъ содержанія. Побесѣдуемъ объ этомъ опять-же вслѣдствіе широкаго распространенія ложныхъ, неосновательныхъ, невѣжествен-

*) Православныя дѣти, отдаваемыя на воспитаніе финнамъ, изъ петербургскаго воспитательнаго дома, только по закону остаются православными, а по воспитанію лютеранами. Они молятся по-фински по лютеранскимъ книгамъ. *«Они усвоиваютъ себѣ даже и по мнѣ финскій типъ»*. (Церк. Вѣст. 1881 г., № 9, стр. 13). Такъ и русская православная вѣра вырабатываетъ типъ русскаго православнаго человѣка.

ныхъ понятій относительно этого предмета, въ средѣ не только язычествующихъ интеллигентныхъ мірянъ, но и добрыхъ христіанъ пасомыхъ, даже въ средѣ самихъ духовныхъ пастырей. Міряне кричатъ о ненасытной жадности духовенства, полагая, что трудъ ихъ долженъ быть чуть не даровой. А духовные жалуются на унижительность способовъ содержанія, на то, что они обречены равнодушіемъ общества на попрошайничество, на нищенское протягиванье руки за милостынею, за подаваніемъ...

Въ священной исторіи первый примѣръ вознагражденія священника за трудъ именно священства мы имѣемъ въ патріархѣ Авраамѣ и Мельхиседекѣ. Когда Авраамъ возвращался послѣ пораженія царей сеннаарскаго и другихъ, ему навстрѣчу вышелъ Мельхиседекъ, царь салимскій, который былъ и священникомъ Бога вышняго. Какъ священникъ, Мельхиседекъ вынесъ священные дары, хлѣбъ и вино въ срѣтеніе побѣдителю Аврааму и благословилъ его и сказалъ: *благословенъ Авраамъ отъ Бога всевышняго, Владыки неба и земли. И благословенъ Богъ всевышній, который предалъ враговъ твоихъ въ руки твои.* И Авраамъ, за изнесеніе священныхъ даровъ, за молитву и благословеніе, далъ Мельхиседеку десятину изъ лучшихъ своихъ добычъ (Быт. гл. 14; Евр. 7). Эта встрѣча, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, не была случайностію, но съ одной стороны, безъ сомнѣнія, служила выраженіемъ уже установившагося патріархальнаго обычая надѣлять священство десятиною; а съ другой, оказалась предначертаніемъ священства Левіина ветхозавѣтнаго, которому назначена была десятина со всего израильскаго народа по закону, и затѣмъ явилась прообразомъ первосвященника вѣчнаго Іисуса Христа и всего священства новозавѣтнаго.

Въ ветхо-завѣтной подзаконной религіи выдѣленіе десятины, какъ и другія приношенія въ пользу левитовъ и священниковъ были опредѣлены точными законоположеніями. Закономъ пророка Моисея требовались со всѣхъ приобрѣтеній народа, для жертвенника и жреца, разнообразные и одновременные начатки: требовались всѣ первенцы мужскаго пола (за нихъ полагался опредѣленный значительный выкупъ); требовались всѣ первородныя животныя мужскаго пола (чистыя представлялись въ скинію или во храмъ натурою, а за нечистыхъ животныхъ полагался опредѣленный выкупъ); требовались весь четвертый годовой плодъ молодого дерева, ежегодные начатки земныхъ произве-

деній, пшеницы и другихъ плодовъ, что по вычисленіямъ составляло отъ 60-й до 40-й части всего народнаго достоянія. За этимъ слѣдовали десятины, которыя давались отъ стадъ, садовъ и полей, какъ и со всего имущества. Десятины первоначально предоставлены были сполна колѣну Левіину, которому не назначалось надѣла особыхъ полей, хотя и отведено было 46 городовъ для жительства съ городскими предметами. Впослѣдствіи-же времени полная десятина принадлежала левитамъ только въ первый, второй, четвертый и пятый годъ, считая отъ юбилейнаго субботняго года; а въ третій и шестой годъ десятина раздѣлялась между левитами, вдовами, сиротами и всѣми нуждающимися. Сами левиты обязаны были въ свою очередь давать десятину священному роду Ааронову, собственно поколѣнію священниковъ. Кроме того изъ многочисленныхъ жертвъ, отъ жертвы всесоженія на долю жреца отдавалась кожа жертвы (теляца, овна, козла). Отъ жертвы о грѣхѣ и о преступленіи, кромѣ тука, все мясо козла или овна также поступало въ пользу жреца; изъ двухъ горлицъ одна, изъ голубей одинъ поступали также въ пользу жреца. Изъ жертвы спасенія или мира тукъ шелъ на жертвенникъ, грудь и правое плечо жрецу, все остальное жертвоприносящему. Изъ дара безкровнаго, муки, елея, ладана, вина, соли только часть принадлежала жертвеннику, остатокъ жрецу. Кроме того левиты и священники были не только слугами скинии, но и судіями народа вмѣстѣ съ Богоизбраннымъ судіею, котораго по временамъ воздвигалъ Господь. А разрѣшеніе многихъ судебныхъ дѣлъ сопровождалось опредѣленными жертвоприношеніями, изъ которыхъ большая часть шла опять-же въ пользу судящихъ левитовъ или священниковъ. Итакъ судите, что получалъ ветхо-завѣтный священникъ, или даже левитъ по закону, изреченному самимъ Богомъ. Колѣну Левіину, оглавленному священническимъ родомъ Аарона, принадлежали по закону, по точно опредѣленнымъ уставамъ, чуть не двѣ десятины всего народнаго достоянія.

И эти уставы были не только строгимъ предписаніемъ закона обрядоваго и юридическаго гражданскаго, но и заповѣдію нравственнаго закона Божія, излагаемаго у пророка Моисея въ высоко-трогательныхъ чертахъ. Изрекая заповѣди о соблюденіи субботняго юбилейнаго года, о совершеніи праздниковъ, о приношеніи жертвъ, Господь многократно повторяетъ: *да не явишия предо Мною тощъ. Моя бо есть вся земля. Шесть лѣтъ засѣвай землю твою и собирай произведенія*

ея, а въ седмый оставляй ее въ покое, чтобы питались отъ нея убоиіе изъ твоего народа, а остатками послѣ нихъ питались звѣри полевые. Шестъ дней дѣлай дѣла твои, а въ седмый день покойся, чтобы отдохнулъ волъ твой... Не изумляйтесь этому попеченію Бога Моисеева не только о нищихъ, убогихъ, но и о волахъ, о ослахъ, о звѣряхъ полевыхъ, даже беззащитныхъ деревьяхъ, которымъ безъ нужды угрожаетъ сѣкира: въ этомъ отношеніи у Моисея милосердіе Божіе является милосердіемъ Бога истиннаго, Бога высочайшаго, а жалостливость боговидца Моисея во многихъ отношеніяхъ далеко опередила препрославленную гуманность даже нашего цивилизованнаго вѣка. Такъ... чтобы отдохнулъ волъ твой,—заповѣдуетъ Господь Богъ у Моисея,—и оселъ твой, и упокоился сынъ рабы твоей и пришлецъ чужеродный. Три раза въ годъ празднуй Мнѣ. Наблюдай праздникъ опрьсноковъ въ назначенное время мѣсяца Авива: ибо въ ономъ ты вышелъ изъ Египта. И да не явишися предо Мною тощъ, съ пустыми руками. Моя бо есть вся земля (Исх. гл. 23). Всякое первородное, мужескъ полъ Мнѣ да будетъ. Всякаго первенца сыновъ твоихъ да искупиши: да не явишися предо Мною тощъ (Исх. 34). И сказалъ Господь Аарону: ты и сыны твои и домъ отца твоего съ тобою понесете на себѣ ирѣхъ за небрежность во святилищѣ. Отправляйте службу во святилищѣ и при жертвенникѣ, дабы не было впредь ипѣва моего на сыновъ Израилевыхъ. И братьевъ вашихъ левитовъ Я взялъ отъ сыновъ Израилевыхъ, и далъ ихъ вамъ въ даръ Господу, для отправленія службы при скинѣ свидѣнія. Я поручаю тебѣ наблюдать за возношеніями Мнѣ. Отъ всего, посвящаемаго сынами Израилевыми, Я далъ тебѣ и сынамъ твоимъ, ради священства вашего, уставомъ вѣчнымъ. Вотъ что принадлежитъ тебѣ изъ святынь великихъ, отъ сожигаемого: всякое приношеніе ихъ хлѣбное, и всякая жертва ихъ за ирѣхъ, и всякая жертва ихъ повинности, что они принесутъ Мнѣ. Это великая святыня тебѣ и сынамъ твоимъ. Все лучшее изъ елея и все лучшее изъ винограда и хлѣба, начатки ихъ, которые они даютъ Господу, Я отдалъ тебѣ. Всѣ первыя произведенія земли ихъ, которая они принесутъ Господу, да будутъ твоими. Всякій чистый въ домъ твоемъ можетъ псть это. Все, закланное въ землѣ Израилевой, да будетъ твоимъ. Все, разверзающее ложесна у всякой плоти, которую приносятъ Господу, изъ людей и изъ скота, да будетъ

твоимъ. Всѣ возносимыя святыни, которая возносятъ сыны Израилевы Господу, отдаю тебѣ и сынамъ твоимъ съ тобою, уставомъ вѣчнымъ. Это завѣтъ вѣчный предъ Господомъ, данный для тебя и потомства твоего съ тобою. Въ землѣ сыновъ Израилевыхъ ты не будешь имѣть удѣла, и части не будетъ тебѣ между ними. Я часть твоя и удѣлъ твой среди сыновъ Израилевыхъ. А сынамъ Левіи вотъ Я далъ въ удѣлъ десятину изъ всего, что есть у Израиля, за службу ихъ, за то, что они отправляютъ службы въ скинѣ свидѣнія. Это уставъ вѣчный въ роды ваши; среди-же сыновъ Израилевыхъ они не получаютъ удѣла (земельнаго надѣла). А вы, левиты, когда будете брать отъ сыновъ Израилевыхъ десятину, которую Я далъ вамъ отъ нихъ въ удѣлъ, то возносите изъ ней возношеніе Господу десятину изъ десятины. И вѣнчено будетъ вамъ это возношеніе ваше, какъ возношеніе отъ умна или отъ точила. Такъ и вы будете возносить возношеніе Господу изъ всѣхъ десятинъ вашихъ, которая будете брать отъ сыновъ Израилевыхъ, и будете давать изъ нихъ возношеніе Господне Аарону священнику (Числ. гл. 18). А Израилю Богъ заповѣдалъ чрезъ Моисея раба своего: когда поселитесь въ землѣ, которую Господь Богъ вашъ даетъ вамъ въ удѣлъ, и когда Онъ упокоитъ васъ отъ всѣхъ враговъ вашихъ; тогда какое мѣсто изберетъ Господь Богъ вашъ (для храма), чтобы пребывать имени Его тамъ, туда приносите все, что Я заповѣдую вамъ днесь: всесожженія ваши и возношеніе рукъ вашихъ, и все избранное по обѣтамъ вашимъ, что вы обѣщали Господу Богу вашему. И веселитесь предъ Господомъ Богомъ вашимъ, вы и сыны ваши, и рабы ваши, и левитъ, который посреди жилищъ вашихъ; ибо нѣтъ ему части и удѣла (земельнаго надѣла) съ вами.—Нельзя тебѣ псть въ жилищахъ твоихъ десятины хлѣба твоего, и вина твоего, и елея твоего, и первенцовъ крупнаго скота твоего, и мелкаго скота твоего, и всѣхъ обитовъ твоихъ, которые ты обѣщалъ, и добровольныхъ возношеній твоихъ и возношенія рукъ твоихъ. Но пшь сіе только предъ Господомъ Богомъ твоимъ на томъ мѣстѣ (у храма), которое избралъ Господь Богъ твой,—ты и сынъ твой, и дочь твоя, и рабы твои, и раба твоя, и левитъ, и чужеродный пришлецъ, который въ жилищахъ твоихъ, и веселитесь предъ Господомъ Богомъ твоимъ о всемъ, что дѣлалось руками твоими. Смотри, не оставляй

левица во все дни, пока будешь живъ на землѣ (Вт. 12). Эта заповѣдь не оставлять леви́та повторяется у Моисея многократно. Высыны Господа Бога вашего, люди святыя Господу Богу вашему. И лишь тамъ (свои приношенія у храма) предъ Господомъ Богомъ твоимъ, и веселись ты и семейство твое. И левица, который въ жилищахъ твоихъ, не оставь; ибо нѣтъ ему части и удѣла съ тобою. И пусть придетъ левица, ибо ему нѣтъ части и удѣла съ тобою, — и чужеродный пришлецъ и сирота и вдова, которые находятся въ жилищахъ твоихъ, и пусть подѣятъ и насыщаются, да благословитъ тебя Господъ Богъ твой во всякомъ дѣлѣ рукъ твоихъ (Вт. гл. 14). Когда ты придеши въ землю, которую Господъ Богъ твой даетъ тебѣ въ удѣлъ, и владѣешь ею и поселишься въ ней: то возьми начатковъ всѣхъ плодовъ земли, которые ты получиши отъ земли твоей, которую Господъ Богъ твой даетъ тебѣ, и положи въ корзину, и поиди на то мѣсто (храма), которое Господъ Богъ твой избретъ, чтобы пребывало тамъ имя Его. И прииди къ священнику, который будетъ въ тѣ дни, и скажи ему: исповѣдую днесь предъ Господомъ Богомъ твоимъ, что я всталъ въ ту землю, которую Господъ клялся отцамъ нашимъ дать намъ. Священникъ возьметъ корзину изъ руки твоей, и поставитъ ее предъ жертвенникомъ Господа Бога твоего. Ты-же отвѣчай и скажи предъ Господомъ Богомъ твоимъ: отецъ мой (Авраамъ) былъ странствующій Арамеанинъ и пошелъ (въ лицѣ Иакова) въ Египетъ и поселился тамъ съ немногими людьми, и произошелъ тамъ отъ него народъ великій, сильный и многочисленный. Но египтяне худо по-ступали съ нами и притѣсняли насъ и налагали на насъ работы жестокия. И возопили мы ко Господу Богу отцовъ нашихъ, и услышалъ Господъ вопль нашъ, и увидѣлъ бѣдство наше, труды наши, и уныненіе наше. И вывелъ насъ Господъ изъ Египта самою крѣпостію своею великою и рукою сильною и мышцею высокою (простертою), великимъ ужасомъ, знаменіями и чудесами. И привелъ насъ на мѣсто сіе, и далъ намъ землю сію, землю кипящую медомъ и млекомъ. И такъ вотъ я принесъ начатки отъ земли, которую Ты, Господи, далъ мнѣ, отъ земли кипящей медомъ и млекомъ. И поставь это, что ты принесъ, предъ Господомъ Богомъ твоимъ, и поклонись предъ Господомъ Богомъ твоимъ, и веселись о всѣхъ благахъ, которыя Господъ

Богъ твой далъ тебѣ и дому твоему, ты и левица и пришлецъ, который будетъ у тебя. Также когда ты отдѣлишь все десятины произведеній земли твоей, и отдашь леви́ту, пришельцу, сиротѣ и вдовѣ, чтобы они пили въ жилищахъ своихъ и насыщались; тогда скажи предъ Господомъ Богомъ твоимъ: я отдалъ отъ дома моего святыню, и отдалъ ее леви́ту, пришельцу, сиротѣ и вдовѣ, по всемъ повелѣніямъ твоимъ, которыя Ты заповѣдалъ мнѣ, и не преступилъ заповѣдей твоихъ и не забылъ. Я повиновался гласу Господа Бога моего, исполнилъ все, что Ты заповѣдалъ мнѣ. Призри-же съ небесе Божие, отъ храма святаго твоего и благослови люди твоя Израиля и землю, которую Ты далъ имъ, какъ клялся Ты отцамъ нашимъ дать намъ землю кипящую медомъ и млекомъ. Господъ Богъ твой заповѣщаетъ тебѣ исполнять все постановленія сіи и законы; соблюдай и исполняй ихъ отъ всего сердца твоего и отъ всей души твоей. Господу сказалъ ты нынѣ, что Онъ будетъ твоимъ Богомъ и что ты будешь ходить путями Его и хранить постановленія Его и заповѣди Его и законы Его, и слушать гласа Его. И Господъ обѣщалъ тебѣ нынѣ, что ты будешь собственнымъ Его народомъ, какъ Онъ говорилъ тебѣ, если ты будешь хранить все заповѣди Его, и что Онъ поставитъ тебя выше всѣхъ народовъ, которые Онъ сотворилъ, въ чести, славѣ и великолѣпнѣ, и что ты будешь святымъ народомъ у Господа Бога твоего (Вт. 26).

Такимъ образомъ заповѣди о пожертвованіяхъ на священниковъ и левитовъ глубоко неразрывнымъ образомъ связаны были, въ ветхозавѣтной подзаконной церкви, со всемъ строемъ богослуженія и обрядовъ, со всеми священно-историческими воспоминаніями, со всемъ укладомъ жизни израильскаго народа, со всеми благословеніями и обѣтованіями Божиими, данными сему народу, со всеми надеждами его на народную самостоятельность и благосостояніе. Внемлите себѣ, — многократно внушаетъ Богъ своему избранному народу, — да не оставиши леви́та во все время, дождеже еси живъ на земли, да благо тебѣ будетъ, и сыномъ твоимъ по тебѣ во вѣки, аще сотвориши се, еже угодно есть предъ Господомъ Богомъ твоимъ (Вт. 12).

Такъ было въ ветхозавѣтной церкви до самаго пришествія Христа на землю. Но подъ конецъ было только въ буквѣ закона, а духъ его уже исчезъ, духъ живой связи между священникомъ и левитомъ

съ одной стороны, и народомъ съ другой. Во время земной жизни Спасителя, ревнители иудейской старины, каковы были фарисеи, еще одесятствовали, — давали десятину съ мяты, аниса и тмина, оставляя важнѣйшее въ законѣ, судъ и милость и вѣру, тогда какъ сіе надлежало дѣлать и того не оставлять (Мат. 23, 23). Но первосвященники и священники были уже саддукеями, которые не вѣрили даже въ воскресеніе мертвыхъ, и хотя старались побольше брать съ народа, но народъ отупѣлъ уже въ невѣжествѣ и равнодушіи къ вѣрѣ отцовъ своихъ.

Иисусъ Христосъ принесъ на землю новый духъ вѣры вообще, и въ частности новый духъ отношеній между пастырями и пасомыми, даже въ частнѣйшемъ дѣлѣ вознагражденія пастырей за трудъ пастырства. Думаете-ли вы, что Христосъ не касался этого вопроса? Нѣтъ, разъяснилъ его и словомъ и дѣломъ. Въ ветхо-завѣтномъ законѣ Моисеевомъ подробныя заповѣди о приношеніяхъ на левитовъ были строго точными предписаніями закона вообще, закона не только нравственнаго, но и обрядоваго и гражданскаго, который вооруженъ былъ и соотвѣтственными карами на нарушителей. Такъ предписано было: *душа, яже еще спитъ отъ мяса жертвы спасенія и нечистота ея на немъ, погибнетъ душа она отъ людей своихъ* (Лев. 7, 20). Подобныхъ прещеній тяжкими карами въ законѣ Моисеевомъ весьма не мало. *Если по какому дѣлу затруднительно будетъ для тебя разсудить, — то прійди къ священникамъ и левитамъ и поступи по слову, какое они скажутъ тебѣ на томъ мѣстѣ, которое избретъ Господь (для храма), и постарайся исполнять все, чему они научатъ тебя, и по опредѣленію, какое они скажутъ тебѣ, поступи и не уклоняйся ни направо, ни налево отъ того, что они скажутъ тебѣ. А кто поступитъ такъ дерзко, что не послушаетъ священника, стоящаго тамъ на служеніи предъ Господомъ Богомъ твоимъ, тотъ долженъ умереть: и такъ истреби зло отъ Израиля* (Вт. 17, 8—12). Всѣ приношенія на священниковъ и левитовъ были точно опредѣленною законно-обязательною платою за труды ихъ. *Сіе мзда вамъ есть*, — предписывалъ Моисей въ законѣ священникамъ и левитамъ (Чис. 18, 31), — *за службы ваши въ скинии святии*. Господь Иисусъ Христосъ не упразднилъ этотъ законъ Моисеевъ о вознагражденіи священниковъ, не уничтожилъ даже понятіе мзды или платы; но только все это перевелъ съ почвы юридической

на почву нравственнаго закона. Слушайте вотъ заповѣдь Христову и сравнивайте съ закономъ Моисеевымъ. *Идите, — говоритъ Иисусъ Христосъ своимъ апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь евангелія* (Лук. 10). *Вотъ Я посылаю васъ. Не берите ни мѣшка, ни сумы, ни обуви. Въ какой домъ войдете, сперва говорите: миръ дому сему. И если тамъ будетъ сынъ мира, то почиетъ на немъ миръ вашъ. А если нѣтъ, то къ вамъ возвратится. Въ домъ-же томъ оставайтесь, пийте и пейте, что у нихъ есть: достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея. И если придете въ какой городъ, и примутъ васъ, пийте, что вамъ предложатъ, и говорите: приблизилось къ вамъ царствіе Божіе. Если-же придете въ какой городъ и не примутъ васъ, то вышедши на улицу скажите: и прахъ, прилипшій къ намъ отъ вашего города, отрясаемъ вамъ. Сказываю вамъ, что Содому въ день оный отраднѣе будетъ, нежели городу тому. Пріемлющій васъ Меня пріемлетъ, а отвергающій васъ Меня отвергаетъ и Того, кто послалъ Меня. Кто напоитъ васъ чашею студеной воды, во имя мое, аминь злаголю вамъ, не погубитъ мзды своея.* Видите, здѣсь въ словахъ Господа есть и мзда дѣлателямъ, труждающимся въ проповѣди евангелія; есть и прещеніе на тѣхъ, кто отвергается ихъ; есть и обѣтованіе награды тѣмъ, кто ихъ пріемлетъ. Но эта мзда, въ устахъ Спасителя, обязательна нравственно, а не юридически. Это прещеніе грозитъ казнью отъ Бога, а не прямою гражданскою казнью.

Свое ученіе Господь Иисусъ освятилъ и собственнымъ примѣромъ. Выходя самъ на проповѣдь евангелія, Онъ не бралъ съ собою ни мѣшка, ни сумы, ни обуви. По обычаю бѣдныхъ современниковъ, Онъ пѣшествовалъ босыми стопами, много что въ сандаліяхъ (какъ и изображается на св. иконахъ). Хотя Онъ проповѣдывалъ: *покайтесь, приблизится царствіе небесное*. Входя въ домъ, Онъ привѣтствовалъ присутствующихъ благословеніемъ мира: *миръ дому сему, миръ вамъ* (Іоан. 20, 20). И если приходилъ въ какой городъ и домъ и Его принимали, Онъ вкушалъ, что Ему предлагали. Такъ Онъ трапезовалъ у Маттея и Закхея мытарей, у Симоновъ фарисея и прокаженнаго, вообще ѣлъ и пилъ съ мытарами и грѣшниками, присутствовалъ на брачномъ пиру въ Канѣ галилейской, любилъ отдыхать у гостепріимныхъ Мары и Маріи и брата ихъ Лазаря, своего друга; конечно, находилъ виталище и въ Іерусалимѣ, вѣроятно, въ домѣ Зеведея. Но такъ какъ при Немъ

неотступно находились и двѣнадцать избранныхъ апостоловъ, а питаться всѣмъ имъ только случайнымъ гостепріимствомъ было затруднительно, то нѣкоторыя благотворительныя особы поддерживали Господа съ Его апостолами своими пожертвованіями, служа Ему отъ имѣній своихъ, каковы были св. жены мироносицы, Марія Магдалина и другія. Но этого мало. Одинъ изъ дванадцати учениковъ Христовыхъ, Іуда Симоновъ Искаріотскій, отчасти изъ непредосудительной, даже похвальной предусмотрительности, отчасти же изъ погибельнаго корыстолюбія, догадался завести и ковчежецъ, въ которомъ и носилъ вметаема, т. е. говоря по-просту, собиралъ подаянія. Однако же самъ Господь до поры не отвергалъ, даже не осуждалъ такого сбора. Несомнѣнно, что этими подаяніями пользовались не только прочіе апостолы, но и самъ Господь, отчасти для собственнаго пропитанія, а отчасти для вспоможенія другимъ нуждающимся. Такъ въ исторіи жены самарянки мы видимъ, что ученики Христовы ходили въ городъ Сихарь, да брашно купятъ, купить пици, и воротившись съ покупкою приглашали своего Учителя кушать (Іоан. 4, 8 и 31). Въ исторіи насыщенія пяти тысячъ, Іисусъ, возведши очи и увидѣвъ, что множество народа идетъ къ Нему, говоритъ Филиппу: *иди намъ купить хлббовъ, чтобы ихъ накормить?* Филиппъ отвѣчалъ Ему: *имѣла бы девять динаріевъ недовольно будетъ хлба* (очевидно, такой суммы не было въ распоряженіи апостольской общины), *чтобы каждому изъ нихъ досталось хотя по немногу.* А Андрей, братъ Симона Петра, говоритъ: *здесь есть у одного мальчика пять хлббовъ и двѣ рыбки.* Очевидно, у самихъ апостоловъ въ пустомъ мѣстѣ не было заготовлено ничего съѣстнаго. А этотъ мальчикъ не былъ ли разносчикъ, у котораго предполагалось купить его скудный запасъ къ скудному обѣду священнѣйшей общины 13 лицъ, самаго Господа съ 12 апостолами? На тайной вечерѣ, когда Іисусъ сказалъ Іудѣ таинственное слово: *еже твориши, сотвори скоро*, сего слова никто изъ возлежащихъ апостоловъ не понялъ, къ чему Онъ сказалъ это Іудѣ. А какъ у Іуды былъ ковчежецъ, въ которомъ онъ носилъ вметаема подаянія, то нѣкоторые изъ учениковъ подумали, что Іисусъ говоритъ ему: *купи, что намъ нужно къ празднику, или, чтобы Іуда далъ что нибудь нищимъ*, о которыхъ онъ такъ, повидимому, печалеся (Іоан. 13, 27—29). Не на эти ли подаянія Петръ и Іоаннъ уготовали и пасху? А приготовленіе іудейской пасхи стоило не дешево (Лук.

22, 1—13). Не усматриваете ли вы теперь, что въ этой священной общинѣ, оглаваемой самимъ Христомъ, было уже зерно Христовой церкви, съ вольными приношеніями на нее и съ ея благотвореніями нуждающимся?

У святаго апостола Павла этотъ вопросъ раскрытъ всесторонне и въ высшей степени назидательно. Уже тогда, въ апостольскія времена, были завистливыя очи, которыя зазирали, и злобные языки, которые злословили самихъ апостоловъ за то, что они пропитываются въ счетъ вѣрныхъ. Апостолъ Павелъ уже защищаетъ и защищаетъ себя и своихъ сотрудниковъ, по евангельской проповѣди, отъ этихъ злыхъ укоровъ и коварныхъ зазираний. Этого предмета онъ касается во многихъ мѣстахъ своихъ писаній, но главное—9-я глава перваго посланія къ коринѣянамъ. *Развѣ я не апостолъ? Вотъ мое защищеніе противъ осуждающихъ меня. Развѣ мы не имѣемъ власти ѣсть и пить? Какой воинъ служитъ когда-либо на своемъ содержаніи? Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ его? Кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада? По-человѣчески ли только я это говорю. Не то же ли говоритъ и законъ Божій? Ибо въ Моисеевомъ законѣ написано: не обратиши устенъ (не полагай обрати на ротъ) у вола молотящаго. О волахъ ли печется Богъ? Или, конечно, для насъ служъ Божіихъ это говорится? Да, такъ, это для насъ написано. Ибо кто пахнетъ землею, долженъ пахать съ надеждою на урожай, и кто молотитъ, долженъ молотить съ надеждою получить орождаемое. Если мы посяли въ васъ и для васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное? Развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища? Что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ евангеліе жить отъ благоустроенія. Если другіе имѣютъ у васъ власть, не паче ли мы? Однако мы,—прибавляетъ лично о себѣ св. апостолъ Павелъ,—не пользовались сею властію, но все переносимъ, дабы не поставить какой преграды благоустроенію Христову. Я не пользовался ничѣмъ таковымъ, и написалъ сіе не для того, чтобы такъ было для меня, (а для другихъ моихъ сотрудниковъ). Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожилъ мою похвалу.*

Извѣстно, что апостолъ Павелъ, при высокомъ своемъ званіи римскаго гражданина, при происхожденіи изъ высшихъ родовъ еврейскихъ

и при обширномъ образованіи, былъ въ тоже время и ремесленникъ, по нашему столяръ, а въ частности скинотворецъ. Это ремесло помогало ему соблюдать строго свою апостольскую честь, при трудахъ апостольской проповѣди. Путешествуя по разнымъ странамъ для проповѣди, онъ старался ни отъ кого ничѣмъ не пользоваться, чтобъ не навлекать на свое апостольство укора въ корыстности или тунеядствѣ. Такъ въ прощальной рѣчи къ ефесскимъ пресвитерамъ онъ говоритъ: *ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ. Сами знаете, что нуждамъ моимъ и бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ трудяся, работая собственными руками, надобно поддерживать слабыхъ, никому не подавая повода къ укорамъ, и памятовать слово Господа Иисуса. Ибо Онъ самъ сказалъ: блаженіе есть нече даяти, нежели приимати* (Дѣян. 20, 33—35). Такъ и къ солунянамъ пишетъ онъ, разъ и два: *помните, братіе, трудъ нашъ и изнуреніе: ночью и днемъ работая, чтобы не отяготить кого изъ васъ, мы проповѣдывали у васъ благовѣстіе Божіе* (1 Сол. 2, 9). *Мы не безчинствовали у васъ, ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ. Но тутъ-же прибавляетъ: это не потому, что мы не имѣли власти* (питаться отъ поучаемыхъ), *но чтобы себя самихъ дать вамъ въ образецъ для подражанія намъ* (2 Сол. 3, 7—9), такъ какъ появились между солунянами безчинники, которые ничего не дѣлали, а суетились, которыхъ св. апостолъ Павелъ увѣщаетъ, *чтобъ они ѣли свой хлѣбъ, работая въ безмолвіи. Относительно-же остальныхъ пастырей онъ-же проситъ тѣхъ-же солунянъ, чтобъ они уважали трудящихся у нихъ предстоятелей своихъ о Господѣ, которые вразумляютъ ихъ, и имѣли ихъ въ преимущественной любви и въ попеченіи за дѣло ихъ* (1 Сол. 5, 12—13). И епископу ефесскому Тимоѳею апостолъ Павелъ даетъ наставленіе, что достойно начальствующимъ пресвитерамъ должно оказывать сугубую честь (какъ въ обращеніи съ ними, такъ и въ довольствованіи), особенно тѣмъ, которые трудятся въ словъ и ученіи. Ибо писаніе говоритъ, въ ветхомъ завѣтѣ Моисей: *вола молотяща не обротиши* (не заграждай рта у вола молотящаго), и въ новомъ завѣтѣ самъ Господь Иисусъ Христосъ: *достоинъ дѣлатель мзды своея* (1 Тим. 5, 17—18). Никто, ставъ воиномъ, не связывается куплями, вообще дѣлами житейскими,

чтобъ угодить военачальнику. Трудящемуся земледѣльцу первому подобаетъ вкусить отъ плодовъ. Разумѣй, что я говорю. Да дастъ тебѣ Господь разумнѣе во всемъ (2 Тим. 2, 4—7). Апостолъ Павелъ разумѣетъ здѣсь не иное что, какъ власть, или властное право пресвитеровъ получать содержаніе отъ своихъ пасомыхъ; но говоритъ прикровенно потому, что тогда самая вѣра вѣрныхъ окружена была еще густою мглою и невѣрія и маловѣрія, и уже ересей и недоразумѣній и хуленій, которыя дерзали вздыматься даже на чистоту служенія самихъ апостоловъ.

Но и самъ апостолъ Павелъ, какъ ни усиливался избѣгать случаевъ чѣмъ-либо попользоваться отъ ново-просвѣщаемыхъ учениковъ, однако-же, когда видѣлъ доброхотство, доброхотство не только по силѣ, но и паче силы, когда ученики отдавали ему, какъ и Богу, не только все свое, но и себя самихъ (2 Кор. 8, 3—5), когда готовы были, если-бы было можно, исторгнуть очи свои и отдать ему (Гал. 4, 15), — то пользовался и страннопріимствомъ и гостепріимствомъ доброхотствующихъ, на что есть множество указаній въ священномъ писаніи (Дѣян. 16, 34; 1 Кор. 18, 8—9). Апостольскими своими руками работалъ онъ для собственного пропитанія только до тѣхъ поръ, пока эти руки не были связаны. Но когда онъ очутился въ узахъ, то съ одной стороны неволя, а другой любовь къ своимъ ученикамъ вынудили его принимать пожертвованія, за которыя онъ хвалитъ съ величайшею трогательностію особенно филиппійцевъ. *Я весьма возрадовался о Господѣ, — пишетъ онъ къ нимъ, — что вы уже вновь начали заботиться обо мнѣ. Вы и прежде заботились, но обстоятельства вамъ не благоприятствовали. Говорю это не потому, что нуждаюсь: ибо научился быть доволенъ тѣмъ, что у меня есть. Умною жить и въ скудости, мною жить и въ изобиліи. Научился всему и во всемъ: быть въ сытости и терпѣть голодъ, быть и въ обиліи и въ недостаткѣ. Все могу о укрѣпляющемъ меня Иисусѣ Христѣ. Впрочемъ вы хорошо поступили, принявъ участіе въ моей скорби. Вы знаете, филиппійцы, что и въ началѣ благовѣствованія, когда я вышелъ изъ Македоніи, ни одна церковь не оказала мнѣ участія подаяніемъ и принятіемъ, кроме васъ однихъ. Вы и въ Солунѣ (гдѣ апостолъ находилъ нужнымъ никому ничѣмъ не одолжаться) и разъ и два присылали мнѣ на мою нужду. Говорю это не потому, чтобы я искалъ подаянія;*

но ищу плода въ пользу вашу. Я получилъ все и избыточествую. Я доволенъ, получивъ отъ Епафродита посланное вами, какъ благовонное куреніе, жертву пріятную, благоугодную Богу. Богъ-же мой да восполнитъ всякую нужду вашу, по богатству своему въ славу, Христомъ Іисусомъ (Филип. 4, 10—19). Самъ довольствуясь малымъ, апостоль Павелъ желалъ, чтобъ и сослужители его по евангельской проповѣди не превращали свое право довольствоваться отъ паствы въ средство корысти. Удаляйся отъ такихъ,—писалъ онъ къ епископу ефесскому Тимоѳею,—которые думаютъ, будто благочестіе служитъ для прибытка. Великое пріобрѣтеніе быть благочестивымъ и довольнымъ. Ибо ничего мы не принесли въ міръ сей; явно, что ничего не можемъ и вынести изъ него. Имѣя-же нищю и одѣяніе, симъ будемъ довольны (1 Тим. 1, 5—8).

Въ заботѣ-же относительно довольствованія соапостоловъ, пресвитеровъ и вѣрныхъ нуждающихся, св. апостоль Павелъ вездѣ и всѣхъ, словомъ и писаніемъ, возбуждалъ къ благотворительности. *Доброе творя,*—писалъ онъ къ галатамъ (6, 9—10),—*да не унываемъ: ибо въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ. Итакъ доколь есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ, наипаче-же приснымъ въ вѣрѣ.* Уже въ свое время онъ старался организовать и оградить точными правилами сборъ милостыни на церковь, чтобъ не было затрудненій и взаимнаго недоверія. *Касательно сбора для святыхъ,*—писалъ онъ къ коринѣянамъ (1 Коринѣ. 16, 1—4),—*поступайте такъ, какъ я установилъ въ церквахъ галатійскихъ. Въ первый день недѣли (по воскресеньямъ) каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволитъ ему состояніе, чтобъ не дѣлать сборовъ, когда я приду. Когда-же приду, то которыхъ вы изберете, тѣхъ отправлю съ писмами, для доставленія вашего подаянія во Іерусалимъ. А если прилично будетъ и мнѣ отправиться, то они со мною пойдутъ. Самъ апостоль Павелъ остерегался, чтобы не подвергнуться отъ кого нареканію при обиліи приношеній, впрямыхъ его служенію. Почему и имѣлъ при себѣ особаго сборщика, избраннаго отъ церквей, для сопутствія ему, для собиранія благотвореній. Этого, какъ и другихъ довѣренныхъ сборщиковъ посылалъ онъ и по всѣмъ церквамъ. При чемъ убѣждалъ всѣхъ и каждого, впрочемъ довольно настойчиво, дать доказательство любви своей, какъ благословеніе, а не какъ поборъ. При семъ скажу,—писалъ онъ къ*

коринѣянамъ (2 Корин. гл. 8—9), *кто съетъ скупю, скупю и пожнетъ; а кто съетъ щедро, щедро и пожнетъ. Каждый удѣляй по расположенію сердца, не съ огорченіемъ, ни съ принужденіемъ. Доброхотна-бо дателя любитъ Богъ.*

Итакъ Господь Іисусъ Христосъ и апостолы Его не уничтожили ветхій заветъ въ новомъ, а только восполнили, обобщили для всего человечества, очистили отъ особенностей мѣста, времени и еврейской національности, только усовершили, утончили и возвысили. Возвысили какъ вообще во всемъ, такъ и въ уставахъ относительно приношеній на храмъ и на священство. Въ новомъ заветѣ устранено только ветхозавѣтное возношеніе кровавыхъ жертвъ на жертвенникъ Господень, хотя и не отклонены вообще животныя приношенія. Устранены юридическія казни за погрѣшности въ приношеніяхъ на храмъ и священство. Но не отклонена нравственная обязательность этихъ приношеній. Не устранена нравственная отвѣтственность христіанъ за отклоненіе отъ этихъ приношеній. Не устранены власть и право церкви и священства на довольствіе отъ паствы; требуется только, чтобы сборъ на нихъ былъ благословнымъ доброхотствомъ со стороны мірянъ, а не поборами со стороны духовенства.

Такъ это дѣло и организовалось въ церкви, начиная, съ апостольскаго вѣка, какъ располагалъ его св. апостоль Павелъ. Въ первенствующей апостольской церкви въ Іерусалимѣ первые вѣрующіе установили было даже общеніе имуществъ: всѣ весь свой достатокъ полагали къ ногамъ апостоловъ на ихъ святую волю. Послѣ чего устроены были какъ для апостоловъ, такъ и для всѣхъ вѣрующихъ, даже общія трапезы. Но этотъ порядокъ продержался и тамъ, повидимому, только до перваго разсѣянія іерусалимскихъ христіанъ послѣ скорби, бывшей при Стефанѣ, тотчасъ послѣ побіенія камнями первомученика архидіакона Стефана и перваго гоненія на всѣхъ вѣрныхъ. Въ другихъ-же церквахъ установился порядокъ, заимствованный отчасти изъ ветхаго завета и утвержденный распоряженіями апостола Павла. Такъ, главнымъ образомъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, вѣрные приносили, кто что могъ, въ общія церковныя собранія, и полагали къ ногамъ епископовъ и пресвитеровъ. Что требовалось для евхаристіи, то возлагалось на христіанскій жертвенникъ,—отсюда наименованіе—просфора, приношеніе. А прочіе начатки, мясо, хлѣбъ, соль, овощи, медъ, молоко, всякія вещицы и денежныя приношенія вручались епи-

скопамъ, пресвитерамъ и діаконамъ. Изъ ветхаго завѣта перешло и удержалось самое названіе этихъ приношеній—начатки (ап. прав. 3). Безъ сомнѣнія, не только съ апостольскихъ временъ, но даже изъ ветхаго завѣта идетъ обычай дѣлать приношенія послѣ всякаго особо нужнаго вѣрнымъ и торжественнаго священнодѣйствія, каковы въ ветхозавѣтной церкви разныя по разнымъ случаямъ жертвы, а въ православной церкви причащеніе, крещеніе, браковѣнчаніе, похороны, поминовеніе усопшихъ и т. д. Въ русской церкви усердіе святаго благовѣрнаго великаго князя Владиміра попыталось было утвердить даже ветхозавѣтную десятину. Однако-же десятина не привилась къ мало-вѣрью и жестосердію тогдашняго полуязыческаго русскаго люда. Тѣмъ не менѣе и на Руси скоро и прочно утвердились и окрѣпли приношенія на храмъ, приношенія всякаго рода начатковъ и подаянія послѣ всякаго, особо нужнаго христіанамъ священнодѣйствія, проще сказать, послѣ всякаго требоисправленія.

Любезные братья сопастыри! Умоляю васъ моленіемъ первоверховнаго по Христѣ пастыреначальника нашего св. апостола Петра, — какъ сопастырь вашъ умоляю: *пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе его не нуждею и принужденіемъ, но волею, ниже ради неправедныхъ прибытковъ, но усердно ради Бога, ради Христа.*

Но любезные братья сопастыри! Не увлекайтесь и моднымъ ложнымъ стыдомъ. Не стыдитесь протягивать вашу руку за платою за вашъ трудъ. Полководецъ, профессоръ, адвокатъ, лѣкарь, сапожникъ, плотникъ и всѣ и всѣ не стыдятся протягивать руку за платою, за служенною трудомъ. А вашъ трудъ не легче. О вашемъ трудѣ самъ Христосъ и апостолы сказали: *достойна дѣлатель мзды своея*. Апостолъ Павелъ сказалъ о насъ даже то, что *никтоже, воинъ бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ*. Никто изъ насъ, ставъ ратникомъ Божіимъ, служа и угождая пастыреначальнику вождю нашему Христу, не можетъ связываться дѣлами и куплями житейскими. Священнодѣйствуя, мы должны питаться отъ святилища; служа алтарю, мы имѣемъ право и власть дѣлиться съ алтаремъ. Не стыдитесь-же протягивать руку за подаяніемъ, даже за милостынею Христа ради. За подаяніемъ протягивали благословляющую руку Мельхиседекъ и Ааронъ, самъ Христосъ Господь и святые Его апостолы. Не стыдитесь собирать грошами съ просфоръ, подаваемыхъ на жертвенникъ, — это продолженіе жертвоприношеній ветхо-

завѣтныхъ; это искаженное восполненіе обильной просфоры къ жертвенникамъ христіанскимъ въ первые вѣка христіанства. Не стыдитесь собирать крупичами меду на поминкахъ кутьею, калачами и крендельками, мясными обрывками и красными яйцами во св. пасху, яблоками и вообще древесными фруктами въ преображеніе, животною живностью по осени, кудельками льна, горстями зерна, ложечками масла и млека огустѣвшаго и пр.; все это такъ называемые начатки не только апостольскихъ, но даже еще ветхозавѣтныхъ временъ, которые тогда или въ точно опредѣленномъ, или въ добротномъ, но великомъ обиліи приносились къ порогу храма Господня, въ пользу жреца и священника. Не стыдитесь протягивать руку за вознагражденіемъ послѣ cadaго требоисправленія за вашъ трудъ, — это Богомъ благословенная мзда ваша за ваше священное дѣланіе ради Бога и церкви Его. Не стыдитесь вкушать пищу и питье у вашихъ пасомыхъ во дни торжествъ, послѣ требоисправленій и во всякое время у доброхотовъ; это завѣтъ имъ отъ самаго Бога, данный еще въ ветхомъ завѣтѣ; это примѣръ для васъ самаго Христа и апостоловъ, даже заповѣдь: *входяще въ домъ малоолите: миръ дому сему, и ядите предлагаемая вамъ*, призывая благословеніе Божіе на вашихъ благотворителей. Не стыдитесь даже вызывать доброхотство къ пожертвованіямъ на церковь, на себя, на свою братію. Это даже долгъ вашъ. Такъ поступали, и вамъ поступать заповѣдали святые апостолы. *Аще мы духовная съемъ мірянамъ, велико ли, аще тѣлесная имъ пожнемъ?* Это наше право. Это наша власть. *Достойна духовный дѣлатель мзды своея*. Смотрите только, сѣйте духовное. Смотрите только, чтобы ваши сборы были благословеніемъ, и съ вашей стороны благословеніемъ, и со стороны дающихъ благословеніемъ, а не принудительными ветхозавѣтными поборами, которые теряютъ всякую нравственную цѣну въ очахъ Божіихъ.

Братіе христіане! Поймите отсюда, какъ далеко ушло наше время отъ духа и обычая не только древней апостольской ново-завѣтной, но даже ветхозавѣтной церкви Божіей. Тогда міряне всѣ и все несли съ готовностію сами къ подножію алтаря Господня. Поймите, что духовенство никогда не получало менѣе и не жило скуднѣе нашего времени (за исключеніемъ, быть можетъ, татарскаго погрома), сравнительно съ общимъ благосостояніемъ, съ возрастающими потребностями и способами ихъ удовлетворенія. Поймите, насколько проникнуты Хри-

стовымъ духомъ эти вопли интеллигенціи, да и всего народа о ненасытности духовенства. Поймите, откуда это, что всѣ разсужденія правящихъ круговъ объ улучшеніи быта духовенства — только слова, слова и слова, совсѣмъ праздна и даже вредныя слова. Поймите, откуда эта незабывчивая жадность чиновничества, даже — неслыханное дѣло! — торгашества отнять у духовенства послѣдніе немногіе прочныя клоки, на которые опирается благосостояніе церквей, монастырей и другихъ церковныхъ учрежденій, особенно монастырей. „О! Эти монастыри богаты“... Откуда это злорадство?!... Эти злоупотрепенія вырвать у насъ что-либо, не то чтобы дать?! Откуда это ожесточеніе искони христіанскаго нашего народа, который самъ уже не многое несетъ охотно и щедро ко храму Господню, свѣчку — и ту тащить въ церковь поддѣльную, купленную за дешевую цѣну въ лавкѣ у торгаша, — который попускаетъ, который вынуждаетъ своего священника, дѣйствительно какъ презрѣннаго нищаго, бродить подъ окнами и выпрашивать дѣйствительно милостыню, буквально нищенскую подачку?! Когда всякій безъ исключенія прихожанинъ обязанъ довольствоваться своего духовнаго пастыря и давать ему достойную мзду Христа ради, а не нищенскую подачку?! Отчего, отчего, откуда, — безъ конца эти откуда и отчего...

Се же глаголю: спяй скудостію — скудостію и пожнетъ, а спяй о благословеніи о благословеніи и пожнетъ. Кійже до подавай, якоже изволеніе имать сердцемъ, не отъ скорби, ни отъ нужды. Доброхотна бо дателя любитъ Богъ. Дающаго рука не оскудѣетъ. Иже аще напоитъ единая отъ ученикъ Христовыхъ чашею студены воды, токмо во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не поубитъ мзды своей (Мат. 10, 42). Это слова Христовы.

А если-бы мы сохранили стародавній старо-русскій обычай добротнаго даянія на церковь и ея служителей, то сняли-бы одну изъ тягостнѣйшихъ думъ и неразрѣшимыхъ заботъ съ сердца благочестивѣйшаго государя нашего императора, которому, какъ и тезоименитому нынѣ наслѣднику его, попросимъ у Бога долгихъ лѣтъ, здравія и благоденствія, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Аминь.

1881 г.

ВОЗЗВАНІЕ.

Всѣмъ православнымъ христіанамъ бого-спасаемаго града Одессы миръ и Божіе благословеніе.

Вамъ извѣстно, что христіанская благотворительность къ послѣднему времени принимаетъ иной видъ, отличный отъ обычая нашихъ предковъ, соблюдаемаго въ раздаваніи милостыни и всяческихъ пособій бѣднымъ. Въ старые годы среди православнаго народа всегда была, какъ и нынѣ по селамъ и деревнямъ бываетъ, въ употребленіи, главнымъ образомъ, поручная милостыня, при чемъ нищія ходили и ходятъ по домамъ, улицамъ и площадямъ, стояли и стоятъ подъ окнами жилищъ, на особо проходныхъ мѣстахъ, на папертяхъ храмовъ, у вратъ церковныхъ и т. д. Нынѣ-же такой способъ выпрашиванія милостыни и вспоможенія признается неудобнымъ, особенно-же для городовъ; почему всякаго рода бѣдные и устраняются со всѣхъ публичныхъ мѣстъ. Однако-же и въ наше время бѣдныхъ не стало меньше, чѣмъ было въ прежніе годы. Нищета, которой и нынѣ очень много, теперь только меньше видна потому, что волею-неволею скрывается въ убѣжищахъ всякой бѣдности, частныхъ или общественныхъ. Бѣдность и въ наше время также, какъ и въ былые годы, вынуждена питаться, одѣваться, обогреваться больше или меньше въ счетъ dobroхотныхъ подаваній отъ милостыни людей, которыхъ благословилъ Богъ самихъ избыть отъ нищеты. Лучшимъ способомъ благотворенія бѣдствующему человечеству признана въ настоящее время благотворительность общественная, правильно организованная и огражденная извѣстными уставами. Въ этихъ видахъ существуетъ и уже не мало лѣтъ благотворно дѣйствуетъ законно учрежденное общество для помощи бѣднымъ г. Одессы.

Къ сожалѣнію, въ послѣднее время замѣчается нѣкоторое охлажденіе гражданъ г. Одессы въ доставленіи средствъ для исполненія намѣченныхъ обществомъ цѣлей. Почему, въ виду обращенія ко мнѣ общества въ лицѣ его руководителей, о содѣйствіи христіанскому дѣлу благотворенія, я долгомъ своимъ призналъ, примѣнительно къ суще-

ствующимъ законоположеніямъ, преподать благословеніе членамъ сего общества учинить единовременный сборъ, не стѣняя однакоже законно разрѣшенныхъ постоянныхъ соборовъ, на бѣдныхъ всего нашего города, по всѣмъ градскимъ церквамъ. Для сихъ добрыхотныхъ поданій мною назначенъ именно сей день памяти иже во святыхъ отца нашего Николая, муръ-ликійскаго чудотворца, чтобы напомнить православнымъ христіанамъ о семъ величайшемъ благотворителѣ страждущаго челоѣчества, который, по словамъ церковныхъ пѣсней, *всю вселенную назираетъ, всѣхъ обидимыхъ избавляетъ, гонимыхъ теплымъ предстатель, скорбящихъ божественная радость, избавитель готовый, хранитель спасительный, свѣтлая звѣзда, яже сіяніемъ бо-гопріятныхъ своихъ молитвъ разгоняетъ всегда тьму напастей и скорбей, пристанище тихое, въ немъ притекающе одержиміи тревоженіями житія спасаются*. Напоминаемъ вамъ о семъ великомъ милостивцѣ, къ коему мы сами такъ часто притекаемъ за милостію, чтобы расположить сердца всѣхъ васъ къ милосердію.

Помни каждый, что въ наше время болѣе, чѣмъ въ старое время, *тебѣ, имущему какой-либо достатокъ, оставленъ есть нищій. Сиру ты буди помощникъ*. Помоги каждый по силѣ. Всякъ подай, если можешь, златницу кинсонную, а не можешь, то и лепту или двѣ. Знаешь, что евангельская вдовица, ввергнувъ только двѣ лепты, принесла жертву большую и лучшую всѣхъ потому, что отъ великаго усердія своего принесла все, что имѣла. Какъ эту вдовицу никто не нудилъ, такъ и тебя здѣсь никто-же не нудитъ. Подай отъ добраго сердца, не скорбію, не отъ принужденія. *Доброхотна бо дателя любитъ Богъ*. Поданная тобою здѣсь милостыня, повѣрь, дойдетъ и до бѣдности, истинной, развѣданной бѣдности, и до Бога. Дошедши до бѣдныхъ, она сотворитъ тебѣ въ нихъ отъ мамоны неправедной, скоро-преходящей, тлѣнной, друзей молитвенниковъ на небѣ, которые помогутъ тебѣ взойти въ вѣчные кровы въ обителяхъ царства небеснаго. А до Бога дошедши, она сдѣлаетъ должникомъ тебѣ самаго Бога, по слову Божію, что *милуйи нища взаимъ даетъ Богови*. Отецъ-же небесный не останется у тебя въ долгу: Онъ заплатитъ тебѣ сторицею и на небѣ и на землѣ, такъ какъ *рука дающаго не оскудѣетъ*, по Божію обѣтованію и благословенію. Знай, что полагая свою жертву на сіе блюдо, на меньшую братію, ты подаешь самому Христу.

ПОУЧЕНІЕ

въ день столѣтняго поминовенія въ Бозѣ почившаго благочестивѣйшаго великаго государя императора Александра I, 12-го декабря 1877 года, въ уфимской градской Александро-невской церкви, заложенной самимъ Благословеннымъ.

Празднуя столѣтній юбилей со дня рожденія въ Бозѣ почившаго благочестивѣйшаго государя императора Александра I, благословеннаго, мы поставляемся въ почтительномъ, — болѣе того, въ благоговѣйномъ, болѣе того — въ благоговѣйно-удивленномъ созерцаніи предъ личностію, которая была не только однимъ изъ величайшихъ историческихъ дѣятелей, самодержцевъ, воителей, политиковъ, законодателей, носителей и представителей образованія, эстетики и гуманности, вѣрнѣйшихъ слугъ высшаго обширнѣйшаго долга, — личностію, которая была однимъ изъ сердобольнѣйшихъ милосердыхъ людей, привлекательно-очаровательныхъ людей, — къ которой наиболѣе приложимо слово міроваго поэта: „человѣкъ онъ былъ,“ — но предъ личностію, которая была въ своемъ родѣ почти единственною въ мірской исторіи, да, единственною для своего исключительно-высокаго мірскаго положенія, одиночною въ смыслѣ именно христіански-психологическомъ, въ смыслѣ исканія высшаго нравственнаго совершенства, глубочайшаго преклоненія предъ идеаломъ христіанской любви, въ смыслѣ незаглушимой тоскливости по отечеству горнему, въ смыслѣ тяготѣнія не къ землѣ, а отъ земли къ небу... Въ русской исторіи мы знаемъ властителей того-же духа и направленія въ лицѣ только благочестиваго царя Θεодора Іоанновича, въ лицѣ святыхъ великихъ князей Александра невскаго и равноапостольнаго Владиміра; а въ европейской французской исторіи видимъ только Людовика IX. Но сіи благочестивыя, стремившіяся къ святости личности шли къ небу, по духу своего вѣка, проще, откровеннѣе, прямѣе и, быть можетъ, бы-

стрѣ. Зато онѣ не являютъ въ себѣ ни того широкаго развитія духа, ни того совмѣщенія въ духѣ несовокупимыхъ контрастовъ, ни того психическаго трагизма, какіе поражаютъ насъ въ Александрѣ благословенномъ.

Не находя для него равенствъ въ исторіи мірской, мы усматриваемъ для него три, четыре аналогіи въ исторіи священной; усматриваемъ тамъ не равенства, — такъ какъ сравниться съ величайшими по святости лицами трудно, — а именно аналогіи, которыя проливаютъ свѣтъ на загадочную и пока неразгаданную личность благословеннаго. И такъ какъ сегодня на всемъ пространствѣ широкой Россіи, предъ очами десятковъ и сотенъ тысячъ слушателей, наши лучшіе умы наводятъ на героя дня тысячи свѣточей, конечно своихъ, мірскихъ, съ разныхъ обыкновенно-историческихъ точекъ зрѣнія; мы же, по свойству нашего служенія и сего священнаго мѣста, обязаны навести для васъ, на тотъ-же возвышенный предметъ, свѣточъ именно священный, съ точки зрѣнія не исторіи администраціи или каноники церковной, что умѣстно и предположено сегодня-же въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а именно съ точки зрѣнія божественнаго откровенія и освѣщаемой имъ человѣческой психологіи, — то и поставимъ личность Александра благословеннаго, для освѣщенія ея свѣтомъ богооткровеннымъ, между сосредоточенными на нее зеркалами нѣкоторыхъ священно-историческихъ аналогій.

(Затѣмъ сдѣлана краткая характеристика нѣкоторыхъ чертъ изъ жизни и дѣятельности Моисея, Іліи, Давида, Соломона и апостола Павла).

Всѣ сіи черты всѣхъ сихъ возвышеннѣйшихъ и святѣйшихъ личностей, въ большей или меньшей мѣрѣ, могутъ быть приложены и къ Александру благословенному.

Мы сказали, что душа его исполнена была контрастовъ, отчего и судьба его полна поражающаго трагизма, — полна того страданія, о которомъ близкій къ престоламъ мыслитель сказалъ, что если много страдаютъ люди обыкновенные въ скромной долѣ, то тѣмъ болѣе страдаютъ вѣнценосцы, сѣдящіе на престолѣ.

Сынъ наслѣдника, самъ наслѣдникъ престола, внукъ вѣнценосной бабки, повелительницы обширнѣйшаго въ мірѣ царства, самой великой, образованной и мудрой изъ женщинъ, какая когда-либо возсѣдала на престолѣ, богато одаренный отъ природы тонкимъ разумѣніемъ, Але-

ксандръ благословенный наученъ былъ, крайне заботливо, всей мудрости своего вѣка, подъ высоко мудрымъ, просвѣщеннымъ и предусмотрительно-благонамѣреннымъ вліяніемъ своей бабки, подъ строго-религіознымъ воздѣйствіемъ своего горячаго сердцемъ отца, подъ наставническимъ руководствомъ возвышеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ европейскихъ и русскихъ умовъ. Но какъ Моисей въ мудрости египетской, такъ и Александръ въ своемъ высокомъ образованіи не узрѣлъ Бога отцовъ своихъ. По крайней мѣрѣ, это самъ онъ признавалъ. По указанію бабки, воспитатели указывали ему Бога. Но малозначительный, неблестящій отечественный законоучитель его тонулъ тѣнью въ прославленномъ блескѣ главнаго наставника его, велико ученаго мужа, либерала, даже республиканца по родинѣ и по убѣжденію, философа XVIII вѣка, который ставилъ себѣ задачею руководить своего царственнаго питомца, будущаго самодержца святой православной Руси, — если не по буквѣ, то по духу естественной религіи и буколическаго міровоззрѣнія Руссо и другихъ, только-что не безбожныхъ философовъ того-же XVIII вѣка. Но образъ Божій, который силились начертать на скрижаляхъ не столько ума, сколько сердца царственнаго отрока, въ духѣ этой естественно-философской религіи, расплывался въ неуловимомъ туманѣ болѣе улаждающихъ, чѣмъ устрашающихъ и строго обязывающихъ правоученій привлекательно-гуманной, но нестѣснительной морали, которая, исключая всякую, особенно-же пугающую догму, допускала широкія сдѣлки не только съ чувственностію, не только съ эгоизмомъ, но и съ жесткимъ произволомъ, во имя общественной всегда, а нерѣдко и личной пользы и необходимости. Между тѣмъ обаяніе такого, во многомъ прекраснаго и даже возвышеннаго воспитанія одѣло нѣжную отъ природы душу питомца такимъ чарующимъ, вызывающимъ призраки и иллюзіи туманомъ, что только грозы послѣдующей обильной бурями жизни мало-по-малу развѣяли это очарованіе.

Какъ Ілія на горѣ Хоривѣ, Александръ благословенный съ той высоты, на которой судьба поставила его самымъ рожденіемъ, въ дѣтствѣ и ранней юности видѣлъ, какъ на вершинахъ человѣческихъ обществъ легкій сначала вѣтеръ моднаго французскаго острословія и смѣхотворства, осмѣивающаго дворскіе обычаи, семейныя обязательства, уставы и учрежденія церкви, — вѣтеръ мало-по-малу крѣпчавшій уже въ философско-критическомъ мышленіи, отрицавшемъ личное божество и промыслъ, исторію и догматы христіанства, обязательства и уроки

христианской нравственности, предписанія о покорности и преданности родителямъ, о вѣрности супружеской, — вѣтеръ болѣе и болѣе ожесточавшійся, мало-по-малу охватывавшій и низменности человѣческаго общества, превратившійся наконецъ въ яростный вихрь, — видѣлъ, какъ этотъ вихрь началъ сокрушать горы, какъ съ самой высшей вершины тогдашняго человѣческаго общества полетѣло внизъ, разбиваясь, все легкое, — какъ потряслись всѣ учрежденія гордой французской монархіи, — какъ падали головы не только высшей знати, но и королевскія, — какъ рухнулъ тронъ Людовиковъ XIV, XV, XVI; какъ разнесены были опозоренные латинскимъ фарисействомъ алтари, — какъ, ужаснувшись этого вихря, сама мудрая Екатерина ухватилась за жестокія мѣры стѣсненія мысли, — какъ ограждался отъ него рѣшительный Павелъ I, — какъ колебались и въ Россіи стародавній духъ отцевъ, стародавніе отеческіе уставы, обычаи и нравы, самый говоръ отечественный, самый языкъ прирожденный, замѣненный говоромъ иностраннымъ, который сталъ роднымъ нашему перерождавшемуся вельможеству и дворянству. Видѣлъ все это благословенный, и сильнѣйшій изъ этихъ впечатлѣній юности остался тяжелымъ призракъ его воображенія до минуты смерти. Видѣлъ, но Бога не усмотрѣлъ въ этомъ вихрѣ, потому что въ немъ для неуглубленнаго взора явно было пока только торжество нечестія, а рука Божія, попускавшая это торжество, пока еще была сокрыта.

Видѣлъ далѣе, какъ за грознымъ вихремъ послѣдовало землетрясеніе, которое колебало уже не только вершины, но и основы человѣческихъ обществъ, — какъ народы возстали на самыя досточтимыя, священные и неприкосновеннѣйшія историческія учрежденія, — какъ на престолѣ Бога Вседержителя посажена была богиня разума въ лицѣ нескромной женщины, — какъ стала работать гильотина надъ десятками тысячъ человѣческихъ головъ, — какъ избивались поголовно населенія цѣлыхъ городовъ, — какъ ниспровергались древнія царства въ Италіи, въ старо-германской имперіи, въ Пруссіи, Даніи, Нидерландахъ, Испаніи, — какъ папа изъ ватиканскаго духовно-мірскаго владыки, духовно-мірскаго самозваннаго намѣстника Божія на землѣ, превращенъ былъ, руками духовныхъ сыновъ своихъ, во французскаго узника, — какъ соборъ св. Петра въ Римѣ едва не превратился въ языческій пантеонъ, — какъ во Франціи корсиканскій римско-католическій отступникъ отъ Христа вознесенъ былъ на императорскій тронъ, и изъ рукъ самаго

папы коронованъ былъ вѣнцомъ Карла великаго, — какъ этотъ консуль-императоръ, громко отрицавшій ниспровергнутое христианство въ принципѣ, вводилъ его, какъ государственную религію, своими покровительственными декретами, — какъ посылалъ упорствовавшихъ въ безбожіи своихъ генераловъ въ церкви приказами главнокомандующаго, и величался прозвищемъ возстановителя алтарей. Видѣлъ это благословенный; но и тутъ еще трудно было усмотрѣть Бога; и тутъ была еще оргія нечестія, странно рядившагося въ священную мантию историческаго христианства.

Съ содроганіемъ видѣлъ затѣмъ, какъ загорѣлись нескончаемыя войны, какъ запылали города и веси, какъ зардѣлась по землѣ кровь миллионовъ юнаго, крѣпкаго человѣчества, истерзаннаго страшнымъ богомъ войны, истерзаннаго для миража славы, а въ сущности для насыщенія тщеславія честолюбца, который не скрывался, что смотритъ на своихъ воиновъ, какъ на пушечное мясо. Александръ, властитель громадной имперіи, рыдалъ чуть не кровавыми слезами, видя на поляхъ Аустерлица массы своихъ войскъ избитыми, чувствуя со стыдомъ и горестію неодолимость воинскаго генія Наполеона. А послѣ побоищъ Прейсишъ-Эйлау и Фридланда, гдѣ навалены были цѣлыя груды побитыхъ воиновъ, нашихъ и чужихъ, благословенный вынужденъ былъ не только уступить силѣ этого роковаго генія, но и не безъ сочувственной почтительности преклониться предъ его небывалою въ мірѣ высотой, даже увлечся его обаяніемъ и подъ его чарами вершить міровыя дѣла, вопреки своимъ склонностямъ и, какъ оказалось, даже ползаямъ государства.

Но и въ этомъ пламени войны благословенный пока еще не прозрѣлъ Бога. Напротивъ, это была та наиболѣе опасная година предъ грознымъ 12-мъ годомъ, когда „мы, ни во чтоже вѣнчивше отеческая преданія, прогнѣвляли Бога отцевъ преклоненіемъ предъ преданіями чужеродными, когда мы ревновали о наставленіяхъ иноземцевъ, въ которыхъ увидѣли затѣмъ враговъ буйныхъ и звѣронравныхъ“. И только когда запылалъ староотеческій престольный градъ, полная старо-русской святыни и всякихъ священно-историческихъ преданій Москва, — только въ заревѣ Москвы, по приснопамятному слову самаго благословеннаго, онъ узрѣлъ Бога, — Бога не только общечеловѣческаго, въ неуловимыхъ очертаніяхъ, но и Бога отцевъ своихъ, въ ясныхъ и опредѣленныхъ свято-отеческихъ завѣтахъ.

Конечно и здѣсь, какъ Моисей на Синаѣ, благословенный узрѣлъ Бога не лицомъ къ лицу, — „не бо узрѣть челоуѣкъ лице Божіе и живъ будетъ“, — но узрѣлъ только задняя грозной сокрушающей славы Божіей, когда супостатъ нашъ показалъ намъ свой хребетъ, когда ледяныя пустыни широкой Руси, отъ Москвы до Вильны, врагъ усталъ сотнями тысячъ своихъ изуродованныхъ труповъ, когда благословенный самолично нашелъ, въ виленскомъ госпиталѣ и около него на площадяхъ и улицахъ, цѣлыя скирды уже гнилыхъ вражескихъ труповъ, а между ними множество и полусогнившихъ, искаженныхъ, зловонныхъ и заразныхъ, хотя еще и живыхъ. Яснѣе-же, ощутительнѣе узрѣлъ онъ Бога, когда по многимъ, хотя и естественнымъ, но промыслительно направленнымъ, а сверхъ того и по нѣкоторымъ таинственнымъ указаніямъ свыше, преодолевъ тысячи преткновеній, поставленныхъ ему на пути не только врагами, но и друзьями, достигъ онъ Парижа и благоговѣнно поклонился Богу отцовъ своихъ на молебствіи въ первый день свѣтлой пасхи, на площади Согласія, гдѣ не такъ давно пала голова мученика-короля Людовика XVI, и посажена была на престолъ Божій позорная богиня разума. Тутъ, да, и мы русскіе увидѣли, и „все народы видѣша въ насъ, что Богъ небесный есть единъ Богъ, и нѣсть развѣ Его, что Онъ убіетъ и жити сотворитъ, и нѣсть, иже изметъ изъ руку Его“...

Но самое исканіе Бога истиннаго, — исканіе, которому благословенный такъ усиленно, такъ порывисто, такъ неотступно предавался во всю остальную свою жизнь, свидѣлствуетъ, что душа его еще не была насыщена вѣрою, достойною боговидѣнія. Для этого онъ долженъ былъ пережить еще много тяжкихъ уроковъ, чтобы разочароваться во всемъ земномъ и воспарить душою къ небу.

Трудами, страданіями и самопожертвованіемъ освободивъ Европу отъ ненавистнаго французскаго ига, возстановивъ древніе престолы, усиливаясь связать народы, царей и царства священнымъ союзомъ христіанской любви, стремясь направить народы къ развитію, въ духѣ исторіи, въ духѣ свободы христіанской, примиренной съ покорностію исторической, богопоставленной власти, въ духѣ сыновней любви къ бого-вѣнчанымъ монархамъ, — благословенный, за свои благія дѣла и желанія, встрѣчалъ нерѣдко кругомъ, особенно-же внѣ русскаго отечества, мягкія слова на языкѣ, и опасную неблагодарность на дѣлѣ. Когда врагъ поносилъ, онъ, какъ Давидъ, переносилъ это; когда не-

навистникъ величался передъ нимъ, онъ употреблялъ свои мѣры укрыться отъ его превозношенія. Но стало невыносимо и для его благодушія, когда стали коварствовать противъ него друзья и союзники. И ему невыносимо тяжело было увѣриться опытомъ, что уста ихъ были мягче масла, а въ сердцахъ ихъ злые умыслы, — что слова ихъ были нѣжнѣе елей, но приходилось беречься ихъ, какъ острыхъ стрѣлъ, какъ обнаженныхъ сокрытыхъ мечей. Обязанный ему трономъ Людовикъ XVIII оскорблялъ его совѣмъ не по-царски. Союзники, которыхъ царства были возстановлены имъ отъ разгрома, тотчасъ по минованіи бѣды, разставили было ему коварную сѣть, въ которую онъ не запутался, благодаря только указаніямъ убѣждавшаго съ Эльбы своего недавняго врага. Главный руководитель будто-бы дружественной политики, Меттернихъ, и на гробъ его кинулъ мягкое, какъ елей, но острое и ѣдкое, какъ отравленная стрѣла, слово: „кончился романъ *), теперь начинается исторія“. Отраднѣе-ли было сознаться, что жертвуя собою и своими благотворителѣмъ чужимъ противъ ихъ воли?!...

Сколько положилъ онъ сердечныхъ усилій, особенно въ первую половину царствованія, дать не только благоустройство, но и свободныя учрежденія своимъ народамъ? Польскому народу онъ и далъ было такую широкую свободу, какой тотъ не имѣлъ при своихъ природныхъ короляхъ. У сердца своего, у кормила правленія, многіе годы онъ оторывалъ... не скажемъ — польскую змѣю, но польскаго заклатаго патріота, который мечталъ его руками оторвать полъ-Россіи до Днѣпра, для своей ойчизны, и не оторвалъ, благодаря во-первыхъ, если только не исключительно, отважному гражданскому мужеству русскаго патріота-мыслителя. А легко-ли было склониться предъ этимъ мужествомъ подданнаго предусмотрительности и великодушію самодержца, который мнилъ привязать искони враждебный народъ любовію къ своему престолу? Въ нѣдрахъ самой Руси, въ одной части любителей старины, онъ слышалъ громкій ропотъ на отважность нововведеній, видя въ то-же время, какъ Давидъ видѣлъ въ свою пору, беззаконіе и распри, обманъ и лихоимство, не мало бѣдъ и золъ, въ городахъ и весяхъ по всему широкому пространству царства, отъ самаго нестроенія въ законахъ и въ соотношеніи властей; а въ другой части мечтательныхъ новолюбцевъ, къ крайнему изумленію и отвращенію, открылъ тайныхъ черно-неблагодарныхъ ему, за его благость, враговъ, первоначальни-

*) Произвольное, согласно идеалу, сочиненіе жизни народовъ.

ковъ той крамолы, которая силится ниспровергнуть весь государственный, завѣщенный исторіей порядокъ. Душа благословеннаго была потрясена, и глубокое уныніе проводило его даже во гробъ, ускоривъ самую кончину этого благостнѣйшаго вѣнценосца.

Превосходно воспитанный въ юности высоко-мудрою своею бабкою, Александръ благословенный и въ мужескомъ возрастѣ, какъ Соломонъ мудрый, вдалъ свое сердце, чтобъ испытать мудростію все, что дѣлается подъ небомъ, особенно-же то, что нужно сдѣлать для своего мало-образованнаго, въ огромномъ большинствѣ, темнаго народа. Въ этомъ стремленіи онъ, кромѣ того, что лучшія сокровища наукъ и искусствъ имѣлъ подъ руками въ своихъ престольныхъ городахъ, и осматривалъ собственными очами въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ; кромѣ того, что входилъ въ личныя и иногда даже близкія сношенія съ самыми славными служителями наукъ и искусствъ за границу, — онъ и въ своемъ государствѣ окружилъ было себя высшими, какіе только оказались, умами, изъ которыхъ немногіе и дѣйствительно были высокими. Но многіе и изъ этихъ приближенныхъ оказались по испытаніи далеко ниже его идеала. Другіе-же при этомъ еще искали въ немъ только ласковыхъ улыбокъ и корыстнаго поощренія. Вышій изъ дружественныхъ умовъ измѣнилъ не государству и государю, но крайними порывами преобразовательной фантазіи измѣнилъ государственному благоумію, а свободою языка — тонкому дружеству, которымъ вѣнценосный самодержецъ почтилъ своего подданнаго. Другой чуть самъ не остылъ къ высокой чести царственной дружбы, по несходству идей и убѣжденій относительно строенія царствъ какъ русскаго, такъ и особенно польскаго, и чуть не остудилъ къ себѣ царственного друга отважнымъ словомъ гражданскаго мужества. А кругомъ и около не только въ Европѣ, но и на Руси, поднимали голову разглагольствія умниковъ, которые были и порожденіемъ и источникомъ революціи. И пришлось благословенному, подъ конецъ жизни, удаливъ отъ себя почти все, что было умственно-свѣтлаго, сдѣлать своею правою рукою человека, котораго всѣ признавали за умственно-ограниченнаго и узко-сердечнаго, чтобъ онъ осуществлялъ принципы управленія умами, противные заявленнымъ склонностямъ благословеннаго, его кротости, его гуманности, но признанные имъ необходимыми и спасительными по духу вѣка, по измѣнившимся къ концу его жизни, вслѣдствіе опыта, его убѣжденіямъ, — человека, который, по мрачной жесткости своихъ

дѣйствій, будетъ всегда темной тѣнью свѣтлой личности благословеннаго. Конечно такому психическому измѣненію благословеннаго были глубокія причины, и глубочайшею изъ нихъ было то, что онъ, какъ Соломонъ, вынесъ изъ жизни горестный опытъ, что во множествѣ мудрости много печали и приложивый разумъ приложить себѣ болѣзнь, — что камень и дерево не страдаютъ, животное страдаетъ только физически — по тѣлу, дикарь только по тѣлу и весьма мало по духу, а человекъ душевно-развитый страдаетъ и по тѣлу, но безконечно больше по духу, — что особенно развитые умы, страдая самымъ излишествомъ своего развитія, по невозможности приложить его практически къ дѣлу, смущаютъ спокойствіе народовъ мечтательными планами общаго переустройства и будущаго всеобщаго благоденствія на землѣ, обѣщая впереди счастье, которое невозможно вѣрно предусмотрѣть, а въ настоящую минуту производя только погрязенія и разрушеніе, — что конечный выводъ всякой истинной, много испытанной смиренной мудрости: „Бога бойся и заповѣди Его храни“, — въ этомъ истинная задача и истинное счастье всякаго человека.

Отъ всѣхъ подобныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ причинъ, — „никто-же-бо вѣсть, яже въ человекѣ, точію духъ человека, живущій въ немъ“, — отъ разнообразныхъ разочарованій на всѣхъ путяхъ жизни, отъ несоотвѣтствія возвышеннѣйшихъ идеаловъ съ низменною всегда дѣйствительностію кругомъ и около, и во-первыхъ въ себѣ самомъ, благословенный подпадалъ двойственному духу унынія, какъ естественно-человѣческому духу тоскливости и недовольства жизнію, которыми страдаютъ именно возвышеннѣйшія наиболѣе развитыя души, болѣе или менѣе далекія отъ духа Христова, — такъ и тому особенно христіанскому духу смиреннѣйшаго самоуничиженія, который лучшимъ искателямъ высшаго христіанскаго совершенства указываетъ мѣсто въ первыхъ рядахъ грѣшниковъ, подсказывая кающемуся сердцу ихъ: „отъ нихъ же первый есмь азъ“. Онъ былъ первый по времени, не дѣланый, не искусственный, а настоящій носитель болѣзни, — конечно, всегдашней, общечеловѣческой, но эпидемически-повальной именно въ его и послѣдующее за нимъ время, — болѣзни байронизма, который пожиралъ лучшія сердца особенно его и послѣдующаго за нимъ поколѣнія, хотя имѣлъ свои гекатомбы жертвъ и во всѣ вѣка. Онъ былъ Прометей нашего, въ нѣкоторыхъ кругахъ до болѣзненности развитаго вѣка, — Прометей, который силится низвести огонь и свѣтъ съ неба на темную землю,

но прикованный по ногамъ и рукамъ къ холодной, мракомъ одѣтой скалѣ, вынужденъ былъ чувствовать, какъ воронъ міровой тоски клюетъ его сердце. И чтобъ этотъ воронъ тоски не истерзалъ его до душевнаго изнеможенія, ему свыше предназначена была, какъ истинный даръ небесъ, какъ благословеніе и завѣтъ отца, какъ психическая для него необходимость, близость не безъ лести преданнаго друга, который между многими своими безспорными дарованіями и дѣйствительными заслугами предъ царемъ и отечествомъ имѣлъ дѣйствительную заслугу и рѣдкое дарованіе, терпѣливо, постоянно и искусно-мѣтко, напоминать благословенному о его міровыхъ подвигахъ, о его безсмертной славѣ, о всеобщемъ его боготвореніи, чѣмъ поддерживалъ въ немъ бодрость нести свое царственное бремя до предопредѣленнаго конца. Отсюда объясняются въ благословенномъ его давидовскіе порывы, выразившіеся въ этомъ вѣковѣчномъ стихѣ: „о! кто далъ-бы мнѣ крылья, какъ у голубя! И улетѣлъ-бы я и упокоился! Далеко, далеко унесся-бы и водворился, бѣгая отъ многоятежнаго міра, въ пустыню, тамъ, вдали отъ міра, чая Бога спасающаго отъ малодушія и отъ бури страстей“. Отсюда его мечты оставить царство и водвориться въ тихомъ уединеніи, въ тѣсномъ кругу лучшихъ избранныхъ друзей — отшельниковъ-же отъ міра, съ подругою отъ лучшихъ весеннихъ дней жизни, императрицею, и лицомъ къ лицу съ безмятежною природою, на тихомъ берегу моря, гдѣ-либо примѣрно въ Крыму, гдѣ въ послѣдніе свои дни онъ и искалъ мирнаго уголка, по своей мечтѣ, а нашелъ противъ чаянія безвременную могилу, — по крайней мѣрѣ, приобрѣлъ недугъ, безременно сложившій его на смертный одръ, въ осуществленіе, и въ этомъ по внѣшности блестящемъ, а въ сущности печальномъ жребіи, апостольскаго слова: „не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ“. Отсюда его порывы искать и обрѣсти Бога, найти опору своему мятущемуся духу, порывы постоянные, хотя и не всегда счастливые. Какъ древніе израильскіе вожди, судіи и цари, онъ обращался туда и сюда, и въ скинію свидѣнія и въ иныя святилища, вопрошая Бога о судьбахъ Его, въ испытаніяхъ своего громоноснаго царствованія, въ колебаніяхъ тогдашняго обще-человѣческаго духа между вѣрою и невѣріемъ. И было, что въ своихъ исканіяхъ нападалъ онъ и на Бога посланнаго Михея, но нерѣдко встрѣчалъ пророковъ и иного духа, самозванно попадавшихъ на его царственномъ пути. Такъ искалъ онъ божественнаго свѣта для себя

и своего народа даже въ іезуитской общинѣ, которая, вмѣсто ожидаемаго внѣдренія обще-христіанскихъ началъ, внѣдряла въ русское юношество ненависть къ родной русской церкви, — искалъ и въ библейскихъ обществахъ, которыя, распространяя біблію, не забывали сѣять сѣмена и свободного произвола въ толкованіи слова Божія, — и въ масонскихъ ложахъ, которыя, обѣщая открыть воочію таинственный загробный міръ, вмѣсто того открывали искренней прямотѣ нерѣдко даже не самообольщеніе, а просто обманъ, — и въ частыхъ собесѣдованіяхъ съ экзальтированной иностранкою Крюденеръ, которой пророчественное ясновидѣніе оказало разъ рѣшительное вліяніе на его колебанія и чрезъ его окрѣпшую рѣшимость на судьбу міра. Онъ молитвенно преклонялся и съ благочестивыми сѣверо-американцами, которые искали и проповѣдывали внутренняго Христа. Съ смиреніемъ благоговѣйнѣйшаго изъ простолюдиновъ, онъ лобызалъ руки даже у простыхъ сельскихъ священниковъ, и самъ, стоя если не на клиросѣ, то у клироса, пѣвалъ хвалу Богу прекрасно обработаннымъ пѣвучимъ голосомъ. Онъ странствовалъ по монастырямъ, посѣщалъ кельи схимниковъ, отдыхалъ на жесткихъ ложахъ монаховъ-простецовъ, простецовъ до того, что они не догадались даже сохранить свои бѣдныя подушки, на которыхъ почивала его царственная голова. Онъ повергался долгу предъ суровымъ подвижникомъ Фотіемъ, исповѣдуя ему свои прегрѣшенія и терпя отъ его тонко намѣченной будто-бы простоты, болѣзненные если не укоры, то намеки. Всюду у всѣхъ, призванныхъ къ молитвѣ, онъ просилъ помощи и заступленія себѣ передъ Богомъ. Духовнику предъ смертію сказалъ: „исповѣдуйте меня, какъ простаго смертнаго“, и напутствовался на тотъ свѣтъ часъ съ четвертью, несмотря на предсмертное изнеможеніе. Не дорожа жизнію, окончательно примирившись съ Богомъ и совѣстію предъ лицомъ смерти, тутъ уже, хотя и слишкомъ поздно, онъ отдалъ себя въ полное растушеніе врачей, но отдалъ для того только, чтобъ и они исполнили свой долгъ предъ царемъ и отечествомъ, чтобъ и самому исполнить свой долгъ предъ народомъ и царствомъ, потому что для общаго все-народнаго чувства, которое боготворило этого лучшаго изъ вѣнценосцевъ, эта смерть была и раннею и неожиданною и слишкомъ горестною. Между тѣмъ на небѣ изречено: уже пора! И когда кроткій небесный ангелъ смерти пахнулъ свѣтлымъ духовнымъ крыломъ своимъ надъ ликомъ отходящаго императора, — только тутъ, въ вѣяніи уже

изъ того міра тихой небесной прохлады, онъ ощутилъ Бога всею полнотою своего существа и воспарилъ въ небеса чистымъ ангеломъ... „Послѣдніе взоры его были столь умиленны“, — пишетъ очевидецъ, — „и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земнаго, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Нашъ ангелъ въ небесахъ“.

Жители богоспасаемаго града сего, и вы, христолюбивое русское воинство, въ сей день столѣтняго юбилея со дня рожденія Александра благословеннаго, въ семь храмѣ, заложенномъ его царскими благословенными руками, въ память посѣщенія имъ сего края и града, вспомняемъ его теплою молитвою о упокоеніи души его и приснопамятныхъ, славныхъ на небѣ и на землѣ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ на землѣ, всѣхъ вписанныхъ въ небесной книгѣ жизни, сподвижниковъ его. Вспомняемъ императора, который далъ первый и необычайно счастливый отпоръ всей соединенной враждою къ намъ Европѣ и облагодѣтельствовалъ въ Европѣ не только друзей, но и враговъ, что тамъ не всѣ еще забыли. Вспомняемъ самодержца, который предначерталъ сущность настоящаго государственнаго строя, — вспомняемъ самаго кроткаго и гуманнаго изъ вѣнценосцевъ и величайшаго изъ побѣдоносныхъ воителей, — вспомняемъ лучшаго, привлекательнѣйшаго, самаго развитаго изъ царственныхъ представителей нашего вѣка, который своею жизнію, полною христіанской вѣры, любви, милосердія, смиренія, томленія по Богѣ и небѣ, и самъ сѣмѣлъ, явно для благоговѣйной вѣры, воспарить къ небу небеснымъ ангеломъ, и намъ съ высоты какъ неба, такъ и александровской колонны, указываетъ своимъ ангельскимъ перстомъ туда же, на небо. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при поминаеніи скончавшагося въ С.-Петербургѣ уфимскаго губернскаго предводителя дворянства Валентина Аполлоновича Новикова, въ присутствіи уфимскаго дворянства.

Въ печальномъ, хотя и торжественномъ собраніи нашемъ естественно припоминается одинъ погребальный стихъ церковный: *какая житейская сладость пребываетъ печали непричастна? Какая слава стоитъ на земли непреложна? Вся спни немощнѣйша, вся соній прелестнѣйша. Единымъ миновеніемъ, и сія вся смерть пріемлетъ.* Или другой такой-же: *воистину суета всяческая, — житіе, спнь же и соніе: ибо все мается всякъ земнородный, якоже рече писаніе: егда міръ приобрящемъ, тогда во гробъ валимся, идѣже купитъ царіе и нищій...*

Вотъ оно, тутъ это самое и сбылось. Сбывается больше или меньше надъ всякимъ человѣкомъ, но здѣсь оно выразилось какъ-то для всѣхъ насъ поразительнѣе. Давно-ли жилъ между нами человѣкъ? Видѣлъ и онъ свои свѣтлые и красные дни. Восходилъ по ступенямъ лѣстницы чести очень успѣшно и быстро. Ворочалъ не скудными, а по временамъ и значительно возрастающими средствами. Пользовался обширнымъ въ краѣ вліяніемъ. Видѣлъ кругомъ себя въ ближайшихъ дружелюбіе, а во всѣхъ окружающихъ общій, доброжелательный, пріязненный почетъ. Жизнь была еще въ преполовеніи. Сколько впереди красовалось еще надеждъ? Пусть жизнь обманчива; надеждами разсудительно опытный человѣкъ крѣпко обольщаться не станетъ. Но сколько впереди предлежало еще и задачъ? И во-первыхъ воспитаніе, выводъ въ свѣтъ малыхъ дѣтей, сиротъ безъ матери.

Но одно несчастное мгновеніе, и жизнь стала сновидѣніемъ. И сновидѣніемъ даже не прелестнымъ, а напротивъ, полнымъ страшилищъ, гдѣ всякая житейская сладость исчезла какъ сонъ, убѣждала какъ тѣнь, а остались для страдальца только неотступныя болѣзни,

въ минуту-же пробужденія сознанія только горестная мука, только мучительное ощущеніе, что жизнь ушла, прежде даже, чѣмъ смерть наступила. Гдѣ житейская слава, гдѣ честь, гдѣ положеніе? Все разомъ и невозвратно улетѣло. Осталась у одра страдальца одна старушка мать; все остальное кругомъ убѣжало и припряталось. Всякая привязанность оказалась слабѣе убѣгающей тѣни, всякая пріязнь неуловимѣе сонныхъ грезъ по пробужденіи. Гдѣ они—эти дружескіе, милые, дорогіе облики, которые вотъ только что носились предъ глазами? Гдѣ обольстительныя тѣни, за которыми такъ отраднo было гоняться? Увы! исчезли, пока человѣкъ еще и во гробъ не легъ, и не смежилъ очей навѣки. А наоборотъ, тутъ-то очи и открылись у него и открыли ему бѣдственную цѣну, горькую правду жизни. Слава Богу, счастье для страдальца, что умственное зрѣніе, что проблески сознанія посѣщали его только на мгновеніе. И что стояло вблизи? Да. Дѣти—круглыя сироты. А что впереди? Ихъ безотрадная будущность. А что сзади? Воспоминаніе хуже всякой смерти. Были порывы для нихъ и міръ пріобрѣсти. А вмѣсто того поймано что? Ранній гробъ и безпривѣтная холодная на чужбинѣ могила, куда *вселятся вкупѣ цари и нищіи*..., могила, которая орошена горькими слезами только тѣхъ-же безпріютныхъ дѣтей и убитой горемъ престарѣлой матери, пожалѣвшей, конечно, что не она ложится въ эту могилу, а единородный сынъ,—что она ложится не рядомъ съ нимъ, опорой осиротѣлой семьи, а должна еще влечить бремя многоятежной и безотраднoй жизни безъ него...

Ужели-же отъ человѣка ничего не остается, когда онъ вселяется во гробъ? Божественное откровеніе учитъ, что дѣла человѣка уходятъ за нимъ въ вѣчность и тамъ вѣчно ходятъ вслѣдъ за нимъ. А наука говоритъ, что дѣла человѣка—это самъ человѣкъ, что изъ нихъ-то и образуется самая душа человѣка. Какъ при жизни образуется душа изъ дѣяній и хотѣній, чувствованій и помысловъ, такъ она по смерти и переходитъ въ вѣчность. Тамъ судить будутъ ее не нашими слѣдственными вопросами, опредѣлять вѣчную участь ея не нашими судебскими приговорами. Ея праведность или неправедность, какъ и ея премірная участь будутъ начертаны въ ней самой; будутъ начертаны въ ней какъ зло ея и для нея, такъ и добро ея и для нея.

Потому-то здѣсь и благотворны молитвы церкви о почившемъ, и то поминовеніе живыхъ о немъ, для котораго теперь всѣ мы собра-

лись сюда во святыи храмъ сей. И поминовеніе отраднo для почившаго не только какъ молитва, но и буквально какъ поминовеніе. А, помнятъ и поминаютъ. Поминаютъ, что не даромъ человѣкъ прожилъ на землѣ. Помнятъ, что имѣя свои человѣческія немощи, человѣкъ усиливался и добро творить, отечеству вѣрой и правдой служить, своимъ ближнимъ въ кругѣ своихъ обязанностей по мѣрѣ силъ своихъ благотворить. Если правду говорить, то и всѣ мы бѣемся въ жизни изъ-за того-же, чтобъ и насъ по смерти помянули добрымъ словомъ прощенія и благословенія и молитвою передъ милосердіемъ Божиимъ.

Вспомнимъ-же передъ Богомъ и между собою доброту почившаго, котораго поминаемъ. Вспомнимъ его ласковость, его общедоступность, его готовность помочь всякому по мѣрѣ силъ, его ревность служить дѣламъ общественнаго милосердія въ размѣрахъ, которые могли-бы показаться широкими для города и пошире нашего. И помолимся, чтобы Господь прикрылъ въ немъ покровомъ своего милосердія слѣды человѣческихъ немощей, и дѣла благотворительности, благодушія, доброжелательства ко всѣмъ чтобы пошли вслѣдъ за почившимъ въ горній міръ, и тамъ предстали предъ свѣтлое лицо вѣчнаго праведнаго, но и милосердаго Судіи во свѣтѣ небесной красоты.

Пусть эта смерть, это наше поминовеніе единого отъ насъ, скончавшагося и неожиданно и небезпечально, пусть пробудитъ нашу всегдашнюю душевную сонливость хотя на нѣсколько минутъ самособраннаго вниманія. Подумаемъ, кого-то изъ насъ перваго послѣ этого поминать будемъ? Да и кто и какъ вспомнеть? Сегодня-же какъ разъ и воспоминается грядущій на всѣхъ и каждого изъ насъ страшный судъ Господень. О страшномъ судѣ въ евангельскомъ чтеніи вспоминалось слово Христово и сегодня и вчера. Сегодня слово Христово вы сами слышали, кто слышалъ. А вчерашнее я вамъ напoмню. Оно особенно пригодно всякому по духу современной жизни, по вѣющему вездѣ духу пустоты и легкомыслія и забвенія о всемъ неземномъ. Оно особенно пригодно всякому и на ближайшіе наступающіе дни всяческаго одурѣнія. Оно пригодно и на обдерживающіе насъ мрачныя дни неожиданностей, крушеній и житейскихъ печалей. *Внемлите себѣ,—учитъ насъ самъ Христосъ (Лук. 21, 34—36),—да не когда отягчаютъ сердца ваша обзяденіемъ и пиянствомъ и печальми—заботами житейскими, и найдетъ на васъ внезапно день той, день смерти, день вѣчнаго расчета за настоящую жизнь, день страшнаго суда. Ибо онъ*

придетъ, какъ и приходитъ, какъ сътъ на всѣхъ живущихъ на лицъ
всѣя земли. Какъ сътъ незамѣтно приблизится и уловить всякаго.
Итакъ бдите, бодрствуйте, во всяко время молящися, да сподо-
битесь убѣжать всѣхъ грядущихъ бѣдъ, и стати непостыдно предъ
Сыномъ человѣческимъ, теперь Спасителемъ всѣхъ, готовымъ принять
всѣхъ въ свои объятія, а тогда страшнымъ Судіею, готовымъ оттолк-
нуть отъ себя всякаго безчувственнаго грѣшника навѣки. Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи инспектора уфимской духовной семинаріи
Льва Степановича Суходольскаго 23-го декабря 1882 г.

*Ктому не много глаголю съ вами: грядетъ бо сею міра князь, и во Мнѣ не имать
ничего. Но да разумѣетъ міръ, яко люблю
Отца, и якоже заповѣда Мнѣ Отецъ, тако
творю. Встаните идемъ отсюда. Иоан. 14,
30—31.*

Хоронимъ во всякомъ случаѣ замѣчательнаго человѣка, для этого
края безъ всякаго сомнѣнія, но и для нашего времени вообще не незамѣ-
чательнаго.

Воспитанникъ XVI курса санктпетербургской духовной академіи,
академическимъ образованіемъ своимъ и первымъ опытомъ воспитатель-
ной службы этому краю онъ упирается въ очень старое время, когда
большая часть изъ васъ еще и свѣта не видѣли; въ то старое время
1843—47 годовъ, когда еще въ полной крѣпости цвѣло мощное цар-
ствование императора и самодержца всероссійскаго Николая I; когда
богатырская рука этого идеальнаго самодержца держала внѣ всякой
шатости умы всей Россіи, а отчасти даже Европы; когда еще не про-
гремѣли вѣщія громы венгерской войны, возвѣщавшіе въ западной
Европѣ крушеніе многого многовѣковаго, громы-молніи, потушенные

тогда русскою кровію и породившіе у насъ на Руси пока только жал-
кое цвѣтеніе жалкой плесени ничтожнаго заговора Петрашевскаго, да
развѣ еще — то едва-едва замѣтные побѣги вольномыслія въ нѣкото-
рыхъ русскихъ журналахъ, то вопли отчаянія, вырвавшіеся изъ болѣз-
ненной груди Бѣлинскаго, который, съ первыхъ шаговъ самостоятель-
наго развитія умерши для русскаго Бога и вѣры, для всѣхъ старорус-
скихъ идеаловъ, легъ въ раннюю могилу отъ превратнаго сознанія,
что немилостивая къ нему, злорадно-насмѣшливая судьба обрекла его
на злосчастный жребій родиться, жить и умереть въ этой темной безъ
просвѣта русской землѣ, а не гдѣ-либо въ залитомъ всякими свѣтами
Парижѣ. Много воды съ тѣхъ поръ утекло въ море. Много вихрей
пронеслось надъ святою Русью. Много кровавыхъ заревъ разнообразныхъ
пожаровъ зажглось и потухло и разгорается больше и больше на на-
шемъ отечественномъ горизонтѣ. Много умовъ крѣпкихъ вырвано этими
бурями съ корнями, а слабыхъ и легкихъ снесено по теченію вѣтра
въ пучину гибели, гнили и забвенія. Однакоже неисчислимое множе-
ство злыхъ сѣмянъ, павъ и сгнивъ въ залежахъ русской земли, дали
за эти послѣдніе сорокъ лѣтъ тьму тьмущую дикихъ порослей, такъ
что въ началѣ этихъ годовъ еще съ нѣкоторымъ напряженіемъ вѣри-
лось словамъ Спасителя: *возстанутъ* ложныя ученія, *якоже прель-*
стятъ, аще возможно, и избранныя (Мат. 24, 24). Такъ, — дума-
лось тогда, — самъ Спаситель говоритъ: *аще возможно*, — какъ это воз-
можно, чтобъ и избранные прельстились и отпали отъ такого яснаго,
исторически твердаго, завѣреннаго въ своей божественности столькими
знаменіями и чудесами ученія, каково Христово? А теперь, увѣ! горе
и позоръ! самихъ этихъ избранниковъ приходится искать чуть не со
свѣчей въ рукахъ. Вы, большая часть изъ васъ, уже не чувствуете
этого переворота, потому что не переживали его; потомство-же ваше
будетъ представлять его и совсѣмъ уже смутно. А я переживалъ и
переживаю его, и чувствую, и свидѣтельствую на память вамъ и гря-
дущимъ по васъ. Совершился за эти четыре десятка лѣтъ переворотъ
громадный, переворотъ роковой. Сдѣланъ русскою жизнью шагъ бы-
стрый и отважный, но безъ самонадѣянаго сомнѣнія шагъ попятный,
то что называется ретроградный, потому что жизнь народовъ, какъ
и cadaго человѣка, дѣлаетъ шаги впередъ, когда возрастаетъ, му-
жаетъ и крѣпнетъ; а мы теперь вдругъ всенародно склонились къ
распаденію всѣхъ стихій нашей исторической народной жизни, къ раз-

ложенію, къ гнѣнію, къ самоубійству, и къ частнымъ самоубійствамъ и къ обще-народному. Можетъ быть, и оздоровѣмъ и поправимся. Но то будущее, то Богъ видитъ и знаетъ. А видимое нами настоящее печально, да и предвидимое, ближайшее будущее не особенно свѣтло.

И вотъ мы теперь хоронимъ одинъ изъ памятниковъ быстро исчезающей, хотя еще такъ недавно и цвѣтущей русской старины. Эпидемія такая между нами пронеслась, черная смерть насъ подкосила и скашиваетъ. Хоронимъ одного изъ избранниковъ Божіихъ, тѣхъ самыхъ немногихъ избранниковъ, которыхъ провидѣлъ Христосъ Господь, въ наши черные дни, и о которыхъ предсказалъ, что повально поражающій всѣхъ, разслабляющій даже избранниковъ, маразмъ лжи и нечестія не можетъ однакоже коснуться и сгноить избраннѣйшихъ изъ нихъ.

Принято называть нашу долю скромною, скромною въ смыслѣ униженія и самоуничиженія. Отчего-же она именно скромная? Правда, мы не наживаемъ имѣній, домовъ, капиталовъ. Не блистаемъ свѣтскимъ лоскомъ на аренѣ міра. Насъ мало замѣчаютъ, правда. Но есть одна роскошь, которою мы обдѣлены менѣе всѣхъ прочихъ. Это доступная намъ роскошь ума, это обиліе предложенныхъ и даруемыхъ намъ умственныхъ богатствъ, это невозбранная доступность намъ всякихъ умственныхъ наслажденій. Работа вѣковъ, работа избраннѣйшихъ умовъ всего человѣчества лежитъ громаднымъ капиталомъ умственного богатства въ нашихъ библіотекахъ. Пользуйтесь, обогащайтесь, наслаждайтесь. И способности и развитіе для того у насъ достаточны. И вотъ истинно тотъ вѣрный рабъ Божій, который не зарылъ своихъ талантовъ, который не потопилъ ихъ въ винѣ, не развѣялъ въ пустыхъ развлеченіяхъ, не сгноилъ въ лѣни, въ апатіи, въ старческомъ разслабленіи. Вотъ наставникъ средняго учебнаго заведенія, питомецъ высшаго, который до самыхъ послѣднихъ дней не переставая, не облѣниваясь, не опускаясь, учился, уча и училъ, учась. Вотъ неустанно рабочій и развивающійся умъ, которому ничто общечеловѣческое не было чуждо, ничто отъ древнихъ еврейскихъ писаній и классической мудрости и до умственныхъ открытій, раскрытій и обнаженій нашего послѣдняго, дѣйствительно, въ небывалыхъ размѣрахъ развитого, обнаженного и развращеннаго вѣка. Вотъ одинъ изъ рѣдкихъ умовъ, который исполнялъ очень тяжелую въ нашъ вѣкъ заповѣдь Христову: *испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный*, и въ то же время имѣлъ рѣдкій даръ не уклониться отъ заповѣди и св. ап. Павла:

вся испытующе, добрая держите. Вотъ удивительное, и для насъ стариковъ, многое перевидѣвшихъ, встрѣчавшихся съ самыми высокими наличными умами, удивительное дарованіе, которое одну изъ послѣднихъ своихъ многосодержательныхъ, всегда свѣжо приготовленныхъ, лекцій излагало съ такимъ-же увлеченіемъ, какъ и одну изъ первыхъ еще въ сороковыхъ годахъ нашего уходящаго въ вѣчность столѣтія. Оттого-то онъ и имѣлъ такое широкое, неотразимое, общепризнанное вліяніе на всѣ курсы своихъ питомцевъ. Онъ не бросалъ вѣреннаго ему дѣла, тяжкаго для его лѣтъ умственного труда, и въ эти послѣдніе мѣсяцы, когда уже и ноги не носили его въ аудиторію, и злой недугъ не позволялъ оставаться въ ней, и смерть уже явно для всѣхъ, да и для него самого прежде всѣхъ, стояла за его спиною съ своею косою, или лучше—стоялъ свѣтлый чистый добрый ангелъ смерти, помавая своимъ перстомъ то на могилу, то на небо.

Отчего этотъ человѣкъ, такъ близко знакомый со всѣми разлагающими современными ученіями экзегетики и философіи, естественныхъ наукъ и исторіи, сохранилъ полнѣйшую цѣльность убѣжденія и совершеннѣйшую неприкосновенность христіанскаго міровоззрѣнія? Вотъ это назидательнѣйшій урокъ для насъ изъ этой угасшей жизни; это послѣдняя лекція намъ изъ этого гроба, изъ этихъ скорбно и мирно и строго поблекшихъ устъ. Оттого... оттого, что онъ былъ прекраснѣйшая душа. Оттого, что онъ былъ добрый христіанинъ, добрый христіанинъ по жизни, оттого онъ пребылъ добрымъ непоступнымъ христіаниномъ и по убѣжденіямъ. *Аще кто любитъ Мя, слово мое соблюдетъ*,—отъ этого. Оттого, что онъ былъ кроткій и смиренный сердцемъ человѣкъ: *блаженни кротцыи, яко тѣмъ наследятъ землю*. Оттого, что онъ былъ милостивый и жалостливый человѣкъ, и десятки курсовъ его питомцевъ это знаютъ: *блаженни милостивіи, яко тѣмъ помиловани будутъ*. Оттого, что онъ былъ мирный человѣкъ, сынъ мира и уступчивости, миротворецъ между другими: *блаженни миротворцы, яко тѣмъ сынове Божіи нарекутся*. Оттого, что онъ на дѣлѣ, по мѣрѣ своихъ силъ и условій положенія осуществлялъ заповѣдь Христову: *больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя*. Богъ не привелъ ему, что, впрочемъ, рѣдко и бываетъ, положить душу свою за други своя, разомъ пожертвовавши за нихъ жизнь. Зато во всю свою жизнь онъ клалъ душу свою на друзей своихъ. Кто изъ знавшихъ его забудетъ, какъ онъ былъ, повидимому,

неисчерпаемым источником гостеприимства, при скудных средствах? Какъ онъ служилъ средоточіемъ интересовъ своего круга, да и дальше и шире этого круга? Какъ онъ былъ душою всякаго собранія, всегда пріятливый, всегда ласковый, всегда неистощимый въ возбуждающей бесѣдѣ, всегда готовый смягчить всякій раздоръ, не только дѣломъ и словомъ, но и молчаніемъ и уклончивостію, всегда скорый и обладавшій даромъ добраго сердца повѣять и на другихъ собственнымъ миромъ и доброжелательствомъ, благодушіемъ и весельемъ?

Оттого Господь послалъ ему и христіанскую кончину живота, конечно не скажу — безболѣзненную, кончину послѣ долгой и тяжелой болѣзни. Но это была какъ-бы вода расплывшаяся по широкой полянѣ: болѣзнь растянулась на полтора года; оттого и раздрающе-мучительная острота ея расплылась на многіе мучительные, но не терзающіе моменты. Господь не коротко молотилъ эту пшеницу, чтобы мало-помалу отбить отъ нея всѣ плевелы, приставшіе отъ некороткой жизни, жизни, конечно, и не безъ немощей. Но, по истинѣ, скажу, эта кончина была, по истинѣ, непостыдная, самособранная, самосознательная, добрымъ христіанскимъ порядкомъ подготовленная, даже предусмотрѣнная и задолго предсказанная имъ самимъ. „Вотъ исполнится 35 л. службы, дамъ въ храмовой праздникъ семинаріи прощальную хлѣбъ-соль и прощусь со всѣми и съ семинаріею“. Такъ и сбылось. Уже немощной онъ далъ, въ предназначенный день, въ праздникъ и семинаріи и свой собственный исполнившася 35-лѣтія службы, прощальную хлѣбъ-соль и да, простился съ семинаріею, простился съ собственною молодостію, съ возмужалостію, съ силами къ службѣ, да съ тѣхъ поръ и гасъ мѣрными порывами и вспышками то жизни, то предсмертной немочи, пока и не погасъ... Немощь свою онъ переносилъ съ достойно подражаемымъ, съ желаннымъ для всякаго благодушіемъ; на близкую кончину сознательно глядѣлъ съ достойно подражаемою предусмотрительностію и предусмотрительною готовностію. Два завѣщанія и словесныя распоряженія предварили до подробности, что касалось смерти и посмертной его воли. Мнѣ лично сказалъ: „когда приведетъ Богъ отходить, желаю, чтобы надо мною читали послѣднюю бесѣду Спасителя у евангелиста Іоанна. Это такъ утѣшительно“. Такимъ праведникомъ съ иконы выглядѣлъ и ликъ его въ послѣдніе дни: въ этомъ обновлявшемся для новой жизни человѣкѣ ветхій человѣкъ явно умиралъ прежде смерти.

Вотъ и зовутъ меня ночью къ одру смерти. Встрѣчая шепчутъ мнѣ: „все тосковалъ, что не читаютъ“. Сѣйчасъ. А я запасаю и евангеліемъ и требникомъ. Приступаю къ изнемогающему; еще узналъ, что-то сказалъ. Но пульсъ и все сказали, что нельзя уже терять время въ заботливыхъ соображеніяхъ, какъ-бы не подать умирающему повода къ заключенію, что и мы признаемъ уже наступленіе смертнаго часа его. Раздѣльно по слову я началъ читать: *нынѣ прославися Сынъ человеческій*. Умирающій явно прислушался. По слову дочитываю до словъ: *ктому не много глаголю съ вами*, — умирающій, по видимому, прислушивается, иначе сказать — предсмертное дыханіе притаивается. *Грядетъ бо сего міра князь и во Мнѣ не имать ничего*, — я самъ прислушиваюсь, предсмертное дыханіе прерывается. *Но да разумѣетъ міръ, яко люблю Отца, и якоже заповѣда Мнѣ Отецъ, тако творю* (какъ и творилъ). Явственно-усиленный вздохъ, оказавшійся и предсмертнымъ. *Востаните идемъ отсюду...* Прислушались, и бысть тишина велія: духъ возсталъ и отошелъ отсюда, изъ земной обители... И мы встали и отложивъ евангеліе прочитали отходную: *Владыко Господи Вседержителю, Отче Господа нашего Иисуса Христа, душу раба твоего Льва отъ всякія узы разрѣши и покой ю въ вѣчныхъ обителяхъ со святыми твоими*. Молитву мы читали уже надъ усопшимъ. Но полагая, что въ немъ еще можетъ горѣть искра сознанія, хотя и исчезло дыханіе, во исполненіе предсмертной воли его, мы прочитали надъ слухомъ его предсмертную бесѣду Христа Спасителя до конца. Уже затѣмъ мы оглядѣли лицо его и увидѣли ясный отпечатокъ смертной скорби, не муки, не агоніи, а какъ-бы сокрушенной, покаянной молитвы и изнеможенной борьбы съ тугою смертною, сродною предсмертной тугѣ Христовой: *прискорбна есть душа моя до смерти. Бысть-же потъ Его, яко капли крове, каплющія на землю* (Лук. 22, 44). Тутъ капель крови не было, она напередъ вся вытекла изъ него, а послѣдняя застыла. Но на блѣдномъ скорбномъ ликѣ блестя отъ свѣта свѣчки капли пота, послѣдніе проблески отлетѣвшей жизни, выжатые угрюмою, ни съ кѣмъ не любящею шутить смертію. Ясно, что не легко и христіанской душѣ разставаться съ тѣломъ. Чрезъ нѣсколько минутъ печать смертной скорби смѣнилась печатью мирной строгости. Для одного человѣка — совершилась!

А что-то будетъ для насъ и съ нами? Помолимся, братіе, и о немъ и о себѣ. Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

при выносѣ*) тѣла генерала-майора Эдуарда Карловича Штанге (лютеранина).

Блудите, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дни лукави суть. Сею ради не бывайте несмыслены, но разумывайте, что есть воля Божія. Еф. 5, 16.

Вотъ и урокъ для насъ! Урокъ для всѣхъ, кто вѣритъ въ Бога и въ безсмертіе. Человѣкъ еще не дряхлый, даже не очень старый, не глубокихъ лѣтъ, правда, въ послѣдніе дни нѣскольхо недомогавшій, но вообще еще довольно бодрый, даже пошелъ еще прогуляться, подышать свѣжимъ воздухомъ, любовался прекрасною погодою, дышалъ полною грудью, чувствовалъ бодрое и веселое расположеніе духа, пришелъ домой, весело пошутить, прилечь на минуту отдохнуть, вздохнулъ и Богу душу отдалъ. И одръ постели въ одну минуту стала для него одромъ смерти. Блудите посему, кто хочетъ умереть по-христіански, остерегайтесь, смотрите, какъ опасно ходите по скользкому пути жизни. Только лишь оступитесь, полетите стремглавъ въ жерло смерти. Поступайте-же осторожно, поступайте, какъ мудрые, а не какъ неразумные, очертя голову, зажмуривъ глаза. Дорожите временемъ, потому что дни лукавы: день за днемъ уходятъ, и не замѣтите, какъ всѣ они лукаво ускользнутъ отъ васъ, и не поймаете, и не воротите. Не будьте-же легкомысленны, не будьте неразумны, но дѣйствуйте всегда и во всемъ внимательно, заботливо вникая, въ чемъ

*) Выносъ совершенъ согласно требованію закона, съ торжественнымъ пѣніемъ: Святый Боже, безъ панихиды и даже литіи.

заключается воля Божія, чтобы поступать всегда во всемъ такъ, какъ Богъ велитъ.

Что сказать объ этой смерти и объ этой жизни, которая такъ внезапно порвана на нашихъ глазахъ этою смертію? *Ничего прежде времени не судите*, — завѣщаетъ апостоль, — *пока придетъ Господь, который выведетъ на свѣтъ тайны тмы и обнаружитъ помыслы сердечные. И тогда будетъ похвала каждому отъ Бога* (1 Кор. 4, 5). Но мнѣ думается, мнѣ вѣрится, что эта смерть — хорошая смерть, достойное заключеніе хорошей жизни. Прогуляться на свѣжемъ воздухѣ, полюбоваться на свѣтъ Божій, порадоваться въ послѣдній разъ на него, ахъ, какъ онъ хорошъ, прилечь дома на постель чуть-чуть отдохнуть послѣ прогулки, выходить — послѣ прогулки по бѣлу свѣту, безболѣзненно вздохнуть и тутъ-же умереть, умереть безъ тѣни страданій, безъ томленій, безъ колебаній въ помыслахъ, безъ туги въ сердцѣ... Да, есть своя прекрасная сторона въ этой наиболѣе безболѣзненной кончинѣ. Мы задумались-бы надъ нею и тяжело, если-бы, какъ бываетъ иногда, такая смерть была заключеніемъ безпутной грубо-чувственной жизни. Но всякій изъ насъ знаетъ, всякій видѣлъ, какъ жилъ между нами почившій. Многіе знаютъ и прошедшее его. Знаютъ, что онъ всегда былъ человѣкъ умѣренный, воздержный во всемъ, чуждый всякихъ излишествъ, строгій исполнитель гражданскаго долга, хорошій гражданинъ, добрый по душѣ и христіанинъ. А выполняя долгъ человѣка, гражданина и христіанина, вся въ совокупности жизнь его была и постояннымъ надлежащимъ приготовленіемъ къ смерти. Каждый день былъ у него отраженіемъ всей его жизни, выраженіемъ его осмотрительности, его благоразумія, его вѣрности своему долгу, вѣрности своему призванію, вѣрности волѣ Божіей. Зато, вѣримъ, Богъ послалъ ему и хорошую кончину въ награду за добрую жизнь. Отъ плода познается дерево; но и обратно, отъ древа познается качество плода. Не можетъ древо добро плоды злы творить. Не можетъ прекрасная жизнь заключиться смертію, которая была-бы всецѣло выраженіемъ гнѣва и отверженія, а не милосердія Божія.

И вотъ мы собрались проводить на тотъ свѣтъ и почтить память истинно хорошаго человѣка.

Почтимъ-же добрымъ словомъ добраго христіанина, который, по происхожденію будучи связанъ обѣтами своего крещенія, во всю свою жизнь искалъ утѣшеній христіанской вѣры въ нѣдрахъ православія,

почитая отечественную православно-русскую церковь усерднѣе и горячѣе многихъ русскихъ, рожденныхъ и возрожденныхъ крещеніемъ въ ея материнскихъ нѣдрахъ. Почтимъ память мужественнаго самоотверженнаго воина, который лучшіе годы своей жизни посвятилъ отечественной службѣ на воинственномъ Кавказѣ, гдѣ видѣлъ лицомъ къ лицу тысячи разнообразныхъ смертей и одинъ изъ первыхъ взобрался на грозный Гунибъ. Почтимъ признательнымъ воспоминаніемъ благоразумнаго и неусыпнаго распорядителя, который въ грозную и славную годину послѣдней восточной войны, будучи избранъ общимъ нашимъ почтительнымъ довѣріемъ въ предсѣдателя мѣстнаго общества Краснаго Креста, по истинѣ не щадилъ ни трудовъ своихъ, ни специальныхъ знаній по предмету нашего общаго попеченія, ни способностей поддерживать общее рвеніе, когда оно вызывалось тяготами отечества, и своею мудрою неустанною преданностію общему нашему дѣлу довелъ его до той высокой степени безупречности, что и дальняя Уфа не отстала отъ другихъ краевъ отечества ни ревностію ни умѣніемъ сослужить ему тогда добрую службу. Почтимъ признательнымъ словомъ милосердаго заботливаго начальника, который берегъ послѣдняго солдата, какъ родича-брата. Почтимъ слезою признательности истинно-доброжелательнаго человѣка, доброе открытое сердце котораго готово было на всякую посильную услугу всякому, который всегда готовъ былъ послужить и словомъ и дѣломъ, участіемъ и вліяніемъ своимъ, знаніемъ и трудомъ сиротѣ и вдовѣ, бѣдняку да и всякому нуждающемуся въ помощи и утѣшеніи. Почтимъ признательнымъ воспоминаніемъ истинно-благодушнаго человѣка, который встрѣтилъ постигшую его на старости лѣтъ невзгуду *) съ замѣчательнымъ, съ рѣдкимъ спокойствіемъ и благодушіемъ, безъ тѣни ропота, съ усиліемъ даже оправдать благовременность выпавшаго ему жребія на послѣдокъ его дней, философски-благодушно мирясь съ своимъ устранившимся отъ верченія жизненнаго колеса положеніемъ и разсуждая, что ничего лучшаго и не могло съ нимъ случиться, какъ то, что случилось.

Кланяемся тебѣ на прощанье, досточтимый и достолюбезный братъ нашъ бояринъ Эдуардъ Карловичъ, самоотверженный слуга престола и отечества, благородный гражданинъ, добрый человѣкъ и христіанинъ. Правда Божія да воздастъ тебѣ за добро, котораго въ жизни ты дѣ-

*) Нежданную отставку за сокращеніемъ штатовъ.

лать довольно, и благодать Божія да покроетъ твои немощи покровомъ всеобъемлющаго милосердія и всепрощенія. Аминь.

1883 г.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи Іосифа Петровича Самохвалова.

Зачѣмъ это собрались мы теперь, братія святаго храма сего, обитатели честнаго дома сего?! Хоронить малаго человѣка, Осипа Петровича, правленскаго служителя казанской духовной академіи.

Погребаемъ человѣка недюжиннаго. Неотвратимое міровое зло — смерть накидываетъ завѣсу забвенія на явленіе, повторяющееся нечасто. Человѣкъ скромный, скромной доли, но замѣчательнаго характера, сѣмъ-шлаго и судьбу свою сдѣлать замѣтною и даже поучительною. Русскій уроженецъ гиперборейскихъ холодовъ, но широкій, не объемистый, но крѣпкій по натурѣ питомецъ финляндскихъ скалъ. По старому солдатскому уставу ровно 25 лѣтъ отслужилъ царю и отечеству въ рядахъ солдатскихъ. Солдатская доля загнала его, финляндскаго уроженца, искать хлѣба сюда въ старинную татарію. Приставъ къ нашей академіи въ сентябрѣ 1844 года, онъ прослужилъ здѣсь безотходно другія 25 лѣтъ, и, смиренно отпраздновавъ двадцатипятилѣтіе службы въ академіи, пятидесятилѣтній юбилей всей своей службы обществу, онъ протянулъ у насъ-же на службѣ еще почти ровно годъ. Слегъ, и ясно стало, что не встанетъ. И вотъ, мы стоимъ вокругъ его гроба.

Что-же дѣлало этого скромнаго человѣка столь стойкимъ въ положеніи, которое имѣетъ наименѣе условій стойкости? Не знаемъ, не спрашивали его о службѣ его военной. Но думаемъ, тамъ онъ былъ тоже, что былъ у насъ, а по сравнительной молодости лѣтъ и крѣпости силъ, конечно, былъ еще крѣпче и стойче по характеру и правиламъ жизни. Вотъ основная черта этого характера и всѣхъ его проявленій: вѣрность своему долгу и званію. Эта основная черта распалась у него на двѣ частнѣйшія: безупречную честность и строжайшую исполнительность. Отношенія его были болѣе, чѣмъ у многихъ

изъ насъ, многочисленны и разнообразны; обязанности его вынуждали его исполнять множество порученій наиболѣе довѣреннаго письменно-денежнаго свойства. При этомъ всякій могъ быть увѣренъ, что Осипу Петровичу онъ можетъ вѣрить, какъ самому себѣ,—что довѣренное Осипу Петровичу и имъ принятое на себя дѣло будетъ исполнено, быть можетъ, благонадежнѣе, чѣмъ въ нашихъ собственныхъ рукахъ. Таковъ онъ былъ въ продолженіе 26 лѣтъ академической службы. Мѣнялись начальства, проносились надъ академіею событія, приносившія новый духъ міровоззрѣнія и взаимныхъ отношеній,—Осипъ Петровичъ былъ тотъ-же вчера и нынѣ и въ десятки лѣтъ, вѣрный самъ себѣ, какъ разумная машина, всегда готовый и вѣрный исполнитель, чуждый всякаго ласкательства и угодливости, напротивъ, въ горькія минуты жизни высказывавшійся предъ всѣми, что онъ не чуждъ сознанія ни своихъ достоинствъ ни заслугъ. И всѣ это признавали: отъ прежнихъ ректоровъ академіи онъ имѣлъ похвальные листы, которые въ скорбныхъ состояніяхъ своего духа показывалъ, какъ заслуженные дипломы; я теперь исполняю мой долгъ, додѣлываю дѣло моихъ предмѣтниковъ, напутствуя заслуженнымъ похвальнымъ словомъ полную чистѣйшую отставку этого достойнаго служиваго. Когда исполнилось двадцатипятилѣтіе академической его службы, наставники академіи, безъ тѣни напоминанія съ его стороны, по собственному движенію, представили ему серебряный кубокъ, который пусть теперь и обратится въ церковъ на церковное служеніе, на память объ Осипѣ Петровичѣ и о благородствѣ сонма академическихъ наставниковъ. Онъ всѣмъ намъ оказывалъ тысячи услугъ. Мы теперь отплачиваемъ ему услугою съ нашей стороны послѣднею: отдаемъ ему послѣдній похоронный долгъ. Онъ былъ бездомный бобыль, мы его семья, и братья и дѣти, все его тутъ — всѣ его привязанности.

„По свойству сломившей его болѣзни *), обстоятельства погребенія его нѣсколько поспѣшны, а потому не было времени обдумать и эту жизнь и эту смерть. А есть на чемъ остановиться, чему поучиться.

„Былъ и у него свой пакостникъ плоти, который погрѣшалъ и истощилъ его силы. На одрѣ болѣзни лежа, самъ онъ яснѣе другихъ видитъ, что не встанетъ. Проситъ—„священника, старенькаго священника!“ Исполненъ христіанскій долгъ, совѣсть очищена, духъ спокоенъ

*) Старческой дисинтеріи, когда по окрестнымъ городамъ всюду расхаживала холера.

до равнодушія. Ему предлагаютъ лѣкарства,—махаетъ рукою въ сторону: „поставьте,.. жить надоѣло, прошу у Бога смерти“. И Богъ ее послалъ. И посмотрите, не въ пору ли?! Нѣтъ-ли тутъ перста Божія, который водить и солнце къ своему закату, и жизнь этой пылинки во вселенной—человѣка къ тому-же закату какъ разъ въ пору? Осипъ Петровичъ вывѣска и стражъ и приставникъ стараго академическаго устава. Именно ему—Осипу Петровичу, вслѣдствіе осложнившихся отношеній, новый уставъ былъ-бы не подѣ силу, ноги его отказались-бы служить; онъ сталъ-бы бременемъ для другихъ и во-первыхъ для самого себя. Вотъ въ эту пору Богъ его прибралъ, и приставитъ тамъ у себя къ какому-либо иному дѣлу, которое покойнику дѣлать будетъ и легче и пріятнѣе, чѣмъ тянуть свою немалотрудную для его старости службу здѣсь.

И тутъ вспоминается притча Господня о рабахъ, которымъ ввѣрено разное количество талантовъ (Мате. 25, 14—30). Этому скромному человѣку Господь, сравнительно съ нами, далъ одинъ талантъ. И рабъ трудился, пускалъ свой талантъ, въ кругъ своихъ смиренныхъ обязанностей, въ оборотъ. И вѣрится, что теперь слышитъ отъ мздовоздавателя Господа сіи самыя слова: *добръ, рабе благодѣ и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего.* И невольное опасеніе объемлетъ душу, какъ бы эта притча Господня не получила въ отношеніи къ намъ смыслъ обратный. Въ притчѣ эти слова сказаны рабамъ, изъ коихъ одинъ получилъ пять талантовъ, а другой два: *имущимъ вездѣ дано будетъ и приизбудетъ*; получившему-же одинъ талантъ сказано: *лукавый рабе и лѣнивый...* Мы, обремененные многими талантами, стоимъ у этого гроба, въ которомъ лежитъ вѣрный рабъ Божій, трудившійся среди насъ надъ однимъ талантомъ. Его задача честно исполнена. У насъ зади долги, а задача жизни еще впереди. А много-ли жизни осталось для насъ впереди?..

Вчера похоронили мы юношу въ цвѣтѣ лѣтъ, силъ, талантовъ, развитія. Сегодня хоронимъ отжившаго свое время старца. Двѣ грани, среди которыхъ вращаются всѣ наши жизни; смерть косить, не разбирая.

Впрочемъ *приидите*, братіе, съ мирными сердцами, *дадимъ умершему послѣднее цѣлованіе, благодаряще Бога.* Ангелъ хранитель честнаго дома сего къ намъ милостивъ. Въ два года мы видѣли

въ нашей оградѣ четыре кончины, и всѣ достойныя христіанскія. Вздохнемъ къ Отцу духовъ и жизней, чтобъ не оставилъ Онъ насъ и впредь своею милостію, чтобъ и мы въ уреченный часъ предали духъ свой въ руки Его, а не въ руки нашихъ темныхъ враговъ. Аминь.

1870 г.

ПОУЧЕНІЕ

при выносѣ почившаго Антонія Доминиковича Малаховскаго.

Я прибылъ и братіи моихъ пригласилъ прибыть сюда, чтобы отдать послѣдній долгъ чести, насколько позволяютъ законы церковный и гражданскій, сему почившему старцу, лежащему предъ нами въ гробѣ, сему недавнему сюда пришельцу, который прибылъ сюда только за тѣмъ, чтобы найти здѣсь свою могилу, пришельцу здѣсь и незнаемому, но мнѣ давно и хорошо извѣстному, человѣку, которому я лично и много обязанъ. Это бывшій врачъ Антонъ Доминиковичъ Малаховскій. Въ своихъ служебныхъ скитаніяхъ по широкой Руси я засталъ его въ 1858 и оставилъ въ 1864 г. уже старцемъ врачомъ саратовской духовной семинаріи, а въ промежуточные семь лѣтъ самъ лично пользовался его врачебными совѣтами въ самый опасный періодъ моей жизни, когда я колебался между жизнью и смертью отъ недуга, котораго слѣды остались во мнѣ и до сего дня. Римскій католикъ по вѣрѣ, Антонъ Доминиковичъ, или—по русскому говору—Антонъ Дементьичъ былъ самымъ любимымъ народнымъ врачомъ въ такомъ коренномъ русскомъ городѣ, какъ Саратовъ. Любили его всѣ представители православнаго духовенства, какъ и римско-католическаго; любили его православные духовные воспитанники, какъ и римско-католическіе; любилъ его русскій народъ, даже самый скромный, любили его даже старовѣры, за нечастое, но всегда знаменательное качество, за христіанскую теплоту сердца, за готовность помочь всякому, за самоотверженіе врача. Антонъ Доминиковичъ усталости не зналъ, въ покой и отдыхъ, повидимому, не нуждался, на свои болѣзни не жаловался.

Во всякую пору дня и ночи, во всякое время года, несмотря на ненастье, грязь, бурю, онъ шелъ во всякую бѣднѣйшую хижину лѣчить всякую нищету и всякую самую возмутительную болѣзнь; спускался по ночамъ,—да позволено будетъ выразиться,—во всякую трущобу, во всякій притонъ темной бѣдности отвращать чужую опасность, часто не безъ опасности для самого себя... Давали ему что за трудъ—бралъ и говорилъ русское спасибо; что давали, не смотрѣлъ; большаго никогда не просилъ; ничего не давали,—молчалъ и опять при нуждѣ спускался къ той-же нищетѣ и чернотѣ... Оттого не знаю, много-ль было хижинъ въ Саратовѣ, въ которыхъ не знали-бы Антона Доминиковича!... Любовь къ единственному его сыну и уже глубокая старость привели его, два—три мѣсяца тому назадъ, въ эту далекую отъ центровъ русскую окраину доживать свой вѣкъ. Его знакомымъ оказался здѣсь только мѣстный епископъ, много ему обязанный его пациентъ. Еще забылъ указать одно его дорогое качество,—онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ сердечнаго мягкаго слова. Немного я зналъ такихъ людей, которые, какъ почившій, обладали такимъ проникающимъ даромъ дружески побесѣдовать, утѣшить немощнаго, дать добрый совѣтъ колеблющемуся и изнемогающему... Почувствовавъ свое собственное изнеможеніе, онъ прислалъ ко мнѣ своего единственнаго сына просить послѣдняго религіознаго напутствія у православнаго священника. Я остался при долгѣ архіерея и предложилъ присоединеніе. Но когда затѣмъ сряду-же прибылъ къ его болѣзненному одру лично, онъ въ высшей степени благодушно разсудилъ со мною о своей предсмертной болѣзни и близкой смерти... „Нѣтъ, на Бога уповаю, но 80-тый годъ, нѣтъ, я не перенесу мою болѣзнь. Поручаю вамъ мой грѣшный прахъ“... О присоединеніи онъ промолчалъ; и я уважилъ его чувство, самое глубокое и святое въ человѣкѣ чувство—любви къ родной вѣрѣ, и также о присоединеніи промолчалъ. Простились и разстались дружески. Когда я бывалъ близко къ одру смерти другихъ моихъ подчиненныхъ, онъ дѣлалъ около меня свое дѣло врача—мудраго, осторожнаго, внимательнаго. Я теперь исполняю свой долгъ пра-вославнаго архіерея и плачу долгъ человѣка благодарнаго сему хорошему христіанину, хотя сыну и не нашей церкви. Подыmemъ-же, бра-ше, съ подобающею честью прахъ его до послѣдней усыпальницы. А тѣ, съ подобающею честью прахъ его до послѣдней усыпальницы. А душу его вѣримъ, какъ и самъ онъ вѣрилъ, милосердію человеколюбца Бога. Аминь.

1880 г.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи боярина Константина Базили.

О явленіяхъ отшедшихъ душъ.

Зряще мя безыласна и бездыханна предлежаша, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи: вчерашній бо день бесподовахъ съ вами, и внезапно найде на мя страшный часъ смертный

Въ виду сей кончины, начнемъ съ евангельской притчи о богатомъ и Лазарѣ. Вы увѣрены, конечно, что оскорблять память почившаго мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія. Но какъ въ промежуткѣ между двумя типами притчи евангельскаго богача съ одной и бѣднаго Лазаря съ другой стороны, могутъ умѣститься почти всѣ состоянія жизни, то эта притча освѣтитъ намъ и эту кончину и этотъ гробъ, равно какъ и нашу собственную жизнь и ожидающую насъ загробную участь. Излагать всю притчу мы не будемъ; возьмемъ только нѣкоторыя ея черты. И будемъ говорить, главнымъ образомъ, о богатѣ.

Человѣкъ нѣкій былъ богатъ, облачался въ порфиру и виссонъ, веселился на всякій день свѣтло, пировалъ роскошно и непрерывно. Въ это онъ и жилъ, самоуслажденіе было для него цѣлію; все остальное, весь міръ, всѣ прочіе люди были для него только средствомъ. Для другихъ людей, для страждущихъ сердце его было затворено. Бѣдный Лазарь, который лежалъ у вратъ его пышнаго жилища, для него не существовалъ. Этотъ изъязвленный некрасивый страдалецъ былъ темнымъ, возмутительнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ веселаго житія великаго господина, и великій господинъ старался забыть объ этомъ жалкомъ существованіи, какъ и о самомъ существѣ. У жестокосердаго господина и слуги, къ нему самому поневолѣ угодливые, къ другимъ должны быть болѣе или менѣе жестки, во всякомъ случаѣ обязаны устранять непріятныя впечатлѣнія отъ господскаго взгля-

да. Видно, что богачъ зналъ, но желалъ не знать о существованіи бѣднаго Лазаря. Хотя тотъ и желалъ насытиться пусть-бы даже отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго; хотя, вѣроятно, и псовъ домашнихъ кормили въ домѣ богатаго сытно, однакоже Лазарю отъ него не доставалось ничего, кромѣ глубокаго пренебреженія. Даже псы, и тѣ оказывались ласковѣе богача; ибо приходили къ покрытому струпами страдальцу и изъ жалости, изъ присущей псамъ привязанности къ человѣку, лизали гной страдальца.

Извѣстна дальнѣйшая судьба евангельскаго богача. Веселился, веселился, но пришло время и умереть ему. И умре богатый, и погребоша его. Съ пышнаго погребальнаго ложа онъ низринулся прямо на дно адово. Во адѣ-же сый въ мукахъ, онъ молить патріарха Авраама: *отче Аврааме! помилуй мя, и посли Лазаря* (вознесеннаго ангелами на лоно Авраама въ рай),—*посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ воду, и устудитъ языкъ мой: яко стражду во пламени семъ*. Подумайте, о какой малости молить! Чтобъ хоть каплю воды уронили на языкъ его и прохладили его среди невыносимаго пламени адскаго. Но и въ томъ получаетъ отказъ: отказъ потому, что это и несправедливо и невозможно. *Чадо!*—отвѣчаетъ ему отечески жалостливо, но и непреклонно праотецъ Авраамъ,—*чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животъ твою, и теперь стражди по закону возмездія. Кромѣ всего этого, между нами и вами утверждена великая пропасть, такъ что и хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, не могутъ, хотя-бы и хотѣли; также и оттуда къ намъ не преходятъ*. Тогда несчастный богачъ обращается къ Аврааму еще съ болѣе необычною, хотя и съ не менѣе также естественною мольбою, чтобъ Авраамъ послалъ Лазаря въ домъ отца, къ пяти братьямъ адскаго страдальца, засвидѣтельствовать имъ, что адъ и адская мука существуютъ, чтобъ и тѣ не пришли также въ сіе мѣсто мученія, надѣясь, что если кто изъ мертвыхъ придетъ сказать имъ объ этомъ, то они покаются. Но и на эту мольбу получаетъ подобный-же отказъ отъ Авраама: *имѣютъ Моисея и пророковъ, пусть слушаютъ ихъ. Если-же Моисея и пророковъ не слушаютъ, то если-бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ*. Такъ отвѣтилъ Авраамъ.

Далека-ль по своему смыслу эта притча и отъ насъ, отъ нашего времени? Есть между нами люди богатые, люди съ состояніемъ. Есть

и бѣдные, даже нищѣ. Губить-ли богатство, спасаетъ-ли нищета? Нѣтъ, то и другое, богатство и бѣдность, какъ богопредѣленные жребіи жизни, одно, какъ и другое, представляютъ въ себѣ богоустановленные пути ко спасенію.

Нищета можетъ губить, какъ и богатство, своею развращающею стороною. Спасаетъ только та нищета, которая спасла и Лазаря; нищета, которая воспитываетъ нищету духовную; нищета, которая приучаетъ человѣка переносить всякую невзгуду, терпѣть всякое страданіе съ благопокорностію Промыслу, встрѣчать всякое благотвореніе отъ людей съ признательностію и молиться за благотворящихъ; нищета, которая воспитываетъ въ сердцѣ чувство не зависти и ненависти, но любви и благодарности къ человѣчеству, дающему способъ существованія и бѣдности; которая приучаетъ благодарить Бога не только за радости жизни, въ какихъ Промыслъ не отказываетъ и нищѣ, благодарить за жизнь, за свѣтъ, за чистый воздухъ и воду, какъ и за многія другія житейскія блага, но благодарить Бога съ радостію въ сердцѣ и за самыя бѣды и нужды, очистительныя для души, за самый крестъ страданія, налагаемый на рамена нищеты, крестъ, дающій смиренному, терпѣливому сердцу скоро почувствовать, что иго Христово благо и бремя легко; нищета, которая пригибаетъ духъ страдальца смиреніемъ ниже праха земнаго, но смиреніемъ-же возноситъ его и до высотъ небесныхъ, такъ что, по отрѣшеніи сего многострадальнаго духа изъ оковъ изстрадавшейся плоти, ему остается только воспарить на крыльяхъ ангельскихъ на лоно Авраама къ подножію престола Отца небеснаго. Такая нищета, да, спасаетъ. Но губить души нищета еще даже злѣе, чѣмъ губить богатство, когда нищій жаденъ къ приобрѣтенію благъ міра сего, какъ и богатый; когда нищій жаденъ къ доступнымъ ему тѣлеснымъ наслажденіямъ также, какъ и богатъ, только жадность эта у одного, у нищаго, гораздо свирѣпѣе, чѣмъ у другаго, у богача; когда нищета необузданно переноситъ отъ голода и объяденія, не воздерживаетъ и отъ пьянства, погружаетъ въ безпутства всякаго рода, поощряетъ всякаго злѣйшаго вида хищничество, развиваетъ зависть къ чужому добру и ненависть ко всякому чужому счастью, развиваетъ нерѣдко скверноствяжательство до ужасающихъ размѣровъ, такъ что нищій, и отказывая себѣ во всемъ, моря себя голодомъ и холодомъ, и хищничая и грабя, готовый изъ-за ничтожной корысти даже изувѣчить и убить, нерѣдко накапливаетъ себѣ своимъ сквернымъ ремесломъ большія богатства; когда нищета учитъ не при-

знательности добродѣтельнымъ дѣтелямъ и любви ко всему человѣчеству, не благодарности Промыслу, благодѣющему даже въ страданіяхъ, но учитъ ненавидѣть міръ и проклинать свою судьбу, проклинать все и всѣхъ... О, такая нищета не спасаетъ. Не спасаетъ, по крайней мѣрѣ, безъ особенныхъ направляющихъ дѣйствій милосердаго Промысла.

Не губить и богатство. Самъ Авраамъ, который даетъ страждущему во адѣ богачу такіе полные и жалости и непреклонности печальные отказы, самъ Авраамъ, какъ извѣстно, былъ при жизни богатъ и воспріялъ многая благая въ животѣ своемъ. Тѣмъ не менѣе онъ утѣшается въ самыхъ горнихъ сферахъ и рай небеснаго, такъ что и другіе небожители, пришедшіе изъ міра сего, утѣшаются у него, у Авраама, въ его обителяхъ, почивая на лонѣ его. Выраженіе образное, но оно показываетъ, что праотецъ вѣрующихъ Авраамъ перенесся отъ не малыхъ благъ жизни привременной къ высшимъ благамъ и вѣчной жизни. Отсюда ясно, что богатство само по себѣ, безотносительно къ употребленію его, не губить людей для жизни вѣчной. Оно даже спасительно, какъ спасительное средство. Тѣмъ не менѣе недаромъ Христосъ Спаситель указываетъ богатому печальную трудность достигать душевнаго спасенія, когда говоритъ, что *удобнѣе верблюду сквозъ иглы уши пройти, нежели богатому въ царствіе Божіе внити*. Въ чемъ-же дѣло? Отчего это такъ?

Отвѣтъ ясенъ и извѣстенъ. Его даетъ въ своемъ лицѣ богатъ евангельской притчи. Въ одеждѣ онъ озабоченъ, чтобъ облачатся, если можно, только въ порфиру и виссонъ. Забота о щепетильной чистотѣ, о порядочности, о нарядности, объ изяществѣ въ нарядахъ, плотности, о порядочности, о нарядности, объ изяществѣ въ нарядахъ, о хорошемъ или даже высокомъ тонѣ въ одеждѣ, о щегольствѣ, о способахъ перещеголять другихъ, выдѣлаться изъ другихъ менѣе порядочныхъ, страхъ только походить въ одѣянніи на другихъ даже изъ своего круга, не говоря о низшемъ, но не превосходить ихъ, грызутъ его день и ночь. Подумайте, какихъ щегольство и роскошь не выдумываютъ теперь хитрыхъ тканей? А такъ какъ изобрѣтательность на выдумываніе тканей не безконечна, то сколько хитростей прикладывается къ тому, чтобъ переиначивать цвѣта, узоры, тонкость шитья, вязанья и плетенья, чтобы давно существовавшія матеріи дѣлать какъ бы новыми, а главное новомодными? Сколько посылаемыхъ Богомъ даровъ достатка тратится втунѣ на все новомодное? Сколько способовъ кидается за окно за одинъ только покрой платья, за то только, что

онъ вывезенъ изъ-за границы, непременно изъ извѣстныхъ только пунктовъ, отъ извѣстныхъ только лицъ, изъ столицъ міра, Парижа или Лондона? Говорить-ли о томъ, что богатъ обязанъ самымъ положеніемъ своимъ веселиться на вся дни свѣтло? Обязанъ имѣть чуть не вельможу — повара, артиста своего кухоннаго дѣла? Обязанъ содержать прислугу, какъ бояръ? и чѣмъ больше ея, тѣмъ лучше, тѣмъ наряднѣе? Обязанъ убивать свое время и отнимать его у своего круга множествомъ выѣздовъ, обиліемъ и блескомъ пріемовъ? Обязанъ кидать безумныя деньги на яства только потому, что они приготовлены какою-либо знаменитостью повареннаго искусства, а за питія только потому, что на нихъ наклеены бумажки съ означеніемъ особенно высокихъ цѣнъ, съ ничтожнѣйшимъ оттѣнкомъ въ самомъ качествѣ питій? Говорить-ли, что нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, богатъ тогда только можетъ быть принятъ за такового, когда онъ живетъ въ домѣ, похожемъ на царскія палаты, когда одна какая-либо лѣстница, одна картина, одна дверь, одинъ мозаическій столикъ, иногда одинъ букетъ цвѣтовъ, днесъ красующійся, а утрѣ въ печь вметаемый, стоятъ цѣлыхъ состояній? Пускай тамъ у вратъ этихъ пышныхъ палатъ умираютъ хоть тысячи нищихъ Лазарей, которые желаютъ насытиться хотябы отъ крупницъ, падающихъ отъ трапезы богатаго.

Что-же губить въ богатствѣ? Губить не богатство, употребляемое на добро, и даже на удовольствіе, согласно изволенію самого Бога, который даетъ намъ блага жизни и въ наше собственное наслажденіе. Но губить эта воспитываемая богатствомъ гордость, для которой недостаточно никакого состоянія для того, чтобъ сравниться съ высшими, дотянуться до равныхъ и превзойти ихъ, а всячески выдѣлиться въ образѣ жизни изъ круга низшихъ. Губить эта роскошь, которая самыхъ высокихъ господъ заставляетъ тратить баснословныя деньги на блестящія, часто на пустѣйшія ненужности, а низшихъ побуждаетъ дотягиваться до высшихъ и разрываться въ безплодныхъ усиліяхъ. Губить эта непрерывная погоня за наслажденіями, которая заставляетъ человека истощать свои душевныя и тѣлесныя силы, чтобы доставлять себѣ непрерывное раздраженіе чувственности, или даже добывать пустѣйшія развлеченія, лишь-бы только по душѣ непрерывно проносился несмолкающій гулъ то порывистаго вихря, то хоть легко поддуваемаго и уносящаго душевную легкость вѣтра мірской суеты. Губить въ богатствѣ это безсердечіе, по которому богачамъ всегда не достаетъ

всѣхъ ихъ способовъ на ихъ собственные нужды и удовольствія; которое въ ихъ собственномъ самодумствѣ дѣлаетъ ихъ цѣлью не только для нихъ самихъ, но и для всего міра, а міръ единственно только средствомъ для нихъ; которое заставляетъ богачей закрывать свои глаза для всякаго чужаго страданья, для всякой чужой нужды, изъ одной даже боязни получить себѣ какое-либо непріятное ощущеніе, которое если иногда и позволяетъ или даже побуждаетъ кинуть въ сторону нищеты какое-либо благотвореніе, то почти только изъ брезгливаго ощущенія нужды отвязаться отъ чужой назойливости, отвернуть поскорѣе очи отъ чужой нужды, тѣмъ болѣе отъ чужаго страданья, чтобъ не портить состоянія своего духа и благосостоянія тѣлеснаго. Губить безсердечіе, которое иной разъ дѣлаетъ человѣческій эгоизмъ менѣе доступнымъ чувству жалости къ ближнему, къ брату, къ человеку, чѣмъ эгоизмъ животный, при чемъ иной несчастный скорѣе добьется ласки какого-либо близкаго къ человеку безсловеснаго, въ родѣ тѣхъ псовъ, которые жалостливо лизали гной изъ струпьевъ бѣднаго Лазаря, чѣмъ ласковаго взгляда или слова человека, отупѣвшаго отъ непрерывнаго счастья, въ родѣ евангельскаго богача. Главнымъ-же образомъ губить это одеревенѣніе чувства, пресыщеннаго благами міра, или утомленнаго погоней за ними,—одеревенѣніе, которое заставляетъ человека забывать о Богѣ, не вѣрить въ Его промыслъ, даже отрицать Его бытіе,—одеревенѣніе чувства, которое естественно ведетъ за собою и ослѣпленіе ума. Мы назвали, наконецъ, болѣзнь, которая имѣла свои жертвы во всѣ вѣка, но въ послѣднее время, но въ нашъ вѣкъ становится повальною,—болѣзнь противъ которой въ наши печальные темные дни не оказывается и достаточно цѣлесообразнаго врачевства...

Ища однако-же болѣе цѣлесообразнаго лѣкарства противъ этой современной немочи, противъ ослѣпленія ума, мнящаго себя нынѣ зрячимъ болѣе, чѣмъ когда-либо на пространствѣ вѣковъ, попытаемся поставить себя въ положеніе современниковъ Господа Іисуса Христа, на точку зрѣнія непосредственныхъ слушателей произнесенной Имъ притчи о богатомъ и Лазарѣ, и оттуда спустимся нашимъ взоромъ внизъ чрезъ все это пространство временъ до нашего времени. Ясно, что уже и тогда чувствовалась нужда въ произнесеніи этой притчи, чтобы возбудить вѣру въ Бога мздовоздателя и расположить людей къ дѣламъ милосердія, чтобы возродить надежду на воздаяніе райское на небѣ за

добродѣтель и адское въ вѣчной мукѣ за жизнь безпечную, жестосердную, чувственно-порочную и полную безвѣрія. Известно, что были и тогда саддукеи, саддукеи не только мысли, но и дѣла. Было множество лицъ, которые, гонясь за благами привременной жизни и ея наслажденіями, старались то не думать о Богѣ, то успокоить себя сомнѣніями въ Его промыслѣ, то окончательно заставить замолчать свою совѣсть, погрузивъ ее въ рѣшительное безвѣріе. Были и въ то время люди, которые желали собственно обезпечить себѣ право на нестѣсненную безнравственную жизнь, между тѣмъ однако-же обольщали самихъ себя и другихъ тѣмъ, будто они утверждаютъ на крѣпкихъ соображеніяхъ ума, да и посмѣивались надъ вѣрою въ бытіе Бога, горняго міра и въ безсмертіе. Для такихъ-то современниковъ своихъ и изрекъ Господь Иисусъ свою грозно вразумительную притчу о богатомъ и Лазарѣ, напоминая всѣмъ о грозной дѣйствительности, о дѣйствительномъ бытіи рая на небѣ и ада въ преисподней. Онъ напоминаетъ о дѣйствительномъ бытіи Моисея и пророковъ, которые дивно-высокое ученіе свое о Богѣ и добродѣтели, о загробномъ судѣ и воздаяніи, запечатлѣли дивными своими дѣлами, достойными истинныхъ посланниковъ Божіихъ, запечатлѣли какъ высочайшими подвигами добродѣтели, такъ и множествомъ чудесъ и пророчествъ, сбывавшихся во-очію всего Израиля. Объясняетъ Христосъ современнымъ Ему евреямъ, а въ лицѣ ихъ и намъ, что и между нами многіе не довольствуются всею совокупностію данныхъ, представленныхъ у Моисея и пророковъ въ подтвержденіе небснаго ихъ ученія, чтобы вѣрить въ Бога, въ обязательность добродѣтели и жить праведно; но желали многіе тогда, какъ и теперь желали-бы многіе, чтобы съ неба или изъ ада пришелъ кто-либо къ намъ на землю, и засвидѣтельствовалъ намъ по личному опыту, что тамъ дѣлается за гробомъ, засвидѣтельствовалъ, что рай и адъ существуютъ на дѣлѣ, надѣясь, что если кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, и придетъ къ намъ, и скажетъ, что тамъ такое, то мы непременно покаемся-бы. Далѣе Христосъ Господь изрекаетъ устами Авраама, повидимому, нѣчто странное: *имѣете Моисея и пророковъ, ихъ и слушайте. Если-же Моисея и пророковъ не слушаете, то если-бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не имате вѣры*. Этого мало. Онъ сказалъ современнымъ Ему іудеямъ больше; сказалъ, что *Я самъ пошлю вамъ новыхъ пророковъ*, вооруженныхъ всею силою знаменій

и чудесъ; тѣмъ не менѣе вы ихъ не только не послушаете но и *распнете отъ нихъ и убіете*. И чтоже? Сбылось-ли слово Христово?

Сбылось и сбывается наипоразительнѣйшимъ образомъ, сбылось надъ современниками Господа Иисуса, сбывается и надъ нами, надъ нашими современниками. Иисусъ Христосъ самъ воскресъ изъ мертвыхъ. По воскресеніи являлся многимъ. Одинъ разъ явился болѣе чѣмъ пятистамъ братіямъ, изъ которыхъ многіе жили еще долго по Его воскресеніи. Иисусъ Христосъ послалъ іудеямъ и въ міръ весь своихъ учениковъ апостоловъ, вооруженныхъ дивною силою знаменій и чудесъ, засвидѣтельствовавшихъ истину воскресенія Христова своею собственною смертію, пожертвовавшихъ за свидѣтельство истины своею собственною жизнью. А повѣрили-ль свидѣтельству ихъ современные іудеи? Не повѣрили многіе. Многіе видя не видѣли, слыша не слышали и не разумѣли сердцемъ. А вѣримъ-ли мы? *Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси во истину Христосъ, Сынъ Бога живаго*. Но многіе даже изъ исповѣдующихъ сіе не забываютъ прибавить къ сему и другую евангельскую молитву: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію*. А мало-ль между нами и такихъ, которые то совсѣмъ не вѣруютъ, то увѣряютъ себя, что не вѣруютъ; то думая, будто вѣруютъ умомъ, отрицая вѣру сердцемъ? Такъ называемая наука, будто-бы ясными доводами, ниспровергающими вѣру, ослѣпляетъ умы и разрушаетъ путеводное начало вѣры въ дѣлѣ нравственности. И обратно, потребность не стѣсняться требованіями нравственности, погоня за чувственными наслажденіями безъ удержа, ненасытная жажда завоевать себѣ какъ можно больше матеріальныхъ благъ,—все это, слагаясь въ такъ называемый практическій матеріализмъ, повально рушитъ всѣ основы вѣры, взгромождая цѣлыя, будто-бы, твердыни научныхъ основъ повальнаго отрицанія. Что фактъ земной жизни Господа Иисуса Христа и Его воскресенія налицо, что онъ научно непреложенъ и неопровержимъ, объ этомъ мы забыли думать. Это мы не желаемъ ни видѣть, ни слышать. Предоставляя Богомъ способами мы не желаемъ про-свѣтить слѣпоту своихъ умственныхъ очей. Нѣтъ. Повторяя современныхъ Господа Иисуса Христа, мы готовы взывать,—куда взывать? Не къ Аврааму, конечно, какъ евангельскій богачъ, не къ небу вообще, но въ пустое пространство міра, безъ неба и Бога: охъ! если-бы кто-либо съ того свѣта, если онъ есть, пришелъ, да засвидѣтельствовалъ либо съ того свѣта, если онъ есть, пришелъ, да засвидѣтельствовалъ либо съ того свѣта, если онъ есть, пришелъ, да засвидѣтельствовалъ либо съ того свѣта, если онъ есть, пришелъ, да засвидѣтельствовалъ намъ по личному опыту, что тамъ такое. Охъ! тогда, кажется, мы по-

кались-бы и зажили-бы по божьему. Увы, мечта и пустая мечта! Мы однакоже упрямо силится осуществить свою мечту, какъ и древнее человечество осуществляло. Изучая всѣ приемы чернокнижія, какіе когда-либо были вѣдомы человечеству, мы воскресили забытые на многие вѣка въ христіанствѣ древнѣйшіе способы вызыванія мертвыхъ. И вызываемъ, да. И съ такимъ искусствомъ вызываемъ, съ такими поразительными вліяніями на человѣческое убѣжденіе въ дѣйствительности этихъ опытовъ, что опытному усмотрѣнію явленія мертвецовъ безсильны противиться весьма сильные умы весьма ученыхъ мужей, не говоря о многихъ миллионѣхъ простыхъ смертныхъ, однакоже такихъ, между которыми нужно считать миллионами же число и умныхъ и вообще здравомысленныхъ людей. Фактъ вызыванія мертвецовъ и явленія отшедшихъ душъ всѣмъ чувствамъ вызывающихъ, не только зрѣнію, но и слуху и осязанію, какъ и всѣмъ вообще внѣшнимъ чувствамъ, фактъ даже такъ называемой матеріализаціи вызванныхъ покойниковъ для чувства зрителей не можетъ подлежать оспариванію, какъ засвидѣтельствованный многими тысячами опытовъ и свидѣтелей. Этотъ фактъ тысячекратнаго чрезвычайнаго вызыванія подтверждается множествомъ фактовъ и обычнаго, ничѣмъ искусственнымъ не вызываемаго, хотя и никакъ необъяснимаго явленія покойниковъ живымъ и здоровымъ людямъ; подтверждается множествомъ подобныхъ явленій какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена, такъ и въ наши самые послѣдніе дни. Кажись-бы въ виду подобнаго, даже опытнаго усмотрѣнія, всѣмъ оставалось-бы не только вѣрить въ загробный міръ, но и ясно знать, что онъ существуетъ, знать также, какъ знаемъ то, что теперь день и свѣтитъ солнце на небѣ, хотя и чрезъ сумракъ тумана. Въ виду опытнаго усмотрѣнія оставалось-бы непрерываемо вѣрить въ таинственную сторону христіанства, но вѣримъ-ли? Но вѣрятъ-ли? Не спрашиваю, вѣрятъ-ли всѣ? Но спрашиваю, не принято-ли въ такъ называемомъ интеллигентномъ кругѣ за тонъ порядочности ничему такому не вѣрить? Спрашиваю, не принято-ли за признакъ тупаго невѣжества вѣрить во что-либо, кромѣ самыхъ положительно научныхъ истинъ, кромѣ объяснимыхъ физикою и психо-физикою явленій? Спрашиваю, не принято-ли даже у полувѣрующихъ ублаживать и чувство и совѣсть возможнымъ устраненіемъ изъ мысли и сознанія всякихъ загробныхъ страшилищъ, какъ будто они и дѣйствительно составляютъ только плодъ суевѣрія, невѣжества и ребяческихъ страховъ? Не склоненъ-ли

каждый изъ насъ желать, чтобы не только всей совокупности человечества, но и каждому изъ насъ въ отдѣльности, являлись жители того свѣта и свидѣтельствовали о дѣйствительномъ бытіи другаго міра, и только подъ этимъ условіемъ мы готовы-бы жить по вѣрѣ, согласно требованіямъ чистой нравственности? Не повторяетъ-ли каждый изъ насъ въ своемъ лицѣ, въ этомъ случаѣ, и евангельскаго богача и его пять братьевъ, для которыхъ свидѣтельство о горнемъ мірѣ Моисея и пророковъ и всего божественнаго домостроительства спасенія не значило ничего, какъ и для многихъ нашихъ современниковъ значитъ не много? Не выбрасываютъ-ли надъ собою цѣлые миллионы европейскихъ и сѣверо-американскихъ спиритовъ знамя надежды и рѣшимости ниспровергнуть христіанство и водворить чистѣйшій матеріализмъ? Не надѣются-ли ученые мужи изъ спиритовъ въ самой матеріализаціи вызванныхъ мертвецовъ уловить не болѣе, какъ высшую, тончайшую, невидимую матерію, въ которой сохраняется невидимо для обыденнаго зрѣнія не только существо, но и самосознаніе отшедшихъ душъ, но матерію, замѣняющую и отрицающую Бога, какъ безпредѣльно совершенное самосознаніе? Или не надѣются-ли они даже убѣдиться и убѣдить, что и видимость, и осязаемость, и обнаруженія самосознанія вызываемыхъ яко-бы съ того свѣта душъ осуществляются единственно только въ самосознаніи и въ чувствахъ вызывающихъ живыхъ людей? Иначе сказать, не надѣются-ли они водворить на мѣстѣ всякаго общечеловѣческаго здравомыслія настоящее сумасшествіе, но сумасшествіе научное? А всячески, въ концѣ-концовъ, этимъ новымъ, въ сущности-же подновленнымъ, наидревнѣйшимъ чернокнижіемъ вызыванія мертвыхъ не устраняются-ли не только христіанство, но и здравая вѣра въ Бога и въ безсмертіе? И не сбывается-ли воочію надъ нами слово Христово: не слушаемъ ни Моисея, ни пророковъ, ни Іисуса Христа и апостоловъ Его, и выходитъ, что воскресаютъ и мертвые и являются нашимъ даже внѣшнимъ чувствамъ съ своимъ опытнымъ свидѣтельствомъ о бытіи загробнаго міра, а между тѣмъ современное человечество все-же не имѣетъ настоящей вѣры. Что обратнымъ ходомъ логическаго мышленія непреложно подтверждаетъ истину слова Христова и христіанства.

Есть Богъ, и непреложно безсмертіе человѣческаго духа. Есть рай и адъ. Есть и будетъ послѣдній страшный судъ и воздаяніе за добродѣтель, какъ и вѣчная казнь за грѣхи. Но важный вопросъ: если

жизнь протекла безпечно, а смерть постигла безгодная, остается-ли какая надежда на облегчение, на спасение отшедшей души? На это отвѣтимъ уже прямымъ, положительнымъ ученіемъ церкви, словами синаксаря церковнаго на прошедшую мясопустную субботу, который говоритъ, что облегчаетъ и спасаетъ безгодно отшедшія души поминовение; спасаютъ молитвы церкви, приношеніе и милостыни, подаваемые за усопшихъ; что поминовение особенно благотворно тѣмъ душамъ, которыя при жизни, грѣша по-человѣчески не мало, творили и нѣчто доброе; что хотя у отшедшей души окажется немало и долговъ предъ правдою Божіею, но Божіе человѣколюбіе на много превосходитъ ихъ; что если всѣхъ добрыхъ и худыхъ дѣлъ на вѣсахъ правды окажется и равенъ, то человѣколюбіе Божіе побѣдитъ; если-же на вѣсахъ правосудія мало и перевѣситъ мѣрило злыхъ дѣлъ, то благодать Божія опять преодолѣетъ, только не иначе, какъ силою молитвъ церкви, поминовения объ отшедшей душѣ и совершаемыхъ за нее приношеній и милостынь.

Окружая теперь этотъ гробъ и совершая надъ почившимъ въ немъ послѣднія поминальныя и разрѣшительныя молитвы, мы питаемъ вѣру, что отдаемъ послѣдній христіанскій долгъ доброму христіанину, честному и полезному слугѣ отечества и общества, замѣчательному гражданину, высоко развитому уму, многосвѣдущему мужу, который пронесся по великому поприщу пространства и времени, изучилъ много краевъ и лицъ, своихъ и чужихъ, который лично видѣлъ умственный расцвѣтъ высшихъ геніальнѣйшихъ выразителей русской мысли и поэзіи, Пушкина и Гоголя, который въ умѣ своемъ носилъ широкіе замыслы на пользу отечества и града нашего. Вѣруемъ, что по нашей вѣрѣ, за молитвы церкви, Богъ милосердый помянетъ содѣянное имъ, въ долгую жизнь его, добро и проститъ ему всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія; яко нѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ. А только всѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи почившаго, отнесемъ къ совершаемому нами печально-торжественному дѣлу съ тѣмъ глубокимъ вниманіемъ, какого оно заслуживаетъ съ христіанской, а не съ мірской точки зрѣнія. Остережемся, чтобы печально-торжественное собраніе наше у сего гроба не оказалось суетнымъ холоднымъ выраженіемъ того злаго духа отрицанія, который требуетъ только пышной при торжественныхъ похоронахъ представительности, не болѣе, — представительности, значеніе которой и благотворность для погребяемаго Го-

сподъ Іисусъ Христосъ очертилъ и освѣтилъ двумя-тремя словами: *умре-же богатый и погребоша его, и во адъ сый въ мукахъ...* Крѣпко вдумаемся въ смыслъ и значеніе печальной церковной пѣсни, которая сію минуту будетъ возглашена: *зряще мя безласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапно найде на мя страшный часъ смертный. Но приидите вси любящии мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ. Ктому уже не похожду съ вами и не буду уже собесѣдовать болѣе. Къ Судіи бо отхожду, идѣже нѣсть лицепріятія: рабъ бо и владыка вкупѣ предстоятъ, царь и простой воинъ, богатый и убойй, въ равнѣмъ достоинствѣ. Ибо каждый отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится. Но прошу всѣхъ и молю, непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу, да не буду низведенъ по грѣхамъ моимъ на мѣсто мученія, но да вчинитъ мя Христосъ Богъ туда, идѣ вѣчно сіяетъ свѣтъ жизни. Аминь.*

1885 г.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи полковника Александра Михайловича Катанскаго, бывшаго начальника жандармскаго управленія.

Апостолы (Павелъ съ Варнавою) утверждаху души учениковъ, моляще пребыти въ вѣрѣ, и яко многими скорбями подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе. Дѣян. 14, 22.

Вотъ въ чемъ св. апостолы утверждали души учениковъ, распространяя въ мірѣ евангельскую проповѣдь; вотъ въ чемъ умоляли ихъ пребывать постоянно, — въ вѣрѣ вообще, и въ частнѣйшемъ, но необходимомъ убѣжденіи, что въ царствіе Божіе подобаетъ намъ внити не иначе, какъ многими скорбями. Необходимо это убѣжденіе, какъ самая вѣра; необходимо, какъ существенная часть вѣры, какъ неот-

мѣнное ея дополненіе и лучшее живое проявленіе. Однако-же отчего бы это нужно было достигать царствія Божія не иначе, какъ скорбями, да и скорбями-то многими?

Богъ есть потребность скорбящаго сердца, — говорилось въ старой философіи. Эта истина основана на психологическомъ, на душевномъ опытѣ. Извѣстно, что въ счастіи человѣкъ легко забываетъ Бога, въ несчастіи-же наоборотъ, вспоминаетъ Бога и забывшій Его. Самый стонъ скорбящей души, самый вопль боли, ею испускаемый, самое чувство безпомощности, естественно рождающееся въ минуты невзгоды внѣшней и неисходной тоски внутренней, все это невольно обращаетъ очи страждущаго къ небу, съ вѣрою-ли, безъ вѣры-ли. Самое безвѣріе тогда естественно стремится переродиться въ вѣру, самая безнадѣжность невольно окрыляется хотя слабою надеждою, увлекаясь естественнымъ и невольнымъ желаніемъ выбиться изъ тоски и отчаянія, избавиться отъ душевно-тѣлесной боли, устранить отъ себя грозу смерти, отворотить отъ себя, какъ наиболѣе противный и возмутительный, безысходный мракъ смерти вѣчной, понимать-ли ее какъ муку вѣчную, или-же какъ вѣчное уничтоженіе. Бываетъ, что люди накликаютъ на себя смерть, даже причиняютъ ее себѣ; но это преступное движеніе чувства и воли, а иногда и самоубійственной руки, всегда, по крайней мѣрѣ, въ самой большей части случаевъ, бываетъ порывомъ отчаянія и малодушія. Глядѣть-же всегда, или-же слишкомъ часто въ лицо смерти и смертной мукъ слишкомъ противоестественно, — тогда человѣку непремѣнно захочется жить, жить для свѣта и радостей, просто даже для ощущенія жизни. Захочется опереться на высшую силу, способную отворотить смерть и смертную муку, какъ и всякое страданіе. Захочется прибѣгнуть къ Богу, Владыкѣ жизни и смерти, Богу подателю всѣхъ благъ и Спасителю отъ всѣхъ золъ. Частыя-же скорби и страданія, постоянныя-же опасности, а особенно опасности смертныя держать душу въ постоянномъ напряженіи, въ постоянномъ обращеніи и стремленіи къ Богу Спасителю. А сохраняя и поддерживая душу въ этомъ направленіи, соблюдаютъ ее по возможности отъ всякой скверны плоти и духа, и дѣйствительно приближаютъ къ Богу, приближаютъ не однимъ только обращеніемъ и стремленіемъ къ Богу, но и очищеніемъ и усовершенствованіемъ, соблюденіемъ заповѣдей Божіихъ и богоугожденіемъ. Такъ и достигаетъ человѣкъ царствія Божія многими скорбями.

Потому-то его-же любить Господь, наказуетъ; бѣетъ-же всякаго

сына, его-же пріемлетъ за сына съ любовію Отца. Потому-то когда человѣкъ непогибельный забывается, Богъ насылаетъ на него скорби, ввергаетъ его въ пещь искушенія, въ которой человѣкъ и искушается, яко злато въ горнилѣ. Когда забывается и народъ благовѣрный, Богъ ввергаетъ его въ пещь или войны, или заразы, или голода и другихъ всенародныхъ бѣдствій. И смотрите, вспомните, какъ въ годину всенароднаго искушенія духъ народа возвышается, какъ вѣра крѣпнѣетъ, какъ теплота народнаго благочестія возрастаетъ, народныя молитвы множатся, становятся неотступнѣе, доблестные подвиги терпѣнія и самоотверженія, вѣры и вѣрности, человѣколюбія и милосердія учащаются, становясь даже заурадными и обычными, и общество, въ другія поры даже легкомысленное и во многихъ отношеніяхъ несовершенное, въ годину народнаго бѣдствія больше и больше уподобляется царствію Божію на землѣ. Посмотрите, подумайте, какъ воины на войнѣ, какъ моряки на морѣ, которымъ смерть такъ часто и упорно глядитъ въ глаза, какъ они, тайно-ли, явно-ли, но почти всегда и почти всѣ въ душѣ бываютъ невольно и естественно обращены къ Богу, и какъ иныя потрясенія, въ буряхъ-ли морскихъ, въ буряхъ-ли сраженій, отражаются сильными и болѣе или менѣе благотворными потрясеніями въ сердцахъ, нерѣдко на всю жизнь до гроба, провожая и за гробовую доску.

Примѣръ этому представляетъ и почившій нашъ собратъ, воинъ, въ послѣднее время, не морскихъ битвъ съ врагами-ли отечества, съ враждебными-ли стихіями, и не сухопутныхъ сраженій съ врагами отечества внѣшними, но воинъ неустанной борьбы съ врагами внутренними. Тѣмъ не менѣе эта борьба тяжка и страшна тѣмъ, что съ одной стороны, со стороны тайныхъ враговъ ведется ожесточенно, скрытно и коварно, а съ другой — требуетъ неустойчивости, крайнихъ изощреній ума и тягостно-изнурительныхъ напряженій воли. Въ тоже время эта борьба представляетъ много и опасностей, просто смертныхъ опасностей, помимо многихъ другихъ, опасностей не открытыхъ, какъ во честномъ бою на бранномъ полѣ, но опасностей изъ-за угла, опасностей ежеминутно грозящихъ невѣдомо откуда, непредвидимыхъ и нечаемыхъ, но неотступно грозящихъ молній съ яснаго неба... Такая-то вотъ молнія и ударила въ почившаго. Она не сразила его окончательно и сразу. Богъ и собственное мужество тогда спасли его отъ внезапной смерти. Но это потрясеніе, съ предшествовавшимъ многолѣтнимъ напряженіемъ всѣхъ силъ души, над-

ломило его до неспособности жить. И съ тѣхъ поръ онъ только умира-
ралъ. Умиралъ физически, пока и не закрылъ очей навѣки; но на-
сколько видитъ человѣческій глазъ, въ тоже время ожилъ, окрѣпъ и
просвѣтлѣлъ духовно... Мы слышали, какъ онъ тогда горячо, съ какою
вѣрою и признательностію спасительному Промыслу молился. Выходить,
что и ему, доброму христіанину и вѣрному слугѣ своего царя и оте-
чества, прекрасному гуманнѣйшему человѣку,—и ему подобало внити
въ царствіе Божіе многими скорбями.

Радоваться-ли намъ? Скорбѣть-ли? Возрадуемся тому, что сей
братъ нашъ доблестнѣйшимъ образомъ исполнилъ долгъ жизни, по-
страдавъ за вѣру и вѣрность даже до крови и все-же, несмотря на
спасеніе отъ непосредственно грозившаго ему убійственного замысла,
положилъ животъ свой за своего царя и отечество; возрадуемся тому,
что онъ умеръ, какъ и жилъ, добрымъ христіаниномъ. Поскорбимъ-же,
какъ и скорбимъ о томъ, что эта гангрена внутренней крамолы раз-
рослась въ нашемъ государственномъ тѣлѣ въ небывалыхъ прежде раз-
мѣрахъ, съ неслыханною злокачественностію. И вотъ одна изъ невин-
ныхъ жертвъ этой крамолы, не первая въ Одессѣ! Прискорбно и по-
стыдно! Прискорбно и постыдно потому, что мы пока еще не сильны
искоренить въ себѣ эту язву, эту гниль, эту смертоносность, оздоров-
леніемъ общественнаго духа, окончательнымъ отрезвленіемъ умовъ,
полнымъ воскрешеніемъ въ насъ и дѣтяхъ нашихъ старо-русской, ца-
релюбивой, христолюбивой вѣрности святымъ завѣтамъ нашихъ отцовъ.
Преклонимся предъ памятью почившаго. Своею жизнію и особенно
смертію онъ представилъ намъ достоподражаемый примѣръ, преподавъ
поучительный урокъ и нѣкоторое предостереженіе. *Блудите, како
опасно ходите, не якоже немудры, но якоже премудры искупую-
ще время, яко дніе лукави суть. Стойте въ вѣрь, мужайтесь,
укрѣпляйтесь.* Умѣйте хорошо жить, чтобы хорошо, чтобы честно и
достойно по-человѣчески, по-христіански умереть, чтобы и намъ добрые
люди, усердные наши предъ Богомъ молитвенники въ свою пору ска-
зали, какъ мы говоримъ теперь сему почившему брату нашему: *вѣч-
ная тебѣ память, достоблаженне и приснопамятне брате нашѣ.*
Аминь.

1886 г.

ПОУЧЕНІЕ

надъ гробомъ околоточнаго надзирателя, убитаго въ свалкѣ.

*Зряще мя безласна и бездыханна, вос-
плачьте о мнѣ братіе и друзи, сродницы и
знаеміи.*

Да, стоитъ, да, нужно плакать, всѣмъ намъ плакать, плакать о
нашемъ покойникѣ, плакать о себѣ.

Вчера вотъ человѣкъ не думалъ умирать, былъ полонъ здоровья
и крѣпости. Стоялъ на своемъ мѣстѣ, какъ единъ отъ насъ, какъ гра-
жданинъ, какъ обеспеченный благонадежнымъ общественнымъ строемъ
членъ общества, и даже водворялъ порядокъ, какъ воинъ, какъ пред-
ставитель силы власти, какъ блюститель порядка. Вдругъ неожиданный
ударъ, и онъ лежитъ поверженный, онъ искалѣченъ навѣкъ, онъ
закрываетъ очи ума и сознанія, а чрезъ нѣсколько часовъ закрываетъ
и тѣлесныя очи навѣки. Для него, для этого оплакиваемого нами че-
ловѣка, совершился величайшій актъ бытія, совершилась неожиданная
негаданная встрѣча его жизни со смертію, совершилась такъ просто,
негаданно-бы сказать, такъ случайно, такъ негаданно; такъ даже бессмы-
сленно, что и разгадать и осмыслить трудно, такъ горько, что и слезъ
недостанетъ оплакать иной разъ горечь человѣческаго жребія.

Ужели-же ни луча свѣта и отрады? Просвѣтъ отрады и на этотъ безвре-
менный гробъ падаетъ къ намъ оттуда-же, откуда исходитъ всякій свѣтъ,
вещественный и духовный, на нашу темную землю,—исходитъ съ неба.
Мыслящій умъ и вѣрующее сердце находятъ себѣ свѣтъ и отраду
въ словѣ Христовомъ, что и волосъ съ головы нашей не падаетъ безъ
воли Отца нашего небеснаго, который любитъ каждаго изъ насъ, какъ
своего сына. Для чего нужны, къ чему направлены такія, повиди-
мому, горькія случайности, такія, повидимому, непоправимые приговоры
судьбы? Для руководимой вѣрою мысли ясно. Надъ всѣми нами не-
зримо бодрствуетъ Промыслъ. Ему нужно иногда остановить человѣка

у бездны паденія. Ему нужно отвратить отъ чловѣка тяжкое сщпленіе несчастій. Главное же, Промыслу нужно избавить насъ отъ конечной бѣды, отъ муки огня гееннскаго. Для чего нужно снять съ души ея вольныя-невольныя прегрѣшенія и очистить ее отъ всякія скверны, плотскія и духовныя. Для сего Промыслъ и насылаетъ на чловѣка тяжкій ударъ, иногда непоправимый ударъ. Насылаетъ, чтобъ этотъ ударъ снялъ съ насъ наши скверны; чтобы наша собственная кровь отмыла съ насъ наши грѣхи. Въ этой мысли для насъ просвѣтъ среди мрака и скорбей и золь и даже смертей; въ этой мысли отрада... Не для того погибъ чловѣкъ безвременно, чтобы погибнуть вѣчно, но чтобы спастись на вѣки вѣчныя. Не для того исключенъ изъ списка живыхъ, чтобъ и память его изгладилась навсегда, но чтобы на вѣчно быть вписаннымъ въ небесную книгу живота; не для того пролилъ нежданно свою кровь отъ злодѣйской руки, чтобъ эта рука поспѣшила стереть съ себя и брызги ея, какъ можно поскорѣе, но чтобъ эта кровь вѣчно говорила предъ престоломъ вѣчнаго Судіи убитому о прощеніи грѣховъ, убійцѣ-же о вѣчномъ возмездіи, о несмываемомъ проклятіи, аще не покается...

Тутъ, въ судьбѣ почившаго, можно находить еще нѣкоторую отраду. Но вотъ горе. Вотъ надъ чѣмъ мы должны проливать потоки слезъ, — надъ самими собою, надъ омрачающимся настроеніемъ нашей общей жизни. 40 лѣтъ тому назадъ слыханное-ли дѣло? Среди массы народа стоитъ блюститель порядка, и водворяетъ порядокъ среди расходившагося буйства. Теперь вотъ со всѣхъ сторонъ только и слышишь, — тамъ избили, тамъ изувѣчили, тамъ убили наповаль. Кого? Блюстителей-же порядка. На кого поднимается злостнѣйшая горечь языка и пера? На блюстителей порядка. Въ кого мечутся грознѣйшіе громы современнаго ораторства? Въ блюстителей порядка. На кого поднимается и злодѣйская рука? На нихъ-же, на блюстителей порядка. Тутъ есть свой логическій порядокъ.

Поднимается она теперь безконечно легкомысленно на всѣхъ и на все, и во-первыхъ на самоубійство. Боже мой! Вотъ ничтожное, обыкновеннѣйшее житейское огорченіе: „не хочешь идти со мной; иди-же своей дорогой; разойдемся въ разныя стороны“. Кажись, чего лучше? Что можно сказать чловѣку болѣе праваго и безобиднаго? Нѣтъ. Изъ двухъ одинъ оказывается обиженъ. Злоумышляетъ, обдумываетъ подробности адскаго убійства, чтобъ удовлетворить заявленной угрозѣ и

мести. И заносить убійственную руку, не щадя ни старости, ни дѣтства. За что?! За чѣмъ?! А такъ, для собственного удовольствія, для моментальнаго ощущенія, злобнаго, раздирающаго ощущенія: „знай-же вотъ“... Моментальнаго, раздирающаго, такъ какъ злодѣй тутъ-же, чрезъ нѣсколько часовъ, спѣшитъ покончить и съ собою; думаетъ — навсегда. Садится въ публичнѣйшемъ изъ мѣстъ, садитъ себя пулю въ лобъ, и тутъ-же на всѣхъ прохожихъ отряхиваетъ брызги собственной крови съ ворота своего платья...

Погружены мы въ заботы о мелочахъ, въ благоговѣніе предъ ихъ величіемъ и теряемъ чувство страха предъ величайшими величіями жизни. Вотъ онъ, простой ремесленникъ, глядя въ лицо блѣдной смерти, которую самъ-же и призвалъ, не на колѣни падаетъ въ грозный смертный часъ, у подножія храма, который онъ осквернилъ брызгами самоубійственной крови, а инстинктивно охорашивается передъ прохожими, смахивая брызги крови съ ворота своего платья.

Вотъ горе! Вотъ гдѣ нужны источники слезъ среди нашего маляничнаго веселья. Невѣріе спускается въ низшіе общественные слои. Страхъ Божій отлетаетъ. Не щадимъ другихъ, не щадимъ и себя. Льется кровь по пустѣйшимъ поводамъ.

Говорилось: громъ не грянетъ, русскій чловѣкъ не перекрестится. Въ прежніе годы это относилось къ безопасности русскаго чловѣка. Теперь же это нужно отнести насчетъ уже не русской безопасности, а безвѣрія, безстрашія, неуваженія ко всему святому. Креститься русскіе люди отвыкаютъ. Нужно, чтобы грянулъ громъ. И громъ грянетъ чувствуется если не приближеніе, то накопленіе грозы.

ПОУЧЕНІЕ

при гробѣ Таисіи Р., едва шестнадцатилѣтней, жены учителя семинаріи, умершей послѣ пятимѣсячной замужней жизни вслѣдствіе неосторожной простуды.

Неровная наша осень, раннимъ, неожиданнымъ прибытіемъ, неправильнымъ своимъ ходомъ, застуживая тысячи дожившихъ и недожившихъ жизней, застудила и смела съ лица земли и эту юную, едва распустившуюся, не вполне расцвѣтшую жизнь.

Уму опять одна изъ миллиона загадокъ: „жизнь, зачѣмъ ты намъ дана?“ — Зачѣмъ, когда она слишкомъ часто, даже неизбежно всегда не выполняетъ прирожденную ей задачу, не достигаетъ выражающагося въ неодолимомъ прирожденномъ ей стремленіи назначенія — жить? Одинъ померъ, едва только родился; другой померъ, не успѣвши родиться; третій померъ, только что выросъ и расцвѣлъ, когда только бы пожить; всѣ умираемъ, не успѣвши вволю нажить. И всякій гробъ, особенно такой поспѣшный, всякая могила, особенно такая ранняя, снова и снова ставятъ предъ нами вопросъ: „жизнь, зачѣмъ ты намъ дана?“ Умъ молчитъ тутъ, какъ и всегда. Но вотъ одна изъ немногихъ замѣчательныхъ смертей, въ которыхъ тайный голосъ говоритъ сердцу ясно, что жизнь для жизни намъ дана. Мы предлагаемъ общему нашему размышленію не единственную въ своемъ родѣ, но не всегда обычную, замѣчательную обстановку этой смерти.

Юная особа, гробъ которой теперь мы окружаемъ, имѣла ясное и отчетливое предчувствіе ранней своей смерти. Постоянно говорила о своей смерти. Разъ, въ глазахъ семьи, прилегли, закрыла себя доскою и говоритъ: „такъ закроютъ меня гробовою крышкой“, — такъ что люди, которымъ всего дороже была ея жизнь, вздрогнули: „что ты, Богъ съ тобой!“ ... Только что слегла въ постель, говоритъ: „я уже больше не встану“. Если мы не ошибаемся, въ одинъ изъ первыхъ дней, именно на третій день своей продолжительной трех-недѣльной болѣзни го-

ворить: „хочу исповѣдаться, причаститься. А то неравно предъ смертію лишусь сознанія“. На шестой день болѣзни, безъ всякой надежды на жизнь, безъ всякаго порыва пожить и пожить еще, сія юная особа съ радостью приняла святое напутствіе таинствомъ елеосвященія. Сія юная особа дѣлаетъ завѣщаніе: „положить меня тамъ-то, а не тамъ“, въ могилу на такомъ-то кладбищѣ. — Вотъ вопросъ, скажите: откуда такое странное предчувствіе? Такъ эта юная особа напоминаетъ собою столько памятную большей части изъ насъ смерть ея роднаго недавно утопшаго брата. Тотъ твердилъ роднымъ тоже, что умереть и даже въ памятной книжкѣ записалъ, что отъ воды умереть; въ день самой смерти, тоскуя, говорилъ: „у меня сердце болитъ“... Пригласилъ товарищей идти купаться, хотѣлъ развлечься и нашелъ смерть. А несомнѣнно умеръ неумышленно, — его неосторожно толкнули въ глубину, которою онъ и былъ увлеченъ. Откуда такое предчувствіе и зачѣмъ оно! Что оно говоритъ?

Между нами здѣсь не мало людей мыслящихъ, да и всѣ мы способны и призваны мыслить. Кто какъ хочетъ, а для моего сердца и даже для ума рѣшеніе вопроса тутъ ясно: изъ глубины тонкой, неодеревянѣвшей съ лѣтами, неиспорченной многими грѣхами природы, этотъ голосъ — это неодолимое ясное предчувствіе. Это была тонкая натура, юная женская душа, душа незатемненная, неотуманенная грубыми пороками, душа, склонная къ ясновидѣнію. И въ состояніи болѣзненнаго возбужденія душа эта видѣла ясно: „умру, умру скоро. Закроютъ меня гробовою доскою. Къ смерти готовиться нужно. Исповѣдываться, причащаться, собороваться. Къ жизни готовиться. Я жить хочу и зная — вижу, — что буду жива“... Вотъ по моему откуда, и вотъ что говорило это предчувствіе.

Еще одно обстоятельство. Дня за три до смерти больная, какъ и предвидѣла, потеряла сознаніе. Родные озаботились еще разъ пригласить священника, духовнаго отца съ животворящими тайнами. Къ сожальствію, нельзя причастить, больная безъ сознанія. Но только что священникъ отошелъ отъ постели, больная открыла очи и подала свой голосъ. Ей предлагаютъ причаститься св. таинъ. Только что предъ этимъ совершенно безсильная, тутъ въ это мгновеніе она съ радостнымъ сознаніемъ приняла св. тайны и тутъ же опять погрузилась въ безсознательное состояніе, изъ котораго не выходила уже до смерти, — что это значитъ опять? — Это значитъ, что душа сквозь ослабѣвшую

оболочку тѣла еще разъ рванулась къ жизни, чтобъ пріять залогъ жизни вѣчной...

Недостаетъ силъ у меня пожалѣть объ этой такъ и рано и сурово, тяжкими томленіями, порванной жизни: смерть обставлена такъ хорошо. Самые стоны страдальцы, самый бредъ умирающей были постояннымъ повтореніемъ молитвы: „прости, Господи, грѣхи рабы твоей Таисіи... Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго! За всѣхъ молиши Сына твоего Христа Бога нашего и всѣмъ твориши спастися въ державный твой покровъ прибѣгающимъ. Всѣхъ насъ заступи“... Такъ чувствуется тутъ, что тутъ именно по какимъ-то невидимымъ для насъ причинамъ, Господь поспѣшилъ восхитить эту юную, чистую, христіанскую, богобоязненную личность, да не злоба міра измѣнитъ разумъ ея и лесть жизни и среды прельститъ душу ея. — Такъ и думается тутъ, что одѣтая бѣлизною небснаго ээира, дышащая ароматомъ своей юной неиспорченности, кротко распускающимся для вѣчнаго цвѣтенія цвѣтомъ новымъ, свѣтлымъ ангеломъ-небожителемъ несется теперь по небу къ свѣту Божіа престола.

Приличнѣе тутъ печально подумать намъ о себѣ самихъ. Приступили, однажды, ученики Іисусовы ко Іисусу глаголюще: кто болей есть въ царствіи небсп.мъ. И призвавъ Іисусъ отроча, постави его посреди ихъ. И рече: аминь глаголю вамъ, аще не обратитесь и не будете, яко дѣти, не внидете въ царство небсное. Кто убо смирится, яко отроча сіе, той есть болей въ царствіи небсп.мъ. Мы вотъ здѣсь, настоящіе и будущіе учителя вѣры, мудрецы вѣка сего всячески, положительно и отрицательно, но смѣло рѣшающіе тайны неба и земли. И посреди насъ сіе отроча во гробѣ. Не слышится-ль намъ здѣсь около гроба божественный голосъ: аще не обратитесь и не будете, яко дѣти, не внидете въ царство небсное. Кто смирится яко отроча сіе, той будетъ болей въ царствіи небсп.мъ? И вотъ одна изъ разумныхъ цѣлей этой, повидимому, случайной напрасной смерти, — дать всѣмъ намъ спасительный урокъ небесъ, жизнь настоящую, и готовиться къ вѣчному блаженству жизни будущей, загробной. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

надъ гробомъ тридцати-лѣтней дѣвицы М., скончавшейся въ Италіи отъ чахотки.

Зряще мя безгласну и бездыханну, восплачите о мнѣ братіе и друзи, сродницы и знаеміи.

Жизнь моя была печальна и смерть, конечно, нерадостна.

Круглою сиротою провела я остатокъ далеко не старыхъ дней моихъ. Отца лишилась я давно. Матери два года тому назадъ. Приобрѣтая ей въ этой св. обители могилу и опустивъ туда ея прахъ, думала-ль я, что такъ скоро моимъ собственнымъ костямъ придется лечь рядомъ съ ея костями въ одной и той-же могилѣ? Единокровныхъ единоутробныхъ братьевъ и сестеръ у меня не было. Отецъ мой унесъ въ свою могилу всѣ радости дней моихъ, радости первыхъ впечатлѣній жизни, первыхъ годовъ беззаботной юности. Молодость моя протекла въ тоскливомъ одиночествѣ. Плодъ его, тяжкій продолжительно-томительный недугъ подрѣзалъ нить моей жизни въ цвѣтѣ лѣтъ. Безслѣдно промелькнула моя доля въ круговоротѣ миллионныхъ долей другихъ. И умерла я подъ прекраснымъ, но чужимъ небомъ. Умирающее мое зрѣніе потухло не на родныхъ дорогихъ сердцу лицахъ. Не родная рука закрыла мои очи. Не родное сочувствіе встрѣтило, приняло и проводило мой послѣдній вздохъ. Нужна была печальная церемонія перенесенія моего праха изъ страны далекой въ страну родную, чтобъ получить мнѣ послѣднее ваше цѣлованіе.

Восплачите-же о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи. И приидите цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ.

Всякій гробъ, братіе, поучителенъ. А этотъ гробъ громче многихъ другихъ поучаетъ насъ, что живемъ мы не для настоящей жизни земной, а для будущей небсной. Громче многихъ другихъ говоритъ этотъ гробъ, что ни общественное положеніе, ни достаточное состояніе, ни

ласкъ, ея материнской груди, теплаго взора оно пойметъ очень скоро. Жить и умереть, не испытавши ни одной ласки своей матери! Жить и чувствовать, что я былъ убійцею, хотъ и невиннымъ, своей матери! Не лучше-ли, право, не дожить до пониманія этихъ горькихъ вещей!.. И что можетъ замѣнить дитяти материнскій призоръ, материнскій привѣтъ, особенно въ первые годы жизни! Особенная печать ложится на такихъ дѣтей на всю ихъ жизнь.

Вотъ и другой не веселый примѣръ. При слабомъ разстроенномъ здоровьи рожденіе дитяти, муки чадородія. Здоровье потрясается окончательно. Развивается злокачественная болѣзнь. И какъ умно распоряжается природа, или лучше, какъ мудро устрояетъ промыслъ Божій самыя немощи наши, разумѣю — немощи естественныя; разумѣю то именно, что въ извѣстныхъ болѣзняхъ, по обычному естественному порядку, человѣкъ воображаетъ себя здоровымъ и какъ нельзя болѣе далекимъ отъ смерти, которая тутъ даже ближе, чѣмъ за плечами! Затрудняемся мы понять и еще болѣе передать чувства молодой матери, — еслибъ она чувствовала и сознавала, что должна скоро умереть, и раннею безвременною смертію своею обязана очень много своему дитяти. „Бѣдное мое дитя“, — при каждомъ взглядѣ на него должна была-бы думать она, — „въ тебя я положила остатки моего здоровья, въ тебѣ хороню жизнь мою; ты всосало въ себя, что было во мнѣ лучшаго, и я дѣлаюсь трупомъ... Живи, будь счастливо хотъ ты; да и тебѣ какое счастье безъ матери?! Будешь-ли и ты долговѣчно, родившись отъ недолговѣчной!“ — Сколько тутъ было-бы болѣзненного, способнаго добить чахлую жизнь, растерзать остатки предсмертнаго спокойствія!

И вотъ остаются дѣти — сироты навсегда, — мужья — вдовцы. Одинъ говоритъ: „это за великое прежнее счастье Богъ послалъ на меня такое искушеніе“. — Другой говоритъ: „ужъ на меня такъ полосую, въ полгода вотъ третій покойникъ, боюсь и самъ сломиться“. Да, такіе напоры житейскихъ бурь поломали человѣчества достаточно. Что сегодня съ другими, то завтра быть можетъ съ нами.

Житейское море воздвигаемое зря напастей бурей, къ тихому пристанищу твоему притекъ... Къ какому-же пристанищу притечь, когда даже слово Спасителя, которымъ Онъ хотѣлъ утѣшить апостоловъ, оказывается тутъ, повидимому, неутѣшительно?

Нѣтъ. *Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи*, — раздается Его кроткій голосъ, — *и Азъ упокою вы*. Больше идти не-

куда. *Небо и земля миоидетъ, словеса-же моя не мимо идутъ* (Мѡ. 24, 35). Слово, которымъ хотѣлъ Онъ утѣшить св. апостоловъ, способно утѣшить и нашу горестъ.

Вотъ часъ разлуки нашего Господа съ св. апостолами. Крестная смерть Его ожидаетъ. Смущенныхъ друзей своихъ Онъ утѣшаетъ. *Вмалъ*, — говоритъ Онъ, — *и ктому не видите Мене; и паки вмалъ и узрите Мя*, — вотъ немного времени пройдетъ и вы Меня не увидите, и опять немного и увидите Меня, — *яко иду ко Отцу*. Не поняли ученики, что такое *вмалъ*, что такое Онъ говоритъ. Господь продолжаетъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко восплачетесь и возрыдаете вы; но печаль ваша въ радость будетъ. Жена, егда раждаетъ, скорбь имать...* (Іоан. 16, 21). *Такъ и вы печаль имате убо нынѣ; но Я опять увижу васъ, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не возметъ отъ васъ*.

Вы скорбящіе родные, сироты — дѣти, вы мужья! Изъ этого гроба, изъ этихъ гробовъ не слышится-ль вашему сердцу подобная-же рѣчь?... „*Вмалъ*, вотъ скоро закроютъ меня гробовою крышкою, засыплютъ холодною мерзлою землею, и вы не увидите меня, да и теперь мои очи уже потухли для васъ, душа отлетѣла. И паки *вмалъ*, — долго-ли ждать? — И узрите меня: я ухожу отъ васъ не навѣки и туда, куда и васъ позовутъ скоро, къ Отцу небесному. Вы плачете, — что дѣлать? Плачьте... Вамъ больно; не чувствовать боли нельзя. И я заплакала-бы, да слезъ въ мертвыхъ очахъ нѣтъ, а душа, глядя на васъ, молится. Не скорбите только, яко-же не имущіе упованія. Земная скорбь переходчива: поживете на землѣ, еще не одну утѣху, не одно горе переживете и забудете. А на небѣ печаль ваша въ радость будетъ. Не судилъ мнѣ Богъ порадоваться на послѣднее мое дитя. Жизнью я поплатилась. Что дѣлать? Болѣзнями чадородія за грѣхъ мы казимся, чадородія-же ради и спасаемся (1 Тим. 1, 15); и обратите, матери, вниманіе на эти слова апостола, въ нихъ много для васъ утѣшенія, что *женщина спасается чадородія ради, если при этомъ пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ*. Непреложенъ общій законъ бытія, что нашими болѣзнями и смертію Богъ даруетъ нашимъ дѣтямъ жизнь. Самъ-же Онъ пусть раститъ и бережетъ бѣдныхъ моихъ сиротъ. До суженаго часа смерти дотянетесь какъ-нибудь всѣ. А тогда я опять увижу васъ и возрадуется сердце мое и ваше, и нашей радости тогда никто не отниметъ у насъ“.

Христіане православные! Мы вѣримъ въ Бога и въ Христа Его вѣримъ. Вѣдь буквально къ намъ самимъ обращена эта утѣшительная рѣчь нашего Спасителя: *Отецъ—дѣти мои!* Я отошелъ къ Отцу моему на небо и оставилъ васъ на землѣ. Но разлука наша недолга: немного спустя туда-же воззову я и васъ, и вы увидите Меня. Теперь у васъ скорбей немало всякихъ. Великое ваше горе—разлука съ близкими сердцу. И хочется вамъ, чтобъ это было, и не крѣпко вѣрится, что печаль ваша когда-либо въ радость будетъ. Но *да не смущается сердце ваше: впрѣдѣ въ Бога и въ Мѧ впрѣдѣ.* Жена, егда раждаетъ, себя не помнитъ отъ скорби и болѣзни, вѣритъ и не вѣритъ, что страданіямъ ея будетъ когда-либо конецъ; а когда родитъ дитя, уже не помнитъ скорби отъ радости, что родился человекъ въ міръ. Такъ и вы печаль имѣете нынѣ; но Я приду за вами, и возьму васъ къ себѣ, и вы увидите Меня, увидите всѣхъ прежде отшедшихъ отцовъ и братьевъ вашихъ, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей тогда уже никто не отниметъ у васъ. *Просите только отъ Отца во имя мое, да радость ваша исполнена будетъ, и примете.*

Просите скорбящіе-родные, помолимся всѣмъ предстоящимъ, чтобы васъ скорбящихъ Отецъ небесный утѣшилъ, душу отъ насъ преставльшейся рабы и дочери своей Анны въ селеніяхъ праведныхъ учинилъ, и насъ всѣхъ помиловалъ и спасъ, по благодати своей и человеколюбію.

ПОУЧЕНІЕ

надъ гробомъ наставника саратовской семинаріи Константина И. П.

Придите последнее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему, благодаряще Бога. Стихира изъ послѣдованія погребенія мирскихъ человекъ.

Придите, братія, вмѣстѣ съ послѣднимъ цѣлованіемъ, умершему нашему собрату отдадимъ послѣднее привѣтствіе, скажемъ послѣднее наше доброе слово.

Кланяемся тебѣ, любезный братъ и привѣтствуемъ тебя въ послѣдній прощальный разъ, благодаря Господа Бога за твою честную жизнь и христіанскій исходъ.

Вотъ, слава Богу, подвигъ жизни своей ты совершилъ, предопределенное тебѣ теченіе скончалъ и вѣру Христову соблюлъ. Не громки были твои дѣла, но предъ судомъ Христовымъ это не дѣлаетъ безчестія. Дѣла, надѣлавшія грому въ мірѣ, бывали иногда гнусными злодѣйствами, нерѣдко блестящими преступленіями, часто вредными ошибками, всего чаще такими неопредѣленными явленіями, о которыхъ, по совокупности сопутствовавшихъ имъ причинъ и цѣлей, средствъ и послѣдствій, трудно сказать, хороши они или худы, а рѣдко и весьма рѣдко бывали подвигами истинно-добрыми и святыми. Жизнь твоя утекла въ океанъ вѣчности ручьемъ скромнымъ, а не ревущимъ, разрушающимъ и потопляющимъ потокомъ. Въ посильномъ служеніи честному призванію твои тихія дѣла были отраженіемъ твоей тихой, истинно-кроткой, безобидливой души. Найдутся, быть можетъ, люди, которые оскорбляли тебя; но вопросъ, найдется-ли человекъ, котораго оскорбилъ бы ты. *А на кого воззрю,—полюбитъ Господь,—только на кроткаго и молчаливаго* (Ис. 65, 2)? *Блаженіи кротцыи...* О многихъ людяхъ по смерти говорятъ худо; огромное большинство человечества покрывается забвеніемъ вмѣстѣ съ первыми комами земли, покрывающими гробы; о тебѣ-же твои знакомые, твои сослуживцы и нѣсколько рядовъ твоихъ учениковъ вѣрно не разъ вспомнятъ съ сочувствіемъ и скажутъ: онъ былъ кроткая душа, добрый человекъ.

И за доброту души, слава Богу, Господь послалъ тебѣ честное заключеніе твоей жизни. Послалъ кончину безболѣзненную, но непостыдную христіанскую: завершеніе жизни безцѣнное, возжелѣннѣйшее для всѣхъ. А чѣмъ кончимъ мы, можно-ли будетъ насъ современнымъ поздравить съ кончиною христіанскою, не знаемъ и только у Бога этого просимъ: *подай, Господи.*

Еще слава Богу: ты теперь *оскудѣлъ отъ сродства своего и ко гробу тишишися.* Нѣтъ теперь семьи на твоихъ плечахъ: не толкаетъ тебя теперь нужда пещись о суетѣ, объ удовлетвореніи требованій многострастной плоти... Но Боже мой! не жестоко-ли наше слово? Наше привѣтствіе тебѣ не мутитъ-ли горечью твоего духа? Радъ-ли ты, что Промыслъ поспѣшилъ снять съ тебя дорогую для насъ ношу жизни, сладкую сердцу заботу о семьѣ? Вотъ она—твоя семья у твоего

гроба... Жена, молодая вдова, дѣти, которые не будутъ помнить тебя, своего отца. Мы не испытали ощущеній разлуки, которыя ты испытала, и потому не можемъ чувствовать, но понимать понимаемъ, какъ должно быть тяжело оторваться отъ кровныхъ родныхъ, и такихъ безпомощныхъ родныхъ. Предъ ними, особенно предъ дѣтьми, еще цѣлая жизнь, и жизнь полная, быть можетъ, многихъ скорбей. Намъ вчужъ жаль и горько... Передъ тягостью этой разлуки, конечно, ничтожно тяжкое ощущеніе разлуки съ жизнью, дорогою для насъ именно тогда, когда приходится разлучаться съ нею: не даромъ-же умирающіе, какъ маленькія дѣти, рвутся на дворъ или къ окну, чтобы еще разъ передъ смертію взглянуть на милый Божій свѣтъ. Но милосердый Боже! Тебѣ, Тебѣ угодно было, чтобы человекъ жилъ и потомъ умиралъ, чтобы имѣли мы родителей, братьевъ, женъ, дѣтей, и въ часъ смертный, ихъ или нашъ, ихъ теряли; чтобы были на свѣтѣ вдовы и сироты и самъ Ты въ замѣнъ насъ грѣшныхъ и бѣдныхъ и слабыхъ заступалъ для нихъ мѣсто Отца и заступника... Если мы, лукави суще, умлемъ даянія блага даяти чадомъ нашимъ,—умлемъ всѣми струнами сердца жалѣть о нихъ,—то Отецъ-ли нашъ небесный не пожалѣетъ о нихъ (Мат. 7, 11)?! *Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Аще-же и забудетъ снъ жена: но азъ не забуду тебе, млагодѣтъ Господь* (Ис. 49, 15)...— Что для насъ предметъ вѣры и сладкаго чаянія, то ты, любезный братъ, теперь ясно видишь и опытно чувствуешь,—опытно чувствуешь отраду въ жизни загробной, скинувъ съ себя бремя жизни земной; ясно видишь для насъ тайные пути всеблагаго Бога, по которымъ Онъ однихъ беретъ отсюда, другихъ оставляетъ,—беретъ отца, опору семейства, оставляетъ жену и дѣтей, вдову и сиротъ безпомощныхъ. Видишь ты это и чувствуешь, и въ духѣ твоёмъ горитъ теперь огонь чистѣйшей неземной любви къ нимъ и ангело-подобнаго молитвеннаго попеченія объ ихъ участи. Но чувства туги о разлукѣ съ ними, о разлукѣ съ нашимъ плачевнымъ свѣтомъ, ты сбросилъ съ себя одинъ разъ навсегда вмѣстѣ съ этимъ бреннымъ тѣломъ, около котораго мы теперь стоимъ. Ты теперь въ лонѣ невозмутимаго, для насъ непостижимаго покоя.

Минута прощанія приближается.—*Гдѣ-жѣ нынѣ сродницы и дру-зи? Се разлучаемся...* И еще разъ слава Богу: призывный голосъ твой раздастся не въ пустынь; въ смертный часъ вопишь ты не безъ

отклика. Мы здѣсь, и много насъ и не чужіе мы тебѣ, не холодные безучастные зрители твоего смертнаго томленія, твоего гробоваго разрушенія. Мы — твои сослуживцы и ученики, съ нами твои жена и дѣти... Благослови ихъ теперь съ высоты небесной: на землѣ твоя умершая прежде смерти рука благословить ихъ, кажется, не успѣла,—благослови на счастье и на горе и на все, что пошлетъ имъ милосердый Господь, да подастъ Онъ имъ терпѣніе и благодушіе во всякихъ обстоятельствахъ жизни. Вспомни передъ Богомъ и насъ грѣшныхъ, по долгу христіанскаго братства стоящихъ теперь у твоего гроба. А мы, готовые бросить на прахъ твой прахъ земной, бросаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ наше послѣднее слово, и да почиетъ оно на гробѣ твоёмъ вѣчно и да будетъ доходно до Бога отнынѣ всегда,—наше прощальное молитвенное благожеланіе: да поможетъ намъ Господь Богъ помнить тебя вѣчно и обнять объятіями вѣчной любви, какъ стараго друга, въ селеніяхъ небесныхъ; да памятуетъ тебя вѣчно самъ Господь и да помянетъ тебя добромъ, егда прійдетъ во царствіи своемъ.

Вѣчная тебѣ память, достоуважаемое и приснопамятное брате нашъ Константине.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи генералъ-адъютанта, генерала отъ инфан-
теріи Θεодора Θεодоровича Радецкаго, шипкинскаго героя,
19-го января 1890. года.

ВѢКОВѢЧНОСТЬ ИДЕИ

Родъ преходитъ, и родъ приходитъ, а земля во вѣкъ стоитъ. Эклл. 1, 4.

Увы! И земля не стоитъ. Древности казалось, что самое неподвижное въ мірѣ — это наша земля, а самое непостоянное — это человѣческій родъ со всѣмъ человѣческимъ. Теперь приходится ставить вопросъ о

постоянномъ въ мірѣ нѣсколько иначе. Древности казалось, что земля стоитъ неподвижно въ центрѣ міра, а мы около нея несемся, со всею вселенною, и съ самыми небомъ въ придатокъ.

Теперь оказывается, что движется и земля, движется и небо, и что быстрѣ чего, трудно рѣшить. Земля движется и по мѣстоположенію, и по составу. По мѣстоположенію земля бѣжитъ около солнца, солнце около своего солнца, вся звѣздная система, напр. нашъ млечный путь вращается безъ сомнѣнія около своего неизвѣстнаго намъ центра и т. д. Выходитъ, что солнце, вращаясь около своего центрального солнца, бѣжитъ быстрѣ сего послѣдняго; земля, вращаясь около солнца, бѣжитъ быстрѣ солнца; луна, вращаясь около земли, а съ землею и около солнца, бѣжитъ быстрѣ земли; самая дальняя изъ планетъ нашей солнечной системы бѣжитъ быстрѣ земли, а самая дальняя изъ лунъ этой планеты бѣжитъ быстрѣ своей центральной планеты, быстрѣ земли, быстрѣ солнца, быстрѣ всей солнечной системы, быстрѣ всей нашей звѣздной системы. Впрочемъ въ этой невообразимой быстротѣ и трудно уловить и опредѣлить нашу мыслью съ точностію, что тутъ быстрѣ чего несется въ неизмѣримыхъ пространствахъ, такъ какъ мы не знаемъ, какое изъ солнцъ бѣжитъ быстрѣ другихъ. Ясно только, что всякій движущійся въ свою очередь по землѣ предметъ, несясь вмѣстѣ съ нею, движется быстрѣ земли, быстрѣ солнца и т. д. А на землѣ и въ землѣ, въ ея составѣ, движется все и нѣтъ ни одной точки стоянія. Движется и мѣняется все въ центрѣ земли отъ непрекращающихся химическихъ процессовъ; движется все въ крайней окружности, соприкасаясь массами атмосферы земной съ эфирною атмосферою пространствъ небесныхъ. Перерождаются самые элементы вещества при дознанной возможности перехода веществъ вѣсомыхъ въ невѣсомыя, какъ и обратно; при дознанномъ переходѣ одной въ другую самыхъ силъ природы, при постоянномъ развитіи и измѣнчивости всѣхъ ихъ въ совокупности. Однимъ словомъ ничто въ мірѣ не стоитъ; а всего менѣе стоитъ сама земля, какъ и все на землѣ и въ землѣ мѣняется, въ самомъ буквальныйшемъ смыслѣ, въ каждый моментъ. Мѣняются очертанія, мѣняется составъ, составъ самыхъ элементовъ вещества, какъ и соотношеніе силъ, какъ и мѣстонахожденіе всего матеріальнаго міра и всей земли, какъ во всей ея цѣлости, такъ и во всѣхъ ея частяхъ безусловно и безъ исключенія. Есть-ли-же что постоянное на землѣ, или даже во всемъ мірѣ?

Чѣмъ больше мы изучаемъ, тѣмъ больше убѣждаемся, что внѣшнее, матеріальное бытіе измѣняется быстрѣ мысли. Да оно, какъ рѣшено издревле въ философіи, для себя и не существуетъ, а скорѣе постоянно исчезаетъ. Существуетъ только такъ называемое для себя бытіе, бытіе сознательное. Для него-же, постоянно исчезая, мѣняясь быстрѣ мысли, существуетъ и бытіе безсознательное. Оно-же ловитъ внѣ себя, или точнѣе устанавливаетъ тамъ изъ себя нѣчто постоянное, будто-бы неизмѣнное, внося туда изъ себя свой сознательный принципъ или законъ, подводя подъ неизмѣнный будто-бы законъ самую измѣнчивость, самое мельканіе, самое исчезаніе. Такимъ образомъ выходитъ, что самое постоянное въ мірѣ—это законъ или принципъ.

Впрочемъ и законъ нашъ ничего не останавливаетъ въ быстротечномъ вѣчно мѣняющемся внѣшнемъ бытіи. Нашъ законъ устанавливаетъ только собственно-человѣческую жизнь. Но и въ той нашъ законъ устанавливаетъ тѣлесное бытіе только едва-едва, устанавливаетъ настолько, насколько это бытіе, подчиняясь необходимому закону внѣшней измѣнчивости, вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняется и постоянству закона нравственнаго. Болѣе или менѣе твердо устанавливаетъ нашъ законъ только сознательную человѣческую, только внутреннюю душевную жизнь. Такъ что можно сказать, что самое неподвижное, наиболѣе неизмѣнное въ мірѣ есть нравственно-сознательный принципъ.

Это мудрено, это философія. Но философіею, сознательно-безсознательно, направляется вся наша жизнь. И въ приложеніи къ жизни это сейчасъ станетъ понятнѣе.

Что наиболѣе устойчиво въ отдѣльномъ человѣкѣ? Олицетворяемая имъ идея. Извѣстно, что тѣлесное вещество въ каждомъ человѣкѣ, въ три года, совершенно измѣняется до послѣдней частицы. Дѣлаетъ того или другаго особаго человѣка, отличаетъ его отъ другихъ людей его обликъ, который слагается изъ внѣшняго тѣлеснаго очертанія и внутренняго душевнаго выраженія. Но одинъ внѣшній обликъ, безъ внутренняго выраженія, не выдѣляетъ человѣка изъ другихъ. Даже дюжинно-красивая форма не впечатлѣваетъ человѣка въ сознаніи другихъ. Наоборотъ, даже некрасивую форму выдѣляетъ сильное душевное содержаніе. Душевно-бессодержательный человѣкъ всегда тонетъ въ толпѣ; умеръ, и слѣдъ его простылъ, и совершенно потонулъ въ рѣкѣ забвенія. Наоборотъ, съ душевнымъ содержаніемъ человѣкъ, осуществившій сильную нравственно-сознательную идею, такой живетъ вѣка и

тысячелѣтія, да и вѣковѣчно. Вѣковѣчно живутъ Авраамъ, Моисей, Давидъ, или Гомеръ, Сократъ, Платонъ, потому что осуществили въ своей жизни высокую идею. А какой они были наружности, мы даже не интересуемся знать. Давиду его бѣлокудая красота ничего не придаетъ въ нашемъ благоговѣніи къ нему; равно какъ и безобразная наружность Сократа не помѣшала ему отпечатлѣться въ человѣческомъ сознаніи обликомъ величайшаго человѣка. Однимъ словомъ, самое прочное въ человѣкѣ—это олицетворенная имъ идея, или нравственно-сознательный принципъ. Все-же прочее увлекается рѣкою всемірной измѣчивости и забвенія.

Роды людскіе, даже народы мѣняются и исчезаютъ, какъ и частицы въ тѣлѣ каждаго человѣка, какъ и тысячи отдѣльных людей въ массѣ человѣческаго рода. Тысячи родовъ шли по аренѣ міра полусознательно и прошли безслѣдно. Сотни даже народовъ идутъ по лицу земли такъ, что ихъ нельзя даже назвать народами,—такъ что о нихъ нельзя даже сказать, что они существовали или существуютъ, такъ наприм. о нынѣшнихъ народахъ внутренней Африки, объ исчезнувшихъ народахъ Америки и Австраліи, какъ и о древнѣйшихъ народностяхъ Европы и Азіи. Тотъ родъ, тотъ народъ выдѣляется въ обще-человѣческомъ сознаніи, во всемірной исторіи, который олицетворилъ въ своей жизни нравственно-сознательную идею. Такъ что и тутъ выходитъ, что наиболѣе устойчивъ въ мірѣ нравственно-сознательный принципъ.

Древніе говорили, что форма даетъ бытіе предмету. Въ философскомъ, даже въ строжайше-научномъ смыслѣ, это положеніе неопровержимо. Въ отношеніи къ человѣку, роду, народу, на основаніи выше-сказаннаго должно сказать, что имъ даетъ бытіе осуществляемый ими нравственно-сознательный принципъ. Не осуществляя-же нравственно-сознательной идеи, люди, роды, народы не живутъ ни для себя, какъ и мало-одушевленные предметы, ни для обще-человѣческаго сознанія; а только прозябаютъ, подчиняясь міровому закону всеобщаго исчезанія.

Какой принципъ устойчивѣе, какой живучѣе, религіозный, или-же философскій? Нужно знать, что религія есть та-же философія, общее міросозерцаніе, только обращенное въ премірный культъ, въ признаніе и почитаніе премірнаго бытія. А философія есть или раціональное подтвержденіе, или-же перерожденіе и вырожденіе религіи. Въ новѣйшее

время подъ философіею разумѣется сводъ обще-научнаго изслѣдованія, который ведетъ къ перерожденію и вырожденію религіи. А если такъ, то на поставленный вопросъ должно отвѣчать, что религіозный принципъ устойчивѣе, живучѣе и жизненнѣе философскаго; что религія до сихъ поръ всегда сопутствовала зарожденію, возрастанію и возмужанію народовъ; философія же вела къ быстрому одряхлѣнію и разложанію народовъ. Доказательство этому мы видимъ въ народахъ китайскомъ, индійскомъ и особенно еврейскомъ, которые въ продолженіи четырехъ тысячелѣтій живутъ религіознымъ принципомъ, которые находятъ въ немъ крѣпкую опору своего завиднаго для другихъ образованныхъ народовъ долголѣтія; тогда какъ еллинская философія, достигнувъ своего зенита въ два поколѣнія Сократа—Платона—Аристотеля, быстро разрушивъ древне-еллинскую религію, быстро-же растлила и погубила высоко-образованный еллинскій народъ, а пересаженная и въ Римъ, въ вѣкъ Августовъ, положила жалкій конецъ и славной нѣкогда римской исторіи. Американскіе народы не могутъ быть урокомъ долговѣчности, какъ недавніе; впрочемъ и тамъ, особенно-же на сѣверѣ, религіозное настроеніе, хотя и своеобразно, но высоко. Европейскіе-же народы могутъ дать примѣръ скорѣе гибельности, чѣмъ благотворности научно-философскаго принципа. Философія началась тамъ, въ передовыхъ націяхъ, не болѣе какъ полтора вѣка назадъ, и одну изъ нихъ, блистательную нѣкогда Францію привела уже на край гибели. А другая, Англія, по подобію богатыхъ въ древности и просвѣщенныхъ Финикіи и Карфагена, ждетъ тяжкаго удара; какъ паукъ, растянувшій слабыя паутинныя нити по всему міру, ждетъ разрыва своей паутины, чтобы сгнбнуть во-первыхъ отъ голода, а далѣе быть раздавленной. Да и вся просвѣщенная Европа, покидая сдерживающій принципъ христіанской религіи, вольною неволею подчиняясь научному-философскому принципу борьбы за существованіе, изнемогаетъ теперь въ такомъ горячемъ напряженіи силъ, готовится къ такому небывалому кровопусканію, послѣ котораго отправится-ль или нѣтъ, то Богъ святой видитъ и знаетъ. Несомнѣнно однако, что въ какой-либо своей части будетъ истощена и поражена на смерть. Во всякомъ случаѣ очевидно, что устойчивѣйшій въ мірѣ, устанавливающій на вѣка и тысячелѣтія царства и народы, религіозный принципъ можетъ-же переродиться и вырождаться, порождая въ свою очередь крушеніе народной жизни.

Не скажемъ вамъ ничего новаго, утверждая, что и Русь святая стоитъ и живетъ своею вѣрою; что вѣрою Христовою она возродилась, выросла и возмужала въ великій народъ; что православною вѣрою воспиталась наша коренная истинно-русская народность; что именемъ Христовымъ освящается и крестомъ Христовымъ вѣнчается на Руси царское самодержавіе; что крестомъ Христовымъ въ народной совѣсти и на воинскихъ знаменахъ, крестомъ Христовымъ въ груди и на груди мы побѣждали всѣхъ нашихъ супостатовъ; что крестомъ-же Христовымъ Русь ширится, растетъ и крѣпнѣтъ и понынѣ, приводя покоренныя народности въ единство русскаго народа не инымъ чѣмъ, какъ русскою-же вѣрою. Одинъ именитый военный въ большомъ собраніи, нѣсколько недовольный тѣмъ, что въ присоединеніи одной окраины все, или очень многое приписывалось другимъ присоединенію ея къ православію, въ горячей рѣчи провозгласилъ: „забывается русскій воинъ; забывается, что чего коснулась рука, на что ступила нога русскаго воина, то и наше, то и русское“. — Не забывая никакъ русскаго христолюбиваго-же воина, оратору возразили: „нѣтъ, сѣверо-западный край присоединился къ православію, и онъ русскій—да. Но Польша едва-ли. Но Остѣ-Зейскій край, но Финляндія, но Бухарія, но Хива, но даже Кавказъ и пр. и пр., они будутъ настоящіе-же русскіе, когда примутъ русское православіе. А въ нынѣшнемъ состояніи это пока вопросъ, русскіе-ль они“. Прибавимъ къ этому еще, что вотъ въ Сербіи пока царили надредняки, передовики, наши либералы, Сербія была нашъ врагъ; а какъ возобладали православные, стала нашъ другъ. Въ Болгаріи царятъ пока питомцы нашего-же нигилизма, и Болгарія намъ злѣйшій врагъ. Православіе близитъ къ намъ и чужихъ; а либерализмъ отталкиваетъ отъ насъ и своихъ.

Вырождается-ль вѣра на Руси? Несомнѣнно, особенно въ образованныхъ кругахъ. На-дняхъ, одинъ мыслящій, специально наблюдающій за этимъ челоѡкъ говоритъ другому таковому-же: „нельзя не видѣть, что невѣріе съ каждымъ днемъ захватываетъ болѣе и болѣе широкую область“.—Съ чѣмъ и собесѣдникъ не могъ не согласиться. Проповѣдуется всюду, даже въ мелкихъ газетахъ, читаемыхъ даже уличными стражами, что критическое отношеніе къ старымъ преданіямъ естественно, неизбѣжно и въ высшей степени благотворно, такъ какъ прямо ведетъ-де къ замѣнѣ существующихъ будто-бы тяжелыхъ порядковъ болѣе легковѣсными. На-дняхъ, одна даже религіозная особа,

тяжко пораженная невознаградивою утратою, рыдая, говорить: „Боже мой! Думаю, думаю, молюсь, молюсь, чтобы оттуда съ неба хотя-бы намекомъ какимъ-либо дано было знать, что тамъ есть что-либо живое... А быть можетъ, тамъ ничего этого и нѣтъ“... А въ тоже время эта особа хлопотала о лучшей, болѣе близкой къ церкви могилѣ для своего почившаго родича. Вотъ и ставимъ невѣрію вопросъ: для чего-же это мы хлопочемъ о честныхъ, иногда даже о пышныхъ похоронахъ? Только-ли для себя, или и для покойника? Несомнѣнно, и для покойника, чтобъ выразить ему наше благоговѣнно-религіозное участіе. Спрашивается, кому-же это — *ему*, если *онъ* теперь небытіе, если *онъ* теперь нуль? У восточныхъ народовъ употребляется самое тяжкое надругательство, или-же проклятіе: „наплевать на могилу твоего отца“. — Обращаясь къ невѣру: поди сдѣлай это на могилѣ своего отца. Сдѣлай не днемъ, не при людяхъ; при людяхъ, быть можетъ, и сдѣлаешь, изъ упрямства, чтобы показать полнѣйшее отрицаніе, чтобы порисоваться своею послѣдовательностію! но поди — сдѣлай одинъ, сдѣлай ночью, сдѣлай на кладбищѣ, сдѣлай въ церковномъ склепѣ, гдѣ стоитъ много гробовъ. Чего ихъ бояться? Вѣдь они нуль. Не думаю, чтобы нашелся охотникъ на это. Французскій отрицатель (помнится, Сень-Бевъ) при громадной толпѣ на кладбищѣ, поднявъ кулакъ къ небу, откуда гремѣли громы, закричалъ: „бей, рази, если можешь“. Нѣтъ, пусть-бы онъ при громахъ и молніяхъ, сходилъ въ глубь того-же кладбища въ глухую полночь и тамъ поднялъ кулакъ съ угрозою и проклятіемъ небу... Отчего-же мы благоговѣемъ къ покойникамъ, отчего боимся ихъ, если они равняются нулю, безусловному ничтожеству, небытію? Вотъ скотина та не чтитъ и не боится кладбища. Для нея умершіе нуль. А для человѣческой природы нѣтъ, они живы. У нея вѣра неисторжима, неисторжима даже у невѣровъ.

Не вырождается-ли въра среди російскаго воинства? Это вамъ лучше знать, чѣмъ намъ. Впрочемъ и мы могли-бы поставить немало вопросовъ о печальныхъ знаменіяхъ времени. Позволимъ себѣ поставить одинъ, о печальнѣйшемъ знаменіи времени. Не исчезаетъ-ли самое крестное знаменіе? Два—три десятка лѣтъ назадъ, свѣтскіе крестилы небрежно, это всякій видѣлъ и знаетъ. А теперь не оставляютъ-ли крестнаго знаменія совѣтъ? Въ Петербургѣ на высокаторжественныхъ собраніяхъ мнѣ приводилось еще видѣть военныхъ преусердно молящихся. Тутъ иное. Тутъ Одесса, не Петербургъ... Вотъ эти де-

сятки военныхъ людей, вводимые съ шумомъ во храмъ, въ высокостепенные дни, когда церковь посѣщается, по крайней мѣрѣ, на молебствіяхъ и военными чинами,—эти военные люди входятъ во храмъ и не крестятся, становятся въ полъ-оборота или даже задомъ къ святымъ иконамъ, лицомъ къ предполагаемому присутствію начальства, очищая для ожидаемаго его прибытія правую сторону храма совсѣмъ, а нѣмало прижимая молящійся народъ къ стѣнѣ, стоятъ и не крестятся. Вотъ эти средніе чины; въ день рождества Христова, на благодарственномъ молебствіи объ изгнаніи галловъ и съ ними двадцати языкъ, стоятъ и не крестятся ни одинъ. Грустно стало священнослужителю, и вотъ когда возглашено моленіе: „еще молимся о побѣдоносныхъ вождѣхъ и воинѣхъ нашихъ, на брани животъ свой положившихъ“,—онъ невольнымъ движеніемъ, кланяясь самъ умиленно, говоритъ полушопотомъ, слышнымъ для близстоящихъ военныхъ: „да перекреститесь, помолитесь хоть о своихъ, хоть о себѣ самихъ“.—Тѣ посмотрѣли на него равнодушно, и, правду сказать, одинъ перекрестился.

Теперь входитъ въ моду не молиться, по однимъ бесполезно, другимъ стыдно. Боже мой! Читали-ль они превосходную философскую исторію священной войны 1812—1814 г. профессора Надлера, какъ молился тогда русскій народъ, какъ молился царь Александръ благословенный, какъ молились князь Кутузовъ и всѣ русскіе воины; какъ въ концѣ величайшаго изъ новѣйшихъ боевъ, трехъ-дневнаго лейпцигскаго боя, по концѣ третьяго боеваго ненастнаго дня, когда спустился ненастный ночной мракъ на страшное поле сраженія, въ одномъ изъ русскихъ полковъ, еще не зная о побѣдѣ, заплѣли Богу благодарственный молебенъ, что Богъ сохранилъ среди испытанныхъ ужасовъ; вдругъ на безмѣрномъ пространствѣ, заваленномъ чуть не сотнею тысячъ труповъ, всѣ разноплеменные союзныя войска опустились на колѣна въ кровавую грязь, и заплѣли каждый на своемъ языкѣ благодарность Богу, каждый за свое сохраненіе. Трагическая картина! Высокій моментъ! Уже-ли вы можете быть увѣрены, что вамъ не придется пережить подобный моментъ, подобную трагедію? Быть можетъ, и изъ васъ кто-либо видѣлъ и помнитъ, какъ воины послѣдней восточной войны, на перевалѣ чрезъ Балканскій хребетъ, потонувъ въ снѣгахъ, среди неимоверныхъ трудностей, на короткой ночной передышкѣ, освѣщенные снизу гаснущими кострами, сверху горящими звѣздами,

вспомнили, что „сегодня, братцы, ночь на рождество Христово“, под-
нялись, сотворили солдатскую молитву и затѣмъ, съ усладою души,
принялись каждый за свое дѣло, конечно, съ мыслию, что завтра вѣ-
роятно придется схватиться со врагомъ и, быть можетъ, положить
животъ за вѣру, царя и отечество... Нѣтъ, христілюбивые русскіе
воины, не отвыкайте отъ молитвы, не кидайте креста Христова. Вѣдь
крестъ—наше знамя, со временъ равно-апостольнаго императора Кон-
стантина великаго, знамя народное и воинское. Не печально-ли, доб-
ровѣще-ли оставленіе крестнаго знаменія!

Отражается-ли вырожденіе вѣры на воинской доблести? Несомнѣнно. Новѣйшій французскій писатель такъ утѣшаетъ своихъ соотечественниковъ, подавленныхъ нѣмецкимъ разгромомъ: „послѣ Херонеи Демосеенъ могъ гордо“ (все-то они воодушевляютъ себя своею гордостію...),—„могъ гордо сказать своимъ соотечественникамъ: нѣтъ, вы не погибли, аеиняне, клянусь въ этомъ вашими предками, павшими при Мараеонѣ, при Саламинѣ и при Платеѣ. Французы также могутъ клястись своими предками, падшими при Фонтенѣ, при Вальми, при Іенѣ“. Утѣшитель не замѣчаетъ противорѣчія самому себѣ. Выродился религіозно-воинственный духъ древнихъ аеинянъ, и для потомковъ ихъ не повторились ни Мараеонъ, ни Саламинъ, а именно послѣ битвы при Херонеѣ аеиняне пали и не возстали. И Демосеенъ клялся ихъ предками напрасно и лживо. Такъ и французы, послѣ Бородинѣ и Лейпцига, прославились только Медомъ и Седаномъ, гдѣ они, —неслыханное, невиданное въ исторіи дѣло!—сдѣлались непріятелемъ почти безъ выстрѣла, всячески безъ борьбы, въ сотняхъ тысячъ отлично вооруженныхъ воиновъ, а въ осажденномъ нѣмцами Парижѣ не послушались команды своихъ генераловъ,—идти въ бой, крича имъ: „ступайте сами, коли хотите, къ“... (au diable). Имъ не за что было сражаться. Въ Бога и безсмертіе они не вѣруютъ, а жизнь дается одна, такъ за что-же (для какого-же diable) ее потерять? Не хотимъ... Они измѣнили всѣмъ своимъ знаменамъ. Измѣнили отеческой вѣрѣ. Измѣнили историческому культу стараго королевскаго дома. Измѣнили и революціонному культу великаго императора, котораго осрамилъ (да и самъ себя онъ осрамилъ: назвался богомъ, а сгибъ на островѣ св. Елены, погубивъ и Францію),—котораго окончательно осрамилъ его преемникъ Наполеонъ III, которому однако-же они присягали. Да какая тутъ и присяга безъ Бога!... Нѣтъ, французы теперь не повторяютъ

тены, какъ и аѳиняне не повторили Марафона; какъ и ослабѣвшіе въ преданности древнему культу римскіе легіоны, при императорахъ лучше культивированные, чѣмъ прежде, умѣли только быть битыми и малодушно бѣгать предъ дикими варварами. Съ разрушеніемъ древняго отеческаго культа, римскіе императоры—боги, самими воинами провозглашаемые и низвергаемые, не могли дать имъ знамя, за которое тѣ готовы были-бы умирать. Нѣтъ, безъ знамени, освященнаго исторіей, завѣщаннаго отцами, чтимаго народнымъ духомъ, нельзя воинамъ храбро воевать, въ бояхъ беззавѣтно умирать и враговъ неизмѣнно побѣждать.

Чѣмъ мы русскіе побѣждали всѣхъ враговъ своихъ на всемъ пространствѣ нашей исторіи, побѣждали въ 1812—1814 годахъ, отбивали въ войну севастопольскую, сокрушили въ послѣднюю восточную войну? Несокрушимою способностію нашихъ вождей и воиновъ умирать за вѣру, царя и отечество, подъ знаменемъ Христова креста, за щитомъ вѣры, въ чаяніи молитвы всей церкви, всей Руси православной. Теперь вотъ и подумайте, полезно-ли, что православные русскіе воины не присутствуютъ при богослуженіи въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, когда вся Русь святая возсылаетъ заупокойную молитву за воиновъ и всѣхъ, на брани животъ свой положившихъ? Пусть-бы воины не только вѣдали это, но и видѣли, да и сами помолились за своихъ братьевъ и за себя самихъ. Кромѣ всероссійской поминальной молитвы, кромѣ вѣчнаго упокоенія въ обителяхъ небесныхъ, какая иная награда ждетъ эти сотни тысячъ воиновъ, которые устилаютъ своими трупами какую-либо Болгарію, Туркменію и т. д., не выслуживая себѣ креста даже на могилу, выслуживъ себѣ славный блескъ развѣ только того множества звѣздъ, которыя свѣтятъ съ высотъ небесныхъ на поле битвы, усѣянное ихъ костями, утучненное ихъ кровію? Если намъ суждено когда-либо разгромить и это грозное стальное кольцо, которымъ въ послѣднее время замыкаетъ насъ Европа съ Азіей въ придачу, то мы разобьемъ его не инымъ чѣмъ, какъ испытанною и до сихъ поръ никогда намъ не измѣнявшею, тою-же беззавѣтною отвагою умереть и побѣдить, но не отступить, умереть во имя русскаго Бога и Христа Его, Христа Царя небеснаго и вѣрнаго Ему царя земнаго. Кто въ этой грозно-надвигающейся великой свалкѣ первый убоится умереть, того судьбѣ и придется съ лица земли стереть, тотъ въ концѣ-концовъ и будетъ побитъ, и это, надѣясь на Бога, будемъ не мы. Мы-же ляжемъ костями, но не срашимъ земли русскія, какъ не срамили и предки наши.

И вотъ мы имѣемъ исключительную честь хоронить славнаго носителя стародавняго русскаго духа.

На плечахъ моихъ лежитъ не легкій долгъ изобразить этого русскаго героя, этого русскаго богатыря безъ страха и безъ упрека, да... *яко нѣсть челоуѣкъ, иже поживетъ и не соиръшитъ, яко единъ Богъ безиръшенъ.* Питомецъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній, техническаго и военнаго, почившій герой провелъ весь свой вѣкъ (кромѣ юности и самыхъ послѣднихъ годовъ старости) въ бояхъ за отечество. Безпрерывные подвиги его безстрашія начались на Кавказѣ съ 1843 и продолжались тамъ до 1847 г., когда онъ поступилъ въ военную академію, въ которой кончилъ курсъ наукъ въ 1849 г. Въ семъ году онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, во время венгерской кампаніи, въ Трансильваніи. Съ конца 1850 года онъ дѣятельный участникъ длиннаго ряда боевыхъ дѣйствій опять-же на Кавказѣ; съ 1856 г. онъ то въ прикаспійскомъ краѣ, то опять на Кавказѣ. Съ 1877 г. начальникъ уже цѣлаго корпуса войскъ, онъ принимаетъ живѣйшее, а подъ конецъ и рѣшающее участіе въ послѣдней восточной войнѣ. Послѣ блистательной переправы нашихъ войскъ чрезъ Дунай у Зимницы, подъ его предводительствомъ, онъ сталъ охранителемъ русскаго дѣла на Шипкѣ. Дни 11, 12, 13, 14, и 15-го августа были непрерывнымъ сраженіемъ, въ которомъ наши войска чуть не со всѣхъ сторонъ были окружены превосходнымъ въ числѣ непріателемъ. Непріатель билъ превосходнымъ оружіемъ одновременно со всѣхъ сторонъ, съ окружающихъ, покрытыхъ лѣсомъ высотъ, спереди и сзади и съ боковъ. Убійственные снаряды сыпались дождемъ. Трескотня выстрѣловъ напоминала собою барабанный бой, — до такой степени удары выстрѣловъ были часты. Около нашего героя палъ прострѣленный (къ счастью, не смертельно) генералъ Драгомировъ, падали чуть не поголовно цѣлые отряды. По разсказу очевидца — участника, былъ страшный моментъ, когда самъ герой Шипки, схвативъ послѣднюю оставшуюся роту, поспѣшилъ съ нею отбивать врага, пока подоспѣло подкрѣпленіе, подвезенное на казачьихъ лошадяхъ; иначе наше дѣло подъ Шипкою погибло бы, а отъ Шипки зависѣлъ исходъ всей войны. Тяжкій-же подвигъ выдержалъ онъ тамъ-же на Шипкѣ, на скалѣ св. Николая, 5-го сентября и 22-го ноября, гдѣ съ отчаянною храбростію напирала на него большія массы непріателя съ намѣреніемъ, во что-бы то ни стало, прорваться на подмогу своимъ, запертымъ въ Плевнѣ.

Ему-же пришлось выдержать рѣшающій подвигъ, при спускѣ нашихъ войскъ съ шипкинскаго перевала, съ горы св. Николая, 27 и 28 декабря, гдѣ послѣ отчаяннаго сопротивленія турецкая армія положила оружіе.

Это внѣшняя обще-извѣстная сторона подвиговъ нашего героя. Коснемся внутренней. Кромѣ обще-доступныхъ о немъ свѣдѣній, какія можно почерпнуть изъ обще-доступныхъ источниковъ, насъ Богъ привелъ слышать отзывы о немъ двухъ ближайшихъ къ нему мужей, изъ которыхъ одинъ былъ въ старые годы изъ ближайшихъ-же людей и ко мнѣ. Тотъ и другой, люди высокопоставленные, высокообразованные, старые, испытанные жизнью, встрѣчавшіеся на своемъ вѣку со многимъ множествомъ людей, — тотъ и другой отзывались о почившемъ съ совершенно исключительнымъ сочувствіемъ, съ безпредѣльною похвалою. Это былъ человѣкъ не отъ міра сего. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ былъ праведникъ, онъ святой. Сердце золотое. Сокровищница любви къ низшей братіи, сокровищница заботы объ ея участи. Сокровищница правды, скромности, уступчивости въ отношеніи къ сверстникамъ и ближайшимъ подчиненнымъ. Не видано человѣка, который былъ-бы равенъ нашему герою, при высшихъ достоинствахъ воинскаго образованія и опыта, воинской прозорливости и невозмутимой храбрости, — который былъ-бы равенъ ему въ готовности, если не отдать (что было не въ его власти), то приписать воинскіе лавры другимъ, всегда готовымъ подставить свои головы подъ побѣдные вѣнки. Про воинское чутіе его, про хладнокровное, будто-бы равнодушное и невнимательное выжиданье, про умѣнье ударить въ тотъ часъ и минуту, когда это слѣдуетъ, не раньше — ни позже, мнѣ рассказывали съ восторгомъ и изумленіемъ; къ сожалѣнію, я не помню подробности и не могу фотографически воспроизвести эти дивныя черты почившаго. Въ непрерывныхъ бояхъ онъ шелъ впереди, оставался всегда на виду у непріятеля, — не станемъ говорить о равнодушіи, о хладнокровіи, когда кругомъ летаютъ тысячи смертей, — но шелъ онъ и стоялъ всегда съ невозмутимо терпѣливымъ мужествомъ мученика, обреченнаго въ жертву долгу, обязавнаго долгомъ вождя показывать образецъ спокойнаго беззавѣтнаго мужества. На развѣдыванье, на наблюденіе за происходящимъ боемъ, — когда и простому воину нельзя было показать голову изъ-за прикрытія, чтобъ не быть прострѣленнымъ, — нашъ герой выступалъ открыто на конѣ, или стаивалъ на открытомъ возвышеніи

настойчиво требуя, чтобы съ нимъ и около него не оставались его помощники или тѣлохранители, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ, почти всегда одного спутника. Садится на коня, перекрестится и выступаетъ лицомъ къ лицу встрѣчать тысячи смертей, не моргнувъ глазомъ. Вслѣдъ генералу, спокойно идущему подъ пулями, посылались его подчиненными крестныя знаменія, въ народной вѣрѣ, что „солдатская молитва до неба доходитъ“... Пусть въ дѣлахъ міра, въ глазахъ міра, онъ былъ якобы вялъ, неповоротливъ, будто-бы невнимателенъ. Сказано, что это былъ человѣкъ не отъ міра сего. Но въ бою это былъ прирожденный воинъ, безпримѣрно скромный, спокойный, не суетливый, невозмутимый, беззавѣтно-мужественный, неусыпный, прозорливый, былъ урожденный вождь — герой... Какова была его религіозность? Ну, конечно, не монахъ богомолецъ. Но въ немъ глубочайшимъ образомъ гнѣздилась религіозность любви, вѣрности и преданности царю, — любви, вѣрности и преданности отечеству и долгу, — любви и отеческой заботливости по отношенію къ ближнимъ, — религіозность наистрожайшей безупречной честности и безкорыстія („ни одна лишняя копѣйка не замарала его пальцевъ“), наконецъ религіозность и вѣры въ русскаго Бога, вѣры въ заступничество силъ небесныхъ, въ охрану великаго угодника Христова святителя Николая. По окончаніи войны онъ же и сказалъ и любилъ повторять, что это св. Николай угодникъ одержалъ побѣду. А замѣчательно, что онъ былъ, говорятъ, болѣе чѣмъ въ 200 бояхъ, но ни разу не былъ раненъ. Смертоносное вражеское оружіе не смѣло его коснуться.

Повторимъ въ назиданіе одинъ разъ нами уже высказанный здѣсь, въ подобныхъ-же обстоятельствахъ, въ высшей степени замѣчательный урокъ. Нашъ почившій герой, видя лицомъ къ лицу безчисленное множество смертей, ни разу не былъ раненъ, какъ и другой архистратигъ русскихъ силъ графъ Остенъ-Сакенъ, который любилъ стаивать на севастопольскихъ укрѣпленіяхъ во время бомбардировки, какъ и почившій у насъ въ Одессѣ боевой-же генералъ — кавказецъ Викторъ Александровичъ Петровъ, участвовавшій по счету въ 160 бояхъ, всегда въ огнѣ, всегда впереди другихъ. Всѣ три героя были герои богопреданные, вѣрующіе, ограждавшіе себя крестомъ Христовымъ и молитвою. О графѣ Остенъ-Сакенѣ извѣстно, что бывало онъ сниметъ шапку, съѣжится и стоитъ открыто на севастопольскихъ бастионахъ, когда около него ложатся тысячи смертоносныхъ снарядовъ,

читая известный псаломъ: *Живый въ помощи Вышняго въ кровь Бога небеснаго водворится. Речетъ Господу: заступникъ мой еси и прибижище мое, Богъ мой и уповаю на Него. Онъ избавитъ тебя отъ сѣти ловца, отъ пагубной язвы. Какъ орелъ, Онъ прикроетъ тебя своими перьями, и подъ крыльями Его будешь безопасенъ. Онъ будетъ для тебя щитомъ и огражденіемъ. Подъ Его покровомъ не убоишься ужасовъ въ ночи, какъ и стрѣлы (пули) летящей днемъ, язвы, ходящей во мракъ, заразы, опустошающей въ полдень. Падутъ подлѣ тебя тысячи и десятки тысячъ одесную тебя; но къ тебѣ смерть не приблизится. Ибо ангеламъ своимъ Господь заповѣдаетъ о тебѣ—охранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ.* Что ни говорите, эти три примѣра замѣчательны и поучительны.

Еще одна черта. Всѣ народы, какъ и воинства, отображаютъ въ себѣ свой религіозный идеалъ, своихъ боговъ или своего Бога. Укажемъ только на древнихъ еллиновъ и на насъ. Греческіе боги были герои, были воинственные, несокрушимо храбрые на войнѣ, упорные, жестокие, мстительные, не просящіе, но и не дающіе пощады. Еллинскій, римскій воинъ былъ таковъ же, былъ отраженіемъ своихъ боговъ. Нашъ Богъ, нашъ идеалъ есть Господь Иисусъ Христосъ—страдалецъ, не вызывавшійся на опасность, но и не убѣгавшій отъ нея, грядущій на смерть съ терпѣливою покорностью волѣ Божіей и переносящій тяжчайшія муки съ безропотнымъ молчаніемъ, прощающій своихъ мучителей, молящійся за враговъ и предающій духъ свой въ руки Божіи. Нашъ русскій воинъ—не языческій свирѣпый беспощадный герой. Нѣтъ. Онъ христіанинъ, отраженіе своего страдальца Спасителя, самъ страдалецъ мученикъ скорѣе, чѣмъ мучитель. Мученикъ своего долга. Съ молитвою въ сердцѣ, во исполненіе тяжкаго сердцу долга, посылая смерть во враговъ отчизны, онъ самъ безропотно глядитъ въ очи своей собственной страдальческой смерти. Посмотрите на шипкинскаго воина. Вотъ отдѣлъ, поставленный въ отдѣльномъ пунктѣ въ снѣгу, стоитъ дни и ночи; всѣ до одинаго перебиты; остается одинъ офицеръ. Подходитъ обозрѣвающій начальникъ,—это и былъ самъ почившій нашъ герой,—и спрашиваетъ: „что это они спятъ у васъ?—Всѣ убиты,—отвѣчаетъ офицеръ.—А вы что тутъ дѣлаете?—Жду своей очереди“.—Ну не мученики-ли всѣ они и убитые, и офицеръ, и генералъ, въ котораго мѣтять враги? Изъ простыхъ воиновъ этотъ идеалъ христіанскихъ воиновъ мучениковъ у насъ осуществляютъ сотни тысячъ и мил-

ліоны, да и всѣ почти, у кого изъ нихъ въ сердцѣ живетъ христіанскій Богъ; напр. эти воины Бородина, которые наканунѣ бородинской битвы причащаются и переодѣваются въ чистое бѣлье, готовясь на смерть. Или эти воины Шипки, сами собой безъ приказа собиравшіеся въ команды раненыхъ; онъ раненъ, но наскоро, кое-какъ перевязанный, онъ бѣжитъ съ оружіемъ въ рукахъ—помогать своимъ, которымъ приходится умирать. А изъ вождей на нашей памяти всего ярче олицетворили эту идею русскаго христіанскаго воина страдальца въ севастопольскую войну графъ Остенъ-Сакенъ, а въ послѣднюю войну прославляемый нами герой христіанинъ. Къ тому-же сонму страдальцевъ воиновъ, къ лику даже великомучениковъ, должно отнести и вѣнценосныхъ архистратиговъ русскихъ силъ, императоровъ Александра I (особенно въ первую половину борьбы съ Наполеономъ), Николая I и Александра II.

Вотъ что въ прославляемомъ нами героѣ не умереть—олицетворенная имъ идея. Онъ врѣзалъ свое имя въ скрижали исторіи выпуклыми буквами. Ликъ его будетъ горѣть непотухающею звѣздой на горизонтѣ безсмертія. Духъ его вѣковѣчно будетъ витать въ духѣ христіолюбиваго русскаго воинства и подсказывать всѣмъ и каждому, что онъ на своемъ славномъ вѣку видѣлъ лицомъ къ лицу несчетное количество смертей, и огражденный вѣрою въ Бога, даже раненъ не былъ ни одинаго раза, идя навстрѣчу своему долгу и своему жребію безропотно и беззавѣтно мужественно, готовый положить ежеминутно свою жизнь за вѣру, царя и отечество.

Помолимся-же за героя, вѣрою и правдою, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ и блистательнымъ успѣхомъ послужившаго отечеству, да упокоитъ Подвигоположникъ и Мздовоздаятель Богъ душу его въ горнихъ обителяхъ, и, простивъ ему всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія, да увѣнчаетъ его вѣнцомъ славнаго безсмертія какъ на землѣ, такъ и на небѣ; да живетъ славная память его въ христіолюбивой Россіи на вѣки вѣчныя.

Вѣчная тебѣ память, достоблаженне и приснопамятне брате нашъ, Θεοδορε! Аминь.

1890 г.

ПОУЧЕНІЕ

по совершеніи послѣдованія малыя схимы надъ вдовымъ
діакономъ слѣпцомъ.

Аминь глаголю вамъ: никтоже есть, иже оставилъ есть домъ, или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села Мене ради и евангелія ради, аще не приметъ сторицею нынѣ и въ вѣкъ грядущій животъ вѣчный. Марка 10, 29—30.

Аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себе: уне бо ти есть да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну. Матѣ. 5, 29—30.

Видишь-ли ты, слѣпецъ братъ нашъ Іоанникій, умными очами, какъ и куда судьбами твоей жизни велъ и привелъ тебя Промыслъ Божій? Божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая, проручествовала тебя во діакона Божіей церкви. Свободно воспріавъ на себя первую степень священства, вмѣстѣ съ тѣмъ ты свободно возложилъ на себя обѣтъ быти единыя жены мужемъ.

Конечно, крѣпко желалъ, да силы не имѣлъ ты удержать эту единую жену, когда смерть простерла за нею свою холодную руку. Эта утрата возложила на тебя бремя полу-вольнаго, полу-невольнаго дѣвства.

Не видѣли мы твоего горя, не знаемъ, тосковалъ-ли ты послѣ такой невозвратимой потери. Знаемъ только, что подобныя потери тяжкимъ подавляющимъ ударомъ ложатся на многихъ изъ подобныхъ тебѣ нашихъ братій, повергая ихъ въ бездну унынія, бѣдственной ошибки лѣчить свое горе отравой горькаго по вкусу и особенно по плодамъ питія, и дальнѣйшихъ слѣдующихъ за тѣмъ безчинствъ.

Не видѣли мы твоихъ слезъ, не знаемъ плакалъ-ли ты, когда лишился ты зрѣнія. Глядя теперь на тебя, мы съ грустію думаемъ, что ты вынесъ два величайшія несчастія, какія только можно вынести въ жизни: съ потерей жены и зрѣнія въ тебѣ, конечно, рушились всѣ расчеты, оборвались всѣ прежнія надежды жизни. *Не введи насъ Господи во искушеніе:* не дай Богъ другимъ переживать подобнаго рода перевороты. И съ отрадно-успокоительною для сердца вѣрою осмѣливаемся полагать, что если волосъ съ головы нашей не падаетъ безъ воли Отца небеснаго, то тѣмъ болѣе не безъ воли Отца небеснаго лишился ты зрѣнія, одного изъ самыхъ дорогихъ даровъ жизни. И разрѣшенія мрачной загадки: „зачѣмъ на одного человѣка столько тяжкихъ несчастій“? Осмѣливаемся искать въ словахъ многомилостиваго Господа нашего: *аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е...* Онъ самъ изъяслъ и вергъ отъ тебя не одно, а оба твои ока, съ мудро-благою для тебя цѣлію, чтобъ они не соблазняли тебя въ твоемъ тяжкомъ положеніи: *уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну.* На основаніи многихъ печальныхъ опытовъ, осмѣливаемся полагать, — за твои-ли собственные добродѣтели, или за молитвы твоихъ родителей тебѣ такая милость, — Господь, пославъ на тебя одинъ тяжкій ударъ, поспѣшилъ послать на тебя и другой не легкій, съ другой стороны, чтобы поддержать тебя въ спасительномъ равновѣсіи духа, чтобы ты не палъ.

И вотъ, поддерживаемый силою Божіей, подъ уравнивающимъ твою немощь бременемъ двухъ великихъ бѣдствій твоей жизни, пошелъ ты прямымъ путемъ скромной, честной, трезвой, благопокорной, богобоязненной жизни, и, въ годы пребыванія въ стѣнахъ смиренной нашей обители, заслужилъ ты доброе имя: и вотъ, съ благословенія Божія, святѣйшаго правительствующаго синода и святаго владыки нашего, ты сподобился принять на себя ангельскій образъ.

Объяснять-ли тебѣ, что ты сподобился великой чести, удостоился великаго блага? Въ старыя годы цари слагали съ себя вѣнцы царскіе и багряницы, чтобы замѣнить ихъ монашескими клобукомъ и власяницею. И обшлось надъ тобою другое слово благосердаго Спасителя нашего: *взялъ у тебя для своихъ цѣлей Господь Богъ жену, зрѣніе и съ ними многія блага жизни, и воздастъ тебѣ за это высокимъ ду-*

ховнымъ благомъ вынѣ, и въ вѣкъ грядущій уготовляетъ тебѣ животъ вѣчный.

Давать-ли тебѣ уроки, читать-ли тебѣ наставленія, послѣ всего, что тебѣ говорено, что самъ ты говорилъ сейчасъ? Изъ сихъ двухъ книгъ, сей священной *) и сей церковной **), поучали тебя сейчасъ самъ Христосъ Спаситель, великій апостолъ Его и св. церковь Его. Позволимъ себѣ только приспособить ихъ божественные уроки къ особенностямъ твоей жизни.

Въ горнилѣ двухъ великихъ, со многими отъ нихъ происшедшими, несчастій твоей жизни ты, конечно, приобрѣлъ не мало искусства встрѣчать, переносить и побѣждать искушенія. Жизнь инока самымъ дѣломъ тебѣ уже знакома.

Но осторожность!... Но вниманіе!... Горе наше и стыдъ нашъ! Глубокій смыслъ имѣетъ, на печальныхъ опытахъ основано монастырское присловіе: „за міряниномъ одинъ бѣсъ ходитъ, а за монахомъ, какъ за Маріей Магдалиной, ихъ семь“... Какъ только грѣшныя уста наши, хоть и отъ искренняго сердца, произнесутъ наши великіе обѣты; только лишь возложимъ мы на себя это отличительное священное облаченіе, — тутъ-то я и дѣлаюсь поношеніемъ своихъ обѣтовъ, укоризной своего званія; тутъ-то, должно быть, и направляются на насъ всѣ ухищренія сатанинскія, и не одного сатаны, а многихъ. И переходъ новопостриженнаго инока отъ прежней богобоязненной доиноческой жизни къ печальной безпорядочности въ иночествѣ нерѣдко бываетъ такъ быстръ, непослѣдователенъ, необъяснимъ, что невольно заставляетъ видѣть въ этомъ достопаечивомъ горестномъ явленіи именно сатанинское вліяніе, и вліяніе не одного, а многихъ бѣсовъ. И великій, должно быть, бываетъ у нихъ смѣхъ, когда они и предъ Богомъ, и предъ ангелами Его и предъ людьми осрамятъ этого человѣка, который взялся, и предъ Богомъ и церковію далъ обѣтъ быть подвижникомъ высшаго христіанскаго совершенства, который какъ будто призналъ кругъ общихъ всѣмъ христіанамъ обязанностей поприщемъ недостаточнымъ для себя, который хотѣлъ быть избраннѣйшимъ передовымъ воиномъ Христовымъ, предшественникомъ предводителемъ своихъ братій-мірянъ, храбрѣйшимъ ратоборцемъ на діавола, и хотѣлъ не одинъ, не на собственные только силы уповая, а Богу содѣйствующу-

*) Евангелія.

**) Требника.

щу... „И вотъ оно содѣйствіе Божіе, вотъ онъ — храбрый ратоборецъ... лижетъ прахъ ногъ моихъ“, — думаетъ при этомъ сатана, съ презрѣніемъ глядя на этого червяка...

Давайте, братіе, возопіемъ къ Богу нашему: *кто дастъ?...* Ты, Боже, дай *главамъ нашимъ воду и очамъ нашимъ источникъ слезъ, да плачемся грѣхопадений нашихъ...*

Слушай-же, брате нашъ. *Облецыся во вся оружія Божія, яко возмоу ти стати противу кознемъ діавольскимъ. Яко иже плоть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы въка сего, духовомъ злобы поднебеснымъ. Сего ради приими вся оружія Божія, какъ и пріялъ ты символы ихъ, да возможеши противитися въ день лютаго искушенія. Стой-же препоясанный по чресламъ своимъ истиною, и оболкнися въ броню правды и обувъ нозь въ готовность благовѣствованія мира. Надъ всѣми-же сими восприими щитъ вѣры, которымъ возможеши вся стрѣлы лукаваго разжженныя угасити и отразити, и шлемъ спасенія восприими и мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій, всякою молитвою и моленіемъ моляся на всякое время духомъ, обдѣи въ всякомъ терпѣнн и молитвъ о всѣхъ. Не лукавствуй, живи открыто — честно: монаху не возможно скрыть свои грѣхи, такъ много глазъ слѣдитъ за нимъ; ходи путемъ истины Господней и правды. Не возмущай монастырскаго мира: будь готовъ благовѣствовать миръ другимъ своимъ братіямъ средъ нашихъ взаимныхъ нестроений, клеветъ, непріязней. Воцари надъ всѣми мыслями и чувствами своими вѣру въ Бога: всѣ мы вѣримъ въ Бога, въ Его вездѣприсутствіе, всевѣдѣніе, благость; но лишь только предъ нами искушеніе, соблазнъ, — гдѣ тогда наша вѣра въ Бога, вѣра, что Онъ крѣпко гнушается нашими паденіями, крѣпко казнить насъ за наши поподзновенія?! Цѣлю всѣхъ своихъ дѣяній, своей жизни поставь спасеніе души, а не праздность, не пресыщеніе, не сластолюбіе, не любостыжаніе, не злоухищренія противъ братіи. Не упускай изъ своихъ рукъ святыхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ глаголъ Божій... Ахъ, да... ты видѣть и читать не можешь... но, Боже мой, наши уши такъ часто, такъ постоянно оглашаются здѣсь самыми священнѣйшими чтеніями, пѣснями, священнодѣйствіями, что въ этомъ отношеніи въ монастырѣ зрячій предъ не-зрячимъ не имѣетъ почти никакихъ преимуществъ. Будь только въ церкви Божіей отверстъ для слова Божія не ушами только, но и*

сердцемъ и смысломъ; не будь въ церкви однимъ изъ этихъ каменныхъ столбовъ, которые столько десятковъ лѣтъ постоянно оглашаются здѣсь священными чтеніями и пѣснями, и нисколько отъ того не поумнѣли, да и надежды нѣтъ, чтобы поумнѣли когда-нибудь. Возгрѣвай себя молитвою на всяко время, молитвою всякою, церковною и домашнею, молитвою въ духѣ, а не въ устахъ только; убѣгай обыкновенной у насъ слабости не внимать домашней молитвѣ потому, что такъ много у насъ молитвъ церковныхъ, — быть кимваломъ звяцающимъ во время молитвъ церковныхъ потому, что ихъ такъ много, что онѣ такъ часты и продолжительны, — быть во время священнодѣйствій мѣдью звяющею потому, что за тѣмъ наблюдаютъ, участвуешь-ли ты въ священнодѣйствіяхъ устами, какъ ты поешь или читаешь, а вникаешь-ли въ священнодѣйствія духомъ, люди видѣть этого не могутъ. Бодрствуй среди лишеній монастырской жизни, при твоей безпомощности, при случающихся напастяхъ отъ окружающихъ, бодрствуй во всякомъ терпѣніи. За зло и добро, которое мы тебѣ сдѣлали или сдѣлаемъ, воздавай намъ молитвою. Бди въ молитвѣ предъ Богомъ о всѣхъ святыхъ, о благочестивомъ государѣ, въ благословенное царствованіе коего Богъ сподобилъ тебя иноческаго званія, о святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ и о преосвященномъ епископѣ нашемъ Іоанникіѣ, волею и благословеніемъ коихъ сопричисленъ ты къ иноческому чину, — о святой обители, пріавшей тебя въ свои нѣдра, о братствѣ и о нашемъ многогрѣшномъ недостойнствѣ, удостоившихся послужить Богу и церкви при принятіи твоихъ обѣтовъ.

Еще слово. Ты сподобился пріять ангельскій образъ... образъ.. Потщись вложить въ этотъ образъ ангельское дѣло, ангельскую жизнь, ангельскую душу, ангельскую сущность. Пусть будетъ чернота твоихъ священныхъ одеждъ не вывѣскою черныхъ дѣлъ, черной жизни и черной души, но символомъ сокрушеннаго и смиреннаго сердца, котораго Богъ не уничижитъ, на которое Богъ призываетъ съ особенною любовью и сочувствіемъ по своему слову: *на кого воззрю, токмо на кроткаго, молчаливаго и трепещущаго словеса моихъ? Беззаконникъ-же жрѣй ми тельца, яко убивая пса, и приносяи седмица — яко кровь свиную, даая ливанъ въ память — аки хульникъ. И ти избрѣша пути своя и мерзости ихъ; яже душа ихъ изволи. И Азъ соберу поруганія ихъ, и грѣхи ихъ воздамъ имъ: яко звахъ ихъ и*

не послушаша Мене; глаголахъ, и преслушаша, и сотвориша злое предо Мною, и, яже не хотѣхъ, избрѣша (Ис. 66, 2—4).

Ты не имѣешь зрѣнія, не воспринимаешь тѣлесными очами свѣта вещественнаго. Общій законъ природы: у калѣкъ, вмѣсто чувства, котораго они лишены, сильнѣе развиваются другія чувства. Постарайся, — и тебѣ это легче, чѣмъ другимъ, — вмѣсто зрѣнія тѣлеснаго, котораго ты лишенъ, которое не будетъ соблазнять тебя, какъ соблазняетъ насъ, — постарайся развить, изощрить въ себѣ внутреннія душевныя очи. Вливай ими въ себя свѣтъ божественный. Пріими отъ насъ наше братское молитвенное благожеланіе: даруй, Боже нашъ, да будешь ты свѣтильникомъ, сіяющимъ въ этомъ святомъ мѣстѣ: *такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ Божій изъ твоего слѣпотствующаго существа предъ человеки, яко да видимъ всѣ мы добрая дѣла твоя и прославимъ Отца нашего, иже на небесахъ.*

Моя многогрѣховность желала-бы посмотрѣть на тѣ три ступени земли, въ которыхъ придется тлѣть твоимъ грѣшнымъ костямъ. Ты имѣешь утѣшеніе почти навѣрное знать, что твои кости упокоятся въ нѣдрахъ земли, обведенной оградой святой этой обители *). Вѣрно слово Божіе: *спмя свято-стояніе*, утвержденіе всякаго человѣческаго учрежденія. *И аще не бы Господь Саваоѣ оставилъ намъ спмене, яко Содомъ убо были блгома, и яко Гоморру уподобилися быхомъ* (Исаи 6, 13; 1, 9). Пріими наше братское молитвенное благожеланіе: даруй, Господи Боже, да будетъ и прахъ твой здѣсь сѣменемъ святымъ, одною изъ нравственныхъ основъ святой обители сей; да будутъ и кости твои одною изъ подпоръ святыхъ сихъ алтарей; да будетъ на могилѣ твоей вѣчная добрая память.

Что ти есть имя, брате?... Христосъ посреди насъ.

1858 г.

*) Скоро скончался, въ великую субботу и погребенъ въ томъ-же монастырѣ на третій день святыя пасхи.

ПОУЧЕНІЕ

по совершеніи послѣдованія малыя схимы надъ профессоромъ N семинаріи, магистромъ богословія N.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, иже взирающе на скончаніе жителства подражайте върѣ ихъ. Евр. 12. 7.

Въ иноческомъ чинѣ, любезный братъ, ты нареченъ именемъ св. отца нашего Аѳанасія великаго, епископа александрійскаго. Молитвенными благожеланіями поручая тебя покровительству великаго святителя, священнымъ правомъ, въ силу котораго мы нарекли тебѣ новое имя Аѳанасія, мы указываемъ тебѣ въ немъ путеводное свѣтило твоей новой жизни. Къ св. угоднику Божію взываемъ, и тебѣ съ братскою любовію желаемъ и внушаемъ, да будетъ онъ твоимъ ангеломъ покровителемъ и руководителемъ отнынѣ и до послѣдней твоей минуты и при переходѣ въ вѣчность. Отнынѣ присно *поминай* его, какъ Богомъ дарованнаго тебѣ *наставника*, который—конечно и твоему развитому смыслу *глаголала слово Божіе, и, взирая на скончаніе жителства его, подражай върѣ его.*

Подражай върѣ его. А вѣра его была такъ чиста и тверда сама въ себѣ, такъ возвышенна и многоплодна въ своемъ выраженіи, что церковь почтила его, великаго Аѳанасія, именемъ *отца православія*. Много въ этомъ великомъ характерѣ свойствъ достоподражаемыхъ. Всею жизнію своею эта высокая личность, какъ лучезарное свѣтило церкви, и свѣтитъ и грѣетъ воспримчивымъ къ христіанскому свѣту и жару душамъ. Но Аѳанасій—отецъ православія, это—черта единственная въ своемъ родѣ въ исторіи церкви. Его одного изъ всѣхъ великихъ своихъ дѣятелей церковь почтила этимъ многознаменательно-высокимъ прозваніемъ. Эту-то единственную въ своемъ родѣ многознаменательную черту благоговѣнно вспомнимъ въ настоящую минуту, себѣ въ назиданіе и тебѣ въ напутствіе новой жизни.

Что есть православіе?

Православіе есть единое истинное и дѣйственно-благочестивое ученіе, которое Господь нашъ Іисусъ Христосъ преподалъ словомъ и осуществилъ въ своей жизни, людямъ въ науку и въ примѣръ;—есть единственный, узкій, скалистый и тернистый путь вѣдѣнія и жизни, ведущій къ жизни вѣчной, указанный намъ нашимъ Спасителемъ и пройденный первоначально Имъ самимъ.

Поставимъ себя теперь мысленно у начала этого пути и кинемъ умственный взоръ впередъ на раскрытую предъ очами вѣры нашей картину міра.

Вотъ множество широкихъ, гладкихъ и покатыхъ путей жизни, такъ удобныхъ для грѣховной немощи человѣчества, теряющихся въ далекой безднѣ. Надъ этими путями мракъ идолопоклонства, языческихъ вѣрованій, ложной философіи, чувственной поэзіи, фарисейства, саддукейства, галилейскаго невѣжества,—мракъ, вблизи позволяющій намъ кое-что разглядывать, но дальше сгущающійся въ глубокую тму, въ которой нашъ взоръ ничего уже не различаетъ. Намъ сказано только, что дальше тамъ бездна мрака вѣчнаго, что широкіе пути эти ведутъ въ пагубу. Надъ этими путями, въ этомъ мракѣ носятся міродержатель тмы вѣка сего и тмы темъ подчиненныхъ ему духовъ злобы поднебесной. Вотъ по этимъ путямъ, въ этомъ мракѣ, съ большею или меньшею, но значительною скоростію, стремятся внизъ толпы человѣчества, увлекаемые собственнымъ своимъ тяготѣніемъ къ землѣ, погоняемые духами злобы, по манію міродержителя тмы. Возвышая его державное знамя, впереди увлекающихся соборищъ идутъ вожди ихъ: жрецы—лжецы, политики-хитрецы, все отвергающіе умники—софисты и скептики, поэты—пѣвцы страстей, фарисеи—поклонники буквы закона и презрители духа закона, отвергающіе бытіе и безсмертіе духа—саддукеи,—вожди слѣпые идутъ и другихъ слѣпцовъ въ яму погибели ведутъ.

Усматриваетъ взоръ нашъ: вонъ—среди этой погибельной покатости крутая, въ дали небесной теряющаяся возвышенность. Это полуосвѣщаемый свѣтомъ небеснымъ, освѣщенный однакожъ настолько, чтобъ видѣть его неодолимыя трудности, единственный путь къ небу, путь ветхозавѣтныхъ вѣры и закона. Идущихъ по этому спасительному и трудному пути и далеко поднявшихся мы усматриваемъ весьма мало. Пытающихся итти видимъ много: вотъ они нѣсколько поднялись, уста-

ютъ, конецъ пути далеко, неодолимыя препятствія для ихъ немощи подлѣ, свѣту на пути для ихъ тупыхъ очей мало, сатана толкаетъ ихъ на общій легкій путь, и вотъ одни падаютъ внизъ, другіе опускаются мало-по-малу, затѣмъ все увлекаются общимъ погибельнымъ теченіемъ человѣчества.

И это современный началу христіанства Израиль, считавшій богооткровенную ветхозавѣтную вѣру своею исключительною собственностью, на которую другіе народы не имѣютъ никакого права,—Израиль, почивавшій на законѣ. И однакоже самъ Израиль забылъ, что и какъ по полуосвѣщенному и неудобопроходимому пути вѣры и закона ветхозавѣтныхъ шли и высоко поднимались ветхозавѣтные праведники Ной, Авраамъ, Моисей, Давидъ, Ілія. Въ самомъ Израилѣ мы видимъ желающихъ идти по ихъ пути немного, знающихъ путь ихъ еще меньше, а способныхъ идти никого. Самыя понятія объ этомъ пути нравственнаго возвышенія, о царствѣ небесномъ, къ которому ведетъ онъ, о Мессіи, какъ путеvodителѣ къ небу, исказились въ дѣтскія мечты о земныхъ утѣхахъ въ царствѣ Израіля надъ всѣми народами, подъ владѣтельствомъ Мессіи, покорителя міра. Въ самомъ Израилѣ мы видимъ: одни подъ знаменемъ фарисейства вползаютъ нѣсколько на высоту закона по окраинамъ его и вползаютъ за тѣмъ только, чтобы быстрее низринуться въ бездну беззаконія, огрубѣнія сердца и смысла; другіе подъ знаменемъ саддукейства быстро исчезаютъ отъ очей нашихъ во тмѣ языческаго безвѣрія; третьи—большинство невѣжественнаго народа, какъ стадо овецъ, не имущихъ пастыря, безцѣльно бредутъ туда-же въ смертную сѣнь отупѣнія всѣхъ силъ и потребностей духа.

А въ язычествѣ, которое не имѣло понятія о богооткровенной вѣрѣ? Тутъ видимъ мы, въ стремящихся въ пропасть толпахъ лучшіе люди пытаются поднять свои головы, усиливаются остановиться, задумываются: „куда мы идемъ? вѣдь въ пропасть... Не туда-бы, вверхъ-бы надо... Долженъ-же быть гдѣ-нибудь путь къ небу“. Но вотъ опять толпа охватываетъ ихъ и мало-по-малу увлекаетъ, они не въ силахъ бороться съ теченіемъ; еще силятся они поднять свои головы вверхъ... „Нѣтъ“,—вопятъ они въ безсиліи отчаянія,—„нужно, чтобы съ неба кто-либо пришелъ и указалъ намъ путь къ небу и далъ намъ силы стать на этотъ путь и пройти его“,—наконецъ ослабѣваютъ въ бесплодныхъ усиліяхъ и вмѣстѣ съ другими опускаются въ бездну мрака.

Но вотъ въ этой пустынѣ заблужденій и грѣховъ раздается могучій, будящій всю Палестину, голосъ Іоанна предтечи: „порожденія ехиднова! Куда вы идете и другихъ за собой ведете?! *Покайтесь и сотворите плодъ достоинъ покаянія* (Мат. 3, 7). *Уготовайте путь Господень, правы творите стези Его. Всяка дебрь исполнится, всяка гора и холмъ смирится: и будутъ стропотная въ правая и остріи въ пути гладки, и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе* (Лук. 3, 4—6). Уже грядетъ, уже пришелъ, уже посреда васъ стоитъ путеvodитель къ небу, обѣтованный Мессія, *Егоже вы не въстѣ, иже креститъ въ Духомъ Святымъ. Се, Лице Божіе, возмляй грѣхи міра* (Лук. 3, 16; Іоан. 1, 26—29).

И вотъ очи человѣчества обращаются къ небесному посланнику. Вотъ—съ благоговѣніемъ усматриваемъ мы,—озаривъ свѣтомъ слова своего узкій путь, ведущій къ небу, Господь нашъ самъ первый идетъ по нему и вотъ восходитъ *на гору високу зло*. Отсюда изумленный такимъ необычайнымъ въ мірѣ явленіемъ міродержатель тмы показываетъ Господу *вся царствія міра сею и славу ихъ* и говоритъ: *сія вся Тебѣ дамъ, аще падѣ поклонимся Тебѣ*. Иисусъ-же вѣщаетъ ему: *иди прочь отъ Меня сатана, писано-бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши* (Мат. 4, 8—10). Всѣ козни сатанинской жестокости для Господа ничтожны также, какъ и ковы хитрости. Оттуда Господь кротко вопіетъ къ долу пресмыкающемуся человѣчеству: *покайтесь, приблизитъ-ся царствіе небесное. Азъ есмь путь и истина и животъ. Грядите по Мнѣ. Аще кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Мат. 4, 17, 19; 16, 24; Іоан. 14, 6).

Вотъ видимъ мы, по зову Господа вслѣдъ за Нимъ начинаютъ подниматься вверхъ: Андрей первозванный, Петръ первоверховный, Іаковъ и Іоаннъ возлюбленный, сыны Зеведеевы, всѣ дванадцать избранныхъ апостоловъ. Вотъ въ одного изъ нихъ входитъ сатана и низвергаетъ его несчастнаго въ бездну. Далѣе восходятъ семьдесятъ другихъ апостоловъ и еще нѣсколько братій. Вотъ Господь вѣщаетъ имъ: *идите научите вся языки, начение отъ Іерусалима. Слушай васъ, Мене слушаетъ и отменяетъ васъ, Мене отменяется* (Мат. 28, 19; Лук. 10, 16; 24, 47) и возносится на небеса. Апостолы въ благоговѣйномъ скорбно-радостномъ изумленіи стоятъ и глядятъ вознесшемуся Господу во слѣдъ. *Что стоите, зряще на небо?* вопіетъ имъ ангелъ

слетѣвшій съ неба: сей Иисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, та-
кожде придетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо, чтобы
совознести съ собою все человѣчество (Дѣян. 1, 11). Тогда апостолы
возвратившася во Иерусалимъ, съ радостію великою, ждали обѣщанія
Отца, о которомъ слышали они отъ вознесшагося Господа своего, и,
десять дней по вознесеніи Господнемъ исполнишася вси Духа Свята
(Дѣян. 1, 4, 12; 2, 4).

И начаша глаголати иными языки, якоже Духъ дающе имъ
проповѣдывать. И вотъ ставъ Петръ со единонадесятьми воздвиже
гласъ (Дѣян. 2, 4 и 14) первой апостольской проповѣди, и съ пер-
ваго раза увлекъ вслѣдъ Господа три тысячи израильтянъ. Вотъ и
въ языческой міръ тотъ-же Петръ проноситъ слово Божіе. Вотъ и Па-
велъ призванъ въ орудіе избранное, чтобы пронести имя Господне
предъ языки и царями и сынами Израилевыми (Дѣян. 9, 15). И
вотъ въ немногіе годы по вознесеніи Господнемъ вѣщаніе апостоловъ
во всю землю изыде и во концы вселенныя глаголы ихъ (Псал. 18,
5). И пошли вслѣдъ за ними по Господнему пути правой вѣры и
благочестія миллионы людей. Раздался общій кличъ по землѣ: при-
дите и възведемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковля и
возвѣститъ намъ путь свой и поидемъ по нему: отъ Сіона
бо исходитъ законъ и слово Господне изъ Иерусалима (Ис. 2, 3).
Общее движеніе христіанскаго человѣчества, сначала по гласу одного
изъ дванадцати апостоловъ, потомъ по державному мановенію равно-
апостольнаго князя Владиміра, коснулось предѣловъ и нашего отече-
ства: вотъ и наши отцы становятся въ ряды послѣдователей Іисуса
Христа.

Но, какъ раненый левъ, взревѣлъ діаволъ, видя такой позорный
для себя поворотъ въ направленіи человѣчества, видя ряды своихъ ра-
бовъ значительно порѣдѣвшими, видя свои царства истощенными. Со-
бираетъ онъ всѣ свои силы и жестокою бранью нападаетъ на хри-
стіанство. Вотъ пускаетъ онъ въ дѣло темныя мудрованія еврейскихъ
книжниковъ, паутинныя умствованія языческихъ мудрецовъ. Дѣйствіе
безсильно. Пускаетъ въ дѣло гоненія отъ властей еврейскихъ, отъ язы-
ческихъ владыкъ, отъ римскихъ императоровъ. Дѣйствіе ведетъ отъ
цѣли, а не къ цѣли. Пускаетъ въ ходъ ереси и расколы. А это сред-
ство оказывается успѣшнѣе. Вотъ видимъ мы, сначала поднимаются,
по Господню и апостольскому пути, потомъ сворачиваютъ въ сторону

Симонъ волхвъ, Евіонъ, Карпократъ, гностики, докеты, антитринита-
ріи, и увлекаютъ за собою половину христіанскаго міра. Но къ нача-
лу IV вѣка эти ереси поглощаются жерломъ времени, и христіанство
опять единодушно и прямо устремляется къ своей цѣли. Тогда изъ
нѣдръ ада сатана выпускаетъ на свѣтъ могучую ересь Арія: вслѣдъ
за сладкорѣчивымъ ересіархомъ устремляются рядъ царей, сонмы іе-
рарховъ, весь христіанскій міръ; никто не внимаетъ даже великому первому
вселенскому собору, наоборотъ, ему противопоставленъ цѣлый рядъ ере-
тическихъ соборовъ. Силою еретическаго теченія увлекаются съ пра-
ваго пути даже именитѣйшіе епископы церкви, Ливерій римскій, даже
временно праведный Осій кордубскій. Никогда, ни прежде ни послѣ
не грозила христіанству такая грозная опасность. Кто-жъ осмѣлится
противустать этому роковому увлеченію? Вотъ видимъ мы,—выступаетъ
малый тѣломъ, но крѣпкій духомъ Аѳанасій великій. Въ началѣ борьбы
онъ вождь многихъ другихъ ратниковъ. Но вотъ страшная минута: его
соратники увлечены въ плѣнъ врагами, или поражены смертію. Онъ
одинъ. Въ него одного яростно вцѣпилась цѣлая рать царей еретиковъ,
еретическихъ соборовъ въ союзъ съ цѣлымъ еретическимъ міромъ
и, конечно, съ цѣлымъ адомъ темныхъ силъ. Великій святитель одна-
кожь идетъ своей дорогой, отражая миллионы враговъ своею безукор-
изненною жизнію, своими неутомимыми трудами, своимъ могучимъ сло-
вомъ и дивными писаніями, терпя тысячи тяжкихъ физическихъ и
нравственныхъ страданій, не разъ подвергаясь грозѣ насильственной
смерти, высоко поднимая знамя правовѣрія, знамя, на которомъ начер-
тано: „Царь царемъ и Господь господемъ, единосущный Отцу Сынъ
Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ“. Вотъ самая грозная минута
тяжкаго одиночества для Аѳанасія минуетъ: онъ пріобрѣтаетъ себѣ мо-
гучихъ сподвижниковъ въ лицѣ великихъ вселенскихъ учителей Васи-
лія великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, и при ихъ со-
трудничествѣ, силою Божіею, увлекаетъ за собою весь христіанскій
міръ опять на единый, истинный Господень и апостольскій путь пра-
вославія. Вотъ гдѣ великій Аѳанасій заслужилъ себѣ великое имя отца
православія.

И нашлись-же, къ стыду нашего времени, народа и званія, люди,
которые имѣли смѣлость провозгласить, что эти иночествующіе люди,
каковы Аѳанасій великій съ великими своими сотрудниками Василиемъ
великимъ, Григоріемъ Богословомъ, Іоанномъ Златоустомъ и другими

подобными имъ иноками—святителями и учителями церкви, измѣнили своему иноческому призванію, ратуя на аренѣ міра противъ всѣхъ силъ земли и ада за бытіе церкви, а не сидя безмолвно и закрыто въ оградѣ какой-нибудь пустынной обители, и что великое дѣло, по милости Божіей ими совершенное, могло быть правильнѣе и успѣшнѣе исполнено людьми, которые болѣе этихъ великихъ иноковъ были привязаны къ міру обязанностями семейными! Нашлась-же отважная рука, *) которой хотѣлось-бы замарать чернилами и разорвать существенно-важную страницу церковной исторіи, украшенную блистательнѣйшими именами, которой хотѣлось-бы своею ладонью остановить теченіе церковно-исторической рѣки и дать ему другое будто-бы болѣе правильное направленіе, дать не чрезъ столѣтія послѣ, а теперь вотъ въ настоящую минуту. Нашлось-же у кого-то столько историческаго свѣту въ головѣ, столько мягкости сердца и тонкости пера, столько вниманія къ древнимъ преданіямъ и уваженія къ нынѣшнимъ уставамъ церкви, чтобы охулить направляемое и благословляемое церковное желаніе современнаго человѣка быть каплею для отраженія въ себѣ блеска такихъ свѣтилъ церкви, каковы св. Аѳанасій съ великими Василиемъ, Григоріемъ, Златоустомъ,—быть отображеніемъ великаго образца, который въ себѣ они явили христіанству,—быть однимъ изъ тысячъ ихъ послушниковъ въ служеніи, которое съ такою славой и пользою для церкви они несли,—пожертвовать служенію церкви правами своей природы, естественными требованіями сердца, обще-человѣческими и человѣческими, такъ глубоко вкорененными и въ тѣло и въ душу, привязанностями семейными,—чтобы *не щися только о Господнихъ, како угодити Господеву, а не о Господнихъ и мірскихъ, како угодити Господеву и женѣ* (Кор. 7, 32—33), чтобы отрѣшенность моей души отъ обязательствъ семейныхъ, которыя, подобно многимъ якорямъ, удерживающимъ корабль въ пристани, многими цѣпями прикрѣпили-бы меня къ міру, положить къ подножію алтаря Господня,—чтобы знать одну только зависимость—отъ Богопоставленной власти въ церкви,—чтобы чувствовать одну только привязанность—къ пользамъ церкви, чтобы всецѣло принадлежать церкви въ силу психологическаго закона: чему мы больше принесли жертвъ, то больше любимъ.

Или православный міръ доросъ уже до той степени развитія, гдѣ

*) Разумѣется Беллюстинъ, котораго имя въ то время, въ 1859 г., не было извѣстно.

неодолимый жребій исторіи нудитъ его сдѣлать великій перерывъ въ естественномъ ходѣ жизни. Не насталъ-ли уже для нашей церкви когда-то жданный золотой вѣкъ тысячелѣтняго земнаго царства Христова, или пришло уже лютое время антихристово, что въ церкви Божіей уже не нужны или невозможны такіе бойцы вѣры, отрѣшенные отъ мірскихъ привязанностей, каковы были Аѳанасій и подобные ему? Но нѣтъ. Мечта о золотомъ тысячелѣтіи на землѣ оказалась мечтою. Церковь воинствующая остается и до скончанія вѣковъ останется воинствующею: ей были нужны всегда и послѣ Аѳанасія, и до скончанія вѣковъ будутъ нужны,—о возможности и говорить нечего,—Кириллы, Львы, Августины, Софроніи, Германы, Кипріаны, Петры, Алексіи, Іоны, Филиппы, Ермогены, Димитріи, чтобы враждебная Христу сила не сбила всѣхъ послѣдователей Христовыхъ съ единственнаго прямого пути къ царству Христову, съ Господня и апостольскаго и свято-отеческаго пути православія.

Въ наше или близкое къ нашему время такіе подвижники православія будутъ, вѣроятно, тѣмъ нужнѣе, чѣмъ больше будетъ приближаться христіанство ко временамъ послѣднимъ, чѣмъ замѣтнѣе будетъ вѣять въ мірѣ вѣтръ антихристіанскій. Съ той высоты зрѣнія, на которую мы себя поставили, окинемъ взглядомъ современное намъ направленіе человѣчества. Вотъ большая часть человѣчества безмысленно бредетъ въ бездну мрака вѣчнаго въ глубокомъ мракѣ невѣжественнаго идолопоклонства. Надобно-бы учить ихъ Христовой вѣрѣ; и учить люди, да не мы,—слышенъ-ли въ ихъ странахъ нашъ православный призывъ къ христіанству? Вотъ сотни милліоновъ людей блуждаютъ вслѣдъ за самообольщеннымъ Магометомъ и въ туманѣ лжи ищутъ чувственнаго рая. А смѣемъ-ли мы православные говорить имъ о православіи послѣ того даже, какъ они поглотили въ своемъ увлеченіи цѣлые милліоны православныхъ и не мало другихъ милліоновъ увлекли съ собою если не во тьму магометанства, то во мракъ невѣжества? Вотъ сотни милліоновъ уклонившихся съ прямого пути Христова протестантовъ и католиковъ: эти въ насъ самихъ видятъ уже чуть не идолопоклонниковъ; эти до насъ самихъ добираются смѣлыми руками, чтобы уклонить насъ на свою дорогу. А мы?! Отбиваемся-ли отъ нихъ? Съ надлежащими-ли усиліями? Тѣмъ-ли оружіемъ? Гдѣ наши побѣды? Гдѣ наши плѣнники для царства Христова, для славы нашей церкви? Увы! только язвы болятъ, а противники напираютъ да

напирають. Оглянемся кругомъ вблизи себя: всѣхъ насъ сорокъ-пять-десять миллионъ, — число сравнительно незначительное. По крайней мѣрѣ, весь сонмъ нашъ состоитъ изъ людей надежныхъ, дѣло вѣры знающихъ, связанныхъ мощнымъ союзомъ любви и единства? Да. Тутъ направо дѣтски-упрямое стремленіе на изрытую суевѣріями, покрытую тьмою невѣжества дорогу пристрастія къ недавней старинѣ раскола. Налѣво люди рвутся въ застланную туманомъ дебрь вольнодумства. Сзади недоразумѣнія, холодность и даже раздоръ, которые могутъ имѣть исходъ, одинъ Богъ знаетъ и видитъ, какой. Кругомъ и около тутъ подлѣ насъ самихъ люди просвѣщенные во всемъ, кромѣ отеческой вѣры, которая имъ довѣдома не много болѣе, какъ и темнымъ русскимъ людямъ, гонятся и гонятъ другихъ за всѣми возможными требованіями впередъ все и всѣхъ толкающей современности, — за всѣми, забывая въ хлопотахъ только требованія отеческой вѣры. А наши темные люди?... Суть люди темные въ вѣрѣ, какъ и во всемъ другомъ, что касается духовнаго просвѣщенія, къ большому прискорбію не свободные отъ нерѣдкой въ слѣпцахъ прихоти упрямства, чтобы мы — вожаки ихъ — не спѣшили, вели ихъ туда и такъ, куда и какъ имъ хочется, или оставили ихъ на волѣ итти по ихъ собственному недоглядывающему усмотрѣнію. До сихъ поръ вели мы юный народъ русскій къ цѣлямъ церкви, какъ дѣтей, поддерживая и руководя и направляя его силою отеческой власти. Теперь народъ этотъ, устами своихъ глашатаевъ, объявляетъ себя уже выросшимъ, и съ юношескою бодростію хочетъ бѣжать впередъ самъ безъ нашего указанія, и уже бѣжитъ... Туда-ли, куда намъ нужно? Не пора-ли намъ возвысить голосъ убѣжденія, чтобы всѣ отъ насъ не разбѣжались? Не пора-ли громко и настоятельно на всѣ голоса и многими голосами вопить намъ: грядите люди вслѣдъ Господа Іисуса по апостольскому и свято-отеческому пути православія? Не намъ-ли именно, не о нашемъ-ли времени великій апостолъ съ высоты небесной вопіетъ: *засвидѣтельствую предъ Богомъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ: проповѣдуй слово, истой благовременнѣе и безвременнѣе, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ. Будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотнямъ избѣрутъ себѣ учителя, чешими слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ и къ баснямъ уклонятся.* (2 Тим. 4, 1—4).

Нужны намъ Аѳанасіи, нужны Златоусты; но мы-ли нужны? Да

мы, мое ничтожество, твоя мѣрность, тысячи насъ нужны. Чтобы выросли одному цвѣтку розы, нужны безобразные корни, некрасивые сучья съ прибавкою шиповъ и тощія листья: таковъ удѣлъ и человѣческихъ дѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ стали розы расти съ шипами. Чтобы произвести мудраго вождя, мужа силы, чтобы безъ сраму сражаться и непостыдно побороть супостатовъ, нужны тысячи ратниковъ. Только во времена баснословныя, въ мечтахъ народа, а не въ поучительной дѣйствительности, одинъ богатырь могъ побороть цѣлую рать. Нужны намъ тысячи голосовъ, чтобы сдѣлать въ глуби народа, а не на верхахъ его только, дѣйствительно, а не воображаемо, слышимымъ живой голосъ слова Божія среди этого современнаго намъ шума, когда намѣченные св. апостоломъ учителя разныхъ наукъ такъ громко кричатъ каждый о своемъ и по своему.

Во истинну добро дѣло и блаженно избралъ еси, брате, по аще и совершиши е: добрая бо дѣла трудомъ стяжываются и болѣзнію исправляются.

Вольнымъ своимъ разумомъ и вольною своею волею ты сталъ въ ряды воиновъ Христовыхъ, которые хотятъ быть и должны быть отборными воинами Христовыми. Вотъ тебѣ отъ насъ братское благожеланіе и внушеніе въ напутствіе новой жизни: не измѣняй своему знамени.

Оглянись кругомъ и около; взгляни на вещи съ точки зрѣнія христіанской, исторической, общежитейской. Вездѣ измѣна знамени, подъ которое человѣкъ сталъ *вольною волею и вольнымъ разумомъ*, есть преступленіе позорное, по крайней мѣрѣ есть сознаніе прежде сдѣланной ошибки, отрицаніе прежняго поведенія, самоотреченіе. Ты имѣлъ время и разумъ обдумать путь, на который теперь ступилъ, — имѣлъ свободу выбрать знамя, подъ которое сталъ. Ты теперь не другой кто, а монахъ Аѳанасій, давшій свои обѣты по чину и разумнѣнню православной церкви, ученикъ и послѣдователь Христа, апостола Павла, великаго Аѳанасія.

Не быть тебѣ ученикомъ враждебныхъ Христу и христіанству учителей. Подражай впрѣдъ Аѳанасію великаго, подражай, *взирая на достославное скончаніе достоподражаемаго жительства его*, памятуя, что *впра безъ дѣлъ мертвъ*, что моя чистая вѣра при моемъ нечестіи есть свѣтъ, свѣтящій, но негрѣющій и животворящій, свѣтъ, во мнѣ самомъ озаряющій мою немощь. Не быть тебѣ нечестивцемъ, чело-

вѣкомъ волнаго поведенія, презрителемъ церковныхъ уставовъ, которые ты торжественно обѣщалъ и призванъ хранить и защищать. *Никто-же возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ естъ въ царствіе Божіе* (Лук. 9, 62).

Господь Богъ, Его мудрость и любовь, тебя да управятъ.

Желаемъ и у Бога просимъ тебѣ, если не сугубой, и не тойже, то половину, то сколько Богу угодно—той-же благодати, которая почивала въ Аѳанасіѣ великомъ. Его благословеніе и молитвы да будутъ надъ тобою отнынѣ и до кончины твоего вѣка.

1859 г.

ПОУЧЕНІЕ

на посвященіе въ великую схиму іеромонаха саратовскаго Спасо-Преображенскаго монастыря Митрофана, въ схимонашествѣ нареченнаго Моисеемъ.

Что ты есть имя, брате? И что случилось съ тобою, отче?

Слышимъ изъ устъ твоихъ новое твое имя. Видимъ на тебѣ новое, многими изъ насъ отроду невиданное облаченіе,—облаченіе поразительнаго вида, эти кресты, эти надписи, эту Адамову голову съ костями, таинственные символы чего-то священнаго, великаго, поразительнаго.

Что-же такое сдѣлалось съ тобою и надъ тобою, брате Моисее?

Ищемъ разгадку этой тайны въ книжицѣ, по которой совершали мы надъ тобою священнодѣйствіе. Тамъ, читая заглавія этого священнодѣйствія, на свой вопросъ получаемъ отвѣтъ: надъ тобою совершено *послѣдованіе великаго ангельскаго образа*.—*Послѣдованіе великаго ангельскаго образа*... Слова таинственнаго значенія! Ищемъ дальше въ той-же книжицѣ ихъ разъясненія. И видимъ, послѣ заглавія сряду тамъ написано: *хотяи святой великій ангельскій образъ пріяти въ первыхъ исчитати свою совѣсть опасно, и поряди вся аще и меньшая своя исповдати предъ своимъ духовнымъ отцемъ совершенія, и отъ него совершенное разрѣшеніе пріяти, и, сие свою очистивъ совѣсть, приуготовляти себе чинно къ причащенію свя-*

тыхъ и божественныхъ таинъ тѣла и крови Господней всяко, якоже умирай, долженъ естъ.—*Хотяи великій ангельскій образъ пріяти... всяко, якоже умирай долженъ естъ*... Вотъ что... ты принялъ великій образъ ангельскій. Ты готовился къ принятію великаго ангельскаго образа, какъ къ смерти. Принявъ великій ангельскій образъ, ты умеръ. Ты теперь человекъ мертвый,—житель другаго не земнаго міра.—И оттого-то у него новое имя; оттого-то на немъ невиданныя въ свѣтѣ погребальнаго вида облаченія.

Однако-же, мертвецъ, живой мертвецъ, стоящій между нами мертвецъ,—это какъ-то странно, если только не ужасно.—Что-жъ намъ дѣлать? Въ ужасѣ разбѣжаться отъ него, и постараться забыть это потрясающее зрѣлище, которое, одинъ разъ видѣвъ, трудно забыть и нельзя вспомнить безъ содроганія? Или холодно подивившись на это явленіе, какъ на зрѣлище рѣдкое и занимательное, холодно разойтись, чтобъ послѣ холодно вспоминать себѣ и другимъ рассказывать о немъ?

Какъ-бы мы ударились въ разныя стороны, если-бы мы стояли кругомъ гроба и изъ него всталъ и сталъ между нами мертвецъ дѣйствительный! Самые хладнокровные изъ насъ съ трудомъ сохранили-бы хладнокровіе. А теперь всѣ мы стоимъ довольно спокойно: намъ не вѣрится, что мы видимъ между собою живаго мертвеца. А не увѣрившись въ этомъ, спокойно разойдемся и забудемъ, или при случаѣ холодно будемъ вспоминать объ этомъ случаѣ, какъ о явленіи для насъ стороннемъ и весьма простомъ, хотя и рѣдкомъ.

Мертвецъ между нами стоитъ, дѣйствительный мертвецъ, три раза умершій, какъ и мы съ вами мертвецы.

Изъ утробы матерней вышелъ онъ чадомъ грѣха, плоти, міра и діавола, родился отъ родителей для жизни мірской, грѣховной.

Черезъ христіанскихъ родителей благодать Божія поставила его, по плотскомъ рожденіи, предъ купелію крещенія. Священникъ здѣсь спрашивалъ его въ лицѣ его воспріемника: *отрицаешься-ли ты сатаны и вслѣдъ за нимъ и вслѣдъ за ангеломъ его и всего служенія и гордыни его*? Онъ отвѣчалъ: *отрицаюся*. Его спрашивали трижды; онъ отвѣчалъ трижды: что это значитъ? Это значитъ, онъ поклялся что отрицается. Этого мало. Его опять спрашиваютъ: *отрекся-ли ты сатаны*? Онъ опять отвѣчаетъ: *отрекся*. Спрашиваютъ опять трижды, онъ отвѣчаетъ опять трижды: опять клянется. Въ знакъ полнаго отреченія отъ сатаны, его заставляють плюнуть на сатану. Затѣмъ

опять спрашиваютъ его и опять трижды: *сочетаваешься-ли ты Христу?* Онъ отвѣчаетъ и опять трижды: *сочетаваюсь*; опять клянется. Этого мало. Его снова спрашиваютъ: *сочетался-ли ты Христу? вѣруешь-ли Ему?* Онъ отвѣчаетъ: *сочетался, вѣрую Ему, яко Царю и Богу*, и читаетъ символъ вѣры. Снова и снова предлагаютъ ему тотъ-же вопросъ; опять и опять даетъ онъ тотъ-же отвѣтъ: новая клятва. И этого мало. Его еще разъ спрашиваютъ: *сочетался-ли ты Христу, сочетался-ли ты Христу, сочетался-ли ты Христу?* Онъ еще разъ отвѣчаетъ: *сочетался, сочетался, сочетался*: еще клятва. Недаромъ эти клятвы предъ крещеніемъ сравниваются у св. отцевъ съ присягою, которую даютъ воины, или вообще подданные царю предъ вступленіемъ въ воинство или подданство.

Чего-жъ отъ него требовали этими вопросами: *отрекаешься-ли ты, отрекся-ли ты сатаны и всѣхъ дѣлъ его? Сочетаваешься-ли, сочетался-ли ты Христу и вѣруешь-ли Ему, яко Царю и Богу?* И что такое утверждалъ онъ своими отвѣтами: *отрекаюсь, отрекся, сочетаваюсь, сочетался и вѣрую?*... Хотѣли получить отъ него и онъ далъ клятвенный обѣтъ отречься сатаны и всѣхъ дѣлъ сатанинскихъ и всѣхъ служителей сатаны и всякаго служенія сатанѣ и всякой сатанинской гордыни—прелести, тщеславія, надменія, всего сатанинскаго, мірскаго, плотскаго, грѣховнаго,—отрекшись діавола и міра и собственной плоти, присоединиться ко Христу, вѣровать, поклоняться и служить Ему какъ Царю и Богу,—умереть для діавола и жить для Христа.

Вы забыли, міряне, что вы давали такіе клятвенные обѣты? Это такъ давно было, вы не помните; послѣ объ этомъ такъ рѣдко напоминали вамъ; помнить это такъ тяжело, а забыть такъ хочется, такъ пріятно и успокоительно. Вамъ помнится только, что монахи даютъ подобные обѣты отреченія.

По произнесеніи такихъ клятвенныхъ обѣтовъ предъ крещеніемъ, его погрузили, мы говоримъ объ отцѣ нашемъ іеросхимонахѣ,—погрузили въ купель крещенія!

Что такое эта купель крещенія? Крещеніе было для него смертию, поразившею въ немъ человѣка, какимъ онъ родился отъ родителей, подкосившею въ немъ дарованную ему естественнымъ рожденіемъ жизнь; было началомъ гроба, въ которомъ будетъ окончательно схо-

роненъ и истлѣетъ его естественный ветхій человѣкъ, въ которомъ окончательно потухнетъ его плотская грѣховная жизнь.

Христіане, вы не вѣрите этому не можете. Кто изъ васъ благоговѣнно принималъ, или хотя изъ любопытства когда-либо прислушивался къ апостолу, возглашаемому при совершеніи таинства крещенія, припомните выраженія изъ этого чтенія. „*Братіе,—елицы во Христа Іисуса крестихомся, во смерть Его крестихомся*“: мы, крестившіеся во Христа, погрузились въ смерть Его... Мы погреблись вмѣстѣ съ Нимъ крещеніемъ—погруженіемъ въ смерть; ветхій нашъ человѣкъ съ Нимъ распялся, да упразднится, да уничтожится тѣло грѣховное, чтобы болѣе не работать намъ грѣху. Что умерло въ насъ, умерло для грѣха, а что живетъ, для Бога живетъ. Такъ и помышляйте вы о себѣ, что вы мертвы для грѣха, живы-же для Бога?“

Итакъ крещеніе во Христа есть крещеніе—погруженіе въ смерть Его, погребеніе вмѣстѣ съ Нимъ, распятіе нашего ветхаго человѣка, умерщвленіе нашей грѣховной плоти.

И вотъ первая смерть брата нашего и отца іеросхимонаха. А вы, міряне, этою смертію не умирали? Часто отъ васъ слышатся рѣчи, обращенныя къ монахамъ: „вы умерли для всего“. А вы,—теперь говоримъ мы вамъ,—не умерли для всего? Для всего грѣховнаго, плотскаго, мірскаго, сатанинскаго, чтобы жить только для Бога?

Для чего-жъ, вы скажете, люди идутъ въ монахи? Для чего... почему... Потому что въ крещеніи въ каждомъ изъ насъ ветхій нашъ человѣкъ, влекущій насъ отъ Бога на сторону діавола, плоти и міра, пораженъ смертельно, но не такъ, чтобы онъ этотъ человѣкъ—не имѣлъ силы прожить еще нѣсколько мгновеній, въ предсмертныхъ содроганіяхъ; чтобы нельзя было оживить, подкрѣпить, возставить и исцѣлить его въ себѣ сродными ему пособіями, лѣченіемъ, пищею, т. е. служеніемъ плоти, міру и діаволу; чтобы, оживъ въ насъ, онъ не могъ ослабить и даже убить въ насъ новаго, чистаго человѣка, порожденнаго въ насъ крещеніемъ. Потому что, по суду Божію, въ насъ необходима и послѣ крещенія неослабная борьба съ издыхающимъ въ насъ ветхимъ человѣкомъ, чтобы не дать ему оправиться, окрѣпнуть и встать; чтобы одолѣть его до смерти и въ смерти окончательно повергнуть его и свергнуть съ себя его нечистые останки вмѣстѣ съ этою тлѣнною оболочкою плоти. А въ мірѣ помышляютъ-ли объ этой борьбѣ? Не забыли-ль о ней вовсе? Даже у человѣка, который пом-

нить и помышлять о ней, не отнимаютъ-ли такъ или иначе всѣ средства успѣшно вести ее? Вотъ почему и для чего люди идутъ въ монахи..., чтобъ эти ряса и мантия, эти клобукъ и четки, келья и храмъ, и все и все въ монастырѣ постоянно указывало намъ необходимость этой борьбы и средства къ ней,—постоянно говорило намъ, что мы умерли для грѣха и должны жить только для Бога.

26 лѣтъ тому назадъ благодать Господня поставила его, нынѣ отца нашего іеросхимонаха, по довольномъ искусѣ, въ стѣнахъ этой-же святой обители, предъ жертвенникомъ Господнимъ также, какъ и сегодня онъ стоялъ и стоитъ. Подобно тому, какъ спрашивали его предъ крещеніемъ, здѣсь его спросили тогда: *что пришелъ еси, брате, припадая святому жертвеннику?—Желая житія постническаго, житія подвижническаго, —отвѣчалъ онъ. Его снова вопрошали: желаети-ли сподобитися ангельскаго образа и въ чинену быти лику монашествующихъ? Пребудеши-ли въ монастырѣ и въ постничествѣ даже до послѣдняго твоего издыханія? Сохраниши-ли себе въ дѣвствѣ и цѣломудріи и благоговѣніи? Сохраниши-ли послушаніе къ настоятелю и всей во Христа братіи? Пребудеши-ли въ нескорбѣ и тѣсноту монашескаго житія царствія ради небеснаго? —Ей, Богу содѣйствующу, —отвѣчалъ онъ на всѣ сіи вопрошенія: онъ произнесъ свои монашескіе обѣты.*

Чѣмъ эти обѣты отличаются отъ обѣтовъ, произнесенныхъ при крещеніи? Отвѣчу вамъ признаннымъ отвѣтомъ: въ сущности тѣ и другіе обѣты одинаковы. Тамъ обѣтъ отречься сатаны и всего сатанинскаго, т. е. служенія сатанѣ, плоти и міру, и сочетаться Христу, жить только для Него; здѣсь также обѣтъ отречься всего мірскаго, плотскаго, сатанинскаго, грѣховнаго, и жить только для Христа. Ихъ разность: тамъ обѣтъ исполнять заповѣди Христовы; а здѣсь—исполнять не только заповѣди, обязательныя для всѣхъ христіанъ, но и Христовы евангельскіе совѣты о совершенномъ дѣвствѣ, безпрекословномъ послушаніи и вольной нищетѣ,—совѣты, которые для монаха обязательны также, какъ и заповѣди.

По произнесеніи своихъ монашескихъ обѣтовъ, онъ—отецъ нашъ іеросхимонахъ *постригъ* власы главы своей, въ знаменіе отрицанія міра и всѣхъ, яже въ мірѣ, и во отрѣзаніе своей воли и всѣхъ плотскихъ похотей, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и за-

тѣмъ облеченъ въ черныя иноческія одежды въ знаменіе того, что онъ вольною волею вторично умеръ для міра и грѣха и долженъ жить только для Бога.

Видите-ли вы теперь сходство между крещеніемъ и постриженіемъ въ монашество? Тамъ предъ крещеніемъ обѣты, и здѣсь предъ постриженіемъ обѣты, обѣты въ сущности тѣже. Тамъ погруженіе, здѣсь постриженіе, тамъ и здѣсь во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Здѣсь облаченіе новопостриженнаго, тамъ также облаченіе новокрещеннаго въ новую символическую одежду. Тамъ, какъ и здѣсь, есть даже постриженіе власовъ, которымъ—здѣсь и тамъ означается посвященіе человѣческаго естества Богу. Тамъ существенною частью таинства, погруженіемъ, означается смерть ново-крещеннаго для грѣха, міра, плоти и діавола; здѣсь важнѣйшею частью священнодѣйствія, постриженіемъ, означается въ отношеніи къ новопостриженному тоже. Тамъ эта смерть означается..., нѣтъ, не означается, а совершается даже существеннѣе, чѣмъ здѣсь: въ этомъ дѣлѣ крещеніе во столько разъ дѣйствительнѣе постриженія въ монашество, во сколько устройство вещи дѣйствительнѣе ея подновленія.

Вторично умерши для всего мірскаго въ иночествѣ, онъ—отецъ нашъ іеросхимонахъ 26 лѣтъ, кромѣ пяти лѣтъ искуса, въ стѣнахъ святой этой обители, несъ скорбную тѣсноту монашескаго житія. Во все это время, по признанію и свидѣтельству предъ Богомъ всего братства обители, являлъ онъ житіе благоговѣйное, воздержное, трезвое, цѣломудренное, нестяжательное, благопокорное, благодушное. Теперь ему идетъ уже седьмой десятокъ лѣтъ; выходящіе не знаете, а мы знаемъ, что, по одряхлѣнію тѣлесныхъ силъ, онъ уже развалина, одною ногою стоящая уже въ гробу. Время и добрый навѣкъ къ иноческому житію достаточно подрѣзали уже, если только не совсѣмъ отрѣзали, въ немъ своеволіе и плотскія похоти. Онъ изъявилъ желаніе пріять великій ангельскій образъ, чтобы совершеннѣйшими обѣтами обязать себя къ совершеннѣйшему, отрѣшенному отъ міра, ангелоподобному житію. На основаніи многолѣтняго опыта, братство обители, ея настоятель,—богобоязненный предмѣстникъ нашего смиренія, и азъ многогрѣшный признали его достойнымъ и способнымъ носить великую схиму. Святой владыка нашъ его святое желаніе благословилъ. И вотъ онъ пришелъ вторично, припадая къ святому жертвеннику и къ святымъ дружинѣмъ сей.

Мы вопрошали его: что пришелъ еси, брате, вторицею припадаю?...—*Желая житія совершеннѣйшаго постническаго*,—отвѣчалъ онъ.—*Желаешь-ли сподобитися ангельскому образу и иноческіе обѣты усугубленіемъ предъ Господемъ обновляти*,—мы спрашивали его.—*Ей*,—отвѣчалъ онъ, и усугубленіемъ обновилъ предъ Господемъ свои обѣты о совершеннѣйшихъ иноческихъ подвижничествѣ, цѣломудріи, послушаніи, нестяжательности, терпѣливости.

Затѣмъ онъ постригъ второе власы главы своея въ знаменіе конечнаго отреченія міра и всѣхъ, яже въ міръ, и въ конечное отрѣзаніе своея воли и всѣхъ плотскихъ похотей и во еже въ безмолвіи себѣ внимати, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и облеченъ во всѣ одежды великаго ангельскаго образа.

Онъ пріялъ великій ангельскій образъ... Это значитъ, что онъ во второй, или лучше въ третій разъ и окончательно отрѣкся міра и всѣхъ, яже въ міръ; а отреченіе міра и всѣхъ яже въ міръ ничтоже ино есть, развѣ креста и смерти обѣщаніе. Это значитъ, что отъ днешняго дне онъ распятъ и умерщвленъ мірови, совершеннаго ради сугубаго отреченія: ибо онъ отрѣкся родителей, братій, жены, чадъ, отца сродства, содружества друзей обычныхъ... Не изумляйтесь и не поражайтесь,—это значитъ, что родители, братья, сродники, други отнынѣ не существуютъ для него, какъ для мертваго чловѣка, какъ для васъ перестанутъ существовать, когда вы умрете. Отрѣкся онъ сущихъ въ міръ мятешей, попеченій, стяжаній, имѣній, тщетныхъ и суетныхъ сласти-же и славы и непрочію предреченныхъ, но и своея души, по глаголу Господню глаголющу: *уже хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Ми*. Это значитъ, что днесъ избралъ и отлучилъ его Господь Богъ отъ мірскаго житія и поставилъ его, якоже предъ лицемъ своимъ, въ предстояніи иноческаго чина, въ воинствѣ ангельскаго житія, въ высотъ небеси-подражательнаго жительства, тому—Господу Богу—ангельски служити и тому всецѣло работати, горняя мудрствовать, горнихъ искати: наше-бо житіе, по апостолу, на небесныхъ есть. Это значитъ, что онъ второе или лучше третіе крещеніе пріялъ днесъ и въ третій разъ нынѣ, какъ въ первый разъ въ крещеніи, умеръ для грѣха, плоти, міра и діавола, умеръ для мірскихъ отрадъ, безпечалія, нищей, для всѣхъ

сущихъ на земли красныхъ-же и сладкихъ, чтобы явиться сыномъ свѣта и жить только для Бога.

Вѣрите-ли вы теперь, что вы видите предъ собою и между собою живаго мертвеца,—мертвеца, въ которомъ по лѣтамъ и навыку жизни умерло уже многое, который, по собственной волѣ, дѣйствіемъ благодати Божіей, умеръ для всѣхъ земныхъ пристрастій?

Для чего-же мы усиливаемся доказывать вамъ это? Пусть напомнитъ вамъ это рѣдкое и поразительное зрѣлище, что вы сами мертвецы, подобно отцу нашему іеросхимонаху,—что въ крещеніи не символически, а дѣйствительно вы умерли для грѣха, плоти, міра и діавола, чтобы жить только для Бога, что предъ крещеніемъ дали вы клятвенный обѣтъ отречься всего сатанинскаго, плотскаго, мірскаго, грѣховнаго, и всецѣло сочетаться Христу, подчинить свою волю Его волѣ, подобно тому, какъ монахи даютъ такой-же въ сущности обѣтъ предъ постриженіемъ въ монашество, а схимонахи предъ постриженіемъ въ схимонашество.

Вы, строгіе и непризванные, судіи монаха. Ваше око видитъ, вашъ судъ судитъ въ монахѣ все: большую или меньшую красноту его лица, толщину его тѣла, его поступъ, приемы, обращеніе, дѣла, слова, даже желанія, мысли, тончайшія движенія его сердца, глубины его души сокровеннѣйшія, одному Богу довѣдомыя. Монаха въ правѣ судить всякій: „онъ отрѣкся отъ всего; онъ самъ наложилъ на себя обѣтъ“. Какая неточность и односторонность,—лучше сказать,—какая извращенность понятій и даже отсутствіе понятій надлежащихъ! Забыто въ мірѣ, совершенно забыто, что всѣ вы, міряне, отрѣклись отъ міра; что всѣ вы въ крещеніи дали тѣ-же обѣты, какія монахами повторяются при постриженіи въ монашество,—обѣты, только примѣненные къ другимъ условіямъ жизни. Вы сомнѣваетесь въ этомъ,—мы постараемся поставить вамъ это на видъ. Вы—міряне: развѣ это упомочиваетъ васъ забыть, что грѣхъ для васъ—пресыщеніе и прихотливостъ въ столѣ, пьянство и разборчивостъ въ питіяхъ, нарушеніе; иногда даже непризнаніе святыхъ постовъ? Вы міряне: развѣ это упомочиваетъ васъ забыть, что грѣхъ, для васъ, отроки и отроковицы, юноши и дѣвицы, дѣвы перерзѣдныя и превозрастные безбрачники, вдовцы и вдовы, не хранящіе другъ другу вѣрность мужья и жены, мужья и жены вѣрные другъ другу, но не знающіе ни времени ни мѣры супружескимъ излишествами,—что грѣхъ для васъ нецѣломудріе

разнообразных сто-численных видовъ? Вы міряне: развѣ это уполномочиваетъ васъ забыть, что грѣхъ для васъ эгоизмъ, скупость, скверно-стяжательность, благовидное и неблаговидное хищничество, эта египетская работа мамонѣ, которая поглощаетъ всѣ мысли и чувства, всѣ слова и дѣла современнаго человечества; что грѣхъ для васъ непокорство родителямъ, властямъ, духовнымъ вашимъ отцамъ, церкви, ея правиламъ, — правиламъ, о которыхъ вы забываете или забыли даже; что грѣхъ для васъ забыть въ жизни уставы церковные и волю Божию и жить только для своеволия, для плотскихъ потребностей и пристрастій, для своенравныхъ обычаевъ свѣта, для угожденія князю тьмы?!... „Монахи живутъ дурно“... Зная церковную исторію, могу вамъ сказать: монахи жили хорошо, когда хорошо жили міряне, когда въ христіанскомъ мірѣ было довольно благочестія и богобоязненной теплоты сердца. Судите теперь сами, кто виноватъ, монахи-ли въ томъ, что худо живутъ міряне, или міряне въ томъ, что худо живутъ монахи... *Сего ради*, — приговоръ великаго апостола, — *сего ради безотвѣтенъ еси, о человеке всякъ судяй. Имъ-же бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши, таяжде бо твориши судяй* (Рим. 2, 1—2).

Что сказать тебѣ, брате и отче нашъ? Не тебѣ теперь учиться у насъ, а намъ у тебя. Позволимъ себѣ только сказать: худо и жалко, когда христіанинъ-мірянинъ забываетъ свои обѣты, данные при крещеніи; противно и соблазнительно, когда забываетъ свои обѣты монахъ; твоей совѣсти предоставляемъ судить, какъ горько и срамно было-бы, если-бы забылъ свои обѣты схи-монахъ. Тогда осталось-бы только съ трепетомъ за бытіе міра воскликнуть: *оскудѣ на землѣ преподобный! Нѣсть разумѣвая или взыскай Бога. Все уклонишася, вкупѣ неключими быша: нѣсть творяй благоутробію, нѣсть до единого* (Пс. 13, 2—3)... Благодать великаго друга Божія, боговидца Моисея, и молитвы въ Бозѣ почившаго святителя саратовскаго Моисея да будутъ надъ тобою.

Надъ нами-же да бодрствуютъ твои святые молитвы.
1858 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день св. Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи 13-го ноября (1877 года).

СУЩНОСТЬ ХРИСТІАНСТВА, КАКЪ СОЮЗА БОГА СЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ.

Праотцевъ соборъ, прійдите, псаломски да восхвалимъ: Адама праотца, Еноха, Ноя, Мельхиседека, Авраама, Исаака и Іакова, — по законъ Моисея и Аарона, Іисуса, Самуила и Давида, съ ними же Исаію, Іеремію и Іезекіиля, Даніила, и дванадцать, вкупѣ Ілію, Елисея, Захарію и Крестителя, и вся проповѣдавшія Христа, жизнь и воскресеніе рода нашего. Стих. нед. святыхъ праотцевъ.

Это стихира изъ службы недѣли святыхъ праотцевъ. Вы знаете, что послѣдняя предъ праздникомъ рождества Христова недѣля называется, на церковно-богослужбномъ языкѣ, недѣлею предъ рождествомъ Христовымъ, или недѣлею святыхъ отецъ; а предпослѣдняя недѣля называется недѣлею святыхъ праотцевъ. Вы знаете, что святыми Бого-отцами называются святые родители Богоотроковицы Маріи Іоакимъ и Анна и прочіе ближайшіе предки Господа Іисуса чрезъ Марію Богоматерь и чрезъ нареченнаго обручника Ея Іосифа; а праотцами называются дальнѣйшіе предки Господа нашего до Давида царя, Авраама патріарха и праотца Адама, какъ и всѣ богоугодные ветхозавѣтные предшественники Господа нашего. Впрочемъ, обѣ эти недѣли, какъ святыхъ праотцевъ, такъ и святыхъ Бого-отцевъ, посвящаются воспоминанію именно всѣхъ богоугодныхъ предшественниковъ Христо-выхъ, какъ прямыхъ по прямой линіи прародителей Христа, такъ и всѣхъ святыхъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, первосвященниковъ, пророковъ и святыхъ женъ, съ вѣрою чаявшихъ въ ветхомъ завѣтѣ пришествія обѣтованнаго Избавителя и подготовлявшихъ это пришествіе

своею жизнію и дѣяніями, вѣрою и проповѣдію, — всѣхъ, начиная не только съ кровныхъ предковъ Господа, Адама и Сиеа, но и съ первомученика Авеля, чрезъ Мельхиседека, Іова, Іосифа, Аарона и Самуила, Исаію и Даніила, Илію и Елисея, и до величайшаго въ средостѣніи обоихъ завѣтовъ пророка Іоанна Крестителя, съ его праведными родителями, Захаріею и Елисаветою.

Церковь не желаетъ, чтобъ эти праздники пришли и прошли для насъ безслѣдно; чтобъ въ этомъ году празднованіе ихъ осталось безучастно механически совершеннымъ дѣломъ, какъ остается для множества вѣрующихъ нерѣдко, если только не большею частію; желаетъ, наоборотъ, чтобъ эти праздники прошли для вѣрующихъ, для ихъ сердца и сознанія, благоплодно. Потому-то церковь и приглашаетъ вѣрующихъ своею пѣснію: *приидите, чтители и любители праздниковъ, восхвалимъ соборъ праотцевъ: Адама праотца, Еноха, Ноя, Мельхиседека... и всѣхъ, Захарію и Крестителя, предвозвѣщавшихъ Христа, жизнь и воскресеніе рода нашего.* А скажите, многіе-ль изъ православнаго христіанства и многое-ль знаютъ о самомъ Адамѣ, о самомъ Предтечѣ Христовомъ, не говоря уже объ Енохѣ, Мельхиседекѣ, Исаи, Даніилѣ и другихъ великихъ свѣтилахъ ветхаго завѣта? Увы! Религіозное знаніе едва-ли расширяется и углубляется съ теченіемъ вѣковъ. Было разъ въ церковной исторіи время, когда св. Златоустъ и современники его жаловались на то, что даже рыночныя торговли на площадяхъ препираются между собою о глубочайшихъ догматахъ христіанскаго богословія. Было да прошло то время... Позже того наши русскіе благочестивые предки знали многое по четь-минейамъ, по житіямъ святыхъ, по святцамъ, по богослужебному уставу. Въ нашъ-же широко-просвѣщенный вѣкъ преемникамъ св. Златоуста приходится жаловаться уже не на то, что рыночныя торговли богословствуютъ, а на отсутствіе въ огромномъ большинствѣ православнаго люда, даже нерѣдко въ такъ называемомъ образованномъ кругѣ, — на отсутствіе элементарнѣйшихъ знаній христіанства, его догмы, его исторіи. Безпредѣльно прискорбно и позорно, что многіе и очень многіе не имѣютъ историческаго, да почти и никакого разумнѣя о самомъ Христѣ Спасителѣ. А гдѣ-же тутъ спрашивать какого-либо знанія объ Исаи, объ Елисеѣ, объ Езекии, о Самуилѣ, объ Ааронѣ, о Мельхиседекѣ и т. д...? Впрочемъ, и знающимъ благотворно и спасительно вспомнить древнихъ угольниковъ Божіихъ, спасительно послушаться гла-

са церкви и съ сознательною вѣрою восхвалить память ихъ ежегоднымъ прославленіемъ, вмѣстѣ съ церковію.

Потому-то мы и рѣшаемся предпослать приближающемуся празднику рождества Христова нѣсколько бесѣдъ въ честь и память ветхозавѣтныхъ святыхъ Божіихъ. А какъ въ два дня, въ недѣлю святыхъ праотцевъ и въ недѣлю святыхъ отецъ, многое сказать нельзя, то рядъ этихъ бесѣдъ мы и рѣшаемся начать съ нынѣшняго дня. Начинаемъ именно съ вашего праздника, съ вашей церкви и вашего собранія особенно потому, что первая наша бесѣда для инаго собранія, для слушателей въ иномъ составѣ была-бы не вполне вразумительна, такъ какъ для ея уразумѣнія требуется довольно широкое знаніе священно-церковной исторіи и догматики. А вы, духовные питомцы сего духовнаго заведенія, будущіе духовные учителя и пастыри православнаго народа, вынесете — надѣюсь — изъ нашей бесѣды идею, которая въ нашей головѣ давно уже созрѣла, окрѣпла, и отъ лѣтъ, отъ склона къ старости, быть можетъ, уже и тускнѣетъ, а въ вашихъ юныхъ головахъ, быть можетъ, загорится свѣтомъ, просвѣщающимъ вашу юность, грядущую въ міръ.

Вы, конечно, слышали, вы знаете, что огромную серію всѣхъ событій, обнимающихъ какъ ветхій, такъ и новый завѣтъ, связываетъ идея именно завѣта, идея религіи, какъ свободнаго союза и договора Бога съ человѣкомъ.

Станьте на такую точку зрѣнія. Вотъ съ одной стороны — Господь Богъ, съ другой — разумно свободный человѣкъ, а связью между ними стоитъ посредникъ или ходатай и испоручникъ — поручитель (Евр. 7, 22) заѣта Сынъ Божій. Богъ съ человѣкомъ, при посредствѣ Ходатая, вступаютъ между собою въ союзъ или договоръ. Богъ творитъ человѣку благодѣянія, даруетъ обѣтованія и предъявляетъ свои требованія; человѣкъ, болѣе или менѣе свободно и сознательно, пріемлетъ то и другое и третье, менѣе свободно пріемлетъ благодѣянія, начиная съ самаго бытія своего, а болѣе свободно пріемлетъ обѣтованія и требованія Господни. Посредникъ-же или Ходатай скрѣпляетъ сей завѣтъ или договоръ и примиряетъ обѣ договорившіяся стороны, съ одной стороны умѣряя и укрощая требованія неумытныя правды Божіей, а съ другой — врачуюя немощное и восполняя оскудѣвающее, недостающее со стороны человѣка.

Съ первой стороны, со стороны Бога, завѣтъ Его съ человѣкомъ (въ лицѣ Богочеловѣка) имѣетъ началомъ своимъ вѣчность въ прошедшемъ, а концомъ вѣчность въ будущемъ. Богъ не колеблется, яко чело-вѣкъ, ни измѣняется, яко сынъ челоуѣческій. Въ сей вѣчно неиз-мѣнный завѣтъ моменты измѣненія и разграниченія внесены ограничен-ностію и измѣнчивостію только челоуѣка. Оттого и появились въ вѣчно-единомъ завѣтѣ временные періоды раздѣленія.

И во-первыхъ, завѣтъ Бога съ челоуѣкомъ распадается на двѣ великія половины, въ средѣ которыхъ лежитъ камнемъ преткновенія паденіе перваго челоуѣка,—на завѣтъ *первобытный* и завѣтъ *возста-новленный*. Со стороны Бога, для котораго тысяща лѣтъ, яко день вчерашній, или и того меньше, яко стража ночная, какъ часъ ночной, среди сна утекающій мимолетною минутою,—со стороны Бога завѣтъ *первобытный* имѣетъ началомъ своимъ предвѣчный совѣтъ въ тріупо-стасной раздѣльности тріупостаснаго единства существа Божія,—со-вѣтъ, на которомъ предопредѣленъ для ограниченной твари, а для вѣчности Божіей тогда-же, въ одинъ моментъ, и осуществленъ вѣч-ный планъ относительно творенія, искупленія и всего домостроитель-ства спасенія челоуѣка. А концомъ своимъ первобытный завѣтъ для Бога имѣетъ восстановление завѣта обѣтованіемъ обѣ искупительномъ Сѣме-ни, какъ и дѣйствительнымъ сотреніемъ главы змія чрезъ искупитель-ную жертву обѣтованнаго Избавителя, такъ какъ обѣтованіе Бога для Бога значитъ тоже, что и исполненіе обѣтованія. Для челоуѣка-же на-чаломъ первобытнаго завѣта его съ Богомъ служитъ сотвореніе, а кон-цомъ паденіе первыхъ людей, Адама и Евы.

Завѣтъ *возстановленный* съ высшей горней точки зрѣнія, съ точки зрѣнія божественной вѣчности, насколько она доступна наше-му постиженію, имѣетъ своимъ началомъ восстановление въ завѣтѣ пад-шаго челоуѣка, первымъ-ли обѣтованіемъ обѣ искупительномъ Сѣмени, или дѣйствительнымъ искупленіемъ на крестѣ, или даже предопредѣ-леніемъ обѣ искупленію въ предвѣчномъ совѣтѣ, а концомъ вѣчность въ будущемъ, когда Сынъ Божій и челоуѣческій возсядетъ одесную Бога въ вѣчномъ покоѣ, покоривъ подъ ноги своя всѣхъ враговъ своихъ и самъ, даже въ лицѣ спасаемыхъ, приводимыхъ въ полное покореніе Богу тварей, всецѣло покорится покорившему Ему всяческая. Для че-лоуѣка-же *возстановленный* завѣтъ начинается обѣтованіемъ обѣ иску-пительномъ Сѣмени, а простирается, чрезъ искупительную смерть обѣ-

тованнаго Сѣмени и чрезъ окончательную побѣду Его надъ смертію и дьяволомъ въ день кончины міра, въ предѣлы вѣчности, вѣчно недося-гаемой для челоуѣческой ограниченности.

Завѣтъ *возстановленный*, обнимая на землѣ пространство времени отъ перваго обѣтованія обѣ искупительномъ Сѣмени и до кончины міра, имѣя въ средостѣіи своемъ крестную смерть обѣтованнаго Искупителя, распадается въ свою очередь на двѣ части: на завѣтъ *ветхій*, въ ко-торомъ люди спасались вѣрою въ Искупителя грядущаго, и завѣтъ *но-вый*, спасающій спасаемыхъ вѣрою въ Искупителя уже пришедшаго. Въ сущности завѣтъ ветхій не кончился, а только переродился въ высшій новый завѣтъ,—такъ какъ сущность ветхозавѣтныхъ обѣтова-ній и вѣроученія, нравственныхъ законоположеній и обрядословія, пе-решедши въ область новаго завѣта, здѣсь только возвысилась и рас-ширилась, но никакъ не разорена и не уничтожена: *небо и земля прейдутъ*,—училъ Христосъ Спаситель о ветхомъ завѣтѣ,—*но іота едина или едина черта отъ закона сего не прейдутъ. Не придохъ разорити законъ, но исполнити*, т. е. восполнить, усовершенить, воз-высить, какъ и совершить то, что въ законѣ и пророкахъ было пред-начертано и проречено.

Завѣтъ *ветхій*, имѣя началомъ первоевангеліе о Сѣмени жены, а концомъ тайную вечерю, совершеніе послѣдней ветхозавѣтной пасхи и вкушеніе Агнца новозавѣтнаго, вкушеніе пречистаго тѣла Его и питіе Его крови новаго завѣта, распадается опять на два отдѣла: на завѣтъ Бога *со всѣмъ челоуѣческимъ родомъ*, заключенный въ лицѣ Адама и Нол, и на завѣтъ, заключенный только уже *со избраннымъ еврей-скимъ народомъ*, въ лицѣ Еверова потомка, патріарха родоначальника евреевъ Авраама, сына его Исаака и внука Іакова,—такъ что за-вѣтъ подзаконный, которому подчиненъ былъ родъ израильскій, начи-нается собственно съ установленія знаменія этого исключительно родо-ваго завѣта, именно обрѣзанія, которое наложено впервые на Авраама и семейство его, какъ знаменіе завѣта, заключеннаго между Богомъ и Авраамомъ въ завѣтъ вѣченъ нисходящему отъ Авраама его потомству. А завѣтъ *новый* установленъ Господомъ Иисусомъ, когда Онъ на тай-ной вечери учредилъ новозавѣтную пасху, преподавъ апостоламъ для вкушенія тѣло свое, а для питія кровь свою, кровь новаго завѣта, пролитую кровь ново-завѣтнаго пасхальнаго Агнца, закланнаго на кре-стѣ... *Завѣтъ безъ крове не бываетъ*, учитъ св. апостолъ (Евр. 9, 28)

15—17). При заключеніи завѣта Бога съ человѣкомъ всегда была кровь, а безъ крови установленіе завѣта невозможно. А что это значить, скажемъ ниже.

Завѣтъ, заключенный *со всѣмъ человѣческимъ родомъ* въ лицѣ праотца Адама, фактически, гранью великаго событія, именно потомъ былъ раздѣленъ также на двѣ части, на завѣтъ, заключенный *со всѣмъ потомствомъ Адама*, и на завѣтъ, восстановленный послѣ потопа при Ное *съ потомствомъ только Ноевымъ*. Что потомки Адама до Ноя не совершенно низпали изъ спасительнаго завѣта Божія, заключеннаго съ Адамомъ,—это видно изъ словъ св. апостола Петра, который говоритъ (1 Пет. 3, 17—22; 4, 4—7), что Христосъ Спаситель, по крестной смерти своей, своимъ духомъ сходилъ во адъ, и тамъ въ адской темницѣ, проповѣдывалъ заключеннымъ тамъ душамъ,—какимъ душамъ?—Тѣмъ, которые противились некогда Божію долготерпѣнію во дни Ноевы, когда Ной дѣлалъ ковчегъ, за что и погублены были безвременною смертію въ потопѣ. Зачѣмъ и для чего проповѣдывалъ? Затѣмъ и для того, да судъ и наказаніе потопомъ примутъ они, по человѣческому естеству своему, плотію, а по воскресеніи Христовомъ поживутъ по Божѣ своимъ духомъ. Почему и церковь поетъ, что Христосъ сошествіемъ своимъ во адъ истощилъ вся адава царствія. Завѣтъ-же, восстановленный *при Ное для нисходящаго отъ него потомства*, простирается даже до сего дня на все человѣчество, не только христіанское, но и языческое. А что этотъ завѣтъ былъ не неспасителенъ и для языческаго человѣчества, которое вѣровало въ промыслъ единого Бога Высочайшаго,—въ этомъ мы вразумляемся существованіемъ такихъ праведниковъ, каковы Мельхиседекъ и Іовъ; вразумляемся откровеніями, данными Валааму, Навуходносору; вразумляемся тѣмъ, что Кира персидскаго Богъ называетъ своимъ рабомъ, Александру македонскому было отъ Бога особое видѣніе, волхвы узрѣли на востокъ звѣзду Востока съ высоты,—Богъ принялъ покаяніе ниневитянъ и пощадилъ Ниневію,—Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день судный, нежели еврейскимъ городамъ, современнымъ Спасителю; не къ кому другому, а именно ко вдовицѣ Сарепты сидонской посланъ былъ Ілія есевитянинъ; милосердый самарянинъ превознесенъ Христомъ Спасителемъ превыше іудейскаго священника и левита; ни во Израили Спаситель не обрѣлъ такой вѣры, какую обрѣлъ у римскаго сотника и жены хананейской; Корнилию сотнику сказано *во вся-*

комъ народѣ бояйся Бога и дѣлающій правду пріятенъ Ему есть. Вразумляемся въ томъ-же словами Моисея, что Богъ раздѣлилъ предѣлы народовъ по числу ангеловъ Божіихъ, а Израиль отдѣленъ только въ особую долю ангела великаго совѣта, въ преимущественную часть самаго Бога. Вразумляемся въ томъ-же всѣмъ спасительнымъ промысленіемъ о языческихъ народахъ, которое такъ широко, ясно и непреложно раскрывается у пророковъ, у которыхъ Богъ говоритъ о языческихъ народахъ нерѣдко языкомъ нѣжно попечительнаго отца. Вразумляемся и всѣмъ домостроительствомъ человѣческаго спасенія, которое ведется тайными и явными путями, на небѣ и на землѣ и подъ землею, въ адскихъ темницахъ, съ тою спасительною цѣлію, чтобы хотя въ минуту временной смертной и посмертной муки люди вздохнули къ милосердію Божію, какъ разбойникъ на крестѣ, какъ современники Ноя въ водахъ потопа и въ пламени адскихъ узилищъ,—чтобы потерпѣвъ временную смерть по плоти и муку по человѣку, воспособляемые ходатайствомъ церкви небесной и молитвами земной, ходатайствами ходатая спасенія человѣческаго, Іисуса Христа, какъ и силою неизглаголанныхъ ходатайствъ самаго Духа Божія, пожили по Божѣ духомъ во многихъ разнородныхъ и разностепенныхъ обителяхъ Отца небеснаго, въ предѣлахъ нескончаемой вѣчности.

Завѣтъ, заключенный съ народомъ еврейскимъ въ лицѣ Авраама, нарушенный чрезъ усвоеніе израильянами египетскихъ понятій и нравовъ въ Египтѣ, а потомъ всенароднымъ поклоненіемъ египетскому тельцу, восстановленный и подтвержденный, расширенный и разъясненный у горы синайской при ходатаѣ или посредникѣ подзаконнаго завѣта, *пророкъ Моисей*, раздѣляется на завѣтъ *патріархальный* до Моисея и собственно *подзаконный* отъ Моисея до Христа. Завѣтъ подзаконный дважды въ свою очередь былъ подтвержденъ, возобновленъ. Подтвержденъ при *царѣ Давидѣ*, съ которымъ Господь завѣщалъ особый завѣтъ, давъ обѣтованіе управити царство Давидово до вѣка, и отъ чреслъ Давида воздвигнути Христа, и послѣ котораго вскорѣ, именно уже при сынѣ Давидовомъ Соломонѣ, началось, а при внукѣ Ровоамѣ совершилось отпаденіе Израиля въ идолопоклонство, такъ что десять колѣнъ Израиля, при мятежномъ царѣ Іеровоамѣ, уже навсегда отпали отъ царства Божія и истинной церкви Божіей на землѣ. Затѣмъ завѣтъ, заключенный въ частности съ домомъ Давида, крайне ослабленный нечестіемъ послѣднихъ царей іудейскихъ и нару-

шенный разрушеніемъ Іерусалима и храма и плѣномъ вавилонскимъ, снова возстановленъ и подтвержденъ, подписанъ и припечатанъ старѣйшинами іудейскаго народа при *Ездры и Нееміи*. При этомъ-то послѣднемъ завѣтѣ окончательно оскудѣлъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его; въ Іерусалимѣ и Іудеѣ воцарился иноплеменникъ Иродъ, и пришелъ, наконецъ, обѣтованный Примиритель, чаяніе всѣхъ народовъ.

А что завѣтъ, заключенный съ Авраамомъ и родомъ его, простираетъ свое таинственное вліяніе на племя Авраамово и до днешняго дня, въ этомъ, кромѣ всего прочаго, кромѣ всѣхъ ветхо-завѣтныхъ обѣтованій, вразумляемся слѣдующими словами апостола Павла (Рим. 11): *развѣ отринулъ Богъ людей своихъ Израиля? Да не будетъ. Не отринулъ Богъ людей своихъ, иже прежде проразумѣлъ, предупредилъ и представилъ... Израиль искалъ оправданія отъ дѣла закона, и не получилъ, а получилъ избраніе. Прочіи-же ослѣпшии... Для того-ли они согрѣшили, да отпадутъ?... Да не будетъ. Но тѣхъ паденіемъ совершается спасеніе язычниковъ... Ихъ отложеніемъ — примиреніе міру... Они начатокъ святъ, а мы примѣшеніе. Они корень святъ, а мы вѣтви. Не мы носимъ корень, но корень носитъ насъ. Они на святомъ корнѣ вѣтви естественныя, а мы только привитыя отъ дикой маслины... Ослѣпленіе части Израиля попущено до толъ, пока полнота язычниковъ войдетъ въ церковь Божию. И тако весь Израиль спасется... По благоволенію Христову они враги ради насъ, но избранію-же они возлюбленныя Богу чада отецъ ради... Затвори Богъ въспъхъ въ противленіе, да въспъхъ помилуетъ.*

Можно сказать, что завѣтъ Бога съ людьми, развиваясь съ теченіемъ вѣковъ и распадаясь на отдѣльные періоды отъ Адама до Христа, служивался въ объемѣ лицъ, привлекаемыхъ въ завѣтъ, но расширялся въ содержаніи, въ разъясненіи обѣтованій, внушеній и требованій Божіихъ. Такъ сперва завѣтъ заключенъ былъ со всѣмъ родомъ Адама, далѣе съ родомъ Ноя, затѣмъ съ родомъ только уже Авраама. При Моисеѣ подтвержденъ съ народомъ израильскимъ, происшедшимъ отъ Авраама, Исаака (съ исключеніемъ потомства Измаила, Исава и др. изъ рода Авраамова) и Іакова; но при Давидѣ скрѣпленъ уже только съ домомъ Давида и царствомъ его рода, обнимавшимъ только два колѣна, Іудино и Веніаминово. Наконецъ при Ездры и Нееміи въ послѣдній разъ скрѣпленъ уже только съ облом-

ками собственно іудейскаго царства. Зато, служиваясь въ объемѣ лицъ, участвующихъ въ завѣтѣ, онъ расширялся въ разъясненія своего смысла, и укрѣплялся на отчетливомъ чаяніи близкаго пришествія обѣтованнаго Мессіи. Съ пришествіемъ-же Мессіи, Сына Божія на землю, Богъ Отецъ заключаетъ свой вѣчный завѣтъ уже съ Нимъ однимъ, какъ ходатаемъ, посредникомъ и поручителемъ завѣта, но заключаетъ съ тѣмъ, чтобы сей новый для человечества завѣтъ охватилъ и освѣтилъ какъ объемомъ своимъ, такъ и содержаніемъ, всю безпредѣльность Божія домостроительства, все не только настоящее и будущее, но и прошедшее, какъ и всю безконечную вѣчность на небѣ и на землѣ.

Когда мы говоримъ о началѣ и концѣ разныхъ завѣтовъ, — то вообще нужно имѣть въ виду, что всякій изъ названныхъ нами періодовъ завѣта Бога съ людьми, имѣя для небезначальнаго человека начало во времени, по существу своему концомъ своимъ всегда упирается въ предѣлы вѣчности, при чемъ всякій изъ предыдущихъ завѣтовъ, существеннѣйшею своею частію входитъ въ каждый изъ послѣдующихъ. Такъ завѣтъ, заключенный съ Адамомъ, вошелъ, существенною своею частію, въ содержаніе завѣта, заключеннаго съ Ноемъ. Сей послѣдній послужилъ основаніемъ завѣту, заключенному съ Авраамомъ. Сей послѣдній, какъ корень и стволъ дерева, разросся широковетвисто въ завѣтъ, подтвержденномъ при посредникѣ ветхаго закона Моисеѣ. Сей послѣдній послужилъ широкимъ основаніемъ, на которомъ утвердилось зданіе завѣта, заключеннаго съ царемъ Давидомъ и домомъ его. Подтверженіе-же всѣхъ прежнихъ завѣтовъ Божіихъ съ Израилемъ при Ездры и Нееміи было не чѣмъ инымъ, какъ только скрѣпленіемъ величественнаго зданія, подрытаго въ основѣ и распадавшагося во всѣхъ частяхъ своихъ. А сердцевиною, проникавшею всѣ сіи завѣты, было чаяніе обѣтованнаго Искупителя, которое и осуществилось, въ послѣдокъ предопредѣленныхъ дней, въ завѣтѣ новомъ, — завѣтѣ, который на небѣ предопредѣленъ и, можно сказать, осуществленъ прежде вѣкъ, а въ области сотвореннаго, ограниченнаго міра будетъ осуществляться во вѣки вѣковъ.

По слову апостола Павла, *идеже завѣтъ, смерти нужно есть вноситься закупающею и безъ кровопролитія не бываетъ прощенія грѣховъ* (Евр. 9, 14—22). Коренная основа новаго завѣта, какъ и всѣхъ прежнихъ завѣтовъ есть вѣчная жертва Господа нашего Ии-

суса Христа. Что это значитъ—вѣчная жертва? Это величайшая изъ божественныхъ тайнъ. Раскроемъ ее, насколько она раскрыта въ посланіи къ Евреямъ (гл. 9—10), насколько сами постигаемъ ее и позволяемъ краткость времени. Христосъ, архіерей грядущихъ благодатей, не съ козлею ниже тельчею кровію, но съ своею кровію, не много разъ, но единожды (вѣчно) вошелъ во святое святыхъ пренебесное, обрѣвши для всѣхъ искупленіе отъ грѣховъ вѣчное. И сего ради Онъ есть вѣчный ходатай, вѣчный посредникъ новаго завета, дабы призванные получили обѣтованіе наследія вѣчнаго, чрезъ понесенную Имъ смерть, въ вѣчное искупленіе преступленій, оставшихся неумытыми въ первомъ ветхомъ заветѣ. Ибо идѣ заветъ, завѣщаніе, тамъ нужно приводить смерти того, кто дѣлаетъ завѣщаніе. Потому и первый ветхій заветъ обновленъ не безъ крови. Ибо когда изречена была всякая заповѣдь по закону Моисея всѣмъ людямъ, Моисей, взявъ кровь козлію и тельчью, съ водою и волною червеною и иссопомъ, покропилъ самыя тѣя книги закона и всѣ люди, глаголя: сія кровь завета, его-же завѣща къ вамъ Богъ. И скинію и вся сосуды служебныя такожде кровію покропи. И по закону рѣшительно все очищается кровію, и безъ кровопролитія не бываетъ оставленія грѣховъ и всякія нечистоты. Нужно было, чтобы прообразы небесныхъ очищались кровію, и самое небесное чтобы очищалось жертвами, лучшими жертвъ ветхозаветныхъ. Такъ и дѣйствительно, Христосъ вошелъ не въ рукотворенное святое, но въ самое небо, не много разъ входилъ, какъ первосвященникъ, входившій во святое святыхъ каждое лѣто, и не съ чуждою кровію, но единожды пострадавъ отъ сложенія міра, въ кончину вѣковъ, явился съ своею жертвою, съ своею собственною кровію, въ конечное отпущеніе грѣха. Невозможно, чтобы кровь козлія и юнчая очищала грѣхи. Тѣмъ же Сынъ Божій, входя въ міръ глаголетъ Богу Отцу: жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, тѣло-же Ты для Меня совершилъ и открылъ Мнѣ уши, какъ своему рабу. Се иду сотворить волю твою Боже... О сей-то воля мы и освящены принесеніемъ тѣла Іисуса Христова единожды. Онъ, принесши едину о грѣсахъ жертву, всегда съидитъ одесную Бога Отца, прочее ожидая, дондеже положатся врази Его въ подножіе ногъ Его. Единымъ приношеніемъ Онъ содѣлалъ освящаемыхъ совершенными во вѣки.

Будущіе богословы, настоящіе образованные христіане, вникните въ тайну искупительной жертвы. Сказано, что *завѣтъ безъ крови не бываетъ*. Это значить, что даже первобытный завѣтъ, заключенный отъ вѣка въ нѣдрахъ тріипостаснаго Божества, — даже тотъ былъ не безъ крови. Мы сейчасъ читали у св. апостола Павла, какъ онъ вводитъ насъ въ нѣдра премірной жизни Божества. Но прочитаемъ тоже и у премудраго Соломона. Соломонъ разъяснить для насъ Павла, какъ и Павелъ разъяснить Соломона. *Господь создалъ Меня*, — вѣщаетъ у Соломона вѣчная Премудрость, превѣчное Слово Божіе, — *создалъ Меня въ начало путей своихъ для дѣлъ своихъ. Прежде вѣкъ основа Мя, въ началѣ, прежде неже землю сотворити. И прежде нежелми бездну содѣлати, прежде нежелми произыти источникомъ водъ, прежде нежелми горамъ водрузитися, прежде всѣхъ холмовъ Господь рождаетъ Меня*, рождаетъ вѣчно. *Егда Господь готовилъ небо, Азъ съ Нимъ быхъ. И егда отлучалъ Онъ престолъ свой на вѣтрѣхъ, и егда крѣпки творяше вышнія облаки, и егда полагаше морю предѣлы его, и крѣпки творяше основанія земли, Азъ быхъ при Немъ устрояя. Азъ быхъ та едина, о которой Онъ радовался; на всякъ-же день Я веселилась предъ лицемъ Ею, когда веселился Онъ, совершивъ вселенную, и радовался о созданіи сыновъ челоѣческихъ...* Вотъ освѣщаемая откровеніемъ глубина премірнаго бытія Божія. Богъ единъ и рядомъ съ Нимъ было безусловное ничтожество, абсолютная пустота. Въ вѣчности отъ единаго Бога, потому и Отца, рождается Сынъ, Премудрость, Слово вѣчное, и исходитъ Духъ. Вѣчное существованіе объемлетъ всѣ моменты времени, какъ настоящіе. Не точно сказать, что для Бога тысяча лѣтъ, какъ день. Нѣтъ, вся вѣчность для Бога какъ минута, и минута какъ вѣчность; предусмотрѣнное будущее для насъ есть для Бога уже прожитое; мысль для насъ у Бога для Бога есть дѣйствительность; совѣтъ для насъ есть для Бога осуществленіе. Съ этой точки зрѣнія вникайте далѣе. Вотъ былъ у Бога предвѣчный совѣтъ, — онъ для Бога былъ тогда-же и прожитая дѣйствительность. Между тремя лицами Божества заключенъ завѣтъ вѣченъ, — онъ-же для неизмѣннаго Божества и осуществленіе. Вѣчнымъ ходатаемъ, посредникомъ завѣта, избранъ Сынъ Божій. Богъ Отецъ послалъ Его творить волю свою, Богъ Духъ Святый также послалъ Сына творить волю Отца. Посредство между Богомъ и ничтожествомъ оказалось необходимымъ при самомъ сотвореніи. Предусмо-

трѣно и предопредѣлено было, что Сынъ будетъ Слово именно творческое; что Онъ, образъ вѣстности Отца, умалить себя въ мірадахъ сотворенныхъ отображеній Божества. Предусмотрѣно и предопредѣлено было, что тварь, по самой своей косности и ограниченности, завершенной ограниченою, способною къ медленію и даже противодѣйствію, волею разумныхъ существъ, будетъ требовать особыхъ премудрыхъ усилий отъ Божества, спасающаго насъ не безъ насъ, для вѣчнаго восхожденія своего къ безконечному совершенству. И эта тягота усилий возложена была всесильнымъ и безначальнымъ Божествомъ на того-же Посредника предвѣчнаго завѣта, посланника, Ангела совѣта и завѣта вѣчнаго, для чего лицо сего Посредника и низшло до ограниченія чрезъ предопредѣленное соединеніе Его божескаго естества съ сотвореннымъ естествомъ человѣка. Предусмотрѣно и предопредѣлено было паденіе человѣка, оскорбленіе безпредѣльной правды Божіей грѣхомъ твари, утоленіе правды Божіей безпредѣльно великою искупительною жертвою Сына Божія, приобрѣтеніе Имъ у Бога Отца права низвести на тварь Духа Божія животворящаго, животворящаго и въ созданіи твари и въ домостроительствѣ спасенія, — Духа Божія, вопіющаго въ сердцахъ искупленныхъ: *Авва Отче!* — Духа Божія, ходатайствующаго въ насъ за насъ и за всю покоренную нами суетъ природу, предъ милосердіемъ Божіимъ, воздыханіями неизглаголаннми... И возгласъ Богочеловѣка Христа, раздавшійся со креста: *совершишася*, — этотъ возгласъ раздался въ небѣ въ вѣчности въ нѣдрахъ тріипостаснаго Божества, прежде всѣхъ вѣковъ, прежде сотворенія неба, прежде сложенія міра... Еще тогда, при заключеніи предвѣчнаго завѣта, Сынъ Божій изрекъ Отцу: *се иду сотворити волю твою, Боже*. Уже тогда Отецъ былъ для Сына Божія не только Отцомъ, но и Богомъ, какъ для Богочеловѣка. Уже тогда Богъ Отецъ сотворилъ для своего Сына человѣческое тѣло, какъ для человѣка, и тогда-же повертѣлъ Ему ухо, какъ рабу своему, какъ дѣлали господа-израильтяне своимъ навѣчно закабаленнымъ рабамъ, именно шиломъ повертывали имъ ухо. Уже тогда, прежде сложенія міра, искупительный Агнецъ, Богочеловѣкъ, былъ закланъ, и была пролита кровь завѣта вѣчнаго, и выпита чаша, полная безпредѣльнаго гнѣва безпредѣльной правды Божіей, безпредѣльно оскорбленной грѣхомъ и требовавшей конечнаго отверженія грѣшной твари отъ лица Божія, совершеннаго ея оставленія Богомъ, источникомъ жизни и блага, на всю безконечную вѣчность, — чаша,

объ отвращеніи которой Богочеловѣкъ, изнемогая отъ внутренняго боленія до кроваваго пота, до туги смертной, молилъ Отца въ саду геосиманскомъ, — которую испивая до дна на крестѣ, за все вмѣстѣ грѣшное человѣчество, въ уплату за вѣчную муку его, въ изнеможеніи своего ограниченнаго, всеконечно оставленнаго силою Божіею человеческого естества, Богочеловѣкъ возопилъ непостижимымъ, несочетаемымъ въ нашихъ понятіяхъ, воплемъ: *Боже мой! Боже мой! вскую Мя еси оставилъ!*... Тамъ на небѣ въ вѣчности совершилась сущность творческаго, искупительнаго, спасительнаго завѣта. На землѣ же, во времени, на крестѣ и около креста, начиная съ яслей виллемскихъ и до живоноснаго гроба и воскресенія, здѣсь проявилось только отображеніе пренебесной сущности. А въ ветхомъ завѣтѣ въ кровавыхъ жертвахъ мелькала только тѣнь грядущаго, тѣнь небснаго, тѣнь вѣчной пренебесной дѣйствительности. Вотъ что значитъ — *завѣтъ безъ крови не бываетъ*.

Оттого, при возстановленіи завѣта съ падшимъ Адамомъ, мы сейчасъ-же видимъ кровь, — учрежденіе кровавыхъ жертвъ. При возстановленіи завѣта съ Ноемъ, Ной приноситъ также кровавую жертву, и обоня Богъ воню благоуханія сожигаемой жертвы, и изрекъ Ною свои милостивые обѣты, и въ знаменіе завѣта положилъ во облакахъ радугу, таинственное знаменіе обѣтованнаго Искупителя. Оттого, заключая завѣтъ и съ Авраамомъ, Богъ повелѣваетъ ему разсѣчь пополамъ нѣсколько животныхъ и, проходя въ видѣннй печи огненной между сими разсѣченіями, совершаетъ предъ Авраамомъ клятвенную присягу въ вѣрности завѣту; а чтобы подтвердить эту клятву предъ Авраамомъ, требуетъ у него закланія единороднаго сына его Исаака. Оттого и Моисей, заключая отъ лица Божія съ израильтянами завѣтъ, и истребовавъ у нихъ клятвенный обѣтъ исполнять законъ Божій, въ знаменіе сей клятвы кропитъ жертвенною кровію весь народъ и книги закона и говоритъ: *сія кровь завѣта, его-же завѣща Господь къ вамъ о всѣхъ словесехъ сихъ*. Оттого и Давидъ заколаетъ предъ переносимымъ въ новую скинію кивотомъ множество кровавыхъ жертвъ, а затѣмъ входитъ въ скинію молиться и пѣть наединѣ своему Богу, и Богъ здѣсь клянется Давиду истинною, что не отвержется ея и управитъ престолъ его до вѣка. Оттого и Ездра съ Нееміею, возстановляя завѣтъ Израиля съ Богомъ, совершаютъ семидневный праздникъ, заколаютъ множество жертвъ, затѣмъ пишутъ договоръ въ вѣрности

Богу, и этотъ буквально договоръ скрѣпляется подписями и печатами старѣйшинъ народа. Видите, что *завѣтъ безъ крови не бываетъ*. И вся эта ветхозавѣтная жертвенная кровь, не очищавшая грѣховъ, была только тѣнью, прообразомъ, указаніемъ той крови, о которой сказалъ Христосъ на тайной вечери *пійте отъ нея вси, — сія есть кровь моя новаго завѣта, за вы проливаемая во оставленіе грѣховъ...*

Таже самая идея, идея завѣта, установленнаго Христомъ, идея приступленія къ этому завѣту или отпаденія отъ него проходитъ по всѣмъ эпохамъ и новозавѣтной христіанской исторіи. Такъ рожденіе бѣднаго Младенца, положеннаго въ вилеємскія ясли, раздѣлившаго на тайной вечери, въ сіонской горницѣ, двѣнадцати бѣднымъ ученикамъ своимъ чашу новаго завѣта, а на завтра пролившаго на позорномъ голгоетскомъ крестѣ свою кровь новаго завѣта, это скромное, вмѣстѣ и позорное событіе, стало величайшимъ средоточнымъ міровымъ событіемъ, послѣ котораго тысячи и милліоны образованнѣйшаго тогдашняго человѣчества стали быстро, вольною волею, приступать къ религіозному завѣту, завѣщанному симъ Распятымъ. Такъ въ IV вѣкѣ императоръ Константинъ великій, побѣдивъ крестомъ Христовымъ всѣхъ враговъ своихъ, основавъ свой уже знаменанный крестомъ престолъ въ Константинополѣ, нанесъ окончательный ударъ падавшей имперіи стараго языческаго Рима и отворилъ широкія врата въ царство Христова новымъ языческимъ народамъ. Такъ въ эпоху VII—IX вѣковъ видимъ помраченіе христіанства на востокѣ въ Азіи и на сѣверѣ Африки нововозникшимъ магометанствомъ, а на западѣ Европы крайнее возвышеніе пока еще православнаго католическаго западнаго христіанства въ имперіи Карла великаго, который креститъ всю средину и западную окраину Европы огнемъ и мечемъ. Такъ, въ эпоху X—XI вѣка видимъ отпаденіе западной Европы отъ вселенскаго православія съ одной стороны; съ другой, съ сѣверо-восточной стороны, видимъ приступленіе къ православію новаго великаго міроваго дѣятеля, славяно-русскаго народа; а на югѣ исторической вселенной видимъ начало вооруженной борьбы крестоноснаго европейскаго запада съ азіатско-африканскимъ магометанствомъ. Такъ, въ эпоху XII—XIV вѣковъ видимъ рѣшительный перевѣсъ магометанской силы надъ всѣми усиліями западно-европейскихъ крестоносцевъ, а на востокѣ видимъ страшный погромъ восточно-православнаго христіанства, какъ въ нововозникшемъ славянскомъ мірѣ, такъ и въ одряхлѣвшемъ мірѣ дряхлой византійской

имперіи. Такъ, въ эпоху XV—XVII вѣковъ видимъ паденіе Константинополя подъ напоромъ магометанско-турецкой силы, а на сѣверо-востокѣ видимъ покореніе русской христіанской силѣ магометанскихъ царствъ казанскаго, астраханскаго и дальней Сибири; на дальнемъ ново-открытомъ для исторіи западѣ видимъ крещеніе огнемъ и мечемъ ново-открытой Америки въ инквизиціонное римское католичество, а на западѣ старой Европы видимъ такъ называемую реформацію, которая была не что иное, какъ отпаденіе отпаднаго отъ вселенской чистоты западнаго христіанства на нѣсколько ступеней еще ниже. Такъ, въ эпоху XVIII и нашего XIX вѣка видимъ первое провозглашеніе цѣлымъ образованнѣйшимъ латинско-католическимъ народомъ своего отпаденія отъ христіанства, во время такъ называемой революціи, а уже въ наши дни видимъ, что такъ называемый католицизмъ, въ лицѣ папы и Франціи, и такъ называемый протестантизмъ, въ лицѣ Англіи, подали руки исламизму противъ древняго незазорнаго восточнаго православнаго христіанства, воевавшего и воюющаго за крестъ Христовъ, за вѣру Христову, за Христову правду и законъ. Такъ будетъ и впредь до дня втораго Христова пришествія: человѣчество всегда будетъ колебаться между присоединеніемъ къ завѣту Христову и отпаденіемъ отъ него. Теперь мы, кажется, находимся пока еще въ состояніи возвышенія истиннаго христіанства. Но придутъ дни, когда люди такъ отодвинутся отъ первыхъ временъ евангельской исторіи, а еще болѣе — такъ отодвинутся отъ нея своимъ невѣріемъ, что станутъ ругательно спрашивать: *идѣ есть обѣтованіе пришествія Христова?* А когда, наконецъ, Господь второе придетъ на землю положить конецъ настоящему порядку бытія, — то едва-едва обрящетъ вѣру на землѣ... И тогда ничего не останется, какъ обновить обветшавшую растлѣнную землю огнемъ, подобно тому, какъ разъ уже она была очищена отъ скверны растлѣнія водою потопа... Тогда, по крайней мѣрѣ, въ земномъ мірѣ кончится искупительный подвигъ промыслительно-спасительной борьбы Искупителя міра съ тварію и за тварь съ злобною адскою силою. Тогда сатана будетъ связанъ на вѣки вѣчныя плѣнниками адскаго мрака. Тогда грѣшники нераскаянные будутъ отданы ему въ вѣчную добычу, а праведники просвѣтятся, яко солнце, въ царствіи Отца небеснаго и опочіютъ на лонѣ Авраама. Тогда и сама тварь свободится отъ рабства тлѣнію въ свободу чадъ Божіихъ. Тогда и самъ Сынъ Божій, положивъ всѣхъ враговъ своихъ въ подножіе ногъ своихъ,

покорится даже въ лицѣ оглаваемой и спасаемой Имъ твари Богу Отцу, покоршему Ему всяческая, и почиетъ отъ тяжкихъ дѣлъ искупленія, какъ почилъ отъ дѣлъ творенія въ седьмой день по твореніи, и будетъ на небѣ такой великій праздникъ, какого не было и въ первую субботу, — потому что если радость великая бываетъ на небѣ о единомъ грѣшникѣ кающемся, то какая-же будетъ радость о цѣломъ покоренномъ Богу, спасенномъ и обновленномъ мірѣ?!!

Та-же самая идея завѣта Бога съ человѣкомъ, идея вступленія въ этотъ завѣтъ, утвержденія въ немъ и отпаденія отъ него, проникаетъ и единичную жизнь всякой души христіанской. Крещеніе есть буквально вступленіе крещеннаго въ завѣтъ, въ договоръ съ Богомъ, — договоръ, въ которомъ человѣкъ изрекаетъ предъ Богомъ отрицаніе отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всякаго служенія ему, а съ другой стороны, утверждаетъ предъ Богомъ-же свою готовность сочетаться Христу, вѣровать въ Него и поклоняться Ему, яко Царю и Богу. Затѣмъ, плотскій естественный человѣкъ, будучи погруженъ въ купель крещенія, погружается въ смерть Христову и, внутренно омытый кровію Христовою, выходитъ изъ купели человѣкомъ возрожденнымъ: въ естественномъ ветхомъ человѣкѣ, изъ очищенныхъ и оживотворенныхъ благодатію Христовою, внутреннихъ элементовъ естественнаго добра, зараждается новый человѣкъ. При этомъ, самымъ возрожденіемъ новаго, въ котораго переносится центръ внутренней жизни, наносится ветхому человѣку смертельный ударъ. Получивъ этотъ смертельный ударъ, ветхій человѣкъ, по мысли святыхъ отецъ, особенно Григорія нисскаго, умираетъ постепенно, и умирая, состоитъ съ новымъ возрожденнымъ человѣкомъ, въ неустанной борьбѣ, до минуты естественной смерти человѣка. Въ минуту-же естественной смерти, ветхій человѣкъ, смертельно пораженный въ крещеніи и затѣмъ окончательно ослабленный борьбою съ новымъ человѣкомъ, если только ослабленъ, а не усиленъ, умираетъ всеконечно вмѣстѣ съ грѣшною плотію. Новый-же человѣкъ, освободившись отъ плотскихъ оковъ и всякихъ узъ грѣха, воспаряетъ къ небу, если, возродившись въ крещеніи, до послѣдней минуты жизни укрѣплялся во внутренней духовной борьбѣ съ ветхимъ человѣкомъ, очищался, утончевался и одухотворялся. Если-же онъ въ этой борьбѣ ослабѣлъ, изнемогъ, потухъ; если ветхій грѣховный плотскій человѣкъ воскресъ, укрѣпился и пересилилъ его при жизни, — то тогда оземленившаяся, оплотнявшаяся, обремененная тяжестью многихъ

грѣховъ душа ниспадаетъ по смерти на дно адово, болѣе или менѣе глубоко, въ обители отверженныхъ духовъ. И тогда уже только очистительно-умилостивительная молитва церкви сильна возвести отверженнаго изъ глубинъ ада, единственно силою той-же крестной смерти Искупителя. Послѣ страшнаго суда, отверженные души будутъ окончательно отринуты отъ всякаго нравственно-свободнаго союза съ Богомъ. И это отверженіе отъ созерцанія свѣта лица Божія — оно-то и будетъ сопровождаться тѣмъ страшнымъ, мрачнымъ, прожигающимъ душу и воскресшее претворенное тѣло адскимъ пламенемъ, въ которое страшный Судія пошлетъ осужденныхъ грѣшниковъ, говоря: *отыдите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его...*

Итакъ, вѣроятно, и изъ сего немощнаго нашего изложенія сущности христіанства, какъ религіи, какъ завѣта, какъ союза человѣка съ Богомъ, вы юные ученики божественной мудрости, проразумѣваете, что эта мудрость глубока. Въ париміяхъ на день св. Іоанна Златоустаго говорится о сей мудрости такъ, — прислушайтесь не ушами только, но и сердцемъ: *мудрость Господня сама обходитъ ищущи достойныхъ ея... Труды и плоды ея суть добродѣтели: цѣломудрію-же и разуму она учитъ, правдѣ и мужеству, иже потребныя ничтоже есть въ житіи человѣкомъ... Яко безсмертіе есть въ ней и благодать во общеніи словесъ ея. Сего ради, вмѣстѣ съ мудрыми Соломономъ, побесѣдуемъ ко Господу, и помолимся Ему, и рцемъ отъ всего сердца нашего: Боже отецъ и Господи милости, сотвори-вый вся словомъ твоимъ, и мудростію твоею устрои-вый вся, да владѣетъ онъ бывшими отъ Тебе тварями, и да управляетъ міромъ въ преподобіи и правдѣ! Дажь ми приспѣвающую твоему престолу мудрость, и не отлучи мене отъ отроковъ твоихъ, яко азъ рабъ твой и сынъ рабыни твоея. Посли ю съ небесъ стѣ святаго жилища твоего, и отъ престола славы твоея, да сущи со мною научитъ мя, что благоугодно есть предъ Тобою, и наставитъ мя въ разумъ, и сохранитъ мя въ славу твою. Помышленія бо смертныхъ вся боязлива, и погрѣшительна помышленія ихъ. Аминь.*

1877 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день введенія во храмъ Преплагословенныя Дѣвы Маріи.

О ЗАВѢТѢ ПЕРВОБЫТНОМЪ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ ЕГО.

Иже всѣхъ Творецъ, Создатель и Владыка, неизреченнымъ благоутробіемъ приклонившійся, и единымъ человеколюбіемъ своимъ, еже своими устрои руками, видѣвъ падающую и возставити сего благоволи, зданіе божественнѣйшее, истощеніемъ своимъ, яко благодать естествомъ и милостивъ. Тѣмъ Марію ходатаицу (посредницу) пріемлетъ таинства, яко дѣву и чистую; изъ нея наше естество носити восхотѣ. Та есть спѣнь небеснаго Игось праздника.

И вражду положу между тобою и между женою, и между съменемъ твоимъ и между съменемъ твоемъ. Той твою блюсти будетъ главу, и ты блюсти будешь его плечу. Быт. 3, 15.

Сегодня скажемъ о завѣтѣ первобытномъ, о разрушеніи его паденіемъ челоѣка и возстановленіи первоевангеліемъ, первымъ обѣтованіемъ Божіимъ о Сѣмени жены.

Въ предыдущую нашу бесѣду мы разъяснили, что религія есть союзъ Бога съ челоѣкомъ, есть завѣтъ, есть свободный договоръ между Богомъ и людьми.

Сказали, что этотъ завѣтъ, средостѣніемъ паденія челоѣка, средостѣніемъ обѣтованія объ искупительномъ Сѣмени и самаго искупленія, раздѣляется на двѣ половины, изъ коихъ одна началомъ своимъ, а другая своимъ концомъ упирается въ вѣчность, — раздѣляется именно на завѣтъ первобытный и завѣтъ возстановленный.

Сказали, что первобытный завѣтъ начался у Бога въ вѣчности вѣчнымъ рожденіемъ единороднаго Сына Божія, предопредѣленнаго

Творца, Промыслителя и Спасителя міра; начался вѣчнымъ отъ Отца исхожденіемъ Святаго Духа, котораго Богъ Сынъ, вѣчный Ходатай — посредникъ между Божествомъ и тварію, по своимъ заслугамъ, своею молитвою, ниспосылаетъ твари отъ Бога Отца, ниспосылаетъ, какъ Духа животворящаго, какъ Духа утѣшителя, параклита, защитника, ходатайствующаго за насъ воздыханіи неизглаголаннѣми, вопіющаго въ сердцахъ нашихъ къ Богу Отцу: Авва Отче! Начался тѣмъ, что Богъ Отецъ прежде вѣкъ основалъ свою вѣчностную Мудрость, — прежде сложенія міра породилъ свое божественное зиждительное Слово, — въ началѣ всѣхъ началъ положилъ сіе божественное Слово, сію вѣчностную Премудрость, именно какъ начало путей своихъ, какъ посредственное орудіе для дѣлъ своихъ, какъ Слово именно зиждительное. Начался предвѣчнымъ у Бога совѣтомъ, на которомъ вѣчный Сынъ, исходя въ міръ, бывшій тогда еще ничтожествомъ, точнѣе — бытіемъ пока только предопредѣленнымъ, изрекъ Богу Отцу: *се иду сотворити волю твою, Боже*, — на которомъ предусмотрѣно, предопредѣлено и для вѣчнаго Бога тогда-же въ вѣчности осуществлено и твореніе міра, и созданіе челоѣка, и паденіе его, со всѣмъ домостроительствомъ его спасенія, со всѣмъ планомъ возведенія его въ ту-же славу, которую имѣлъ Сынъ Божій у Отца, прежде даже міръ не бытъ, — со всѣмъ предначертаніемъ вѣчнаго восхожденія челоѣка къ тому-же единству съ Божествомъ, въ какомъ пребываютъ отъ вѣка Сынъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ, — къ тому единству, которое и есть цѣль и завершеніе завета челоѣка съ Богомъ.

И вотъ творческая вѣчностная Мудрость стала между Богомъ съ одной стороны и ничтожествомъ съ другой, какъ посредникъ между Богомъ и тварію отъ вѣка. И вотъ отпечатлѣна творческимъ Словомъ въ ничтожествѣ первая, начальная, самоограничившаяся идея, идея неба, — *въ началѣ сотворилъ Богъ небо*. Небо — это невидимый міръ духовъ пренебесныхъ; это — жилище и престолъ Бога Вседержителя, возсѣдающаго на серафимахъ, херувимахъ и престолахъ, на господствахъ, началахъ и властяхъ, на силахъ, архангелахъ и ангелахъ. Нынѣ божественное откровеніе считаетъ въ мірѣ ангельскомъ девять чиновъ, архистратига небесныхъ воинствъ именуется Михаиломъ. Но отъ перваго сотворенія было въ ангельскомъ мірѣ безмѣрно болѣе чистыхъ духовъ, и воздемъ ихъ, или, по крайней мѣрѣ, въ числѣ начальствующихъ былъ высшій духъ, котораго откровеніе именуется Денницею

или Свѣтоносцемъ. По откровенію, и ангелы, подобно тому какъ и человѣкъ, но еще въ высшемъ духовнѣйшемъ смыслѣ, состоятъ въ союзѣ или завітѣ съ Богомъ; — состоятъ именно въ томъ смыслѣ, что ихъ бытіе зиждется на творческой вседержительной волѣ Божіей; ихъ блаженство почиваетъ въ Богѣ; ихъ призваніе и стремленіе направлено къ исполненію воли Божіей, которая начертана и въ существѣ ихъ и предъявляется имъ самимъ Богомъ, лицомъ къ лицу, въ таинственной непосредственности, предъявляется тѣмъ пренебеснымъ языкомъ, которымъ говоритъ Богъ къ высшимъ своимъ созданіямъ, и который вразумителенъ ангеламъ, чистымъ безплотнымъ духамъ. Разъ установленный между Богомъ и ангелами сей завітъ постоянно больше и больше скрѣплялся и скрѣпляется усовершенствованіемъ самихъ ангеловъ, большимъ и большимъ очищеніемъ ихъ и приближеніемъ къ единству съ Богомъ, но никогда не возстановлялся. Не возстановлялся потому, что, съ одной стороны, большинствомъ ангеловъ никогда не разрушался, подобно тому, какъ человѣкъ разорвалъ свой первобытный союзъ съ Богомъ Творцемъ; а съ другой стороны, великою частью первоначально чистыхъ ангеловъ разрушенъ такъ, что въ немъ, этомъ первобытномъ завітѣ Бога съ ангелами, не осталось, по разрушеніи, никакихъ основаній для его возстановленія. Свѣтоносецъ, началовождъ небесныхъ силъ, самъ противоестественно возсталъ на Бога гордостію, восхотѣлъ противопоставить свой престолъ престолу Вседержителя, и не только уподобиться, но и уравниваться Всевышнему. Но вмѣсто того низшелъ въ адъ, или лучше — самъ въ себя и собою образовалъ адъ, ставъ противоположнымъ отрицательнымъ полюсомъ свѣта, добра и блага, ставъ источникомъ мрака, зла и бѣды для всего мірозданія, начиная съ міра ангельскаго; такъ какъ бывшій Свѣтоносецъ, теперь противникъ Богу сатана, своимъ змѣинымъ хоботомъ, отторгъ съ духовно-небеснаго горизонта третью часть свѣтлыхъ звѣздъ духовнаго неба, и увлекъ ихъ за собою въ мрачную созданную его отступленіемъ бездну адскаго мрака, превративъ тамъ ихъ естественно-небесный озаряющій свѣтъ въ жгучее, но не свѣтящее пламя геенны. Такъ вотъ то небо, небо чистыхъ духовъ, которое сотворилъ Богъ въ началѣ началъ.

Затѣмъ или вмѣстѣ съ тѣмъ, — замѣтьте: тутъ въ необъятныхъ пространствахъ изначальнаго времени, безъ бытія и перемѣны вещей, наши мѣры времени совсѣмъ непреложимы, — въ началѣ неизмѣримаго

и недомыслимаго количества вѣковъ Богъ создалъ, вмѣстѣ съ небомъ духовъ, и другое небо, уже не духовное, а болѣе или менѣе вещественное. Это небо — то необъятное наполненное эфиромъ пространство, гдѣ теперь плаваютъ сгущенія этого эфира, звѣзды, солнца, планеты и кометы, — то необъятное пространство вмѣстилища вселенной, которое теперь съ трудомъ измѣряется пареніемъ не только свѣта солнечнаго, но и мысли человѣческой, — то необъятное протяженіе не только пространства, но и времени, какъ смѣны ограниченныхъ вещей, въ которомъ осуществлялся видимый и невидимый нами, тѣмъ не менѣе вещественный небесный міръ, — которое, на болѣе или менѣе доступная нашему постиженію мѣрила, измѣряется мириадами тысячелѣтій, или — еще ближе къ дѣйствительности — измѣряется вѣчностью, но вѣчностью, имѣющею конецъ въ настоящую, какъ и всякую данную минуту, а въ недомыслимомъ прошедшемъ имѣвшею и начало, — однимъ словомъ, — измѣряется неизмѣримою вѣчностью, но только имѣвшею свое начало и имѣющею конецъ, вѣчностью, не безначальною и не безконечною.

О порядкѣ въ твореніи неба откровеніе только и говоритъ, что въ началѣ было небо, — небо невидимое духовное, міръ ангельскій, а затѣмъ и видимое небо, вещественное; вмѣстилище звѣздъ небесныхъ, солнцевъ, планетъ, кометъ, каменныхъ роевъ, метеоровъ, туманныхъ пятенъ и т. д. О порядкѣ же творенія міра земнаго откровеніе говоритъ пространнѣе.

Вначалѣ сотворилъ Богъ небо; затѣмъ послѣ видимаго неба, или отчасти и вмѣстѣ съ нимъ, сотворилъ Богъ и землю. Замѣтьте, сотворилъ прежде времени, по крайней мѣрѣ, прежде опредѣленія времени въ откровеніи настоящими нашими днями, такъ какъ наша земля имѣла тогда иной объемъ, гораздо больший настоящаго, иное движеніе и иное поэтому распредѣленіе времени, котораго откровеніе потому и не опредѣляетъ. Долго-ли, коротко-ли, откровеніе этого не опредѣляетъ, — а наука говоритъ, что неопредѣленно долго, безпредѣльно долго, — земля вначалѣ была невидима и неустроена; невидима по двумъ причинамъ, и потому, что свѣта на ней еще не было, и потому, что не имѣлось на ней пока еще ни одинаго глаза, способнаго видѣть; а неустроена въ томъ смыслѣ, что не существовало на ней настоящаго устройства; распредѣленія стихій и частей. Земля вся покрыта была водою, безбрежнымъ океаномъ, въ которомъ пока еще не

зарождалась жизнь. И Духъ Божій, Духъ животворящій, носился верху воды, верху одѣтаго водою и мракомъ земнаго шара, какъ птица простирающая свои согрѣвающія и животворящія крылья надъ своимъ гнѣздомъ, изъ котораго должна возникнуть жизнь. Подъ этимъ животворящимъ вліяніемъ животворящаго Духа Божія земля созрѣла наконецъ для того, чтобы проявить современное намъ свое устройство и породить изъ себя жизнь населяющихъ ее органическихъ существъ. Вотъ раздается творческое зиждительное слово: *да будетъ свѣтъ. И бысть свѣтъ*, — осуществлена новая небывалая въ земномъ мірѣ идея свѣта, который наконецъ пробился изъ небесныхъ сферъ сквозь разсѣивающійся мракъ окружавшихъ землю густыхъ испареній воды, вулканическаго подземнаго дыма и другихъ матеріальныхъ частицъ, носившихся пока въ видѣ мрачныхъ паровъ. Съ появленіемъ свѣта обозначилось настоящее суточное вращеніе сжавшагося до настоящихъ предѣловъ земнаго шара. *И бысть вечеръ* перваго безутренняго, единственнаго, безначальнаго дня, и *бысть утро*, — первый собственно настоящий земной день. И затѣмъ *рече Богъ: да будетъ твердь и бысть*, — совершилось раздѣленіе между водою атмосферы и океановъ. *И рече Богъ: да явится суша*, — и явилась она съ своими горами, долинами, рытвинами для рѣкъ и всякихъ источниковъ водныхъ. *И рече Богъ: да прораститъ земля*, — и прорастила земля растительную жизнь. *Да возсіяютъ свѣтила*, — и возсіяли они съ высотъ небесныхъ до послѣднихъ глубинъ земной атмосферы, оказавшейся совершенно прозрачною. *И рече Богъ: да изведутъ воды душу живу*, — и наполнилась земля жизнью уже животною, — жизнью животнорастеній, жизнью инфузорій, жизнью насѣкомыхъ, жизнью пресмыкающихся, плавающихъ рыбъ, летающихъ птицъ, жизнью четвероногихъ.

А въ концѣ земнаго творенія Богъ создалъ завершеніе и связь тварей человѣка, — завершеніе твари земной и связь ея съ тварію небесной; — создалъ человѣка изъ земли, какъ животное, и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, жизни не только высшей — животной, планетной, земной, но и небесной, духовной, разумной, словесной, божественной. Тутъ и совершенъ первобытный союзъ или завѣтъ Бога съ человѣками. Дальше этотъ завѣтъ долженъ былъ только развиваться и усовершениться; но онъ здѣсь уже состоялся, какъ свободный договоръ разумной твари съ Творцомъ.

Остановимся на минуту и спросимъ, въ чемъ состоялъ этотъ пер-

вобытный завѣтъ или союзъ первозданнаго человѣка съ Богомъ Творцомъ? И какъ онъ состоялся? Нѣтъ нужды говорить, что это не былъ контрактъ, въ которомъ двѣ договорившіяся между собою стороны, при помощи третьяго — посредника, пишутъ и подписываютъ договоренныя условія; но было нѣчто весьма похожее, а въ существенныхъ чертахъ и тождественное. Позднѣйшіе завѣты Бога съ людьми, на примѣръ, заключенные при Моисеѣ и при Эздрѣ, были именно писаны, а при Эздрѣ завѣтъ даже былъ подписанъ и скрѣпленъ печатами. Но при заключеніи завѣта первобытнаго не были употреблены ни скрижали каменные, ни папирусы или бумага, какъ и ничто подобное. Представимъ себѣ дерево. Въ немъ корни существуютъ для того, чтобы носить на себѣ стволъ; стволъ существуетъ для того, чтобы произрастать вѣтви; вѣтви для того, чтобы питать листья и цвѣты; а цвѣты вырастаютъ для того, чтобы воспитать въ себѣ сѣмя или плодъ. Однимъ словомъ, въ деревѣ существуетъ естественная связь между корнями, стволомъ, вѣтвями, листьями, цвѣтами и сѣменемъ, и существованіе всего дерева, всѣ отправленія его организма направлены къ тому, чтобы выработать изъ себя цвѣтъ и плодъ. Такъ и весь міръ есть дерево, — дерево, въ которомъ всѣ части связаны между собою органически и направлены къ одной цѣли; доказывать это не станемъ. Въ этомъ согласны между собою самые крѣпкіе мыслители. На этотъ разъ мы и не нуждаемся въ философскихъ основаніяхъ, потому что разсуждаемъ о міробытіи съ богооткровенной точки зрѣнія. А по откровенію, цѣль міротворенія скрывалась въ созданіи царя вселенной, разумнаго слуги Божія, человѣка. Человѣкъ — царь вселенной, глава видимаго міра.

Теперь обратите вниманіе. Всякій атомъ земли имѣетъ въ своей основѣ божественную мысль и осуществляетъ въ своемъ бытіи божественную мысль, которая направляетъ бытіе частныхъ къ общей единой цѣли всего міробытія. Весь видимый, какъ бездушный, такъ и органическій міръ, имѣетъ въ своей основѣ божественную мысль и осуществляетъ въ своемъ бытіи божественную мысль, которая имѣетъ цѣлью усовершенствованіе человѣка. Человѣкъ съ перваго начала дѣлится, какъ и теперь дѣлится на двѣ части: земную и небесную, тѣлесноживотную и духовную. Въ человѣческомъ тѣлѣ, особенно же въ первозданномъ неиспорченномъ, каждый атомъ имѣлъ своею основною божественную мысль и осуществлялъ въ своемъ бытіи божественную

же мысль, которая имѣла цѣлью усовершенствованіе души человѣка. А душа человѣка имѣла въ своей основѣ богоподобный образъ Божій: имѣла умъ, который былъ отраженіемъ ума божественнаго; имѣла волю, отраженіе воли божественной; имѣла чувство, ограниченное отраженіе вѣянна Духа Божія. Въ умѣ лежало чистое созерцаніе Божества и стремленіе къ созерцанію полнѣйшему; въ волѣ лежали законъ воли Божіей и стремленіе къ совершеннѣйшему богоугожденію; въ сердцѣ лежали чувства любви къ Богу, чувства счастья въ общеніи съ Богомъ и стремленіе къ тѣснѣйшему единенію съ Богомъ. Вотъ здѣсь-то, въ богоподобномъ образѣ человѣка, и лежала сущность, лежалъ существеннѣйшій узелъ связи или завѣта Бога съ человѣкомъ.

Этотъ завѣтъ или союзъ начертанъ былъ не на хартіи, не на скрижаляхъ каменныхъ, а въ сердцѣ, въ волѣ, въ умѣ, вообще въ духѣ человѣка. А связанный съ Богомъ, особенно чрезъ свою внутреннюю природу, человѣкъ соединялъ съ Богомъ и всю внѣшнюю природу и воцарялъ во всей вселенной ту гармонію красоты, которую, обозрѣвъ по созданіи вселенной, самъ Творецъ нашелъ совершенною; нашелъ, что все добро зѣло. Замѣтимъ, что творческое вѣстасное Слово, Сынъ Божій, уже здѣсь, въ первомъ созданіи человѣка, былъ посредникомъ между безпредѣльностью Божества и ограниченностью твари; такъ какъ Сынъ Божій, образъ вѣстаси неописуемаго всевышняго Бога, отобразилъ себя въ ограниченныхъ отраженіяхъ Божества,—во всѣхъ своихъ тваряхъ, и по преимуществу въ словесно-разумномъ человѣкѣ, отчего человѣкъ внутренно связанъ сперва съ творческимъ Словомъ, служа Его отображеніемъ, а чрезъ творческое Слово, чрезъ Сына Божія, и вообще съ Божествомъ. Руководимый симъ божественнымъ Словомъ къ соединенію съ Божествомъ внутренно, чрезъ лежащій въ корнѣ существа нашего образъ вѣстаснаго Слова Божія, первый человѣкъ, до своего паденія, былъ наставляемъ самимъ-же Словомъ, такъ сказать, устно и лично, такъ какъ, живя въ раю до паденія, Адамъ устно и лично бесѣдовалъ съ Богомъ Творцемъ своимъ, чѣмъ скрѣплялся и развивался установленный между Ними завѣтъ.

Но какъ Адамъ жилъ въ раю, что такое рай,—точно-ли наши обыденныя о немъ понятія, объ этомъ побесѣдуемъ въ слѣдующую нашу бесѣду.

А теперь сообразимся, скажемъ вкратцѣ, что такое первобытный завѣтъ.

Вотъ вѣчный посредникъ между Божествомъ и тварію созидаетъ внѣшнюю природу и созидаетъ такъ, что корень ея лежитъ во вседержительствѣ Творца, а цѣль въ усовершенствованіи главы всего видимаго міра, человѣка. Природа, такимъ образомъ, оказывается связанною съ Богомъ и по корню своего бытія и по цѣли чрезъ человѣка.

Вотъ вѣчный Посредникъ между Божествомъ и тварію, самъ истый образъ превысочайшаго неописуемаго Божества, отпечатлѣваетъ свой образъ въ первозданномъ человѣкѣ, и отпечатлѣваетъ такъ, что первый человѣкъ, всѣми богоподобными силами своими, стремится къ большому и большому богоуподобленію и соединенію съ Божествомъ; а кромѣ этого Творецъ, и лично и устно, руководитъ перваго человѣка къ той-же цѣли.

Вотъ прежде человѣка и видимаго міра, творческое Слово создало вначалѣ небо, міръ духовъ. Духи созданы, какъ и человѣкъ, только еще въ высшемъ совершеннѣйшемъ смыслѣ, по образу Божію, и стремятся къ единенію съ Божествомъ по естеству; а кромѣ сего уразумѣваютъ волю Божію и по непосредственному общенію съ Богомъ. Одна часть ангеловъ осталась и утвердилась въ семъ завѣтѣ; а другая отпала отъ него не возвратно, ставъ источникомъ во всей вселенной всякаго противленія Богу.

Вотъ превѣчный совѣтъ въ самомъ Божествѣ. Неподвижный корень Божества, Богъ Отецъ раждаетъ Сына и изводитъ изъ себя Святаго Духа,—съ вѣчнымъ завѣтомъ между Ними, что Сынъ станетъ посредникомъ между Божествомъ и сперва предопредѣленнымъ къ бытію ничтожествомъ, а потомъ воззванною изъ ничтожества тварію,—Сынъ въ своемъ человѣческомъ естествѣ самъ станетъ тварію и представителемъ ея предъ Божествомъ,—Сынъ-же, заслугами своего истощанія, купитъ право низвести сперва въ предопредѣленное къ бытію ничтожество, а потомъ въ нѣдра созданной вселенной Духа животворящаго и вѣчно ходатайствующаго за тварь предъ правдою и милосердіемъ Божества.

Чувствуете-ли вы, когда Пречистая Дѣва введена была въ пре-небесный храмъ Божій, въ селеніе горней славы, въ вѣчный планъ Божества? Прежде вѣкъ. Прежде вѣтъ Она стала посредницей между міромъ, человѣкомъ, воплощеннымъ Сыномъ Божіимъ и Божествомъ. И сей-то праздникъ введенія Пренепорочной Дѣвы Маріи во святая святыхъ мы празднуемъ въ сей день.

Повторимъ-же со благоговѣніемъ и страхомъ церковную пѣснь, которую поставили въ началѣ.

Всплхъ и всего Творецъ, Создатель и Владыка, приклонивъ себя долу по неизреченному благоутробію, и по единому человеколюбію своему, увидѣвъ падшій того, котораго своими руками устроилъ, сжалился надъ нимъ, и соблаговолилъ возстановить его, какъ зданіе божественнѣйшее, — возстановить собственнымъ истощаніемъ, какъ благій и милостивый по естеству. По сему Онъ и пріемлетъ Марію, какъ дѣву чистую, посредницею таинства, восхотѣвъ пріять изъ нея и носить наше естество. Та и есть селеніе небесное. Аминь.

1877 г.

ПОУЧЕНІЕ

О РАѢ И ПАДЕНІИ ЧЕЛОВѢКА.

И вражду положу между тобою и между женою, между съменемъ твоимъ и между съменемъ твоемъ: Той твою блюсти будетъ глава, и ты будешь блюсти Ею пяту.

Сегодня скажемъ о томъ, какъ Адамъ жилъ въ раю и точны-ли наши о раѣ понятія? Какъ Адамъ палъ и что было плодомъ паденія? Какъ изречено еще въ раю первоевангеліе и какой оно имѣетъ смыслъ?

Когда, при обзорѣ епархіи (уфимской), спрашиваешь сотни и тысячи крестьянскихъ дѣтей, неучившихся въ школѣ, кто были и какъ звались первые люди, — то въ отвѣтъ обыкновенно получаешь молчаніе, или много-много, если иной разверзетъ уста и прошепчетъ: не знаю. Не знаютъ ничего; не знаютъ Христа, такъ и говорятъ: „знаешь Христа?“ — „Не знаю“. — „Видѣлъ гдѣ-либо, когда-либо образъ, икону Спаса Христа?“ — „Не видѣлъ“, — отвѣчаютъ всѣ. Но когда тутъ-же въ церкви всенародно спрашиваешь дѣтей, хотъ мало вкусившихъ школы:

„кто былъ первый человекъ?“ — „Адамъ“, — отвѣчаютъ всѣ звонкими голосами. — „Какъ звали первую жену?“ — „Ева“, — отвѣчаютъ всѣ звонкими голосами. — „Какъ создана Ева?“ — „Изъ ребра Адамова“. — „Гдѣ жили Адамъ и Ева?“ — „Въ раю.“ — „Что такое былъ рай?“ — „Прекрасный садъ“, — отвѣчаютъ всѣ единогласно. — Всегда дѣти, на пространствѣ тысячъ верстъ пространной Россіи, на послѣдній вопросъ: „что такое былъ рай?“ — отвѣчаютъ однимъ и тѣмъ-же словомъ: „прекрасный садъ“. — И оно вѣрно. Да, прекрасный садъ. Такъ и всѣ мы думаемъ. Такъ и въ библии описано: рай — прекрасный обширный садъ, разрѣзанный четырьмя рѣками, изъ которыхъ двѣ, Тигръ и Евфратъ текутъ въ персидскій заливъ до сего дня; въ этомъ саду множество роскошнѣйшихъ деревьевъ, подъ сѣнью которыхъ сидятъ юные и прекрасные Адамъ и Ева; тутъ-же посреди рая растутъ древо жизни и смертоносное древо познанія добра и зла; вотъ въ одно райское утро змій взвивается по стволу послѣдняго древа и обращаетъ свою лукаво-змѣиную рѣчь къ дѣтски-неопытной Евѣ... Оно такъ и было. Это вѣрно. Это написано бытописателемъ Моисеемъ, богодухновеннымъ пророкомъ.

Тѣмъ не менѣе такое наше представленіе о раѣ и райской жизни первыхъ людей далеко отъ точности, далеко отъ безмѣрно широкой и глубокой райской дѣйствительности. Далеко потому, что это представленіе есть только разсудочное, къ которому прилагается только малая доля разума постиженія. Далеко потому, что въ настоящемъ нашемъ состояніи мы и безсильны представлять дѣло иначе, такъ какъ мыслительная сила наша теперь раздвоена на мышленіе разсудочное и разумное, и въ раздвоеніи ослабѣла; ослабѣла особенно потому, что разсудочная мысль рѣшительно возобладала въ насъ надъ разумнымъ постиженіемъ, почти до совершеннаго подавленія въ насъ высшаго, собственно — духовнаго разума. А въ первомъ человекѣ, и въ невинномъ Адамѣ было наоборотъ. То, что у насъ теперь называется разсудкомъ и разумомъ, то въ невинномъ Адамѣ не было раздвоено и ослаблено, то была единая сила разумѣнія; и высшая небесная духовная сторона разумѣнія рѣшительно преобладала надъ земною плотяною стороною пониманія, такъ что Адаму его рай и райская жизнь являлись далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ теперь представляются намъ. Замѣтьте, что для Адама въ раю совокуплялись земля съ небомъ. Для Адама рай былъ не только лѣстницею на небо, но и преддверіемъ неба.

Въ земномъ раю Адамъ вкушалъ небесное райское блаженство, лицомъ къ лицу бесѣдовалъ съ Богомъ и небожителями, прозиралъ сущность вещей и былъ дѣйствительнымъ царемъ одушевленной и бездушной земной природы. Для Адама рай былъ начало того рая, который низойдетъ съ неба на землю, который открытъ былъ въ видѣніи тайновидцу Іоанну Богослову и описанъ имъ въ таинственномъ апокалипсисѣ. *И видѣлъ я, — пишетъ тайновидѣцъ Іоаннъ, — небо новое и землю новую. Ибо первое небо и земля первая прешли, и моря уже нѣтъ. И я Іоаннъ видѣлъ градъ святой, Іерусалимъ новый, сходящій отъ Бога съ неба, уготованный, какъ невеста, украшенная для мужа своего. И слышалъ я гласъ велій съ неба, глаголющій: се скинія Бога съ людьми, и Богъ вселится съ ними здѣсь, и тѣ будутъ людьми Его, и самъ Богъ будетъ съ ними Богъ ихъ. И отыметъ Богъ всякую слезу отъ очей ихъ, и смерти не будетъ болѣе. Ни плача, ни вопля, ни болѣзни затѣмъ не будетъ. Ибо все прежнее прешло. И вѣщаетъ Сѣдящій на престолѣ: се нова вся творю. И сей градъ не требуетъ солнца и луны, чтобы свѣтили въ немъ, ибо слава Божія освѣщаетъ его. И показалъ мнѣ Духъ чистую рѣку воды жизненныя, свѣтлую какъ кристаллъ, исходящую отъ престола Бога, текущую чрезъ стогны этого града, и Агнца Божія. На берегахъ рѣки древо жизни, и на немъ плодовъ дванадцать. И листвіе древа во исцѣленіе народамъ.*

Этотъ небесный будущій рай есть только усовершенствованный рай прошедшій, рай первозданный по первому созданіи міра, еще не растлѣннаго грѣхомъ, рай невиннаго Адама. И Адамъ предвкушалъ уже въ своемъ раю блаженство рая грядущаго, и предвкушалъ не однимъ только чувственнымъ плотянымъ воображеніемъ, но всѣми силами, всѣми чувствами своего первозданнаго нерастлѣннаго существа. То, что мы видимъ теперь въ горнемъ мірѣ только яко зеркаломъ въ гаданіи, то Адамъ видѣлъ въ раю лицомъ къ лицу. Какъ въ будущемъ раю будетъ, такъ и въ Адамовомъ раю, хотя и въ менѣе высокой степени, было то, чего нынѣшнее наше око не видѣло, нынѣшнее ухо не слышало, что и на сердце нынѣшнему чувственному человеку не всходило, чего теперь мы не сильны ни почувствовать, ни пожелать, ни даже постигнуть и вообразить. Какъ всякое ощущеніе, котораго мы опытно не испытали, мы безсильны представить себѣ въ

воображеніи, — такъ и ощущеніе райскаго блаженства, какое испытывалъ Адамъ въ невинномъ своемъ состояніи, мы не въ состояніи даже вообразить, тѣмъ болѣе ощутить. Даже болѣе, какъ безсильны мы представить, во всей живости и полнотѣ, то сильное ощущеніе наслажденія-ли, страданія-ли, которое сами нѣкогда въ дѣйствительности испытали, такъ и тѣмъ болѣе самъ Адамъ, въ падшемъ своемъ состояніи, уже безсиленъ былъ, во всей живости, представить себѣ то ощущеніе блаженства, которое испытывалъ въ раю, въ состояніи невинности; такъ какъ по паденіи всѣ первоначальныя совершенныя силы его, сила чувства и постиженія, сравнительно съ прежнимъ, крайне притупились и потускнѣли. А мы чада Адама уже падшаго, въ беззаконіи зачатые и во грѣсѣхъ рожденныя. Да мы къ тому-же и не испытали райскаго блаженства, какъ испыталъ нашъ праотецъ Адамъ. Поэтому наше представленіе о раѣ менѣе вѣрно, менѣе близко къ дѣйствительности, чѣмъ было представленіе о раѣ въ самомъ Адамѣ, по паденіи. А его представленіе, въ падшемъ состояніи, уже слишкомъ далеко было отъ первоначальнаго чистаго постиженія райской дѣйствительности. Чтобы хотя приблизительно вѣрно представить себѣ состояніе невинности, въ которомъ первозданный Адамъ проникалъ своимъ духомъ въ небо и находился въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ Творцомъ, чувствуя себя дѣйствительнымъ царемъ земли, для этого намъ, въ нашемъ грѣховномъ состояніи, для этого падшему оземлѣнѣлому человеку нужно-бы возвыситься до состояніи пророческаго созерцанія, — до того непостижимаго для нашей плотяной чувственности состоянія, въ которомъ Моисей узрѣлъ на горѣ Синаѣ задняя грозной славы Божіей, — въ которомъ Ілія на горѣ Хоривѣ ощутилъ Бога въ гласѣ хлада тонка, въ вѣяніи тонкой прохлады, выдѣлившейся наконецъ изъ ужасающаго вихря, изъ труса, сокрушающаго камни, и огня, расплавляющаго скалы, — до состоянія, въ которомъ Исаія со-зерцалъ Бога, сѣдѣщаго на престолѣ, окруженномъ міриадами херувимовъ и серафимовъ и прочихъ небесныхъ силъ, — въ которомъ тайновидѣцъ Іоаннъ видѣлъ все, что изобразилъ въ своемъ апокалипсисѣ, — въ которомъ апостолъ Павелъ, — не зная, въ тѣлѣ-ли онъ находился, или внѣ тѣла въ этомъ состояніи таинственнаго восхищенія, — восхищенъ былъ до третьяго неба въ рай и слышалъ тамъ неизреченныя глаголы, ихже не лѣтъ есть человеку изглаголати, слышалъ слова,

которыя нельзя изрѣчь плотяному человѣку нашимъ чувственнымъ языкомъ.

Отсюда явствуется, что первозданный рай мы представляемъ вѣрно, но далеко не точно, а главное — тускло и блѣдно, — представляемъ его не такъ, какъ являлся онъ Адаму, хотя и невинный Адамъ, съ одной стороны, по мѣрѣ углубленія своего въ небесную жизнь, могъ усматривать въ первозданномъ раю больше и больше совершенствъ; а съ другой стороны, Адамъ падшій уже безсиленъ былъ, въ своемъ воспоминаніи и воображеніи, своими потускнѣвшими чувствами, возстановить для себя постиженіе и ощущение потеряннаго райскаго житія. Наше же чувственное, плотяно-разсудочное представленіе о раѣ крайне односторонне. Мы, даже напрягая свой внутренній разумъ, безсильны постигнуть райскую жизнь. А тѣмъ болѣе далеко отъ истины наше пониманіе, когда мы, безъ малѣйшаго напряженія ума, воображаемъ рай только большимъ чувственнымъ садомъ, со множествомъ цвѣтовъ, деревьевъ, плодовъ и т. д. При этомъ мы представляемъ себѣ только внѣшній очеркъ рая. При этомъ мы видимъ въ раю, чрезъ тусклое стекло плотяности, менѣе, чѣмъ усматриваютъ астрономы въ солнцѣ посредствомъ нарочито затѣненныхъ стеколъ въ зрительныхъ трубахъ, — менѣе потому, что астрономы, по неопредѣленнымъ очертаніямъ явленій, происходящихъ на солнцѣ, довольно вѣрно гадаютъ о дѣйствительности, такъ какъ законы матеріальнаго бытія для солнца и земли одинаковы; чего нельзя сказать относительно настоящей земной и первобытной райской жизни, такъ какъ законы той и другой существенно различны, и въ насъ теперь не оказывается духовныхъ органовъ для точнаго воспріятія райской жизни и ея условий.

Для болѣе точнаго уразумѣнія дѣла, мы, напрягши умъ, должны усиливаться представить себѣ рай символически, понимая его тѣлесно-духовнымъ; понимая его именно такъ, что въ немъ вещественное было только символомъ духовнаго, внѣшнее земное только знаменіемъ внутренняго, горняго, небеснаго. — „Я думаю“, — пишетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, — „что божественный рай былъ двоякій. И посему ученіе, переданное богоносными отцами, изъ коихъ одни представляли рай чувственнымъ, а другіе духовнымъ, справедливо. Какъ человѣкъ созданъ былъ чувственнымъ и вмѣстѣ духовнымъ, такъ и священнѣйшій храмъ его былъ и чувственнымъ и вмѣстѣ духовнымъ, и такимъ образомъ имѣлъ двоякій видъ. Тѣломъ человѣкъ водворялся въ божественномъ

и прекрасномъ саду, а душою жилъ въ несравненно высшемъ и прекраснѣйшемъ мѣстѣ, гдѣ имѣлъ своимъ обиталищемъ и свѣтлою ризою самого Бога, облеченъ былъ Его благодатію, наслаждался только однимъ сладчайшимъ созерцаніемъ Бога, какъ будто другой ангелъ, и питался симъ созерцаніемъ, которое потому и справедливо названо древомъ жизни. То-же разумѣлъ Богъ подъ словами *всяко древо*, когда говорилъ: *отъ всякаго древа, еже есть въ раи, снѣдию снѣси*. Онъ самъ есть все, такъ какъ въ Немъ и чрезъ Него все состоитъ. Подъ выраженіемъ — *всякое древо* можно разумѣть познаніе силы Божіей, приобретаемое изъ разсматриванія тварей, какъ говоритъ божественный апостолъ: *невидимая Его, отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть*; т. е. невидимыя свойства Божіи, присносущная сила Божія и самое Божество, разсматриваемыя въ созданіи міра, въ тваряхъ Божіихъ, становятся видимы. А подъ *древомъ жизни* можно разумѣть высшую божественнѣйшую мысль, извлекаемую въ единствѣ изъ разсматриванія всѣхъ чувственныхъ предметовъ, и чрезъ нихъ возводящую къ единому виновнику бытія и Зиждителю всего сущаго. Подъ *древомъ-же познанія добра и зла* можно разумѣть чувственно-усладительную пищу, которая, хотя и кажется пріятною, но на самомъ дѣлѣ подвергаетъ вкушающаго тлѣнію, злу. Итакъ, глаголь Божій: *отъ всякаго древа, еже въ раи, снѣдию снѣси*, — по мнѣнію св. Іоанна Дамаскина, означаетъ сіе: чрезъ разсмотрѣніе всѣхъ тварей св. восходи ко Мнѣ Творцу, и во всѣхъ ихъ находи одинъ плодъ — Меня, истинную жизнь, и въ общеніи со Мною полагай основаніе собственнаго бытія. Такимъ образомъ ты будешь безсмертенъ. *Отъ древа-же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него: въ онъже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете*, — потому что чувственная пища, естественнымъ образомъ, есть восполненіе истощеннаго; она извергается вонъ и истлѣвается, и невозможно оставаться нетлѣннымъ тому, кто принимаетъ чувственную пищу. — „Богъ поселилъ первозданнаго человѣка въ раю“, — пишетъ св. Григорій Богословъ, — „чтобы означалъ рай, — поручивъ ему, человѣку воздѣлываніе безсмертныхъ растений, — вѣроятно — божественныхъ мыслей какъ простыхъ, такъ и болѣе совершенныхъ. Далъ и законъ для упражненія свободы. Закономъ-же была заповѣдь, опредѣлявшая, какими растеніями ему можно пользоваться, и какого растенія не касаться. Послѣднее было древо познанія — древо благое, для пользующихся имъ благовременно. Древо

это было *созерцаніе*, къ которому безопасно приступать только опытнымъ, но нехорошо для простыхъ и неумѣренныхъ въ своихъ пожеланіяхъ. Заповѣдь Божія, данная человѣку, состояла въ запрещеніи ему касаться своимъ созерцаніемъ высшихъ предметовъ божественныхъ, недостижимыхъ для ума, превышающихъ человѣческія силы“.

Съ этой точки зрѣнія мы должны все въ жизни первозданнаго невиннаго Адама понимать символически. Понимать такъ, что земля тогда находилась не то что въ тѣсной связи, — она и теперь находится въ тѣсной связи съ небомъ, — но въ открытой осязательной для Адама связи съ небомъ. Рай былъ прекраснѣйшее мѣсто на прекрасной первозданной землѣ въ непосредственномъ соосѣдствѣ съ небомъ такъ, что чувственнымъ окомъ Адамъ видѣлъ землю, а внутреннимъ окомъ глядѣлъ въ небо; обоими изъ этихъ очей, двустороннимъ тѣлесно-духовнымъ чувствомъ, ощущалъ Бога ходящаго въ раю; слышалъ гласъ Божій, обращенный къ человѣку съ рѣчью, осязательною для духовно-тѣлеснаго слуха; двустороннимъ тѣлесно-духовнымъ чувствомъ видѣлъ въ каждой твари двѣ или три стороны, напр. въ каждомъ животномъ видѣлъ, во-первыхъ, внѣшнее его проявленіе, во-вторыхъ, видѣлъ внутреннюю осуществленную въ немъ идею, видѣлъ, въ-третьихъ, свойство присносущной силы Божіей, проявленное въ этой твари. Тѣмъ-же двустороннимъ чувствомъ, лишь только воззрѣвъ на первозданную жену, тотчасъ-же усмотрѣлъ въ ней, съ одной стороны, существо другое, внѣшнее, стороннее для себя, а съ другой стороны — усмотрѣлъ въ этомъ другомъ существѣ кость отъ костей, плоть отъ плоти своей, усмотрѣлъ ближайшую родную помощницу, сестру, друга, — даже больше того — едину съ собою плоть и единъ духъ, въ чаяніи еще тѣснѣйшаго единенія съ нею въ вѣчномъ большемъ и большемъ единеніи съ Божествомъ. Во всякомъ древѣ райскомъ и плодахъ его, кромѣ внѣшнихъ его обнаруженій, усматривалъ свойства мудрости и благодати Творца. Въ древѣ жизни, кромѣ дѣйствительнаго животворнаго древа, ощущалъ живѣйшимъ ощущеніемъ образъ самаго Бога Творца, образъ зиждительнаго творческаго Слова, предошущая въ этомъ древѣ, какъ въ образѣ и прообразѣ, не только настоящее самоограниченіе, самоопредѣленіе, ошестствленіе, но и будущее воплощеніе творческаго Слова, — воплощеніе чрезъ Пречистую Дѣву Марію, которая, какъ древо жизни, произрастила изъ себя цвѣтъ и плодъ жизни, — которая потому и называется въ церковныхъ пѣсняхъ древомъ животнымъ, еже есть посредѣ рая.

Древо-же познанія добра и зла было для Адама, для его двойственнаго чувства, олицетвореніемъ чувственно-привлекательнаго и разлагающаго добро и зло, духовное и чувственное, тѣлесное и духовное, единое и многочастичное, вѣчно-неизмѣнное и временно-текущее, тлѣнное, исчезающее... Съ другой стороны тоже древо познанія добра было для Адама символомъ его ограниченности, предназначенной хотя и къ безконечному, но постепенно-вѣчному усовершенствованію, ограниченности, созданной хотя и по образу Божію, но по образу не вполне раскрытому въ мѣру первообраза, а имѣвшему больше и больше раскрываться на пространствѣ цѣлой вѣчности; было ключемъ, который замыкалъ отъ Адама небо небесъ и удерживалъ земнаго человѣка пока при землѣ; было маятникомъ, который уравнивалъ порывистость человѣка, чтобы пружина его силъ не сразу развилась и сразу истощившись не стала, — чтобы человѣкъ не устремился сразу обнять блаженство небесное, постигнуть добро безконечное, вмѣстить въ себя познаніе безпредѣльное божественное, которое предошущалъ въ идеѣ, но которое въ каждый настоящій моментъ для ограниченности человѣческой необъятно, достижимо-же для насъ только въ недостижимомъ концѣ вѣчности, когда праведный, правильно развивающійся человѣкъ станетъ Богомъ, чего человѣкъ не достигнетъ никогда. Было это древо предостерегательнымъ знаменіемъ, чтобы человѣкъ развивался именно правильно, восходя, по предначертанію божественному, отъ чувственнаго къ выше-чувственному, отъ земнаго къ небесному, отъ тѣлеснаго къ духовному и божественному, а не мечталъ себя сильнымъ одновременно устремиться, въ своей порывистости, къ обоимъ противоположнымъ полюсамъ бытія, къ божественно-единому и тѣлесно-многообразному, и въ своей ненасытности поглотить въ себя всѣ блага безпредѣльной вселенной, и тлѣнно-земныя и вѣчныя небесныя.

Потому-то и паденіе первозданнаго Адама было не только простое вкушеніе отъ плода древа познанія добра, но было въ тоже время гордымъ и жаднымъ устремленіемъ человѣка стать Богомъ; было надменно-отважнымъ желаніемъ вмѣстить въ себя безпредѣльное, божественное, всестороннее вѣдѣніе, чтобъ устранить съ своего пути все непостижимое; было похотливымъ ненасытнымъ порывомъ поглотить въ себя всѣ блага необъятной вселенной, чтобъ не было для человѣка ничего запретнаго и неотвѣданнаго; было, съ одной стороны, недовольнымъ сознаніемъ своей ограниченности, которую захотѣлось сразу съ

себя скинуть, чтобъ расширится въ божественную безпредѣльность, а съ другой стороны, было уклоненіемъ именно отъ божественно-безпредѣльнаго къ чувственно-ограниченному, ласкающему внѣшнее зрѣніе, внѣшній тѣлесный вкусъ, тѣльному и разлагающемуся, было разрывомъ въ человѣкѣ божественнаго и ограниченаго, духовнаго и тѣлеснаго, небеснаго и земнаго. вмѣсто того, чтобы взойти выше неба и возсѣсть на престолѣ Бога Вседержителя, Адамъ оторвался отъ неба и низпалъ на землю, на которую своимъ ниспаденіемъ навлекъ проклятіе Божіе, потерявъ свое царское достоинство и надъ землею природою. По слову св. Григорія Богослова, „грѣхъ паденіе первыхъ людей состояло въ самонадѣянномъ порывѣ человѣческаго ума, вопреки заповѣди Божіей, постигнуть то, что для него было еще непостижимо, или, что тоже, сдѣлаться *высочайшимъ умомъ, Богомъ*, вѣдущимъ все доброе и лукавое. Грѣхъ прародителей въ сущности одинаковъ съ грѣхомъ Денницы: гордость и непокорность волѣ Творца“.

По такому-то смыслу паденія первозданнаго человѣка и оказалось необходимымъ, чтобы самъ Сынъ Божій снизшелъ на землю, вселился во чрево Дѣвы, принявъ отъ Нея человѣческое естество, далъ тѣло свое въ снѣденіе всѣмъ вѣрнымъ, пріискренне пріобщился плоти и крови нашей, пріискреннѣ пріобщилъ насъ крови и плоти своей, содѣлавъ насъ съ собою единымъ тѣломъ и единымъ духомъ, сталъ главою тѣла церкви, чтобы такимъ образомъ возглавить и возставить всю вселенную, чтобы привлечь человѣка за собою въ небо, чтобы чрезъ человѣка привлечь къ небу и всю землю, которую человѣкъ своимъ грѣхомъ оторвалъ отъ неба, чтобъ очистить и обновить всю природу, чтобы старое небо и старую землю претворить въ небо новое и землю новую, чтобы вселить человѣка въ рай горній и тамъ вселиться съ человѣками Богомъ ихъ вѣчно.

Сего-то ради Богъ на землю сниде, да насъ на небеса возведетъ, — высокій Богъ явился смиренный человѣкъ, хотяй привлечь насъ къ высотѣ, и подобнымъ подобное призвавъ, слышитъ отъ всѣхъ сице: аллилуіа. Аминь.

1879 г.

ПОУЧЕНІЕ

О ПАДЕНІИ ЧЕЛОВѢКА.

Адама первого почитимъ, рукою почтеннаго Замедителя, и всѣхъ насъ праотца уже бывшаго, и въ скиніяхъ небесныхъ со всеми избранными почитающа.

Побесѣдуемъ о паденіи первыхъ людей.

Вотъ библейское о семъ повѣствованіе.

Прочитать по русской библіи, гл. III, 1—12, книги Бытія.

Кто этотъ змій, соблазвившій первыхъ людей, Адама и Еву? *Змій*,—говорится,—*былъ мудрѣйшій изъ всѣхъ звѣрей... Проклятъ ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ; на чревѣ твоемъ ходити будещи и землю съси вся дни живота твоего.* Итакъ этотъ змій—звѣрь, животное, хитрое коварное животное; это животное ползаетъ на чревѣ, питается прахомъ земнымъ, невысокими растеніями и наиболее приземистыми животными; это животное стережетъ пятаю человѣка, чтобъ ужалить, а человѣкъ стережетъ голову змія, чтобъ ее раздавить. Но это животное было не простое. Змій говоритъ, съ Евою, разсуждаетъ умно, но злобно и коварно. По общему мнѣнію толковниковъ, для искушенія первыхъ людей въ змія вселился диаволь. Въ змѣ-искусителѣ говорилъ и дѣйствовалъ старѣйшій изъ диаволовъ, князь тмы и преисподней, самъ сатана, первый противникъ Богу.

Кто такой сатана? Откуда онъ взялся? Къ чему стремится и чѣмъ кончитъ?

Возьмемъ одинъ образъ изъ апокалипсиса, изъ откровенія святаго апостола Іоанна Богослова. Этотъ образъ достаточно освѣтитъ намъ область, начиная отъ высшихъ сферъ небесныхъ, изъ которыхъ онъ низпалъ, и до преисподнихъ глубинъ ада.

Прочитать Апок. гл. 12, 1—12.

Вотъ основныя черты знаменованія сего символическаго образа.

Неизвѣстно, когда созданы ангелы. Вначалѣ сотворилъ Богъ небо духовное и видимое, а затѣмъ землю. Несомнѣнно только, что ангелы сотворены прежде видимаго міра. И вотъ нѣкогда произошла на небѣ война. Архистратигъ небесныхъ силъ, архангелъ Михаилъ, и подчиненные ему ангелы его воевали противъ змѣя-дракона; а змѣй-драконъ и подчиненные ему ангелы его воевали противъ Михаила и прочихъ чистыхъ безплотныхъ силъ. Этотъ драконъ-змѣй древній, воюющій съ Богомъ на пространствѣ всего міробытія, это диаволь-переметчикъ и сатана—исконный противникъ Богу, обольщающій, вводящій въ ложь и противленіе Богу и правдѣ всю вселенную. Сатана-змѣй и ангелы его не устояли и низвержены съ неба. Падая самъ на землю и въ преисподнюю, этотъ змѣй-драконъ, хвостомъ своимъ, послѣдствіями своего возстанія противъ Бога, увлекъ съ неба третью часть звѣздъ небесныхъ, третью часть свѣтоносныхъ безплотныхъ силъ, которыя и стали мрачными силами ада. И когда сатана съ клеветами своими низпалъ съ неба, раздался въ небѣ голосъ громкій: *нынь настало спасеніе и сила и царство Бога нашего и власть Христа Ею, предопредѣленнаго отъ вѣка Спасителя міру; потому что низверженъ съ неба клеветникъ братій нашихъ, переметчикъ—предатель, клеветующій на нихъ предъ Богомъ нашимъ день и ночь. Итакъ веселитесь небеса и обитающіе на нихъ! Но горе живущимъ на землѣ, потому что къ вамъ сошелъ диаволь въ сильной ярости.*

Смотрите далѣе. Этотъ диаволь-змѣй, въ сильной ярости за свое низверженіе, собирается напасть на живущихъ на землѣ.

Вотъ жена, облеченная въ солнце, она страдаетъ отъ мукъ рожденія. Это образъ двойной и тройной. Жена—чистая Ева. Жена—Пречистая Дѣва Богородица. Жена—человѣчество и церковь Божія на землѣ. Ева имѣетъ произвести изъ себя чистое челоѣчество. Но ее при рожденіи и плодъ ея стережетъ змѣй-драконъ, змѣй семиголовый, десятирогій, украшенный семью діадемами-коронами, врагъ мощный, врагъ уязвимый, но поразить всѣ семь головъ его трудно, врагъ разнообразно вооруженный для нападенія, врагъ имѣющій великую силу обольщенія: имѣющій власть, богатство, славу, всѣ приманки міра сего,—змѣй, который хвостомъ своимъ увлекъ даже съ неба третью

часть звѣздъ небесныхъ, свѣтлыхъ ангеловъ Божіихъ, и сдѣлалъ ихъ своими клеветами, исполнителями своей коварной и крѣпкой воли. Этотъ-то змѣй стоялъ теперь предъ женою, облеченною солнцемъ чистоты и невинности Евою, которой предстояло породить изъ себя чадо по роду своему, чистое невинное челоѣчество,—стоялъ, дабы, когда она родитъ, пожрать ея дитя и ее самое... Другихъ значеній этого апокалипсическаго образа теперь пока раскрывать не будемъ. А теперь выясняемъ только, что вотъ кто былъ змѣй, приступившій теперь къ невинной Евѣ, чтобы обольстить ее.

И рече змѣй женѣ... Змѣй вступилъ съ Евою въ разговоръ. Какъ же змѣй, который былъ все-же животное,—какъ онъ говорилъ съ Евою? Какъ Ева его разумѣла? Есть въ библіи одно обстоятельство, что животное заговорило,—скотина, ослица Валаамова, прорекла. Но чудесное для нашего приземистаго разсудка не можетъ служить объясненіемъ чудеснаго-же. Укажемъ на сродныя естественныя явленія, которыя приближаютъ къ нашему пониманію и сверхъестественное. Несомнѣнно, что животныя передаютъ другъ другу свои внутреннія душевныя состоянія. Несомнѣнно, что животныя понимаютъ движенія воли и слово челоѣка. Несомнѣнно, что и челоѣкъ понимаетъ ихъ душевныя состоянія, желанія, мольбы, ихъ жесты и звуки. Въ одномъ домѣ умная собака до такой степени выразительно ласкалась къ хозяину и выражала ему свои желанія, что тотъ самымъ нешуточнымъ образомъ говоритъ, какъ говорятъ дитяти: „ну, ну, говори“, и собака издавала звукъ, въ которомъ трудно было съ болью сердца не услышать: „увы! Этого-то и не могу“. Есть школы собакъ, да и другихъ животныхъ, въ которыхъ челоѣкъ развиваетъ пониманіе животныхъ до поразительной степени... Какъ-то наэлектризовываетъ ихъ собственнымъ разумѣніемъ. Это теперешній челоѣкъ, съ настоящими способами разумѣнія. Но возьмемъ Адама и Еву, людей невинныхъ, чистыхъ, съ свѣтлымъ духовнымъ зрѣніемъ, способнымъ проникать въ сущность вещей...

Возьмемъ еще одно обстоятельство изъ библіи,—обстоятельство, которое говоритъ именно объ этомъ внутреннемъ зрѣніи Адама, о способности проникать во внутреннюю сущность вещей. Вотъ взялъ Господь челоѣка, котораго создалъ, и поселилъ его въ саду едем-скомъ, чтобы воздѣлывать его и хранить,—трудиться трудомъ естественнымъ, тогда только пріятнымъ и нисколько не изнурительнымъ, для

того, чтобы трудомъ упражнять, возвышать, вообще усовершенствовать свои силы. Вотъ и оселокъ нравственного совершенства, возможнаго искупленія и постоянного душевнаго утвержденія въ добрѣ, въ любви и покорности Богу Создателю. И заповѣдуетъ Господь Богъ человѣку, говоря: *отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть; а отъ дерева познанія добра и зла — не ѣшь отъ него: ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертію умрешь*. Обратите вниманіе на предвѣдѣніе и предопредѣленіе Господне. Только что изрекши заповѣдь о запрещенномъ плодѣ, сряду-же изрекаетъ Господь Богъ свою волю — быть и женѣ Евѣ. И сказалъ Господь Богъ: *не хорошо быть человеку одному; сотворимъ ему помощника по нему*. Но уже съ первыхъ минутъ бытія человѣка, Творецъ ведетъ его къ его назначенію нравственными путями по стезямъ душевныхъ движеній въ его собственномъ существѣ. Творецъ ведетъ Адама къ тому, чтобы онъ самъ почувствовалъ нужду въ помощницѣ. И вотъ, образовавъ изъ земли всѣхъ животныхъ полевыхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ, Господь Богъ привелъ ихъ къ человѣку. Привыкнуши представлять дѣло міротворенія слишкомъ человѣкообразно, по картинкамъ творенія, украшающимъ наши книжки, вотъ мы видимъ древа райскія, подъ ними стоитъ Господь Творецъ въ видѣ старца, около Него юный Адамъ, Богъ указываетъ Адаму рукою на идущихъ къ нему животныхъ, а Адамъ глядитъ на нихъ. Но при этомъ мы должны помнить, что Богъ, безъ сомнѣнія, являлся Адаму не въ видѣ человѣка старца. Въ этомъ не было тогда нужды. У Адама было ясное душевное зрѣніе. Онъ зрѣлъ Бога въ Его божественныхъ проявленіяхъ и слышалъ гласъ Его душевнымъ слухомъ. Приведеніе звѣрей къ Адаму — это было движеніе творческой воли, по которому Адамъ созналъ, что онъ царь видимой природы, а животныя, узрѣвъ своего царя въ лицѣ Адама, почувствовали къ нему влеченіе и благоговѣніе. Привелъ ихъ Богъ къ человѣку, чтобы видѣть (чтобъ Ему самому Господу Богу узрѣть), какъ Адамъ назоветъ ихъ, и чтобы, какъ наречетъ человѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей. Это Творецъ, собственнымъ творческимъ возбужденіемъ, даетъ первый толчокъ упражненію умственной силы человѣка, — упражненію, надъ которымъ и наблюдаетъ, которымъ руководитъ самъ. Человѣкъ Адамъ глядитъ на животныхъ, вникаетъ въ ихъ природу и изрекаетъ приговоръ: „а, это то-то, а это то-то“... И нарекъ человѣкъ имена всѣмъ скотамъ, и птицамъ небеснымъ, и всѣмъ звѣ-

рѣмъ полевымъ... На нашемъ языкѣ слово волкъ или латинское *lupus* не значитъ само по себѣ ничего, а служить только кличкою, усвоенною извѣстному животному. Но на древнѣйшемъ изъ человѣческихъ языковъ — еврейскомъ всѣ названія животныхъ выражаютъ господствующее свойство каждаго животнаго. Это произошло отъ того, что Адамъ простымъ воззрѣніемъ могъ проникнуть въ сущность каждаго животнаго, какъ и всякой неодушевленной вещи. А это мы говоримъ къ тому, чтобы выяснитъ, что Ева, простымъ воззрѣніемъ, могла проникать во внутреннія движенія змія, направляемаго діаволомъ искусителемъ къ ея обольщенію.

Но предварительно еще слово, о ея созиданіи и кровномъ отношеніи къ Адаму. Эта кровная связь Евы съ Адамомъ укажетъ намъ ту неразрывность по которой Ева, падая, невольно увлекала за собою и Адама, по которой и Адамъ, привязавшись къ своему двойнику любовью, затмившею любовь къ Творцу, самъ наклонялъ ее къ паденію, а себя и ее къ гибели...

Когда приводили къ нему животныхъ, для нареченія именъ, когда видѣлъ онъ пары и пары, проникалъ въ ихъ сущность, — то тутъ почувствовалъ онъ, что и онъ, цѣлою половиною своего существа, также есть животное, что ему недостаетъ пары, и это чувство, по видимому, было именно чувство сожалѣнія, что для него, для Адама, для человѣка не нашлось помощника, подобнаго ему. Не былъ Адамъ насыщенъ даже всѣми райскими благами; не былъ удовлетворенъ всѣми способами восхожденія къ совершенству ангеловъ, которые ни же-
нятся, ни посягаютъ, но суть ангелы, чистые, свѣтовые, цѣльные въ себѣ и цѣломудренныя духи... Адамъ не духъ, но человѣкъ, вмѣстѣ духъ и животное. Почувствовалась въ его двойственной природѣ нужда въ помощницѣ. Человѣкъ чувствуетъ свое, а Богъ строитъ свое. Творецъ начиналъ осуществлять свой планъ домостроительства, по которому предопредѣлено быть человѣку, съ начала до конца. И навелъ Господь Богъ на человѣка крѣпкій сонъ; и когда онъ уснулъ, взялъ часть его собственного существа, одно изъ реберъ Адама, и закрылъ то мѣсто плотію. И создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у человѣка, жену, и привелъ ее къ человѣку, къ спавшему и пробуждавшемуся Адаму. Безъ сомнѣнія, даже чистый человѣкъ восторженно встрепенулся въ восторгъ при видѣ этого послѣдняго и прекраснѣйшаго созданія Божія, — и созданія кровно родственнаго. И вотъ по всему существу Адама

потекло чувство небывалой кровной любви. И сказалъ человекъ: *вотъ это кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою, ибо взята она отъ мужа моего. Поэтому, — говоритъ Адамъ, говорить и чувствуетъ, — оставитъ человекъ отца своего и мать свою, и прильпится къ женѣ своей, и будутъ два одна плоть. А матерью и отцемъ у Адама былъ только единый Богъ Творецъ. И вотъ самъ себѣ Адамъ произнесъ приговоръ: оставитъ Адамъ Отца своего, потому что болѣе предстоитъ прильпиться къ женѣ своей, потому что сія плоть отъ плоти его, и кость отъ кости его, а Богъ высоко и далеко.*

Но нужно было время, чтобы чувство Адама раздвоилось, чтобы любовь къ женѣ отдѣлилась отъ любви къ Богу Творцу и Отцу, чтобы любовь къ Евѣ одержала верхъ надъ любовью къ Богу и стала къ ней даже во враждебное отношеніе. Нужно было воздѣйствіе змѣнаго сатанинскаго яда, чтобы отравить естественнѣйшее чистѣйшее въ себѣ чувство и сдѣлать его преступнымъ. Но въ первыя минуты бытія, поглощенные въ чувствѣ признательности къ единому Источнику своего бытія и блаженства, Адамъ и жена его были невинны, любили другъ друга настолько, что любовь къ Богу не исчезла въ любви ихъ другъ къ другу; чувство непорочности въ нихъ было такъ цѣльно, что оба они были наги и не стыдились.

О самомъ паденіи, при Божіемъ благословеніи, побесѣдуемъ въ слѣдующій разъ. Теперь мы рассказали только, кто такой былъ змій искуситель? Какъ онъ могъ говорить съ Евою, и Ева могла его разумѣть? Сказали о чистомъ внутреннемъ зрѣніи первыхъ невинныхъ людей, способномъ проникать въ существо вещей, обнаружившемся особенно въ нареченіи именъ животнымъ. Сказали о томъ, какъ это обстоятельство, нареченіе именъ животнымъ, было поводомъ къ возбужденію въ Адамѣ чувства собственнаго одиночества, чувства, которому Творецъ отвѣтилъ созданіемъ жены Евы. И дали понять, что Ева, привлеки къ себѣ излишество любви Адама, даже до минуты паденія уже начинала отклонять его отъ единства той любви, которая должна быть непоглощаемой, о которой и падшему человеку заповѣдуются: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и всею крѣпостію твоею, и всею помысленіемъ твоимъ, — возлюбиши больше себя самаго, а ближняго своего возлюбиши только, яко самъ себя.*

Чувствуете-ли вы, что мы не должны кидать камнемъ въ праотца нашего Адама; что онъ похожъ на насъ, а мы похожи на него; что въ раю мы не только навѣрно согрѣшили-бы, какъ и онъ, но все въ немъ и согрѣшили, любя себя и многое около себя больше Бога Творца.

Почтимъ-же Адама перваго, почтеннаго рукою Зиждителя, и праотцемъ всѣхъ насъ бывшаго, въ скиніяхъ небесныхъ со всѣми избранными почивающаго, — почтимъ, слѣдуя примѣру и покаянія и сокрушенія Адамова, какъ дѣйствуетъ въ насъ и Адамовъ грѣхъ. Аминь.

1878 г.

ПОУЧЕНІЕ

О ПАДЕНІИ ПЕРВАГО ЧЕЛОВѢКА.

Змій лъстивый, нѣкогда чести моей позавидѣвъ, пошепта лестію Евѣ во уши, отъ неяже азъ прельстився изнанъ быхъ, увѣмль, отъ лика жизни. Недѣля сырная. Стихира пѣсни 3-й.

Вотъ причина паденія первыхъ людей, по объясненію церкви: исконный человекоубійца, самъ въ себѣ ложь и отецъ лжи, лъстивый змій, позавидовалъ чести райскаго жителя, царя природы, первозданнаго невиннаго человека; чтобы погубить его, началъ не съ Адама, но съ жены, и пошепталъ Евѣ во уши лестію, коварною, человеконенавистною и богоненавистною лестію. Ева-же въ свою очередь прельстила Адама... Итакъ лживость и зависть змія, удобопреклонность Евы къ змѣиной лести, удобопреклонность Адама къ жениной прелести, — вотъ причины паденія первозданныхъ людей. А какъ это происходило, въ чемъ состояло паденіе, это расскажемъ сейчасъ по библіи.

Змій говоритъ женѣ: „чтобы это значило, что Богъ сказалъ вамъ: не ѣшьте ни отъ какого дерева райскаго?“ Зналъ-ли, не зналъ-ли диаволь, что Богъ не запрещалъ Адаму и Евѣ вкушать плоды съ райскихъ деревьевъ, но наоборотъ, сказалъ Адаму именно: *отъ всякаго дерева, которое въ раю, ты будешь вкушать?* Безъ сомнѣнія, диаволь

зналъ это, потому что знает многое, потому что, очевидно, наблюдалъ за человѣкомъ и видѣлъ, что Адамъ и Ева вкушали плоды отъ всякаго древа райскаго. Почему-же утверждаетъ, будто Богъ запретилъ вкушать отъ всякаго дерева райскаго? Діаволь, очевидно, лжетъ, лжетъ на Бога, и не только лжетъ, но и клеветаетъ—выставляетъ Бога злымъ завистникомъ, что Богъ создалъ много плодовъ въ раю, выставилъ ихъ предъ глаза человѣка, да и запретилъ вкушать... Діаволь обольщаетъ Еву, вноситъ первую ложь и путаницу въ ея понятія, выставляетъ себя печальникомъ ея благосостоянія и защитникомъ отъ Бога, усыпляетъ ея бдительность, показывая ложно коварный видъ, что онъ имѣетъ въ своей заботливой объ Евѣ мысли вообще всѣ эти древа, но вовсе не помышляетъ въ частности о дрѣвѣ познанія добра и зла. Что должна была Ева усмотрѣть въ первой рѣчи змія? Коварную ложь или невѣдѣніе? Еслибъ Ева сильна была усмотрѣть именно первое—коварную ложь, она встрепелась-бы осторожностію за себя и гнѣвнымъ движеніемъ въ защиту чести всеблагаго Творца. Но коварства до сихъ поръ она не видала, лжи не слыхала, и предположила въ змѣѣ послѣднее—невѣдѣніе. Съ наивностію и простотою младенца она отвѣчала змію: *отъ всякаго древа райскаго ѣсть мы можемъ; только отъ плода дерева, которое посреди рая,—сказалъ Богъ,—не ѣшьте отъ него, даже не прикасайтесь къ нему, чтобы вамъ не умереть.* Ева представляетъ въ себѣ пока непорочное и нѣсколько напуганное, или напугавшее себя дитя. Не сама Ева слышала отъ Бога заповѣдь о запретномъ плодѣ. Слышалъ отъ Бога эту заповѣдь Адамъ. Когда Богъ создалъ человѣка и ввелъ его въ рай сластолюбия, то здѣсь тотчасъ и далъ ему заповѣдь: *отъ всякаго древа, которое въ раю, ты вкушай; только отъ древа познанія добра и зла не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, ты смертію умрешь.*

Замѣтьте, это была заповѣдь положительнаго закона Божія. Обратите вниманіе. Законъ Божій раздѣляется на нравственно-прирожденный и положительный. Что такое законъ Божій нравственно-прирожденный? Это законъ, который проистекаетъ изъ самой природы отношеній человѣка къ Богу, къ людямъ и себѣ самому; къ этому закону относятся заповѣди любить Бога всѣмъ сердцемъ и ближняго, какъ себя самого, со всѣми заповѣдями, которыя отсюда проистекаютъ: эти заповѣди начертаны Богомъ не только на скрижаляхъ камен-

ныхъ, или на хартіи закона писаннаго, но на скрижаляхъ и сердца человѣческаго, на хартіи закона внутренняго. Но кромѣ этого закона, этихъ прирожденныхъ человѣку заповѣдей Божіихъ, есть еще большой кругъ другаго рода заповѣдей Божіихъ, такъ называемыхъ положительныхъ, не истекающихъ изъ природы человѣка, но предписываемыхъ Богомъ и церковію Божіею для упражненія и укрѣпленія воли человѣка въ добръ, напр. заповѣди о праздникахъ, о постахъ, о жертвахъ и т. п. Отсюда нравоученіе для насъ, какъ слѣдуетъ почтительно относиться къ положительнымъ предписаніямъ религіи. Еще въ раю до паденія Богъ призналъ нужнымъ дать двѣ положительные заповѣди: о празднованіи седьмаго дня—субботы и о постѣ—о невкушеніи отъ древа познанія добра и зла. Несоблюденіе сей послѣдней заповѣди и погубило человѣка. Но погубило не потому, что вкушеніе плода отъ древа важно само по себѣ. Важно было оно по связи со всѣми пороками наклонностями человѣческаго сердца; важно потому, что было грѣхъ—преступленіе закона, даннаго Высочайшимъ Существомъ,—было оскорбленіемъ безпредѣльнаго величія Божія. Потрудитесь вникнуть.

Напуганнымъ младенцемъ Ева говоритъ змію, будто Богъ сказалъ: *отъ древа, которое посреди рая, не только не ѣшьте, но и не прикасайтесь къ нему.* Богъ не запрещалъ касаться, запретилъ только ѣсть плоды древа. А это преувеличеніе Евою запретительнаго значенія заповѣди Божіей показываетъ, что воображеніе, да и вся душа Евы крѣпко заняты были этою заповѣдію, этимъ деревомъ. Поставилъ его Богъ посреди рая, рядомъ съ дрѣвомъ жизни; назвалъ дрѣвомъ познанія добра и зла; плоды на немъ, какъ и на всякомъ дрѣвѣ, красивые на видъ, повидимому и вкусные; а вкушать запрещено, сказано—смертію умрешь.—Отчего? Зачѣмъ? Вотъ роковой вопросъ.

Вопросъ въ высшей степени благотворный, потому что онъ-же лежитъ въ основѣ развитія человѣческаго ума, а отсюда въ основѣ и всякаго усовершенствованія человѣка. Умъ идетъ впереди развитія души, а къ своему развитію онъ движется лежащимъ въ его существѣ, какъ въ существѣ и всей природы, кореннымъ вопросомъ: отчего, почему, зачѣмъ? Но этотъ-же роковой вопросъ всегда былъ и первою ступенью къ аду, по пословицѣ одного родственнаго намъ народа *). Позвольте разсказать простой случай, о которомъ мы читали въ своемъ дѣт-

*) Цикавость першій градусъ до пекла.

ствѣ, который прольетъ много свѣта на отношеніе этого вопроса вообще къ строю человѣческой души. Одинъ господинъ, помѣщикъ недавно прошедшихъ временъ, проходя въ лѣтнюю пору по полямъ, чтобъ по-смотреть на работы, незамѣтно подслушалъ ропотливую рѣчь одной старой женщины, которая кляла свою судьбу за то, что подъ солнечнымъ припекомъ вынуждена гнуть голову и спину, чтобы жать барское жито, кляла прародителей, что согрѣшили и своимъ грѣхомъ присудили потомковъ на тяжкій трудъ и горькую долю: то-ли дѣло было въ раю? Кушай, прохлаждайся; и вотъ не сумѣли сдержаться—покушали запретнаго плода; мало имъ было другихъ плодовъ и всякихъ благъ. Помѣщикъ рѣшился поучить старуху уму-разуму, на этотъ разъ не бичемъ, а умомъ-разумомъ. Онъ привелъ старуху въ барскій домъ; далъ ей отдѣльное помѣщеніе, чтобъ она никого не видѣла, ни съ кѣмъ не разговаривала, сказалъ старухѣ: смотри, все будетъ для тебя готовое, ѣшь, пей, прохлаждайся, ничего не дѣлай; ничто отъ тебя не потребуется, а только вотъ смотри, не снимай крышку съ этой вотъ вазы. Ваза поставлена была среди комнаты на столѣ. Старуха рада, счастлива, отлично накормлена, упокоена всѣмъ. Но осталась сама съ собою. Слышитъ въ запретной вазѣ шорохъ. Черезъ нѣсколько часовъ никакъ не можетъ оторваться отъ вазы своимъ воображеніемъ, своимъ любопытствомъ. Что-то шевелится въ вазѣ; шевелится и въ душѣ роковой вопросъ: что-бы такое тамъ? Отчего шорохъ? Отчего баринъ запретилъ глядѣть?... Побѣдила старуха свое любопытство тысячу разъ, а въ тысячу первый разъ рука рванулась,—въ душѣ шевельнулось самоободреніе: баринъ-де не узнаетъ; ваза вскрыта, и оттуда выскочила мышь... Баринъ сейчасъ-же узналъ и велѣлъ вытолкать старуху изъ барскихъ хоромъ... На что ужъ тупъ новорожденный теленокъ; но и тотъ, по свидѣтельству опытныхъ въ домохозяйствѣ лицъ, оставленный безъ призора, непременно съ своимъ телячьимъ любопытствомъ попробуетъ именно того, чего нельзя, что ему вредно, что отъ него отодвигаютъ: выпадетъ изъ печки горячій уголь, теленокъ непременно его полижетъ. Что это такое? Мучить всѣхъ насъ роковой вопросъ. Этотъ вопросъ служить главнымъ стимуломъ усовершенствованія если не природы, то человѣка, а чрезъ него, конечно, и природы, и всей вселенной въ ея совокупности. Но этотъ-же благотворный стимулъ діаволомъ направленъ коварно и къ гибели человѣка.

Ева усыплена, не видитъ въ змѣѣ врага, вступила съ нимъ въ дѣтскую бесѣду. И говоритъ змѣѣ женѣ: „Неправда. *Не умрете смертію.* А вотъ въ чемъ сущность дѣла. *Богъ зналъ, что въ тотъ день, какъ только вы вкусите отъ него,* отъ древа-то познанія добра и зла, *отверзутся очи ваши, и будете вы какъ боги, разумныя доброе и лукавое*“. Видите, діаволь ложь искони, врагъ истины, богоненавистникъ; онъ лжетъ и приписываетъ Богу лживость: неправду Богъ сказалъ, вы не умрете смертію. Онъ приписываетъ Богу низкую зависть, низкую гордость: Богъ знаетъ, что какъ только вы вкусите, отверзутся очи ваши, вы будете богами, будете разумѣть и вы, какъ боги, все; Богъ не хочетъ будто-бы, чтобы у человѣка больше и больше открывались умственные очи; Богъ не хочетъ будто-бы, чтобы люди были богоподобны и уподоблялись Богу безконечно; Богъ не хочетъ будто-бы, чтобы человѣкъ постигалъ все больше и больше. А вотъ онъ, діаволь, по рѣчи змѣи, говоритъ правду; онъ-то и желаетъ, чтобъ у людей отверзлись очи и чтобъ люди стали богами и уразумѣли все. Богъ, по рѣчи змѣи, зложелательно будто-бы скрываетъ, а онъ, діаволь, благожелательно открываетъ человѣку путь къ безпредѣльному богоподобію. Будто-бы зложелательно и лживо Богъ говоритъ: не вкушайте; а діаволь доброжелательно и истово говоритъ: ѣшьте смѣло отъ древа познанія добра и зла; не вѣрьте Его истинности и правдѣ, не вѣрьте Его благодати и любви къ вамъ. И Ева не повѣрила Богу, а повѣрила сатанѣ-змѣю. Чувствуете-ли вы глубину паденія? Но оно еще глубже. И увидѣла жена, что хорошо древо для вкушенія, привлекательно на видъ, что оно красиво на видъ, обаятельно для глазъ, да вождедѣнно и потому, что даетъ вѣдѣніе, да и какое вѣдѣніе?— всевождедѣнно и божественное!... И взяла отъ запрещеннаго плода и стала ѣсть. Чтожъ она сдѣлала? Она, пресыщенная всѣми райскими благами, предпочла внушеніе низкой желудочной чувственности самому Богу; она, наслаждавшаяся всѣми красотами рая полу-земнаго, полу-небеснаго, созерцавшая красоту ангеловъ небесныхъ, лицомъ къ лицу зрѣвшая самаго всесовершеннаго Бога, предпочла Богу чувственную красоту—чего? Одного яблока! Такъ оно красиво и вождедѣнно. Красивѣе всѣхъ красотъ небесныхъ. Хочу, чтобъ было въ моихъ рукахъ! Не смѣтъ мнѣ его запрещать! Трудись, учись, жди безпредѣльнаго вѣдѣнія безконечные вѣка. Неправду Богъ внушаетъ, Онъ нехорошій, Онъ злой, Онъ завистливый. Сію минуту хочу быть богиней и знать все.—Вотъ этотъ

змій—онъ хорошій, онъ какъ разъ внушаетъ мнѣ то самое, что у меня назрѣло на сердцѣ, чего мнѣ хочется до смерти, что я и сдѣлаю—попробую. И сдѣлала! Повѣрила правдѣ и добротѣ діавола! Повѣрила лживости, завистливости, коварству Бога Творца. Предпочла съѣсть яблоко всѣмъ благамъ рая и неба. Предпочла прелесть того-же яблока всѣмъ красотамъ пренебеснымъ. Захотѣла утвердить престолъ свой рядомъ съ престоломъ Божиимъ, сразу охватить всю необъятность всевѣденіемъ своего женскаго ума, въ одинъ злополучный моментъ стать богинею, въ слѣпотѣ чисто женскаго самообольщенія,—и стала грѣшницею. Изъ ангела стала грубо чувственною. Потерявъ цѣльное духовное умосозерцаніе впала въ раздѣленіе разнороднаго созерцанія, по слову св. Іоанна Дамаскина; т. е. цѣльное умосозерцаніе отдѣлилось отъ разсудочнаго мертвенно-дробнаго представленія, и отдѣлилось такъ, что послѣднее возобладало въ душѣ падшаго человѣка, а первое—умосозерцаніе едва-едва мерцаетъ подъ развалинами духовнаго первозданнаго совершенства тухнущими искорками! Вся-же эта совокупность самыхъ тяжкихъ грѣхопадений, выразившихся въ слишкомъ, повидимому, простомъ дѣйствіи вкушенія запретнаго плода, все это сплѣненіе самой низкой желудочной чувственности съ похотью очесъ, съ гордостію житейскою, вознесшеюся на самаго Бога, съ ложью, невѣріемъ самымъ противоестественнымъ, съ неблагодарностію къ Творцу самою черною, все это вмѣстѣ было безпредѣльно-тяжкимъ оскорбленіемъ безпредѣльно-великаго Бога Творца и Отца... Вотъ что такое первородный грѣхъ! Вотъ что такое вкушеніе отъ плода запрещеннаго!

Какъ палъ Адамъ? Библия говоритъ объ этомъ только: *и возмъ Ева отъ плода его, яде; и даде мужу своему съ собою, и ядоста.* А церковь, въ выше-приведенной пѣсни говоритъ: *змій лестію пошепта Евъ, отъ неяже Адамъ прельстися.* Замѣтили мы выше, что преклоненіе къ паденію началось въ Адамѣ до сотворенія жены. Глядя на пары животныхъ, онъ почувствовалъ съ тоскою, что и онъ не ангелъ, что на половину онъ животное; глядя на пары и пары, онъ почувствовалъ съ тоскою, что ему недостаетъ пары,—мало было ему всѣхъ райскихъ благъ, и рай не въ рай. Сотворена Ева и показана Адаму, и Адамъ изрекаетъ: *оставитъ человекъ отца и мать и прильнитъ къ женѣ, изъ-за жены забудетъ отца и мать...* А вышло, что забылъ не только отца, но и Творца. Въ минуту паденія такъ и случилось. Ева властно тянетъ къ нему свою руку съ запрет-

нымъ плодомъ, даетъ мужу своему съ собою, зная, что онъ не отста-нетъ,—зная, что онъ промѣняетъ Бога и рай на ея любовь, и онъ промѣнялъ. Онъ былъ съ нею не только едина плоть и кость, но и одно сердце, и одно чувство, и одна мысль, и одна душа, одна доля, одна судьба.—*Жена, которую Ты далъ мнѣ со мною*,—оправдывался онъ передъ Богомъ, укоряя самого Бога,—*та мнѣ дала отъ древа, и я взялъ и съѣлъ.* Т. е. Ты-же, Господи, далъ мнѣ ее, чтобъ она была неразлучна со мною всегда и во всемъ, вотъ я и не захотѣлъ разстаться съ нею,—вмѣстѣ блаженствовали въ раю, вмѣстѣ погибать и въ аду.

Не подумайте, что первородный грѣхъ не буквально былъ во вкушеніи плода. Это были такіе еретики до пришествія Христова въ ветхомъ завѣтѣ, и по пришествіи Христовомъ въ новомъ, которые обольщались мыслию отягчить легкій, по ихъ мнѣнію, ничего не стоящій грѣхъ вкушенія плода усвоеніемъ ему иного значенія. Нѣтъ, этимъ ложнымъ, противнымъ слову Божию, пониманіемъ первороднаго грѣха ни мало не отягчилось-бы, а напротивъ, сдузилось-бы и ослабилось значеніе этого грѣха. Нѣтъ, онъ самъ по себѣ, въ своей библейской простотѣ, такъ глубокъ, безконечно глубокъ, что его не углубишь больше; къ его безпредѣльной тяжести ничего не прибавишь человѣческими самодумными измышленіями. Мы видѣли, что такое онъ былъ въ Евѣ; а по сочувствію Евѣ, онъ тождественъ былъ и въ Адамѣ. Это—низпаденіе въ низшую чувственность, въ мелочную похоть очесъ, въ сатанинскую гордость—въ превозношеніе порыва стать богами, охватить все божественнымъ всевѣдѣніемъ; это были вѣра въ діавола, покореніе волѣ сатаны, невѣріе Богу, усвоеніе Богу свойствъ сатаны, усвоеніе сатанѣ свойствъ божественныхъ, ему противоестественныхъ: истины, правды, благи, челоуколюбія... Въ самомъ актѣ грѣхопаденія было уже наиболѣе полное омраченіе челоуческаго духа и смысла. Оно-же, это омраченіе выразилось въ ту-же минуту по первомъ грѣхѣ и въ противоестественномъ сознаніи позора наготы, которая, по существу и по первоначальнымъ цѣлямъ Творца, составляетъ высшую совершеннѣйшую въ земномъ мѣрѣ красоту. Вотъ они еще вѣдятъ запрещеннѣйшую въ земномъ мѣрѣ красоту. Вотъ они еще вѣдятъ запрещенный плодъ. И въ тоже мгновеніе отверзлись очи у обоихъ, и что-жъ они, только что желавшіе быть богомъ и богинею, проникнуть своимъ зрѣніемъ всю суть вещей, что-жъ они увидѣли первое?! Увидѣли, какъ они не хороши! Самимъ стыдно стало. Уразумѣли, что они

наги, поскорѣе нужно прикрыть наготу отъ себя самихъ. Вотъ въ смятеніи смущенныхъ сознаниѣмъ чего-то нехорошаго чувствъ, они спѣшатъ связать хоть какъ-нибудь листвіе отъ смоковницы, и навязываютъ себѣ препоясаніе... на тѣ части, которыя на языкѣ древности названы — *rudenda* — постыдныя. Ну, препоясались, скрыли срамное. Нѣтъ, не все сокрыто. Самихъ себя всецѣло скрыть нужно. Горы и холмы и древа дубравныя! Падите на насъ и сокройте насъ отъ срама, отъ совѣсти, отъ лица Бога оскорбленнаго, отъ совѣсти мятущейся, отъ позора, гложущаго сердца до мозга костей... А тутъ гласъ Господа, ходящаго въ рай по полудни. Куда, куда скрыться? Отъ позора не убѣжишь, совѣсть погонится; но отъ Бога куда-бы скрыться? А вотъ самое лучшее: *Адамъ и жена его скрыстася отъ лица Господа Бога посреда древа райскаго!* Листьями прикрыли не только части ихъ собственнаго тѣла, которыя стали казаться имъ позорными; но и себя самихъ скрыли въ листьяхъ-же дерева, и отъ кого, отъ чего скрыли? Отъ лица Господа Бога! отъ всевѣдѣнія и всевидѣнія Божія!

Чувствуете-ли, въ какую бездну мрака и какъ глубоко они пали! Такъ глубоко они упали въ эту бездну, что само всевѣдѣніе и всевидѣніе Божіе, движимое благодію и любовію, но останавливаемое правдою Божіею, остановилось на краю этой бездны, — по выраженію одного великаго мыслителя, — и воззвало: *Адаме! Гдѣ еси?! Адамъ! Гдѣ ты?!*

Нужно-ли правоученіе? Тряхните совѣстію и вспомните, какъ попали мы въ бездну наиболѣе грызущихъ нашу совѣсть грѣховъ? Скажите, не были-ль они — во-первыхъ, жадное любопытство: что это такое — этотъ запрещенный плодъ? Одна женщина, обокравшая ночью сельскую церковь, высверливъ дверь около замка, рассказывала о своихъ чувствахъ передъ преступленіемъ: „сверлю, кругомъ такъ страшно: а погляжу чрезъ отверстіе внутрь церкви, тамъ и въ темнотѣ кажется свѣтлый рай Божій, такъ тебя туда и тянетъ“. Тоже и во всякомъ преступленіи: сзади и кругомъ страшно, но тамъ рай Божій, ай, какъ хорошо! Тутъ забывается и о Богѣ, и о совѣсти, и о воздаяніи на небѣ и на землѣ. Всѣ грѣшны! На людяхъ и смерть красна. Всѣ грѣшатъ, зачѣмъ и намъ отставать? Вмѣстѣ съ людьми жить, вмѣстѣ и пропадать. А вкусили плода запрещеннаго, — и отверзаются очи, и видятъ: Боже! Какъ мы наги передъ совѣстію! Какіе мы жалкіе! Куда-бы спрятаться хоть отъ себя самого? Да вотъ въ листвіе раз-

ныхъ самоизвиненій и самооправданій, въ листвіе пересудовъ о чужихъ грѣхахъ. И другіе грѣшны, да и по-больше насъ грѣшныхъ; вотъ и отрадно, вотъ и облегченіе собственной совѣсти. А и не слышимъ, что самъ Богъ стоитъ надъ мрачною бездною, въ которую мы низпали, и вглядываясь въ нее съ жалостію, жалостливо, но и укорно зоветъ къ намъ: *Адаме! Гдѣ еси?! Адамъ, гдѣ ты, отзовись...* Аминь.

ПОУЧЕНІЯ

ОСЛѢДСТВІЯХЪ ПАДЕНІЯ ПЕРВЫХЪ ЧЕЛОВѢКОВЪ.

Поученіе 1-е.

И вражду положу между тобою и между женою, и между съменемъ твоимъ и между съменемъ твоемъ: Той твою блюсти будешь главѣю, и ты блюсти будешь его пятѣю.
Быт. 3, 15

Измѣ-же кончилась исторія паденія первыхъ человѣковъ? Она не кончилась и не кончится во вѣки вѣковъ ни для Адама, ни для потомства его, ни даже для обѣтованнаго Сѣмени его, для Искупителя міра. Разъ совершенный первый Адамовъ грѣхъ имѣетъ вѣчное значеніе для человѣчества, для вселенной, для самаго Бога. Обнять умомъ слѣдствія перваго паденія невозможно, если этотъ умъ ограниченный не божественный. А въ одной бесѣдѣ невозможно обнять и то, что въ этомъ предметѣ постигаетъ ограниченный умъ, даже нашъ скромный умъ.

Мы теперь укажемъ только то, какіе первые слѣды обнаружались по паденіи человѣка, и расположимъ наше слово по руководству слова Божія, по библіи.

Въ смятеніи совѣсти почувствовалъ нужду скрыть свою преступность отъ правды Божіей, а въ помраченіи ума укрывъ свою грѣховную срамоту въ листьяхъ дерева, Адамъ и Ева слышали гласъ Го-

спода Бога, ходящаго въ раю по полудни. По невѣдомымъ намъ, но по привычнымъ имъ признакамъ они ощутили особенную близость Божію, особенное присутствіе Господа Бога около себя въ раю, около полудня. Дневной зной произвелъ тишину въ природѣ, но не въ сердцахъ первыхъ преступниковъ воли Творца. Сердца эти крѣпко тревожились и возбуждали внѣшнее душевное чутье прислушиваться въ страхъ, что изъ всего этого выйдетъ. Богъ приближается... Увы! не радостью вздрогнули эти сердца, а стыдомъ и трепетомъ. Преступники глубже прячутся отъ Бога въ тѣни древесныхъ листьевъ, во мракъ мятущейся самоосуждающей и самооправдывающей совѣсти. Въ противныя стороны движимое милосердіемъ, зовущимъ къ покаянію, и правдою, готовою покарать, Божіе всевѣдѣніе издаетъ антиномически-странный для мысли человѣческой, понятный только для углубляющагося ума вопль: „Адаме! гдѣ еси?! Адамъ! ужели ты скрылся, отъ Меня, отъ моей любви, отъ моего всевѣдѣнія, отъ моей правды скрылся...? И въ листьяхъ дерева скрылся,—думаешь, листья тебя заступятъ отъ Меня!? Такъ глубоко ты палъ!? Даже мои свѣтлыя очи затрудняются проникнуть во мракъ бездны, въ которой ты очутился; затрудняются потому, что отвращаются съ омерзѣніемъ... Гдѣ ты Адамъ?! Встань, подымись, приблизься, покайся“!!—Увы! Первый грѣхъ дѣлаетъ въ Адамѣ свое дѣло—плодитъ другіе грѣхи. Адамъ не кается, Адамъ объясняется, съ Богомъ объясняется и извиняется, объясняетъ свое странное поведеніе, какъ естественное, извиняетъ свою вину, какъ невольную,—онъ долженъ былъ такъ поступить и не могъ иначе поступить. Адамъ отвѣчаетъ: „голосъ твой я слышалъ, что Ты ходишь въ раю, и убоился, потому что я нагъ, и скрылся“. Отчего-же убоился, а не попрежнему стремился, какъ сынъ къ Отцу? Откуда-же это сознание позора наготы и порывъ убѣжать и скрыться отъ Бога?! И Господь Богъ вѣщаетъ: „кто возвѣстилъ тебѣ, что ты нагъ? Вѣдь прежде ты этого не зналъ. Не оттого-ли это, что ты ѣлъ отъ древа, отъ котораго одного Я заповѣдалъ тебѣ не вкушать плодовъ, а ты отъ него вкусилъ?“ Согрешихъ, Отче, на небо и предъ Тобою,—оставалось Адаму сказать. Но увy! Онъ извиняетъ себя,—этого мало; онъ обвиняетъ въ своемъ грѣхѣ другихъ,—кого? Ближайшее къ себѣ родное существо—жену, ее выдаетъ головою,—этого мало; самого Бога винить; а не виноватъ въ грѣхѣ его только одинъ, это онъ самъ, Адамъ, а все прикосновенное къ нему повинно, начиная съ самого

Бога! И говоритъ Адамъ: „жена, которую Ты далъ со мною, та мнѣ дала отъ древа, и я ѣлъ“. Это значило: я не согрешилъ-бы, если-бъ Ты, Боже, не далъ мнѣ жену; я не согрешилъ-бы, если-бъ она не была такъ близка ко мнѣ—плоть отъ плоти и кость отъ кости моей,—она мнѣ дала плодъ запрещенный, она хотѣла, чтобъ я ѣлъ, съ нею, Господи, и взыщи, а съ меня что спрашивать? Вѣдь Ты-же ее создалъ, и изъ-за нея я все потерялъ. Видите-ли, что всѣ движенія смятеннаго сердца перваго грѣшника не поражаютъ рыцарскимъ благородствомъ? Все это,—сказать-бы на современномъ языкѣ,—низко до противности! Господь Богъ отвернулся отъ Адама и рече Господь Богъ женѣ: „что сіе сотворила еси?! Ты виновата, покайся, сознайся“. —Нѣтъ, Господи, не виновата и я. И рече жена: „зміи прельсти мя и ядохъ,—зміи виноватъ, онъ прельстилъ, обманулъ, онъ говорилъ такіа хорошія слова, что я устремила къ хорошему, хотѣла лучшаго, что естественно,—но виновата-ль я, если онъ меня обманулъ! Вѣдь я не всевѣдущая!“—А ни словомъ не касается того, зачѣмъ-же она повѣрила змію, не повѣрила мужу и Богу,—повѣрила, что Богъ завистливъ, обязательной любви къ Богу предпочла свою ничтожную прихоть и гордо задумала сравняться съ Богомъ.—Змію уже не говоритъ Господь Богъ: зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Зміи отчетливо зналъ то, что онъ творилъ; онъ богоненавистникъ, онъ челоуѣкоубійца бѣ искони. Что сотворилъ? То и сотворилъ, что сотворилъ: хотѣлъ погубить челоуѣка и погубилъ, дѣло Божіе погубилъ; хотѣлъ оскорбить Бога, и оскорбилъ, разрушилъ Его божественный творческій планъ. Не къ чему и спрашивать. Не вызывая змію къ сознанию вины, для него уже невозможному, Господь Богъ прямо уже изрекаетъ приговоръ змію,—змію сперва какъ животному, послужившему орудіемъ для погубительнаго дѣла: *яко сотворилъ еси сіе, проклятъ ты отъ всѣхъ скотовъ и всѣхъ змѣй земныхъ...* За что-же Богъ казнить невинную тварь, вѣдь она невиновата? Невиновата въ дѣлахъ челоуѣка и вся земля; однакоже и она проклята Богомъ въ дѣлахъ челоуѣка, чтобы служить не только печальнымъ памятникомъ челоуѣческаго грѣхопаченія, но и казню за грѣхъ. Затѣмъ изрекаетъ Богъ приговоръ змію, какъ діаволу... Обратите вниманіе на это изреченіе, полное наиглубочайшаго божественнаго смысла. Это изреченіе носитъ имя *первоевангелія*, потому что оно было первымъ благовѣстіемъ искупленія, изреченнымъ устами самого Бога.

Говорить Господь Богъ змію діаволу, предопредѣляя дальнѣйшую судьбу его и отношеніе къ человѣку и къ Богочеловѣку: *и вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ твоемъ: той твою блюсти будетъ главу, и ты блюсти будешь его пяту.* Помните, мы сказали, что это изреченіе полно глубочайшаго многосторонняго смысла, и вдумайтесь. *Положу*, устрою, допущу, направлю Я, Господь Богъ, *вражду*, войну, брань, — между кѣмъ и кѣмъ вражду? Между *тобою*, змѣемъ діаволомъ, и между *женою*, Евою и пречистою дѣвою Богородицею, и *между сѣменемъ твоимъ*, сѣменемъ змія — всѣми змѣями, сѣменемъ сатаны — всѣмъ сонмомъ злыхъ людей, сѣменемъ самаго зла, разлитаго во вселенной, и *сѣменемъ той жены*, Евы, всѣмъ человечествомъ, порожденнымъ отъ Евы, частіе — всѣмъ сонмомъ добрыхъ людей, всѣмъ сѣменемъ добра, осуществляемаго человечествомъ, сѣменемъ Дѣвы Маріи Богородицы, Искупителемъ человѣковъ, Іисусомъ Христомъ. *Той твою блюсти будетъ главу...* Кто Той? Сѣмь Дѣвы Маріи, Господь Іисусъ Христосъ будетъ блюсти главу змія діавола, чтобы ее раздавить пятою; сѣмь добра будетъ блюсти главу зла, чтобы ее раздавить въ мірѣ; сѣмь добрыхъ людей, чтобы одолѣть міровое зло; сѣмь Евы, все человечество, будетъ блюсти главу змія діавола, чтобы побороть его. *И ты блюсти будешь его пяту.* — Ты, змій — діаволъ, будешь блюсти — подстерегать пяту, чтобы ее ужалить, чтобы черезъ пяту вылить свой ядъ въ цѣлое тѣло, — чрезъ пяту — чрезъ самыя низшія чувственныя человѣческія склонности. Представимъ теперь цѣльную міровую картину, освѣщаемую первовангеліемъ; она будетъ картиною жизни всего человечества и всего божественнаго домостроительства нашего спасенія.

Вотъ змій діаволъ подползъ къ безпечной Евѣ и вылилъ въ нее свой ядъ, ужаливъ ее въ пяту, въ чувственныя ея склонности, въ порывы легкомыслія и гордости. Вотъ у змія сатаны сѣмь — его клеветы діаволы и ихъ порожденіе, зло. Это сѣмь воюетъ съ сѣменемъ Евы, съ человечествомъ. Змій жалитъ все человечество въ пяту, въ низшія, большею частію, плотскія склонности; оттуда чрезъ пяту ядъ зла разливается смертельною заразою по всему тѣлу человечества; человечество въ единицахъ и во всей совокупности гибнетъ, но гибнетъ, борясь со зломъ, съ представителями зла на землѣ, съ самимъ источникомъ смертоноснаго яда сатаною, чтобы по возможности побороть его.

Но одолѣть его человечество, все пораженное смертоноснымъ ядомъ, безсильно. По преемству сѣмени отъ первоматери Евы раждается вожделѣнная всему человечеству Дщерь, Дѣва Марія, пронареченная Матерь обѣтованнаго Сѣмени, Богочеловѣка Іисуса Христа. Змій и здѣсь съ своимъ жаломъ, какъ только родилось это святыхъ святѣйшее Сѣмь, Младенецъ Іисусъ. Еслибъ Іисусъ былъ человѣкъ, родившійся естественно, то ядъ сатаны поразилъ-бы и Его смертію временною и вѣчною. Но Іисусъ былъ сынъ пречистой Матери отъ Духа Свята, чистой отъ всякой скверны. Ядъ грѣха поражалъ Его только своими послѣдствіями, немощами и болѣзнями тѣлесными, но безсильнъ былъ отравить Ему душу своимъ существомъ. По Божію предопредѣленію, попущено яду змія поразить Богочеловѣка Іисуса даже до смерти... Но смерти только временной. Это было, по священно-таинственному изреченію, богохитростное льщеніе. Тутъ-то въ нѣдрахъ смерти и ада, обѣтованное Сѣмь и наступило на голову змія, змія древняго, діавола — сатаны; наступило, чтобы окончательно ее растереть...

Припомните здѣсь пасхальную пѣснь: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ*, или по старинному напѣву: *смертію на смерть наступивъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ*. Эта пѣснь и имѣетъ именно тотъ смыслъ, который мы выясняемъ, — смыслъ первовангелія. Пораженный змѣинымъ ядомъ Христосъ умеръ по плоти; но именно посредствомъ собственной тѣлесной смерти, Онъ наступилъ на голову смерти, на голову ея виновника, челоукоубійцы змія и, наступивъ, поправъ главу змія своею побѣдною пятою; послѣ чего, воскресши самъ, даровалъ жизнь всѣмъ, сущимъ во гробѣхъ, всѣмъ пораженнымъ змѣинымъ ядомъ, всѣмъ ужаленнымъ его жаломъ...

Помните-же, что и мы — сѣмь Евы съ одной стороны, сѣмь Христово съ другой. Помните, что и въ каждомъ изъ насъ идетъ вражда, совершается борьба сѣмени добра съ сѣменемъ зла, какъ и во всемъ человечествѣ, какъ и во всемъ мірѣ. Помните, что и за каждымъ изъ насъ, скрытно и коварно, ползаетъ змій искушитель; онъ норовитъ впустить свое жало въ нашу пяту, въ наши немощныя склонности, въ нашу чувственность, въ нашу жадность, въ наше легкомысліе, въ наше любопытство — желаніе самимъ переиспытать все, переиспытанное человечествомъ, въ нашу гордыню — возстаніе на Бога и Слово Его, на Его посланниковъ и преданія ихъ, преданія и заветы святоотеческіе. Змій ужалилъ насъ незамѣтно, и будто сперва не больно,

даже какъ будто пріятно, но ядъ заразить собою всю кровь, поразить смертельно весь духовный строй нашъ... Тутъ-то и нужно возвести очи горѣ, какъ еврей, уязвляемые зміями, возводили очи горѣ къ мѣдному змію, вознесенному Моисеемъ въ пустыни, — возводитъ очи къ обѣтованному Сѣмени, распятому на крестѣ и смертію смерть поправшему, и вопить воплемъ погибающихъ: *Господи! Спаси ны, погибаетъ...* О Господи, спаси-же. О Господи, поспѣши-же, да не погибнемъ до конца. Аминь.

1877 г.

Поученіе 2-е.

*Яко единъ челоуѣкъ грѣхъ въ міръ
вниде и грѣхъ смерть, и тако смерть во
вся челоуѣки вниде, въ немже вси согрѣшиха.*
Рим 5, 12.

Первымъ виновникомъ перваго грѣха первыхъ людей былъ змій — дѣволъ, ему первому и первый грозный приговоръ праведнаго Судіи. Ева была второю виновницею грѣха; къ ней-то теперь сряду послѣ змія обращается карательный, карательно милующій голосъ праведнаго и милосердаго Бога Творца и Отца и Спасителя. И женѣ Господь рече: *умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя; въ болѣзняхъ родиши чада, и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ.* Первый грѣхъ повлекъ за собою и общее наказаніе для всѣхъ людей, о которомъ мы сейчасъ скажемъ. Но этимъ приговоромъ Господь назначилъ исключительное наказаніе за грѣхъ женѣ и всѣмъ женамъ. *Азъ Господь Богъ умножая умножу печали твои и воздыханія твои, скорби и страхи въ беременности твоей; въ изнурительной и тяжелой болѣзни ты будешь рождать дѣтей; и будетъ тебѣ присуще постоянное соединенное со страхомъ влеченіе къ мужу твоему, и тотъ будетъ господствовать надъ тобою.* Этотъ карательный приговоръ показываетъ, что до грѣхопаденія отношенія между Адамомъ и Евою были нѣсколько иныя: это были отношенія или совершеннаго равенства до тожества, или-же кромѣ того въ сердцѣ Адама лежало еще чувство особой почтительности къ Евѣ,

какъ къ послѣднему совершеннѣйшему созданію Божію. Теперь быть челоуѣка падшаго и отношенія его къ другимъ, безъ сомнѣнія, представляютъ только развалину быта райскаго. Теперь въ настоящемъ строѣ нашей жизни мы усматриваемъ гармонію жизни райской, только какъ сквозь тусклое стекло. Глядя на райское житіе сквозь тусклое стекло настоящаго нашего разумѣнія, о гармоніи чувствъ между невинными Адамомъ и Евою мы можемъ гадать отчасти по слѣдующимъ словамъ св. апостола Петра: *мужіе! купите живите съ своими женами по разуму, воздающе сосуду женскому честь, какъ немоцнѣйшему, какъ болѣе слабому и хрупкому сосуду, тѣмъ болѣе, что вы и сопослѣдники съ ними благодатныя жизни* (1 Петр. 3, 7). Настоящія-же, ставшія естественными по грѣхопаденіи, отношенія между мужемъ и женою, изображены въ слѣдующемъ наставленіи св. апостола Павла, которое и читается при браковѣнчаніи: *жены, своимъ мужемъ повинуйтесь, якоже Господу: зане мужъ глава есть жены, якоже и Христосъ глава церкви.* Мужіе, любите своя жены, *якоже и Христосъ возлюбилъ церковь.* Тако должны сущъ мужіе любить своя жены, *яко своя тѣлеса.* Кійждо — каждый изъ васъ свою жену пусть любитъ такъ, какъ и себя, а жена да боится своего мужа. И сколько-бы ни ратовали мудрецы вѣка за такъ называемую эмансипацію другаго пола, сколько-бы ни воинствовали сердца самаго этого пола, за большую свою свободу, приговоръ Божій, изреченный грѣшницѣ Евѣ, сталъ закономъ природы, которую люди безсильны пересоздать: всему существу жены присуща соединенная съ любовію страшливость въ отношеніи къ мужу. И вырывать ее изъ сердца значило-бы не только возставать на законъ Божій, но и растлѣвать природу. Безъ сомнѣнія, и чадородіе въ раю, для невинныхъ людей, по первоначальнымъ планамъ Творца, ограждено было иными условіями. О настоящемъ чадородіи говоритъ Христосъ Спаситель: *жена, егда рождаетъ, скорбѣ имать, яко прииде годъ ея, насталъ ея часъ; егда же родитъ отроча, не помнитъ скорби отъ радости, что вотъ родился челоуѣкъ въ міръ* (Іоан. 16, 21). Говорятъ по опыту, что это самая высокая изъ земныхъ радостей — радость матери, родившей челоуѣка въ міръ, родившей свое собственное дитя, свое продолженіе, второе свое я. Вотъ, видно, эта-то радость чадородія и была предопредѣлена Творцомъ для матерей невинныхъ до грѣхопаденія, — глубочайшая радость безъ всякой примѣси

тревогъ, страховъ и невыразимыхъ болѣзней, которыя такъ часто оканчиваются и смертію. Оттого-то теперь чадородіе составляетъ сколько назначенную Творцомъ задачу, для которой существуетъ другой полъ въ общей своей совокупности, столько-же и самую естественную и спасительную заслугу женщины: *спасется жена*, — учитъ св. апостолъ Павелъ, — *ради чадородія, если пребудетъ въ вѣрѣ и любви во святыхъ съ цѣломудріемъ*. Вотъ назначеніе женщины, вотъ прямая заслуга ея въ жизни предъ Богомъ и человѣчествомъ: чадородіе, соединенное съ трудами, съ болѣзнями, съ смертною опасностію всегда, съ необходимостью питать и воспитывать дитя въ первые дни, въ первые годы по рожденіи со всею суммою этихъ безсонныхъ ночей надъ колыбелью дитяти, этихъ страданій не только своими болями, но и болями младенца, его криками, его томленіями, его нерѣдко предсмертною агоніею, которую почти всякая мать скорѣе согласилась-бы вынести на себѣ, чѣмъ видѣть на своемъ порожденіи. Чадородіе — заслуга, хотя и естественная, но естественно требующая и самага высокаго самоотверженія, почему апостолъ и усволяетъ ей заслугу и вѣчнаго спасенія, только въ соединеніи съ общими христіанскими условіями спасенія: *спасется жена чрезъ чадородіе, если при этомъ пребудетъ въ вѣрѣ и вѣрности, въ любви семейной и общей христіанской чистотѣ нравовъ съ цѣломудріемъ*.

И Адаму рече Богъ: *яко послушалъ еси гласа жены твоея и ялъ еси отъ древа, еюже заповѣдахъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него ялъ еси: проклята земля въ дѣлахъ твоихъ... Въ потѣ лица твоего съищи хлѣбъ твой, дондеже возвратишься въ землю, отъ неяже взятъ еси: яко земля еси, и въ землю отидеши*. Въ этомъ приговорѣ обнаруживается, что наказаніе за грѣхъ было естественнымъ слѣдствіемъ грѣха и точнымъ ему соотвѣтствіемъ. Но вотъ его смыслъ по нашему разумѣнію: ты послушалъ гласа жены твоея и не послушалъ гласа Божія; Богъ говорилъ тебѣ: смертію умрешь, когда вкусишь отъ запрещеннаго древа; а жена говорила: вкушай, будешь, яко Богъ безсмертный, вѣдая доброе и лукавое, вѣдая все; — тебѣ дарованы были въ твою волю всѣ блага райскія, въ покорность тебѣ приведена была вся природа, Богъ запретилъ тебѣ вкушать только отъ древа познанія добра и зла, одно только древо изъялъ изъ твоей власти, чтобы напомнить тебѣ о твоей ограниченности, чтобы испытать твою покорность; но ты захотѣлъ быть обладателемъ всего,

захотѣлъ быть равенъ Богу, повѣрилъ діаволу, что Богъ завистливъ, возсталъ на Бога и оскорбилъ Его безконечно, — разорвалъ съ Нимъ свой союзъ, и какъ глава природы разорвалъ естественный союзъ и самой природы съ Богомъ, источникомъ жизни и всякаго блага. Такъ вотъ же: не ты проклятъ, въ тебѣ есть еще остатокъ добра, которое нельзя проклинать, но проклята земля за тебя и для тебя, проклята въ дѣлахъ твоихъ; чрезъ нее и тебя будетъ преслѣдовать проклятіе вмѣсто райскаго благословенія; вмѣсто того, чтобы счастливо наслаждаться райскимъ обиліемъ, теперь ты со скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей; вмѣсто райскихъ деревьевъ и плодовъ, она произраститъ тебѣ тернія и волчцы, и будешь питаться полевою травою; вмѣсто того, чтобы въ покоѣ и веселіи сердца воздѣлывать и хранить рай, въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой; вмѣсто того, чтобы вкушать отъ древа жизни и быть безсмертнымъ, теперь ты въ уреченное время возвратишься въ землю; захотѣлъ быть, Богомъ и отпалъ отъ Бога — источника жизни. Ты забылъ, что цѣлою половиною своего естества ты прахъ, теперь и возвратишься въ прахъ: земля еси, и въ землю отидеши.

И сказалъ Господь Богъ въ единствѣ своего тріпостаснаго естества: „*вотъ Адамъ сталъ, какъ одинъ изъ насъ, зная добро и зло; онъ былъ и сперва, какъ одинъ изъ насъ по образу нашему и по подобію, чистый и святой, ограниченный, но предназначенный къ вѣчному усовершенствованію; онъ захотѣлъ стать сразу, яко Богъ, вѣдая все, и добро — какъ волю Божію, и зло — какъ отрицаніе воли Божіей, захотѣлъ ограниченнымъ опытомъ дознать, что Богъ знаетъ всевѣдніемъ, и дозналъ, и отпалъ отъ добра — источника жизни и блага, и теперь станетъ развиваться во злѣ; теперь онъ умеръ духовно, и станетъ глубже и глубже ниспадать на дно ада, поэтому для него вредно и тѣлесное безсмертіе; и нынѣ какъ-бы онъ не простеръ руки своей, и не взялъ также, какъ и прежде, отъ древа жизни, и не вкусилъ, и не сталъ жить вѣчно*“. И изринулъ его Господь Богъ изъ сада едемскаго, чтобы воздѣлывать землю, изъ которой онъ взятъ. И изгналъ Адама и поставилъ у сада едемскаго херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь къ древу жизни.

Вотъ какъ мы должны представлять всю совокупность послѣдствій перваго грѣха. Рай имѣлъ двойственное значеніе, чувственно-духовное, былъ началомъ жизни небесной на землѣ, былъ связью

земли съ небомъ. Адамъ былъ единство двухъ естествъ, небесно-духовнаго и тѣлесно-земнаго, но съ существеннымъ господствомъ духовнаго надъ плотскимъ. Будучи главою земной природы, онъ составлялъ въ себѣ связь природы съ Богомъ Творцомъ. Смертный по тѣлесной природѣ, онъ могъ вкушать отъ символическаго древа жизни, бывшаго образомъ и прообразомъ Сына Божія Спасителя міра, и быть безсмертнымъ по тѣлу, пока не одухотворился-бы до болѣе полного перехода въ сферы небесныя. Древо познанія добра и зла было символомъ человѣческой ограниченности, было сдерживающею машиною, маятникомъ въ часахъ, ключемъ неба и ада, источникомъ разрыва между добромъ и зломъ. Адамъ вкусилъ отъ плода запрещеннаго и произвелъ этотъ роковой разрывъ. Произвелъ разрывъ между собою и Богомъ. Произвелъ разрывъ въ своемъ собственномъ существѣ, между естествомъ духовнымъ и тѣлеснымъ, съ подчиненіемъ перваго, духовнаго чувственному. Произвелъ разрывъ между Богомъ и видимою природою, такъ какъ былъ первымъ звеномъ, связующимъ землю съ небомъ. Произвелъ разрывъ первобытной гармоніи между собою, какъ царемъ природы, и прежде подчиненною ему природою. Отсюда приговоръ отверженія отъ Бога, смерть вѣчная и временная. Отсюда омертвѣніе духовнаго челоѣка и омраченіе духовнаго зрѣнія. Отсюда крайне ограниченный остатокъ духовной силы проникать въ небо и закрытіе рая для разбитаго челоѣческаго чувства. Отсюда потеря полного господства надъ внѣшнею природою и возстаніе этой природы на челоѣка. Отсюда обладаніе въ челоѣкѣ грѣховной стороны надъ жалкими остатками добра, — отсюда тройственная похоть: похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская. Отсюда рабство и служеніе сатанѣ. Отсюда порча всей природы челоѣка, всѣхъ силъ, способностей и законовъ ея, въ томъ числѣ порча первозданнаго закона, первобытной силы и способности продолженія рода. Отсюда и первородный грѣхъ, который, какъ естественная наслѣдственная порча челоѣческой природы, передается отъ прародителей потомству, отъ родителей дѣтямъ, отъ первыхъ челоѣковъ всему челоѣчеству. Это всеобщій законъ природы. „Собираютъ-ли съ терновника виноградъ“, — учитъ Христосъ Спаситель, — или съ репейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые. Не можетъ дерево доброе принести плоды худые, ни дерево худое принести плоды добрые (Матѣ. 7, 16—18).

Посему учить св. апостоль, Павелъ, какъ однимъ челоѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть, — такъ и смерть, вмѣстѣ съ грѣхомъ, вмѣстѣ съ порчею природы, перешла во всѣхъ челоѣковъ, потому что въ Адамъ мы всѣ согрѣшили. . Зачѣмъ-же это? Вѣдь это несправедливо? Вѣдь мы не согрѣшали въ Адамѣ? Нѣтъ, согрѣшили, мы всѣ были въ немъ; а если-бы были и внѣ его вмѣстѣ съ нимъ, непременно согрѣшили-бы такъ-же, какъ и онъ, и по собственной волѣ и по предопредѣленію. Это предопредѣлено. Это таинственный планъ божественнаго домостроительства... Ибо если преступленіемъ одного, — объясняетъ эту тайну апостоль (Рим. 5, 15 — 17), подверглись смерти многіе, то тѣмъ болѣе благодать Божія, чрезъ одного челоѣка Іисуса Христа, преизбыточествуетъ для многихъ. Ибо если преступленіемъ одного смерть царствовала посредствомъ одного, — то тѣмъ болѣе приѣмлющіе обиліе благодати и даръ праведности будутъ царствовать въ жизни посредствомъ единаго Іисуса Христа. Аминь.

1877 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю святыхъ отецъ (1880 года).

О КАИНѢ И АВЕЛѢ.

Гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли. Быт. 4, 10.

Настали дни приготовленія къ срѣтенію Христа раждающагося, грядущаго съ небесъ на землю. Приготовляя насъ къ сему великому празднику, св. церковь хочетъ, чтобъ мы вспомнили святыхъ праотцевъ, и богоотцевъ, отъ которыхъ произошелъ по плоти грядущій воплотитися на земли Христосъ Господь нашъ.

Говорятъ о проповѣдникѣ: „что онъ толкуетъ намъ, начиная отъ Адама? Эти исторіи мы учили еще въ дѣтствѣ“? — Учили въ школахъ по школьному, и забыли. Теперь выслушайте въ церкви по церковному;

вникните въ библейское повѣствованіе, полное глубочайшаго содержанія и назиданія; всмотритесь въ библейскіе типы, начертанные рукою боговидца Моисея, по внушенію Духа Божія. Въ этихъ типахъ увидите назидательнѣйшіе типы обще-человѣческой жизни. Вспомните вотъ образы Каина и Авеля. Одинъ мрачный братоубійца; другой кроткій агнецъ, кровь котораго пролита рукою брата. Развѣ нѣтъ между нами Каиновъ и Авелей? Или, смягчимъ нашъ вопросъ. Мы конечно пигмеи сравнительно съ этими библейскими колоссами, съ этими типическими личностями. Развѣ нѣтъ ни въ комъ изъ насъ ничего каинитскаго, ничего авелевскаго? Даже еще ближе къ дѣлу: развѣ нѣтъ въ каждомъ изъ насъ смѣшенія чертъ каинитскихъ съ авелевскими? О семъ и размыслимъ.

Библейское повѣствованіе о Каинѣ и Авелѣ начинается тѣмъ, что оба они приносятъ жертву Богу. Каинъ приноситъ отъ плодовъ земли, а АVELЬ отъ первородныхъ стада своего и отъ тука ихъ. Спрашивается, откуда появились оба эти рода жертвъ. Въ этомъ случаѣ о двоякаго рода жертвахъ упоминается въ библіи въ первый разъ. Толковники полагаютъ, что оба эти рода жертвъ, особенно-же второй, съ самаго начала, установлены самимъ Богомъ. Извѣстно, что Адамъ и Ева, тотчасъ по грѣхопадѣніи, почувствовали, что лишились первобытной чистоты, что обнажились благодати Божіей. А почувствовавъ наготу всего существа своего, оскверненнаго грѣхомъ, они сотворили себѣ препоясаніе изъ листьевъ древесныхъ, чтобы прикрыть свой стыдъ. Они закрывали препоясаніями наготу своего тѣла; но грызущая совѣсть указывала нужду прикрыть собственно стыдъ и позоръ души. Явившись къ виновнымъ, праведный, но и милующій Богъ изрекаетъ имъ наказаніе; но въ ту-же минуту изрекаетъ и обѣтованіе перво-евангелія. *Змію рече Богъ: вражду положу между тобою (зміемъ) и женою (праматерією Евою и пренепорочною дочерію Евы пречистою Приснодѣвою), между стѣменемъ твоимъ (сѣменемъ зла) и стѣменемъ тоя (сѣменемъ добра). Той (корень всякаго добра, обѣтованный Искупитель міра) сокрушитъ твою главу (главу змія), а ты (змій) будешь блюсти Его плету (будешь жалить Его тѣло, Его церковь, въ наиболѣе немощную часть человѣчества). Короче, въ первоевангеліи изречено было, что бусующій Искупитель міра пролитіемъ своей крови и собственно смертію сокрушитъ главу змія. Проречено, что искупленіе грѣшнаго человечества совершится крестною жертвою Сына Божія. Полагаютъ, что при*

этомъ-же внушено было Адаму приносить и жертвы, во-первыхъ, кровавыя; внушено именно закалать въ жертву Богу жертвенныхъ животныхъ, закалать не потому, чтобы кровь козля или тельчая могла очищать грѣхи, а потому, что человѣкъ, закалая въ жертву овца или козля и принося ее Богу, тѣмъ выражалъ предъ Богомъ чувство своей признательности Ему за всѣ дары Его, чувство своей зависимости отъ Него, чувство своей неоплатной виновности предъ Нимъ; выражалъ сокрушенную мысль, что самъ человѣкъ, за свою вину предъ Богомъ, заслуживаетъ казни еще большей, чѣмъ какой подвергается рукою человѣка эта невинная жертва, страдающая за человѣческій грѣхъ; выражалъ, наконецъ, вѣру, что отъ грѣха, проклятія и смерти спасетъ человѣка окончательно великая жертва обѣтованнаго Избавителя; а вмѣстѣ съ тѣмъ возносилъ и молитву, чтобы Богъ принялъ дымъ сожигаемой жертвы въ воню благоуханія. Полагаютъ, что Адамъ, получивъ въ откровеніи заповѣдь Божию о кровавой жертвѣ, сейчасъ-же и принесъ ее. А изъ кожъ закланныхъ и сожженныхъ жертвенныхъ животныхъ самъ Господь Богъ сотворилъ Адаму и женѣ его ризы кожаныя, и *облече ихъ*. Сопоставьте это съ тѣмъ, что тотчасъ по грѣхопадѣніи Адамъ и Ева прикрываютъ наготу тѣла и духа своего препоясаніями изъ листьевъ; по первоевангеліи-же и по первой жертвѣ Богъ прикрываетъ ихъ наготу ризами жертвенныхъ животныхъ. Это значило, что умиловительная жертва закрываетъ предъ очами правды Божіей нашу вину. Въ томъ-же смыслѣ и говорится въ библіи многократно, что Богъ обоня воню благоуханія сожигаемой жертвы. Дымъ сожигаемаго животного тѣла пахнетъ очень тяжело; но здѣсь разумѣется благоуханіе духовное, благоуханіе высшее таинственное, съ одной стороны благоуханіе молитвы кающагося человѣка, а съ другой — благоуханіе святѣйшей жертвы, принесенной на крестъ за вину человѣка невиннымъ, святѣйшимъ святымъ, обѣтованнымъ Искупителемъ. Такъ произошли кровавыя жертвы. Кровавая жертва установлена Богомъ, какъ прообразъ кровавой крестной жертвы.

Съ жертвами кровавыми тѣсную связь и тоже самое въ родѣ, хотя и съ нѣкоторымъ отлѣнкомъ разновидности, значеніе имѣли и безкровныя жертвоприношенія, приношенія отъ плодовъ земли, отъ произрастеній. Такъ значеніе этихъ жертвъ впервые разъясняетъ Израиллю самъ Господь чрезъ раба своего Моисея: *наблюдай праздники жатвы первыхъ плодовъ труда твоего, какіе ты съялъ на полѣ, и празд-*

никъ собирая плоды (древесныхъ и иныхъ) въ концѣ года, когда уберешь съ поля работу твою. Начатки плодовъ земли твоей принеси въ домъ Господа Бога твоего. Служите Господу Богу вашему, и Онъ благословитъ хлѣбъ твой и вино твое и воду твою и отвратитъ отъ васъ болѣзни, и число дней вашихъ содѣлаетъ полнымъ (Исх. 23, 16—26). Конечно и эти жертвы приносились Богу во имя единой обѣтованной крестной жертвы; и Богъ принималъ ихъ въ воню благоуханія потому, что предъ Нимъ вѣчно благоухала единая всеумилостивляющая жертва Сына Его. Но безкровныя жертвы не такъ прямо указывали на крестную жертву, какъ жертвы кровавыя. Принося въ жертву Богу начатки плодовъ земныхъ, человекъ выражалъ предъ Богомъ свою зависимость отъ Него, свою благодарность Ему за Его дары и просилъ себѣ благословенія Господня и на будущее время, на все продолженіе своей земной жизни. А Богъ съ своей стороны привязывалъ къ этимъ жертвамъ свои обѣтованія и благословенія, во-первыхъ, на временную жизнь человека, что Онъ благословитъ и хлѣбъ нашъ насущный и вино и воду, и отвратитъ отъ насъ болѣзни и содѣлаетъ на землѣ число дней нашихъ полнымъ. Короче сказать, кровавыя жертвы имѣли преимущественное отношеніе къ временной жизни, а кровавыя къ загробной вѣчной жизни ветхозавѣтнаго человека. Кровавыя жертвы ближе и прямѣе указывали на всемірную крестную жертву, чѣмъ безкровныя.

Теперь смотрите, Авель приноситъ кровавую жертву, а Каинъ безкровную. Въ бытописаніи сказано: *былъ Авель пастырь овецъ* (занимался скотоводствомъ), *а Каинъ былъ земледѣлецъ*. Спустя нѣсколько времени, *Каинъ принесъ даръ Господу отъ плодовъ земли. И Авель также принесъ свой даръ Господу отъ первородныхъ стада своего и отъ тука ихъ*. Внешнею причиною принесенія разныхъ жертвъ могла быть просто разность занятій. Каинъ приноситъ жертву отъ плодовъ земли потому, что былъ земледѣлецъ; а Авель приноситъ жертву отъ скотовъ своихъ потому, что занимался скотоводствомъ. Но могла быть, и безъ сомнѣнія—была, и внутренняя причина разнородности жертвоприношеній. Этою внутренней причиною могло быть то, что помыслы Каина обращены были больше къ землѣ, нежели къ небу, и молитва его была о земномъ. А душа Авеля, предчувствуя свою печальную земную судьбу, стремилась къ небу и молила Бога Отца о ми-

лосердіи къ нему самому и родителямъ и брату и всему роду ихъ въ небѣ и вѣчности.

И призрѣлъ Господь на Авеля и на даръ его; а на Каина и на даръ его не призрѣлъ. Въ чемъ обнаружилось это призрѣніе Божіе, мы не знаемъ. Какъ Каинъ и Авель узнали объ этомъ, намъ неизвѣстно. Въ первобытное время первые люди были ближе къ Богу, чѣмъ мы въ наше время, и чаще удостоивались откровеній Божіихъ, какъ это явствуетъ изъ дальнѣйшей исторіи самаго Каина, съ которымъ Богъ бесѣдовалъ непосредственно. Нужно полагать, было и при этомъ жертвоприношеніи какое-то откровеніе, по которому братья узнали, что на одного изъ нихъ Богъ призрѣлъ, а на другаго не призрѣлъ. *Каинъ сильно огорчился, и поникло лице его. И сказалъ Господь Богъ Каину: почему ты огорчился? И отъ чего поникло лицо твое?* Слушайте, вникните. Не станемъ гадать, отчего онъ огорчился, отчего поникло лицо Каина? Это разъясняетъ самъ Богъ и разъясняетъ съ глубиною мудрости божественной. *Если ты дѣлаешь доброе,—внушаетъ Онъ Каину,—то не поднимаешь-ли лица? А если не дѣлаешь добраго: то у дверей твоихъ грѣхъ лежитъ; онъ влечетъ тебя къ себѣ, влечетъ долу въ пагубу, оттого ты и не поднимаешь лица; но ты господствуй надъ нимъ, надъ грѣхомъ, который ползаетъ у ногъ твоихъ*. Напрасно предостереженіе; тщетенъ зовъ Божія милосердія, Божіей мудрости. Каинъ глубоко огорченъ. Огорченъ горемъ: онъ старшій братъ, и ему предпочтенъ младшій; огорченъ завистію, огорченъ злобою, огорченъ мрачною думою раздавить боль своего сердца. Каинъ безсиленъ поднять лицо, безсиленъ съ покаяніемъ воззрѣть на небо, безсиленъ съ кроткою любовію взглянуть на невинное лицо брата, безсиленъ господствовать надъ грѣшнымъ влеченіемъ, безсиленъ растоптать лежащій у ногъ его грѣхъ и раздавить главу змія, который жалитъ его въ пятау.

И сказалъ Каинъ Авелю брату своему, поидемъ въ поле. И когда они были въ полѣ, возсталъ Каинъ на Авеля, брата своего, и убилъ его. Совершилась первая въ мірѣ смерть, совершилось первое убійство и братоубійство, и братоубійство злѣйшее: злой неправедный братъ убилъ неповиннаго и праведнаго, убилъ по зависти именно за его праведность. Въ то же мгновеніе Богъ зоветъ Каина къ покаянію. *И сказалъ Господь Богъ Каину: гдѣ Авель, братъ твой?* Каинъ въ глубокомъ омраченіи ума и сердца думаетъ самого Бога обмануть,

какъ, вѣроятно, обманулъ своихъ родителей: *не знаю*, — говорить, — *развѣ я сторожъ брату моему? И сказала Господь: что ты сдѣлалъ?! Гласъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли. И нынѣ проклятъ ты отъ земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего отъ руки твоей. Когда ты будешь воздѣлывать землю, она не станетъ болѣе давать силы своей для тебя; ты будешь изнаникомъ и скитальцемъ на землѣ. Стеня и трясыйся будешь на землѣ. И сказалъ Каинъ Господу Богу: наказаніе мое болѣе, нежели снести можно; вина моя вяще, еже оставится ми. Вотъ Ты теперь сгоняешь меня съ лица земли, и отъ лица твоего я скроюсь, и буду изнаникомъ и скитальцемъ на землѣ, и буду стеня и трясыйся на землѣ; и всякій, кто встрѣтитъ со мною, убьетъ меня.* Каинъ сразу почувствовалъ въ совѣсти своей основной законъ человѣческаго правосудія, законъ и Божіей правды: кровь за кровь, око за око, зубъ за зубъ. Онъ пролилъ кровь брата; другіе братья или ихъ потомки должны пролить кровь его собственную. Отсюда-же и древній законъ родового кровомщенія; отсюда исконный общественный законъ соотвѣтственной кары за пролитую кровь. Чувствовалъ Каинъ, что Богъ отгоняетъ его отъ лица своего, изгоняетъ изъ богоизбраннаго племени, изъ ограды церкви Божіей. Чувствовалъ, что и самъ становится отверженникомъ и племя его будетъ отверженнымъ. Чувствовалъ, что со дня братоубійства становится проклятою цѣлью, въ которую всѣ стануть пускать свои стрѣлы; въ которую будетъ разить и Божія правда и человѣческая месть. Но вотъ странно. Казалось-бы, Господу Богу ничего не оставалось изречь Каину на его опасеніе, что ему непременно кто-либо отомститъ за пролитую кровь, непременно кто-либо его самого убьетъ, ничего кромѣ: чтожъ съ этимъ дѣлать! Виноватъ, такъ и казись, — что изречла-бы въ подобныхъ условіяхъ правда общечеловѣческая. Но правда Божія изрекаетъ нѣчто совершенно противоположное. *И сказалъ ему Господь Богъ: не тако; за то всякому, кто убьетъ Каина отомстится всемеро. И сдѣлалъ Господь Богъ Каину знаменіе, чтобы никто, встрѣтившись съ нимъ, не убилъ его. И пошелъ Каинъ отъ лица Господня, стеня и трясыйся.*

Извѣстно, что Каинъ удалился на востокъ отъ Едема въ глубину Азіи, родилъ сыновъ и дочерей, для собственной безопасности сгородилъ первый городъ и произвелъ изъ себя потомство каинитовъ, ко-

торые получили наименованіе сыновъ человѣческихъ въ отличіе отъ сыновъ Божіихъ, потомковъ главнымъ образомъ Сиеа. Каиниты были первыми изобрѣтателями искусствъ и ремеслъ, скоро возобладали надъ потомками всѣхъ прочихъ сыновъ Адама, надъ потомками даже Сиеа; а слившись посредствомъ брачныхъ союзовъ съ сынами Божіими, развратили и сихъ послѣднихъ, такъ что все допотопное человѣчество, кромѣ праведнаго Ноя, стало плотію; Духъ Божій, Духъ животворящій отступилъ отъ нихъ, и всѣ они погибли въ потопѣ. Тѣмъ не менѣе потомство Каина благоденствовало болѣе 2000 лѣтъ; да и самъ онъ, безъ сомнѣнія, умеръ своею смертію. Гдѣ-же правда Божія? Почему это мудрость Божія помѣшала совершиться надъ Каиномъ правдѣ Божіей и общечеловѣческой, чтобы кровь братоубійцы Каина пролилась за кровь невинно убитаго Авеля? Что-же значать, повидимому и безъ сомнѣнія, грозныя слова Божіи Каину: *гласъ крове брата твоего Авеля вопіетъ ко Мнѣ отъ земли?*

Отъ Каина перенесемся къ себѣ самимъ; отъ судьбы хотя и библейскаго, но частнаго лица перенесемся на общечеловѣческую точку зрѣнія и размыслимъ о судьбѣ людской, о своей собственной судьбѣ. Тогда наша судьба объяснитъ намъ долю Каина, а доля Каина прольетъ свѣтъ на нашъ собственный жребій.

Вотъ всѣ мы люди братья по плоти. Всѣ надѣлены отъ Бога, отъ природы, отъ житейской судьбы разными дарами, откуда естественно истекаетъ неравенство человѣческихъ жребіевъ. Въ то же время всѣ мы зачаты въ беззаконіяхъ и рождены во грѣхахъ; всѣ проникнуты ядомъ первороднаго грѣха. Надѣлены мы разными темпераментами, разною отъ природы напряженностію страстей; однако-же всѣ до единого имѣемъ сердце недоброе, отъ котораго происходятъ помышленія злая: убійства, прелюбодѣянія, татбы, лжесвидѣтельства, хулы, обиды, зависть, лихоимство, хищенія, всякая неправда. За каждымъ изъ насъ змѣй ползаетъ сзади, норовя ужалить насъ въ пятую, въ слабую сторону нашего естества, какъ это предсказано было Адаму въ первомъ евангеліи: *той змѣи блости будетъ твоя пятая. У дверей каждаго изъ насъ, — вспомните, какъ сказалъ Богъ Каину: у дверей твоихъ лежитъ, онъ влечетъ тебя къ себѣ, оттого ты и не подни-маешь лица, — такъ и у насъ у каждаго у дверей грѣха лежитъ, онъ природной намъ, онъ прирожденъ нашему естеству, онъ тянетъ, онъ привлекаетъ насъ къ себѣ. Если ты дѣлаешь доброе, — говорилъ Богъ*

Каину, — то не поднимаешь ли лица? Сердцу веселящемуся лице цветет, — вѣщает Премудрый. Пока у человека сердце радостно, эта радость льется изъ вѣхъ чертъ лица. Пока сердце наше чисто, душа непорочна, совѣсть ничѣмъ не встревожена, — вспомните каждый свое невинное дѣтство, — тогда лицо наше поднято; тогда мы смѣло глядѣли каждому въ лицо, какъ и на небо. Стыдиться было нечего; тревогъ душа не знала, или эти тревоги были легкою рябью на зеркальной тихой поверхности воды; совѣсть молчала потому, что была покойна. Впереди манила радостная надежда на счастье жизни, на высокіе подвиги, на честь и славу на землѣ и на небесахъ. Увы!... Грѣхъ и тогда уже лежалъ у порога и манилъ къ себѣ. Мы учились, изучали законъ Божій, прислушивались къ голосу совѣсти, къ голосу Божію, и отворачивали свое лицо отъ красивой лежащей у порога змѣи: да пусть его лежитъ змѣй у нашего порога, онъ насъ не тронетъ, только ты самъ его не трогай, ты господствуй надъ нимъ своимъ равнодушіемъ. Мы и господствовали надъ нимъ, нѣсколько времени, а все-же изъ любопытства и тогда уже поглядывали на него, на ирриные переливы его предъ нашими глазами. А далѣе стали и задумываться о немъ: *красно есть еже видѣти*, — пріятно глядѣть на него. А съ лѣтами разные соблазны стали и возрастать. Пошли и огорченія, послѣдовали искушенія... Лицо наше мало-по-малу насупилось. Неудовлетворенная душа стала пропитываться горечью разочарованія. Кому чего въ жизни, но каждому чего-либо не доставало. Непремѣнно каждый чувствуетъ себя въ чемъ-либо обдѣленнымъ. Кому не доставало даровитости и успѣховъ въ наукахъ; кому семейнаго счастья; кому людскаго уваженія; кому житейскаго достатка. Вѣдь сознаться должно, душа больше или меньше, но положительно огорчается тѣмъ, что у другихъ это есть, а мы обдѣлены; въ чужихъ рукахъ ломоть хлѣба всегда великъ; чужое счастье слѣпиль завистливые глаза, а чужія боли въ насъ не болятъ или чуть-чуть болятъ; даже равенство въ жребіи съ другими насъ не всегда удовлетворяетъ. Кому хочется стоять только въ уровень съ другими? Кому, наоборотъ, не хочется превзойти другихъ? Въ дѣлахъ даже поощряютъ, такъ называемое, благородное соревнованіе, т. е., чтобъ они были завистливы; въ народахъ патріотическое соревнованіе даже превозносится похвалами, какъ высокая гражданская доблесть. Да, это чувство, эти порывы превзойти другихъ проистекаютъ изъ нашей природы. Они естественны и даже

не всегда предосудительны. Кто не хотѣлъ-бы, кто не мечталъ быть даже центромъ міровой жизни, кому не хотѣлось-бы, чтобъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды предъ нимъ преклонились, — это привидѣлось даже кроткому невинному отроку Іосифу, — чтобъ всѣ вѣдомыя ему величія міра не только почтили его своимъ вниманіемъ, но и пали предъ нимъ въ благоговѣйномъ признаніи высокихъ его достоинствъ? Вотъ праотцы наши, — а яблоко отъ яблони не далеко падаетъ, — Адамъ и Ева захотѣли быть ни болѣе ни менѣе какъ богами. Мы и созданы, чтобъ быть богами. Вкуси отъ плода запрещеннаго, — говорилъ имъ змѣй-искуситель, — и будешь богъ; узнаешь сразу все, какъ Богъ; а знаніе — великая сила, а всевѣдѣніе есть тоже, что и всемогущество, сразу узнаешь, что такое полнота счастья; сразу возобладаешь всѣми благами міра, всѣмъ чего захочешь. Только вкуси... И вотъ лежащій у дверей грѣхъ привлекъ къ себѣ лицо наше. Оно опустилось... Дума о грѣхѣ насъ заѣла. Конечно, совѣсть сперва бьетъ тревогу, но и рѣшимость назрѣваетъ.

Къ сожалѣнію создать себѣ вавилонскую башню житейскаго благополучія въ одиночку невозможно. Нужно, чтобъ другіе люди послужили для насъ пьедесталомъ, нужно возобладать надъ другими. И вотъ возстаетъ братъ на брата, Каинъ на Авеля, братъ на сестру, сестра на брата и т. д. Совершаются разнообразныя грѣхопаденія, насилія, обиды. Грѣхъ вотъ уже положилъ человека долу, у порога дверей, рядомъ съ собою, пронизалъ его своимъ ядомъ, опуталъ своими змѣиными кольцами. А грѣшникъ все еще въ каждомъ грѣхѣ мечтаетъ возобладать надъ другими. Изъ отравленнаго грѣхомъ сердца исходятъ всякіе грѣхи: убійства, прелюбодѣянія, хулы, лжесвидѣтельства, неправды и т. д., и все въ той мысли, чтобъ другіе послужили ему счастьемъ, моему удовольствію, моему честолюбію, моей корысти, моей зависти, моему злоязычію, моей кровожадности, моему глухому, но неодолимому для меня влеченію видѣть все у ногъ своихъ, а что противится, то растоптать.

Не станемъ разбирать, что всѣ грѣхопаденія направлены къ цѣли возобладанія надъ другими, — всѣ проникнуты тѣмъ злобнымъ коварнымъ характеромъ, что Каинъ возстаетъ на Авеля брата своего, или какъ на помѣху, или какъ на средство къ своему счастью. Коснемся какъ на помѣху, или какъ на средство къ своему счастью. Коснемся одного, повидимому, наиболѣе невиннаго, и дѣйствительно наиболѣе обиднаго порока злорѣчія. Скажите, не проникнута-ль этимъ злостнымъ

характеромъ эта наиболѣе ходячая, наименѣе преслѣдуемая закономъ и общимъ мнѣніемъ страсть, — страсть злоязычія, осужденія, хулы на ближняго? О, повѣрьте, отрадно всякому сказать самому себѣ: Господи, какія на свѣтѣ есть мерзости, какіе негодяи! сказать самому себѣ слово фарисея: слава Тебѣ, Господи, *хвалу Тебѣ, Господи, воздаю, яко ильсьмъ яко-же прочіи человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣи, или яко-же сей мытарь. Пошуся два раза въ недѣлю* и т. д. Всякій осуждающій другаго чувствуетъ отраду именно этого рода, — сознайтесь. Чувствуешь, по крайней мѣрѣ, ту отраду, что на людяхъ смерть красна, что я не хуже другихъ, что гнусностей въ мірѣ слишкомъ много. Мнѣ нужно, моей мятущейся совѣсти нужно осуждающею мыслію, осуждающимъ словомъ возстать на своихъ братьевъ, именно чтобъ чувствовать себя хорошо. Мы утверждаемъ свой судейскій престолъ въ воображаемомъ центрѣ міра, — въ центрѣ, который мы сами-же собой для себя и составляемъ, именно чтобъ чувствовать себя судьями всего міра, а весь міръ своими всевластными приговорами повергать къ подножію ногъ своихъ. Только для этого мы ежеминутно и терзаемъ, даже убиваемъ другъ друга нашимъ злорѣчіемъ. Какъ вампиры, мы сосемъ чужую кровь, грыземъ чужое спокойствіе, чтобъ самимъ тучнѣть и усыплять свою собственную совѣсть.

Но вотъ Авель, братъ нашъ, убитъ. Грѣхъ содѣянъ. Мы пали... Сразу-же чувствуемъ, что содѣяно что-то такое не порядочное, что-то убито, ну хоть чистота совѣсти убита... только всего... Раздается гдѣ-то въ глубинѣ, изъ тѣни деревъ потеряннаго рая звучитъ тревожный голосъ — то: *Адаме! Гдѣ еси?* Гдѣ ты очутился? — то: *иди Авель, братъ твой?* Гдѣ родная тебѣ твоя невинность сердца?... А, ну, прочь, отогнать. Прочь докучный голосъ! Отогнать смущающій призракъ! Мы даже счастливы, мы удовлетворены, достигли чего хотѣли, всѣ люди грѣшатъ, это мое право наконецъ... Такъ люди оправдываютъ даже пролитіе крови, видятъ въ этомъ случайность раздраженія, нерѣдко даже прямо свое право покончить съ другимъ, устранить его съ своего пути ко храму личнаго счастья. Но увы, или лучше — къ счастью нашему, такъ мы глушимъ голосъ совѣсти, гласъ Божій, только въ первую минуту по грѣхопадѣніи. А голосъ Божій въ насъ и около насъ не умолкаетъ: что ты сдѣлалъ?! что я сдѣлалъ, Боже мой, Боже мой! Гласъ крови брата твоего вопіетъ къ небу! Другаго обидѣлъ, соблазнилъ, другаго погубилъ! Гласъ беззаконія восходитъ до неба. Богъ

слышитъ и видитъ. И отъ этого ощущенія, что Богъ видитъ и слышитъ, человекъ безсиленъ отрѣшиться даже въ минуту одуренія страстію, страстію гнѣва, хищничества, кровожадности, плотоядности. Совѣсть вопитъ и терзаетъ. Пораженное воображеніе рисуетъ ужасъ злодѣянія... Отсюда галлюцинаціи, видѣнія убитыхъ у убійцъ. Отсюда иное впечатлѣніе такъ врѣзывается въ душу, что горитъ огнемъ адскаго воспоминанія въ мозгу даже умирающаго, когда все прочее въ воспоминаніи, въ сознаніи, уже тускнѣетъ, уже потухло. Сохрани, Боже, и помилуй!

Но пока живы, что выходитъ? Бога-ли боимся послѣ грѣхопадѣнія? Страшнаго-ли суда страшимся? Вѣчной-ли муки трепещемъ? Нѣтъ, вѣчная мука далеко, мы ее не испытали пока. Страшный судъ недо-вѣдомъ. Бога, да, боимся, но боимся гнѣва Его днесъ, сейчасъ и здѣсь. Вотъ громъ Его грянетъ и разобьетъ вдребезги. Боимся кары Его здѣсь на землѣ. Боимся потерять здоровье, благосостояніе, честь, положеніе. Это, знаете, Каинъ говорящій Богу: *буду странникомъ и скитальцемъ на землѣ. И всякъ, кто встрѣтитъ со мною, убьетъ меня.* Боимся, что люди узнаютъ, охаютъ; ужасно боимся суда и осужденія людскаго, чуть-ли не больше всего на свѣтѣ. Страхъ суда людскаго большую муку имать, нежели страхъ Божій. Боимся, что враговъ наживемъ, злобную месть ихъ накличемъ. И вотъ живетъ человекъ буквально Каиномъ, *стена и трясыйся на земли*, трепеща за всякую минуту своего благосостоянія. А дѣйствительно придавить горе, и онъ стонетъ Каиномъ въ душѣ: *наказаніе мое больше, нежели снести можно; вина моя вяще, еже оставится ми...* Въ душѣ разливается мракъ отчаянія, впереди не видится ни искры свѣта, отдыха и покоя; становится ненавистною самая жизнь, проклиняется самое прошедшее, проклиняется самый часъ рожденія, и Каинъ превращается въ ожесточеннаго Іуду-предателя *и шедъ удавися...* Думаешь, покончилъ съ собою. Отсюда большая часть самоубійствъ.

Такъ кончилъ въ новомъ завѣтѣ предопредѣленный сынъ погибели. Но не такъ кончилъ въ ветхомъ завѣтѣ библейскій первообразъ тяжкихъ грѣшниковъ Каинъ. У него не достало іудиной отваги на самоубійство. Онъ, наоборотъ, страдалъ, по однимъ, болѣе, по другимъ, менѣе позорно, но болѣе мучительною слабостью малодушія за собственную жизнь. Нелегкая-же кара братоубійцѣ, такъ легко погубившему чужую братнюю жизнь. Изъ-за этого малодушія Каинъ вынесъ

все, а вынесъ онъ много. Земля его прокляла, — земля, которая отверзла уста свои пріять пролитую имъ кровь брата его Авеля. Чувствовать на себѣ это проклятіе, чувствовать себя проклятымъ отъ земли, замѣтите — не отъ Бога, — тяжело. Это нѣчто ужасное, чего мы и сами не понимаемъ, а древніе понимали и чувствовали, чувствовали и понимали, что земля чувствуетъ и радуется, благословляетъ и награждаетъ своими дарами, негодуетъ, свергаетъ съ себя и даже проклинаетъ. И первый проклять былъ отъ земли Каинъ братоубійца, напоившій землю невинною кровію Авеля. Каинъ это бремя вынесъ. Богъ не далъ ему счастья и удачи въ главномъ его занятіи, въ земледѣліи; знать, что моя жизненная доля проклята, это тяжело. Каинъ это вынесъ. Быть изгнаннымъ отъ лица Божія, въ ту пору, когда люди чувствовали явную къ себѣ близость Божію; быть изверженнымъ изъ церкви Божіей; быть отверженнымъ отъ отца и матери, отъ рода племени богоизбраннаго, это слишкомъ тяжело. Каинъ вынесъ и это. Быть изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ; чувствовать, что на моихъ рукахъ горитъ братняя кровь, что за спиною гонится блѣдная братняя тѣнь; вѣчно мѣшаться въ умѣ, вѣчно стенать и трястись, что вотъ-вотъ кто-либо отомститъ, отомститъ-же непременно за пролитую кровь, и убьетъ, прольетъ мою собственную кровь, конечно и это тяжело. Каинъ и это вынесъ. Чувствовать, что племя мое отвержено, что грѣхъ родителя Богъ возлагаетъ на чада чадъ, что изъ-за меня и родъ мой проклятъ, видѣть, что въ немъ родятся злодѣи, и знать, что такъ тому и быть слѣдуетъ; что я-же и виноватъ въ этомъ зломъ рокѣ моего рода, конечно, это неимоверно тяжело. Каинъ вынесъ и это. Чувствовать, что даже минуты отдыха отъ постоянной кары, что даже мимолетныя минуты радости въ жизни, — вѣдь Каинъ вступалъ въ бракъ, раждалъ дѣтей, жилъ, повидимому, долго, — что вся жизнь безповоротно отравлена памятью страшнаго преступленія, страхомъ людской мести, страхомъ неумытнаго суда Божія, и это тяжело. Но Каинъ и это вынесъ. Зачѣмъ-же Каинъ не сталъ Іудею, не наложилъ на себя руки? Малодушія было уже очень много. Чья-либо молитва спасала и Богъ не попускалъ. Зачѣмъ-же Богъ не послалъ ему скорой смерти? Зачѣмъ не попустилъ, чтобы Каину кто-либо дѣйствительно отомстилъ за пролитую кровь, по закону: кровь за кровь?

А за тѣмъ, во-первыхъ, что смерть для Каина была-бы отдыхомъ. За тѣмъ, что окончательная кара бываетъ отрадою. За тѣмъ, что пре-

ступникамъ естественно иногда взывать: горы! падите на насъ и раздавите, пусть все кончится разомъ, пусть судъ Божій свершится. Пусть правда Божія возьметъ свое, вина будетъ заплачена... Нѣтъ, каинова мука: *стения и трясыи будещи на земли*, — она цѣлесообразнѣе, она доканаетъ глубже. Не онъ-ли своимъ именемъ Каина далъ и корень для этого слова доканать? Богъ осудилъ Каина на эту каинову муку потому, что гласъ крове брата его, Авеля, вопіялъ къ Богу отъ земли, которая отверзла уста свои принять эту безвременно и напрасно пролитую кровь отъ братоубійственной руки Каина.

Только вотъ вопросъ: о чемъ кровь Авеля вопіяла къ Богу? Конечно, о мести, о правдѣ, о воздаяніи. Но объ одной-ли мести, вотъ вопросъ. Вспомнимъ евангельское слово о богатѣ немилостивомъ и Лазарѣ праведномъ. Видите, жестокосердый евангельскій богатъ, сый въ мукахъ въ аду, сперва взываетъ къ небу о себѣ, о собственномъ облегченіи. Бесплодно. Такъ давай-же молить за другихъ. И вотъ онъ вопіетъ къ Аврааму на небо: *отче Аврааме, молю тебя, пошли Лазаря въ домъ отца моего: имѣю бо пять братій, пусть Лазарь засвидѣтельствуетъ имъ о моей мукѣ, чтобъ и ты не угодили сюда-же въ это мѣсто мученія*. И это жестокосердый богатъ. Но и тотъ даже изъ ада, гдѣ ему было уже не до другихъ, и тотъ вопіялъ къ небу о милосердіи къ своимъ братьямъ. Такъ думаете-ли вы, что Авель въ горней обители не вопіялъ къ Богу о прощеніи Каину? Думаете-ли, что именно невинно пролитая кровь Авеля не вопіяла о милости къ брату Каину, именно себѣ въ награду за напрасную смерть? Развѣ Авель могъ быть счастливъ въ небѣ, когда Каинъ погибалъ? Развѣ отецъ и мать ихъ обоихъ, несчастные Адамъ и Ева, проливъ потоки кровавыхъ слезъ надъ сыномъ убитымъ, надъ сыномъ убійцею, могли изрекать Каину только проклятія? Развѣ и Отецъ небесный могъ изрекать Каину только проклятія? *Аще вы, лукави суще, умпете даванія благая даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный...* Развѣ забудетъ жена отрока свое, еже не помиловати исчадіе чрева своего? Но аще и забудетъ сихъ жена, Азъ не забуду тебе, *малолетъ Господь*. Отецъ небесный проклялъ временную судьбу Каина, проклялъ его удачу въ главномъ его занятіи земледѣліемъ, осудилъ его на долгую муку стонать и трястись за свою жизнь, за свое земное благосостояніе; но осудилъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы къ концу его жизни научить его говорить не такъ, какъ

онъ сперва говорилъ, что наказаніе мое больше, нежели снести можно, а наоборотъ: *искуси мя, Боже, и испытай мя; разжи утробы моя и сердце; чтобы въ минуту смерти, испуская послѣдній вздохъ, онъ имѣлъ духъ сказать не такъ, что вина моя вѣще, еже оставится ми, а наоборотъ: нѣсть грѣхъ побѣждая милосердіе Божіе.*

Помилованъ-ли Каинъ? На это смѣю отвѣтить только, что кровь Авеля была прообразомъ крови Господа нашего Іисуса Христа. Вотъ братія Господни, кровожадные евреи, мняся службу приносить Богу, вывели Христа Господня внѣ града своего въ поле и убили. Кричали они: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ.* И кровь эта пала на нихъ и на чадъ ихъ и жгла ихъ, какъ и продолжаетъ жечь, въ продолженіи тысячелѣтій. Но вотъ тѣмъ-же евреямъ апостолъ Павелъ пишетъ: *вы, хотя и богоубійцы, приступили къ горѣ Сіону, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тѣмъ ангеловъ, къ торжествующему собору и къ церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ, и къ судіи всѣхъ Богу и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства, и къ ходатаю новаго завета Іисусу, и къ жертвенной крови кропленія, лучше говорящей, нежели Авелева* (Евр. 12, 22—24).

Да и мы также, какъ и Каинъ и евреи, не только братоубійцы, но и богоубійцы. И мы вторично распинаемъ Сына Божія и проливаемъ кровь Іисуса Христову. Тѣмъ не менѣе, милосердая и премудрая правда Божія сподобляетъ насъ, повидимому, и счастья и долголѣтія. Но сподобляетъ, чтобъ и изъ насъ многіе, подобно Каину, вѣчно стояли въ душѣ и тряслись за свою судьбу и жизнь; чтобъ насъ угнетала печаль міра сего, которая нерѣдко причиняетъ слабодушнымъ самую смерть; и чтобъ, угнетая насъ, эта печаль міра сего перерождалась въ насъ въ печаль по Богѣ, которая содѣловаетъ покаяніе нераскаянное, твердое и неизмѣнное, чтобы мы постепенно отвыкали отъ каиновыхъ воплей: *казнь моя больше, чѣмъ можно снести; вина моя вѣще, еже оставится ми,* — а привыкали къ воплямъ христіанскимъ: *ослаби, остави, прости, Боже, вся прегрѣшенія моя,* къ воплю кающагося разбойника: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи твоёмъ;* чтобъ очистила и спасла насъ пролитая и всегда проливаемая нами кровь Сына Божія, лучше и громче глаголющая на небо о всегрошеніи, нежели кровь Авеля, пролитая Каиномъ. Аминь.

1880 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю св. праотцевъ, 14-го декабря 1875 года.

О ВѢРѢ ДРЕВНИХЪ.

Праведный отъ вѣры живъ будетъ. Евр. 10, 38.

Сегодня мы празднуемъ память святыхъ праотцевъ, т. е. ветхозавѣтныхъ праведниковъ, которые своею жизнію и ученіемъ приготавливали ветхозавѣтное челоуѣчество къ принятію грядущаго Мессіи. Сущность ихъ приготовительной дѣятельности, которой они приготавливали себя и другихъ къ открытію на землѣ благодатнаго царства Христова, изображена св. апостоломъ Павломъ въ посланіи къ евреямъ, въ 11-й главѣ, которая и будетъ читаться на литургіи въ слѣдующую послѣднюю предъ рождествомъ Христовымъ недѣлю, недѣлю святыхъ отецъ. Это — одно изъ самыхъ возвышенныхъ и умилительныхъ мѣстъ въ апостольскихъ посланіяхъ. Здѣсь въ немногихъ строкахъ, вдохновенною апостольскою рукою, начертана картина важнѣйшихъ проявленій жизни всей ветхозавѣтной церкви и открытъ ихъ внутренній смыслъ, для назиданія рода христіанскаго, для назиданія нашего.

На этомъ-то апостольскомъ посланіи мы находимъ нынѣ время благоприятное остановить благоговѣнное вниманіе ваше. Конечно, чтобы постигнуть смыслъ апостольскаго писанія, въ его историческомъ и экзегетическомъ значеніи, для этого нужно знать многое изъ ветхозавѣтной библейской исторіи; а чтобы постигнуть вполне и таинственный міровой смыслъ апостольской рѣчи, нужно имѣть умъ богопронятный. Просвѣщеніе свыше и вамъ и намъ Богъ подаетъ по своей богатой милости; а въ недостаткахъ собственнаго научнаго знанія, мы посильно пособимъ нуждающимся.

Мы сказали, что св. апостолъ не только изображаетъ здѣсь картину жизни ветхозавѣтной церкви, но раскрываетъ и внутренній смыслъ этой жизни, раскрываетъ для назиданія рода христіанскаго. Въ чемъ-

же заключается внутренній смыслъ жизни ветхозавѣтнаго человѣчества? Въ вѣрѣ въ Бога, и частіе въ вѣрѣ въ обѣтованнаго грядущаго Искупителя міра. Какой урокъ хотѣлъ преподать этимъ св. апостолъ роду христіанскому?

Замѣтимъ, что пишетъ это св. апостолъ Павелъ, который, будучи еврей и даже фарисей, нѣкогда былъ излиха ревнитель отеческихъ еврейскихъ преданій, котораго сокрушала скорбь великая и непрестающая болѣзнь сердца по братіи его — израильтянахъ, сродникахъ его по плоти. Пишетъ христіанамъ именно изъ евреевъ, которые въ это самое время терпѣли много скорбей вдвойнѣ, и какъ христіане, и какъ евреи, на которыхъ въ ту пору обрушился весь міръ своею ненавистію, почему они и задавали себѣ печальный вопросъ: ужели Богъ отцовъ ихъ, Авраама, Исаака и Іакова, совсѣмъ отвратилъ отъ нихъ лицо свое, несмотря на то, что они были сѣмья Авраамово?

Не оставляйте, — учить ихъ св. апостолъ, — упованія вашего, которому предстоить великое воздаяніе. Терпѣніе нужно вамъ, чтобъ, исполнивъ волю Божію, получить обѣщанное. Праведный отъ вѣры живъ будетъ; а если кто поколеблется, не благоволитъ къ тому душа моя, глаголетъ Господь устами пророка. Что-же такое вѣра? Въ чемъ она состоитъ? *Вѣра есть осуществленіе ожидаемаго*, по слову апостола, — *и увѣренность въ невидимое*. Вѣра становится истинною тогда, когда для вѣрующаго то, чего онъ только уповаетъ себѣ отъ Бога, то представляется уже какъ-бы осуществленнымъ въ дѣйствительности; когда вещи невидимыя какъ-бы воочію уже обнаруживаются. Въ такой-то вѣрѣ были свидѣтельствованы, по слову апостола, древніе, св. протцы наши. Еще Адаму дано было первое обѣтованіе отъ Искупителя міра, первое благовѣстіе отъ обѣтованномъ Сѣмени. Еще въ раю карающій и милующій Богъ сказалъ змію, предъ лицомъ согрѣшившихъ первымъ грѣхомъ Адама и жены его Евы: вражду положу между тобою змїемъ и между женою Евою и приснодѣвою Богоматерью, — между сѣменемъ твоимъ — змїинымъ, грѣхомъ и грѣшниками и между сѣменемъ той жены. Той, то обѣтованное Сѣмя, Искупитель міра, грядущій Мессія будетъ блюсти — стеречь твою голову, змїину голову, чтобы сокрушить ее, а ты, змій — искуситель, человекоубійца будешь блюсти — стеречь его пяту, чтобы жалить. Въ таинственное предзнаменованіе того, что Мессія Иисусъ Христосъ искупитъ родъ человѣческій, принеши самого себя въ жертву на крестѣ, еще Адаму и всему потомству его вѣчно

было приносить Богу жертвы. Но эти ветхозавѣтныя жертвы могли быть святы, благопотребны и благотворны только по вѣрѣ въ крестную жертву грядущаго Мессіи. Вотъ—продолжаетъ св. апостолъ,—этою вѣрою Авель принесъ Богу жертву лучшую, нежели Каинъ, который, по жесткости сердца, не имѣлъ вѣры. По вѣрѣ Авель получилъ свидѣтельство, что онъ праведенъ, какъ засвидѣтельствовалъ Богъ о дарахъ его. Вѣрою онъ и по смерти говоритъ еще, какъ засвидѣтельствовалъ опять-же самъ Богъ, сказавъ Каину: гласъ невинно пролитой тобою крови Авеля вопіетъ ко Мнѣ отъ земли. И нынѣ проклятъ ты на земли, которая разверзла уста свои принять кровь брата твоего отъ руки твоея. Вѣрою *Енохъ* патріархъ переселенъ былъ отъ земли въ горній міръ такъ, что не видѣлъ смерти, (какъ впослѣдствіи еще одинъ только изъ смертныхъ, именно пророкъ Ілія, восхищенный на небо на огненной колесницѣ), и не стало его, Еноха на землѣ, потому что Богъ, невѣдомымъ таинственнымъ образомъ, предложилъ и преселилъ его отсюда. Преселилъ за то, что еще прежде предложенія своего Енохъ получилъ божественное свидѣтельство, что онъ угодилъ Богу своею вѣрою и жизнію по вѣрѣ.—А безъ вѣры,—учитъ св. апостолъ,—угодить Богу невозможно. Ибо надобно, чтобы приходящій къ Богу, всякій человѣкъ, грядущій въ міръ, вѣровалъ, что Онъ есть, что Богъ существуетъ и ищущимъ Его бываетъ издвоздатель. Вѣрою *Ной*, получивъ откровеніе о томъ, что еще не было видимо, благоговѣя, приготовилъ ковчегъ для спасенія дома своего. Когда первобытный міръ растлился предъ Богомъ, и наполнилась земля неправды, сказалъ Господь Богъ Ною: вотъ Я погублю землю потопомъ. Сдѣлай себѣ ковчегъ. Я же наведу потопъ на землю, чтобы погубить всяку плотъ. И поставлю завѣтъ мой съ тобою. И сотворилъ Ной все, что заповѣдалъ ему Богъ,—повѣрилъ Ной слову Божію, когда современники не повѣрили и смѣялись надъ нимъ, и спасся самъ и родъ его; и сталъ онъ вторымъ послѣ Адама родоначальникомъ человѣческаго рода, и, по слову апостола, своею вѣрою осудилъ весь міръ въ растлѣніи и невѣріи, и содѣлался наслѣдникомъ праведности по вѣрѣ.

Върою Авраамъ повиновался призванію итти въ страну, которую имѣлъ получить въ наслѣдіе. Въ землѣ халдейской, гдѣ жили отецъ Авраама и весь родъ его, сказалъ Господь Богъ Аврааму: изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего, и изъ дому отца твоего, и иди въ землю, которую Я тебѣ покажу. И сотворю тебя народомъ великимъ, и

благословлю тебя, и благословятся чрезъ тебя всѣ племена земныя. И пошелъ Авраамъ, какъ сказалъ ему Господь; пошелъ, не зная куда идетъ. — Вѣрою обиталъ онъ и на землѣ обѣтованной, ханаанской, какъ на чужой, и жилъ въ шатрахъ, какъ странникъ и пришлецъ, съ Исаакомъ и Иаковомъ, сопослѣдниками того-же обѣтованія, даннаго отцу ихъ Аврааму. Ибо онъ ждалъ града, котораго художникъ и строитель Богъ, — ждалъ Иерусалима горняго, небеснаго, а не земнаго. Вѣрою и сама Сарра, супруга Авраама (будучи неплодна), получила силу къ принятію сѣмени. Аврааму дано и нѣсколько разъ было повторено отъ Бога обѣтованіе, что о сѣмени его благословятся вся колѣна земная. Между тѣмъ скитаясь, по повелѣнію Божию, въ чужой землѣ, Авраамъ достигъ уже почти столѣтней старости, какъ и Сарра жена его; а обѣтованнаго сына у нихъ еще не было. И вотъ явился Аврааму тріединый Богъ, въ видѣ трехъ странниковъ, Авраамъ принялъ и учредилъ божественныхъ странниковъ съ патріархальнымъ гостепріимствомъ, съ величайшею благоговѣйною любовію. И Господь сказалъ ему: вотъ въ такое-то время Я возвращусь къ тебѣ, и родить Сарра жена твоя, и будетъ у Сарры сынъ. И по вѣрѣ своей, не по времени возраста, Сарра родила; ибо знала, что вѣренъ обѣщавшій, — знала, что не изнеможетъ у Бога всякъ глаголь. И потому отъ одного Авраама, и притомъ уже омертвѣлаго отъ старости родилось такъ много, какъ много звѣздъ на небѣ, и какъ безчисленъ песокъ на берегу морскомъ. Всѣ сии *Авраамъ, Исаакъ и Иаковъ* умерли въ вѣрѣ, въ вѣрѣ въ Бога, въ вѣрѣ въ грядущаго Искупителя, не получивъ обѣтованій, не дождавшись пришествія на землю обѣтованнаго Сѣмени. А только издали сквозь вѣка и даже тысячелѣтія, видѣли они исполненіе обѣтованій, и видя даже издали, радовались, говорили о себѣ, что они — странники и пришельцы на землѣ, что жизнь человѣческая кратковременна, а потому исполненія обѣтованій Божіихъ дождутся они развѣ только за гробомъ. А тѣ, которые такъ говорятъ о себѣ, которые называютъ себя странниками и пришельцами на землѣ, показываютъ, что они пока еще не достигли своего отечества. И если-бы они въ мысляхъ имѣли то отечество, изъ котораго вышли, т. е. халдейскую землю, — то имѣли-бы время возвратиться. Но они стремились къ лучшему, т. е. къ небесному отечеству. Посему и Богъ не стыдится ихъ, называя себя ихъ Богомъ. Ибо Онъ приготовилъ имъ градъ небесный, Иерусалимъ горный, подъ своимъ собственнымъ царскимъ управленіемъ и покровомъ.

Такъ Богъ говоритъ Аврааму: Азъ есмь Богъ твой и поставлю завѣтъ мой между Мною и тобою, и между сѣменемъ твоимъ по тебѣ въ роды ихъ въ завѣтъ вѣчный, да буду тебѣ Богъ, и сѣмени твоему по тебѣ. Тоже обѣтованіе повторено было и сыну его Исааку и внуку Иакову.

Вѣрою *Авраамъ*, будучи искушаемъ, принесъ въ жертву Исаака. Это былъ самый тяжкій подвигъ со стороны Авраама, зато и привлекъ ему самое любвеобильное и щедрое благословеніе Божіе. Послѣ всѣхъ обѣтованій Божіихъ о благословенномъ Сѣмени, — послѣ полученія уже въ старости единственнаго сына Исаака, Богъ, искушая Авраама, сказалъ ему: Аврааме, Аврааме! Возьми сына твоего возлюбленнаго, котораго ты возлюбилъ, Исаака, и вознеси его во всесожженіе. И пошелъ Авраамъ, куда было сказано, и возложилъ Исаака на жертвенникъ, и уже простеръ руку взяти ножъ, заклати сына своего. Но Господь, видя такую покорность, сказалъ ему: Мною самимъ поклялся Я, такъ какъ ты не пощадилъ сына своего возлюбленнаго ради Меня, — воистину благословляя благословлю тебя. Въ сердцѣ своемъ Авраамъ уже умертвилъ сына своего, и имѣя обѣтованіе, принесъ въ жертву Богу единороднаго своего, о которомъ было ему сказано: въ Исаакѣ наречется тебѣ сѣмя. Ибо онъ думалъ, что Богъ силенъ и изъ мертвыхъ воскресить. Почему и получилъ его въ предзнаменованіе, въ предзнаменованіе единороднаго Сына Божія, котораго Богъ Отецъ не пощадилъ, но за насъ всѣхъ предалъ Его крестной смерти, а по смерти воскресилъ, такъ какъ Сыну Божію нельзя было удержану быть узамъ смерти. Такъ для вѣры Авраама жертвоприношеніе Исаака стало предзнаменованіемъ — прообразомъ крестной смерти и воскресенія Господа нашего Иисуса Христа.

Вѣрою въ будущее *Исаакъ* благословилъ Иакова и Исава, сказавъ Иакову: поработаютъ тебѣ, — въ обѣтованномъ Сѣмени твоёмъ, въ Спасителѣ міра, — народы и поклонятся тебѣ князья; и будешь ты господинъ брату своему — Исаву; проклинаящій тебя проклятъ, благословляющій-же тебя благословенъ. Вѣрою *Иаковъ*, умирая, благословилъ каждого изъ двухъ сыновъ возлюбленнаго сына своего Иосифа, положивъ на главы ихъ свои благословляющія руки крестообразно, чѣмъ предназначалъ образъ креста, и призвавъ въ своемъ благословеніи имя Бога тріединаго. Тою-же вѣрою благословилъ онъ и двѣнадцать сыновъ своихъ, праотцевъ 12 колѣнъ Израиля, изрекши сыну своему Иудѣ одно изъ наиболѣе ясныхъ пророчествъ о рожденіи Мессіи: не оскудѣетъ

князь отъ Иуды, и вождь еврейскаго народа отъ чреслъ его, отъ его сѣмени, пока не придетъ Примиритель, чаяніе — надежда народовъ. Вѣрою *Иосифъ* при кончинѣ, напоминалъ объ исходѣ сыновъ Израилевыхъ изъ Египта, и завѣщалъ о костяхъ своихъ. Предъ кончиною своею въ землѣ египетской онъ заклалъ сыновъ Израилевыхъ, говоря: въ посѣщеніи, которымъ посѣтитъ васъ Богъ, вмѣстѣ съ собою унесите и кости мои отсюда. Онъ вѣрилъ обѣтованію Божію, которое Богъ изрекъ *Иакову*, отцу его, предъ отшествіемъ *Иакова* въ Египетъ: Азъ есмь Богъ отцевъ твоихъ, не убойся отъйти во Египетъ, и Азъ сойду съ тобою во Египетъ, и Азъ возведу тебя оттуда. Кости *Иакова* по смерти положены были въ родовой гробницѣ рядомъ съ костями *Авраама* и *Исаака*; туда-же завѣщалъ перенести (что исполнилось только черезъ три вѣка) свои кости и *Иосифъ*, чтобы лежать въ землѣ обѣтованной рядомъ съ отцами своими, сонаслѣдниками обѣтованій Божіихъ, а не въ Египтѣ, въ чужой и нечестивой землѣ.

Вѣрою *Моисей*, по рожденіи, три мѣсяца скрывается былъ родителями своими; ибо видѣли они, что дитя прекрасно. Они чаяли видѣть въ немъ, если не обѣтованнаго Избавителя всего человѣческаго рода, — то ближайшаго избавителя рода еврейскаго отъ тяжкаго и губительнаго рабства египетскаго. И не убоились повелѣнія царскаго, по которому всѣхъ еврейскихъ дѣтей мужеска пола слѣдовало, тотчасъ по рожденіи, умерщвлять; но положивъ свое дитя въ засмоленную корзинку, пустили его на рѣку, на волю Божію, по вѣрѣ въ милосердіе Божіе. И Богъ спасъ его. И самъ фараонъ, дочь фараона воспитали, какъ свое дитя, будущаго мстителя за угнетенный народъ Божій. Вѣрою *Моисей*, пришедши въ возрастъ, отказался называться сыномъ дочери фараоновой, и лучше захотѣлъ страдать съ народомъ Божіимъ, нежели имѣть временное грѣховное наслажденіе, живя при дворѣ фараоновомъ; и поношеніе Христово, ради избраннаго народа, отъ котораго имѣлъ произойти Мессія Христосъ, — поношеніе Христово, будучи самъ прообразомъ Христа, почелъ большимъ для себя богатствомъ, нежели египетскія сокровища. Ибо онъ взиралъ на воздаяніе вѣчное. Вѣрою оставилъ онъ Египетъ, не убоившись гнѣва царскаго, предвидя, что фараонъ погонится за нимъ и уходящимъ народомъ выгодныхъ рабовъ, предвидя, что въ подлежащемъ пути ожидаютъ его тяжкія испытанія отвсюду, и отъ природы и отъ скудости средствъ и отъ враждебныхъ чуждыхъ племенъ и даже отъ непостоянства и раздраженія собствен-

ныхъ братій, освобожденнаго имъ народа еврейскаго. Ибо онъ, какъ-бы видя невидимаго, небеснаго помощника и покровителя своего, — былъ твердъ и твердо шелъ на всякія испытанія. Вѣрою совершилъ онъ пасху и пролитіе крови пасхальнаго агнца, дабы истребитель первенцевъ не коснулся евреевъ. Когда, предъ исходомъ израильтянъ изъ Египта, поразили Богъ жестокосердыхъ египтянъ десятою казнью, именно въ полночь ангелъ истребитель, прошедши по всей египетской землѣ, поразили всѣхъ первенцовъ египетскихъ отъ человѣка до скота, то по повелѣнію Божію чрезъ *Моисея*, евреи, въ эту ночь, по домамъ закалали пасхальнаго агнца, который прообразовалъ Агнца, закланнаго отъ сложенія міра, т. е. Сына Божія, распятаго; пекли агнца, распиная его на вертелѣ, которое въ свою очередь прообразовало крестъ Христовъ; сѣдали агнца, не сокрушая костей его, которыя потомъ сожигались и такимъ образомъ прообразовали собою несокрушенныя на крестѣ кости Христовы; а кровію агнца мазали въ дверяхъ порогъ и двѣ притолки, чѣмъ опять прообразовалось знаменіе креста, — а ангелъ смерти, видя на дверяхъ спасительную кровь прообразовательнаго пасхальнаго агнца, проходилъ мимо домовъ еврейскихъ, послѣ чего евреи и совершили пасху — переходъ отъ рабства египетскаго къ свободѣ, отъ смерти къ жизни, и отъ земли чуждой въ землю обѣтованную, провидя вѣрою пасху христіанскую, — въ которой Христосъ, Богъ нашъ, превелъ насъ отъ смерти вѣчной къ вѣчной жизни и отъ земли къ небеси. Вѣрою перешли евреи Черное море, какъ по суху, и въ морѣ крестились въ *Моисея*, отдавши всѣцѣло водительство своего избавителя; послѣ чего Черное море стало между ними и ихъ темнымъ пристрастіемъ къ Египту раздѣляющею бездною, въ чемъ вѣрующіе израильтяне и предузрѣли очистительную купель христіанскаго крещенія, гдѣ вѣрующій, крестясь во имя Христова, умираетъ для рабства грѣху. А египтяне, безъ вѣры въ Бога, напротивъ, съ гордостію и ожесточеніемъ покусившись перейти море, вслѣдъ за евреями, всѣ до единого потонули, получивъ такимъ образомъ страшную казнь за свое жестокосердіе.

Вѣрою израильтянъ, уже въ землѣ обѣтованной, пали стѣны *Иерихона*, по седмидневномъ обхожденіи вокругъ него священниковъ и левитовъ, съ обнесеніемъ кивота Господня. Вѣрою жившая въ *Иерихонѣ* хананеянка *Раавъ* блудница, съ миромъ принявъ еврейскихъ соглядатаевъ и проводивъ ихъ другимъ путемъ, не погибла съ невѣрными;

напротивъ, ставъ супругою вождя колѣна Іудина Салмона, содѣлалась прабабкою царя Давида и чрезъ Давида праматерью Господа нашего Іисуса Христа. И что еще скажу? — пишетъ св. апостолъ. Не достанетъ мнѣ времени, чтобы повѣствовать о Гедеонѣ, о Варакѣ, о Самсонѣ, о Давидѣ царѣ, о Самуилѣ пророкѣ и послѣднемъ судіи израильскомъ, и о другихъ пророкахъ, которые вѣрою побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія (какъ на прим. царь Давидъ о воцареніи его надъ всѣмъ Израилемъ), заграждали уста львовъ (какъ пророкъ Даніилъ во рвѣ львиномъ), угашали силу огня (какъ три отрока въ пещи огненной), избѣгали острія меча (какъ пророкъ Ілія отъ меча Іезавелина), укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки въ браняхъ, прогоняли полки чужихъ; жены получали умершихъ своихъ (дѣтей) воскресшими (какъ двѣ жены получили дѣтей своихъ воскресшими по молитвѣ пророковъ Іліи и Елисея), иные-же по вѣрѣ замучены были (какъ семь братьевъ Маккавеевъ), не принявъ освобожденія (за цѣну измѣны вѣрѣ отцовъ), дабы получить лучшее воскресеніе и по воскресеніи жизнь вѣчноблаженную. Другіе по вѣрѣ испытали поруганія и побои, а также узы и темницу (какъ пророкъ Іеремія), были побиваемы камнями (какъ многіе современники нечестивой царицы Іезавели, чтители истиннаго Бога), перепиливаемы (какъ пророкъ Ісаія), были подвергаемы пыткамъ (какъ пророкъ Іеремія), умирали отъ меча; скитались въ милотяхъ и козыхъ кожахъ, терпя лишенія, скорби, озлобленія (какъ пророкъ Ілія). Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли (какъ пророки Ілія и Елисей). И всѣ сіи, свидѣтельствоваанные въ вѣрѣ, не получили обѣщаннаго, — не узрѣли исполненія существеннѣйшаго обѣтованія Божія, не дождались пришествія на землю обѣтованнаго Спасителя міра; потому что Богъ предусмотрѣлъ нѣчто лучшее именно о насъ, насъ удостоилъ этого высшаго счастья, дабы они достигли совершенства не безъ насъ.

Посему и мы, — поучаетъ насъ святой апостолъ сими великими примѣрами, — имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей, свергнемъ съ себя всякое бремя мірскихъ попеченій и запинаящій насъ грѣхъ, и съ терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще, — взирая на начальника и совершителя вѣры, на начало и конецъ вѣры, Іисуса, который вмѣсто предлежащей Ему (на небѣ) радости, претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе, и возсѣлъ одесную престола Божія. Помы-

шляйте о претерпѣвшемъ надъ собою такое поруганіе отъ грѣшниковъ, чтобы вамъ не изнемогать и не ослабѣвать душами вашими. Не забывайте утѣшенія, которое предлагается вамъ отъ Отца небеснаго, какъ сынамъ: сынъ мой! Не пренебрегай наказанія Господня, и не унывай, когда Онъ обличаетъ тебя. Ибо Господь, кого любитъ, того наказываетъ; бьетъ-же всякаго сына, котораго принимаетъ. Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть-ли какой сынъ, котораго-бы не наказывалъ отецъ? Если-же остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, то вы — незаконныя дѣти, а не сыны. Притомъ, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись ихъ, то не гораздо-ли болѣе должны покориться Отцу духовъ, чтобы жить? Тѣ, плотскіе родители, наказывали насъ по своему произволу, для немногихъ дней настоящей жизни; а сей, Отецъ небесный, наказываетъ для пользы вѣчной, чтобы намъ имѣть участіе въ святости Его. Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостію, а печалію, но послѣ наученнымъ чрезъ наказаніе доставляетъ мудрый плодъ праведности.

Потому-то святая церковь и празднуетъ нынѣ память святыхъ ветхозавѣтныхъ праотцевъ, чтобы мы поминали наставниковъ своихъ, которые проповѣдывали намъ слово Божіе, и, взирая на скончаніе жизни ихъ, подражали вѣрѣ ихъ, вѣрѣ въ терпѣніи, въ скорбяхъ и лишеніяхъ, въ напастяхъ и всякаго рода искушеніяхъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю святыхъ отецъ (21-го декабря, 1875 года).

Прошлый недѣльный день, по уставу церкви, посвященъ былъ памяти святыхъ праотцевъ, т. е. всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, съ вѣрою ожидавшихъ пришествія на землю обѣтованнаго Мессіи и приготовлявшихъ приближеніе духовнаго царства Его. Нынѣшній-же не-

благословятся о сѣмени твоёмъ всѣ народы земли, за то, что ты послушалъ гласа моего“.

У Авраама былъ сынъ Исаакъ, у Исаака Іаковъ. При Іаковѣ, согласно съ предсказаніемъ, даннымъ Аврааму отъ самаго Господа, родъ Авраамовъ переселился въ Египетъ. Іаковъ породилъ Іуду, Іуда Фареса, Фаресъ—Есрома, Есромъ—Арама, Арамъ—Аминадава, Аминадавъ—же родилъ Наассона. Всѣ эти поколѣнія отъ Іуды до Наассона жили въ Египтѣ. При жизни Наассона израильтяне были изведены изъ Египта пророкомъ Моисеемъ. Наассонъ затѣмъ родилъ Салмона; Салмонъ родилъ Вооза отъ Раавы хананеянки, когда израильтяне вошли уже въ землю обѣтованную. Воозъ-же родилъ Овида отъ Руей, Овидъ-же родилъ Іессея, Іессей-же родилъ Давида, втораго царя израильскаго, послѣ перваго несчастнаго царя Саула. Отъ Авраама до Давида прошло всего около 1000 лѣтъ.

Съ Давидомъ царемъ Господь возобновилъ свой завѣтъ, поклявшись ему на обѣтованіи воздвигнуть Христа—Мессію именно отъ рода его въ прямой линіи. Въ домѣ отца своего Іессея, Давидъ, меньшій изъ братьевъ въ юности пасъ скотину своего отца. Но былъ прекраснѣйшомъ столько-же, сколько и душою, былъ музыкантъ, богатырь силачъ, вдохновенный поэтъ, боголюбивая и боголюбезная душа, и съ ранней юности, по повелѣнію Божію, помазанъ былъ на царство пророкомъ Самуиломъ, еще задолго до смерти перваго царя Саула. Съ юности до зрѣлаго возраста, много видѣлъ Давидъ злоключеній, много совершилъ всякаго рода подвиговъ, особенно-же воинскихъ, и по несчастной смерти Саула, который погибъ на войнѣ, будучи уже въ зрѣломъ возрастѣ, воцарился наконецъ въ Іерусалимѣ надъ всѣми 12-ю колѣнами Израиля. А утвердившись въ Іерусалимѣ, онъ создалъ здѣсь новую скинію свидѣнія, и перенесъ въ новосозданную скинію кивотъ завѣта. И вотъ, когда успокоился царь Давидъ въ домѣ, и Господь оградилъ его отъ всѣхъ враговъ его окрестныхъ, и сказалъ царь Нааану пророку: „вотъ нынѣ я живу въ домѣ кедровомъ, кивотъ-же Божій стоитъ посреди скиніи“ (въ шалашѣ). И сказалъ Нааанъ пророкъ царю: „все, что въ сердцѣ твоёмъ, иди и твори, такъ какъ Господь съ тобою“. Это Давидъ замышлялъ построить Господу Богу величественный храмъ, для чего и собиралъ уже сокровища и строительные матеріалы. Но въ ту же ночь было слово Господне къ Нааану пророку: „иди и скажи рабу моему Давиду: сія глаголетъ Господь: не ты соз-

дашь Мнѣ храмъ, чтобъ Мнѣ обитать въ немъ,— такъ какъ ты творилъ много браней и много крови пролилъ на землю. Но когда исполнятся дни твои и уснешь ты смертнымъ сномъ съ отцами твоими, Я поставлю сѣмя твое по тебѣ, и уготовлю для него царство. Тотъ созиждетъ храмъ имени моему и утвержду престолъ его до вѣка. Я буду ему отцемъ, и той будетъ Мнѣ сыномъ. И вѣренъ будетъ домъ его, и царство его до вѣка предо Мною, и престолъ его будетъ стоять во вѣкъ“. По всѣмъ словамъ симъ и по всему видѣнію сему, Нааанъ пророкъ сказалъ Давиду и вошелъ царь Давидъ (въ скинію свидѣнія) и сѣлъ предъ лицемъ Господа и произнесъ сію молитвенную пѣснь: „кто я, Господи мой Господи, и что домъ отца моего, что Ты такъ возлюбилъ меня! И предрекъ о домѣ раба твоего вдалеко. И нынѣ Господи мой Господи, слово, которое Ты изрекъ о рабѣ твоёмъ и о домѣ его, увѣрь до вѣка, — какъ сказалъ Ты, сотвори. И нынѣ Господи мой Господи, Ты еси Богъ, и слова твои будутъ истинны. И нынѣ начни и благослови домъ раба твоего, чтобъ быть ему во вѣкъ предъ тобою, какъ Ты изрекъ, Господи мой Господи“. Въ той день завѣтъ вѣчный положилъ Господь Давиду, завѣщалъ завѣтъ избранному своему, клялся Давиду рабу своему: „до вѣка уготоваю сѣмя твое, и созижду въ родѣ и родѣ престолъ твой“.—Это закрѣпленное клятвою обѣтованіе о вѣчномъ царѣ и царствѣ, ближайшимъ образомъ, относилось къ сыну и преемнику Давидову царю Соломону, но во всей полнотѣ относилось къ дальнѣйшему обѣтованному потомку Давидову, Господу нашему Іисусу Христу, вѣчному Царю царей, какъ и говорятъ св. апостолъ Петръ о царѣ Давидѣ, что клятвою клялся ему Богъ, отъ плода чреслъ его по плоти, воздвигнути Христа и посадить Его на престолъ его.

Такъ заключенъ былъ завѣтъ Господа Бога съ царемъ Давидомъ. Отъ Давида чрезъ Соломона царя, чрезъ четырнадцать царскихъ поколѣній до царя Іехоніи, прошло около 600 лѣтъ, и при Іехоніи іудеи отведены были въ плѣнъ вавилонскій. Отъ послѣдняго царя Іехоніи родился Салаеииль, отъ Салаеиіла—Зоровавель; а при Зоровавелѣ іудеи возвратились изъ 70-лѣтняго плѣненія вавилонскаго въ землю обѣтованную, тутъ возставили храмъ единому истинному Богу и священный градъ Іерусалимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ послѣдній разъ всенародно возстановили и завѣтъ—клятвенный договоръ свой съ Богомъ отцевъ своихъ, Авраама, Исаака и Іакова, съ Богомъ Давида царя.

Это послѣднее возстановленіе ветхаго завѣта происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Когда Киръ, царь персидскій, сдѣлался единовластителемъ Азіи и обладателемъ земли обѣтованной; когда отъ перваго переселенія іудеевъ въ Вавилонъ исполнилось ровно семьдесятъ лѣтъ, — въ первый годъ своего единовластительства Киръ обнародовалъ по всему своему царству, что Господь Богъ небесный, который далъ ему всѣ царства земныя, поручилъ ему создать для него домъ въ Іерусалимѣ, что въ Іудеѣ, и потому позволялъ, кому угодно изъ іудеевъ, итти въ Іерусалимъ, для строенія храма Господня. Вслѣдствіе этого болѣе 42 тысячъ іудеевъ отправились въ Іудею, подъ начальствомъ внука послѣдняго царя Іехоніи, Зоровавеля. Къ празднику новолѣтія іудеи собрались въ Іерусалимъ. Здѣсь первосвященникъ Іисусъ и Зороваель, съ начальниками племенъ Іудиныхъ и Веняминовыхъ, построили жертвенникъ на прежнемъ его мѣстѣ и возобновили утреннія и вечернія всесожженія Господу, по закону Моисееву. А весною заложили основаніе второму храму на мѣстѣ перваго. Но когда сталъ первосвященникъ Іисусъ закладывать храмъ Господень, когда стали священники, во украшеніи своемъ съ трубами, и левиты съ кимвалами, чтобы хвалить Господа, по уставу Давида, царя Израилева, и воскликнули въ пѣсняхъ и исповѣданіи Господу, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его надъ Израилемъ, и всѣ люди возглашали гласомъ великимъ хваленіе Господу, при основаніи дому Господня, въ это время многіе изъ священниковъ и левитовъ и князья родовъ и старѣйшины, которые видѣли прежній храмъ, на основаніи своемъ сожженный за 52 года и 9 мѣсяцевъ тому назадъ, и сей новый храмъ предъ очами своими, заплакали гласомъ великимъ, а возглашающій народъ въ тоже время возвышалъ свои голоса въ веселіи. И не могли люди различить гласъ восклицанія веселящихся отъ гласовъ плача народнаго, такъ какъ люди возглашали гласомъ великимъ, и гласъ великій слышался издавеча. Когда чрезъ 19 лѣтъ отъ основанія своего этотъ второй храмъ былъ оконченъ, — онъ былъ обновленъ богатыми жертвоприношеніями, богослуженіе устроено и чреды священниковъ и левитовъ возстановлены во всемъ, согласно съ закономъ Моисеевымъ. Между тѣмъ въ жизни народа святыя завѣты отцовъ совсѣмъ ослабѣли, законъ Моисеевъ забытъ. Вопреки строжайшимъ заповѣдямъ закона, многіе изъ іудеевъ, даже левиты и священники и старѣйшины вступили въ супружескія связи съ останками хананей-

скихъ племенъ, а также съ аммонитянами, моавитянами и египтянами. Узнавъ это, праведный священникъ Ездра разодралъ на себѣ одежды и отправившись во храмъ, стоналъ предъ храмомъ до вечерней жертвы. Его окружили съ участіемъ всѣ богобоязненные іерусалимляне, сочувствуя его скорби. Во время вечерней жертвы, Ездра преклонилъ колѣна и простерши руки къ Богу, возопилъ: „Господи Боже мой! Прегрѣшенія наши возрасли даже до неба. Въ беззаконіяхъ нашихъ преданы мы и цари наши и священники наши и сыны наши въ руки царей языческихъ, въ мечъ, въ плѣненіе, въ расхищеніе, въ стыдѣніе лица. И нынѣ что речемъ, Боже нашъ, по семъ?!“ — И когда исповѣдался Ездра, плача и моляся предъ храмомъ Божиимъ, собралось около него собраніе великое, мужи и жены и отроки. И заплакали люди и воздвигли громкій плачъ. И сказалъ нѣкто Сехенія Ездру: „мы преступили предъ Богомъ нашимъ; и теперь завѣщаемъ завѣтъ Богу нашему, чтобы отвергнуть женъ языческихъ“. И возсталъ Ездра и клялъ князей, священниковъ и левитовъ и всего Израиля, чтобы они сдѣлали по слову сему. И клялись люди. И послано было слово во Іудею всѣмъ сынамъ преселенія, чтобы они собрались во Іерусалимъ. Народъ собрался предъ храмомъ. Ездра потребовалъ неопустительнаго исполненія закона. Никто не противился. Но такъ какъ настало время ненастное и холодное, то на этотъ разъ положено было распустить собраніе. Наконецъ по возобновленіи и стѣнъ Іерусалима, къ празднику новолѣтія, народъ пришелъ изъ другихъ городовъ въ Іерусалимъ. Здѣсь, собравшись на площади, іудеи хотѣли слышать законъ Моисеевъ. Священникъ Ездра принесъ книгу закона, взошелъ на амвонъ и развернулъ книгу. Весь народъ всталъ. Ездра благословилъ Бога; а народъ, воздѣвая руки свои, отвѣчалъ: аминь! аминь! Всѣ поклонились Господу до земли. Левиты провозгласили моленіе. Ездра началъ читать ясно и съ особенною разстановкою; священники и левиты поясняли, что могло казаться непонятнымъ. Народъ плакалъ, слушая чтеніе и изъясненіе закона. Слушали чтеніе закона нѣсколько дней, пока праздновали тутъ-же возстановленный праздникъ кущей. По окончаніи-же праздника провозглашенъ былъ постъ; собрались во вретѣщахъ, съ перстію на головахъ; четыре раза читали книгу закона, и четыре раза исповѣдали грѣхи свои и совершали поклоненіе предъ Богомъ. Наконецъ Ездра произнесъ молитву: „Ты, Господи Боже, избралъ Авраама, и извелъ его отъ земли халдейскія, и завѣщалъ съ нимъ завѣтъ, и утвердилъ слова

твои, такъ какъ Ты праведенъ. И видѣлъ Ты озлобленіе отцевъ нашихъ во Египтѣ, и вопль ихъ услышалъ на морѣ Чермномъ. И на гору синайскую Ты спелъ къ нимъ съ неба, и далъ имъ законъ истинный. Но отцы наши, и цари наши, и начальники наши, и священники наши не сотворили закона твоего. И вотъ теперь мы рабы царей языческихъ, которымъ Ты предалъ насъ за грѣхи наши. И мы полагаемъ Господу нашему завѣтъ вѣренъ, и пишемъ, и печатаютъ всѣ начальники наши и священники наши. На этомъ предметѣ составлено было особое письменное обязательство, и это обязательство подписали начальники народа, а также священники и левиты, и утвердили своими печатами. Такимъ образомъ, это послѣдній разъ сыны Израиля вошли въ клятву и въ присягу, чтобы ходить въ законъ Божіемъ, который далъ имъ Господь рукою Моисея раба Божія, чтобы пребыть вѣрными завѣту, который завѣщалъ Господь со отцемъ ихъ Авраамомъ.

Послѣ этого постепенно Богъ сталъ отымать правительственный жезлъ у потомства Іуды; стали оскудѣвать вожди отъ чреслъ его. Іудея отъ царей персидскихъ перешла подъ власть македонскаго завоевателя; затѣмъ царей сирійскихъ и египетскихъ, наконецъ и подъ владычество римлянъ, которыми въ самомъ Іерусалимѣ воцаренъ былъ Иродъ, родомъ идумеянинъ, и такимъ образомъ носящій правительственный жезлъ отнять былъ окончательно отъ потомства Іуды. Въ это-то уреченное время и пришелъ на землю примиритель Бога съ людьми, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, нареченный сынъ своего отца по плоти Іосифа, сынъ Давида, Авраама, Ноя, съ которымъ завѣщалъ Господь завѣтъ еще прежде, чѣмъ завѣщалъ съ Авраамомъ,—сынъ Адама, которому изречено было Богомъ первое благовѣстіе—первое евангеліе о Сѣмени жены, имѣющемъ стереть главу змія—искусителя,—вѣчный едиnorodный и единосущный Сынъ Божій.

Изложенное у святыхъ евангелистовъ родословіе Христа Спасителя нашего внушаетъ намъ отрадное упованіе на правду и милосердіе Божіе,—на правду, показывая, что Богъ исполнилъ, исполняетъ и исполнитъ все то, что обѣщалъ отцамъ нашимъ отъ вѣка, а на милосердіе Божіе, показывая, что между прямыми предками Спасителя нашего были и великіе святые, но были и великіе грѣшники,—были у нихъ величайшіе подвиги праведности, но были и немалые грѣхи; были кровосмѣшенія, были прелюбодѣянія, соединенныя съ убійствомъ. Между женами—праматерями были Оамари, Раавы и Вирсавіи;

между праотцами Ахазы и Манассіи. Безъ сомнѣнія, правда Божія каждаго изъ нихъ искусила въ жизни разнообразными очистительными испытаніями; по смерти-же предпочистила пребываніемъ въ посмертномъ узилищѣ духовъ; но по сошествіи Христовомъ во адъ и по воскресеніи изъ мертвыхъ, милосердіе Божіе ввело ихъ въ обители райскія, въ вѣчную славу небожителей. Разительный и славный примѣръ праотцевъ нашего Господа показываетъ, что Господь приходилъ на землю призвать на покаяніе грѣшниковъ, а не праведниковъ,—приходилъ грѣшниковъ спасти, какъ не хотѣй смерти грѣшниковъ.

Молитвами святыхъ и праведныхъ отецъ и богоотцевъ, Христосъ истинный Богъ нашъ, имиже вѣсть судьбами, помилуетъ и спасетъ и насъ, бѣдныхъ грѣшниковъ, яко благъ и человеколюбецъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю святыхъ отецъ на 10—11 главы посланія къ римлянамъ.

ТАЙНА ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА СПАСЕНІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО

Праздникъ празднуемъ, вѣрнии, отцевъ Божественныхъ радостно, Адама, Авеля чту-ще,—Сива, Еноса блажаще,—Еноха, Ноа, Симы же и Іавета воспоимъ,— Авраама, прежде закона вѣрою просіявша, и божественнаго Исаака, Іакова и Іуду, Левію и цѣломудреннаго Іосифа восхвалимъ и вѣрно возопіимъ: боноснии праотцы, молити Христа Бога грѣховъ оставленіе даровати празднующимъ любовію святую память вашу. Стихира праздника.

Двѣ недѣли предъ рождествомъ Христовымъ посвящаются благоговѣйному воспоминанію всѣхъ святыхъ праотцевъ, которые въ ветхомъ завѣтѣ благоугодили Богу, а въ частности воспоминанію святыхъ

и праведныхъ богоотцевъ, отъ которыхъ, чрезъ преемство родовъ отъ Адама чрезъ Сива, Еноха, Ноя, Авраама, Исаака и Иакова, чрезъ Иуду, Иессея и Давида, произошелъ Христосъ по плоти, сый надъ всѣми и всѣмъ Богъ благословенъ во вѣки. Нынѣшній день называется недѣля святыхъ отецъ, ветхозавѣтныхъ предковъ Господа Иисуса Христа; а предшествовавшая недѣля была недѣля святыхъ праотцевъ, всѣхъ праведниковъ, благоугодившихъ Богу въ ветхомъ завѣтѣ. Впрочемъ въ ту и другую недѣлю прославляются въ церковномъ богослуженіи одни и тѣже лица, какъ прямые предки Господа Иисуса, такъ и другіе ветхозавѣтные святые, которые и не принадлежали къ колѣну, изъ коего произошелъ Христосъ по плоти, — всѣ праведные мужи и жены отъ Адама, Мельхиседека, Моисея и до Іоанна Предтечи.

Въ эти два святые дня предносится предъ умственными очами нашими, на пространствѣ пяти тысячелѣтій, длинный рядъ великихъ и даже величайшихъ угодниковъ Божіихъ, каковы были Енохъ, Ной, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, Моисей и Давидъ, Исаія и Даніиль и другіе. А въ тоже время представляется печальный контрастъ, что на пространствѣ двухъ послѣдующихъ тысячелѣтій уже новаго завѣта, многіе милліоны потомковъ богоизбраннаго нѣкогда Израиля влачатъ свое печальное существованіе въ отверженіи отъ истинной Христовой церкви, подъ явнымъ неблаговоленіемъ Божіимъ, которое обнаруживается и въ томъ, что милліоны разсѣяннаго рода еврейскаго не имѣютъ политическаго существованія, состоятъ въ зависимости отъ другихъ народовъ и даже въ большей части своей не получили пока еще гражданской равноправности съ прочими своими согражданами, съ другими даже не господствующими племенами, напр., у насъ въ Россіи съ мусульманами и т. д. Отчего это? Къ чему это?

На первый изъ этихъ двухъ вопросовъ: отчего это? мы отвѣтили не собственными умствованіями, а разсужденіями св. апостола Павла, въ прежнихъ нашихъ собесѣдованіяхъ на посланіе его къ римлянамъ.

Истину говорю о Христѣ, — объяснялъ намъ св. апостолъ, — не лгу, какъ свидѣтельствуешь мнѣ совѣсть моя Духомъ Святымъ. Скорбь для меня великая и не престающая болѣзнь сердцу моему. Молился бы самъ я быть отлученнымъ отъ Христа за братію мою, сродниковъ моихъ по плоти, которые суть израильтяне, которымъ принадлежатъ усыновленіе и слава, и завѣты и законоположеніе, и уставы богослу-

женія и обѣтованія; ихъ и отцы и отъ нихъ Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенный во вѣки.

Вотъ Богъ усыновилъ себѣ израильтянъ, а теперь они отвержены, — отпало-ли слово Божіе? Нѣтъ. Не всѣ тѣ истинные израильтяне, которые по плоти происходятъ отъ Израиля. Не всѣ тѣ чада Божіи, истинныя чада Авраама, которыя отъ Авраама происходятъ по плоти. Но тѣ чада Авраама и чада Божіи, которыхъ Богъ предувѣдалъ, которыхъ и предопредѣлилъ ко спасенію, которыхъ и призвалъ; Богъ оправдаетъ только тѣхъ, которыхъ призвалъ; тѣхъ и прославить во царствіи своемъ, которыхъ призвалъ въ церковь свою. А прочіе ослѣпились и отпали, отверглись Христа и отвержены. Отвержены теперь изъ церкви Христовой, будутъ-ли отвержены и вѣчно изъ царства Божія? Отпали по ослѣпленію, — погибнуть-ли вѣчно? Съ другой стороны, въ ветхомъ завѣтѣ, на пространствѣ тысячелѣтій, мириады язычниковъ жили внѣ истинной церкви Божіей, погибнуть-ли и эти вѣчно? Да и въ новомъ завѣтѣ на пространствѣ тысячелѣтій опять-же живутъ мириады язычниковъ, еще не призванныхъ въ церковь Христову; погибнуть-ли и эти вѣчно? Вотъ вопросъ.

Конечно отвѣтимъ на него столько, сколько найдетъ возможнымъ и полезнымъ отвѣтить св. апостолъ Павелъ. Мы съ своей стороны отвѣтимъ столько — не больше, не потому, чтобы находили полезнымъ прикрыть благоразумнымъ молчаніемъ то, что намъ открыто и извѣстно, а потому, что самъ Духъ Святый нашелъ нужнымъ и полезнымъ открыть сію тайну церкви Божіей настолько, насколько она раскрывается у св. апостола Павла. Эту прикровенность, насколько она открыта Богомъ, можно выразить въ слѣдующихъ двухъ изреченіяхъ: Богъ всегда спасаетъ насъ не безъ насъ; но въ тоже время по предопредѣленію своему спасаетъ насъ и несмотря на насъ. Это значитъ, что Богъ всецѣло самъ, своею благодатію, совершаетъ наше спасеніе; но требуетъ, чтобъ и мы собственною свободою сознательно усвоили свое спасеніе. А въ тоже время Богъ совершаетъ домостроительство нашего спасенія и таинственными путями, которыхъ мы постигнуть не можемъ. Такъ есть особые таинственные планы божественнаго домостроительства какъ въ избраніи и отверженіи Израиля, такъ и въ отверженіи и призваніи язычниковъ.

Вотъ представьте. Въ мірѣ Божіемъ растетъ великое древо богоизбраннаго племени, которое превратилось съ теченіемъ вѣковъ въ ве-

ликій богоизбранный народъ, составлявшій церковь Божию на землѣ. Святой корень этого древа—это рядъ патриарховъ допотопныхъ: Адамъ, Сиеъ, Енось, Каинанъ, Малелеиль, Гаредъ, Енохъ, Маѳусаиль и Ламехъ. Отъ святаго корня изшелъ святой стволъ патриарховъ послѣ потопа, каковы именно: Ной, Симъ, Арфаксатъ, Каинанъ, Сала, Еверъ (отъ имени котораго богоизбранный народъ получилъ имя евреевъ), Фалекъ, Рагавъ, Серухъ, Нахоръ, Тарра, отъ Тарры патриархи Авраамъ, Исаакъ и Иаковъ богоборецъ Израиль, отъ имени котораго родъ его получилъ имя израильтянъ. Отъ этого ствола пошло дванадцать вѣтвей,—это 12 патриарховъ, сыновъ патриарха Иакова: Рувимъ, Симеонъ, Левій, Иуда, Завулонъ, Иссахаръ, Данъ, Гадъ, Ассиръ, Нефѳалимъ, Иосифъ и Веніаминъ. Главнѣйшею изъ этихъ 12 вѣтвей было колѣно Иуды, который получилъ отъ отца своего Иакова благословенное обѣтованіе, что отъ него не оскудѣетъ князь и вождь отъ чреслъ его, пока не придетъ обѣтованный Примиритель, чаяніе народовъ. Эта вѣтвь Иудина, чрезъ рядъ князей колѣна Иудина, кончилась Іессеемъ; а отъ корня Іессея произрасла новая славная вѣтвь царская, начавшаяся славнѣйшимъ царемъ израильскимъ Давидомъ, а кончившаяся съ одной стороны святымъ и праведнымъ Іосифомъ обручникомъ, а съ другой — прекраснѣйшимъ цвѣтомъ всего патриархальнаго древа, Дѣвою Марією; а изъ этого цвѣта родилось обѣтованное сѣмя, Господь Іисусъ Христосъ, который стеръ главу змія и сталъ корнемъ новой жизни, новаго древа спасаемыхъ для царства Божія.

Обратимся опять назадъ. У Адама праотца было много сыновъ и дочерей; но въ древо богоизбраннаго рода сыновъ Божіихъ вошелъ только юнѣйшій сынъ Адама Сиеъ, а прочіе, начиная съ Каина, составили обширное, забывшее Бога и отверженное Богомъ племя сыновъ человѣческихъ. У другихъ патриарховъ допотопныхъ также были сыны и дочери; но большая часть изъ нихъ отпадали отъ богонасажденнаго древа и составили допотопное человѣчество, которое все погублено въ водахъ потопа, кромѣ одного Ноя съ женою и трехъ сыновъ его съ женами. Отъ родоначальника послѣпотопнаго человѣчества Ноя древо богоизбраннаго племени стало расти чрезъ Сима и происходящій отъ него родъ патриарховъ до Авраама, а роды прочихъ сыновъ Ноевыхъ Хама и Іафета, какъ большей части племенъ, происшедшихъ и отъ Сима, отпавъ отъ богонасажденнаго древа, составили человѣчество, которому усвоено названіе языческаго. Изъ всего этого человѣ-

чества отдѣлены въ церковь Божию, въ святое богоизбранное племя чадъ Божіихъ, Авраамъ и родъ его. Но и отъ Авраама одинъ изъ сыновъ его Измаиль отпалъ отъ богоизбраннаго племени, и оставленъ другой сынъ Исаакъ. Отъ Исаака одинъ изъ сыновъ его Исавъ также отверженъ, а оставленъ въ святое племя патриархъ Иаковъ Израиль. Отъ Иакова произошло 12 колѣнъ Израиля; но чрезъ 6 вѣковъ десять колѣнъ израильскихъ отпали отъ единого истиннаго Бога и со временемъ разошлись. Для церкви Божіей сохранились на стволѣ богонасажденнаго древа, уцѣлѣли до пришествія Христова, только два колѣна, Иудино и Веніаминово. Когда Христосъ сталъ сѣменемъ новой жизни и корнемъ новаго богонасажденнаго древа спасаемыхъ, то только богоизбранный останокъ сыновъ Израилевыхъ уцѣлѣлъ на этомъ древѣ, прочіе-же по невѣрію отломились. Въ замѣнъ того стали прививаться вѣрою къ этому живоносному древу многія дикія вѣтви изъ давно отверженнаго язычества. Вотъ теперь стойте на этой точкѣ зрѣнія и вникните въ разсужденіе великаго апостола.

Братіе,—пишетъ св. апостолъ,—доброжелательство моего сердца и молитва къ Богу объ Израилѣ во спасеніе. Свидѣтельствую имъ съ сожалѣніемъ, что ревность по Богѣ они имѣютъ, но не по разуму. Не разумѣя правды Божіей и свою правду ищуще поставить, правдѣ Божіей они не покорились. Они ищутъ оправдаться праведностью Моисеева закона. Но кончина, но цѣль закона Моисеева Христосъ, въ правду и оправданіе всякому вѣрующему,—потому что закономъ оправдаться человеку невозможно. Моисей пишетъ: тотъ, кто исполнитъ заповѣди закона, тотъ живъ будетъ въ нихъ. А кто силенъ исполнить законъ Божій? Заповѣдь Господня широка и глубока безпредѣльно. Нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ. Всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей. Напротивъ, вѣрою Христовою спастись возможно и даже легко. Объ оправданіи вѣрою Моисей такъ говоритъ: не говори въ сердцѣ твоёмъ: кто взойдетъ на небо,—свести оттуда божественнаго Икупителя насъ грѣшныхъ? Кто сойдетъ во адъ,—возвести оттуда Побѣдителя смерти и ада? Глаголь вѣры близъ тебя, во устахъ твоихъ. И въ сердцѣ твоёмъ,—глаголь вѣры, которую мы проповѣдуемъ. Вотъ Икупитель человѣческаго рода уже сошелъ съ неба. Вотъ Побѣдитель смерти и ада изшелъ изъ ада и воскресъ изъ мертвыхъ. Спастись теперь всякому не трудно,—но спастись не инымъ чѣмъ, какъ вѣрою. Если ты исповѣдуешь устами твоими Іисуса Господомъ Богомъ твоимъ,

природѣ маслины и привился къ хорошей маслинѣ, — то тѣмъ болѣе, скорѣе и легче природные привьются къ своей природной маслинѣ.

Не хочу оставить васъ, братія, — заключаетъ святой апостолъ, — въ невѣдѣніи о тайнѣ сей, что ожесточеніе произошло въ Израили отъ части, до времени, пока войдетъ въ царство Христово полное число язычниковъ. И такимъ образомъ весь Израиль спасется, какъ и написано въ писаніи: придетъ отъ Сіона Избавитель и отвратитъ нечестіе отъ Іакова. И сей завѣтъ имъ отъ Меня, отъ Бога, когда сниму съ нихъ грѣхи ихъ. Въ отношеніи къ евангелію, они враги ради васъ, чтобы дать вамъ мѣсто въ церкви Божіей; а по избранію они возлюбленные чада Божіи ради своихъ отцевъ. Ибо дары и призваніе Божіе непреложны. Какъ и вы нѣкогда были непослушны Богу, а нынѣ помилованы вслѣдствіе ихъ непослушанія, — такъ и они теперь непослушны для помилованія васъ, чтобы и сами они были помилованы. Ибо затворилъ Богъ всѣхъ въ противленіе, чтобы всѣхъ помиловать.

Вотъ сущность тайны. Богъ затворилъ нѣкогда язычниковъ въ противленіе Богу, чтобы сдѣлать израильтянъ народомъ богоизбраннымъ. По пришествіи-же Христовомъ Богъ затворилъ израильтянъ въ противленіе Богу, чтобы чрезъ ихъ непослушаніе спасти язычниковъ. Что-же тѣ міриады евреевъ, которые жили и умерли въ противленіи Богу? Начатокъ ихъ народнаго тѣла святъ, то и тѣло свято; корень святъ, то и вѣтви святы. По избранію израильтяне возлюбленные Богу чада ради своихъ отцовъ. Дарованія и призванія Божіи непреложны. Придетъ время, когда Израиль опять обратится къ Богу, и тако весь Израиль спасется. А пока до времени Богъ держитъ всѣхъ затворенными въ противленіе, чтобы всѣхъ помиловать.

Есть-ли у Бога таинственные пути спасенія человѣческаго, которыхъ мы не знаемъ? Безъ сомнѣнія, есть. Дорого-ли Богу спасеніе каждого человѣка, праведнаго и грѣшнаго? Безъ сомнѣнія, дорого. Праведники-ли войдутъ въ царствіе Божіе? Въ притчѣ о вечери царь говоритъ слугамъ: ступайте не только въ города и веси, но и на распутія и малыя тропинки, и введите на вечерю хромыхъ и слѣпыхъ и убогихъ, да наполнится домъ мой возлежащихъ. Продолжаются-ли пути спасенія человѣка послѣ смерти за гробомъ? Послѣ смерти нѣтъ покаянія, самъ человѣкъ за гробомъ безсиленъ сдѣлать что-либо для собственнаго спасенія. Но несомнѣнно благотворны для него предстательство святыхъ, заслуги праведныхъ отцовъ, молитва церкви земнород-

ныхъ братій и написанныхъ на небесахъ, ходатайство предстательницы всѣхъ скорбящихъ, Матери Божіей, которая сильна сама спасти прибѣгающихъ къ ней, ходатайство за насъ грѣшныхъ ангеловъ небесныхъ и особенно всесильное ходатайство самого Искупителя нашего Іисуса Христа и Духа Божія, ходатайствующихъ передъ правдою Божіею за всѣхъ грѣшниковъ нераскаянныхъ, за всѣхъ способныхъ взывать къ милосердію Божію по вѣрѣ въ Сына Божія, пришедшаго въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ-же первый есмь азъ.

Величайшій тайнозритель судебъ Божіихъ, земныхъ и небесныхъ, великій апостолъ Павелъ не открылъ намъ по сему ничего болѣе. А только заглянувъ въ ту неудобозримую и для ангельскихъ очей бездну, гдѣ милость и истина Божія срѣчаются, гдѣ правда и міръ лобызаются, заглянулъ и отпрянулъ отъ бездны въ благоговѣнномъ страхѣ съ восклицаніемъ: о, глубина богатства и премудрости и разума Божія! Яко неиспытанны суды Его и неизслѣдованны пути Его! Кто уразумѣлъ умъ Господень, или кто былъ Ему совѣтникомъ? Кто прежде далъ Ему, чтобы взять отъ Него что-либо обратно, какъ награду, какъ свое право? Яко изъ Того и Тѣмъ и въ Немъ всяческая. Тому слава во вѣки! Такъ и мы воскликнемъ съ апостоломъ и ангелами небесными: слава въ вышнихъ Богу! И на земли миръ! Богу нашему слава во вѣки! Аминь.

1883 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день рождества Христова.

МИРЪ НА ЗЕМЛѢ.

Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцхъ благоволеніе. Лук. 2, 14.

Какая небесная простота истины въ чертахъ событія и какая высокая восхитительная поэзія въ евангельскомъ изображеніи рождества Христова!

Представимъ зимнюю палестинскую ночь, мерцающее свѣтомъ звѣздъ южное небо, мрачную безснѣжную землю. Холодъ тамъ одинаково бываетъ, хотя и небольшой, но чувствительный. Въ долину въ небольшомъ полуторавертномъ разстояніи отъ древняго именитаго, хотя и обдѣнѣвшаго города Давидова Виелеема, пастухи держатъ стражу ночную около заснувшаго стада. Подъ зимній холодъ все живое дремлетъ. Всѣ здѣсь, и пастыри и стадо, прикрыты пеленою ночнаго мрака; только звѣзды небесныя глядятъ съ высоты небесной, да вотъ готова загорѣться чудесная звѣзда виелеемская, которой ищутъ гдѣ-то далеко мудрые волхвы, но пастыри простецы пока еще не замѣчаютъ. Вдругъ предсталъ имъ ангелъ Господень, и слава Господня осіяла ихъ, и пастыри вздрогнули отъ страха. Но ангелъ вѣщаетъ имъ; не бойтесь, я возвѣщаю вамъ радость великую, радость всѣмъ людямъ. Нынѣ, въ эту минуту, родился вамъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, который есть обѣтованный, чаемый вами Мессія, Христосъ Господь. И вотъ вамъ знаменіе: вы найдете младенца въ пеленахъ, лежащаго въ ясляхъ. И внезапно явилось со ангеломъ множество воинствъ небесныхъ, которыя возгласили ангельское славословіе Богу: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе*. Когда ангелы взошли на небо, пастухи говорятъ другъ другу: пойдемъ въ Виелеемъ и посмотримъ, что тамъ случилось, о чемъ возвѣстилъ намъ Господь. И поспѣшно взбираются на взгорье, на которомъ раскинутъ Виелеемъ. Тамъ находятъ тѣсноту скота и людей, собравшихся во множествѣ по случаю народной переписи; а въ глубинѣ отнынѣ на вѣки славной пещеры, въ скотскомъ помѣщеніи, за недостаткомъ мѣста въ человѣческомъ обиталищѣ, видятъ Марію, юную мать, Іосифа обручника и Младенца, Господа неба и земли, повитаго пеленами и положеннаго въ скотскія ясли, за недостаткомъ колыбели. Здѣсь, у самаго мѣста, въ самый моментъ рождества Христова, дѣйствительно миръ, самая мирная, самая идиллическая картина.

Но чуть-чуть далѣе полный контрастъ, совершенная противоположность. Тамъ далѣе смертоносная мнительность, тамъ бѣшеная ярость, тамъ неуголимая кровожадность, тамъ неукротимая безпощадность, разбуженная именно рождествомъ-же Христовымъ. Тамъ неподалеку въ Іерусалимѣ мятется Иродъ царь въ ярости, мнутся первосвященники и книжники людскіе въ ужасѣ; въ Іерусалимѣ прибыли невиданные странные люди, волхвы съ востока, которые, указывая на

новопоявившуюся звѣзду, толкуютъ, что родился великій, давно жданный съ востока царь, что мы-де узрѣли ново-загорѣвшуюся звѣзду Его на востокѣ, что Онъ родился здѣсь гдѣ-то у васъ, около васъ, и мы пришли поклониться Ему. Книжники, не долго роясь въ древнихъ пророчествахъ, указываютъ царю Ироду прямо на извѣстное пророчество, что Мессія Христосъ долженъ родиться въ Виелеемѣ. А, въ Виелеемѣ родился новый царь іудейскій, злобно-коварно раздумываетъ Иродъ, и повелѣваетъ избить въ Виелеемѣ и въ предѣлахъ его всѣхъ младенцевъ до двухлѣтнаго возраста, восполняя неисчислимое количество жертвъ своей кровожадности избіеніемъ цѣлыхъ четырнадцати тысячъ виелеемскихъ дѣтей. Конечно, такимъ вопіющимъ злодѣйствомъ ни себѣ не купилъ онъ душевнаго мира, ни тѣмъ несчастнымъ, которые стали на этотъ разъ жертвою его звѣрства, не далъ онъ мира. Напротивъ, по Виелеему и въ предѣлахъ его поднимаются раздирающіе вопли страданія, стонъ и плачъ, вопли избиваемыхъ дѣтей, стоны терзаемыхъ матерей, подавляемые то невольно исторгающимся изъ груди, то безмолвнымъ горемъ отцовъ и всего населенія, пораженнаго жалостью, тупымъ ужасомъ и безсильною яростью противъ такихъ безконечныхъ ужасовъ Иродова царствованія. Гдѣ-же тутъ миръ?

Миръ-ли принесло рождество Христово на землю? Кому вѣрить? Ангеламъ-ли, которые огласили колыбель Христову въ ясляхъ небесною пѣснью: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*? Самому-ли Христу, Его неложному слову: *огонь пришелъ Я извести на землю. Думаете-ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе*. Или по болѣе рѣшительному изреченію у евангелиста Маттея: *не миръ пришелъ Я извести на землю, но мечъ*. И самъ-же Господь разъясняетъ это: *ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ, и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына, и сынъ противъ отца; мать противъ дочери, и дочь противъ матери; свекровь противъ невестки своей, и невестка противъ свекрови своей. И враги человѣку домашніе его* (Луки 12, 49—53; Мат. 10, 34—36). Вѣрить-ли, наконецъ, очевидности факта, что христіанство не принесло мира на землю?

И однако-же рождество Христово принесло миръ на землю. Въ подтвержденіе этой истины мнѣ хочется указать вамъ на самые очевидные, самые осязательные факты.

Извѣстно, что вещи познаются по сравненію. Такъ воздухъ не имѣетъ никакой цѣны, пока мы имъ дышемъ безпрепятственно; но дорого-бы мы за него дали, еслибъ у насъ его отняли. Такъ и христіанство, частіе, вліяніе его на умирненіе земли, мы мало цѣнимъ потому, что въ христіанствѣ, среди общества христіанскаго, мы родились, живемъ и умремъ, и потому не можемъ безъ сравненія судить, что значило-бы жить намъ внѣ христіанства. А сравнимъ состояніе человѣчества теперь подъ вліяніемъ живаго и пока еще крѣпкаго христіанства съ состояніемъ общества до-христіанскимъ и антихристіанскимъ. Къ несчастію и о послѣднемъ, объ антихристіанскомъ состояніи общества, мы можемъ уже судить, въ наши печальные дни, по собственному печальному опыту. Мы должны знать и помнить, что и слова Христовы: *не миръ пришелъ Я принести на землю, но мечъ; Я пришелъ разделить человека съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невестку съ свекровью ея*, — что слова эти относятся сколько къ первымъ временамъ христіанства, пока оно еще не утвердилось, столько-жъ и къ послѣднимъ временамъ, когда оно склонится къ упадку, и исполненіе этихъ словъ Господа относительно первой христіанской древности мы видѣли въ исторіи, а относительно нашихъ скорбныхъ дней видимъ собственными очами, слышимъ собственными ушами. Опять-же когда судимъ о вліяніи утвердившагося, проникающаго въ жизнь христіанства на умирненіе человѣчества, мы должны имѣть въ виду не только факты жизни, но и нравственные принципы евангелія, которые вошли и постепенно входятъ въ правила жизни, въ общественные обычаи, въ государственное законодательство; которые воспитали и пока еще продолжаютъ воспитывать христіанскій міръ; которые повліяли на вѣру, нравы и законодательство даже нехристіанскихъ народовъ; которые продолжаютъ еще окружать и руководить, даже противъ воли, самихъ анти-христіанскихъ отщепенцевъ нашего пока еще христіанскаго строя. А при такомъ возрѣніи на вліяніе христіанства, умирненіе имъ земли не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Оно безспорно, оно очевидно, оно осязаемо. Безспорно, что рождество Христово принесло миръ въ душу каждаго человѣка, принесло миръ въ семью, миръ въ общество христіанское, принесло миръ на всю землю.

Говорить-ли, что Христово евангеліе низвело миръ въ душу каждаго человѣка, умиротворяя его съ Богомъ и совѣстію? Говорить-ли о возрожденіи человѣка христіанина въ таинствѣ крещенія, о возрожде-

ніи въ ветхомъ новаго человѣка, о ниспосланіи возрожденному, разрешаемому, очищаемому человѣку благодати святаго Духа, о соединеніи человѣка со Христомъ въ другихъ таинствахъ, какъ и во всѣхъ учрежденіяхъ Христовой церкви? Это міръ таинственный, вѣдомый каждому въ его совѣсти, но не для всякаго сторонняго ока видимый. А вотъ что видимо и для другихъ. Настоящій истинный христіанинъ живетъ и умираетъ въ вѣрѣ, надеждѣ и любви христіанской. А кто при этомъ не видитъ, развѣ кто не желаетъ видѣть, что вѣра Христова отъ колыбели до гроба вливаетъ въ его душу миръ Божій и радость о Духѣ святомъ? Что въ скорбяхъ онъ видитъ надъ собой всегдашній покровъ провидѣнія, въ смерти переходъ къ лучшей вѣчной жизни, среди нравственныхъ немощей питаетъ надежду на всепрощеніе, среди тревожной жизни воспламеняется жаждою отрѣшиться отъ узъ тѣла и соединиться со Христомъ вѣчною любовію? О состояніи человѣка въ еврействѣ, въ магометанствѣ, не скажемъ ни слова; въ нихъ мы видимъ не иное что, какъ искаженные отростки истинной вѣры въ единого истиннаго Бога. Но что было съ человѣкомъ въ язычествѣ? Немощи и грѣхи были, а нравственного очищенія, даже надежды на него не было. Провидѣнія въ сознаніи язычниковъ не было; боги были безсильные и большею частію злые; а надъ всѣмъ царила злая судьба; за гробомъ-же ожидалъ всѣхъ безрадостный адъ. А что въ новѣйшемъ антихристіанствѣ? Провидѣнія, конечно, нѣтъ. Загробной жизни нѣтъ. Смерть ужасна и всегда отвратительна; а если она и желается, то только какъ избавленіе отъ невыносимаго зла жизни. Самыя мрачныя терзанія совѣсти однако-же никакъ не исключаются. Самыя адскія муки нерѣдко гнѣздятся въ душѣ, терзая ее неумолимо и неутолимо, заставляя часто человѣка, безъ Бога, безъ просвѣта надежды, безъ любви къ кому-либо, иногда съ проклятіями всѣмъ и всему, безъ вѣры въ какую-бы то ни было правду, съ цѣлымъ адомъ на сердцѣ, накликавъ на себя самоуничтоженіе, безъ твердой однакоже вѣры и въ покой небытія. А что если тамъ да адъ дѣйствительный? Никто и ничто не имѣетъ силы дать невѣрію на это отвѣтъ положительно отрицательный. Какой-же тутъ можетъ быть миръ души?

Говорить-ли, что рождество Христово принесло миръ въ семью? Что христіанскими началами семейственности, именно единоженства: *оставитъ человекъ отца своего и мать свою и прильпится къ жень своей*, — нерасторжимости брачнаго союза: *еже Богъ сочета,*

человѣкъ да не разлучаетъ,—почтенія къ родителямъ: *чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ*,—попеченія о дѣтяхъ: *отцы не раздражайте чада своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и учении Господнемъ*,—попеченія о всѣхъ присныхъ: *кто о своихъ, наче-же о присныхъ, о домашнихъ не радитъ, тотъ въры отрекся и хуже неврѣнаго*,—что этими началами семейственности благоустраивается семья христіанская къ нормальности отношеній, къ любви и неразрывности, къ высшему на землѣ взаимному согласію и миру? Куда по рождествѣ Христовомъ исчезло языческое, даже еврейское многоженство? Куда легкость брачнаго развода? Куда узаконенная продажа, куда правовое даже убійство родителями дѣтей? А что видимъ въ современномъ антихристіанствѣ? Не укореняются-ли въ немъ, даже не ухудшаются-ли крайности языческаго семейнаго быта? Легкость развода—легчайшее изъ требованій антихристіанства. Не разрушается-ли неразрывность супружескаго союза, какъ семейный развратъ? Не подымается-ли на вѣтеръ всякая признательность дѣтей родителямъ не только за рожденіе, но и за воспитаніе? Не подымается-ли на вѣтеръ не только въ явленіяхъ современной жизни, но и въ принципахъ новѣйшаго антихристіанскаго ученія? Что можно-бы сказать, съ новѣйшей антихристіанской точки зрѣнія, противъ этого новаго, впрочемъ не единичнаго, а новаго только въ ужасающихъ, доведенныхъ до полнѣйшаго раскрытія подробностяхъ, ужаснаго явленія, противъ появленія на скамьѣ подсудимыхъ тринадцатилѣтняго крестьянскаго мальчика, Михаила Григорьева, который судился на-дняхъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ за отцеубійство, который во все время судебного засѣданія держалъ себя совершенно спокойно, на вопросы суда отвѣчалъ толково и бойко, сидѣлъ вольно, противъ этого отрока анархиста, атеиста, по меньшей мѣрѣ скептика въ вѣрѣ, не много поучившагося въ школѣ, но читавшаго газеты, романы и повѣсти,—который въ послѣднемъ своемъ словѣ суду въ свое оправданіе сказалъ: „я хотѣлъ учиться, составить себѣ какую-нибудь карьеру, но отецъ не давалъ“ (отецъ его былъ весьма зажиточный извозчикъ). „Еслибъ я жилъ въ деревнѣ, я не искусила-бы; но здѣсь въ городѣ, обращаюсь между образованными людьми, дѣло совсѣмъ другое. Потому я долженъ сказать, что когда я шелъ съ топоромъ, то я подумалъ: *Господи! что я хочу дѣлать? Но тутъ явилась у меня противоположная мысль: да есть-ли Богъ! Кшо это можетъ доказать?*“

Послѣ чего это 13-лѣтнее дитя, но уже отрицатель Бога и Его правды, взмахомъ топора убиваетъ наповаль своего спящаго отца и спокойно принимаетъ, съ рѣдкой находчивостію, всѣ мѣры къ сокрытію своего преступленія отъ земной человѣческой (Церковн. Вѣстн. 1882 г., № 48), пока еще дѣйствующей правды? Что сказать противъ такого по нашему изверга, такого юнаго, полного душевной мощи героя съ антихристіанской точки зрѣнія? Что его не обвинить, а оправдать и прославить, какъ Вѣру Засуличъ, не казнить, а немного полечить и затѣмъ учить надо? Дать способы кончить курсъ въ университетѣ? Безспорно, къ утвержденію мира въ семьѣ ведетъ христіанство; но судите, къ миру-ли ведетъ антихристіанство? А то-ли еще будетъ? Сбудется и сбывается слово Христово: *отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца... Возстанутъ чада на родителей и убьютъ ихъ*. Поглядите въ нѣкоторыхъ кругахъ: гдѣ теперь родительская власть? Не плыветъ-ли она по житейской рѣкѣ на привязи у прихоти, у своеправія и суемудрія дѣтей, сыновей и дочерей, какъ болѣе передовыхъ, чѣмъ ихъ отцы, на мірской аренѣ? Не бѣжитъ-ли куда-то и вѣрность супружества? Не часто-ли приходится мужу и женѣ, отцу и матери, дѣлать между собой и оставлять родныхъ своихъ дѣтей, какъ и другъ друга? А то-ли еще будетъ, то-ли ожидается, то-ли провозвѣщается? Не внушается-ли матерямъ устроиться такъ, чтобъ дѣти и не знали своихъ отцовъ? Что матери, а не отцы должны быть стержнемъ семьи? Что сколько-то тысячъ лѣтъ тому назадъ у нѣкоторыхъ дикарей матери, а не отцы давали дѣтямъ даже свои фамиліи? И тогда-то станетъ счастье на землѣ; скотское счастье, не правда-ли? Но будетъ-ли тогда миръ въ семьѣ, будетъ-ли семья? А она была и есть пока на землѣ. А миръ былъ и есть пока въ семьѣ, и принесенъ онъ на землю рождествомъ Христовымъ.

Говорить-ли о томъ, что рождество Христово принесло миръ въ общество христіанское? Что христіанскій принципъ: *Бога бойтеся, любя какъ безконечную любовь; царя чтите*, боясь Бога, и *братство возлюбите*,—что этотъ принципъ крѣпко умиротворялъ всѣ общественныя отношенія? Что всѣ основы общественнаго правосудія въ христіанствѣ утверждаются на христіанскихъ началахъ братской любви, равенства предъ судомъ правды, обязательной защиты закономъ каждой личности, какъ плоти отъ плоти нашей, какъ роднаго намъ по плоти брата, сына общаго нашего отца Адама, съ уваженіемъ въ каждомъ

человѣкъ достоинства человѣческаго, а въ каждомъ христіанинѣ и достоинства еще равноправнаго намъ сына Божія, члена церкви Христовой, сонаслѣдника царства небеснаго? Говорить-ли, что христіанство возвело царепочитаніе на высоту нравственнаго правила не только писаннаго закона, но и закона народной совѣсти, до беззавѣтной преданности царю, до самоотверженнаго нещадѣнія за царя даже собственной крови и жизни? Что христіанство возвело это требованіе народной совѣсти на высоту даже народной поэзіи? Доказательство этому налицо въ православномъ русскомъ народѣ. Говорить-ли, что христіанство возвело и вѣру въ Бога христіанскаго въ значеніе безцѣнной поэзіи сердца, поэзіи, проявившейся и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, и въ народныхъ пѣсняхъ и легендахъ, и въ непрерывающемся рядѣ церковно-народныхъ празднествъ, обрядовъ и вѣрованій, поэтически обвивающихъ всю жизнь народа отъ колыбели, чрезъ браковѣчаніе, и до могилы? Что эта священная поэзія, такъ сказать, убавкивала всю жизнь народа отъ сна колыбельнаго до сна могильнаго на кладбищѣ, навѣвая сладкія чаянія тамъ и здѣсь, тамъ на счастье жизни настоящей, здѣсь на блаженство жизни будущей вѣчной? Что вся жизнь, примѣрно, нашего православно-русскаго народа распредѣлялась, какъ по свѣтлымъ гранямъ, по срокамъ церковныхъ празднованій, вознося чувство сердца отъ одной велико-праздничной умилительной радости къ другой, умилая въ концѣ одной праздничной радости мирно-молитвенною надеждою дожить до другой, отъ рождества Христова дожить до крещенія, а тамъ до поста и свѣтлаго дня Христова? Что праздники въ родѣ рождества Христова, святыя пасхи, святыя Троицы, искони вѣковъ, были повиты вышею, самою кроткою, самою мирною поэзіею, которая умиротворяла, восхищала и просвѣщала тихимъ Христовымъ свѣтомъ народный духъ? Припомните каждый свое свѣтлое дѣтство. Припомните каждый святыя обычаи роднаго края по весямъ, да и по городамъ, въ недалекую еще старину. Припомните святыя обычаи всероссійской народно-церковной старины. Припомните, кто вѣдалъ, старину даже европейскую христіанскую, сколько поэзіи породили и поэтическихъ воспоминаній навѣвали эти всерадостные дни, примѣрно этотъ самый день рождества Христова. Взгляните. Еще и въ наши дни въ Германіи, въ Англіи, въ Америкѣ, да и въ другихъ христіанскихъ земляхъ, въ тихо-радостный день рождества Христова, вся суета житейская всецѣло выметается съ улицъ, съ площадей, изъ

домовъ, по весямъ и по городамъ, отъ хижинъ и до дворцовъ. А у насъ такъ-ли на святой Руси въ наши суетные дни? Вмѣсто суеты житейской въ нѣкоторыхъ кругахъ выметена вся поэзія праздничная. И нарочно выметается; да и засохла она въ изсыхающихъ сердцахъ. Къ богослуженію праздничному равнодушіе ледяное, замороженное на нашихъ сѣверныхъ морозахъ. На всеобщемъ бдѣніи, гдѣ сосредоточена вся церковная поэзія праздника, изъ этого круга, увы! много-ли бываетъ! Почти ни души! Каковъ примѣръ народу, о религіозно-нравственномъ преуспѣяніи котораго столько крикливой заботы! Да и на больше обыденную службу литургіи все-ли жалуютъ! Думаютъ церковное христіанское торжество замѣнить благотворительными елками, спектаклями, гдѣ будетъ конечно веселѣе, шумнѣе, свободнѣе, чѣмъ въ церкви. Хорошее, боголюбное дѣло — христіанская благотворительность. Но нѣтъ-ли внутренняго противорѣчія въ укореняющемся обычаѣ праздновать христіанскій праздникъ безъ мысли о Христѣ? Кое общеніе свѣту, нынѣшнему свѣту въ иныхъ кругахъ со Христомъ, увлекающемуся на страну далече отъ Христа? Поражаетъ, что даже на пасхальныхъ яйцахъ, продаваемыхъ для подарковъ, свѣтлыя эмблемы свѣтлѣйшаго изъ христіанскихъ праздниковъ замѣняются реальными или даже подозрительными изображеніями цвѣтовъ, курицы съ яйцами или цыплятами, бабочекъ, амуровъ и т. п., лишь-бы только не было: *Христосъ воскресъ*, лишь-бы изгнать напоминаніе о Христѣ. Вся христіанская поэзія тухнетъ, — поэзія, которая много вѣковъ, отъ колыбели всего христіанскаго міра, составляла миръ труждающихся и обремененныхъ житейскою суетою душъ, составляла родникъ самыхъ чистыхъ радостей, родникъ тихаго народнаго счастья, невозмутимаго ни для какихъ житейскихъ бурь. Бывало: горе, пожаръ, болѣзнь; но чья душа не встрепенется при первыхъ звукахъ пѣсни: *Два днесъ пресущественнаго раждаетъ*, — или: *Христосъ воскресъ*? А нынѣ эти поэтическія чувства холодеютъ и вымираютъ, не во всехъ конечно, но во многихъ. И печальный плодъ этого въ наши дни уже сказался ясно. Умирая въ умирающихъ сердцахъ, христіанская поэзія мститъ, или вѣрнѣе казнить за себя. За христіанскою, какъ матерью всякой истинной возвышенной поэзіи, умираетъ и эта послѣдняя, а за нею вымираетъ и всякая, даже нечистая поэзія. Передовые стрипателі проповѣдуютъ нынѣ не поэзію, — она имъ ненавистна, — даже не сухую, эгоистическую, реальную, но правдивую прозу, а проповѣдуютъ беспощадное искорененіе

всякой эстетики, проповѣдуютъ ожесточенную неумолимую борьбу со всякими превыспренними идеалами, проповѣдуютъ такъ называемый терроръ во взаимныхъ отношеніяхъ, проповѣдуютъ просто убійство, разрушеніе всякими способами, и старыми и новоизобрѣтаемыми, проповѣдуютъ, какъ идеаль будущихъ соціальныхъ отношеній, просто грубое и лютое звѣрство. Человѣкъ человѣку долженъ быть не братомъ, а волкомъ. Такія сѣмена сѣются современнымъ антихристіанствомъ въ принципѣ соціологіи, какихъ-же слѣдуетъ ждать отъ нихъ плодовъ на практикѣ, при естественной наклонности человѣческой природы ко грѣху, къ скотоподобію, къ звѣрству? Эта наклонность не исторгнута изъ нашей природы и самимъ христіанствомъ, хотя первымъ его словомъ и была ангельская пѣснь надъ колыбелью младенца Христа о нисшествіи мира на землю: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*... Но во всякомъ случаѣ небесное сѣмя мира произращало на землѣ и плоды мира. Замѣчательно, что съ нисшествіемъ Христа на землю въ истинно-христіанскомъ обществѣ стали немыслимы всенародныя звѣрства въ родѣ Иродовыхъ кровопійствъ, въ родѣ избіенія 14,000 невинныхъ младенцевъ, въ родѣ возмутительнѣйшаго приказанія того-же Ирода избить, въ минуту его собственной смерти, всѣ лучшія въ царствѣ фамиліи, со всѣми головами колѣнъ, собравъ и заперши ихъ предварительно въ одномъ огромномъ зданіи гиподрома, чтобъ надъ гробомъ Ирода было побольше плакальщиковъ; стали немыслимы звѣрства въ родѣ публичнаго отправления китайскаго правосудія, гдѣ палачъ однимъ ножомъ отрѣзываетъ, просто среди улицы, сотни головъ и тутъ-же предъ зрителями собственнымъ языкомъ облизываетъ съ ножа горячую кровь своихъ жертвъ. А лишь только антихристіанство воцарилось въ революцію въ просвѣщенной Франціи, какъ и пошла въ ходъ ново-изобрѣтенная гильотина, рубя однимъ взмахомъ десятки головъ, и стала рубить головы безъ счету. Революціонерамъ впрочемъ и этого показалось мало: они хотѣли разстрѣливать пушками цѣлые города, съ десятками тысячъ жителей. А то-ли готовятъ намъ наши, да и просвѣщеннымъ французамъ наши-же кровные русскіе нигилисты—разрушители, при помощи петролея, динамита и другихъ полезныхъ изобрѣтеній въ смыслѣ всеобщаго разрушенія?! Выходитъ, что мы русскіе стали передовиками во злѣ, въ суетумудромъ безуміи, будучи пока безсильны опередить другихъ въ добрѣ, въ наукѣ, въ истинно-полезныхъ открытіяхъ

и платимъ Европѣ за данное ею намъ образованіе, за уроки въ антихристіанствѣ. Не научимъ-ли хоть этимъ, наконецъ, по заключенію отъ противнаго, и истинно-каеолическому христіанству? Не напомнимъ-ли себѣ и европейскимъ братіямъ, что только въ истинномъ христіанствѣ миръ землѣ?

Христіанство умиротворило самую войну, измѣнивъ, ограничивъ и облагородивъ ея задачи, укротивъ, возвысивъ и освятивъ ея духъ. Христіанство искренно благословляетъ войну только для защиты отечества, для защиты другихъ слабѣйшихъ, угнетенныхъ; но отвращается отъ войны несправедливаго нападенія. Оглянитесь назадъ. Перечтите этотъ неисчислимый рядъ войнъ для войны, для захвата, для грабежа, для порабощенія, для кровавой славы; христіанство всего этого отвращается. Оглянитесь, не положило-ли рождество Христово конца въ цѣлой вселенной непрерывнымъ въ древнемъ мірѣ войнамъ за всемірное владычество! Посмотрите, не къ тому-ли направлялись всѣ войны великихъ египетскихъ фараоновъ, царей ассирійскихъ, персидскихъ, Александра македонскаго и, наконецъ, римской республики, кончая разгромами Помпея и Цезаря, какъ разъ ко времени пришествія Христова на землю. Правда, воевали и христіане даже первыхъ вѣковъ, но въ войскахъ своего римскаго отечества, защищая его. Воевали и православныя греческія цари, но только защищая свое царство. Воевали и русскіе благовѣрные великіе князья, цари и императоры, но исключительно защищая свою родную землю, своихъ единовѣрныхъ единоплемениковъ, свою угнетаемую братію. Даже въ западно-христіанской Европѣ, и тамъ чужда была христіанскимъ государямъ идея воевать за всемірное владычество, хотя мы и не защищаемъ западъ, особенно же заблудившихся отъ истины Христова духа римскихъ первосвященниковъ. Говорятъ, міромъ править идея. Это вѣрно, безъ всякаго сомнѣнія. Такъ лишь только мелькнула идея фанатичнаго исламизма и блеснулъ мечъ ложнаго пророка Магомета, какъ и пошли его преемники съ огнемъ и мечомъ порабощать весь міръ магометанской идеѣ. Лишь только пронеслась она надъ окраинами средне-азійскихъ пустынь, какъ и подвинула безчисленныя средне-азійскія племена, съ ихъ Чингисъ-ханами и Батями, Узбеками и Тамерланами покорять всю вселенную. Лишь только потрясено христіанство въ западной Европѣ идеей революціи, какъ чадо революціи Наполеонъ и понесся вихремъ по землѣ, понесся дѣйствительнымъ апокалипсическимъ апопліономъ,

губя миллионы лучшего человечества, — для чего? Для личной химеры всемирного владычества. Раскрывать-ли, что не только идея войны напрасной осуждена и устранена христианством, но что идея даже возможного прекращения войны, когда люди раскуют мечи своя на орала и копья на серпы, когда народные препирательства будут рваться на всемирном ареопаге суда по законам правды Божией и человеческой, — что и эта идея возникла из христианского-же божественного откровения? Доказывать-ли, наоборот, что лишь только возникла в наши дни эта злосчастная антихристианская идея борьбы за существование, как нужда самозащиты сразу же и заковала всех в железную броню, так что, чего доброго, люди обратно раскуют серпы на мечи и орала на пушки и бомбы? Перечислять-ли все благотворные мѣры, которыя именно духъ христианства направилъ къ смягченію бѣдствій войны, прилагая и къ между-народной враждѣ одно изъ коренныхъ своихъ требованій щадить и миловать даже врага, оканчивая учрежденіями Краснаго Креста, для помощи своимъ и чужимъ, учрежденіями, которыя переняты даже иновѣрцами? Раскрывать-ли, что христианство укротило, облагородило, освятило самый духъ войны, какъ въ царяхъ и полководцахъ, такъ и въ простыхъ воинахъ, возвысивъ ихъ дѣянія до значенія подвиговъ высшей любви, самоотверженія и святой жертвы? Наполеонъ I, на развалинахъ Москвы, имѣлъ ужасный видъ губителя, нечестивца, самозваннаго бога (несомнѣнно, что онъ самъ себя и мнилъ и называлъ и подданные его называли его богомъ), видъ посланника сатаны, апокалипсическаго звѣря; а наоборотъ, Александръ I, спаситель Парижа и Франціи, на площади Согласія колѣнопреклоненный предъ всевышнимъ Богомъ, завѣщалъ міру величаво-умилительный образъ кроткаго ангела небеснаго, избавителя народовъ. Сравнить-ли Александра I, посѣщающаго въ Вильнѣ госпитали, заваленные полу-гнилыми врагами, осматривающаго цѣлыя скирды и гнилыхъ труповъ и полу-гнилыхъ живыхъ враговъ, чтобы излить на нихъ повсюду посильныя благотворенія, — сравнить-ли съ тѣмъ-же Наполеономъ I, который въ Сиріи приказываетъ отравить своихъ покидаемыхъ раненыхъ; который подъ Ваграмомъ запрещаетъ уносить раненыхъ во время сраженія, чтобы здоровые не уходили отъ смерти; который называлъ воиновъ, проливавшихъ за его сумасбродства свою кровь, пушечнымъ мясомъ, мясомъ для пушки? Можно-ль итти дальше въ звѣрскомъ нечестіи? Можно-ль найти болѣе разитель-

ные контрасты? Что могли чувствовать цѣлыя буквально горы искалѣченныхъ, избитыхъ французовъ подъ Прейсшъ-Эйлау, Ваграмомъ Бородиномъ? Какое утѣшеніе могъ преподать имъ, въ эти роковыя минуты, богъ ихъ, Наполеонъ? Не то-ли каждый изъ нихъ долженъ былъ сказать ему, что подъ Ваграмомъ сказалъ, пораженный на смерть, отвергшій утѣшенія религіи, лучший изъ его маршаловъ Ланнъ: „игрокъ ты отчаянный, по безсмысленной прихоти ставишь ты на карту сотни тысячъ человеческихъ жизней?“ Можно-ли сравнивать этихъ злосчастныхъ воиновъ Наполеона I, вѣровавшихъ въ него, какъ своего бога, и отрицавшихъ Бога истиннаго и Христа Его, или-же жалкихъ воиновъ Наполеона III, которые, вопреки командѣ генераловъ итти впередъ на врага, отказывались итти, по ихъ выраженію, къ діаволу, въ котораго, однако-же, не вѣрили, выучившись отлично бѣгать предъ лицомъ врага и не раздумывая продавать свое отечество, отечество безъ вѣры, безъ законнаго царя, безъ народнаго знамени, у многихъ даже безъ семейнаго очага, безъ домашней святыни, — можно-ли сравнивать ихъ съ русскими воинами Бородина, которые бились на смерть, накануне всѣ причастившись и переодѣвшись въ чистое бѣлье передъ смертью? Или съ воинами Севастополя, которые пускали бомбы въ свѣтлый Христовъ день, христосуясь съ христианскимъ архистратигомъ Остенъ-Сакеномъ, съ пѣснью: *Христосъ воскресъ... смертію смерть поправъ и намъ даровавъ животъ вѣчный?* Или-же, съ воинами послѣдней восточной войны, которые на перевалѣ чрезъ Балканскій хребетъ, потонувъ въ снѣгахъ, среди неимовѣрныхъ трудностей, на короткой ночной передышкѣ, освѣщенные снизу гаснущими кострами, сверху горящими звѣздами, ища между ними рождественской виолеемской звѣзды, вспомнили, что „сегодня, братцы, ночь на рождество Христово“, поднялись, сотворили солдатскую молитву и затѣмъ, съ усладою души, принялись каждый за свое дѣло; конечно, съ мыслью, что завтра, вѣроятно, придется схватиться со врагомъ и, быть можетъ, положить животъ за вѣру, царя и отечество? Скажите, не похоже-ль это на стражу нощную виолеемскихъ пастырей? Не была-ль эта краткая, но глубокая рождественская молитва простыхъ солдатскихъ сердецъ продолженіемъ славословія хора воевъ небесныхъ: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ?*.. Скажите, что въ исторіи міра можно найти болѣе отраднаго, болѣе высокаго, болѣе прекраснаго, какъ эти родныя намъ картины? А отчего онѣ такъ прекрасны? Оттого, что свой духъ, свое содержа-

ніе, свой колоритъ онѣ взяли изъ христіанства. Оттого, что въ нихъ включено высшее условіе изящнаго въ человѣческихъ подвигахъ и произведеніяхъ, сочетаніе поразительнѣйшихъ контрастовъ, именно суровой кровавой исполинской борьбы гигантовъ и превыспренняго тихаго вѣян्या премірнаго небеснаго мира надъ поверженными въ прахъ предъ милосердіемъ небеснымъ боевыми сонмами смиренныхъ самоотверженныхъ простыхъ сердецъ. Этотъ небесный миръ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, освѣнялъ нашихъ воиновъ и на смертныхъ ложахъ, на бранномъ полѣ, когда приходится жертвовать жизнію. Мало ль мы знаемъ въ высшей степени спокойныхъ смертей военныхъ людей, убитыхъ или раненыхъ на войнѣ, — кончинъ истинно мирныхъ, непостыдныхъ христіанскихъ? Каждый изъ такихъ умирающихъ чувствуетъ въ послѣднія минуты, что честно исполнилъ самый тяжкій долгъ, принесъ высшую жертву за отечество земное, чая отечества небеснаго, предавая духъ свой въ руки Отца небеснаго. А то-ли мы начинаемъ видѣть съ тѣхъ поръ, какъ даже военныя сочиненія стали распространять между своими невѣріе? А имъ дѣлать это не значитъ-ли рыть себѣ могилу собственными руками?... Смутное что-то и недобровѣщее начинаемъ видѣть и слышать... Откуда, изъ христіанскаго-ли, или антихристіанскаго духа, это множество самыхъ легкомысленныхъ самоубійствъ, изъ щекотливости, изъ оскорбленнаго самолюбія и другихъ легковѣснѣйшихъ причинъ, да и другое кое-что, чудовищное, непонятное, немыслимое, хотя и дѣйствительное?... Какъ будто негдѣ стало на широкой Руси и ея безконечныхъ закраинахъ, русскимъ удалцамъ, искони христіанскимъ воинамъ, сложить свои удалыя головы, не для личнаго мрачнаго каприза, но во честномъ бою, въ жертву отечеству, во спасеніе своей души, въ назиданіе и усладу всѣмъ намъ, въ честь православнаго русскаго царя, во славу Царя небеснаго, въ вѣчную память себѣ, подъ упокоивающимъ покровомъ поминальныхъ пѣснопѣній и молитвъ святой православной церкви? Мракъ душъ становится повальнымъ и немирность сердецъ — заразительною.

Какъ поглядишь, да подумаешь, то съ томящимъ горемъ оставливаешься на горькой думѣ, что перестаемъ мы возносить славу въ вышнихъ Богу, оттого и благоволеніе Божіе, повидимому, возвращается отъ людей на небо, и миръ Божій бѣжитъ съ нашей смятенной и смущенной земли. Аминь.

1882 г.

БЕСѢДА

на день рождества Христова, изложенная въ публичномъ собраніи въ залѣ одесской духовной семинаріи.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ХРИСТІАНСКОЙ ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННО-НАУЧНОЙ МОНИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МИРОВОЗЗРѢНІЯ.

*Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ,
въ человецѣхъ благоволеніе.*

Вѣковѣчная тема, изъ которой черпали, черпаютъ и никогда не вычерпаютъ. Ее разсматривали, какъ разсматриваютъ солнце въ небѣ, съ разныхъ сторонъ безъ конца. Но мы поставимъ ее примѣнительно къ воззрѣніямъ современности; именно поставимъ вопросомъ: что въ самомъ дѣлѣ рождество Христово принесло особаго на землю, и, оставляя множество рѣшеній этого вопроса, отвѣтимъ, что рождество Христово принесло или, точнѣе, утвердило и управило такъ называемый дуализмъ, противный современному научно-философскому монизму міросозерцанія. Рождество Христово учинило то, что люди съ его и до сего времени воздавали славу въ вышнихъ сущему Богу, и вслѣдствіе того царилъ на землѣ миръ и обитало въ человекахъ Божіе благоволеніе.

Я не намѣренъ прочитать урокъ изъ исторіи философіи. Но безъ знанія оной, трудно уловить тѣ общія черты, которыя мы кинемъ на развитіе міросозерцанія въ человечествѣ, и понять то состояніе міровоззрѣнія и нравственности, къ какому пришло человечество современное.

Оставимъ богоизбранный родъ патриарховъ до Авраама и отъ Авраама богоизбранный народъ еврейскій, который развивалъ свою исторію подъ особымъ водительствомъ Промысла и божественнаго откровенія. Скажемъ, что древнее историческое человечество въ тотъ моментъ, съ котораго исторія становится сознательною, именно человечество китайское, индійское, сиро-халдейское, египетское и еллинское исходило изъ монизма-же въ міровоззрѣніи, но монизма глубоко по духу своему

отличнаго отъ монизма современно-научнаго, — изъ монизма мистически-пантеистическаго. По этому монизму прежде и превыше всего существуетъ нѣчто безконечное, непостижимое, неопишное, несказанное, изъ чего происходитъ все, во что все опять и возвращается. Само подчиненное закону необходимости, року или судьбѣ, это безконечно непостижимое развивается изъ себя свое болѣе или менѣе олицетворенное проявленіе и отрицаніе, свою противоположность, отчего оно-же даетъ бытіе какъ всему міру, такъ и всему въ мірѣ, добру, какъ и злу, человѣку, какъ и духамъ поднебеснымъ или подземнымъ, какъ и самимъ богамъ. При чемъ въ этомъ безконечномъ-непостижимомъ души и духи, какъ и сами боги плаваютъ, какъ тускло очерченныя тѣни, безъ ясно намѣченной цѣли, безъ точно опредѣленной судьбы, въ неодолимомъ подчиненіи слѣпому року; при чемъ принципъ человѣческой свободы и добродѣтели, какъ и безсмертія души, не былъ ясно сознать и точно проведенъ до конца. Наоборотъ и свободная добродѣтель и загробное воздаяніе исключались всеобщимъ неодолимымъ подчиненіемъ року, что однакоже ясно представляется только намъ, когда мы глядимъ назадъ на древнее религіозное міросозерцаніе, а современниками отчетливо это не сознавалось. Не сознавая этого безвыходнаго, замыкавшаго всякую вѣроятность добродѣтели круга, и въ простотѣ невѣдѣнія благоугождая признаваемымъ божествамъ, всѣ указанные народы, въ эпоху своего возрастанія и историческаго твердостоянія, держали свой нравственный уровень сравнительно не высоко, но и не низко, а во всякомъ случаѣ твердо.

Признанная научно-философскою еллинская мысль сперва приближала было религіозный пантеистическій монизмъ древности къ научно-философскому матеріалистическому монизму нашего времени, начавъ съ такъ называемаго гилозоизма, по которому всякая жизнь включена въ вещество, изъ него и проистекла; проистекла, наприм., изъ воды или воздуха или огня, во всякомъ случаѣ изъ вещества, хотя древне-еллинское вещество понималось совсѣмъ не по нашему современному, понималось глубоко и мистически. Атомизмъ Демокрита придуманъ впоследствии. Но какъ такое гилозоистическое философствованіе оказывалось ересью противъ общенароднаго древле-еллинскаго религіознаго вѣрованія, и такъ какъ оно не объясняетъ причинъ и задачъ зсего бытія и ведетъ къ неисходнымъ противорѣчіямъ и затрудненіямъ въ жизни, то высочайшіе, признанные съ такимъ качествомъ всѣмъ міромъ,

умы древней Еллады, каковы Пивагоръ и Анаксагоръ, Сократъ, Платонъ и Аристотель, выяснили и водворили такъ называемую дуалистическую систему міросозерцанія, поставивъ превыше всего Бога, внизу вещество, а въ срединѣ между ними человѣческую душу, или точнѣе — цѣльнаго человѣка, какъ связь двухъ противоположныхъ началъ, Бога и вещества.

У названныхъ еллинскихъ философовъ эта система была сколько возвышенна, столько-же и ошибочна, почему и привела къ результатамъ плачевнымъ.

Капитальной ошибкой даже лучшихъ еллинскихъ философовъ было, что они допускали первобытность вещества или матеріи наравнѣ и рядомъ съ Богомъ. Но матерія Аристотеля-Платона существенно отлична отъ современно-научной матеріи. Матерія не атомна. Современно-научный атомъ или мелекула уже имѣетъ форму и слѣдовательно, по ученію этихъ философовъ, уже получила свое образованіе отъ божественнаго ума. Матерія-же въ существѣ своемъ безформенна, косна, мертва, слѣпа. Матерія — хаосъ, причина всякаго зла, нестроения, отрицаніе всякаго образованія, движенія, жизни, порядка, красоты и блага. А при своей самобытности матерія стѣсняетъ даже свободу Бога Творца, который въ свою очередь вноситъ въ матерію образованіе и порядокъ, свѣтъ и разумъ, красоту и благо. Отсюда міровая борьба между добрымъ началомъ и злымъ.

Богъ такъ-же самобытенъ, какъ и матерія. По Анаксагору, Богъ есть умъ и духъ, отличный по своей сущности отъ матеріи. Онъ зорливъ и всевѣдущъ. Онъ причина движеній, сообразныхъ съ цѣлію. Пребывая въ себѣ, въ единствѣ и равенствѣ съ самимъ собою, Онъ не смѣшивается съ матеріей, однакоже проникаетъ всю ея массу, какъ движущая, оживляющая и образующая сила, преобразуя нестройное вещество въ прекрасно устроенную вселенную. По ученію Сократа, какъ въ душѣ человѣческой разумъ есть источникъ самопознанія, который указываетъ человѣку добро и управляетъ всею его духовною дѣятельностію, такъ и во вселенной царитъ высшій разумъ. Ибо порядкомъ во вселенной и разумная цѣлесообразность во всемъ указываютъ на бытіе разумной причины. И какъ изъ того, что душа человѣческая невидима, нельзя сдѣлать заключенія, что ея нѣтъ, такъ и изъ того, что Богъ во вселенной невидимъ, нельзя заключать, что Его нѣтъ. Тотъ, кто устроилъ и объемлетъ весь міръ, въ комъ вся красота и

благо, созерцается въ своихъ великихъ дѣлахъ, но невидимъ въ своемъ домостроительствѣ. Подобнымъ-же образомъ изъ явной цѣлесообразности во вселенной доказывали бытіе Бога Творца Промыслителя и Платонъ и Аристотель. Богъ, по ученію Платона, высочайшая идея блага не только нравственнаго, но и метафизическаго, истинный источникъ и основа всѣхъ другихъ идей, какъ идеальныхъ образовъ всѣхъ предметовъ вселенной, послѣдняя причина и цѣль всякаго познанія и бытія. Богъ—личный всесовершенный духъ; высшее начало всего, что честно, справедливо и свято: умъ, не созерцаемый непосредственно смертными очами и непостижимый; Богъ—благость и красота, духъ единый, премудрый, всеблагій, самодовольный и всеблаженный; Творецъ всего прекраснаго и виновникъ добра въ мірѣ. Причина зла не въ Богѣ, а въ вѣчно существующей матеріи, которая изъ хаотическаго состоянія приведена была Богомъ въ состояніе благоустроенія. Устроивъ міръ, Богъ не оставилъ его на произволъ судьбы, но промышляетъ о немъ и ведетъ къ высшимъ цѣлямъ,—къ торжеству добродѣтели надъ зломъ и приближенію тварей къ себѣ, къ Творцу. По Аристотелю, Богъ—безусловный божественный разумъ, перводвижитель всего, недвижимый, неизмѣнный и единый, дѣятельная безусловная цѣль, жизнь, чистая дѣятельность, мыслящій и вмѣстѣ дѣятельный разумъ, единство мысли и мыслимаго. Тутъ есть почти всё хотя и не всё, свойства высочайшаго существа, какія имѣются и въ христіанскомъ разумѣніи Бога, но со включеніемъ въ эллинско-языческое разумѣніе того роковаго недостатка, что рядомъ съ Богомъ ставится самобытная матерія, ограничивающая свободу Его въ Его дѣятельности.

Оттого и человѣкъ является даже у высшихъ эллинскихъ философовъ хотя и произведеніемъ Бога Творца, но при этомъ и помѣсю двухъ началъ, божественнаго и вещественнаго, обоихъ въ существѣ своемъ самостоятельныхъ. Сократъ, Платонъ и Аристотель вѣрили въ безсмертіе души уже потому, что душа, по ихъ ученію, источникомъ своимъ имѣла божественное начало. „Вы должны искать“, — доказывалъ Платонъ безсмертіе души своимъ ученикамъ,—„залога будущей жизни въ глубинѣ своего существа. Ибо неужели вы думаете, что наши способности развиваются и усовершенствуются напрасно? Неужели напрасно существуетъ въ душѣ нашей голосъ совѣсти, награждающій и наказывающій насъ за извѣстные нравственные проступки? Неужели вѣчно будетъ страдать праведникъ и наслаждаться нечестивый? Нѣтъ, насъ

ожидаетъ другая жизнь, которая будетъ служить для человѣка наградой или наказаніемъ. Дѣлая наблюденія сама собою, не устремляется-ли душа туда къ чистому, вѣчно сущему, безсмертному, неизмѣнному, и какъ сродная ему не пребываетъ-ли постоянно при немъ, насколько это ей возможно? Душѣ соответствуетъ божественное, безсмертное, неизмѣнное, всегда тождественное. Напротивъ, тѣлу соответствуетъ человеческое, смертное, многообразное, измѣнчивое. Поэтому не слѣдуетъ ли тѣлу скоро разрушиться, а душѣ быть чѣмъ-то совершенно неразрушимымъ?“ Сократъ, предъ своею насильственной смертію, трогательно и возвышенно выражаетъ свою вѣру въ безсмертіе, которую однакоже не надѣется доказать, — вѣру, что тамъ за гробомъ онъ увидится со всѣми добрыми людьми и другими небожителями. Умирая, онъ не скорбитъ, потому что вѣритъ, что умершіе существуютъ и за гробомъ и что добрымъ тамъ гораздо лучше, чѣмъ злымъ.

Но какъ даже лучшіе эллинскіе мудрецы-философы поставили самобытнаго Бога, виновника всякаго благоустроенія, рядомъ съ самобытною-же матеріею, источникомъ всякаго нестроенія, зла и глупости; такъ какъ и они не возвысились до идеи Бога всесовершеннаго, который въ существѣ своемъ есть любовь; такъ какъ они усматривали въ Богѣ больше ума, чѣмъ всесовершенство, высочайшую чистоту и любовь,—то и въ грѣховности человѣка видѣли нѣчто роковое, непреодолимое, проистекающее изъ вещества, изъ котораго устроено его тѣло, и цѣлью добродѣтели человѣка поставляли высвобожденіе изъ оковъ тѣла и всякихъ бѣдствій вещественной земной жизни, или, по крайней мѣрѣ, облегченіе ихъ, почему и поставляли въ качествѣ добродѣтели больше благоразуміе и мудрость, облегчающія жизненную борьбу, чѣмъ душевную чистоту, больше развитіе ума, чѣмъ сердца, предоставляя во всей жизни перевѣсъ уму и мудрости, чѣмъ цѣльности человѣческаго духа и общему нравственному очищенію и возвышенію. Оттого даже у высшихъ эллинскихъ мудрецовъ въ нравственномъ ученіи являлись поразительныя несовершенства. По Сократу добродѣтель есть просто знаніе, приобрѣтенное развитіемъ ума при помощи ученія. Объяснительна добродѣтель потому, что полезна, такъ какъ ведетъ къ счастью и истинному наслажденію жизнью. Такъ называемый утилитаризмъ и эвдемонизмъ главная цѣль добродѣтели. Безкорыстной самоотверженной любви къ добру язычники давали мало значенія. Грѣхъ у нихъ не иное что, какъ глупость. Добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы

друга побѣждать благодѣянiями, а врага злодѣянiями. Нецѣломудріе отношеній не поражало самаго Сократа. Платонъ освящаетъ рабство, узаконяетъ общеніе женъ, допускаетъ чувственную дружбу, позволяетъ выкидывать слабыхъ младенцевъ и т. п. По Аристотелю, какъ и Платону, одни люди рождаются съ душами господъ, другіе съ душами рабовъ; добродѣтель есть высшее образованіе и научное созерцаніе, доступное людямъ достатка и свободнаго досуга, несовмѣстное съ занятіями торговцевъ, земледѣльцевъ, работниковъ, вообще низшаго класса людей. Для мудрѣйшаго изъ еллиновъ даже елліны дѣлились на двѣ различныя касты, господъ и рабовъ, а чужіе народы были варвары, никакъ не братья по плоти и духу.

Полное недостатковъ ученіе даже высшихъ еллинскихъ мудрецовъ, по практическому своему вліянiю, не пережило по времени своихъ виновниковъ, а по пространству не распространилось далѣе тѣснаго круга ближнихъ учениковъ. Всѣ послѣдующіе философы, сряду-же по смерти Сократа, Платона и Аристотеля, стали составлять свои школы и системы, въ которыхъ удалялись отъ самыхъ началъ кореневъ еллинской мудрости, часто до крайней противоположности, образовавъ три главныя направленія философіи: стоицизмъ, эпикуреизмъ и скептицизмъ. Для знающихъ стоитъ только назвать эти три главныя направленія, особенно-же два изъ нихъ: эпикуреизмъ и скептицизмъ, чтобы дать понятіе объ односторонности и даже гибельности этихъ философскихъ ученій. Извѣстно, что эпикуреизмъ слѣдовалъ правилу: ѣшь, пей и веселись, проповѣдуя и осуществляя въ жизни самый грубый утилитаризмъ и эвдемонизмъ. По скептицизму-же, ни о какой вещи нельзя имѣть положительнаго знанія; лучше воздерживаться отъ всякаго сужденія; при этомъ живи безъ заботъ, безъ желаній, безъ порывовъ въ чистой апатіи, которая ничего не знаетъ ни о добрѣ, ни о злѣ. Это ученіе вело прямо къ отчаянію... Даже лучшее изъ ученій, стоицизмъ, воротившись къ представленію пантеистическому, сливая Бога съ міромъ, какъ міровую душу, подчинивъ все міровой необходимости, — даже стоицизмъ, хотя въ подробностяхъ внушалъ и много хорошихъ нравственныхъ предписаній, однакоже въ существѣ дѣла подрывалъ всякую нравственность, проповѣдуя, что нравственность есть не иное что, какъ проявленіе міровой необходимости; внушая, что высшее благо состоитъ въ жизни, сообразной съ требованіями природы, а лучшая добродѣтель въ благоразуміи; проповѣдуя, что въ жизни му-

драго позволительны и совершенно безнравственные поступки, напр.: ложь, общеніе женъ, употребленіе въ пищу, увы! человѣческаго мяса; утверждая корень нравственности въ гордомъ высокомѣріи и въ холодномъ упорствѣ; совѣтуя, что мудрецъ съ гордымъ равнодушіемъ долженъ взирать на всю игру этого міроваго круговорота, и если ему тяжело, то онъ можетъ лишиться себя и жизни, потому что этотъ міръ недостойнъ его.

Конечно, языческая философія была цвѣтомъ древней языческой жизни. Но не она руководила этою жизнію; руководила, какъ и теперь руководить жизнію народовъ, собственно религія. Но какъ эта религія воцаряла на своемъ Олимпѣ боговъ безнравственныхъ, нецѣломудренныхъ, коварныхъ, другъ другу враждебныхъ, однакоже рѣдко малодушныхъ, почти всегда храбрыхъ, — то и нравственность древне-языческая, даже въ лучшую пору, была не особенно высока; цѣнилось высоко только мужество, такъ какъ при выходѣ изъ дикаго состоянія тѣ народы выходили на арену исторіи, которые были мужественнѣе; поэтому древній человѣкъ и преклонился предъ мужествомъ, какъ коренною добродѣтелью, такъ что мужество было даже соименнымъ добродѣтели — аρετή, virtus. Храбрость все покрывала, составляя высшее украшеніе не только мужчины, но и древней женщины, какова, напр., прославленная спартанская мать. Затѣмъ о другихъ добродѣтеляхъ древній человѣкъ не особенно и хлопоталъ, не особенно и уважалъ ихъ, многихъ даже не зналъ и вовсе, напр. нищеты и смиренія духа, алканія и жажданія правды, кротости и миротворства, терпѣнія въ гоненіяхъ и поношеніяхъ и т. п.; наоборотъ, даже противоположныя добродѣтелямъ качества древній язычникъ не только терпѣлъ, но и уважалъ какъ добродѣтели, — напр., не говоря о нimalo невозбраняемыхъ чувственныхъ влеченіяхъ, о поощряемыхъ и особо прославляемыхъ обольщеніяхъ всяческой красоты, древній еллинъ, или римлянинъ, особо цѣнилъ всякаго рода ловкость, коварство, даже ловкое воровство, суровость, даже жестокость ко врагу живому и мертвому, всякую непреклонность, мстительность, гордость и т. д. Но какъ философія подрывала религію, то вмѣстѣ съ тѣмъ подрывала и все зданіе жалкой языческой морали. А вмѣстѣ съ тѣмъ рухнулъ въ прахъ и вѣнецъ всей этой морали, синонимъ добродѣтели — мужество. Какова была жизнь древне-языческаго человѣчества нѣсколько столѣтій предъ пришествіемъ Христовымъ, распространяться о

томъ не станемъ. Это всякому извѣстно. Для этого знающимъ достаточно припомнить первую главу посланія апостола Павла къ римлянамъ. Потерявъ все добродѣтели и во главѣ ихъ мужество, древніе греки—римляне стали безсильны отстоять и свою государственную самостоятельность и перестали жить.

Благоволите памятовать однако-же, что древнее человечество жило подъ вліяніемъ дуалистическаго міросозерцанія, подъ вліяніемъ вѣры въ бытіе Бога и безсмертной человѣческой души.

Ниспещеніемъ своимъ на землю Господь Іисусъ Христосъ утвердилъ такъ называемое дуалистическое міросозерцаніе, но утвердилъ въ чистомъ видѣ божественной истины, согласной съ духомъ какъ всего ветхо-завѣтнаго откровенія, такъ и здоровой опытной психологіи, основанной на здоровомъ философскомъ умозрѣніи. По этому христіанскому міросозерцанію въ вышнихъ на небеси обитаетъ Богъ всесовершенный, всесвободный и вездѣсущій, а внизу держится Божіимъ всемогуществомъ міръ вещественный, чистое созданіе Божіе; въ срединѣ же между Богомъ, высочайшимъ духомъ, и міромъ вещественнымъ находится міръ богосозданныхъ чистыми духомъ, изъ коихъ нѣкоторые по своей волѣ стали злыми и источникомъ зла. А связью міровъ повсюду сущихъ, между міромъ духовнымъ и вещественнымъ, служитъ человѣкъ, соединеніе духа и вещества, созданный первоначально чистымъ, но по собственной волѣ оядотворенный грѣхомъ. По христіанскому откровенію въ составъ человѣка входятъ духъ и тѣло, или раздѣльнѣе—духъ, душа и тѣло. Что такое тѣло, это всякій видитъ и знаетъ. Что душа,—это та индивидуализованная жизненная сила, которая одушевляетъ какъ человѣка, такъ и всякое животное, но въ человѣкѣ превосходитъ всякую высшую животную душу, душу вышнихъ изъ скотовъ пока только количественно. Наконецъ духъ есть то особое божественное начало, которое дѣлаетъ душу человѣка отличною отъ души скотовъ и качественно,—начало, изъ котораго исходятъ даръ слова, человѣческая разумность, нравственность и стремленіе къ изящному, высокому, безпредѣльно-прекрасному, безконечно-совершенному, божественному, чѣмъ человѣкъ качественно существенно отличается отъ животныхъ; чего въ животныхъ естествоиспытатели ни указать не могутъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, ни привить не могутъ, начиная съ наученія даже обезьянъ или собакъ, хотя-бы, наприм., сложить очагъ и развести огонь для обогрѣнія себя. По Христову и апо-

столюскому учению, оядотворенная грѣхомъ плоть, т. е. тѣло, одушевляемое животною душою, желаетъ противнаго духу, а духъ желаетъ противнаго плоти. Духъ и плоть постоянно другъ другу противоборствуютъ, такъ что мы не всегда то дѣлаемъ, что хотѣли-бы, но носимъ въ себѣ два противоборственные закона, одинъ законъ ума, другой законъ плоти; при чемъ творимъ не то, что хотимъ умомъ, но то, чего не хотимъ. *Дѣла плоти извѣстны; они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, инѣвъ, распря, разногласія, соблазны, ереси, ненависть, убійства, пьянство, безчинство и тому подобное. Плоды-же духа суть: любовь, радость о Господѣ, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе, высшее самоотверженіе и подвижничество, распятіе плоти со страстями и похотьми, сораспятіе и спогребеніе Христу, соединеніе со Христомъ еще при жизни, такъ что живетъ во святомъ тогда уже не онъ самъ, но живетъ въ немъ Христосъ; такъ что праведному человѣку если и жить, то жить со Христомъ и во Христѣ, и умереть—вождедѣнное пріобрѣтеніе.*

Такъ Христосъ сошествіемъ своимъ въ міръ сей, научивъ людей возносить славу въ вышнихъ Богу, утвердилъ духовный міръ на землѣ и благоволеніе Божіе въ челоувѣкахъ на многіе вѣки, на цѣлыя два тысячелѣтія. Желаете-ли очевидной въ этомъ увѣренности? Посмотрите на народы. Пока вѣра христіанская была крѣпка въ народахъ, они возрастали. Посмотрите на Францію,—вѣдь она, отвергнувъ христіанство, теперь въ агоніи. Почитайте произведенія собственныхъ ея мыслителей, въ родѣ Тэна *). Или поближе посмотрите на нашъ рус-

*) Вотъ самые новѣйшіе отзывы самихъ французовъ («Новороссійскій Телеграфъ» 1885 года январь 18) объ отчаянномъ положеніи Франціи: «Мы возвращаемся къ первобытному состоянію дикарей». ♦ У насъ всюду господствуютъ смуты и анархія. Такъ низко пала апоеоса револьвера, который входитъ у насъ въ ежедневное употребленіе. Такъ низко пала наша нравственность, что мы уже не только извиняемъ убійство, но и прославляемъ его, называясь надъ закономъ, на глазахъ всей Европы, которая съ крайнимъ изумленіемъ спрашиваетъ себя, кто мы такіе: сумасшедшіе или людоеды? То, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ происходитъ среди насъ, говорить известный французскій публицистъ Альбертъ Вольфъ, ясно показываетъ, что наши права ничего общаго съ цивилизаціей не имѣютъ. Европа смотритъ на насъ съ изумленіемъ и глубокимъ презрѣніемъ. Мы утратили всякое ясное представленіе о нашихъ правахъ и обязанностяхъ. Мы должны вооружиться револьверомъ и при первой непріятности пифъ! пафъ! Двѣнадцать бюргеровъ, которыхъ призвать насъ судить, найдуть это весьма естественнымъ и оправдаютъ насъ. И прекрасно! Но за то мы ужъ не можемъ ожидать, чтобы Европа имѣла хотя-бы малѣйшее уваженіе къ нашей цивилизації, валяющей-

скій народъ. Когда онъ горитъ въ огнѣ смиренія, въ печи насланнаго Богомъ испытанія, и проникается свѣтомъ вѣры, подивитесь, какимъ блескомъ озаряется онъ, блескомъ всякихъ доблестей, и какъ тогда мы несокрушимы! Посмотрите, подивитесь на себя, на русскихъ, въ войну 12 го года, въ войну севастопольскую, въ послѣднюю восточную войну. А наоборотъ, когда вѣра христіанская падаетъ, посмотрите, изъ какихъ нечестивыхъ поводовъ народы поднимаютъ нескончаемыя кровопролитія. Подумайте, изъ-за чего Наполеонъ I губилъ милліоны своего и чужаго лучшаго человѣчества. Изъ личнаго ненасытнаго честолюбія. Подумайте о томъ, что славная Британія въ наши дни воевала съ Китаемъ, просто и открыто, изъ-за ввоза въ Китай своего опиѣ, т. е. изъ-за права отравлять опиѣмъ сотни милліоновъ китайскаго населенія. Посмотрите, какъ та-же Британія подставляла намъ всякія смертоносныя оружія,—намъ, защищавшимъ христіанскую братію отъ неистовства иновѣрныхъ,—и за что подставляла? Не стыдяся объявлять, что изъ-за своихъ грубѣйшихъ, вездѣсущихъ британскихъ интересовъ. Посмотрите, вѣдь не стыдится-же Англія черезъ десять лѣтъ послѣ послѣдней восточной нашей войны, гдѣ она противъ насъ защищала подданныхъ мусульманскаго падишаха,—не стыдится-же черезъ 10 лѣтъ избивать оружіемъ десятки и сотни ты-

изъ крови, и не должны болѣе кричать о быстромъ движеніи нашего прогресса. Цивилизованное общество не можетъ допускать того принципа, что любой его членъ имѣетъ право холоднохровно убить своего ближняго подл тѣмъ предлогомъ, что тотъ, живя, нарушаетъ его покой. А между тѣмъ этотъ именно принципъ, повидимому, всюду во Франціи торжествуетъ въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ сентиментальность требуетъ отмѣны смертной казни, и нельзя требовать для убійцы заслуженной имъ кары, не подвергаясь обвиненіямъ въ безсердечности». Съ другой стороны газета «Temps» говоритъ: «Передъ нами грубый фактъ возвращенія къ первобытному состоянію. И замѣтите, что публика является сообщницей этихъ преступниковъ; мы сейчасъ говорили объ ея состраданіи, но правильнѣе было-бы говорить о ея симпатіяхъ къ героямъ револьвера. Сколько-бы здравый смыслъ не протестовалъ, публика все-таки болѣе интересуется преступникомъ, нежели его жертвой. Жертва имѣетъ на своей сторонѣ общественные интересы, но преступникъ находитъ себѣ оправданіе въ своей страсти, и сверхъ того онъ много выигрываетъ отъ общаго растлѣнія умовъ, утратившихъ правильныя понятія объ отвѣтственности, виновности и справедливости. Причины этого страшнаго явленія опредѣлить не трудно. Все стремится къ тому, чтобъ явленіе это стало нормальнымъ, начиная съ литературы, освящающей страсти во всей ихъ необузданности, и кончая доктринами, которыя стараются видѣть въ поведеніи какъ честнаго человѣка, такъ и подлеца необходимый механизмъ слѣпыхъ силъ. Для многихъ врачей и для нѣкоторыхъ философовъ теперь уже нѣтъ преступниковъ: есть только люди подверженные галлюцинаціямъ, которыхъ увлекаетъ минутное головокруженіе, или люди, обиженные природой и отъ рожденія назначенные для преступленій и пороковъ. Въ самомъ дѣлѣ, самыя обыкновенныя слова, повидимому, утратили свое значеніе, и мы склонны называть ворами только мошенниковъ,

саять подданныхъ того-же падишаха изъ-за своихъ интересовъ.

Перенесите свои взоры на нашъ русскій народъ, на частныя явленія въ немъ. Теперь не только христіанская, но и высоко-философская дуалистическая система міросозерцанія въ интеллигентныхъ кругахъ падаетъ. Бога на небѣ теперь уже для нѣкоторыхъ таковыхъ нѣтъ. Души въ человѣкѣ, души духовной, безсмертной, назначенной къ высшему нравственному совершенству, къ святости, къ богоуподобленію, для таковыхъ опять-же не имѣется. Воцаряется такъ называемая монистическая система,—что т. е. существуетъ единая живая чувствующая матерія, изъ которой все рождается, въ которую все и возвращается. Эта теорія такъ узка, такъ мало отвѣчаетъ запросамъ человѣческаго духа, что равняется отсутствію всякаго міросозерцанія, устраняя изъ міра всякую разумность, всякую цѣлесообразность въ жизни, воцаряя на мѣсто разумности и цѣлесообразности тупую и слѣпую причинность, подчиненную необходимости и случайности. Но умы теперь такъ расшатаны разрушающимъ анализомъ, что нѣкоторые отвергаются и причинность, допускается только послѣдовательность явленій. Затѣмъ отрицается обязательность даже математическихъ аксіомъ, такъ какъ и онѣ сводятся только на извѣстные будто-бы навыки мышленія. Это замѣчено въ посмертныхъ запискахъ и великимъ

запускающихъ руку въ карманы прохожихъ. Но и для нихъ найдутся смягчающія обстоя-
тельства и отыщутся ученые, которые будутъ доказывать, что, запуская руку въ чужой кар-
манъ, они повиновались какому-нибудь болѣзненному и непреодолимому влеченію. Но какъ
намъ быть до тѣхъ поръ, какъ будетъ устроена новая общественная организація, согласная
съ этими ученіями? Нужно доказать сперва, что эти ученія основательны, и лишь когда вы
ихъ сдѣлаете неопровержимыми, примите соответствующія имъ новыя мѣры безопасности; по-
ка вы этого не сдѣлаете, не заставляйте, ради Бога, честныхъ людей жить такъ, какъ
живутъ въ пустыняхъ дальняго запада Америки, изъ-за привлекательной гипотезы, основан-
ной на какихъ-то медико-психологическихъ наблюденіяхъ». Еще рѣче высказывается респуб-
ликанская-же газете «National»: «Зрѣяще нашего нравственнаго упадка, которое мы даемъ
свѣту, не достаточно-ли омерзительно? Вотъ результаты радикальнаго воспитанія и процвѣ-
танія ходячихъ доктринъ; общественная жизнь расшатывается, мозги навѣвываютъ, понятія о
правосудіи извращены, государственныя власти дезорганизованы, кровь и грязь текутъ пото-
ками и потопляютъ честь, достоинство и репутацію людей, а правосудіе и не пытается удер-
жать наводненіе, общественное мнѣніе не возмущается противъ столькихъ глупостей и гнус-
ности. Вотъ въ общихъ чертахъ мрачный фарсъ, разыгрывающійся на нашихъ глазахъ: убій-
ство заслуживаетъ похвалы; честные люди поздравляютъ убійцъ».

Вот жалобы, которыми въ последнее время наполнялись французскія газеты всѣхъ партій и отбѣнковъ, кромѣ органовъ разбоя и анархій. Всѣ приходятъ въ отчаяніе въ виду тѣхъ судебныхъ безобразій и «детальныхъ преступленій», которыя то и дѣло совершаются во Франціи, и даже самые стойкіе республиканцы съ уныніемъ сознають, что «такъ далѣе государство жить не можетъ».

нашимъ мыслителемъ и естествовѣдомъ Пироговымъ. „Въ послѣднее время,—пишетъ онъ,—стали встрѣчаться и такія личности, которыя никакъ не хотѣли и настолько будто-бы закабалить мысль, чтобы остановиться на дважды два четыре. „Мысль моя свободна,—утверждали они,—я хочу, приму, хочу—нѣтъ, какую ни на есть математическую аксіому“. Этимъ лицамъ и въ голову никогда не приходило, что распушенность мысли и воли есть страшный недугъ, отъ развитія котораго въ себѣ долженъ беречься каждый изъ насъ, кто не хочетъ кончить самоубійствомъ или домомъ умалишенныхъ. Каждый настолько долженъ быть свободенъ, т. е. силенъ волею, чтобъ избрать для себя то или другое міровоззрѣніе; но избравъ, долженъ на немъ остановиться, по крайней мѣрѣ, до той поры, пока замѣнить его другимъ новымъ. Установленіе извѣстнаго образа жизни (*modus vivendi*) необходимо не только для согласія семействъ, обществъ и народовъ, но и для согласія съ самимъ собою; а этого можно достигнуть только извѣстнымъ болѣе или менѣе опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ“. А такъ какъ устраненіемъ собственно христіанскаго воззрѣнія поколебленъ образъ жизни, лежавшій въ основѣ душевнаго строя всего русскаго народа; такъ какъ каждая русская личность есть не болѣе какъ живой членъ цѣлаго народнаго тѣла,—то каждая личность, въ которую проникаетъ разстройство обще-русскаго христіанскаго воззрѣнія, естественно склоняется къ душевному разстройству, къ страшнымъ дѣяніямъ, къ недовольству жизнію, да наконецъ и къ самоубійству. Посмотрите, почитайте, въ какой прогрессіи увеличивается количество самоубійствъ въ бывшей нѣкогда христіанской Европѣ. Посмотрите, въ какой прогрессіи возрастаетъ оно и у насъ. Читаю на-дняхъ въ журналѣ: „По поводу скептическаго или разочарованнаго направленія въ нашей молодежи такой то рассказывалъ, что недавно пришлось ему ѣхать въ Петербургъ изъ Москвы; сидѣло ихъ трое въ одномъ отдѣленіи вагона, разговорились про скептицизмъ въ молодежи, и что-же оказалось: у одного изъ трехъ сыновъ погибъ отъ самоубійства, у другого—братъ, у третьяго—тоже братъ“... Посмотрите, сколько у нашихъ, у русскихъ, у интеллигентовъ, сколько теперь грѣховъ противъ Духа Святаго, т. е. сколько страстной настойчивости отвергнуть очевидные факты, говорящіе о таинственныхъ силахъ души, о бытіи духовъ. Сколько въ данную минуту усилій свести на механическую игру мускуловъ это, по нашему, „отгадываніе чужихъ мыслей“ и непости-

жимое покореніе воли одного волѣ другаго, а по-европейски, по ученому, этотъ непонятный „трансферъ мысли и воли“, тогда какъ въ Европѣ степенно, солидно углубляются въ эти тайны духовнаго бытія крѣпкіе умы и солидныя ученые общества. А у насъ и такой фактъ, что магнетизеръ, ученый врачъ лично мнѣ извѣстный, заставляетъ просто напряженіемъ воли усыпленнаго имъ юношу итти въ садъ далеко, къ такому-то кусту и сорвать тамъ такой-то цвѣтокъ, или-же заставляетъ такого-то гордаго скептика, также усыпленнаго, стать публично на колѣна и продѣлать предъ всѣми забавное дѣло, какое въ бодрственномъ состояніи, по собственной волѣ и разумѣнію, тотъ никогда не сдѣлалъ-бы изъ гордости,—и такой фактъ мы русскіе сію же минуту готовы свести на игру мускуловъ или шарлатанство, лишь бы только не допустить въ душѣ ничего таинственнаго; лишь-бы свести человѣческую душу на уровень съ душою животныхъ. Но животные уже тѣмъ ниже, хотя и нормальнѣе человѣка, что не могли до сихъ поръ придумать, хотя-бы, напр., самоубійства. А бываютъ-же обстоятельства, когда животные оказываются въ ужаснѣйшихъ обстоятельствахъ, каковы всѣ приготовляемые на убой, или на вивисекцію. Могли-же несчастныя животные въ тысячахъ случаевъ хотѣ утонуться. Однако-же ни одно не топится нарочно и обдуманно. Указывать-ли на то, что отношенія половъ сводятся на животныя; что животныя отношенія становятся идеаломъ для человѣка? Говорить-ли о томъ, что христіанскій бракъ разрушается даже тѣми, кто призванъ его защищать, что доказывается этими повальными оправданіями легкомысленнѣйшихъ многобрачниковъ? И куда это разрушеніе брака идетъ? Въ среду на-родную. И тамъ видимъ обнародованный на-дняхъ общественный приговоръ, что общество крестьянъ признало законнымъ незаконное сожитіе мужа, состоящаго въ законномъ бракѣ, и законными дѣтей отъ этого беззаконнаго сожительства. Слѣшимъ, очень слѣшимъ! Не буду говорить объ этихъ колоссальнѣйшихъ неслыханныхъ въ прежнее время хищеніяхъ, объ этихъ оправданныхъ убійствахъ, даже отцеубійствахъ изъ аффекта, изъ новозмысленной, по крайней мѣрѣ, по названію психопатіи и о прочемъ ужасномъ и неслыханномъ. Упомяну, что самая благотворительность безъ Христа, безъ религіи, благотворительность во имя европейскаго принципа, частію изъ гуманности, частію изъ разчета откупиться отъ грознаго пролетаріата, причастію къ результатамъ ужасающимъ, отъ вѣка также неслыханнымъ.

„Нищета, — читаемъ въ солиднѣйшей изъ газетъ („Москов. Вѣдом.“ 1884 г. № 310), — плодится въ Англіи сотнями тысячъ. Нищее населеніе громаднѣхъ торговыхъ городовъ, какъ-то: Лондона, Манчестера, Бэрмингама, Ливерпуля отбиваетъ (страшно сказать!) кормъ у свиней, питается выбросками помойныхъ ямъ, зернами изъ лошадиного помета и пр. Это положительные факты и подобныхъ имъ можно привести массу. Но четырехмилліонный Лондонъ наталкиваетъ на еще болѣе ужасные факты, порождаемые тою-же нищетой. Здѣсь вы знакомитесь съ такими средствами къ утоленію голода, какъ продажа родителями дѣтей въ ужасающихъ видахъ, встрѣчаетесь съ 10—12 лѣтними убійцами и тому подобными возмутительными, неслыханными вещами. Въ Англіи эти явленія стали заурядными“. Мы затыкаемъ уши отъ этихъ ужасовъ, однакоже этимъ грядущаго зла на вселенную не отвратимъ. Христосъ Спаситель предвѣщаетъ, что тогда, въ послѣдніе дни, будетъ скорбь велія, яко-же нѣсть была отъ начала міра. Изъ притчи Спасителя мы слышимъ, что *блудный сынъ желаетъ насытитися отъ рожецъ, яже ядоху свинія*. Но отъ начала міра нѣсть слыхано, чтобы люди, жители богатѣйшей страны, подбирали на улицахъ лошадиные отброски и, выбирая изъ нихъ цѣльныя зерна овса, обмывали ихъ, и варили изъ нихъ пищу. Не начинаются-ли это скорби, которыя не были слыханы отъ начала міра?! И широчайшая препрославленная британская благотворительность не сильна не только устранить, даже значительно облегчить эту великую скорбь... Современная-же монистическая система попускаетъ и дальше такіе естественные логическіе выводы, выводы изъ принципа борьбы за существованіе, что ихъ страшно и выговорить... Вѣдь не одни-же современные людоеды питаются человѣческимъ мясомъ; вѣдь и древнимъ греческимъ философамъ, по крайней мѣрѣ, казалось это естественнымъ. Вѣдь не одни-же полудикіе народы древности обращали всѣхъ побѣжденных въ рабство; тоже дѣлали и въ наши дни просвѣщеннѣйшіе сѣверо-американцы, доводя свой принципъ рабовладѣнія до наипослѣднѣйшихъ крайностей, до права убить раба изъ пустаго каприза. Нѣкоторые народы древности считали-же священнымъ долгомъ избивать всѣхъ стариковъ и даже старыхъ родителей. Александрійскіе греческіе врачи употребляли-же живыхъ людей, положимъ, преступниковъ, осужденныхъ на казнь, для вивисекціи. Греческій философъ Платонъ совѣтовалъ-же соединять бракомъ юношей и дѣвъ особенно здоровыхъ и красивыхъ,

и выкидывать слабыхъ дѣтей, какъ разъ по принципу подбора, по теоріи Дарвина. Все это — простые естественные выводы изъ матеріально-монистическаго принципа, изъ принципа борьбы за существованіе! А какъ этими выводами легко достигалось-бы облегченіе этого несчастнаго европейскаго пролетаріата! И какъ удобно было-бы водворить въ современномъ человѣчествѣ Платоново государство простымъ устраненіемъ всѣхъ слабыхъ!... Между тѣмъ христіанство исходило какъ разъ изъ совершенно противоположнаго принципа, — оно взяло подъ свою защиту и двѣ тысячи лѣтъ держало подъ мощнымъ своимъ покровомъ всѣхъ слабыхъ и нищихъ, всѣхъ труждающихся и обремененныхъ.

Подумайте, воздають-ли славу въ вышнихъ Богу тѣ, которые отвыкли, которые стыдятся даже креститься, полагать на себѣ крестное знаменіе, — имъ и это тяжело, — которые и учатъ, что такъ тому и быть слѣдуетъ? Былъ, но есть-ли миръ душевный на землѣ? Было благоволеніе Божіе въ человѣцѣхъ, но не уносится-ли отъ человѣковъ на небо?

Воспрянемъ-же душою, помолимся, чтобы родившійся нынѣ Христосъ Господь былъ съ нами во всѣ дни жизни нашей до скончанія вѣка; чтобы не облѣнивались мы возсылать славу въ вышнихъ Богу; чтобы сходилъ оттуда миръ на нашу христіолюбивую землю и пребывало во всѣхъ російскихъ людяхъ Божіе благоволеніе. Аминь.

1885 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день рождества Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса
Христа.

Камень нерукотыпный отъ неспкомаго го-
ры Тебе, Дѣво, краемольный отъспся—Хри-
стось, совокупивый разстояицая естества.
Воскресн. канона гласа 4, пѣснь 9, ир-
мось.

Въ основѣ этой церковной пѣсни лежитъ извѣстное видѣніе Навуходоносора.

Въ лѣто второе царства своего, за 600 лѣтъ до рождества Христова, царь вавилонскій Навуходоносоръ видѣлъ сонъ и ужаснулся духъ его и отъ смятенія память о снѣ отступила отъ него. И велитъ царь призвать волхвовъ и гадателей, чтобъ возвѣстили царю сонъ его; и пришли и стали они предъ царемъ. И говорить имъ царь: „я видѣлъ сонъ и ужаснулся духъ мой, такъ что сонъ въ сознаніи моемъ не остался“.—Мудрецы-гадатели говорятъ ему: „государь! будь во вѣки живъ: ты повѣдай сонъ рабамъ твоимъ, а толкованіе его уже мы возвѣстимъ тебѣ“.—Царь отвѣчаетъ: „память о снѣ отступила отъ меня; но вотъ что: если вы не возвѣстите мнѣ мой сонъ и толкованіе его, то и сами погибнете и дома ваши будутъ разграблены; если-же возвѣстите, дары и честь великую получите отъ меня, только сонъ мой и толкованіе его возвѣстите мнѣ“.—Разсуждаетъ такъ восточный деспотъ, привыкшій свою прихоть ставить выше человѣческихъ жизней, но разсуждаетъ отчасти не неправо. Въ его царствѣ существовало цѣлос сословіе волхвовъ гадателей, которые вѣрили или только другихъ увѣряли, что состоятъ въ ближайшемъ общеніи съ богами и волю ихъ знаютъ отъ нихъ непосредственно. Теперь для бѣдныхъ толкователей воли жалкихъ боговъ настала черная година испытанія.— „Царь да благоволитъ повѣдать сонъ рабамъ своимъ“, — умоляютъ они, — „тогда

мы возвѣстимъ толкованіе его“. — „А, вы только время искушаете“, — холодно и грозно говоритъ царь, — „но знайте, если сна вы мнѣ не возвѣстите, я заключу, что слово ложное вы согласились сказать мнѣ: сонъ мой мнѣ расскажите, тогда я буду убѣжденъ, что и толкованіе его, настоящее, неложное толкованіе вы мнѣ дадите“. — Бѣдные мудрецы волхвы осмѣливаются сдѣлать послѣднее представленіе: „ни одинъ царь великій ни князь не спрашиваетъ подобной вещи отъ гадателя и волхва! слово, какого спрашиваетъ царь, могутъ возвѣстить развѣ только боги, которые не живутъ на землѣ съ людьми плотяными“. — Тогда царь въ ярости велѣлъ всѣхъ мудрецовъ вавилонскихъ погубить.

Пророкъ Даніиль, въ эту пору еще юноша, еврей по происхожденію, съ тремя сверстниками и друзьями своими Ананіею, Азаріею и Мисаиломъ, живя въ Вавилонѣ при дворѣ царскомъ, принадлежали къ числу вавилонскихъ ученыхъ. Изреченный царемъ смертный приговоръ на вавилонскихъ мудрецовъ касался и ихъ, Даніила съ его друзьями. И обратились они къ Богу щедротъ съ единодушною мольбою объ открытіи тайны сей, чтобъ избѣжать напрасной смерти. Тогда Даніилу во снѣ ночью тайна открылась, и, благословивъ Бога, Даніиль говоритъ Аріоху, котораго приставилъ Навуходоносоръ къ исполненію казни надъ вавилонскими мудрецами: „мудрыхъ вавилонскихъ не погубляй, но введи меня предъ царя и сонъ его я расскажу ему“. — Ввели Даніила предъ царя. Царь спрашиваетъ: „можешь-ли рассказать и растолковать мнѣ мой сонъ?“ — „Тайну, о которой царь вопрошаетъ“, — Даніиль отвѣчаетъ, — „возвѣстить царю волхвы и гадатели безсильны. Но есть Богъ на небѣ, тайны открывающій, и Онъ возвѣстилъ царю Навуходоносору, чему подобаетъ быть въ послѣдніе дни“.

Благоволите послушать. Видѣніе Навуходносорова касается и нашихъ и наступающихъ послѣднихъ дней.

„Сонъ твой“, — продолжаетъ юный пророкъ, — „и видѣніе твоей на ложе твоемъ были таковы, государь. Помыслы тебѣ на ложе твоемъ пришли о томъ, чему слѣдуетъ быть послѣ сего. И открывающій тайны Богъ явилъ тебѣ, чему быть слѣдуетъ. Ты, государь, видѣлъ: вотъ тѣло, великое тѣло, обличіе его — фигура его высокая, стоять предъ лицомъ твоимъ и образъ его страшенъ. У тѣла этого голова изъ золота чистаго, руки и грудь и плечи серебряныя; чрево и стегна мѣдныя, голени, т. е. ноги отъ стегны до ступней желѣзныя, а ноги, самыя ступни, одна часть желѣзная, другая глиняная. Видѣлъ

ты тѣло, пока отторгся камень отъ горы безъ рукъ человѣческихъ и ударилъ въ тѣло, въ его ноги—въ ступни желѣзныя и глиняныя, и разбилъ ихъ до конца. Тогда стерлось все вмѣстѣ, глина, желѣзо, мѣдь, серебро и золото, и стало какъ пыль, какъ плева отъ гумна лѣтнаго; и вѣтеръ великій поднялъ все это, такъ что и слѣда не осталось. А камень поразившій тѣло, сталъ горою великою и наполнилъ всю землю“.

„Это сонъ, теперь толкованіе его скажемъ царю“,— продолжаетъ Божій пророкъ. „Ты, государь, царь царей, которому Богъ небесный далъ царство, и державное и крѣпкое и честное; всякое мѣсто, гдѣ живутъ сыны человѣческіе и звѣри полевые и птицы небесныя и рыбы морскія, Богъ далъ въ руку твою и поставилъ тебя властелиномъ надъ всѣмъ: ты голова золотая. Послѣ тебя возстанетъ царство меньше тебя, которое есть серебро; затѣмъ царство третье, которое есть мѣдь, которое одолѣетъ всю землю. И затѣмъ царство четвертое, которое будетъ крѣпко, какъ желѣзо: какъ желѣзо измельчиваетъ и смягчаетъ все, такъ и царство то разобьетъ и сокрушитъ все. А что видѣлъ ты ноги,—одну часть желѣзную, другую глиняную,—это будетъ царство раздѣленное, и отъ корня желѣзнаго будетъ въ немъ нѣчто, но будетъ нѣчто и рыхлое. А что ты видѣлъ желѣзо, смѣшанное съ глиною,—это значитъ, что тогда въ этомъ царствѣ будутъ смѣшаны племена человѣческія, но не пристанутъ одно къ другому, какъ желѣзо не пристаётъ къ глиня. И во дни царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство, которое во вѣки не разсыплется: то царство сокрушитъ и разсыплетъ всѣ царства, а само останется навѣки. Итакъ, что видѣлъ ты, что вотъ отсѣкъся отъ горы камень безъ рукъ и сокрушилъ глину, желѣзо, мѣдь, серебро и золото,—этимъ Богъ возвѣстилъ царю, чему подобаетъ быть послѣ сего. И истиненъ сонъ и толкованіе его вѣрно“.

Тогда гордый царь вавилонскій, царь царей Навуходоносоръ палъ на лице свое и поклонился своему плѣннику, чужеземному еврею, юношѣ, Даніилу, какъ пророку Бога вышняго и сказалъ: „по истинѣ Богъ вашъ — той есть Богъ боговъ и Господь господей и Царь царей, открывающій тайны, такъ какъ возмогъ ты открыть тайну сію“.

Видѣніе Навуходоносорова и данное ему пророкомъ Даніиломъ толкованіе очерчены такъ опредѣленно, такъ точно и отчетливо падаютъ на главныя историческія событія, совершавшіяся съ тѣхъ поръ въ продолженіи двухъ съ половиною тысячелѣтій, что людямъ, сколько-либо зна-

комымъ съ исторіей, излишне объяснять отношеніе этого видѣнія и толкованія къ исторической жизни человѣчества. Но большая часть изъ насъ размышляли объ этомъ пророчествѣ, безъ сомнѣнія, немного; а иные, конечно, и знали его мало и понимаютъ не особенно ясно; тогда какъ оно касается и нашихъ дней, содержа въ себѣ ясные уроки прочной поучительности нашему много-свѣдущему, но легкомысленному времени. Всмотримся-же въ видѣніе Навуходоносорова; пророкъ Даніилъ и другія богооткровенія, церкви и исторія намъ освѣтятъ его.

Вотъ видимъ мы, стоитъ предъ лицомъ нашимъ тѣло древней исторіи, тѣло ветхо-завѣтнаго историческаго человѣчества, образъ бытія четырехъ царствъ—вавилонскаго, персидскаго, греко-македонскаго и римскаго, начиная съ VI вѣка до рождества Христова и ниже, когда величайшія событія древней исторіи смѣнялись одно другимъ съ особенною быстротою. Видимъ тѣло единое: хотя и изъ различныхъ элементовъ сплоченное, но оно сковано, спаяно, цѣльно, проникнуто единствомъ если не духа жизни, то законовъ и формъ жизни. Велико тѣло это и фигура его высока и видъ его страшенъ: величіе Вавилона, Персіи, Греціи и Рима, въ самыхъ развалинахъ, въ историческихъ памятникахъ своихъ поражаетъ насъ громадностію и заносчивостію, если и не всегда истинною высотой предприимчивости. Поражаетъ насъ отдаленныхъ потомковъ; а какъ-же должно было поражать оно современниковъ, особенно грозю всемірнаго завоеванія, пораженія, владычества, которою всѣ эти четыре царства потрясали всю тогдашнюю вселенную! У тѣла этого голова, перси, чрево, ноги: въ этомъ послѣдовательномъ единствѣ членовъ человѣческаго тѣла мы усматриваемъ тонкій образъ сокровеннѣйшаго духовнаго единства народовъ, о которыхъ рѣчь, изъ которыхъ древнѣйшіе волею-неволею, чаще безсознательно, чѣмъ сознательно, передавали позднѣйшимъ, что было у нихъ самаго жизненнаго, что было ими передумано, пережито, пережито и приготовлено для развитія дальнѣйшей жизни; передавали именно основу своей религіи, поэтическихъ преданій, законодательства, разнаго рода открытія, изобрѣтенія и приобрѣтенія, какъ голова и грудь и чрево передаютъ всему тѣлу выработанныя въ нихъ начала и средства жизни. Но члены у этого тѣла изъ разныхъ металловъ, и средства жизни. Но члены у этого тѣла изъ разныхъ металловъ, голова изъ золота, перси изъ серебра и т. д. Но въ разнородности веществъ, изъ которыхъ состояло это тѣло видится, при сокровеннѣйшемъ духовномъ обще-человѣкомъ обще-родномъ единствѣ, разнород-

ность народностей, о которых рѣчь; видятся своеобразность и само-заключенность ихъ историческаго развитія, такъ какъ извѣстно, что народы древніе далеко не имѣли между собою столько тѣсныхъ и разнообразныхъ связей, какими скрѣпляется человѣчество новѣйшее; такъ какъ извѣстно, что народы древности больше спаивались ударами меча и огнемъ войны, подобно металламъ, которые спаиваются огнемъ горна и ударами молота, чѣмъ переплетались нервами отношеній сознательно и вольно-нравственныхъ, стройно организованныхъ. А въ постепенной послѣдовательности золота, серебра, мѣди, желѣза и глины усматриваемъ двѣ идеи, внѣшняго благосостоянія и внутренней политической твердости; усматриваемъ, что человѣчество древнѣйшее, близкое ко временамъ патріархальнымъ, благоденствовало средѣ обилія благъ первобытной природы, средѣ обилія плодовъ земныхъ и звѣрей полевыхъ и птицъ небесныхъ и рыбъ морскихъ и рѣчныхъ, когда богатствъ у малопочатой неистощенной природы было больше, чѣмъ потребностей у малоразвитаго еще очень юнаго человѣчества; когда и растительность была роскошнѣе, и воздухъ отъ густоты растительности и рѣдкости населенія чище, и болѣзней было менѣе, и климатъ въ населенныхъ тогда мѣстахъ вообще былъ благораствореннѣе; когда люди, дѣйствительно, могли жить подъ виноградомъ и смоковницею, не имѣя нужды укрываться въ душныхъ шалахахъ отъ зноя или дымныхъ хатахъ отъ холода; когда, однимъ словомъ, былъ, дѣйствительно, тотъ золотой-серебряный вѣкъ, о которомъ, опустошивъ землю тысячами войнъ и всякаго рода разрушеній, вздыхало человѣчество вѣковъ мѣднаго и желѣзнаго, греческаго и римскаго, вѣковъ позднѣйшихъ, о которомъ глухими стонами плакало человѣчество вѣка глинянаго, вѣка общаго истощенія и опустошенія земли, вѣка римско-варварскаго; когда желѣзо римской народности дождалось ржавчиною возмутительной роскоши и разврата, а остальная часть историческаго человѣчества облита была кровью, опалена повсюдными пожарами, завалена развалинами, раздавлена ярмомъ рабства самаго беззаконнаго деспотическаго. Это идея первая—внѣшняго благосостоянія. А вотъ вторая—идея политической твердости. Древнее восточное человѣчество было мягче, изнѣженнѣе, по условіямъ одного мѣстожителства кромѣ другихъ причинъ, податливѣе всякому внѣшнему напору, политически слабѣе позднѣйшаго закованнаго въ мѣдъ греко-македонскаго и желѣзнаго римскаго человѣчества,—римскаго однакоже до тѣхъ только поръ, пока эта желѣзная

народность не смѣшала себя съ глиною изжившихъ прежнюю свою жизненность народностей устарѣвшей Европы, Азіи и Африки. Въ самой относительной величинѣ разновещественныхъ частей тѣла усматриваемъ разную продолжительность бытія означаемыхъ царствъ. Какъ голова короче персей съ руками, перси короче чрева со стегнами и чрево короче ногъ,—такъ царство вавилонское, отъ Навуходоносора до Кира персидскаго, существовало короче царства персидскаго; персидское, отъ Кира до Александра македонскаго, короче царства греко-македонскаго; царство греко-македонское отъ Александра македонскаго, по смерти его раздѣлившееся, до завоеванія послѣднихъ остатковъ Александровой монархіи римлянами, существовало короче царства римскаго, считая періодъ сего послѣдняго отъ перваго столкновенія Рима съ востокомъ до торжества христіанства надъ язычествомъ, въ лицѣ Константина, и перенесенія столицы имперіи въ Константинополь, и до окончательнаго паденія міродержавнаго города подъ ударами варварскихъ, но уже принявшихъ христіанство народовъ. Такъ именно, въ указанныхъ смысломъ Навуходоносорова видѣніи предѣлахъ, царство вавилонское существовало только около 70 лѣтъ, персидское около 200 лѣтъ, греко-македонское около 300, царство-же римское существовало около 600 лѣтъ. Частныя черты этихъ царствъ въ видѣніи Навуходоносоровомъ: онъ самъ, Навуходоносоръ, царь многихъ царей и царствъ, державшій въ своей власти или въ страхѣ всю тогдашнюю историческую Азію съ ея двухъ-тысячелѣтнимъ духовнымъ развитіемъ и средствами общественнаго благосостоянія, изумляющими насъ въ однихъ исполинскихъ развалинахъ тогдашнихъ городовъ, не говоря о другихъ памятникахъ тогдашней исторической жизни, добывавшій одряхлѣвшее царство Египта, еще не замѣчавшій только что начинавшуюся историческую жизнь двухъ будущихъ владыкъ своего царства — Греціи и Рима, ни тѣмъ менѣе небольшое сосѣднее племя персовъ, которое свою историческую жизнь еще не почало, властелинъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ странъ тогдашняго міра,—Навуходоносоръ — голова золотая этого историческаго тѣла. Царству второму, соотвѣтствующему серебрянымъ персямъ, приписаны только двѣ черты, что оно возникнетъ сряду послѣ вавилонскаго и будетъ ниже его; въ какомъ отношеніи ниже, не сказано, можно полагать—по части внѣшняго благосостоянія. Конечно, это царство персидское. О царствѣ третьемъ, македонскомъ, соотвѣтствующемъ мѣдному чреву тѣла, сказано, что оно

поработить всю землю. Самыя отчетливыя черты даны царству самому позднему римскому: царство крѣпкое, какъ желѣзо. Какъ желѣзо утончается и сокрушаетъ все, такъ и царству этому предопредѣлено было разбить и сокрушить все. Но стоитъ оно на ногахъ, въ которыхъ часть нѣкоторая желѣзо, а другая часть глина, — это значитъ, что подъ конецъ бытія своего это царство будетъ, какъ и было, во времена послѣднихъ цезарей, раздѣлено; это значитъ, что нѣкоторая часть этого царства подъ конецъ его бытія будетъ еще крѣпка, останется въ немъ нѣчто отъ корня желѣзнаго, отъ народности кровной римской, но другая часть будетъ уже рыхлая изъ глины, изъ отжившихъ свой вѣкъ, разложившихся, обрхлѣвшихъ и одряхлѣвшихъ народностей Европы, Азіи и Африки; это значитъ, что племена въ этомъ царствѣ будутъ тогда перемѣшаны, будутъ соединяться посредствомъ единства власти и другихъ искусственныхъ связей, но не пристанутъ одно къ другому, не образуютъ одно крѣпкое однородное цѣлое, подобно тому, какъ желѣзо не можетъ крѣпко сцѣпляться съ глиною.

Вотъ философская исторія языческаго міра послѣднихъ вѣковъ около рождества Христова, Богомъ открытая за цѣлыя столѣтія прежде ея осуществленія.

Далѣе отъ этого великаго и блестящаго и страшнаго колосса древняго историческаго язычества, съ Навуходоносоромъ во главѣ, мечтавшимъ сдѣлать изъ себя бога, золотой идолъ человечеству для поклоненія, — отъ этого колосса, одною ногою упиравшагося въ пущи британскихъ острововъ и въ снѣга Боруасси, а другою въ устья Тигра и Евфрата, въ пустыни Аравіи и Африки, раздвигавшаго свои желѣзнодорожные стопы шире и шире, чтобы поймать мечту, образовавшуюся въ его золотой головѣ, въ надменной высившейся до небесъ головѣ Навуходоносора, — мечту серебряными длинными руками своими захватить и мѣднымъ чревомъ проглотить весь остальной, пока еще не выдѣлившійся изъ тумана исторической безвѣстности міръ, — отъ этого великолѣпно-грознаго колосса перенесемъ свои очи въ землю небольшую, надменному языческому классическому міру малоизвѣстную, въ это время уже разоренную, опустошенную, лучами солнца обожженную, изрытую скалами, въ большей части своей представляющую видъ одной изборожденной вѣками и переворотами, больше наводящей уныніе своею пустынностію, чѣмъ возносящей духъ за облака заоблачною высотой скалы, — перенесемъ свои очи въ Палестину, на народъ еврей-

скій. Какъ его назвать, этотъ народъ? Съ языческо-классической точки зрѣнія, ничтоженъ былъ этотъ народъ, совершенно раздавленъ былъ онъ около времени рождества Христова. Но представлялъ тогда и прежде, представляетъ и теперь совершенно-исключительное, высоко-назидательное, умирительно-жалостное явленіе: съ исключительностію своей вѣры въ Бога Израилева, и вслѣдствіе этой исключительности, съ замкнутостію своей народности, незначительною, но несокрушимою скалою на перепутьи двухъ или даже трехъ великихъ міровъ азіатскаго, африканскаго и европейскаго, — скалою, которая подвержена напорамъ двухъ морей, чрезъ которую силились прорваться для соединенія два океана древней и новой исторической жизни, просуществовалъ онъ, этотъ народъ, два тысячелѣтія до рождества Христова и почти столько же, по Божіимъ судьбамъ, о которыхъ мы и не вполне знаемъ и говорить здѣсь было-бы долго, просуществовалъ послѣ рождества Христова. Пронеслись надъ этою скалою и развѣялись около нея бури и не великихъ мимолетныхъ величій хананейскихъ, арабійскихъ, и довольно великихъ величій сирійскихъ, египетскихъ, ассирійскихъ; десятки разъ шагаль по этой скалѣ, придавливая къ ней ея народъ и обливая ее кровію его, Навуходоносоровъ-Даніиловъ колоссъ самыхъ великихъ величій вавилонскихъ, персидскихъ, греко-македонскихъ, римскихъ: скала рода Израилева все стоитъ. Сѣмя свято стояніе, твердость, опора этого рода.

Съ Авраама и Давида, съ высоты величія патриаршаго и престола царей израильскихъ, съ высотъ сіонскихъ опустимъ свои взоры на невысокія возвышенности вилеемскія; еще ниже, въ вертепъ, въ пещеру одной изъ незначительныхъ вилеемскихъ горъ. Здѣсь очамъ нашей вѣры и благоговѣнія представляется бѣдная отрасль рода Давида, рода Авраамля, Дѣва Марія, при кликахъ ангеловъ небесныхъ: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*, по наитію отъ Духа Святаго раждающая Сына младенца, предвѣчнаго Сына Божія. Это Навуходоносоровъ-Даніиловъ камень, отдѣляющійся отъ одной изъ іудейскихъ горъ, безъ участія человеческихъ рукъ, особымъ дѣйствіемъ силы Божіей; камень, о которомъ еще прежде Даніила за цѣлыя столѣтія вопіяли другіе пророки, камень, его-же небрегоша зиждущіи и который бысть во главу угла въ дому Божіемъ, который отъ Господа бысть и есть дивенъ въ очесѣхъ нашихъ (Пс. 117, 23); камень многоцѣненъ, избранъ, краеуголенъ, честенъ, полагаемый въ основаніи

Сіону, такъ что вѣруй въ оны, полагающійся на этотъ камень не постыдится (Ис. 28, 16).

Дѣйствию особой воли Божіей, отъ подножія одной изъ виле-емскихъ горъ, изъ вилеемской пещеры, возносится этотъ камень на одну изъ незначительныхъ возвышенностей сіонскихъ, іерусалимскихъ, на Голгоу, и оттуда съ этой горы спущенъ по направленію къ желѣзно-скудельнымъ ступнямъ Навуходоносорова - Даніилова колосса... Нанесенъ ударъ... Ударъ, повидимому, не силенъ; но ступни, въ которыя камень ударился, очень уже хрупки, и безъ того онъ едва держали массу колосса. И вотъ начиная со времени тирана Ти-верія, римско-языческій колоссъ на своемъ основаніи пошатнулся, скло-нялся съ основы цѣлыя столѣтія, подобно не вдругъ падающему, подрубленному исполинскому дереву, и наконецъ рухнулъ, и бѣ паденіе его веліе... Рухнулъ бѣдный жалкій такъ, что отъ собственной высо-ты, громадности и громадной тяжести разбился въ прахъ, своимъ па-деніемъ поднялъ густую мрачную пыль государственнаго разгрома и разлада, нарушилъ равновѣсіе общественныхъ человѣческихъ стихій; въ пустоту, образовавшуюся вслѣдствіе его паденія, устремился вихрь переселенія дикихъ народовъ и смель съ лица земли прахъ остат-ковъ древне-языческой цивилизаціи. Что древне-языческой граждан-ственности роковой смертельный ударъ нанесло христіанство, въ этомъ никто не сомнѣвается.

Камень же, поразивый тѣло, бысть гора велика и наполни всю землю. Это значитъ, что во дни царей тѣло, — продолжаетъ пророкъ Божій Даніилъ, — т. е. во дни римскихъ цезарей, *возставитъ Богъ небесный царство, еже во вѣки не разсиплетъ, и царство его людемъ инѣмъ не останется; истинитъ и разветъ всѣ царства, то же станетъ во вѣки.* Это короткій очеркъ судьбы хри-стіанства; словъ тутъ въ рѣчи немного, но рѣчь божественная и по-тому смысла въ ней много.

Продолжаемъ всматриваться въ видѣніе Навуходоносорова и при-слушиваться къ толкованію Даніилову.

Вотъ камень, поразивый тѣло, становится горою великою. Что въ мірѣ человѣческомъ могло быть меньше Младенца Спасителя, юною Ма-терью, бѣдною іудейскою рожденнаго въ бѣдной іудейской вѣси, и то внѣ вѣси, внѣ человѣческихъ жилищъ, въ загонѣ скотскомъ, въ горной пещерѣ, положеннаго по недостатку колыбели въ скотскія ясли?! И

что въ эту пору было величественнѣе и грознѣе Августа, кесаря рим-скаго, властелина римской вселенной, представителя римскаго имени и могущества? Однакоже меньше чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ имя бо-жественнаго Младенца раздалось въ Римѣ въ стѣнахъ императорскихъ дворцовъ. Меньше чѣмъ черезъ сто лѣтъ римскіе цезари напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы стереть это имя съ лица земли. Меньше чѣмъ черезъ триста лѣтъ могущественнѣйшій изъ цезарей этимъ именемъ украшаетъ себя самага. Меньше чѣмъ чрезъ четыреста лѣтъ остатки римской гражданственности выметены изъ самага Рима, и вся не толь-ко римская, но и безвѣстная до сихъ поръ, вдвинувшаяся въ рамки исторіи и стершая съ лица земли имя римское, вселенная нареклась именемъ Христа: *камень дѣйствительно бысть гора велика.*

Камень бысть гора, конечно, каменная. Видѣли-ль вы каменные горы? Я видѣлъ финляндскія. Всмотритесь въ такія горы, если хоти-те получить идею вѣковѣчной несокрушимости, неодолимой объединяю-щей силы. Всмотритесь въ отрѣзъ скалы, сколько тамъ разнородныхъ элементовъ и какъ несокружимо ихъ не только химическое, но и ме-ханическое соединеніе! Попробуйте разбить массу, попробуйте ее под-рыть. Сколько-бы понадобилось для этого человѣческихъ силъ?!.. Это Навуходоносоровъ - Даніиловъ образъ объединяющей и скрѣпляющей силы христіанства. Размышляли-ль вы когда-либо о томъ, что въ до-христіанской исторіи, по горизонту ея, царства мелькали метеорами; въ столѣтія, а иногда и того менѣе, появлялись на горизонтѣ исто-ріи, росли, готовы были обнять всю поднебесную, сокрушались и ис-ри, росли, готовы были обнять всю поднебесную, сокрушались и ис-чезали династіи египетскія, сирійскія, ассирійскія, мидійскія, лидійскія, царства вавилонское, персидское, македонское, республики карфагенская, финикійская? Римъ просуществовалъ тысячу лѣтъ, Римъ съ своимъ же-лѣзнымъ народнымъ характеромъ, беззавѣтною холодною храбростью, съ римскими дисциплиною, образованіемъ, законами, гражданскимъ стро-емъ. А мы Россія, просуществовавъ тысячу лѣтъ, не безъ основанія думаемъ, что мы народъ еще юный непочатой, что жить мы еще поч-ти не начинали. Размышляли-ль вы когда-либо о томъ, что мѣрою, масштабомъ существованія государствъ христіанскихъ дѣлаются уже не вѣка, а тысячелѣтія? Христіанская Германія, Галлія, Британія просу-ществовали уже по полторы тысячи лѣтъ; христіанская Испанія, Да-нція, Швеція, Швейцарія больше, чѣмъ по тысячѣ лѣтъ, и умирать не думаютъ. Да что? Горшокъ, слѣпленный изъ старой римской глины,

въ который влило было новое вино христіанства, эту дряхлую Византію, въ продолженіи цѣлой тысячи лѣтъ, били милліоны варваровъ съ востока и юга, съ сѣвера и запада, сами о нее разбивались многіе, наконецъ одна магометанская орда одолѣла... Да одолѣла-ли? Не нужно быть пророкомъ, чтобы видѣть, что магометанству скоро не господствовать даже по имени ни въ Европѣ, ни по азіатскому берегу Чернаго и Средиземнаго морей. Милліоны грековъ и славянъ, христіанъ турецкихъ, при страшныхъ гоненіяхъ отъ турокъ, остались греками и славянами — христіанами и будутъ господами своей земли. А гдѣ, примѣрно, тѣ несмѣтныя орды татаръ и монголовъ магометанъ, которые не такъ давно бродили по этой самой нашей (Саратовской) землѣ, сначала господами нашими, а потомъ хотя и подданными, но нисколько не стѣсняемыми въ своей вѣрѣ и народности? Гдѣ жъ основа этой живучести, этой несокрушимости христіанскихъ царствъ и народностей? Въ китайской неподвижности? Но нигдѣ историческая жизнь не кипитъ горячѣе, какъ въ Европѣ. Въ пресловутой прогрессивной цивилизаціи? Пусть Аттилы, Чингисханы, Батыи, Тамерланы пронеслись, съ своими царствами, метеорами не цивилизованными. Но вотъ несчастіе защитниковъ нехристіанской чисто раціональной цивилизаціи — аравитяне, грозное, блистательное, образованнѣйшее государство, — и гдѣ оно? Тѣмъ-же, только не столько кровавымъ метеоромъ промелькнуло! Было время, когда вся христіанская Европа дрожала при имени аравитянъ. Но христіанство господствуетъ и въ Испаніи, а мавры, а аравитяне исчезли. Христіанство и въ Африкѣ добываетъ послѣдніе ихъ остатки. Какъ это напоминаетъ бурю, которая рвется едуть, и волну морскую, которая рвется смыть береговую скалу! Да, кое-что поломали, кое-что волны смыли и снесли, кое-что избороздили на ней въ продолженіи вѣковъ и улеглись, а скала все-таки стоитъ... Посредствомъ нынѣшней пресловутой цивилизаціи хотятъ вдвинуть магометанскую Турцію въ европейскую семью и жизнь; выбрали даже медаль, гдѣ католицизмъ, протестантизмъ и исламизмъ, въ лицѣ трехъ монарховъ, подаютъ одинъ другому руки. Но не принимаетъ Турція креста и евангелія; не быть ей и въ нашей семьѣ, не жить ей европейскою христіанскою, скоро быть можетъ — и какою-бы то ни было политическою жизнію. Да, въ цивилизаціи корень прочности и живучести христіанскихъ царствъ и народовъ, — въ цивилизаціи, потому что и поскольку она была и есть въ основѣ своей цивилизація христіанская.

вѣтіе въ смыслѣ, — если позволено такъ сказать, — христіанскомъ социальномъ, въ смыслѣ благоустроенія общества на началахъ христіанства, а въ цѣломъ мірѣ въ смыслѣ христіанскомъ космополитическомъ, въ смыслѣ жизненнаго органическаго совокупленія всѣхъ отдѣльных царствъ и народностей въ единое тѣло Христово подъ единою главою, въ единое родственное стадо Христово подъ водительствомъ единого верховнаго пастыря Христа.

„Да, толкуйте себѣ“, — толкуютъ мудрецы вѣка сего, — „само христіанство рушится отъ несостоятельности своихъ теоретическихъ началъ“. Гдѣ, у насъ въ Россіи рушится? Къ несчастью, да, колеблется во многихъ легкихъ головахъ. Отъ каменной горы, вслѣдствіе времени и разрушительнаго дѣйствія стихій, откалываются осколки, разбиваются, рыхлѣютъ, превращаются въ песокъ и пыль и разлетаются по вѣтру. Собственными очами видѣли мы на финляндскихъ горахъ эту каменную труху. Между тѣмъ однакоже скалы стояли и стоятъ и будутъ стоять, пока суждено имъ стоять. Во Франціи почти на нашей памяти было нѣчто подобное. На дѣлѣ тамъ свершилось то, что у насъ развивается въ печатныхъ теоріяхъ: освободившіе себя отъ стѣснительныхъ христіанскихъ идей, люди сотнями да тысячами стали рубить другъ другу головы, все передовыя головы; въ войнахъ изъ-за своихъ идей истребили не одинъ миллионъ народа. Послѣдній великомощный представитель этихъ идей, воображавшій, что христіанства не осталось даже въ Россіи и Испаніи, одновременно пошелъ войною на Испанію и Россію, правда, въ цѣляхъ политическихъ, а не христіанскихъ или антихристіанскихъ; но Богъ знаетъ, куда повернулъ-бы его гордый невѣрующій духъ самое христіанство, еслибъ онъ успѣлъ въ своихъ затѣяхъ политическихъ; но вѣдь его полчища ругались-же у насъ надъ святынею. И чтоже? Могучій вождь сознался, что Промыслъ употребилъ его орудіемъ для достиженія невѣдомыхъ своихъ цѣлей и ненужное орудіе разбилъ, — сознался и умеръ на островѣ св. Елены христіаниномъ. А вольнодумныя полчища его? Сгибли, и русскіе священники русскому Богу русскій благодарственный молебенъ отслужили въ стѣнахъ Парижа на площади, на которой французы провозглашали низложеніе Бога и христіанства и поставленіе женщины въ богиню разума. Вотъ подобнаго оборота гнѣвныхъ судебъ мы опасаемся для своего отечества, вовсе не опасаясь пока за самое христіанство.

Есть, правда, въ настоящее время для насъ болѣе печальные, для антихристіанскихъ прогрессистовъ болѣе обнадеживающіе признаки развитія антихристіанской заразы, чѣмъ въ самыя времена французской революціи. Но чтоже?... Когда въ неотвратимый предопредѣленный часъ дрогнетъ простирающаяся по всему лицу земли каменная громада христіанства, — то вѣдь она проломитъ хрупкую кору земли, и оттуда изникнетъ внутреннее подземное пламя, которое обновитъ лице и судьбу земли. Тогда настанетъ новый порядокъ вещей. По пророчеству Давидову, по предопредѣленію Божию, царство Божіе, царство Христово *людемъ инѣмъ не останется.*

НРАВСТВЕННЫЙ УРОКЪ ОТСЮДА.

Возлюбленніи, — увѣщаетъ насъ Христовъ апостолъ Петръ, — всяка плоть яко трава, и всяка слава чловѣча яко цвѣтъ травный; изше трава и цвѣтъ ея отпаде, глаголю-же Господень пренбываетъ во вѣки. Се же есть глаголю благовѣствованный въ васъ. Итакъ отложивъ всяку злобу и всяку лѣсть и лицемеріе и всѣ клеветы, какъ новорожденные младенцы, словесное и нелестное млеко ученія Христова возлюбите, да о немъ возрастетъ во спасеніе. Понеже вкусили вы, яко благо Господь. Къ нему-же ко Господу приступая, камню живому, отъ чловѣкъ уничиженному, отъ Бога-же избранному, честному, и сами, какъ каменіе живое, созидайтесь въ храмъ духовный, святилище и священство святое, чтобы возносить жертвы духовныя Богу чрезъ Іисуса Христа. Зане писано есть въ писаніи: се полагаю въ Сіонъ камень краеугольный, избранный, честный, и вѣрующій въ него не постыдится. Итакъ вамъ честь вѣрующимъ, а противящимся камень сей есть и будетъ камнемъ претыканія и соблазна (1 Пет. 1, 24—25; 2, 1—7).... И падшій на камень сего разобьется; а на кого онъ падетъ, того раздавитъ, по слову самого Господа (Мѣ. 21, 44). Аминь.

1861 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Жезлъ изъ корене Иессеова и цвѣтъ отъ него Христе отъ Дѣвы прозяблъ еси, изъ горы хвалный пріосвященный чаша пришелъ еси, воплощся отъ неискусомужныхъ. Невещественный и Боже, слава силъ твоей Господи. Канона пѣснь 4, Ирмосъ.

За семь съ половиною вѣковъ до рождества Христова въ іудейскомъ царствѣ жилъ великій Божій пророкъ Исаія. Между многими необыкновенно ясными, полными неисчерпаемо-глубокаго смысла пророчествами изрекъ онъ и слѣдующее: *и изыдетъ жезлъ изъ корене Иессеова* — вотъ произойдетъ отростокъ отъ корня Иессеова и цвѣтъ отъ корене его взойдетъ. И почіемъ на немъ — на цвѣтѣ, — вы разумѣете, конечно, что цвѣтъ этотъ есть Лицо, — и почіетъ на Немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ вѣдѣнія и благочестія, исполнитъ Его Духъ страха Божія. Исполненное Духа Божія Лицо это не по славу — не по молвъ судить будетъ людей, ни по оговору обличитъ. Но судитъ — воздастъ правдою смиренному судъ и правотою обличитъ смиренныхъ земли. И порази́тъ землю словомъ устъ своихъ, и духомъ устъ убіетъ нечестиваго. И будетъ препоясанъ правдою по чресламъ своимъ, — вслушайтесь въ этотъ энергическій богодухновенный языкъ, — будетъ препоясанъ правдою по чресламъ своимъ и истиною обвитъ по ребрамъ своимъ. И пастись при Немъ будетъ вмѣстѣ волкъ съ янёнкомъ, и рысь будетъ отдыхать съ козленкомъ, и теленокъ и быкъ и левъ вмѣстѣ пастись будутъ, и отроча малое поведетъ ихъ. И волъ и медвѣдь вмѣстѣ пастись будутъ, и вмѣстѣ дѣти ихъ будутъ, и левъ какъ волъ псть будетъ полову. И отроча младое на пещеры аспидовъ и на ложа исчадіи аспидовыхъ руку

возложитъ, и не сотворятъ зла ни возмогутъ поубить никого на гору святой моей. Такъ какъ наполнилась вся земля вѣдѣніемъ Господня, какъ-бы вода многая покрыла море. И проростетъ въ день оный корень Иессеевъ и возникнетъ изъ него отростокъ, чтобы владѣть народами, на того народы уповать будутъ. И будетъ честью Его, славою Его покой.

Пророчество все. Чтожъ это такое? Вотъ придетъ день, изъ корня Иессеова произойдетъ отростокъ, чтобы владѣть народами, исполнится Духа Божія, будетъ правосуднѣйшій судія, поражающій учитель правоты, казнить неправду будетъ словомъ, будетъ господинъ внѣшней природы, умиротворитъ между собою даже безсловесныхъ, звѣрей и гадовъ покоритъ даже дитяти малому, и весь этотъ переворотъ совершитъ чрезъ распространѣніе по всей землѣ вѣдѣнія Господня. Совершитъ тѣмъ, что, по другому подобному же пророчеству Исаи, пойдутъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковлева всѣ народы и возвѣститъ Господь имъ путь свой, и пойдутъ по нему: ибо отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима. И слово это судьбою будетъ, и обличитъ людей многихъ: и раскуютъ тогда люди мечи свои на орала и копыя свои на серпы, и не подниметъ народъ на народъ меча и не навикнутъ кому — и отвыкнутъ затымъ сражаться. Честью — славою виновника такого переворота будетъ покой, самое имя Его будетъ князь мира, и миру Его нѣтъ предѣла и не будетъ въ царствѣ Его. Ревность Господа Саваоа сотворитъ сія (Ис. гл. XI, IX и II).

И евреи и христіане относили и относятъ это пророчество св. Исаи къ Мессіи.

Евреи относили и относятъ къ Мессіи ожидаемому, въ грубѣйшемъ большинствѣ своемъ, за исключеніемъ немногихъ развитыхъ душъ, понимавъ слова пророка съ одной стороны въ чудовищно сверхъестественномъ, а съ другой — въ грубо-матеріальномъ смыслѣ, именно такъ, что Мессія съ пришествіемъ своимъ на землю покоритъ себѣ и своимъ единоплеменникамъ евреямъ не только всю внѣшнюю природу, но и всѣ прочіе народы, людей покоритъ грубыми человѣческими средствами, огнемъ и мечемъ, а неразумную природу, звѣрей, гадовъ, рыбъ и птицъ съ бездушными стихіями поработитъ силою чудодѣйственною, разными необычайными чудотвореніями, созданными нестройною фантазіей.

Христіанская церковь отнесла это пророчество къ Спасителю міра, Господу нашему Іисусу Христу. Одна часть его, этого пророчества исполнилась пока еще несполнѣ, но другая вполнѣ; часть исполнилась таинственно, прикровенно, открыто только для живой вѣры, но другая исполнилась наглядно даже для естественнаго человѣческаго наблюденія. И такимъ образомъ одно ручается за другое, исполненіе, совершившееся для нашего наблюденія открыто, ручается какъ за несомнѣнность исполненія совершившагося таинственно, такъ и за непреложность исполненія пока еще не совершившагося будущаго.

Потрудитесь о содержаніи пророчества размыслить вмѣстѣ съ нами.

Вотъ христіанское, церковное толкованіе пророчества. Представьте себѣ гору, осѣненную чащею, въ этой чащѣ усѣченное дерево — пень, отъ его корня вырастаетъ поросль, изъ этой поросли цвѣтъ. Гора пріосѣненная чащею, это домъ Іаковль, родъ Израилевъ. Дерево, указываемое пророчествомъ, царственный домъ Давида, сына Іессеева. Усѣченнымъ оно представляется у пророка потому, что ко времени пришествія Христова на землю, по древнему предсказанію патріарха Іакова, родъ Давида сына Іессеева, потомка патріарха Іуды, сына Іаковлева, лишился искони принадлежащаго ему жребія, княжескаго и царственнаго значенія въ еврейскомъ народѣ. Поросль, произрастающая отъ корня Іессеева, пречистая Дѣва Марія Богоматерь. Цвѣтъ изъ поросли — Сынъ неискусомужныхъ Дѣвы, краснѣйшій паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, цвѣтъ человечества, Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Около этой сущности изъясненія пророчества подробности его естественно располагаются такъ.

Духъ Господень на Мнѣ, говорилъ о себѣ нашъ Спаситель (Ис. 61, 1; Лук. 4, 16—21). Почиваль на немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, исполняль Его Духъ страха Божія. Духъ Господень былъ на Немъ для блага человечества. Силою Духа Богъ Отецъ послалъ едиnorodнаго Сына своего Богочеловѣкомъ на землю благовѣствовать нищимъ, исцѣлить сукрушенныхъ сердцемъ, проповѣдать плѣнникамъ рабства тѣлеснаго и духовнаго отпущеніе, слѣпымъ очами и разумомъ прощеніе, нареши — назначить — привести съ собою лѣто Господне пріятно и день воздаянія чающимъ правды, утѣшить всѣхъ плачущихъ,

дать плачущимъ помазаніе веселія, украшеніе славы вмѣсто духа унынія (Ис. 64, 1—4). Судиль Онъ, когда жилъ на землѣ, и будетъ судить, егда прійдетъ во славу своей, не по молвѣ людской, ни по говору человѣческому обличилъ и обличитъ. Приближались къ Нему мытари и грѣшники и всякіе, по близорукому и жесткому говору человѣческому нечестивцы; мытари и грѣшники, по слову Его, предварятъ въ царствіи Божіемъ многихъ самоувѣренныхъ праведниковъ. Судиль и будетъ судить Онъ судъ смиренному правдою, обличалъ и обличитъ смиренныхъ земли кроткою правотою. Препоясанъ Онъ правдою по чресламъ, и истиною обвить по ребрамъ своимъ. Былъ Онъ владыка неодушевленной природы, повелитель бездушныхъ стихій; и со звѣрьми жилъ Онъ и звѣри не вредили Его (Мар. 1, 13). Былъ Онъ князь міра, кроткій и смиренный сердцемъ, и цѣлью своего служенія на землѣ имѣлъ примирить собою всяческая, природу и человечество съ Богомъ и въ Богѣ. Однимъ словомъ, даже оставляя область откровенія и вѣры, естественный человѣческій разумъ, въ высшихъ своихъ представителяхъ, не могъ не признать въ нашемъ Спасителѣ существо высоко-безукоризненное, идеально-совершенное, мощное, владѣющее таинственными силами, правдивое, человѣколюбивое, кроткое, самоотверженное, чистое, свѣтлое и свѣтотворное, божественный идеаль человѣка.

Таковъ нашъ Спаситель самъ въ себѣ непосредственно. Также безукоризненно высокъ Онъ и въ своемъ ученіи.

Станемъ здѣсь дальше на чистой исторической точкѣ зрѣнія. Безспорно, что Христосъ Спаситель нашъ поразилъ землю словомъ устъ своихъ, изрекъ отъ Сіона законъ божественный, достопокланяемый, и изъ Іерусалима слово, достойное Господа, учителя и законодателя совершеннѣйшаго, духу человѣческому родное; слово простое и общедоступное, которое понимаютъ младенцы, постигаютъ и принимаютъ дикари; слово всеобъемлющее, удовлетворяющее разностороннимъ потребностямъ человѣческаго духа, слово, въ которомъ родное дорогое себѣ находили простецы и мудрецы, грѣшники и праведники, всѣ полы, возрасты и состоянія; слово, чуждое и грязной грубости народныхъ вѣрованій язычества, и туманной таинственности его мистерій, доступныхъ только жрецамъ и другимъ немногимъ избранникамъ, и матеріально-фаталистической узкости магометанства, и исключительности ученій философскихъ, понятныхъ только умамъ тонкимъ выработаннымъ; слово, которое само

въ себѣ, отрѣшенное отъ пестроты человѣческихъ убѣжденій, отъ частныхъ богословско-философскихъ или историко-археологическихъ споровъ, представляетъ систему безспорно возвышеннѣйшую, широкую и глубокую, систему для ума свѣтозарную, для сердца успокоительно-утѣшительную.

Высокъ, дивно-могучъ Спаситель нашъ и въ приложеніи своего слова къ человѣческому сознанию, въ переводѣ своего ученія въ убѣжденія и жизнь людей, въ дѣятельность ихъ нравственно-общественную и умственно-научную.

Безспорно, что Христосъ Спаситель нашъ вѣдѣніемъ Господнимъ наполнилъ всю землю; что слово Его на дѣлѣ оказалось подобно зерну горчичному, — мало зерно, но стебель вырастаетъ изъ него большой; что проповѣдь евангелія еще св. апостолы въ свое время пронесли во все концы извѣстной тогда вселенной; что распространеніе евангелія не прекращалось никогда; что теряя преданность однихъ умовъ, евангеліе приобретало привязанность другихъ; теряя довѣренность умовъ къ одной своей части, напр., къ исторической или теоретической, оно приобретаетъ благоговѣнное удивленіе ихъ къ другой своей части, нравственной; что въ наше время евангеліе проникаетъ во все концы вселенной нашего времени, питая въ насъ несомнѣнную надежду, что послѣднее завѣщаніе Спасителя св. апостоламъ: *шедше научите вся языки, наченше отъ Иерусалима и даже до послѣднихъ земли*, совершится непреложно, — что евангеліе проникнетъ не только во все края, но и во все самые незамѣтные, самые темные уголки земнаго шара.

Безспорно, что слово Спасителя нашего оказалось свѣтомъ истиннымъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ, оказалось солнцемъ, освѣщающимъ все великое и малое въ жизни людей; что духомъ устъ своихъ Господь нашъ убилъ всякое нечестіе, убилъ въ томъ смыслѣ, что предъ зеркаломъ слова Христова становится очевиднымъ нечестіе всякаго нечестія, наглядною всякая неправда жизни. Наводи только это богодарованное духовно-зрительное орудіе, подобно нашимъ телескопамъ и микроскопамъ, на всякое проявленіе жизни и всматривайся внимательно, — и усмотришь всякое отклоненіе отъ нормы истинно-чистой человѣческой нравственности. Не слово Христово, а жестосердіе человѣческое виновато, что нужны были тысячелѣтія, чтобъ истины ясно-выработанными данными въ христіанствѣ сказались въ убѣжденіяхъ людей, и понадобятся еще вѣка, чтобъ эти истины пере-

шли въ жизнь. Не можемъ мы здѣсь въ бѣгломъ очеркѣ въ подробностяхъ раскрывать заслуги христіанства въ развитіи правдивыхъ воззрѣній на жизнь и дѣла людей. Для нашего времени замѣчательно особенно то, что въ евангеліи, почивающемъ на пророкахъ и апостолахъ, есть основа для рѣшенія всехъ общественныхъ вопросовъ, волнующихъ современное человѣчество: вопросовъ объ отношеніяхъ рабства къ свободѣ (Филип. 1; 1 Корин. 12, 12—13; Гал. 3, 26—29), подчиненія къ господству и власти (1 Тим. 3, 1—2; Мѡ. 23, 1—12), бѣдности къ богатству (1 Тим. 6, 17—19; Мѡ. 25, 37—46), народности къ народности (Рим. 10, 10; Гал. 3, 26—29; Кол. 3, 11), мужескаго пола къ женскому (1 Пет. 3, 7; Кол. 3, 17—25), дѣтей къ отцамъ (Кол. 3, 17—25; Еф. 6, 4), вопросовъ о высокомъ призваніи и благотворномъ служеніи женщины въ обществѣ (1 Тим. 5, 9—10; 4, 9—15), о необходимости и чистѣйшемъ способѣ воспитанія дѣтей (Еф. 6, 4), о состоятельности и возможности общенія въ имуществѣхъ (1 Кор. 10, 12—26; Дѣян. 4, 34—37; 6, 1—7), о самосудности христіанскихъ обществъ (1 Кор. 6, 1—8), о ненормальности войнъ (Ис. 2, 1—10) и т. д. Далеко это завлекло-бы насъ, еслибъ мы позволили себѣ развивать названные и другія подобныя богооткровенныя истины въ подробностяхъ. Сами испытайте писаній; яко вы, конечно, вмѣстѣ съ нами мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный, мните, что христіанское обученіе ко всему полезно, обѣтованіе имѣя живота не только грядущаго, но и настоящаго. Мы вѣримъ св. пророку Исаи, что когда вѣдѣніе Господне не только распространится по всей землѣ, но когда вѣдѣніе Господне не только распространится по всей землѣ, но и проникнетъ во все изгибы человѣческихъ сердецъ, когда Христосъ и воплотится въ человѣчествѣ, тогда и въ человѣчествѣ чрезъ человѣчество Онъ не по молвѣ человѣческой судить будетъ, какъ самъ собою судилъ и судить, ни по говору обличить, но судить судъ смиренному правдою и обличить смиренныхъ земли правотою, и поразить землю словомъ устъ своихъ, и убить нечестіе, щадя жизнь нечестиваго, духомъ устъ. Когда слово Христово вселится въ насъ богато, тогда оно — само слово это судьбою будетъ между народами: и раскуютъ тогда люди мечи свои на орала и копыя свои на серпы и не подниметъ народъ на народъ меча и отвыкнутъ затѣмъ сражаться. Мечта, несбыточная надежда? Но прежде такъ и не мечтали, а теперь думаютъ, но эту надежду внушаетъ намъ величайшій изъ пророковъ.

Безспорно, что слово Христово оказалось подобно закваскѣ, ко-

торую жена, взявъ, положила въ трехъ мѣрахъ муки и вскисло все: малая закваска все смѣшеніе квасить. Слово Христово оказалось закваскою умственной дѣятельности въ толпахъ дикарей, нахлынувшихъ въ началѣ христіанской эры на Европу, переродившихся въ европейскіе народы; изученіе слова Христова возбудило умы къ духовной человѣческой дѣятельности и обратило ихъ къ изученію окружающаго насъ, враждующаго намъ, тѣмъ не менѣе однакожъ предназначеннаго на служеніе нашей разумности неразумнаго міра. И сколько христіанскій человѣкъ, чрезъ христіанство возбужденною дѣятельностію разума, одержалъ уже побѣды надъ силами природы, надъ скотами, звѣрями, пресмыкающимися! Побѣды, уже одержанныя, даютъ намъ полнѣйшую надежду, что со временемъ мы не только одолѣемъ для своихъ польвъ царства воздушное, ископаемое и растительное, но и обуздаемъ мятежную область животныхъ; что звѣрей и гадовъ будетъ на землѣ столько не больше, сколько угодно будетъ человѣку; кровожаднымъ львамъ, рысамъ, медвѣдямъ, крокодиламъ, удавамъ теперь простора меньше, чѣмъ было три тысячи лѣтъ тому назадъ, а чрезъ тысячу лѣтъ впередъ будетъ еще меньше; не какая-либо незначительная часть ихъ, а все они познакомятся съ нашими клѣтками, уздами и палками, укрощающими ихъ дикость; самую природу ихъ человѣкъ смирить и приспособить къ своимъ видамъ, — опыты въ этомъ смыслѣ сдѣланные ругаются за безмѣрно большее количество опытовъ будущихъ. И будетъ тогда дѣйствительно, что будутъ пастись вмѣстѣ волкъ съ ягненкомъ, рысь отдыхать вмѣстѣ съ козленкомъ, пастись вмѣстѣ теленокъ и быкъ и левъ, волъ и медвѣдь, и левъ будетъ ѣсть половину, и отроча малое поведетъ ихъ, и не сотворятъ зла, ни возмогутъ погубить кого-либо изъ людей. Человѣкъ будетъ властный царь природы, господинъ ея силъ и сокровищъ, и славою его будетъ покой... Въ полномъ таинственномъ развитіи это пророчество св. пророка Исаи относимъ мы къ царству славы къ жизни вѣчно-блаженной; но многое изъ пророчества до предопредѣленнаго времени будетъ осуществляться и осуществится безъ сомнѣнія еще на землѣ.

Хорошо. Но зачѣмъ всю заслугу человѣческаго развитія настоящаго и будущаго приписываемъ мы христіанству, какъ будто это развитіе не могло быть безъ вліянія христіанства произведеніемъ самодеятельности чистаго разума; когда это развитіе зависѣло отъ многихъ сложныхъ причинъ; когда само христіанство есть сложный продуктъ

совокупившихся въ его произведеніи чисто-человѣческихъ причинъ, мысли еврейской и греко-римской, даже, можно сказать, египетской и индійской? — Возраженія противъ христіанства коренныя современныя.

Не имѣемъ крайней нужды отрицать, что христіанство есть между прочимъ слѣдствіе указанныхъ причинъ. Какъ основатель христіанства Христосъ Спаситель нашъ есть Богочеловѣкъ, такъ и ученіе Его есть ученіе богочеловѣческое. По смыслу вышеприведенныхъ пророчества Исаи и церковной пѣсни, Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть цвѣтъ отъ отростка изъ корня Іессеева, который въ свою очередь родился, выросъ въ дерево и отжилъ и подрубленъ и теперь пускаетъ изъ себя отрасль въ пріосѣненной чащѣ горѣ, — есть Сынъ неискусомужныя Дѣвы, дочери Давидовой, отростка отъ рода Іессеева, одного изъ родовъ народа іудейскаго, и въ тоже время вѣчный Сынъ вѣчнаго Бога, по единой части своего существа невещественный и Богъ, а по другой Богъ воплотившійся. Какъ цвѣтъ сей взялъ въ себя изъ отрасли отъ корня Іессеева все лучшее, самое тонкое и жизненное, чтобъ родить въ себѣ сѣмя новой жизни будущаго дерева; такъ и Богочеловѣкъ взялъ въ себя изъ человечества все, что въ немъ было самаго духовнаго, чистаго и живаго, чтобы стать сѣменемъ новой жизни для обновленнаго человечества. Объ ученіи нашего Спасителя должно сказать тоже. Ни греко-римская, ни индо-египетская мысль не лишены были, не говоримъ, высшаго человѣчественнаго, а даже божественнаго начала сколько потому, что образъ и подобіе Божіе, хотя въ искаженномъ видѣ, въ падшемъ человѣкѣ сохранялись, столько-жъ и потому, что въ древнемъ человечествѣ хранились остатки истиннаго ископанаго бого-откровеннаго преданія. Тѣмъ болѣе должно сказать это о мысли еврейской. Эту чистѣйшую сущность человѣческой мысли, которая сама въ себѣ была уже богочеловѣческою, Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ взялъ въ свое ученіе, и сверхъ того на ней опочилъ Христовъ Божій Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, Духъ страха Божія. И христіанство, такъ образомъ, явилось ученіемъ богочеловѣческимъ, чистѣйшимъ, совершеннѣйшимъ. Самые мощные умы послѣ Христа, думавшіе поправлять Христово ученіе, къ дальнѣйшему совершенству его не подвинули, а развѣ только испортили или вдалились въ совершенное отрицаніе его, въ отрицаніе всякой духовности въ человѣкѣ. Это-то богочеловѣческое ученіе и было зерномъ духовной жизни новаго человечества, закваскою

Новой умственной его деятельности. Христианство въ христианскомъ мірѣ поглотило въ себя всѣ разностороннія вліянія и было основнымъ двигателемъ главныхъ направленій его жизни.

А что могло-бы быть, если-бы не было христіанства? Но мыслящимъ людямъ должно знать, что въ направленіи міровыхъ судебъ могло быть только то, что было. Тутъ есть всякая и метафизическая и логическая необходимость. А думать надо, что было-бы безмѣрно хуже, чѣмъ было, если только не совсѣмъ худо. Независимая отъ христіанства умственная дѣятельность индусовъ, египтянъ, грековъ и римлянъ рушилась. Думать надо, что всякая нехристіанская мудрость содержала и содержитъ въ себѣ начала мертвенныя. Возьмемъ изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ нормальной жизни человѣческихъ обществъ — вопросъ о рабствѣ. Во всѣхъ міросозерцаніяхъ, кромѣ христіанскаго, рабство естественный элементъ: въ Египтѣ и Индіи, въ коренной Америкѣ замкнутыя касты, въ Греціи и Римѣ граждане и рабы — неграждане, въ магометанствѣ правовѣрные и собаки. Даже американскій высокоцивилизованный разумъ недавно вслухъ всего свѣта провозгласилъ, что негры — низшая служебная раса, надѣясь, что это открытіе новѣйшей науки сдѣлается скоро убѣжденіемъ всего человѣчества. Не говоримъ о королѣ дагомейскомъ, который во имя религіи, для сохраненія и поддержанія преданій, рѣжетъ тысячи плѣнниковъ и рабовъ съ весьма разумною цѣлію почтить, этою возмутительною жертвою человѣческихъ жизней, смерть своего предмѣстника, насытитъ лужами крови его кровожадную тѣнь... Цивилизація японская и китайская, чуждая духа любви Христовой, чуждая идей безпредѣльнаго совершенства: *будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*, — и сами впередъ не движутся и съ прочими народностями скупю своими пріобрѣтеніями дѣлятся. А цивилизація христіанская вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ растетъ и блага свои нехристіанскимъ народамъ, даже противъ воли нѣкоторыхъ, предлагаетъ всѣмъ. Недаромъ божественный Спаситель нашъ сказалъ: *Азъ есмь путь, истина и животъ*. Въ этомъ смыслѣ новѣйшіе мыслители говорятъ: внѣ христіанства смерть, тупость, неподвижность...

Сыны Россіи! Христосъ рождается, славите; Христосъ съ небесъ, срящите; Христосъ на земли, возноситеся. Для нашего убѣжденія родился Христосъ вмѣстѣ съ рожденіемъ нашего государства, — тысячу лѣтъ тому назадъ. Но для знанія нашего, для знанія миллионѣвъ рус-

скихъ только начинается рождаться. Пойте, сыны Россіи, славу въ вышнихъ Богу, и отверстыми умами стремитесь на встрѣчу Богу рождающемуся, Богу сходящему на землю, входящему теперь уже не въ вилеевскій вертепъ, не въ ясли скотскія, а въ хижины простецовъ, а въ сердца и умы людей сѣдящихъ во тмѣ. Тутъ двѣ вещи стоятъ размышленія: одна—хотятъ учить народъ въ духѣ матеріализма, а другая—равнодушно относятся къ дѣлу народнаго образованія, предпринятому на церковно-религіозныхъ началахъ русскимъ духовенствомъ. Умнѣйшіе насъ народы цивилизуютъ китайцевъ и прочіе нехристіанскіе необразованные народы, вваливая въ среду ихъ милліоны библій; а мы обученіе своего христіанскаго, но невѣжественно-грубаго однакоже народа хотимъ начать съ геологій и матеріальной философіи; хотимъ показать ему, что зло въ жизни нашей планеты есть явленіе нормальное, что Богъ и добродѣтель, страшный судъ и вѣчное воздаяніе мечты младенческаго воображенія. Нейдетъ: отъ такихъ началъ размышленія нашъ народъ быстро и естественнѣйшимъ образомъ домыслится до естественности самыхъ величайшихъ злодѣйствъ и преступленій, насильственнаго дѣлежа собственности и грозно-кровавыхъ затѣй съ огнемъ и топорами. Почти враждебно, по меньшей мѣрѣ, совершенно равнодушно встрѣтили огромную жертву, приносимую духовенствомъ на алтарь отечества: трудъ нашей братіи, предоставленіе помѣщеній и даже денежныя приношенія для народнаго образованія. Говоримъ вообще о Россіи, не касаясь частныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ. Говорятъ: „часословамъ-мертвечинѣ будутъ учить“! Повѣрьте, что мы понимаемъ, чему надо учить. А вамъ надо понять, что огонь требуетъ топлива, всякое великое человѣческое предпріятіе требуетъ единодушнаго сочувствія если не всѣхъ, то многихъ, и средствъ требуетъ; а мѣрило, мѣрительная единица человѣческихъ средствъ—презрѣнный металлъ, котораго у насъ немного. Волхвы, вельможи, мудрецы и вы пастыри-простецы несите къ подножію рождающагося Христа кто что можетъ, кто злато, кто ливанъ и смирну, а кто овечку, грошъ и копѣйку, а всякій доброе почтительное слово и благоговѣнный поклонъ. Отъ наполненія нашей маловѣдущей земли вѣдѣніемъ Господнимъ зависитъ общее наше счастье. При общемъ нашемъ сочувствіи дѣлу всенароднаго въ христіанскомъ духѣ образованія будетъ въ нашей землѣ миръ и въ человѣцѣхъ Божіе благоволеніе.—Аминь.

1862 Г.

ПОУЧЕНИЕ

на второй день рождества Христова.

Поспѣшилъ ны естъ свыше Спасъ нашъ,
востокъ востоковъ... Свѣтилень рожд. Христ.

Всѣхъ васъ православныхъ христіанъ поздравляемъ съ праздникомъ рождества Христова, и съ вашего соизволенія предложимъ вамъ разсужденіе о томъ, откуда беретъ свое начало такъ называемый восточный вопросъ? Куда въ своемъ развитіи онъ идетъ и съ собой человѣчество ведетъ?

Не смущайтесь. Связь между нашею бесѣдою и настоящимъ нашимъ торжествомъ окажется явная, да и не словесная только, а существенная.

Вотъ смыслъ настоящаго торжества, выражаемый въ вышеприведенной нами церковной пѣсни, называемой *Свѣтиленъ*: „посѣтилъ ны есть свѣше Спасъ нашъ, востокъ востоковъ“... Таже мысль выражается и въ тропарѣ праздника: „въ рождествѣ твоємъ, Христе Боже, служащіе звѣздамъ восточные мудрецы научены были звѣздою виелеемскою кланяться Тебѣ, солнцу правды, и увѣдать въ Тебѣ востокъ съ высоты“... Что это за образъ? Что за идея?

Господь Иисусъ Христосъ называется востокъ востокѣвъ, востокъ съ высоты. По грѣхопадєніи люди остались во тѣмѣ и смертной тѣни. Между тѣмъ потребность поклоняться верховному существу осталась. Но истиннаго Бога люди забыли, не вѣдали, не видѣли,—и вмѣсто Бога стали кланяться всему, начиная съ идоловъ—образовъ мерзостнѣйшихъ страстей человѣческихъ, съ гадѣлъ и скотовъ, и до звѣздъ небесныхъ, которымъ кланялись лучшіе изъ язычниковъ, каковы были вавилонскіе волхвы. Но вотъ на востокѣ въ вѣщественномъ, во Іудеѣ, въ Вавилонѣ, который былъ востокомъ для тогдашней вселенной, загорѣлся зарею востокъ духовный и востекло изъ вавилонскаго вертепа солнце правды Христосъ Богъ нашъ. И обратилось на востокъ все че-

ловѣчество вслѣдъ за вилеемскими пастырями, за восточными волхвами, и обратившись пало долу предъ восходящимъ съ высоты востока свѣтиломъ... Вотъ въ какомъ смыслѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ именуется востокомъ съ высоты, востокомъ востокѡвъ, какъ впервые названъ Онъ ветхозавѣтнымъ пророкомъ Іереміею. И вотъ что значитъ церковная пѣснь: „посѣтилъ насъ свыше нашъ Спаситель, востокъ востокѡвъ, и мы, сущіи во тьмѣ и смертной тѣни, узрѣли свѣтъ истины“.

Здѣсь-же въ востокѣ солнца правды на востокѣ, въ рождествѣ Христа Спаса нашего въ Вифлеемѣ, скрывается начало и такъ называемаго восточнаго вопроса. Или точнѣе и глубже, скрывается въ прообразѣ рождества Христова — въ рожденіи обѣтованнаго сына Авраамова, Исаака.

По порядку времени начало восточнаго вопроса скрывается въ нижеслѣдующемъ священномъ чтеніи изъ святой библіи, изъ древнѣйшей книги бытія, — чтеніи, которое предано письмени почти за полторы тысячи лѣтъ, а изображаетъ событіе, совершившееся почти за двѣ тысячи лѣтъ до рождества Христова. Аврамъ былъ девяносто девяти лѣтъ, и Господь явился Авраму, и сказалъ ему: Я Богъ всемогущій; ходи предо Мною, и будь непороченъ; и поставлю заветъ мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя. И палъ Аврамъ на лице свое. Богъ продолжалъ говорить съ нимъ, и сказалъ: Я — вотъ заветъ мой съ тобою: ты будешь отцомъ множества народовъ. И не будешь ты больше называться Аврамомъ, но будетъ тебѣ имя: Авраамъ; ибо Я сдѣлаю тебя отцомъ множества народовъ. И весьма, весьма распложу тебя, и произведу отъ тебя народы, и цари произойдутъ отъ тебя. И поставлю заветъ мой между Мною и тобою и между потомками твоими послѣ тебя въ роды ихъ, заветъ вѣчный въ томъ, что Я буду Богомъ твоимъ и потомковъ твоихъ послѣ тебя. И дамъ тебѣ и потомкамъ твоимъ послѣ тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю хананскую, во владѣніе вѣчное; и буду вамъ Богомъ. И сказалъ Богъ Авраму: ты же соблюди заветъ мой, и потомки твои послѣ тебя въ роды ихъ. Сей есть заветъ мой, и который вы должны соблюдать между Мною, и между вами, и между потомками твоими послѣ тебя (въ роды ихъ): да будетъ у васъ обрѣзанъ весь мужескій полъ. Обрѣзываютъ крайнюю плоть вашу; и сіе будетъ знаменіемъ завета между Мною и вами. Осми

дней отъ рожденія да будетъ обрѣзанъ у васъ въ роды ваши всякій младенецъ мужескаго пола, рожденный въ домъ и купленный за серебро у какого-нибудь иноплеменика, который не отъ твоего сѣмени. Непременно да будетъ обрѣзанъ рожденный въ домъ твоемъ и купленный за серебро твое, и будетъ завѣтъ мой на тѣль вашемъ завѣтомъ вѣчнымъ. Необрѣзанный-же мужескаго пола, который не обрѣжетъ крайней плоти своей (въ осмый день) истребится душа та изъ народа своего; ибо онъ нарушилъ завѣтъ мой. И сказалъ Богъ Аврааму: Сару, жену твою, не называй Сарою; но да будетъ имя ей: Сарра. Я благословлю ее, и дамъ тебѣ отъ нея сына; благословлю ее, и произойдутъ отъ нея народы, и цари народовъ произойдутъ отъ нея. И палъ Авраамъ на лице свое, и разсмѣялся, и сказалъ самъ въ себѣ: неужели отъ стольшняго будетъ сынъ? И Сарра, девяностолѣтняя, неужели родитъ? И сказалъ Авраамъ Богу: о, хотя-бы Измаиль былъ живъ предъ лицемъ твоимъ! Богъ-же сказалъ (Аврааму): именно Сарра, жена твоя, родитъ тебѣ сына, и ты наречешь ему имя: Исаакъ; и поставлю завѣтъ мой съ нимъ завѣтомъ вѣчнымъ (въ томъ, что Я буду Богомъ ему и) потомству его послѣ него. И о Измаиль Я услышалъ тебя: вотъ, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двѣнадцать князей родятся отъ него; и Я произведу отъ него великій народъ. Но завѣтъ мой поставлю съ Исаакомъ, котораго родитъ тебѣ Сарра въ сіе самое время на другой годъ (Быт. 17, 1—21).

Исторія извѣстная. Но въ чемъ ея значеніе относительно предположеннаго нами вопроса?

Великому угоднику Божию, прародителю Христа Спасителя нашего, патриарху Аврааму даны были великія обѣтованія Божіи, — именно обѣтованія, что Богъ возраститъ его въ великій народъ, — что дастъ ему обѣтованную землю въ наслѣдіе, — ему и сѣмени его по немъ, — что отъ сѣмени его произойдутъ цари народовъ, — а всего важнѣе, что о сѣмени его благословятся всѣ племена земныя. Между тѣмъ дѣтей у Авраама не было. Единственная законная жена его Сарра не рождала, и оба они, Авраамъ и Сарра, достигли уже старости, преклонной даже для тогдашняго патриархальнаго времени, когда люди созрѣвали и увядали вдвое медленнѣе нашего. Именно Аврааму было уже подъ 100, а Саррѣ подъ 90 лѣтъ. Естественной надежды на прямое продолженіе рода уже не оставалось. Поэтому неплодная Сарра придумала испра-

вить вину свою предъ супругомъ тѣмъ, что, по тогдашнему обычаю многоженства и усыновленія, упростила Авраама взять въ наложницу рабу ея Агарь, чтобъ усыновить себѣ сѣмя Авраамово отъ Агари. Плодомъ этого законнаго по обычаю, полузаконнаго по закону нравственному, плотскаго союза былъ сынъ Измаиль, по отцу сынъ Авраама по плоти, по родной матери Агари сынъ рабыни, и въ тоже время сынъ госпожи ея, законной жены Авраама Сарры по усыновленію. Казалось, семейство устроилось къ общему взаимному удовольствію, какъ желало: и рабыня, теперь полугоспожа Агарь, и госпожа ея Сарра и Авраамъ, трое родителей, получили сына въ одномъ лицѣ Измаила; а что казалось еще важнѣе, — семья Авраамова приобрѣла, казалось, то сѣмя, то потомство, которому дарованы были великія обѣтованія Господни. Но человѣкъ строить свое, а Богъ свое.

Въ одно изъ богоявленій, которыхъ Авраамъ удостоивался не разъ, Богъ говоритъ Аврааму: „Я Богъ твой, благоугождай предо Мною. И положу завѣтъ мой (договоръ и союзъ религіи) между Мною и между тобою, и между сѣменемъ твоимъ по тебѣ. Но не думай, что отъ Измаила произойдетъ то твое сѣмя, съ которымъ Я заключу завѣтъ мой. Нѣтъ. Сама Сарра родитъ тебѣ сына Исаака. Съ нимъ-то Я и поставлю завѣтъ мой въ завѣтъ вѣчный, да буду ему Богомъ и сѣмени его по немъ“. — Жалостію подвиглось при этомъ отеческое сердце Авраама о сынѣ его Измаилѣ, которому было уже около 12-ти лѣтъ. Уже очи старца отца привыкли останавливаться на мальчишѣ съ отеческою нѣжностію. Что-же будетъ съ нимъ, — шевельнулась въ душѣ Авраама жалостливая дума о Измаилѣ, — какую судьбу готовить ему Господь? Ужели исключить его изъ обѣтованій, данныхъ семейству? Ужели прогнать его изъ дому? „Измаилъ сей“, — молить Бога Авраамъ, — „да живетъ предъ Тобою, не изгоняй его отъ лица твоего“. — И благосердіе Отца небеснаго сейчасъ-же откликнулось на жалостливость отеческаго сердца Авраамова. „Что касается Измаила“, — отвѣтствуетъ Господь на молитву Авраама, — „то вотъ Я послушалъ тебя: и вотъ Я благословилъ его, и возвращу его и умножу его зѣло: двѣнадцать народовъ онъ породитъ изъ себя; и сдѣлаю его народомъ великимъ. Завѣтъ-же мой поставлю съ Исаакомъ, котораго родитъ тебѣ Сарра“.

И вотъ 90-лѣтняя Сарра родила 100-лѣтнему мужу Аврааму законнаго сына обѣтованія, Исаака. И растутъ Исаакъ съ Измаиломъ,

въ отеческомъ дому, какъ дѣти одного отца. Одинъ уже возрастный мальчикъ, лѣтъ 14-ти, другой еще дитя по одному году. Съ теченіемъ времени въ постоянномъ обращеніи въ играхъ большой сталъ обижать меньшаго. По плоти родившійся, сынъ рабы, *ионаше*,—по выраженію апостола Павла (Гал. 4, 29),—духовнаго сына свободныя Сарры, сына обѣтованія. Сарра видитъ это и оскорбилась за сына, и говоритъ Аврааму: „изгони рабу сію и сына ея, — не наслѣдуетъ, не будетъ наслѣдникомъ нашимъ, сынъ рабыни сея съ сыномъ моимъ Исаакомъ“. Жестока показалась рѣчь сія предъ Авраамомъ о сынѣ его Измаилѣ. Выходило семейное затрудненіе, запутанное настолько, что самъ Богъ нашелъ нужнымъ развязать его своимъ предусмотрительнымъ промысломъ, которое и односторонность и немошь человеческую направляетъ къ своимъ премудрымъ цѣлямъ. — „Пусть не будетъ жестоко предъ тобою“, — говоритъ Богъ Аврааму, почти упрашивая его, — „слово объ отроцѣ и о рабынѣ. Все, что скажетъ тебѣ Сарра, слушай гласа ея, — такъ какъ въ Исаакѣ наречется тебѣ сѣмя, — такъ какъ то сѣмя, которое произойдетъ отъ Исаака, а не отъ Измаила, наречется твоимъ Авраамовымъ сѣменемъ. Сына-же рабыни сея, Измаила, Я содѣлаю въ народъ великій, — за то, что онъ — твое сѣмя“. Всталъ Авраамъ поутру, взялъ хлѣбъ и мѣхъ воды и далъ Агари, и возложилъ на плечи ея отрока и отпустилъ ее изъ дому. Горькое было разставанье для всѣхъ трехъ. Ушедши отъ Авраама невѣдомо куда, Агарь заблудилась въ пустыни. Между тѣмъ вода изъ мѣха вышла. Въ отчаяніи мать бросила мальчика подъ деревомъ. И отшедши сѣла противъ него издали, говоря самой себѣ: пусть хоть смерти своего дитяти я не увижу. И сидитъ противъ него издали, и смотритъ. Дитя закричало и расплакалось. Отецъ выгналъ его изъ дому, мать кинула умирать. Но если и мать забываетъ дитя свое, такъ что не жалѣетъ объ исчадіи чрева своего, — то Богъ не забываетъ. Богъ, съ высотъ небесныхъ, услышалъ вопли отрока съ мѣста, гдѣ былъ онъ. Жалость Отца небеснаго о дитяти нужно было возжечь и въ сердцѣ родной матери. И воззвалъ ангелъ Божій къ Агари съ неба и говоритъ ей, — говоритъ внушительно и не безъ укора: „что это такое, Агарь?! Зачѣмъ ты кинула свое дитя?! Изъ отчаянія? Напрасно. Не бойся: самъ Богъ услышалъ гласъ отрока, восходящій къ небу съ мѣста, гдѣ дитя находится. Встань и возьми дитя, веди его за руку рукою своею: ибо Я сотворю его въ народъ великій“. И отверзъ Богъ

очи Агари, и усмотрѣла она колодезь воды живой, и налила свой мѣхъ водою, и напоила отрока. И былъ Богъ съ отрокомъ: и возросъ онъ, и вселился въ пустынь аравійской, и сталъ стрѣлецъ.

Теперь, вы изволите понимать, почему мы толкуемъ объ Исаакѣ и объ Измаилѣ, — какое отношеніе между слишкомъ старою исторіею этихъ двухъ братьевъ и настоящимъ нашимъ праздникомъ и новѣйшимъ изъ вопросовъ, восточнымъ.

Въ таинственный смыслъ этого вопроса вводитъ насъ св. апостолъ Павелъ. „Писано, — пишетъ онъ (Гал. 4, 22 — 31), — что Авраамъ имѣлъ двухъ сыновъ: одного отъ рабы, а другаго отъ свободной. Тотъ который отъ рабы, отъ Агари, родился по плоти, а который отъ свободной, отъ Сарры, родился по обѣтованію Божію. Эти два сына — суть два завѣта: ветхій — еврейскій, рождающій въ рабство, — это Агарь, остающаяся въ рабствѣ со всѣмъ потомствомъ своимъ, — и новѣй — это свободная Сарра, мать намъ. Мы всѣ, по Исааку, чада обѣтованія. И какъ тогда Измаилъ, родившійся по плоти, — гналъ — обижалъ духовнаго, Исаака, сына обѣтованія, — такъ и теперь. Но что говоритъ писаніе? Что повелѣлъ Богъ Аврааму? Изгони рабу Агарь и сына ея Измаила. Ибо не имѣетъ наслѣдовать — быть наслѣдникомъ сынъ рабыни съ сыномъ свободной Сарры Исаакомъ“.

Связь между рожденіемъ прообраза Христова Исаака и рождениемъ Христовымъ и такъ называемымъ восточнымъ вопросомъ состоитъ въ томъ, что въ племени Измаила родилось магометанство, а въ племени Исаака — христіанство. Отъ одной вѣтви произошло древо магометанское, а отъ другой — христіанское.

Когда четырнадцати-лѣтній отрокъ Измаилъ, ведомый за руку своею одинокою матерью, Агарью, углублялся, по смотрѣнію Божію, въ пустыню аравійскую, — то здѣсь они застали уже немало коренныхъ жителей. Эти жители, конечно, имѣли въ послѣдствіи свое потомство. По плоти, они съ потомствомъ своимъ не были потомками Измаила. Но при тогдашней плодовитости нѣкоторыхъ родовъ, отъ Измаила, въ скоромъ времени, произошло уже двѣнадцать колѣнъ, изъ коихъ каждое имѣло уже свою главу, или своего князя. Эти измаильяне заняли тогда же большое пространство сѣверной Аравіи, отъ Египта до предѣловъ Ассиріи. Недалѣе, какъ при прямомъ внуцѣ Авраама Іаковѣ, они уже извѣстны были, въ международныхъ сношеніяхъ, именно подъ именемъ измаильянъ.

нѣтъ, это сравненіе, но не метафора. Какъ дикія вѣтви, привившись къ родовой маслинѣ, напитываются ея сокомъ, и, съ теченіемъ времени, должны болѣе или менѣе переродиться къ лучшему и жить жизнію корня, къ которому привиты,—такъ и язычники, привившись къ древу рода Авраамова чрезъ Иисуса Христа, живя Христовымъ духомъ, дыша Его ученіемъ, подчиняясь строю Его законодательства, быстро и рѣшительно перерождаются.

Перерождаются потому, что народы живутъ идеею. Идея движетъ народную исторію. Мощная идея религіи переплавляетъ разнородныя племена въ единство извѣстной народности, перерождаетъ ихъ не только духовно, но и физически, тѣлесно. Въ подтвержденіе этого, посмотрите на ближайшій, болѣе знакомый намъ примѣръ, на славяно-русское государство. Посмотрите на православно-христіанскую Русь, сколько жило на ея широкихъ пространствахъ, на длинномъ протяженіи исторіи, разнородныхъ племенъ славянскихъ, литовскихъ, финскихъ, монгольскихъ и другихъ. Но всѣ они лишь только проникались одною религіозною идеею, мощною идеею христіанской религіи, въ чистѣйшей формѣ вселенскаго православія,—какъ вмѣстѣ съ тѣмъ начинали и перерождаться въ единство православно-русскаго народа. Это перерожденіе такъ полно, что тамъ, гдѣ русскій народъ менѣе подвергался ино-вѣрнымъ вліяніямъ,—въ такъ называемой Велико-Россіи отъ Орла чрезъ Москву и до Вологды,—мы видимъ самое коренное велико-русское племя; видимъ не подозревая, что въ большинствѣ своемъ это племя состоитъ изъ переродившихся финновъ. На нашихъ собственныхъ глазахъ, мордва, черемисы, чувашы, даже татары, которые искренно и серьезно, а не поверхностно, не только принимаютъ христіанство, но и проникаются имъ,—всѣ эти новые христіане быстро перерождаются въ русскихъ и физически, такъ что черезъ два-три поколѣнія въ нихъ трудно узнавать остатки инородческаго типа. Такимъ образомъ это перерожденіе племенъ совершается и по-днесъ, совершается какъ въ христіанствѣ, такъ и въ магометанствѣ. Возьмите обратное—даже чистокровныхъ славянъ, которые принимали и принимаютъ магометанство,—вмѣстѣ съ тѣмъ они быстро теряютъ и свой племенной обликъ, и родной языкъ, и кровныя привязанности; наоборотъ, вмѣстѣ съ отступничествомъ отъ родной Христовой вѣры становятся и злѣйшими кровными врагами своей единокровной и прежде единовѣрной христіанской славянской братіи. Напрасны усилія уже слабовѣрной Европы навя-

зять магометанамъ формы европейской цивилизаціи, европейскіе костюмы, европейское военное искусство, европейскую науку, европейскій государственный строй. Все это въ полной совокупности не сдѣлаетъ магометанъ, ни турокъ, ни египтянъ, европейцами, потому что во всемъ этомъ нѣтъ духа жизни. Жизненный духъ европейской цивилизаціи, который прививается къ древу христіанской жизни, коренится въ Христовой вѣрѣ. А въ магометанствѣ живетъ другой духъ, изъ котораго естественно нарождаются и другія формы, какъ другія листья на инородномъ деревѣ. Прививать-же березовыя листья къ соснѣ или ели было-бы безуміемъ.

Оказывается, такимъ образомъ, что мы съ магометанами братья, — братья по плоти, но не вполне по духу, — вѣтви отъ одного корня, но на двухъ стволахъ, — мы и они потомки Авраама, но отъ двухъ родовыхъ деревъ, — магометане чрезъ Магомета и Измаила, а христіане чрезъ Христа и законнаго сына Авраамова по обѣтованію Исаака.

Но яко-же тогда, въ семействѣ Авраама, по слову апостола Павла, по плоти отъ Агари родившійся Измаиль гналъ — обижалъ духовнаго, Исаака, сына законнаго, по обѣтованію Божію, отъ Сарры, — такъ и впослѣдствіи времени, и по нынѣ, магометане гнали и пока еще продолжаютъ гнать христіанъ.

Посмотрите кто можетъ, какъ магометанское дерево разрастается и вѣдряется какъ своими корнями, такъ и вѣтвями въ христіанство. Смотрите, какъ оно быстро вѣдряется не только въ Аравіи, но и въ Сиріи, Палестинѣ, гдѣ гробъ Господень, и въ Сиріи и во всей малой Азіи, тогда христіанской православной, подвластной византійскимъ императорамъ. Оттуда проникаетъ въ христіанскій-же Египетъ, заполняя весь сѣверъ Африки, тогда христіанскій. Оттуда проникаетъ въ христіанскую-же Испанію, гдѣ и прочно водворяется. Оттуда верхами своими магометанское дерево достигаетъ до половины Франціи, гдѣ Карлъ Мартель успѣлъ обрубить его своимъ мечомъ и остановить дальнѣйшій ростъ его въ этомъ направленіи. Смотрите, какъ съ сѣвера Африки верхи этого дерева, заполонивъ всѣ острова Средиземнаго моря, проникаютъ до Сициліи, до юга Италіи, угрожая снести самое сѣдалище папское въ Римѣ. Только напряженіе всей западно-католической Европы, въ крестовыхъ походахъ, въ продолженіи вѣковъ обрубая верхніе побѣги этого дерева, положило конецъ его разрастанію

въ этомъ направленіи. Смотрите, какъ стволъ этого дерева, коренясь въ Аравіи, въ Египтѣ, во всей малой Азіи, упирается верхнимъ концемъ своимъ въ Царь-градъ, гдѣ и снесъ своимъ напоромъ многовѣковой престолъ византійскихъ императоровъ, оттуда направился было въ столицу и нѣмецкихъ императоровъ—Вѣну; и если не снесъ многовѣковой-же престолъ и этихъ именитѣйшихъ въ христіанскомъ мірѣ вѣнценосцевъ,—то только благодаря мечу славянскаго рыцаря, короля польскаго Іоанна Собіесскаго. Смотрите въ другую сторону, какъ корни и вѣтви этого дерева вѣдряются въ Индіи, въ средней Азіи, въ древней Персіи, проникаютъ даже въ Китай, въ Монголію, въ Сибирь, въ Бухару, Самаркандъ и Хиву, оттуда захватываютъ Кавказъ и Уралъ, оттуда перекидываются и за эти горные хребты уже въ нашу родную землю, до Сараева, до Казани, до Москвы и даже стараго Нова-города, до Кіева и даже до Волыни, до Галиціи и Венгріи.

Въ этомъ направленіи величайшую историческую миссію исполнило наше славяно-русское племя. Оно-то зпервые обрубилъ вѣтви магометанскаго дерева у Галиціи и Волыни, затѣмъ у Нова-города, затѣмъ при Иванѣ III у Москвы до нынѣшней калужской губерніи, затѣмъ при Иванѣ IV у Казани, Астрахани и Сибири,—затѣмъ при царяхъ Алексѣѣ и Θεодорѣ Алексѣевичѣхъ у Кіева и Чигирина, при Петрѣ у Азова и Таганрога, при Екатеринѣ II до Крыма и Очакова, при Александрѣ I-мъ и Николаѣ до Дуная и за Кавказомъ до Карса, наконецъ при Александрѣ II-мъ до глубинъ Монголіи, до Бухары, до Ташкента, Самарканда и Хивы. Въ Эрзерумѣ, въ Адрианополѣ мы уже бывали. А Богъ дастъ, въ наши-же дни, дотянемся и до Царя-града, кончимъ въ наши дни русскую исторію тѣмъ, чѣмъ начали ее при Аскольдѣ и Дирѣ и Олегѣ, прибьемъ свой щитъ на вратахъ не только Стамбула, но и святой Софіи, и Долма-Бахче, главнаго султанскаго дворца. А что къ этому идетъ развитіе міровой исторіи, развитіе этой вѣковой борьбы между не выродившимся магометанствомъ и не выродившимся христіанствомъ, каково христіанство русское православное,—это очевидно.

Мы, братія, по Исааку чада обѣтованія. Какъ тогда по плоти родившійся Измаиль гналъ духовнаго, сына обѣтованія, Исаака,—такъ и нынѣ. Но что глаголетъ Писаніе? „Изгони рабу (Агарь) и сына ея (Измаила). Ибо не имѣетъ наслѣдовать, не будетъ наслѣдникомъ сынъ рабыни (Агари) наравнѣ съ сыномъ свободной (Сарры). Тѣмже, бра-

тія, нѣсмы рабынина чада, но свободныя. Стойте убо въ свободѣ, которою свободилъ насъ Христосъ“. Помните, что всѣ блага христіанской цивилизаціи, христіанскаго государственнаго строя, христіанской неодолимой для нехристіанскихъ народовъ мощи, имѣютъ своимъ корнемъ ту общечеловѣческую свободу, ту гуманность, то милосердіе, ту правду и правомѣрность, ту духовность и чистоту воззрѣній и нравовъ, которыя завѣщаль Христосъ Господь своимъ пришествіемъ въ міръ; тогда какъ Магометъ завѣщаль міру обратное,—деспотизмъ и рабство, съ своими принципами и плодами.

Вотъ гдѣ начало восточнаго вопроса и его конецъ. Аминь.
1877 г.

ПОУЧЕНІЕ

во второй день рождества Христова.

О БОГОВОПЛОЩЕНИИ.

*Во Христѣ живетъ всяко исполненіе
Божества тѣлеснѣ. Колос. 2, 9.*

Самосущій, безначальный и безконечный, невидимый и непостижимый Богъ искони вѣковъ являлъ ограниченному, человѣческому сознанию *присносущную* свою силу и Божество, открывая себя постепенно то въ себѣ самомъ, елико возможно, то въ твореніяхъ созданнаго Имъ міра, то въ самомъ чловѣкѣ, въ судьбахъ людей и народовъ, да поне осязуютъ Его и обрящутъ, *яко недалеко отъ единая коегождо насъ суща* (Рим. 1, 20; Дѣян. 17, 27). Но только во Христѣ Іисусѣ самооткровеніе Божества достигло до возможной степени осязательности и полноты. Ибо только во Христа Іисуса *вселилась вся полнота Божества тѣлесно*, опредѣлившись и обозначившись въ Его чловѣчествѣ явственнѣе, ощутительнѣе для чловѣческаго сознанія, нежели въ чловѣчествѣ-либо другомъ; и вселилась для того, чтобы не только въ Божествѣ и Божествомъ, но и въ чловѣчествѣ и съ чловѣчествомъ испол-

нить собою всяческая. Попытаемся посильно уразумѣть сію тайну Бога Отца и Христа Его (Колос. 2, 2).

Не только человѣческій духъ, на всемъ пространствѣ своего развитія, силился болѣе и болѣе приблизить Божество къ себѣ и заключить Его въ родственное себѣ, болѣе и болѣе человѣкообразное очертаніе; но и самъ Богъ, на всемъ протяженіи богооткровеннаго домостроительства нашего спасенія, болѣе и болѣе приближалъ себя къ человѣку и человѣческому образу и представленію, пока и не вочеловѣчился.

Никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти. Не знали бы мы Бога Отца, не имѣли-бы о Божествѣ никакого представленія, если-бы Богъ Отецъ не проявилъ себя въ Сынѣ, прежде даже міръ не бысть, и если-бы Богъ Сынъ не изволилъ открыть и намъ Бога Отца въ себѣ и чрезъ себя, по сотвореніи міра. Въ и прежде міробытія, въ вѣд-рахъ вѣчности, Богъ Отецъ проявилъ себя въ Сынѣ, который есть равный безпредѣльному Богу Его образъ, самъ Богъ Слово—Разумъ, Слово—Разумъ не только какъ безпредѣльное вмѣстилище божественныхъ, неизреченныхъ и изреченныхъ, т. е. осуществленныхъ идей, но Слово—Разумъ, какъ и постиженіе непостижимаго Божества, Его уразумѣніе и выраженіе. А чтобы содѣлать Бога доступнымъ постиженію и ограниченнаго ума, Богъ—Слово, умалая и опредѣляя свою божественную безпредѣльность, отразило себя въ своемъ созданіи, отразило въ обширнѣйшихъ размѣрахъ—въ созданіи сего видимаго вещественнаго міра, а въ тѣснѣйшихъ, хотя и болѣе глубокихъ размѣрахъ—въ самомъ человѣкѣ, въ томъ образѣ Божіемъ, который заложенъ въ самую основу человѣческаго существа. Сверхъ того первозданному, невинному, чистому человѣку Богъ открывалъ себя и особенно, особыми богооткровеніями, бесѣдуя съ нимъ лицомъ къ лицу.

Человѣкъ невинный первозданный постигалъ жизнь божества самого въ себѣ конечно яснѣе, чѣмъ постигаемъ мы теперь; яснѣе прозрѣвалъ Бога Творца въ твари и въ отображеніи Его въ глуби своего человѣческаго существа. Тѣмъ не менѣе и для него Богъ Творецъ положилъ и нужными и естественными особия богоявленія и богооткровенія, при чемъ бесѣдовалъ съ человѣкомъ, слуху-ли его членораздѣльными звуками, духу-ли его только особыми внутренними внушеніями, во всякомъ случаѣ бесѣдовалъ болѣе или менѣе человѣкообраз-

но, сообразно нашему духовно-тѣлесному устройству, такъ что невинный человѣкъ умѣлъ постигать особое приближеніе къ себѣ Божества и бесѣду Его.

Для падшаго-го е человѣка все это измѣнилось къ худшему. О жизни троичнаго Божества самого въ себѣ, внѣ міробытія, мы не знали-бы почти ничего; теперь и знаемъ по откровенію, но мало постигаемъ. Во внѣшней природѣ Богъ пребываетъ весь во всемъ; это мы понимаемъ по глубокому философскому умозрѣнію. Понимаемъ однако-же, хотя и непреложно, но такъ тускло, вещественная природа, открывая въ цѣломъ, такъ въ своихъ частяхъ закрываетъ безтѣлесное Божество, что и теперь, уже просвѣтленный богооткровеніемъ, умъ человѣческій, когда ищетъ Бога только въ природѣ, а не въ своемъ духѣ и не въ богооткровеніи, то тупо и слѣпо натывается тамъ въ природѣ только на вещество, на извѣстные будто-бы неизмѣнные законы, на бессмысленную естественную необходимость, а Бога-то тамъ и не усматриваетъ. Чтобы обрѣсти Бога въ природѣ, необходимо глядѣть на нее сквозь призму духа, въ которомъ явственнѣе отразился образъ Божій. Нужно человѣку высматривать царство Божіе и въ природѣ не иначе, какъ изнутри себя, по слову Христову, что *царствіе Божіе внутри васъ есть*, подъ опасеніемъ иначе чрезъ верхоглядство проглядѣть царствіе Божіе вездѣ, какъ въ природѣ, такъ и въ себѣ самомъ, подобно естествовѣдамъ, на примѣръ ученымъ медикамъ, которые ловятъ смыслъ душевной жизни только въ тѣлѣ и его нервахъ, почему и улавливаютъ только игру нервовъ и нервныхъ атомовъ, не отыскивая ни духа, ни Бога. Тѣмъ не менѣе ища Бога и въ собственной душѣ, помимо божественнаго откровенія, человѣкъ склоненъ гримоздить заблужденіе на заблужденіе, низводя даже къ небытію не только всякій, но и свой собственный духъ. Почему для поддержанія боговѣдѣнія въ человѣческомъ родѣ, самъ Богъ всегда признавалъ необходимымъ и употреблялъ, къ вразумленію человѣка, богооткровеніе. Въ богооткровеніи-же падшему человѣку Богъ нисходилъ отъ безпредѣльности Божества самого въ себѣ, чрезъ необъятность внѣшняго намъ вещественнаго бытія, къ умаленію себя въ человѣческомъ образѣ.

Такъ въ ветхомъ завѣтѣ Богъ открывалъ безпредѣльную глубину если не существа своего, то славы, и если не всегда поражающій про- блескъ своей славы, то особую близость своего присутствія, болѣе или

менѣе прямо и непосредственно, Адаму въ раю послѣ грѣхопадѣнія, Каину послѣ братоубійства, Ною прежде и послѣ потопа, патриархамъ Аврааму, Исааку и Иакову въ разныхъ богоявленіяхъ; Моисею въ землѣ мадіамской, въ Египтѣ, на Синаѣ и въ пустынѣ; Самуилу, Давиду и другимъ пророкамъ, когда сіи мужи чувствовали, непреодолимо для собственнаго убѣжденія, особую близость Божія присутствія и слышали гласъ Божій, который раздавался въ глубинѣ ли духа ихъ, или даже въ ушахъ ихъ членораздѣльными звуками. Открывая намъ себя постоянно въ естественномъ порядкѣ природы, — такъ какъ самыя небеса повѣдаютъ славу Божію и твореніе рукъ Его возвышаетъ твердь; — сіяя солнце свое на злыя и благія, подавая намъ свои дожди и времена плодотворна, какъ праведнымъ, такъ и неправеднымъ, — о Немъ бо вси живемъ, и движемся, и есмы, — Богъ неоднократно открывалъ себя ветхозавѣтному человѣчеству и особенно въ особыхъ явленіяхъ природы, равно какъ и въ болѣе или менѣе естественныхъ явленіяхъ исторіи, то милосердно-благотворныхъ, то правосудно-карательныхъ, на примѣръ, въ водахъ потопа при Ноѣ, въ казняхъ Египта, въ переходѣ чрезъ Чермное море, въ пораженіяхъ Израиля въ пустынѣ, въ извѣ Израиля при Давидѣ, въ пораженіи воинства Сеннахиримова, въ пораженіяхъ отъ враговъ и побѣдахъ надъ ними при Иисусѣ Навинѣ, при судіяхъ Израилевыхъ и царяхъ, при владыкахъ вавилонскихъ, персидскихъ, египетскихъ, македонскихъ и наконецъ римскихъ, въ чемъ какъ израильтяне, такъ и враги ихъ чувствовали неотвратимую руку Божію, тѣмъ болѣе, что сіи событія были предсказываемы, нерѣдко за вѣка впередъ, или изъясняемы, какъ особое рѣшеніе судьбы Божіей, то самимъ Богомъ, то Его посланниками, доказавшими убѣжденію современниковъ свое особое божественное посланничество, подобно Моисею въ Египтѣ предъ Израилемъ и фараономъ, или же подобно пророку Иліи предъ Ахаавомъ и Іезавелью. Нѣкоторые вещественные предметы, въ дѣйствительности или въ видѣніяхъ, какъ особыя символы, Богъ употреблялъ, какъ для обнаруженія своей силы въ настоящемъ, такъ и для предначертанія своихъ особыхъ плановъ въ будущемъ, каковы ковчегъ Ноевъ, радуга послѣ потопа, огненная печь, въ образѣ которой Богъ являлся Аврааму при заключеніи съ нимъ завѣта; каковы огонь содомскій, Іаковлева лѣствица; страшныя явленія и членораздѣльный гласъ Божій въ виду и вслухъ всего Израиля на Синаѣ; начертаніе перстомъ Божіимъ десятословія на

скрижаляхъ каменныхъ, столпъ облачный, манна, мѣдный змѣй, горькія воды Мерры, прозябшій жезлъ Аароновъ, при Моисѣ; грозныя явленія и гласъ хлада тонка, явленные пророку Иліи въ боговидѣніи на Хоривѣ; видѣніе Навуходоносоромъ четырехъсоставнаго идола при Даниилѣ; видѣніе начертанія на стѣнѣ: *мани, факелъ, фаресъ*, на пиршествѣ Валтасаровомъ и т. п. Вся внѣшность обрядоваго Моисеева закона, по особому смотрѣнію Божію, была образомъ, отраженіемъ небеснаго, и прообразомъ, предъизображеніемъ грядущаго боговоплощенія, къ чему направлены были всѣ жертвы ветхозавѣтныя, и обрѣзаніе, и скинія, и кивотъ завѣта, и очистилище, на которомъ Богъ то грозно, то милостиво являлъ свое царское присутствіе, какъ и все въ ветхозавѣтномъ обрядовомъ законѣ. Многія лица, происшествія и служенія ветхаго завѣта были также прообразовательною тѣнью грядущаго боговоплощенія, каковы лица: Адамъ ветхій, прообразъ Адама новаго; Авель пострадавшій отъ братоубійцы; вознесенный въ жертву отцомъ Исаакъ; проданный братьями, уничиженный и прославленный Іосифъ; Моисей, какъ ходатай завѣта ветхаго; Ааронъ, какъ первосвященникъ; Давидъ и Соломонъ, какъ цари и т. п.; каковы происшествія празднованія пасхи, перехода чрезъ Чермное море, трехдневное пребываніе Іоны во чревѣ китовъ и т. п.; каковы служенія пророческое, первосвященническое и царское, въ которыхъ предъ духовными взорами ветхо-завѣтнаго Израиля, просвѣтляемыми самимъ Богомъ, по крайней мѣрѣ, въ особыхъ избранникахъ, предносились болѣе или менѣе явственныя предначертанія обѣтованнаго и чаемаго боговоплощенія; какъ на примѣръ, Авраамъ въ жертвоприношеніи Исаака, по слову Христову, увидѣлъ день искупленія крестною смертію Сына Божія, увидѣлъ и возрадовался; или въ трехдневномъ пребываніи Іоны во чревѣ китовъ дано было предзнаменованіе Израилю трехдневнаго воскресенія Божьего чловѣка изъ гроба.

Предзнаменуя обѣтованное пришествіе на землю Бога во плоти, имѣвшее совершиться въ завѣтѣ новомъ, самъ Богъ и въ ветхомъ завѣтѣ являлся неоднократно то въ видѣ чловѣка, то въ чловѣкообразномъ очертаніи ангела. Говоримъ здѣсь уже не о томъ, что въ богоявленіяхъ Богъ принималъ формы, болѣе или менѣе приспособленныя къ воспріятію чувствами чловѣка; какъ, на примѣръ, Моисей на Синаѣ видѣлъ задняя славы Божіей, хотя и не зрѣлъ лица Божія; или Ілія на Хоривѣ ощутилъ Бога во гласѣ хлада тонка и слышалъ

гласъ Божій, какъ слышали и всѣ удостоившіеся богооткровеній, хотя и не всѣ и не всегда при этомъ видѣли Бога. Но говоримъ о томъ уже, что Богъ принималъ, приспособительно не только къ слуху или вообще ощущенію, но и къ видѣнію человѣка, человѣческій образъ или-же видъ ангела, также несомнѣнно человѣкообразный. Такъ Богъ тріединый являлся Аврааму въ видѣ трехъ человѣкообразныхъ странниковъ; а когда Богъ, первое лице Святыя Троицы, отошелъ, тогда два другія лица Бога-же тріединаго, предъ отшествіемъ въ Содомъ, приняли образъ ангеловъ (Быт. 19, 1—5—11—16—19—24). Такъ второе лице Бога тріединаго, Сынъ Божій, какъ ангелъ завѣта и великаго совѣта Божія, являлся въ видѣ ангела Аврааму при жертвоприношеніи Исаака; въ видѣ борца человѣка явился Іакову Израилу (Быт. 32, 24—30); въ видѣ архистратига силы Божіей явился Іисусу Навину (Ис. Нав. 5, 13—15); явился Маною и женѣ его, родителямъ Самсона (Судей 13, 6—22). Явился въ видѣніяхъ пророку Исаи во образѣ Господа, сѣдящаго на престолѣ высоцѣ и превознесеннаго (Исаи 6, 6); пророку Іезекіилу въ подобіи человѣка, возсѣдающаго и шествующаго на престолѣ, носимомъ по небу четырьмя таинственными животными (Іезек. 1, 26); наконецъ явился и пророку Даніилу въ видѣ Сына человѣческаго, грядущаго на облацѣхъ небесныхъ къ престолу ветхаго денми, вѣчнаго Бога Отца (Дан. 7, 13). Все это подготовляло людей къ пріятію Бога во плоти.

Рядомъ-же со всѣмъ этимъ, отъ первыхъ вѣковъ по сотвореніи міра и до послѣднихъ предъ пришествіемъ Христовымъ на землю изрекаемы были отъ Бога и прямыя обѣтованія и пророчества, что въ концѣ вѣковъ прійдетъ на землю избавитель, который искупитъ падшаго человѣка отъ грѣха, проклятія и смерти; что Онъ будетъ сѣмь жены, которое сотретъ главу змѣйскаго змія, какъ обѣтовано было Адаму; будетъ сѣмь Авраама, Исаака и Іакова, о которомъ благословятся всѣ народы земли, какъ обѣтовано было симъ праотцамъ Израиля; будетъ потомокъ Іуды, сына Іаковлева, обѣтованный примиритель и чаяніе народовъ, какъ предрекъ, благословляя Іуду, патріархъ Іаковъ—Израиль; что Онъ возсіяетъ отъ Іакова, какъ звѣзда, и возстанетъ отъ Израиля, какъ отростающая вѣтвь, и поразитъ всѣхъ враговъ избраннаго народа, какъ въ пророчественномъ духѣ предрекалъ Валаамъ (Числ. 24, 17); что, по пророчеству Моисея, Онъ будетъ величайшій пророкъ, котораго сыны Израиля обязаны будутъ слушать, якоже да

и паче самого Моисея. Со времени-же царя и пророка богоотца Давида стала явною тайна Божія домостроительства, которая до Давида только намѣчалась въ тѣняхъ и гаданіяхъ, въ прообразахъ и предзнаменованіяхъ, что сей обѣтованный избавитель будетъ именно Богочеловѣкъ; будетъ потомокъ Давида царя и въ то-же время Сынъ Божій, которому самъ Іегова Богъ вѣщаетъ: *Сынъ мой еси Ты, — Азъ днесъ (отъ вѣка) родихъ Тя* (Пс. 2; 4); что Онъ—самъ Господь Іегова, которому Богъ Іегова изрекаетъ: *сѣди одесную Мене, — изъ чрева прежде денницы родихъ Тя*; которому Іегова клянется, говоря: *Ты—іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Псал. 109); который поставленъ отъ Господа не токмо вѣчнымъ первосвященникомъ, но вѣчнымъ-же и царемъ надъ Сіономъ, горою святою Его (Пс. 71, 17), и божественнымъ пророкомъ, учителемъ человѣковъ, у котораго благодать льется изъ устъ и наполняетъ всю землю вѣденіемъ; который, будучи самъ Богъ и Слово Іеговы, въ то-же время есть и помазанникъ Божій, Христосъ Божій (Псал. 44, 3—8; Псал. 2, 2—7). Затѣмъ какъ въ псалмахъ Давида, такъ и въ пророчествѣ Исаи, Іереміи, Іезекіиля и Даниила, Осіи, Аввакума, Іоиля, Софоніи, Аггея, Захаріи и Малахи, можно видѣть предначертанными всѣ подробности жизни грядущаго воочеловѣчиться Бога, какъ настоящія, такъ и будущія, будущія какъ-бы воочію совершающіяся или даже совершившіяся уже: именно, что Онъ изыдетъ вѣтвью отъ усѣченнаго корня Іессеова, и почиетъ на Немъ Духъ Божій всѣми своими дарами и помажетъ Его благовѣстити нищимъ, исцѣлiti сокрушенныя сердца, проповѣдати духовнымъ плѣннымъ отпущеніе и духовно слѣпымъ прозрѣніе (Ис. 61, 1); что Онъ родится отъ Дѣвы, и нарицается имя Его Еммануиль, великаго совѣта Ангелъ, чудный, совѣтникъ, Богъ крѣпкій, властитель, князь міра, Отецъ будущаго вѣка (Ис. 7, 14; 8, 10; 9, 6); что Онъ родится въ Виелеемѣ (Мих. 5, 2), хотя происхожденіе Его ведется отъ начала отъ дней вѣчныхъ; что Онъ войдетъ въ Іерусалимъ на жребяти осли, кроткимъ царемъ Сіона (Зах. 9, 9), войдетъ, чтобы тамъ подвергнуться крайнему безчестію и позорной смерти; что Онъ весь изъязвленъ за грѣхи наши и принесенъ въ жертву за беззаконія наши, хотя самъ и не сотворилъ грѣха; отъ устъ и суда Онъ взятъ на крестную смерть, но родъ Его кто изъяснитъ? что Онъ преданъ смерти именно чрезъ распятіе, пронзены ноги Его и руки, и обѣ одежды Его будутъ мѣтатъ жребій; и будутъ смотрѣть на Него, сами пронзивъ Его копъ-

емъ; и къ злодѣямъ причтенъ будетъ, со злодѣями-же и гробъ Ему назначали, однако-же погребенъ будетъ у богатаго; а когда душа Его принесетъ жертву умиловленія, то не останется во адѣ и плоть Его не увидитъ истлѣнія; по воскресеніи-же Онъ узритъ потомство долговѣчное, такъ какъ Онъ повѣсь на себѣ грѣхи другихъ и за преступниковъ сдѣлался ходатаемъ (Ис. гл. 53; Псал. 15, 8—10; 21, 7—19); что чрезъ Него завѣщаетъ Господь съ людьми завѣтъ вѣчный, завѣтъ мирный, завѣтъ новый, который напишетъ на сердцахъ послѣдователей Его (Іерем. 32, 40; Іезек. 34, 23—25). При чемъ точно было опредѣлено самое время воплощенія Богочеловѣка. Опредѣлено еще патриархомъ Іаковомъ, который изрекъ, благословляя сына своего Іуду, что обѣтованный примиритель придетъ, когда оскудѣютъ отъ колѣна Іудина князья и вожди народа избраннаго. По седминамъ Даниловымъ, съ того времени, какъ выйдетъ повелѣніе о возстановленіи Іерусалима, до Христа владыки, предназначено семь седмиць (въ продолженіи которыхъ возвратится народъ изъ плѣна вавилонскаго и обстроятся стѣны и улицы Іерусалима, какъ и храмъ), и еще шестьдесятъ двѣ седмины, по истеченіи которыхъ преданъ будетъ смерти Христосъ, а городъ и святилище будутъ разрушены, и утвердятся завѣтъ новый и прекратится въ Іерусалимскомъ храмѣ ветхозавѣтная жертва (Дан. 9, 25—27). Наконецъ пророкъ Аггей прямо прорекать отъ имени Господня, что *слава сего послѣдняго* (втораго іерусалимскаго) *храма будетъ больше, нежели прежняго, и на семь мѣстъ Господь даруетъ миръ* (Аггея 2, 9). А Малахія отъ лица-же Господня восклицаетъ: *се, Азъ посылаю ангела моего* (Предтечу) *и онъ приготовитъ путь мой предо Мною, и внезапно придетъ въ храмъ свой Господь, котораго вы ищете, и Ангелъ завета, котораго вы желаете; вотъ Онъ идетъ, глаголемъ Господь Саваоѳъ* (Мал. 3, 1)!

Такимъ образомъ, открывая себя ветхозавѣтному человѣку и естественнымъ и чрезвычайнымъ путемъ, Богъ переводилъ человѣческое сознаніе, въ порядкѣ не только предметовъ, но и времени, отъ безпредѣльности Божескаго естества и жизни Его въ себѣ самомъ, къ проявленію Божества въ необъятности внѣшней природы въ ея цѣломъ, затѣмъ къ проявленію и въ частныхъ предметахъ вещественнаго міра, отсюда въ воспріятіи человѣческаго образа, а наконецъ въ обѣтованіяхъ и пророчествахъ о сошествіи Бога на землю и въ дѣйствительномъ воплощеніи и вочеловѣченіи. Тяжело было сознанію ветхозавѣт-

наго человѣка проникнуть въ недостижимую глубину Божескаго естества въ самомъ себѣ; нелегко-же было объять безпредѣльное величіе Божіе въ необъятномъ величіи и всей твари. За то Богъ, приближая себя къ человѣку и его сознанію, обнаруживалъ свою силу и ближайшее присутствіе въ разныхъ частяхъ и явленіяхъ внѣшней природы, какъ напр. въ радугѣ Ноевой, въ Черномъ морѣ, на Синаѣ, въ пасхальномъ агнцѣ, въ жертвенникѣ, въ скиніи, кивотѣ завета, въ разныхъ святиныхъ израильскаго народа; далѣе въ священнѣхъ учрежденіяхъ и служеніяхъ, въ исполнителяхъ этихъ учреждений и служеній, въ особѣхъ избранникахъ и посланникахъ Божіихъ, какъ особѣхъ орудіяхъ Божія промысленія, предъизображавшихъ обѣтованнаго и чаемаго всѣмъ израилемъ, избавителя; Богъ нисходилъ на землю даже во образѣ человѣка, наприм. въ видѣ трехъ странниковъ, являвшихся Аврааму, или-же въ человѣко-образномъ видѣ ангела; въ послѣдокъ-же вѣковъ, со временъ царя Давида, все вниманіе израильтянъ устремлено было на постоянныя, самыя обстоятельныя и подробныя пророчества и предначертанія о грядущемъ вочеловѣченіи Богѣ. Такъ впрочемъ раскрывалось богопросвѣщаемое сознаніе только лучшихъ истинныхъ чадъ Израиля. Другія-же плотскія чада Израиля, огрубѣвая и оземляясь, безсильныя постигать Бога въ себѣ самомъ и въ необъятности природы, запретивъ даже толковать о существѣ Іеговы и произносить Его святейшее имя, любя даже называть Бога больше именами, выражавшими какое-либо изъ свойствъ и проявленій Его силы, больше и больше призывались своими плотскими умами и сердцами къ разнымъ земнымъ предметамъ, къ останкамъ своихъ священнѣхъ воспоминаній и учрежденій, къ обрядамъ своего закона и преданіямъ старцевъ, замѣнивъ для нѣхъ, въ обрядѣхъ своего закона и преданіяхъ старцевъ, замѣнивъ для нѣхъ, въ обрядѣхъ своего богопочитанія Бога премірнаго, невидимаго и грознаго, разными своими святинами, превративъ въ своихъ понятіяхъ Творца всяческихъ и промыслителя всей твари въ Бога узко-національнаго, собственно израильскаго, а грядущаго всемірнаго Мессію превративъ, въ своихъ плотскихъ чувственныхъ грезахъ, въ простаго человѣка, славнаго завоевателя, который покоритъ всѣхъ людей подъ ноги плотскихъ чадъ Авраама и воцарится съ сынами Израиля въ небесно-земномъ, грубо-чувственномъ израильскомъ царствѣ. Однимъ словомъ, перевели Бога высочайшаго, для своего богопочитанія, въ чувственные фетиши, чѣмъ и уподобились язычникамъ.

Въ основныхъ чертахъ тѣмъ-же порядкомъ, хотя и не тѣмъ-же путемъ, до пришествія Христова, Богъ направлялъ раскрытіе религіознаго сознанія и въ языческомъ мірѣ. А что Богъ открывалъ себя сознанію и языческаго человѣчества, открывалъ не только естественнымъ путемъ, но и сверхъестественнымъ, путемъ чрезвычайныхъ богооткровеній, это видно изъ цѣлой совокупности событій: изъ того, что Богъ открывалъ свою волю человѣчеству допотопному; предопредѣлилъ и предначерталъ судьбу и послѣ-потопнаго человѣчества, въ благословеніи Ноевомъ; сходилъ на землю, чтобы произвести вавилонское смѣшеніе языковъ; предназначилъ предѣлы народовъ по числу ангеловъ Божіихъ, народныхъ ангеловъ—хранителей; являлъ свое промысленіе не только о патриархальномъ родѣ и народѣ избранномъ, но и о строителяхъ вавилонской башни, о Лотѣ, даже о Содомѣ, объ Авимелехѣ, Мельхиседекѣ, Измаилѣ и родѣ его, Исавѣ-Едомѣ и родѣ его, Іовѣ и родѣ его, Лаванѣ и родѣ его, о Египтѣ и народахъ его, даже о народахъ хананейскихъ, о Навуходоносрѣ, Кирѣ персидскомъ, Александрѣ македонскомъ, о римлянахъ, судьба которыхъ преднамѣчается еще у Моисея; судьбы всѣхъ древнихъ народовъ предначертываются у пророковъ Исаи, Іереміи, Іезекииля и другихъ, въ видѣніи-же Навуходоносора, изъясненномъ пророкомъ Данииломъ, предъизображена судьба всего цивилизованнаго языческаго міра въ его цѣломъ; самъ Христосъ изобразилъ судьбу языческаго-же міра въ трогательной притчѣ о блудномъ сынѣ; наконецъ апостолъ Павелъ раскрылъ, что Богъ, въ глубинѣ премудрости и разума и человеколюбія своего, затворилъ всѣхъ въ противленіе, какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ, да всѣхъ помилуетъ, ими-же вѣсть судьбами. Посему подъ верховнымъ водительствомъ Промысла Божія, все древле-языческое человѣчество шло отъ основъ первобытной богооткровенной религіи, отъ неотступнаго хотя и неотчетливаго воспоминанія о Творцѣ міра и твореніи, отъ смутнаго постиженія и обожанія внутренней жизни или души міра, отъ китайскаго неба—земли, отца и матери всего сущаго, отъ индійскаго Парабрамы—міровой души, отъ египетскаго Аммуна—міровой тайны, отъ греко-римскаго Кроноса или Зевса, отца боговъ и людей, къ обожанію отдѣльныхъ явленій и силъ природы, къ обожанію солнца и звѣздъ, горъ и рѣкъ, лѣсовъ и звѣрей, скотовъ и птицъ, горнихъ духовъ и душъ отшедшихъ, къ обожанію умершихъ великихъ людей, боговъ и полу-боговъ, къ обожанію человекообразныхъ олицетвореній человѣческихъ досто-

инствъ и недостатковъ, занятій и благотвореній, напоследокъ къ обожанію и живыхъ людей, царей и императоровъ, начиная съ Навуходоносора и чрезъ Александра македонскаго и до Діоклетіана римскаго. Въ конецъ-же вѣковъ благороднѣйшая часть языческаго человѣчества, чувствуя разложеніе религіи и нравственности, распаденіе всей внутренней и внѣшней жизни языческаго міра; чувствуя, что этотъ міръ расточилъ, въ удаленіи отъ Бога наслѣдованное отъ далекихъ предковъ духовное богатство вѣры и крѣпкихъ нравовъ, а теперь гибнетъ отъ духовнаго глада,—лучшая часть сего міра стала озираться на небо; но сознавая безсиліе людей исправить жизнь тогдашняго общества собственными усиліями, пришла къ чаянію, что самъ Богъ имѣетъ сойти на землю и просвѣтитъ человѣчество. Иначе все погибло.

Такимъ образомъ сошествіе на землю Сына Божія и рожденіе Его въ Вифлеемѣ отъ Дѣвы Маріи встрѣчено было уже назрѣвшею въ лучшихъ людяхъ языческаго и еврейскаго міра вѣрою. Дѣйствительно, тогда не только небо, но и земля уже готовы были воскликнуть при вѣтственную пѣснь грядущему воплотитися Господу неба и земли: *Христосъ рождается, славите; Христосъ съ небесъ, срящите; Христосъ на земли, возноситеся...* Эта вѣра, назрѣвшая вѣками и тысячелѣтіями всего развитія общечеловѣческой исторіи, сразу укрѣпилась тѣмъ, что нисшествіе Сына Божія на землю и вселеніе Его въ чело-вѣкахъ сопровождалось дивною славою Его, славою яко дѣйствительно единороднаго Сына Бога Отца, яко непререкаемо истиннаго Бога.

Не говоримъ о сопровождавшихъ рожденіе Господа Іисуса и жизнь, распятіе и смерть, чудесныхъ знаменійхъ. Къ утвержденію въ нашемъ убѣжденіи истины, что во *Христѣ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно*, важно конечно и то, что Онъ творилъ и около Него творились безчисленные чудеса; но чудеса творились во множествѣ и творились Моисеемъ и апостолами. Важно конечно и то, что Онъ былъ мудръ и премудръ; что Онъ книги вѣдалъ не учившись, что Онъ не получилъ никакого предварительнаго образованія. Важно конечно и то, что Онъ говорилъ такъ, якоже николиже есть глаголалъ чело-вѣкъ. Важно и то, что Онъ грѣха не сотвори, ниже обрѣтется лѣсть во устѣхъ Его. Но что Онъ особенно важно то, что Онъ всею совокупностію своихъ дѣяній и ученій, своей святости и безгрѣшности, чудесныхъ благотвореній и премудрости, превосходящей всякій разумъ, производилъ такое впечатлѣніе на сотни и тысячи своихъ учениковъ, что Онъ воистину есть

Сынъ Божій и Богъ; такое впечатлѣніе Онъ произвелъ на апостола Петра, исповѣдавшего Его Сыномъ Божиимъ по существу; на Логгина сотника даже у креста, или на разбойника, умирающаго вмѣстѣ съ Христомъ на крестѣ; на апостола Ѳому по воскресеніи; неодолимое впечатлѣніе на всѣхъ апостоловъ по вознесеніи, какъ и на всѣхъ вѣрующихъ по сошествіи Святаго Духа, какъ и на апостола Павла, бывшаго врага и гонителя, по явленіи ему на пути въ Дамаскъ; какъ и на весь тогдашній міръ, а чрезъ тогдашній и на весь послѣдующій христіанскій міръ. Вѣдь это явленіе совершенно безпримѣрно и одиноко въ исторіи. Богомъ провозгласилъ было себя, подѣ угрозой разженной печи, Навуходоносоръ, и умеръ воображая себя скотомъ. Сыномъ Божиимъ, подѣ страхомъ меча своего, провозгласилъ было себя Александръ македонскій, и быстро померъ отъ всяческой невоздержности. Богами приказывали почитать себя римскіе цезари, подѣ прещеніями всякихъ пытокъ и казней, и оканчивали жизнь всячески, болѣею частию, нравственно-позорно. Но вынужденная вѣра въ нихъ, какъ боговъ, не пережила смерти ни одного изъ нихъ. Такъ-ли со Христомъ? Никого не казнившій, самъ казненный, Онъ тысячами и миллионами вышшихъ умовъ и лучшихъ сердецъ челоѣчества, несмотря на всякія возстанія противъ вѣры въ Него, возстанія властей, историческихъ преданій, религіозныхъ учрежденій, острѣйшихъ враждебныхъ умовъ, вотъ уже на пространствѣ двухъ тысячелѣтій, исповѣдуются не пророкомъ, какъ Моисей, или-же Магометъ, а именно Богомъ, Богомъ высочайшимъ, безконечно совершеннымъ, и въ то-же время истиннымъ Богочелоѣкомъ, Богочелоѣкомъ со всѣми во время земной жизни своей немощами и особенностями челоѣческаго естества, кромѣ грѣха, какъ совсѣми-же всегда, съ минуты чудеснаго зачатія, особенно-же явственно съ момента воскресенія своего, безпредѣльно совершенными свойствами и Божескаго естества. А еще болѣе важно для челоѣческаго убѣжденія то, что Онъ самъ, истиннѣйшій, правдолюбивѣйшій, смиреннѣйшій, кротчайшій, мудрѣйшій учитель, безгранично-мощный чудотворецъ, — что онъ самъ съ премудрою постепенностью, наставлялъ своихъ учениковъ, самъ училъ и учитъ всѣхъ своихъ послѣдователей исповѣдать себя Сыномъ Божиимъ и Богомъ; даже самъ себя собственными устами провозглашалъ Богомъ и Сыномъ Божиимъ, и училъ о себѣ, какъ о Богѣ и едиnorodномъ Сынѣ Божіемъ по существу. Представимъ вотъ, что предѣ лицомъ смерти, предѣ синаedrіономъ архіере-

евъ, священниковъ и всѣхъ старѣйшинъ народа, первосвященникъ Каіафа закликаетъ Іисуса Богомъ живымъ, да речетъ Онъ, Христось-ли Онъ Сынъ Божій? У какого злѣйшаго обманщика душа не содрогнулась-бы при такихъ условіяхъ предѣ сознательною ложью! Между тѣмъ вся жизнь Іисуса и даже предсмертныя минуты показываютъ, что Онъ имѣлъ душу самой здоровой крѣпости, и сохранилъ неподражаемую крѣпость ума до послѣдняго, вылетѣвшаго изъ устъ Его роковаго слова: *совершишася!* А между тѣмъ, подѣ такимъ страшнымъ закліатіемъ или присягою, глагола Іисусъ Каіафѣ, синаedrіону и всему челоѣческому роду: *ты сказалъ, что Я Сынъ Божій; а Я присовокупляю: отсель узрите Сына челоѣческаго, сядяща одесную силы Божіей* (Мат. 26, 63—64). Да и прежде, также предѣ лицомъ смерти, въ глаза разъяренному, вооруженному каменьями народу, готовому побить за богохульство, Онъ не одинъ разъ изрекаетъ ту-же истину, что Онъ имѣетъ вѣчное происхожденіе (Іоан. 8, 58); что Онъ и Отецъ суть едино, дѣлая себя равнымъ Богу (Іоан. 10, 29). Ту-же истину выражаетъ Онъ и въ прощальной бесѣдѣ съ учениками, и въ предсмертной молитвенной бесѣдѣ съ своимъ Отцемъ и Богомъ (Іоан. 14, 9—10; 17, 5—24). То-же предѣ лицомъ смерти Онъ утверждаетъ и Пилату: *царство мое нпсть отъ міра сего; ты глаголеши, яко царь есмь Азъ; Азъ на сіе родихся и на сіе придохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину* (Іоан. 18, 36—37). Ужъ глядя въ глаза самой смерти на крестѣ, могъ-ли Онъ принять исповѣданіе разбойника: *помяни мя, Господи, егда придеши во царствіи твоємъ*, — что стало исповѣданіемъ всего рода христіанскаго, — и изречь ему божески властно: *аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ рай?* И по воскресеніи могъ-ли Онъ не исправить такое неслыханное заблужденіе, какое выразилось въ восклицаніи пораженнаго и увлеченнаго апостола Ѳомы: *Господь мой, и Богъ мой!* что подтвердили своею вѣрою и всѣ присутствовавшіе при этомъ апостолы, — могъ-ли не исправить такое неслыханное увлеченіе, еслибъ это не была божественнѣйшая истина? Могъ-ли Онъ, еслибъ не былъ Богъ, изречь и предѣ вознесеніемъ послѣдній свой завѣтъ всему міру: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли. Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. И се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*, какъ вѣчный и все наполняющій! Аминь. Это было-бы ниспро-

верженіе всякаго нравственнаго порядка, всякой правды на небѣ и на землѣ, всякаго здравомыслія. Это было-бы богохульство нездраваго ума, что невозможно. Да и сочиненіе подобныхъ исторій выше обыкновенныхъ силъ человѣческаго ума, что признано самими крѣпкими мыслителями.

Затѣмъ христіанину остается принять умомъ и исповѣдать сердцемъ и усты „догматъ шестисотъ тридцати святыхъ отецъ четвертаго вселенскаго собора, халкидонскаго, о двухъ естествахъ во единомъ лицѣ Господа нашего Іисуса Христа: послѣдующе божественнымъ отцемъ, вси единогласно поучаемъ исповѣдывати единого и тогожде Сына, Господа нашего Іисуса Христа, совершенна въ Божествѣ и совершенна въ человѣчествѣ: истинно Бога и истинно человѣка, тогожде изъ души тѣла: единосущна Отцу по Божеству, и единосущна тогожде намъ по человѣчеству: по всему намъ подобна, кромѣ грѣха: рождена прежде вѣкъ отъ Отца по Божеству, въ послѣдніе-же дни тогожде, ради насъ и ради нашего спасенія, отъ Маріи Дѣвы Богородицы, по человѣчеству: единого и тогожде Христа, Сына, Господа, единороднаго, въ двухъ естествахъ неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно познаваемаго (никакоже различію двухъ естествъ потребляемому соединеніемъ, паче-же сохраняемому свойству коегождо естества, во единомъ лицѣ и во едину вѣстасѣ совокупляемаго): не на два лица разсѣкаемаго или раздѣляемаго, но единого и тогожде Сына, и единороднаго Бога Слова, Господа Іисуса Христа, яко-же древле пророцы о Немъ, и яко-же самъ Господь Іисусъ Христосъ научи насъ, и яко-же предаде намъ символъ отецъ нашихъ“.

Итакъ вѣруемъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ и истинный человѣкъ, истинный Богочеловѣкъ. Но еще усиліе приблизить къ нашему разумѣнію тайну, что во Христѣ Іисусѣ обитаетъ вся полнота Божества и обитаетъ тѣлесно.

Глубокое философское умозерцаніе, съ одной стороны, говоритъ непререкаемо, что Богъ обитаетъ весь во всемъ; обитаетъ весь во всемъ, какъ въ мірѣ ангельскомъ, такъ и въ видимой вселенной, и въ каждой малой вещи, и въ самомалѣйшемъ атомѣ, которые всѣ, въ цѣломъ и частяхъ, какъ въ началѣ, такъ и во всемъ продолженіи своего бытія, зиждутся и держатся силою Божіей; обитаетъ весь во всемъ, со всѣми своими свойствами, свойствами самобытности, всемогущества, премудрости и т. д., какъ единый въ себѣ, несложный и нераздѣль-

ный, нераздѣляемый въ себѣ даже мысленно. Всѣ свойства Божіи, всѣ возможности (потенці) проявленія Божія всемогущества заключаются въ каждомъ атомѣ и могли-бы быть извлечены оттуда. Всемогущество Божіе могло-бы изъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму. Всемогущество Іисуса Христа изъ пяти хлѣбовъ и двухъ рыбицъ извлекло столько рыбы и хлѣба, что насытилось ими пять тысячъ мужей и осталось нѣсколько корзинъ избытковъ, т. е. совершилось величайшее изъ чудесъ увеличенія или претворенія вещества въ его основѣ. Всемогущество Божіе могло-бы изъ cadaго атома произвести цѣлую новую вселенную; точно также и показать намъ въ каждомъ атомѣ всю необъятность Божіихъ совершенствъ. А гдѣ свойства Божіи, тамъ нераздѣльно съ ними пребываетъ и самъ Богъ. Но содѣйствіемъ всемогущества Божія, могли-бы мы узрѣть Бога въ каждой малой вещи только при томъ условіи, если-бы обладали безграничнымъ сознаніемъ, которое могло-бы вмѣстить Бога. Богъ не только есть, но и является, недомыслимымъ для насъ образомъ, весь во всемъ ясно только для своего собственнаго безграничнаго сознанія; только божественный *Духъ испытуетъ вся, и глубины Божія*. Для нашего-же ограниченнаго сознанія, между безконечнымъ Богомъ и конечною тварію, лежитъ непереходимое, ничѣмъ ненаполнимое безпредѣльное разстояніе.

Для нашего антиномически устроеннаго изъ безпредѣльности и ничтожества сознанія, всякая тварь, съ одной стороны, какъ произведеніе силы Божіей, связывается неразрывно съ безпредѣльнымъ Божествомъ; но съ другой стороны, какъ произведеніе изъ ничтожества, безконечно отстоитъ отъ Божества. Для нашего притуплаго сознанія всякая тварь проявляетъ Бога всегда только частію. Иногда проявляетъ и безмѣрно много, больше и больше безъ конца по мѣрѣ того, какъ мы вдумываемся въ извѣстномъ направленіи въ данный предметъ и вникаемъ въ него, вникаемъ разсудочнымъ изученіемъ и разумнымъ созерцаніемъ; по мѣрѣ того, насколько Богъ соизволяетъ проявить намъ свою силу въ данномъ предметѣ. Но никогда ни одна тварь не проявляетъ намъ Бога всецѣло, Бога безконечно всесовершеннаго. Повторяемъ, что между безконечнымъ Богомъ и ограниченою тварію для насъ разстояніе безмѣрное, мостъ не переходимый.

Но для просвѣтленія нашего сознанія, для усовершенствованія нашего духа, промышленіе Божіе наполняетъ эту пустоту мало-по-малу, постепенно проявляя намъ въ нѣкоторыхъ предметахъ, явленіяхъ, ве-

дотворенія, простиравшіяся до воскрешенія мертвыхъ, до воскрешенія четверодневнаго смердящаго Лазаря, производили впечатлѣніе, что въ Немъ сокрыто божественное всемогущество. Его собственное воскресеніе изъ мертвыхъ и явленія послѣ этого многимъ и разнымъ лицамъ породили неодолимое впечатлѣніе, что Онъ самъ въ себѣ жизнь и источникъ жизни. Наконецъ Его вознесеніе на небо, на глазахъ всѣхъ учениковъ, не могло не сопровождаться впечатлѣніемъ, что Онъ восходитъ къ Отцу своему и Богу, чтобы возвестъ въ своемъ человечествѣ одесную Бога, одесную Его силы и славы.

Если-же Онъ, во время земной жизни своей, не на всѣхъ производилъ впечатлѣніе заключающейся въ Немъ полноты божественныхъ совершенствъ, силы и славы, то не потому, чтобы въ Немъ былъ какой-либо недостатокъ этихъ совершенствъ, но потому что въ сознаніи свидѣтелей былъ недостатокъ пріемлемости. Фарисеи видѣли Его чудеса и только блазились, да злоумышляли, въ своей слѣпотѣ и ожесточеніи; тогда какъ апостолы и другія простыя сердца видѣли въ Его чудотвореніяхъ Божію силу. По воскресеніи Онъ являлся не всѣмъ іудеямъ, а только избраннымъ своимъ свидѣтелямъ, но и симъ послѣднимъ по мѣрѣ-же ихъ пріемлемости; для увѣренія ихъ чувственности, ѣлъ и пилъ предъ ними, въ чемъ по воскресеніи и прославленіи воскресшаго своего тѣла самъ уже не нуждался; нѣкоторые видѣли Его по воскресеніи и сомнѣвались, дѣйствительно-ли видятъ Его воскресшаго; другіе видя не видѣли, пока души ихъ не возгрѣвались, пока внутреннія очи не просвѣтлялись до той степени, чтобы и внѣшнія очи ихъ узрѣли и признали Его. Для воскресшаго бесплодно было и являться фарисеямъ и прочимъ ожестѣлымъ іудеямъ потому, что все равно плотскія очи ихъ безсильны были узрѣть и признать Его въ Его воскресшемъ, одухотворенномъ, прославленномъ тѣлѣ. Почему по воскресеніи не явился Онъ никому во свѣтѣ ваворскомъ? Безъ сомнѣнія потому, что къ сему въ это время никто изъ учениковъ Его не былъ подготовленъ. И на горѣ Фаворѣ Онъ явилъ славу свою не всѣмъ ученикамъ, а только тремъ избраннѣйшимъ, и явилъ столько, якоже можаху вмѣстити; явилъ при двухъ премірныхъ свидѣтеляхъ, которые, во время земной жизни своей, также видѣли, одинъ на горѣ Синаѣ, другой на горѣ Хоривѣ, столько-же славы Божіей, якоже можаху вмѣстити своимъ браннымъ естествомъ. А вотъ апостолъ Павелъ заслужилъ, своими достоинствами и недостатками, чтобы въ видѣніи на

пути въ Дамаскъ свѣтъ явившагося ему Христа облисталъ его съ нѣкоторымъ избыткомъ, чтобы за его добро просвѣтитъ его душевныя очи, а за содѣянное и преднамѣренное зло и ослѣпить очи тѣла его и ослѣпить такъ, что онъ до конца жизни былъ пораженъ мучительною, какъ думаютъ, офѣалміею. Наконецъ и возлюбленному ученику своему Іоанну въ откровеніи явилъ Господь своей славы столько, что Іоаннъ палъ къ ногамъ Его, яко мертвъ, и слышалъ, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ сихъ таинственныхъ откровеній, гласъ Господа глаголющій: *Азъ есмь алфа и омега, первый и послѣдній, и живой и быхъ мертвъ, и се живъ есмь во вѣки вѣковъ. Аминь. Азъ есмь алфа и омега, начатокъ и конецъ, первый и послѣдній* (Апок. 1, 17—18; 22, 13). Безъ всякаго сомнѣнія и въ загробной жизни, въ раю небесномъ, самимъ праведникамъ Господь будетъ раскрывать свои непредѣльныя совершенства, по мѣрѣ пріемлемости каждаго, хотя въ небѣ мы и будемъ созерцать небесное *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12), и узримъ Христа Спасителя нашего, *якоже есть* (1 Іоан. 3, 2); тогда какъ въ мрачномъ аду, во тмѣ кромѣшной, грѣшники вовсе лишены будутъ лицезрѣнія Божіихъ совершенствъ, по причинѣ своего недостойнства, по причинѣ полной неподготовленности своей къ ихъ воспріятію. Потому-то и во время земной жизни, въ прощальной бесѣдѣ своей съ апостолами, на дѣтское прошеніе апостола Филиппа: *Господи! покажи намъ Отца, и доволѣетъ намъ,— глагола ему Иисусъ: толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене Филиппе? Видѣвый Мене видѣ Отца. И како ты глаголеши: покажи намъ Отца? Не вѣруеши-ли, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мня* (Іоан. 14, 8—10)? Въ ту минуту апостолъ Филиппъ пока еще не былъ способенъ полнѣе и совершеннѣе узрѣть ни Отца небеснаго въ Его Сына Богочеловѣка, ни Божество самаго Богочеловѣка въ Его человечествѣ.

Потому-то въ Богочеловѣка Христа Иисуса и вселилась полнота Божества тѣлесно, чтобы съ одной стороны въ человечествѣ Иисусовомъ открывалась нужная каждому мѣра Божескихъ совершенствъ для посильнаго подражанія Богу; а съ другой стороны, чтобы безмѣрность славы божественной закрыта была, для нашихъ бранныхъ очей, человеческимъ тѣломъ Христовымъ, чтобы не поглотить нашу брнность огнемъ Божества; чтобы съ одной стороны приблизить Божество къ

человѣку наиполнѣйшимъ образомъ, а съ другой, и держать человѣка въ нѣкоторомъ благотворномъ для него отдаленіи отъ Божества.

Теперь для насъ, въ нашей жизни, лучшій способъ просвѣтить свои очи настолько, чтобы они зрѣли Бога во Христѣ, это—вселить Христа въ сердца наши, вселить полноту Божества Его не только въ душу, но и въ тѣло наше, причащеніемъ Его тѣла и крови въ божественной евхаристіи и подражаніемъ Ему въ святости. Тогда полнота Божества Его скажется и въ нашемъ сердцѣ непреодолимо. Тогда и сами мы будемъ имѣть полноту въ Немъ, будемъ составлять нѣкоторое восполненіе свое въ Немъ, какъ члены тѣла Его въ своей главѣ. Онъ нашъ начатокъ, чтобы въ Немъ обитала всякая полнота (Кол. 2, 18—19), въ устроеніе полноты и во времени, дабы все небесное и земное соединилось подъ главою Христомъ. Безмѣрнымъ величіемъ могущества и державной силы своею Богъ Отецъ воздѣйствовалъ во Христѣ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ и посадивъ одесную себя на небесахъ, превыше всякаго начальства и власти и силы и господства, и всякаго имени, именуемаго не только въ семъ вѣкѣ, но и во грядущемъ, и все покорилъ подъ ноги Его, и поставилъ Его превыше всего главою церкви, которая есть тѣло Его, полнота исполняющая всяческая во всѣхъ (Ефес. 1, 19—23). Онъ все наполняетъ собою, своими безпредѣльными совершенствами, безмѣрною своею силою; а въ Немъ, какъ во главѣ, и мы, какъ члены тѣла Его, прискреннѣ приобщившіеся плоти и крови и духу Его, имѣемъ надежду приобщиться и божественнымъ совершенствамъ Его. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи священника градской Свято-Николаевской церкви въ Новочеркасскѣ Ѳеодора Таирова.

Не судите, да не судимы будете. Имже бо судомъ судите, судятъ вамъ; и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ,—глаголетъ Господь. (Матѣ. 7, 1—5).

Сею ради безотвѣтенъ еси, о человѣче всякъ судій. Имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаши (Рим. 2, 1—5),—учить великій апостолъ Христовъ.

Всѣ хорошее внушается и раскрывается въ евангеліи съ великою настойчивостію. Но немногое выясняется съ такою настойчивостію, какъ эта заповѣдь Христова: *не судите, да не судимы будете.*

Раскрываемъ святое евангеліе отъ Луки. Опускаемъ многое сюда относящееся, но останавливаемся на слѣдующемъ повѣствованіи: по семъ пошелъ Иисусъ и увидѣлъ мытаря, именемъ Левія, сѣдѣщаго у мытарни своей—заставы, гдѣ собирали налоги; а мытари считались и были большими грѣшниками. И говоритъ ему Иисусъ: иди за Мною. И Левій, оставивъ все, вставъ пошелъ за Нимъ и былъ единымъ изъ двоюнадесяти апостоловъ. И сотворилъ Левій Иисусу учрежденіе веліе въ дому своемъ; и много было тутъ мытарей, и иныхъ, которые возлежали съ Иисусомъ. И роптали книжники на Него и фарисеи, говоря ученикамъ Его: зачѣмъ вы съ мытарями и грѣшниками ѣдите и пьете? И отвѣщавъ Иисусъ говоритъ имъ: не требуютъ здравіи врача, но болящій. Не придохъ призвать праведныхъ, но грѣшныхъ въ покаяніе (Лук. 5, 27—32). Грѣшники—больные, а Я врачъ, они дороги моему сердцу; а праведникамъ, такимъ какъ вы, книжники и фарисеи, Я не нуженъ.

Вообще евангеліе настаиваетъ на той мысли, что судъ Божій часто бываетъ совершенно противоположенъ суду человѣческому: человѣческій судъ имѣетъ нерѣдко повидимому всѣ основанія для осужденія,

но оказывается, что судъ Божій оправдываетъ осуждаемое, и осуждаетъ оправдывающееся.

Смотримъ въ св. евангеліе дальше. Просилъ Иисуса нѣкій изъ фарисеевъ, по имени Симонъ, откушать у него. И вшедши въ домъ фарисея, Иисусъ возлегъ. И вотъ жена въ томъ городѣ, которая была грѣшница, узнавъ, что Иисусъ возлежитъ въ хramинѣ фарисея, принесши алавастръ мвра, и ставъ при ногахъ Иисуса созади, плача начала умывать ноги его слезами и власами главы своей отирала и лобызала ноги Его и мазала мвромъ. Видѣвъ это пригласившій его фарисей, по фарисейскому обычаю, соблазнился и самъ въ себѣ говоритъ: если-бы сей былъ пророкъ, то Онъ вѣдалъ-бы, кто и какая жена прикасается Ему, такъ какъ она грѣшница. Извѣстно, какъ Господь обличилъ этотъ фарисейскій помыслъ: послѣ притчи о двухъ должникахъ, изъ которыхъ заимодавецъ простилъ одному больше, а другому меньше за большую и меньшую любовь, Господь говоритъ фарисею: видиши-ли сію жену? Я вошелъ въ домъ твой (какъ гость по твоему приглашенію), а ты воды на ноги мои не далъ, сія-же слезами облила Мнѣ ноги и власами главы своей отерла; ты лобзанія Мнѣ своему гостю не далъ, а она не переставала цѣловать мои ноги; масломъ главы моея ты не помазалъ, а она мвромъ—не масломъ помазала Мнѣ ноги—не голову. Сего ради глаголю тебѣ: отпускаются грѣхи ея многіе, яко возлюбилъ много—такъ какъ въ ней любви много; а кому мало оставляется, тотъ—значить—меньше любить, потому что мало имѣлъ любви. А женѣ рече: отпускаются тебѣ грѣхи, вѣра твоя спасла тебя, иди въ миръ (Лук. 7, 36—50).

Читаемъ въ св. евангеліи отъ Луки далѣе: приближались къ Нему всѣ мытари и грѣшники послушать Его. И роптали фарисеи и книжники говоря, что Онъ принимаетъ и ѣсть съ ними.

Рече-же къ нимъ притчу сію... Извѣстно, что Господь отвѣтилъ имъ на этотъ разъ тремя притчами о единой заблудшей овцѣ и девяти потерянныхъ драхмъ и девяти потерянныхъ, и наконецъ притчею о двухъ сынахъ у чловека нѣкого, единомъ распутномъ и другомъ праведномъ. Притчи извѣстны. Но остановимся въ послѣдней притчѣ на старшемъ праведномъ сынѣ, именно на томъ, что когда сказали ему, что братъ твой пришелъ, и отецъ дѣлаетъ пиръ на радости, что здоровымъ его принялъ, старшій братъ, родной братъ—замѣтите, разгнѣвался и не хотѣлъ войти; отецъ-же

его изшедши умолялъ его. Онъ-же говоритъ въ отвѣтъ отцу: вотъ столько лѣтъ работаю тебѣ, и никогда заповѣди твоей не преступилъ, и мнѣ никогда не далъ ты козленка, чтобъ я съ своими друзьями возвеселился. Егда-же сынъ твой сей, изъядый твое имѣніе, пришелъ, ты заклалъ ему тельца упитаннаго. Отецъ-же говоритъ ему: чадо!... Ты всегда со мною, и все мое—твое (напрасно жалуешься, что я тебѣ не давалъ). Возвеселиться-же и возрадоваться слѣдовало потому, что братъ твой—братъ твой сей! мертвъ былъ и ожилъ, и изгибалъ было и нашелся. Здѣсь Господь не сказалъ ни единого укоризненнаго слова сему старѣйшему, грубому, непокорному сыну, жестокому брату. Но не такъ отнесся Онъ къ лукавому наемнику въ притчѣ о дѣлателяхъ въ виноградѣ, наемнику, который изображенъ въ притчѣ, какъ точное отраженіе этого старѣйшаго сына. Извѣстно, что когда работники, нанятые въ первый часъ по пѣнязю за дневное дѣланіе въ виноградѣ, получили отъ господина по пѣнязю, какъ и было условлено, тогда какъ онъ всѣмъ и позже нанатымъ и мало работавшимъ дѣлателямъ далъ также по пѣнязю, и когда тѣ—первые стали роптать на него, говоря, что сіи послѣдніе, нанятые уже вечеромъ, работали только одинъ часъ, и ты сравнивалъ ихъ съ нами, понесшими всю тягость цѣлаго дня и зной,—господинъ отвѣчалъ одному изъ роптавшихъ: другъ мой, я не обижаю тебя: не по пѣнязю-ли ты уговорился со мною? Возьми твое и иди. Но я хочу и сему послѣднему дать, какъ и тебѣ. Или мнѣ нельзя сотворить, что хочу, съ моею собственностію? Ужели око твое лукаво отъ того, что я благо? Тако будутъ,—заключаетъ Спаситель эту притчу,—послѣдніи первыми, и первіи послѣдними (Матѣ. 20, 1—16).

Сряду-же послѣ притчи о блудномъ сынѣ глагола Господь ко ученикомъ своимъ притчу другую: былъ нѣкій богатый чловекъ, который имѣлъ приставника-управителя. И внесено было на управителя, что онъ расточаетъ хозяйскія имѣнія. И пригласивъ его, хозяинъ говоритъ ему: что вотъ я слышу о тебѣ? Дай отчетъ объ управленіи домомъ: впредь ты не можешь управлять домомъ. Вотъ управитель говоритъ самъ въ себѣ: что мнѣ дѣлать, что господинъ отнимаетъ управленіе домомъ у меня? Копать не могу, просить стыжусь. А, понялъ, что дѣлать для того, чтобы, когда оставленъ буду отъ управленія домомъ, приняли меня въ дома свои. И призвавъ поодиначкѣ каждаго изъ должниковъ господина своего, говоритъ первому: сколько ты дол-

женъ господину моему? Тотъ отвѣчаетъ: сто мѣръ масла. И говоритъ ему управитель: возьми свою росписку, и сядь сейчасъ-же напиши— пятьдесятъ. Потомъ говоритъ другому: ты-же сколько долженъ? Тотъ отвѣчаетъ: сто мѣръ пшеницы. И говоритъ ему: возьми свою росписку и напиши восемьдесятъ. И узнавъ это, похвалилъ самъ господинъ дому управителя неправеднаго, что онъ мудро поступилъ. И Авъ,— заключаетъ Спаситель,— вамъ глаголю: сотворите себѣ друзей отъ мамоны неправды, дабы, когда вы оскудѣете, они приняли васъ въ вѣчные кровы. — Толковники крайне затруднены изъясненіемъ этой притчи. Однако-же, чтобъ это значило въ приложеніи къ данному случаю? А вотъ что: будьте снисходительны, если желаете себѣ снисхожденія отъ Бога. Прощайте другихъ, если желаете себѣ прощенія. Извиняйте даже грѣшное въ другихъ, если хотите, чтобы Господь не вѣдѣлъ вамъ ваши грѣхи. И не часто-ли видимъ мы въ церковной практикѣ тотъ фактъ, что къ духовникамъ, этимъ приставникамъ въ домѣ Божіемъ, могущимъ спострадати немощамъ немощныхъ, идутъ на исповѣдь охотно, чѣмъ къ духовникамъ строгимъ праведнымъ. Сотворите себѣ друзей отъ мамоны неправды, отъ достоянія Божія, вамъ только врученнаго въ управленіе — отъ власти вязать и рѣшать, прощайте, разрѣшайте, дабы, егда оскудѣете — когда придется вамъ самимъ давать отчетъ предъ Богомъ, нашли вы многихъ и многихъ за себя молитвенниковъ, которые своею молитвою примутъ васъ подъ кровъ свой и покроютъ ваши собственные грѣхи. Оправдывайте,— заключаетъ всю эту рѣчь Спаситель,— не себя, а другихъ: вы,— обращалъ Онъ свое слово все къ тѣмъ-же фарисеямъ,— оправдываете себя предъ людьми, и достигаете цѣли потому, что судъ человѣческій близорукъ. Но Богъ вѣсть сердца ваши и судить вопреки суду человѣческому, такъ какъ то, что есть въ людяхъ или считается между людьми высоко, то мерзость есть предъ Богомъ (Луки главы 15 и 16).

Было-бы грѣшно пройти молчаніемъ извѣстную притчу о мытарѣ и фарисеѣ. Эту притчу говорилъ Господь уповающимъ собою — надѣющимся на себя, что они суть праведники, и уничижающимъ прочихъ. Вникнемъ въ каждое Божественное слово: два человѣка вошли въ церковь помолиться: одинъ фарисей, а другой мытарь. Фарисей-же, ставъ, такъ молился въ себѣ самомъ: Боже, хвалу Тебѣ воздаю, яко нѣсмь — я не таковъ, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь. Пошуся два раза въ недѣлю, десятину

даю всего, сколько приобрѣту. Мытарь-же, стоя издавеча, не хотѣлъ ни очей возвести на небо; но билъ въ перси свои говоря: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику. Глаголю вамъ,— заключаетъ Учитель, истинно по единой сей притчѣ божественный, — глаголю вамъ: яко сниде сей мытарь оправданъ въ домъ свой паче онаго: яко всякъ возносяся смирится, смиряя-же себе вознесется. И прикиньте благоговѣно въ эту божественную кротость божественнаго приговора! Обыкновенно проповѣдники-толковники этой притчи рѣзкими выраженіями порицаютъ фарисея. Нѣтъ, божественное слово чуждо рѣзкой укоризны. Фарисей — дѣйствительно человѣкъ порядочный, онъ передъ Богомъ не лжетъ, прославляя свои добродѣтели; тѣмъ не менѣе всякъ возносяся смирится, смиряя-же себе вознесется: сей мытарь, смиренный грѣшникъ, вышелъ изъ храма оправданъ паче — больше онаго гордаго праведника, праведника въ своихъ собственныхъ очахъ (Лук. 18, 9—14).

Но осторожность въ самовосхваленіи! Особенно-же осторожность въ осужденіи ближнихъ, въ истребованіи отъ нихъ тѣхъ долговъ, которыми они должны намъ. Сей осторожности поучаетъ насъ сей вопросъ Петра апостола Господу Иисусу: Господи! Сколько разъ я долженъ простить, если согрѣшилъ противъ меня братъ мой, долженъ-ли простить его до семи разъ? — И сей отвѣтъ Господа Петру: не говорю тебѣ — до семи разъ, но до семидесяти разъ седмицею (умноженныхъ на семь). Въ этомъ смыслѣ,— объясняетъ Господь свой отвѣтъ притчею,— царство небесное подобно царю, который захотѣлъ потребовать отчета у рабовъ своихъ. И вотъ привели къ нему одного должника, который былъ долженъ ему десять тысячъ талантовъ — сумму громадную. Такъ какъ должникъ не имѣлъ чѣмъ отдать, царь повелѣлъ продать его и жену его и дѣтей и все, что онъ имѣлъ, и заплатить. Вотъ рабъ тотъ палъ ему въ ноги, кланяясь и говоря: господи! потерпи на мнѣ, и все тебѣ воздамъ. Умилосердившись-же надъ рабомъ тѣмъ, царь простилъ его и долгъ отпустилъ ему. Вышедши-же отъ господина, рабъ той нашелъ единаго изъ клевретовъ — друзей, товарищей своихъ, который былъ долженъ ему сто пѣнязей, и схвативъ его за горло сталъ душить, говоря: отдай мнѣ, что ты мнѣ долженъ! И вотъ, падши на ноги его, клевретъ его умолялъ его, говоря: потерпи на мнѣ и все воздамъ тебѣ. Онъ-же не хотѣлъ потерпѣть, но отведши посадилъ его въ тюрьму, пока воздастъ должное. Видѣвши-же случившееся, клевреты — товарищи его, пожалѣли крѣпко и пришедши

разказали господину своему все бывшее. Тогда, призвавъ того раба, господинъ его сказалъ ему: рабъ лукавый! Весь долгъ тотъ я отпустилъ тебѣ, такъ какъ ты умолилъ меня. Не подобало-ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ и я тебя помиловалъ?! И прогнѣвавшись, господинъ его предалъ его мучителямъ, пока отдастъ весь долгъ свой. Бѣдная, жалкая, и жестокая и потому не стоящая сожалѣнія тварь — человѣкъ! Самъ неоплатный должникъ предъ безпредѣльною правдою Божіей! И нуждается въ милосердіи именно безпредѣльнымъ! И въ тоже время безпощадно судить ближняго, который, по его расчету, чего-то сравнительно съ его самомнительною праведностію не долѣлалъ для него, что долженъ-бы сдѣлать! Тако и Отецъ мой небесный сотворить вамъ, — заключилъ Господь сію грозную притчу свою, — аще не отпустите кѣждо брату своему отъ сердець вашихъ прегрѣшенія ихъ.

Осужденіе ближнихъ вредно осуждающимъ, а осуждаемымъ благотворно. Блажени есте, егда поносятъ вамъ... Горе вамъ, аще добре рекутъ о васъ вси человѣцы.. Благотворно осуждаемымъ потому, что они, чувствуя за собою вину, стараются загладить ее такими или другими добрыми дѣлами, какъ показываетъ исторія Закхея мытаря, который былъ старѣйшиною мытарей и былъ богатъ — нажилъ, какъ називались мытари, который, будучи малъ ростомъ, извѣстно, лазилъ на дерево, чтобъ видѣть Іисуса, когда будетъ проходить, и когда Іисусъ, проходя, сказалъ ему: Закхей! поспѣши слѣзть, ибо днесъ въ дому твоёмъ подобаетъ Мнѣ быть, — поспѣшилъ слѣзть и принялъ Его съ радостію. И увидѣвъ это, всѣ роптали, говоря, что Іисусъ пошелъ посѣтить грѣшнаго человѣка. Но, зная всенародное мнѣніе о себѣ, Закхей ставъ рече ко Господу: се полъ-имѣнія моего, Господи, раздамъ нищимъ, и если кого чѣмъ обидѣлъ, возвращу четверницею (Луки 19, 1—11).

Особенно-же благотворно для осуждаемыхъ осужденіе, соединенное съ тяжкою карою закона, такъ какъ она особенно очищаетъ ихъ душу огнемъ душевнаго-ли, вещественнаго-ли страданія, что св. евангеліе (Іоан. 8, 1—11) подтверждаетъ исторію жены этой во грѣхѣ, которую тѣже книжники и фарисеи имѣли жестокость привести къ Іисусу и въ обвиненіи всенародно въ храмѣ съ тою цѣлію, чтобъ имѣть что-либо возглаголатъ противъ Него самаго Іисуса, — не важно, въ виду такой важной цѣли, что терзается всенароднымъ позоромъ и адскими муками предсмертныхъ страховъ бѣдная

женщина! — Привели и съ фарисейски-точною законностію говорятъ: Учителю, сія жена ята есть нынѣ... Въ законѣ-же намъ Моисей повелѣлъ таковыхъ каменіемъ побивать: ты-же что глаголеши? Извѣстно, что возглаголалъ не соглашавшійся съ ихъ свирѣпымъ лукавствомъ Господь: кто безъ грѣха въ васъ, тотъ прежде кинь камень на нее. Они-же, услышавъ и совѣстію обличаемые, что сами грѣшны..., въ томъ-же грѣшны, въ чемъ обличаютъ сію грѣшницу..., единъ по единому вышли, начиная со старцевъ (старыхъ грѣховодниковъ) до послѣднихъ — до молодыхъ: и остался единъ безгрѣшный Іисусъ, и грѣшная жена посреди храма. И безгрѣшный не осудилъ грѣшную, но глубоко несчастную: жено! — изрекъ Онъ, — гдѣ суть, иже важдуху на тя? Ужели никто тебя не осудилъ? Сама своей жизни не вѣря, она убито-смирненно отвѣчаетъ: никто-же, Господи! Передъ окомъ, проникающимъ сердца, не нашлось ни единого сердца чистаго. И чистѣйшій сердцемъ Іисусъ говоритъ ей кротко, хотя и внушительно: и Я тебя не осуждаю (конечно, чистое божественное око видѣло, какія подползающія коварно или гнетущія неволею причины увлекли несчастную въ бездну паденія): иди отселѣ, ктому не согрѣшай, — намучилась, вынесла муки тягчайшія самой смерти — это всенародное посрамленіе, этотъ всенародный приговоръ на позорную и ужасную смерть, эти предсмертные ужасы, въ тысячу разъ для живаго чувства ужаснѣйшіе дѣйствительной смерти, — помни-же и впредь не грѣши; да не горше ти что будетъ. И эти душевные муки очистили душу преступной мученицы до того, что самъ божественный Судія изрекъ: ни Азъ тебе осуждаю. — Поношеніе, соединенное съ тяжкою карою или даже грозой закона, есть тяжкая очистительная мука. Судъ людской немилостивъ, говоръ злыхъ языковъ безпощаденъ, такъ что одинъ изъ подвергавшихся подобной карѣ на нашемъ вѣку выразился глубоко-психологически, что „страхъ человѣческій большую имать муку, нежели страхъ Божій“. Поношеніемъ на землѣ Отецъ небесный наказуетъ насъ за грѣхи наши на пользу, да причастимся святыни Его (Евр. 12, 10). А что осужденіе вредно осуждающимъ, это видно изъ словъ одного апостола: имже судомъ судиши друга, себе осуждаеши: таже бо твориши судяй (Римл. 2, 1), объясняемыхъ словами другаго апостола: иже бо весь законъ соблюдеть, согрѣшитъ-же во единомъ, бысть воѣмъ повиненъ. Ибо тотъ кто изрекъ: не прелюбы сотвориши, Онъ-же изрекъ: и не убіеши, аще-же не прелюбы сотвориши, убіеши... Судъ безъ ми-

лости не сотворшему милости, и хвалится милость на судѣ (Іак. 2; 10—13). Осуждающему ближняго Господь скажетъ на послѣднемъ судѣ: *отъ устъ твоихъ суждеу тѣя*. Замѣчательно, что, по слову Спасителя, на страшномъ судѣ не спросятъ насъ, были-ли вы святы и праведны, а спросятъ, жалѣли-ли вы ближняго: взалкахъ бо и дасте Ми ясти и т. п. А это уже первѣйшій долгъ жалости къ ближнему — не осуждать его: еще бо отпускаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный. Аще-ли не отпускаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ (Мат. 6, 14—15). Умиралъ одинъ грѣшный братъ монахъ, и окружающая братія видѣла, что онъ издалъ послѣдній вздохъ не только съ великимъ спокойствіемъ, но съ улыбкою радости. И смутились зрѣвшіе. И вотъ одному праведному старцу было откровеніе: оттого грѣшный братъ отходилъ къ Богу радуясь, что въ жизни никого не осуждалъ.

Прости намъ, любезный собратъ, что мы осмѣлились у гроба твоего поучиться не осуждать нашихъ ближнихъ себѣ въ осужденіе. Обязанные нашимъ положеніемъ предстоятеля честнаго сонма служителей Божіихъ, стекшихся *) честно отдать тебѣ послѣдній братскій долгъ, — обязанные сказать тебѣ напутственное похвальное слово намъ въ назидаіе, мы не могли исполнить сей долгъ. Не могли по двумъ причинамъ, — потому что ты въ эти первыя грозныя для всѣхъ минуты загробной жизни, представъ неумытному суду Божію, конечно — жаждешъ отъ всѣхъ больше молитвъ, чѣмъ похвалъ истинно-добрымъ качествамъ твоей души; но особенно потому, что по новости нашего пребыванія въ семъ Богоспасаемомъ градѣ мы не знаемъ твоей жизни. Слышали мы, что ты много въ жизни страдалъ и отъ человѣческихъ клеветъ... Вѣруемъ, что если ты терпѣлъ отъ Бога наказаніе, то Богъ обрѣтался тебѣ яко Отецъ, а ты Ему яко сынъ. Всякое наказаніе во время настоящей жизни не мнится радость быти, но печаль; послѣд же воздаетъ мирный плодъ правдѣ (Евр. 12, 11). Вѣруемъ, что страданіемъ душа твоя очищена, яко злато въ горнилѣ. А вотъ слышали и знаемъ, что Господь послалъ тебѣ истинно христіанскую кончину. Видимъ, что Господь почтилъ тебя честнымъ христіанскимъ іерейскимъ погребеніемъ, — желая и моля у Господа Бога и себѣ подобнаго-же. Вѣ-

*) Къ сожалѣнію и изумленію весьма не усердно.

руемъ, что ты приступаешь теперь къ премірному престолу благодати. Молитва къ Богу тебѣ дѣло привычное, а теперь въ отрѣшеніи бодраго духа отъ немощной плоти и легкое. Моли Бога о насъ, отче святыи. И наша общая всецерковная молитва о тебѣ да поддержитъ и направитъ твою премірную молитву о нашей немощи, да тако совокупленные во едино, какъ члены единого тѣла церкви зѣмной и небесной, подкрѣпимъ другъ друга въ восхожденіи къ единому нашему горнему отечеству. Прости и разрѣши насъ, любезный братъ, теперь горній премірный іерей Бога Вышняго, какъ и мы молимъ Бога о прощеніи и разрѣшеніи твоихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній и объ упокоеніи тебя въ обителяхъ небесныхъ. Аминь.

1871 г.

ПОСЛАНИЕ

совѣту одесскаго братства св. Андрея Первозваннаго.

Къ сожалѣнію, въ истекающемъ 1890 году, въ торжественномъ засѣданіи братства я предсѣдательствовать не могу, по тяжкой, не поддающейся цѣленію, болѣзни, вслѣдствіе полного упадка силъ. Но по той-же причинѣ, считаю долгомъ вскинуть мои очи назадъ, на прошедшее братства, и сказать мое слово, по всей вѣроятности, прощальное, о его благотворной дѣятельности.

Къ истинному утѣшенію, не могу не признать, какъ признавалъ и всегда, что братство св. Андрея первозваннаго было спервоначала и остается до конца учрежденіемъ не номинальнымъ только, но выставочнымъ, не показнымъ, а дѣловымъ, поставившимъ себѣ широкія и благотворныя задачи, стойкимъ въ стремленіи къ намѣченнымъ цѣлямъ, дѣльнымъ, благотворнымъ и благоплоднымъ.

Открытое 26 августа 1880 года одесское братство поставило себѣ цѣлью принимать возможныя мѣры къ поддержанію и распространенію въ народѣ здраваго православнаго христіанскаго ученія и противодѣй-

ствовать всякаго рода заблужденіямъ, искажающимъ ученіе св. православной церкви ко вреду ея и государства.

Для достиженія этой цѣли, братство, въ періодъ своего 10-лѣтняго существованія, принимало разныя мѣры и средства, постоянно развивая свою дѣятельность. Въ первые два года дѣятельность его ограничивалась лишь распространеніемъ листовъ и брошюръ по приходамъ епархіи; на третій году существованія въ немъ созрѣла мысль о необходимости дѣйствованія на народъ, особливо въ мѣстахъ, зараженныхъ сектантствомъ, устными собесѣдованіями; но эта мысль не могла быть сразу осуществлена въ необходимой полнотѣ и широтѣ; — на первыхъ порахъ братство ограничилось въ осуществленіи этой мысли лишь тѣмъ, что поручило одному лицу изъ мірянъ вести пренія въ мѣстахъ епархіи, зараженныхъ штундизмомъ. Въ 1884⁴/₅ году братство имѣло уже въ своемъ распоряженіи организованную миссію и пользовалось услугами специальныхъ противуштундистскихъ миссіонеровъ. Съ этого времени миссіонерство въ епархіи постепенно все болѣе и болѣе развивалось. Совмѣстно съ дѣятельностію противуштундистскихъ миссіонеровъ, братствомъ призвано къ миссіонерской дѣятельности и приходское духовенство. Въ послѣдніе три года миссіонерство въ епархіи значительно разрослось и благоустроилось. Въ большинствѣ приходовъ неопустительно проповѣдуется приходскими священниками слово Божіе по всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; ведутся внѣ-богослужебныя и внѣ-церковныя собесѣдованія; большинство приходскихъ священниковъ проявляетъ настойчивую пастырскую дѣятельность въ дѣлѣ охраненія православнаго народонаселенія своихъ приходовъ отъ вліянія сектантовъ и ослабленія самаго сектантства. Особенно замѣчательнъ послѣдній 1889⁹/₉₀ годъ въ дѣлѣ развитія миссіонерства въ херсонской епархіи. Ни въ одномъ изъ предшествующихъ годовъ братство не имѣло болѣе четырехъ противусектантскихъ миссіонеровъ, а въ послѣднемъ годѣ число ихъ сразу увеличилось до 8; противусектантская-же дѣятельность приходскихъ священниковъ ознаменовалась въ этомъ годѣ небывалыми еще въ лѣтописяхъ братства фактами. До 100 человекъ штундистовъ возвращено въ православіе пастырскою дѣятельностію *только двухъ приходскихъ священниковъ*. Многочисленны случаи возвращенія штундистовъ въ православную церковь, обязанные пастырской дѣятельности и другихъ приходскихъ священниковъ. Способствуя развитію миссіонерства, братство

не оставляло. просвѣщать народъ и воспитывать его въ духѣ православно-христіанскаго ученія и путемъ распространенія листовъ и брошюръ: въ послѣдніе пять лѣтъ оно распространило въ народѣ болѣе 200 названій листовъ и брошюръ въ числѣ около 1-го милліона экземпляровъ.

Для лучшаго достиженія своихъ цѣлей, братство въ послѣдніе три года предприняло изданіе св. иконъ и св. изображеній; а въ послѣдніе два года изданіе великознаменныхъ пѣснопѣній и, кромѣ того, въ послѣдній годъ приняло на себя заботу о поддержаніи церковно-приходскихъ школъ въ епархіи, объ изданіи учебниковъ и учебныхъ пособій для таковыхъ школъ и объ учрежденіи церковно-общественныхъ библиотекъ для чтенія народа и складовъ для распространенія книгъ, иконъ и картинъ религіозно-нравственнаго и патріотическаго содержанія.

Развитіе дѣятельности братства въ послѣдніе пять лѣтъ выразилось еще въ устройствѣ ежегодныхъ миссіонерскихъ съѣздовъ въ Одессѣ. Эти съѣзды, давая возможность миссіонерамъ къ обмѣну мыслями и свѣдѣніями по общему ихъ дѣлу, вмѣстѣ съ тѣмъ давали имъ возможность получать отъ совѣта братства подробные руководственные совѣты и указанія и въ свою очередь знакомили совѣтъ со многими сторонами и явленіями религіозно-церковной жизни населенія епархіи, подробное и обстоятельное знакомство съ которыми весьма важно и необходимо для успѣшнаго достиженія цѣлей братства. Въ этомъ отношеніи имѣетъ особенную важность съѣздъ миссіонеровъ, бывшій въ текущемъ 1890 году.

Въ послѣдніе пять лѣтъ значительно возросли и денежные средства братства. Еще въ 1884 г. неприкосновенный капиталъ братства состоялъ только изъ 2800 р., а къ концу сего 1890 г. онъ возросъ до 17000 руб.

Въ виду такой отрадной, крѣпкой, возбуждающей надежды дѣятельности братства, считаю долгомъ выразить всѣмъ покровителямъ его, всѣмъ членамъ, какъ и въ частности предсѣдателю совѣта онаго, неустанному труженику, ректору семинаріи, высокочтимому о. протоіерею Мартирію Чепенѣ мою самую глубокую благодарность. Отъ всего сердца призываю благословеніе Господне на возрастающую дѣятельность братства. Моля Бога, надѣюсь, что дѣятельность братства будетъ возрастать, шириться и крѣпнуть на многіе и многіе годы

безъ конца. Надѣюсь, что его поддержать дѣйствительнымъ сочувствіемъ не одни только члены духовенства, но и всѣ благочестивые христіанскіе сыны и дщери херсонско-одесской церкви. Надѣюсь, что въ виду его общепросвѣтительнаго для всего края назначенія, въ духѣ вѣры и широкой любви христіанской, ему окажутъ сочувствіе и пособіе богобоязненные души даже другихъ вѣроисповѣданій. Надѣюсь, что братство св. Андрея первозванного въ Одессѣ и ново-открытое крестовоздвиженское въ г. Херсонѣ пойдутъ рядомъ, какъ два родные брата, предъ очами Господними работающе, къ единой цѣли, не ослабляя, напротивъ всячески поддерживая и укрѣпляя святую Божию церковь, устраниаясь духа плоти и міра, памятуя слово св. апостола Павла, что *мудрованіе духовное животъ и миръ, а мудрованіе плотское — вражда на Бога: закону бо Божію не покоряется, ниже бо можетъ. Сущій во плоти Богу угодити не могутъ. Вы нѣсте во плоти, но въ дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ. Аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еговъ. Елицы бо Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи. И самый Духъ тогда спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божіи. Аще же чада, то и наследники, наследники убо Богу, наследники же Христу, представленные на то, чтобы быти намъ сообразными образу Сына Божія, яко быти ему первородну во многихъ братіяхъ* (Рим. 8, 5—29) и во всѣхъ христіанскихъ братствахъ.

Прощальнымъ своимъ напутственнымъ словомъ напоминаю сіе высокое внушеніе св. апостола Павла, чтобы напомнить нашимъ духовнымъ братствамъ, что они должны быть духовныя, а не свѣтскія; что свѣтскія благотворительныя учрежденія по духу должны слѣдовать нашимъ, а не мы имъ; что мы, какъ и они, обязуемся творить дѣла любви христіанской исключительно во славу Божию, во имя Христова въ поддержаніе церкви Божіей, въ подкрѣпленіе чистаго и строгаго закона евангельскаго, основаннаго на законѣ двойственной любви къ Богу и ближнему; что даже благотворительныя учрежденія, которыя основываются на искаженномъ законѣ философскаго альтруизма, служенія только ближнему, съ забвеніемъ Бога и Христа, церкви и истиннаго евангелія Христова, такія учрежденія болѣе чѣмъ сомнительны въ своей благотворности для православнаго царства и народа. *Аже творите, вся во славу Божию творите.*

2 декабря 1890 г.

ПОСЛАНИЕ

въ день рождества Христа Спаса нашего.

*Слава въ вышнихъ Богу и на земли
миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе.*

Въ сей великій міровой и премірный день небесными ангелами возглашается: слава въ вышнихъ Богу и на всей землѣ миръ и во всѣхъ челоуѣцѣхъ благоволеніе.

День такъ великъ и радостенъ, что даже намекъ на какую-либо частную скорбь неумѣстенъ. Приношу мою глубочайшую душевную благодарность всѣмъ благочестивымъ душамъ, какъ православнымъ христіанамъ, такъ и иновѣрцамъ, возсылавшимъ къ Богу молитвы о моемъ здравіи. Глубоко утѣшенъ не по заслугамъ.

Въ свою очередь, по заповѣди св. апостола Павла, я возношу мои *моленія, прошенія, благодаренія за вся челоуѣки*, во-первыхъ, за присныхъ въ вѣрѣ, какъ особенно состоящихъ въ общеніи вѣры и единой братской молитвы, а во-вторыхъ, и за всѣхъ и за вся, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, Иже всѣмъ челоуѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити.* Челоуѣколюбивый духъ Христовъ не только уполномочиваетъ насъ, но и наставляетъ къ молитвѣ за всѣхъ людей, не только принадлежащихъ къ истинной церкви Христовой, но и чуждыхъ ей, пока мы пребываемъ на сѣмъ свѣтѣ. Но лишь только чуждая истинной церкви Христовой душа отходитъ въ міръ неземной, св. церковь, усугубляя свои молитвы о своихъ, отходящихъ къ Богу, не своихъ, не принадлежащихъ къ общенію ея вѣры и таинствъ, всецѣло предоставляетъ домостроительству правосудія и милосердія Божія.

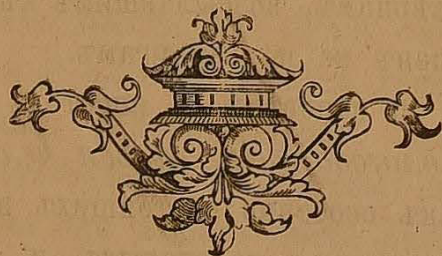

Прошу васъ, богобоязненныя души, помолитесь о мирномъ разрѣшеніи отъ грѣшнаго тѣла грѣшной души многогрѣшнаго архіепископа Никанора.

Да будетъ во вѣки слава въ вышнихъ Богу и на всей землѣ миръ и во всѣхъ человѣцѣхъ Божіе благоволеніе.

25 декабря 1890 г.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

1848

7413

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА